

Евразийский юридический журнал

№ 4 (167) 2022

Редакционный совет журнала

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камилль Абдулович, д.ю.н., профессор, член Постоянной палаты третейского суда (г. Гаага)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)
БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке
БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)
БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)
БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)
ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет)
ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)
ЗОПОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан
КИРИПЕНКО Виктор Петрович, д.ю.н., профессор, (Северо-западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)
КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)
КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)
ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)
ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)
МАУЛЕНОВ Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор (Международный университет информационных технологий, г. Алматы, Республика Казахстан)
МИШАПЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
МУХАМЕТШИН Фаим Баязитович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет)
НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет)
РАГУЛИН Андрей Викторович, доктор юридических наук, доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
САЛИХОВ Гафур Губаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет)
СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)
СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
СМАГУЛОВ Асылбек Айжарыкович, д.ю.н., профессор (Институт законодательства Республики Казахстан)
СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)
ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)
ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва), Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)
ФАРХУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)
ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)
ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)
ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)
ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)
ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России
ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

С 1 марта 2010 международный научно-практический журнал «Евразийский юридический журнал» был включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по юридическим наукам.

С 1 декабря 2015 года «Евразийский юридический журнал» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по трем специальностям: 12.00.00 Юридические науки 08.00.00 Экономические науки 09.00.00 Философские науки (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации).

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежит Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2022

Подписано в печать 28.04.2022
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И.,
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<http://www.eurasialaw.ru>,
<https://www.eurasialegal.ru>

Eurasian Law Journal

№ 4 (167) 2022

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH Igor Mikhailovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Vice-Chairman

BEKYASHEV Kamil Abdulovich, Ph.D. in Law, Professor, member of the Permanent Court of Arbitration (Hague)

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia)

BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)

BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

FAKHRUTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FROLOVA Evgeniya Evgenjevna, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia)

GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

GUSEINOV Abdusalam Abdulkherimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)

ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg))

KIRILENKO Viktor Petrovich, Ph.D. in Law, Professor (North-West Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation)

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MAULENOV Kasim Syrbaevich, Ph.D. in Law, Professor (Saint Petersburg State University of Economics)

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

MUKHAMETSHIN Faim Bayazitovich, Ph.D. in Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

RAGULIN Andrey Viktorovich - Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

SALIKHOV Gatur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State University, Ufa)

SEVALNIKOVA Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)

SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

SMAGULOV Asylbek Yarymowich, Ph.D. in Law, Professor (Institute of the legislation of the Republic of Kazakhstan)

SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)

TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Russian Economic Academy of G.V. Plekhanov (REA))

VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia)

ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

Journal is published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

On December 1, 2015 international scientific and practical journal «Eurasian Law Journal» is included to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of the Ph.D. have to be published, in the fields of:
12.00.00 Legal sciences
08.00.00 Economic sciences
09.00.00 Philosophical sciences
(a List of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

Published since October 2007.

Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2022

Signed for printing 28.04.2022

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –

Farkhutdinov D. I.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasialaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<http://www.eurasialaw.ru>,

<https://www.eurasialegal.ru>

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:

ФАРХУТДИНОВ Линар Илшатович, к.ф.н.

БЕКЯШЕВ Дамир Камилевич, д.ю.н., доцент

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович, к.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

МЕХДИЕВ Эльнур Таджидинович, к.и.н.

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

СОДИКОВ Шарбатулло Джаборович, к.ю.н.

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, к.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

ШАЙДУЛЛИНА Венера Камилевна, к.ю.н., доцент

руководитель интернет-проектов:

ДРЯХЛОВ Сергей Павлович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:

FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogy, Ph.D. in Economics

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences,
Associate Professor

MEHDIEV Elnur Tadjhadinovich, Ph.D. in History

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiaz Gabelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

SHAYDULLINA Venera Kamilevna, Ph.D. in Law, associate professor

head of the internet-projects:

DRYAKHLOV Sergey Pavlovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

Ф. С. Файзуллин:

Социальный потенциал: методология исследования и реализации

Интервью с доктором философских наук, профессором, академиком Академии наук Республики Башкортостан, главным научным сотрудником Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук Фанилем Саитовичем Файзуллиным 14

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Хайдаров Р. Дж.

Формирование трехполярного мира и перспективы обеспечения безопасности в Евразии: взгляд из Таджикистана 17

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Гуреев И. Г., Кривенький А. И.

Конвенционная защита детей от похищения в практике ЕСПЧ 22

Смирнова Е. С.

Лингвистическо-философское обоснование термина «глобализация» в толковании юридической науки 27

Маличенко В. С.

К вопросу становления международно-правового регулирования сферы охраны здоровья 30

Абукарова М. У.

Актуальные проблемы международного права в свете политико-экономического анализа развития российско-американских отношений: теоретические и прикладные аспекты 35

Меликсетян А. Г.

Правовое регулирование сотрудничества государств-членов ЕАЭС в области свободы передвижения трудящихся 37

Федотов Н. Е., Слепцов А. Н.

Правовое регулирование статуса и режима эксплуатации зимних автомобильных дорог Арктики 39

Чэнь Цимэн

Антарктика в китайской Доктрине 42

Хаббабх Аммар

Проблема защиты законных интересов граждан государства в многонациональных корпорациях 44

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Курбатова Г. В., Цибульская Г. З.

Компаративистский анализ рецидива преступлений по законодательству зарубежных стран 47

ПРАВО СТРАН СНГ

Рахимзода М. З.

К вопросу формирования и дальнейшего совершенствования гражданского законодательства Республики Таджикистан в период независимости 49

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Байниязова З. С.

Российская правовая система в цифровую эпоху 54

Дробышевский С. А., Матвеева Л. С., Савенков О. В.

О специфике и критериях качества применения права 57

Митин С. С.

К вопросу о социальной власти 62

Иванец Г. И.

Правовые основы противодействия коррупции в Российской Федерации 66

Ивлиев П. В., Кошелюк Б. Е.

Информационные войны в постиндустриальном обществе 70

Пермяков М. В., Котов В. В., Рачева Н. В.

Разногласия в области классификации юридической ответственности предпринимателей 73

Хаваджи Д. Р., Аметка Ф. А.

Особенности функционирования парламентской оппозиции в некоторых западноевропейских странах 75

Юнусов А. А., Ахвердян А. Г., Булуев Р. Б.

Правовые обязанности человека и гражданина в сфере здравоохранения 77

Чиркаев С. А.

Приоритет как особое средство правового регулирования 79

Вересов А. А.

Цифровое государство: три ветви власти 83

Самусевич А. Г., Брылева Т. В.

Правоохранительная деятельность в информационном пространстве: проблемы правового регулирования 87

Чанбарисов А. Т.

Развитие нормативно-правового регулирования борьбы с незаконной миграцией в Российской Федерации с 2001 по 2022 годы 89

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Досакаев А. Б.

Высочайше утвержденный Устав от 22 июля 1822 г. «Об управлении инородцев» (памяти М. М. Сперанского) 92

Евграфова И. В., Бутакова Н. А.

Доктрина «свободного моря» в сочинениях Гуго Гроция 94

Киян М. Ш., Хутько Т. В.

Становление и развитие имперской судебной системы в Крыму в конце XVIII – начале XIX вв. 97

Недзелюк Т. Г.

Государственно-конфессиональные отношения в Западной Сибири: по материалам Государственного архива Алтайского края 101

Прохоров В. В.

Ведомственная милиция Крыма в середине 1920-х – второй половине 1930-х гг. 104

Сыпченко А. В.

Правовая доктрина трудовой народно-социалистической партии: характерные черты и особенности 107

Крючков И. В.

Лесная охрана в СССР: историко-правовой аспект 109

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Кузнецов С. А.

Проблемы федерализма в свете реализации принципа единства публичной власти в субъектах Российской Федерации 112

Михнева С. В., Митячкина Е. С., Хачиров А. В.

Правовое обеспечение реформы государственного и муниципального управления в рамках концепции единой публичной власти Российской Федерации 114

Очирова В. М.

Внешнеполитические аспекты конституционной реформы в России 118

Рублев А. Г.

Конституционно-правовое регулирование первого поколения прав человека: особенности становления и развития 122

Литовко К. С.

Отдельные аспекты ограничения конституционных прав в условиях противодействия распространению инфекционных заболеваний в Российской Федерации 126

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Волков В. Ю.

Административно-правовые способы предупреждения коррупции в Российской Федерации 128

Евсикова Е. В., Антонова Т. Л.

Некоторые аспекты административно-правового регулирования экологической ответственности 131

Малаев А. Х. К вопросу об особенностях административно-правовых норм России	134
Мифтахов Р. Л., Салахова А. Н. Применение административно-правовых мер в целях вовлечения в производственный оборот земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации	136
Русанова С. Ю., Волкова И. Ю. Актуальные проблемы института административной ответственности за неуплату алиментов на содержание несовершеннолетних детей	138
Руденко А. В., Бондарчук И. В. О толковании понятия дорожно-транспортного происшествия в практике Верховного суда РФ	141
Скиданов А. В., Костылев В. В. Становление и развитие в России института административных комиссий как коллегиальных органов административной юрисдикции	144
Трифонова К. В., Трифонов С. Г. Институционально-правовое обеспечение миграционной безопасности	147
Евсикова Е. В., Буц С. Б., Пономарев А. В., Старицын А. В. К вопросу об усовершенствовании административно-деликтного законодательства Российской Федерации	150
Исмаилова Г. Ф. К вопросу о юридической сущности и особенностях правового регулирования обращения вакцин	152
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО	
Абдуджалилов А. Электронная оферта: правовые аспекты	155
Ананьева Е. О., Ивлиев П. В. Правовое регулирование цифровых объектов гражданских прав	157
Епифанов О. С., Кошелюк Б. Е. Гражданско-правовая защита права собственности лиц, осужденных к лишению свободы	160
Захаров Д. С. Некоторые правовые аспекты участия некоммерческих организаций в реализации национальных проектов	162
Литвинов Р. В., Страхов А. Б. О последствиях совершения некоторых притворных сделок	165
Литвинова В. М., Гутенева А. Н., Рязанова Е. И., Чернов Ю. И. Трудоустройство граждан Российской Федерации в КНР	167
Ананьева Е. О., Гудиев Т. Т. К вопросу о цифровизации гражданского общества в России: политика инноваций	170
Манаенкова М. В., Киселева Н. А. Особенности правового регулирования деятельности золотодобывающего предприятия	172
Падиряков А. В. Соотношение исполнения обязательства в натуре и взыскания убытков в Англии	175
Рябус О. А., Трифонова К. В., Походеева К. Е., Чернопятенко А. В. Авторские права иностранных граждан в России: проблемы правоприменения	178
Сухомлинова Л. А. Особенности заключения концессионного соглашения	183
Тимофеева Т. Ф. Отдельные аспекты цифровой трансформации системы принудительного исполнения	186
Шахаева А. М., Шахаева Ф. М. Общая характеристика договорно-правового регулирования отношений по оказанию медицинских трансплантационных услуг	189
Чих Н. В., Фомичёв М. Н., Бехтяев С. П., Дзамнашвили Р. Р. О защите прав арендатора при процедуре банкротства	191
Дзамнашвили Р. Р. Классическое исламское семейное право в современных правовых реалиях	194
АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС	
Беланова Г. О., Бурлова Ю. А., Захарова Г. С. Применение предварительных обеспечительных мер в арбитражном процессе Российской Федерации	197
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ПРАВО	
Пономаренко В. А. Правовая природа и особенности регулирования наименования места происхождения товара (НМПТ), географического указания (ГУ) в России, <i>apellation d'origine</i> и <i>indication géographique</i> во Франции	199
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО	
Зубкова М. Н., Бродецкая М. А. Особенности договора транспортировки энергоресурсов	202
Кот М. К. Понятие «экономическая деятельность»: проблемы методологии исследования	204
Меджидова Е. В. О некоторых проблемах правового регулирования налогообложения предпринимательской деятельности	207
Цзы С. Ответственность за нарушение обязанности по раскрытию информации в Китайской Народной Республике на примере китайского первого специального представительства иска на рынке ценных бумаг	211
ТРУДОВОЕ ПРАВО	
Пшизова Е. Н., Тхаркахо М. М. Место работы дистанционного работника	214
Ракитина Е. В., Ян Чуньмэй Общая характеристика запрета конкуренции в трудовом праве Китая	217
ФИНАНСОВОЕ ПРАВО	
Антропцева И. О. Субъекты частного права как агенты публичного финансового контроля	221
Коловайло С. А., Кравченко Н. А. Юридическая ответственность органов публичной власти при осуществлении налогового контроля	224
Пуликов В. Г., Самутина Д. Д., Кузнецова С. А., Очаковский В. А. Правовое регулирование налога на профессиональный доход	227
Исмаилов М. Ч. Принцип эффективности использования бюджетных средств: проблемы понимания, применения и пути совершенствования	231
НАЛОГОВОЕ ПРАВО	
Зарипов Р. Р., Попова Т. В. О необходимости реформирования транспортного налога	235
Купин М. С. К вопросу о фиксированном налоге с дохода физического лица в виде прибыли контролируемой иностранной компании	238
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО	
Аликиева А. М. Инерция составных элементов правового пространства и зелёной экономики в России	241

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Алиев Ш. И., Таилова А. Г., Идрисова А. Д. Особенности международной системы предупреждения и борьбы с транснациональной преступностью.....	243
Ананьев О. Г., Курбатова Г. В. Развитие института обстоятельств, смягчающих наказание, в российском уголовном праве.....	246
Бадамшин И. Д., Зеленцов А. А., Кулиев И. Б. Оскорбление представителя власти в контексте уголовного законодательства зарубежных стран.....	249
Беднягина Ю. А. К вопросу об отмене моратория на применение смертной казни в Российской Федерации.....	251
Бутов В. В., Каменева П. В., Паронян К. М. Особенности привлечения лиц к ответственности за неправомерные действия при банкротстве, в соответствии с законодательством Российской Федерации.....	254
Ветрова О. А. Причины совершения повторных преступлений на территории России гражданами иностранных государств.....	257
Гордиенко В. В., Гладков Д. В., Маслов М. С. Правовые особенности экономических преступлений в условиях информатизации общества.....	263
Гутиева И. Г. Некоторые показатели оценки состояния безнадзорности несовершеннолетних.....	265
Кодзокова Л. А., Карчаева К. А. Приоритетные направления борьбы с преступностью в современном мире.....	267
Кошелев Р. И. Правомерность причинения вреда здоровью спортсменов в процессе спортивных соревнований.....	270
Лавринов В. В. Уголовная ответственности за совершение таможенных преступлений в Российской Федерации и Республике Узбекистан.....	272
Магомедов Г. Б., Рак А. Ю., Таилова А. Г. Европейский опыт предупреждения современной организованной преступности.....	274
Марианов А. А., Нухдудев Р. О. Специальный вид освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних: вопросы теории и юриспруденции.....	277
Бадамшин И. Д., Зеленцов А. А., Кулиев И. Б. Несколько слов о «карательной» сущности уголовного наказания.....	279
Дунин О. Н. К вопросу об обоснованном риске в медицинской деятельности.....	281
Сергиенко Н. Б. Дифференциация уголовной ответственности, в зависимости от вида наркотических средств или психотропных веществ, а также их аналогов.....	285
Степанов-Егиянц В. Г. Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом: некоторые вопросы квалификации.....	288
Сыпченко А. В., Стаценко А. И. Проблемы совершенствования противодействия коррупции в российской федерации в финансовой сфере.....	291
Чуксина В. В., Микова Е. Б. Реформирование законодательства об ответственности за клевету и некоторые вопросы квалификации.....	293
Акопян Р. М. Теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты преступлений террористического характера.....	298
Воржев И. С. Вопрос интерпретации определения «жилища» по уголовному праву.....	300

Захаров И. С. Некоторые вопросы о современном состоянии преступности в сфере компьютерной информации.....	302
Зенина Л. С. Объект как признак преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ (вынесение заведомо неправосудного судебного решения).....	304

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Байрамов Р. Р., Белоусова Е. А., Габдулхаков М. Ф. Актуальные проблемы цифровизации уголовного судопроизводства в России и пути их решения с учётом опыта цифровизации Республики Казахстан.....	310
Доросинская А. М., Плаховская В. М. Делегирование процессуальных полномочий прокурора как один из способов рационализации производства по уголовному делу.....	314
Коваленко Э. В., Каширгов А. Х. Понятие, сущность и юридическое значение принципов уголовного судопроизводства.....	317
Корнакова С. В., Каак А. П. Ведомственный контроль и прокурорский надзор: проблемы соотношения.....	319
Миликова А. В., Яковлева Л. А. К вопросу о статусе следователя в современном уголовном процессе Российской Федерации.....	322
Назаркин Е. В., Сулейманов Т. А., Захарова С. С., Масленникова Е. А. Особенности проведения отдельных видов обыска в ходе расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.....	325
Рыбалкин Н. А. Современные методы выявления почерковых объектов, выполненных с помощью технических средств.....	327
Рубеко Г. Л., Бадма-Горьев О. Ю., Чонаев А. С., Эрендженев М. Б. Стадия возбуждения уголовного дела: характеристика новелл законодательства.....	329
Грызлов Д. В. Решения прокурора по уголовному делу, предусмотренные ч. 2 ст. 226 УПК РФ.....	332
Каак А. П. Некоторые вопросы реализации надзорных полномочий прокурора за предварительным расследованием.....	334
Манджиева А. А., Овканджиева В. Ц., Четыргов В. О., Эрендженев А. Д. Стадия предварительного расследования: отдельные аспекты правового регулирования.....	337
Ступина С. А. К вопросу о роли вещественных доказательств в процедуре осмотра места пожара.....	341
Яковлева К. Ю. Электронная информация и видео-конференц-связь в уголовном процессе.....	344

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Лядов Э. В. Отдельные вопросы уголовного наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части.....	346
Каштанова А. О. Обеспечение личной безопасности при конвоировании отдельных категорий осужденных железнодорожным и автомобильным транспортом (на примере осужденных-женщин, имеющих при себе детей до 3-х лет).....	349
Климонов П. А. Пути оптимизации правовых норм об ответственности за злостное уклонение от отбывания наказаний в виде обязательных и исправительных работ.....	351

Сулейманов Т. А., Назаркин Е. В., Данилова И. Ю., Масленникова Е. А. Обеспечение режима законности в органах и учреждениях УИС как одно из направлений прокурорского надзора.....	353
---	------------

СУДОПРОИЗВОДСТВО

Сардаров Д. Р. Повышение эффективности применения систем электронного документооборота (на примере АС Тверской области).....	355
--	------------

КРИМИНАЛИСТИКА

Нагоева М. А. Актуальные проблемы, возникающие при раскрытии и расследовании дорожно-транспортных происшествий.....	359
Искандарова Г. Р. Эксперт и подэкспертный как партнеры по коммуникации в судебно-психологической экспертизе.....	361
Кушхов Р. Х., Сурцев А. В., Напсоков А. Р. Опыт розыска детей в зарубежных странах.....	363
Нагоева М. А. Исследование следов транспортных средств при расследовании дорожно-транспортных происшествий.....	365
Шагиева Г. Р., Юсупова С. И. Преступные речевые акты.....	367

КРИМИНОЛОГИЯ

Яковец Е. Н., Журавленко Н. И., Григорусь Л. Н. Превентивные меры таможенных органов, связанные с противодействием контрабанде особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов.....	369
---	------------

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Богданов А. В., Гордеев М. В. Информационно-аналитическое обеспечение управленческой деятельности руководителя органа внутренних дел Российской Федерации: актуальное состояние, проблемы и пути их решения.....	373
Гончаренко Е. В., Тайсаева С. Б., Парамонова К. В., Калужный И. П. Биопсихосоциальный подход формирования стокгольмского синдрома в криминалистической и психологической практике.....	375
Легостаев С. В. Некоторые аспекты правового регулирования полномочий прокуроров.....	377
Лифанова М. В., Коган О. С., Губайдуллина И. Н., Ишмеева А. С. Проблемы адаптации и стрессоустойчивости при подготовке юристов.....	379
Кодзокова Л. А., Гутиева И. Г. Место органов внутренних дел в системе органов исполнительной власти и их взаимодействие с иными органами.....	382
Акопян Э. Т. Особенности правового статуса прокуратур в России и Франции.....	384

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Бузулукский П. В. Особенности квалифицированных составов злоупотребления должностными полномочиями.....	386
---	------------

БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО

Абазов А. Б., Никитин А. И. Вопросы взаимодействия органов местного самоуправления и антитеррористических комиссий в противодействии экстремизму и терроризму.....	388
Бондарь А. Г., Кумышева М. К. Историческая ретроспектива и анализ международной практики противодействия экономическим и коррупционным преступлениям.....	390
Коваленко Э. В., Пхитиков Р. Р. К вопросу о борьбе с современными угрозами терроризма в обществе.....	392
Шамаев А. М., Воскобоев А. И., Сафронов Д. М. Распространение экстремистских и нацистских идей как причина массовых беспорядков.....	394
Косовская Д. В. Актуальные проблемы борьбы с телефонным терроризмом.....	396
Мисроков Т. З. О некоторых аспектах совершенствования деятельности по противодействию экстремизму в Российской Федерации на современном этапе.....	399
Нелюбин Р. В., Жабкин А. С., Шевченко С. В. Дезинформация как оружие в информационной войне.....	402
Соболев А. Г., Залаев Р. Д., Курочкин А. С. Некоторые особенности борьбы с терроризмом в сети Интернет.....	404
Шамаев А. М., Болобан М. Л. Пропаганда патриотических ценностных установок как превентивная мера в распространение экстремизма и нацизма в молодежной среде.....	406

ПЕДАГОГИКА И ПРАВО

Гусейнова Т. В., Пигарев А. Ю., Бухтояров И. И. Опыт реализации устной обратной связи в формате дистанционного обучения в образовательных организациях МВД России.....	408
Комбарова Е. В., Отставнова Е. А., Хижняк В. С., Щербакова О. В. Новые тенденции развития международных стандартов стран-участниц СНГ в сфере вузовского образования.....	410
Латыпова Э. Р., Винокурова В. В., Жеребцов С. В., Тухватуллин Р. Р. Новый формат обучения иностранным языкам в вузах в условиях пандемии.....	414
Матвеев С. С., Прокофьева Д. Д., Степанов Г. И. Совершенствование профессиональной подготовки обучающихся образовательных организаций МВД России с целью умелого задержания правонарушителей.....	416
Снетков В. Н., Мохоров Д. А., Доровская Ю. В., Семенова К. А. Методологические основания интернационализации и интеграции инженерного образования и гуманитарных наук: юридический аспект.....	418
Сулейманова Р. Р., Сатлыкова Э. Р. Роль межвузовского кампуса в формировании городской среды.....	424
Гусейнова Т. В., Удилов Т. В., Винокуров В. Н. Специфика предоставления письменной обратной связи иностранным слушателям в период дистанционного обучения в образовательной организации МВД России.....	428
Яковчук Т. В., Погорилая М. Н., Стаценко В. А. Основные аспекты физической культуры как составной части профессиональной подготовки студентов-юристов.....	430

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- Дементеева И. И., Нарышкина А. В., Минасян С. К.**
Рассмотрение третейскими судами споров, возникающих из профессиональной деятельности профессиональных спортсменов и тренеров 433

ПОЛИТИКА И ПРАВО

- Ананьев А. Ю., Маяцкая О. Б.**
Основание силы в украинском политическом конфликте: теоретическое обоснование 437
- Изюмов И. В.**
Гражданское общество как субъект общественного контроля за соблюдением законодательства о противодействии коррупции 440
- Кильсенбаева Д. Г., Валитова Н. Э.**
Освещение деятельности правительства региона средствами рекламы и связей с общественностью на примере Республики Башкортостан 442
- Фархутдинова И. Р., Галимов Э. Э.**
Выборы в Госдуму 2021: региональный аспект 444
- Фадеев К. В., Исламова Л. И., Кантюкова А. Р.**
Внешиполитическая детерминанта стратегической трансформации молодёжной политики современной России 446

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

- Спирidonov А. А., Эйдемиллер К. Ю., Ермолина М. А., Матвеевская А. С.**
Правовое положение саамов в России 448
- Богданова Ю. З., Пяльченков Д. В.,**
Научные результаты в исследовании современного общества 450

ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ

- Багрова Е. В.**
Оплата домашнего труда женщин 452
- Бикметов Е. Ю., Галимуллина Н. А., Кузнецова Е. В.**
Применение средств интегрированной маркетинговой коммуникации в сфере киноиндустрии 454
- Нгуен Куок Хунг**
Привлечение ПИИ во Вьетнам благодаря соглашениям о свободной торговле нового поколения: возможности и вызовы 457
- Колесник В. Н., Мирошникова Л. Ю.**
К концептуальной модели деятельности субъектов розничного рынка электрической энергии (мощности) 461
- Чугунова О. А.**
Использование современных информационных технологий в логистике в условиях пандемии и экономических санкций 464
- Фастович Г. Г., Литвинова В. С., Кудашова И. В.**
Информационные технологии как один из факторов эффективности государственного механизма 467
- Нафикова Л. Ш.**
Условия обеспечения устойчивого развития компаний топливно-энергетического комплекса 469
- Пащенко И. Ю.**
Свобода распространения информации как фактор развития цифровой экономики 471
- Сулэйманова А. М., Идрисова А. Ч.**
Проблемы рынка микрофинансирования в России 474
- Пятак Н. А.**
Философская категория рациональности в проектном управлении системы государственного менеджмента 477
- Шарыпов М. А.**
Влияние подрывных инноваций на современное состояние мировой экономики 480

- Чернов Ю. И., Симонян Я. С., Беджанова Я. К., Тютюнникова В. А.**
Административные барьеры в области малого предпринимательства 482
- Хакимов Р. М., Нурутдинов А. А., Гилязова А. И.**
Социально-экономические основания реализации национальных целей развития России 485

ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО. СОЦИУМ

- Рахматуллина З. Я., Иткулова Л. А., Ханова Р. В., Хасанова Л. Р.**
Метафизические основания этноса 487
- Виноградова Н. В., Хасанова Д. Д.**
Философские и социально-этические аспекты развития технологий 490
- Везломцев В. Е.**
Проблема концептуализации феномена коррупции 493
- Гофман А. А., Колочихин К. С.**
Роль преподавателя в современном образовательном процессе студентов ВУЗа 497
- Зубков С. А., Фролов М. О.**
Экофильная рурализация и экопоселения 499
- Кручинин С. В.**
Социальная интеграция американцев азиатского происхождения 501
- Сметанкина Л. В., Мазяева Е. А.**
Глобализация – стабильность или альтернативы 503
- Смирнов А. Ю.**
Интеллектуальные технологии: влияние на институт образования 505
- Тукаева Р. А.**
Симулякр жизни и смерти 508
- Хомич Н. В., Шилова О. С.**
Природа образа: социально-философский аспект 510
- Хохлова О. М.**
Основные виды общественного согласия в социально-политических отношениях 514
- Черепанов А. Ю.**
Гибридные войны: реалии современной эпохи 517
- ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 520**

PERSONA GRATA

F. S. Fayzullin:

Social potential: methodology of research and implementation

Interview with Ph.D. in philosophical sciences, professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, chief researcher of the Institute of Socio-Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences Fanil Saitovich Fayzullin..... 14

EURASIAN INTEGRATION

Haydarov R. J.

Formation of the tripolar world and security prospects in Eurasia: view from Tajikistan 17

INTERNATIONAL LAW

Gureev I. G., Krivenkiy A. I.

Convention protection of children from abduction in the practice of the ECHR..... 22

Smirnova E. S.

Linguistic and philosophical justification of the term "globalization" in the interpretation of legal science..... 27

Malichenko V. S.

Formation of international legal regulation in health care sector..... 30

Abukarova M. U.

Actual problems of international law in the light of political and economic analysis of the development of Russian-American relations: theoretical and applied aspects..... 35

Meliksetyan A. G.

Legal regulation of cooperation of the EEC Member States in the field of freedom of movement of workers..... 37

Fedotov N. E., Sleptsov A. N.

Legal regulation of the status and regime of operation of Arctic winter roads..... 39

Chen Qimeng

Antarctic in Chinese Doctrine 42

Ammar Habbab

The problem of protecting the legitimate interests of State citizens in multinational corporations..... 44

CRIMINAL LAW OF THE FOREIGN COUNTRIES

Kurbatova G. V., Tsibulskaya G. Z.

Comparative analysis of recurrent crimes under the legislation of foreign countries 47

LAW OF THE CIS COUNTRIES

Rakhimzoda M. Z.

To the question of formation and further improvement of the civil legislation of the Republic of Tajikistan in the period of independence..... 49

THEORY OF STATE AND LAW

Bayniyazova Z. S.

The Russian legal system in the digital age..... 54

Drobyshevskiy S. A., Matveeva L. S., Savenkov O. V.

Regarding the specific character and quality criteria of law application..... 57

Mitin S.S.

On the question of social power..... 62

Ivanec G. I.

Legal basics of combating corruption in the Russian Federation..... 66

Ivliev P. V., Kosheluk B. E.

Information warfare in a post-industrial society..... 70

Permyakov M. V., Kotov V. V., Racheva N. V.

Disagreements in the field of classification of legal liability of entrepreneurs..... 73

Khavadzhi D. R., Ametka F. A.

Legal status of the parliamentary opposition in the western European countries 75

Yunusov A. A., Ahverdyan H. G., Buluev R. B.

Legal obligations of a person and a citizen in the field of healthcare..... 77

Chirkaev S. A.

Priority as a special means of legal regulation..... 79

Veresov A. A.

Digital state: three branches of government..... 83

Samusevich A. G., Bryleva T. V.

Law enforcement activity in the information space: problems of legal regulation 87

Chanbarisov A. T.

Development of legal regulation of the fight against illegal migration in the Russian Federation from 2001 to 2022..... 89

HISTORY OF STATE AND LAW

Dosakaev A. B.

The highest approved Charter of July 22, 1822 «On the management of non-Russians» (in memory of M.M. Speransky) 92

Evgrafova I. V., Butakova N. A.

The doctrine of the "free sea" in the writings of Hugo Grotius..... 94

Kiyan M. S., Khutko T. V.

Formation and development of the imperial judicial system in the Crimea in the late XVIII – early XIX centuries..... 97

Nedzelyuk T. G.

State-confessional relations in Western Siberia: based on the materials of the State Archive of the Altai Territory..... 101

Prokhorov V. V.

Departmental militia of the Crimea in the mid 1920s – the second half of the 1930s..... 104

Sypchenko A. V.

Legal doctrine of the labor people's socialist party: characteristics and features..... 107

Kryuchkov I. V.

Forest protection in the USSR: historical and legal aspect..... 109

CONSTITUTIONAL LAW

Kuznetsov S. A.

Problems of Federalism in the light of the implementation of the principle of unity of public power in the Subjects of the Russian Federation 112

Mikhneva S. V., Mityachkina E. S., Khachirov A. V.

Legal support of the reform of state and municipal administration within the framework of the concept of a unified public authority of the Russian Federation..... 114

Ochirova V. M.

Foreign policy aspects of constitutional reform in Russia..... 118

Rublev A. G.

Constitutional and legal regulation of the first generation of human rights: features of formation and development..... 122

Litovko K. S.

Certain aspects of the restriction of constitutional rights in the context of countering the spread of infectious diseases in the Russian Federation 126

ADMINISTRATIVE LAW

Volkov V. Yu.

Administrative and legal ways to prevent corruption in the Russian Federation..... 128

Evsikova E. V., Antonova T. L.

Some aspects of administrative and legal regulation of environmental responsibility..... 131

Malaev A. H.

On the question of the peculiarities of administrative and legal norms of Russia..... 134

Miftakhov R. L., Salakhova A. N.

Application of administrative and legal measures in order to involve agricultural land in the production turnover in the Russian Federation 136

Rusanova S. Yu., Volkova I. Yu.

Actual problems of the institute of administrative responsibility for non-payment of alimony for the maintenance of minor children..... 138

Rudenko A. V., Bondarchuk I. V.

On the interpretation of the concept of traffic accidents in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation 141

Skidanov A. V., Kostylev V. V.

Formation and development in Russia of the institute of administrative commissions as college bodies of administrative jurisdiction..... 144

Trifonova K. V., Trifonov S. G.

Institutional and legal support of migration security 147

Evsikova E. V., Buts S. B., Ponomarev A. V., Staritsin A. V.

On the issue of improving the administrative and tort legislation of the Russian Federation..... 150

Ismailova G. F.

On the legal nature and features of the legal regulation of the production and issuance of vaccines..... 152

CIVIL LAW

Abdujalilov A.

Electronic offer: legal aspects..... 155

Ananjeva E. O., Ivliev P. V.

Legal regulation of digital objects of civil rights..... 157

Epifanov O. S., Koshelyuk B. E.

Civil legal protection of the property rights of convicted persons to imprisonment..... 160

Zakharov D. S.

Some legal aspects of the participation of non-profit organizations in the implementation of national projects..... 162

Litvinov R. V., Strakhov A. B.

About the consequences of making some fake deals..... 165

Litvinova V. M., Guteneva A. A., Ryazanova E. I., Chernov Yu. I.

Employment of citizens of the Russian Federation in China 167

Ananjeva E. O., Gudiev T. T.

On the issue of digitalization of civil society in Russia: innovation policy 170

Manaenkova M. V., Kiseleva N. A.

Features of legal regulation of the gold mining enterprise 172

Padiryakov A. V.

The institutes of specific performance and damages in English law 175

Ryabus O. A., Trifonova K. V.,

Pokhodeeva K. E., Chernopyatenko A. V.

Copyright of foreign citizens in the Russian Federation: problems of law enforcement 178

Suhomlinova L. A.

Features of concluding a concession agreement 183

Timofeeva T. F.

Separate aspects of digital transformation enforcement systems 186

Shakhaeva A. M., Shakhaeva F. M.

General characteristics of the legal regulation of relations for the provision of medical transplant services 189

Chikh N. V., Fomichev M. N., Behtyaev S. P.

On the protection of the tenant's rights in the bankruptcy procedure..... 191

Dzamashvili R. R.

Classical Islamic family law in modern legal realities 194

ARBITRATION PROCESS

Belanova G. O., Burlova Yu. A., Zakharova G. S.

Application of preliminary interim measures in the arbitration process of the Russian Federation 197

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Ponomarenko V. A.

Legal nature and particularities of the regulation of appellations of origin and geographical indication under Russian law compared to appellations d'origine and indication géographique under French law..... 199

ENTREPRENEURIAL LAW

Zubkova M. N., Brodetskaya M. A.

Features of the contract for transportation of energy resources 202

Kot M. K.

The concept of "economic activity": problems of research methodology..... 204

Medzhidova E. V.

On some problems of legal regulation of taxation of entrepreneurial activity 207

Zi X.

Liability for violation of the obligation to disclose information in the People's Republic of China on the example of the Chinese first special representative litigation case in the securities market..... 211

LABOUR LAW

Pshizova E. N., Tkharakho M. M.

Place of work of a remote worker 214

Rakitina E. V., Yang Ch.

General characteristics of the prohibition of competition in Chinese labor law..... 217

FINANCIAL LAW

Antroptseva I. O.

Subjects of private law as agents of public financial control..... 221

Kolovaylo S. A., Kravchenko N. A.

Legal responsibility of public authorities in the implementation of tax control..... 224

Pulikov V. G., Samutina D. D.,

Kuznetsova S. A., Ochakovskiy V. A.

Legal regulation of the professional income tax..... 227

Ismailov M. C.

The principle of efficient use of budgetary funds: problems of understanding, application and ways of improvement 231

TAX LAW

Zaripov R. R., Popova T. V.

On the need to reform the transport tax..... 235

Kupin M. S.

On the issue of a fixed tax on the income of an individual in the form of profits of a controlled foreign company..... 238

ECOLOGICAL LAW

Alikieva A. M.

Inertia of the constituent elements of the legal space and the green economy in Russia 241

CRIMINAL LAW

Aliev S. I., Tailova A. G., Idrisova A. J.

Features of the international system for preventing and combating transnational crime..... 243

Ananjev O. G., Kurbatova G. V.

Development of the institute of mitigation of punishment in Russian criminal law..... 246

Badamshin I. D., Zelentsov A. A., Kuliev I. B.

Insulting a representative of the authorities in the context of the criminal legislation of foreign countries 249

Bednyagina Yu. A.

To the question of the canceling of the moratorium on the use of the death penalty in the Russian Federation..... 251

Butov V. V., Kameneva P. V., Paronyan K. M.

Features of holding persons liable for illegal actions in bankruptcy, in accordance with the legislation of the Russian Federation 254

Vetrova O. A.

The reasons for the commission of repeated crimes on the territory of Russia by citizens of foreign states..... 257

Gordienko V. V., Gladkov D. V., Maslov M. S.

Legal features of economic crimes in the conditions of informatization of the society..... 263

Gutieva I. G.

Some indicators of condition assessment child neglect..... 265

Kodzokova L. A., Karchaeva K. A.

Priority areas of combating crime in the modern world..... 267

Koshelev R. I.

Lawfulness of injury to health of athletes in the course of sports competitions..... 270

Lavrinov V. V.

Criminal liability for customs crimes in the Russian Federation and the Republic of Uzbekistan 272

Magomedov H. B., Rak A. Yu., Tailova A. G.

European experience in the prevention of modern organized crime..... 274

Marianov A. A., Nukhduv R. O.

A special way to release minors from criminal liability: issues of theory and jurisprudence..... 277

Badamshin I. D., Zelentsov A. A., Kuliev I. B.

A few words about the «punitive» nature of criminal punishment..... 279

Dunin O. N.

On the issue of reasonable risk in medical activity..... 281

Sergienko N. B.

Differentiation of criminal liability, depending on the type of narcotic drugs or psychotropic substances, as well as their analogues..... 285

Stepanov-Eguyants V. G.

Registration of illegal real estate deals: some qualification issues..... 288

Sypchenko A. V., Statsenko A. I.

Problems of improving anti-corruption in the Russian Federation in the financial sphere 291

Chuksina V. V., Mikova E. B.

Reform of libel liability legislation and some qualification issues..... 293

Akopyan R. M.

Theoretical, legislative and law enforcement aspects of terrorist crimes..... 298

Vorzhev I. S.

The issue of interpretation of the definition of “dwelling” in criminal law..... 300

Zakharov I. S.

The state and trends of crime in the field of computer information..... 302

Zenina L. S.

Object as a sign of a crime under Art. 305 of the Criminal Code of the Russian Federation (making a knowingly unjust court decision)..... 304

CRIMINAL PROCESS

Bayramov R. R., Belousova E. A., Gabdulkhakov M. F.

Current problems of digitalization of criminal proceedings in Russia and the ways to solve them in consideration of the experience of digitalization of the Republic of Kazakhstan..... 310

Dorosinskaya A. M., Plahovskaya V. M.

Delegation of procedural powers of the prosecutor as one of the ways to rationalize criminal proceedings..... 314

Kovalenko E. V., Kashirgov A. H.

The concept, essence and legal significance of the principles of criminal proceedings 317

Kornakova S. V., Kaak A. P.

Departmental control and prosecutorial supervision: problems of correlation..... 319

Milikova A. V., Yakovleva L. A.

On the question of the status of the investigator in the Modern Criminal process of the Russian Federation 322

Nazarkin E. V., Suleymanov T. A., Zakharova S. S., Maslennikova E. A.

Features of conducting certain types of search during the investigation of the disorganization of the activities of institutions providing isolation from society 325

Rybalkin N. A.

Modern methods for detecting handcrow objects made with the help of technical means 327

Rubeko G. L., Badma-Goryaev O. Yu., Erendzhenov A. D., Erendzhenov M. B.

The stage of initiation of a criminal case: characteristics of new legislation..... 329

Gryzlov D. V.

Decisions of the prosecutor in a criminal case, provided for by part 2 of Art. 226 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation..... 332

Kaak A. P.

Some issues of the implementation of the supervisory powers of the prosecutor for the preliminary investigation 334

Mandzhieva A. A., Ovkadzhieva V. T., Chetyrov V. O., Erendzhenov A. D.

Preliminary investigation stage: certain aspects of legal regulation..... 337

Stupina S. A.

To the question of the role of physical evidence in the procedure of inspection of the place of fire..... 341

Yakovleva K. Yu.

Digital information and video conferencing in criminal procedure 344

CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

Lyadov E. V.

Separate issues of criminal punishment in the form of detention in a disciplinary military unit..... 346

Kashtanova A. O. <i>Ensuring personal safety by escorting certain categories of convicts on rail and road transport (for example, pregnant convicts and women who have children under 3 years old)</i>	349	OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES Buzulukskiy P. V. <i>Features of qualified compositions of abuse of power.....</i>	386
Klimonov P. A. <i>Ways to optimize legal norms on liability for malicious evasion from serving sentences in the form of compulsory and corrective labor</i>	351	SECURITY AND LAW Abazov A. B., Nikitin A. I. <i>Issues of interaction between local self-government bodies and anti-terrorist commissions in countering extremism and terrorism.....</i>	388
Suleymanov T. A., Nazarkin E. V., Danilova I. Yu., Maslennikova E. A. <i>The essence and content of prosecutorial supervision of the activities of institutions and bodies of the criminal justice system.....</i>	353	Bondar A. G., Kumysheva M. K. <i>Historical retrospective and analysis of international practice in combating economic and corruption crimes.....</i>	390
JUDICIARY Sardarov J. R. <i>Increasing the efficiency of the application of electronic document management systems (on the example of the Arbitration Court of the Tver region).....</i>	355	Kovalenko E. V., Pkhitikov R. B. <i>On the issue of combating modern threats of terrorism in society.....</i>	392
CRIMINALISTICS Nagoeva M. A. <i>Actual problems arising in the disclosure and investigation of road accidents.....</i>	359	Shamaev A. M., Voskoboev A. I., Safronov D. M. <i>The spread of extremist and Nazi ideas as a cause of mass riots.....</i>	394
Iskandarova G. R. <i>Expert and sub-expert as communication partners in forensic psychological examination.....</i>	361	Kosovskaya D. V. <i>Actual problems of the fight against telephone terrorism.....</i>	396
Kushkhov R. K., Surtsev A. V., Napsokov A. R. <i>Experience of tracing children in foreign countries</i>	363	Misrokov T. Z. <i>On some aspects of improving activities to counter extremism in the Russian Federation at the present stage.....</i>	399
Nagoeva M. A. <i>Investigation of traces of vehicles in the investigation of road accidents</i>	365	Nelyubin R. V., Zhabkin A. S., Shevchenko S. V. <i>Disinformation as the main tool in the information war</i>	402
Shagieva G. R., Yusupova S. I. <i>Criminal speech acts</i>	367	Sobolev A. G., Zalaev R. D., Kurochkin A. S. <i>Some features of the fight against terrorism on the Internet</i>	404
CRIMINOLOGY Yakovets E. N., Zhuravlenko N. I., Grigorus L. N. <i>Preventive measures of customs authorities related to countering the smuggling of especially valuable wild animals and aquatic biological resources</i>	369	Shamaev A. M., Boloban M. L. <i>Propaganda of patriotic values as a preventive measure in the spread of extremism and Nazism among young people</i>	406
LAW ENFORCEMENT AGENCIES Bogdanov A. V., Gordeev M. V. <i>Information and analytical support of management activities of the head of the internal affairs body of the Russian Federation: current state, problems and ways to solve them.....</i>	373	PEDAGOGY AND LAW Guseynova T. V., Pigarev A. Yu., Bukhtoyarov I. I. <i>Experience of realization oral feedback in the format of distance learning in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia</i>	408
Goncharenko E. V., Taysaeva S. B., Paramonova K. V., Kalyuzny I. P. <i>Biopsychosocial approach to the formation of Stockholm syndrome in criminalistic and psychological practice.....</i>	375	Kombarova E. V., Otstavnova E. A., Khizhnyak V. S., Scherbakova O. V. <i>New trends in the development of international standards of the CIS member countries in the field of higher education</i>	410
Legostaev S. V. <i>Some aspects of legal regulation of the powers of prosecutors</i>	377	Latypova E. R., Vinokurova V. V., Zherebtsov S. V., Tukhvatullin R. R. <i>A new format of teaching foreign languages in the pandemic</i>	414
Lifanova M. V., Kogan O. S., Gubaydullina I. N., Ishmeeva A. S. <i>Problems of adaptation and stress tolerance in the training of lawyers</i>	379	Matveev S. S., Prokofeeva D. D., Stepanov G. I. <i>Improvement of professional training of students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the purpose of skillful detention of offenders</i>	416
Kodzokova L. A., Gutieva I. G. <i>The place of the internal affairs bodies in the system of executive authorities and their interaction with other bodies.....</i>	382	Snetkov V. N., Mokhorov D. A., Dorovskaya Yu. V., Semenova K. A. <i>Methodological underpinning for internationalization and integration of engineering education and humanities: legal aspect</i>	418
Akopyan E. T. <i>Peculiarities of the legal status of prosecutor's offices in Russia and France.....</i>	384	Suleymanova R. R., Satlykova E. R. <i>The role of the intercollegiate campus in creating the urban environment</i>	424
		Guseynova T. V., Udilov T. V., Vinokurov V. N. <i>Specifics of providing written feedback to foreign students during distance learning in the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....</i>	428
		Yakovchuk T. V., Pogorilaya M. N., Statsenko V. A. <i>The main aspects of physical culture as an integral part of the professional training of law students</i>	430

STATE AND LAW

- Dementeeva I. I., Naryshkina A. V., Minasyan S. K.**
Consideration by arbitration courts of disputes arising from the professional activities of professional athletes and coaches..... 433

POLICY AND LAW

- Ananjev A. Yu., Mayatskaya O. B.**
The basis of «power» in the Ukrainian political conflict: a theoretical justification 437
- Izuyumov I. V.**
Civil society as a subject of public control over compliance with anti-corruption legislation 440
- Kilsenbaeva D. G., Valitova N. E.**
Coverage of the activities of the regional government by means of advertising and public relations on the example of the Republic of Bashkortostan 442
- Farkhutdinova I. R., Galimov E. E.**
State Duma elections 2021: regional aspect 444
- Fadeev K. V., Islamova L. I., Kantyukova A. R.**
The foreign policy determinant of the strategic transformation of youth policy in modern Russia..... 446

SOCIOLOGY AND LAW

- Spiridonov A. A., Eidemiller K. Yu., Ermolina M. A., Matveevskaya A. S.**
Legal status of the Sami in Russia 448
- Bogdanova Yu. Z., Pyalchenkov D. V.**
Scientific results in the study of modern society..... 450

ECONOMY. LAW. SOCIETY

- Bagrova E. V.**
Payment for women's domestic work..... 452
- Bikmetov E. Yu., Galimullina N. A., Kuznetsova E. V.**
Application of integrated marketing communication tools in the film industry..... 454
- Nguyen Quoc Hung**
Attracting FDI to Vietnam through new generation free trade agreements: opportunities and challenges..... 457
- Kolesnik V. N., Miroshnikova L. Yu.**
To the conceptual model of activity of subjects of the retail market of electric energy (power) 461
- Chugunova O. A.**
The use of modern information technologies in logistics in the context of a pandemic and economic sanctions..... 464
- Fastovich G. G., Litvinova V. S., Kudashova I. V.**
Information technologies as one of the factors of efficiency of the state mechanism..... 467
- Nafikova L. Sh.**
Conditions for ensuring sustainable development of fuel and energy complex companies..... 469
- Pashchenko I. Yu.**
Freedom of information dissemination as a factor in the development of the digital economy..... 471
- Suleymanova A. M., Idrisova A. C.**
Problems of the microfinance market in Russia 474
- Pyatak N. A.**
Philosophical category of rationality in the project management of the state management 477
- Sharypov M. A.**
The impact of disruptive innovation of the current state of the world economy 480
- Chernov Yu. I., Simonyan Ya. S., Bedzhanova V. K., Tutunnikova V. A.**
Administrative barriers in the field of small business 482

- Khakimov R. M., Nurutdinov A. A., Gilyazova A. I.**
Socio-economic grounds for the implementation of Russia 's national development goals..... 485

PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY

- Rakhmatullina Z. Ya., Itkulova L. A., Khanova R. V., Khasanova L. R.**
Metaphysical foundations of an ethnos 487
- Vinogradova N. V., Khasanova D. D.**
Philosophical and social and ethical aspects of technology development..... 490
- Veziromtsev V. E.**
The problem of conceptualizing the phenomenon of corruption..... 493
- Gofman A. A., Kolochikhin K. S.**
The role of the teacher in modern educational process of university students..... 497
- Zubkov S. A., Frolov M. O.**
Ecophilic ruralization and ecovillages..... 499
- Kruchinin S. V.**
Social integration of Asian Americans..... 501
- Smetankina L. V., Mazyayeva E. A.**
Globalization - stability or alternatives 503
- Smirnov A. Yu.**
Intelligent technologies: impact on the Institute of Education 505
- Tukaeva R. A.**
Simulacrum of life and death..... 508
- Khomich N. V., Shilova O. S.**
The nature of the image: a socio-philosophical aspect..... 510
- Khokhlova O. M.**
Main types of public consent in socio-political relations..... 514
- Cherepanov A. Yu.**
Hybrid wars: the realities of the modern era 517
- INFORMATION FOR AUTHORS.....** 520

Ф. С. ФАЙЗУЛЛИН: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Интервью с доктором философских наук, профессором, академиком Академии наук Республики Башкортостан, главным научным сотрудником Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук Фанилем Саитовичем Файзуллиным.

F. S. FAYZULLIN: SOCIAL POTENTIAL: METHODOLOGY OF RESEARCH AND IMPLEMENTATION

Interview with Ph.D. in philosophical sciences, professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, chief researcher of the Institute of Socio-Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences Fanil Saitovich Fayzullin.

Файзуллин Ф. С.

Визитная карточка

Известный в Башкортостане и в России учёный, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации Фаниль Саитович Файзуллин отметил свой 80-летний юбилей. Фаниль Саитович – один из крупных специалистов нашей страны, создавший общепризнанную научную школу в области социальной философии и социологии. Круг его научных интересов, как исследователя, широк: это и социально-философские проблемы города и научно-технического прогресса, методологические вопросы исследования социальной деятельности и управления, развитие наций и межнациональные отношения, социальная дифференциация и стратификация общества, теория ценностей и ценностных ориентаций, социальный потенциал и др. Он работал в Уфимском государственном авиационно-техническом университете 50 лет: профессором, деканом факультета, заведующим кафедрой, по совместительству был руководителем социологической лаборатории и Академиком-секретарём Отделения социально-гуманитарных наук и технологий Академии наук Республики Башкортостан. В настоящее время Фаниль Саитович - Главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

– Фаниль Саитович, Вы в последние годы занимаетесь методологическими вопросами исследования и реализации социального потенциала. В чём заключается актуальность этой проблемы?

– В период, когда происходит качественные преобразования общественных отношений, социальный потенциал остается важнейшим фактором не только прогресса страны в целом, но и создания самодостаточности и конкурентоспособности её регионов, социализации экономики, обеспечивающих интенсивность развития и высокое качество жизни своему населению. От уровня познания социально-экономического потенциала и разработки механизма эффективного его использования зависит научная обоснованность и совершенствование управления социально-экономической жизнью страны и её регионов. В настоящее время, как показали наши социологические исследования, по утверждению опрошенных используется лишь 25-30 % их социального потенциала. Нет сомнения, что реализация социального потенциала является основной доминантой развития нашей страны и социализации её экономики. Именно этим в первую очередь обусловлена актуальность изучения проблем потенциала общества и эффективной его реализации. В связи с установлением различных санкций со стороны США и ЕС на современном этапе развития нашей страны их актуальность ещё больше возросла.

Анализ особенностей и основных факторов, воздействующих на современное состояние социального потенциала, выявление имеющихся противоречий в этой сфере, разра-

ботка механизма эффективного его использования определяют интенсификацию социально-экономического и духовного развития общества и его регионов. Все эти проблемы носят фундаментальный характер, и от их решения зависит преодоление кризисных явлений в стране, обеспечение безопасности ее функционирования и, соответственно, создание условий для прорыва на более высокий уровень общественного прогресса и сохранения ее суверенности в мировом сообществе. В практическом плане разработка этих вопросов необходима для совершенствования социально-экономической политики и управления развитием общества и его регионов. Однако, в отечественной литературе, посвященной анализу проблем формирования и развития потенциала общества, обнаруживается отсутствие какого-либо единого методологического подхода к определению и интерпретации его сущности и содержания, что оказывает существенное отрицательное влияние на дальнейшее расширение и углубление исследования в этой области.

– Существуют в научной литературе различные подходы к определению потенциала вообще. В чём отличие Вашего подхода к определению содержания этого феномена?

– Одной из главных причин различия в трактовке содержания категории потенциал объясняется его использование в самых разных сферах науки и практики. Он широко применяется в физике, в химии, в биологии, в философии, в экономике, в социологии, в военном деле, в политике, в психологии, в педагогике и т.д. История развития общественной

мысли вообще свидетельствует о том, что в науке никогда не было единства в понимании сущности потенциала. Противоречия и неоднозначная трактовка этого феномена обнаруживается уже в системе категорий, представленной Аристотелем. Сегодня одни ученые потенциал отождествляют с возможностями, другие способностями, третьи ресурсами. Так, А.Н. Самаукин утверждает, что «потенциал» характеризуется совокупностью ресурсов. Р. А. Белоусов рассматривает потенциал, как определенные способности. В. Г. Беломестнов пытается обосновать идею о том, что потенциал – это совокупность возможностей. Однако понятия «возможность», «способность» и «ресурс» раскрывают лишь отдельные аспекты сущности и содержания категории «потенциал», и ни одного из них нельзя отождествлять с анализируемым феноменом. В связи с этим ряд исследователей в своих работах расширяют количество составляющих элементов потенциала. А это приводит к дальнейшей путанице в категориальном его толковании.

По нашему мнению, потенциал представляет собой органически взаимосвязанные внутренние элементы и силы материально-духовной системы, определяющие закономерности ее функционирования и тенденции развития. Потенциал – это феномен, исследование которого дает возможность определить будущее состояние явления, прогнозировать его и разрабатывать научно обоснованную политику развития. Его содержание можно определить следующим образом, потенциал – это органическое единство, целостность внутренних элементов и сил материально-духовных систем, создающие необходимые предпосылки и условия для самосохранения и обеспечения саморазвития на основе реализации возможностей, способностей использования, имеющихся ресурсов.

– В литературе широко используется категория социально-экономический потенциал. Что же касается социального потенциала, он используется преимущественно в публицистике. В связи с этим возникает вопрос о необходимости дифференцировать социальное и экономическое начала в едином социально-экономическом потенциале?

– Действительно, в общественных науках широко распространена категория «социально-экономический потенциал». Трактовка определения сущности феномена «социально-экономического потенциала» на основе выше указанного подхода, разработка концепции, установления его состояния и реализации в современных условиях расширения компетенций административно-территориальных систем, дают возможность предсказать, прогнозировать, модернизировать развитие конкретных республик, областей, регионов, краев и т.д., использовать их как факторов интенсификации социального прогресса. Социально-экономический потенциал общества, как нам представляется, следует определить, как возможности и способности указанных систем за счет использования собственных ресурсов обеспечить достижение в своей административно-территориальной границе долгосрочного, устойчивого социально-экономического развития, позволяющего гарантировать населению территории необходимый уровень и качество жизни, соответствующий стандартам развитых стран мира.

В литературе, преимущественно по отношению к обществу, используется категория «социально-экономический потенциал». Действительно, социальный и экономический потенциалы тесно взаимосвязаны и взаимно обуславливают друг друга. Поэтому, их необходимо исследовать в диалекти-

ческой взаимосвязи друг с другом, но вместе с тем, по нашему мнению, их содержание необходимо разводить.

В настоящее время в отечественной литературе существуют вообще два различных подхода к трактовке сущности социально-экономического потенциала. В первом из этих направлений утверждается, что экономический потенциал не что иное, как совокупность ресурсов хозяйствующих субъектов – страны, региона, предприятия и т.д. По мнению исследователей второго направления, экономический потенциал отождествляется в основном стоимостью доступных ресурсов и активов.

Экономический потенциал, как нам представляется, – это возможности, условия и способности экономической системы за счет использования собственных ресурсов обеспечить достижение в границах своей территории устойчивого экономического развития и достойного уровня жизни населения. Его структура может характеризоваться на основе целей исследования и принятия практических решений. Но основными факторами, характеризующие этот феномен являются естественно природная среда, мощности промышленности и сельского хозяйства, вся инфраструктура и трудовые ресурсы.

Что же касается социального потенциала, здесь также существуют различные мнения в определении сущности этого явления. Так, в «Социологической энциклопедии» социальный потенциал определяется как «интегральное понятие, характеризующее возможности государства, фирм, общественных организаций, объединений, личности, групп населения, отраслей хозяйства, регионов, различных сфер жизнедеятельности и общества в целом в решении перспективных задач социального развития. Г. И. Плясуля предлагает социальный потенциал рассматривать как способность системы к самоорганизации. По мнению А. А. Дрегалю и В. И. Ульяновского социальный потенциал представляет собой «совокупность имеющихся ресурсов общества для достижения поставленной или заданной цели.

Социальный потенциал, по нашему мнению, следует рассматривать как систему элементов, непосредственно формирующих социальную активность и возможности в получении социально значимых результатов в различных сферах общественного бытия. Учитывая сказанное, социальный потенциал следует определять, как органическое единство возможностей и способностей населения территориального образования сформированной за счет использования собственных ресурсов социума, обеспечивающей достижения устойчивого социально-экономического развития, гарантирующего необходимый уровень и качество жизни.

– Как Вы представляете структуру социального потенциала общества?

– Социальный потенциал имеет достаточно сложную иерархическую структуру. В составе структуры социального потенциала в целом целесообразно выделить трудовой, социально-демографический, научно-образовательный, профессионально-квалификационный, инновационный, организационно-управленческий, социально-политический потенциалы.

Трудовой потенциал характеризует возможности и способности к общественно-полезной деятельности трудоспособного населения по созданию материальных и духовных благ и определяет уровень развития имеющихся в обществе ресурсов. Эта категория отражает возможности общества по привлечению к общественному труду населения различных социально-демографических

групп их способности и качеств для выполнения трудовых функций. Его нельзя отождествлять с производственным потенциалом, отражающим экономический аспект общественного потенциала. Производственный потенциал следует рассматривать как экономическую категорию, отражающую способности и возможности народнохозяйственной системы осуществлять на основе имеющихся материально-технологических и трудовых ресурсов, деятельность по созданию продуктов, товаров, услуг и наличных условий их эффективной организации и использования.

Социально-демографический потенциал – это количественная и качественная характеристика способностей и возможностей населения к воспроизводству и выполнению социальных и экономических функций, которые являются необходимыми условиями в реализации целей развития общества. На современном этапе социальных трансформаций общества в структуре социально-демографического потенциала особое значение имеют такие явления как рождаемость, повышение нагрузки на трудоспособную часть населения, миграционные процессы.

Научно-образовательный потенциал представляет собой систему науки и образования, направленная на развитие знаний, подготовки квалифицированных кадров, научно-исследовательских работ и интеллектуальных ценностей, создающая определенные возможности, способности и ресурсы для реализации деятельности направленной на обеспечение самосохранения и саморазвития общества.

Профессионально-квалификационный потенциал складывается из таких элементов как уровень профессиональных знаний, наличие профессионального образования, умения, опыта, креативности мышления.

Инновационный потенциал – это возможность, способность, наличие ресурсов социально-экономической системы для осуществления таких мер, которые при определенных условиях могут привести к совершенствованию жизни общества в целом или его конкретных подсистем.

Под организационно-управленческим потенциалом понимается возможности и способности оказать влияние на функционирование и развитие социально-экономической системы на базе имеющихся или создающихся ресурсов и разработок, направленных на реализацию сформулированных целей.

Естественно, каждый указанный потенциал является относительно самостоятельной системой и имеет большое количество своих составляющих элементов. Все структурные элементы социального потенциала находятся в органической взаимосвязи и взаимообусловленности. Возникающий в результате тесной взаимосвязи различных потенциалов синергетический эффект способствует усилению социального потенциала общества в целом и его отдельных элементов. Поэтому, при исследовании и разработке системы управления, все структурные элементы социального потенциала должны рассматриваться в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

– Фаниль Саитович, каковы перспективы реализации социального потенциала?

– Поскольку развитие современного общества зависит в первую очередь от эффективности развития и использования его потенциала, именно в этой сфере огромные возможности для управления и инноваций. Инновации, способствующие интенсификации процесса, реализации социально-эконо-

мического потенциала, в обязательном порядке должны предусматриваться в стратегической программе социально-экономического развития общества.

Совершенствование технологии реализации социального капитала может стать важнейшим фактором формирования эффективности социальных отношений и интенсификации устойчивости темпов социально-экономического развития. Результатом совершенствования технологий можно ожидать: повышение эффективности использования трудовых ресурсов и сокращения безработицы; раскрытие и реализация творческих возможностей населения; более полного использования имеющегося потенциала образования и профессионально-квалификационной подготовленности населения; эластичной адаптации граждан к новым социально-экономическим условиям и их социальной защищенности, нормального воспроизводства социально-демографической структуры; расширение и активизации инновационных процессов во всех сферах жизни; качественное изменение организационно-управленческой системы, достижение высокого уровня самоуправляемости и обеспечения своевременной информацией субъектов для принятия решений на различных уровнях общественной иерархии.

– Фаниль Саитович, большое спасибо за очень интересное интервью. Что бы Вы пожелали читателям нашего журнала?

– Желаю читателям журнала и редакции успехов в исследовании сложных проблем развития современного общества и разработке научных основ достижения приоритетных задач, сформулированных в национальной программе нашей страны и укрепления международного сотрудничества в Евразийском континенте!

Интервью брали:

Бондаренко Александр Викторович
заместитель главного редактора
Евразийского юридического журнала,
кандидат философских наук,
доцент

Лукиянов Михаил Юрьевич
ответственный редактор
Евразийского юридического
журнала, кандидат политических
наук, доцент

ХАЙДАРОВ Рустам Джурабоевич

доктор философских наук, заместитель директора Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана

ФОРМИРОВАНИЕ ТРЕХПОЛЯРНОГО МИРА И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРАЗИИ: ВЗГЛЯД ИЗ ТАДЖИКИСТАНА

В статье анализируются условия и предпосылки, которые способствовали появлению трехполярного мира во главе с тремя гравитационными центрами мировой политики и экономики – Россия, Китай и США. Автор утверждает, что с началом спецоперации России в Восточной Европе 24 февраля 2022 года, завершилась эпоха однополярного мира и началась эра постамериканизма, в которой Россия и Китай наряду с США, становятся самостоятельными полюсами в системе международных отношений. У каждой из центров силы теперь есть самостоятельная глобальная стратегия цивилизационного развития.

Ключевые слова: Евразия, международные отношения, трехполярный мир, геополитика, геоэкономика.

HAYDAROV Rustam Juraboevich

Ph.D. in philosophical sciences), Deputy Director of A. Bahovaddinov Institute of Philosophy, Political Science and Law of the National Academy of Sciences of Tajikistan

FORMATION OF THE TRIPOLAR WORLD AND SECURITY PROSPECTS IN EURASIA: VIEW FROM TAJIKISTAN

The article analyzes the conditions and prerequisites that contributed to the emergence of a tripolar world led by three gravitational centers of world politics and economics – Russia, China and the United States. The author argues that with the start of Russia's special operation in Eastern Europe on February 24, 2022, the era of the unipolar world ended and the era of post-Americanism began, in which Russia and China, along with the United States, become independent poles in the system of international relations. Each of the centers of power now has an independent global strategy for civilizational development.

Keywords: Eurasia, international relations, tripolar world, geopolitics, geoeconomics.

Хайдаров Р. Дж.

В 2022 году современная система международных отношений оптимизировалась и начала функционировать в формате трехполярного мира. Начало специальной операции России в одной из стран Восточной Европы завершила этап формирования трехполярного мира с тремя гравитационными центрами мировой политики – Россия, Китай и США. На наш взгляд, именно трехполярный мир может вывести мировую экономику и политику на качественно новый трек развития и дать международным отношениям долговременную устойчивость, гибкость и маневренность. Новая конфигурация мировой системы предоставит большинству стран мира выбор между тремя альтернативными координатами сотрудничества в системе международных отношениях.

Современная система международных отношений, после падение Берлинской стены и окончания периода «Холодной войны», целых 30 лет шла к формированию нынешнего трехполярного мира. После распада СССР, распался и двухполярный мир, точнее один из его полюсов. В результате США и весь капиталистический лагерь воспринял появление нового постсоветского пространства, как победу ценностей западного мира, капиталистического духа и либерализма.

В этом контексте важно упомянуть, что с распадом двухполярного мира человечество могло, надеется на формирование многополярного мира. Исходя из этого, в большинстве публикаций посвященной проблемам мировой геополитики, в конце 90-х годов прошлого столетия активно использовались термин «многополярный мир». При этом в соответствии с теорией конвергенции после распада двухполярного мира, должно было произойти слияние капиталистического и социалистических систем. Однако экономические, политические, культурные и идеологические ценности двух систем – капитализма и социализма в соответствии с теорией конвергенции не образовали новую объединенную и взаимодополняющую систему. Вместо этого начался процесс агрес-

сивного насаждения ценностей капитализма с одновременной дискредитацией ценностей и достижений социализма.

Стремление постсоветской России, некоммунистического Китая и ряда других крупных держав, таких как Индия, Бразилия, Иран к формированию устойчивого многополярного мира с многоцветной палитрой политических культур и практик, столкнулось с резким противодействием и агрессивной политикой США, которая в своей политике на международной арене руководствовалась исключительно американским унитаризмом. Активная фаза функционирования однополярного мира с доминированием США началась с разрушением Югославии, далее разрушением Ирака, Афганистана, Ливии, Сирии. Вторжение США в 2001 году в Афганистан стало завершающей фазой формирования однополярного мира в главе с американцами. Регионы мира перекраивались в соответствии с национальными интересами США, под пассивным наблюдением двух сверхдержав современного мира – России и Китая. Все эти процессы продолжались вплоть до вторжения США в Сирию и дальнейшим расширением НАТО на Восточную Европу, где проходит «красная линия» жизненного пространства России. Сегодня в качестве геостратегических целей Запада выбраны постсоветские страны, которые возвращаются в орбиту российской геоэкономики и геокультуры, геополитики. В этом контексте нынешняя спецоперация России в Восточной Европе, открывает новую эпоху в международных отношениях, так как, на наш взгляд, именно с 24 февраля 2022, то есть с началом спецоперации в Восточной Европе, Россия стала самостоятельным полюсом мировой политики и экономики. Означает ли это, что продолжавшийся с 90-х годов XX века процесс выбора России между западничеством и славянофильством закончился, и Россия больше не будет подстраиваться под чьи либо системы ценностных ориентаций или стратегий развития? Наступило ли в России понимание того, что ей нужно выстроить собственную модель

современного развития с опорой на российские традиции и историю, русский язык и культурное многообразие народов России?

Очевидно, что постсоветская Россия как правопреемница СССР, её политическая, культурная и экономическая элиты, стремились интегрироваться в западный мир, и стать частью либеральной Европы. Со времен распада СССР, российской прозападной элите было обещано, что Россия будет рассматриваться как равный партнер Запада, и с ней будет считаться в вопросах мировой политики экономики. Однако эти обещания западных политиков, позже были ими забыты или проигнорированы.

«В британском архиве найден документ, который подтверждает, что западные страны на переговорах 1989-1991 годов обещали СССР не расширять НАТО на восток. Горбачев отдал ГДР и другие «страны социализма» без сопротивления. Взамен американцы и европейцы планировали сделать НАТО мирной структурой... В документе речь идет о встрече статс-секретарей МИД США, Британии, Франции и Германии в Бонне 6 марта 1991 года.

Темой встречи была безопасность Польши и других восточноевропейских стран. ГДР и ФРГ объединились за пять месяцев до момента встречи. Уже много месяцев, как политики в Варшаве и Будапеште сигнализировали о своем интересе к западным союзам государств. И документ доказывает, что в тот момент британцы, американцы, немцы и французы были едины: членство в НАТО восточноевропейских стран — «неприемлемо».

Особый интерес вызывает следующее замечание представителя Германии Юргена Хробога в этом документе: «Во время переговоров по формуле 2+4 мы четко объяснили: НАТО не будет расширено на другой берег Эльбы. Поэтому мы не можем предложить Польше и другим восточноевропейским странам членство в НАТО». Напомним, что переговоры 2+4 — это были переговоры ФРГ и ГДР с представителями четырех держав — победительниц во Второй мировой войне (Британия, СССР, США, Франция)» [1].

Сегодня опираясь на исторические факты, можно с уверенностью сказать, что в начале 90-х годов прошлого столетия некоторые советские политики фактически предали ГДР и его руководство, весь социалистический лагерь, и в дальнейшем развалили СССР. В этом контексте абсолютно прав президент Российской Федерации В.В. Путин, который в своем послании Федеральному собранию сказал: «Прежде всего, следует признать, что крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века» [2].

Между тем, хотелось бы обратиться на тот факт, что в 1990 году ФРГ и ГДР должны были объединиться как два равных государства. Но, по факту никакого объединения двух государств, о котором договаривались лидеры 4 стран победителей Второй мировой войны - СССР, США, Великобритания и Франция в соответствии с «Договором об окончательном урегулировании в отношении Германии», подписанного в г. Москве 12 сентября 1990 года, не произошло. ГДР фактически была поглощена ФРГ. Кстати, в вышеуказанном документе также было прописано, что объединенная Германия обязуется быть нейтральной европейской страной. Однако последние события, которые связаны со спецоперацией России в Восточной Европе, отчетливо показывают, что ФРГ отнюдь не собирается соблюдать договоренности, которые легли в основу объединения ФРГ, ГДР и Западного Берлина в 1990 году. Поэтому Президент Российской Федерации В.В. Путин совершенно прав, когда призывает США, Великобританию и страны ЕС соблюдать достигнутые договоренности в рамках всех тех официальных документов, которые в начале 90х годах XX века заложили правовую основу для создания новой архитектуры безопасности и системы международных отношений в Европе. Одним из таких ключевых документов, на мой взгляд, является «Договором об окончательном урегулировании в отношении Германии» от 12 сентября 1990 года, в котором в частности написано: «Германская Демократическая Республика, Федеративная Республика Германии, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки, Союз Советских Социалистиче-

ских Республик и Французская Республика, сознавая, что их народы с 1945 года живут в мире друг с другом; принимая во внимание исторические изменения последнего времени в Европе, которые дают возможность преодолеть ее раскол... преисполненные решимости в соответствии со своими обязательствами по Уставу Организации Объединенных Наций развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира; преисполненные решимости учитывать интересы безопасности каждого; убежденные в необходимости окончательно преодолеть антагонизм и развивать сотрудничество в Европе; подтверждая свою готовность укреплять безопасность, в особенности путем принятия эффективных мер по контролю над вооружениями, разоружению и укреплению доверия, свою готовность не рассматривать друг друга как противников, а работать над установлением отношений доверия и сотрудничества...» [3].

Без преувеличения можно констатировать, что именно с подписания этого исторического документа, закончился период «Холодной войны» и должен был начаться отсчет новой эры сотрудничества и укрепления доверия в Европе и в целом в Евразии. «Одним из важнейших элементов всей конфронтационной политической композиции Восток-Запад являлся, бесспорно, германский вопрос. Именно через расколотую надвое Германию проходил передний край противостояния НАТО и Организацию Варшавского Договора (ОВД). Пока существовал этот раскол, преодоление «холодной войны» представлялось невыполнимым. Поэтому германский вопрос превратился во второй половине 80-х годов в центральный объект переговоров между Советским Союзом и западными державами в поисках взаимоприемлемого компромисса. От этого во многом зависело успешное продвижение Советского Союза по пути реформ» [4].

Решение «германского вопроса», позволяло СССР и в дальнейшем всем постсоветским странам строить и развивать свои отношения в Евразии в новом геополитическом треке. Ни о каком либо расширении НАТО на Восток, в соответствии как устных, так и письменных заявлений руководителей стран Запада и речи не было. Но, однако, уже с 24 марта по 10 июня 1999 году, США и НАТО, нарушив свои ранее достигнутые с руководством СССР договоренности, в рамках операции «Союзная сила» осуществило бомбардировку Югославии [5] и уже тогда начали свое расширение на Восток, в сторону границ Российской Федерации.

Между тем, на наш взгляд, США и нынешний ЕС никогда не рассматривали Российскую Федерацию как своего равноправного партнера. По нашему мнению, страны бывшего СССР рассматривались как проигравшая сторона в противостоянии капиталистического и социалистического лагерей. При этом, дальнейший ход новейшей истории СНГ, показал, что с психологией «проигравшей стороны» смирились многие постсоветские страны. Поэтому элиты, в некоторых постсоветских странах, по указке подконтрольных Западу международных финансовых организаций разрушили всю свою «социалистическую экономику», отказались от системы социалистической системы образования и медицины и т.д. Однако до сих пор страны постсоветского пространства так и не стали «равными» партнерами как для США, так и ЕС. До начала спецоперации России в Восточной Европе страны бывшего СССР, особенно Россия рассматривались всего лишь как объект международных отношений.

«В начале 1990-х годов возникла геополитическая развилка — стратеги гадали, куда пойдет Земля. Одни предрекали торжество Pax Americana — планетарное доминирование одного имперского центра. Ситуация, прямо скажем, еще не виданная в истории человечества. Другие заговорили о многополярном мире — представляя его как дружный общемировой парламент или предрекая вражду равных полюсов.

Но Сэмюэл Хантингтон, написавший бестселлер «Столкновение цивилизаций», скоро перевернул свое мнение. Он заговорил о uni-multipolar world — по-русски о «полуторполярном мире». Смысл данной концепции прост: США и союзники по НАТО доминируют со своей совокупной мощью.

А прочим «недополюсам» отводится место лишь «младших партнеров Америки» или безвредной массовки. И только. По этой схеме мы уже жили во времена президента Ельцина и дипломата Козырева. Нам дали приставной стул в «семерке» и много разных обещаний — от роспуска НАТО до «экономического чуда. Но всё закончилось дефолтом-1998, вывозом наших стратегических ресурсов и системой ПРО в Европе» [6].

К сожалению, руководство США и Запад в целом, после распада СССР не изменили свое стереотипное отношение к постсоветскому пространству. Идеиную основу их русофобии и предвзятого отношения к народам бывшего СССР составляли труды американского политолога Р.Страуса-Хюпе. Он в частности утверждал, что «перед Соединенными Штатами стоит задача объединения планеты под своим руководством в течение одного поколения... Миссия американского народа - похоронить национальные государства, ввести осиротевшие народы в более общие союзы и подавить своей мощью потенциальных саботажников нового порядка, которым нечего предложить человечеству кроме гнилой идеологии и грубой силы...» [7].

В своих трудах последующие конструкторы внешней политики США, такие как З.Бжезинский, С.Хантингтон, Ф.Фукуяма в основном продолжали рассматривать постсоветское пространство как источник обогащения Запада, как жизненное пространство США, как цель культурной экспансии Запада. Например, по умозаключениям З.Бжезинского, США не могут чувствовать себя в безопасности, пока не установят полный контроль над центральной частью Евразии, то есть над Центральной Азией и частично над Россией. По его мнению, только установив полный контроль над центральной частью Евразией, США смогут контролировать весь земной шар [8].

Несомненно, что после распада СССР, формированию и кратковременному функционированию однополярного мира во главе с США способствовали следующие факторы:

- финансовая мощь, основанная на доминировании доллара США в мировой финансовой системе. Согласно обследованию МВФ за четвертый квартал 2020 года доля долларовых резервов в авуарах центральных банков составляла 59 % [9]. То есть до сих пор доллар США остается наиболее востребованной резервной валютой в большинстве стран мирового сообщества;

- военная мощь. До 800 военных баз США расположены в 177 стран мира. На их содержание тратится ежегодно до 69 млрд. долларов США. Ежегодный военный бюджет США достигает 740 млрд. долларов США [10]. В сравнении с США у России в наличии всего 18 военных баз и объектов за её пределами [11].

- контроль над транснациональными организациями, как например Всемирный Банк, МФВ, ВТО, ОБСЕ, ООН;

- контроль мирового информационного и виртуального пространства. Благодаря лидерству в разработке новейших информационно-коммуникационных технологий США обеспечили себя лидерством в глобальной сети, что позволяет им иметь беспрепятственный доступ к каналам трансляции информации по всему миру, а также усиливает возможности манипуляции мирового общественного сознания и формирования проамериканского общественного мнения на планете. При этом важно учесть, что главные архитекторы виртуального пространства, такие техногиганты как Facebook, Amazon, Google, Apple и Microsoft, объединенные именем Big Tech расположены в США и, несомненно, контролируются правительством США «Открылась эра глобальной войны за общественное сознание с использованием новейших информационных технологий на основе координации деятельности государственных структур и транснациональных корпораций США» [12, с. 94].

При этом США с помощью постоянно совершенствующихся политических технологий в течении уже нескольких десятилетий умело манипулируют религиозными чувствами последователей ислама на земном шаре, что позволяет им умело контролировать и манипулировать жизнью более 1 млрд. мусульман, проживающих в основном в Азии и Африке. Важную роль в этом деле играет Комиссия США по меж-

дународной религиозной свободе (USCIRF) и Госдеп США. Между тем позиция этих организаций отличается избирательностью при оценке религиозных свобод в странах с мусульманским населением. Например, при анализе ситуации с последователями ислама в странах с проамериканскими позициями, Комиссия США по международной религиозной свободе и Госдеп США, не смотря на вопиющие нарушения прав верующих в вышеуказанных странах, могут дать положительную оценку. К таким странам относятся большинство государств Ближнего и Среднего Востока. Однако, при оценке религиозной ситуации в странах постсоветского пространства, ориентированных на Россию, позиция вышеуказанных американских организаций выстраивается на основе принцип двойных стандартов.

10 июня 2020 года Госдепартамент США опубликовал свой ежегодный доклад о состоянии религиозной свободы в мире за 2019 год. В докладе утверждается, что в Таджикистане по-прежнему ограничивается свобода религии, что не соответствует действительности.

Данная американская эпопея, когда такого рода документ с явными признаками некомпетентности, необъективности, однобокости подготовлен по шаблону и старым стереотипам, продолжается уже несколько лет и теряет свою серьёзность. Невооруженным глазом видно, что этот доклад подготовлен лицами, которые не знакомы с реальной религиозной ситуацией в нашем регионе либо написан теми, кто заинтересован в нанесении урона международному имиджу нашей страны. Возникает вопрос: почему такая высокая государственная структура супердержавы мира, как Госдепартамент готовит отчет о состоянии религиозной свободы для мирового сообщества с тенденциозным уклоном? Кому это надо?

К сожалению, обобщенный взгляд США на Таджикистан, как на однородный регион, населенный «истинными мусульманами», как например, в исламский мир, не дает им возможности увидеть всю внутреннюю динамику развития религиозной жизни таджикского общества.

Да, действительно Таджикистан является страной, где проживает население с мусульманской религиозной идентичностью. Действительно в Таджикистане, как отмечает Госдеп США в своем докладе, «90 процентов жителей Таджикистана исповедуют ислам», то есть у них мусульманская идентичность. Однако мало кто на Западе задумывается о том, что в нашей стране практикуется так называемый «бытовой ислам», когда ритуально-обрядовой стороне ислама придается вторичное значение, а больше внимание акцентировано на самой вере, как на основном индикаторе истинной религиозности. Поэтому, насколько мне известно, большинство мусульман Таджикистана, выучив несколько сур Корана, совершают молитву на арабском языке, которым они не владеют и соответственно они не понимают значение и смысл этих молитв. Но, они верят в эти суры Корана. Потому что они считают — главное, чтобы человек верил сердцем. Из 90% населения с мусульманской идентичностью, арабским языком, на котором написан Коран, в лучшем случае владеют 2% мусульман-таджиков. Знают ли об этом наши западные партнеры? Я уверен в том, что аналогичную ситуацию можно будет наблюдать во всех странах Центральной Азии и других регионах мира» [13].

Искаженная оценка религиозной ситуации, например, в странах Центральной Азии делается только с одной целью - создать негативный образ светских режимов в глазах верующих. Россия, как известно, поддерживает светские режимы в Центральной Азии. Таким образом, демонизируя светские режимы в глазах религиозных людей в этом регионе, Запад культивирует религиозно-политический экстремизм, на который они делают ставку в деле вытеснения России из Центральной Азии.

Со стороны Запада под видом распространения принципов и ценностей религиозной толерантности, например в странах Центральной Азии пло насаждения идеологии религиозного радикализма. В течении 30-и лет после распада СССР, страны Запада культивировали в Центральной Азии различные движения, организации и идеологии антирос-

сийского характера. Все эти шаги были направлены на то, чтобы страны Центральной Азии отделились, дистанцировались от России. Однако в Центральной Азии они в этой своей деструктивной деятельности не добились успеха, так сохранению влияния России в регионе способствовали следующие факторы:

– наличие всего еще сильной и пророссийски настроенной научно-технической, творческой интеллигенции, политической и экономической элит, устойчивых научных и культурных связей;

– наличие устойчивых экономических, финансовых связей, ориентированности большого и среднего предпринимательства стран Центральной Азии на российское экономическое пространство;

– налаженные связи и военно-техническое сотрудничество оборонных ведомств;

– доступ трудоспособного населения к рынку труда в России;

– доступ молодежи, посредством квот к системе образования в России;

– высокий интерес населения Центральной Азии к русскому языку и российской культуре;

– опыт совместного проживания в СССР, общие памятные даты (День победы);

Все эти факторы являются базисом для долгосрочного сотрудничества России и стран Центральной Азии. Помимо того, такие организации как ОДКБ и ЕАЭС, также сыграли позитивную роль в укреплении сотрудничества стран постсоветского пространства и стали надежным заслоном для осуществления деструктивных действий Запада в Евразии. В этом контексте нужно отметить роль ОДКБ, которую она сыграла в деле сохранения конституционного строя в Казахстане в январе 2022 года. Попытка дестабилизации этой важной страны в Евразии, была осуществлена с целью открытия нового театра военных действий у восточных российских границ и тем самым отвлечения внимания России от угроз ее безопасности исходящей из Восточной Европы.

Сегодня, уже становится ясным, что мир возвращается в период новой «Холодной войны», и санкции Запада, которые направленные на Россию, автоматически направлены на всех союзников России по СНГ. Возможно эта ситуация сохранится на ближайшее десятилетие. Поэтому сегодня в деле смягчения последствия экономических санкций Запада на постсоветском пространстве важная роль будет принадлежать ЕАЭС. Однако в контексте событий связанных со специальной операцией России в Восточной Европе и с учетом новых геэкономических и геополитических реалий в мире, ЕАЭС требует оптимизация некоторых принципов и механизмов её функционирования.

Сегодня Россия выбрала свой путь развития, который отвечает национальным интересам этой страны. Она окончательно очертила свою орбиту в геополитическом пространстве мира, и ей больше не нужно подстраиваться или приспосабливаться к какому-либо союзу или быть частью каких-то объединений. Безопасность и процветания всей Евразии, которая состоит из множества прагматичных военно-политических, экономических и культурно исторических союзов, всегда зависела от России. Она сегодня возвращает себе статус страны, которая и впредь будет, определять вектор цивилизационного развития в мире, и будет гарантом безопасности региона.

2022 год стал важной эпохой завершения доминирования США мировой политике и экономике. Приходит конец принудительному насаждению политических, экономических и культурных ценностей американцев в мире, так как наступает эра постамериканизма. На наш взгляд американцам трудно понять, что такие страны как Россия с ее тысячелетней историей, Китай с его древнейшей цивилизацией никогда не подчинятся культурной, политической и экономической гегемонии США, которая возникла как государство только в 1776 году. Это относится и к Индии, и к Ирану, путь цивилизационного развития которых предначертан их историей и культурой. Эти цивилизации существовали еще до появления США и внесли свой весомый вклад в развитие челове-

ства. Они также никогда не подчинятся гегемонии США в мире. «Однополюсная гегемония страшна имперским всевластием одной страны, жесткой гегемонией, склонностью к силовому диктату и доминированию абсолютного меньшинства над абсолютным большинством, которое ощущает безальтернативность будущего... Международное сообщество интуитивно противостоит гегемону. Униженность в иерархии не может приветствоваться странами, чей генетический код исторического самосознания не позволяет опуститься до уровня управляемой геополитической величины» [14].

Между тем именно Китай оказывал наибольшее сопротивление однополюсному миру. Для этой цели Китай использовал собственную глобальную цивилизационную стратегию - «экспансия национальных интересов и ценностей китайской цивилизации посредством внутренней социально-экономической мобилизации и этнической миграции, формирования и контроля на планете локальных китайских социально-национальных общностей» [15, с. 23]. Китай сегодня достиг такого уровня развития, что в течение последних 30, со времен распада двухполюсного мира, смог модернизироваться и сегодня стал самостоятельным полюсом мировой политики и экономики. Важную роль в этой новой миссии Китая будет играть ее инициатива «Один пояс - один путь».

«Председатель КНР Си Цзиньпин в 2013 году презентовал мировому сообществу мегапроект «Один пояс - один путь». Концепция «Один пояс - один путь» - международная инициатива Китая, направленная на совершенствование существующих и создание новых торговых путей, транспортных, а также экономических коридоров, связывающих более чем 60 стран ЦА, Европы и Африки, которая будет способствовать развитию торговых отношений между ними и Китаем» [16, с. 162]. Если проект «Один пояс - один путь» является экономическим инструментом, то ШОС является политическим инструментом Китая, которые эта страна использует в деле выполнения функций гравитационного центра в мировой политике и экономике. Между тем Китай также грамотно расширяет ареалы своего культурного влияния по всему миру посредством популяризации китайского языка и культуры. «В этом деле огромная надежда возлагается на культурно-языковые Центры Конфуция» [17, с. 110]. Центры Конфуция являются инструментом культурного влияния Китая, который сегодня стал третьим самостоятельным полюсом системы международных отношений в мире.

На мой взгляд, Россия для осуществления функций гравитационного центра одного из трех полюсов современного мира, также обладает всеми инструментами:

– ОДКБ – военно-политический инструмент

– ЕАЭС – экономический инструмент

– Евразийство – политико-культурный и идеологический инструмент.

В контексте вышесказанного, необходимо также обратить внимание на идею Владимира Путина о создании Евразийского союза, которая была выдвинута им еще в 2011 году. Сегодня в эпоху начавшегося постамериканизма, интеграционный проект российского президента приобретает новое значение. «Создание Евразийского союза, эффективная интеграция – это тот путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI века. Только вместе наши страны способны войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса, добиться успеха и процветания» [18].

На наш взгляд «постсоветское пространство нуждается в снятии всех барьеров на пути экономического и культурного сотрудничества. Создание Евразийского союза действительно изменит мировую геэкономическую и геополитическую и пойдет только на пользу всем странам, которые войдут в это объединение. Владимир Путин, заложив идейную основу Евразийского союза, обозначил ориентиры внешней политики России... Евразийский союз, используя положительный опыт и принципы построения Европейского союза, кардинально изменит геополитическую конфигурацию мира» [19].

«Евразийский союз – это мегапроект, соизмеримый со сложными вызовами настоящего и будущего. Он имеет все шансы стать органичной частью новой мировой архитекту-

ры, формирование которой началось под воздействием самого мощного в истории глобального финансово-экономического кризиса» [20].

Таким образом, в Центральной Азии сегодня соприкасаются три полюса мировой политики и экономики. В главе этих полюсов стоят Россия, Китай и США. При этом США и в целом Запад инициировали и всецело поддерживают политику конфронтации с Россией и Китаем, что в конечном счете провоцировало сегодняшней многоуровневый политический, экономический и финансовый кризис по всему земному шару и несет угрозу системе безопасности в Евразии.

Между тем обеспечение безопасности в Евразии, особенно в Центральной Евразии должна стать общей задачей России и государств Центральной Азии, что подразумевает тесную координацию и взаимодействие наших стран в рамках как ОДКБ, так и ШНГ. Современная мировая практика показывает, что Россия нацелена на сохранения прочного мира и обеспечения социально-политической стабильности на пространстве ШНГ. Поэтому конструктивные и прогрессивные силы в Таджикистане всецело поддерживали, и впредь будут поддерживать наших российских партнеров в этом деле.

Итак, трехполярный мир сформировался. Мировое общество имеет теперь в наличии три различные стратегии глобального цивилизационного развития и три абсолютно разные мировоззренческие основы. Национальные государства, в зависимости от своих национальных интересов, геополитического положения, адаптационных возможностей своей культуры и национальных традиций, теперь при создании военно-политических, экономических союзов с супердержавами и региональными державами имеют альтернативу для выбора. Ни однополярный и ни двухполярный мир фактически не давали средним и малым государствам право выбора во внешней политике и экономике. Если в период двухполярного мира выбор политического или экономического ориентиров для государств мирового сообщества ограничивался США или СССР, то однополярный мир вообще никакой возможности для выбора внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов не давал. Однако всего лишь несколько недель спецоперации России в Восточной Европе в 2022 году, показали, что диктат США более неуместен в мировой политике и экономике. Страны мирового сообщества, в том числе союзники США сегодня начали принимать решения исходя из своих геополитических и геоэкономических интересов. На наш взгляд, с этого периода и в перспективе Россия, Китай и США вынуждены будут выстраивать новую стратегию для равноправных взаимоотношений со всеми субъектами международных отношений. На наш взгляд, трем сверхдержавам придется постоянно работать над своей политической и экономической, культурной привлекательностью для того, чтобы другие страны мирового сообщества, выбирали их в качестве долгосрочных политических и экономических партнеров. Эра, когда США делали другим государствам современного мира «предложения, от которого нельзя отказаться» прошла, и наступил период трехполярного диалога и учета интересов всех государств мира, являющимися субъектами международных отношений

Пристатейный библиографический список

1. Вигрефе К. Документ 1991 года показывает: Путин прав, НАТО обманула Москву, обещав «нерасширение». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.inosmi.ru/20220219/nato-253105281.html (дата обращения: 25.03.2022).
2. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931 (дата обращения: 25.03.2022).
3. «Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ppt.ru/newstext.phtml?id=25893 (дата обращения: 25.03.2022).

4. Дашичев В. И. «Германский вопрос». Воспоминания о будущем. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cyberleninka.ru/article/n/germskiy-vopros-vospominaniya-o-buduschem-razmyshleniya-naveyannye-knigoy-mihail-gorbachyov-germskiy-vopros-sbornik-dokumentov (дата обращения: 26.03.2022).
5. Бомбардировка Югославии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.ru.wikipedia.org/wiki/Бомбардировка_Югославии_\(1999\)](http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Бомбардировка_Югославии_(1999)) (дата обращения: 26.03.2022).
6. Солозобов Ю. Контрполярный мир. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.iz.ru/news/580537 (дата обращения: 26.03.2022).
7. Straus-Hupe R. The Balance of Tomorrow; Power and Foreign Policy in the United States. - Literary Licensing, LLC. - 2012.
8. Brzezinski Z. Die einzige Weltmacht. Amerikas Strategie der Vorherrschaft. - Frankfurt/Main. Fischer Tashenbuch Verlag. - 2002.
9. Доля доллара США в мировых валютных резервах сократилась до 25-летнего минимума. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.imf.org/ru/News/Articles/2021/05/05/blog-us-dollar-share-of-global-foreign-exchange-reserves-drops-to-25-year-low (дата обращения: 27.03.2022).
10. Где у США есть военные базы и сколько на них тратят? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ru.sputnik.kg/20200214/usa-voennye-bazy-1047068485.html (дата обращения: 27.03.2022).
11. Сколько военных у США и России за рубежом? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ru.sputnik.kg/20200214/usa-russia-voennoe-prisutstvie-1047068628.html (дата обращения: 27.03.2022).
12. Хайдаров Р.Дж. Влияние процесса глобализации на трансформацию таджикского общества. Дис. ... доктора филос. наук. - Д., 2007.
13. Хайдаров Р.Дж. Доклад Госдепа о религиозной свободе искажает истину. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.khovar.tj/rus/2020/06/rustam-hajdarov-doklad-gosdepa-o-religioznoj-svobode-iskazhaet-istinu/ (дата обращения: 28.03.2022).
14. Уткин А. Геоструктура XXI века. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ng.ru/ideas/2000-09-01/8_geo.html (дата обращения: 28.03.2022).
15. Левашов В.К. Общество и глобализация // СОЦИС. - 2005. - № 4 (252).
16. Хайдаров Р.Дж. Значение китайской инициативы «Один пояс – один путь» для Республики Таджикистан // Известия Института философии, политологии и права АН РТ. - 2019. - № 2.
17. Хайдаров Р.Дж. Современные геополитические тренды и международная обстановка в Центральной Азии // Известия Института философии, политологии и права АН РТ. - 2017. - № 4 (1).
18. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии - будущее которое рождается сегодня. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.komitet.info/eurasian-integration/eurasia-project-history/338/ (дата обращения: 30.03.2022).
19. Хайдаров Р.Дж. Чего хочет Путин, говоря о Евразийском союзе? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.asiaplustj.info/ru/news/world/20111008/chego-khочet-putin-govorya-o-evraziiskom-soyuze (дата обращения: 30.03.2022).
20. Назарбаев Н.А. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.iz.ru/news/504908 (дата обращения: 30.03.2022).

ГУРЕЕВ Илья Георгиевич

магистрант юриспруденции, секретарь судебного заседания Арбитражного суда Московской области

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович

доктор исторических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, профессор кафедры международного права и прав человека института права и управления Московского городского педагогического университета

КОНВЕНЦИОННАЯ ЗАЩИТА ДЕТЕЙ ОТ ПОХИЩЕНИЯ В ПРАКТИКЕ ЕСПЧ

Похищение людей – весьма распространенное явление в современном мире и затрагивает интересы практически всех государств. Данное деяние наносит большой вред взрослому человеку. Но этот вред кратно возрастает, когда идет речь о похищении ребенка с еще не устоявшейся психикой и может оказаться роковым в процессе его взросления и социализации. До 1980 г. не было международно-правового акта, противостоящего и предупреждающего такие деяния. Принятие Гагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей в 1980 г. стало важным событием, положившим начало более эффективному противостоянию международному похищению детей в практике Европейского суда по правам человека.

Ключевые слова: дети, ребенок, международное похищение, Европейская конвенция по защите прав и свобод, Гагская конвенция по гражданско-правовым аспектам международного похищения детей, Европейский суд по правам человека.

GUREEV Ilya Georgievich

master of jurisprudence, Court Secretary of the Arbitral of the Moscow region

KRIVENKIY Aleksandr Ivanovich

Ph.D. in historical sciences, professor of Civil law disciplines sub-faculty, professor of International law and human rights sub-faculty of the Institute of Law and Management of the Moscow City Pedagogical University

CONVENTION PROTECTION OF CHILDREN FROM ABDUCTION IN THE PRACTICE OF THE ECHR

Kidnapping is a very common phenomenon in today's world and affects the interests of almost all nations. This act causes great harm to an adult. However, this harm is many times greater when it is the abduction of a child, whose psyche is not yet settled, and can be fatal in the process of growing up and socialization. Before 1980, there was no international legal instrument to confront and prevent such acts. The adoption of the Hague Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction in 1980 was an important event, which marked the beginning of a more effective fight against international child abduction in the practice of the European Court of Human Rights.

Keywords: children, child, international abduction, European Convention on the Protection of Rights and Freedoms, Hague Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction, European Court of Human Rights.

В первой статье авторов анализировалось понятие и содержание международного похищения детей и их защита от таких деяний в национальном законодательстве государств. В настоящей статье освещается международно-правовая защита детей от похищения.

По результатам исследования в первой статье отмечалось, что эффективная защита прав детей от похищения одним из родителей, а тем более в преступных целях, не может быть обеспечена только на национальном уровне. В особенности это касается рассмотрения дел о похищении в судах. Судебная практика борьбы с похищениями детей показала, что исправить или скорректировать деятельность национальных судов должным образом, а также восполнить пробелы в законодательстве отечественного правопорядка непросто. Качественно эти вопросы можно решить только с помощью наднационального судебного органа, которым является Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ).

В рамках своей деятельности ЕСПЧ в первую очередь руководствуется положениями Европейской конвенции по правам человека 1950 года (далее – ЕКПЧ, Европейская конвенция), решением которой он и был создан. Данная конвенция (включая факультативные протоколы) является основным правовым актом, регламентирующим деятельность Европейского суда по правам человека.

С учетом правового статуса детей им доступны все права и свободы, предусмотренные положениями Европейской конвенции [1, с. 595]. Так, первый раздел данного акта закрепляет перечень прав и свобод человека, которые должны быть обеспечены всеми присоединившимися государствами. Хотя Европейская конвенция не содержит норм, непосредственно предназначенных для предупреждения и разрешения дел о похищении детей, наряду с правами полностью дееспособных лиц в первом разделе (ст.

Гуреев И. Г.

Кривенький А. И.

2-18) в той или иной мере содержатся гарантии прав и свобод и для несовершеннолетних.

Но, руководствуясь положениями Европейской конвенции, в рамках своей деятельности Европейский суд, тем не менее, всегда положительно относился и относится к применению различных инструментов международного права [2, с. 159], то есть не является замкнутым в себе автономным соглашением. Это позволяет Европейскому суду по правам человека применять иные международные соглашения, гарантирующие права и свободы человека, трактуя данные соглашения в свете положений Европейской конвенции.

Именно таким образом применяются Европейским судом положения Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года (далее – Конвенция, Гагская конвенция 1980 г.). Конвенция разработана и принята в рамках постоянно действующей Гагской конференции по международному частному праву и является основным международно-правовым документом в сфере защиты прав детей от похищения и предупреждения данных деяний.

Явным доказательством востребованности данного международного акта является количество присоединившихся к нему государств. Более 100 из них согласились на применение Конвенции в обоюдных отношениях между собой [2]. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию в 2011 году (за исключением протоколов № 6, № 12, № 13. Протокол № 14 был ратифицирован в 2010 г.). За 10 лет ее применения в отечественной и международной правовой системе накоплен опыт полезной судебной практики. Востребованность применения норм Конвенции со стороны России также очевидна [9].

Непосредственные нормы Конвенции 1980 года, применяемые для возвращения похищенных или перемещенных детей, содержатся в гл. III (ст. 8-20). В практике Европейского суда широко используются методики, согласно которым в сфере международного похищения детей обязательства, налагаемые на страны-участницы указанными нормами, должны быть истолкованы с учетом требований не только уже упомянутой Конвенции о гражданских аспектах международного похищения детей, но и с учетом Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года. Данный подход позволяет осуществить совместное применение международных актов, обеспечивая надлежащий баланс, в частности, между положениями Европейской конвенции и Конвенцией 1980 года в целях достижения наиболее полной защиты прав родителей и детей [11].

Европейский суд обращает особое внимание на важность оптимального соотношения норм различных международных соглашений, а также на их цели и влияние, которые они оказывают на гарантии обеспечения и защиты прав родителей и детей. Такое применение международных соглашений не должно приводить к коллизионному столкновению в области защиты прав и свобод человека в деятельности ЕСПЧ [12, с. 255].

В деятельности Европейского суда, при рассмотрении споров о похищении несовершеннолетнего одним из родителей в разрезе положений Конвенции 1980 года основным направлением разрешения спора является установление справедливого баланса между интересами ребенка, его родителей, а также общественного порядка. Оба указанных документа признают первостепенную важность интересов ребенка в качестве основополагающего правового принципа, что последовательно реализуется в рамках деятельности Ев-

ропейского суда. В большинстве случаев при рассмотрении жалоб, связанных с нарушением прав детей, ЕСПЧ указывает, что самые важные интересы ребенка могут не совпадать с интересами отца или матери.

Как отмечают некоторые исследователи, несмотря на видимое отсутствие противоречий между Конвенцией 1980 года и Европейской конвенцией в плане применения норм для соблюдения самых важных интересов ребенка, при более тщательном анализе обнаруживаются все же некоторые различия в подходе к трактовке изучаемого понятия между указанными соглашениями. Так, под основной идеей Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, раскрывающей принцип учета оптимальных интересов ребенка, подразумевается скорейшее и эффективное возвращение несовершеннолетнего в среду его привычного пребывания, откуда он был похищен одним из родителей. Применение положений Конвенции договорившимися государствами включает в себя деятельность национальных органов по возвращению ребенка в семью его обычного пребывания в любой ситуации (за исключением ограничений, установленных Конвенцией 1980 г.) вне зависимости от результатов рассмотрения отдельного и самостоятельного спора в суде об опеке над несовершеннолетними между родителями. Такой подход к раскрытию данного принципа является узким, однако полностью пригодным и подходящим для целей, установленных Конвенцией о гражданских аспектах международного похищения детей.

В случае же применения принципа учета оптимальных интересов ребенка в рамках положений Европейской конвенции по правам человека происходит уже его расширительное толкование, которое, в отличие от Конвенции 1980, уже не будет сосредоточено только на зависимости оптимальных интересов от места привычного пребывания несовершеннолетнего. Практика Европейского суда по правам человека выработала ключевой стандарт, согласно которому в деятельности суда не может быть применена единая правовая презумпция учета оптимальных интересов. Определение оптимальных интересов ребенка в рамках деятельности ЕСПЧ должно осуществляться независимо в каждом конкретном деле [8, с. 18]. Таким образом, решения, выносимые ЕСПЧ, могут быть не в пользу заявителей, если будет обнаружено, что заявленные требования противоречат интересам несовершеннолетнего. Например, в деле «Сахин против Германии» суд отметил, что решение национального органа было принято без учета мнения самого несовершеннолетнего, а, следовательно, произошло непосредственное нарушение интересов самого ребенка [13].

Применение Конвенции 1980 года осуществляется не только ЕСПЧ, но и национальными судебными органами в силу наличия определённого преимущества из-за непосредственного контакта с заинтересованными сторонами. При разрешении споров о похищении ребенка одним из родителей внутригосударственные органы пользуются определённой самостоятельностью и свободой усмотрения по разрешению спора, что уже, в свою очередь, является предметом контроля со стороны Европейского суда по правам человека. Таким образом, в своей деятельности ЕСПЧ, в соответствии со ст. 8 Европейской конвенции, проверяет, был ли установлен справедливый баланс между интересами ребенка, его родителей и общественным порядком. Обзор практики Европейского суда по делам о гражданских аспектах похищения детей содержит следующую правовую позицию: «Сбалансированное толкование Европейской конвенции и Гагской

конвенции... может быть достигнуто при условии соблюдения двух условий. Во-первых, факторы должны представлять собой исключения для немедленного возвращения ребенка в соответствии с... [Гагской] конвенцией... должны быть действительно приняты во внимание запрашиваемым судом. Затем суд должен вынести решение по данному вопросу, которое будет достаточно аргументированным, чтобы позволить Европейскому Суду подтвердить, что эти вопросы были изучены эффективно. При этом эти факторы должны быть оценены в свете статьи 8 Конвенции» [11].

В связи с рассмотренными расхождениями по вопросу определения оптимальных интересов ребенка используется прецедентная практика Европейского суда по правам человека. Это относится, прежде всего, к делам, связанным с незаконным перемещением или удержанием несовершеннолетних. В результате деятельности ЕСПЧ при совместном применении ст. 8 ЕКПЧ и Гагской конвенции 1980 года прослеживаются два основных подхода. Первый из них можно проследить, например, по делу «Момуссо и Вашингтон против Франции», по которому Европейский суд не увидел нарушения права на семейную жизнь у матери ребенка, обратившейся с жалобой [5]. В указанном деле суд трактовал оптимальные интересы несовершеннолетнего в смысле приоритета скорейшего возвращения ребенка в страну, из которой он был похищен, не обратив внимание на четырехлетний возраст ребенка, а также отсутствие у него знания языка той страны и малое знакомство со вторым родителем – отцом ребенка. Несмотря на спорный характер дела, в практике Европейского суда, который впервые потребовал учитывать интерес не только самого несовершеннолетнего, но и его родителей, в указанном деле ярко выражается первый подход, заключающийся в обеспечении немедленного возвращения ребенка, незаконно перемещенного или незаконно удерживаемого в другом государстве, в страну его привычного пребывания. По мнению А.А. Павлова, по данному делу Европейский суд использовал выработанный ранее подход, в соответствии с которым оптимальный интерес ребенка будет состоять в возвращении первоначального положения, «status quo», существовавшего до перемещения несовершеннолетнего [12, с. 502].

Во второй половине 2000-х годов, в противоположность первому подходу, который был доминирующим в практике ЕСПЧ, был разработан второй подход, заключающийся в том, что приоритет в делах о похищении несовершеннолетнего будет отдаваться наиболее полному обеспечению интересов ребенка, а не цели его скорейшего возвращения. Следовательно, приоритет интересов несовершеннолетнего определяется исходя из обстоятельств дел в каждом конкретном случае.

Второй подход проявился в известном и резонансном деле «Нойлингер и Шурук против Швейцарии» [7]. В данном деле ЕСПЧ сделал вывод о том, что обеспечение наилучших интересов несовершеннолетнего может быть важнее цели немедленного возвращения несовершеннолетнего в страну его привычного пребывания. Данный вывод был основан на том, что повторная смена места жительства может иметь серьезные последствия для ребенка и наносить ущерб интересам самого несовершеннолетнего.

Следует упомянуть, что пояснительный доклад по вопросам имплементации и применения Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей разделяет понятия domicilio и места привычного пребывания несовершеннолетнего [20]. Так, место привыч-

ного пребывания будет являться вопросом факта, таким образом, при каждом конкретном случае похищения ребенка необходимо проводить оценку фактических обстоятельств, позволяющих определять место привычного пребывания ребенка. Таким образом, родитель, похитивший несовершеннолетнего из места его привычного пребывания, не имеет возможности создать это место заново. Исключением из данного принципа являются ограничения, предусмотренные ст. 12 Конвенции 1980 года, ограничивающей возможность обратиться с заявлением о возвращении несовершеннолетнего в течение одного года с момента похищения. По истечении указанного срока несовершеннолетний будет считаться адаптировавшимся к новой среде, обретая новое место привычного и постоянного пребывания. В такой ситуации национальные суды должны тщательно исследовать вопросы длительности, причины и условия пребывания ребенка, его социальные и семейные связи в целях определения места привычного пребывания несовершеннолетнего. Как отмечают некоторые ученые, такое место должно отражать определенную степень интеграции несовершеннолетнего в социальное окружение [19].

Понятие наилучших интересов несовершеннолетнего в практике ЕСПЧ включает в себя два основных аспекта: наличие прочных семейных взаимоотношений с родителями и родственниками, а также благоприятные условия формирования личности ребенка в здоровой семейной атмосфере. С учетом данной идеи родители несовершеннолетнего не могут прибегать к мерам, способным иметь негативные последствия для здорового и правильного формирования личности ребенка. В упомянутом деле «Нойлингер и Шурук против Швейцарии» Европейский суд на основе фактических обстоятельств дела сделал вывод о том, что исполнение решения национального органа, предписывающего скорейшее возвращение ребенка в место привычного пребывания, будет противоречить интересам ребенка тем, что нарушает его право на семейную жизнь, что идет в разрез с принципом учета наилучших интересов несовершеннолетнего.

В этом отношении показательным является другое дело Европейского суда – «Каррер против Румынии». Фабула дела касается жалобы отца и его дочери на порядок проведения судебного производства в судах Румынии, происходившего на основании Конвенции 1980 года, в связи с необходимостью возвращения заявителем ребенка в Австрию – страну его привычного пребывания. По результатам рассмотрения данного дела, как и в случае «Нойлингер и Шурук против Швейцарии», Европейский суд по правам человека определил, что имело место нарушение ст. 8 Европейской конвенции, так как национальные судебные органы не провели тщательный анализ ситуации, тем самым не учли должным образом наилучшие интересы несовершеннолетнего. Европейским судом также было отмечено, что судебное разбирательство в судах Румынии длилось 11 месяцев на двух уровнях юрисдикции, хотя, согласно положениям Гагской конвенции, дела указанной категории должны разрешаться в срок, не превышающий шести недель. Более того, заявителю не была предоставлена надлежащая возможность представить свое дело в судах Румынии либо лично, либо в письменной форме [6].

Продолжая развивать политику учета наилучших интересов несовершеннолетнего в делах о похищении, Европейский суд по правам человека создал очередной прецедент по результатам рассмотрения дела «Х против Латвии» [14]. Данное дело затрагивает процедуру возвращения ребенка в страну ее привычного проживания – Австралию. ЕСПЧ в данном

деле постановил, что прямое применение судами Латвии положений Гаагской конвенции о скорейшем возвращении несовершеннолетнего привело к нарушению принципа первоочередного учета интересов несовершеннолетнего, отказавшись принимать во внимание подлежащее доказыванию утверждение о наличии «серьезного риска» для ребенка в случае его возвращения в Австралию.

Как отмечает Н.В. Кравчук, суд «должен удовлетвориться тем, что процесс принятия решения был справедливым и позволил сторонам представить свою позицию в полном объеме, и тем, что были защищены наилучшие интересы ребенка», что в свою очередь подразумевает применение принципа учета наилучших интересов несовершеннолетнего в широком смысле [8, с. 20]. Упомянутое дело в настоящий момент является ключевым в практике Европейского суда по правам человека в области совместного применения положений ст. 8 Европейской конвенции по правам человека и Конвенции о гражданско-правовых аспектах международно-похищения детей.

Аналогичная судебная практика Европейского суда по правам человека применяется и по делам с участием Российской Федерации. Большое число обращений в ЕСПЧ с жалобами, затрагивающими гражданско-правовые аспекты похищения несовершеннолетних, обусловлено определенными пробелами отечественной правовой и судебной систем. Так, Семейный кодекс Российской Федерации гарантирует право родителей требовать возврата своего ребенка от любого лица, которое его удерживает в противоречии с законом, однако данные положения не могут применяться к незаконному удержанию ребенка другим родителем. При этом административное законодательство РФ не предусматривает ограничений на выезд ребенка за рубеж с одним из родителей без согласия второго. Данная коллизия вольно или невольно создает возможность для злоупотребления родительскими правами, что особенно сильно заметно в браках, где один супруг является гражданином другого государства. К тому же, отечественному правопорядку не известны некоторые институты, используемые в западных странах и содержащиеся в Конвенции о гражданско-правовых аспектах международно-похищения детей [18].

Одним из последних резонансных дел, связанных с применением Гаагской конвенции 1980 года в практике ЕСПЧ с участием Российской Федерации, стало дело «Ушаков против России» [17]. Согласно фабуле дела, заявитель требовал возвращения его дочери в Финляндию, откуда она была увезена в Россию бывшей женой без его согласия. По результатам рассмотрения заявления о расторжении брака суд Финляндии определил право совместной опеки в отношении общего ребенка у заявителя и его бывшей жены. Супруга заявителя отказывала в возвращении ребенка, обосновывая свои действия тем, что заявитель страдает психическим расстройством, а также обосновывая необходимостью лечения дочери, которое ей может быть обеспечено только на территории Российской Федерации. Очевидных доказательств в суд национальной инстанции представлено не было. В связи с этим Европейский суд констатировал нарушение прав, предусмотренных ст. 8 ЕКЧП. Было отмечено, что внутригосударственные органы в данном случае не предприняли достаточных мер, которые бы обеспечили скорейшее возвращение ребенка в привычную ему обстановку.

Как и в деле «Х против Латвии», Европейский суд по правам человека сослался на обязанность государств тщательно исследовать наилучший интерес несовершеннолет-

него в случае заявления сторон дела о наличии «серьезного риска», которому ребенок может подвергнуться в случае возвращения в страну его постоянного или преимущественного пребывания. Обращая внимание на недостаточность исследования наилучших интересов несовершеннолетнего, Европейский суд ссылаясь на уже упомянутый пояснительный доклад к Гаагской конвенции 1980 года, в рамках которого отмечается, что наилучшие интересы ребенка представляет из себя совокупность социальных условий, а не конкретная и закреплённая правовая презумпция.

Данная позиция была отражена также и в других аналогичных делах против Российской Федерации. В их числе, например, «V.P. против Российской Федерации», в котором Европейский суд определил следующее: национальным судебным органам надлежит учитывать законные интересы обоих родителей, одновременно соотнося их с обеспечением наилучших интересов ребенка. В данном деле ЕСПЧ постановил, что власти Российской Федерации не продемонстрировали надлежащего усердия при исполнении решения иностранного суда, а принятые национальными органами меры не были в достаточной степени эффективными, чтобы вернуть ребенка в страну, из которой он был увезен [17].

Рассматривая жалобу по делу «Громадка и Громадкова против Российской Федерации», ЕСПЧ отметил, что применение положений Гаагской конвенции 1980 года возможно, даже если родители несовершеннолетнего не состоят в официальном браке. В таких случаях национальные органы обязаны разработать специальные правовые механизмы, обеспечивающие надлежащую правовую защиту таких лиц. В данном случае, согласно содержанию дела, заявитель, гражданин Чехии, не состоял в официально зарегистрированном браке с гражданкой России. Впоследствии супруга похитила их совместного ребенка и сокрыла его на территории Российской Федерации. Европейский суд обратил особое внимание на то, что отечественная правовая система не имеет в своем арсенале механизмов, которые бы позволили надлежащим образом разрешать случаи похищения детей одним из родителей при отсутствии зарегистрированного брака. Более того, ответственные органы не предприняли адекватных мер для полного и всестороннего выяснения фактических обстоятельств дела.

Последним известным по анализируемой проблеме делом в практике Европейского суда по правам человека стала жалоба «Томпсон против Российской Федерации» [16]. Как и в ранее рассмотренных делах, суть этого дела заключается в применении положений Гаагской конвенции 1980 года отечественными судебными органами. Европейский суд произвел оценку решения суда, которым заявителю было отказано в возвращении несовершеннолетнего в страну его преимущественного пребывания. Основным вопросом заключался в исследовании особенностей применения национальными органами исключений из принципа скорейшего возвращения несовершеннолетнего, предусмотренных Конвенцией 1980 года. В итоге, по этому делу ЕСПЧ пришел к выводу, что отечественные судебные органы неверно истолковали положения упомянутой конвенции, чем вызвали нарушение нормы ст. 8 Европейской конвенции.

Отдельное внимание следует уделить особому мнению российского судьи Д.И. Дедова о постановлениях по вопросу похищения детей Европейского суда по правам человека. Он отмечает: Гаагская конвенция 1980 года и Европейская конвенция по правам человека никогда не гармонировали друг с другом. Конвенция о гражданско-правовых аспектах

международного похищения детей не учитывает многих обстоятельств, которые действительно могут повлиять на правильный исход при разрешении споров об изъятии ребенка из места его привычного пребывания.

На практике лишь немногие ученые закрывают глаза на наличие определенных пробелов и недостатков в отношении Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года. Несмотря на их наличие, данная Конвенция является наиболее эффективным инструментом для защиты детей от похищений одним из родителей. Правда, есть сложности при ее применении. Они являются следствием в расхождении содержания некоторых понятий, используемых в различных национальных правовых системах стран-участниц данного соглашения. Устранение недостатков в применении Конвенции 1980 г. является поэтому актуальным в области международного сотрудничества по изучаемой проблеме. В европейском регионе самым эффективным механизмом разрешения проблемы похищения детей является Европейский суд по правам человека. Количество дел о похищениях, рассматриваемых ЕСПЧ, подтверждает важность как самого суда, так и Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах похищения детей. Конвенция наделяет государства дополнительными юридическими положениями и механизмами, расширяя их возможности для реального противостояния похищению детей.

Пристатейный библиографический список

1. Балашкина И.В., Колесник А.М. Проблемы правового статуса ребенка // *Аллея науки*. 2020. Т. 2. № 12 (51). С. 594-599.
2. Гаагская конференция по международному частному праву: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=24>.
3. Гарлицки Л. Две конвенции и один регламент (о правозащитных аспектах международного похищения детей) (в пер. Кравчука Н.В.) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал*. 2017. № 3. С. 156-162.
4. Дело «Сахин против Германии» [Sahin - Germany] (Жалоба № 30943/96) (Большая Палата) (извлечение). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/55093937/> (дата обращения: 19.05.2021).
5. Информация о постановлении ЕСПЧ от 06.12.2007 г. по делу «Момуссо и Уошингтон (Maumousseau and Washington) против Франции» (жалоба № 39388/05) // *Бюллетень Европейского Суда по правам человека*. 2008. № 6.
6. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 21.02.2012 по делу «Каррер (Karrer) против Румынии» (жалоба N 16965/10) // *Бюллетень Европейского Суда по правам человека*. 2012. № 8.
7. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 08.01.2009 г. по делу «Нойлингер и Шурук (Neulinger and Shuruk) против Швейцарии» (жалоба N 41615/07) // *Бюллетень Европейского Суда по правам человека*. 2009. № 11.
8. Кравчук Н.В. Гаагская конвенция о международном похищении детей: защита интересов ребенка или пренебрежение ими? // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 18-21.
9. Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2019) // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. № 5. Май, 2020.
10. Обзор, подготовленный Секретариатом Европейского Суда по правам человека (февраль 2015 года). Перевод с английского ООО «Развитие правовых систем»/ Под ред. Ю.Ю. Берестнева // *Прецеденты Европейского Суда по правам человека*. 2016. № 1 (25).
11. Павлов А.А. Процессуальные пробелы конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей // *Вопросы российской юстиции*. 2020. № 8. С. 244-265.
12. Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 июля 2003 г. Дело «Сахин против Германии» [Sahin - Germany] (Жалоба № 30943/96) (Большая Палата) (извлечение). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/55093937/> (дата обращения: 19.05.2021).
13. Постановление ЕСПЧ от 26.11.2013 г. «Дело Х против Латвии» (жалоба № 27853/09) // *Прецеденты Европейского Суда по правам человека*. 2016. № 1 (25). Обзор, подготовленный Секретариатом Европейского Суда по правам человека.
14. Постановление ЕСПЧ от 23.10.2014 г. Дело «В.П. (V.P.) против Российской Федерации» (жалоба № 61362/12) // *Бюллетень Европейского Суда по правам человека*. 2015. № 3.
15. Постановление Европейского Суда по правам человека. Дело «Томпсон против России». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:%22001-208878%22>].
16. Постановление ЕСПЧ от 18.06.2019 г. «Дело «Владимир Ушаков (Vladimir Ushakov) против Российской Федерации» (жалоба N 15122/17) // *Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание*. 2020. № 6.
17. Саранов А.В. Похищение ребенка вторым родителем: «слабое звено» закона // *Адвокатская газета*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/pokhishchenie-rebenkavtorym-roditelem-slaboe-zveno-zakona/>.
18. Тарасова А.Е. «Место жительства» и «Место обычного проживания» ребенка в коллизионном и национальном праве. Особенности определения // В сборнике: *Международно-правовые аспекты семейного права и защиты прав детей. Сборник статей по итогам V международной научно-практической конференции*. Под редакцией А.Е. Тарасовой. 2019. С. 50-80.
19. Pérez-Vera E. Explanatory Report on the 1980 HCCN child abduction convention. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=2779/>.

СМИРНОВА Елена Станиславовна

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра Международного славянского института (г. Москва).

ЛИНГВИСТИЧЕСКО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ТЕРМИНА «ГЛОБАЛИЗАЦИЯ» В ТОЛКОВАНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Интернациональные проблемы, направленные на поддержание международного мира в Европе и мире в целом, востребуют по-новому актуализацию вопросов конкретизации понятий и терминов в юриспруденции. Глобализация, интернационализация, универсализация – это похожие термины. Представляется возможным остановиться на термине «глобализация», как наиболее часто встречающемся в политической и экономической литературе.

Ключевые слова: безопасность, мир, наука, философия, глобализация, универсализм, исследование, обычай, закон, теория, развитие.

SMIRNOVA Elena Stanislavovna

Ph.D. in Law, senior researcher of the Research Center of the International Slavic Institute (Moscow)

Смирнова Е. С.

LINGUISTIC AND PHILOSOPHICAL JUSTIFICATION OF THE TERM “GLOBALIZATION” IN THE INTERPRETATION OF LEGAL SCIENCE

International problems aimed at maintaining international peace in Europe and the world as a whole will require a new actualization of the issues of concretization of concepts and terms in jurisprudence. Globalization, internationalization, universalization are similar terms. It seems possible to focus on the term “globalization”, as the most common in political and economic literature.

Keywords: security, peace, science, philosophy, globalization, universalism, research, custom, law, theory, development.

Сложности проведения академических исследований в современном мире слишком очевидны, интернациональны и требуют привлечения к себе повышенного внимания. Этот факт признают не только российские, но и зарубежные ученые [6, с. 388]. Интерес к теме глобализации в праве, казалось бы, ослабел ввиду явной сложности и противоречивости понятия. Дж.Уэлш отмечает, что глобальное ранжирование появилось в последние несколько десятилетий, чтобы удовлетворить определенный императив – необходимость упорядочить расположение вещей и людей, чтобы управлять населением в доминирующем режиме накопления капитала (курсив автора статьи), который переживает кризисы и характеризуется углубляющимся ростом реального потребления ресурсов [18]. Между тем, академический метод общественных наук таков, что исследователи в этой области стараются избегать частностей в пользу универсалий, защищая соответствующую (академическую) форму научной рациональности [15]. Не вызывает сомнения, что современный капитализм аккумулирует в себе с одной стороны большой интерес к частным наукам, но с другой стороны интересы мирового капитала интернациональны.

На первый взгляд кажется не существенным применение того или иного термина, но для юриспруденции, которая и есть (должна быть) истиной в последней инстанции (ultimum verum), конечный результат применения терминологий представляется весьма значительным. Тем более, что в последние десятилетия многие государства и международные объединения активно используют слово «глобализация» именно в правовом контексте. Безусловно, глобализация, универсализм, интернационализм – эти все понятия суть одного стремления человечества к избежанию больших конфронтаций в мире, и в Европе, в частности. Между тем, использование термина «глобализация» в политической и экономической лексике подразумевает более конкретное толкование. Можно обобщенно сказать, что научный подход философов и представителей профессионального знания

(юристов) недостаточно строг и единообразен для определения специфики термина. Истина в данном случае содержится в совмещении лингвистического и собственно юридического подхода. В силу сказанного, юридическое толкование термина «глобализация» подразумевает использование одного из методов философско-лингвистического направления [11, с. 46], имеющего непосредственную связь с современной теорией права.

Основы современного толкования понятия «глобализация» коренятся в глубине прошлых тысячелетий. Следы слова «глобализация» мы находим в лингвистике, истории, философии, праве (юриспруденции). Начнем ab ovo – с филологического пояснения того явления, которое нам предстоит определить, в его непосредственной связи с общественными отношениями, которые регулируются правом (или обычаем).

Вначале следует остановиться на филологических истоках этого понятия. Ряд словарей латинского языка дает нам толкование этого слова (вернее – корня, сути его). Globo – округлять, собирать в кучу, награждаться. Globositas – шарообразность, сферичность. Globus – это, действительно прежде всего шар, но не только globus terrae (Земли), но и globus solis et lunae (Солнца и Луны), а также globi in caelo (метеоры), что приоткрывает нам космический смысл этого термина, относящегося не только к планете Земля [1, с. 23, 43]. Annus glomerans – круговращение года. Имеется еще одно его значение – glomeratim – уплотняя; glomero – свертываю, скручиваю. В философском контексте это можно назвать термином «предельное понятие» или эндоформой [10, с. 4]. По мнению В.Н.Ильина этот термин означает собранность в себе, энергетическую сосредоточенность в минимальном «объеме» максимума содержимого. Символом этой эндоформы может служить большой шар, сфера, сжавший свой объем до нулевой по протяжению точки и насытивший этот протяженно-пространственный нуль бесконечно богатым содержанием, радирующим в бесконечности [4].

Можно сделать вывод, что значение слова многозначно, применимо в различных областях научных знаний - от географии, до физики и астрономии. Следует учесть, что у древнегреческих мыслителей - например, Анаксимандра и Филолая (VII-VI в. до н.э.) - этот термин также сохраняет космическое значение. Римляне в своих правовых источниках приземлили его, у них «glebae adscriptus» - приписанный к земле(человек).

Следует указать на почти равнозначное латинскому использование этого понятия в славянских языках. «Глеба» - это «земля», «почва» в белорусском [8, с. 489], украинском, польском и других славянских языках [9, с. 95], также в польском языке: globić - сжимать, сдавливать, gleba - почва, глыба земли [17, с. 185] (также «глина», как «земля» у чехов [13, с. 126], и другие производные от корня этого слова). В латинском языке: это общность терминов: gleba - глыба, ком земли, пашня; glebatio - поземельный налог; glebalentus - земляной.

Но эти аналогии фиксируются позднее, так как славянские письменные источники датируются более поздним временем, чем латинские (римские). Сходство подтверждается общими корнями различных ветвей индоевропейской семьи языков. Например, можно встретить подробное истолкование этого понятия в этрусско-албано-русском словаре в книге французского историка и лингвиста З. Майани [6, 325-331], т.е. имеется наличие доказательств использования этого понятия в Европе в «доримскую» эпоху. Также с позиций сравнительной фонетики рассматривает проблему О.Н. Сорокин [12]. В древние времена словарный запас людей, не был столь богат, как современные европейские языки, подвергшиеся на протяжении многих веков развитию, смещению, заимствованию. Итак, слово «global» пришло к нам, как письменно закрепленное понятие, связанное с землей в планетарном значении (то, что было уплотнено космосом в форме шара).

При этом, следует отметить, что во времена Древнего Рима, да и в последующие века, понятие «globo» не претендовало на столь большую популярность, какую оно получило в наши дни, извлеченное из вековой пыли мертвых языков. Общество Рима, давшее человечеству древнее, но имеющее, как никакое другое, свое продолжение в современном мире, право, не занималось столь абстрактными и отвлеченными понятиями. Римляне, прагматичные и целеустремленные, не видели практического применения идеям космоса. Населенный варварами окружающий мир, по мнению римских идеологов, должен был быть завоеван оружием и поставлен на службу Риму. Но для того, чтобы государство было способно успешно вести завоевательные походы, оно неизбежно должно было быть организовано само изнутри. Этой цели и служит неукоснительное требование следования законам всему, населяющему Империю, населению.

Обратимся к правовым истокам. Народ Рима не только выработал язык, доступный для понимания, ставший основой большинства современных европейских языков, но также еще в V в. до н.э., после упорной борьбы в период становления Республики, потребовал у своих правителей и первосвященников дать им писанные, ясно выраженные законы (Законы XII таблиц). Именно эти - древние - времена послужат нам иллюстрацией к первому этапу правовой глобализации. Этот период знаменателен не в меньшей степени, чем лингвистическим разнообразием применения понятия globo, закреплением за словом iustitia современного его значения.

Остановимся несколько подробнее и на славянском толковании этого понятия. «Право», - это слово в русском языке имеет однозначным такие понятия, как «правда», «верно», «справедливо». Мы говорим: «правдивый», «праведный», подразумеваем и другие столь же позитивные значения. Безусловно, славянское слово «право» древнее, но сейчас мы чаще говорим не правоведа, а юриста (также юриспруденция, а не правоведение).

В аспекте компаративистики, следует вывод: в русском толковании слова «правда» есть прямая аналогия с древним значением понятия «ius» у римлян, которое означало также «справедливый». Истоки ius ученые видят в нормах права божественного «fas», которое, как и ius в архаические времена регулировало отношения внутри рода и фамилии, например такие, как уголовные преступления, заключение брака, установление межи (см. аналогии с источниками римского права). По мнению исследователей, постепенно ius отделяется от fas, ius начинает регулировать все более интенсивные отношения между родами и главами фамилий [7, с. 12]. Ученые отмечают сложность однозначного решения вопроса о соотношении в архаические времена права божественного и права человеческого - fas и ius. На начальной стадии своего развития все право в Риме (как и многих иных народов) имело сакральное характер. Уголовное, обязательственное, семейное, вещное, гражданское и исковое право в древнейший период существовали в форме различных запретов, сакральных ритуалов и торжеств. Жреческие коллегии понтификов, фециалов и авгуров выполняли конкретные социальные, юридические, административные и даже политические функции. Таким образом, древнейшие, примитивные формы государственности регулировались в царском Риме именно с помощью божественного права. Лишь позднее, в республиканский период, право человеческое - частное и публичное - становится предметом ius и освобождается от религиозной «опеки». Имеется почти равнозначное ius слово - aequitas, которое означало понятия «равный», «справедливый».

Следует сделать небольшую ремарку по поводу толкования понятия religio. Цицерон суть религии видит в благочестивом поклонении богам - pietas, при этом следует указать на еще одно значение термина religio - благочестие, совестливость (от глагола telego - связывать, соединять) [14]. Слово «sancta», производное от sanctire [5], по определению Модестина - переводится «по совести», это то, что защищает человека от несправедливости. Этимология этого слова, по мнению юристов, восходит к sanguine (кровь), которой освящали предметы религиозного культа. Отсюда sanctae leges - законы о святости городских стен и т.д. Совмещение религиозных и правовых институтов, так называемая сакрализация права - черта, берущая свое начало, видимо еще из недр родового строя, в котором правом судьи и законодателя формально обладало божество, а реальным исполнителем его воли являлись жрецы. Отсюда и традиция сокрытия на протяжении столетий римскими жрецами, как самих законов, так и особенно процедурной их стороны. Свое знание жрецы ревниво оберегали от посторонних, пока в 304г. до н.э. Гней Флавий не обнаружил вместе с календарем и гражданское право, в частности, формулы исков. И еще об одном из терминов, непосредственно связанным с заявленной темой. Mos, moris - переводится как обычай, нрав (отсюда - мораль, но - аморальный). Обычай (mos, mores), закрепленный многовековым повторением религиозного процесса, во многих случаях становится нормой ius, т.е. правом. Можно предположить, что долгие века такие понятия как aequitas, religio, sancta, mores (приближенные к ius) использовались для обозначения не совсем однозначных, но сходных, категорий, служивших регулированию общественных отношений в Древнем Риме. Итак, ius - это «справедливость», «эквивалент», «равновесие». Недаром римская богиня правосудия Фемида, изображается с весами в руке, она как бы соизмеряет меру равенства - справедливости.

Общезвестно, что большинство народов проходит в своем развитии эту фазу - религиозного обычая, не отделенную, а напротив, непосредственно связанную с первыми правовыми формами управления обществом. Большое значение обычая, как позитивной формы организации и существования архаического общества, не вызывает сомнения. Обычай,

являющийся также в настоящее время одним из источников международного права, остается неписанной нормой поведения человека в обществе.

Именно древний обычай, санкционированный религиозными нормами, в последующем нашедший свое закрепление в писаном законе, и может быть назван, свойственным всем народам, глобальным, этапом формирования права, юриспруденции в современном ее значении. Выводом является тезис о том, что первый этап правовой глобализации включает в себя доисторический или ранне-исторический период развития человеческого сообщества, период использования обычая. Это, можно сказать «прото-право». Право (обычай) жить в обществе, где существует закреплённая определенным способом система общественных отношений, - это инстинктивное стремление обезопасить себя свойственно всем народам, существующим на земле. Инстинкт самосохранения является побудительным мотивом при соблюдении должного порядка в государстве, обществе и в международном общении. Применительно к международному сообществу государств понятие правопорядок также должно отвечать сложившимся общечеловеческим представлениям, и, следовательно, означать определенный порядок в отношениях между государствами, установленный международным правом.

Начало XXI века человечество встречает с определенными «правовыми потерями» в части защиты прав человека как в сфере национального права, так и в области права международного. Устав ООН, по мнению ряда ученых, «позаимствовавший» многие свои идеи из социалистического права победившего в мировой войне Советского Союза, не имеет сейчас столь эффективного механизма воздействия как в период второй половины XX века. По мнению А.А. Громыко, международное право следует отнести к переменным факторам геополитики, а такие понятия как климат, религию, культуру, исторический опыт – к постоянным факторам [3, с. 10]. Указанный вывод приводит к мысли о необходимости большей популяризации международно-правовых основ современного миропорядка. Признание международного права (являющегося продуктом эволюционного развития человечества, приведшего в 1945 году к созданию ООН с его недопущением решения международных проблем военным способом) в качестве переменной составляющей геополитики может привести к игнорированию в определенных политических кругах всей системы международной (и европейской) безопасности, основанной на международно-правовых нормах ООН, ОБСЕ и других устоявшихся в XX веке международных институтах. Современное международное право – это в наибольшей степени сконцентрированная воля народов мира к миру и прогрессу. Это и есть само стремление к постоянству и стабильности.

В основу периодизации при исследовании нашего термина положена история стран Запада, а не России, расположенной на двух континентах – Европы и Азии. Объяснением этому служит факт того, что, начиная с эпохи Возрождения и Реформации, Запад развивался быстрее, обгонял Восток. В то же время, рывок, осуществленный Западом в сфере производства, в науке и политическом устройстве привел его к экспансии, к колониализму и империализму, которые, в свою очередь, пали под натиском социалистических идей второй половины XX века. В этих условиях, не глядя на все отступления, воздействие возникших на Западе идей на остальной мир было более значительным, чем влияние восточных традиций на западные страны [2, с. 2-11]. Современные проблемы Европы, уже прошедшей начальную стадию объединения ради мирного сосуществования ее народов в союз государств, заключаются в необходимости сохранить для человечества те положительные, гуманистические и системообразующие идеалы свободы и защиты прав человека, которые получили закрепление в правовых системах государств и в междуна-

родном праве благодаря своей доступности для понимания народами всей планеты.

Пристатейный библиографический список

1. Антология мировой философии. Античность. Минск-Москва, 2001. С. 23, 43.
2. Баймуратов М.А. Международный правопорядок: концептуальные подходы к становлению понятийной характеристики // Международное публичное и частное право. 2010. № 1 (52). С. 2-11.
3. Громыко А.А. О насущном. Европа и современный мир. М.: СПб.: Нестор-История. 2017. С. 10.
4. Ильин В.Н. Статика и динамика чистой формы или очерк общей морфологии // Вопросы философии. 1996. № 11.
5. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
6. Майани З. Этруски начинают говорить. М., 1966. С. 325-331.
7. Религия и община в Древнем Риме / Под ред. Кофанов Л.Л., Чаплыгин Н.А. М.: ИВИ РАН, 1994. С. 12.
8. Русско-белорусский словарь / Под ред. Я. Коласа, К. Крапиви, П. Глебки. М., 1953. С. 489.
9. Сербско-хорватско-русский словарь / Сост. И.И. Толстой. М., 1957. С. 95.
10. Снитко Т.Н. Предельные понятия в Западной и восточной лингвокультурах. Пятигорск, 1999. С. 4.
11. Смирнова Е.С. Глобализация как правовое понятие (к постановке проблемы) // Современное право. 2009. № 3. С. 46.
12. Сорокин О.Н. Индоевропейские гуттуральные и их рефлексы в греческом и латинском языках. Томск, 1993.
13. Чешско-русский словарь / Сост. А.И. Павлович. М., 1967. С. 126.
14. Штаерман Е.М. От гражданина к подданному / Культура древнего Рима. М., 1985.
15. Beattie A. The reflexive potential of silence: Emotions, the «every-day» and ethnical international relations // Journal of international political theory. 2019. V. 15. № 2. P. 229-245.
16. Raina S Academic deprofessionalization: A case study of the effects of privatization on academic in private Indian universities // International journal of Sociology. 2019. V. 49. № 516. P. 388.
17. Slownic polskiego i rosyjskiego jezyka / Pr. Fr. A. Potockiego. Lipsk, 1877. S.185.
18. Welsh J. «Globalizing» academics? Ranking and appropriation in the transformation of the world-system // Globalization. 2019. Vol. 17. № 1. P. 126-145.

МАЛИЧЕНКО Владислав Сергеевич

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ

Под влиянием процессов глобализации, социально-экономических и демографических потрясений вопросы охраны здоровья постепенно утвердились в качестве важных элементов достижения целей устойчивого развития и поддержания всеобъемлющей системы международной безопасности. Количество международных и региональных межправительственных организаций, а также иных акторов международных отношений, вовлеченных в регулирование отдельных вопросов охраны здоровья человека, стремительно возрастает. Под влиянием данной тенденции все большее внимание уделяется изучению международного права здравоохранения в науке международного права для изучения особенностей данного межотраслевого образования, а также разработки предложений практического характера для совершенствования системы противодействия наиболее значим угрозам глобального характера. В подобных условиях необходимо обратиться к предпосылкам и основным историческим этапам становления международного-правового регулирования сферы охраны здоровья для определения особенностей данного процесса. В статье рассмотрены особенности проведения Международных санитарных конференций, создания Международного бюро общественной гигиены и Организации здравоохранения Лиги Наций, а также деятельности Фонда Рокфеллера, как первой неправительственной организации, вовлеченной в регулирование сферы охраны здоровья.

Ключевые слова: охрана здоровья, права человека, международное право здравоохранения, МБОГ, ВОЗ, Фонд Рокфеллера.

MALICHENKO Vladislav Sergeevich

Ph.D. in Law, senior researcher of the Department of Social Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

FORMATION OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION IN HEALTH CARE SECTOR

Under the influence of globalization, socio-economic and demographic trends, health issues have gradually established themselves as important elements in achieving sustainable development goals and maintaining a comprehensive system of international security. The number of international and regional intergovernmental organizations, as well as other actors of international relations involved in the regulation of certain issues of human health protection, is growing rapidly. Under the influence of this trend more attention is paid to the study of international health law in international law doctrine in order to determine the study of the features of this intersectoral education, as well as the development of practical proposals for improving the system to counter the most significant threats of a global nature. In such conditions, it is necessary to refer to the prerequisites and main historical stages in the formation of international legal regulation of the sphere of health care in order to determine the features of this process. The article discusses the features of the International Sanitary Conferences, the creation of the International Bureau of Public Hygiene and the Health Organization of the League of Nations, as well as the activities of the Rockefeller Foundation, as the first non-governmental organization involved in the regulation of the health sector.

Keywords: health protection, human right, international health law, IBPH, WHO, Rockefeller foundation.

1. Международные конференции по санитарии и создание Международного бюро общественной гигиены.

С древнейших времен вопросы охраны здоровья общества признавались каждой цивилизацией в качестве важнейшего направления обеспечения развития и поддержания благосостояния населения в условиях увеличения его численности. Первые упоминания о взаимодействии государств для противодействия угрозам в сфере охраны здоровья связаны с инициативами по борьбе с инфекционными заболеваниями [2, с. 174-197].

Развитие торговых процессов, сопровождаемое увеличением темпов миграции населения под влиянием технологического развития, появления паровозного и железнодорожного сообщения, строительства Суэцкого канала, привели к стремительному распространению инфекционных заболеваний в странах Европы, что предопределило дальнейшую разработку систематических мер в отношении борьбы с угрозами в сфере охраны здоровья в середине XIX века [3, р. 1-12]. Необходимость разработки мер обеспечения защиты торговли между странами, активно поддерживаемая со стороны Великобритании и Франции, послужила мощным

стимулом развития международного сотрудничества и международно-правового регулирования для противодействия распространению инфекционных заболеваний. Первыми прообразами международных организаций стали «советы по здравоохранению», учрежденные в Александрии в 1820 г. и Константинополе в 1839 г. с привлечением представителей Европейских государств для обмена информацией о распространении заболеваний в стратегических районах Ближнего и Среднего Востока.

В 1851 г. французское правительство организовало первую Международную конференцию по санитарии в Париже, объединив представителей 12 государств Европы для разработки межгосударственных мер противодействия распространению холеры. Необходимо отметить, что существенные последствия для безопасности и экономических показателей европейских государств ввиду распространения холеры, определили данное заболевание в качестве основной тематики первых шести Международных конференций по санитарии. Примечательно, что делегация каждого государства была сформирована не только из представителей дипломатического корпуса, а также специалистами здравоохранения, что подчеркивало значимость учета достижений медицин-

ской науки при разработке нормативно-правовых актов, направленных на сдерживание распространения инфекционных заболеваний.

В период с 1851 г. по 1938 г. состоялось 14 международных конференций по санитарии. Каждая конференция завершалась разработкой проекта международной конвенции. Однако, первым документом, получившим необходимое количество ратификаций стала Международная санитарная конвенция 1892 г., посвященная реформированию карантинных мер, применяемых при судоходстве через Суэцкий канал.

На представленном историческом этапе одной из основных причин отсутствия консенсуса при утверждении Международных санитарных конвенций явился недостаточный уровень научных знаний о природе развития и особенностях распространения инфекционных заболеваний (желтой лихорадки, холеры, чумы). Развитие научной базы о природе инфекционных заболеваний с последующим определением мер, необходимых для сдерживания их распространения, послужило стимулом для разработки правовых норм, направленных на обеспечение их исполнения, что послужило основой формирования права в сфере общественного здравоохранения, как нового направления в системе национального права. Право в сфере общественного здравоохранения можно определить как юридические полномочия и обязанности государства и иных заинтересованных субъектов в отношении обеспечения условий для охраны здоровья и безопасности человека и населения [6, р. 3-41]. При этом необходимо отметить, что правовое регулирование в сфере общественного здравоохранения является отличной сферой от медицинского права, регламентирующей исключительно процесс организации оказания медицинской помощи.

Развитие национального регулирования в сфере общественного здравоохранения послужило основой для формирования международно-правовых норм, направленных на регулирование сферы охраны здоровья, и укрепление международных отношений в данной области. Однако для формирования унифицированных подходов к нормативному регулированию данной области потребовалось несколько десятилетий обсуждений в рамках Международных санитарных конференций и других межстрановых мероприятий.

Помимо потребности в научных знаниях, отсутствие значительного прогресса в разработке и последующей ратификации актов, регулирующих профилактику распространения инфекционных заболеваний, было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, в большинстве стран отсутствовал единый свод правил и норм в области общественного здравоохранения, а также большинство учреждений, регулирующих сферу охраны здоровья, находились в ведении министерства внутренних дел или министерства юстиции. Вторым важным фактором, объясняющим отсутствие ратификаций конвенций, разрабатываемых в рамках первых Международных конференций по санитарии, стала «Вестфальская система» международной дипломатии, основанная на принципе невмешательства во внутренние дела отдельных государств. Среди стран, вовлеченных в обсуждение проектов конвенций, существовали опасения в отношении потери суверенитета по отдельным вопросам, которые могут возникнуть в результате межправительственных договоренностей.

Созыв 1^{-й} международной конференции по санитарии 1851 г. продемонстрировал единение европейских государств в понимании необходимости обсуждения отдельных вопро-

сов в сфере охраны здоровья на международном уровне. Угроза инфекционных заболеваний определила значимость формирования унифицированных мер для обеспечения необходимого контроля без существенного влияния на экономическое развитие государств, сформировав так называемый «классический режим» контроля за инфекционными заболеваниями. Классический режим был направлен на защиту от международного распространения инфекционных заболеваний посредством международно-правовых обязательств, требующих от государств информирования других стран о вспышках определенных инфекционных заболеваний и формирования необходимых мер контроля в точках распространения заболеваний (морских портах, железнодорожных станциях и др.).

Большой тройкой инфекционных заболеваний при классическом режиме были холера, чума и желтая лихорадка - болезни, о которых говорилось на первой международной санитарной конференции в 1851 г. Характерной чертой развития международно-правового регулирования сферы охраны здоровья того времени было стремление свести к минимуму влияние мер контроля за распространением инфекционных заболеваний на международную торговлю и передвижение людей, что определило тесную взаимосвязь международного права и науки общественного здравоохранения, формирующей необходимые научные данные для поддержания баланса социальных и экономических интересов государств. Черты классического режима оставались неизменными с момента принятия Международной санитарной конвенции 1893 г. до принятия ВАЗ в 1951 г. Международных санитарных правил, изменивших перечень регулируемых заболеваний и расширивших полномочия международных организаций в отношении контроля за распространением инфекционных заболеваний.

2. Международное бюро общественной гигиены.

Предложение о создании постоянной международной организации в сфере охраны здоровья было сформулировано на упомянутой Международной санитарной конференции 1851 г., когда испанский делегат подчеркнул необходимость учредить международный орган для разрешения карантинных споров. Более амбициозные и серьезные усилия были предприняты на Международной санитарной конференции 1874 г., в рамках которой был разработан проект конвенции об учреждении постоянной Международной комиссии по эпидемиям, а делегацией Франции было предложено «создать международное агентство по борьбе с эпидемиями» со штаб-квартирой в г. Вена. Предлагаемая постоянная организация должна была осуществлять мониторинг эпидемиологических данных и внедрять единые карантинные стандарты на территории стран Европы. В последующем на Международных санитарных конференциях 1881 г. и 1892 г. были сформулированы аналогичные предложения о постоянном международном санитарном агентстве для централизации международных усилий по надзору за инфекционными заболеваниями, что постепенно укрепило веру в ценность институционализации международного сотрудничества в сфере здравоохранения.

В декабре 1907 г. руководствуясь соглашением, подписанным в Риме представителями 12 стран, было принято решение об учреждении Международного бюро общественной гигиены (МБОГ). МБОГ создавалось с целью сбора и распространения информации в отношении отдельных инфекционных заболеваний (холеры, чумы и желтой лихорадки),

не предполагая вмешательства в деятельность государств на национальном уровне, а также для обеспечения постоянной работы над пересмотром Международных санитарных конвенций.

С позиции развития международно-правового регулирования сферы охраны здоровья появление постоянно действующих международных организаций в данной области характеризовалось большей эффективностью в отношении разработки и постоянного пересмотра международно-правовых актов по борьбе с инфекционными заболеваниями в сравнении с практикой проведения специальных международных конференций. В частности, в соответствии с Римским соглашением 1907 г. об учреждении МБОГ, организация получала полномочия рекомендовать изменения в Международные санитарные конвенции. Так, пересмотр Международных санитарных конвенций в 1912 г., 1926 г. и 1938 г. произошел под руководством МБОГ.

Еще одна функция, выполняемая МБОГ, заключалась в неформальном посредничестве между государствами-членами в отношении споров по вопросам, определенным положениями основных международных санитарных конвенций. Хотя Римский договор об учреждении МБОГ не наделял организацию подобными полномочиями, равно как ни одна из Международных санитарных конвенций 1903–1926 гг. годов, тем не менее, сложилась практика в случае возникновения спора консультироваться с Постоянным комитетом МБОГ для получения рекомендаций по толкованию и применению договора [7, p. 327].

3. Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца

Существенное влияние на развитие регулирования сферы охраны оказало формирование Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, объединившее учрежденные в разное время три независимые организации: национальные общества красного креста, Международную Федерацию Красного Креста и Международный Комитет Красного Креста.

История Международного движения Красного Креста началась с создания в 1863 г. по предложению А. Дюнана Международного комитета помощи раненым. Комитет являлся частной независимой организацией, зарегистрированной в Швейцарии с целью защиты и помощи жертвам международных конфликтов. По инициативе Комитета в 1863 г. была проведена первая международная конференция с целью совершенствования оказания помощи раненым в ходе боевых действий, по итогам которой был достигнут ряд договоренностей, заложивших основу развития деятельности организации на многие годы. В частности, уже в августе 1864 г. была утверждена первая Женевская конвенция «Об улучшении участи больных и раненых воюющих армий на поле боя» среди прочего сформулировавшая требования к признанию национальных обществ красного креста, согласно которым учреждение должно быть признано правительством страны, являющейся членом Женевской конвенции. Впоследствии в 1876 г. Международный комитет помощи раненым был переименован в Международный Комитет Красного Креста (МККК) сохранив данное название по настоящее время. Среди основных задач МККК необходимо определить принятие мер по защите военных и гражданских лиц, пострадавших в ходе военных действий, гражданской войны или беспорядков.

В 1919 г. была учреждена Лига Красного Креста, впоследствии переименованная в ноябре 1991 г. в Международную федерацию Красного Креста. Организация объединяла общества Красного Креста и Красного Полумесяца, координирующие оказание помощи жертвам стихийных бедствий, эпидемий, а также беженцам и другим лицам за пределами зон военного конфликта. Лига была создана по инициативе председателя военного совета Американского Красного Креста Г. Дэвисона.

Руководство МФКК осуществляется Управляющим советом, Генеральной Ассамблеей и Президентом организации. К основным задачам МФКК относят поддержку создания и развития добровольных национальных обществ Красного Креста, действующих в соответствии с принципами, принятыми МФКК; защиту интересов и неприкосновенность членов организации; сотрудничество по вопросам улучшения состояния здоровья, профилактики распространения болезней и смягчение страданий; координировать деятельность национальных обществ Красного Креста с целью оказания им помощи в организации и осуществлении их деятельности.

С момента учреждения МФКК наиболее остро проявился вопрос согласования полномочий и направлений деятельности двух параллельно существующих и независимых международных организаций, неоднократно обсуждаемый на Международных конференциях красного креста 1921 г., 1923 г., 1926 г. На Международной конференции в Гааге 1928 г. была принята первая редакция устава Международного Красного Креста, определившая организационную структуру деятельности Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца. С целью согласования деятельности МФКК и МККК был учрежден Международный совет, впоследствии переименованный в Постоянную комиссию Международного Красного Креста и Красного Полумесяца. Организационная структура Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца включает Международную конференцию, Совет Делегатов и Генеральную Ассамблею. Конференция является высшим совещательным органом Международного движения и влияет на глобальную гуманитарную повестку. Постоянная комиссия выступает в качестве попечителя и формирует рекомендации Движению между собраниями. Каждые два года создается Совет делегатов для принятия резолюций о действиях и пропаганде Международного движения.

4. Фонд Рокфеллера.

Огромное влияние на регулирование вопросов охраны здоровья на международном уровне в первой половине XX века оказал Фонд Рокфеллера, учрежденный 24 апреля 1913 г. Законодательным собранием штата Нью-Йорк. Согласно Уставу организации ее основной задачей было определено обеспечение благосостояния человечества по всему миру. Предпосылки появления Фонда сформировались еще раньше, когда в 1909 г. Д. Рокфеллером был направлен 1 млн. долл. США на создание Санитарной Комиссии для эрадикации анкилостомоза. Необходимо отметить, что создание Фонда Рокфеллера сформулировало один из главных вопросов современных исследований концепции глобального управления здравоохранением о роли организаций, учрежденных в соответствии с национальным правом определенной страны, в регулировании вопросов международной повестки в социальных сферах.

Вовлечение частного капитала в решение глобальных проблем в социальной сфере было следствием нового американского движения «научной филантропии», инициированного стальным магнатом шотландского происхождения Э. Карнеги. В эссе «Евангелие богатства» 1889 г. Карнеги был сформулирован призыв направлять финансовые средства на благо общества, заменяя индивидуальную благотворительность поддержкой систематических решений для улучшения социального благосостояния общества.

В июне 1913 г. для расширения успехов Санитарной Комиссии по эрадикации анкилостомоза, а также распространения достижений медицинской науки и развития санитарных систем по всему миру, в рамках Фонда Рокфеллера была учреждена Международная комиссия здравоохранения (International Health Commission). Комиссия, которая изменила свое название на Международный совет здравоохранения (International Health Board) в 1916 г., а затем на Международный отдел здравоохранения (International Health Division) в 1927 г., станет одной из самых влиятельных международных организаций в сфере здравоохранения в первой половине XX века [5, p. 315]. С учреждением Комиссии впервые на международном уровне прозвучал тезис о взаимосвязи показателей бедности и снижения трудоспособности вследствие распространения инфекционных заболеваний.

В своей деятельности Фонд Рокфеллера отдавал приоритет противодействию заболеваниям, для которых были сформированы научные данные об эффективных механизмах профилактики и лечения. Так, в Мексике в начале 1920-х гг. были инициированы масштабные кампании по борьбе с желтой лихорадкой в регионе вокруг ведущего порта страны в нефтедобывающем штате Веракрус, а также против анкилостомоза в ключевых сельскохозяйственных районах. Ни одно из заболеваний не представляло основной угрозы для страны и не являлось приоритетным для мексиканских властей, которые вместо этого потребовали проведения кампаний против малярии и туберкулеза. Однако в отношении желтой лихорадки и анкилостомоза существовали эффективные медицинские средства сдерживания заболевания, в отличие от мер борьбы с туберкулезом, потребовавших существенно больших инвестиций.

Отличительной чертой инициатив Фонда была высокая структурированность действий и формирование системы регулярной оценки достижения планируемого эффекта не характерная для международных организаций того времени. В 1951 г. Международный отдел здравоохранения был преобразован в Управление медицины и здравоохранения, что ознаменовало завершение эпохи лидерства Фонда в решении глобальных проблем в сфере охраны здоровья.

Однако в последующие годы Фонд Рокфеллера продолжал участвовать в деятельности, связанной с проблемами здравоохранения и развития, финансируя «Зеленую революцию» в сельском хозяйстве, Совет по народонаселению, а также социальные науки и медицинские исследования. Деятельность Фонда в значительной степени позволила сформировать модель государственно-частного партнерства, широко реализуемую до настоящего времени в решении проблем глобального здравоохранения.

5. Организация здравоохранения Лиги наций.

С принятием 28 апреля 1919 г. Пакта Лиги Наций впервые в истории был сформирован механизм мирных многосторонних консультаций между странами не только в от-

ношении политических споров, а также для обеспечения обмена информацией о вопросах профилактики и борьбы с заболеваниями.

В Пакте сформулированы определенные обязательства в отношении регулирования вопросов охраны здоровья. В частности, согласно ст. 23 устанавливается задача организации в отношении реализации мер по профилактике и борьбе с заболеваниями, вызывающими озабоченность международного сообщества, а в ст. 25 Устава сформулирован призыв к национальным ассоциациям Красного Креста принимать активное участие в международных инициативах в сфере охраны здоровья.

По итогам «Международной конференции по охране здоровья», состоявшейся в г. Лондон с 13 по 17 апреля 1920 г. Совету Лиги Наций было рекомендовано принять резолюцию об учреждении постоянной международной организации здравоохранения, как части организации Лиги Наций. Среди основных направлений деятельности будущей организации, были сформулированы: консультация Лиги Наций по вопросам здравоохранения; развитие сотрудничества между национальными органами здравоохранения; организация своевременного обмена информацией, особенно в отношении вспышек инфекционных заболеваний; формирование механизма для заключения или пересмотра международных соглашений по вопросам охраны здоровья; сотрудничество с Международным бюро труда в области охраны здоровья трудящихся; сотрудничество с Лигой обществ Красного Креста; консультация «уполномоченных общественных организаций» по вопросам здравоохранения, имеющим международное значение.

В 1921 г. был учрежден Временный комитет по здравоохранению Лиги Наций для подготовки консультаций по вопросам регулирования сферы охраны здоровья до момента создания постояннодействующей международной организации по здравоохранению. В 1923 г. был разработан свод правил и процедур, определивший структуру ОЗЛН, представленную тремя основными органами: Комитет по здравоохранению, Секция по здравоохранению, Генеральный консультативный совет по здравоохранению.

Важным вопросом при учреждении постоянно действующей организации здравоохранения было определение порядка взаимодействия с МБОГ. В июне 1919 г. руководствуясь ст. 24 Пакта Лиги наций делегаты из Великобритании добились предварительного согласия от МБОГ о присоединении организации к структуре ОЗЛН. Согласно положениям статьи международные бюро, существующие на момент учреждения Лиги наций, должны быть переданы под ее руководство в случае согласия государств участников. Хотя правительства стремились сформировать новую объединенную организацию здравоохранения, «две автономные международные организации здравоохранения должны были существовать бок о бок - одна в Париже, а другая в Женеве - в течение тридцати лет» [10, p. 570].

Первостепенной причиной невозможности объединения МБОГ и ОЗЛН был отказ Конгресс США присоединиться к Лиге Наций, несмотря на тот факт, что президент В. Вильсон участвовал в первоначальной разработке и активно продвигал участие США, при этом США являлись членом МБОГ. Реакция Конгресса была демонстрацией широко распространенной обеспокоенности американских политиков о потенциальном ограничении национальных законов за счет членства в международных организациях. Данная ситуация

существенно ограничила эффективность деятельности организации на американском континенте. В Северной и Южной Америке деятельность ОЗЛН была частично ограничена Международным советом здравоохранения Фонда Рокфеллера, а также Панамериканским санитарным бюро.

В 1927 г. Комитет по здравоохранению ОЗЛН и Постоянный комитет МБОГ согласовали договоренность о координации сферы полномочий организаций, а также закрепили обязательство о взаимном информировании о проводимой работе. МБОГ сохранил за собой единоличные полномочия по вопросам, определенным Римским соглашением 1907 г. и Международной санитарной конвенцией 1926г.

ОЗЛН также сотрудничала с другими международными организациями по отдельным вопросам в сфере охраны здоровья. В частности, с Международным институтом статистики в Гааге в отношении демографической статистики и классификацией причин смерти, Лигой обществ Красного Креста по борьбе с распространением малярии и контролем оборота опиума, Международной организацией труда в отношении профессионального здоровья и питания и Международным институтом сельского хозяйства по вопросам гигиены.

Выступая в качестве центров межстранового сотрудничества в сфере охраны здоровья МБОГ и ОЗЛН обеспечили в разной степени решение четырех основных задач в структурировании инициатив по борьбе с инфекционными заболеваниями: прогрессивное развитие гармонизации карантинных мер в соответствии с достижениями науки; поддержку научных исследований в сфере общественного здравоохранения; координацию наблюдений за распространением заболеваний; оказание организационно-финансовой помощи нуждающимся странам.

С началом Второй мировой войны международная работа в области общественного здравоохранения практически прекратилась, и только МБОГ продолжил свою деятельность [4, р. 293-296]. В 1943 г. во время Второй мировой войны Управление ООН по оказанию помощи и реабилитации (UNRRA) в значительной степени взяло на себя и расширило функции ОЗЛН за счет массового предоставления медицинской помощи, санитарных услуг и предметов снабжения в странах, охваченных военными действиями. В октябре 1946 г. все полномочия ОЗЛН официально были переданы ВОЗ [9, р. 41-58].

6. Современные тенденции развития международно-правового регулирования сферы охраны здоровья человека.

Под влиянием процессов глобализации произошло увеличение числа вопросов охраны здоровья в международной повестке, формирующих угрозу национальной и глобальной безопасности, оказывая существенное влияние на обеспечение социально-экономического благосостояния стран и достижение целей устойчивого развития основные вызовы в системе международно-правового регулирования сферы охраны здоровья лишь усилились.

В первую очередь существенно возросло количество международных акторов, вовлеченных в регулирование вопросов охраны здоровья. В одной из последних публикаций, посвященных данному вопросу, продемонстрировано, что порядка 203 различных межправительственных и неправительственных организаций, вовлечены в регулирование данной сферы. [8, р. 1-19].

Кризисные ситуации последних лет отчетливо продемонстрировали дефицит лидерства в системе глобального управления здравоохранением и неспособность ВОЗ обеспечить разработку своевременных мер, а также координацию международных усилий по противодействию угрозам в сфере охраны здоровья.

Системный характер угроз определяет необходимость последовательного развития нормотворческой деятельности для разработки нормативно-правовых актов универсального характера, направленных на обеспечение устойчивого финансирования, формирования гарантий в отношении передачи и доступа к технологиям здравоохранения.

Формирование представленных вызовов послужило основой усилению в последние десятилетия изучения особенностей международно-правового регулирования сферы охраны здоровья было посвящено множество научных исследований, что послужило основой формирования ряда научных школ в различных регионах мира, создав фундамент для осмысления «международного права в сфере охраны здоровья» в качестве новой отрасли международного права [1, с. 6-20].

Пристатейный библиографический список

1. Маличенко В. С. Формирование международного права здравоохранения // Московский журнал международного права. - 2021. - № 4. - С. 6-20.
2. Маличенко В. С. Международно-правовые механизмы противодействия чрезвычайным ситуациям в сфере здравоохранения. Право. // Журнал Высшей школы экономики. - 2021. - № 1. - С. 174-197.
3. Aginam O. The nineteenth century colonial fingerprints on public health diplomacy: A postcolonial view. Law // Social Justice & Global Development Journal. - 2003. - Vol 1. - № 6. - P. 1-12.
4. Charles J. Origins, history, and achievements of the World Health Organization // British Medical Journal. - № 2 (5600). - 1968. - P. 293-296.
5. Farley J. To cast out disease: a history of the International Health Division of Rockefeller Foundation (1913-1951). - Oxford University Press, 2004. - 313 p.
6. Gostin L. O. A theory and definition of public health law. // J. Health Care L. & Pol'y. - № 10. - 2007. - P. 3-41.
7. Goodman M. "International Health Organizations and their Work." The Blakiston Company. - Philadelphia, 1952. - 327 p.
8. Hoffman S., Cole C. B. 2018. Defining the global health system and systematically mapping its network of actors. // Globalization and Health. - Vol. 14. - Issue 1. - P. 1-19.
9. Sawyer W. Achievements of UNRRA as an international health organization. // American Journal of Public Health and the Nations Health. - Vol. 37. - № 1. - 1947. - P. 41-58.
10. World Health Organization. The First Ten Years of the World Health Organization. - Geneva: WHO, 1958. - 570 p.

АБУКАРОВА Мейрам Узеровна

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СВЕТЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Глубокие различия в интересах, в ценностях, а также сформировавшиеся у обоих государств претензии исключают на сегодняшний день всякую возможность партнёрских отношений, которые США без раздумий разорвали с Россией. Соответственно, между странами сохранится стратегическая конкуренция. Существует целый ряд глобальных геополитических трендов и внутривнутриполитических факторов, которые на разных этапах истории могут в большей или меньшей мере отразиться на внешнеполитических приоритетах России и США.

Ключевые слова: внешняя политика, внутренняя политика, политические аспекты, российско-американские отношения, экономические аспекты, геополитические тренды, внутривнутриполитические факторы, новейшие технологии, международная арена, архитектура международных отношений.

ABUKAROVA Meiram Uzerovna

senior lecturer of State-legal disciplines sub-faculty of the Dagestan State University of National Economy

ACTUAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW IN THE LIGHT OF POLITICAL AND ECONOMIC ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

Deep differences in interests, in values, as well as the claims that have formed in both states, today rule out any possibility of partnerships that the United States without hesitation broke off with Russia. Accordingly, strategic competition between countries will continue. There are a number of global geopolitical trends and domestic political factors that at different stages of history may, to a greater or lesser extent, affect the foreign policy priorities of Russia and the United States.

Keywords: foreign policy, domestic policy, political aspects, Russian-American relations, economic aspects, geopolitical trends, domestic political factors, latest technologies, international arena, architecture of international relations.

Мы подошли к такому периоду своей истории, когда серьёзный диалог между Россией и США практически прекратился и уже однозначно ухудшаются отношения между нашими странами не будут. Да и откровенно говоря, после всего того массива гадких обвинений, обрушившихся на Россию со стороны, прежде всего американской стороны и затем всех стран блока НАТО, не должно возникать никаких желаний возобновлять с ними партнёрские отношения, которые мы всегда на протяжении всей истории российско-американских отношений пытались выстроить, и всячески каждый раз американская сторона демонстрировала своё превосходство, наводя нас на мысль, что они выше нас, что они лучше нас. Хотя известно всем, что подлинное достоинство и подлинное величие не нужно специально демонстрировать, оно обнаруживается во всём. Отношения, как на уровне людского общения, так и на уровне государств, в которых один старается превалировать над другим добром, не заканчиваются, что мы и наблюдаем сейчас. Беспринципное неуважение со стороны американского президента лично и всего американского истеблишмента в сторону России – великой ядерной державы, великой во всех смыслах, вызывает шквал недоумения в нашей стране. Даже не хочется делать никаких прогнозов, однако, тем не менее, несмотря на множество разногласий, контакт между двумя странами, вероятно, возобновится, конфронтация имеющая место сейчас отойдёт, но, если этого не произойдёт не много мы потеряем.

В американском обществе выстраивается или можно сказать, уже давно выстроено враждебное отношение к России, русофобские настроения прочно засели в американском сообществе. С одной стороны, обозначив чёткую линию, что Россия «региональная держава», вместе с тем, США обеспокоены действиями России на международной арене, к тому же партнёрства России и Китая внушает опасения у США.

Не обладая качествами преподносить складывающиеся ситуации исключительно в свою пользу и делать виноватой во всём другую сторону, наша страна априори не сможет строить козни в международных отношениях. Тогда как другие государства во главе со знамо кем, наше суверенное право

защищать безопасность своего государства расценивают как акт агрессии. Западные государства настроены враждебно к России и это далеко не ново. Помнится, что ещё Тютчев говорил об отношении западных стран к нашей стране и упоминал, именно недружелюбное отношение, кое исходило с их стороны. Поэтому точка зрения США и не менялась и в обозримом будущем не поменяется. Имеющиеся глубокие различия в миропорядке наших государств, да и не только в миропорядке, у нас разные ценности, у нас разные интересы, всё это не позволит сформироваться устойчивому партнёрству. Кроме того, ни о какой перезагрузке речи быть не может. Также, безусловно, наше государство видит в США агрессивную и враждебную державу, которая действует, как хочет и стремится к гегемонии в мире.

Если бы была предпринята попытка концентрироваться на самих отношениях с одной лишь целью, чтобы поддерживать миропорядок в международном сообществе, дабы хоть немного выровнять отношения. Рано или поздно возникнет необходимость возобновить диалог на высшем уровне. Это позволило бы создать некие ограниченные каналы сотрудничества. Сейчас оборваны все маломальские дружественные связи между Россией и США. Насколько продлится данный этап отношений неизвестно. Вероятно, когда-нибудь в необозримом будущем вновь возникнет необходимость «не быть врагами» у США. Россия всегда готова к диалогу. Россия никогда не закрывается ни от кого. Поэтому если начат будет процесс восстановления частичного доверия, а он неизбежен, хотя бы потому, у нас много сфер пересечения интересов, то России и США необходимо выработать схему сотрудничества в тех сферах, которые были упомянуты выше. Стена взаимного недоверия, которую не так - то легко преодолеть, американцам не позволять положительно относиться к России. Говорить о глобальных целях, конечно, не приходится в условиях, когда против нашей страны развернута, мягко говоря, санкционная агрессия, поэтому небольшими прагматичными шагами надо стремиться вернуться к мирному сосуществованию на планете, чтобы люди могли спокойно жить работать, создавать семьи.

С изрядной долей вероятности можно предположить, Россия не будет менять свой курс как внутривосточный, так и внешнеполитический. Наша страна опирается на устойчивую политику и внутреннюю и внешнюю. Центральное место здесь занимают стремление поддерживать статус великой державы, расширять своё влияние в мире, увеличивать поляризованность мира. В этом направлении располагается траектория российской политики. А каковы западные нормы демократии и верховенства права сейчас все наблюдают.

По меньшей мере очень странно наблюдать как страны, ставившие во главу угла измерения всего человеческого ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, провозглашённые Всеобщей Декларацией прав человека сами же пнули эти права далеко и надолго, когда заморозили счета российских граждан, лишив ЧЕЛОВЕКА его неприкосновенного права на частную собственность. Как так, да никак. «Они» так захотели. Но не тут-то было. Россия всегда даст адекватный ответ.

К чему приводят наложенные западными странами санкции для них же самих все могут наблюдать воочию. У России есть все возможности обойти санкции. В том числе особо необходимо подчеркнуть, что у нас есть все возможности, чтобы выстраивать новую валютную систему в новой архитектуре международных отношений.

Хотелось бы рельефно выделить ряд принципиальных моментов, имеющих без всякого сомнения судьбоносное значение как для России, так и для глобального миропорядка в целом. Россия и весь наш народ внутри и за пределами государственных границ, впервые сплотилась вокруг одной идеи – идеи справедливости, которую никак не воспринимают западные страны. В отношении нашей страны у них это понятие не коррелирует.

Выстояв сегодня и завершив начатое завтра, мы обретём силу, с которой будут считаться и которую будут уважать во всём мире. Точно так же, как это произошло после капитуляции фашистской Германии в 1945 году. Мы отстаём право на свою цивилизацию и на свой уникальный путь развития.

США избрали сами для себя роль гегемона в мире, сами объявили себя таковыми. Небезосновательно, следует подчеркнуть, что российская внешняя политика складывается с учётом и внешних и внутренних факторов. И в этом случае важную роль для её формирования играют действия США, причём и реальные, и потенциальные.

Многое зависит от того, смогут ли США справиться со своей неуёмной привычкой вмешиваться в ситуации, которые затрагивают важные российские интересы, более того признать их таковыми и при этом, что самое интересное, не имеющие значимого значения для США. Но все мы знаем, что амбициозная риторика ими не будет преодолена, соответственно, ситуация, получившая развитие сейчас, продлится на долгие времена. Роль России в мироздании – это быть защитниками, мы убеждены в силе и правоте ЗАКОНА, который способен поддерживать мир на Земле.

РОССИЯ – это великая цивилизация. В основе нашей цивилизации лежат морально-нравственные принципы, несомненно, связанные с религией. Есть просто страны, которые совместно создают миропорядок, но не могут на него влиять, а есть державы, которые диктуют повестку. Россия, безусловно, относится к таковым. Как бы и кто бы ни пытался умолить роль России в мире как великой державы, им этого не удастся. Недружественные нам страны изыскивают и находят множество рычагов воздействовать на Россию всеческими негативными методами, что приведёт к обратному эффекту, то бишь их действия отразятся на них же самих.

Сегодня пришло время эпохального исторического переворота, и мы тому свидетели. Силы на Западе, стремящиеся разорвать экономику, изменить политику санкциями, изоляцией и прочими методами отступают одна за другой. Все они получили яркий сигнал, что Россия не только готова, но и способна жёстко защищать свои интересы.

Как отмечает Сергей Караганов, доктор исторических наук, научный руководитель факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», в США потерпела поражение глобалистская идеологизированная элита, стремившаяся к реваншистскому восстановлению короткой американской гегемонии, которую она сама и разрушила некомпетентной политикой «распространения демократии». Она привела к политическим поражениям в Афганистане, Ираке, Ливии, дестабилизации всего Большого Ближнего Востока, обрушению морально-психологических позиций США [1, с. 25].

Хотелось бы привести цитату из свежих высказываний Караганова С. А.: «Запад ведёт отчаянную борьбу за сохранение своей гегемонии, позволявшей перекачивать мировой продукт в свою пользу. На идейной поверхности это представляется как борьба либеральных демократий и авторитаризма (раньше коммунизма).

Запад использует все оставшиеся немалые резервы - в созданной по его лекалам послевоенной экономической системе (санкции), в информационном пространстве (беспримерная со времен Гитлера волна русофобии), чтобы удержать эти позиции.

Украина должна была сыграть роль копья, острие которого находится у сердца военно-политического стержня «не Запада» - России. Это серьёзная борьба. Нас хотели бы ослабить и уничтожить, жалея, что этого не сделали в 1990-е годы. Предстоит тяжёлый период. Но такова судьба России - стоять на передовых рубежах. Надо объединиться, выстоять и победить. Думаю, что Запад вынужден будет смириться с более скромными позициями в мировой системе.

К тому же есть немаловажный фактор, который также необходимо отметить, что мы теперь точно знаем, что западные партнёры, во-первых, не заслуживают доверия, во-вторых, не договороспособны.

Власти США не удалось сплотить страны мира против России на фоне ситуации на Украине. Многие из них считают, что экономическая блокада РФ повредит им самим. Как пишет издание Foreign Policy, поддержать Вашингтон отказались даже некоторые его союзники. «Кроме ближайших друзей и военных союзников Соединённых Штатов на Западе и в Восточной Азии, большая часть мира не заинтересована в присоединении к возглавляемой США компании по изоляции России», - говорится в статье.

Всем давно уже стало понятно, что прежнего мира не будет. Мы подошли вплотную к ситуации, когда возникла необходимость глобальных перемен во всех сферах жизни нашей страны. Российская внешняя политика крайне успешна сейчас. Россия в мире – это игрок первого уровня. Выдерживая волну враждебности и санкций, наша страна выигрывает и морально.

Подчеркнём также, что Россия всегда показывает стремление к поиску компромисса по всем вопросам, тогда как США нацелены на достижение односторонней безусловной победы, которая позволит полностью нейтрализовать внешнеполитические достижения оппонента. Естественно, что Россия будет твёрдо и последовательно отстаивать свои жизненно важные национальные интересы.

Непредсказуемая внешнеполитическая активизация России, последовавшая в начале XXI в., явилась ключевым неучтенным фактором для экономических архитекторов глобализации, потребовавшим быстрого ответа. Начались поиски обоснования экономической изоляции России от внешнего мира и в перспективе ее политической блокады. Первоначально тактика ответа предполагала обвинение российского руководства в авторитарном стиле правления и поддержку оппозиционных движений на территории России, даже радикального характера [2, с. 130].

Пристатейный библиографический список

1. Караганов С. А. Россия выиграла сражение, потому что решила его выиграть // Россия в глобальной политике. - 2017. - № 1.
2. Морозов И. Л. Безопасность политических коммуникаций в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. - 2013. - № 1. - С. 127–131.
3. Тонких В. А. Россия в глобальном мире. - Воронеж. Научная книга, 2016. - 189 с.
4. Федосова М. П. Особенности российско-американских внешнеполитических отношений в XXI в. // Общество: политика, экономика, право. - 2015. - № 2. - С. 11-13.

МЕЛИКСЕТЯН Анна Гарегиновна

аспирант 2 курса кафедры международного частного права Дипломатической академии МИД России

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС В ОБЛАСТИ СВОБОДЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ

Настоящая статья представляет анализ мер, принимаемых государствами-членами в рамках Евразийского экономического союза с целью обеспечения свободы передвижения трудящихся, поддержки занятости, а также барьеров, препятствующих осуществлению трудовых прав граждан государств-членов союза.

Актуальность данной темы обусловлена важностью сотрудничества государств-членов ЕАЭС в области свободы передвижения трудящихся, которое находится на этапе становления, а также необходимостью гармонизации законодательства государств-членов и устранения барьеров, ограничений и изъятий на пути движения рабочей силы с целью создания полноценного экономического пространства ЕАЭС, дополненного социальным компонентом.

Ключевые слова: ЕАЭС, СНГ, свобода передвижения, трудовая миграция, трудящиеся, «Работа без границ», нелегальная миграция, социальное обеспечение, пенсии.

MELIKSETYAN Anna Gareginovna

postgraduate student of International public law sub-faculty of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia

LEGAL REGULATION OF COOPERATION OF THE EEC MEMBER STATES IN THE FIELD OF FREEDOM OF MOVEMENT OF WORKERS

This article presents an analysis of the measures taken by the member states within the framework of the Eurasian Economic Union in order to ensure the freedom of movement of workers, support employment, as well as barriers to the exercise of the labor rights of citizens of the member states of the union.

The relevance of this topic is due to the importance of cooperation between the member states of the EAEU in the field of freedom of movement of workers, which is in its infancy, as well as the need to harmonize the legislation of the member states and eliminate barriers, restrictions and exemptions in the way of the movement of labor in order to create a full-fledged economic space of the EAEU, supplemented by a social component.

Keywords: the EAEU, the CIS, freedom of movement, labour migration, workers, "Work without borders", illegal migration, social security, pensions.

Меликсетян А. Г.

Следует отметить, что государства-члены Евразийского экономического союза (далее- ЕАЭС) являются правопреемниками сходного трудового законодательства, которое стало результатом реформы на основании Кодексов законов о труде (КЗоТов) союзных республик, следовательно и международное сотрудничество постсоветских государств в данной области осуществляется аналогично.

Как отмечает Р. Ш. Давлетильдеев, «при детальном рассмотрении развития регионального сотрудничества государств на постсоветском пространстве, можно заметить сходства в стилистике текстов международных соглашений, в создании определенных инструментов интеграции, в частности, единого рынка труда и обеспечения свободы передвижения работников» [4].

Среди основных приоритетов государственной политики государств особо важное место занимает обеспечение занятости, а следовательно, на уровне интеграционных объединений государства стремятся грамотно выстраивать миграционную политику для получения преимуществ от иностранной рабочей силы, которая по необходимости, сопровождается гармонизацией внутреннего законодательства для ее полного обеспечения

После учреждения ЕАЭС в 2015 году были созданы необходимые правовые основы такого сотрудничества, однако остается значительное число институциональных, организационных и технических аспектов, которые должны быть уре-

гулированы в текстах будущих международных договоров и иных актов Союза. Раздел XXVI Договора о ЕАЭС под названием «Трудовая миграция» стал своего рода фундаментом правовой базы, на которой будет гармонично развиваться сотрудничество государств-членов ЕАЭС в области обеспечения прав трудящихся на свободное передвижение в рамках интеграционного объединения.

Согласно п. 3 статьи 96 Договора о ЕАЭС «сотрудничество государств-членов Союза осуществляется в следующих направлениях:

- согласование общих подходов и принципов в сфере трудовой миграции;
- обмен нормативными правовыми актами;
- обмен информацией;
- реализация мер, направленных на предотвращение распространения недостоверной информации;
- обмен опытом, проведение стажировок, семинаров и учебных курсов;
- сотрудничество в рамках консультативных органов»¹.

Таким образом, с трудом можно проследить многовекторность в вопросах реализации сотрудничества Союза, так

¹ П. 3 статьи 96 Договора о ЕАЭС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/5cf60bd176bf919303a57de094fae3ae9d6f3711/ (дата обращения: 25.03.2022).

как оно осуществляется, в частности, пределах информационного обмена.

Несмотря на то, что у большинства стран ЕАЭС общее советское наследие основ трудового законодательства, имеются значительные различия, которые становятся барьерами на пути реализации предусмотренных Договором о ЕАЭС задач.

Среди таких, можно выделить положение о том, что «трудящиеся имеют право работать во всех сферах деятельности, за исключением отраслей экономики, имеющих стратегическое значение, государственной службы, правоохранительных органов»². Можно отметить, что понятие «отраслей, имеющих стратегическое назначение» как в законодательстве России, так и Казахстана является весьма обширным и включает в себя большое количество отраслей национальной экономики.

Сотрудничество государств-членов ЕАЭС предполагает отказ от заполнения миграционных карт при въезде в принимающее государство, где они предусмотрены внутренним законодательством, однако заполнение данного документа не осуществляется только в Республике Армения.

В отличие от ЕС, где срок пребывания трудового мигранта может продолжаться после окончания трудовой функции, в ЕАЭС после завершения срока действия трудового мигрант имеет всего лишь 15 дней чтобы найти новую работу или обязан покинуть территорию государства³. Тем не менее, данное положение является благоприятным по сравнению с другими трудящимися-мигрантами, которые в Российской Федерации обязаны получать патент и продлевать его на ежегодной основе⁴.

Согласно Решению «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» от 11 декабря 2020 года Высший Евразийский экономический совет выделил наиболее перспективные направления сотрудничества государств для более гармоничного развития Союза⁵.

Среди таковых совет выделил интеграцию в сфере трудовой миграции, в частности обратив внимание на необходимость создания благоприятных условий пребывания трудящихся и их семей в государстве трудоустройства, проведения анализа сопоставимости систем и программ образования государств-членов, а также проработки вопроса о необходимости последовательного сближения квалификаций специалистов в различных видах профессиональной деятельности и так далее.

Примечательным является тот факт, что лидеры государств-членов с целью предотвращения оттока трудовых ресурсов за пределы Союза закладывают определенные меры, направленные на развитие интеграции в наукоемких отраслях экономик государств-членов и так далее

Среди перечня мер и механизмов реализации стратегических направлений выделяется выработка предложений

в отношении профессиональной квалификации работников по наиболее востребованным на рынке труда профессиям в Союзе и порядка ее подтверждения.

Согласно статистическим данным Департамента трудовой миграции и социальной защиты Евразийской экономической коллегии за 2021 год, перечень наиболее востребованных должностей и профессий был дополнен востребованностью в сферах здравоохранения, образования, строительства, сельского хозяйства, промышленности и ИТ-технологий.

Прорывом в сфере реализации поставленных целей также является создание цифровой платформы под названием «Работа без границ», которая была запущена 1 июля 2021 года под эгидой Евразийской экономической комиссии, являющаяся своего рода аналогом европейского EURES.

Создание данного банка вакансий на уровне интеграционного объединения является результатом претворения в жизнь стратегического сотрудничества государств-членов по созданию «Евразийской электронной биржи труда». Проект имеет своей целью обеспечение взаимодействия рынков труда в рамках ЕАЭС с помощью цифровых инструментов, расширения функционала национальных информационных систем за счет добавления возможностей для поиска резюме и вакансий по всем странам Союза.

«Работа без границ», по своей сути, представляет собой объединение 5 национальных платформ поиска вакансий и резюме, так как были присоединены информационные порталы России, Армении, Беларуси, Казахстана и Киргизии.

Безусловно, развитие любого современного интеграционного объединения вне процесса цифровизации становится невозможным, а вышеназванный проект является ярким примером сотрудничества государств-членов в вопросах формирования полноценной цифровой экосистемы в сфере трудоустройства и занятости граждан Союза.

В заключении следует подчеркнуть, что становление общего рынка трудовых ресурсов на пространстве ЕАЭС требует плавной гармонизации законодательств государств-членов Союза в области свободы передвижения и реализации прав трудящихся, принятия во внимание институциональных, организационных и технических аспектов.

Пристатейный библиографический список

1. Европейское право. Отрасли права Европейского Союза и Евразийского экономического союза: учебник / М. М. Бирюков и др.; под ред. Л. М. Энтина, М. Л. Энтина. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2018.
2. McAuliffe M., Triandafyllidou A. World Migration Report 2022. International Organization for Migration (IOM). - Geneva, 2021.
3. Воробьева И. В. Трудовые мигранты в России: проблемы занятости иностранных трудовых работников // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». - 2020. - № 1.
4. Давлетгильдеев Р. Ш. Международно-правовое регулирование трудовой миграции в Евразийском регионе: попытка приблизиться к свободе передвижения работников? // Журнал исследований социальной политики. - Том 16. - № 4. - С. 596.
- 2 П. 2 статьи 97 Договора о ЕАЭС. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/5cf60bd176bf919303a57de094fae3ae9d6f3711/ (дата обращения: 25.03.2022).
- 3 Пункт 5 статьи 97 Договора о ЕАЭС. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/5cf60bd176bf919303a57de094fae3ae9d6f3711/ (дата обращения: 25.03.2022).
- 4 Пункт 5 статьи 346.45 Части второй Налогового кодекса Российской Федерации от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (принята Государственной Думой 19 июля 2000 года) // Российская газета от 10 августа 2000 г. № 153-154.
- 5 Решение № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической деятельности до 2025 года» от 11.12.2020. // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12 (дата обращения: 25.03.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-39-41

ФЕДОТОВ Никита Егорович

магистрант 2 курса Юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова

СЛЕПЦОВ Анатолий Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой арктического права и права стран Азиатско-Тихоокеанского региона Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАТУСА И РЕЖИМА ЭКСПЛУАТАЦИИ ЗИМНИХ АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ АРКТИКИ

Статья посвящена вопросу правового регулирования статуса и режима эксплуатации временных автомобильных дорог в зимнее время (далее – зимники) в Арктике. Зимники являются жизненно важными транспортными артериями, связывающими труднодоступные поселения, расположенные на территории Арктики. Несмотря на особую значимость зимников для жизнеобеспечения населения, в настоящее время нет конкретного законодательного закрепления данного понятия и определения на федеральном уровне статуса зимников и режима его эксплуатации, что является актуальной проблемой развития стратегического для страны макрорегиона. Авторами предлагается решение актуальной проблемы путем внесения изменений в национальное законодательство с учетом отечественной практики и нормативного правового опыта государственного регулирования статуса и режима эксплуатации зимников в Канаде.

Ключевые слова: дороги автомобильные зимние, ледовые переправы, технические правила устройства, зимник, ледовый зимник.

FEDOTOV Nikita Egorovich

magister student of the 2nd course of the Law Faculty of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

SLEPTSOV Anatoliy Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Arctic and Asia-Pacific law of the Law Faculty of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

LEGAL REGULATION OF THE STATUS AND REGIME OF OPERATION OF ARCTIC WINTER ROADS

The article deals with the issue of legal regulation of the status and regime of operation of temporary roads in winter time (here in after - winter roads) in the Arctic. Winter roads are vital transport arteries connecting hard-to-reach settlements located in the Arctic. In spite of the particular importance of winter roads for people's livelihoods there is no specific legislative definition of this concept and definition on the federal level of the status of winter roads and the regime of their operation which is an urgent problem of development of the macro-region strategic for the country. The authors propose to solve the urgent problem by amending the national legislation taking into account domestic practice and normative legal experience of state regulation of the status and mode of operation of winter roads in Canada.

Keywords: winter roads, ice crossings, technical rules of construction, ice road.

В настоящее время в условиях отсутствия круглогодичных наземных транспортных путей вопросы транспортной доступности в арктических субъектах Дальневосточного федерального округа являются актуальной проблемой.

Поэтому в целях обеспечения жизнедеятельности поселений каждый год в зимнее время органами власти на местах образуются временные автомобильные зимние дороги, связывающие между собой населенные пункты. По зимникам осуществляется завоз горюче-смазочных материалов для котельных и дизельных электростанций, продовольствие, товары первой необходимости и лекарства.

Согласно пункту 3 статьи 3 Федерального закона от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ) «зимники» приравнены к искусственным дорожным сооружениям, под которыми понимаются «сооружения, предназначенные для движения транспортных средств, пешеходов

и прогона животных в местах пересечения автомобильных дорог иными автомобильными дорогами, водотоками, оврагами, в местах, которые являются препятствиями для такого движения, прогона»¹. В настоящее время это единственное нормативное закрепление понятия зимника.

Исходя из анализа приказа Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 5 августа 2020 г. № 468-ст, которым был утвержден и впервые введен в действие национальный стандарт ГОСТ Р 58948 – 2020 «Дороги автомобильные общего пользования. Дороги автомобильные зимние и ледовые переправы. Технические правила устройства и содержания» (далее - ГОСТ Р 58948 – 2020) можно сде-

1 Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72386/ (дата обращения: 17.03. 2022).

Федотов Н. Е.

Слепцов А. Н.

лать вывод, что в нем содержатся нормы, регулирующие порядок и механизм эксплуатации автомобильных дорог², и их возможно применить к зимникам только в отдельных случаях в условиях отсутствия в законодательстве России режима эксплуатации зимников.

Таким образом, следует констатировать, что на федеральном уровне нет законодательного закрепления правового режима финансирования, эксплуатации зимников, в том числе правил обеспечения безопасности дорожного движения.

Следует отметить, что понятие «зимник», закрепленное в статье 3 Федерального закона от 08.11.2007 № 257-ФЗ, по смыслу данной нормы распространяется на мосты, переправы по льду, путепроводы, трубопроводы, тоннели, эстакады, и подобные сооружения.

В отличие от иных видов автомобильных дорог зимники действуют только в зимнее время года и прокладываются на земляном снежном или ледяном покрытии на установленных маршрутах. Поэтому правовой режим прокладки и содержания зимников, как и сам их статус, нуждается в более конкретном законодательном урегулировании в целях установления нового правового понятия автомобильных зимних дорог (зимников), которые стали бы отдельным видом автомобильной дороги с учетом временного сезонного характера эксплуатации.

В юридической науке, как и на федеральном уровне, также отмечают данную правовую проблему. Так, Анатолий Широков подчеркивает, что недостаточность нормативного регулирования негативно сказывается на темпах развития северных территорий, где в основном используются зимники. «При наличии эффективного правового механизма и надлежащей практики его применения российский Север может стать образцом инфраструктурного обустройства» [1].

В России зимники как и в других северных странах используются на территории Арктики в связи с природно-климатическими особенностями региона. Например, на территории Якутии, в самом крупном по территории арктическом регионе, существуют зимники регионального значения протяженностью 9,9 тыс. км., в том числе различной грузоподъемности. При этом грузоподъемность автомобилей варьируется в зависимости от расстояния зимника: для автомобилей до 30 тонн в настоящее время действует зимник «Арктика» на участке от поселка Черский Нижнеколымского района до границы с Чукотским автономным округом, также действуют и иные автозимники для автомобилей до 10 тонн, до пяти тонн и до трех тонн³.

Для жителей отдаленных и труднодоступных населенных пунктов Якутии зимники – единственные транспортные пути, с помощью которого они могут преодолевать огромные расстояния между населенными пунктами, чтобы выжить в Арктике. По зимникам, действующим в течение 5 месяцев, доставляются продукты питания, уголь, нефть для котельных, бензин для техники, дизтопливо для электростанций, строительные материалы и другие необходимые грузы для жизнеобеспечения⁴.

Таким образом, жизненно необходимо представляется в целях обеспечения транспортной доступности и повышения

качества жизни северян внести дополнения и изменения в федеральное законодательство.

При этом следует обратиться к опыту нормативного закрепления зимних дорог в зарубежных арктических странах, среди которых особо следует отметить Канаду, где регулирование режима пользования временными зимними дорогами установлено на федеральном и региональном уровнях достаточно давно.

Согласно пункту 1 Правил пользования сезонными автодорогами, являющимися приложением к Закону о транспортных средствах Канады, Регистратор или лицо, назначенное им Регистратором, может, в целях предотвращения ущерба на сезонной трассе или для обеспечения безопасности лиц, пользующихся сезонным шоссе сезонной автомагистрали, издать распоряжение

(а) о закрытии сезонного шоссе;

(b) снизить предельную скорость, действующую на сезонной автомагистрали сезонной автомагистрали;

(c) установить установление минимально допустимой валовой вес или максимально допустимый валовой вес для транспортных средств, использующих сезонное шоссе⁵.

В соответствии с пунктом 2 Правил пользования сезонными автодорогами ни одно лицо не должно управлять транспортным средством на сезонном шоссе:

(а) если сезонное шоссе закрыто в соответствии с указанием, выданным согласно пунктом (1)(а);

(b) со скоростью, превышающей ограничение скорости установленного для сезонной автомагистрали в соответствии с указанием, выданным согласно пунктом (1)(b);

или (c) если полная масса транспортного средства (i) меньше минимально допустимой полной массы, или (ii) которая превышает максимальную допустимую полную массу, установленный для сезонной автомагистрали в соответствии с указанием, выданным согласно пунктом (1)(c)⁶.

Более того, в провинции Манитобы Канады действуют специальные правила к грузоперевозкам по зимникам. В соответствии с подразделом 87 (1) Закона о дорожном движении Манитобы⁷, предоставляется разрешение на использование транспортных средств RTAC, зарегистрированных на имя держателя разрешения, увеличенной осевой единицы и полной массы транспортного средства в соответствии с допусками на маршрутах RTAC на следующих маршрутах для доступа к удаленным северным общинам через систему «Winter Road»:

PR 304 от РТН 11 до Rice River Road на расстоянии 82 км; PR 234 от РТН 8 до Matheson Island; PR 280 от пересечения с PR 391 до Gillam; PR 394 от PR 391 до Манитобы - Граница Саскачевана; PR 373 от пересечения с РТН 6 до Norway House; PR 391 от пересечения с РТН 6 до озера Линн.

Увеличенная масса в соответствии с максимально допустимой полной осью и массой транспортного средства для маршрутов RTAC (Подраздел 1 (1), Приложение D, Постановление Манитобы 155/2018) на перечисленных выше автомагистралях действует до закрытия системы «Winter Road». Владелец разрешения должен иметь возможность предоставить всю документацию, подтверждающую происхождение и / или место назначения груза по запросу. В пункте отправления и / или назначения должно быть четко указано название удаленного города / общины⁸.

2 Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 5 августа 2020 г. № 468-ст, которым был утвержден и впервые введен в действие национальный стандарт ГОСТ Р 58948 – 2020 «Дороги автомобильные общего пользования. Дороги автомобильные зимние и ледовые переправы. Технические правила устройства и содержания». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200174655> (дата обращения: 18.03. 2022).

3 Сроки открытия ледовых переправ и автозимников в Якутии скорректировали из-за теплой погоды. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ysia.ru/sroki-otkrytiya-ledovyh-pereprav-i-avtozimnikov-v-yakutii-skorrektirovali-iz-za-teploj-pogody/> (дата обращения: 10.03. 2022).

4 Сроки открытия ледовых переправ и автозимников в Якутии скорректировали из-за теплой погоды. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.ykt.ru/article/128899> (дата обращения: 10.03. 2022).

5 Seasonal highway regulations. Motor vehicles act. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20061123100750/http://www.justice.gov.nt.ca/PDF/REGS/MOTOR_VEHIC/Season_Hwy.pdf (дата обращения: 15.03. 2022).

6 Seasonal highway regulations. Motor vehicles act. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20061123100750/http://www.justice.gov.nt.ca/PDF/REGS/MOTOR_VEHIC/Season_Hwy.pdf (дата обращения: 15.03. 2022).

7 The Highway Traffic Act. C.C.S.M. с. Н60. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web2.gov.mb.ca/laws/statutes/ccsm/h060e.php> (дата обращения: 15.03. 2022).

8 Vehicle Weights and Dimensions on Classes of Highways Regulation. Regulation 155/2018 Registered November 23, 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://web2.gov.mb.ca/laws/regs/current/_pdf-regs.php?reg=155/2018 (дата обращения: 14.03. 2022).

Помимо получения Срочного зимнего дорожного разрешения на поездку, необходимо получить разрешение на один переезд для следующих транспортных средств и / или грузов:

Всех автомобилей, оснащенных сдвоенным управляемым мостом.

Всех автомобилей, оснащенных ведущим мостом с тройным приводом.

Всех конфигураций b-train (или конфигураций более чем одного прицепа)

Всех грузов, превышающих допустимые размеры, указанные в Постановлении Манитобы 155/2018; (ширина более 2,6 м, высота более 4,15 м, длина более 23,0 м для седельного тягача с полуприцепом, 12,5 м для прямого грузового автомобиля).

Всех грузов, превышающих заявленный вес проезжаемой зимней дороги и / или имеющие осевой вес, превышающий допустимый вес, как предписано в Постановлении Манитобы 155/2018⁹.

Подобные руководства по режиму пользования зимников существуют и в других субъектах Канады, например, Правительство Альберты в 2013 году разработало руководство «Лучшая практика для строительства и безопасной работы на ледяных покровах в Альберте». Министерство автомобильных дорог и инфраструктуры Саскачевана в 2010 году разработало Руководство по зимним дорогам. Процедуры безопасной эксплуатации зимних дорог, в которых даются рекомендации по оборудованию: аутригеры, плавучее устройство, осторожное использование гусеничных тракторов и других транспортных средств. Представлен полный раздел по подписанию документов, а также экологические соображения (например, управление разливами), безопасность на зимних дорогах (обучение, защитное оборудование, связь), рекомендации по безопасности для работников ледовых дорог и пользователей ледовых дорог, аварий, информация о выживании и общее управление дорожным движением [2].

Для нескольких общин коренных народов в Северном Онтарио указанные выше зимники - единственные транспортные пути. Как следствие, вопрос правового регулирования статуса и режима эксплуатации зимников в Канаде имеет важное значение для устойчивого развития арктических регионов.

Кроме того, в Законе Эстонии об автомобильных дорогах в параграфе 8 закреплено понятие зимних автомобильных дорог, под которыми понимаются дороги, проложенные по замерзшей земле или замерзшему водоему и предназначенные для движения между материком и островами или между различными пунктами на материке. Период использования зимней дороги ограничен¹¹. Таким образом, на государственном уровне уже есть практика закрепления понятия «зимняя автомобильная дорога», отчего следует, что вполне возможно в России аналогично закрепить понятие в Федеральном законе от 08.11.2007 № 257-ФЗ.

В России же только в законодательстве некоторых арктических субъектов содержатся положения, касающиеся закрепления термина автомобильных сезонных (зимних) дорог и условий их эксплуатации. Так, пунктом 5 статьи 3 Закона Республики Саха (Якутия) от 18.02.2010 802-3 N 495-IV «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Республике Саха (Якутия)» (далее - Закон Республики Саха (Якутия)) определено, что сезонной автомобильной дорогой является «автомобильная дорога сезонного использования,

включающая в себя земельные участки в границах полосы отвода автомобильной дороги и расположенное на них дорожное полотно из снега, льда и мерзлого грунта»¹².

Примечательно, что в статье 31 Закона Республики Саха (Якутия) содержится ссылка к техническим отраслевым дорожным стандартам, один из которых вышеупомянутый ГОСТ Р 58948 – 2020 - «устройство и содержание сезонных автомобильных дорог осуществляется в соответствии с отраслевыми дорожными нормами, регулирующими порядок устройства и содержание сезонных автомобильных дорог»¹³. На основании данной нормы можно убедиться в том, что эксплуатация и режим пользования зимниками все равно регулируется на федеральном уровне, а не на региональном. Следовательно, общепринятые правила должны быть в любом случае закреплены в федеральном законодательстве и уже в дальнейшем распространяться на региональный уровень.

Аналогичные положения, что и в Законе Республики Саха (Якутия), имелись в признанном утратившим силу Законе ТАО от 07.11.2005 N 72-ОкЗ «Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности в Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе», в котором было закреплено определение зимней автомобильной дороги («автомобильная дорога с устройством ледовых переправ или без них, с устройством земляного полотна или без него, используемая для проезда в период отрицательных температур»¹⁴), а также условия строительства и эксплуатации данных дорог.

На основании вышеизложенного, предлагаем в Федеральном законе от 08.11.2007 № 257-ФЗ закрепить понятие «зимняя автомобильная дорога (зимник)», под которой бы понималась временная автомобильная дорога, проложенная в зимнее время в многолетней мерзлоте, по замерзшему льду рек и озер.

В ГОСТ Р 58948 – 2020 необходимо внести изменения в части установления требований к подписанию документов, экологических стандартов, безопасности на зимних дорогах и т.д. на примерах руководств по зимним дорогам субъектов Канады.

Следует законодательно закрепить правила пользования зимниками, используя отечественную практику и законодательный опыт Канады, определить требования к весу и габаритам большегрузных транспортных средств, установить ограничения и правила безопасности движения на зимниках.

Пристатейный библиографический список

1. Автомобильные дороги занимают важнейшее место среди инфраструктурных объектов регионов ДФО – А. Широков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/events/news/114149/> (дата обращения: 10.03.2022).
2. Barrette, Paul D. Overview of ice roads in Canada: design, usage and climate change adaptation. Technical Report (National Research Council of Canada. Ocean, Coastal and River Engineering); no. OCRE-TR-2015-011, 2015-10-18.

9 Vehicle Weights and Dimensions on Classes of Highways Regulation. Regulation 155/2018 Registered November 23, 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://web2.gov.mb.ca/laws/regs/current/_pdf-regs.php?reg=155/2018 (дата обращения: 15.03.2022).

10 General Winter Road Permit Conditions. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.mb.ca/mit/winter/conditions.html> (дата обращения: 15.03.2022).

11 Winter Roads Act [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/502042015001/consolide> (дата обращения: 15.03.2022).

12 Закон Республики Саха (Якутия) от 18.02.2010 802-3 № 495-IV «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Республике Саха (Якутия)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/895245619> (дата обращения: 23.03.2022).

13 Закон Республики Саха (Якутия) от 18.02.2010 802-3 № 495-IV «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Республике Саха (Якутия)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/895245619> (дата обращения: 23.03.2022).

14 Закон ТАО от 07.11.2005 № 72-ОкЗ «Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности в Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/432848180/titles/1996BM8> (дата обращения: 24.03.2022).

ЧЭНЬ Цимэн

аспирант МГИМО (У) МИД России

АНТАРКТИКА В КИТАЙСКОЙ ДОКТРИНЕ

В настоящее время система Договора об Антарктике, как и международная система морского права, имеют свои собственные положения об охране окружающей среды Антарктики. А некоторые положения противоречивы и даже противоположны друг другу. Эти несоответствия могут легко привести к неопределенности и путанице законов и правил охраны окружающей среды Антарктики, что значительно снижает защитный эффект. Китай сегодня является одной из великих держав и ему не безразлично каким образом будет установлено и осуществлено международно-правовое регулирование антарктического региона. Являясь членом Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву и Конвенции о биологическом разнообразии и важным участником международного управления Антарктикой, Китай должен также в полной мере использовать механизм принятия решений, принятый Комиссией по сохранению морских биологических ресурсов Антарктики, и принимать активное участие в охраняемой морской зоне Антарктики. Формулирование новых правил управления Антарктикой и усилий по руководству правилами морских охраняемых районов Антарктики в направлении стабильности системы Договора об Антарктике и интересов Китая в Антарктике. Теперь многие китайские ученые обсуждают положения Системы договора об Антарктике по охране Антарктики в своих статьях. Изучение этих научных статей способствует дальнейшему развитию Договора об Антарктике.

Ключевые слова: Договора об Антарктике, Китай, право, Антарктика, система.

CHEN Qimeng

postgraduate student of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

ANTARCTIC IN CHINESE DOCTRINE

At present, both the Antarctic Treaty system and the international system of maritime law have their own provisions for protecting the Antarctic environment. And some of the provisions are contradictory and even opposite to each other. These inconsistencies can easily lead to uncertainty and confusion about Antarctic environmental protection laws and regulations, greatly reducing the protective effect. China today is one of the great powers, and it cares how the international legal regulation of the Antarctic region will be established and implemented. As a member of the United Nations Convention on the Law of the Sea and the Convention on Biological Diversity and an important participant in international management of Antarctica, China should also make full use of the decision-making mechanism adopted by the Commission for the Conservation of Antarctic Marine Biological Resources and actively participate in the Antarctic Marine Protected Area. Formulating new Antarctic management rules and efforts to guide Antarctic Marine Protected Area rules toward the stability of the Antarctic Treaty system and China's interests in Antarctica. Many Chinese scientists now discuss the Antarctic Treaty System provisions on Antarctic protection in their articles. The study of these scientific articles contributes to the further development of the Antarctic Treaty.

Keywords: Antarctic Treaty, China, law, Antarctic, system.

Обладая огромными запасами ресурсов и международным стратегическим положением, Антарктида играет важную роль в экономическом и социальном развитии различных стран. В настоящее время, правовая система Антарктики, общепризнанная и поддерживаемая международным сообществом, была разработана на основе Договора об Антарктике 1959 года. Антарктический регион в юридическом смысле охватывает не только континентальную часть, но и морскую область, окружающую континент. В результате, помимо регулирования Системой Договора об Антарктике, Антарктический регион также находится под контролем международного морского права, в частности, Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву.

Китай сегодня является одной из великих держав и ему не безразлично каким образом будет установлено и осуществляться международно-правовое регулирование антарктического региона. Являясь членом Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву и Конвенции о биологическом разнообразии и важным участником международного управления Антарктикой, Китай должен также в полной мере использовать механизм принятия решений, принятый Комиссией по сохранению морских биологических ресурсов Антарктики, и принимать активное участие в

охраняемой морской зоне Антарктики. Формулирование новых правил управления Антарктикой и усилий по руководству правилами морских охраняемых районов Антарктики в направлении стабильности системы Договора об Антарктике и интересов Китая в Антарктике.

Внимание Китая к вопросам Антарктики началось еще в 1950-х годах. В настоящее время многие китайские ученые обсуждают положения Системы договора об Антарктике по охране Антарктики в своих статьях, в том числе в работе Ю Чэнь «Исследование правовой системы охраны окружающей среды Антарктики» [1]. На основе Системы Договора об Антарктике автор знакомит с формированием и составом правовой системы охраны окружающей среды Антарктики, анализирует основные принципы и основные системы правового регулирования охраны окружающей среды Антарктики, указывает на наличие двух основных препятствий в реализации правового регулирования охраны окружающей среды Антарктики-правовой коллизии внутри системы и практических препятствий вне системы. Ван Си, Чэнь Вэйчунь «краткий взгляд на правовую систему охраны окружающей среды Антарктики» считает, что Система Договора об Антарктике основана на особенностях окружающей среды Антарктики, что делает специальные положения об охране

окружающей среды Антарктики отличными от других международных договоров [2]. Автор статьи Чжу Вэнья «Краткий анализ системы охраны окружающей среды Антарктики» считает, что правовая система охраны окружающей среды Антарктики содержит комплекс ряда правовых документов по охране окружающей среды Антарктики, принятых после вступления в силу Договора об Антарктике [3]. В работе Цзян маоцэн «О применении принципа предотвращения рисков в Антарктическом регионе» автор считает, что структура правовой системы охраны окружающей среды Антарктики состоит в основном из Системы Договора об Антарктике и ряда других связанных с ним международных договоров [4]. В статье Сюй Цзинлинь «Исследование экологического дискурса на основе международных антарктических проблем» также утверждается Система Договора об Антарктике. По его мнению, именно Договор об Антарктике творчески подошел к вопросу об Антарктическом суверенитете-замораживанию территориальных претензий-и сделал охрану окружающей среды Антарктики более безопасной [5]. Ли Вэй и другие авторы статьи «Воздействие на окружающую среду и механизм вмешательства деятельности человека в Антарктиде» полагают, что нынешняя система управления Антарктикой и Национальные Антарктические стратегии или политика в отношении деятельности человека в Антарктиде делают некоторые политические и правовые ограничения. Именно эти ограничения ограничивают человеческую деятельность [6]. Гу Тин в статье «Антарктический туризм: практические вызовы и правовые ответы» отметил, что в вопросе туристических объектов в соответствии с принципом предосторожности запретить создание каких-либо новых объектов является наиболее идеальным подходом. Второй вариант заключается в том, чтобы Консультативное совещание по Договору об Антарктике приняло решение о создании нового объекта или нет [7]. Чэнь цзингэнь писал в статье «Правовое регулирование морского риска Антарктического туризма: нормативный состав и совершенствование системы», что недостатки морского права Антарктического туризма в основном отражаются в собственных недостатках Polarcode. Он не может эффективно контролировать загрязнение с антарктических туристических судов [8]. Исходя из содержания исследования вышеприведенных ученых, можно видеть, что Антарктический туризм должен регулироваться, а антарктическая окружающая среда должна быть защищена. В таком месте с особым статусом, как Антарктида, соответствующие правовые вопросы заслуживают особого внимания и разрешения.

В настоящее время, управление Антарктикой находится в состоянии анархии. Однако именно из-за анархии страны могут совместно работать над созданием соответствующего антарктического режима в консультации друг с другом. В современном состоянии власть определяется силой в международной политике, огромная сила Консультативных государств Договора об Антарктике является важной гарантией защиты Системы Договора об Антарктике и защиты интересов Антарктики.

По мнению автора, следует активно содействовать совершенствованию этого механизма. Во-первых, содействовать созданию системы жалоб на использование ресурсов Антарктики. Согласно международному праву, участник договора имеет право подать жалобу на другого участника за нарушение договора [9]. После Второй мировой войны многие международные многосторонние договоры, касающиеся прав человека, охраны окружающей среды и т. д., создали органы, способные принимать национальные жалобы.

Во-вторых, содействовать созданию системы отчетности об использовании ресурсов Антарктики. Государства-участники обязаны представлять периодические доклады о том, каким образом они осуществляют договор. Государства-участники обязаны представлять периодические доклады о том, каким образом они осуществляют договор. Для управления ресурсами Антарктики соответствующая Антарктическая международная организация должна создать соответствующие органы принимать доклады.

В-третьих, содействовать установлению наказаний и средств правовой защиты. Например, через Всемирный банк, Региональные банки развития и другие международные организации координируется осуществление санкций. Санкции за несоблюдение антарктических обязательств могут также вводиться путем приостановления права государства на использование антарктических ресурсов.

Пристатейный библиографический список

1. 于晨: 《南极环境保护法律制度研究》, 中国海洋大学硕士学位论文, 第 11 页。
2. 王曦、陈维春: 《南极环境保护法律制度之浅见》, 载《武大国际法评论》2005 年第 5 期, 第 114 页。
3. 朱文雅: 《南极环境保护制度浅析》, 外交学院硕士学位论文, 2009 年, 第 22-23 页。
4. 姜茂增: 《论风险防范原则在南极地区的适用》, 中国海洋大学硕士学位论文, 2014 年, 第 35 页。
5. 徐敬森: 《基于国际南问题的环境话语权研究》, 中国科学技术大学硕士学位论文, 2010 年, 第 21 页。
6. 李玮等: 《南极人类活动的环境影响与干预机制》, 载《山西煤炭》2018 年第 1 期, 第 14 页。
7. 顾婷: 《南极旅游: 现实挑战与法律应对》, 《政治与法律》, 2010 年第 3 期, 第 135-144 页。
8. 陈敬根: 《南极旅游海事风险的法律规制: 规范构成与制度完善》, 《法学杂志》, 2017 年第 2 期, 第 95-105 页。
9. 张若思, 编译, 亚历山大. 基斯: 《国际环境法》, 2000 年第 358 页。

ХАББАБХ Аммар

аспирант кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН ГОСУДАРСТВА В МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЯХ

В нашу нынешнюю эпоху сила государства измеряется не численностью его населения, а силой его экономики, и на этой основе юридические лица приобрели свое значение в экономической жизни, которое нельзя игнорировать в свете увеличения объема глобальной экономической деятельности и появления транснациональных компаний и иностранных компаний, а консульская и дипломатическая защита рассматривается среди средств, с помощью которых государство вмешивается для принятия дипломатических или иных мер против другого государства от имени одного из своих граждан, интересам которого было нанесено ущерб другим государством.

Ключевые слова: акционеры, компании, интересы, защита, национальность, ответственность.

AMMAR Habbabh

postgraduate student of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

THE PROBLEM OF PROTECTING THE LEGITIMATE INTERESTS OF STATE CITIZENS IN MULTINATIONAL CORPORATIONS

In our current era, the strength of the state is not measured by the number of its people, but by the strength of its economy, and on this basis, legal persons have emerged their importance in economic life that cannot be ignored, in light of the increase in the volume of global economic activity and the emergence of multinational companies and foreign companies, and consular and diplomatic protection is considered Among the means by which the state intervenes to take diplomatic or other measures against another state on behalf of one of its citizens whose interests have been harmed by another state.

Keywords: shareholders, companies, interests, protection, nationality, responsibility.

Вопрос о защите юридических лиц вызывает ряд особых проблем, учитывая, что он регулируется специальными правилами и стандартами, будь то в отношении акционеров или фондов этих компаний, а доминирование многонациональных компаний также поднимает вопрос о доминирующей национальности, или, другими словами, кто является государством, которое имеет право осуществлять защиту [1].

Международная юриспруденция и судебная практика единодушно сходятся во мнении, что ни одна страна не может принять требование и защиту, если между ней и лицом, чьим правам или вреду был причинен, нет правовой и политической связи.

Это право было признано Комиссией международного права [4] в рамках Проекта дипломатической защиты в тексте его статьи 9, в которой говорится, что страной, имеющей право на осуществление защиты, является та, которая на основании своих законов учреждает эту компанию, если компании причинен вред в результате незаконного действия в международном праве, а также в соответствии со статьей 10, в которой подтверждается, что государство имеет право осуществлять защиту в отношении компании своей национальности на момент причинения вреда и на дату официальной подачи иска.

Критерии определения национальной принадлежности коммерческих компаний:

- Стандарт места регистрации или регистрации:

В соответствии с этим критерием компания приобретает гражданство страны, в которой она была создана, и многие страны, создающие многонациональные компании, приняли этот критерий, чтобы сохранить свои интересы в них, даже если их филиалы и виды деятельности многочисленны в странах мира.

Этот критерий отличается тем фактом, что он дает партнерам свободу определять национальность компании при ее регистрации, чтобы они могли убедиться, что процедуры регистрации завершены в стране, в которой они хотели получить гражданство компании [5, с. 105-106].

Однако этот критерий подвергся критике, поскольку его реализация влечет за собой то, что воля партнеров при определении гражданства компании направлена на выбор места регистрации, которое отвечает их интересам, не обращая внимания на интересы государства, гражданство которого будет иметь компания, и это также облегчает сокрытие реальной национальности компании, когда она учреждена в определенной стране с целью получения ее гражданства и осуществления прав в ней, в то время как ее члены, капитал и интересы являются иностранными [3, с. 316].

- Стандарт штаб-квартиры:

Согласно этому критерию компания приобретает гражданство страны, в которой находится ее главная штаб-квартира, а штаб-квартира главного управления означает место, где находится основная деятельность компании и где находятся ее органы и органы, которые основаны на ее управлении и имеют полномочия управлять и контролировать, являются главным органом, от которого исходят инструкции, и он издает директивы и приказы различным органам и учреждениям компании [5, с. 152].

Большинство современных законодательных актов приняли этот стандарт, и он считается наиболее поддерживаемым современной юриспруденцией и судебной системой, поскольку он представляет собой прочную связь между компанией и государством, в котором расположен этот центр, и ведет к достижению единства правовой системы компании и стабильности во всех правовых отношениях и должностях,

поскольку это приводит к тому, что компания вносит более эффективный вклад в экономическую жизнь страны, гражданином которой она будет [5, с. 159].

Постоянная палата Международного арбитража также установила этот критерий в знаменитом деле, где она решила установить гражданство на основе основного центра компании, и это мнение считается преобладающим в юриспруденции и судебной системе в Европе [6, с. 455].

Правовая основа права государства гражданства компании осуществлять защиту:

Предоставление государству гражданства компании права на дипломатическую защиту основывается на международной практике, воплощенной Международным судом, особенно в решениях, которые он вынес по рассматриваемым им делам, включая знаменитое дело, известное как «Дело Barcelona Traction Limited по тяговому, осветительному и энергетическому оборудованию», или «Barcelona Traction», в которой Международный суд вынес свое знаменитое решение 5 февраля 1970 года [7, с. 76].

Обоснование этого случая, которое было создано для этого общего принципа, заключается в том, что это компания, основанная в Канаде в 1911 году, где находится ее штаб-квартира, и она вела коммерческую деятельность в Испании. После Первой мировой войны бельгийские физические и юридические акционеры приобрели около 88 % капитала компании, но в результате процедур, предпринятых испанскими властями, компания оказалась на грани банкротства, к которому привело государство Бельгия, как государство гражданства большинства акционеров, чтобы подать иск о компенсации против Испании в Международный суд в 1962 году от имени своих акционеров, чтобы возместить понесенный ими ущерб.

В своем окончательном решении по этому делу Суд постановил, что право на дипломатическую защиту в связи с ущербом компании принадлежит стране, по законам которой зарегистрирована эта компания и на территории которой расположен зарегистрированный офис компании, а не государству или странам гражданства акционеров.

Из этого постановления ясно, что суд принял критерии регистрации и главного центра управления для определения гражданства компании, которым является государство Канада, а затем отклонил запрос государства Бельгия, поскольку это только государство акционеров. Это может привести к многочисленным претензиям, особенно в крупных компаниях, в которых большое количество акционеров разных национальностей.

Однако суд сделал исключения из правила, которое он подтвердил в решении, поскольку разъяснил, что государство или страны гражданства акционеров могут осуществлять право на защиту в трех случаях: Первый случай: Если компания больше не существует по месту регистрации, второй случай: Если ущерб, который происходит с компанией в результате незаконного акта, изданного страной регистрации компании, так что единственный способ защитить акционеров заключается во вмешательстве государства или стран их гражданства. Что касается третьего случая: если акционерам причинен прямой вред, суд ясно дал понять, что все эти случаи не относятся к рассматриваемому делу [8, с. 19].

Это знаменитое постановление оказало большое влияние на Комиссию международного права во время разработки проектов статей о дипломатической защите, поскольку в первом абзаце статьи 9 говорится, что: «Для целей дипло-

матической защиты компаний государством гражданства является государство, которое учредило компанию в соответствии со своим законодательством». Этот текст соответствовал решению Международного суда по делу Barcelona Traction, но Комиссия по международному праву внес некоторую гибкость в критерий включения, когда компания не ведет крупной деятельности в государстве регистрации, и это исключение было решено во втором абзаце статьи 9, который предусматривает, когда компания контролируется гражданами другой страны или других стран, и компания не ведет крупной коммерческой деятельности в стране регистрации, и когда штаб-квартира управления и финансового контроля компании находится в другой стране, эта страна считается страной гражданства.

Опасаясь множества процедур и претензий, которые могут возникнуть в результате этого исключения, Комиссия международного права разъяснила в своем докладе, что предыдущая статья не допускает множественных процедур, либо право принадлежит государству регистрации, либо государству, в котором находится штаб-квартира управления и финансового контроля. местонахождение, и в случае разногласий государство регистрации остается страной гражданства с целью защиты этой компании [9, с. 54].

Защита акционеров:

Несмотря на практическую важность принципа, установленного Международным судом в деле Barcelona Traction, который позже был принят Комиссией по международному праву в проектах статей о дипломатической защите, который предоставляет право на него в качестве общего актива для государства гражданства компании, которое часто определяется критерием регистрации и стандартом главной штаб-квартиры управления в другое время. Однако международная судебная практика показала, что бывают случаи, когда государство регистрации не в состоянии обеспечить защиту своих граждан, в то время как несправедливо оставлять акционеров этих граждан без защиты, особенно в акционерных компаниях.

Что заставило Комиссию международного права признать исключительные случаи по общему принципу, в которых государство гражданства акционеров допускает осуществление дипломатической защиты в их пользу, что было предусмотрено статьей 11 проектов статей о защите, где говорится: Государство гражданства акционеров компании не имеет права на дипломатическую защиту, которая должна быть осуществлена в их пользу, когда компании причинен вред, за исключением следующих случаев:

- Если компания прекращает свое существование в соответствии с законодательством страны, в которой она была создана, по причине, не связанной с ущербом;

- Если на дату причинения вреда компания имеет гражданство государства, которое, как утверждается, несет ответственность за причинение ущерба компании, и создание государства было необходимым условием для ведения бизнеса в нем.

В случае, если компания прекращает свое существование в соответствии с законодательством страны, в которой она была создана:

Международный суд выразил эту ситуацию в связи с его ответом на дело Barcelona Traction, в котором он выразил: «Это происходит только в случае юридической смерти компании, поскольку акционеры лишены возможности иметь средство правовой защиты, доступное через компанию, и это происходит только когда они лишены всех этих возмож-

ностей. создать независимое право принимать меры от их имени или от имени их правительства» [10, с. 56].

Что следует из этого условия в свете того, к чему пришел суд, так это то, что прекращение существования компании означает ее прекращение в государстве регистрации, а не в государстве, в котором произошел ущерб компании. Его бизнес в государстве регистрации - это государство, которое обеспечило его существование, и поэтому представляется логичным, что вопрос об определении того, существует ли компания больше и не может ли она функционировать как юридическое лицо, должен решаться законом государства, в котором она была зарегистрирована [11, с. 66-67].

Что касается фразы «по причине, не связанной с ущербом», смысл заключается в том, чтобы гарантировать, что государству гражданства акционеров не разрешается подавать иск, связанный с ущербом, причиненным компании, который стал причиной гибели компании, или, другими словами, акционерам «государство гражданства не сможет осуществлять дипломатическую защиту, если оно не пострадает в результате ущерба компании, не связанного с ущербом, который мог привести к гибели компании» [12, с. 66-67].

Если на дату нанесения ущерба компания имела гражданство страны, причинившей ущерб:

Это исключение считается логичным, поскольку невозможно представить, что государство гражданства компании потребовало бы дипломатической защиты, если бы оно само причинило ущерб акционерам, и поэтому, чтобы акционеры не оставались незащищенными и их права были утрачены, в проектах статей о защите признается право на государственную национальность лиц, подавших заявление о защите.

Статья 12 проектов статей о дипломатической защите предусматривает право государства гражданства акционеров осуществлять дипломатическую защиту, если ущерб непосредственно затрагивает этих акционеров [13]; в этой статье не проводится различия между правами акционеров и правами компании.

В своем отдельном мнении по делу ELSI судья Ульф говорил об общих принципах права, касающихся контекста прав акционеров, как указано в вышеупомянутой статье 12, в вопросе проведения различия между правами акционеров и компанией, и внутренним законодательством государства регистрации, в случае, если государство гражданства компании совершило деяние, допустимо прибегать к общим принципам корпоративного права с целью не подвергать права иностранцев дискриминационному обращению [14, с. 52-53].

Пристатейный библиографический список

1. Fourth Report on Diplomatic Protection, Official Records of the United Nations General Assembly, International Law Commission, 55th Session, Year, 2003, Document № 530/CN.4/A. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_530.pdf.
2. Hisham Khaled, « Nationality of the Company», Dar Al-Fikr Al-Jamii, Alexandria. - Egypt, 2008. – P. 105-106.
3. Ghaleb Ali Al-Daoudi, « Private International Law – Nationality », House of Culture, Amman. - Jordan, 2011. - P. 316.
4. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Камо грядеши. К 60-летию деятельности Комиссии международного права ООН // Московский журнал международного права. - 2009. - № 1. - С. 133-144.

5. Hisham Khaled, « Nationality of the Company », Dar Al-Fikr Al-Jamii, Alexandria. - Egypt, 2008. - P. 159.
6. Lakhdar Zaza, « Provisions on international responsibility in the light of the norms of public international law », Dar Al-Huda Publishing House. - Algeria, 2011. - P. 455.
7. Summary of Judgments and Fatwas issued by the International Court of Justice, 1948-1991, Document № ST/LEG/SER.F/1, P. 76. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/english/st_leg_serf1.pdf.
8. Chappaz J. Protection diplomatique, juriscasseur du droit international. - Vol. 4. - 1999. - Fascicule. - № 250. - P. 19.
9. Report of the International Law Commission, 58th Session, 2006, Supplement № 10. - P. 54. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/reports/a_61_10.pdf.
10. Report of the International Law Commission, 58th Session, 2006, Supplement № 10. - P. 56. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/reports/a_61_10.pdf.
11. Report of the International Law Commission, 58th Session, 2006, Supplement № 10. - P. 66-67. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/reports/a_61_10.pdf.
12. Report of the International Law Commission, 58th Session, 2006, Supplement № 10. - P. 66-67. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/reports/a_61_10.pdf.
13. Article 12 of the Diplomatic Protection Project, 2006, states the following: “To the extent that the internationally wrongful act of the state directly harms the rights of the shareholders as such, as distinct from the rights of the company itself, the state of nationality of any of the shareholders has the right to exercise diplomatic protection for the benefit of its nationals.” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_8_2006.pdf.
14. International Law Commission, Diplomatic Protection Project, 53rd Session, 2001, First Report of Special Headquarters A/CNA/506, P. 52-53. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legal.un.org/ilc/sessions/53/>.

КУРБАТОВА Галина Васильевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ЦИБУЛЬСКАЯ Галина Зиновьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры тылового обеспечения Академии ФСИН России

КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье рассматриваются зарубежные практики борьбы с рецидивом преступлений, исследуются наиболее продуктивные и успешные противорецидивные модели, приводятся конкретные примеры правовых норм зарубежного уголовного законодательства, касающиеся рецидива преступлений. Анализируются страны, в которых установлены и приняты наиболее строгие и жесткие правила по борьбе с рецидивом. Анализируются критерии деления рецидива преступлений по видам. Актуализируется важность всеобъемлющего теоретического изучения рецидива преступлений с позиции практического использования во всех современных государствах.

Ключевые слова: рецидив преступлений, компаративистский анализ, зарубежные страны, преступление, наказание.

KURBATOVA Galina Vasiljevna

Ph.D. in Law, senior lecturer, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Training of State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

TSIBULSKAYA Galina Zinovjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Logistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

COMPARATIVE ANALYSIS OF RECURRENT CRIMES UNDER THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

The article discusses foreign practices of combating recidivism, examines the most productive and successful anti-recidivism models, and provides specific examples of the legal norms of foreign criminal law relating to recidivism. Countries are analyzed in which the most stringent and stringent rules to combat relapse have been established and adopted. The criteria for dividing the recidivism of crimes by types are analyzed. The importance of a comprehensive theoretical study of the recidivism of crimes from the standpoint of practical use in all modern states is being updated.

Keywords: recidivism of crimes, comparative analysis, foreign countries, crime, punishment.

Курбатова Г. В.

Цибульская Г. З.

Рецидив преступлений во все времена обладал существенным значением для отечественного уголовного права. Институт рецидива преступлений известен отечественной уголовно-правовой системе еще с древних времен и уже тогда он однозначно трактовался в качестве обстоятельства, которое отягчает наказание и учесть виновного. Возникновение рецидива преступлений позволяет констатировать, что лицо, которое ранее было осуждено за совершение умышленного преступления, не смогло исправиться посредством отбывания уголовного наказания и вновь осуществляет умышленную преступную деятельность. То есть, выявление большого количества преступлений, совершенных в условиях рецидива, говорит о том, что действующая уголовно-исполнительная система работает недостаточно эффективно и нуждается в дополнительном внимании со стороны законодателя.

Рецидив преступлений как уголовно-правовое явление нашёл активное распространение и развитие не только в рамках отечественной системы уголовного права, но и в рамках уголовно-правовых норм зарубежного законодательства, где, в зависимости от особенностей правовой системы конкретной страны, её правовых традиций, обычаев, подхода к самой сущности уголовного права, его целям и задачам, рецидив преступлений, как институт уголовного права, проявляется по-разному и обладает рядом особенностей.

Рассмотрение имеющихся особенностей позволит глубже рассмотреть рецидив преступлений, изучить его не только с позиции российской правовой действительности, но и с позиции зарубежных уголовно-правовых основ.

Анализ подходов и трактовок понятия рецидив преступлений в законодательстве зарубежных стран наглядно свидетельствует о том, что уголовно-правовые системы в различных государствах зачастую обладают рядом отличий применительно к формулировке понятия рецидива преступлений и акцентировании внимания на те или иные признаки рецидива, наличие которых позволяет говорить о наличии рецидива как такового [3, с. 3].

К примеру, Уголовный Кодекс Республики Вьетнам устанавливает наличие рецидива преступления в случае, если лицом совершено тяжкое или особо тяжкое преступление по неосторожности, но при этом первое осуждение должно быть за умышленное преступление. Тогда как Уголовный Кодекс Боливии применительно к рецидиву преступлений исходит из расширенного толкования и подразумевает его наличие, даже если первое преступление было совершено за пределами Боливии, но только если с момента отбывания уголовного наказания за первое преступление прошло менее пяти лет. Отдельного внимания заслуживает рассмотрение подходов к уголовно-правовому закреплению рецидива пре-

ступлений в действующем законодательстве стран СНГ ввиду того, что указанные государства совсем недавно входили в состав СССР и строили свои правовые системы исходя из фундаментальных основ общих советских правовых установок. Проведенный анализ уголовного законодательства стран-участниц СНГ применительно к рецидиву преступлений позволяет сделать ряд выводов: 1. Понятие рецидива в большинстве стран СНГ тождественно по своему содержанию и правовой сущности и концептуальных отличий не имеет; 2. Чаще всего имеет место разделение рецидива преступлений по видам на простой, опасный и особо опасный; 3. При квалификации рецидива преступлений в большинстве стран СНГ не учитываются имевшиеся ранее снятые и погашенные судимости и судимости до достижения возраста 18 лет; 4. Отличительной особенностью рецидива преступлений по законодательству Молдовы, Кыргызстана и Узбекистана является учёт в качестве рецидива преступлений, совершенных в зарубежных странах.

Уголовное законодательство зарубежных стран, чаще всего, характеризуется усилением наказания в случае квалификации рецидива преступлений, однако в настоящий момент мы хотели бы коснуться указанной особенности подробнее и рассмотреть её на конкретных примерах. В уголовных кодексах Швейцарии (ст. 67), Республики Молдова (ст. 82), Грузии (ст. 58), КНР (ст. 65, 66), как и в УК РФ, закреплены более строгие правила назначения наказания при рецидиве преступления, но в пределах санкции статьи, предусматривающей ответственность за совершенное преступление. Согласно УК Республики Узбекистан, признание лица опасным или особо опасным рецидивистом влияет на переквалификацию деяния. Для уголовного законодательства многих зарубежных стран (УК Польши (ст. 64), Дании (§ 83), Бельгии (ст. 54, 55), Франции (ст. 132–9), Аргентины (ст. 52), Республики Корея (ст. 35), Японии (ст. 57, 59) характерен выход за пределы санкции в сторону увеличения наказания при рецидиве преступлений.

Для неисправимых рецидивистов по законодательству отдельных стран предусмотрена изоляция от общества путем назначения им бессрочного (пожизненного) заключения [2, с. 167]. Например, согласно Федеральному закону США о борьбе с насильственной преступностью «лицо, осужденное федеральным судом за опасную насильственную фелонию, а ранее — судом федеральным или какого-либо штата, по крайней мере, за две насильственные фелонии или одну опасную насильственную фелонию и одно опасное нарко преступление, в обязательном порядке приговаривается к пожизненному тюремному заключению». Это законоположение получило в США название «третье преступление — последнее». Оно впервые было применено в 1995 году к 46-летнему Дж. Кеннеди, который совершил ограбление человека, а до этого — дважды ограбление закусочной в Вашингтоне.

Американский опыт особо ожесточённого отношения к неисправимым рецидивистам, несмотря на существенные различия в правовых системах, мог бы отчасти найти отражение в российской правовой действительности. Полагаем, что имеющаяся негативная статистика по рецидивной преступности в нашей стране не оставляет законодателю выбора [1, с. 53]. Безусловно, любые нововведения, а особенно — ужесточения, нуждаются во всестороннем и детальном анализе и осмыслении, однако мы, как исследователи, не видим иного будущего в сложившихся реалиях.

На уровне теоретического познания мы убеждены в том, что одним из основных, фундаментальных начал на пути борьбы с рецидивом преступлений во всем мире является глубокое понимание теоретических вопросов, касающихся рецидива преступлений, его признаков, сущности и видов. Безусловно, крайне проблематично рассчитывать на успех и эффективность в борьбе с рецидивом преступлений, если не знать о его базовых теоретических аспектах, не понимать

того, что следует считать рецидивом преступлений, а что нет. Следовательно, вопросы, касающиеся изучения понятия и признаков рецидива преступлений актуализируются не только с точки зрения теории, но и с точки зрения практики. Обращаясь к рассмотрению зарубежного опыта, мы можем получить важную информацию об успехах и неудачах в опыте борьбы с рецидивом, что позволит нам в рамках российской правовой действительности учиться на чужих ошибках, перенимать положительный опыт и предостеречь себя от неверных решений.

Резюмируя проведение компаративистского анализа рецидива преступлений по законодательству зарубежных стран, прежде всего, хотелось бы отметить, что заявленный изначально тезис о распространенности, развитости, важности и популярности института рецидива в уголовном законодательстве зарубежных стран удалось подтвердить. Ввиду того, что трактовки и подходы к понятию рецидива в зарубежном законодательстве, в зависимости от базовых признаков, существенным образом разнятся, сформулировать единый и общий подход к понятию рецидива преступлений в зарубежных странах не представляется возможным. Применительно к видам рецидива чаще всего либо выделяют простой, опасный и особо опасный, либо никаких видов рецидива законодательством конкретной страны вообще не устанавливается. Основным связующим звеном и признаком, который характерен для всех зарубежных уголовно-правовых систем, вне зависимости от иных концептуальных отличий, является отнесение рецидива преступлений к обстоятельствам, отягчающим уголовную ответственность. Именно этот факт, по нашему мнению, наиболее полно и очевидно отражает сущность рецидива преступлений.

Проведённый компаративистский анализ рецидива преступлений лишь укрепил нашу уверенность в том, что уголовное наказание за рецидив преступлений не должно подвергаться дальнейшей гуманизации и ослаблению, так как статистические показатели наглядно свидетельствуют о распространенности рецидивной преступности и её высокой общественной опасности. Напротив, следует продолжать совершенствовать действующее уголовное законодательство, производя не стихийные, а точечные изменения, направленные на устранение недостатков. Излишняя гуманизация лишь усугубит те проблемы, которые имеют место в настоящий момент.

Пристатейный библиографический список

1. Коломытцев Н. А. Проблемы противодействия рецидиву преступлений: традиции и современность // Вестник Кузбасского института. - 2019. - № 4. - С. 49-60.
2. Наумов Е. В. Контроль и надзор в сфере предупреждения рецидива преступлений по законодательству зарубежных стран // Вестник Кузбасского института. - 2014. - № 1. - С. 167-173.
3. Санжов В. Д. Определение понятия рецидива преступлений в законодательстве стран-участников СНГ // Наука. Общество. Государство. - 2017. - № 1. - С. 1-5.

РАХИМЗОДА Махмад Забир

доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент НАНТ, деятель науки и техники Таджикистана

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ И ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ

В статье излагаются вопросы формирования и развития гражданского законодательства в годы независимости. Характеризуются этапы развития гражданского законодательства, освещается процесс разработки, принятия и введения в действие нынешнего гражданского Кодекса, а также принятия и реализаций других законодательных актов, регулирующих гражданско-правовые отношения.

Ключевые слова: законодательство, гражданское законодательство, этапы формирования и развития гражданского законодательства, гражданско-правовые отношения.

RAKHIMZODA Mahmad Zabir

Ph.D. in Law, professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences, Scientist and Technologist of Tajikistan

Рахимзода М. З.

TO THE QUESTION OF FORMATION AND FURTHER IMPROVEMENT OF THE CIVIL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN IN THE PERIOD OF INDEPENDENCE

The article deals with the formation and development of civil legislation in the years of independence. The stages of development of civil legislation are characterized, the process of development, adoption and implementation of the current Civil Code, as well as the adoption and implementation of other legislative acts regulating civil law relations, is highlighted.

Keywords: legislation, civil legislation, stages of formation and development of civil legislation, civil law relations.

Процесс формирования и совершенствования гражданского законодательства Республики Таджикистан в период независимости был неоднозначным. В начальном этапе независимости Таджикистан не имел своего гражданского законодательства, его еще только предстояло создать. При этом действующее гражданское законодательство советского периода не соответствовало возникшим новым реалиям. В этой связи возникла необходимость разработки, принятия и применения новых механизмов правового регулирования гражданско-правовых отношений. Это обуславливалось тем, что с приобретением независимости и вхождением Республики Таджикистан в свободную экономическую деятельность и предпринимательские сферы, без наличия совершенного, качественного и эффективного гражданского законодательства, основанного на конституционных устоях демократии и международных правовых актах, признанных Таджикистаном, было довольно проблематично.

Нужно отметить, что представление о понятиях и сущности законодательства в годы независимости, как с теоретической, так и с практической точек зрения, является неоднозначным. С теоретических позиций определение законодательства в правовой литературе и законодательстве Таджикистана дается как в узком, так и в широком аспектах¹. В узком понимании это только законы, а в широком законы и другие нормативные правовые акты, в том числе международные нормативные правовые акты, признанные Таджикистаном. Например, понятие законодательства в Законе

РТ от 13.11.1998 г. «О нормативно-правовых актах»² вовсе не приводилось. Позже, в одноименном законе в новой редакции³ понятие «законодательство» определялось как «совокупность нормативных правовых актов, принятых законодательным органом либо путём всенародного референдума». В последующих Законах РТ «О нормативных правовых актах» (26.03.2009⁴, 30.03.2017⁵) понятие «законодательство» определялось как «нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения в целом, либо в определенной области».

Отметим, что в период независимости формирование и развитие гражданского законодательства Республики Таджикистан в особых для страны условиях и под воздействием субъективных и объективных факторов, а также внутренней и внешней обстановки, несмотря на все трудности, всё же поэтапно развивалось и совершенствовалось. На наш взгляд с учетом динамики общественных отношений, формирование и развитие гражданского законодательства Республики Таджикистан можно подразделить на следующие этапы:

1. Начальный этап с момента приобретения независимости до принятия новой Конституции Республики Таджикистан 6.11.1994 г. (1991 – 1994 гг.).

2. Этап кодификации гражданского законодательства Республики Таджикистан (1994 – 2005 гг.). За этот период

2 Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1099. – № 23-24. – Ст. 320.

3 Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2003. – № 12. – Ст. 682.

4 Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – № 3. – Ст. 99; 2010 г. – № 3. – Ст. 152.

5 Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2017. – № 5. – Ч. 1. – Ст. 271; ЗРТ от 19.07.2019 г. – № 1632.

1 См.: Рахимов М. З., Нейматов А. Р. Законодательная техника. – Душанбе, 2016. – С. 24-25.

была принята Конституция Республики Таджикистан, и заложены основы нового гражданского законодательства. Принято первая, вторая (2000 г.), и третья (2005 г.) части Гражданского кодекса РТ, Жилищный кодекс РТ (1998 г.) и Семейный кодекс РТ (1998 г.).

3. Этап стабилизации и дальнейшего совершенствования гражданского законодательства (с 2006 года по настоящее время). На данном этапе в целях реализации положений Гражданского кодекса были приняты и принимаются предусмотренные им законы, а также иные нормативные правовые акты, способствующие развитию гражданско-правовых отношений в Республике Таджикистан.

Начальный этап формирования и развития гражданского законодательства начинается со дня провозглашения независимости страны 9 сентября 1991 года, и действует до принятия Конституции суверенного Таджикистана. Этот период был самым сложным относительно формирования гражданского законодательства Республики Таджикистан. Возникший в 90-х годах политический, социальный и экономический кризис в стране не позволил развитию новых гражданских отношений и его эффективному правовому регулированию. Отмечается, что основанием, на которое опирались общественные отношения, возникающие в этот период, являлась Конституция 1978 года и соответственно законодательство советского периода, которые не могли содействовать возникшим политическим, экономическим и социально – общественным отношениям того времени. Следует отметить, что 25 декабря 1991 г. Верховный Совет РТ при одобрении Соглашения о создании СНГ, на его основании принял решение, что «до принятия новых законов РТ соответствующие законы бывшего СССР действуют на территории РТ, если они не противоречат Конституции РТ и его законодательству»⁶. В этот период отдельные вопросы гражданско-правовые отношения все еще регулировались Гражданским кодексом, принятым Верховным Советом Таджикской ССР 8 декабря 1963 г. и введенным в действие с 1 января 1965 г., а также Основами гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, утвержденными Верховным Советом СССР 31 мая 1991 г., которые должны были вступить в силу с 1 января 1992 г.⁷ Однако к 1 января 1992 г. СССР распался на ряд независимых государств. Поэтому на территории РТ Основы гражданского законодательства 1991 г. действовали с 25 декабря 1991 г.⁸ Гражданско-правовые отношения в этот период также регулировалось и другими действующими в то время законами.

Законы, регулирующие гражданские правоотношения, принятые Республикой Таджикистан в составе Советского государства и в начале приобретения независимости, были не только несистемными, сырыми, но и не могли содействовать становлению новых имущественных и личных неимущественных отношений. В результате «конфронтации» законы не только не работали, но и не исполнялись. Эффективность многих принятых законов были не очень велики. Об их качестве вообще не могло быть и речи. Этому сопутствовала и возникшая в тот момент гражданская война и ее последствия, осложнения политической, экономической, социальной ситуации, разрыв межгосударственных и межведомственных отношений, обесценивание денег, недостаток и отсутствие

средств, ослабление и разрыв прежних договорных связей, несовершенство и противоречия внутреннего законодательства соблюдения правил и норм законодательной техники⁹ и другие обстоятельства.

С принятием Конституции Республики Таджикистан 6 ноября 1994 года наступил следующий этап формирования и совершенствования гражданского законодательства, в котором были заложены основы новой гражданского законодательства Республики Таджикистан.

Принятие Конституции РТ стало основой для совершенствования гражданского законодательства, поскольку определило правовую политику Республики Таджикистан в сфере гражданского законодательства. Основным закон признал различные формы собственности, гарантировал свободу экономической и предпринимательской деятельности, равноправие и правовую защиту всех форм собственности, в том числе частной. Также были гарантированы неприкосновенность жилища, право на объединение (ст. 28), право на возмещение морального и материального ущерба, право на собственность и наследование (ст. 32), право на жилище (ст. 36), а также защиту интеллектуальной собственности (ст. 40) и пр. В Конституции РТ значительно был расширен перечень личных прав: это право на жизнь (ст. 18), права на охрану здоровья (ст. 38), на честь и достоинство гражданина (ст. 42), права на свободу (ст. 42), неприкосновенность личности (18), право на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных личных сообщений (ст. 23), право на сведения сферы личной жизни (ч. 2 ст. 23), право на информацию (ст. 30) и т.д.

С целью реализации положений Конституций РТ возникла необходимость совершенствования гражданского законодательства. В связи с этим на основе Распоряжения Президента РТ от 9.07.1995 г. была создана рабочая группа по разработке первой части ГК РТ, позже на основании Распоряжения от 17.03.1998 г. была создана вторая рабочая группа по разработке второй и третьей частей Гражданского кодекса РТ. В состав группы по разработке Гражданского кодекса РТ были включены известные правоведы Таджикистана О. У. Усмонов – член-корреспондент АН РТ, доктор юридических наук, профессор, Ш. М. Менглиев – доктор юридических наук, профессор, Ш. Т. Тагойназаров – доктор юридических наук, профессор М. З.Рахимов – кандидат юридических наук, доцент.

На этом этапе наряду с разработкой Гражданского кодекса продолжалась разработка и принятие ряд кодексов и законов, регулирующих частноправовые отношения. В их числе Хозяйственный процессуальный кодекс РТ (4.11.1995), Земельный кодекс РТ (13.12.1996), Семейный Кодекс РТ (13.11.1998); Жилищный кодекс РТ (12.12.1997); Воздушный кодекс РТ (13.11.1998); Законы РТ «О валютном регулировании и валютном контроле» (2.11.95); «О стандартизации» (12.12.96); «О концессиях» (16.05.97); «О государственной закупке товаров, работ и услуг» (12.12.97); «О приватизации государственной собственности» (16.05.97); «О естественных монополиях» (12.12.97); «Об аудиторской деятельности» (22.05.98); «О банках и банковской деятельности» (23.05.98) и др.

Характерными признаками принятых кодексов и законов являлось то, что при их помощи было сделана попытка

6 Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. – 1991. – № 24.

7 Ведомости Верховного Совета СССР. – 1991. – № 26. – С. 733.

8 См.: Усмонов О. У. К проблеме развития кодификации гражданского законодательства Республики Таджикистан // Государство и право. – Душанбе, 1999. – № 4. – С. 62.

9 См.: Рахимов М. З. Развитие законодательства Республики Таджикистан в период независимости // Журнал российского права. – 2013. – № 2 (194). – С. 102-103.

урегулировать рыночные экономические отношения, а также другие имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения. Были созданы условия для развития частноправовых отношений, таких как государственная закупка товаров, работ и услуг, аудиторская деятельность, банковская деятельность, страховые правоотношения, отношения между банками и клиентами, семейно-правовые отношения, жилищные правоотношения, защита прав и законных интересов субъектов гражданских правоотношений и т. д. С другой стороны, усиливается государственное регулирование рыночных отношений при помощи введения единых стандартов, ограничения монополистической деятельности, валютного и налогового регулирования. Эти усилия дали определенный положительный эффект. Однако по причине слабого развития горизонтальных отношений, государственное регулирование рыночных отношений не дало желаемого результата. Причиной этому явилось отсутствие Гражданского кодекса – основного закона, регулирующего частноправовые отношения.

После принятия вышеперечисленных кодексов и законов было принят Гражданский кодекс РТ. Первая часть кодекса была принята Парламентом РТ 30.06.1999 г, а вторая часть – 11.12.1999 г. Кодекс вступил в силу 01.01.2000 г. Третья часть Гражданского кодекса РТ была введена в действие с 01.03.2005 г. В обсуждениях законопроектов на стадии их разработок участвовали представители зарубежных государственных и негосударственных структур, известные ученые правоведы России, США, ФРГ, Голландии и эксперты других стран. При разработке гражданского кодекса РТ был использован опыт написания Модельного ГК, ГК Республики Казахстан и ГК РФ.

Отмечается, что раздел о праве собственности Гражданского кодекса РТ значительно отличался от аналогичных разделов гражданских кодексов стран СНГ. В частности, такими отличительными главами были главы о собственности граждан (гл. 14), о коллективной собственности (собственности юридических лиц) (гл. 15) и о собственности государства и административно-территориальных единиц (гл. 16).

В период разработки и обсуждения части третьей ГК РТ о регулировании всех вопросов интеллектуальной собственности, таких как авторское право, смежные права, право на изобретение, полезные модели, промышленные образцы, право на новые сорта растений и других пород животных, а также методы индивидуализации участников гражданских отношений, работ и услуг (фирменное наименование, товарный знак, место производства товара) возникли долгие и жаркие споры, относительно правовых отношений, описанных в третьей части ГК РТ. В результате рабочая группа пришла к выводу, что в части 3 ГК РТ необходимо урегулировать только общие вопросы права интеллектуальной собственности, а остальные вопросы относительно этого раздела должны быть узаконены в отдельных нормативных актах. В связи с этим со времени разработки до момента принятия этой части прошло довольно долгое время.

В целом кодификация гражданского законодательства в РТ, с учетом коренных преобразований в экономике и праве, с момента разработки Гражданского кодекса (1995 г.) до его принятия (2005 г.), продлилась чуть более девяти лет. В Гражданском кодексе были определены основные принципы правового регулирования товарно-денежных отношений, правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллек-

туальной деятельности, регулировались договорные и внедоговорные обязательства, а также другие имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников.

С принятием всех трёх частей ГК РТ процесс кодификации гражданского законодательства практически был завершен, однако разработка и принятие законодательных актов по различным областям гражданских правоотношений продолжалась. Гражданский кодекс предусматривал принятие целого ряда законов для всестороннего регулирования новых общественных отношений, отличающихся по смыслу и содержанию от предыдущих, и соответствующих современным условиям развития рыночной экономики, потребностям гражданского оборота. В этой связи в последующем были приняты более 100 новых законов, так или иначе регулирующих гражданско-правовые отношения или косвенно затрагивающие их. Эти законы в основном относились к правовому регулированию организационно-правовых форм юридических лиц, залоговым правоотношениям, банковской деятельности, страхованию, конкуренции и ее защите, рынкам ценных бумаг, информации, транспортным обязательствам, энергетике, правовому регулированию предпринимательства и его защите, защите прав потребителей, государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, лицензированию, техническому нормированию, правовому регулированию интеллектуальной собственности, инвестиционной и внешнеэкономической деятельности и т.д.

Третьим этапом формирования и совершенствования законодательства Республики Таджикистан является этап стабилизации и дальнейшего совершенствования гражданского законодательства Республики Таджикистан. Третий этап развития гражданского законодательства РТ связан с условиями финансового и экономического кризиса. В этих условиях правильное проведение правовой политики относительно гражданского законодательства, в том числе его эффективности и качества, является наиболее важным средством правового регулирования гражданско-правовых отношений. На этом этапе назрела необходимость осмысления того, что было сделано относительно систематизации и кодификации гражданского законодательства, а также проведение анализа гражданского законодательства и разработка законов второго поколения.

Анализ гражданского законодательства показывает, что в принятых позже законодательных актах нормы Гражданского кодекса не только дублировались, но и стали противоречить друг другу. В результате применение этих норм в правоприменительной практике стало усложняться. Можно назвать проблемы относительно вопросов приоритета норм ГК над нормами других законодательных актов, в частности, банковского законодательства, государственной регистрации юридических лиц, государственной регистрации недвижимого имущества и прав на него, ответственности хозяйственных обществ и его участников, банкротства юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, залога права пользования землей, залога недвижимого имущества (ипотеки), правового режима ценных бумаг, в том числе бездокументарных ценных бумаг и др.

И, тем не менее, принятые нормативные акты во многих случаях имеют комплексную, межотраслевую природу, поскольку зачастую содержат не только гражданско-правовые нормы. Нормы гражданского законодательства, регули-

ющие частноправовые отношения дублируются также Налоговым кодексом РТ, Земельным кодексом РТ, Жилищным кодексом РТ, Семейным кодексом РТ, Кодексом РТ об административных правонарушениях, Кодексом здравоохранения РТ и др. В результате значение Гражданского кодекса как основного кодифицирующего акта гражданско-правовых отношений ослабилось.

Положения принятых законов, регулирующих частноправовые отношения, как правило, должны были соответствовать нормам ГК РТ, поскольку согласно ч.1 ст. 2 ГК РТ, нормы гражданского законодательства, содержащиеся в других законах и иных актах, должны соответствовать Гражданскому кодексу. При установлении данного положения законодатель при принятии ГК РТ исходил из того, что, необходимо было обеспечить единство правового регулирования гражданско-правовых отношений и устранить возможные противоречия и коллизии законодательных актов¹⁰. Однако, с принятием Закона РТ от 26 марта 2009 «О нормативно-правовых актах»¹¹, а затем с принятием этого же Закона в новой редакции 30 мая 2017 года¹² было установлено, что нормативный правовой акт одного уровня обладает юридическим преимуществом по отношению к нормативному правовому акту этого же уровня при наличии противоречий в следующих случаях:

– если этот нормативный правовой акт по одной, регулируемой проблеме, был принят позже предшествующего нормативного правового акта;

– если предмет регулирования этого нормативного правового акта по отношению к другому нормативному правовому акту является общим, является особенным (специальным).

Такое указание в названном Законе привело к тому, что положения ГК РТ о его приоритетности по отношению к другим законам, регулирующим гражданские правоотношения, часто недоучитывались. Результатом этого стало противоречие между ГК и нормами других законодательных актов, регулирующих гражданско-правовые отношения.

В целях устранения противоречий между Гражданским Кодексом РТ и другими законами РТ до настоящего времени в ГК РТ был внесен ряд изменений и дополнений. Среди них хотелось бы особо отметить поправки внесенные 12.05.2007 г. В соответствии с ними статьи 10, 124, 236, 247, 316, 340, 366, 370 и др. были приняты в новой редакции, некоторые статьи (ст. ст. 92, 93, 164, 165, 166) и главы (собственность граждан (гл. 14), коллективная собственность (собственность юридических лиц) (гл. 15) и собственность государства и административно-территориальных единиц (гл. 16) были исключены. Внесенные поправки значительно усовершенствовали в целом ГК РТ, однако некоторые проблемные вопросы всё же остались.

В этот период с целью совершенствования законодательства был принят Указ Президента Республики Таджикистан от 19 февраля 2011 года г. № 1012 об утверждении Концепции прогнозного развития законодательства Республики Таджи-

кистан¹³. На его основе Постановлением Правительством Республики Таджикистан от 1 марта 2012 года была принята Государственная программа по реализации данной Концепции в сфере гражданского и предпринимательского законодательства на 2012-2015 годы¹⁴. Основной целью Программы являлось совершенствование и усиление законодательных актов, регулирующих гражданские и предпринимательские отношения на основе анализа законодательных актов для приведения их в соответствие с Конституцией Республики Таджикистан и международными нормативными правовыми актами, признанными Таджикистаном; пересмотр законодательства в сфере гражданских и предпринимательских отношений; содействие развитию имущественных и личных неимущественных, предпринимательских и других отношений путем внесения изменений и дополнений в соответствующие законы; совершенствование гражданско-правовых норм, регулирующих отношения, которые возникают в связи с собственностью, договорным и недоговорными обязательствами, и интеллектуальной собственностью; создание эффективной системы государственной поддержки предпринимательства, обеспечение благоприятных организационно-правовых условий для развития предпринимательства, особенно государственная поддержка отечественных производителей; совершенствование законодательных актов в областях предпринимательской, коммерческой деятельности, антимонопольного законодательства, защиты прав потребителей, государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и т.д.

На основе принятой Концепции и Программы были разработаны и приняты не только новые законы, регулирующие гражданско-правовые отношения; некоторые действующие законы приняты в новой редакции, в другие были внесены изменения и дополнения. В том числе были приняты «Градостроительный кодекс Республики Таджикистан» (28.20.2012); «Кодекс здравоохранения Республики Таджикистан» (30.05.2017); Законы РТ «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей» (2.08.2011); «О государственном нотариате» (16. 04.2012); «О торговле и бытовом обслуживании» (19. 03. 2013); «О кооперативах» (22. 07. 2013); «О рационализаторской деятельности» (26.07.2014); «О залоге движимого имущества и регистрации обеспеченных обязательств» (02.01.2019); «О юридической помощи» (4.08.2020) и др. В них регулировались вопросы градостроительства, здравоохранения, конкуренции, ответственности родителей за обучение и воспитание детей, правовое положение кооперативов, деятельность нотариата, залог движимого имущества и другие гражданско-правовые отношения.

Анализ основных положений гражданского законодательства после принятия ГК РТ показал, что разработка нового гражданского законодательства в условиях кардинальных экономических перемен была связана с необходимостью перехода от рыночным отношениям. В результате отдельные элементы административно-командного управления были приспособлены к правовым институтам, в гражданское законодательство страны были включены несвойственные для него функции, другие принимались без учёта поступательного развития социально-экономических отношений, а неко-

10 См.: Менглиев Ш. М. Соотношение Гражданского кодекса и других нормативно-правовых актов Проблемы развития гражданского законодательства Республики Таджикистан. – Душанбе: «Ирфон», 2009. – С. 11.

11 Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – № 3. – Ст. 99; 2010 г. – № 3. – Ст. 152; 2011 г. – № 6. – Ст. 442.

12 Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2017. – № 5. – Ч. 1. – Ст. 271.

13 Концепция развития законодательства Республики Таджикистан на 2012-2015. – Душанбе, 2011.

14 Государственная программа по реализации Концепции прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан в сфере гражданского и предпринимательского законодательства на 2012 – 2015 годы // Законодательство. – 2012. – № 1. – С. 151-154.

торые общественные отношения вообще не регулировались гражданским законодательством республики.

В действующем гражданском законодательстве не были отражены многие вопросы личных неимущественных отношений, хотя как было отмечено выше, Конституция РТ значительно расширила их. Среди них – институт владения и его защиты, ограниченные вещные права, в том числе сервитут недвижимых вещей, виды обязательств, отдельные вопросы залога и гарантий как способа обеспечения обязательства, виды договоров, а также агентского договора, аннулирование свидетельства о праве на наследство и правовой механизм перехода наследства, которые уже были урегулированы законодательствами большинства иностранных государств. К примеру, в Гражданских кодексах Грузии, Молдовы, Азербайджана, Туркменистана, Эстонии этим вопросам уделены отдельные главы. Проблемы субъектов корпоративных правовых отношений, а также такие способы обеспечения исполнения обязательств, как поручительство и гарантия, также нуждаются в серьезном совершенствовании в ГК РТ. Кроме этого, научно-технический прогресс в целом и постоянное развитие информационно-коммуникационных сетей, соответственно требуют постоянного совершенствования интеллектуального законодательства. Эти проблемы в отечественном гражданском законодательстве требуют своего правового регулирования, и, соответственно, возникает необходимость урегулирования их в ГК РТ.

Принятая Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018 – 2028 годы определила пути дальнейшего совершенствования законодательства Республики Таджикистан. С учётом требования Концепции, дальнейшее совершенствование отечественного гражданского законодательства, на наш взгляд, зависит от следующих факторов:

1) стремительное развитие гражданских отношений в стране и их глобализация, а также перемены, произошедшие в социально-экономической жизни республики, что предопределяет их нормативное оформление;

2) устранение внутренних противоречий, несоответствий и повтора норм в ГК РТ и действующего законодательства, регулирующих гражданско-правовые отношения, пробелов, а также несоответствия норм гражданского законодательства международным нормативным правовым актам, признанными Таджикистаном, которые затрудняют их практическое применение;

3) неэффективность действий некоторых норм принятых законов. В результате цель, которая изначально была поставлена при их принятии, не достигается, что приводит к внесению множества изменений и дополнений в законы, либо к их принятию в новой редакции;

4) необходимость совершенствования и единообразное применение юридической терминологии на таджикском языке. От качества языка закона во многом зависит эффективность его применения. Особенно когда в случае несоответствия между текстами нормативного правового акта на разных языках приоритет дается государственному языку. Однако в некоторых случаях в действующем законодательстве использована неопределенная, разноречивая таджикская терминология, что существенно умаляет содержание норм права. При использовании той или иной терминологии в действующем законодательстве необходимо обратить внимание не только на простоту, ясность и доступность терминов, но и на охват ими соответствующего понятия и содержания, которые исключают разное толкование норм, обеспечивая их единообразное применение.

Пристатейный библиографический список

1. Рахимов М. З., Неъматов А. Р. Законодательная техника. – Душанбе, 2016.
2. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1099. – № 23-24. – Ст. 320.
3. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2003. – № 12. – Ст. 682.
4. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – № 3. – Ст. 99; 2010 г. – № 3. – Ст. 152.
5. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2017. – № 5. – Ч. 1. – Ст. 271; ЗРТ от 19.07.2019 г. – № 1632.
6. Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. – 1991. – № 24.
7. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1991. – № 26.
8. Усманов О. У. К проблеме развития кодификации гражданского законодательства Республики Таджикистан // Государство и право. – Душанбе, 1999. – № 4.
9. Рахимов М. З. Развитие законодательства Республики Таджикистан в период независимости // Журнал российского права. – 2013. – № 2 (194).
10. Менглиев Ш. М. Соотношение Гражданского кодекса и других нормативно-правовых актов // Проблемы развития гражданского законодательства Республики Таджикистан. – Душанбе, «Ирфон», 2009.
11. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009 г. – № 3. – Ст. 99; 2010 г. – № 3. – Ст. 152; 2011 г. – № 6. – Ст. 442.
12. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2017 г. – № 5. – Ч. 1. – Ст. 271.
13. Концепция развития законодательства Республики Таджикистан на 2012 – 2015. – Душанбе, 2011.
14. Государственная программа по реализации Концепции прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан в сфере гражданского и предпринимательского законодательства на 2012-2015 годы // Законодательство. – 2012. – № 1.

БАЙНИЯЗОВА Зульфия Сулеймановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Байниязова З. С.

РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

В статье анализируется вопрос о роли правовой системы в условиях современных вызовов цифровой эпохи. Автор обосновывается положение о важности адаптации отечественной правовой системы к новым вызовам технологического развития с учетом сохранения устойчивой ценностной основы, связанной с гуманистическими ценностями. В статье обращается внимание на задачу повышения регулирующей роли права, его социальной ценности для оказания эффективного воздействия на общественные отношения. Автор приводит аргументированные положения о необходимости соответствующего правового сопровождения процессов цифровизации, обусловленного прежде всего воздействием правовой системы. В рамках системного осмысления социальной ценности правовой системы, связывая вопросы развития цифровизации общества с параметрами организации и функционирования правовой системы, можно определить факторы, необходимые для обеспечения поступательного инновационного развития государства.

Ключевые слова: правовая система, цифровая эпоха, ценности, право, правотворчество, правоприменение, правовое регулирование.

BAYNIYAZOVA Zulfiya Suleymanovna

Ph.D. in Law, associate professor of State and law theory sub-faculty of the Law Faculty of the N. G. Chernyshevskiy Saratov National Research State University

THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM IN THE DIGITAL AGE

The article analyzes the question of the role of the legal system in the context of the modern challenges of the digital age. The author substantiates the position on the importance of adapting the domestic legal system to the new challenges of technological development, taking into account the preservation of a stable value base associated with humanistic values. The article draws attention to the task of increasing the regulatory role of law, its social value in order to have an effective impact on public relations. The author provides reasoned provisions on the need for appropriate legal support of digitalization processes, primarily due to the impact of the legal system. Within the framework of a systematic understanding of the social value of the legal system, linking the issues of the development of the digitalization of society with the parameters of the organization and functioning of the legal system, it is possible to determine the factors necessary to ensure the progressive innovative development of the state.

Keywords: legal system, digital age, values, law, law-making, law enforcement, legal regulation.

В современных условиях отечественная правовая система стоит перед новыми вызовами цифровой эпохи. Осмысление роли правовой системы всегда вызывает повышенное научное внимание, но сегодня с учетом новых тенденций общественного развития, необходимость обращения к вопросам ее развития в значительной степени актуализирует теоретический интерес. Переход государства на цифровизацию, как направление общественного развития, представляет собой в то же время определенный системный вызов для правовой системы, на который она должна дать полноценный ответ. Претворение в жизнь целей цифровизации связано с реализацией правовой основы и в целом сопряжено с необходимостью обеспечения адекватного правового сопровождения данных процессов, что во многом определяется уровнем развития правовой системы. Цифровизация затрагивает различные сферы общественной жизни, в том числе задает соответствующие ориентиры и для развития отечественной правовой системы в направлении совершенство-

вания правотворчества, правоприменения, оптимизации правового регулирования. Обозначенные ориентиры в то же время выступают основными задачами самой цифровой эпохи.

В цифровую эпоху актуализируется задача повышения социальной ценности права, учитывая необходимость оказания регулирующего правового воздействия на динамично развивающиеся общественные отношения, а также вопросы обеспечения взаимосогласованного действия правотворческого и правоприменительного механизмов в целях достижения параметров устойчивого правового регулирования. Важное значение приобретает вопрос оптимизации механизма осуществления гарантий прав и свобод человека в целях упрочения основ правового статуса личности. В этих условиях объективно возникает потребность в системном осмыслении ценностных форм организации отечественной правовой системы, направлений ее дальнейшего развития. Прежде всего речь идет об изменении общего состояния отечественной правовой

системы в русле обеспечения ее сбалансированности и устойчивого развития, как необходимого условия поступательного развития социальной цифровизации. Упорядоченность общественных отношений в условиях их динамики в цифровую эпоху связана со сбалансированным и устойчивым развитием правовой системы. От состояния и уровня развития правовой системы и всех ее составляющих правовых явлений во многом зависит направленность процессов цифровизации общества. Вследствие этого обстоятельства, как подчеркивается в литературе, «совершенствование правовой системы – включает обновление всех ее элементов и обеспечение их оптимального взаимодействия, повышение целостности системы, от чего зависит эффективность правового регулирования в целом» [1, с. 130]. В формате придания правовой системе соответствующего вектора развития становится возможным создание соответствующих условий развития цифровизации. Очевидно, что в связи с усложнением общественных отношений, появлением новых вызовов в различных сферах жизни общества, возникает запрос на устойчивое развитие правовой системы. В современных условиях возникает необходимость в существовании устойчивой правовой системы. Если не обеспечены устойчивые основы развития правовой системы государства, то невозможны в дальнейшем последовательные правовые преобразования правовой действительности. Сегодня возникает объективная необходимость в определенной трансформации характеристик правовой системы, которая должна происходить в рамках ее общей ценностной ориентированности на выражение гуманистических ценностей, связанных с уважением личности, ее прав. Это тот важный теоретический посыл, который задает соответствующую векторность устойчивого развития правовой системы. Принцип ценности личности оказывает организующее воздействие на правовую систему, придает ей устойчивые, ценностные формы, в рамках которых она может эффективно развиваться и оказывать необходимое воздействие на различные сферы общественной жизни.

Вопрос о том, как должна реагировать правовая система на современные вызовы, предполагает расширение и укрепление ее юридических возможностей на уровне организации и функционирования всех составляющих ее правовых явлений. При этом большая функциональная нагрузка лежит на правотворческой и правоприменительной деятельности. Придание устойчивости отечественной правовой системе связано с определением общих ценностных ориентиров развития правотворчества и правоприменения. Без этого невозможно выйти на качественно новые параметры правовой организации общественной жизни, обеспечить устойчивую траекторию общесоциального развития, эффективные условия для полноценного выражения ценности личности, ее прав. Организация отечественной правовой системы, прежде всего на уровне правотворчества и правоприменения, должна отвечать задаче укрепления правового статуса личности. В условиях активно происходящих процессов цифровизации общества повышенное внимание к правовой системе сопровождается аналогичным интересом к вопросам реализации правового статуса личности как одного из приоритетных направлений ее развития.

Следует подчеркнуть, что в условиях вызовов технологического развития актуализируется вопрос обеспечения ценностных основ правовой системы. Ценностное упрочение правовой системы обеспечивает прочную основу ее развития и адекватное реагирование на общесоциальные запросы. При этом устойчивость правовой системы в ценностном отношении предполагает выраженность аксиологических свойств права. В цифровую эпоху в условиях динамики общественных отношений повышение социальной ценности, регулирующей роли права выступает как фактор упорядоченности общественных отношений. В современных условиях большое внимание должно быть уделено исследованию роли права, основ его функционирования, учитывая обусловленность социальных процессов характером правового воздействия. Право диалектически связано с правовой системой, определяет параметры ее развития. В данном случае обращает на себя внимание вопрос усиления регулирующей роли права, социальная ценность которого с учетом цифровизации в значительной степени повышается, что закономерно определяет значение правовой системы. Динамика общественных отношений предполагает соответствующее правовое регулирование. Исходя из характера правового воздействия на общественные отношения, становится возможным придание упорядоченности общественным отношениям.

Очевидно, что сегодня отечественная правовая система выступает в новой своей интерпретации с точки зрения ценностных параметров своей организации и функционирования, своих характеристик. С помощью правовой системы создаются необходимые условия для наиболее эффективного осуществления прав и свобод человека и гражданина, правотворчества и правоприменения, обеспечивается динамичное правовое регулирование. И в этой связи следует говорить о социальной ценности правовой системы.

В новых условиях, с учетом динамично развивающихся процессов цифровизации общества, важно, чтобы сложился такой подход к пониманию направлений дальнейшего развития отечественной правовой системы, который бы только усиливал ее юридические возможности, раскрывал именно те функциональные характеристики, которые необходимы для динамичного и адекватного реагирования на общественные изменения. Аналогично это положение следует отнести и ко всем составляющим правовую систему явлениям, прежде всего правотворчеству и правоприменению, что позволит придать нужную динамику правовому регулированию в цифровую эпоху. Посредством достижения сбалансированного действия правотворческого и правоприменительного механизмов обеспечивается становление условий для устойчивого правового регулирования, как необходимого фактора последовательного, системного осуществления цифровизации.

В цифровую эпоху актуализируется вопрос адаптации правовой системы к новым потребностям времени. Адаптация правовой системы к динамично изменяющимся общественным отношениям в условиях цифровизации общества – это необходимый фактор поступательного экономического, социального и правового развития

Российского государства и в то же время обязательное условие укрепления правового статуса личности.

Очевидно, что в цифровую эпоху осмысление правовой системы затрагивает ряд важных вопросов. Общая ценностная ориентированность цифровизации во многом определяется задачами развития правовой системы, связанными с необходимостью повышения социальной ценности права, эффективности правового регулирования, усиления тесной взаимосвязи правотворческой и правоприменительной деятельности, оптимизации механизма осуществления гарантий прав и свобод человека, укрепления основ правового статуса личности. Эти и многие другие связанные с приведенными обстоятельствами положения в очередной раз подчеркивают необходимость обращения к анализу правовой системы в условиях цифровой эпохи. Правовая система выступает одним из основных факторов обеспечения цифровизации общества, и в то же время под влиянием данных процессов происходит в определенной степени трансформация ее характеристик. В параметрах системного юридико-ценностного рассмотрения правовой системы отчетливо проявляется ее значение для цифровизации общества. С учетом изложенных теоретических аргументов повышенное внимание должно уделяться ценностным аспектам выражения правовой системы. В новых условиях отечественная правовая система должна трансформироваться в устойчивое правовое явление с четко выраженными юридическими, в целом общесоциальными возможностями. Поступательное развитие социальной цифровизации сопряжено с определением ценностных параметров развития правовой системы, оптимальным образом улучшающих формы ее самоорганизации, юридические возможности, позволяющие качественно по-другому обрести состояние правовой системы в направлении реализации процессов цифровизации, выстраивания основ правовой государственности. В рамках такого системного осмысления социальной ценности правовой системы, связывая вопросы развития цифровизации общества с параметрами организации и функционирования правовой системы, можно определить факторы, необходимые для обеспечения поступательного общественного, правового и государственного развития. Вопрос о направлениях дальнейшего развития отечественной правовой системы в цифровую эпоху является одним из основных вопросов современного этапа государственно-правового развития, учитывая то немаловажное обстоятельство, что правовая организация общественной жизни должна быть адекватна задаче цифровизации. Это, в свою очередь, во многом зависит от степени соответствия правовой системы вызовам современности.

Устойчивое цифровое развитие Российского государства предполагает в своей юридической основе сбалансированное состояние правовой системы на уровне параметров ее организации и функционирования. Как подчеркивается в литературе, задачу укрепления государства следует связывать именно с устойчивостью правовой системы [2, с. 171]. Важно, чтобы право, законодательство, правотворчество и другие правовые явления были бы адекватны динамизму общественных отношений, в то же время основываясь на устойчивости в своем аксиоло-

гическом проявлении, исходя из их общей ценностной ориентированности. В цифровую эпоху, в условиях развития информационных технологий, вопросы повышения социальной ценности права, эффективности правового регулирования должны быть в центре современной отечественной правовой системы. В целом при объяснении вопроса развития правовой системы необходимо учитывать системный подход, «рассматривающий каждое явление как некоторое целое, в котором все связи и отношения упорядочены, коррелированы, имеет весьма положительное значение...» [3, с. 218].

Очевидно, что сегодня в цифровую эпоху возрастает повышенное внимание к параметрам организации и функционирования отечественной правовой системы. Появление новых приоритетных направлений общественного развития с объективной потребностью вызывает необходимость совершенствования правовой системы.

Пристатейный библиографический список

1. Тиунова Л. Б. Системные связи правовой действительности. – СПб: Издательство СПбГУ, 1991. – 135 с.
2. Рыбаков О. Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности. – СПб.: Издательство Юридический центр «Пресс», 2004. – 350 с.
3. Конкин М. И. Проблема формирования и развития философских категорий. – М.: Высшая школа, 1980. – 245 с.

ДРОБЫШЕВСКИЙ Сергей Александрович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

МАТВЕЕВА Людмила Семеновна

аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

САВЕНКОВ Олег Валерьевич

начальник управления по работе с обращениями граждан – общественной приемной Губернатора Красноярского края

О СПЕЦИФИКЕ И КРИТЕРИЯХ КАЧЕСТВА ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА

Защищаются новыми доводами две идеи, которые оспариваются в юридической литературе. Во-первых, применение права не является комплексной правореализующей деятельностью, включающей соблюдение, исполнение и использование права. Во-вторых, сама специфика правоприменительной деятельности обуславливает то, что в судебном применении права, как и во всяком ином, не создаются юридические нормы.

Аргументируется теоретическая позиция, согласно которой применение права в государственно-организованном обществе – деятельность только государственных органов в специфическом понимании последних. Они определяются шире по сравнению с дефинициями, данными большинством отечественных специалистов в конце XX – начале XXI века и закрепленными в современном праве России.

Вводится и обосновывается ранее неизвестная идея об обеспечении высокого качества применения права. В соответствии с ней нужно, чтобы правоприменительная деятельность способствовала совершенствованию лиц, которых она затрагивает, требуемому для решения задач сохранения и прогресса государственно-организованного общества, где упомянутые люди живут.

Ключевые слова: право, государство, применение права, государственный орган, специфика применения права, качество применения права.

DROBYSHEVSKIY Sergey Aleksandrovich

Ph.D. in Law, professor, Head of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

MATVEEVA Lyudmila Semenovna

postgraduate student of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

SAVENKOV Oleg Valerjevich

Head of the Department for Work with citizens' appeals – public reception of the Governor of the Krasnoyarsk Territory

REGARDING THE SPECIFIC CHARACTER AND QUALITY CRITERIA OF LAW APPLICATION

Two ideas which are criticized in legal literature are defended by the authors with new reasons. Firstly, law application does not represent the complex of activities including execution, observation and employment of law. Secondly, the very specific character of law application causes absence of lawmaking and because of this fact court law application does not differ from other kinds of law application as for absence of lawmaking.

The authors prove theoretical position that law application in state-organized society is an activity of state organs exclusively in specific understanding of the last. Such organs are defined more broadly in comparison with the definitions of two kinds. First kind is given by majority of Russian specialists in the end of 20th - the beginning of 21st century. Second kind is fixed in the law of modern Russia.

The authors introduce and substantiate new idea aimed to reach high quality of law application. In accordance with this idea law application must promote an improvement of the persons involved in this activity to solve the tasks of preservation and progress of state-organized society where mentioned persons live.

Keywords: law, state, law application, state body, specific character of law application, quality of law application.

Актуальность исследования этой проблематики определяется тем, что по указанным вопросам имеются недоработки. Об этом, в частности, свидетельствуют продолжающиеся теоретические споры. Речь идет и о специфике применения права [15, с. 519-521], и о критериях качества правоприменительной деятельности [5, с. 390-391].

Разумеется, несовершенные теоретические представления нуждаются в преодолении. И оно принесет пользу не только теории применения права, но и базирующейся на последней правоприменительной практике. Вот почему следующая далее попытка такого преодоления оправдана.

Начать ее следует с определения применения права как специфической формы реализации последнего. Подобного рода дефиниций имеется масса.

Например, как отмечено в юридической литературе, «применение права – это властная деятельность компетентных органов и лиц по подготовке и принятию индивидуального решения по юридическому делу на основе юридических фактов и конкретных правовых норм. Оно имеет следующие признаки: ... осуществляется органами или должностными лицами, наделенными функциями государственной власти; ... имеет индивидуальный характер; ... направлено на установление конкретных правовых последствий – субъективных прав, обязанностей, ответственности; ... реализуется в специально предусмотренных процессуальных формах; ... завершается вынесением индивидуального юридического решения» [18, с. 520-521].

Если взять другой пример, то применение права «есть деятельность суверенной власти, представляющая собой вмешательство в дела подчиненных последней лиц и организаций при реализации ими правовых норм для претворения на практике этих правил в неизменном виде. Такая деятельность осуществляется в ситуациях, когда юридические запреты и предписания положительных действий нарушаются, а также в случаях невозможности для людей использовать предоставленные им правом возможности поведения в их интересах» [4, с. 93].

Есть и иные формы реализации права. Подразумеваются его соблюдение, исполнение и использование. Тем, кто их осуществляет, суверенная власть не предоставляет для этого своих властных полномочий. «Соблюдением реализуются запрещающие нормы. Суть его состоит в пассивном воздержании от совершения действий, находящихся под запретом. Исполнение требует активных действий, связанных с претворением в жизнь обязывающих предписаний. Использование права предполагает осуществление правомочий субъекта, и, следовательно, по его усмотрению здесь может иметь место как активное, так и пассивное поведение» [13, с. 424].

Из отмеченного возможно сделать такой вывод. Применение права есть феномен, который не включает соблюдение, исполнение и использование права. Однако эта идея оспаривается в юридической литературе.

Скажем, опубликовано следующее суждение. «Применение одних норм одновременно требует соблюдения, исполнения и использования других, отсюда правоприменение – комплексная правореализующая деятельность» [13, с. 424]. Это напечатано в работе, вышедшей в свет двадцать лет назад. Однако та же самая цитата содержится и в опубликованном сочинении шестилетней давности [20, с. 311].

Если исходить из верности только что приведенного суждения, то понятием правоприменения охватываются иные формы реализации права, а именно его исполнение, соблюдение и использование. Однако едва ли это так. Причина проста. И о последней написал сам автор только что приведенной цитаты в ней самой. Применяются одни нормы права, а соблюдаются, исполняются и используются другие. Отсюда никак не вытекает, что применение права есть комплексная правореализующая деятельность.

Связь применения права и иных указанных форм реализации последнего следует трактовать иначе. Скажем, верный пример этой должной трактовки таков. Как отмечено З. Д. Ивановой, «различные формы реализации права могут осуществляться одновременно. Так ... применение всегда связано с необходимостью соблюдения норм, регламентирующих требования законности в ходе применения... Следовательно, применение одних норм права обычно сопровождается соблюдением других норм» [19, с. 264-265].

Есть и иные опубликованные идеи по исследуемой проблематике, которые оставляют желать лучшего. В частности, их автором является С. С. Алексеев. Речь идет о таких отрывках из его работ.

Во-первых, по словам С. С. Алексеева, «применение права... это властная индивидуально-правовая деятельность, которая направлена на решение юридических дел (жизненных ситуаций, «требующих права») и в результате которой в ткань правовой системы включаются новые элементы – властные индивидуальные предписания. Типичный пример – судебное решение со строго установленным порядком и сроком его исполнения в условиях, когда существуют властные учреждения, способные реализовать решение суда.

Обеспечивая проведение в жизнь юридических норм, подкрепляя их общую властность своей (для данного конкретного жизненного случая) адресной властностью, индивидуальные предписания обладают необходимой юридической силой. Именно в данном качестве они не только выполняют правообеспечительную функцию, но и могут в процессе ее реализации осуществлять поднормативное регулирование общественных отношений, которое в зависимости от конкретных социальных, политических условий способно либо обогатить право, либо деформировать его» [1, с. 266].

Во-вторых, С. С. Алексеев выразился так. «Отмечая признанное науковедческое и политико-правовое значение общего понятия «применение права», воплощающего в себе идею законности и в не меньшей мере логику права, нужно учитывать и другое. Данное понятие имеет и отрицательную сторону: охватывая «на равных» индивидуально-правовую деятельность всех властных субъектов, оно затеняет на данном участке правовой действительности правосудие, которое играет в области права юридически основательную, качественно своеобразную, незаменимую роль.

Сравним под данным углом зрения, казалось бы, однопорядковую деятельность, осуществляемую учреждениями исполнительной власти (административное применение), и применение права учреждениями правосудия (судебное применение). Суть вопроса здесь состоит в том, что властные органы, относящиеся к исполнительной ветви власти, должны действовать строго на основании норм действующего права. Применение права – это основанные на государственно-властных прерогативах «исполнительные» действия компетентных органов по претворению юридических норм в жизнь. И хотя тут есть существенные особенности в зависимости от своеобразия правовых систем (прежде всего речь идет о системах общего, прецедентного права англосаксонской группы), все же в любом случае орган, применяющий право, имеет дело с догмой права – с реально существующими, действующими юридическими нормами писаного права, установленными или принятыми (санкционированными) государством.

Другое дело, по убеждению автора этих строк, судебное применение – функции учреждений правосудия по решению юридических дел. Они тоже действуют на основании закона, иных источников. Но их деятельность не сковывается жестким прокрустовым ложем одного лишь применения права в точном («механическом») значении этого понятия. Правосудие – это не механическое претворение в жизнь писанных юридических предписаний... Есть основания утверждать, что правосудие выполняет функции по созиданию права. Причем не только в юридических системах общего, прецедентного права» [1, с. 267-269].

Что касается первой из двух только что приведенных идей С. С. Алексеева, то применение права не может ни «обогащать право», ни «деформировать его». Причина очевидна. Такие вещи способно сделать правотворчество как модификация права. Применение же права в силу того, что оно по своей природе есть только форма реализации права, этого осуществить не в состоянии.

Относительно второй из двух анализируемых идей С. С. Алексеева уместно заметить следующее. «Применение права учреждениями правосудия (судебное применение)» отнюдь не «выполняет функции по созиданию права». Ведь если суды формулируют новые юридические нормы, то эти судебные органы занимаются правотворчеством, а не применением права. Поэтому нет оснований противопоставлять

правоприменительную деятельность учреждений «исполнительной власти (административное применение) и применение права учреждениями правосудия (судебное применение)» так, как это сделал С. С. Алексеев в рассматриваемой цитате из его работы.

Указанные С. С. Алексеевым различия в проведении в жизнь юридических норм в обсуждаемых процессах едва ли имеют место. Как и к административному правоприменению, к судебному применению права «предъявляются строгие требования законности» [14, с. 143]. В частности, относительно судебного правоприменения последние предполагают «в качестве обязательных условий соответствие правовым предписаниям формы и содержания судопроизводства и судебного правоприменительного акта» [14, с. 143].

В случаях, когда суды занимаются применением права, оставляет желать лучшего и еще одно присутствующее в юридических изданиях суждение. Его подметила А. А. Туменова. Она обратила внимание на то, что «многие» [21, с. 15] из «научных работников» [21, с. 15] называют «конкретизацию права» [21, с. 15] результатом судебной правоприменительной деятельности и при рассмотрении последней «выделяют одним из видов судебных решений правоконкретизирующие акты» [21, с. 15].

Для А. А. Туменовой «такой вывод представляется теоретически спорным, поскольку конкретизация права относится к деятельности правотворческих органов, в результате которой на основе неопределенного и абстрактного права вырабатывается более определенное и конкретное право» [21, с. 15]. Однако правильнее будет сформулировать иное суждение. Теоретическая позиция, что судебное правоприменение приводит к конкретизации права, является некорректной, ибо в ходе правоприменения не могут создаваться новые юридические нормы.

Опубликовано и еще одно суждение о специфике применения права, которое оставляет желать лучшего. Имеется в виду то, что в государстве как государственно-организованном обществе правоприменительную деятельность осуществляют, выступая ее субъектами, не только государственные органы. Эту идею разделяет немало отечественных исследователей конца XX – начала XXI века [19, с. 268], [12, с. 315-316], [3, с. 432-433], [20, с. 455], [16, с. 228], [10, с. 189-190].

Так, по словам Т. Н. Радько, «юридическая наука уделяет большое значение вопросу применения норм права. В 1954 – 1955 гг. редакция журнала «Советское государство и право» провела дискуссию по проблемам применения норм права. На страницах этого журнала выступили многие ученые и практические работники.

В ходе дискуссии были высказаны три точки зрения, точнее определилось три подхода к проблеме.

Сторонники первой точки зрения говорили, что нормы права применяют только органы государства, а некоторые из них даже говорили, что только органы специальной юрисдикции (суд, прокуратура, милиция).

Другие считали, что правоприменительную деятельность осуществляют государственные органы и уполномоченные на то общественные организации.

Третьи утверждали, что нормы права применяются государственными органами, общественными организациями и гражданами.

Как видим, подходы к проблеме были далеки от единства. Теория и практика не подтверждала девиз трех точек зрения.

Недостаток первой точки зрения состоит в том, что ее сторонники слишком узко понимают процесс применения норм права, а по существу искажают действительное положение вещей. Можно привести сколько угодно примеров применения норм права уполномоченными на то организациями. Представители третьей точки зрения (третьего подхода) руководствовались, казалось бы, благородной идеей повышения роли личности в правовом регулировании, необходимостью расширения прав и свобод граждан. Профессор П. Е. Недбайло, например, писал о том, что гражданин не только пассивный исполнитель правовых предписаний, а он есть активный участник правореализационного процесса. Участвуя в выборах, подавая заявление в суд и т.п., гражданин своими действиями (считает П. Е. Недбайло) влияет на деятельность органов власти и управления, которые обязаны действовать в соответствии с поданным заявлением, изъясленным желанием участвовать в выборах. А это значит, что граждане применяют нормы права.

Тем не менее и эта точка зрения не может быть признана правильной. Ее сторонники слишком расширяют круг участников правоприменения. Дело в том, что граждане могут исполнять, соблюдать, осуществлять (использовать) норму права, но применять ее они не в состоянии. Причиной данного положения является отсутствие у гражданина властных полномочий для применения общего правила к конкретному лицу, к конкретному факту. Для того чтобы обладать правомочиями по применению норм права, необходимо иметь комплекс юридических свойств, который у гражданина отсутствует. В частности, необходимо иметь установленную компетенцию, полномочия, право на возможность таких действий, как издание правового акта, применение принуждения (задержание, арест, наложение штрафа); предоставление определенных благ (назначение пенсии, пособия).

Совершенно очевидно, что подобные действия должны осуществляться в определенных формах, дающих возможность обеспечить реализацию права (приказ, решение, приговор).

Поэтому применение права – это совершаемые компетентными органами и должностными лицами государства, а также уполномоченными на то организациями (хозяйственными, общественно-политическими и др.) действия, выражающиеся в издании соответствующих юридических актов, влекущих у субъектов права возникновение дополнительных (новых) прав и обязанностей, их изменение или прекращение, т. е. приводящих к изменению или подтверждению определенного правового состояния этих субъектов.

Вот почему в настоящее время признается наиболее правильной точка зрения, высказанная в ходе дискуссии второй группой ученых о том, что субъектами правоприменения являются: государственные органы, должностные лица, уполномоченные государством организации. Само собой разумеется, нормы права применяются и органами местного самоуправления, и их должностными лицами. В ходе дискуссии вопрос о них не стоял, так как в то время органов местного самоуправления в таком качестве, как сейчас, в России не существовало, а участники дискуссии к международному опыту не обращались, использовали практику реализации права в основном СССР» [15, с. 519-521], [22, с. 15-26], [23, с. 106-109], [11, с. 110-113], [9, с. 44-53].

Изложенная теоретическая позиция Т. Н. Радько о субъектах применения права едва ли корректна. Чтобы доказать это, начнем с того, что правовое регулирование, включающее применение права, есть специфический вид нормативного

регулируемая, свойственная всякой социальной организации.

Как известно, последняя представляет собой совместную деятельность ряда людей, преследующих их общую цель. Такое устремление достигается с помощью органов управления организации. Предпринимаемое ими внутриорганизационное управление выступает как нормативное регулирование и включает, в частности, нормоприменение по отношению к системе норм организации. Осуществителями или субъектами отмеченного вида управленческой деятельности выступают только органы управления организации. Это ясно потому, что всякий субъект, этим занятый, в силу самого факта такого его занятия является органом управления организации.

Государство как государственно-организованное общество есть вид всякой социальной организации. И если в любой организации нормоприменением занимаются исключительно ее органы управления, то и в государстве применение права осуществляют только государственные органы как органы управления всем государственно-организованным обществом.

В самом деле, государство в рассматриваемом понимании есть организация организаций. В ее пределах функционируют многочисленные организации. Каждая из них управляется ее органами управления посредством нормативного регулирования, включающего нормоприменительную деятельность. Это нормативное регулирование в государстве дополняется подобного рода упорядочивающими усилиями органов управления государственно-организованным обществом целиком, т. е. государственных органов. Осуществляемое ими и только ими нормативное регулирование есть правовое регулирование. Оно включает применение права.

Отсюда логически бесспорен такой вывод. Субъектами применения права могут быть лишь государственные органы.

Другое дело, что последние – это не только профессиональные структуры, располагающиеся над включенными в государственно-организованное общество отдельными организациями. Государственные органы существуют и в пределах таких объединений. Государственным органом в некоторых ситуациях оказывается и отдельный человек безотносительно к его членству в конкретных внутригосударственных организациях. Именно так устроено государственно-организованное общество.

Скажем, если в рамках любой из внутригосударственных организаций свойственные ей органы управления осуществляют функции по правоприменению, то при реализации последних эти органы управления выступают государственными органами. И они утрачивают качество государственных органов, когда прекращают заниматься правоприменением.

Точно так же обстоят дела и с отдельными людьми безотносительно к их членству в конкретных внутригосударственных организациях. Если эти лица осуществляют функции по управлению государственно-организованным обществом целиком, т. е., в частности, правоприменение, когда, например, голосуют на выборах главы государства, то они являются государственными органами. Выполнив же такие функции, эти лица государственными органами уже не являются.

Обоснование только что изложенной идеи об отдельных гражданах как о государственных органах и субъектах применения права таково. «К правоприменительной деятельности относится «назначение на должность» в системе органов государства. Указанное назначение может осуществляться

коллективом, имеющим субъективное юридическое право так поступать. Причем контингент избирателей на выборах органов государства как раз и есть подобного рода коллектив.

Ясно, что такой контингент состоит из отдельных граждан. Поскольку каждый из них вместе с остальными участвует в упомянутых выборах как правоприменительной деятельности в качестве лица, осуществляющего назначение на должность приемлемого для него кандидата, то всякий избиратель является субъектом отмеченной деятельности. При этом в этой роли избиратель осуществляет функцию органа государства. Иными словами, он выступает таким органом» [4, с. 105], [3, с. 432], [2], [7, с. 78].

Разумеется, представленной логике противоречат убеждения многих современных российских юристов и действующие юридические нормы отечественного государства. В частности, в последних закреплено иное, чем эта логика требует, понимание государственных органов и субъектов применения права.

Что касается указанных убеждений, то для изменения их предназначена только что изложенная авторская аргументация. Она содержится и в других изданиях [6, с. 31-35], [4, с. 92-108].

Относительно же закрепленного в современных отечественных юридических нормах понимания государственных органов и субъектов применения права возможно два варианта действий. Первый – отказаться от изложенной логики в пиетете перед действующим правом. Второй – выступить за коррекцию существующих юридических норм по вопросам о том, что такое государственные органы и как следует определять субъектов применения права.

Для выбора верного варианта из этих двух целесообразно обратиться к наработкам методологии юридической науки. Один из таких результатов сформулировал Г. Еллинек. Как он указал, «научная критика не должна подчиняться тексту» формальных источников права, излагающих юридические нормы» [5, с. 359], [8, с. 406]. Отсюда ясно, что, в частности, формулировки действующих отечественных правовых норм о том, что такое государственные органы и каков перечень субъектов применения права, не только могут, но и должны быть подвергнуты научной критике, если искажают реальное положение дел.

Приведенное суждение Г. Еллинека является правильным, ибо недвусмысленно вытекает из элементарной аргументации. Она такова. Действующие юридические нормы сформулированы в итоге размышлений их творцов. Но последние могут ошибиться. В случае выявления этого рода ошибки ее требуется исправить путем изменения некорректных правовых норм. Нельзя оставить их в неизменном виде только потому, что они входят в право.

Вот почему есть смысл прислушаться к изложенной идее Г. Еллинека при решении вопроса о том, что делать с правовыми нормами, закрепляющими некорректное представление о государственных органах и о субъектах применения права. Ведь только таким образом можно добиться отражения в действующем отечественном праве реального положения дел в современном российском государственно-организованном обществе относительно указанных предметов. Причем этот отказ от иллюзий, как и всякий другой, позволит более эффективно решать актуальные проблемы обеспечения сохранения и прогресса отечественного государства наших дней.

Что касается вопроса о критериях качества правоприменения, то возможно добавить к изложенным в юридической

литературе многочисленным суждениям по указанной проблематике еще одно. Оно в состоянии с пользой для теории и практики дополнить уже опубликованные верные идеи.

Относительно того, хорошо или нет качество применения права, имеется, в частности, такое суждение. При прочих равных условиях это качество соответствует должным требованиям, если применение права поддерживается большинством членов государственно-организованного общества, где правоприменительная деятельность происходит [5, с. 390-391].

Отмеченная социальная поддержка обычно налично применительно к очень многим случаям применения права в любом государстве. Объяснение просто.

Нормы права неизменно добровольно реализуются большинством людей в государственно-организованном обществе, в котором они приняты. Ведь в противном случае само существование права немислимо, по крайней мере по классической юридической теории [5, с. 212-213]. В этой ситуации неоправданно предполагать, что эти лица станут выступать против проведения в жизнь действующего юридического правила, если оно нарушается или при отсутствии правонарушения требует для своей реализации усилий суверенной власти.

Однако для признания осуществляемого в конкретных обстоятельствах применения права обладающим надлежащим качеством такой социальной поддержки мало. Нужно еще, чтобы правоприменительная деятельность способствовала совершенствованию лиц, которых она затрагивает, требуемому для решения задач сохранения и прогресса соответствующего государственно-организованного общества.

Обоснование только что сформулированной идеи элементарно. Применение права – часть политики. Качество же ее оценивается, как известно, «через призму «неотразимого и бессмертного вопроса Платона: а сделала ли эта политика граждан из худших лучшими?»» [5, с. 416]. И высококачественное применение права предполагает только утвердительный ответ на этот вопрос.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: Норма, 2002.
2. Бахрах Д. Н. Административное право. – М.: БЕК, 1999. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.vuzlib.org/book_z805_page49.html (дата обращения: 22.04.2014).
3. Венгеров А. Б. Теория государства и права. – М.: Юриспруденция, 2000.
4. Дробышевский С. А. Введение в теорию и историю политически организованного общества и права: критика юридической антропологии Э. А. Хобеля. – М.: Норма, 2022.
5. Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи. – М.: Норма, 2018.
6. Дробышевский С. А., Матвеева Л. С. Субъекты применения права: теоретический спор в юриспруденции и попытка его разрешения на базе идеи американского антрополога права Э. А. Хобеля о понятии органа государства // Юридическое образование и наука. – 2021. – № 5.
7. Дробышевский С. А., Рушалюк С. И., Савенков О. В. Пути достижения политической власти // Пробле-

- мы теории и истории государства и права / под ред. С. А. Дробышевского и Т. В. Протопоповой. – Красноярск: Центр информации, 2015.
8. Еллинек Г. Общее учение о государстве. – СПб.: Издание Юридического книжного магазина Т. К. Мартынова, 1908.
9. К итогам дискуссии о применении норм советского права // Советское государство и право. – 1955. – № 3.
10. Малько А. В. Теория правовой политики. – М.: Юрлитинформ, 2012.
11. Недбайло П. Е. О понятии применения норм советского права // Советское государство и право. – 1955. – № 2.
12. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Под ред. проф. М. Н. Марченко. Том 2. Теория права. – М.: «Зерцало», 2000.
13. Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. В. С. Нерсисянца. – М.: Норма, 2002.
14. Радаева С. В. Судебная правоприменительная и правоохранительная практика // Правовая политика и правовая жизнь. – 2010. – № 4.
15. Радько Т. Н. Теория государства и права. – М.: Проспект, 2018.
16. Спиридонов Л. И. Теория государства и права. – М.: Проспект, 2001.
17. Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – М.: Юрист, 2000.
18. Теория государства и права / Под ред. С. С. Алексеева. – М.: Норма, 2005.
19. Теория государства и права / Под ред. В. М. Курицына, З. Д. Ивановой. – М.: Юрид. лит., 1986.
20. Теория государства и права / Под общ. ред. О. В. Мартышина. – М.: Проспект, 2016.
21. Туменова А. А. Позиции судов России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2022.
22. Фарбер И. Е. О применении норм советского социалистического права // Советское государство и право. – 1954. – № 4.
23. Федькин Г. И. К обсуждению вопроса о применении норм советского права // Советское государство и право. – 1955. – № 1.

МИТИН Сергей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

В статье рассматривается вопрос о власти как социальной категории. Автор анализирует различные точки зрения ученых-правоведов в отношении понятия социальной власти и присущих ей отличительных черт. Многообразие научных позиций по данному вопросу свидетельствует об отсутствии единого определения этого общественного института. Однако данное обстоятельство не препятствует тому, чтобы на основе имеющихся теоретических подходов составить относительно целостное представление о социальной власти. Используя научные разработки советских, российских и иностранных исследователей, автор формулирует собственное определение социальной власти и выделяет свойственные ей признаки.

Ключевые слова: власть, социальная власть, власть и общество, методы власти, убеждение, принуждение, органы власти, властеотношение, субъект власти, объект власти, единство власти, социальные нормы.

MITIN Sergey Sergeevich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

ON THE QUESTION OF SOCIAL POWER

The article deals with the issue of power as a social category. The author analyzes the various points of view of legal scholars regarding the concept of social power and its distinctive features. The diversity of scientific positions on this issue indicates the absence of a single definition of this public institution. However, this circumstance does not prevent us from forming a relatively holistic view of social power on the basis of existing theoretical approaches. Using the scientific developments of Soviet, Russian and foreign researchers, the author formulates his own definition of social power and identifies its characteristic features.

Keywords: power, social power, power and society, methods of power, persuasion, coercion, authorities, power relations, subject of power, object of power, unity of power, social norms.

В современном обществе понятие власти является одним из самых неоднозначных. Наиболее часто этот термин используется в юридическом понимании данного слова. Вместе с тем философы, социологи, биологи и представители других наук говорят о власти определенных объективных закономерностей, а психологи и медики утверждают о власти инстинктов и чувств над жизнью человека и его поведением в обществе и окружающей среде. Через призму власти рассматриваются отношения человека с природой, религией, развитие информационных технологий и искусственного интеллекта. В силу такой широкой трактовки и неоднозначной смысловой интерпретации понятие «власть» становится одним из самых многозначных, оказывается необычайно емким, полисемантическим, приобретает поистине необъятное содержание, громадное количество оттенков и нюансов [11, с. 14; 6, с. 47].

Изучение власти в столь всеобъемлющем понимании не является предметом настоящей статьи, её цель – дать характеристику власти как социальной категории. Поэтому в дальнейшем речь пойдет не о власти вообще, а о социальной власти.

В научной литературе отсутствует единый подход к определению сущности социальной власти, при этом выделяется множество её отличительных черт.

Так, А.С. Мамут рассматривал власть как социальную функцию, содержание которой – интеграция и организация (упорядочение) общества, управление им, достигаемые с помощью соответствующих средств и методов [17, с. 94].

По мнению В.М. Корельского, «по своей природе власть представляет собой социально-психологическое, волевое явление; она есть выражение и воплощение воли той или иной социальной общности. Воля – необходимый элемент соци-

альной власти, без учета которой невозможно понять явление властвования» [15, с. 6].

Н.М. Кейзеров определял власть как присущее обществу волевое отношение между людьми, при котором применение её носителем особой системы средств и методов обеспечивает выявление и доминирование властной воли посредством общественной организации в целях управления и обеспечения соблюдения социальных норм на основе принципа социальной ответственности [11, с. 16].

А.И. Королев и А.Е. Мушкин полагали целесообразным изучение понятия власти в двух аспектах, поскольку «подобно каждому явлению, власть представляет собой единство внутреннего содержания (волевой акт – «навязывание воли», передача воли властвующего подвластному) и внешнего проявления («подчинение» – руководство действиями и поступками людей, управление людьми)» [16, с. 16]. С их точки зрения власть, как явление общественной жизни, не является чем-то предметно-материальным, а представляет собой определенную социальную функцию [16, с. 18].

С подобной позицией не согласился М.И. Байтин. По его мнению, указанные ученые неоправданно сужают понятие власти, что не способствует выявлению её предметно-специфических особенностей как особой социальной категории [2, с. 104]. Власть, по его мнению, – это соответствующее характеру и уровню развития общественной жизни средство функционирования всякой социальной общности, заключающееся в отношении подчинения воли отдельных лиц и их объединений руководящей в данном сообществе воле [2, с. 132].

Согласно еще одному имеющемуся в научной литературе подходу власть – это организованная сила социальной общности, объективно необходимая для её функциониро-

вания как определенной системы, подчинения поведения и действий каждого её члена совокупной воле субъекта власти, выраженной в различных социальных нормах и представляющей его общие интересы, для эффективного осуществления задач данной общности [12, с. 25; 13, с. 26].

Зарубежные исследователи отмечают, что понятие власти предполагает наличие позиции, статуса, которые дают право на принятие решения о том, как должны поступать другие люди, и одновременно с этим право на доверие действиям властвующих лиц со стороны подвластных (например, власть родителей, учителей, экспертов) [21, р. 57]. Власть также характеризуется как организация, способная реализовывать цели деятельности конкретного человека, либо как возможность достижения общественных целей [22, р. 2].

Рассмотренные точки зрения не противоречат друг другу, а выделяют различные аспекты власти и условия ее функционирования. Понятие власти включает в себя и волевое отношение между людьми, и процесс доведения властвующей воли до подвластных субъектов, и руководство деятельностью последних путем подчинения их воли, и институты, составляющие механизм власти.

Кроме того, изложенные суждения являются неоспоримым доказательством отсутствия в научной литературе единого подхода к определению власти. Причем некоторые аспекты этой социальной категории еще ждут своего объяснения. Однако существующая на сегодняшний день теоретическая литература позволяет получить относительно целостное представление о социальной власти и выделить свойственные ей черты.

Одним из наиболее общих признаков власти в человеческих коллективах является то, что она присуща любой социальной организации (семье, политической партии, государству), любому обществу. Как полагает В.М. Корельский, «власть внутренне присуща обществу на любой ступени его развития. Ее необходимость обусловлена системной природой общества и общественным ... характером труда» [15, с. 5].

Власть обладает свойствами всеобщности (функционированием во всех сферах общественных отношений и политических процессах) и инклюзивности, т.е. способности проникать во все виды деятельности, связывать людей, общественные группы и противопоставлять их, устанавливая правила и порядок социальных отношений. «Назначение власти, - пишет А.М. Барнашов, - состоит в том, что она посредством установления запретов, дозволений, позитивных обязываний формирует определенный образ действий индивидов, направляет их поведение в нужное русло и обеспечивает подчинение каждого человека твердо установленным, общеобязательным нормам и правилам взаимодействия людей, авторитетной руководящей воле» [3, с. 10].

Общество и власть диалектически взаимосвязаны и взаимобусловлены. По мнению учёных, исследующих социальную сущность власти, она является исторически необходимой формой выражения общественных интересов и предназначена для удовлетворения таких потребностей, которые необходимы для существования самого человеческого общества [4, с. 8; 7, с. 11]. В.Е. Чиркин считает, что необходимость власти в коллективе обусловлена совместной и осознанной деятельностью людей, что предполагает разделение труда, установление определенной иерархии, порядка взаимоотношений людей в коллективе, а затем – и коллективов между собой [20, с. 35]. «Потребность в высокой организации, упорядочении, слаженности общественных отношений тесно связана с выполнением таких общих дел (интересов, функций), которые

состоят в сохранении и поддержании объективно необходимых, жизненно важных условий существования человеческого общества, обеспечении производства, распределения и обмена, в разрешении нередко возникающих конфликтов и споров, применении репрессий против лиц, нарушающих социальные нормы. Органически свойственные любому обществу, эти общественные дела и функции, выражающие волю и интересы либо всего общества в целом, либо отдельных его слоев, составляют социальное содержание власти», - отмечают А.И. Ким и А.М. Барнашов [13, с. 15].

В иностранной научной литературе существует точка зрения, согласно которой право управлять – это результат необходимости быть управляемым, необходимости, возникающей из потребностей общества и его членов. Власть объясняется в той степени, в которой служит потребностям и интересам общества. Люди обязаны подчиняться легитимной власти, потому что поступать так – значит реализовывать потребности и интересы, которым власть служит. Указания легитимной власти исполняются не потому, что это удовлетворит пожелания властей, но потому, что исполнение их – это путь служения интересам и потребностям других [23, р. 4]. Еще Аристотель отмечал, что всякое общение организуется ради блага, стремится к нему [1, с. 376].

Будучи социальным явлением власть постоянно находится в динамичном состоянии. Вне активной деятельности невозможны все проявления общественной жизни, включая власть [6, с. 106]. Она активно и непрерывно воздействует на все социальные процессы и выражается в особом виде отношений – властеотношении, которое представляет собой единство двух проявлений – передачу (навязывание) воли носителя власти подвластным и подчинение последних этой воле [15, с. 7]. Сущность власти, по мнению А.М. Барнашова, заключается в её способности определять, детерминировать волевою целенаправленную деятельность людей, подчинять поведение каждого участника управленческих отношений единым авторитетным началам в целях сознательного регулирования многообразных сторон общественной жизни [3, с. 10].

В каждом общественном отношении, в том числе и отношении власти, обязательно существуют его стороны: субъект и объект. Из их общения формируется сама власть и её социальное содержание [12, с. 19]. Наличие субъекта и контрсубъекта (объекта) власти является предпосылкой и важнейшим условием возникновения, существования, развития власти [6, с. 85]. В системе властеотношений властвующий субъект (властвующая подсистема) всегда ориентирован на подвластный объект (подвластную подсистему).

Особенностью властных отношений является то, что их стороны – субъект и объект власти – не равны по своему положению, а находятся на различных уровнях, поскольку это отношения подчиненности. Рассматривая природу власти, Г. Спенсер замечал, что «существует громадная разница мнений относительно власти, которой должно подчиняться; люди сильно расходятся относительно мотивов этого подчинения, не соглашаются относительно его размеров, - но все признают, что должно существовать некоторое подчинение» [19, с. 5]. Между субъектом и объектом власти могут быть вполне автономные отношения, выражающие различные и даже противоположные интересы. Это и обуславливает с неизбежностью отношения господства и подчинения между сторонами, наличие властвующих и подвластных, навязывание воли субъекта власти её объекту [12, с. 19]. С помощью власти субъект властеотношения обеспечивает главенство

своей воли, осуществляя тем самым руководство деятельностью людей и процессами социальной жизни коллектива.

Сторонами в общественных отношениях, выражаемых властью, являются люди в связи с обществом и другими социальными группами. Люди выступают в качестве субъектов социальных и политических свобод, имеющих права и обязанности [13, с. 7]. Они могут быть и властвующими субъектами в одних социальных отношениях, осуществляющими руководство другими людьми, и одновременно подвластными субъектами в других общественных отношениях, подчиняющимися властным указаниям.

В совокупности люди образуют такие социальные общности как семья, социальная группа, политическая партия, народ. Наличие множества социальных групп в обществе, как противостоящих друг другу, так и сплоченных единством задач и интересов в целях организации данной системы, свидетельствует о необходимости существования единого властного руководства (центра), устраняющего внутрисистемные противоречия и поддерживающего положительные тенденции функционирования и развития подсистем. «Чтобы авторитетно выражать единую руководящую волю, последовательно и эффективно проводить её в жизнь, – пишет А.М. Барнашов, – власть должна принадлежать единому субъекту и иметь единство своей организации. Именно единство власти придает любому организованному коллективу определенность, устойчивость, согласованность и целенаправленность действий всех его членов в интересах тех социальных ... сил, которые формируют властную волю и посредством особой системы средств и методов добиваются достижения намеченных целей» [5, с. 6].

Отношения между властвующим субъектом и подвластными лицами, их направленность на достижение общих либо различных целей приводят либо к противоборству, либо к совместной деятельности для достижения социально необходимого результата. Поэтому в научной литературе считают идеальным такое состояние власти, когда каждый член общества добровольно, по внутреннему убеждению, исполняет требования социальных норм и конкретные распоряжения властей [13, с. 54]. Согласие с властью увеличивает её общественное значение, придаёт её большую легитимность, чем применение какого-либо принуждения. Это хорошо заметно на примере отношений между государством и обществом: в случае отсутствия консенсуса между органами государственной власти и гражданами могут происходить массовые народные волнения, которые нередко приводят к смене правящего режима.

Основными методами власти являются убеждение и принуждение. Разграничение между ними «должно происходить в зависимости от соотношения воли властвующего и подвластного. Подвластный может воспринимать волю властвующего как нечто правильное или должное, соглашаться с ней и исполнять ее как свою собственную. Подвластный может, наоборот, воспринимать волю властвующего как нечто чуждое ему и осуществлять ее при сохранении противостоящей собственной воли. Преобразование воли властвующего в волю подвластного – это и есть убеждение, а подчинение воли последнего для осуществления воли властвующего – принуждение» [16, с. 20]. Таким образом, оба метода власти добиваются осуществления подвластным объектом воли властвующего субъекта. Различие между ними обусловлено внутренним отношением подвластного лица к властным распоряжениям.

Моральные (одобряющие) мотивы и стимулы повиновения способствуют развитию лояльности по отношению к власти. Напротив, рассмотрение власти как принудительного средства создает препятствия для её осуществления, развивает чувство протеста против неё, как чуждой и враждебной силы. «Из двух эгоистических двигателей, – рассуждал Р.Иеринг, – принуждение в психологическом отношении занимает низшую ступень. Вознаграждение стоит, в том же отношении, выше принуждения, т.к. вознаграждение апеллирует к свободе субъекта и ждет результатов исключительно свободного решения; – относительно ленивого оно не достигает цели, между тем как принуждение действует и на него; напротив того принуждение ограничивает свободу (психологическое принуждение) или совершенно исключает ее» [9, с. 76-77].

Социальная роль убеждения в качестве метода властвования чрезвычайно велика. В частности, оно способствует повышению престижа власти в обществе, существенным образом улучшает исполнение властных предписаний, вызывает активную, целенаправленную позицию подвластных лиц по отношению к предмету указаний власти. В целях повышения эффективности метода убеждения власть должна доказывать обществу и его членам необходимость выполнения её предписаний и соответствие целей её деятельности мотивам человеческого поведения.

Вместе с тем в целях решения стоящих перед нею задач власть должна обладать способностью навязывать подвластным свою волю. Реализация данной возможности должна быть обеспечена реальной возможностью применения не только мер убеждения, но и принуждения. По меткому замечанию М.И. Байтина, «непринудительной власти» в человеческом обществе никогда не было и быть не может [2, с. 112]. Общественная, социальная власть характеризуется не только волевыми отношениями, связанными с существованием более или менее устойчивого коллектива, она всегда содержит элемент принуждения, коренящийся в необходимости управления совместной деятельностью людей. Такое принуждение принимается участниками коллектива как легитимное (разумеется, в определенных пределах), ибо всякое объединение включает элемент ограничения его членов [20, с. 35].

В связи с этим одинаково неправильно как противопоставлять два метода друг другу в качестве взаимоисключающих, так и абсолютизировать любой из них в качестве единственно возможного. Оба они, сочетаясь и дополняя друг друга, представляют собой наиболее общие, универсальные методы осуществления всякой власти [2, с. 120]. Сущность власти выражает то обстоятельство, что она использует не один какой-либо метод и средство, а совокупность разнообразных методов, образующих определенную, присущую именно власти, организованную систему методов выявления и осуществления властной воли [11, с. 64]. Преимущественное применение того или иного метода в социальной практике находится в зависимости от конкретных исторических условий реализации властных полномочий, структуры и характера власти.

Организация (организованность) – свойство и условие успешного функционирования власти в любой социальной общности. Она предполагает необходимое, продуманное, рациональное её устройство, упорядоченность отношений в данной социальной системе [14, с. 3]. Поэтому власть обладает качеством социальной предметности, она воплощается в определенных социальных и политических учреждениях,

материализуется в них. Предметно-материальным (физическим) олицетворением власти являются различные органы, общественно-политические институты, которые в совокупности образуют механизм власти. Они одновременно выступают источником материальной силы власти и её непосредственным носителем [15, с. 7]. Благодаря такой «материализации» власть имеет возможность реализовывать свои полномочия. Вне своих органов власть остается абстрактным явлением, не способным осуществлять руководство подвластными лицами.

Реализация воли властвующего субъекта требует её оформления для ознакомления с ней подвластных. Она должна быть облечена в форму правил поведения, содержащихся в социальных нормах, которые являются обязательным условием и средством функционирования власти. Социальные нормы имеют предоставительно-обязывающий характер, определяют перечень и объём возможностей (прав) и обязанностей (обязанностей) участвующих в общественных отношениях субъектов [18, с. 16]. Посредством социальных норм, санкционированных обществом в качестве общезначимых и имеющих обязательную силу правил поведения, ясно выраженная воля носителя власти требует и добивается неукоснительного соблюдения и исполнения своих повелений от каждого зависимого от неё индивида [13, с. 19]. Следовательно, нормативное регулирование – необходимый момент функционирования социальной организации [8, с. 13].

Формулирование социальных норм, проведение их в жизнь и обеспечение реализации содержащихся в них предписаний осуществляется органами власти. Социальные нормы производны от власти, их соблюдение способствует её успешному функционированию [2, с. 134]. Неподчинение им означает, что индивид действует вразрез с выражаемой властью волей социальной общности, к которой он принадлежит, а потому в отношении него органами власти применяются меры социальной ответственности.

Таким образом, власть – это волевое отношение, объективно необходимое для функционирования и развития всякого социального организма, которое выражается в том, что властвующий субъект путем передачи своей воли руководит подвластными объектами с помощью особых методов. Данное отношение предметно «материализуется» в специальной системе органов (институтов), которые от имени властвующих формулируют и адресуют подвластным обязательные для исполнения правила поведения, а также обеспечивают реализацию указанных правил.

Пристатейный библиографический список

1. Аристотель. Политика. Сочинения: В 4-х тт. Т. 4. / Пер. с древнегреч.; общ. ред. Доватура А.И. - М.: Мысль, 1983.
2. Байтин М.И. Государство и политическая власть. - Саратов: Издательство Саратовского государственного университета, 1972.
3. Барнашов А.М. Государственная власть как форма организации общества // Вестник Томского государственного университета. - 2004. - № 283.
4. Барнашов А.М. Единство власти и его воплощение в государственном строительстве СССР. - Томск: Издательство Томского государственного университета, 1979.
5. Барнашов А.М. Единство как свойство государственной власти и его воплощение в государственном

- строительстве СССР. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Томск, 1974.
6. Гомеров И.Н. Структура и свойства власти. - Новосибирск: СибУПК, 2000.
7. Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явление социальной эволюции. - Красноярск: Издательство Красноярского государственного университета, 1995.
8. Дробышевский С.А. Функциональная и генетическая связь государства и права. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Л., 1980.
9. Иеринг Р. Цель в праве. - СПб.: Издание Н.В. Муравьева, 1881.
10. Кейзеров Н.М. Власть без будущего. Критика буржуазных теорий о будущем государства и права. - М.: Юридическая литература, 1967.
11. Кейзеров Н.М. Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий. - М.: Юридическая литература, 1973.
12. Ким А.И. Государственная власть и народное представительство в СССР. - Томск: Издательство Томского университета, 1975.
13. Ким А.И., Барнашов А.М. Государственная власть в СССР. - Томск: Издательство Томского университета, 1980.
14. Ким А.И., Барнашов А.М. Народное представительство в СССР. - Томск: Издательство Томского университета, 1982.
15. Корельский В.М. Теоретические проблемы социалистической государственной власти и демократии. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. - Свердловск, 1972.
16. Королев А.И., Мушкин А.Е. Государство и власть // Правоведение. - 1963. - № 2.
17. Мамут Л.С. Государство как публично-властным образом организованный народ // Журнал российского права. - 2000. - № 3.
18. Ромашов Р.А. Закон, правило, норма, долженствование // Правоведение. - 2001. - № 6.
19. Спенсер Г. Основные начала. - СПб., 1899.
20. Чиркин В.Е. Основы государственной власти. - М.: Юрист, 1996.
21. Friedman R.B. On the Concept of Authority in Political Philosophy / Authority. New York, 1990.
22. Mann M. The Sources of Social Power. Volume 1. A History of Power from Beginning to A.D. 1760. - Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
23. Raz J. Introduction / Authority. - New York. 1990.

ИВАНЕЦ Галина Ивановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии, г. Люберцы

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена важнейшему вопросу, касающемуся коррупционной деятельности, которая является актуальной проблемой в современном обществе. Автор пытается исследовать антикоррупционную политику, которая включает в себя меры, направленные на решение задач коррупционной деятельности. Также в работе даны определения коррупции и проанализированы основные действия преступников. Рассмотрены основные нормативно-правовые акты по противодействию коррупции, а также анализ мероприятий, направленных на решение задач, связанных с данной проблемой.

Ключевые слова: правовые основы противодействия коррупции, таможенные органы.

IVANEC Galina Ivanovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Russian customs academy, Lubertsy

LEGAL BASICS OF COMBATING CORRUPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the most important issue, concerning on corrupt activity, which is an actual problem of the modern society. The author tries to explore anti-corruption politic, which includes into measures aimed at solving the problems of corruption activity.

Keywords: the legal framework corruption, customs authorities.

В соответствии с рейтингом государств за 2020 год, который был проанализировано специально уполномоченной организацией Transparency International, Российская Федерация заняла 129 место, а в 2019 г. – 137.

В последние годы большое количество исследовательских и научных трудов были посвящены такому общественно-опасному деянию, как коррупция,

в частности, об ее показателях распространения в Российской Федерации, о законодательном регламентировании действий, направленных на противодействие с возникновением коррупционных правонарушений, об ее детерминантах, а самое главное - о специальных мероприятиях, которые ориентированы на борьбу с указанным раннее преступным деянием.

Отметим, что основные проблемы коррупции рассматривают ученые- юристы, политологи, экономисты, а также написано множество научных трудов (например, статьи, диссертации и другие).

Однако все равно изучение проблем, связанных с коррупцией, на сегодняшний день остается на повестке дня.

Вследствие этого настоящая статья посвящена довольно долго продолжающейся проблеме коррупции в Российской Федерации.

Сущность исследуемой проблемы сводится к тому, что коррупционные проявления оказывает неблагоприятное воздействие на развитие нашей страны, в том числе наносит вред не только на экономическую, но и на социальную сферы нашего государства.

Чаще всего распространено следующее определение противодействия коррупции: универсальный способ, который представляет собой реакцию государства на незаконные действия со стороны представителей аппарата власти, бизнесмены, а также других субъектов права.

Так, например, в толковом словаре русского языка, коррупция понимается как моральное разложение общества [1, с. 289].

В то же время, коррупцию можно определить, как подкуп государственных служащих, причиняющий ущерб как государственной службе, так и финансовую (экономическую) безопасность страны.

Мотивационными аспектами к совершению такого общественно-опасного деяния, как коррупция, сотрудников государственных органов можно с уверенностью назвать возможность получения экономической прибыли, которая

связана, в первую очередь, с использованием властных полномочий, а основным и первостепенным сдерживающим фактором является риск разоблачения и наказания.

Был произведен опрос небольшого количества населения, в процессе которого 20 респондентам был задан следующий вопрос: «На ваш взгляд, какие действия, совершают коррупционеры?»

В ходе него было установлено, что:

- 7 человек считают, что виновными лицами совершаются различные взятки и подкупы;
- 6 человек ответили – присвоение и обогащение;
- 5 человек заявили, что преступники крадут и похищают денежные средства;
- 2 человека сообщили о том, что происходят такое серьезное;
- преступление, как грабеж.

Из вышеуказанных суждений, можно заключить вывод о том, что взятки и подкупы на сегодняшний день остаются основными противоправными действиями, которые совершают коррупционеры.

Приведем основные определения вышеприведенным действиям преступников. Под взяткой понимается принятие любым должностным лицом конкретных материальных предметов либо денежную сумму, которое происходит в целях осуществления этим человеком какой-либо (в большинстве случаев незаконной) так называемой «просьбы».

Подкуп (дача взятки) представляет собой преступное действие, заключающееся в передачи определенных материальных ценностей взамен на нарушение подкупаемым установленным исполнителем обязательств.

Присвоение – это изъятие доверенному лицу определенных материальных предметов в целях установления над этими предметами незаконного владения.

Обогащение трактуется как получение какого-либо рода имущества должностным лицом на ту денежную сумму, которая была получена вследствие нарушения установленных нормативно-правовых актов на территории России.

Хищением признается противозаконное безвозмездное изъятие чужих материальных ценностей, которое совершено виновным лицом в корыстных целях.

Отметим, что это преступное деяние еще и причиняет ущерб и вред собственнику похищенного имущества.

Кража представляет собой тайное хищение чужого имущества.

Диаграмма 1. Статистика проведенного опроса.

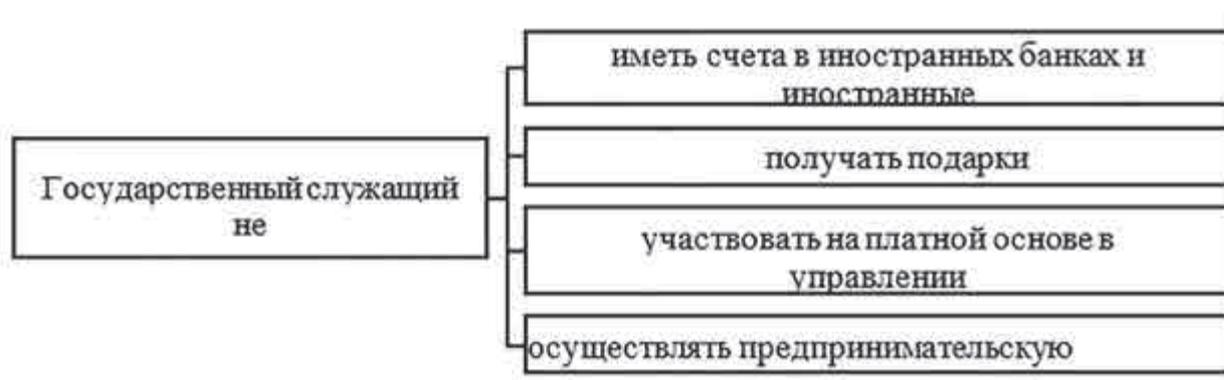

Диаграмма 1. Статистика проведенного опроса.

А что касается грабежей, то под ними понимаются действия, направленные на открытое хищение чужого имущества.

Нельзя не согласиться с тем, что возглавляет команду коррупционеров либо руководитель (как, например, обвиненные в коррупции глава Республики Коми Вячеслав Гайзер, губернатор Сахалинской области Хорошавин или мэр Махачкалы Саид Амиров), либо один из его заместителей [2, с. 152].

Так как они без посредников осуществляют функции по управлению структурными подразделениями и исполнению проектов, ориентированные на коррупцию, а также обязаны контролировать за денежными потоками и работой сотрудников, подчиненных ему.

Под правовыми основами понимается совокупность документов, содержащиеся в стабильной подвижной взаимосвязи для того, чтобы организовать работу, направленную на достижение высокоэффективных показателей, обладающих социальной значимостью, в сфере правового регулирования огромного количества общественных отношений.

Следует выделить, что в ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, органы государственной власти, к которым непосредственное отношение имеют государственные служащие, обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы [3, с. 276]. Создание и принятие ФЗ «О полиции», а также ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» совместно с развитием противодействия коррупции законодательных актов предоставили возможность для формирования весьма впечатляющего аппарата, целенаправленного на противодействие коррупционных проявлений в ОВД.

Идентичное явление представляет собой основополагающий нормативно-правовой акт в таможенных органах, который представлен в виде Федерального закона от 21.07.1997 № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации».

Он предусматривает определенные положения, закрепляющие те действия, которые сотрудникам рассматриваемого органа исполнительной власти запрещается осуществлять.

Демонстрируемым примером выступает схема 1, на котором отражены некоторые запреты для государственных служащих, предусмотренных статьей 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», продемонстрированы в схеме 1.

В вышеуказанном законе (а именно в статье 15) также официально закреплены основные обязанности гражданского служащего, которые отражены на схеме 2.

С позиции Карпович О.Г., правовой основой противодействия коррупции является Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, ведомственные нормативные правовые акты [4, с. 12].

Ранее были разработаны и приняты множество законов, и получила свое массовое использование антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов.

Под антикоррупционной экспертизой следует рассматривать установленную федеральным законом деятельность конкретных субъектов, выполняющаяся для того, чтобы выявить в каких-либо нормативно-правовых актах, а также в их

Схема 2. Основные обязанности гражданского служащего

законопроектах условия, которые порождают такое общественно-опасное деяние, как коррупция.

На сегодняшний день проблема коррупции является одной из важнейших и широко обсуждаемых не только для нашей страны, но и для большинства других стран мира.

Для этого, рассмотрение и анализ опыта противодействия коррупции в зарубежных странах имеют огромное значение, так как посредством вышеуказанных действий возможно реализация определенных мероприятий в области деятельности, ориентированной на борьбу с коррупцией.

Обратим внимание, что борьба с коррупцией соответственно зарождается с завоевания уважения и доверия к органам власти и иным лицам.

Считается, что для того, чтобы повысить уровень доверия граждан все решения, которые получены по коррупционным преступлениям официальных представителей органов власти должны стать всеобщим достоянием, а виновные лица должны отвечать за свои противоправные деяния в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Одним из основополагающих применяемых способов противодействия коррупции в течение длительного времени выступает международное сотрудничество, ключевым элементом которого становится разработка международно-правовой антикоррупционной базы.

Все международные нормативные правовые акты о противодействии коррупции можно классифицировать на четыре группы:

1. Правовые акты ООН (Конвенция ООН против коррупции от 31.10.2003 г., ратифицированная Российской Федерацией 08.03.2006 г. и т.д. [6];

2. Правовые акты СНГ (Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией» [7]; Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [8]);

3. Двусторонние правовые акты.

Следует обратить внимание на ФЗ «О противодействии коррупции», так как в нем закреплены основы организации и отдельные юридические положения, регулирующие деятельность по профилактике и борьбе с коррупцией.

Вместе с тем, что было изложено выше, в ФЗ от 25.12.2008 № 273-ФЗ содержатся и главенствующие принципы противодействия коррупции.

Уровень коррупции трактуется как основополагающий показатель результативности экономического порядка и по большому счету страны.

При этом нужно подчеркнуть, что она, к сожалению, широко распространяется в несметном количестве органов исполнительной власти.

Под национальной стратегией Российской Федерации понимается нормативно-правовой документ, который включает в себя конкретные мероприятия по борьбе с коррупцией в нашей стране.

Профилактика коррупции является специфической формой социального опыта, которая гарантирует целевое влияние на общественные отношения для того, чтобы предупредить отклонение в поведении сотрудников государственных органов, выработать непримиримость к коррупционному поведению, превознести законное правовое поведение

государственных служащих, а также устранение проявлений общественной дезадаптации у лиц, которые уже совершили исследуемого преступное деяние.

В Национальном плане противодействия коррупции на 2016-2017 гг.:

1. Предусмотрено выработка, функционирование и формирование специализированного информационно - методического ресурса, связанных вопросами реализации требований о противодействии коррупции. Поставлена цель по усовершенствованию процедуры получения подарков отдельными категориями лиц.

2. Установлено заключение в течение определенного промежутка времени о выявлении ситуаций, когда происходит неисполнение правил, которые ориентированы на предупреждение или устранение, а также на разрешение конфликтов между сторонами. Во всех происходящих случаях надлежит довести до всеобщего сведения, в том числе и назначение различного вида санкций к нарушителям. Деятельность по предупреждению коррупции в организациях, сформированных непосредственно с целью выполнения установленных задач органами власти, не должна приостанавливаться.

3. Ряд операций, которые будут направлены на противостояние с неправомерным вручением должностному лицу заказчика средств, которые получены поставщиком (подрядчиком, исполнителем) в результате исполнения контракта, а также за предоставление права его заключения (т. е. «откат») и хищениями в области закупок.

4. Предусмотрена культурно-просветительская деятельность гражданам о положениях современного законодательства, регулирующего работу по противодействию коррупции.

5. Принято положение, которое связано с ежегодным проведением определенных мероприятий, направленных на общесоциальную антикоррупционную пропаганду (например, различные лозунги, интернет- баннеры, изображения, а также тематические видеофильмы или клипы).

6. Установлены мероприятия, осуществляющиеся на международной арене.

7. Определены предельные сроки отчета не только о проделанной работе, но и реализованных указаний, распоряжений и иных документов.

16 августа 2021 года был подписан Президентом Российской Федерации, Владимиром Владимировичем Путиным, Национальный план противодействия коррупции на 2021-2024 гг.

Проведя исследование вышеописанного указа, следует отметить, что в нем содержатся мероприятия, которые ориентированы на:

- усовершенствование совокупности не только противо-коррупционных запретов, но и ограничений;
- оптимизация необходимых действий, направленные на профилактику и устранение столкновения интересов.

Кроме того, определены и поставлены задачи, связанные с деятельностью по борьбе с ранними неизвестными видами коррупции, которые осуществляются посредством новейших информационных технологий (среди которых присутствует применение криптовалюты).

Исходя из детального изучения установленных нормативно-правовых актов о проблемах осуществляемой деятельности, направленной на борьбу против коррупционных как преступлений, так и правонарушений, нужно отметить, что в настоящее время занимают существенные положения подразделения кадровых служб органов государственной власти по вопросам предупреждения преступных деяний, которые выражаются в виде коррупции.

Иллюстрируем данное положение приведенной официальной статистикой, которая отмечает, что в 2020 году за совершение преступных деяний, которые сопрягаются с коррупцией, были осуждены 4800 человек (0,003 % от населения нашей страны), в 2019 г. – 5697 (0,004 %), а в 2018 г. – 5951 (0,004 %).

Из этого следует, что в настоящее время возникает необходимость немедленно сформулировать и реализовать антикоррупционную программу, которая будет направлена на минимизации или ликвидации такого общественно-опасного деяния, как коррупция.

На сегодняшний день считается, что законодательство Российской Федерации в области борьбы с коррупцией рассматривается как актуальное, консервативное (развивающееся), а также правомочное, которое сможет решать установленные задачи, поставленные не только перед органами государственной власти, но и гражданским обществом.

Обратим внимание на то, что оно в полном объеме регламентирует определенные вопросы, связанные с противодействием коррупционных проявлений, закрепляют основополагающие положения о проводимой противокоррупционной политике, демонстрирует отторжение от расследуемого преступного деяния, заключает исполнение не только целей и задач, но и форм деятельности всевозможных субъектов по профилактике коррупции, противодействие с ней, а также сведению к минимуму отрицательных последствий для нашего государства.

Конечно, необходимо сказать о том, что существующие антикоррупционные нормативно-правовые акты имеют как положительные стороны, так и отрицательные.

Нужно понимать, что для того, чтобы повысить эффективность деятельности, направленную на успешную борьбу со всевозможными коррупционными проявлениями, должна вести скоординированная работа между органами государственной власти, различными созданными общественными организациями, и наконец, гражданами России.

Однако огромная ответственность в данном случае все-таки лежит на власти, поскольку она ее действия обязаны выполняться открыто и публично.

Соответственно, открытость и публичность власти представляет собой деятельность, ориентированная на обеспечение доступа всех желающих лиц к тем сведениям, которые свидетельствуют о результатах работы органов государственной власти, в частности исполнительных, о коррупционных деяниях и об основных методах противодействия с ней, а также о личных данных государственных служащих касаясь их источников доходов и т.д.

В последние годы гражданское общество играет огромную роль в содействии органам власти по борьбе с коррупционными проявлениями.

Гражданское общество представляет собой объединение общеэкономически и общеполитически непринужденных граждан.

К основным институтам гражданского общества относят:

1. социально-общественные организации;
2. различные политические группы, партии и иные ассоциации;
3. средства массовой информации;
4. негосударственные организации.

Из этого можно сделать вывод о том, что без эффективной работы между приведенными ранее субъектами такое общественно-опасное деяние, как коррупция, будет оставаться огромной проблемой не только для Российской Федерации, но и для иных мировых стран.

Обратим внимание, что для того, чтобы свести совершение коррупционных правонарушений к нулю, следует:

- преобразовать поведение не только граждан РФ, но и лиц, которые временно пребывают на территории нашего государства к исследуемому деянию;
- развивать гражданскую позицию, которая будет характеризоваться негативными отношениями к совершению общественно-опасного деяния в виде коррупции;
- усовершенствовать правовую культуру всех лиц, проживающих или пребывающих на территории Российской Федерации.

В заключении можно сделать вывод о том, что выработка определенных знаний в сфере международного права, это позволило бы в практической работе разрешить проблемы во многих нормативно-правовых актах, а это поможет эффективному взаимодействию деятельности различных стран, которые противостоят коррупции.

Пристатейный библиографический список

1. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Под ред. Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю. Российская Академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова - Изд. 4-е, дополненное. – М.: Азбуковник, 1999.
2. Воронцов С.А., Понеделков А.В., Буров А.В. Основы противодействия коррупции: Учебно-методическое пособие. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2016. – 256 с.
3. Конституция Российская Федерация (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
4. Карпович О.Г. Правовые меры по борьбе с коррупцией в России // Юридический мир. – 2009. – № 8. – С. 23.
5. Организация психологической работы антикоррупционной направленности в таможенных органах Российской Федерации: Методические рекомендации. Под общей ред. Балыкова П.Н. – Москва, Отдел координации работы психологов Управления государственной службы и кадров ФТС России. 2010. – С. 68.
6. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СЗ РФ. 2006. №26. Ст. 2780.
7. Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь от 23 июля 2015 года, 2/2303.
8. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

КОШЕЛЮК Богдан Евгеньевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

В данной статье рассматриваются исторические причины появления информационных войн. Затрагиваются механизмы и способы информационного воздействия на население. Анализируются последствия такого манипуляционного влияния на общество. Приводятся примеры подобного воздействия на социум из повседневной жизни. В особенности затрагиваются аспекты манипулирования молодежью и подрастающим поколением. Рассматриваются актуальные способы противоборства отрицательному информационному воздействию на население в условиях перехода общества в постиндустриальную эпоху.

Ключевые слова: информация, информационные войны, средства массовой информации, информационный контент, манипулирование сознанием, интернет, онлайн, виртуальная среда, киберпространство, масс медиа.

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

KOSHELYUK Bogdan Evgenjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

INFORMATION WARFARE IN A POST-INDUSTRIAL SOCIETY

This article discusses the historical reasons for the emergence of information wars. The mechanisms and methods of informational impact on the population are touched upon. The consequences of such a manipulative influence on society are analyzed. Examples of such an impact on society from everyday life are given. In particular, aspects of the manipulation of youth and the younger generation are touched upon. The actual ways of confronting the negative information impact on the population in the context of the transition of society to the post-industrial era are considered.

Keywords: information, information wars, mass media, information content, manipulation of consciousness, internet, online, virtual environment, cyberspace, mass media.

В течение всего глобального исторического процесса, человечество все больше и больше осознавало значение информации и её огромные возможности на осуществление управленческих процессов. Информация скрывает в себе не только инструментарий познания, налаживания коммуникации с окружающими людьми и мощное оружие созидания, но и таит в себе всеразрушающее воздействие порою превосходящее по своей мощности даже вооружения. Ведь не даром говорят, что в обычной войне побеждает тот у кого сильнее винтовка и кто лучше её владеет, то в информационной войне побеждает тот у кого сильнее информация и кто ловко её владеет.

В эпоху бурного развития средств массовой информации и появления интернета способы воздействия на общество стали радикальным образом меняться. Массовое распространение информации содержит в себе огромное количество управленческих возможностей. Все это создает

Ивлиев П. В.

Кошелюк Б. Е.

плодородную почву для массового манипулирования сознанием населения. Отсюда появился новый термин информационные войны. Под информационными войнами можно понимать вид виртуального конфликта, которого основной целью является воздействие на мнение и эмоциональное состояние граждан, которые не вовлечены в активные боевые действия, путем телевидения и других средств массовой информации [1]. При этом надо понимать, что можно рассматривать информационные войны в узком смысле слова. Это имеет место быть во время войны и затрагивать пропаганду, всевозможное дезинформирование и осуществление иного воздействия на противника, с целью достижения победы. В широком смысле информационную войну можно понимать, как универсальное средство воздействия на все сферы общественной жизни для эффективного и гарантированного достижения внешнеполитических целей, экономических, социальных и иных задач.

Необходимо понимать, что вся опасность информационного воздействия заключается в том, что оно происходит как бы «между прочим», то есть косвенным образом. Человек устроен таким образом, что бессознательные структуры его психики впитывают информацию как губка в обход сознания, и посредством этого человек может даже и не подозревать, что на него оказывается очень эффективное воздействие, и он программируется на определенные действия либо же таким образом можно инсталлировать в человеке четко сформулированные мировоззренческие установки. При этом надо сказать, что информационные потоки настигают человека повсеместно. Это может быть и всплывающие окна в интернете, реклама в транспорте, онлайн игры да и просто информация в телефона. Также необходимо отметить, что постоянная перегрузка сознания информацией не позволяет большинству индивидов успевать вовремя обрабатывать огромные потоки разного рода фактов, событий, сведений тем самым перегружая аналитические способности большинства людей. Исходя из этого людям сложнее отличить ложную информацию от истинной и соответственно многие принимают не верные решения, что в свою очередь позволяет более эффективно манипулятору достичь своих корыстных целей. Информация сохраняется в памяти индивида и дальше осуществляет свое воздействие. Последствия информационных войн зачастую имеют долгосрочное воздействие, так как происходит накопительный эффект. Информация, попадающая в сознание индивида может сразу и не найти отклика во внешней среде, но когда внимание человека все чаще и чаще попадает под воздействия одних и тех же факторов, то процентная вероятность выбора поведения, которое постулируется в информационном воздействии увеличивается кратно повторению этих самых факторов.

Необходимо отметить, что начиная со второго десятилетия XXI века особую опасность представляют информационные войны, целевой аудиторией которых является молодежь и подрастающее поколение. Это связано с тем, что во-первых молодежь это очень активно проявляет себя в виртуальной среде, проводя своё свободное время за компьютерами или портативными гаджетами, которые обеспечивают доступ к всемирной паутине повсеместно и все время. Киберпространство является само по себе целым полигоном отработки разного рода информационного воздействия. Так, например постоянно находясь в онлайн пользователь игры неизбежно впитывает именно ту культуру, которая заложена разработчиками в её начинку. Необходимо учесть, что основная масса компьютерных игр была разработана на Западе. Основная масса игр того времени была наполнена насилием и воплощала в себе во многом реализацию деградационно паразитарных потребностей. Все это неизбежно формировало конфликтные паттерны поведения у пользователей этого контента, которые находили своё выражение в реальной жизни. А с учетом того, что в конце 80-ых начале 90-ых годов западные страны вообще были монополистом в кибер среде, то нет ничего удивительного в том, что Россию захлестнула волна преступности. Бенефициаром всего этого являлся коллективный Запад. Также необходимо отметить, что по мнению некоторых социологов в случае если

бы наша страна в 80-ых годах самостоятельно смогла бы создавать контент и высоконравственные компьютерные игры, то вполне вероятно что Советский Союз существовал и по сей день.

В молодёжной среде наблюдается бездумное, «всеядное» поглощение информации, поступающей из информационного потока [2]. Таким образом источник манипуляционного воздействия может постоянно атаковать ни в чем не повинную молодежь. А во-вторых необходимо отметить, что молодое поколение как правило не обладает необходимыми аналитическими навыками работы с информацией нежели чем более взрослое поколение и тем самым является во многом ничего не подозревающей жертвой информационной агрессии. Решение проблемы глетворного влияния бесконтрольных информационных потоков на конкретно подрастающее поколение и молодежь очень сложно будет решить без полномасштабного участия государства в этом процессе. Необходимо понимать что воспитание молодежи начиная с самого начала XXI века в нашей стране происходит под тотальным воздействием интернета в целом и виртуального пространства в частности. Эти процессы усугубляются ещё и тем, что родители дамы прокормить своих детей после распада Советского Союза вынуждены были работать на нескольких работах и процесс воспитания детей заменялся сначала улицей, а потом с конца 90-ых годов конечно замещался киберпространством. При этом также надо отдать себе отчет в том, что отличительной чертой современного мира является тот факт, что необходимо постоянно обучаться новым навыкам, компетенциям, умениям и повышать свой уровень профессионализма, для того чтобы сделать карьеру и кормить содержать свою семью. Это безусловно создает дополнительные временные траты для взрослого поколения, что отдаляет родителей от детей и не позволяет сформировать в молодежи необходимые аналитические навыки работы с информацией и критически осмысливать происходящие процессы.

Также необходимо отметить, что разработчики информационного контента и в частности всевозможных компьютерных игр закладывают в них такой софт, который заставляет ребенка постоянно находиться онлайн, «подогревая» к конкретным действиям. Это не позволяет освободиться от зависимости информационных потоков. Также надо отметить, что для того чтобы спровоцировать максимальное количество молодежи пользоваться всевозможными информационными продуктами желательнее снизить обще культурный уровень нравственности населения и конкретно детей. Именно поэтому в массовой экранной культуре так много аспектов которые культивируют в молодежи низменные ценности и низшие проявления культуры, находящее свое выражение в реализации деградационно паразитарных потребностях. опасность всего этого заключается в том, что молодежь и даже более взрослое поколение в большинстве случаев, не подозревают что попали в информационную ловушку. С помощью дискретного низкочастотного информационного воздействия, создающего накопительный эффект можно сформировать у подрастающего поколения необходимые для манипулятора установки тем самым запрограммировать их на определённое поведение или мышление.

Говоря об информационных войнах в узком смысле слова необходимо отметить, что её характерными чертами безусловно является абсолютно идеальные условия маскировки. Речь идет о том, что если в обычных войнах враг находится по ту сторону баррикад и он четко представляем и узнаваем, и это не вызывает никаких моральных сомнений в кого стрелять и стрелять ли вообще. То в информационных войнах враг может быть не только не достигаем с точки зрения географии, но и еще становится непонятно кто он, есть ли он вообще и в чем выражается его негативное воздействие. Эффективность информационных войн не вызывает никаких сомнений скрытность, внезапность являются лучшими условиями для маскировки своих истинных намерений. Все это осуществляется посредством эмоционального, психологического и информационно-технического воздействия. Современные информационные войны проводятся под флагами иностранных государств или подставных организаций, что усложняет не только привлечь агрессора к ответственности по всей строгости международного права, но и даже выявить его физически. Также необходимо отметить, что осуществление информационного воздействия позволяет не вводить военные силы на территорию других государств, что позволяет не нести человеческие потери и не расходовать средства на содержание вооруженных сил. Надо отметить, что дистанционная информационная агрессия является очень гибким инструментарием, так как даже если её удалось распознать, то у её бенефициара есть возможность создать такое информационное обеспечение, что позволит еще больше дискредитировать жертву и выйти сухим из воды.

Резюмируя выше сказанное можно смело утверждать что, информационное воздействие на население, транслируемое масс медиа крайне опасно может сказаться на социуме, если это не будет хорошо контролироваться государством. Последствия информационной агрессии могут быть уже в самом начале данного воздействия. Защититься от информационной атаки очень сложно из-за большого количества факторов. Так например, влияние идет на все сферы общественной жизни и даже если отдельно взятый человек смог вовремя вычислить эту агрессию, и грамотно проанализировать причинно-следственные связи и даже вывить истинный источник этого, то находясь в зараженном информационном обществе где большинство людей стали жертвами этой войны происходит индуцированный переход. То есть простыми словами информационное заражение и здоровый критически мыслящий человек, который может стать флагманом победы в информационной войне будет оболган и обесценен индуцированными, зомбированными членами общества. В результате информационной агрессии ячейки социума получают искаженное представление о происходящих событиях и тем самым лишаются возможности формулировать истинные выводы и принимать адекватные решения в единицу времени.

Для эффективного противоборства информационной войны необходимо предпринять целый комплекс взаимосвязанных мер. Так например, основой борьбы с разрушительной информацией является сам индивид, который на себе будет испытывать последствия инфор-

мационной агрессии. Для того чтобы минимизировать отрицательный эффект на него, а лучше полностью свести к нулю необходимо на государственном уровне разработать нормативно правовые акты, которые позволят внедрить в процесс обучения в школах и Высших учебных заведениях дисциплины, которые позволяют выработать аналитические навыки работы с превосходящими потоками информации и создать четко сформулированную методологию для этого процесса. Помимо этого необходимо предоставить социуму общее представление, о типах и способах пагубного отрицательного информационного воздействия и вовремя проводить профилактику. Необходимо более часто привлекать и использовать институты гражданского общества для работы с молодежью в превентивных целях. Этими институтами может выступить общественные палаты, советы старейшин, аналитические медийные ресурсы в том числе и блоггеры. Самым эффективным способом будет являться поднятие авторитета школы и вообще школьного образования. Необходимо именно со школьной доски внедрять в сознание детей действенные способы противоборства агрессивному информационному воздействию. Ведь если не проинформировать население об этой скрытой угрозе, то общество просто не будет знать о той опасности, которая его поджидает. Ведь если человек проинформирован, то значит он вооружен. И чем больше людей будет обладать специальными навыками работы с информационным воздействием, тем сложнее будет «расшатать» данное общество и большее количество людей сможет себя реализовать в жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Овсянникова Е.С. Информационная война как форма виртуального конфликта // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 6 (23). С. 536-538.
2. Ивлиев П.В. Кошелюк Б.Е. Влияние СМИ на молодежь с целью формирования ЗОЖ: актуальные проблемы и пути решения // Евразийский юридический журнал. 2021. № 5 (156). С. 170-171.

ПЕРМЯКОВ Максим Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

КОТОВ Василий Васильевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

РАЧЕВА Нелли Витальевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

РАЗНОГЛАСИЯ В ОБЛАСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

На протяжении длительного времени изменениям подвергаются многочисленные сферы жизнедеятельности общества. Право не является исключением. Происходят различные реформы и усовершенствования во всех его областях, в том числе таким изменениям подвергается и сфера предпринимательского права. В данной сфере, как и во всех других, ведущую роль занимают права и свободы граждан, а также их ответственность за совершение каких-либо действий. В предпринимательском праве очень детально рассматривается юридическая ответственность предпринимателей. Эта тема, как и множество других, подвергается различным взглядам и имеет за собой множество споров со стороны специалистов и различных авторов, изучающих её.

Ключевые слова: последствия, предприниматель, договорное обязательство, норма права, правонарушение, проступок, преступление, отрасль права, налоговая ответственность, налогоплательщик, дифференциация взыскания, налогообложение.

PERMYAKOV Maksim Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor, Ural State University of Economics, V.F. Yakovlev Ural State Law University

KOTOV Vasilij Vasiljevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminalistics sub-faculty of the V.F. Yakovlev Ural State Law University

RACHEVA Nelly Vitaljevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminalistics of the V.F. Yakovlev Urals State University

DISAGREEMENTS IN THE FIELD OF CLASSIFICATION OF LEGAL LIABILITY OF ENTREPRENEURS

For a long time, numerous spheres of society's life have been undergoing changes. Law is no exception. Various reforms and improvements are taking place in all its areas, including the sphere of business law is undergoing such changes. In this sphere, as in all others, the leading role is played by the rights and freedoms of citizens, as well as their responsibility for committing any actions. In business law, the legal responsibility of entrepreneurs is considered in great detail. This topic, like many others, is subject to different views and has a lot of controversy on the part of specialists and various authors studying it.

Keywords: Consequences, entrepreneur, contractual obligation, rule of law, offense, misdemeanor, crime, branch of law, tax liability, taxpayer, differentiation of recovery, taxation.

Прежде чем рассматривать разногласия и различные взгляды на тему юридической ответственности в сфере предпринимательского права нужно иметь представление что собой представляет данное явление. Юридическая ответственность понимает под собой претерпевание неблагоприятных последствий предпринимателем за неисполнение ими договорных обязательств, установленных нормами права. Наступление данных последствий является неминуемым и влечет за собой обязательное выполнение определенных действий, компенсирующих неправомерное поведение предпринимателя.

Обычно ответственность предпринимателей подразделяется в зависимости от соответствия видам правонарушений, такая, как гражданская, уголовная, административная и так далее.

Отдельные исследователи подразделяют юридическую ответственность в соответствии с такими видами правонарушений как:

- Гражданско-правовая ответственность (гражданское правонарушение);
- Дисциплинарная ответственность (дисциплинарный или служебный проступок);

– Административная ответственность (административный проступок);

– Уголовная ответственность (преступление).

Однако, данное деление не соответствует существующей структуре права, как минимум, по причине того, что видов ответственности гораздо меньше, чем существующих отраслей права.

На данный момент также дискуссионным является вопрос о введении налоговой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности предпринимателей. Законодательство придерживалось подобного мнения, следствием чего являлись следующие определения: “налоговая ответственность”, “налоговые правонарушения” и “финансовая ответственность”, а также дополнительные отсылки в области применения мер административной ответственности, предусмотренной КоАП. Данная позиция позволяет в гораздо более упрощенном порядке привлекать налогоплательщиков к ответственности.

Эксперты считают, что система правовой ответственности по отношению к налогоплательщику за налоговые проступки довольно сложна и мало разработана, так как отсутствует дифференциация взысканий в зависимости от субъективной стороны правонарушений. Помимо всего прочего присут-

ствуется неопределённость состава и полное или частичное игнорирование принципа презумпции невиновности в системе налоговой ответственности. Также в системе отсутствует ряд достаточно важных юридических процедур. Всё это требует пересмотра или полной замены правил, которые регулируют правовую ответственность налогоплательщика или налоговых органов. Не малой проблемой считается нестабильность налогового законодательства, когда вносятся изменения и поправки в закон, которые имеют обратную силу или когда государство отменяет некоторые льготы, которые были введены ранее, а это создаёт дополнительный риск для инвесторов. Государственные органы в течение длительного времени должны быть гарантом высокой стабильности налогов и правил их взимания. Не следует пересматривать налоговое законодательство чаще чем раз в пару лет, потому что это может привести к еще большей нестабильности в налогообложении. При всём при этом налогоплательщики должны быть заранее уведомлены о предстоящих изменениях, чтобы документально ко всему подготовиться, а не ставиться перед существующим фактом [8].

Взгляды же других исследователей и профессионалов заключаются в том, что, по их мнению, ответственность предпринимателей нужно квалифицировать и ограничить исключительно административной ответственностью. Например, автор Л. А. Калинина утверждает, что, при рассмотрении финансовой и налоговой ответственности в качестве административной, логичным является принятие определенного отраслевого закона, регулирующего данный подвид юридической ответственности, не увлекая за собой возникновения нового подвида.

В разрешении данного спора ключевую роль сыграл Конституционный Суд России. Он занял позицию юристов, не признающих налоговую ответственность как отдельный вид юридической ответственности и в Определении Конституционного Суда от 5 июля 2001 года № 130-О указал, что санкции, применяемые за налоговые правонарушения, являются административно-правовыми и имеет место быть административно-правовая ответственность за эти налоговые правонарушения.¹

Основываясь на вышесказанном, формируется подтвержденный вывод, что существует всего 5 видов юридической ответственности в сфере предпринимательской деятельности. Ими являются такие виды ответственности, как: конституционная ответственность, гражданско-правовая ответственность, дисциплинарная ответственность, административная ответственность и уголовная ответственность. Все иные, рассматриваемые юристами-правоведами и обсуждаемые в различных ключевых ситуациях, привязываемые к различным правовым институтам, являются лишь разновидностью, порой синонимизированными категориями обозначенных.

Так в соответствии с отраслевыми нормами права применяются 5 видов юридической ответственности. Однако, отраслевую ответственность можно классифицировать также по отдельным признакам.

Данными признаками являются:

Ответственность по основанию. Ответственностью по основанию является такая ответственность, как деликатная и договорная. Применяется в гражданском праве.

Ответственность по цели. Таковой ответственностью являются восстановительная и штрафная.

Ответственность в виде лишения свободы, штрафов и так далее, квалифицируется как *ответственность по характеру мер.*

Наряду с этим так же следует отметить тот факт, что и данный аспект юридической ответственности в сфере предпринимательской деятельности подвергается различным критическим обсуждениям со стороны теоретиков права.

Так, некоторые исследователи считают, что существует только два вида юридической ответственности предпринимателей – по цели – в соответствии с характером правонарушения и применяемых санкций за его совершение.

То есть такие виды, как штрафная и правоспособительная.

Штрафная ответственность, в их понимании, применяется за административные и дисциплинарные правонарушения и протекает исключительно в процессуальной форме.

Также данный вид юридической ответственности включает в себя несколько стадий, такие, как: обвинение определенного лица, исследование обстоятельств дела, принятие решения о применении санкции и её выбор, исполнение наказания, последующие правоограничения и санкции за совершение рецидива.

К такой ответственности относятся дисциплинарная, административная и уголовная.

К правоспособительной ответственности относятся восстановление нарушенных прав предпринимателя, либо же принудительное исполнение невыполненной ответственности. Она возникает с момента совершения правонарушения и заканчивается моментом восстановления правопорядка. В процессе осуществления правопорядка к предпринимателю могут применяться принудительные меры. Применение принудительных мер зависит от тяжести совершенного правонарушения.

Основываясь на данной информации, видится целесообразным сделать вывод, что сфера предпринимательской деятельности в настоящий момент все еще находится на стадии своего развития и нуждается в применении кардинальных решений со стороны государства, так как, принятое решение поможет сформировать правильный взгляд правоприменителя на сферу предпринимательского права, прекратит разногласия и споры исследователей и авторов в отношении юридической ответственности предпринимателей, а также повлечет за собой неизгладимое влияние на самих предпринимателей.

Пристатейный библиографический список

1. Саакян С. А. Юридическая ответственность в сфере предпринимательской деятельности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Киберленика, свободный.
2. Федуллова С. С. Проблемы административной ответственности юридических лиц в сфере предпринимательской деятельности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Киберленика, свободный.
3. Жабский В. А., Жилкин М. Г. Отдельные проблемы криминализации общественно-опасных деяний в сфере предпринимательской деятельности. Режим доступа: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Киберленика, свободный.
4. Носков Б. П., Новикова К. В. Некоторые проблемы реализации административной ответственности в сфере предпринимательской деятельности. Режим доступа: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Киберленика, свободный.
5. Иксанов Р. А., Файрузова Д. Р., Насибуллина Э. Н. Незаконное предпринимательство и виды юридической ответственности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Киберленика, свободный.
6. Пермяков М. В., Банных С. Г., Килин А. Г. Правовые основы государственного регулирования предпринимательской деятельности // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 2. - С. 178-180.
7. Пермяков М. В., Котов В. В., Ходасевич О. Н. Актуальные проблемы налогообложения в современной России // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 7. - С. 292-293.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 N 130-О «По запросу Омского областного суда о проверке конституционности положения пункта 12 статьи 7 Закона Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации». Интернет-ресурс, свободный.

ХАВАДЖИ Динара Ремзиевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

АМЕТКА Фатма Аблямитовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОППОЗИЦИИ В НЕКОТОРЫХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

В данной статье рассматривается правовой статус парламентской оппозиции в некоторых зарубежных странах, где указанный институт имеет наиболее длительный и построенный на прочных демократических принципах опыт функционирования. В условиях демократического развития политической системы, актуальным является законодательное закрепление парламентской оппозиции в некоторых западноевропейских странах. Парламентская оппозиция рассматривается как неотъемлемый элемент политической системы некоторых зарубежных стран.

Ключевые слова: парламентская оппозиция, правовой статус, партийная система.

KHAVADZHI Dinara Remzievna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory and history of law and state sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

АМЕТКА Fatma Abylamitovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Crimean Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation

LEGAL STATUS OF THE PARLIAMENTARY OPPOSITION IN THE WESTERN EUROPEAN COUNTRIES

This article discusses the legal status of the parliamentary opposition in some foreign countries, where this institution has the longest functioning experience built on strong democratic principles. In the context of the democratic development of the political system, the legislative consolidation of the parliamentary opposition in some Western European countries is relevant. The parliamentary opposition is considered as an integral element of the political system of some foreign countries.

Keywords: parliamentary opposition, legal status, party system.

Хаваджи Д. Р.

Аметка Ф. А.

Рассмотрим особенности функционирования парламентской оппозиции в отдельных западноевропейских странах.

Согласно Конституции Португалии, устанавливается, что 1/4 депутатов Ассамблеи Республики или любая парламентская группа могут инициировать вынесение резолюции порицания правительства по вопросу осуществления им своей программы или по вопросу, который представляет общественный интерес [1, с. 814]. То есть, на уровне конституции закреплено важное право и гарантии деятельности парламентского меньшинства, и в том числе оппозиции.

Деятельность оппозиции в Португалии урегулирована также на уровне специального закона о политических партиях [2, с. 58].

В связи с конституционным закреплением отдельных аспектов деятельности парламентской оппозиции в Португалии, по мнению автора, следует остановиться на таком вопросе, как определение сущности данного закрепления. Так, в свое время, польские государствоведы Патшалик А. и Вуйтович К., выделяли по отношению к политическим партиям отдельно такие понятия как конституционализация и институционализация, понимая под первой – конституционное признание существования политических партий и общее определение их роли в обществе и государстве [2, с. 36-37], а во второй – правовое санкционирование партий как своего рода государственного института. Необходимо от-

метить, что указанное разграничение закрепления правового статуса, может быть использовано и при характеристике этого процесса по отношению к парламентской оппозиции. Более того, по нашему мнению, можно говорить о том, что такое разграничение по отношению к указанному субъекту является целесообразным и необходимым ввиду того, что закрепление на уровне конституции элементов правового статуса парламентской оппозиции является достаточно редким явлением, что может и должно получить собственное название, учитывая указанное обстоятельство.

Также оппозиция в Португалии может пользоваться всеми актами парламента наравне с членами и группами. В частности, как и парламентским группам, оппозиции принадлежат права: выдвижение кандидатов в члены комитетов, на субсидии пропорционально численности, служебные помещения, оборудование. 1/3 членов любой палаты может потребовать созыва чрезвычайного заседания, 1/5 – обсуждение законопроекта и голосование по нему в палате, если он был принят постоянной комиссией, 1/10 – подписывает резолюцию порицания. Кроме того, учет интересов, как большинства, так и оппозиции способствует существующий порядок предоставления слова, поскольку слово предоставляется в порядке очередности «за» и «против» (такой порядок предоставления слова закреплен в части 3 статьи 40, части 1 статьи 41 Регламента Палаты депутатов) [3, с. 114]. Кроме того, в Регламенте Палаты депутатов употребляется понятие «мень-

шинство». Так, согласно статье 79 Регламента доклады меньшинства, в случае их поступления, подлежат публикации и распространению в Парламенте [3, сек. 128]; согласно части 1 статьи 83 обсуждение основных направлений законопроекта включает в себя выступления докладчиков меньшинства. Относительно же закрепления прав меньшинства в регламенте Сената Республики, то такое закрепление значительно уже, чем в регламенте Палаты депутатов, но также включает отдельные положения. Так, согласно части 3 статьи 84 Председатель предоставляет слово в соответствии с порядком поступления просьб, однако он может чередовать ораторов, принадлежащих к различным парламентским группам [4, с. 167].

Относительно Испании, то, как и во многих других государствах, специальное законодательство, регулирующее статус парламентской оппозиции, здесь отсутствует. Но, вместе с тем, на уровне Конституции в этом государстве закреплено одну из гарантий деятельности парламентской оппозиции – право группы парламентариев подавать запрос в орган конституционного контроля о соответствии основному закону акта, принятого представительным учреждением. Согласно статье 162 Конституции Испании 1978 г. такое право принадлежит 50 членам Конгресса депутатов и 50 сенаторам [5, с. 597]. Кроме того, парламентское меньшинство имеет следующие права: 2 фракции или 1/5 членов любой палаты может потребовать поименного или тайного голосования; 1/10 членов одной из палат имеет право вынести на референдум проект конституционной реформы после одобрения его Генеральными кортесами; 1/10 Конгресса депутатов имеет право представить резолюцию порицания с включением в нее кандидатуры на должность председателя правительства; 1/4 Конгресса депутатов вправе внести предложение о привлечении председателя правительства и других его членов к уголовной ответственности [6, с. 56-64].

В Ирландии действует двухпалатный Парламент, состоящий из Сената и Палаты представителей. Относительно полномочий парламентской оппозиции, следует отметить, что повестку дня в нижней палате определяется правительством после консультаций с представителями парламентской оппозиции [6, с. 49]. Кроме того, парламентская оппозиция может пользоваться достаточно значительным объемом прав, принадлежащих парламентскому меньшинству. Так, не менее 1/3 части членов Палаты представителей могут направить президенту Республики петицию с требованием отказать от подписания акта и требовать проведения референдума. 20 парламентариев могут выдвинуть кандидатуру на пост Президента, 30 членов палаты могут возбудить судебное дело против президента [6, с. 51-54]. Лидер оппозиции в Ирландии получает вознаграждение. Она зависит от численности группы. Так, лидер не получит вознаграждение, если группа, возглавляемая им в Палате представителей, состоит менее чем из 7 членов.

В Швейцарии Федеральное собрание издавна рассматривается как центр согласования интересов основных социальных сил страны, представителями которых в парламенте являются политические партии. В связи с этим, в швейцарском законодательном органе отсутствуют, в общепринятом смысле слова, правящее большинство и оппозиция. Понятие оппозиции имеет условный характер, поскольку все крупные политические партии представлены в правительстве, а определяющей тенденцией в работе парламента является стремление абсолютного большинства депутатов к поиску компромиссных решений по основным вопросам повестки дня. Меньшинство в палатах имеет довольно подвижный характер. Те или иные парламентские группы блокируются между собой в зависимости от природы обсуждаемого вопроса. А плюралистический характер палат парламента обуславливает множественность возможных коалиций [7, с. 462].

В Швеции, несмотря на неустойчивость партийных градаций, дисциплина внутри парламентских фракций остается высокой. В ходе ключевых голосований почти не бывает так, чтобы члены фракции шли в разрез со своими партиями. Положение дел в парламентских партийных группах оказывает большое влияние на внутреннюю стабильность шведской политической системы. Переход к пропорциональной системе, произошедший в начале прошлого века, был ознаменован избранием депутатов по партийным спискам. Благодаря этому партийное руководство Риксдага укрепилось. Парламентские фракции пережили бурные процессы институционализации. Одновременно была разработана четкая регламентация их деятельности. Каждая фракция выбирает собственные руководящие органы. Лидеры некоторых партий одновременно возглавляют парламентские фракции и играют важную роль в жизни Риксдага. Каждая парламентская группа имеет в Риксдаге свой офис. Эти секретариаты особенно важны для оппозиционных партий. Когда происходят смены правительства, многие члены «теневых кабинетов» и политические советники переходят в Риксдаге на министерские должности [8, с. 68-69].

Относительно прав оппозиционных партий в шведском Риксдаге, то, как отмечает Петерсон А., они, как правило, открывают дебаты, а также по традиции им отводятся места председателей в половине комиссий (по постановлению 1971 г. в Риксдаге действует 16 постоянных комиссий). Кроме того, за парламентским меньшинством закреплено право на особое мнение по поводу готовящихся докладов комиссии, а также по инициативе 1/10 членов Риксдага, поддержанной не менее чем 1/3 членов палаты, конституционная поправка может быть вынесена на всенародный референдум [8, с. 65]. Парламентская фракция оппозиционной партии в Швеции получает дополнительную материальную поддержку государства.

И так, в данной статье мы рассмотрели особенности функционирования парламентской оппозиции в некоторых западноевропейских странах

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Португалии от 02. 04. 1976 г. // Конституции государств Европы: В 3 т. / Под общ. ред. Л. А. Окунькова. - М.: Издательство НОРМА, 2001. - Т. 2. - С. 748-836.
2. Юдин Ю. А. Институционализация политических партий в странах капиталистической ориентации // Партии в политической системе: Сб. статей / Под ред. Ю. А. Юдина. - М.: Наука, 1983. - С. 36-63.
3. Регламент Палаты депутатов от 18. 02. 1971 г. // Италия. Конституция и законодательные акты: Пер. с ит. / Под ред. В. А. Туманова. - М.: Прогресс, 1988. - С. 101-152.
4. Регламент Сената Республики от 17. 02. 1971 г. // Италия. Конституция и законодательные акты: Пер. с ит. / Под ред. В. А. Туманова. - М.: Прогресс, 1988. - С. 153-178.
5. Конституция Испании от 27. 12. 1978 г. // Конституции государств Европы: В 3 т. / Под общ. ред. Л. А. Окунькова. - М.: Издательство НОРМА, 2001. - Т. 2. - С. 50-94.
6. Маклаков В. В. Парламенты стран-членов Европейского Союза. - М.: б.вд, 1994. - 136 с.
7. Лейбо Ю. И. Парламент Швейцарии // Парламенты мира: Сб. - М.: Интерпракс, 1991. - С. 441-482.
8. Петерсон О. Шведская система правления и политика: Пер. с англ. - М.: Издательство "Ad Marginem", 1998. - 207 с.

ЮНУСОВ Абдулжабар Агабалаевич

доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права международного и европейского права Академии права и управления ФСИН России

АХВЕРДЯН Арутюн Гайкович

преподаватель кафедры гражданского права и процесса Академии права и управления ФСИН России

БУЛУЕВ Руслан Багирович

старший оперативный дежурный дежурной службы отдела организации дежурной службы и службы вооружения Академии права и управления ФСИН России

ПРАВОВЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В настоящее время жизнь и здоровье граждан являются самыми важными ценностями как для государства, так и для самого человека. Для обеспечения права каждого человека на здравоохранение создаются отдельные органы государственной власти, реализуются комплексные государственные программы и т.д.

Помимо всего сказанного необходимо акцентировать внимание на роли самой личности в охране жизни и здоровья. Этот аспект актуализируется в период распространения вируса COVID-19, в частности, когда необходимо соблюдать меры самоизоляции, безопасности, то есть осознанное поведение субъекта права в общественной жизни. Таким образом, в настоящей статье авторами исследуется комплекс обязанностей человека и гражданина, направленные на максимальное обеспечение охраны как своего здоровья, так и иных граждан.

Ключевые слова: государство, человек, гражданин, личность, здравоохранение, закон, норма права, здоровье.

YUNUSOV Abdulzhabar Agabalaevich

Ph.D. in Law, professor of Theory of state and law and international and European law sub-faculty of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

AKHVERDYAN Harutyun Gaykovich

lecturer of Civil law and process sub-faculty of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia of the FPS of Russia

BULUEV Ruslan Bagirovich

senior operational duty officer of the duty service department of the organization of the duty service and the armament service of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

LEGAL OBLIGATIONS OF A PERSON AND A CITIZEN IN THE FIELD OF HEALTHCARE

Currently, the life and health of citizens are the most important values both for the state and for the person himself. To ensure the right of every person to health care, separate state authorities are being created, comprehensive state programs are being implemented, etc.

In addition to all that has been said, it is necessary to focus on the role of the individual himself in the protection of life and health. This aspect is actualized during the spread of the COVID-19 virus, in particular when it is necessary to observe measures of self-isolation, security, that is, conscious behavior of the subject of law in public life. Thus, in this article, the authors investigate the complex of duties of a person and a citizen, aimed at maximizing the protection of both their own health and other citizens.

Keywords: state, person, citizen, personality, healthcare, law, rule of law, health.

«Ничто так не обязательно всему роду человеческому, как медицина».

Квинтилиан

Данная тема стала достаточно актуальной в период распространения новой короновирусной инфекции. В следствии этого следует отметить, что право человека на охрану своего здоровья прекращает быть исключительно индивидуальным аспектом, и также является общесоциальной потребностью. Настоящее право является неотъемлемой ценностью для общества и государства. Необходимо затронуть следующее, что право на охрану здоровья является неотчуждаемым правом, оно появляется у личности еще до его рождения.

Это право является одним из базовых и неотъемлемых условий для качественной жизни и развития общества. Отличительным аспектом данного права является то, что она является как правом индивидуальным для каждого гражданина, а также оно является правом и для общества.

В некоторой степени общество выступает заинтересованной стороной в части, исполнения данного права, хотя право дано человеку в качестве меры возможного действия, поведения. Именно поэтому в указанной ситуации, мы полагаем, что этот вопрос возможно рассмотреть именно как обязанность человека перед обществом и государством.

Все граждане России в соответствии с действующим законодательством обладают неотчуждаемым и неотъемлемым правом на охрану своего здоровья. Базис данного общего права формируется в частности на таком праве, как право на получение медицинской помощи и медицинское страхование. Все застрахованные лица вправе получить бесплатную медицинскую помощь при наступлении страхового случая.

Законодатель, понимая и осознавая значимость и необходимость данного вопроса, закрепил право на охрану здоровья каждого гражданина в статье 41 Конституции Российской Федерации, которая говорит следующее:

1. Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и

муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений.

2. В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию.

3. Скрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом [1].

Интересным является тот факт, что законодатель в основном законе государства не упоминает право на здоровье, а говорит лишь о праве на охрану здоровья и медицинскую помощь. Логично было бы изначально обладать правом на здоровье, а затем уже правом на его охрану и медицинскую помощь. [3, с. 133]

Также, например, Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в статье 27 прямо закрепляет обязанности граждан в сфере здравоохранения, к которым он относит:

1. Граждане обязаны заботиться о сохранении своего здоровья.

2. Граждане в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, обязаны проходить медицинские осмотры, а граждане, страдающие заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, обязаны проходить медицинское обследование и лечение, а также заниматься профилактикой этих заболеваний.

3. Граждане, находящиеся на лечении, обязаны соблюдать режим лечения, в том числе определенный на период их временной нетрудоспособности, и правила поведения пациента в медицинских организациях [2].

Таким образом, анализируя действующее законодательство, становится очевидным, что сам законодатель рассматривает данное право и в тоже время как обязанность, то есть мы видим прямую взаимосвязь и права, и обязанности в рамках одной сферы.

Помимо вышесказанного, говоря об обязанности граждан в сфере здравоохранения, мы не можем не затронуть тему обязанности государства перед гражданином и ответственности государства за соблюдение гражданами данных требований.

Конечно, мы не можем отрицать то факт, что государство обязано создавать условия для реализации прав и обязанностей гражданами, и именно поэтому, мы считаем, что в период пандемии COVID-19 Российская Федерация и Президент государства выступили как гаранты прав человека и реализовали большой объем социальных программ по поддержке молодых семей с детьми, работодателей и работников, малому и среднему бизнесу и т.д. Данные меры были направлены на финансовое поддержание наших граждан и компенсацию тех расходов, которые стали возможными в связи с наступлением пандемии.

Немаловажным является также возможность получения бесплатной медицинской помощи. Ведь, проведя анализ медицинского обеспечения в разных странах мира, мы можем убедиться в том, что далеко не во всех странах есть бесплатное медицинское обеспечение для своих граждан, и даже в

Соединенных Штатах Америки медицина является страховой, что к сожалению, создает условия, при котором не каждый гражданин может позволить застраховать свою жизнь и здоровье.

Заслуживают внимания исследования российских ученых, которые выделяют эту правовую проблему как один из актуальных вопросов современности. Так, А.Л. Воронцов, Е.В. Воронцова выделяют «международно-правовое сотрудничество в качестве самостоятельного механизма реализации права на охрану здоровья, направленную в первую очередь на обеспечение позитивных обязанностей государств, принятых ими на себя в качестве обязательств по международным соглашениям» [4, с. 74].

Таким образом, исходя из всего перечисленного мы видим, что охрана здоровья каждым человеком и гражданином включает в себя два аспекта – организация всех возможных мер со стороны государства и личные осознанные действия со стороны каждого индивида. В свою очередь необходимо отметить обязанности самого субъекта права по принятию мер для охраны своего здоровья.

Тут следует говорить именно об обязанностях, так как если человек по собственной воле и полностью осознавая важность по сохранению эпидемиологической безопасности в обществе должен идти на отдельные ограничения и действия, так как это будет способствовать интересам не только его самого, но и государства в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета» от 4 июля 2020 г. № 144.
2. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Российской газете от 23 ноября 2011 г. № 263.
3. Вороненко О.А., Скокова А.Н. К вопросу о праве на здоровье и праве на охрану здоровья в Российской Федерации // В сборнике: Права человека: история, теория, практика. Всероссийская научно-практическая конференция: Сборник научных статей. Юго-Западный государственный университет. - 2015. - С. 132-136.
4. Воронцов А.Л., Воронцова Е.В. Международно-правовое взаимодействие государств в области охраны здоровья: анализ современной практики // Lex russica (Русский закон). - 2018. - № 1. - С. 71-82.

ЧИРКАЕВ Сергей Александрович

соискатель кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии

ПРИОРИТЕТ КАК ОСОБОЕ СРЕДСТВО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Статья посвящена исследованию юридического приоритета. Отмечается, что термин «приоритет» широко используется в нормативных правовых актах различной отраслевой направленности, несмотря на отсутствие нормативного определения данной дефиниции. В исследовании приводятся особенности приоритета, позволяющие рассматривать приоритет как правовое средство регулирования общественных отношений, предопределяющее первоочередность решения каких-либо задач и необходимость учета в первоочередном порядке каких-либо интересов отдельных субъектов. Делается вывод о том, что юридические приоритеты обеспечивают устойчивое регулирование каких-либо общественных отношений, отдельной сферы социальных связей в условиях экономических, политических, культурных преобразований.

Ключевые слова: юридический приоритет, нормативный правовой акт, первоочередность, правовое средство, государственная политика, специальный правовой режим, правовые ценности.

CHIRKAEV Sergey Aleksandrovich

competitor of Theory of state and law sub-faculty of the Saratov State Law Academy

PRIORITY AS A SPECIAL MEANS OF LEGAL REGULATION

The article is devoted to the study of legal priority. It is noted that the term "priority" is widely used in regulatory legal acts of various industry orientation, despite the absence of a normative definition of this definition. The study presents the features of priority, which allow us to consider priority as a legal means of regulating public relations, determining the priority of solving any tasks and the need to take into account any interests of individual subjects as a matter of priority. It is concluded that legal priorities ensure the sustainable regulation of any public relations, a separate sphere of social relations in the conditions of economic, political, cultural transformations.

Keywords: legal priority, regulatory legal act, priority, legal means, state policy, special legal regime, legal values.

Любые преобразования действующего законодательства всегда связаны с совершенствованием понятийного аппарата. Зачастую в оборот вводятся новые дефиниции, изменяется или уточняется сущность уже используемых понятий. Нередко встречаются ситуации, когда в нормативных правовых актах не всегда верно подбирается термин, либо совершенно по-разному трактуется одно и то же явление. По этой причине важное значение должно придаваться соответствию юридических дефиниций современным реалиям общественной жизни. Ведь дефиниции способствуют упорядочиванию действующего законодательства, приданию ему логичности и стройности в правовом регулировании.

В последние годы на страницах печати, в СМИ, бытовой сфере, в выступлениях высших должностных лиц Российской Федерации нередко встречается термин «приоритет». Приоритет – это понятие, которым зачастую обозначается важность, преобладание над чем-либо либо кем-либо. Его употребляют применительно к целям, задачам и действиям. Его активно используют во многих сферах и областях социальных связей. Так, можно говорить об информационных, инновационных, социальных приоритетах, о приоритетах в религиозной сфере, о государственных, транспортных, экологических, юридических приоритетах и т.д.

Отмеченное обстоятельство говорит о том, что понятие «приоритет» носит междисциплинарный характер, поскольку оно используется в различных областях научного знания. Но наибольшее исследование данная дефиниция получила в юриспруденции.

Именно о юридических приоритетах достаточно часто говорится в официальных документах, в частности, нацио-

нальных проектах Президента Российской Федерации, которыми определяются наиболее важные направления деятельности общества. Сказанное позволяет поставить вопрос о необходимости исследования понятия «юридический приоритет». Тем более в настоящее время тема юридического приоритета нередко затрагивается в отраслевой юридической литературе. Данное явление исследовалось А.П. Коробовой [9, с. 89-101], Л.А. Морозовой [6], О.А. Глушко [2] и др.

Приоритет происходит от латинского «prior», что в переводе означает первенство, первоочередность, первый, старший. В толковых словарях приоритет определяется как первенство по времени в научном открытии, изобретении, исследовании и т.д.; преобладающее, первоочередное значение чего-либо [1].

Первоначально в юридической литературе тема приоритета рассматривалась в рамках патентного права. Так, приоритет необходим для определения субъекта, являющегося носителем права на нематериальный объект [7, с. 322]. В дальнейшем понимание приоритета менялось и стало рассматриваться как выраженное конкретной датой первенство заявителя по отношению к другим в совершении действий, дающих право на изобретение [3, с. 7].

Понятие приоритета помимо сферы патентного права также используется в отношении селекционных достижений и средств индивидуализации. Кроме того, в последние годы данное понятие достаточно часто упоминается в конституционном праве, экологическом праве и т.д. Так, Л.А. Морозова, рассматривая приоритеты в конституционном праве, определяет их как «правовые установления, правовые положения, правовые позиции, закрепленные в конститу-

ционном законодательстве, и предопределяющие в силу их значимости первоочередность реализации в процессе решения конкретных задач и достижения общественных целей» [6, с. 58]. О.А. Глушко, определяя приоритет концепции экологической безопасности, формулирует его как первоочередное направление деятельности (положения) субъектов административно-правового режима экологической безопасности по обеспечению нормального функционирования экологической системы страны [2, с. 901-902].

Анализ приведенных дефиниций позволяет прийти к выводу о том, что термином «приоритет» подчеркивается особая значимость того или иного явления для жизни общества. Именно благодаря понятию «приоритет» обозначается первостепенность, первоочередность реализации тех или иных процессов для достижения общественно значимых целей и задач.

Термин «приоритет» широко используется в нормативных правовых актах различной отраслевой направленности. Данный термин фигурировал в ранее действующем советском законодательстве. В частности, согласно ст. 107 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, автору открытия принадлежит право требовать признания его авторства и приоритета в открытии, удостоверяемых дипломом. В настоящее время действующее гражданское законодательство использует термин «право конвенционного приоритета». В нормативных предписаниях иной отраслевой принадлежности встречаются такие термины, как «приоритетное право», «приоритетный метод», «государственный приоритет», «приоритет норм Конституции РФ», «приоритет прав, свобод и законных интересов личности», «приоритет публичных интересов» и т.д.

Вместе с тем в действующем законодательстве отсутствует какое-либо определение приоритета. Но этот факт не препятствует использованию данного понятия в практике органа конституционного контроля. Нередко Конституционный Суд Российской Федерации по справедливому замечанию А.В. Семенова выступает законодателем моды и первопроходцем по внедрению приоритета в конституционно-правовую практику. Между тем использование приоритета в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации обусловлено не концепцией юридической силы, а ценностно-нормативным содержанием отдельных положений Основного Закона [10, с. 166-167]. В связи с возникшей неопределенностью относительно сущности и содержания приоритета, а также отсутствием его правовой регламентации в юридической науке имеются все предпосылки для проведения всестороннего анализа юридической природы данного понятия.

В общетеоретической литературе встречаются различные трактовки приоритета. Так, С.Ф. Афанасьев, В.П. Беляев, Е.В. Вавилин под приоритетом подразумеваются «первоочередные задачи, проблемы, вопросы, которые необходимо незамедлительно решить сейчас и в ближайшей перспективе» [9, с. 100]. А.Г. Репьев рассматривает приоритет как «одну из форм преимущественного права, выражающуюся в реализации субъективного права лица, обусловленного необходимостью учета публичных и частных интересов и особенностей специальных статусов отдельных субъектов, предусматривающую дополнительные процессуальные гарантии и организационные меры по внеочередному, перво-

очередному, безвозмездному получению благ, реализации прав и законных интересов» [8, с. 39].

В рамках данного исследования мы попытаемся исследовать приоритет как правовое средство регулирования общественных отношений, предопределяющее первоочередность решения каких-либо задач и необходимость учета в первоочередном порядке каких-либо интересов отдельных субъектов. В этом смысле приоритет в чем-то схож с таким специфическим средством как исключение в праве [11].

Приоритет, выступая особым средством правового регулирования общественных отношений, обладает рядом особенностей.

Приоритеты имеют естественную природу происхождения, поскольку появились одновременно с человеческим обществом. В первобытных условиях отношения людей регулировались, прежде всего, обычаями и традициями, согласно которым признавалось верховенство и первенство сильного над слабым, приоритет вождя или старейшины в голосовании при решении вопросов общины. В дальнейшем по мере развития общественных связей приоритеты закреплялись в различных источниках права, приобретая тем самым юридический характер.

Однако приоритеты в правоотношениях не являются раз и навсегда установленными и неизменными. Юридические приоритеты развиваются и адаптируются к современным условиям и реалиям. Нет и не может быть раз и навсегда неизменного юридического приоритета. С течением времени одни приоритеты сменяются другими. Изменение тех или иных приоритетов может быть связано с процессами охраны и защиты отдельных прав граждан, совершенствованием государственных, правовых и политических институтов. Поэтому определенная изменчивость, развитие и совершенствование юридических приоритетов может способствовать укреплению законности и правопорядка в стране. Юридические приоритеты в силу своей изменчивости, позволяют улавливать возникающие в обществе особые общественные отношения, точнее реагировать на происходящие в обществе преобразования.

Следовательно, юридический приоритет выступает гибким динамичным средством воздействия на общественные отношения. Данное свойство проявляется в способности приоритета оперативно улавливать преобразования социальных связей, претерпевать отдельные перестроения для осуществления быстрого реагирования на изменившиеся условия правовой действительности.

Юридические приоритеты имеют нормативную основу, которая позволяет воздействовать этому особому средству правового регулирования на социальные связи. Как правило, приоритеты закрепляются в Стратегиях. В качестве примера можно назвать Стратегию деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях на период до 2030 г., Стратегию развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 г. и т.д. Однако приоритеты могут регламентироваться и иными нормативными правовыми актами, отличными друг от друга уровнем и формой.

Нормативная основа закрепления юридических приоритетов обеспечивает соблюдение правила о том, что любое отступление от принципа равенства и справедливости возможно только в случаях, прямо установленных законом [4]. Вместе с тем может возникнуть вопрос: а могут ли при-

оритеты возникать, существовать и прекращаться не только в случаях, прямо предусмотренных законом, но и предусматриваться соглашением сторон? С одной стороны, действующее законодательство не предусматривает запретов на то, чтобы тем или иным соглашением устанавливался приоритет для определенных субъектов. Теоретически участники правоотношений могут активно использовать такой правовой инструмент регулирования общественных отношений как приоритет. Особенно этот тезис будет актуальным при регулировании частных правоотношений, где действует принцип свободы формирования условий договора. Однако, с другой стороны, такой приоритет не предусматривает в случае нарушения условий соглашения обеспечение защиты мерами государственного принуждения. В подобных случаях возможны только общие способы защиты прав. Поэтому уверены, что приоритет как средство урегулирования правоотношений может иметь место в случаях, установленных законом.

В качестве примера можно привести такой юридический приоритет, как приоритет прав, свобод и законных интересов личности, обеспечиваемый ст. 2 Конституции РФ, согласно которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью, ч. 2 ст. 17 Конституции РФ, содержащей требования о неотчуждаемости основных прав и свобод человека и их принадлежность каждому от рождения, ч. 2 ст. 55 Конституции РФ, закрепляющей запрет на издание законов, которые так или иначе могут либо отменять, либо ущемлять права и свободы человека и гражданина. Государство защищает права и свободы посредством различных законов, таких как ГК РФ, УК РФ, КАС РФ, и т.д.

Приведенный пример позволил обратить внимание еще на одно специфическое свойство приоритета. В частности, в определенных случаях приоритет может иметь не только юридический, но и политический смысл. Юридический приоритет есть продукт государственной деятельности, а государство является эпицентром политики. По этой причине не может быть таких явлений, понятий и категорий, которые бы существовали сами по себе, вне государства. Юридические приоритеты обуславливаются государственными интересами, а также своеобразием социальных связей, требующих особых средств правового воздействия.

Иногда выбор того или иного приоритета свидетельствует о проведении государством определенной политики по развитию стратегически значимых направлений общественной жизни. Юридические приоритеты зачастую определяют вектор развития государственно-правовой реальности, являясь весьма действенным политическим инструментом воздействия. Все юридические приоритеты влияют на упорядочивание конкретных общественных отношений в соответствии с первостепенными целями и задачами, которые обозначены в нормативных правовых актах.

Таким образом, приоритет можно рассматривать в качестве средства реализации правовой политики, ведь при помощи юридического приоритета можно добиться и решения первостепенных задач государства, и обеспечить реализации первоочередных функций.

Приоритеты формируют некий юридический климат при регулировании определенных видов социальных связей, т.е. предопределяют действие специального правового режима, под которым понимается «установленный специ-

альным законодательством порядок регулирования, отличающийся высокой степенью определенности и четкости правового воздействия, заключающийся в особом сочетании юридических средств, состоящих в дополнительных правах, запретах или обязываниях, направленных на упорядочение специфических процессов, явлений и отношений» [5, с. 124]. Именно специальный правовой режим обеспечивает реализуемость установленных приоритетов.

Существование юридических приоритетов оказывает огромное влияние на происходящие в обществе социальные процессы, изменяя их направленность и интенсивность, качественные и количественные характеристики. Тем самым подчеркивается значимость, важность объекта воздействия. Юридические приоритеты в условиях высокой изменчивости общественных отношений придают определенную устойчивость и целостность правовой системе, обеспечивая ее нормальное и единообразное развитие и функционирование.

Юридические приоритеты, будучи особым средством правового регулирования, оказывают упорядочивающее воздействие не только на конкретные общественные отношения, но и на поведение определенных субъектов. К примеру, благодаря приоритетам к отдельным категориям участников общественных отношений могут применяться различные дозволения, льготы, привилегии и т.д. В свою очередь, реализация юридических приоритетов обеспечивается определенным кругом субъектов, прежде всего, органами государственной власти, осуществляющих проведение государственно-правовой политики в современной России.

Юридические приоритеты отражают высшие правовые ценности и идеалы, существующие в обществе на определенный момент времени. На содержание приоритета оказывают влияние социально-культурные особенности, менталитет конкретного общества, нации, народа. Причем по справедливому замечанию Л.А. Морозовой некоторые приоритеты сообщают правовым ценностям определенную иерархию, подчеркивая ключевую роль одних по сравнению с другими [6, с. 68]. В качестве примера можно назвать приоритет норм Конституции РФ перед требованиями международных договоров и решениями международных органов. Так в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ установлено, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

На первый взгляд напрашивается вывод о приоритете международных договоров над законами. Между тем, в условиях нестабильных сложных взаимоотношений Российской Федерации с рядом европейских государств в 2015 г. данный приоритет претерпел небольшие изменения. Так, Конституционный Суд Российской Федерации в п. 2.2 Постановления № 14 июля 2015 г. № 21-П определяет, что «... ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции Европейского Суда по правам человека, ..., не отменяет для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации и потому подлежат реализации в рамках этой системы

только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции Российской Федерации». В последующем данная позиция нашла свое нормативное закрепление в ст. 79 Конституции РФ. Следовательно, юридические приоритеты можно рассматривать в качестве социокультурной категории, аккумулирующей в той или иной степени сложившиеся и устоявшиеся в обществе традиции и ценности.

Подводя итог, отметим междисциплинарный характер понятия «приоритет».

Термином «приоритет» подчеркивается особая значимость того или иного явления для жизни общества. Именно благодаря понятию «приоритет» обозначается первоочередность, первоочередность реализации тех или иных процессов для достижения общественно значимых целей и задач.

Дефиниция «приоритет» широко используется в нормативных правовых актах различной отраслевой направленности. Вместе с тем в действующем законодательстве отсутствует какое-либо определение приоритета. Но этот факт не препятствует использованию данного понятия в практике органа конституционного контроля.

Приоритет как правовое средство регулирования общественных отношений предопределяет первоочередность решения каких-либо задач и необходимость учета в первоочередном порядке каких-либо интересов отдельных субъектов.

Приоритет, выступая особым средством правового регулирования общественных отношений, обладает рядом особенностей. В частности, приоритеты имеют естественную природу происхождения; юридические приоритеты развиваются и адаптируются к современным условиям и реалиям; имеют нормативную основу; приоритеты могут иметь не только юридический, но и политический смысл, выступая средством реализации государственно-правовой политики; приоритеты предопределяют действие специального правового режима, который обеспечивает реализуемость установленных приоритетов; юридические приоритеты отражают высшие правовые ценности и идеалы, существующие в обществе на определенный момент времени.

Юридические приоритеты обеспечивают устойчивое регулирование каких-либо общественных отношений, отдельной сферы социальных связей в условиях экономических, политических, культурных преобразований.

Пристатейный библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. - СПб.: Норинт, 1998. - 1534 с.
2. Глушко О.А. Приоритеты концепции экологической безопасности // Политематический сетевой электронный журнал Кубанского государственного аграрного университета. - 2015. - № 109 (05). - С. 901-912.
3. Дозорцев В.А. О понятии приоритета // Вопросы изобретательства. - 1981. - № 10. - С. 7.
4. Катомина В. А. О взаимосвязи законности и справедливости // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. - 2021. - № 1 (27). - С. 39-42.
5. Лиманская А.П. Специальный правовой режим как особое средство правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2013. - № 6. - С. 120-124.
6. Морозова Л.А. Приоритеты в конституционном праве и их роль в правовом развитии общества // XX лет Конституции Российской Федерации. Конституционализм в теории и на практике отечественной государственности: история и современность. М-лы III конституционных чтений. - М.: РГУП, 2014. - С. 58-70.
7. Пиленко А.А. Права изобретателя. - М.: Статут, 2001. - 686 с.
8. Репьев А.Г. Приоритеты права и приоритеты в праве // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды: сборник докладов VIII Московского юридического форума: в 5 ч. - Том. Ч. 1. - М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. - С. 37-41.
9. Российская правовая политика. Курс лекций / Автор. коллектив: С.Ф. Афанасьев, В.П. Беляев, Е.В. Вавилин и др. под ред. Н.И. Матузова. - М.: Норма, 2003. - 528 с.
10. Семенов А.В. Приоритет в конституционном праве: постановка проблемы // Вестник Саратовской юридической академии. - 2016. - № 2. - С. 164-169.
11. Суменков С.Ю. Исключения в праве как юридические средства: вопросы теории и практики: Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2016. - № 5 (112). - С. 23-28.

ВЕРЕСОВ Алексей Андреевич

аспирант Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина

Вересов А. А.

ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТРИ ВЕТВИ ВЛАСТИ

В данной статье рассматривается вопрос появления в будущем нового политико-правового устройства общества – цифрового государства. Исследуются по отдельности три ветви власти цифрового государства: цифровой суд, цифровое правительство и цифровой парламент. Целью данного исследования является анализ цифровизации трех ветвей действующей власти Российской Федерации, других государств и, исходя из этого, определить перспективу появления цифрового государства. Для достижения поставленной цели, необходимо перечислить задачи: 1. В работе анализируются особенности устройства и функционирования перечисленных элементов власти государства с учетом их перехода в пространство информационно-коммуникационной сети Интернет. 2. Проведение исследования на примере действующих изменений и цифровизации власти в Российской Федерации. 3. Рассмотрение возможности использования искусственного интеллекта в трех ветвях власти цифрового государства.

В данной статье используется метод анализа, заключающийся в разборе действующей политики цифровизации исполнительной, законодательной и судебной власти в Российской Федерации. Метод сравнения в данном исследовании состоит в рассмотрении действующих процессов цифровизации государственного сектора и их сравнении с прогнозируемым представлением о трех ветвях власти в цифровом государстве. Также используется метод прогнозирования в отношении появления цифрового государства.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое государство, искусственный интеллект, электронное правительство, цифровое правосудие, цифровой парламент.

VERESOV Aleksey Andreevich

postgraduate student of the A. S. Pushkin Leningrad State University

DIGITAL STATE: THREE BRANCHES OF GOVERNMENT

This article discusses the issue of the emergence in the future of a new political and legal structure of society - the digital state. Three branches of power of the digital state are examined separately: the digital court, the digital government and the digital parliament. The purpose of this study is to analyze the digitalization of the three branches of the current government of the Russian Federation, other states and, based on this, determine the prospects for the emergence of a digital state. To achieve this purpose, it is necessary to list the tasks: 1. The paper analyzes the features of the structure and functioning of the listed elements of state power, taking into account their transition to the space of the information and communication network Internet. 2. Conducting a study on the example of current changes and digitalization of power in the Russian Federation. 3. Consideration of the possibility of using artificial intelligence in the three branches of government of the digital state.

This article uses the method of analysis, which consists in analyzing the current policy of digitalization of the executive, legislative and judicial authorities in the Russian Federation. The method of comparison in this study is to consider the current processes of digitalization of the public sector and compare them with the predicted understanding of the three branches of government in the digital state. A forecasting method is also used in relation to the emergence of a digital state.

Keywords: digitalization, digital state, artificial intelligence, e-government, digital justice, digital parliament.

Введение

Цифровое государство является новым видом политического устройства общества, основанного на базе всемирной электронно-коммуникационной сети Интернет, которое является безграничным пространством, в котором пользователи строят правоотношения в цифровом мире. Регулирование данных отношений является главной задачей права. Право будет постепенно сращиваться с технологиями и данное явление будет процессом симбиоза, который принесет право в цифровую среду. Процессы цифровизации в ведущих странах мира формируют базу данных пользователей, объектов правоотношений, что, как следствие постепенно делает неизбежным появление

цифрового государства. Идентификация важна для такого элемента как правосубъектность. Без правосубъектности субъект с точки зрения права не может считаться таковым в правоотношениях. Поэтому в результате цифровизации, все неидентифицированные пользователи либо исчезнут, либо станут нелегальным элементом цифрового государства, с которыми невозможно будет построить правоотношения. Исходя из этого мы можем сказать, что при обладании необходимого объема информации в виртуальном пространстве Земли, мы можем задумываться о цифровых аналогах правительства, суда и парламента. На данный момент мы знаем о существовании только инструмента цифровизации в руках государства и с этой точки зрения по

мнению д.ю.н. Понкина И.В.: «цифровое государство - это системный организационно-технологический подход (и заложенный в его основу концепт) юридического фреймворка (жестких правовых рамок - *vinculum juris*), топологии и логистики наложения на реально существующую систему государственного управления и связывающий ее правовой статус цифровой инфраструктуры...» [1, с. 49].

Цифровой суд

На данный момент, например, в Российской Федерации действует автоматизированная система ГАС «Правосудие», а также суперсервис «Правосудие онлайн». Функционирование на основе работы алгоритма с базой данных ГАС «Правосудие» возможна. Замещение судьи в рамках дел, не требующих оценки морально-нравственных составляющих на искусственный интеллект (далее ИИ) возможен. С учетом обучаемости искусственного интеллекта за счет работы с системой ГАС, способна развить ИИ как полноценного судью способного разбирать дела с различными возможными вариантами вынесения решений. Как минимум можно начать с института Мирового суда РФ. Например, можно использовать приказное производство для начала действия ИИ в рамках эксперимента. Причем необходимо сказать, что построение системы работы ИИ с базой данных в России более приемлема с учетом использования такой основы как закон вместо прецедента. Закон более прост как источник права, так как является моделью, с которой ИИ, сможет построить схемы возможных вариантов вынесения решения. На основе подачи заявления о выдаче судебного приказа ИИ получает вводные данные по субъектам, информацию о задолженностях и на основе приложенных документов в виде кода, способен составить, выдать судебный приказ и разослать его на указанные электронные почты должнику и заявителю. Также авторы научных статей предлагают объединять базы данных граждан РФ для более эффективной работы. По мнению федерального судьи в отставке Т.Б. Семенуха: «...следует обратить внимание на необходимость подключения судов к сервису «Портал государственных и муниципальных услуг Российской Федерации», чтобы иметь возможность своевременно оповещать лиц о возбуждении судопроизводства в отношении них, устанавливать актуальные средства связи. По состоянию на 31.12.2019 на портале были зарегистрированы 103 млн. россиян» [2, с. 69].

Данный эксперимент будет полезен не только как исследование, также он будет иметь целью перспективу в разгрузке мирового суда от большого объема дел по задолженностям (ЖКХ, налоги, кредитование). Применение ИИ в качестве субъекта правосудия способно сократить расходы на содержание административного аппарата судей, а также увеличит скорость обработки и вынесения решений по делам упрощенного производства. Также необходимо сказать, что в РФ данный эксперимент уже проводится.

Исходя из позиции судьи административной коллегии Московского городского суда Лукьянченко В.В.: «Наряду с внедрением электронного документооборота обсуждается вопрос о внедрении технологий искусственного разума для вынесения решений по делам. В качестве аргументов здесь высказывается механическая беспристрастность машины, отсутствие физиологических отвлечений,

дешевизна и скорость выполнения поставленных задач, способность выбирать наилучшее из большого объема информации, а также прогностические возможности. С учетом этого руководством Московского городского суда была подчеркнута актуальность и необходимость внедрения в процесс судопроизводства новых технологий на основе искусственного разума и систем биометрии в течение ближайших 2-3 лет в целях облегчения и усовершенствования судопроизводства в судах г. Москвы» [3, с. 78].

Также данный эксперимент выведен на финальную стадию зарубежом. «Цифровизация правосудия - одна из ключевых задач в государственной политике Китая, а в последние годы судебные платформы на WeChat появились еще в 12 провинциях, т.к. внедрение ИИ и блокчейна не только сокращает сроки рассмотрения дел и вынесения судом вердикта, но и упрощает процесс судопроизводства» [4, с. 124]. По мнению судьи Верховного суда КНР 90% судебных органов в Китае работают с IT-технологиями.

Все вышеперечисленные нововведения имеют конструктивную критику. По мнению к.ю.н. Солдаткиной О.Л.: «не решены вопросы ответственности ИИ за вынесение решений, а также существует риск превращения данной базы данных с ИИ в «шпиона». Также из-за существования множества дублирующих друг друга систем в сфере правосудия, не облегчают работу реальных судов, а наоборот осложняют». [5, с. 52].

Конечно, есть точка зрения о том, что ИИ не способен выстраивать логические цепочки, использовать психологические приемы, оценивать ситуацию в целом, что, конечно же, является бесспорным. Но, если говорить про ИИ через несколько десятилетий, исходя из темпов развития технологий его обучения, возможно, данная проблема может решиться. Поэтому в будущем нельзя игнорировать факт того, что в рамках цифрового государства будет происходить максимальный отказ от участия человека в роли судьи. Также в рамках цифрового государства возможен переход, к суду, который будет осуществляться за счет выборки из пользователей виртуального пространства. То есть более сложные иррациональные дела, которые требуют присутствия человека, будут рассматриваться компетентными сообществами сети Интернет, которые могут путем голосования вынести своевременное и правильное решение.

Цифровое правительство

В рамках цифрового государства, построение цифрового правительства является одной из основных задач. Ведь правительство является главным органом управления государства. На наш взгляд базисом построения успешного цифрового правительства должно быть наличие в действующем традиционном государстве гражданского общества, способного к самоуправлению. Люди-пользователи, имеющие соответствующее образование и опыт в определенной области способны к коллективному управлению занимаемой ими сферы жизни. Медики, педагоги, военные, инженеры, ученые и т.д.

Возьмем, например, область образования. Сейчас управление в данной сфере осуществляет Министерство просвещения и Министерство науки и высшего образования. Его вполне можно заменить сообществом имеющих

научную степень в области педагогики, действующих педагогов образовательных учреждений, родителей, обучающихся и т.д. Интернет как пространство цифрового государства является объединяющим элементом субъектов сообщества и площадкой их функционирования. Данное сообщество и будет принимать важные решения на долгосрочную перспективу как совет, который будет собираться систематически несколько раз в год. Оперативное управление текущими задачами будут также решаться, но уже на местах непосредственно преподавателями при реализации образовательных программ, стандартов и др. Но, возникает вопрос, кто будет выполнять функцию нынешних ведомств и комитетов? Ответ прост, также обученный ИИ, весь документооборот и бюрократия должны уйти на второй план и не быть препятствием в решении более значимых проблем. Соответственно государственный аппарат в лице государственных служащих подвергнется сокращению. Сообщества граждан – обычных пользователей цифрового пространства вполне способно к самоуправлению. И конечно совет в лице педагогических работников в цифровом государстве способен абсолютно самостоятельно (конечно при помощи компетентных лиц – юристов и IT-специалистов) разработать свои нормы, которые будут регулировать общественные отношения внутри системы образования цифрового государства.

Соответственно это касается не только образования, но и других частей цифрового правительства. Технологические решения в связке с общим цифровым пространством и большой базой информации позволяют убрать такой связующий субъект как государственные служащие. И тенденции на такое удаление существуют в разных странах. «В Академии правительственной цифровой службы Великобритании реализуется ряд образовательных программ для обучения специалистов государственного сектора цифровым навыкам, необходимым при реализации своих функций - руководителей, ответственных за цифровое преобразование госуслуг, государственных служащих для работы в качестве консультантов при внедрении новых технологий в правительственные структуры и т.д.» [6, с. 27]. То есть, как мы наблюдаем, люди осваивают технологии, которые позволяют многие процедуры упростить в умелых руках. Это напоминает работу токаря, который сначала все делал на обычном станке, теперь появился станок ЧПУ (с числовым программным управлением) который нужно освоить, чтобы все делать быстрее и без особых трудозатрат. И как следствие в скором времени автоматизация процессов достигнет такого уровня, при котором даже человек будет не нужен. Аналогичная судьба ждет госслужбу.

Исходя из исследований старшего научного сотрудника института экономики НАН Беларуси Лопатовой Н.: «Анализ зарубежного опыта показывает, что формирование стратегии перехода к цифровому правительству, ориентированного на граждан, - базовое условие наиболее полной реализации возможностей, которые предоставляет цифровая трансформация государственного управления и общества в целом» [6, с. 28]. То есть цифровая трансформация проводится в первую очередь для граждан, которые как раз не жалуяют наличие посредников и бюрократии при предоставлении им государственных услуг и правоприменении.

Цифровой парламент

Норма права, несомненно, выступает достаточно эффективным регулятором отношений в настоящее время. Но сохранится ли эта эффективность в рамках цифрового государства. Будет ли норма права в цифровом государстве иметь такую же форму что и в классическом государстве современности. У ученых есть разные предположения насчет нормы права как регулятора общественных отношений в цифровом государстве: 1) норма останется в том же виде что и в настоящее время. Реальное или виртуальное пространство для нормы права данное обстоятельство не имеет значения 2) норма права вступит в симбиоз с существующими технологиями программирования и будет работать совместно с кодом. 3) норма права преобразуется в код – как универсальный инструмент в законодательстве, правоприменении и судопроизводстве.

Данное обстоятельство будет иметь значение для законодательного процесса. Целью законодательного процесса является разработка нормы, которая будет эффективна и реализуема. В последние годы отечественное законодательство не особо качественно с этой точки зрения. Поэтому появляется много сторонников представления нормы права как кода. В.Д. Зорькин: «упаковать законы в программный код с целью обеспечения стройности, определенности и однозначности содержания нормативных актов». «Представляется, что в не столь отдаленном будущем цифровые технологии позволят модернизировать всю систему законодательства, найти и устранить имеющиеся в ней противоречия» [7, с. 11]. Желдыбина Т.А. к.ю.н.: «Увеличение массива нормативных правовых актов, а также потребность в комплексном анализе с применением знаний из различных областей при их создании ведут к постановке вопроса цифровизации законодательской деятельности, в частности, для получения общественного мнения и проведения экспертиз проектов нормативных правовых актов» [8, с. 30].

Код более подходящий источник т.к. пишется на языке программирования и для цифрового государства это имеет важное значения с точки зрения реального языкового барьера среди населения Земли.

Исходя из этого мы можем предположить, что в цифровой парламент должна быть включена правовая комиссия, состоящая из специалистов юристов-программистов, которые смогут создать юридическую норму и правильно перевести ее в соответствующий код.

Также есть вариант автоматизации процесса законодательства написание кода можно делегировать алгоритму, который сможет смоделировать предполагаемые ситуации, которые могут возникнуть в правоотношениях, просчитать с помощью математического анализа всевозможные варианты поведения и создать необходимый код.

После написания кода как аналога законопроекта необходимо ознакомить цифровой парламент с представленной нормой. Цифровой парламент будет представлять собой выборный орган власти, состоящий из лидеров сообществ. Смена лидеров будет происходить по результатам их деятельности по количеству и качеству принятых ими актов. Голосование будет проводиться гласно в режиме реального времени в Интернет пространстве, где каждый может следить за процессом голосования.

Заключение

Таким образом, из проведенного исследования мы можем сделать вывод, что цифровое государство и его ветви власти представляют собой на данный момент в понимании ученых высокотехнологичный инструмент в руках государств мира. Цифровое государство будущего будет представлять собой самоуправляемое мировое информационное общество, которое будет самостоятельно выполнять такие функции настоящих государств: правоприменение, законотворчество и вынесение судебных решений. Информационное общество уже формируется в данный момент. Мы уже активно заявляем о таком мировом явлении как информационная война. Война за каждого пользователя сети Интернет, который ориентируется в этом мире благодаря той информации, которая ему преподносится с разных сторон. Интернет является на данный момент лишь пространством борьбы государств, но это свидетельствует нам о том, что Интернет это нечто большее, чем просто пространство. В нем есть различные источники информации, которые не просто осмысляются пользователями как газеты и журналы, в них люди общаются, строят взаимоотношения, носящие отрицательный или положительный характер. Информация уже сейчас не уступает в своей значимости как жизненно необходимые привычные для индустриального и постиндустриального общества средства как газ, нефть, вода, электроэнергия. Люди также активно пользуются всеми средствами реального мира в виртуальном. Получают образование, знакомятся с культурой, ведут бизнес, строят отношения с государством и др. Интернет стал важной частью жизни людей. Чем дальше в технологическом плане будет двигаться человечество, тем быстрее будет происходить становление цифрового государства. Есть отрицательные и положительные точки зрения относительно цифровизации человечества, но нельзя отрицать, что это происходит. Данные изменения будут продолжаться вне зависимости от сопротивления ведущих стран мира. В различных формах препятствие этому процессу делают существующие государства отсталыми в развитии общества и технологий. Проблема цифрового государства состоит в том, чтобы недопустить внешнего управления со стороны крупных корпораций, представителей посткапиталистического общества, действующих правительств государства мира. Наша задача с помощью исследований с позиций разных наук и точек зрения создавать концепции будущего цифрового государства и тем самым сохранить будущую независимость и суверенитет цифрового государства.

Пристатейный библиографический список

1. Понкин И. В. Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология // Государственная служба. – 2021. – Т. 23. – № 5 (133). – С. 47-52. – DOI 10.22394/2070-8378-2021-23-5-47-52.
2. Семенуха Т. Б. Цифровое правосудие как часть цифрового государства - конкурентная составляющая современного мира // Наука и современное общество: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник статей II Международной на-

учно-практической конференции, Пенза, 27 марта 2020 года. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. – С. 67-71.

3. Лукьянченко В. В. Правосудие в контексте конкуренции «традиционных» и «цифровых» судей // Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития: Материалы международной научно-теоретической конференции – V Международные «Мальцевские чтения» – памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича, Белгород, 28 апреля 2018 года / Ответственный редактор Мархгейм М. В. – Белгород: ООО ГиК, 2018. – С. 76-79.
4. Фоков А. П. Электронное правосудие в китайской народной Республике: цифровая реальность и организация «умного суда» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 8 (135). – С. 119-124.
5. Солдаткина О. Л. На пути к цифровому правосудию: проблемы и варианты решения // Правовая политика и правовая жизнь. – 2020. – № 2. – С. 51-56.
6. Лопатова Н. Международный опыт формирования цифрового правительства // Наука и инновации. – 2019. – № 5 (195). – С. 24-28.
7. Пашенцев Д. А. Российская законодательская традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. – 2019. – № 2 (266). – С. 5-13. – DOI 10.12737/art_2019_2_1.
8. Желдыбина Т. А. Действие механизма обеспечения процесса законотворчества в современной цифровой реальности // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики-2020: Сборник докладов по материалам Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону - Таганрог, 23-24 октября 2020 года. – Ростов-на-Дону - Таганрог: Южный федеральный университет, 2020. – С. 28-30.

САМУСЕВИЧ Алексей Геннадьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета

БРЫЛЕВА Татьяна Вадимовна

студент 3 курса Иркутского национального исследовательского технического университета

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Авторы анализируют проблемы правового регулирования деятельности правоохранительных органов в сети Интернет и в социальных сетях. Отмечается, что такая деятельность эффективно реализуется в сфере выявления и фиксации преступлений и административных правонарушений. Наряду с этим, выделяются основные проблемы законодательного регулирования, препятствующие в полной мере реализовывать рассматриваемую деятельность. Делается вывод о необходимости внесения в законодательство нормы о получении и использовании информации из сети Интернет, в том числе из социальных сетей, правоохранительными органами для реализации своих полномочий. Предложена редакция ст. 8.1 федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, мониторинг, Интернет, социальные сети, информация, обнаружение и фиксация преступлений и административных правонарушений.

SAMUSEVICH Aleksey Gennadjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Jurisprudence sub-faculty of the Irkutsk National Research Technical University

BRYLEVA Tatyana Vadimovna

student of the 3rd course of the Irkutsk National Research Technical University

LAW ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE INFORMATION SPACE: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

The authors analyze the problems of legal regulation of the activities of law enforcement agencies on the Internet and in social networks. It is noted that such activities are effectively implemented in the field of detection and fixation of crimes and administrative offenses. Along with this, the main problems of legislative regulation that prevent the full implementation of the activity under consideration are highlighted. It is concluded that it is necessary to introduce into the legislation the norms on the receipt and use of information from the Internet, including from social networks, by law enforcement agencies to exercise their powers. The revision of Article 8.1 of Federal Law No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" is proposed.

Keywords: law enforcement, monitoring, Internet, social networks, information, detection and recording of crimes and administrative offenses.

Актуальность темы обусловлена тем, что в настоящее время правоохранительные органы Российской Федерации активно осваивают информационное пространство, в том числе, реализуя свою деятельность в сети Интернет и различных социальных сетях. Самым распространенным и эффективным способом осуществления правоохранительной деятельности на сегодняшний день является выявление и фиксация преступлений и административных правонарушений в различных областях общественной жизни. Ранее мы уже говорили о том, что данное направление правоохранительных органов имеет некоторые проблемы в правовой регламентации [3, с. 123-125]. Данной статьей мы продолжаем цикл исследований путей решения проблемных вопросов, которые возникают в сфере реализации правоохранительных функций в сети Интернет и различных социальных сетях.

Стоит отметить, что изначально такой деятельностью занимались в основном оперативные подразделения правоохранительных органов России с целью противодействия экстремизму, терроризму, а также распространению наркотических средств. Данным вопросом посвящено немало научных работ, как в сфере уголовного права, так и в оперативно-розыскной деятельности. Кроме того, множество научных исследований по криминалистике также посвящены обнаружению и фиксации доказательств в информационной среде.

Как отмечает Г.Г. Саркисян: «Современные технологии и их всеобщее внедрение и, соответственно, рост числа преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий, а также с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, выступают новыми угрозами общественной безопасности. В свою очередь все больше перемещается в информационное пространство и деятельность по обеспечению общественной безопасности, защите прав и свобод человека и гражданина» [4, с. 40].

Итак, на сегодняшний день активной деятельностью по выявлению и фиксации преступлений и административных правонарушений в сети Интернет и социальных сетях зани-

маются органы по обеспечению безопасности дорожного движения (ГИБДД), следственные подразделения Следственного комитета РФ и МВД РФ, а также органы прокуратуры, ФСИН России, ФССП России, ФТС России и др.

Стоит сказать, что все перечисленные правоохранительные органы имеют не только официальные сайты, но и свои аккаунты в социальных сетях и преследуют различные цели. Кроме того, отметим, что рассматриваемая деятельность осуществляется правоохранительными органами в форме мониторинга социальных сетей (ВКонтакте, Инстаграм и т.д.). Полагаем, что подобная деятельность правоохранительных органов, несомненно, играет важную роль и в механизме борьбы с преступностью и административными правонарушениями, а также и в процессе правового воспитания населения. Однако не стоит забывать, что такая активность вызывает тревожность и нарекания со стороны общества, а также имеет некоторые пробелы в правовом регулировании.

В связи с вышеуказанным, можно выделить основные проблемные вопросы, которые препятствуют достижению эффективности правоохранительной деятельности в информационном пространстве:

– во-первых, отсутствует законодательное определение мониторинга социальных сетей именно в целях выявления преступлений и административных правонарушений, а также иных возможных нарушений законодательства;

– во-вторых, в отраслевых нормативных правовых актах, регламентирующих правоохранительную деятельность, отсутствуют нормы, закрепляющие возможность осуществлять профессиональную деятельность в сети Интернет в целом, и в социальных сетях, в частности;

– в-третьих, в структуре правоохранительных не предусмотрены специальные подразделения, в основные полномочия которых входит мониторинг социальных сетей с целью выявления преступлений, административных правонарушений, а также иных нарушений законодательства.

Стоит оговориться, что перечисленные проблемные вопросы не являются исчерпывающими. В целом же можно отметить, что на сегодняшний день правоохранительная деятельность в информационном пространстве имеет слабую правовую регламентацию, что может нанести вред ее осуществлению. Именно эти вопросы и нуждаются в дальнейшем научном осмыслении и законодательном закреплении, что и побудило авторов к настоящему исследованию.

Деятельность правоохранительных органов в социальных сетях можно разделить на мониторинг противоправного контента, наблюдение за группами в социальных сетях и за отдельными пользователями, выявление переписки между преступниками, содействие граждан правоохранительным органам. Работа по наблюдению за отдельными пользователями или закрытыми группами, анализу их сообщений и объявлений, а также внедрению оперативных сотрудников в закрытые сообщества позволяет получать сведения о планируемых преступлениях, выявлять лидеров, следить за их перемещениями и многое другое.

Также сотрудники полиции часто используют социальные сети для привлечения населения к розыску пропавших людей. Создание специальных групп в Интернете или мессенджерах позволяет в короткие сроки привлечь до нескольких сотен человек, существенно повышая тем самым результативность поиска.

Поиск противоправного контента может осуществляться, как сотрудниками правоохранительных органов, так и представителями общественности, поскольку требует большого количества времени. В качестве представителей общественности чаще всего выступают представители различных межрегиональных молодежных общественных движений. Взаимодействие правоохранительных органов с различными организациями позволяет раскрывать некоторые преступления и выявлять административные правонарушения.

В силу широкого использования информационных технологий сети Интернет диапазон правонарушений, которые можно обнаружить с помощью исследования электронных сетей, достаточно велик. Маловероятно, что злоумышленник станет обсуждать в социальных сетях «Facebook», «Vkontakte» или «Одноклассники» заказное убийство или ограбление банка. Но распитие алкоголя несовершеннолетними или акт вандализма вполне может иметь свидетельства в социальной сети, и иногда подобные действия сотрудникам полиции удается предотвратить [2, с. 147].

Таким образом, социальные сети на сегодня – это мощнейший ресурс, который уже нельзя игнорировать. Мониторинг социальных сетей должен стать процессом управляемым и законодательно обеспеченным. Именно благодаря постоянному мониторингу социальной сети удастся не только выявить проблемное поле и решить часть проблемных вопросов, но и оценивать деятельность сотрудников органов власти в данном направлении.

В связи с этим, считаем необходимым предложить законодательно закрепить право правоохранительных органов на получение информации в сети Интернет в целях предотвращения преступлений и административных правонарушений, а также иных нарушений законодательства.

Исходя из этого для регулирования деятельности правоохранительных органов в информационном пространстве на законодательном уровне, необходимо внести в законодательство норму об использовании информации сети Интернет, в том числе и социальных сетей, правоохранительными органами для реализации своих полномочий.

Практически вся информация на сегодняшний день находится в информационном пространстве, безусловно, пользоваться такой информацией можно лишь с помощью информационных технологий. В результате чего, сотрудникам правоохранительных органов необходимы качественные знания и навыки работы с информационными технологиями и информационным пространством. Соответственно необходимы квалифицированные кадры, которых, к сожалению, на данный момент не так уж много. Кроме того, требуется качественная подготовка и повышение цифровой грамотности сотрудников правоохранительных органов для работы в информационном пространстве. Как видится, это позволит предотвращать, выявлять и раскрывать больше преступлений и административных правонарушений, а также привлекать к ответственности лиц, их совершивших.

Также необходимо более тщательное изучение и разработка различных методов, приемов и рекомендаций для обнаружения и фиксации правонарушений и преступлений

в информационном пространстве, усовершенствование законодательства, регулирующего данную сферу деятельности, для того чтобы все действия правоохранительных органов были урегулированы и закреплены в соответствующих нормативно-правовых актах.

Учитывая вышеизложенное, предлагаем дополнить Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ¹ статьёй 8.1, в которой предусмотреть право на получение информации правоохранительными органами в сети интернет в целях предотвращения преступлений и административных правонарушений. Предлагаемая норма предположительно будет следующего содержания:

«ст. 8.1. Право на получение информации в сети Интернет правоохранительными органами в целях выявления и предотвращения преступлений, административных правонарушений и иных нарушений законодательства.»

Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий полномочия в сфере охраны правопорядка, вправе осуществлять поиск и получение любой информации в сети Интернет (мониторинг) с целью выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений и административных правонарушений, а также выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

На территории Российской Федерации мониторинг сетей Интернет правоохранительными органами осуществляется с соблюдением требований законодательства Российской Федерации в области связи, настоящего Федерального закона и иных нормативных правовых актов Российской Федерации» [1, с. 580].

Таким образом, для того, чтобы мониторинг социальных сетей мог полноценно реализоваться и был при этом эффективным инструментом борьбы с противоправным поведением людей, необходимо закрепить данную деятельность в конкретных нормативно-правовых актах за соответствующими субъектами.

Пристатейный библиографический список

1. Брылева Т.В. Правоохранительная деятельность в информационном пространстве: теоретико-правовой аспект: сборник тезисов работ участников XVI Всероссийской конференции обучающихся «Национальное достояние России» и XII Всероссийского молодежного форума «АПК – молодежь, наука, инновации» / Под ред. А.А. Румянцев, Е.А. Румянцевой. – М.: НС «Интеграция», «Офицеры России», «Честь и слава», Минобрнауки России, Минпросвещения России, Минтранс России, Минздрав России, Минсельхоз России, Минкультуры России, Роскосмос, Росвоенцентр, РИА, РАО, РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, 2022. – С. 579-580.
2. Михед А.Д., Безгубова А.А. Использование правоохранительными органами интернета и телекоммуникационных систем для получения информации о криминальном событии // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 3-2. – С. 146-150.
3. Самусевич А.Г., Негамутзянова А.С. Мониторинг социальных сетей в деятельности органов полиции по выявлению правонарушений: проблемные вопросы // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 4. – С. 123-125.
4. Саркисян Г.Г. Модель единого информационного пространства государственных органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности // Труды Академии управления МВД России. – 2021. – № 3 (59). – С. 38-47.

1 Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.

ЧАНБАРИСОВ Андрей Тимурович

аспирант Института права Башкирского государственного университета

РАЗВИТИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С 2001 ПО 2022 ГОДЫ

В настоящей статье рассматриваются некоторые проблемы развития правового противодействия незаконной миграции, возникшие в начале XXI века. Ключевым аспектом исследования является динамика развития нормативно-правового регулирования мер в борьбе с незаконной миграцией. Итогом исследования в данном направлении служит обозначение ключевых задач, которые впоследствии могут помочь в решении проблем нормативно-правового регулирования в области борьбы с этим негативным явлением.

Ключевые слова: незаконная миграция, нормативно-правовое регулирование, миграционная политика, Концепция миграционной политики, Стратегия национальной безопасности.

CHANBARISOV Andrey Timurovich

postgraduate student of the Institute of Law of the Bashkir State University

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF THE FIGHT AGAINST ILLEGAL MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION FROM 2001 TO 2022

This article discusses some of the problems of developing legal counteraction to illegal migration that arose at the beginning of the 21st century. The key aspect of the study is the dynamics of the development of legal regulation of measures in the fight against illegal migration. The result of the study in this direction is the designation of key tasks that can subsequently help in solving the problems of legal regulation in the field of combating this negative phenomenon.

Keywords: illegal migration, legal regulation, migration policy, concept of migration policy, national security strategy.

Современная миграция влияет на все стороны развития общества: экономику и политику, демографию и национальные отношения, идеологию и религию, преступность и правопорядок [1, с. 236]. В настоящее время острота проблемы незаконной миграции в России, безусловно, сохраняется, но очевидно и определенное улучшение ситуации, что стало следствием принимаемых государством мер, в том числе на законодательном уровне. С учетом того, что этот вопрос давно приобрел общемировой характер, необходимо объединение усилий заинтересованных государств в области укрепления соответствующих правовых механизмов и углубления международных контактов в этой сфере.

Ответственность за незаконную миграцию (в том числе за её организацию) является ключевым инструментом в сфере ее противодействия и предусмотрена почти во всех развитых странах. В сложившейся на сегодня ситуации большое количество стран осознают необходимость во взаимодействии по вопросу противодействия незаконной миграции. В целях решения этой проблемы создаются оперативные каналы связи между государствами и международными организациями. В рамках такого сотрудничества идет активный обмен информацией между компетентными органами стран-партнеров.

Международное сотрудничество в сфере борьбы с незаконной миграции способствует контролю за потоком незаконной миграции, пресечением трансграничной преступности, созданию необходимых условий для реализации норм правового регулирования данных явлений. Россия имеет международные договоры со многими странами, примером тому может служить Соглашение о сотрудничестве, подписанное между странами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) [13].

Во многих регионах мира наблюдается тенденция увеличения числа миграционных кризисов. Согласно данным Организации Объединенных Наций еще двадцать лет назад число мигрантов в мире составляло порядка 173 миллионов человек, в 2019 году оно увеличилось до 272 миллионов, а уже в прошлом году, несмотря на пандемию коронавируса, количество международных мигрантов достигло отметки 280 миллионов человек [4].

Очевидно, что неконтролируемое развитие миграционных процессов может создавать социальную напряженность, ухудшать ситуацию на внутреннем рынке труда, провоцировать растущий спрос на дешевую, нелегальную рабочую силу [6]. Необходимость обеспечения эффективных мер по защите прав мигрантов, предупреждению их незаконного ввоза, а также вербовки террористическими группами отмечена в проекте Киотской декларации 14 Конгресса ООН [9] в числе основных задач по активизации мер по предупреждению преступности. Несмотря на существующие в мире глобальные финансово-экономические трудности «Российская Федерация — один из центров миграционного притяжения, в том числе и для трудовых мигрантов» [10].

Рассматривая вопрос о количестве незаконных мигрантов в нашем государстве, нельзя точно определить их число, можно лишь сослаться на оперативные данные МВД России, о том, что в 2021 году их число колебалось в пределах от 800 тысяч до 1 миллиона человек. В основном это приезжие из стран СНГ [2].

В России незаконная миграция является одной из ключевых угроз обеспечения государственной безопасности. Данный факт следует более детально рассмотреть в динамике правовых изменений законодательства. Основой миграционной политики современной России после распада СССР стал Указ Президента Российской Федерации № 1668 от 9 августа 1994

года [14]. Этим документов впервые намечены цели и задачи государственной политики в области миграции, определены субъекты незаконной миграции: эмигранты неконтролируемые, эмигранты нелегальные, иммигранты незаконные.

В 1997 году Правительством Российской Федерации принята Федеральная миграционная программа на 1998–2000 годы [8], которая была продлена до 2001 года, а в 2002 году – утратила силу. Только 27 апреля 2012 года на очередном заседании Совета безопасности РФ после многократных попыток сформировать и официально закрепить государственную стратегию миграционной политики, учитывая содержание различных вопросов и взглядов, была утверждена «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [3] (далее – Концепция 2012 года).

По своей сути, Концепция 2012 года содержала необходимые принципы и основные направления деятельности Российской Федерации в сфере миграции, которые позволяли решать вопросы стратегического курса страны. В ней также были определены принципы, цели, задачи и механизмы реализации государственной миграционной политики России. По мнению В. А. Силантьевой, в рамках Концепции 2012 года были реализованы (или частично реализованы) направления содействия добровольному переселению соотечественников; упрощен порядок привлечения иностранных граждан, являющихся работниками аккредитованных представительств иностранных юридических лиц; усовершенствованы механизмы квотирования и патентования для иностранных работников [12].

Прошедший период привел к переосмыслению накопленного опыта. Претерпел изменения механизм реализации государственной миграционной политики и в 2018 году была принята «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» [18] (далее – Концепция 2018 года).

Существенное отличие Концепции 2012 года от Концепции 2018 года выразилось в распределении ролей между структурными элементами механизма государства: Президентом определяются основы миграционной политики, которые в свою очередь должны быть обеспечены обеими палатами Федерального собрания, а координация деятельности федеральных органов и представление ежегодной отчетности возложена на Правительство России. Важным недостатком Концепции 2018 года послужило исключение понятийного аппарата, который был указан в пункте 5 Концепции 2012 года (к примеру, не отражено понятие «незаконной миграции»). Преимуществом же стало то, что документ не допускает двойных толкований.

В рамках работы по реализации Концепции 2018 года 6 марта 2020 года Президент РФ поручил администрации сформировать рабочую группу и совместно с Правительством РФ обеспечить корректировку плана мероприятий [7].

На протяжении исследуемого периода также существовали и другие документы, определяющие вопросы национальной безопасности в области миграции. 17 декабря 1997 года Президентом РФ была утверждена «Концепция национальной безопасности Российской Федерации» [15] (далее – Концепция национальной безопасности 1997 года). В этом правовом акте массовая миграция относится к числу факторов, представляющих опасность государству, которая в свою очередь становится следствием нарастания национализма, национального и регионального сепаратизма.

10 января 2000 года в Концепцию национальной безопасности 1997 года Президентом РФ [16] внесены изменения и дополнения, которые значительно конкретизировали, что именно «неконтролируемая миграция», представляет опасность, так как не каждая миграция создает угрозу. 12 мая 2009 года Концепция национальной безопасности 1997 года сменилась на «Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [17]. В ней обращено внимание на нарастание угроз, связанных с неконтролируемой и незаконной миграцией.

Существенный вклад в развитии нормативно-правового регулирования борьбы с незаконной миграцией был внесен с принятием новой Стратегии национальной безопасности 2021 года [19]. В документе изложен ряд задач, поставленных для достижения обеспечения государственной и общественной безопасности, целей внешней политики Российской Федерации, в том числе противодействие незаконной миграции и развитие международного сотрудничества в области ее противодействия.

В Российской Федерации борьба с незаконной миграцией осуществляется в том числе через комплексное взаимодействие различных государственных структур: Главного управления по вопросам миграции МВД Российской Федерации, органов Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Пограничных органов ФСБ России, Федеральной таможенной службы и Федеральной службы по труду и занятости населения.

Проявляется это в том числе в проведении совместных контрольно-проверочных и оперативно-розыскных мероприятий. В качестве примера можно отметить «проведение проверочных мероприятий в международных терминалах аэропортов, вблизи международных автомобильных пунктов пропуска через Государственную границу Российской Федерации с целью выявления иностранных граждан, въезжающих или выезжающих с нарушением административно-го законодательства Российской Федерации в сфере миграции» [5].

Незаконная миграция создает предпосылки для возникновения дополнительных рисков в виде возможной дестабилизации общественно-политической обстановки, роста ксенофобских настроений, создания экстремистской и террористической угрозы. В этой связи Президент Российской Федерации 17 февраля 2022 г. в ходе ежегодного расширенного заседания коллегии МВД России призвал выработать самые жесткие меры в отношении нелегальных мигрантов и преступных группировок, выстраивающих свой бизнес на нелегальных мигрантах и за экстремизм [11].

Немаловажным аспектом выступают и современные средства коммуникации. Доступность сети Интернет с любого мобильного устройства значительно облегчает задачу вербовщикам, которые активно апеллируют к проявлениям национализма и религиозного радикализма.

Таким образом, следует отметить, что нормативно-правовое регулирование борьбы с незаконной миграцией развивалось в Российской Федерации с учетом складывающейся обстановки как внутри государства, так и за ее пределами. К сожалению, имеется и ряд недостатков, в частности отсутствие единой терминологии понятий, относящейся к незаконной миграции, которая закрепились бы законодательно.

Рассмотрев становление российского законодательства по теме исследования в динамике развития можно заметить наличие пробелов в праве, что должно преодолевать всеми институтами государства, необходимо также продолжать

взаимодействие с иностранными государствами и международными организациями, обмениваться и перенимать передовой опыт в борьбе с незаконной миграцией.

Пристатейный библиографический список

- Агафонов С. И., Адмиралова И. А. К вопросу о борьбе с незаконной миграцией в России // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 5. – С. 236-239.
- Какие угрозы несет России неконтролируемая миграция. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/09/12/kakie-ugrozy-neset-rossii-nekontroliruemaia-migraciia.html> (дата обращения: 28.04.2022).
- «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» утвержденная Президентом Российской Федерации (утратил силу).
- Количество международных мигрантов 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/docs/MigrationStockDocumentati_on_2019.pdf (дата обращения: 19.04.2022).
- Нигматуллин Р. В., Сулейманова Р. Р. Миграционная политика государства как фактор его стабильности в современном мире // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 12 (127). – С. 372.
- Нигматуллин Р. В., Сулейманова Р. Р. Миграция как фактор развития современного государства и общества // Коренные народы современной России: этноязыковые, правовые, социокультурные и духовные проблемы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной объявленному ООН в 2019 году Международному Году языков коренных народов (г. Уфа, 26 апреля 2019 г.) / отв. ред. Л. А. Иткулова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. – С. 215.
- Перечень поручений по вопросам реализации «Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 годы» Президента РФ В. В. Путина от 06 марта 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62960> (дата обращения: 19.04.2022).
- Постановление Правительства Российской Федерации от 10 ноября 1997 г. № 1414 «О Федеральной миграционной программе на 1998–2000 годы» (утратило силу).
- Проект Киотской декларации «Активизация мер предупреждения преступности, уголовного правосудия и обеспечения верховенства права: навстречу осуществлению повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (Принята делегатами в г. Киото 7-12 марта 2021 г.) // Документ не был принят Генеральной Ассамблеей ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2021/03/1398122> (дата обращения: 19.04.2022).
- Прудников А. С. О некоторых аспектах административно-правового регулирования внешней трудовой миграции // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 5. – С. 227.
- Путин призвал МВД высылать мигрантов из страны за экстремизм. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/17/02/2022/620e290d9a79477ade256877> (дата обращения: 28.04.2022).
- Силантьева В. А. Концепция государственной миграционной политики РФ: содержание и реализация // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – № 4. – 2020. – С. 147.
- «Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств - членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с преступностью» (заключено в г. Ташкент 11 июня 2010 г.) // Бюллетень международных договоров. – 2013. – № 2. Данный документ вступил в силу 11 января 2011 г.
- Указ Президента Российской Федерации № 1668 от 9 августа 1994 г. «О Федеральной миграционной программе» (утратил силу).
- Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении концепции национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу).
- Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу).
- Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (утратил силу).
- Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» (в ред. от 05.11.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 45. – Ст. 6917.
- Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (в ред. от 05.07.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.

ДОСАКАЕВ Алимберди Базарбиевич

старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ УСТАВ ОТ 22 ИЮЛЯ 1822 Г. «ОБ УПРАВЛЕНИИ ИНОРОДЦЕВ» (ПАМЯТИ М. М. СПЕРАНСКОГО)

Посредством сравнительно-правового исследования, а также ретроспективного анализа законодательства о коренных народах автор приходит к выводу, что, в отличие от правовых актов зарубежных государств, отечественное законодательство дореволюционной России отличалось установлением демократических институтов государства и общества в реализации гарантированных прав коренных народов Российской империи.

Ключевые слова: коренной народ, инородцы, правовой статус, управление, реформа, обычай, землепользование, повинности.

DOSAKAEV Alimberdi Bazarbievich

senior lecturer of State and civil law disciplines sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

THE HIGHEST APPROVED CHARTER OF JULY 22, 1822 «ON THE MANAGEMENT OF NON-RUSSIANS» (IN MEMORY OF M. M. SPERANSKY)

Through a comparative legal study, as well as a retrospective analysis of the legislation on indigenous peoples, the author comes to the conclusion that, unlike the legal acts of foreign states, the domestic legislation of pre-revolutionary Russia was distinguished by the establishment of democratic institutions of the state and society in the implementation of the guaranteed rights of the indigenous peoples of the Russian Empire.

Keywords: indigenous people, non-Russians, legal status, management, reform, custom, land use, duties.

Досакаев А. Б.

Важным историческим событием в регулировании правового статуса коренных народов России стало принятие Устава «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 года. Разработчиком данного правового документа стал государственный деятель, реформатор, законодатель граф Михаил Михайлович Сперанский. После экспедиции М.М. Сперанского, посвященной изучению состояния Сибири при активном содействии его подчиненного Г.С. Батенькова, был и составлен Устав «Об управлении инородцев» состоящий из 365 параграфов объединенный в 11 глав. В настоящее время данному памятнику законодательного творчества М.М. Сперанского ученые дают самые высокие оценки. Ретроспективный анализ в регулировании правового статуса коренных народов Российской империи в отличие от правового статуса коренных народов США в рассматриваемый период показывает, что отечественная правовая доктрина в данном вопросе посредством правовой регламентации статуса аборигенного народа включает широкий перечень прав и привилегий, чем северо-американское государство, которое приживалось «доктрины открытия». Данная доктрина была основана на том, что переселившиеся европейцы имеют расовое и культурное превосходство, в том числе право претендовать на любые земли, независимо от того, проживают ли там аборигены [1].

Отметим, что с принятием Устава «Об управлении инородцев» термин «инородцы» стал шире и чаще использоваться в официальных документах Российской империи, чем термины «туземцы» и «иноземцы» относительно народов Сибири. Кроме того, М.М. Сперанский является не только автором Устава «Об управлении инородцев», но и параллельно им велась работа над Уставом «О сибирских киргизах», которая также была принята 22 июля 1822 года.

Учитывая, что М.М. Сперанский на момент подготовки проектов вышеуказанных актов был сибирским генерал-губернатором, соответственно Устав «Об управлении инородцев» больше был направлен на регулирование прав аборигенного населения Сибири, оставив без внимания правовое положение коренных народов Северного Кавказа [2]. Так, в § 1 Главы I «Разделение», закреплялось положение о том, что проживающие в Сибири «инородные племена», именуемые «ясачными», разделяются на три группы: оседлые, то есть живущие в городах и

селениях; кочевые, занимающие определенные места по временам года; бродячие или ловцы, переходящие с одного места на другое по рекам и урочищам [4].

К оседлым инородцам, главным образом относились «сибирские татары». Согласно содержанию Глава II «Общие права оседлых инородцев» коренные народы, исповедующие христианство, приравнивались к россиянам, исповедовавшие языческую или «магометанскую» веру именовались оседлыми инородцами. Правовой режим указанной категории инородцев приравнивался к тяглым сословиям – мещанам и государственным крестьянам.

Кочевые инородцы (буряты, якуты, эвенки, хакасы и др.) в соответствии с § 24 Главы V «Общие права кочующих инородцев» составляли особое сословие равное крестьянам отличавшиеся в формах и способах управления. Уставом устанавливалось, что управления кочевыми инородцами осуществляется собственными родоначальниками и почетными людьми (§ 34) по степным законам и обычаям, которые свойственны каждому племени (§ 35). Инородцам данной категории разрешалось наниматься на частную работу только с ведома родового начальства, как в особом положении о долгах и обязательствах (§ 33). Право отлучаться в соседние города, селения или ярмарки разрешалось представителям общины по словесному согласию их старшин, если же члены общины выезжали более чем за 500 верст (533,4 км.) требовалось получение письменного согласия от земской полиции (§ 52). Кроме того, инородцы наделялись правом реализовывать произведенные товары и лов на ярмарках (§ 45), кроме продажи им или мены алкогольных напитков (§ 46), а также запрещались ввоз и торговля алкоголя в стойбищах (§ 47). Запрещалась государственным служащим торговля с кочующими народами под любым предлогом (§ 48) и ручаться за них по каким либо обязательствам (§ 49). Несмотря на то, что кочующие инородцы были наделены как и все подданные повинностями (§ 40), они освобождались от рекрутских наборов (§ 42), однако для охраны государственных границ казацкие полки комплектовались в том числе из представителей кочующих инородцев (§ 43).

Анализируемый правовой документ показывает, что рассматриваемая глава Устава, посвященная кочевым инородцам в отличие от оседлых и бродячих категорий инородцев содержит

большое количество правовых норм, посвященных регулированию общественных отношений гражданско-правового, уголовно-правового характера. Так, кочующим инородцам во владение предоставлялись земли (§ 26). На распределенных между родами землях и водных объектах инородцы имели право свободно заниматься земледелием, скотоводством и промыслами (§ 29). Отдельного внимания заслуживает гарантированность прав кочующим народам, где законодатель не только запрещал иным подданным Российской империи самовольно селиться на землях, которые находились во владении у инородцев (§ 31), но и пользоваться природными объектами для производства промыслов одним племенем, без согласия другого племени, наделенных правами на выделенные земли (§ 30). Гарантированность прав кочующих инородцев заключалась также в том, что они имели права отдавать своих детей для обучения в учебные заведения с разрешения гражданских губернаторов (областных начальников) имели право учреждать собственные школы (§ 58). Не возбранялось исповедовать любую религию, отправлять Богослужение (§ 53), а инородцы принявшие христианскую веру с согласия епархиального архиерея имели право строить церкви (§ 54), иным инородцам из числа кочующих народов разрешалось строить молитвенные дома с разрешения гражданского губернатора (§ 55). Инородцы также не лишены были права на коллективное и индивидуальное обращение (жалобы) в случае нарушений их гарантированных прав (§ 59).

Правовой статус бродячих инородцев или ловцов (ненцы, коряки, юкагиры) регулировался положениями Главы VI (Права бродячих инородцев). Согласно положениям Устава «Об управлении инородцев» коренные народы отнесенные к категории бродячих или ловцов приравнивались в правах с кочующими инородцами (§ 61). Исключение составляли вопросы землепользования, бродячие инородцы ограничивались в назначении земель и разделении их по участкам между указанными категориями инородцев. В границах проживания оседлых и кочующих инородцев, для хозяйственной деятельности бродячим инородцам предоставлялись определенные земельные полосы с правом перехода для ведения промыслов от уезда одной губернии в уезд другой губернии без всяких ограничений. Кроме того, бродячие инородцы освобождались от денежных повинностей и не несли никаких расходов по содержанию Степного управления (§ 62).

Самоуправление бродячими инородцами осуществлялось представителями родоплеменной верхушки и старостами (§ 111). Управлении оседлыми инородцами проводилось избираемыми старостами по общим правилам выбора старост в русских селениях (§ 88). В случае если количество оседлых инородцев достигало установленных норм, тогда могла быть образована отдельная волость в местах их традиционного проживания (§ 89). Особенностью управления кочующими народами заключалось в том, что каждое стойбище или улус состоящий из 15 и более семейств образовывали собственное родовое управление (§ 94). Каждому стойбищу присваивалось название, а если название отсутствовало, тогда по названию первого старосты (§ 99). Староста родового управления избирался или наследовал должность по обычаям (§ 97). Помощники старост назначались по выбору общины на определенное или неопределенное время (§ 98) из числа почетных и лучших представителей общины (§ 96). Производство в родовом управлении проводилось в устной форме (§ 101). Сами же родовые управления по общим этническим признакам подчинялись Управе (§ 103) состоящей из головы получавшему данную должность по наследству или по выбору согласно степным обычаям (§ 104), двух выборных и писмоводители назначаемые общиной на определенное или неопределенное время (§ 107). Старосты родовых управлений, главы Управы выполняли возложенные на них обязанности по должности не получая жалования от своих общин (§ 142) за исключением писмоводителей (§ 142).

Регулирование правового статуса инородцев заключалась в том, что на указанные народы распространялась не только особая система управления, но и управление этими народами осуществлялась с учетом их этнокультурных особенностей. Отметим, что реформа М.М. Сперанского по принятию Устава «Об управлении инородцев» немного затронула и самоуправление народов Кавказа, так как в соответствии с нормами законодательства Российской империи инородцы должны были управляться на основе норм собственных обычаев и традиций своими старостами (ханами, беками). Например, шапсути, натухайцы и абадзехи, называемые демократическими племенами, для принятия важных решений созывали депутатов или народных

представителей двумя способами. По первому способу от каждого племени назначали определенное число доверенных лиц, для выбора которых племя должно было предварительно собраться. Вторым способом выбор проходил у племени от «Тахапха», которое можно сравнить с церковными приходами [3].

Сравнительно-правовой анализ регулирования правового статуса коренных народов (иноземцев) того времени показывает, что Устав «Об управлении инородцев» в отличие от других правовых актов зарубежных государств не только отличался прогрессивностью в гарантировании прав коренным народам Российской империи, развития демократических институтов государства и общества, но и созданием правовой основы для дальнейшего развития отечественного законодательства дореволюционной России. Положения Устава «Об управлении инородцев» в дальнейшем нашли свое отражение в других правовых актах. Так, в части разделения народов Кавказа на группы, в отношении всех подконтрольных территорий Российской империи на Кавказе, стала регулироваться «Учреждением для управления Кавказской областью» 1827 г. На основании этого уложения все коренные народы Кавказа стали классифицироваться на внутренних и внешних. К внутренним отнесли ногайцев и других магометан, управляемых своими обычаями. К внешним (залинейным) – проживавших на правом берегу Терека и Малки [5]. В этом же году был принят Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области, что стало важной вехой в регулировании правового статуса коренного населения Кавказа [6]. При этом повинности, налагаемые на народы, находящиеся в подчинении приставов, были не совсем равными, но при этом от повинностей освобождались малоимущие вдовы, больные и калеки, новые члены общины, духовенство, мурзы, головы, старшины, аульные старосты. В частности, в § 24 данного Устава, было предусмотрено: «...поскольку магометане ведомства Главного Пристава не обязаны никакими денежными платежами казенной подачи, но взамен того управляет другие повинности, повинностей этих, производится в степени неуровнительной: одни производят ежегодную разводку казенного провианта на продовольствие войск содержат сверх того почтовые станции; другие делают такую разводку провианта только случайно в количестве весьма меньшем, и меньшее число содержат станции; третьи никакой не несут повинности, отправляя незначительную и более бесполезную общую с калмыками очередь на кордоны, поэтому обязанность Главного пристава будет, приведа в ближайшую известность сумму всех таковых расходов, как денежных, так и натурой каждому народом, изыскать средства сравнения в оных, применяясь к образу жизни, занятия и хозяйства, дабы взамен того, что лежит на одних отбывать натурой, на других было возложено отправление денежным наймом и т.п.»¹.

Пристатейный библиографический список

1. Правовое положение коренных народов в России и зарубежных странах : монография / под ред. А.Ф. Малога, С.В. Бухмина, Р.Ш. Гарипова. – Москва: Проспект, 2021. – 360 с.
2. Васильева Л.Н. Регулирование прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов: опыт Российской Федерации // Журнал российского права. – 2005. – № 6. – С. 153-158.
3. Любе Л.Я. Черкессия историко-этнографические статьи. Северо-Кавказский филиал традиционной культуры М.Ц.Т.К. «ВОЗРОЖДЕНИЕ». Геремышляны, 1990. – С. 22.
4. Устав от 22 июля 1822 об управлении инородцев. // Свод законов Российской империи. Кн. Первая. Т. 1. – СПб. – 1912. – С. 531-586.
5. Учреждение для управления Кавказской Областью // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. II. – 1827. – № 878. – С. 145.
6. Устав от 6 февраля 1827 для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. II. – 1827. – № 878. – С. 153.

1 Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области. Л. 34–37.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-94-96

ЕВГРАФОВА Ирина Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент, декан Факультета естественнонаучного и гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

БУТАКОВА Надежда Александровна

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и международного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

ДОКТРИНА «СВОБОДНОГО МОРЯ» В СОЧИНЕНИЯХ ГУГО ГРОЦИЯ

В работе показано, что учение Гуго Гроция представляет собой одну из первых попыток теоретического осмысления феномена национального государства, обладающего такими признаками, как территория, верховенство и независимость, публично-правовая природа и т.п. Оно, кроме того, служит теоретическим фундаментом разработанной голландским ученым доктрины «свободного моря», заложившей юридическую основу межгосударственного взаимодействия в политической, торговой и военной сферах. Важнейшая заслуга Гроция состоит в утверждении права всех суверенных государств на свободный доступ к открытому морю, в равной мере принадлежащему всем народам по «естественному праву».

Ключевые слова: естественное право, волеустановленное право, суверенитет, национальное государство, свобода торговли, «свободное море», «закрытое море».

EVGRAFOVA Irina Vladimirovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Dean of the Faculty of Natural Science and Humanities Education of the St. Petersburg State Marine Technical University

BUTAKOVA Nadezhda Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of State and international law sub-faculty of the St. Petersburg State Marine Technical University

THE DOCTRINE OF THE “FREE SEA” IN THE WRITINGS OF HUGO GROTIUS

It is shown that the doctrine of Hugo Grotius is one of the first attempts of theoretical comprehension of the national state phenomenon, which has specific characteristics such as territory, sovereignty and independence, public-legal nature. The Grotius doctrine is also the theoretical foundation of the doctrine of the “free sea”, which has laid the legal basis of interstate cooperation in political, trade and military spheres. The most important merit of Grotius is the approval that all sovereign states have right to access the sea free, because the sea is equally belonging to all peoples under the “natural law”.

Keywords: natural law, will-established right, sovereignty, national state, freedom of trade, “free sea”, “close sea”.

Евграфова И. В.

Бутакова Н. А.

Наиболее полное и развернутое применение теоретико-правовые идеи нашли в учении Гроция о международном праве, прежде всего в разработанной им доктрине свободного моря. Принцип свободного мореплавания и свободной торговли впервые получил детальное обоснование в трактате «О свободном море» («De mare liberum») (1609 г.), принадлежащем к числу наиболее важных работ голландского юриста. Данный трактат появился на основе трактата «Комментарии о праве добычи» («De iure praedae commentarius»), написанного в 1604-1605 гг., который сыграл важную роль в становлении взглядов Гроция. В нем голландский ученый доказывает беспочвенность испанско-португальских претензий на монопольное обладание колониальными богатствами.

Формирование концепции свободного моря происходило в тесной связи с политическими событиями в Европе. Ее отражение в трактатах «Свободное море» и «О праве войны и мира» определялось насущными потребностями голландской колониальной торговли, подвергавшейся ограничениям сначала со стороны Португалии и Испании, а затем – Англии. Гуго Гроций юридически обосновал позицию Голландии и одновременно заложил фундамент важнейшей доктрины морского права [1].

Колониальные завоевания, опосредующие Великие географические открытия, помимо обогащения Европейских государств также привнесли определенную необходимость

в оправдании их самих. То есть появилась необходимость в новых философско-правовых доктринах, которые послужили бы обоснованием, во-первых, колонизации, а во-вторых, решения проблем, возникающих в результате столкновения интересов различных стран. В ответ на нужды мореплавания возникли юридические принципы, среди которых одним из важнейших стал принцип «свободного моря» («mare liberum»), впервые сформулированный в начале XVII века Гуго Гроцием.

Принцип «свободного моря» был сформирован после открытий Христофора Колумба и Испании, завладевшая их плодами в Вест-Индии, а Португалия, имевшая свои приоритеты в торговле с Востоком, в 1494 году заключили под эгидой Папы Римского Александра VI Тордесильяский договор. Согласно последнему, демаркационная линия раздела земного шара проходила примерно по 50-му меридиану западной долготы. Это означает, что все остальные державы исключались из права возможности участвовать в разделе мира.

Разумеется, в данной ситуации остальные страны мира показали резкое неприятие создавшейся ситуации. Могущество Испании и Португалии было сломлено (разгром «Непобедимой армады»), и Тордесильяский договор утратил силу задолго до своей официальной отмены в 1777 году. Изначально под негласной государственной опекой Нидерландов и Англии в заморские владения Испании и Португалии стали

пробиваться пираты, привлеченные несметными богатствами. На родине пиратов встречали как героев, в снаряжении их кораблей с охотой участвовали вельможи и короли. В конце XVI – первой половине XVII века особенно успешны в заморских походах были Голландцы. Второй период заморских колониальных захватов называется «голландским», а период господства заморской политики голландцев обоснован торговым принципом «свободы морей»...

Принцип «Свободы морей» был введен в основу колониальной политики голландцами. В 1585 году испанский король Филипп II приказал сжечь голландский торговый флот в порту Лиссабона и запретил своим подданным любые экономические контакты с Республикой Соединенных провинций. И голландские купцы продолжили с помощью разных уловок вести торговлю с колониями Испании и Португалии.

Совместное выступление Англии и Голландии против несправедливого испано-португальского раздела колоний вовсе не означали признание Англией принципа «свободного моря». Благодаря своему географическому положению Англия имела преимущество: она могла перекрыть Голландии выход в океан, и английские юристы и публицисты приложили много усилий, стремясь обосновать этот фактор.

Противоречия Англии и Голландии обострились в вопросе рыбной ловли у британских берегов, но все же главное соперничество разгорелось из-за противоборства английской и голландской Ост-Индских компаний.

В противостоянии Англии и Голландии в начале XVII века нашли свое выражение две концепции отношения государств к морским пространствам. Одна из них, предопределяла юрисдикцию государств на территорию морских пространств, которую они могли контролировать исходя из независимости позиций, позволяющих осуществить выход к морю, и удаленности других государств. Данная концепция озаменовалась принципом «закрытого моря».

Другая концепция исходила из принципа невозможности присвоения кем-либо открытого моря. Главным аргументом данного принципа, его основоположник, Гуго Гроций считал природную характеристику моря, неотъемлемые свойства которого – текучесть, подвижность и неограниченность. Соответственно никто не может, независимо от прибрежного соприкосновения с морем, владеть им безраздельно [1].

Поводом для столь жесткого противостояния послужил захват в июле 1603 года португальской карраки «Св. Екатерина» возле Сингапура адмиралом Ост-Индской компании ван Гемскером (van Heemskerck). Судно было нагружено китайским фарфором, который был продан в Амстердаме за 3,5 млн. гульденов. Китайскую посуду в Голландии еще много лет называли «карраковым фарфором». Это событие стало резонансным в межгосударственном отношении Голландии и Португалии, даже в эпоху массового распространения пиратства. Законность такого захвата оспаривалась в голландском суде. Чтобы юридически обосновать справедливость действий своего адмирала, компания прибегла к помощи Гуго Гроция, который должен был доказать, что португальцы незаконно запрещают Голландии вести торговлю в Индийском океане, а потому голландцы были правы по праву сильнейшего захватить судно с добычей. Тем не менее, в силу того, что Голландия готовилась к заключению перемирия с Испанией, труд Гроция не был опубликован.

Хотя влияние и значение трактата «Mare Liberum» были и остаются независимыми от захвата «Св. Екатерины», трактат не может быть полностью понят за пределами аргументов, частью которого он явился. Гроций защищал захват голландцами судна «Св. Екатерина» на основе набора естественных законов, которые основывались на Божественной воле. Двумя основными законами природы были самооборона и самосохранение. Он определил самосохранение как приобретение и сохранение чего-либо полезного для жизни, процесс, который предполагал, что Бог даровал дары своего творения всем людям коллективно, но не одному в особенности: только через физический захват (possessio), ведущий к использованию (usus), может быть получено владение (dominium). Еще два закона: безобидность (никому не причинять вреда) и воздержания (не изымать чужое имущество) – устанавливают пределы для этих первичных законов; из

них следуют еще два закона справедливости: что злые деяния должны быть наказаны и что добрые дела должны быть вознаграждены (De Jure Praedae, PP. 8, 10, 11, 13, 15) [9]. В совокупности эти законы легли в основу суждения Гроция о голландских отношениях в Ост-Индии. Если можно доказать, что португальцы совершили злодеяния против голландцев и их союзников из числа коренного населения, и если можно доказать, что ван Гемскер участвовал в справедливой войне против португальского капитана судна «Св. Катарина», тогда его трофеи, полученные в этой войне, будут законным призом для корпорации, от имени которого он действовал.

Когда Гроций опубликовал свой трактат «Mare Liberum», то в частях 5 и 6 он не упомянул о деле «Св. Катарина» и о фактах португальской агрессии в Ост-Индии. Вместо этого он привел аргументы в опровержение скептицизма в отношении естественной основы моральных разграничений («свободное море»). Вопреки инструменталистской точке зрения о том, что такие различия были изобретены исключительно для того, чтобы принести пользу сильным в их правлении над бессильными, Гроций утверждал, что законы природы являются продуктом Божественной воли и что они могут быть универсально поняты путем применения естественного разума. Он утверждал, что Бог сотворил мир в общем для всего человечества, но, если человек приобрел имущество посредством своего труда, то согласно закону природы он может использовать данное имущество без ущерба для других [4].

Свобода судоходства и торговли является примером этих принципов применительно к универсальному обществу. Он предполагал, что расширенная аргументация Mare Liberum будет пониматься как общее заявление о праве на свободу торговли и судоходства. Тем самым Гроций вызвал длительные и фундаментальные споры относительно основ международных отношений, пределов национального суверенитета и отношений между суверенитетом (империей) и владением (доминиумом), которые гарантировали ему длительную славу и известность.

Однако, не смотря на то, что целиком трактат Гроция увидел свет слишком поздно, XII глава была напечатана в 1609 году под названием «Свободное море». В нем автор обосновывал свою концепцию по следующей схеме:

- 1) по праву народов судоходство свободно кому угодно и к кому угодно;
- 2) лузитане (португальцы) не имеют права собственности по отношению к индийцам ни по титулу открытия, ни по титулу папского дарения, ни по титулу войны;
- 3) море и право плаванья в Индию также лузитанам не принадлежит;
- 4) торговля по праву народов свободна между кем угодно;
- 5) лузитане монополии на торговлю с индийцами не имеют;
- 6) значит, запрещая торговлю, лузитане не опираются ни на какое право;
- 7) следовательно, батавы (голландцы) сохраняют право на индийскую торговлю (а также могут защищать его с оружием в руках) [1].

Основной принцип, сформулированный в данном трактате, гласит, что военная сила не может подменять собой право, естественные законы продолжают действовать даже в период войны.

Таким образом, помимо оборонительных и экономических направлений колониальной политики крупных держав, оформлялась еще и идеологическая ее составляющая. И главным политико-идеологическим преткновением стало море, точнее возможность свободного судоходства в Мировом океане.

Отношение к морю у Гроция ставится в противовес к частной собственности. Так, если формирование частной собственности подвластно не только личной воле, но и соглашению сторон, то море, взятое как в целом, так и по частям, не может составить предмета права частной собственности. Такое право имеет отношение к частным лицам, но не к народам.

«Море: – писал Гроций, – столь обширно, что может быть достаточно для любого пользования всех народов – для

черпания воды, для рыболовства, для мореплавания», точно так же, как воздух или песчаные морские отмели. Во-вторых, «естественными основаниями»: завладеть можно лишь вещью ограниченной, а «тела текущие не допускают сами по себе разграничения... ими можно завладеть, лишь, когда они наполняют другие вещи». По этим причинам были заняты реки, озера и болота, заключенные в свои «берега», но море, которое само окружает сушу и, следовательно, ничем не ограничено, ничьей собственностью быть не может. «И невозможно вообразить раздела его, ибо, когда впервые происходил раздел земель, в большей своей части море было еще неизвестно; и оттого нельзя было изобрести никакого способа его раздела, о котором могло бы состояться соглашение столь разобщенных народов» [4].

По мнению Гроция, не существует реального способа разграничения моря между отдаленными народами, который явился бы «соглашением», обеспечивающим юридические гарантии собственников. Море текуче и неуловимо, следовательно, море не относится к вещам, на которые распространяется право собственности.

Настаивая на свободе моря, Гроций доказывает и с юридической, и с философской точки зрения, что море не может быть чье-то собственностью. Но означает ли это свободу моря в широком смысле слова. Не быть собственностью кого-либо, не означает полную свободу. Мы живем в социально-политическом обществе, которое налагает на нас определенные ограничения и требует руководствоваться определенными принципами, регламентирующими свободное мореплавание. Данные принципы и ограничения изложены в Конвенции ООН «Об открытом море» 1958 года¹ и Конвенции ООН «По морскому праву» 1982 года². В современном понимании открытое море означает принадлежность всем и никому. Здесь каждый может плыть куда угодно и когда угодно. Поэтому сегодня не нужно разрешения кого-либо, чтобы выйти в открытое море, не важно, крупное ли это торговое судно, или маленькая шаланд.

Принцип *Mare Liberum* прост: никто не может владеть открытым морем, запрещать проход или монополизировать торговлю между странами. Так как сама «естественная» сущность моря, его безбрежность не позволяют никому присвоить её.

Современное развитие общества и мировой политики обуславливает все большее значение международного права. Интеграционные и глобализационные процессы способствовали формированию новой системы международных отношений. В связи с чем, вполне обоснован новый всплеск интереса к творческому наследию основоположника науки международного права великого голландского ученого Гуго Гроция.

В своей фундаментальной работе «О праве войны и мира» Гуго Гроций придерживается естественно-правового подхода, считая его наиболее подходящим для общественного развития. Принцип справедливости, положенный в основу политико-правовой доктрины голландского ученого, способствует решению многих проблем нашего времени, смягчая социальные противоречия и столкновения различных культур. Идеологической и теоретической базой взглядов Гуго Гроция стала теория естественного права, которая в его работах впервые приобрела рационалистический характер. Именно естественное право, доступное любому разумному человеку, он предложил в качестве универсальной основы межгосударственных отношений. Голландский ученый стал основоположником юридической школы «чистого естественного права», которое часто использовалось впоследствии для разрешения политических и социальных противоречий [1].

В своем трактате Гуго Гроций настаивал на справедливом разрешении международных конфликтов переходного (от феодализма к капитализму) периода. Ученый стремился создать правовые механизмы, с помощью которых возможно

регулировать социальные и политические конфликты в обществе, которые все чаще приобретали все больший размах военных действий. Его идеи существенно повлияли на формирование Вестфальской международной системы.

Учение об естественном праве нельзя назвать неоспоримым. Критически о нем отзывался профессор И. Фелден в трактате «*Annotata in Hug. Grotium De iure Bellum et Pacis*», в котором само существование естественного международного права представляет бездоказательной выдумкой. Вольтер называл Гроция компилятором цитат, Ж.-Ж. Руссо упоминал о его беспорядочной эрудиции и критиковал за недостаточную категоричность суждений по отношению к недостойным и преступным правителям. Адам Смит в лекциях по философии и праву народов 1762 г. писал, что Гроций, вероятно, первым попытался дать миру какую-то систему естественно-правового регулирования, и его трактат «О праве войны и мира» при всех своих недостатках, возможно, наиболее полная работа в данной области [2].

Менялись эпохи и правители, менялось и отношение к Гроцию и его учению. Так, Французская революция привнесла отношение к школе естественного права как анархическому учению, однако на заре зарождения буржуазного строя в начале XIX в. Гроция считали борцом с феодальной идеологией путем провозглашения неизбежности прав человеческой личности на свободу действия, мысли и совести (А. Сен-Симон и др.). Однако уже к концу XIX в. естественнонаучное направление в науке международного права набирает все большую популярность, а Гуго Гроция единогласно признали основателем науки международного права.

XX в. во многом стал переломным в понимании учения Гуго Гроция от абсолютного его принятия до абсолютного отвержения. В начале XX в., в эпоху Первой мировой войны, идеи Гроция стали основой для скорейшего поиска общей основы установления конструктивного взаимодействия не столько в мирное, сколько в военное время. Гроциевские идеи поведения в военное время вызвали всеобщее одобрение. Однако позднее, во Вторую мировую войну, для фашистов, напротив, высказывания Гроция были неприемлемы, ибо ницшеанский культ силы и пренебрежение юридическими нормами, характерные для нацизма, несовместимы с учением Гроция.

После Второй Мировой войны, когда Европа пребывала в руинах, идея справедливой войны в понимании Гроция получила новое видение. Во многом обращение к идеям Гуго Гроция было обусловлено созданием Организации Объединенных Наций, когда естественно-правовая доктрина стала единственно приемлемой юридической основой в условиях несовпадения законодательных систем государств-членов.

Пристатейный библиографический список

1. Гроций Г. О праве войны и мира. – М.: «Ладомир», 1994. – 868 с.
2. Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. Роль Г. Гроция в становлении и развитии науки международного права // Сов. ежегодник международного права. – 1982. – М., 1983. – С. 252-267.
3. Буткевич В. Г. Политико-правовые взгляды Г. Гроция // Сов. государство и право. – 1984. – № 9. – С. 80-87.
4. Волков С. Ю. Политико-правовые аспекты англо-голландской колониальной борьбы на рубеже XVI-XVII вв. // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – № 2 (220). – С. 40.
5. Козлихин И. Ю. Гуго Гроций // Правоведение. – 1999. – № 4 (227). – С. 263–271.
6. Armitage D. Introduction to “The Free Sea” Hugo Grotius. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oll.libertyfund.org/titles/grotius-the-free-sea-hakluyt-trans>.
7. Vreeland H. Hugo Grotius: The Father of the Modern Science of International Law. – New York: Oxford University Press, 1917. – XIII + 258 pp.

1 Конвенции ООН «Об открытом море» 1958 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hsea.pdf.

2 Конвенции ООН «По морскому праву» 1982 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf.

КИЯН Марина Шарифовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ХУТЬКО Татьяна Владиславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИМПЕРСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В КРЫМУ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.

Авторами проведен историко-правовой анализ развития основ организации судебной власти и ее функционирования в Крыму в составе Российской империи. Предложена авторская концепция периодизации становления и развития имперской судебной системы в Крыму в конце XVIII – начале XIX вв. Выявлены основные принципы ее построения на различных этапах ее модернизации. Авторы пришли к выводу, что при создании судебных органов правительство России принимало во внимание местные социально-экономические и политические особенности региона, как историко-культурные традиции, правила общения среди многонационального населения, конфессиональную терпимость, многонациональный и многоконфессиональный состав населения. С учетом региональной специфики в судебной системе на территории полуострова помимо общих судов действовали исторические формы местного суда, в числе которых авторы выделяют Карасубазарский римско-католический, Таврический магометанский духовный и Феодосийский, впоследствии Керченский коммерческий суды.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, судебная система, судебный орган, правосудие.

KIYAN Marina Sharifovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of law and state sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

KHUTKO Tatyana Vladislavovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of law and state sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE IMPERIAL JUDICIAL SYSTEM IN THE CRIMEA IN THE LATE XVIII – EARLY XIX CENTURIES

The authors conducted a historical and legal analysis of the development of the foundations of the organization of the judiciary and its functioning in the Crimea as part of the Russian Empire. The author's concept of periodization of the formation and development of the imperial judicial system in the Crimea in the late XVIII – early XIX centuries is proposed. The basic principles of its construction at various stages of its modernization are revealed. The authors concluded that when creating judicial bodies, the Russian government took into account local socio-economic and political features of the region, such as historical and cultural traditions, rules of communication among the multinational population, confessional tolerance, multinational and multi-confessional composition of the population. Taking into account the regional specifics in the judicial system on the territory of the peninsula, in addition to the general courts, there were historical forms of the local court, among which the authors single out the Karasubazar Roman Catholic, Tauride Mohammedan spiritual and Feodosian, later Kerch commercial.

Keywords: Russian Empire, Crimea, judicial system, judicial authority, justice.

Повышение качества осуществления правосудия, в основе которого заложена эффективно действующая национальная судебная система, остается одним из ключевых векторов развития Российской Федерации в XXI веке. В условиях стартовавшей в России глобальной судебной реформы для регулирования процесса наиболее оптимального режима функционирования судебной системы РФ необходим комплексный анализ основных тенденций ее развития, который предполагает достаточно высокий уровень обобщения и научного потенцирования основ организации и функционирования судебной власти на всех предшествующих этапах ее развития. Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы» основной целью ставит повышение качества осуществления правосудия; совер-

шенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций [1]. Опыт истории государства и права России свидетельствует, что во все периоды основной катализатор всех прогрессивных преобразований в государстве и обществе составляли судебные реформы, и судебные преобразования оставались приоритетными в государственно-правовой политике Российской империи, а использование историко-правового опыта проведения судебных реформ в нашей стране представляет возможность «выявить и устранить вероятность наступления определенных нежелательных правовых последствий в ходе реформирования современной российской судебной системы» [2, с. 88].

Процесс становления и развития имперской судебной системы в Крыму начался в 1784 году сразу после вхождения

Киян М. Ш.

Хутько Т. В.

его в состав России в 1783 году¹. Уже 24 апреля 1784 г. императрица Екатерина II на содержание государственных учреждений и судебных органов Крыма определила сумму ежегодных расходов из казны в размере 99 181 руб.², дополнительно 12 000 руб. – «на строения в городах» и по 20 000 руб. начиная с 1784 г. «для производства публичных строений по городам». И за три года, не в малой степени благодаря достойному имперскому финансированию, в Крыму стала вершиться правосудие новая судебная система, организационно установленная в «Учреждении для управлений Губерния Всероссийская Империи» от 7 ноября 1775 г. [3, с. 58].

Становление и развитие имперской судебной системы в Крыму в конце XVIII – начале XX вв. можно рассматривать в несколько этапов. Первый этап – условно 1784-1787 года, когда были проведены организационные мероприятия по формированию основ судебной системы. В частности, определены присутственные места для осуществления функций правосудия, как-то административно-полицейские, финансово-хозяйственные и судебные инстанции; штатное расписание должностных лиц в них; Таврическое областное правление, к компетенции которого отнесли судебные, административно-полицейские и хозяйственные функции³, а также формирование кадрового состава присутственных мест. В марте 1786 г. Крым получил «сделанные для Таврических присутственных мест семь печатей с гербом сея области, а именно для обласного правления, для трех палат, для верхнего земского суда, для верхней земской расправы и обласного магистрата» [4]. Указы Правительствующего Сената от 10 октября и 13 декабря 1784 г. определили кадровый состав судебных мест. В первом судебном корпусе Крыма достойно несли службу полковник П. Скорняков председатель Палаты уголовного суда, статский советник Я. Рудзевич – председателем Палаты гражданского суда, подполковник Г. Беляев – председатель Верхнего земского суда первого департамента, надворный советник В. Бантыш – председатель Верхнего земского суда второго департамента, коллежский советник Казнадар Мегмет Ага – судья Совестного суда⁴. Анализ кадровой политики российского государства по подбору корпуса судей в Крыму свидетельствует о том, что исторически в его формировании учитывались этнические и конфессиональные особенности региона.

Второй этап становления и развития имперской судебной системы в Крыму приходится на конец XVIII века (1787-1796 года) – начало функционирования новых судебных учреждений. Принципами построения имперской судебной системы в Крыму стали: инстанционность, сословность, раздельность рассмотрения уголовных и гражданских дел в судах второй и высшей инстанций, выборность судей первой инстанции. С 29 января 1787 г. по 3 марта 1787 г. имперская судебная система в Крыму была введена в действие. Первыми открылись суды второй и высшей инстанций: Таврические палаты уголовного и гражданского суда, верхний земской суд, областной магистрат, Таврическая верхняя расправа,

всесословный совестный⁵; суды первой инстанции в Симферопольском, Перекопском, Левкопольском (Феодосийском) и Евпаторийском уездах⁶; городские магистраты, при которых действовали сиротские и словесные суды в Севастополе и Керчи⁷; нижние расправы – в Симферопольском, Левкопольском и Евпаторийском уездах⁸. Прежние судебные учреждения (Каймаканский и Еникальский греческие суды) закрыли, «все решенные и нерешенные дела и содержащиеся под стражей колодники» переданы «в Симферопольский, Евпаторийский, Левкопольский (Феодосийский), Перекопский уездные суды, и Боспорский городской магистрат»⁹.

При создании имперской судебной системы в Крыму правительство России взяло во внимание местные социально-экономические и политические уклады, историко-культурные традиции, правила общения среди многонационального населения, конфессиональную терпимость, многонациональный и многоконфессиональный состав населения. Поэтому наряду с государственными судами были учреждены и действовали параллельно специальные: Карасубазарский суд римско-католического закона (с 14 ноября 1790 г.), где армяне-католики «производили суд и расправу по вашим правам и обыкновениям выбираемыми из вас по жребию начальниками» [5, с. 332-341]; и Таврический Магометанский Духовный Суд (с 23 января 1794 г.)¹⁰, рассматриваемый дела местного мусульманского населения по их законам и обычаям.

Третий этап развития судебной системы в Крыму был вызван организационной деятельностью императоров Павла I и Александра I, изменениями в административно-территориальном устройстве региона, в соответствии с которыми полуостров Крым был включен в состав Новороссийской губернии¹¹, а с 8 октября 1802 г. Крым в Таврическую губернию¹². Из судебной системы в 1796 году исключили совестный суд и сословные суды второй инстанции (верхний земский суд, областной магистрат, верхнюю расправу, нижнюю расправу); Палаты уголовного и гражданского суда были объединены в единую Палату суда и расправы, структурно состоящую из двух департаментов уголовных и гражданских дел¹³. В дальнейшем модернизация судебной системы Крыма проводилась в точном соответствии с общеимперской с учетом региональных традиций и особенностей.

Первое звено судебной системы представляли уездные суды и городские магистраты Симферополя, Севастополя,

5 ГКУ ГА РК. Ф. 804. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 23; ГКУ ГА РК. Ф. 818. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1; ГКУ ГА РК. Ф. 28. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 4–5; ГКУ ГА РК. Ф. 28. – Оп. 3. – Д. 16. – Л. 1.

6 ГКУ ГА РК. Ф. 28. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 6, 8, 13, 16.

7 ГКУ ГА РК. Ф. 28. – Оп. 3. – Д. 16. – Л. 1–4, 6, 8.

8 ГКУ ГА РК. Ф. 28. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 6, 8, 44.

9 ГКУ ГА РК. Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 29. – Л. 1.

10 О бытии в Таврической Области Магометанскому Духовному Правлению, под председательством Муфтия: Именной указ, данный Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору графу Зубову 23 января 1794 г. № 17174 // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXIII: 1789–1796. – СПб.: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – С. 482.

11 О новом разделении Государства на Губернии: Именной указ, данный Сенату 12 декабря 1796 г. № 17634 // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXIV: с 6 ноября 1796 г. по 1798 г. – СПб.: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – С. 229–230.

12 О разделении Новороссийской Губернии на три Губернии: на Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую, и обустройстве там Судебных мест: Именной указ, данный Сенату 8 октября 1802 г. № 20449 // ПСЗРИ. Собр. – 1. – Т. XXVII: 1802–1803. – СПб.: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – С. 272–291.

13 Там же.

1 О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую Державу: Манифест от 8 апреля 1783 г. № 15708 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее – ПСЗРИ. Собр. 1). Т. XXI: 1781 по 1783. – СПб.: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – С. 897 – 898.

2 Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым» (далее – ГКУ ГА РК). Ф. 799. – Оп. 1. – Д. 37. – Л. 6–9.

3 ГКУ ГА РК. Ф. 799. – Оп. 1. – Д. 353. – Л. 23.

4 ГКУ ГА РК. Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 5.

Евпатории, Феодосии, Перекопа и Керчи, построенные по принципу сословности. Городовые магистраты рассматривали дела «обывателей купеческого и мещанского сословий» [6, с. 19], уездные суды – дела дворян и государственных крестьян, духовный суд – дела духовенства, торговые иски – с 20 июля 1820 г. Феодосийский коммерческий суд¹⁴. В январе 1803 г. возобновил свою деятельность совестный суд¹⁵, состав которого формировался с учётом интересов местного населения, который рассматривал дела в составе заседателей – по 2 представителя от дворян, купечества и поселян¹⁶.

Второе звено – апелляционную инстанцию представляли Таврический Гражданский и Уголовный суд, рассматривающие дела с 30 июня 1803 года. Отличительной особенностью Таврического Гражданского и Уголовного суда от аналогичных учреждений Российской империи, было его структурное построение. До 1818 года судопроизводство в нем осуществлялось единым присутствием в составе председателя, двух советников и двух ассессоров¹⁷. С 28 декабря 1818 г. для «приведения Таврической губернии в лучшее устройство» присутствие разделили на две палаты¹⁸: 11 июля 1819 г. открылась Палата Уголовного, 2 августа 1819 г. – Палата гражданского судов¹⁹. Высшей судебной инстанцией для всех судов Российской империи был Сенат.

Новацией данного периода в общеимперской судебной системе стало создание специальных коммерческих судов. Первый коммерческий суд был открыт в Одессе 10 марта 1808 года. В Крыму в общеимперской судебной системе отдельным звеном с 20 июля 1820 г. стал Феодосийский коммерческий суд²⁰, занявший место высшего судебного учреждения Таврической губернии наравне с Палатами уголовного и гражданского суда. В общеимперской судебной системе Феодосийский коммерческий суд являлся специальным институтом, регулировавшим от имени государства торговую деятельность юга России.

Таким образом общеимперская судебная система в первой половине 19 века не была единой, суд не был отделен от администрации, судебная система строилась по принципу сословности, в Крыму наряду с общеимперской действовала местная система судов, российская администрация на региональном уровне государственного устройства успешно использовала исторические формы местного суда, его авторитет среди поданных, так как в нем отождествлялись местные социально-экономические и политические уклады, историко-культурные традиции, сложившийся порядок правил общения многонационального населения полуострова. С учетом региональной специфики, многонационального и полиэтничного состава населения Крыма в судебной системе как специальные суды продолжали действовать Карасу-

базарский римско-католический и Таврический магометанский духовный суды.

Четвертый этап развития имперской судебной системы в Крыму вызван проведением Судебной реформы 1864 года. Правовые основы реформы сформулированы в Судебных уставах 1864 года, которые «не только составляли громадный шаг вперед сравнительно с ...прежними уголовно-судебными и гражданско-судебными законами, но стояли и стоят во многих отношениях на требованиях науки в ряду передовых судебных законодательств культурного мира, и представляют собой великое произведение русского творчества в области права» [7, с. 11].

Новая имперская судебная система в Крыму имела свои особенности. По решению Государственного Совета с 30 июня 1868 г. Крым был отнесен к юрисдикции Одесской судебной палаты. За очень короткий срок с 1869 по 1870 годы заработал институт мировой юстиции в Симферополе, Керчи, Ялте, Перекопе, Евпатории, Феодосии. Однако, в отличие от имперской судебной системы, округ мирового суда в Крыму территориально не совпадал с внутренним административным делением региона. Так, округ Севастопольско-Ялтинского мирового суда распространялся на Ялтинский и частично Симферопольский уезды и Севастопольское градоначальство, а территория Феодосийского уезда была поделена между 2 судебными округами: Феодосийским и Керченским [2, с. 90].

Так же за очень короткий временной отрезок (менее чем за десять месяцев) в Крыму сформировалась и начала работать окружная юстиция. Особый статус в новой имперской судебной системе имел Симферопольский окружной суд, открывший свои заседания 22 апреля 1869 года. Если в целом в имперской судебной системе округ суда рассматривал дела 2 или 3 уездов, то округ Симферопольского суда включал 6 уездов (Симферопольский, Евпаторийский, Ялтинский, Феодосийский, Перекопский и Мелитопольский, то есть весь полуостров Крым и материковую часть империи) [8, с. 231].

Представленная выше модель имперской судебной системы практически без изменений работала до ноября 1917 г. Реконструкционные изменения коснулись только одной подсистемы судоустройства Российской империи – института мировой юстиции, который официально был упразднен в процессе политики контрреформ Александра III в 1889 г.²¹. Однако в Крыму до июня 1892 г. продолжали действовать Симферопольский, Ялтинский, Евпаторийский и Перекопский судебные округа [9, с. 97, 113, 121, 123]. Их деятельность была прекращена 18 июня 1892 г.²²

14 ГКУ ГА РК. Ф. 33. – Оп. 1. – Д. 869. – Л. 1–2.

15 ГКУ ГА РК. Ф. 33. – Оп. 1. – Д. 170. – Л. 69.

16 Там же. – Л. 7.

17 О разделении Новороссийской Губернии на три Губернии: на Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую, и обустройстве там Судебных мест: Именной указ, данный Сенату 8 октября 1802 г. № 20449 // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XXVII: 1802–1803. – СПб.: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – С. 272–291.

18 О разделении Таврического Гражданского и Уголовного Суда на две Палаты, Гражданскую и Уголовную и об учреждении в каждом уезде Уездного Суда: Именной указ, данный Сенату 28 декабря 1818 г. № 27601 // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XXXV: 1818. – СПб.: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – С. 653–654.

19 ГКУ ГА РК. Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 1831. – Л. 168.

20 ГКУ ГА РК. Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 2022. – Л. 8.

21 Положение о Земских Участковых Начальниках. Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение. Временные Правила о Волостном Суде в тех же местностях. Правила о порядке приведения в действие Положения о Земских участковых Начальниках: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 12 июля 1889 г. № 6196 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. (далее – ПСЗРИ. Собр. 3). – Т. IX. – 1889. – СПб., 1891. – С. 508–535.

22 О приведение в действие Высочайше утвержденных, 12 июля 1889 года, законоположений о преобразовании местных крестьянских и судебных учреждений в губерниях Бессарабской, Таврической и Херсонской: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 18 июня 1889 г. № 8741 // ПСЗРИ. Собр. 3. – Т. XII. – 1892. – СПб., 1895. – С. 470–471.

В империи институт мировой юстиции был восстановлен в 1912 г.²³ В соответствии с Законом от 26 июня 1913 г.²⁴ Крыму были организованы 6 судебно-мировых округов: Симферопольский, Феодосийский, Ялтинский, Евпаторийский, Перекопский и Севастопольский, каждый из которых делился на мировые участки общим числом 29 [10, с. 154-159]. Функционирование института мировой юстиции приостановил Декрет СНК РСФСР «О суде» уже в Советский период нашей истории [11, с. 124-126].

Обобщая результаты проведенного историко-правового исследования становления и развития имперской судебной системы в Крыму в конце XVIII – начале XX вв., можно сделать вывод, что судебная система Крыма являлась составной частью имперской судебной системы, но обладала наряду с общеимперскими отличительными особенностями, обусловленными местными стратегическими особенностями региона, его экономическим положением, многонациональным и многоконфессиональным составом населения. На территории полуострова помимо общих судов действовали исторические формы местного суда, существовавшие на региональном уровне государственного устройства. К местным историческим формам суда автором отнесены специальные суды: Карасубазарский римско-католический, Таврический магометанский духовный и Феодосийский, впоследствии Керченский коммерческий суды. Таким образом наряду с имперской действовала особая судебная система. Такая структура судебной системы во многом отражала самобытность ее развития и, безусловно, оказала влияние на дальнейший ход отечественного судебного строительства. Свидетельства о становлении и развитии имперской судебной системы в Крыму в конце XVIII – начале XX вв. демонстрируют взаимосвязь социально-экономических и политических преобразований в Российском государстве с неизбежностью изменений в организации судебной системы, одним из главных предначертаний которой всегда была и есть охрана установленных законом интересов общества.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013 – 2024 годы». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2013/410/> (дата обращения: 03.01.2022).
2. Киян М. Ш. Судебная система Таврической губернии по реформе 1864 г. // Крым в истории государства и права России (к 235-летию присоединения полуострова к Российской империи): Материалы Всероссийского круглого стола 29 ноября 2018 г. – М.: РГУП, 2019. – С. 87-95.
3. Киян М. Ш., Хутько Т. В. Историко-правовое исследование основ организации и функционирования судебной власти в Крыму в составе Российской империи (конец XVIII – начало XX века) // Российское правосудие. – 2021. – № 3. – С. 56-62.
4. Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического Губернского Правления (1784-1796). Восточная литература. Средневековые исторические источники востока и запада. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVIII/1780-1800/Potemkin_G_A/ordera_1.phtml?id=5722 (дата обращения: 17.12.2021).
5. Хутько Т. В. Основные направления деятельности Карасубазарского римско-католического суда // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Юридические науки. – 2012. – Том 25 (64). – № 1. – С. 332-341.
6. Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. – Воронеж, 1989. – 184 с.
7. Пятидесятилетие несменяемости судей в Российской империи / [Соч.] П. П. Пусторослева, д-ра уголовного права, орд. проф. Юрьев. ун-та. – Юрьев: тип. К. Маттисена, 1915. – 102 с.
8. Раевский В. К пятидесятилетию Судебной реформы в России / Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. – № 52. – Симферополь, 1915. – С. 216-233.
9. Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1892 г. Издание Таврического губернского статистического комитета. – Симферополь, 1892. – 250 с.
10. Штаты и таблицы. № 39582 // ПСЗРИ. – Собр. 3. Т. XXXIII. – Отделение II. – 1913. – Петроград, 1916. – С. 154-159.
11. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. – 640 с.

23 О преобразовании местного суда: Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон от 15 июня 1912 г. № 37728 // ПСЗРИ. Собр. 3. – Т. XXXII. – 1912. – Петроград, 1915. – С. 662-705.

24 Об установлении Положения о введении в действие закона от 15 июня 1912 года о преобразовании местного суда, о введении в действие сего закона, в полном его объеме, в губерниях Харьковской, Екатеринославской, Курской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Волынской, Подольской, Херсонской и Таврической и о распространении некоторых постановлений сего закона на прочие местности Империи: Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон от 26 июня 1913 г. № 39582 // ПСЗРИ. Собр. 3. – Т. XXXIII. Отделение I. – 1913. – Петроград, 1916. – С. 643-657.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-101-103

НЕДЗЕЛЮК Татьяна Геннадьевна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, профессор кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Данная публикация является очередной в ряду подготовленных нами аналитических материалов по освещению деятельности Российского государства в контексте регулирования государственно-конфессиональных отношений в сибирском регионе. Выявлен и охарактеризован корпус материалов архивного хранения, доступных для изучения. Итогом проведенного аналитического исследования стал вывод о специфике архивной коллекции Алтайского краевого государственного архива. Наряду с традиционными для всех областных и краевых архивов подборками материалов относительно учреждения и регистрации церковных приходов, а также коллекций метрических книг, Алтайский архивный фонд обладает эксклюзивными материалами Колывано-Воскресенского горного округа, Алтайской духовной миссии для обращения иноверцев, Бийского миссионерского катехизаторского училища.

Ключевые слова: Государственный архив Алтайского края, вероисповедание, государственно-конфессиональная политика, Алтайская губернская земская управа, Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства, Главное управление Алтайского округа.

NEDZELYUK Tatyana Gennadjevna

Ph.D. in historical sciences, leading researcher of Regional studies of Russia, national and state-confessional relations sub-faculty of the Altai State University, professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Siberian Institute of Management – branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation

STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN WESTERN SIBERIA: BASED ON THE MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE OF THE ALTAI TERRITORY

This article is the next in a series of analytical materials that we have prepared to cover the activities of the Russian State in the context of regulating state-confessional relations in the Siberian region. The body of archival materials available for study has been identified and characterized. The result of the analytical study was the conclusion about the specifics of the archival collection of the Altai Regional State Archive. Along with the traditional collections of materials for all regional and regional archives regarding the establishment and registration of church parishes, as well as collections of metric books, the Altai Archival Fund has exclusive materials of the Kolyvan-Voskresensky Mountain District, the Altai Spiritual Mission for the Conversion of non-believers, the Biysk Missionary Catechetical School.

Keywords: the State Archive of the Altai Territory, religion, state and confessional policy, the Altai Provincial Zemstvo Council, the Office of the Kolyvan-Voskresensky Mining Administration, the Main Directorate of the Altai District.

Архивная коллекция Государственного архива Алтайского края (ГААК) неоднократно была востребована специалистами для анализа государственно-конфессиональной политики в России. Как досоветский, так и советский периоды отечественной истории могут быть изучены при помощи анализа материалов архивного хранения ГААК, как это показали исследования Я.А. Климук, П.К. Дашковского и Е.А. Шершневой, Н.П. Зиберт и И.Н. Никулиной, В.А. Зверева и Т.Г. Титовой [2, С. 8].

Самым востребованным у исследователей является фонд Р1692 – «Уполномоченный Совета по делам религий»; в фонде одна опись, которая содержит дела 1936-1991 гг. хранения. Наряду с информационными справками и ежегодными отчетами уполномоченного, особенную ценность представляют «Сведения о закрытии церквей в Алтайском крае за 1936-1939 гг.» на 58 листах¹. Специальным объектом исследовательского внимания мог бы стать корпус документальных

материалов «о религиозной обстановке в Алтайском крае (информация, сведения, статистические отчеты, переписка с Советом по делам религиозных культов при СМК СССР по данному вопросу)» военных и послевоенных лет за 1945-1952 гг.² и 1947-1976 гг.³

Несмотря на устойчивый стереотип о традиционном покровительстве светских властей православным приходам на Алтае, начиная с периода православного миссионерства в XIX столетии, материалы фонда Уполномоченного свидетельствуют о достаточно большом количестве религиозных общин баптистов. В отличие от иных религиозных организаций, ЕХБ стремились непременно получить государственную регистрацию. Так, отложился достаточно большой, на 72 листах, корпус документов об обстоятельствах регистрации

Недзелюк Т. Г.

1 ГААК. – Ф. Р1692. – Оп. 1. – Д. 1.

2 ГААК. – Ф. Р1692. – Оп. 1. – Д. 4.

3 ГААК. – Ф. Р1692. – Оп. 1. – Д. 16.

общины евангельских христиан-баптистов города Камень-на-Оби в 1945 г.⁴

Традиционными для Алтая и Алтайского края являются старообрядческие общины; будучи закрытыми в контексте политики советской власти в 1936–1939 гг, в 1954–1970 они фактически возрождаются, о чем свидетельствует многостраничная, на 104 листах, переписка лидеров общины Белокрицкого согласия г. Барнаула с уполномоченным⁵.

В 1957 г инициировали процесс регистрации меннониты села Хорошее Табунского района⁶. «Документы о религиозной обстановке в Горно-Алтайской автономной области», в том числе материалы единовременного учета, заявления и переписка» за 1957–1974 гг. предоставляют исследователю возможность составить представление относительно особенностей религиозного ландшафта Горного Алтая (бывшей Ойротии) и специфике государственно-конфессиональной политики в этой автономной области⁷.

Было бы несправедливым оставить без внимания богатый для исследователя документальный комплекс «Документы о религиозной обстановке в городах и районах Алтайского края» за 1936–1947, 1976–1991 годы⁸ (промежуточные даты знаменуют пограничные темпоральные периоды в отчетной документации, что позволяет провести сравнительный анализ государственно-конфессиональной политики в исторической динамике).

Достаточно редко личность государственного чиновника запечатлевается в памяти современников и потомков; как средневековые художники, российские чиновники в памяти потомков чаще всего анонимны. Важным инструментом, помогающим закрыть этот пробел, можно принять скрупулезный, на 44 листах «Доклад Председателя Совета по делам религиозных культов А.А. Пузина на Всесоюзном совещании Уполномоченных Совета 18 апреля 1960 г «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах»⁹.

Деятельность уполномоченного по делам религий в Алтайском крае должна была осуществляться в соответствии со стандартным алгоритмом: до 1963 года – ежегодно, а со второго полугодия 1963 г. – дважды в год спускался «План работы Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви и религиозных культов при Совете Министров СССР по Алтайскому краю». Предусматривался стандартный алгоритм, и объем документа также оставался долгие годы стандартным – 5 страниц. Объем «Информационного отчета о религиозной обстановке в Алтайском крае и работе по обеспечению контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах» год от года варьировался (от 11 листов в 1966 г. до 98 листов в 1963 г.)¹⁰.

Однако помимо «профильного» для исследователя государственно-конфессиональных отношений уже охарактеризованного фонда Уполномоченного Совета по делам религий, архивная коллекция ГААК интересна также документами более раннего периода.

Аналитическая информация обзорного характера относительно национального и вероисповедного состава региона содержится в материалах Алтайского подотдела Русского

географического общества¹¹. Алтайская губернская земская управа¹² передала на хранение в краевой архив чрезвычайно ценные материалы о домохозяйствах в составе населенных пунктов, где содержатся сведения о количестве членов семьи, величине земельных наделов, наличии средств механизации, а попутно – о наличии в семье грамотных, о национальной и религиозной принадлежности главы домохозяйства. Приведенные сведения предоставляют возможность составить представление не только о вероисповедном составе населения, но и охарактеризовать особенности ведения хозяйства у представителей разных национально-религиозных групп.

Первая и старейшая из коллекций Алтайского архива была сформирована Канцелярией Кольвано-Воскресенского горного начальства¹³. Со времен императрицы Екатерины II для службы в горном округе приезжали «заморские» инженеры, о конфессиональной принадлежности которых можно судить по их персональным данным, фиксировавшимся канцелярией.

Главное управление Алтайского округа передало на вечное хранение сведения и биографические справки государственных служащих, где есть указание на вероисповедную принадлежность чиновника. Известный в Барнауле архитектор Иван Феодосиевич Носович, гражданский инженер и коллежский асессор, выразил согласие переехать в Барнаул и прослужить в Алтайском округе не менее трех лет. В анкете Носович указал возраст, семейное состояние и вероисповедание (36 лет, женат, дочь 4-х лет, вероисповедания римско-католического)¹⁴. 24 марта 1899 г выпускник Санкт-Петербургского института гражданских инженеров Иван Носович, назначенный «Заведующим ирригацией в Семиреченской области», с большим энтузиазмом покинул Среднюю Азию и до конца своих дней жил и работал в Барнауле. Благодаря его стараниям город пополнился архитектурным памятником в неоготическом стиле – костелом.

Алтайский регион, расположенный на юге Томской губернии, располагал достаточно большим количеством православных приходов, миссионерских пунктов, монастырей. Информативны материалы Барнаульского духовного правления¹⁵, Покровской, Знаменской, Крестовоздвиженской церквей¹⁶, Барнаульского 9-го приходского училища¹⁷, Бийского миссионерского катехизаторского училища¹⁸, Алтайской духовной миссии¹⁹. Метрические книги религиозных общин всех вероисповеданий аккумулированы в одном универсальном и чрезвычайно обширном фонде с говорящим названием «Метрические книги церквей»²⁰. Многочисленность делопроизводственных единиц объясняется великим множеством старообрядческих общин. Их документальные комплексы отличаются от иных вероисповеданий: часто в деле только несколько страниц. Официальное православие, как могло, старалось противостоять чрезвычайно популярному на Алтае «отпадению в раскол»; сохранилась архив-

11 ГААК. – Ф. 81.

12 ГААК. – Ф. 233.

13 ГААК. – Ф. 1. – Оп. 1-2.

14 ГААК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 145. – Л. 17.

15 ГААК. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 1-614.

16 ГААК. – Ф. 130, 131, 135.

17 ГААК. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 1-8.

18 ГААК. – Ф. 186. – Оп. 1. – Д. 1-52.

19 ГААК. – Ф. 164. – Оп. 1. – Д. 1-170; Оп. 2. – Д. 1-122.

20 ГААК. – Ф. 144. – Оп. 1. – Д. 1-71; Оп. 2. – Д. 1-150; Оп. 3. – Д. 1-28;

Оп. 4. – Д. 1-78; Оп. 5. – Д. 1-1017; Оп. 6. – Д. 1-3843.

4 ГААК. – Ф. Р1692. – Оп. 1. – Д. 9.

5 ГААК. – Ф. Р1692. – Оп. 1. – Д. 33.

6 ГААК. – Ф. Р1692. – Оп. 1. – Д. 43.

7 ГААК. – Ф. Р1692. – Оп. 1. – Д. 40.

8 ГААК. – Ф. Р1692. – Оп. 1. – Д. 47.

9 ГААК. – Ф. Р1692. – Оп. 1. – Д. 47, 51, 62.

10 ГААК. – Ф. Р1692. – Оп. 1. – Д. 63, 70, 74, 79, 104, 107.

ная коллекция «Отделения Совета противораскольничьего братства»²¹.

Порядок выделения земельных участков для строительства храмовых зданий в городской черте был разработан и последовательно реализовывался Барнаульской городской думой²². Документы, связанные с утверждением проектной документации для возведения зданий культа, массово отложились в фонде Томского губернского управления²³.

Надзор за строительством и текущими ремонтными работами зданий культа осуществлялся Строительным отделением Томского губернского округа²⁴.

Документальный комплекс администрации г. Барнаула за 1825–1995 гг. содержит серию постановлений Президиума Барнаульского городского совета «о расторжении договоров на пользование культовым зданием» практически всех религиозных общин города в 1920–1930-е гг.²⁵

В новом секуляризованном обществе удовлетворение культурных потребностей многонационального населения региона было возложено на Алтайский губ. отдел по делам национальностей, на смену конфессиональному образованию пришли «школы национальных меньшинств»²⁶.

Информативны материалы фонда партийного архива Алтайского крайкома КПСС в части сведений о беженцах времен Первой мировой войны, изъявивших желание вернуться в места своего изначального проживания: анкетные данные включают, среди прочих, информацию о вероисповедании бывшего беженца²⁷.

Списки «помещений, ранее занимаемых церквями и молевыми домами, составленный Барнаульским горсоветом, где указаны адреса изъятых зданий»²⁸, а также перечень действовавших в 1945 г. религиозных общин²⁹ исследователь обнаружит в материалах фонда Администрации Алтайского края.

Итогом проведенного аналитического исследования стал вывод о специфике архивной коллекции Алтайского краевого государственного архива. Наряду с традиционными для всех областных и краевых архивов подборками материалов относительно учреждения и регистрации церковных приходов, а также коллекций метрических книг, Алтайский архивный фонд обладает эксклюзивными материалами Колывано-Воскресенского горного округа, Алтайской духовной миссии для обращения иноверцев, Бийского миссионерского катехизаторского училища, ожидающими своих исследователей.

Пристатейный библиографический список

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Д-1. – Оп. 1-2; Ф. Д-4. – Оп. 1. – Д. 145; Ф. Д-26. – Оп. 1. – Д. 1-614; Ф. 31. – Оп. 1; Ф. Д-39. – Оп.; Ф. 144. – Оп. 1. – Д. 1-71; Оп. 2. – Д. 1-150; Оп. 3. – Д. 1-28; Оп. 4. – Д. 1-78; Оп. 5. – Д. 1-1017; Оп. 6. – Д. 1-3843; Ф. 164. – Оп. 1. – Д. 1-170; Оп. 2. – Д. 1-122; Ф. 186. – Оп.

1. – Д. 1-52; Ф. Р-1692. – Оп. 1. – Д. 1, 4, 9, 16, 33, 40, 43, 47, 51, 62, 63, 70, 74.
2. Дашковский, П.К., Шершнева, Е.А. Положение мусульманских общин Алтая в первые годы Советской власти // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 56. – С. 28–36.
3. Дашковский П.К., Зиберт Н.П. Правовое и экономическое положение православного духовенства в 1930-е годы на юге Западной Сибири // Новейшая история России. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 440–450.
4. Зверев В.А., Титова Т.Г. Католическая община в Барнауле 1860-1930-х // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. – С. 109-113.
5. Зиберт, Н.П., Шершнева, Е.А. Антирелигиозное воспитание молодежи на юге Западной Сибири во второй половине 1940-х – середине 1960-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. – 2019. – № 5 (109). – С. 39-43.
6. Климук, Я.А. Лишение крестьян избирательных прав как метод политики «раскулачивания» (на материалах ЦХАФ АК) // Известия Алтайского государственного университета. – 2007. – № 4-1 (56). – С. 131-135.
7. Недзелюк Т.Г. Метрические книги сибирских католических приходов как репрезентативный исторический источник // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 3 (15). – С. 129-135.
8. Никулина, И.Н. Ссылные польские католические духовные лица в Западной Сибири (60-е – конец 70-х гг. XIX в.): некоторые аспекты изучения // Народы и религии Евразии. – 2021. – № 1 (26). – С. 173-181.

21 ГААК. – Ф. 166. – Оп. 1-2.

22 ГААК. – Ф. 51. – Оп. 1. – Д. 7.

23 ГААК. – Ф. 65. – Оп. 1. – Д. 232.

24 ГААК. – Ф. 31. – Оп. 1.

25 ГААК. – Ф. 312. – Оп. 3. – Д. 256.

26 ГААК. – Ф. Р922. – Оп. 2. – Д. 21.

27 ГААК. – Ф. 5876. – Оп. 6. – Д. 1.

28 ГААК. – Ф. Р834. – Оп. 4. – Д. 48.

29 ГААК. – Ф. Р834. – Оп. 4. – Д. 748.

ПРОХОРОВ Владимир Владимирович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ВЕДОМСТВЕННАЯ МИЛИЦИЯ КРЫМА В СЕРЕДИНЕ 1920-Х – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.

В статье рассматривается процесс организации и деятельности ведомственной милиции Крыма в середине 1920-х – второй половине 1930-х годов. Подразделения ведомственной милиции создавались на основе соглашения ОВД с государственными и общественными органами для охраны отдельных предприятий, организаций и различного имущества. Автор освещает комплекс причин, повлиявших на процесс становления данной службы как составной части РКМ республики в указанный период, ее внутреннюю структуру, основные и вспомогательные функции. Представлены нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность органов ведомственной милиции Крымской АССР.

Ключевые слова: РКМ, ведомственная милиция, личный состав, РКП (б), учебный резерв, УРКМ Крыма, СНК, штаты, реорганизация, управление милиции, командир взвода, политрук, командир отделения, учреждение, предприятие, дивизион.

PROKHOROV Vladimir Vladimirovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor, associate professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

DEPARTMENTAL MILITIA OF THE CRIMEA IN THE MID 1920S – THE SECOND HALF OF THE 1930S

The article deals with the process of organization and activities of the Crimean departmental militia in the mid-1920s – the second half of the 1930s. Departmental militia units were created on the basis of an agreement between the Department of Internal Affairs and state and public bodies to protect individual enterprises, organizations and various property. The author highlights the complex of reasons that influenced the process of formation of this service, as an integral part of the RCM of the republic in the specified period, its internal structure, main and auxiliary functions. The normative-legal acts regulating the activities of departmental militia bodies of the Crimean ASSR are presented.

Keywords: RKM, departmental police, personnel, RKP (b), training reserve, URCM of Crimea, SNK, states, reorganization, police department, platoon commander, political instructor, department commander, institution, enterprise, division.

Прохоров В. В.

Одержав победу в гражданской войне, отразив военную интервенцию, страна Советов, приступила к мирному восстановлению народного хозяйства. Успешное восстановление экономики в значительной степени связывалось с проведением новой экономической политики. X съезд РКП (б) принял решение о проведении НЭП, которая планировалась на переходный от капитализма к социализму период и призвана была решать задачи не только восстановления народного хозяйства, но и построения основ социализма.

В соответствии с принятыми решениями партии большевиков осуществлялась и перестройка органов рабоче-крестьянской милиции, которая шла по нескольким направлениям. В первую очередь, необходимо было выработать оптимальную организационную структуру советской милиции, определить ее источники финансирования, установить более прочные связи между службами РКМ, создать новые звенья органов милиции укрепить взаимодействие с другими правоохранительными органами [1].

Несмотря на свободный рынок и частную хозяйственную деятельность, новая экономическая политика в целом была направлена на последовательное укрепление государственного сектора экономики. В связи с этим, задача охраны народного достояния социалистической собственности стала одной из основных для органов РКМ, что и получило свое закрепление в целом ряде законодательных актов. Однако промышленная милиция, решавшая похожие задачи, была

ликвидирована в 1921 г., численность общей милиции сокращалась и была не в состоянии обеспечить надежную охрану социалистической собственности. Выход из создавшегося положения нашли в формировании для охраны наиболее важных предприятий и учреждений ведомственной милиции.

Решение об организации ведомственной милиции было утверждено постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР от 6 февраля 1924 г. Важное значение для дальнейшего укрепления правовых основ деятельности ведомственной милиции имело Положение «О ведомственной милиции», принятое 19 января 1925 г.

К числу главных задач ведомственной милиции, входившей в состав общегосударственной РКМ, указанное Положение относило:

1) охрану разного имущества, принадлежащего государственным предприятиям и учреждениям, а также частным предприятиям, имеющим государственное значение;

2) выполнение всех обязанностей по охране общественного порядка и спокойствия в пределах территории, занимаемой этими предприятиями и учреждениями;

3) производство в пределах тех же территорий дознаний по уголовным делам, возникающим на охраняемых объектах.

Подразделения ведомственной милиции создавались по особым штатам на договорных началах и содержались за счет средств обслуживаемых объектов. Вместе с этим в Положении указывалось на то, что личный состав ведомствен-

ной милиции пользовался всеми служебными правами и преимуществами, присвоенными соответствующим должностным лицам общегосударственной РКМ. Общее руководство деятельностью ведомственной милиции принадлежало начальнику РКМ РСФСР. Для этого в составе Отдела милиции Центрального административного управления НКВД РСФСР учреждался подотдел ведомственной милиции. В составе территориальных городских и уездных управлений РКМ организовывались отделения ведомственной милиции [2]. Порядок приёма, увольнения и прохождения службы в подразделениях ведмилиции регламентировался в совместно принятом ВЦИК и СНК РСФСР Положении о службе в рабоче-крестьянской милиции от 28 сентября 1925 г.

За короткий период новая служба сумела зарекомендовать себя с положительной стороны. Предприятия и учреждения различных наркоматов заключали договоры о создании ведомственной милиции. Численность ее быстро росла.

Все эти организационные процессы в полной мере затронули и Крымскую АССР. Созданная на полуострове в конце мая 1924 г. ведомственная милиция оказывала неоценимую помощь по охране общественного порядка и всех видов собственности в республике.

Начавшая свое формирование при Симферопольском районно-городском управлении РКМ ведомственная милиция, как орган по охране государственных учреждений, предприятий, складов и магазинов города, успела быстро расширить свою работу. Имея небольшой штат, первоначально всего 35 человек, и охраняя более 80 % различных госучреждений и предприятий кооперации, она регулярно выставляла посты на городских окраинах, внося тем самым существенный вклад в работу по оздоровлению криминогенной обстановки административного центра [3].

Отделения ведомственной милиции были сформированы не только в Симферополе, но и в Севастополе, Ялте, Керчи, Феодосии, Евпатории и Джанкое. В указанных городах вводились должности начальников и помощников начальников управлений РКМ по ведомственной милиции. В Судаке, Карасубазаре и Бахчисарае, ввиду незначительного количества личного состава ведмилиции ею руководили непосредственно начальники районных управлений РКМ.

Комплектовался личный состав ведомственной милиции автономии главным образом за счет демобилизованных красноармейцев, как наиболее пригодных для службы в ее органах. Количество личного состава ее подразделений к 1 мая 1925 г. возросло до 533 человек. По классовому и партийному составу личный состав ведмилиции делился следующим образом: 227 рабочих или 42,6 %; 275 крестьян или 51,6 % и прочих – 31 человек или 5,8 %. Членами РКП (б) являлись 60 человек или 11,2 %; кандидатами в члены РКП (б) – 29 человек или 5,4 %; членами РКСМ – 50 человек или 9,4 %, и 394 человека или 74 % были беспартийными.

Текущая численность личного состава в среднем по республике составляла 21 %, что в большей степени зависело от количества расторгнутых или заключенных на охрану договоров.

Зарплата работников ведомственной милиции была не высока, но одинакова с аналогичными должностями сотрудников государственной РКМ и составляла у младшего милиционера Симферополя, Севастополя, Бахчисарая и Евпатории – 35 руб. в месяц, в Ялте – 37 руб. 20 коп., в Феодосии и Судаке – 31 руб., Джанкое – 30 руб. 10 коп. К этому правду следует добавить 100 % обеспеченность форменным обмундированием всего ее личного состава.

Культурно-просветительская работа в подразделениях ведомственной милиции велась по тем же программам что и в государственной РКМ. В целях ликвидации правовой неграмотности во всех органах ведмилиции Крыма были созданы административные кружки, в которых проводилось подробное изучение основ советского права, административной работы и специальной милицейской выучки. Занятия административных кружков, как и строевая подготовка, проводились с момента образования ее подразделений 2-3 раза в неделю по утвержденной приказом ЦАУ Крымской АССР и обязательной для всего личного состава РКМ программе.

Политработа осуществлялась под руководством райкомов РКП (б) и профсоюза «Совработник», через красные уголки, ячейками РКП (б) и месткомами, причем для ликвидации политической неграмотности повсеместно создавались школы политграмоты, под руководством выделенных райкомами РКП (б) работников. Через кружки, красные уголки и школы политграмоты прошло от 60 до 80 % всего личного состава ведомственной милиции автономии [4].

В начале 1930-х гг. в органах и частях милиции Союза ССР проводится широкомасштабная реорганизация. Согласно принятого 25 мая 1931 г. Положения о рабоче-крестьянской милиции вся РКМ была разделена на общую и ведомственную. Ведомственная формировалась на основе приглашений Главных управлений РКМ союзных республик или управлений милиции автономных республик с государственными и общественными органами для охраны отдельных предприятий, сооружений и иного имущества этих органов. Ее подразделения содержались за счет средств, отпускаемых теми государственными и общественными органами, которые специально обслуживались этой милицией. Помимо охраны отдельных предприятий, сооружений и имущества государственных и общественных органов, ведомственная милиция выполняла на территории охраняемых объектов обязанности общей милиции [5].

На рубеже 1934-1935 гг. в Крыму проводится целый ряд организационно-штатных изменений органов ведомственной милиции. Наряду с сокращением общего количества личного состава, связанного с уменьшением количества охраняемых объектов государственной важности, сокращались и отдельные подразделения. Так, с 1 января 1935 г. расформировывалось Феодосийское Отдельное отделение ведомственной милиции в составе 1 командира отделения и 13-и милиционеров. Вместе с этим устанавливалась обновленная численность работников Симферопольского Отдельного дивизиона, которая составила 154 штатные единицы. В Керченском Отдельном дивизионе – 115 единиц, в Севастопольском – 111. Сакский Отдельный взвод ведомственной милиции насчитывал 41 штатную должность, Ишуньский – 39, Евпаторийское Отдельное отделение, входившее в состав районного управления РКМ, включало 5 милиционеров. Таким образом, в начале 1935 г. общее количество работников ведомственной милиции Крыма насчитывало 465 человек [6].

В декабре 1935 г., согласно распоряжения ГУРКМ НКВД СССР № 912111, в республике расформировывают Симферопольский, Севастопольский и Керченский Отдельные дивизионы, а также Евпаторийское Отдельное отделение ведмилиции. Вместо расформированных подразделений заново формируют: 1-й Симферопольский Отдельный взвод в составе 65 человек (командира отдельного взвода, помощника командира взвода, политрука взвода, 6-и командиров отделений, 5-х вахтеров, 44-х милиционеров, делопроизводителя, кладовщика, обслуживающего, повозочного и 3-х долж-

ностей учебного резерва); 2-й Севастопольский Отдельный взвод в составе 48 человек (командира отдельного взвода, политрука взвода, 2-х командиров отделений, 39-и милиционеров, 2-х должностей учебного резерва, делопроизводителя, кладовщика и одного обслуживающего); 1-е Керченское Отдельное отделение в составе 30 человек (командира отдельного отделения, 5-х вахтеров, 23-х милиционеров и одной должности учебного резерва); 2-е, восстановленное, Феодосийское Отдельное отделение в составе 10 человек (командира отделения и 9-и милиционеров) и 3-е Ялтинское Отдельное отделение также в составе 10-и человек (командира отделения, 8-и милиционеров и одной должности учебного резерва).

Зимой 1936 г. на основании распоряжения начальника ГУРКМ НКВД СССР № 555893, в Крыму объявляются временные штаты ведомственной милиции. Так, штатная численность личного состава 1-го Отдельного взвода в Симферополе устанавливалась в количестве 62 человек (командира взвода, помощника командира взвода, политрука взвода, 4-х командиров отделений, делопроизводителя-счетовода, повозочного, обслуживающего, 44-х милиционеров, 5-х вахтеров и 3-х должностей учебного резерва); 2-го Отдельного взвода в Севастополе в количестве 47 человек (командира взвода, политрука взвода, 3-х командиров отделений, делопроизводителя-счетовода, обслуживающего, 38-и милиционеров и 2-х должностей учебного резерва). 1-е и 3-е Отдельные отделения в Ялте и Джанкое насчитывали в своем составе по 9 человек (командира отделения и 8 милиционеров), 2-е Отдельное отделение в Феодосии насчитывало 10 работников – командира отделения и 9-х милиционеров. Вместе с этим, с 1 февраля того же года расформировывалось Евпаторийское Отдельное отделение ведомственной милиции, а с 15 февраля Керченский отдельный взвод ведмилиции сокращался до отдельного отделения, а его личный состав с 35-и до 16-и человек [7].

Летом 1937 г. в организационно-штатной структуре органов ведомственной милиции республиканского центра вновь происходят очередные изменения. Комендатуру по охране Крымского правительства из состава 1-го отдела Управления госбезопасности НКВД Крымской АССР передают в состав Управления РКМ автономии. Комендатуру объединяют с особым взводом по охране зданий СНК и подчиняют непосредственно начальнику УРКМ Крыма. В штат УРКМ с 1 августа 1937 г. включают комендатуру, в количестве 42-х человек: коменданта, 5-х сотрудников бюро пропусков, 8-х вахтеров и 28-и милиционеров взвода охраны Крымского правительства, с отнесением всех расходов по ее содержанию за счет сумм выделяемых СНК Крымской АССР [8].

Летом следующего года, в соответствии с приказом НКВД СССР № 00396 от 27 июня 1938 г., проводится последняя предвоенная реорганизация органов ведомственной милиции Крыма. С 1 июля 1938 г. вводятся в действие перечень охраняемых объектов и очередные штаты ведомственной милиции полуострова. При этом штаты частей и подразделений ведомственной милиции, охранявших правительственные здания республики, оставались без изменений.

После проведенных мероприятий количество личного состава ведомственной милиции автономии выглядело следующим образом: 1-й Отдельный взвод в г. Симферополе насчитывал 45 человек (командира взвода, политрука взвода, 3-х командиров отделений, делопроизводителя-счетовода, повозочного, обслуживающего, 37-и милиционеров); 2-й Отдельный взвод в г. Севастополе насчитывал 56 человек (командира взвода, политрука взвода, 4-х командиров отделений,

делопроизводителя-счетовода, обслуживающего и 48-и милиционеров). 1-е Отдельное отделение в г. Ялте насчитывало 16 человек (командира отделения и 15 милиционеров); 2-е Отдельное отделение в г. Феодосии в своем штате имело 15 сотрудников (командира отделения и 14 милиционеров); 3-е, 6-е и 4-е Отдельные отделения в Джанкое, Бахчисарае и в Евпатории имели в своем составе по 10 сотрудников (командира отделения и 9 милиционеров); 5-е Отдельное отделение в г. Керчи – 17 (командира отделения и 16 милиционеров).

Под охрану реорганизованных подразделений республиканской ведмилиции передавались: Крымская Краевая контора и отделения Госбанка СССР, городские телеграфные станции и отделения связи, городские и междугородные автоматические телефонные станции Народного комиссариата связи СССР [9].

Пристатейный библиографический список

1. Власов А. В. Советская милиция: история и современность (1917-1987). – М.: Юридическая литература, 1987. – С. 79.
2. История правоохранительной системы Советского государства в документах (1917-1945 гг.). К 300-летию российской полиции: хрестоматия / Сост. А. Я. Малыгин и др. – М.: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя. – 2020. – С. 454.
3. Прохоров В. В. Организационное становление рабоче-крестьянской милиции Крыма: монография – К.: Телесик, 2007. – С. 101.
4. Государственный архив Республики Крым. – Р-4093. – Оп. 2. – Д. 78. – Л. 19.
5. Специальные законодательные акты, комплексно регулирующие статус полиции (милиции) в российской истории: хрестоматия / сост. И. В. Упоров, В. В. Грицай, Л. В. Карнаушенко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. – С. 156.
6. Архив МВД по Республике Крым (далее – Архив МВД по РК). – Ф. 21. – Оп. 96. – Д. 42. – Л. 257.
7. Архив МВД по РК. – Ф. 21. – Оп. 4. – Д. 54. – Л. 291.
8. Архив МВД по РК. – Ф. 21. – Оп. 4. – Д. 60. – Л. 50.
9. Архив МВД по РК. – Ф. 21. – Оп. 8. – Д. 71. – Л. 12.

СЫПЧЕНКО Алла Викторовна

доктор исторических наук, профессор кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИИ России

ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА ТРУДОВОЙ НАРОДНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ

Статья посвящена правовой доктрине Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП, народные социалисты, энесы). В статье анализируются основные аспекты энесовской доктрины, выявляются ее характерные черты и особенности. Показано, что народные социалисты непосредственно участвовали в разработке правовой доктрины демократической российской государственности, работая в органах государственного и общественного управления, а в 1917 г. – в составе Временного правительства.

Автором обобщены основные положения исследования и сделан вывод о том, что ключевыми понятиями правовой доктрины Трудовой народно-социалистической являлись верховенство закона, верховенство прав и свобод личности, правовой порядок, правовая ситуация, государственно-правовые формы преобразования общества, гуманизм и др. Подчеркнуто, что данные понятия в немалой мере способствовали формированию правосознания российского социума и предвосхитили многие современные представления о правовом государстве.

Ключевые слова: Трудовая народно-социалистическая партия, правовая доктрина, верховенство закона, верховенство прав и свобод личности, правовой порядок, правовая ситуация, государственно-правовые формы преобразования общества.

SYPCHENKO Alla Viktorovna

Ph.D. in historical sciences, professor of Professional disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

LEGAL DOCTRINE OF THE LABOR PEOPLE'S SOCIALIST PARTY: CHARACTERISTICS AND FEATURES

The article is devoted to the legal doctrine of the Labor People's Socialist Party (TNSP, People's Socialists, Popular Socialists). The article analyzes the main aspects of Enes's doctrine, reveals its characteristic features and peculiarities. It is shown that people's socialists were directly involved in the development of the legal doctrine of democratic Russian statehood, working in state and public administration, and in 1917 – as part of the Provisional Government.

The author summarizes the main provisions of the study and concludes that the key concepts of the legal doctrine of the Labor People's Socialist were the rule of law, the rule of rights and freedoms of the individual, the legal order, the legal situation, state-legal forms of transformation of society, humanism, etc. It is emphasized that these concepts to a large extent contributed to the formation of the legal consciousness of the Russian society and anticipated many modern ideas about the rule of law.

Keywords: Labor People's Socialist Party, legal doctrine, rule of law, rule of rights and freedoms of the individual, legal order, legal situation, state-legal forms of transformation of society.

Трудовая народно-социалистическая партия была создана передовой демократической интеллигенцией России в 1906 году. Она являлась неонароднической партией в составе социалистического направления общественного движения России начала XX века. ТНСП создала весьма своеобразную, но крайне противоречивую модель преобразования российского социума, которая отличала ее от других социалистических партий, и определила особенности ее правовой доктрины.

Правовая доктрина ТНСП была результатом интеллектуального поиска нескольких поколений. Большое влияние на ее формирование оказали народнические идеи и принципы, западноевропейская общественная мысль, развитие капиталистических отношений в России, полемика с другими течениями общественной мысли и партиями, а также личная правовая практика энесов, многие из которых работали адвокатами, присяжными поверенными, являлись известными общественными и государственными деятелями и, в связи с этим, были задействованы в решении правовых вопросов в составе органов власти дореволюционной России, а в 1917 г. – в составе Временного правительства. Работая в органах государственного и общественного управления, энесы непосредственно участвовали в разработке правовой доктрины демократической российской государственности. С мая по август 1917 г. они занимали ключевые посты в коалиционном Временном правительстве: в Министерстве продовольствия (министр – А.В. Пешехонов, товарищи министра – В.А. Анисимов и А.А. Титов) и в Министерстве юстиции (министр – П.Н. Переверзев, товарищ министра – А.С. Зарудный, с июля 1917 г. – министр – А.С. Зарудный, товарищ министра – А.А. Демьянов). Энесы входили в состав Особого Совещания при Временном правительстве для разработки проекта Поло-

жения о выборах в Учредительное собрание. Их юристы Л. Брамсон, В. Водовозов, Э. Гальперин, А. Зарудный, Э. Понтович, И. Яшунский внесли весомый вклад в разработку закона о выборах во Всероссийское Учредительное собрание. В годы гражданской войны и эмиграции энесы входили в состав многих антибольшевистских организаций, участвуя в разработке ими проектов государственного устройства России [1, 2].

Поэтому исследование избранной темы является актуальным не только для создания целостного представления об одной из политических партий России, каковой являлась ТНСП, но и для понимания важнейших событий и тенденций развития российской государственности в XX столетии, а также предлагаемых российскому социуму моделей государственного преобразования.

Центральное место в концепции энесов занимал человек, идея самоценности и верховенства человеческой личности. Подобно всем социалистам они рассматривали социализм как наиболее справедливое общество, обеспечивающее всестороннее развитие личности [3, 4].

Однако в отличие от других социалистов, энесы мыслили переход общества к социализму только в государственно-правовой форме. Идея государственности была ключевой идеей энесовской доктрины. Народные социалисты четко и последовательно отстаивали государственную точку зрения в решении всех вопросов: они должны решаться только на почве права, формулируемого и охраняемого государственной властью, что должно было найти выражение в соответствующем законе, изданном Учредительным собранием [5, с. 68, 71].

Энесы полагали, что для социализации общества необходимы время и постепенность. Примечательно, что со-

гласно концепции народных социалистов в основе социализации общества лежал процесс его демократизации: демократизация государственной власти должна идти всегда впереди, опережать социализацию производства и всего общественного строя, так как для перехода к социализму должны быть созданы органы, «сложные, тонкие механизмы, регулирующие и направляющие обобществляющиеся производство и распределение». Поэтому энесы считали, что между буржуазным и социалистическим государством возможно несколько форм государства: буржуазно-демократическое, демократическое, демократическо-социалистическое и т.д. Социализм, полагали они, должен проникнуть в идеологические, политические и экономические сферы общества постепенно, без резкой ломки социального строя. Такая ломка, по их мнению, могла оттолкнуть от социализма многих его сторонников и повлечь за собой экономический и политический хаос. Социальный смысл преобразований энесы видели в том, чтобы государство из силы, враждебной обществу, превратилось в силу общественного прогресса и правового порядка [6, с. 8-10, 18].

Именно создание в стране правового порядка, определенной правовой ситуации должно было стать необходимой основой строительства социализма. При этом энесы использовали два понятия «правовой порядок» и «правовая ситуация» как синонимы, связывая их с таким состоянием общества, когда существует всеобщее избирательное право, создана и действует Государственная дума с широкими законодательными органами и ответственным перед нею, а не перед царем, правительством, становится возможным созыв Учредительного собрания. Большое значение они придавали формированию у людей правового сознания: народ должен осознать идеи права, проникнуться ими, научиться их отстаивать в правовых формах [7, с. 94].

Создание правового порядка и правовой ситуации в стране, по мнению энесов, неразрывно связано с проведением целого комплекса других преобразований, так как капитализм не подготавливает социализм ни в социальном, ни в экономическом плане. Поэтому формирование правового порядка они рассматривали как часть огромного, самостоятельного этапа, необходимого для подготовки будущего в рамках существующего строя. Этот этап связан с многоплановой созидательной работой, которая должна проходить в трех формах: 1 - кооперация; 2 - обобществление и расширение общественного хозяйства, развитие общественных служб; 3 - ограничение собственности и предпринимательской власти в интересах всего общества. Важной составной частью созидательной работы, полагали энесы, является также социалистическое движение, способствующее выражению протеста народа против самодержавия [4, с. 285, 287, 293].

Результатом социалистической эволюции, согласно энесовской концепции, должна была стать замена парламентаризма прямым участием народа в законодательстве и управлении. Но произойти это должно было не сразу после революции, а лишь тогда, когда страна действительно вступит в социалистическую фазу развития. Неслучайно, энесы называли себя «партией полного народовластия, постепенной подготовки социалистического строя» [7, с. 94]. Неотъемлемыми чертами концепции энесов были гуманизм, а также некий неписанный моральный кодекс, отвергавший неразборчивость средств в достижении цели. При чем социализм рассматривался ими не как нечто самодостаточное, а лишь как возможная форма существования общества. В отличие от других социалистов, энесы допускали возможность того, что народное правотворчество может создать и иную форму общественного устройства [4].

Народные социалисты выступали за реализацию следующих требований, составляющих платформу партии вплоть до 1917 года: равенство перед законом всех граждан без различия пола, национальности и вероисповедания; уничтожение сословий и связанных с ними привилегий; полная свобода совести, слова, печати, собраний, союзов и передвижений; неприкосновенность личности, жилища, переписки и право петиций. По вопросу о верховном правлении, ТНСП требовала осуществления народовластия в наиболее полной и совершенной форме и, в первую очередь, создания народного представительного собрания в виде одной палаты, избираемой всеми гражданами, достигшими 20 лет, без различия пола, национальности и вероисповедания, путем прямой, равной и тайной подачи

голосов. Этот представительный орган должен обладать всей полнотой законодательной власти, устанавливать роспись государственных доходов и расходов, контролировать исполнительную власть. Правительство должно пользоваться его доверием. В области местного и областного управления ТНСП ставила своими задачами повсеместное введение организованного на широких демократических началах земского, городского и сельского самоуправления; введение в тех регионах государства, где этого пожелает население, национально-областной и областной автономии. Энесы также требовали одинакового для всех граждан гласного и независимого суда, выборных судей и суда присяжных, отмены смертной казни даже в военное время. Они ставили задачу созвать Учредительное собрание, избранное всеми гражданами, обладающее всей полнотой власти для решения коренных вопросов политической и социальной жизни страны [8, с. 9-11].

Таким образом, несмотря на немногочисленность, Трудовая народно-социалистическая партия играла значимую роль в политической жизни Российского государства, так как объединяла в своих рядах известных общественных и государственных деятелей, позиционирующих в обществе идеи своей партии. Поэтому влияние энесов на формирование правосознания российского общества начала XX столетия было намного шире, чем формальная численность их партийных рядов. Работая в органах государственного и общественного управления, народные социалисты непосредственно участвовали в разработке правовой доктрины демократической российской государственности. В годы гражданской войны и эмиграции они входили в состав многих антибольшевистских организаций, участвуя в разработке ими проектов государственного устройства России. Свообразие энесовской правовой доктрины заключалось в том, что, являясь, по существу, социалистической, она исключала идею дискретности общественного развития. Подчеркивая доминирующую роль в своей теории идеи допустимости преобразований лишь в государственно-правовых формах, энесы провозглашали ее как «концепцию эволюционного социализма». Такое сочетание понятий «эволюция» и «социализм» представлялось взаимоисключающим в рамках политических реалий начала XX века. Спустя столетие, в новых политических и идеологических условиях, необходимо более взвешено подойти к характеристике энесовской теории. Ключевые понятия правовой доктрины ТНСП (верховенство закона, верховенство прав и свобод личности, правовой порядок, правовая ситуация, государственно-правовые формы преобразования общества, гуманизм и др.) в немалой мере способствовали формированию правосознания российского социума и предвосхитили многие современные представления о правовом государстве. Исторический опыт ряда европейских стран после Второй мировой войны, направленный на реализацию программ социального компромисса и социального примирения, показал жизнеспособность энесовской идеи развития общества не через разжигание классовой борьбы, а через установление классового мира, создание общественно-го устройства в интересах различных слоев общества.

Пристатейный библиографический список

1. Сыпченко А.В. Трудовая народно-социалистическая партия: теория и практика. - Самара: Изд-во СГПУ, 2004. - 516 с.
2. Сыпченко А.В. Правовая концепция народных социалистов: влияние на правовую доктрину и правосознание // История Российской правовой системы и правовой культуры. Материалы международной научной конференции, посвященной Году российской истории (Архангельск, 30 октября – 1 ноября 2012 г.). - Часть 1. - Архангельск, 2013. - С. 46-50.
3. Пешехонов А.В. Программные вопросы. Вып.1. Основные положения. - СПб., 1907.
4. А.В.П. [Пешехонов А.В.]. На очередные темы // Русское богатство. - 1912. - № 12.
5. Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. - СПб., 1906.
6. Сиг-ъ А. [Сигов А.]. О народно-социалистической партии. - Пг.; М., 1917.
7. Народно-социалистическое обозрение. - 1906. - № 3.
8. Программа трудовой (народно-социалистической) партии // Народно-социалистическое обозрение. - 1906. - № 1.

КРЮЧКОВ Иван Владимирович

студент кафедры теории государства и права и международного права Института государства и права Тюменского государственного университета, главный специалист отдела охраны окружающей среды Управления природно-ресурсного регулирования Администрации Пуровского района

ЛЕСНАЯ ОХРАНА В СССР: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрены ключевые аспекты историко-правового анализа вопроса лесной охраны в СССР. Приводится характеристика основных этапов становления государственной системы охраны. На основе сравнительно-исторического метода делается вывод о преобразованиях, происходивших в области правовой защиты лесного хозяйства. Анализируется значение начального этапа формирования государственной политики в области лесной охраны. Исследуются нормативно-правовые акты, регулирующие общественные отношения в этой сфере. Приводится краткое сравнение советского и современного периода. Сформулирован вывод об итогах политики властей в этом направлении.

Ключевые слова: лесная охрана, природопользование, декрет о земле, декрет «о лесах», Лесной Кодекс РСФСР.

KRYUCHKOV Ivan Vladimirovich

Student of Theory of state and law and international law sub-faculty of the Institute of State and Law of the Tyumen State University, chief specialist of the Environmental protection department of the Department of natural resource regulation of the Administration of the Purovsky District

FOREST PROTECTION IN THE USSR: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

The article considers the key aspects of the historical and legal analysis of the issue of forest protection in the USSR. The characteristic of the main stages of the formation of the state security system is given. Based on the comparative historical method, the conclusion is made about the transformations that took place in the field of legal protection of forestry. The significance of the initial stage of the formation of state policy in the field of forest protection is analyzed. The normative legal acts regulating public relations in this area are being investigated. A brief comparison of the Soviet and modern period is given. The conclusion about the results of the authorities' policy in this direction is formulated.

Keywords: forest protection, nature management, decree on land, decree «on forests» Forest Code of the RSFSR.

Лесная отрасль являлась важной составляющей народного хозяйства СССР, поскольку от неё зависело обеспечение древесиной, а также защита природных ландшафтов, в том числе заповедников. Государственная охрана лесного хозяйства развивалась поэтапно.

Впервые вопрос о лесном хозяйстве поднимался на Втором Всероссийском съезде в 1917 г. Одним из результатов деятельности Второго Всероссийского съезда Советов является принятие 27 октября 1917 года Декрета о земле, по которому частная собственность заменялась всенародной государственной собственностью и переходила отныне в распоряжение крестьянских комитетов. Стоит отметить, что в реальности было не всё так радужно, как на бумаге.

Относительно собственности на лес в этом декрете не было установлено ничего, что могло бы решить вопрос об их формах собственности, единственное, говорилось, что теперь леса находятся в исключительном пользовании государства. Существенным недостатком декрета было то, что государственной властью почти не декларировался новый порядок ведения хозяйства, его формы и способы пользования. Можно сказать, власти смогли разрушить старый порядок, а вот устроить в должной степени новый – пока не удалось.

Следующим шагом на пути решения вопроса с собственностью на леса стал Закон о социализации земли, принятый 27 января 1918 года. Его основой явилась реализация Декрета о земле при помощи её национализации, то есть

перехода частной собственности в общенародную благодаря конфискации помещичьих и частных земельных владений. В нём говорилось о том, что любая собственность, в том числе и собственность на леса, на советской земле отменяется.

Этим законом определялось право распоряжения лесами: теперь оно принадлежит власти в зависимости от их уровня, но высший контроль всё-таки будет осуществляться советской государственной властью. Порядок пользования данными земельными участками будет утверждён отдельным правовым актом. В результате рассмотрения этого закона, видно, что он, как и Декрет о земле, не устанавливал формы собственности на леса, а лишь определил некоторые пункты, связанные с природными ресурсами страны.

Существенные изменения в области использования леса были сделаны благодаря принятию в 1918 году Декрета «О лесах», который впоследствии стали называть «Основным законом о лесах». Декретом лес объявлялся общенародным достоянием.

В Декрете «О лесах» была заложена основа для дальнейшего решения вопросов, связанных с основными положениями о правах на собственность леса. Он стал фундаментом лесного законодательства, который определил необходимые направления развития в данной области. Этот Декрет вошёл в историю как первый документ советского лесного законодательства, декларировавший охрану лесов, переданных в государственную собственность в 1917 году и право их ис-

пользования. Декрет предотвратил возможные конфликты, которые могли бы возникнуть внутри социалистических отношений, возникших на основе использования ресурсов леса.

Немаловажным обстоятельством явилось то, что в нём было положено начало абсолютно новой отрасли в правовом законодательстве, появляется такая отрасль права как советское лесное право. В Декрете устанавливались права и обязанности граждан в отношении леса, местных органов власти, полномочия и обязанности центральной советской власти, необходимые положения ведения хозяйства в лесах, устанавливался перечень лиц, которые теперь должны были заниматься делами леса и т.д.

Естественно, что основополагающим принципом Декрета провозглашался принцип, отменяющий какую-либо другую форму собственности на лес, кроме как государственной. Существовавшие ранее правовые акты, закрепляющие отчуждение лесов, утратили свою силу.

Установление государственной собственности на леса предполагало жёсткий запрет на любые сделки, касающиеся леса. Запрещалась также и аренда каких-либо участков леса.

Основным законом о лесах были сформулированы основные правовые принципы в отношении использования леса. Во-первых, оно было разрешено как физическому лицу, так и юридическому, лесопользование имело возмездный характер и осуществлялось на плановой основе. Была создана специальная охранная система лесов. Здесь огромное внимание уделялось охране лесов и обязательному повсеместному возобновлению лесных ресурсов. Также устанавливались запреты на вырубку лесов, разрешалась рубка только для поддержания ухода за лесом [3, с. 426].

Благодаря Декрету о лесах от 7 июля 1923 года теперь любой земельный участок, на котором выращивалось древесное насаждение, считалось составной частью лесного фонда. Помимо этого, законодательство РСФСР 1923 года добавило разграничение лесов и земель, использовавшихся для нужд сельского хозяйства. То есть в лесной фонд входили только леса и земли, использовавшиеся во благо лесного хозяйства [6, с. 48].

Декрет о лесах распределил лесные территории по их целевому назначению. Всё лесное хозяйство должно строиться на принципах всеобщего блага, где использование леса происходит в соответствии с плановой политикой лесовосстановления. Те территории, на которых использование леса ограничено, признавались защитными лесами. Выделялась такая категория лесных пространств как эксплуатационные леса.

Со временем в развивающемся законодательстве принцип государственной собственности на леса стал называться собственностью рабоче-крестьянского государства, из чего и складывался единый государственный лесной фонд.

После образования СССР лесное законодательство получило огромный толчок вперёд, так как в 1923 году право исключительной государственной собственности на леса было закреплено в Конституции СССР и Конституциях союзных республик [9, с. 36].

Значительный урон был нанесён лесному хозяйству СССР во время нападения немецко-фашистских захватчиков. В результате ведения активных боевых действий было уничтожено свыше 20 млн га леса, из-за недостаточности природ-

ных ресурсов, необходимых для продолжения войны, было использовано превышающее норму количество леса.

В послевоенный период приходилось уделять наибольшее внимание восстановлению лесного хозяйства, увеличению объёма лесозаготовок, налаживанию организации деятельности колхозных лесов, совершенствованию работы по ликвидации всех военных последствий в кратчайшие сроки.

С появлением централизованного органа управления в 1947 году произошёл расцвет лесного хозяйства: создавались новые виды защитных лесонасаждений, развернулась научно-исследовательская работа, были организованы лесхозы. В 1953 г. наблюдался спад в работе по восстановлению и охране лесов [8, с. 83].

В дальнейшем развитии в лесном законодательстве появляются некоторые изменения. Так, в 1977 году были закреплены правовые основы лесных правоотношений. Одним из главных условий являлась защита леса, забота о его естественно-природных потребностях: усиление водоохранных, защитных и защищающих мероприятий. В связи с этим леса были разделены на 3 группы в соответствии с вышеуказанными критериями. Из этого можно подвести небольшой итог, что лесное законодательство стремилось не только заботиться о состоянии лесов, но и поддерживало их благоприятное влияние на состояние земли и водных ресурсов [10, с. 74].

Объявление леса всенародным достоянием означает, что любой субъект имеет право использовать природные богатства леса, так как этим субъектом является не отдельный человек и не отдельное предприятие, а весь народ в целом, и это пользование должно происходить во благо всему обществу [5, с. 57].

В силу того, что единственным собственником леса является советское государство, только оно организует работу по воспроизводству, охране и защите лесов, определяет порядок пользования лесными ресурсами, оно не ограничено какими-либо правами в отношении природных ресурсов. И это даёт возможность рационально использовать лесные богатства на нужды всего общества и обеспечивать им должную охрану [2, с. 34].

Леса в СССР носили статус неотчуждаемых. Это означало, что их нельзя передать в собственность какой-либо организации, они принадлежат только государству.

В 1979 году был составлен Лесной кодекс РСФСР, который обозначил государственную собственность на леса основной лесных отношений. В нём признавалась заслуженная роль лесов в таких сферах общественного развития как экология и экономика. Говорилось об улучшении благосостояния народа, положительном влиянии на экономику и окружающую среду.

Исходя из того, что леса оказывают незаменимое влияние на многие сферы жизни, то в число общегосударственных задач было включено рациональное бережное использование и обеспечение высокой производительности материальных благ с минимальными затратами.

В ЛК РСФСР существовала статья, в которой говорилось, что леса состояли в исключительной государственной собственности и предоставлялись только в пользование. Любые действия, нарушающие право государственной собственности на леса, были запрещены [7, с. 48].

Как нам известно, право собственности государство реализует совместно с политическим руководством страной.

Право собственности на землю и леса носило социалистический характер. В кодексе сказано, что, когда земля принадлежала отдельному лицу, она приносила пользу только ему, а теперь же, когда земля находится в руках у советской власти, она приносит благо интересам всей страны. Это можно применять ко всем видам природных ресурсов. У этого правила нет ограничений, так как СССР выступает в этих отношениях субъектом права.

Советское руководство было убеждено, что никаких юридических оснований для прекращения права на государственную собственность быть не может, в отличие от других прав. В СССР считали, что это может произойти только тогда, когда будет построен социализм, когда не будет государства и права как такового.

Необходимо разобраться, что под собой подразумевает право владения природными ресурсами. Данное право позволяет органам государства, в чьих руках и находятся ресурсы, вторгаться на абсолютно разные земли, в том числе и на земли с лесными ресурсами, для решения поставленных государственных задач [1, с. 60].

Несомненно, государство – политический институт, в ведении которого сосредоточена вся полнота власти, не ограниченная какими-либо условиями и сроками, но в настоящее время и само государство должно действовать в тех пределах, которые оно само и установило, в том числе для себя, подчинять свою деятельность им же установленным требованиям. Поэтому полномочия власти Российской Федерации нельзя считать безграничными, представители власти так же подчиняются Конституции РФ и другим правовым актам.

Особенность периода существования СССР представлялась принципом бесплатного пользования природными богатствами страны, так как в советское время считали, что все земельные, водные и другие ресурсы даны нам естественным путём, то есть самой природой, поэтому они не имели цены в принципе.

Но, к сожалению, в сегодняшнем мире это точка зрения изменилась. Как в лесном, так и в земельном кодексах прописан принцип платности, устанавливавший плату за любое пользование земельных ресурсов нашей страны.

Пристатейный библиографический список

1. Брейн С. Новый взгляд на уничтожение заповедников в СССР в 1950-е гг. // Историко-биологические исследования. – 2012. – Том 4. № 1. – С. 58-71.
2. Макеева Д. Е. Становление системы государственного управления охраной природы в России в 1917 – 1920-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 34-38.
3. Макеева Д. Е. Общественное движение за охрану природы в России в условиях социалистического строительства в 1920-1940-е гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – С. 423-427.
4. Макеева Д. Е. Историография проблемы взаимоотношений власти и общества в России в сфере охраны природы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2018. – С. 447-451.
5. Макеева Д. Е. Документы Российского государственного архива экономики как источник для изучения

- истории охраны природы в СССР // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2019. – № 3. – С. 55-64.
6. Макеева Д. Е. Организация работы министерств и ведомств РСФСР в сфере охраны природы в 1950-1970-е гг. // Вестник Вятского государственного университета. – 2016. – С. 43-50.
7. Макеева Д. Е. Характерные особенности управления охраной природы в регионах РСФСР в 1960-1980-е гг. (исторический аспект) // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – С. 43-50.
8. Клетнова Л. С. Политика рационального использования рекреационных ресурсов в Байкальском регионе во второй половине XX века // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2017. – Том 11. № 4. – С. 78-91.
9. Петкау В. В. Лесное хозяйство России: экономический и историко-правовой аспекты // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2007. – № 4. – С. 32-39.
10. Скрипко Е. А. Организация охраны природы в советской России (1919-1924 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2017. – С. 73-81.

КУЗНЕЦОВ Степан Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова

ПРОБЛЕМЫ ФЕДЕРАЛИЗМА В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЕДИНСТВА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрены вопросы развития российского федерализма в свете конституционных поправок, принятых в 2020 году. На примере реализации конституционного принципа единства публичной власти в законодательстве сделан вывод об общей тенденции вмешательства государственной власти федерального уровня (федеральная интервенция) в процесс организации и функционирования государственной власти в субъектах Российской Федерации. Особое внимание в статье уделено разнообразным проблемам, связанным с обеспечением равенства и автономии субъектов Российской Федерации, специфике нормативно-правового регулирования данных принципов.

Ключевые слова: публичная власть, автономия, интервенция, местное самоуправление.

KUZNETSOV Stepan Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and municipal law sub-faculty of the M. V. Lomonosov North (Arctic) Federal University

PROBLEMS OF FEDERALISM IN THE LIGHT OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF UNITY OF PUBLIC POWER IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the development of Russian federalism in the light of the constitutional amendments adopted in 2020. Using the example of the implementation of the constitutional principle of the unity of public power in the legislation, the conclusion is made about the general trend of interference of the federal government (federal intervention) in the process of organization and functioning of state power in the subjects of the Russian Federation. Special attention is paid in the article to various problems related to ensuring equality and autonomy of the subjects of the Russian Federation, the specifics of regulatory regulation of these principles.

Keywords: public authority, autonomy, intervention, local self-government.

Кузнецов С. А.

Российский федерализм имеет длительную историю своего развития. Вместе с тем его генезис позволяет с уверенностью утверждать, что на досоветском этапе развития цельная федеративная системы так и не была сформирована, хотя и российской государственности были свойственны ряд конфедеративных истоков, а также власть центра и автономия окраин мирно сосуществовали друг с другом. На протяжении советской истории развития нашего государства, несмотря на провозглашение федеративного устройства, длительное время фактически формировался унитарный государственный порядок. При этом федеративное государство формировалось с учетом так называемого национального принципа, что, в первую очередь, обуславливал многонациональный состав населения. Кроме того, советская власть пыталась уравнивать всех своих граждан и стереть между ними какие-либо различия, что прямо противоречило основному принципу федерализма - «единству в разнообразии». В результате на протяжении всего исторического пути российского государства можно с уверенностью говорить о том, что к региональному многообразию всегда относились негативно, а региональная специфика игнорировалась. Поэтому существование реальной территориальной автономии оценивалось как местничество.

Конституция Российской Федерации [1] закрепляет основы правовой системы государства, форму организации публичной власти, экономическую систему, цели создания государства, основные идеалы, приоритеты и пути развития страны. Это базис, на котором основана вся общественная и политическая жизнь, основной документ, в соответствии с которым определяются все аспекты жизни общества и государства. Особую актуальность данная тема получила в свете проведения конституционной реформы 2020 года, когда Основной Закон государства претерпел самые значительные изменения с момента принятия.

Поправки в Конституцию РФ 2020 года внесли существенные изменения в ряд ее положений. Большая часть изменений коснулась вопросов организации и функциониро-

вания публичной власти - в частности, изменился механизм разделения властей и была изменена компетенция Конституционного суда РФ. Помимо разделения властей, изменения претерпел и механизм российского федерализма. Согласно п. 1 ст. 67 Конституции РФ в России могут быть созданы федеральные территории на основе соответствующего федерального закона. Также указано, что данным законом устанавливается организация публичной власти. В настоящее время с учетом внесенных в Конституцию РФ в 2020 г. поправок можно выделить новый виток в развитии российского федерализма. Одна из поправок предусматривает повышение роли губернаторов в процессе принятия значимых для федерального уровня власти решений. Особенности федерализма в Российской Федерации обусловлены многими факторами. Они заключаются в:

- конституционно-договорном характере;
- асимметричной организации субъектов на основе национально-территориального принципа;
- стремлении к централизации [7, с. 45].

Федеративные отношения постоянно развиваются, однако до настоящего времени имеются проблемы в сфере регулирования федерализма. Их решение свидетельствует о необходимости проведения реформирования состояния российского федерализма. Федерализм является одной из конституционных ценностей современного государства.

Обращение к проблеме развития российского федерализма в контексте изменения текста конституции РФ невозможно без анализа традиционных для российского законодательства и практики государственного управления проблем развития федеративного устройства. Так, одним из общепризнанных вопросов является проблема федеральной интервенции, которая выделяется в длинном перечне типичных для российского государства особенностей развития системы управления. Сам по себе институт федеральной интервенции соответствует общепризнанным принципам устройства современных федеративных государств, не вступая в противоречие с принципами независимости и равно-

правия субъектов федерации. Содержание данного института предполагает возможность останова действия отдельных юридических норм и предписаний в случаях, когда этого требуют интересы стабильного государственного развития и необходимость защиты самого федеративного устройства [2, с. 56].

В действующем законодательстве отсутствует легальная дефиниция федеральной интервенции, хотя ее правовое содержание можно обнаружить в отдельных конституционно-правовых институтах. При этом в Российской Федерации нет систематизированного нормативно-правового акта специализированного характера, который излагал основные принципы и механизм действия института федеральной интервенции, что само по себе является значимой проблемой для развития российского федерализма. Принцип федерализма не соблюдается при вторжении субъекта РФ в компетенцию Российской Федерации. В действующем законодательстве нет нормы, устанавливающей ответственность за принятие нормативного правового акта субъекта Российской Федерации, противоречащего требованиям федерального законодательства. Представляется, что данное обстоятельство негативным образом сказывается на качестве правотворческой деятельности.

Фундаментальная сложность федерализма, прежде всего, на взгляд, заключается в отсутствии идеальной, универсальной формулы его построения: всегда необходимо учитывать «местные особенности», национальные, правовые, экономические факторы. К самым назревшим проблемам федеративного устройства мы можем отнести чрезмерную численность субъектов Российской Федерации, национально-территориальный принцип образования субъектов, а также сложившееся экономико-политическое неравенство между различными субъектами [5, с. 3158].

Конституцией РФ точно и четко определены полномочия федерального центра и субъектов РФ, однако в вопросах общего ведения их объем компетенции не разграничен, что приводит к столкновению интересов. В данном случае опасен процесс суверенизации субъекта Федерации, поскольку в случае общего ведения правовое регулирование осуществляется по принципу опережения. Российский федерализм также имеет определенную асимметрию, сложившуюся по причине существования республик, имеющих большие права относительно «рядовых» субъектов Федерации. Например, существует правовое противоречие: Конституция РФ декларирует полное равенство между субъектами РФ, однако в тот же момент республика де-факто являются «государством в государстве» с собственной Конституцией. Это также порождает неравенство, которое закрепляется и существованием различных типов субъектов Федерации: области, республики, края, автономные края, города федерального значения [4, с. 88].

В качестве примера можно привести ФРГ, где существует лишь два типа субъектов федерации: федеральные и городские земли. Можно говорить о ее асимметричности, которая, однако, компенсируется большим влиянием и участием субъектов в государственном управлении и федеральном законотворчестве. В ФРГ асимметричность компенсируется конституционными мерами, что объединяет федерацию и исключает центробежные силы. За последние годы произошло дополнение «кооперативного» федерализма принципом состязательности, а также расширение законодательного арсенала земель Германии. Первый этап реформы привел к упразднению рамочного законодательства федерации, место которого было закреплено исключительно или конкурирующее законодательство федерации либо законодательство земель ФРГ. С целью усиления правового положения субъектов РФ считаем целесообразным использовать опыт Германии, в связи с чем на конституционном уровне сократить конкурирующую компетенцию и одновременно расширить исключительную. Также считаем целесообразным предоставить субъектам РФ право отклонять федеральные предписания и самостоятельно совершенствовать нормативно-правовое регулирование отдельных вопросов [6, с. 35].

Примером преодоления проблем бюджетного федерализма в сложившихся условиях может служить бюджетно-фискальное устройство США, в которых субъекты федерации имеют возможность самостоятельно принимать новые налоги. России необходимо реальное конституционно-правовое закрепление унификации субъектов Федерации. Стабильная, развивающаяся федерация невозможна без обеспечения реального равноправия всех субъектов Федерации [3, с. 25].

В России статус республики определяется федеральной конституцией и конституцией и конституцией республики, а статус каждого из других субъектов - федеральной конституцией и специальным актом (уставом), принятым законодательным (представительным) органом такого субъекта. При этом некоторые субъекты (автономный округ) фактически входят в состав других (край или область). Тем самым создается своеобразная «матрешка»: один субъект федерации является по существу частью другого. В любом случае, статус субъектов федерации является политическим по своему характеру. Такой характер обеспечивается наличием у них определенных признаков, присущих государству. К этим признакам, прежде всего, отнесено существование конституций субъектов.

Проблемным аспектом российского федерализма является вопрос об ответственности должностных лиц в регионе. Руководители субъекта, принимая управленческие решения, несут ответственность за ухудшение ситуации. При этом, руководители регионов и иные должностные лица на местах, осуществляя свою деятельность, должны стремиться к повышению качества жизни на вверенной им территории, а в обратном случае – ответственность. Представляется целесообразным предусмотреть дополнительные санкции и ограничения для таких лиц. Например, закрепить ограничение доступа к занятию высоких постов в государственном аппарате в отношении лиц, деятельность которых является неэффективной. Вопрос об ответственности должностных лиц органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере правотворчества является дискуссионным. Законодательная деятельность субъектов РФ не всегда правомерна. Акты, принимаемые на местах, могут быть призваны нарушающими требования федерального законодательства и принцип федеративного устройства. В этом случае они не имеют юридическую силу и не подлежат применению.

Подводя итоги, следует сказать, что основными проблемами федерализма в России является все уменьшающаяся роль субъектов Федерации в государственном управлении, асимметрия федерализма, экономико-политическое неравенство, реализация бюджетно-налоговой политики. В решении поставленных проблем необходимо основываться на положительном опыте, достижениях иных государств в реализации федерализма. Так, решение проблем в сфере разграничения предметов ведения федерального центра и субъектов федерации можно обнаружить на примере разграничения полномочий в ФРГ, где сферы компетенции разграничены не только по вертикали, но и по горизонтали.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 4 июля 2020 г. – № 144.
2. Гуляков А. Д. Федерализм: механизм возникновения и основные направления развития. Историко-государствоведческое исследование. – М.: РИОР, 2020. – 388 с.
3. Емельянов А. С. Развитие налогового федерализма в контексте формирования федеральных территорий // Финансовое право. – 2022. – № 1. – С. 23-26.
4. Ирхин И. В. Территории с особым статусом в составе федеративных государств (конституционно-правовое исследование). – М.: Научная мысль, Инфра-М, 2020. – 217 с.
5. Калинин А. О. Российский федерализм в развилке конституционной реформы // Вопросы политологии. – 2021. – Т. 11. – № 11 (75). – С. 3157-3163.
6. Саломатин А. Ю. Этнический фактор в становлении и развитии федеративных отношений. – М.: РИОР, 2022. – 191 с.
7. Юрин Я. А. О формах взаимодействия федеральных государственных органов и органов власти субъектов Российской Федерации // Актуальные исследования. – 2021. – № 8 (35). – С. 43-47.

МИХНЕВА Светлана Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного управления и менеджмента Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

МИТЯЧКИНА Екатерина Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

ХАЧИРОВ Алик Виссарионович

доцент кафедры пожарно-строевой и газодымозащитной подготовки (в составе УНК пожаротушения) Академии ГПС МЧС России

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ ЕДИНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрены новые правовые условия и основы проведения реформы в сфере государственного и муниципального управления в Российской Федерации в связи с формированием единой системы публичной власти в свете новых конституционных поправок, принятых в 2020 году, и обеспечения национальной безопасности страны. Обозначены основные концептуальные вопросы в сфере юридического и политического обеспечения новых законодательно установленных рамок осуществления государственной власти и местного самоуправления и прежних действующих принципов. Отдельное внимание уделено анализу содержания Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и принятому законопроекту о местном самоуправлении в системе публичной власти в условиях реализации Стратегии национальной безопасности 2021 года.

Ключевые слова: единая система публичной власти, государственное и муниципальное управление, публичная власть, местное самоуправление, муниципальное управление, национальная безопасность, правовое обеспечение.

MIKHNEVA Svetlana Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of State government and management sub-faculty of the Volgograd Institute of Management – branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation

MITYACHKINA Ekaterina Sergeevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law Academy (MSAL)

KHACHIROV Alik Vissarionovich

associate professor of Fire drilling and gas and smoke protection training sub-faculty (as part of the UNK for fire fighting) of the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

LEGAL SUPPORT OF THE REFORM OF STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE CONCEPT OF A UNIFIED PUBLIC AUTHORITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the new legal conditions and foundations of the reform in the sphere of state and municipal administration of the Russian Federation in connection with the formation of a unified system of public authority in the light of the new constitutional amendments adopted in 2020 and ensuring the national security of the country. The main conceptual issues in the field of legal and political support of the new legislatively established framework for the implementation of state power and local self-government and the previous existing principles are outlined. Special attention is paid to the analysis of the content of Federal Law “On the general principles of the organization of public Power in the Subjects of the Russian Federation” and the adopted draft law on local self-government in the system of public power in the context of the implementation of the National Security Strategy 2021.

Keywords: unified system of public authority, state and municipal administration, public authority, local self-government, municipal administration, national security, legal support.

Реформа современного государственного устройства России обусловлена рядом обстоятельств, к которым можно отнести внутренние политические и правовые факторы, социально-экономические условия, геополитические отношения и международные связи, а также уровень развития внешней политики страны. Сегодня угрозы национальной безопасности стали более очевидны на фоне ухудшения межгосударственных связей, экономических санкций и сложной геополитической ситуации. Так, на первый план выдвинулась проблема обеспечения единства государственной власти и муниципального уровня в целях проведения основных направлений государственной политики на внешней и внутренней арене.

В то же время, по мнению Президента РФ, проблемы в образовании, здравоохранении и в других сферах во многом

объясняются разрывом между государственным и муниципальными уровнями власти. Это положение нашло свое отражение в его Послании Федеральному Собранию 15 января 2020 года. Законодательная и практическая разделенность, по мнению высшего должностного лица государственной власти РФ, а также запутанность полномочий отрицательно сказывается на людях, что «несправедливо по отношению к человеку и несет прямую угрозу нашему обществу и целостности страны». Так назрел и встал вопрос о закреплении в Конституции РФ принципов единой системы публичной власти, построения полного и оптимального взаимодействия между государственными и муниципальными органами. При этом полномочия и реальные возможности местного самоуправления – самого близкого к людям уровня власти – могут и должны быть расширены и укреплены» [1].

Последовательно проводимый Россией курс на укрепление внутреннего единства и политической стабильности в соответствии со Стратегией национальной безопасности РФ 2021 года включает в себя ряд мероприятий, направленных на обеспечение как формирования, так и проведения единой государственной политики на всех уровнях власти [2]. Объективной причиной для этого выступают конституционные поправки, в частности, статья 131 Конституции РФ, которая ввела в научный политический и юридический оборот такое понятие как единая система публичной власти [3].

Определение единой системы публичной власти официально закреплено Федеральным законом о Государственном Совете [4]. Таким образом, на законодательном уровне впервые появился термин «публичная власть», объединивший и органы государственной власти и органы местного самоуправления, несмотря на их правовое обособление, поскольку в соответствии со статьей 12 Конституции РФ органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Такая ситуация во многом объясняется единой концепцией государственной политики, и, в частности, в ее проведение в области обеспечения национальной безопасности. Что касается последнего, то надо отметить, что геополитическая ситуация, сложившаяся на мировой арене, ясно обнажила факторы и причины уязвимости государства в разных общественных сферах, межгосударственные отношения определяющим образом повлияли на внутринациональную ситуацию, на членов гражданского общества, изменения в политической и правовой культуре народа.

Общенациональная политика достаточно четко подчиняет себе всех субъектов политической системы, выстраивает их интересы в одну концепцию, формирует новое принципиально иное законодательство, создает экономическую зону развития и ставит цели государственного развития. Предпосылки создания новой стратегии национальной безопасности уже были заявлены в связи с быстрорастущими угрозами мировой пандемии, ухудшающей здоровье нации и населения. Новые вызовы и угрозы безопасности отмечаются в связи с внешней политикой ряда государств, создания качественно новых условий их обороноспособности. Актуальность рассмотрения одновременного реформирования российской системы государственного и муниципального управления в целях введения единой системы публичной власти при своевременном осуществлении мер обеспечения национальной безопасности и формирования новой общенациональной государственной политики выражается сегодня в принятии ряда новых как конституционных поправок, норм и положений, так и целых федеральных законов. Как отмечает А. В. Безруков, «серьезная содержательная модернизация» конституционных положений направлена на социально-экономическую и политическую трансформацию, перераспределение и расширение властных полномочий федерального центра [5].

Внутреннее единство представляет собой единую систему органов власти и управления. Если с момента 1993 года, когда была принята Конституция РФ, сразу обозначалось положение о двух относительно самостоятельных видах власти – государственной и муниципальной, то на сегодня остро стоит вопрос о единении этих властвующих структур каждая на своем уровне. Ранее на практике зачастую можно было наблюдать разногласия между должностными лицами как государственного уровня, так и муниципалитетов, что не могло не сказаться на принятии важных государственных административных управленческих решений по ряду значимых во-

просов. Поэтому, внутренние и внешние события последнего времени оказали значительное влияние на формирование новых подходов к решению проблем государственного значения. По мнению В. А. Щепачева, на сегодняшний день в России государственная (федеральная и региональная) власть занимает позиции принципала по отношению к местному самоуправлению, выполняющему определенные агентские функции [6].

Правовое обеспечение реформы государственного и муниципального управления связано с созданием необходимой нормативно-правовой базы по регулированию осуществления полномочий органами федеральной и региональной государственной власти, а также органами местного самоуправления. Сегодня на федеральном уровне принимаются новые законы, как, например, Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «О формировании единой системы органов публичной власти в субъектах Российской Федерации» [7], а также на стадии одобрения находится проект нового федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [8]. Подобные акты принимаются с учетом создавшейся геополитической ситуации, а также на фоне построения стратегии национальной безопасности в России. На наш взгляд, выстраивание в одну систему всех органов власти как местного, так и регионального федерального государственного уровней позволит направить в одно русло политику регионов и муниципалитетов, обеспечить единое информационное пространство и повысить качество исполнения национальных программ, услышать мнение и интересы местного населения на уровне федерации, что в конечном итоге приведет к оперативному влиянию в любой сфере государственного и общественного развития федеральных политических структур власти. Для национальной безопасности это самый необходимый компонент в механизме формирования условий ее обеспечения, путь оперативности решения стратегически важных задач. Федерализм как принцип устройства государства определяет некоторую степень самостоятельности регионов в России, однако, в целях эффективного обеспечения национальной безопасности все субъекты должны подчиняться федеральному центру, выполняя поставленные им задачи и достигая намеченные общегосударственные и общенациональные цели. В этом смысле концепция единой системы публичной власти как нельзя лучше объединяет и координирует действия властных органов субъектов федерации.

Правовое обеспечение реформы государственного и муниципального управления направлено на создание комплекса нормативно-правовых актов, регламентирующих вопросы соотношения всех уровней власти, пределов их воздействия между собой, закрепляющих формы и методы взаимодействия всех органов публичной власти по вертикали (федеральный, региональный¹ и муниципальный) и по горизонтали. Прежде всего, правовое обеспечение новых реформ строится на основных принципах как основополагающих началах любой деятельности. Среди основных новых принципов построения публичной власти, которые закреплены Федеральным законом от 21.12.2021 года № 414-ФЗ, наиболее важными являются: единство системы публичной власти, согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти на федеральном, региональном,

1 Термин «региональный» юридически закреплен Федеральным законом № 414-ФЗ от 21.12.2021 года «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ», в статье 2 п. 6.

муниципальном уровнях. Такой принцип как разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную связан со статьей 10 Конституции РФ, надо акцентировать внимание на том моменте, что именно государственная власть осуществляется, исходя из принципа разделения властей. Что касается органов местного самоуправления, то на данный уровень принцип разделения властей не распространяется, поэтому на местном уровне в муниципалитетах отсутствуют судебная система и органы законодательной власти, а представительные органы местного самоуправления вправе принимать только подзаконные муниципальные правовые акты, не противоречащие федеральному и региональному законодательству. Следующим важным принципом правового обеспечения единой системы публичной власти является признание и гарантированность местного самоуправления, что обусловлено как принципами международного права, в частности закрепленными Европейской Хартией местного самоуправления 1985 года, так и нормами внутригосударственного законодательства (Конституции РФ, Федерального закона от 6.10.2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [9]). Принцип единства системы публичной власти в России имеет концептуальное значение для организации местного самоуправления, отмечает О. И. Баженова [10]. В целом, затрагивая тему муниципальной реформы проводится в России почти двадцать лет. Современный этап начался после принятия и вступления в силу действующего сегодня Федерального закона от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Несмотря на то, что муниципальная реформа осуществляется достаточно долго, процесс муниципализации далек от завершения. Тем более, что принятии курса на централизацию государственной и местной власти политический элитой, на наш взгляд, приостановит процесс развития муниципальной демократии [11]. Местное самоуправление новым законопроектом закрепляется как форма самоорганизации граждан для самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

Президент РФ обеспечивает единое согласованное взаимодействие всех органов публичной власти, и, в том числе, органов местного самоуправления. Поэтому правовое обеспечение реформы управления стоит перед такими задачами, как: при сохранении самостоятельности местной власти определить границы полномочий органов государственной власти субъектов федерации в отношении муниципалитетов и их должностных лиц, обеспечение финансовой и правовой самостоятельности органов местного самоуправления в системе публичной власти, распространение принципов организации и функционирования органов государственной власти в сферу местного самоуправления при отсутствии законодательных полномочий. Принятый в первом чтении 25.01.2022 года проект Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» вносит определенные коррективы в концепцию осуществления местной власти с учетом новых конституционных поправок, включая органы местного самоуправления в единую систему публичной власти. Современная политика России ориентирована на укрепление вертикали власти, на упрочнение роли и положения руководящей элиты (партийной или государственной), распространение именно публичных федеральных государствен-

ных интересов и потребностей при соблюдении правового положения региональных политико-правовых и организационно-управленческих структур, а также требований международного и внутригосударственного законодательства о местном самоуправлении. Однако нельзя не отметить, что современная политика нашего государства должна строиться, исходя из главных конституционных устоев и принципов – формирование и развитие правового государства, гражданского демократического общества, защита и охрана прав и свобод человека и гражданина и других. Вопросы, лежащие в плоскости местного самоуправления, сегодня особенно актуальны и востребованы по ряду причин. Во-первых, муниципальная демократия как самая приближенная к народу, призвана выражать интересы местного населения, а во-вторых, конституционные поправки сегодня значительно укрепили приоритеты государственной власти и управления, интересы именно государственной политики [12].

В соответствии принятыми в 2020 году поправками в Конституцию РФ органы государственной власти получили больший комплекс полномочий в отношении органов местного самоуправления, в частности, влиять на процесс их формирования и функционирования. Что напрямую повлияет и на муниципальную политику: увеличился количественный состав субъектно-объектных структурных ее элементов, форм и методов осуществления, политико-правовых механизмов воздействия и юридических основ. Данные обстоятельства свидетельствуют и подчеркивают актуальность рассмотрения тематики муниципальной политики в новых законодательных установлениях и политических способах их реализации в реалиях современной жизни. Особенности действующего закона позволили при осуществлении муниципальной политики в некоторых случаях отказаться от ряда демократических процедур, ранее являвшихся обязательными. Поэтому многие важнейшие вопросы местного развития решаются без участия населения, что приводит к ситуациям, когда формы и способы решения вопросов местного развития не отвечают интересам населения, а институты его участия в решении вопросов муниципального развития отсутствуют или не являются существенным элементом муниципальной организации. Это позволяет говорить о необходимости совершенствования институциональных аспектов осуществления муниципальной политики в нашей стране в ракурсе реформирования [13].

Представляется, что региональный уровень в последующем направит деятельность своих законодательных органов государственной власти в русло разработки форм и методов наиболее эффективного взаимодействия с местными органами власти. Это обусловлено следующими обстоятельствами: во-первых, согласно п.2 ст. 131 Конституции РФ, органы государственной власти вправе влиять на формирование органов местного самоуправления при том факте, что конституционно провозглашен принцип самостоятельности и демократичности местной власти в пределах своих полномочий. Данный факт и правовое положение непосредственно распространяется на процедуры институтов прямой представительной демократии избрания глав муниципальных образований [14]. На сегодняшний день действующее законодательство фактически расширяет полномочия федерального и регионального уровня власти в отношении органов местного самоуправления, что может выражаться в модели назначения глав муниципалитетов [15] органами субъектов федерации, а, точнее, согласно ст. 5 ФЗ № 414-ФЗ законодательным региональным органом, главой субъекта РФ (высшим должност-

ным лицом, например, губернатором) или исполнительным органом региона.

Рассматриваемая научная область права и политики на сегодняшний момент отличается особой важностью, поскольку само понятие система местного самоуправления – это деятельность населения по решению вопросов местного значения и важным моментом является тот факт, что население осуществляет свою деятельность, исходя из местных традиций и обычаев, а также национальных, культурных, исторических и иных традиций [16]. Однако, формирование единой системы публичной власти ориентируется и ставит во главу угла не местные принципы и задачи, а общегосударственные – национальная безопасность, национальная экономика, здравоохранение государства, защита его экологии и другие. Надо заметить, что формирование единой системы публичной власти, послужившее основой для реформирования всей отечественной системы государственного и муниципального управления во-многом необходимо для эффективного осуществления общегосударственной национальной политики, одной из сфер которой является национальная безопасность государства, точнее, ее обеспечение на территории страны и за ее пределами.

Таким образом, основная задача федеральных, региональных законодателей, ученых, практиков и представителей партийной политической элиты проработать и уточнить понятие, сущность, субъектный состав и основные направления общегосударственной национальной политики как деятельности органов публичной власти с учетом современного концептуального развития российской государственности и учетом норм и положений действующего российского законодательства.

Таким образом, в заключении можно сформулировать следующие выводы. Актуальность рассматриваемой тематики на сегодняшний момент сегодня обусловлена рядом фактором. Прежде всего, внутреннее государственное управление в новых внешних международных связях с не всегда позитивным воздействием должно усовершенствоваться и отвечать потребностям и российского государства, и российского общества. В то же время институт местного самоуправления наиболее приближен к населению, учитывает его интересы и нужды. Другой аспект заключается в том, что публичная власть – это новая закреплённая категория, включающая в себя федеральных, региональных (уровня субъекта федерации) и муниципальных властных субъектов, определяя обновленные межуровневые связи, нормы, принципы и механизмы их организации. Третьим моментом, обуславливающим новизну и актуальность тематики, является новое законодательство о единой системе публичной власти в Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Послание Президента РФ Путина В. В. Федеральному Собранию РФ. 2020 г. 15 января // Российская газета. – 2020. – № 7 (8061).
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента от 2 июля 2021 года № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.
3. Конституция Российской Федерации 1993 года (с поправками) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 8 декабря 2020 года № 394-ФЗ «О государственном Совете Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020 г. – № 50 (часть III). – Ст. 8039.
5. Безруков А. В. Конституционная реформа: основные направления и пути совершенствования конфигурации публичной власти в России // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 6.
6. Щепачев В. А. Конституция Российской Федерации 2020 г.: местное самоуправление в единой системе публичной власти // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 12.
7. Федеральный закон от 21.12.2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Российская газета от 27 декабря 2021 года. – № 294 (8645).
8. Проект Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Принят в первом чтении 25.01.2022 года // СПС Консультант плюс.
9. Федеральный закон № 131-ФЗ от 6 октября 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 40. – Ст. 3822.
10. Баженова О. И. Реализация преобразованной конституционной модели местного самоуправления в России: первые шаги // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 12.
11. Бардаков А. И. Народ и власть: парадигма взаимосвязи по Франсуа Фейде // Парадигмы управления, экономики и права. – 2020. – № 1. – 30.10.2020.
12. Михнева С. В., Михнев И. П., Митячкина Е. С. Правовое положение главы исполнительно-распорядительного органа местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 1. – С. 191-197.
13. Михнева С. В., Михнева А. И. Муниципальное образование в Российской Федерации: политико-правовые аспекты // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 36. – С. 972-977.
14. Михнева С. В., Михнев И. П., Чернова А. П. Правовые основы определения юридического положения должностных лиц местного самоуправления и муниципальных служащих в Российской Федерации // Социально-экономические и правовые основы инновационного развития: сборник научных статей. – Пенза, 2018. – С. 104-111.
15. Сорокина Н. В., Михнева С. В. Правовое регулирование и кадровая обеспеченность органов местного самоуправления: исторический аспект и современные основы / Учебное пособие. – Волгоград, 2013.
16. Михнева С. В., Михнев И. П., Митячкина Е. С. Правовое положение главы исполнительно-распорядительного органа местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 1. – С. 191-197.

ОЧИРОВА Виктория Мункоевна

доктор политических наук, доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права, ведущий научный сотрудник Центра правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона Бурятского государственного университета имени Д. Банзарова

Очирова В. М.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ

Начало XXI века смело можно назвать качественно новым периодом в развитии международного права и международных отношений. Данный период кардинально отличается от предшествующего времени, что выражается не только в формировании новых центров влияния, смене приоритетов в развитии многих государств и, как следствие, обновлении круга стратегических партнеров. Все это вполне естественные процессы. Однако в настоящее время мы наблюдаем, как стремительно меняются международные отношения между государствами и как в угоду внешнеполитическим целям отдельных стран попираются, казалось бы, незыблемые нормы международного права, что ведет не только к падению его ценности, но и созданию весьма опасной геополитической ситуации и, в первую очередь, для России. В работе анализируется влияние современных международных условий на внешнюю политику Российской Федерации и эволюцию нормативно-правовой базы, ее определяющую. Основное внимание акцентируется на внешнеполитических аспектах конституционной реформы 2020 года, в результате реализации которой были обновлены многие нормы Конституции РФ, касающиеся внешней политики. Изучение их содержания, предпосылок появления в тексте Основного закона РФ является основной целью настоящей статьи.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, конституционная реформа 2020 года, конституционно-правовые нормы, внешняя политика, Концепция внешней политики Российской Федерации, международное право, международные отношения, суверенитет, внешнеполитические вызовы.

OCHIROVA Viktoriya Munkoevna

Ph.D. in political science, associate professor of Constitutional, administrative and municipal law sub-faculty, leading researcher of the Center for Legal Support of Interaction of the Russian Federation with the Countries of the Asia-Pacific Region of the D. Banzarov Buryat State University

FOREIGN POLICY ASPECTS OF CONSTITUTIONAL REFORM IN RUSSIA

The beginning of the 21st century can be safely called a qualitatively new period in the development of international law and international relations. This period is fundamentally different from the previous time, which is expressed not only in the formation of new centers of influence, the change of priorities in the development of many states and, as a consequence, the renewal of the range of strategic partners. All these are completely natural processes. However, at present we are observing how international relations between states are rapidly changing and how seemingly unshakable norms of international law are violated in order to please the foreign policy goals of individual countries, which leads not only to a decrease in its value, but also to the creation of a very dangerous geopolitical situation and, first of all, for Russia. The paper analyzes the influence of modern international conditions on the foreign policy of the Russian Federation and the evolution of the regulatory framework that determines it. The main attention is focused on the foreign policy aspects of the constitutional reform of 2020, as a result of which many norms of the Constitution of the Russian Federation concerning foreign policy were updated. The study of their content, the prerequisites for their appearance in the text of the Basic Law of the Russian Federation is the main purpose of this article.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, constitutional reform of 2020, constitutional and legal norms, foreign policy, Foreign Policy Concept of the Russian Federation, international law, international relations, sovereignty, foreign policy challenges.

Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, является основополагающим политико-правовым нормативным актом, который определяет основные принципы устройства общества и государства, а также перечень прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Тем самым Основной закон оказывает влияние на все социальные сферы российского государства, в том числе определяет сущность и содержание его внешнеполитических ориентиров, которые в дальнейшем конкретизируются в Концепции внешней политики Российской Федерации и других дополнительных документах. При этом изменения, неизбежно происходящие в мире,

обуславливают необходимость корректировки Конституции РФ и иных нормативно-правовых документов, что и было осуществлено, в частности, в 2020 году. Геополитическая ситуация за несколько прошедших десятилетий кардинально изменилась, появились новые внешнеполитические вызовы, которые Россия, естественно, должна была учесть и отразить в своем Основном законе. В данной связи, в январе 2020 года Президент РФ В.В. Путин предложил внести поправки в Конституцию Российской Федерации, которые в дальнейшем в более детальном и дополненном виде были поддержаны обеими палатами Федерального Собрания РФ, региональными парламентами и Конституционным Судом РФ. 01.07.2020 г.

представленные изменения одобрены в ходе всенародного общероссийского голосования. В целом, текст Конституции Российской Федерации подвергся существенным коррективам, статьи, посвященные внешней политике, содержательно изменились, появились и новые нормы. Именно на анализе обновленных конституционно-правовых норм, определяющих внешнеполитический вектор развития России, хотелось бы остановиться в рамках настоящей статьи.

Основополагающими статьями Конституции РФ 1993 г., в рамках рассматриваемой тематики, безусловно, являются нормы Главы 1, определяющие основы конституционного строя России в области внешней политики. Так, статья 4 гласит: «Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию. <...> Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории»¹. Статья 5 п. 3. дополняет: «Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти ...»².

Соответственно, основополагающими началами развития российского государства неизменно являются суверенитет, государственная целостность и неприкосновенность его территории. Данные положения, безусловно, приоритетны для любого государства, но для России они сейчас приобрели особую актуальность. Современный мир характеризуется нестабильностью и обострением противоречий между государствами, в основе которых острая борьба за ресурсы, влияние и традиционное желание ряда западных держав ослабить и развалить Россию, которая, спустя несколько десятилетий после распада СССР, сумела восстановиться и вновь стать внушительной силой на мировой арене. Независимая и негибкая позиция России по важнейшим международным вопросам, высокий авторитет в мире Президента РФ В.В. Путина, наряду с общим укреплением государства, формированием круга стран-сторонников России, вызвали недовольство США и ряда европейских стран, решивших, что именно они являются единственными акторами и «сценаристами» глобальных процессов, которые могут безнаказанно вмешиваться во внутренние дела суверенных государств и беспрепятственно осуществлять «перекройку» карты мира, исходя лишь из собственных интересов. Ответом данных недружественных государств стала антироссийская риторика, «информационная война», попытки внутренней дестабилизации России, государственный переворот и создание марионеточного правительства на Украине, многолетняя война на Донбассе, активизация стран, входящих в состав Организации Североатлантического договора (НАТО) и их стремительное вооруженное продвижение к нашим границам. Между тем Россия всегда стремилась к добрососедским отношениям и взаимовыгодному сотрудничеству со всеми странами мира, что было отражено в Концепции внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. № Пр-251:

«Развитие взаимовыгодных двусторонних связей с Германией, Францией, Италией, Испанией, Финляндией, Грецией, Нидерландами, Норвегией и некоторыми другими государствами Западной Европы является важным ресурсом продвижения национальных интересов России в европейских и мировых делах, содействия переводу российской экономики на инновационный путь развития. Россия хотела бы, чтобы в этом же русле использовался потенциал взаимодействия с Великобританией <...> Россия развивает поступательное практическое взаимодействие со странами Северной Европы <...> Россия открыта для дальнейшего расширения прагматичного, взаимоуважительного сотрудничества с государствами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы с учетом реальной готовности к этому каждого из них <...> Российская Федерация настроена на взаимодействие с Латвией, Литвой и Эстонией в духе добрососедства, на основе обоюдного учета интересов <...> Россия выстраивает отношения с США с учетом не только их огромного потенциала для взаимовыгодного двустороннего торгово-экономического, научно-технического и иного сотрудничества, но и их ключевого влияния на состояние глобальной стратегической стабильности и международной обстановки в целом <...> Важным элементом сбалансированной политики России на североамериканском направлении являются отношения с Канадой, которые традиционно носят стабильный характер и мало подвержены воздействию политической конъюнктуры»³. Такая же позиция была у России и в отношении других стран мира. Сложившаяся в дальнейшем новая политическая реальность вызвала необходимость корректировки документов, определяющих внешнеполитические ориентиры России. В новой Концепции внешней политики РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 констатируется: «Накопившиеся в течение последней четверти века системные проблемы в Евро-Атлантическом регионе, выразившиеся в осуществляемой Организацией Североатлантического договора (НАТО) и Европейским союзом (ЕС) геополитической экспансии при нежелании приступить к реализации политических заявлений о формировании общеевропейской системы безопасности и сотрудничества, вызвали серьезный кризис в отношениях между Россией и государствами Запада. Проводимый США и их союзниками курс на сдерживание России, оказание на нее политического, экономического, информационного и иного давления подрывает региональную и глобальную стабильность, наносит ущерб долгосрочным интересам всех сторон, противоречит возрастающей в современных условиях потребности в сотрудничестве и противодействии транснациональным вызовам и угрозам»⁴. Тем не менее, Россия, по-прежнему, была настроена на сотрудничество, как с государствами Европейского союза, так и с США, Канадой и другими западными странами. Однако интересы России неуклонно смещались в Азиатско-Тихоокеанский регион. В Концепции 2016 г. отмечается: «Россия рассматривает укрепление своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе и активизацию отно-

1 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 27.04.2022).

2 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 27.04.2022).

3 Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12 февраля 2013 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsiya-vneshnei-politiki-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom/> (дата обращения: 27.04.2022).

4 Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/#ixzz5KuHe4ywi> (дата обращения: 27.04.2022).

шений с расположенными в нем государствами как стратегически важное направление своей внешней политики»⁵. В документе подробно перечислены страны Азиатско-Тихоокеанского региона, с которыми Россия намерена развивать стратегическое партнерство, в их числе Китайская Народная Республика, Республика Индия, Монголия, Япония, Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Корея, Социалистическая Республика Вьетнам, Республика Индонезия, Королевство Таиланд, Республика Сингапур, Малайзия и другие.

Помимо Концепции внешней политики РФ появились предпосылки и для изменения текста Основного закона Российской Федерации, который подвергся существенной корректировке уже в 2020 году. Остановимся на анализе обновленных конституционно-правовых норм, определяющих внешнеполитический вектор развития России.

Вполне логичным представляется появление нового п. 2.1. в статье 67 Конституции РФ: «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются»⁶. В сложившихся условиях, когда наше государство оказалось окружено недружественными странами, которые помимо демонстрации общей неприязни стали предъявлять и территориальные претензии, Россия должна была на конституционном уровне обеспечить собственную целостность и безопасность. Обширная российская территория с ее практически неисчерпаемыми природными богатствами во все исторические периоды была объектом пристального внимания и зависти со стороны США, стран Европейского союза, Японии и других государств. Многие из представителей их политической элиты вполне серьезно утверждали, что несправедливо чтобы все эти богатства (земли, недра, природные ресурсы) принадлежали одному государству и следовало бы территорию России поделить между ними. Абсурдность подобных заявлений понятна любому здравомыслящему человеку. Однако рассуждения такого плана не прекращаются и, похоже, что США и их сателлиты начинают приступать к реализации своих замыслов в отношении России. Примечательно, что данные государства, преследуя свои неблагоприятные цели в любой точке мира, будь это Россия, Украина или Ирак, Ливия, Сирия, Афганистан, безнаказанно грубо нарушают нормы международного права, превращая создаваемый не одно десятилетие массив основополагающих международно-правовых документов в прах. Более того, многие международные организации и институты, как, например, Европейский Суд по правам человека, превратились в орудия их агрессивной внешней политики и инструменты давле-

ния на неудобные государства. В условиях «кризиса доверия» в международных отношениях и попираания норм международного права Россия, тем не менее, остается им приверженной. Статья 15 п. 4. Конституции РФ по-прежнему гласит, что «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»⁷. Однако прежний текст статьи 79 Конституции РФ: «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации»⁸ дополнен новым актуальным положением: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации»⁹. В статье 125 п. 5.1.6 Конституции РФ, фактически устанавливается приоритет российского права над международным, так как Конституционный Суд РФ «в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации»¹⁰. Вполне естественно, что Россия должна иметь собственные законодательные рычаги для противодействия незаконному международному давлению.

Враждебная риторика и давление со стороны США, стран Европейского союза и их союзников в отношении России усугубились после начала ею 24.02.2022 г. освободительной специальной военной операции на Украине. Ответом стали жесткие санкции, открыто преследующие цели

5 Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/#ixzz5Kuhe4ywi> (дата обращения: 27.04.2022).

6 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 27.04.2022).

7 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 27.04.2022).

8 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 27.04.2022).

9 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 27.04.2022).

10 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 27.04.2022).

по политической, экономической, культурной и иной изоляции России, сопровождаемые давлением на многие государства мира с целью поддержать их масштабную антироссийскую кампанию, а также наращиванием военной техники и вооруженных сил стран, входящих в состав Организации Североатлантического договора (НАТО), на территории Украины и повсеместно у наших границ. Все попытки России дипломатическим путем разрешить имеющиеся противоречия с западными державами пока тщетны, так же как были безрезультатны и восьмилетние попытки мирно урегулировать ситуацию на Украине. Налицо нежелание США и западных держав потерять управление над марионеточной Украиной, в которую они вложили огромные денежные средства, взрастив там антироссийские настроения и неонацизм в чистом виде и создав там плацдарм для военных действий против России. Попирание национальных, исторических, духовных и культурных ценностей России, являющейся преемницей СССР, который ценой невероятных усилий уничтожил нацизм на своей территории и освободил от него всю Европу, попытки переписывания истории, территориальные претензии вызывают необходимость противодействовать этим фактам. Поэтому, полагаем, в Конституции РФ появилась новая статья 67.1. «1. Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации. 2. Российская Федерация «...» признает исторически сложившееся государственное единство. 3. Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»¹¹. Данная статья, на наш взгляд, результат объективного осмысления советского периода истории своей страны, который по праву является его достойной страницей, во многом заслуживающий гордости за Отечество и свой героический народ, без которого не было бы современной России, Европы и других стран. Однако сегодня, к сожалению, период, нуждающийся в законодательной защите, благодаря бесстыдному беспамятству американцев, европейцев и их сторонников, которые для достижения своих целей готовы использовать любые, в том числе и аморальные средства. Видимо, именно Россия, должна сохранить и призвана отстаивать историческую правду.

На России также, вероятно, лежит и миссия по сохранению международной стабильности. В новой статье 79.1. Конституции РФ указано, что «Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вме-

шательства во внутренние дела государства»¹². Внешняя политика, реализуемая Россией, полностью подтверждает данный факт. Россия, несмотря на давление и санкции в отношении нее, всегда осуждала агрессивную политику иностранных государств по отношению к Ираку, Ирану, Ливии, Афганистану и другим странам, оказывала им дипломатическую поддержку, а также непосредственно помогала противодействовать военному вмешательству западных держав, как, например, в случае с Сирией. Принципы справедливости, мирного дипломатического урегулирования спорных ситуаций, недопущения вмешательства во внутренние дела суверенных государств – неизменные черты внешней политики России, которые являются прямым антиподом американского и западного понимания решения внешнеполитических вопросов.

Таким образом, Конституция РФ в редакции 2020 г. отражает современные внешнеполитические вызовы, стоящие перед Россией, и предлагает меры противодействия им. Анализ конституционно-правовых норм, посвященных внешней политике России, позволяет сделать вывод об актуальности и своевременности, внесенных в Конституцию РФ поправок. Последние события, происходящие в мире, агрессивная риторика США и их союзников в отношении России, полностью подтверждают данный тезис. Они также обуславливают необходимость корректировки многих внешнеполитических документов России, в частности Концепции внешней политики РФ, о разработке новой редакции которой уже объявлено Президентом РФ В.В. Путиным. В указанных документах, безусловно, найдут отражение современные международные реалии и обновленные нормы Конституции Российской Федерации.

11 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 27.04.2022).

12 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 27.04.2022).

РУБЛЕВ Андрей Геннадьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Рассматриваются некоторые историко-правовые аспекты эволюции прав человека первого поколения. Автор исследует процесс генезиса потенциала прав человека в ходе их формирования и закрепления, охвата ими новых общественных отношений на примере основных источников права исследуемого периода. В статье сделан вывод, что права человека являются результатом завоевания новых ценностей, связанных с социальными потребностями личности и общества. Английские, американские и французские декларации прав стали конструктивной основой современных правовых систем.

Ключевые слова: Декларация, Великая хартия вольностей, общественный договор, Французская революция, принципы, свобода.

RUBLEV Andrey Gennadjevich

Ph.D. in Law, associate professor of State and legal disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

Рублев А. Г.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF THE FIRST GENERATION OF HUMAN RIGHTS: FEATURES OF FORMATION AND DEVELOPMENT

Some historical and legal aspects of the evolution of human rights of the first generation are considered. The author explores the process of the genesis of the potential of human rights in the course of their formation and consolidation, their coverage of new social relations on the example of the main sources of law of the period under study. The article concludes that human rights are the result of the conquest of new values associated with the social needs of the individual and society. English, American, and French declarations of rights have become the building blocks of modern legal systems.

Keywords: Declaration, Magna Charta, social contract, French Revolution, principles, freedom.

Права человека – это совокупность ценностей, включенных в интеллектуальное поле, конституции и международные конвенции на протяжении веков и основанных на общем убеждении, что их следует защищать. Это права, которые человек получает, просто будучи человеком. Эти права в основном представляют собой перечень полномочий, которые человек может требовать от всех юридических и физических лиц. Человек приобретает эти права при рождении или даже до рождения. Права человека ограничивают государственную власть; они превращают индивида в субъекта с определенными правами и полномочиями по отношению к государству гарантируют его от того, чтобы быть в качестве объекта правоотношений, от которого в принципе ничего не зависит. Права человека дают человеку право требовать защиты своих общих ценностей как человеческих существ от эксплуатации, угнетения, насилия, нападения и всех видов негативных внешних воздействий.

Как известно, индивидуальные права и свободы тесно связаны с личностью. Поэтому они необходимы, неотчуждаемы и неприкосновенны. Однако у людей также есть обязанности и ответственность по отношению к своей семье, обществу и человечеству в силу совместного проживания. Тот факт, что люди имеют основные права и свободы, не дает им права подвергаться различным злоупотреблениям. Многие конституции определяют свободу следующим образом: «свобода — это делать что-либо в обществе, не причиняя вреда другим».

Основание Организации Объединенных Наций после Второй мировой войны, ее происхождение основано на доктрине естественного права. Прошло 2500 лет с тех пор, как

борьба за права человека перешла от борьбы против рабства к борьбе за право на окружающую среду и за отказников от военной службы по соображениям совести.

В британской литературе еще в 17 веке Джон Локк утверждал о том, что некоторые права человека существуют просто потому, что он человек, и что он обладает этими правами в естественном состоянии, в котором он жил до заключения общественного договора [1, с. 33].

Согласно Гоббсу человек имеет естественное право, которое он приобретает в течение жизни. Естественное право (jus naturale) — это «свобода каждого человеческого существа использовать свою силу для защиты своей собственной природы, то есть своей жизни [2, с. 311].

Таким образом, в письменных источниках параллельно с интеллектуальным полем конституционные документы, декларации, поздние конституции, международные конвенции, национальные и наднациональные организации и юрисдикции составили правовую и этическую основу формирования прав человека.

Во всех конституционных документах такая основа направлена на защиту прав и свобод, признанных неотъемлемыми правами человека, от абсолютной власти и определенные сферы, в которую не может входить государство.

Как известно, развитие прав человека в историческом процессе проходило в три основных этапа: первый этап связан с революциями буржуазии против аристократии и феодализма в 17-18 вв., что обеспечило зарождение и развитие понятий свободы и равенства. В 17 веке возникшая в мире идея «индивидуальных прав» основана на идеях естественного права и общественного договора. При допущении

общественного договора перед государством ставится задача защиты неотъемлемых прав и свобод личности. Если государство не выполняет эту обязанность, по сути, легитимность договора исчезает. В результате народ использует свое право на сопротивление и не подчиняется государству. Права и свободы, которые развились в этот период, были включены в британские, американские и французские декларации прав и стали строительными блоками будущих правовых систем.

Человек никогда не имел такого диалектического владения природой и знаниями. Несмотря на это стремление, гигантские шаги, сделанные в науке и технике, человечество не могло прагматически показать такой же прогресс в сохранении, изменении и развитии своих прав. Люди должны бороться в соответствии со своим пониманием толерантности, гуманизма, равенства и свободы, защищать свои права и защищать свои завоевания.

Права человека — это те права, которыми наделено каждый человек только в силу факта принадлежности к человечеству, независимо от их национальной кодификации, поскольку ни одно правительство не может игнорировать эти права.

Государства, собравшиеся в Вене на Всемирной конференции по правам человека (1999 г.), подтвердили, что права человека¹ являются неотъемлемым правом всех людей и что защита прав человека является главной обязанностью правительств.

Все люди обладают врожденным человеческим достоинством и в равной степени пользуются правами человека независимо от пола, расы, цвета кожи, языка, национальности, возраста, класса, идеологии или религии. Важно подчеркнуть, что они выходят за рамки прав гражданина, поскольку являются универсальными; и они отличаются от прав, на которые претендуют народы, поскольку все они принадлежат индивидууму, даже если они должны осуществляться коллективно.

Процесс формирования концепции прав человека, безусловно, носит межкультурный характер и делится на следующие основные исторические периоды с точки зрения философско-исторического пути.

Эпоха естественных и всеобщих прав человека, происходящих из естественно-правового мышления, которой обязано рождение конституционных государств с восемнадцатого века. Эпоха позитивных и особых прав человека. Исторически значимыми событиями рассматриваемого периода являются Английская, Американская и Французская революции. С философской точки зрения мы говорим о юридическом позитивизме: всякое право имеет государственное происхождение или во всяком случае положительное. Политическая власть обладает нормативными способностями, независимыми от любого порядка другой сущности, как естественной, так и религиозной.

Наконец, период интернационализации прав человека, которые остаются положительными, считается источником, в том числе, международного права.

Первый исторический след письменного подтверждения прав человека, хотя ограниченный и в зачаточном состоянии обнаруживается в Великой хартии вольностей, принятой в Англии 15 июня 1215 г. С подписанием Великой хартии

вольностей король принял ограничение своего правления от имени землевладельцев, называемых «баронами». Таким образом, безразличное владычество короля было завершено, определены взаимные обязанности короля и лордов. С объявлением хартии феодалы получили большие привилегии, понятие феодальной власти было поставлено на прочную основу. Народ, напротив, оставался крепостным и не мог избавиться от положения, когда землевладельцы покупали и продавали землю.

Великая хартия вольностей устанавливала баланс между доминирующими силами в обществе, а не определяла свободы граждан, ограничивала безграничные полномочия короля в интересах феодалов и духовенства. Статья 39 Великой хартии вольностей содержит одно из важнейших положений о том, что свободный человек «без судебного разбирательства и осуждения себе подобными в соответствии с законами страны» не может быть ограничен в правах [3, с. 496].

Впоследствии, в эпоху Ренессанса и гуманизма, бунты и мятежи следовали друг за другом по всей Европе против власти формировавшихся тогда современных государств. Затем протест распространился по обе стороны Атлантики, сливаясь с исходными антиколониальными и антирабовладельческими движениями.

Между тем этот революционный результат антиавторитарной борьбы развивался параллельно с другими великими революциями того времени — научной, промышленной, коммерческой.

Как мы увидим, между семнадцатым и восемнадцатым веками учение о правах человека приобрело конкретность, но утратило свою универсальность. По сравнению с предыдущим историческим периодом, выделяются три основных исторических переломных момента: Английская, Американская и Французская революции.

Во время Английской революции главной заботой было ограничение королевских прерогатив в пользу парламента. В действительности, с интересующей нас точки зрения, это не был настоящий разрыв с прошлым, напротив, права, провозглашенные англичанами сначала в Петиции о правах (1628 г.) [4, с. 21-24], а затем в Билле о правах² (1689), были основаны на традициях, а именно: Великой хартии вольностей 13 века.

Таким образом, Английский Билль о правах представляет собой декларацию прав человека, опубликованную в Англии в 1689 г., которая ограничивает, в частности, произвол и полномочия короля Англии.

Согласно декларации, вступившие на престол в Англии короли, передают большую часть своих полномочий парламенту. Необходимо отметить, что был сделан важный шаг с точки зрения защиты прав человека. Процесс публикации этой декларации восходит к английской Петиции о праве (1628 г.). Король Карл, ставший монархом в 1628 г., верил в абсолютную власть монархии. Он предпринял шаги, чтобы полностью присвоить незаконно всю полноту власти в государстве, использовал свои полномочия без одобрения парламента и даже участвовал в двух войнах. В результате, когда король обратился в парламент с просьбой покрыть расходы на войну, парламент отклонил эту просьбу, и было заявлено, что эта поддержка не будет ему оказана до тех пор, пока не будет подписана английская петиция о правах.

В конечном итоге Чарльз подписал петицию, содержащую важные положения с точки зрения прав человека, такие, например, как неприменение силы для сбора денег с

1 Венская декларация и программа действий (Принята в г. Вене 25.06.1993 на 2-ой Всемирной конференции по правам человека). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=y42M71TD4mgFLpPY&cacheid=671A612D79F82C358A9167E3E43F7073&mode=splus&rnd=B829E3F39E81565A78AF1D8A0AE814CF&base=INT&n=15149#vf9O71T8QhRjRQ961>. (дата обращения: 23.03.2022 г.).

2 The Bill of Rights. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/Билль_о_правах_\(1689\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Билль_о_правах_(1689)) (дата обращения: 19.03.2022 г.).

граждан, запрет на помещения в места лишения свободы без причины и произвольное налогообложение. Позже король Карл стал не выполнять положения в разрез своей обязанности. Различные члены парламента были арестованы, а между парламентом и королем началась многолетняя война. Позднее Чарльз проводил более умеренную политику при поддержке Франции, он продолжал заниматься деятельностью по нивелированию парламентских полномочий.

Следующий король Англии Джеймс взшел на престол в 1685 г., он также участвовал в восстановлении абсолютной монархии, был свергнут в 1688 г. в ходе революции. В 1689 г. в Англии был подписан и провозглашен Билль о правах, краеугольный документ об основных правах, предусматривавший передачу королевских полномочий парламенту. Наиболее важные и существенные статьи этой декларации, несущей дух Великой хартии вольностей, к примеру, если кратко возможно сформулировать следующим образом: запрещается вводить новые налоги без согласия парламента. Кроме того, законодательный иммунитет также регулировался упомянутым документом. Никто не мог быть привлечен к ответственности за обсуждения законопроектов и других вопросов в парламенте. Парламент получил полную свободу слова. Кроме того, мобилизация в армию не могла быть начата без согласия парламента. Закон, принятый парламентом, стал обязательным для всех, включая короля.

Следующий этап формирования прав человека первого поколения представлен Американской революцией колонистов (1765-1783) Она охватила ряд интеллектуальных и социальных изменений, становление новых республиканских идеалов, которые пронизывали умы американского народа. В некоторых штатах разгорелись жаркие споры о роли демократии в управлении государством. Переход к республиканизму и распространение демократии нанесли ущерб традиционной социальной иерархии. Когда закончилась военная угроза Франции американским колониям, Лондон решил, что большую часть расходов на оборону колоний должны оплачивать колонии. Американские патриоты в тринадцать колониях победили британцев в Великой войне за революцию (1775-1783) с помощью Франции, завоевав независимость от Великобритании и основав Соединенные Штаты Америки.

Нельзя не отметить, что американские колонисты выдвинули лозунг: «Нет налогов без представительства». Они отвергли право британского парламента облагать их налогом, поскольку у них не было представителей в этом руководящем органе.

В свою очередь даже Американская революция, принимая во внимание ее особенности, представляет собой момент преемственности по отношению к прошлому³: не только потому, что в некоторых колониях классовое общество уже было упразднено, а некоторые права были упразднены, но и потому, что американцы основывали свои права на свободах, провозглашенных Великой хартией вольностей.

Настоящее отделение от прошлого государственного устройства, прогрессивного положения личности в обществе было достигнуто во время Французской революции. Декларация прав человека и гражданина 1789 г.⁴ представляла со-

бой полное разрушение прежнего социального и политического строя, настоящий социальный и правовой водораздел между прежним государством, правовыми статусом поданных и новым правопорядком.

Общим смыслом революций как раз и было закрепление основных прав, тем самым осуществлялся переход от прав человека как таковых к правам гражданина государства. Историческая и политическая мысль долго останапливалась на соотношении итогов революций, сводя английскую и американскую революции к единому образцу.

Несомненно, что для континентальной Европы французская декларация была самым важным событием, поскольку она была постоянным ориентиром для формирования современных конституционных прав человека и гражданина. Ядром Декларации является неразрывная связь между личностью, основными правами и народным суверенитетом, что делает концепцию демократии неотделимой от прав и свобод человека и гражданина.

Декларация находилась под влиянием идей Просвещения и теорий общественного договора и естественных прав, о которых говорили такие мыслители, как Жан-Жак Руссо, Джон Локк, Вольтер, Монтескье. Она представляет собой первый шаг в разработке конституции, как основного закона государства в Европе. Хотя в декларации излагались права человека без исключения (и не только права французских граждан), в ней не было четкого определения статуса женщин или рабства.

Принципы этой Декларации имеют конституционное значение в действующем французском законодательстве. Декларация была разработана маркизом де Лафайетом и принята Национальным собранием и должна была стать основой для перехода от абсолютной монархии к конституционной монархии. Многие статьи Декларации были направлены на упразднение некоторых институтов старого режима дореволюционной Франции. Фактически Франция стала республикой, а Декларация стала одним из ее основных документов.

Декларация основана на нескольких философских и политических принципах таких как индивидуализм, общественный договор, определенный Руссо, разделение властей Монтескье. Французы, кроме того, смогли реализовать принятие Декларации с учетом положений Американской Декларации независимости от 1776 г. и Вирджинской декларацией прав от 1776 г.

При этом через 6 недель после падения Бастилии и через 3 недели после отмены феодализма Декларация провозгласила в статье третьей принцип народной власти и равных возможностей: «Нация является источником всей власти. Всякая власть отдельных лиц и масс людей, которая не исходит из нее, является коррумпированной властью». Изложенное противоречило дореволюционной ситуации, когда источником власти считался Всевышний.

К примеру, в статье шестой отмечено, что «... этот закон должен быть один для всех. То есть каждый равен ему. Каждый из них имеет право на должности и чины по своим способностям и способностям, и не позволено человеку быть предпочтительным перед человеком в этом отношении, кроме как в силу его добродетели и его знаний». Налицо явное расхождение с разделением общества до революции на три класса: церковь, дворянство и простолюдине, где первые два класса имели особые права.

Декларация гарантировала всем гражданам «свободу, ... право короля, право на безопасность и право сопротивляться угнетению и тирании». В Декларации утверждается, что потребность в законе проистекает из того, «... что нет предела правам одного человека, кроме прав второго человека». Со-

3 Handlin O., Handlin L. A Restless People: Americans in Rebellion, 1770-1787. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/restlesspeopleam00hand/page/n13/mode/2up>.

4 Декларация прав человека и гражданина (принята Национальным учредительным собранием (фр. Assemblée nationale constituante) 26 августа 1789 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Декларация_прав_человека_и_гражданина (дата обращения: 21.03.2022 г.).

гласно Декларации, «закон есть воля общества», и его функция — обеспечивать равенство прав и предотвращать то, что «вредно для общественного организма».

Более того, Декларация установила инструменты и механизмы, аналогичные упомянутым в Конституции США и Билле о правах, которые были разработаны в том же году. Как и в Конституции США, в ней говорится о необходимости обеспечения безопасности и излагаются общие принципы налогообложения, особенно налогового равенства (важное отличие от дореволюционной ситуации, когда дворянство и церковь были освобождены от налогов). Подчеркнуто право общества на гласность, вынуждая власти раскрывать, в частности, расходы публичной власти из бюджета страны.

Как и Американская хартия прав человека, Декларация во Франции не допускает применения уголовного закона задним числом и устанавливает другие принципы, такие как объявление лица невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана, свободу слова, свободу печати и убеждений, хотя и в пределах ограничения: «... при условии, что эти идеи не нарушают общественной безопасности». Декларация признает право короля при сохранении общественных интересов: «Поскольку право собственности является одним из священных прав, которое не может быть отозвано, недопустимо экспроприировать собственность у кого бы то ни было, если этого прямо не требуют общественные интересы, и в этом случае лицо, у которого отчуждается собственность, должно быть передано адекватная компенсация».

Характерно, что Декларация в первоначальном понимании признавала большинство прав только за мужчинами, не давала прав женщинам и не отменяла рабство. В последующем в 1789 г., после марша на Версаль, женщины Франции представили «Петицию женщин в Национальное собрание» с просьбой о равенстве женщин.

В итоге, в силу Декларации прав женщин и гражданки (1791 г.) женщинам было предоставлено равенство только в Конституции Четвертой республики 1946 г.⁵

Бесспорно влияние положений Декларации в настоящее время. Согласно преамбуле Конституции Пятой Республики Франции (провозглашенной 4 октября 1958 г., которая является действующей Конституцией Франции), принципы Декларации имеют конституционный статус. Неслучайно, к примеру, что несколько законов и постановлений были отменены за то, что они противоречили принципам Декларации в интерпретации Национальной ассамблеи.

Некоторые из принципов Декларации 1789 г. имеют далеко идущее влияние в современной Франции, например: законодательство, которое бесосновательно дискриминирует граждан в налоговых вопросах, является недействительным, поскольку оно не соответствует Конституции. Правительству не разрешается законодательно ограничивать собрания, поскольку свобода собраний является одним из основных прав.

Особое значение имели две характерные черты модерна: секуляризация, как необратимый процесс радикального дистанцирования человека от религии, и индивидуализация, прогрессивное возникновение самоопределения субъекта.

Первая характеристика оформилась еще в шестнадцатом веке в ходе Реформации и с экспроприацией церковного имущества в пользу князей или национальных реформаторских церквей, а в девятнадцатом веке она заложила основы современности: прогресс, революция, освобождение в рамках истории понимается большинством исследователей как

прогрессирующее и непреодолимое накопление преобразований, направляемых человеком.

В заключении отметим, что в Европе один из важнейших правовых актов в истории «прав человека» — Французская декларация, раскрывающая основные принципы буржуазной демократии, ее последствия волнами распространились по всему миру. Особенность Французской декларации в том, что она не национальна, как британская и американская декларации, а носит универсальный характер. Декларация приносит понимание свободы, которое охватывает не только французских граждан, но и все человечество. Права в декларации — это права, которыми обладает человек, просто будучи человеком, где бы и когда бы он не жил.

В этот период принципами совместимы с капитализмом и буржуазными взглядами считались следующие личные и политические права: юридическое равенство, личная безопасность, свобода мысли и убеждений, политические и имущественные права, право на жизнь, запрещение пыток (права первого поколения). Перед лицом этих прав от государства требовалось не вмешиваться и довольствоваться обязанностью «стража порядка». Права первого поколения сыграли важную роль в появлении понимания верховенства права, но сами по себе они недостаточны с учетом последующего развития исследуемых правоотношений.

Формирование конституционного строя с учетом прав и свобод человека является основным моментом, который необходим для укрепления и дальнейшего развития понятий демократии. Как понятие свободы имеет пределы, при этом необходимо учитывать, что и это понятие не может быть использовано для ограничения свободы другого человека, так и ограничения прав и свобод имеют границы. Они заключаются в том, что ограничение «не должно затрагивать существа права» и «не должно противоречить требованиям демократического общественного строя».

Таким образом, права человека первого поколения не были заслужены ожиданием общества. Публичная власть в исследуемый период отказывала населению в закреплении и реализации конституционных прав человека в современном понимании, учитывая, что народ не мог противостоять до известного времени определенным притеснениям. В этот период права могли быть получены в результате борьбы за социальные возможности, поскольку ни о правах человека, ни о демократии невозможно говорить в обстановке, когда власть должным образом не заботилась о поданных и склонна была ограничивать права человека во всех сферах.

Пристатейный библиографический список

1. Локк Д. Два трактата о правлении // Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 33.
2. Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 311.
3. Всеобщая история государства и права / Под ред. В.А. Томсинова. В 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 496 (автор главы - Н.П. Дмитриевский).
4. Дмитриевский Н.П., Косминский Е.А. Законодательство Английской революции 1640-1660 гг. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 21-24.

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cours.unjf.fr/repository/coursefilearea/file.php/64/Cours/06_item/indexIo.htm. (дата обращения: 19.03.2022 г.).

ЛИТОВКО Константин Сергеевич

аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИНФЕКЦИОННЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются действия государственных органов, а также реакция законодателя в связи с противодействием распространению коронавирусной инфекции. Высказывается целесообразность в целях сокращения рисков необоснованного ограничения конституционных прав и свобод не допускать чрезвычайного подзаконного нормотворчества. Акцентируется внимание на необходимости повышения значения законов как актов, регулирующих общественные отношения в условиях противодействия распространению коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: конституционные права, законотворчество, биологическая безопасность, коронавирусная инфекция, инфекционная безопасность, полномочия органов власти, чрезвычайное положение.

LITOVKO Konstantin Sergeevich

postgraduate student of the National Research University «Higher School of Economics»

CERTAIN ASPECTS OF THE RESTRICTION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS IN THE CONTEXT OF COUNTERING THE SPREAD OF INFECTIOUS DISEASES IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the actions of state bodies, as well as the reaction of the legislator in connection with countering the spread of coronavirus infection. The expediency is expressed in order to reduce the risks of unjustified restriction of constitutional rights and freedoms to prevent extraordinary subordinate lawmaking. Attention is focused on the need to increase the importance of laws as acts regulating public relations in the context of countering the spread of coronavirus infection.

Keywords: constitutional rights, lawmaking, biological safety, coronavirus infection, infectious safety, powers of authorities, state of emergency.

Литовко К. С.

Вопрос распространения различного рода инфекционных заболеваний только недавно стал приоритетным направлением в государственной политике при разработке нормативных-правовых актов. Современная медицина оснащена различными средствами противодействия заболеваниям инфекционного характера, однако, как показал опыт, даже она пока не способна устранять вспышки инфекционных заболеваний своевременно. Значение мер, принимаемых государственными органами с целью предотвращения распространения инфекций, значительно возросло и нуждается в комплексном переосмыслении [1, с. 112].

С 31 декабря 2019 года после информирования органами здравоохранения Китая Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ) о случаях пневмонии неизвестной этиологии, которая была обнаружена в г. Ухань мировым сообществом стали предприниматься попытки по ограничению распространения указанной инфекции в том числе и путем введения различного рода ограничений и изменений в правовом регулировании [2, с. 8]. ВОЗ в январе 2020 г. распространение коронавируса нового типа объявила пандемией¹.

На территории Российской Федерации был введен режим повышенной готовности в связи с чем был резко изменен алгоритм работы и специфика решаемых государственными органами задач [3, с. 43]. В указанной области государство реализовывало мероприятия, включающие в

себя превентивные меры, которые напрямую затрагивали и зачастую ограничивали конституционные права граждан, что инициировало различные дискуссии касательно метаморфоз отдельных конституционных прав человека и гражданина в новых обстоятельствах.

При этом в научной литературе отмечают, что возникшие проблемы в оперативности реагирования на новую инфекционную угрозу были бы предупреждены, если заранее существовали конкретные алгоритмы действий государственных органов, опирающиеся на легитимизированные и легализованные правила. Полагаем, что в случае наличия в Российской Федерации работающей системы предотвращения инфекционных заболеваний до момента возникновения угрозы распространения инфекции COVID-19, большей части издержек, в том числе «полифонии центров принятия государственных решений» [4, с. 82] можно было бы избежать.

Условия пандемии вызывали множество кризисов в различных сферах, в том числе и в правовой. С момента возникновения коронавирусной инфекции разрабатываются правовые нормы «антиковидного» уровня, которые позволяют сдерживать уровень распространения коронавирусной инфекции, но вместе с тем, несут риск и негативных непредсказуемых последствий, таких как рост преступности, рост безработицы, появление необоснованных и стратегически опасных правовых ограничений [5, с. 106].

Одним из таких общих негативных ограничений становится воздействие на конституционный статус человека и гражданина. В условиях действия норм, носящих «анти-

¹ ВОЗ объявила пандемию коронавируса: Общество: Мир: Lenta.ru. // LENTA.RU. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2020/03/11/newcoronavirus/> (дата обращения: 16.03.2022).

ковидный» характер, была ограничена автономия воли личности, повысился уровень контроля за действиями граждан. Во многом ограничение прав выражается в приостановлении возможности их реализации на период борьбы с коронавирусной инфекцией, либо возложение ряда дополнительных обязанностей, которые необходимы для повышения контроля над ее распространением.

Важно отметить, что международные акты различного уровня допускают возможность ограничения прав, но содержат в себе в то же время и пределы их ограничения [6, с. 276]. Такие пределы в ограничении прав базируются на принципе соразмерности принимаемых ограничений в ответ на существующую неблагоприятную ситуацию. Так, например, ст. 15 Конвенции о защите прав человека и основных свобод предусматривает возможность ограничения прав в случаях войны или чрезвычайных обстоятельств, которые угрожают жизни нации².

Как представляется, принимаемые в период противодействия распространению коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации нормативные правовые акты создают противоречия, неясности правоприменения. Так, например, часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации закрепляет возможность ограничения прав и свобод непосредственно только исходя из положений федерального закона. Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»³ предполагает возможность введения карантина на определенной территории на основании предложений и предписаний государственных санитарных врачей, а также их заместителей, путем вынесения решения Правительством Российской Федерации, органа исполнительной субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления. В то же время карантин в период противодействия распространению коронавирусной инфекции так и не был введен никакими актами, правоприменитель предпочел иные формы ограничения прав населения, которые создали полностью новый правоприменительный подход, дублирующий в то же время многие особенности, свойственные режиму карантина, но не несущий в себе тех же, зачастую выгодных для граждан, последствий.

Таким образом полагаем, что законодателю и правоприменителю нужно активнее использовать заложенный потенциал существующих конституционно-правовых и административно-правовых норм и институтов, избегая создания новых форм правового воздействия. Также необходимо сокращать возможности ограничения конституционных прав и свобод на основании подзаконных актов, а не федерального законодательства. Есть потребность в проведении широкой ревизии конституционно-правовых и административно-правовых актов, принятых в период противодействия коронавирусной инфекции с целью их классификации, унификации, выработки единообразных подходов для будущего нормотворчества и правоприменения.

Отдельно стоит отметить необходимость формулирования единой концепции биологической безопасности, с учетом положений принятого Федерального закона от 30 декабря 2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации»⁴. Полагаем, многие его нормы нуждаются в глубокой экспертной проработке, также целесообразно рассмотреть соотношение его положений с нормами законодательства о ситуациях чрезвычайного характера. При этом все будущие наработки необходимо встраивать в единую систему предотвращения распространения инфекционных заболеваний среди населения Российской Федерации, включая в нее и этапы профилактики инфекционного заболевания, устранения инфекционной угрозы, восстановления общественных отношения до момента реализации инфекционной угрозы.

Главной целью создания и работы такой системы является защита человеческой жизни, снижение или исключение количества человеческих жертв. Работающая система предотвращения инфекционных заболеваний также повышает гарантии высокого качества оказания медицинской помощи и, соответственно, является гарантией конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Пристатейный библиографический список

1. Андриюшенков В. А. Распространение инфекционных заболеваний как угроза безопасности Российской Федерации // Государственная служба и кадры. - 2020. - № 5. - С. 110-112.
2. Горенков Д. В. [и др.] Вспышка нового инфекционного заболевания COVID-19: р-коронавирусы как угроза глобальному здравоохранению. // Биопрепараты. Профилактика, диагностика, лечение. - 2020. - № 1. - С. 6-20.
3. Цибилов В. А. О первоочередных мерах органов государственной власти России в связи с распространением коронавирусной инфекции // Государственная служба. - 2020. - № 2 (124). - С. 42-47.
4. Пекшев А. В. Формирование единых межотраслевых подходов к надлежащему обеспечению биологической безопасности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. - 2020. - № 5 (69). - С. 74-82.
5. Аничкин Е. С. Конституционный статус человека и гражданина в условиях пандемии коронавирусной инфекции: векторы трансформации в России // Правоприменение. - 2021. - № 3. - С. 101-111.
6. Темрезов Т. Б. Пределы в праве и ограничения в праве: аспекты соотношения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2020. - № 5. - С. 276-279.

2 Европейская конвенция по правам человека (измененная и дополненная Протоколами № 11, 14 и 15, в сопровождении Дополнительного протокола и Протоколов № 4, 6, 7, 12, 13 и 16). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf (дата обращения: 03.03.2022).

3 О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения Федерального закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2022).

4 О биологической безопасности в Российской Федерации Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-128-130

ВОЛКОВ Вячеслав Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящей статье автором проанализированы административно-правовые способы предупреждения коррупции в Российской Федерации. Установлено, что на сегодняшний день не выработан единый подход к определению коррупционного правонарушения, а также его квалифицирующих признаков. Также имеется проблема с соотношением понятий «коррупционное правонарушение» и «коррупционное преступление», а также с такими понятиями, как «коррупционный проступок» и «правонарушение, создающее условие для коррупции».

На основе проведенного анализа в завершение исследования были спрогнозированы конкретные перспективные направления развития антикоррупционного законодательства.

Ключевые слова: антикоррупционное законодательство, коррупция, коррупционное правонарушение, предупреждение коррупции, противодействие коррупции.

VOLKOV Vyacheslav Yurjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

ADMINISTRATIVE AND LEGAL WAYS TO PREVENT CORRUPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

In this article, the author analyzes administrative and legal ways to prevent corruption in the Russian Federation. It is established that to date, a unified approach to the definition of a corruption offense, as well as its qualifying features, has not been developed. There is also a problem with the relationship between the concepts of «corruption offense» and «corruption crime», as well as with such concepts as «corruption offense» and «offense that creates a condition for corruption».

Based on the analysis, at the end of the study, specific promising directions for the development of anti-corruption legislation were predicted.

Keywords: anti-corruption legislation, corruption, corruption offense, prevention of corruption, anti-corruption.

Волков В. Ю.

Российской Федерацией успешно решаются задачи, имеющие политическое и социально-экономическое содержание, при этом основной целью этого позиционируется обеспечение достойного жизненного уровня для всех граждан. Базисом достижения указанных целей выступают высокий уровень законодательства, правосознания, а также устойчивый правопорядок.

Российская Федерация является правовым государством, что задекларировано в ст. 1 Конституции¹. Основные принципы правового государства направлены на процветание общества, государства и каждого человека. При этом различного рода коррупционные проявления представляют собой отступление от принципов правового государства, которые наносят ущерб не только отдельным лицам, задействованным в коррупционном инциденте, но в более глобальных масштабах представляют угрозу для суверенитета и безопасности государства.

Следует отметить постоянное эволюционирование коррупции, а также отсутствие у нее территориальных границ. Коррупция по своей распространенности явление экстерриториальное – она имеет место во всех государствах неза-

висимо от того, какой уровня социально-экономического и политического развития оно достигло.

Причины коррупции, а также последствия, вызванные коррупционными правонарушениями, являются объектом для исследования не только на теоретическом уровне, но и в правоприменительной практике. В целом, коррупция снижает показатели эффективности деятельности государственных институтов, под ее негативным воздействием происходит деформация основ общественного строя, нивелируется роль права как основного регулятора общественных отношений.

В настоящее время борьба с коррупцией и всеми ее проявлениями в Российской Федерации приобрели системный, целенаправленный характер. Антикоррупционная стратегия характеризуется неотвратимостью наказания в случае совершения коррупционных действий.

Международные конвенции в сфере противодействия коррупции имплементированы в отечественное законодательство. Помимо этого, все обязательства, которые взяла на себя Российская Федерация в соответствии с международными актами, эффективно реализуются. Реалии современности диктуют необходимость рассмотрения противодействия коррупции в числе основных функций государства, в этой связи антикоррупционное законодательство в нашей стране постоянно совершенствуется, становится более целостным и системным, получает серьезную апробацию.

За совершение коррупционных противоправных деяний на сегодняшний день предусмотрена возможность привлечения к уголовной, административной, дисциплинарной

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

ответственности. Но при этом ни в уголовном законодательстве, ни в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) не содержится отдельного состава коррупционных проступков.

За деяния, которые не являются общественно опасными, предусмотрена ответственность в Особенной части КоАП РФ². Но при этом в юридической литературе неоднократно указывалось на противоречивый характер административной ответственности за коррупционные правонарушения [1, с. 58]. По мнению исследователей, ее потенциал для борьбы с коррупцией долгое время не реализовался, но на сегодняшний день отмеченная тенденция меняется.

К административным правонарушениям, обладающим коррупционной составляющей, относятся не являющиеся преступлениями правонарушения, связанные:

- с «использованием незаконной материальной поддержки при финансировании избирательной кампании, кампании референдума, проведении выборов»;
- «мелкое хищение, присвоением или растратой чужого имущества»;
- «предоставлением (опубликованием) недостоверной информации о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд заказчиков»;
- «нарушением условий контракта на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»;
- «нецелевым использованием бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов»;
- «неправомерным использованием инсайдерской информации»;
- «несоблюдением должностными лицами органов государственного контроля (надзора) и муниципального контроля требований законодательства о государственном контроле (надзоре)»;
- «незаконной передачей, предложением или обещанием от имени или в интересах юридического лица вознаграждения должностным лицам (лицам, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющим функции представителя власти либо выполняющим организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит РФ, субъектам РФ или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ; лицам, занимающим должности, устанавливаемые Конституцией РФ, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов, а также лицам, занимающим должности, устанавливаемые конституциями или уставами субъектов РФ для непосредственного исполнения полномочий государственных органов)»;
- «незаконным привлечением к трудовой деятельности государственного служащего (бывшего государственного служащего)».

2 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 06.03.2022) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.

Административно-правовые способы предупреждения коррупции в Российской Федерации представляется логичным подразделить на две обособленные группы, а именно:

1) правовые (конкретные мероприятия по борьбе с коррупцией, закрепленные соответствующими подзаконными нормативными актами);

2) организационно-технические, в частности текущее исполнение положений законодательства и подзаконных актов, направленных на противодействие коррупции.

В целом, административные меры, которые направлены на противодействие коррупции, можно считать эффективными только тогда, если их цель не просто уменьшить количество административных правонарушений в коррупционной сфере, но и достижение целей общей и частной превенции, а именно – выявление и устранение предпосылок их возникновения и недопущение совершения новых правонарушений не только нарушителем, но и иными лицами.

Исследование факторов социально-экономического, политического правового характера, а также фактора тщательного подбора кадров для государственной и муниципальной службы способно снизить проявления коррупции и минимизировать ее предпосылки.

В настоящее время различные общественные институты в РФ активно вовлекаются в антикоррупционную деятельность. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле»³ и Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ»⁴, предоставляют организационные и правовые механизмы, для наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, их подведомственных организаций.

Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате РФ»⁵ и Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов РФ»⁶ регламентируют деятельность соответствующего общественного института на федеральном уровне и создают условия функционирования региональных общественных палат на всей территории РФ.

Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в РФ»⁷ и аналогичные нормативные правовые акты различных органов исполнительной власти определяют правовое положение, основные задачи и компетенция Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, а также уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах РФ.

3 Федеральный закон от 07.05.2013 № 77-ФЗ (ред. от 14.03.2022) «О парламентском контроле» // Собрание законодательства РФ, 13.05.2013, № 19, ст. 2304.

4 Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 28.07.2014, № 30 (Часть I), ст. 4213.

5 Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об Общественной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 11.04.2005, № 15, ст. 1277.

6 Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» от 23.06.2016 № 183-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 27.06.2016, № 26 (часть I), ст. 3852.

7 Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 13.05.2013, № 19, ст. 2305.

Однако необходимость дальнейшего развития демократических институтов власти, повышение эффективности функционирования судебной системы РФ очевидна [3, с. 21].

Нельзя не отметить, что принятие Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ⁸, иных нормативных правовых актов, формирующих правовую основу для осуществления антикоррупционной деятельности органами государственной власти и местного самоуправления, дало мощный положительный импульс противодействию коррупции. Четкое закрепление функций и полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления также способствовало снижению уровня коррупции в стране.

Однако, до сих пор не выработан единый подход к определению коррупционного правонарушения, а также его квалифицирующих признаков. Понятие «преступления коррупционной направленности», в свою очередь, было введено на ведомственном уровне, в частности, указанием Генпрокуратуры России № 65/11, МВД России № 1 от 1 февраля 2016 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса РФ, используемых при формировании статистической отчетности»⁹. Соотношение понятия коррупционного правонарушения с понятием «коррупционное преступление», а также с такими понятиями, как «коррупционный проступок» и «правонарушение, создающее условие для коррупции» на сегодняшний момент не определено.

Противодействие коррупции с точки зрения нормативного содержания данного термина, охватывает различные виды деятельности: профилактику коррупции; борьбу с коррупцией; минимизацию и (или) ликвидацию последствий коррупционных правонарушений [2, с. 46].

Деятельность по пресечению коррупционных правонарушений относится в основном к полномочиям органов государственной власти РФ, а полномочия, имеющие превентивную направленность, - к компетенции органов государственной власти субъектов РФ.

На современном этапе в РФ основной акцент сделан на совершенствование антикоррупционных механизмов. При рассмотрении практики их применения, можно спрогнозировать следующие наиболее перспективные направления развития антикоррупционного законодательства:

- совершенствование правовых основ и организационных механизмов выявления конфликта интересов и предотвращения его предпосылок;
- повышение эффективности противодействия коррупции в федеральных, региональных органах исполнительной власти и органах местного самоуправления;
- законодательное закрепление антикоррупционных этических и нравственных норм, ориентированных на соблюдение ограничений и запретов, установленных в целях противодействия коррупции.

Рассмотрение законодательного массива в сфере противодействия коррупции позволяет утверждать, что в правовой системе РФ имеется всестороннее антикоррупционное законодательство, нормы которого включают в себя не только акты уголовного, административного, финансового за-

конодательства, но и определяют динамику развития всех основных сфер правового регулирования. На сегодняшний день благодаря фундаментальной правовой основе, борьба с коррупцией приняла устойчивый, целенаправленный характер. Именно на ней основывается деятельность государственных и муниципальных органов власти, их должностных лиц, а также общественных институтов. В России выстроена соответствующая общемировым трендам и внутренним потребностям государства система специальных институтов, занимающихся непосредственно антикоррупционной деятельностью и являющихся организационным механизмом борьбы с коррупцией.

Таким образом, на сегодняшний день представляется необходимым принятие подзаконных нормативных актов на всех уровнях публичной власти, в частности, постановлений, приказов, а также актов, имеющих разъяснительный, методологический характер, которые позволят усилить антикоррупционный контроль как на государственном, так и на общественном уровне.

Пристатейный библиографический список

1. Квитчук А.С., Хмара А.М. Административная ответственность за коррупционные правонарушения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 2 (26). – С. 56-61.
2. Меньшенина Н. Н. Коррупция в Российской Федерации: генезис, формы, технологии, противодействие: монография / М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федерал. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 202 с.
3. Петухов Н.А., Рябцева Е.В. Предупреждение и противодействие коррупции в судебной деятельности: Научно-практическое пособие. – М.: РГУП, 2018. – 132 с.

8 Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 06.03.2022) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228.

9 Указание Генпрокуратуры России № 744/11, МВД России № 3 от 31.12.2014 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС «КонсультантПлюс».

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-131-133

ЕВSIKОВА Елена Витальевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

АНТОНОВА Татьяна Леонтьевна

кандидат юридических наук, декан Факультета непрерывного образования по подготовке специалистов для судебной системы, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье проводится анализ и раскрываются основы административно-правового урегулирования экологической ответственности, а также исследуется понятие «экологическая ответственность». Авторы изучают административно-деликтную ситуацию в сфере экологических правоотношений в Российской Федерации на основе анализа статистических данных Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации и приходят к выводу о необходимости доработки и усовершенствования действующего законодательства в данной сфере. На основе проведенного анализа авторы выносят свои выводы и предложения.

Ключевые слова: экологическая ответственность, экологическое правонарушение, экологический вред, административно-деликтное законодательство.

EVSIKOVA Elena Vitaljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

ANTONOVA Tatyana Leontjevna

Ph.D. in Law, Dean of the Faculty of Continuing Education for the Training of Specialists for the Judicial System, associate professor of General education disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

SOME ASPECTS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF ENVIRONMENTAL RESPONSIBILITY

The article analyzes and reveals the basics of administrative and legal regulation of environmental responsibility, as well as explores the concept of "environmental responsibility". The authors study the administrative and tort situation in the sphere of environmental legal relations in the Russian Federation based on the analysis of statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation and come to the conclusion that it is necessary to finalize and improve the current legislation in this area. Based on the analysis, the authors make their conclusions and suggestions.

Keywords: environmental responsibility, environmental offense, environmental harm, administrative and tort legislation.

В последние годы вопросы проблемы сохранения окружающей среды и экологической безопасности остро стоят повестке дня перед каждым государством. При этом, Российская Федерация не является исключением и вынуждена противодействовать угрозам экологической безопасности и экологическим правонарушениям в условиях ужасающей деградации окружающей среды.

Напомним, что мощный импульс усовершенствования правового регулирования всех важнейших сфер общественных отношений дало принятие Закона о поправке к Конституции РФ-2020 [1], в том числе, и в сфере правового регулирования экологических правоотношений и экологической безопасности.

В соответствии со Стратегией экологической безопасности РФ на период до 2025 года¹, целями государственной политики в

сфере обеспечения экологической безопасности являются сохранение и восстановление природной среды, обеспечение качества окружающей среды, необходимого для благоприятной жизни человека и устойчивого развития экономики, ликвидация накопленного вреда окружающей среде вследствие хозяйственной и иной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата.

Кроме того, проблема дальнейшего реформирования системы обращения с отходами производства и потребления требует качественной научной проработки и исследования, выявления положительного и отрицательного опыта ее реализации [2, с. 403].

Решение основных задач в области обеспечения экологической безопасности должно осуществляться по следующим приоритетным направлениям:

совершенствование законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования, а также институциональной системы обеспечения экологической безопасности [3].

Евсикова Е. В.

Антонова Т. Л.

¹ Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/.

В этой связи, следует отметить, что вопросы усовершенствования «экологической ответственности» и предупреждения «экологических правонарушений» остро стоят перед отечественным законодателем и правоприменителем, как одни из наиболее приоритетных и требующих своего решения с позиций правовой доктрины и опыта правоприменительной практики.

Напомним, что еще в 2009 году Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств был принят Модельный закон «Об экологической ответственности в отношении предупреждения и ликвидации вреда окружающей среде», который раскрывает категорию «экологическая ответственность» путем акцентирования внимания на сознательном отношении хозяйствующего субъекта к нормативно-правовым требованиям охраны окружающей среды на основе понимания им последствий осуществляемой хозяйственной деятельности для окружающей среды и добровольно принятых на себя обязанности и готовности осуществлять превентивные мероприятия по предотвращению ущерба окружающей среде, добровольно ликвидировать нанесенный ей вред, а также обязанности субъекта правоотношений претерпеть неблагоприятные последствия в связи с нанесением им вреда окружающей среде².

Однако, по нашему мнению, такое трактование не совсем верно, поскольку, как показывает практика, основной массой правонарушителей в сфере экологических правоотношений выступают обычные граждане.

Как видим, акцент данного определения сделан именно на предотвращение ущерба окружающей среде и ликвидацию нанесенного вреда.

Следует отметить, что институт возмещения экологического вреда занимает центральное место в доктрине экологического и природоресурсного права³ и действующем законодательстве⁴, которое устанавливает добровольный или судебный (на основе судебного решения) порядок возмещения причиненного окружающей среде вреда.

Проблемам возмещения экологического вреда в юридической науке уделяется достаточно много внимания, однако, на сегодняшний день, в экологической доктрине и правоприменительной практике не выработано единого методологического подхода к пониманию правовой природы сущности и специфики данной категории [4].

Однако, несмотря на повышенное внимание, со стороны научного сообщества, законодателей и правоприменителей, все усилия и механизмы, которые были направлены на уменьшение причиненного ущерба или ликвидацию его негативных последствий, оказались неэффективными, способными противостоять и противодействовать тому колоссальному вреду, который причиняется окружающей среде ежедневно [5], и ее деградации в целом [4, с. 132].

2 Модельный закон «Об экологической ответственности в отношении предупреждения и ликвидации вреда окружающей среде». Принят на тридцать третьем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (Постановление № 33-10 от 3 декабря 2009 года). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902351384>.

3 Экологическая ответственность: глобальная политика сохранения окружающей среды. Группа «Деловой профиль» / Аналитическое исследование. Глобальная экологическая ответственность (2021). DelProf_Analitika_Globalnaya-ekologicheskaya-otvetstvennost.pdf.

4 Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об охране окружающей среды». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/07844c43a4c122081619e20b8a59f7a59925a6fb/.

Хотя в последнее время законодатель все больше внимания уделяет развитию норм, направленных на противодействие правонарушений и преступности [6].

Следует отметить, что основу административно-правового регулирования экологической ответственности составляет Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)⁵, который в качестве меры наказания за совершение экологических правонарушений [7] предусматривает систему административных штрафов для граждан, индивидуальных предпринимателей (далее – ИП), должностных и юридических лиц.

Экологическая ответственность за правонарушения в данной сфере предусмотрена нормами главы 8 КоАП РФ, которая закрепляет 63 состава экологических правонарушений. Как показывает анализ статистических данных Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, в суды общей юрисдикции поступает основная масса дел, об административных правонарушениях данной категории, предусмотренных ст.ст. 8.28.1; ч. 2 и 3 ст. 8.31 КоАП РФ за нарушение требований лесного законодательства, санитарной безопасности в лесах, рубку и повреждение лесных насаждений, а также по ст. 8.37 КоАП РФ за нарушение правил охоты, рыболовства и пользования объектами животного мира.

Так, в первой половине 2021 г. в суды общей юрисдикции Российской Федерации поступило 12 247 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 8.28.1; ч. 2 и 3 ст. 8.31 КоАП РФ, всего подвергнуто наказанию – 7785 лиц, из которых: ИП – 1503, физ. лица – 973; в общей сложности назначены административные наказания в виде: предупреждения – 2723, конфискация (дополнительное) – 22, штраф – 5062 из которых наложено штрафов на сумму – 144 711 590 руб., взыскано принудительно или уплачено добровольно на сумму – 42 746 524 руб. Вместе с тем, по ст. 8.37 КоАП РФ, в первой половине 2021 г. – поступило 17 928 дел об административных правонарушениях данной категории, всего подвергнуто наказанию – 13843 лица, из которых: ИП – 33, физ. лица – 13 610; в общей сложности назначены административные наказания в виде: предупреждения – 49, лишение специального права – 562, конфискация (дополнительное) – 6244, штраф – 13232, из которых наложено штрафов на сумму – 27 199 796 руб., взыскано принудительно или уплачено добровольно на сумму – 10 981 932 руб.⁶

При этом, в 2020 г. – поступило 16 153 дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 8.28.1; ч. 2 и 3 ст. 8.31 КоАП РФ, всего подвергнуто наказанию – 10816 лиц, из которых: ИП – 1865, физ. лица – 1709; в общей сложности назначены административные наказания в виде: предупреждения – 2984, конфискация (дополнительное) – 49, штраф – 7831 из которых наложено штрафов на сумму – 220 478 445 руб., взыскано принудительно или уплачено добровольно на сумму – 60 445 225 руб. Также, по ст. 8.37 КоАП РФ в 2020 г. – поступило 41 908 дел об административных правонарушениях данной категории, всего подвергнуто наказанию – 35292 лица, из которых: ИП – 122, физические лица – 34586;

5 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.02.2021). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

6 Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за первую половину 2021 года. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5896>.

в общей сложности назначены административные наказания в виде: предупреждения – 208, лишение специального права – 1403, конфискация (дополнительное) – 15515, штраф – 33677 из которых наложено штрафов на сумму – 77 865 548 руб., взыскано принудительно или уплачено добровольно на сумму – 29 686 790 руб.⁷

Вместе с тем, в 2019 г. – поступило 18 938 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 8.28.1; ч.2 и 3 ст. 8.31 КоАП РФ, всего подвергнуто наказанию – 12523 лиц, из которых: ИП – 2390, физические лица – 2646; в общей сложности назначены административные наказания в виде: предупреждения – 2920, конфискация (дополнительное) – 205, штраф – 9603 из которых наложено штрафов на сумму – 252 040 500 руб., взыскано принудительно или уплачено добровольно на сумму – 70 846 382 руб. Однако, по ст. 8.37 КоАП РФ – поступило 43 122 дела об административных правонарушениях данной категории, всего подвергнуто наказанию – 36 424 лица, из которых: ИП – 90, физические лица – 35 717; в общей сложности назначены административные наказания в виде: предупреждения – 233, лишение специального права – 1232, конфискация (дополнительное) – 14 464, штраф – 34 946 из которых наложено штрафов на сумму – 79 482 595 руб., взыскано принудительно или уплачено добровольно на сумму – 33 465 158 руб.⁸

Анализ статистических данных показывает стабильную динамику в совершении данной категории правонарушений на территории Российской Федерации в целом. При этом, основным субъектом данной категории правонарушений выступают физические и юридические лица, что свидетельствует о недостаточной эффективности мер административной ответственности в области охраны лесов и пользования объектами животного мира по данной категории правонарушений, в связи с чем, нам видится необходимость пересмотра системы штрафов для физических и юридических лиц, а также, возможность замены штрафа для граждан обязательными работами в случае отсутствия у физического лица средств для уплаты административного штрафа. Поскольку, как свидетельствуют статистические данные, даже половина от назначенных сумм штрафов за правонарушения данной категории виновными лицами не уплачивается, а, значит, правонарушитель не несет негативных последствий административного наказания, что подразумевает отсутствие реализации карательной, превентивной и воспитательной функции административного наказания, и, как следствие, в результате состояния такой «безответственности» и «безнаказанности» мы получаем не сдерживание или минимизацию, а рост экологических правонарушений и ухудшение состояния окружающей среды в целом.

Таким образом, действующее административно-деликтное законодательство в области экологической ответственности не позволяет оперативно решать текущие проблемы в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, а также эффективно противодейство-

вать совершению экологических правонарушений, что свидетельствует о необходимости его качественной доработки и усовершенствования.

Пристатейный библиографический список

1. Евсикова Е. В., Буц С. Б. К закону о поправке к Конституции Российской Федерации-2020 // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 11 (162). – С. 133-135.
2. Антонова Т. Л., Евсикова Е. В. Основы правового регулирования обращения с производственными и бытовыми отходами и административная ответственность за их нарушение // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – № 1. – С. 403.
3. Евсикова Е. В., Антонова Т. Л. Усовершенствование административно-деликтного законодательства в сфере предупреждения правонарушений за обращение с отходами производства и потребления // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 3 (154). – С. 124-126.
4. Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б. Возмещение экологического вреда: законодательные новеллы // Lex Russica. – 2016. – № 8 (117). – С. 130-140.
5. Иванов А. А. Проблема экологической ответственности в современных юридических исследованиях // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2015. – № 4 (83).
6. Евсикова Е. В. Правовые основы профилактики административных правонарушений в Республике Крым // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 8 (99). – С. 148-150.
7. Хоминич В. А., Костылев В. В., Пономарев А. В. Становление и развитие административной ответственности за правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: историко-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 9 (160). – С. 143-145.

7 Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>.

8 Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>.

МАЛАЕВ Азрет Хусенович

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, старший лейтенант полиции

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ РОССИИ

В статье автором исследуются особенности административно-правовых норм России. Раскрывается вопрос о статусе «Административно-правовых норм России». Автор подчеркивает, что «Административно-правовые нормы» выступают очень важным способом регулирования общественных отношений государством. Главное внимание обращается на то, что административно-правовые нормы применяются преимущественно в сфере государственного управления.

Ключевые слова: административно-правовые нормы, государственное управление, правоустановитель, правоприменитель.

MALAEV Azret Husenovich

lecturer of Organization of law enforcement activities sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

ON THE QUESTION OF THE PECULIARITIES OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL NORMS OF RUSSIA

In the article, the author examines the features of administrative and legal norms of Russia. The question of the status of «Administrative and legal norms of Russia» is disclosed. The author emphasizes that «Administrative and legal norms» are a very important way of regulating public relations by the state. The main attention is drawn to the fact that administrative and legal norms are applied mainly in the field of public administration.

Keywords: administrative and legal norms, public administration, legal installer, law enforcer.

Малаев А. Х.

Рассматривая особенности административно-правовых норм России, прежде всего, необходимо обратить внимание на отличительные особенности таких понятий как «правоустановитель» и «правоприменитель». Административное право главное внимание обращает на юридическое опосредование норм права, то есть обстоятельства применения правовых норм в реальности. В связи с данным обстоятельством, административно-правовые нормы становятся главным регулятором государственных управленческих отношений в обществе [1].

Данная ситуация превращает административно-правовые нормы одновременно в правоприменителя и правоустановителя. Данные процессы тесно взаимосвязаны и превращают сами административно-правовые нормы в результат правотворчества и реализации компетенций различных исполнительных органов [2].

В административном праве есть большое количество административно-правовых норм. Даже в каждом законе содержится их большое количество. Наличие большого количества административно-правовых норм привело к необходимости введения их иерархии:

1. конституционные нормы;
2. нормы законов;
3. нормы субъектов исполнительной власти.

Хотя у всех административно-правовых норм есть общее юридическое содержание, они считаются юридически неравнозначными. Например, Административно-правовые нормы субъектов исполнительной власти не равнозначны по юридической силе административно-правовым нормам, устанавливаемым на конституционном и федеральном уровнях. Они имеют статус первичных и вторичных административно-правовых норм.

Административно-правовые нормы субъектов исполнительной власти имеют подзаконную силу и утверждаются на основе исполнения Конституции и иных нормативно-правовых актов высокого уровня. Благодаря действию административно-правовых норм, изданные уполномоченными государственными органами нормативные правовые акты реально обеспечивают функционирование норм права. Они также призваны конкретизировать и объяснять правила поведения субъектов правоотношений.

В целом, нормы права не имеют подробной детализации и представляют собой общие правила для поведения и практической реализации законов государства.

В силу наличия в России большого количества народностей и национальных образований, корректировка законодательства страны производится непрерывно. В связи с этим, административно-правовые нормы вынуждены придавать определенные позиции правовым нормам на всех уровнях исполнительной власти.

Таким образом, введенные законодательным органом страны правовые нормы благодаря действию административно-правовых норм в ходе их применения получают реальные механизмы их реализации на практике.

Безусловно, у административно-правовых норм есть свои пределы реализации. В частности, в силу того, что в нашей стране представительная власть долгое время функционировала формально, процесс создания административно-правовых норм также произошел путем создания их государственными органами, а не законодательными органами.

Еще одним моментом выступает то, что развитие административно-правовых норм произошло в отраслевых направлениях, что привело к появлению большого количества разнородных норм, иногда не опирающихся на законодательство страны.

В последние годы наблюдается улучшение данной ситуации в плане упорядочивания существующих административно-правовых норм. Следует отметить, что субъекты ветвей власти должны обладать неким объемом правоустановительных полномочий, помогающих им реализовать свои права, данные Конституцией, а не предавать все полномочия центральной власти [3].

На данный момент остро необходимо четко решить вопрос объема компетенций каждого субъекта исполнительной власти в плане принятия каких-либо новых административно-правовых норм. Конституция требует установления в стране четких законов и административно-правовых норм. Это является очень важным в нашей стране, когда требуется усиление государственного воздействия на работу объектов различного направления и формы собственности.

Административно-правовые нормы выступают очень важным способом регулирования общественных отношений государством. Регулируемый ими круг общественных отношений очень разнообразен. Их важность определяется тем, что они связаны с регулированием большого спектра общественных отношений, таких как:

1. порядок управления;
2. экономическая деятельность;
3. социально-культурная деятельность;
4. административно-политическая деятельность.

Административно-правовые нормы упорядочивают весь процесс управления и являются установленными государственной властью общими правилами поведения, созданными с целью регулирования общественных отношений в области государственного управления и охраняемые силой государственного принуждения [4].

Их особенностью является то, что данные нормы применяются преимущественно в сфере государственного управления. Они созданы для установления основ обязательного поведения органов исполнительной власти, должностных лиц, граждан, негосударственных учреждений и т.д. [5].

Административно-правовые нормы могут выступать как в качестве обязательного правила поведения, так и быть относительно определенными. Если какая-либо административно-правовая норма диктует абсолютное правило поведения, она приводит конкретные фактические условия ее осуществления. Например, если вынесено административное наказание в виде штрафа, то его исполнение требует обязательного обращения к тому, кому оно назначено в течение трех месяцев.

Административно-правовые нормы содержат в себе определенную диспозицию, выступающую как правило поведения. Диспозиция является формой определенных прав и дозволений, запретов и ограничений.

Частью административно-правовых норм выступают и санкции, как меры воздействия на правонарушителя при нарушении диспозиции. Санкция редко напрямую содержится в административно-правовой норме. Чаще всего она находится в ином правовом акте и устанавливает различные виды ответственности.

В силу их разнообразия, санкции делятся на различные виды. В зависимости от их предмета регулирования, административно-правовые нормы делят на материальные и нематериальные.

Материальные административно-правовые нормы посвящены установлению прав и обязанностей. А также установлению различного вида ответственности за их невыполнение. Материальные административно-правовые нормы также устанавливают административно-правовой статус всех участников общественных отношений.

В отличие от материальных административно-правовых норм, процессуальные административно-правовые нормы регулируют саму динамику государственного регулирования [6]. Например, к ним относятся такие нормы, как порядок обращения граждан в органы исполнительной власти.

Процессуальные административно-правовые нормы определяют процедуру реализации юридических прав и обязанностей в ходе осуществления процесса управления.

В зависимости от их юридического содержания, административно-правовые нормы делятся на:

1. обязывающие;
2. запрещающие;
3. уполномочивающие;
4. рекомендательные;
5. стимулирующие.

Обязывающие административно-правовые нормы устанавливают порядок совершения обязательных действий в зависимости от различных норм права. Например, установление четкого срока ответа должностного лица на обращение граждан.

Запрещающие административно-правовые нормы запрещают совершение определенных действий как для определенных действий, так и в общей форме. Например, к данной категории относится наказание за действие или бездействие при совершении определенных видов административных правонарушений правоохранительными органами, таможенными органами и т.д.

Дозволительные административно-правовые нормы или уполномочивающие предоставляют лицу право поступать в соответствии со своим мнением. Они не устанавливают строгих предписаний или порядка действий. Например, к подобным административно-правовым нормам

Рекомендательные административно-правовые нормы дают определенные советы и рекомендации по тем или иным действиям. Рекомендации не носят правового закрепления и чаще всего применяются в деятельности исполнительных органов государства.

Стимулирующие административно-правовые нормы с применением различных материальных и моральных средств воздействия регулируют общественные отношения в сфере управления.

Например, в качестве стимулирующих административно-правовых норм могут быть экономические послабления, предоставляемые государством в виде налоговых привилегий, льгот и т.д.

Таким образом, административно-правовые нормы применяются преимущественно в сфере государственного управления, созданы для установления основ обязательного поведения органов исполнительной власти, должностных лиц, граждан, негосударственных учреждений и т.д. Они могут быть как обязательными правилами поведения, так и быть относительно определенными. Если какая-либо административно-правовая норма диктует абсолютное правило поведения, она приводит конкретные фактические условия ее осуществления.

Пристатейный библиографический список

1. Коновалов В. А. Правопорядок: административно-правовые основы формирования // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. - 2019. - № 41. - С. 9-12.
2. Ульянов А. Д., Жаглин А. В. Административно-правовые методы в сфере государственного управления // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2021. - Т. 12. - № 2 (44). - С. 270-277.
3. Капустина Е. Г. Административно-правовые формы и методы деятельности органов исполнительной власти // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. - 2018. - № 3 (76). - С. 51-54.
4. Абдуллина А. М. Административно-правовые нормы в правовой системе России. // Аллея науки. - 2018. - Т. 1. - № 5. - С. 711-715.
5. Труфанов М. Е. О стабильной актуальности исследований по применению административно-правовых норм // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. - 2020. - № 2 (54). - С. 33-36.
6. Бондаренко В. Условия эффективности применения административно-правовых норм // Вестник Национального университета «Львовская политехника». Серия: Юридические науки. - 2016. - № 855 (12). - С. 32-37.

МИФТАХОВ Ренат Ленарович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

САЛАХОВА Айсина Нуретдиновна

студент 4 курса Юридического факультета Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

ПРИМЕНЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ МЕР В ЦЕЛЯХ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОБОРОТ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются актуальные проблемы использования земель сельскохозяйственного назначения в соответствии с их целевым назначением. Применение государственных мер по изъятию неиспользуемых земель и применению штрафных и налоговых санкций в случае нецелевого использования сельскохозяйственных земель не обеспечивает баланса публичных и частных прав и законных интересов. В целях урегулирования данного вопроса авторами обосновывается необходимость применения административно-правовых мер по рациональному использованию земель сельскохозяйственного назначения и развитию сельского хозяйства на территории России.

Ключевые слова: земли сельскохозяйственного назначения, рациональное использование земель, административно-правовое регулирование, стимулирующая функция, функция координации, санкции, продовольственная безопасность.

MIFTAKHOV Renat Lenarovich

Ph.D. in Law, associate professor of State and legal disciplines sub-faculty of the Kazan branch of the Russian State University of Justice

SALAKHOVA Aysina Nuretdinovna

student of the 4th course of the Faculty of Law of the Kazan branch of the Russian State University of Justice

APPLICATION OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEASURES IN ORDER TO INVOLVE AGRICULTURAL LAND IN THE PRODUCTION TURNOVER IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with topical problems of the use of agricultural land in accordance with their intended purpose. The application of state measures to withdraw unused land and the application of penalties and tax sanctions in case of misuse of agricultural land does not provide a balance of public and private rights and legitimate interests. In order to resolve this issue, the authors substantiate the need to apply administrative and legal measures for the rational use of agricultural land and the development of agriculture in Russia.

Keywords: agricultural land, rational use of land, administrative and legal regulation, stimulating function, coordination function, sanctions, food security.

За период с 2010 по 2020 годы в Российской Федерации произошло сокращение площади земель сельскохозяйственного назначения на 17,6 млн гектаров: с 400 млн гектаров до 382,4 млн. гектаров¹. В современных условиях постоянного введения и наращивания санкций против России решение вопроса по рациональному использованию земель сельскохозяйственного назначения административно-правовыми механизмами является весьма актуальным, поскольку развитие сельского хозяйства, во-первых, гарантирует продовольственную безопасность в стране, во-вторых, обеспечивает население жизненно важными и экологически чистыми продуктами питания.

Стоит отметить, что начиная с 1990-х годов по настоящее время площадь земель сельскохозяйственного назначения в России сократилась в два раза². Основными предпосылками, приведшими к таким показателям, с нашей точки зрения, стали непродуманные земельные реформы, которые активно проводились в период смены общественно-экономической формации в России. С 1990 года стали приниматься нормативные акты, направленные на перевод земель коллективных и советских хозяйств в частную, коллективно-долевую и иные формы собственности³. В 1996

году вступил в силу Указ Президента Российской Федерации, направленный на полную ликвидацию коллективных и советских хозяйств, что привело к снижению объема сельскохозяйственного производства на 70 % и обеспечению населения импортными продуктами питания⁴.

Отсутствие соответствующего государственного контроля и надзора в период земельных преобразований привело к ухудшению экономической ситуации в стране и к возникновению в настоящее время спорных вопросов по рациональному распределению и использованию сельскохозяйственных земель. Предприниматели начали вовлекать земли, предназначенные для сельхозпроизводства в более выгодные виды бизнеса - строительство коттеджных поселков, торговых центров, разработка карьеров и т.п. Такая деятельность, несомненно, вела к выбыванию земель из сельскохозяйственного оборота и постепенно приводила в упадок сельскохозяйственное производство в масштабах всей страны. В качестве примера можно привести кейс, который привел к резонансному спору, рассмотренному в Арбитражном суде Московской области в 2019 году⁵. Иск был подан группой пайщиков ЗАО «Совхоз им. Ленина» к его генеральному директору. Предмет спора состоял в том, что в 1993 году земля сельско-

1 Постановление Правительства РФ от 14.05.2021 № 731 «О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации» / Собрание законодательства Российской Федерации. - 2021. - 24 мая. - № 21. - Ст. 3583.

2 Литвинов Д., Никишин А. Землям сельхозназначения хотят найти хозяев. 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/economics/zemlyam-selkhoznaznacheniya-khotyat-payti-khozyaev.html> (дата обращения: 03.04.2022).

3 Указ Президента Российской Федерации от 27.12.1991 № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР»

(утратил силу) / Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1992. - 2 января. - № 1. - Ст. 53.

4 Указ Президента Российской Федерации от 07.03.1996 № 337 «О реализации конституционных прав граждан на землю» / Собрание законодательства Российской Федерации, 1996. - 11 марта. - № 11. - Ст. 1026.

5 Решение Арбитражного суда Московской области от 1 ноября 2019 г. по делу № А41-89503/2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/iyezShfXQ3gs/> (дата обращения: 03.04.2022).

хозяйственного назначения Совхоза имени Ленина (2266 гектаров) была разделена между работавшими в нем крестьянами в форме земельных паев, в 1995 году предприятие было реорганизовано в акционерное общество. Земельные угодья стоимостью 6,5 миллиона рублей были внесены в уставный капитал, а работникам предложили обменять свои паи на акции без права возврата своей доли. Однако большая часть этих «драгоценных» земель Подмосковья не была вовлечена в сельскохозяйственное производство, а руководитель организации стал активно продавать эту землю под застройку и сдавать в аренду в иных целях, не связанных с сельским хозяйством. Акционеры обратились с требованием восстановить свои имущественные права. Арбитражный суд удовлетворил иски о взыскании в части взыскания с генерального директора в пользу ЗАО «Совхоз имени Ленина» сумму убытков в размере 1 066 219 000 рублей. Однако сельскохозяйственные земли к этому времени уже выбыли из сельскохозяйственного оборота. Подобные истории происходили повсеместно по всей России.

Другую составляющую этой проблемы мы видим в том, что не вовлеченность земель в сельскохозяйственный оборот напрямую связана с отсутствием заинтересованности собственников к ведению сельскохозяйственного бизнеса, например, для граждан, получивших земли по наследству, однако никогда не занимавшихся таким видом деятельности. За эти годы, вследствие отсутствия обработки таких земель, они пришли в состояние залежности, когда без дополнительных трудоемких и дорогостоящих работ по новому введению их в сельскохозяйственный оборот, использование их по прямому назначению невозможно. «Введение в оборот брошенных земель – процесс очень трудоемкий, высокозатратный и длительный, требующий применения специализированной техники, сложных агрономических технологий и существенных инвестиций, которые не под силу для многих граждан и небольших организаций, являющихся собственниками таких земель. Только крупные хозяйства и агрохолдинги имеют достаточный финансовый ресурс и мощную технику для возвращения этих земель к жизни»⁶.

Государство в случаях неиспользования земель или использования сельскохозяйственных земель не по целевому назначению применяет императивные наказательные методы правового воздействия. Такие действия или бездействие виновных лиц образуют составы административных правонарушений. Россельхознадзор отмечает⁷, что наибольшее количество выявленных нарушений связано с зарастанием земельных участков сорной, древесной и кустарниковой растительностью. Ответственность за такие нарушения предусмотрена частью 2 статьи 8.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁸, а при установлении факта неиспользования земельного участка, частью 2 статьи 8.8 указанного кодекса в виде административного штрафа.

Помимо административной ответственности за неиспользование или использование с нарушениями в области земельных отношений земельного участка предусмотрено повышение налоговой ставки с 0,3 % до 1,5 % (ч. 1 ст. 394 Налогового кодекса⁹), а также принудительное изъятие земельного участка у его собственника (статья 6 Федерального закона от 24.07.2002 N 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»¹⁰).

Поскольку в современный период в условиях введения бесчисленного количества санкций такие репрессивные меры еще более усугубляют ситуацию, а рыночные методы регулирования не дают эффективного положительного результата в решении проблемы нерационального использования земель сельскохозяйственного назначения, на наш взгляд,

следует акцентировать внимание на прагматичные методы государственного регулирования. Необходимо задействовать современные методы административно-распорядительной деятельности. Известные ученые в сфере административного права, такие как А. Б. Агапов [1, с. 40], А. В. Зубач [2, с. 65], А. И. Стахов, П. И. Кононов [5, с. 24] и другие в административно-распорядительной деятельности выделяют такую функциональную сферу, как административное стимулирование. На основании данного метода считаем целесообразным вводить государственные меры поощрения граждан, занимающихся сельским хозяйством и развивающих аграрную систему государства, к примеру, путем снижения земельного налога, возмещения затрат, произведенных на введение в оборот залежных земель.

Д. В. Осинцев выделяет такой метод административно-правового регулирования, как метод координации, суть которого состоит в «программно-целевом воздействии, выраженный в согласовании по цели, времени, месту, исполнителям и программе синхронной деятельности органов» [3, с. 48]. Представляется, применение данного метода позволит разумно решить актуальную на сегодняшний день проблему неиспользования земель сельскохозяйственного назначения. В качестве органа, осуществляющего координационную деятельность в развитии земель сельскохозяйственного назначения, необходимо определить, на наш взгляд, Министерство сельского хозяйства Российской Федерации, как орган, осуществляющий выработку государственной политики и нормативно-правовое регулирование в рассматриваемой сфере, которое будет содействовать кооперации и взаимодействию собственников неиспользуемых земель и предпринимателей, готовых заниматься и развивать сельское хозяйство.

В целях эффективного применения задуманной программы необходимо на базе существующей Единой федеральной информационной системы о землях сельскохозяйственного назначения создать реестр, который будет призван объединять сведения о вовлекаемых в оборот неиспользуемых земельных участках, данные о собственниках земель и индивидуальных предпринимателях, готовых купить либо арендовать земельные участки и другую необходимую информацию. Применение координационного метода административно-правового регулирования позволит интегрировать потребности одних частных лиц с потребностями других частных лиц в целях достижения общих частных и публичных интересов.

Предложенные нами пути (программы) решения проблем по неиспользованию и нерациональному использованию земель сельскохозяйственного назначения, возможно на начальном этапе внедрить в отдельных субъектах Российской Федерации, к примеру, в Республике Татарстан, поскольку данный регион активно внедряет различные передовые программы по развитию сельского хозяйства.

Таким образом, проведенное исследование содержит практические предложения по применению административно-правовых методов регулирования в целях рационального использования земель сельскохозяйственного назначения, которые требуют особого внимания на современном этапе развития государства. Решение возникших в ходе исследования вопросов через призму административно-правового регулирования позволит достичь и обеспечить баланс публичных и частных прав и законных интересов в рассматриваемой сфере и приведет к рациональному использованию земель сельскохозяйственного назначения.

Пристатейный библиографический список

1. Агапов А. Б. Административное право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов. - 12-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2022. - 492 с.
2. Зубач А. В. Административное право: учебник для вузов. - Москва: Издательство Юрайт, 2021. - 530 с.
3. Осинцев Д. В. Административное право: учебник для вузов. - 4-е изд., испр. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2022. - 592 с.
4. Стахов А. И. Административное право России: учебник для вузов. - 5-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2022. - 685 с.

6 Отвоевать у леса / о технике для ввода в оборот залежных земель. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ikar.ru/press/4402.html> (дата обращения: 03.04.2022).

7 Доклад Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору с обзором практики осуществления видов государственного контроля (надзора) с указанием проблем их осуществления, наиболее часто встречающихся нарушений обязательных требований за 1 полугодие 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsvps.gov.ru/ru/public/doklady> (дата обращения: 03.04.2022).

8 Российская газета. - N 256. - 31.12.2001.

9 Собрание законодательства РФ. - 07.08.2000. - № 32. - Ст. 3340.

10 Российская газета. - № 137. - 27.07.2002.

РУСАНОВА Светлана Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ВОЛКОВА Ирина Юрьевна

студент Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕУПЛАТУ АЛИМЕНТОВ НА СОДЕРЖАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

В статье анализируются особенности и основания привлечения к административной ответственности родителей, виновных в неуплате алиментов на содержание несовершеннолетних детей в контексте современного правового пространства. На основании анализа судебной практики выделяются ключевые условия, учитываемые правоприменителем при решении вопроса о привлечении лица к административной ответственности. Проанализированы проблемы, возникающие при рассмотрении судами данной категории дел. В целях сокращения числа правонарушений в сфере алиментных отношений, авторы предлагают на законодательном уровне установить порядок привлечения к ответственности как за полную, так и за частичную неуплату алиментов.

Ключевые слова: административная ответственность, алименты, задолженность по алиментам, несовершеннолетние, родительские обязанности.

RUSANOVA Svetlana Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

VOLKOVA Irina Yurjevna

student of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

ACTUAL PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR NON-PAYMENT OF ALIMONY FOR THE MAINTENANCE OF MINOR CHILDREN

The article analyzes the features and grounds for bringing to administrative responsibility parents guilty of non-payment of alimony for the maintenance of minor children in the context of the modern legal space. Based on the analysis of judicial practice, the key conditions taken into account by the law enforcement officer when deciding whether to bring a person to administrative responsibility are highlighted. The problems arising during the consideration by the courts of this category of cases are analyzed. In order to reduce the number of offenses in the field of alimony relations, the authors propose to establish at the legislative level the procedure for bringing to responsibility both for full and partial non-payment of alimony.

Keywords: administrative responsibility, alimony, alimony arrears, minors, parental responsibilities.

Проблема привлечения к административной ответственности родителей несовершеннолетних детей за неуплату алиментов является одной из наиболее острых стоящих в Российской Федерации. Из-за нарушения родителями обязанностей по содержанию несовершеннолетних детей последние лишаются одного из источника денежных средств для их жизни и развития. Вследствие этого значительно уменьшается объем благ, который дети могли бы получить при добросовестном исполнении родителями своих обязанностей. Это в свою очередь сказывается не только на качестве удовлетворения базовых потребностей ребенка, но и создает препятствия для надлежащего интеллектуального и духовного развития, так как для формирования интеллекта и духовной составляющей личности требуются инструменты и материалы, для получения которых необходимы денежные средства [1, с. 219]. Как можно заметить, выплата родителями алиментов значима не только для витальных потребностей ребенка, но и для формирования его как всесторонне и гармонично развитой личности. В литературе ранее отмечалось, что «основной проблемой алиментных правоотношений является неуплата алиментов на содержание ребенка одним из родителей и, как следствие – образованные алиментной задолженности» [2, с. 102].

В законодательстве России закреплены положения, регулирующие привлечение к административной ответственности за нарушение этой обязанности. Однако в этой сфере существует ряд проблем, проявляющихся при рассмотрении дел судами и применении ими законодательных норм к лицам, виновным в неуплате алиментов на протяжении определенного законодательством срока. Широкая распространенность подобных явлений и недостаточная освещенность их в научной литературе обуславливают актуальность исследования данной проблемы.

Обязанность родителей заботиться о детях и воспитывать их в Российской Федерации закреплена в ч. 2 ст. 38 Конституции РФ¹. Кроме этого, она конкретизирована и в отраслевом законодательстве. Так, согласно положениям п. 1 ст. 80 Семейного кодекса Российской Федерации, родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей². Порядок и форма предоставления содержания несовершеннолетним

- 1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 26 января 2009 г. – № 4. – Ст. 445.
- 2 Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1 января 1996 года. – № 1. – Ст. 16.

Русанова С. Ю.

Волкова И. Ю.

детям определяются родителями самостоятельно. Современное законодательство предоставляет возможность заключить соглашение об уплате алиментов. Если же родители недобросовестно относятся к возложенным на них законом обязательствам по содержанию несовершеннолетних детей и не предоставляют детям необходимые денежные средства, то нарушенное право будет восстановлено в судебном порядке путем принудительного взыскания с родителей неуплаченных сумм. Таким образом, законодательство Российской Федерации закрепляет гарантии предоставления родителями средств для обеспечения различного рода потребностей их детей. В этой части необходимо отметить, что государственное регулирование данного вопроса, безусловно, является важнейшим инструментом для защиты прав детей, однако надлежащее обеспечение детей необходимым уровнем благ и денежными средствами, в первую очередь, зависит от ответственного отношения родителей к данному вопросу. Так, существование правовых норм не является абсолютной гарантией их соблюдения, если у родителей не сформировано правосознание понимания значимости добросовестного отношения к обеспечению ребенка.

Административная ответственность за неуплату алиментов на содержание несовершеннолетних детей регулируется ч. 1 ст. 5.35.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ)³. Данной статьёй предусмотрены такие наказания как обязательные работы на срок от ста пятидесяти часов; административный арест на срок от десяти до пятнадцати суток или, если к лицу не могут применяться обязательные работы или административный арест, применяется наложение административного штрафа в размере двадцати тысяч рублей.

На основании анализа положений названной статьи можно выделить основные особенности привлечения нарушителей к ответственности. Во-первых, субъектами ответственности являются родители. Во-вторых, ответственность наступает в случае неуплаты алиментов на протяжении двух и более месяцев. Также необходимо отметить, что действия лица не должны содержать признаки уголовно-наказуемого деяния, то есть к административной ответственности привлекается лишь то лицо, которое нарушило обязанность по выплате алиментов впервые. Так, для привлечения к административной ответственности не требуется злостное нарушение обязанности по выплате алиментов. В случае неоднократного нарушения возникает основание для привлечения к уголовной ответственности.

Кроме принудительных мер, устанавливаемых КоАП РФ, должники по алиментным обязательствам могут быть ограничены в праве управления транспортным средством до момента устранения задолженности. Данная мера устанавливается в ч. 1 ст. 67.1 Федерального закона «Об исполнительном производстве»⁴. Продемонстрируем применение данного ограничения на примере решения Ярцевского районного суда Смоленской области (Решение Ярцевского городского суда Смоленской области от 28 сентября 2020 г. по делу № 2А-973/2020)⁵.

Данное дело было рассмотрено по административному исковому заявлению судебного пристава-исполнителя об установлении временного ограничения на пользование специальным правом должником. Суд учёл, что указанное соглашение не было расторгнуто и недействительным в установленном законом порядке не признано. Кроме этого, с момента возбуждения исполнительного производства должник не исполнял в полном объеме установленную договором обязанность по уплате алиментов. Также суд учел, что исполнительное производство в отношении должника, возбужденное на основании соглашения, не окончено и задолженность не была погашена. С учетом указанных обстоятельств, принимая во внимание период неисполнения требований судебного пристава-исполнителя, суд удовлетворил требования административного истца и наложил ограничения на

пользование должником правом управления транспортным средством.

На основании проанализированного судебного решения можно сделать вывод, что при решении вопроса о привлечении лица к административной ответственности правоприменитель принимает во внимание как минимум два условия. Во-первых, наличие соответствующего акта, на основании которого возбуждено исполнительное производство о взыскании алиментов. Во-вторых, отсутствие объективных уважительных причин, препятствующих родителю осуществлять свою обязанность. При наличии данных обстоятельств в действиях лица будет признано присутствие признаков состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ.

Однако далеко не всегда при рассмотрении дел о неуплате родителем алиментов анализируемые обстоятельства являются бесспорными, а подход правоприменителя совершенно определенным. Так, при практическом применении законодательных норм зачастую возникают противоречивые ситуации, и абсолютно аналогичные обстоятельства трактуются судами диаметрально по-разному. Проанализируем далее более подробно проблемы, возникающие при рассмотрении судами данной категории дел.

Первая проблема заключается в определении, какие обстоятельства неуплаты алиментов, приводимые родителями-должниками, можно отнести к уважительным причинам, а какие-нет, так как важным обстоятельством для привлечения к административной ответственности за неуплату алиментов, как было отмечено выше, является отсутствие уважительных причин. В законодательстве перечень таких причин отсутствует, однако Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, какие обстоятельства можно расценивать в качестве таковых⁶. В частности, это болезнь или нетрудоспособность родителя, вина других лиц, обстоятельства непреодолимой силы, неправильное перечисление банком сумм по алиментам и иные. При этом если лицо не согласно с обязанностью выплачивать алименты, это не может рассматриваться как уважительная причина для её невыполнения. Как отмечает Н. Е. Пасечникова: «уважительные причины предусматривают объективную невозможность должника произвести оплату в установленных размерах и в установленный срок» [3, с. 159].

В каждом конкретном случае уважительные причины неуплаты алиментов устанавливаются отдельно, исходя из обстоятельств конкретного дела. Более того, одинаковые обстоятельства часто трактуются правоприменителями по-разному, что приводит к принятию противоположных решений при аналогичных доводах сторон. Например, в связи с распространением коронавирусной инфекции у лиц, обязанных в силу решения суда выплачивать алименты, отсутствовала возможность трудоустроиться и зарабатывать денежные средства, что приводило к неуплате ими алиментов.

Проиллюстрируем ситуации неуплаты алиментов по причине распространения коронавирусной инфекции. Рассмотрим следующее обстоятельство на примере решения Краснопереконского районного суда Республики Крым⁷. Истец обратился в суд с обжалованием Постановления мирового судьи, согласно которому был признан виновным в неуплате алиментов на содержание несовершеннолетнего ребёнка. В обоснование требований истец указал, что у него отсутствует возможность трудоустроиться, так как его паспорт гражданина Украины является недействительным, а для его замены необходимо выехать за пределы Российской Федерации. Суд расценил доводы истца как несостоятельные и не исключающие в его деянии состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ.

Таким образом, перечень уважительных причин неуплаты родителями алиментов на содержание несовершеннолетних детей не закреплён законодательством Российской Федерации, по этой причине при рассмотрении дел право-

3 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 7 января 2002 г. – № 1 (часть I). – Ст. 1.

4 Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства. – 8 октября 2007 г. – № 41. – Ст. 4849.

5 Решение Ярцевского городского суда Смоленской области от 28 сентября 2020 г. по делу № 2А-973/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/visyQf4cSiUw/> (дата обращения: 03.03.2022).

6 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 2021 г. № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – Июнь 2021 г. – № 6.

7 Решение Краснопереконского районного суда Республики Крым от 9 июля 2020 г. по делу № 12-43/2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/KCL3wJ2PcoUZ/> (дата обращения: 28.02.2022).

применителям необходимо давать оценку и определять допустимость или недопустимость доводов, приводимых должниками исходя из контекста конкретной рассматриваемой ситуации. Поэтому можно говорить об отсутствии единообразия вынесения судами постановлений, в том числе при аналогичных обстоятельствах дела.

Следующей распространённой проблемой является осуществление должниками частичных выплат по алиментным обязательствам [4, с. 230]. В качестве примера подобной аргументации приведем Решение Псковского городского суда Псковской области⁸. Постановлением мирового судьи гражданин признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ. Он не согласился с данным судебным актом и подал на него жалобу, указав, что неуплата алиментов – это полное отсутствие уплаты денежных средств, при этом в случае даже незначительных выплат дело об административном правонарушении необходимо прекратить. Однако суд оставил его жалобу без удовлетворения, признав в его действиях наличие состава административного правонарушения. Уклонение от обязанности, даже частично, в данном случае является противоправным, однако должники ссылаются на буквальную трактовку диспозиции ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ. Для исключения подобного подхода к толкованию необходимо дополнить ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ следующим образом: «Неуплата, а равно уплата в части родителем без уважительных причин...». При такой редакции будет возможно привлечение к административной ответственности не только при полной неуплате алиментов, но и в ситуациях, когда должник нерегулярно выплачивает алименты или выплачивает их в меньшем размере, чем предусмотрено исполнительными документами. Как следствие – у должников не будет возможности оправдывать свои деяния прибегая к формализму при анализе законодательной нормы [5, с. 262].

Обобщая вышеизложенное, алименты на содержание несовершеннолетних являются одной из форм обязанностей родителей по содержанию детей. Несмотря на важность данной обязанности для несовершеннолетнего ребенка, находящегося в материальной зависимости от его родителей, она нередко нарушается родителями. Для стимулирования родителей добросовестно выплачивать алименты государством предусматривается административная ответственность и соответствующие санкции за уклонение от исполнения этой обязанности. При этом нарушений в данной сфере с каждым годом не становится меньше, более того, некоторые родители предпринимают попытки уменьшить размер взыскиваемых с них сумм путем нерегулярной уплаты алиментов. Для устранения этого представляется необходимым предусмотреть законодательно привлечение к ответственности как за полную, так и за частичную неуплату алиментов.

Привлечение лиц, не уплачивающих алименты на содержание несовершеннолетних детей, к административной ответственности, будет оставаться актуальной темой для изучения, так как с каждым годом появляются новые обстоятельства, в связи с которыми родители не исполняют свои обязанности по выплате алиментов, что вызывает определенные трудности при правоприменении. Кроме этого, в Российской Федерации существует тенденция к увеличению количества административных правонарушений в сфере выплаты алиментов несовершеннолетним детям, что требует более подробного рассмотрения данной проблемы и поиска наиболее эффективных способов её решения во избежание нарушения прав несовершеннолетних детей на материальное обеспечение их родителями.

Пристатейный библиографический список

1. Мозгарева-Марченко Л. А., Русанова С. Ю. Роль комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав муниципальных образований в обеспечении ювенального правопорядка // *Права и свободы человека в контексте развития современного государства: Материалы Всероссийской научно-практической конференции*, Краснодар, 09 декабря 2016 года. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет

⁸ Решение Псковского городского суда Псковской области от 28 сентября 2020 г. по делу № 12-374/2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/IFyFOBrXxFWu/> (дата обращения: 04.03.2022).

- Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2017. – С. 218-222.
2. Иванова Л. И. Административная ответственность за неуплату алиментов // *Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции: в 3 ч.*, Пенза, 15 мая 2019 года. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. – С. 102-104.
3. Пасечникова Н. Е. Институт административной преюдиции в уголовном законодательстве Российской Федерации. Проблемные вопросы применения статей 5.35.1 КОАП РФ, 157 УК РФ и пути их решения // *Инновационное развитие науки и образования: монография*. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. – С. 155-162.
4. Евсикова Е. В. К вопросу о трактовании понятия и принципах административной ответственности в контексте реформирования административно-деликтного законодательства // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. – 2021. – Т. 7. – № 2. – С. 226-236. – DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-226-236.
5. Руденко А. В. Проблемы квалификации административных правонарушений // *Восьмые юридические чтения: сборник статей*, Сыктывкар, 25 декабря 2020 года. – Сыктывкар: ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорочкина», 2021. – С. 261-264.

РУДЕНКО Артем Валериевич

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

БОНДАРЧУК Илья Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

О ТОЛКОВАНИИ ПОНЯТИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ В ПРАКТИКЕ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

Дорожно-транспортное происшествие является распространенным противоправным деянием. И хотя его легальное определение содержится в нескольких нормативных правовых актах, его лаконичность оставляет большой круг вопросов, возникающих при его толковании.

В статье рассматривается ряд признаков дорожно-транспортного происшествия, которые получили свою оценку в правоприменительных актах Верховного Суда Российской Федерации. По итогу проведенного анализа предлагается конкретизировать существующее легальное определение дорожно-транспортного происшествия.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, судебная практика, Верховный Суд, толкование.

RUDENKO Artem Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

BONDARCHUK Ilya Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of State and law disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

ON THE INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF TRAFFIC ACCIDENTS IN THE PRACTICE OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

A traffic accident is a common offence. Although its legal definition is contained in several normative legal acts, its conciseness leaves a large range of issues that arise in its interpretation.

The article considers a number of signs of a traffic accident, which were assessed in law enforcement acts of the Supreme Court of the Russian Federation. As a result of the analysis, it is proposed to specify the existing legal definition of a traffic accident.

Keywords: traffic accident, judicial practice, Supreme Court, interpretation.

Руденко А. В.

Бондарчук И. В.

Признание того или иного события дорожно-транспортным происшествием порождает ряд юридических последствий, связанных как с возникновением дополнительных обязанностей и ограничений у участников дорожно-транспортного происшествия, так и с возмещением причиненного ущерба. Поэтому вопрос правильной квалификации деяния в качестве дорожно-транспортного происшествия является важным и имеет прямое практическое значение.

В научной литературе чаще уделяется внимание не самому понятию дорожно-транспортного происшествия, а вопросам выявления, фиксации и расследования фактов его совершения, [1, 2] последствиям и механизмам их предупреждения [3].

Нормативное определение дорожно-транспортного происшествия содержится в статье 2 Федерального закона от 10 декабря 1995 № 196-ФЗ (ред. от 02 июля 2021) «О безопасности дорожного движения»¹. В соответствии с указанным законом дорожно-транспортное происшествие – это событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб.

Аналогичное определение содержится в пункте 1.2 Постановления Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 № 1090 (ред. от 31 декабря 2020) «О Правилах дорожного движения»² и Распоряжении Федерального дорожного агентства от 12 мая 2015 г. № 853-р «Об издании и применении ОДМ 218.6.015-2015 «Рекомендации по учету и анализу дорожно-транспортных происшествий на автомобильных дорогах Российской Федерации»³.

Единообразное нормативное закрепление рассматриваемого термина в актах, регулирующих данные правоотношения является несомненным плюсом для формирования единой правоприменительной практики, в тоже время, учитывая содержательную ограниченность данного определения, можно говорить о том, что это не позволяет в полной мере осознать его сущностное содержание.

Сформировавшаяся за время действия указанных нормативных актов правоприменительная практика свидетельствует о том, что рассматриваемое определение не содержит

1 О безопасности дорожного движения: Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 11.12.1995, № 50, ст. 4873.

2 О Правилах дорожного движения: Постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 // Собрание актов Президента и Правительства РФ, 22.11.1993, № 47, ст. 4531.

3 Об издании и применении ОДМ 218.6.015-2015 «Рекомендации по учету и анализу дорожно-транспортных происшествий на автомобильных дорогах Российской Федерации»: Распоряжении Федерального дорожного агентства от 12 мая 2015 г. № 853-р. – Документ опубликован не был.

всех признаков дорожно-транспортного происшествия, которые позволяют отличить его от происшествий иного рода.

Проведенный анализ правоприменительных актов Верховного Суда Российской Федерации позволяет говорить о необходимости расширения нормативного закрепленного определения дорожно-транспортного происшествия с целью конкретизации в нем признаков дорожно-транспортного происшествия, которые сложились при его толковании в судебных актах.

Среди признаков дорожно-транспортного происшествия, четко не закрепленных в нормативном определении, но вытекающих из его содержания можно выделить:

1. Признак наличия прямого или косвенного умысла в деяниях лица, совершившего дорожно-транспортное происшествие.

Как указал Верховный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 11.03.2026 № 39-АД16-1 «повреждение лобового стекла указанного транспортного средства образовалось от удара камнем, который вылетел из-под колес движущегося в попутном направлении транспортного средства. Это событие произошло по обстоятельствам, независящим от Савчука И.В., без совершения каких-либо действий с его стороны, предвидеть данное событие, а также наступление последствий в виде повреждения лобового стекла, следующего в попутном направлении автомобиля он, возможности не имел. Произошедшее событие не отвечает признакам дорожно-транспортного происшествия в смысле, придаваемом этому понятию в статье 2 Закона о безопасности дорожного движения и в пункте 1.2 Правил дорожного движения, и таковым не является»⁴.

Из приведенного примера можно сделать вывод, что для квалификации деяния в качестве дорожно-транспортного происшествия необходимо установление вины лица, подозреваемого в совершении дорожно-транспортного происшествия, существовал ли у лица умысел на причинение ущерба, мог ли он его предвидеть и принять меры для его недопущения.

2. Признак обязательности причинения ущерба в результате дорожно-транспортного происшествия.

При определении события в качестве дорожно-транспортного происшествия всегда должно быть установлено лицо, которому причинен ущерб и характер этого ущерба.

Так, в Постановлении Верховного Суда РФ от 29 июня 2017 г. № 92-АД17-2 указано, что «из системного толкования Правил для отнесения события к дорожно-транспортному происшествию необходимо наличие движущегося по дороге транспортного средства, само событие должно быть связано с этим транспортным средством, а возникшие последствия события должны соответствовать перечисленным в понятии «дорожно-транспортного происшествия» (погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб).

Из материалов дела не следует, что в результате события, произошедшего 24 июня 2015 года в районе д. 1 по ул. Пушкина с. Сарыг-Сеп Каа-Хемского района Республики Тыва (утрата колеса), наступили последствия, соответствующие определению «дорожно-транспортное происшествие».

Суд, указав в своем постановлении, что Кривцов А.Г. совершил дорожно-транспортное происшествие, после чего употребил алкоголь, не выяснил какие последствия наступили в результате вышеуказанного события»⁵.

При этом ущерб может быть причинен как одному, так и нескольким участникам дорожно-транспортного происшествия.

4 Постановление Верховного Суда РФ от 11 марта 2016 г. № 39-АД16-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71259402/> (дата обращения: 12.11.2021).

5 Постановление Верховного Суда РФ от 29.06.2017 г. по делу № 92-АД17-2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71635336/> (дата обращения: 12.11.2021).

«Как усматривается из материалов дела, 20 августа 2019 г. в 12 часов 30 минут Рахимов М.Н., управляя транспортным средством «Киа Спектра», государственный регистрационный знак <...>, в районе д. 50 по ул. Артемовская в г. Ростове-на-Дону, при движении задним ходом допустила наезд на припаркованный автомобиль «Ниссан Тида», государственный регистрационный знак <...>, владельцем которого является Парюгина Т.А., после чего в нарушение требований пунктов 2.5, 2.6.1 Правил дорожного движения место дорожно-транспортного происшествия оставила. ... Произошедшее событие отвечает признакам дорожно-транспортного происшествия, которым в соответствии с пунктом 1.2 Правил дорожного движения является событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб»⁶.

Дорожно-транспортным происшествием будет признаваться и событие, в результате которого, ущерб причинен только транспортному средству лица, совершившему дорожно-транспортное происшествие, в том числе и при отсутствии других участников дорожно-транспортного происшествия.

В Постановлении от 6 ноября 2015 г. № 70-АД15-2 Верховный Суд РФ указал что, «30 ноября 2014 года в 23 часа 30 минут Погосян С.В., управляя автомобилем, государственный регистрационный знак <...> на автомобильной дороге «Нытва - Кудымкар», водитель Ошмарин А.П. управляя транспортным средством «Хендэ-Солярис», государственный регистрационный знак <...>, совершил съезд в кювет, в результате указанное транспортное средство, принадлежащее Ширпужеву К.В. получило механические повреждения, после чего в нарушение требований пункта 2.5 Правил дорожного движения он оставил место дорожно-транспортного происшествия, участником которого являлся»⁷. Таким образом, можно сделать вывод, что по логике Верховного Суда РФ данное событие является дорожно-транспортным происшествием.

Схожая ситуация описана в Постановлении Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 44-АД20-14. «Из материалов дела об административном правонарушении следует, что 1 января 2020 года в 15 часов 56 минут на 121 км автодороги «Нытва - Кудымкар», водитель Ошмарин А.П. управляя транспортным средством «Хендэ-Солярис», государственный регистрационный знак <...>, совершил съезд в кювет, в результате указанное транспортное средство, принадлежащее Ширпужеву К.В. получило механические повреждения, после чего в нарушение требований пункта 2.5 Правил дорожного движения оставил место дорожно-транспортного происшествия, участником которого являлся.»⁸

Вывод о том, что в результате дорожно-транспортного происшествия ущерб может быть причинен только транспортному средству лица, совершившему данное происшествие закреплен и в Постановлении Верховного Суда РФ от 8 ноября 2018 г. № 18-АД18-59: «Как усматривается из материалов дела и установлено нижестоящими судебными инстанциями, при изложенных выше обстоятельствах в результате дорожно-транспортного происшествия причинен вред только автомобилю «Форд Фокус», государственный регистрационный знак <...>, принадлежащему Овечко А.И., пострадавших в дорожно-транспортном происшествии нет»⁹.

6 Постановление Верховного Суда РФ от 16 декабря 2020 г. № 41-АД20-20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-16122020-n-41-ad20-20/> (дата обращения: 06.03.2022).

7 Постановление Верховного Суда РФ от 6 ноября 2015 г. № 70-АД15-2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/71277726/> (дата обращения: 12.11.2021).

8 Постановление Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 44-АД20-14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24122020-n-44-ad20-14/> (дата обращения: 06.03.2022).

9 Постановление Верховного Суда РФ от 8 ноября 2018 г. № 18-АД18-59. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08112018-n-18-ad18-59/> (дата обращения: 12.11.2021).

3. Признак места совершения дорожно-транспортного происшествия.

Как указано в Постановлении ВС РФ от 1 августа 2016 г. № 48-АД16-6 «наезд автомобиля «<...>», под управлением Григорьева И.В., на дорожную сумку, принадлежащую Бычаеву Е.П., произошел на газоне. В результате наезда была повреждена сумка и находящиеся в ней продукты питания, напитки и планшетный компьютер, чем Бычаеву Е.П. причинен материальный ущерб.

При установлении обстоятельств правонарушения судебные инстанции обоснованно исходили из того, что указанное событие произошло в непосредственной близости от проезжей части и парковки, то есть в пределах прилегающей территории, которой в соответствии с пунктом 1.2 Правил дорожного движения признается территория, непосредственно прилегающая к дороге и не предназначенная для сквозного движения транспортных средств (дворы, жилые массивы, автостоянки, АЗС, предприятия и тому подобное).

Согласно данной норме, движение по прилегающей территории осуществляется в соответствии с Правилами дорожного движения.

Таким образом, описанное событие возникло в процессе движения транспортного средства по прилегающей территории и с его участием, при данном событии повреждено имущество и причинен материальный ущерб, то есть оно отвечает признакам дорожно-транспортного происшествия, указанным в статье 2 Федерального закона о безопасности дорожного движения и пункте 1.2 Правил дорожного движения.

При этом такое событие признается дорожно-транспортным происшествием в случае, когда оно произошло как на дороге, так и в пределах прилегающей территории¹⁰.

В данном случае судебная практика сформировала расширительное толкование положения, закрепленного в нормативных предписаниях, дополнив его участками прилегающей к дороге территории.

4. Признак механизма возникновения ущерба.

Как следует из материалов дела об административном правонарушении, 25 апреля 2017 года в 15 часов 50 минут на 98 км автодороги «Брянск - Новозыбков» Демченко С.Е., управляя транспортным средством «BMW», государственный регистрационный знак <...>, двигаясь со стороны г. Новозыбкова в сторону г. Брянска, в нарушение требований пункта 11.1 Правил дорожного движения совершил обгон транспортного средства, двигавшегося в попутном направлении, не убедившись в том, что полоса движения, на которую он собирался выехать, свободна, чем создал помеху для движения обгоняющего его транспортного средства «Mitsubishi», государственный регистрационный знак <...>, под управлением Носовец А.Н., которое, уходя от столкновения, съехало в кювет с последующим опрокидыванием¹¹. Следуя данной логике, отсутствие контакта между транспортными средствами или транспортным средством и иным объектом не исключает возможность возникновения дорожно-транспортного происшествия, если в результате их движения возникли последствия, предусмотренные правовыми нормами. Решающим в данном вопросе будет установление причинно-следственной связи между движением транспортного средства и наступившими последствиями.

Признак наличия движения транспортного средства.

«18 сентября 2014 года в 17 часов 01 минуту в районе 116 км автодороги Чита-Забайкальск, водитель Чипчеев Е.В. управляя транспортным средством «Toyota Caldina», государственный регистрационный знак ..., совершил дорожно-транспортное происшествие – не справился с управлением,

допустил опрокидывание автомашины, после чего в нарушение пункта 2.7 Правил дорожного движения употребил алкогольные напитки.

Из системного толкования Правил дорожного движения для отнесения события к дорожно-транспортному происшествию необходимо наличие движущегося по дороге транспортного средства, само событие должно быть связано с этим транспортным средством, а возникшие последствия события должны соответствовать перечисленным в пункте «дорожно-транспортного происшествия» (погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб)¹². Аналогичная позиция содержится в Постановлении Верховного Суда РФ от 29 июня 2017 г. № 92-АД17-2¹³.

Таким образом, транспортное средство, находящееся в состоянии покоя, не может являться орудием совершения дорожно-транспортного происшествия, так же, как и ущерб, невнесенный ему, не может рассматриваться как ущерб, нанесенный в результате дорожно-транспортного происшествия.

Складывающаяся судебная практика достаточно подробно раскрывает элементы содержащейся в нормативных актах дефиниции. С целью обеспечения единства сформированной судебной практики и толкования нормативно закрепленного определения дорожно-транспортного происшествия можно предложить провести корректировку: дорожно-транспортное происшествие – это событие, возникшее в процессе движения, по воле лица, по дороге или прилегающей к ней территории, транспортного средства, и с его участием, при котором наступило одно или несколько последствий в виде: гибели или ранения людей, повреждения транспортных средств, сооружений, имущества, грузов либо причинен иной материальный ущерб.

Пристатейный библиографический список

1. Пеньков Е. И. Роль осмотра места происшествия при расследовании уголовных дел дорожно-транспортных происшествиях // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2020. – № 3 (25). – С. 82-84.
2. Батыщева Е. В. Тактические особенности производства осмотра места происшествия при дорожно-транспортных происшествиях // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. – 2016. – № 6-2(87). – С. 172-176.
3. Батманов Э. З., Амрахов М. А., Магамдалиев В. М. Оценка социально-экономического ущерба от дорожно-транспортного происшествия по источникам травмирования // Неделя науки - 2021: Сборник материалов 42 итоговой научно-технической конференции преподавателей, сотрудников, аспирантов и студентов ДГТУ, Махачкала, 17-22 мая 2021 года. – Махачкала: Типография ФОРМАТ, 2021. – С. 334-335.
10. Постановление Верховного Суда РФ от 1 августа 2016 г. № 48-АД16-6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-01082016-n-48-ad16-6/> (дата обращения: 12.11.2021).
11. Постановление Верховного Суда РФ от 12 февраля 2019 г. № 83-АД19-2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-12022019-n-83-ad19-2/> (дата обращения: 06.03.2022).
12. Постановление Верховного Суда РФ от 7 августа 2017 г. № 72-АД17-8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71652010/> (дата обращения: 06.03.2022).
13. Постановление Верховного Суда РФ от 29 июня 2017 г. № 92-АД17-2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29062017-n-92-ad17-2/> (дата обращения: 06.03.2022).

СКИДАНОВ Алексей Олегович

инспектор по исполнению административного законодательства Центра автоматической фиксации административных правонарушений ГИБДД МВД РФ по Республике Крым

КОСТЫЛЕВ Владислав Викторович

доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ В РОССИИ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНЫХ КОМИССИЙ КАК КОЛЛЕГИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

В статье рассмотрена история становления и развития в России института административных комиссий. Установлено, что в советский период эти коллегиальные органы играли важную роль в осуществлении административной юрисдикции и, по сути, являлись основными субъектами рассмотрения дел соответствующей категории. После распада СССР полномочия комиссий существенно трансформировались, они перестали доминировать в системе административно-юрисдикционных органов, а регулирование их деятельности было передано на региональный и местный уровни. В настоящее время комиссии продолжают принимать решения по делам об административных правонарушениях, связанных с вопросами местного значения в различных сферах управления. Учитывая это, с учетом исторического опыта представляется актуальным дальнейшее совершенствование организации, структуры, компетенции, порядка деятельности этих органов, закрепление их статуса в новом КоАП РФ.

Ключевые слова: административная комиссия, административная юрисдикция, производство по делам об административных правонарушениях.

SKIDANOV Aleksey Olegovich

inspector for the execution of administrative legislation of the Center for Automatic Recording of Administrative Offenses of the State Traffic Safety Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Republic of Crimea

KOSTYLEV Vladislav Viktorovich

associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

FORMATION AND DEVELOPMENT IN RUSSIA OF THE INSTITUTE OF ADMINISTRATIVE COMMISSIONS AS COLLEGE BODIES OF ADMINISTRATIVE JURISDICTION

The article considers the history of the formation and development of the institution of administrative commissions in Russia. It has been established that in the Soviet period these collegiate bodies played an important role in the exercise of administrative jurisdiction and, in fact, were the main subjects of consideration of cases of the corresponding category. After the collapse of the USSR, the powers of the commissions were significantly transformed, they ceased to dominate the system of administrative and jurisdictional bodies, and the regulation of their activities was transferred to the regional and local levels. Currently, the commissions continue to make decisions on cases of administrative offenses related to issues of local importance in various areas of government. Given this, taking into account historical experience, it seems relevant to further improve the organization, structure, competence, and procedure for the activities of these bodies, and to consolidate their status in the new Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Keywords: administrative commission, competence, administrative jurisdiction.

Социально-экономические и политические изменения, которые продолжаются в России на протяжении последней четверти века, повлияли на развитие науки административного права и стали факторами, которые изменили представление об административной ответственности, административной юрисдикции и организационно-правовой природе ряда административно-юрисдикционных органов, в частности, административных комиссий. В советский период на них возлагались функции основных органов по рассмотрению соответствующей категории дел. Однако, после распада СССР в 1991 году полномочия этих комиссий существенно трансформировались, регулирование их деятельности было передано на региональный и местный уровни, а сами они перестали доминировать в системе органов административной юрисдикции.

Несмотря на это, именно комиссии продолжают сегодня принимать решения по делам об административных правонарушениях, связанных с вопросами местного значения в различных сферах управления. Например, только на одном заседании Административной комиссии муниципального образования Симферополь было рассмотрено 73

административных материалов, по результатам которых были приняты решения о наложении штрафа – 61, переносе рассмотрения – 1, предупреждении – 11. К ответственности привлечены граждане и организации за нарушения, например, Правил благоустройства, стоянки транспортных средств на участках без твердого покрытия и тротуаре, складирования отходов вне объекта размещения, размещения нестационарных торговых объектов, не обеспечение чистоты фасада и т.д. Так, 7 из 10-ти рассмотренных протоколов касались нарушений, совершённых юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Общая сумма наложенных штрафов, которые подлежат зачислению в бюджет муниципального образования, составила около 329 000 рублей¹.

Эти факторы объективно свидетельствуют о том, что работа административных комиссий имеет большое значение для обеспечения режима законности, а исторический опыт

1 Официальный сайт Администрации МО ГО Симферополь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://simf.rk.gov.ru/ru/index> (дата обращения: 18.02.2022).

их функционирования нуждается в историко-правовом осмыслении.

Административные комиссии как органы административной юрисдикции имеют длительную историю становления. Они начали формироваться в конце 20-х - начале 30-х годов XX века. Однако на современном этапе развития российской юридической науки в научно-правовой литературе не сложилось единого понимания о времени их возникновения. Так, по данным Е. К. Замотаевой, административные комиссии на территории бывшего СССР впервые возникли на основании Постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 3 июня 1929 г., «в соответствии с которым они образовывались и действовали при городских или районных Советах исполнительных комитетов» [1, с. 33]. В то же время К. А. Пономарев считает, что «административные комиссии действовали еще с июня 1926 г. года на основании Положения об издании исполнительными комитетами и городскими Советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке, утвержденном Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 28 июня 1926 г., которым была предусмотрена возможность создания при городских или районных Советах, районных или уездных исполнительных комитетах комиссий по наложению административных взысканий» [2, с. 19]. По мнению автора, именно их следует считать прототипами административных комиссий, поскольку данные органы создавались специально для наложения административных взысканий.

Отметим, что законодатель в тот период времени не устанавливал категорической обязанности создания комиссий по наложению административных взысканий, а применял дискреционную формулировку «может быть создана». И только Положение об издании местными исполкомами и Советами обязательных постановлений и о наложении за них взысканий в административном порядке (далее – Положение 1931 года), утвержденное ВЦИК и СНК 30 марта 1931 г., стало первым нормативным актом, который напрямую регламентировал компетенцию комиссий и основные вопросы организации их деятельности. В Положении 1931 года также было определено первоначальное название этих юрисдикционных органов – комиссии по наложению административных взысканий. В соответствии с этим актом исполкомы областных (краевых) Советов депутатов трудящихся принимали собственные положения о комиссиях по наложению административных взысканий².

Таким образом, дату принятия Положения 1931 года – 30 марта 1931 года – можно считать официально датой основания административных комиссий, которые представляли собой коллегиальные органы административной юрисдикции [3, с. 12]. В соответствии с Положением 1931 года комиссии по наложению административных взысканий осуществляли свои полномочия в составе председателя и членов данных органов. Состав лиц, входящих в комиссию, утверждался нормативным актом соответствующего районного или городского Совета депутатов трудящихся³. Этот нормативный акт не

устанавливал численность административных комиссий, поэтому она определялась областными исполкомами по собственному разумению. К компетенции административных комиссий относились только административные правонарушения, ответственность за которые была закреплена в местных нормативных актах. Этот же период характеризуется активным привлечением органов прокуратуры к деятельности по надзору за законностью наложения комиссиями административных взысканий.

Административные комиссии во второй половине XX века в СССР создаются при органах государственной исполнительной власти местного уровня. Как коллегиальный орган в этот период комиссии получают новое наименование – административные комиссии при исполнительных комитетах районных, городских Советов депутатов трудящихся. Необходимо отметить, что административные комиссии при исполнительных комитетах сельских советов создавались только по усмотрению членов исполнительного комитета вышестоящего совета (в большинстве случаев это был районный совет определенной области, а в составных административных образованиях – городской или поселковый совет). Эти обстоятельства способствовали появлению на территории применения республиканского административно-делiktного законодательства неоднозначной административной практики.

На протяжении 1961-1962 годов законодательство об административных комиссиях продолжает совершенствоваться. В этот период все союзные республики принимают нормативные акты, закрепляющие их статус. Так, например, в РСФСР было принято Положение «Об административных комиссиях при исполнительных комитетах районных, городских Советов депутатов трудящихся РСФСР и о порядке производства по делам об административных нарушениях» от 30 марта 1962 года (далее – Положение 1962 года)⁴. Положение «Об административных комиссиях при исполнительных комитетах районных, городских Советов депутатов трудящихся РСФСР и о порядке производства по делам об административных нарушениях» от 30 марта 1962 года подробно регламентировало порядок действий административных комиссий и порядок проводимого ими производства по административным правонарушениям. Однако, в 1986 году в период перестройки, Положение 1962 года утратило силу. С этого момента (с 1986 года) административные комиссии в РСФСР функционировали без надлежащей правовой основы, их полномочия были закреплены только общим законодательством и актами, принимаемыми на местном уровне. Специальный нормативный документ, в котором бы регулировались правовые и организационные основы деятельности комиссий, отсутствовал.

На уровне СССР основным нормативным источником, который регламентировал деятельность административных комиссий, стал Кодекс об административных правонарушениях РСФСР 1984 г.⁵, закрепивший их компетенцию и подведомственность дел. Таким образом, правовой основой

2 Постановление ВЦИК СНК РСФСР от 30 марта 1931 г. «Положение об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» // СУ РСФСР. – 1931. – № 17. – Ст. 1863 (утратил силу).

3 Там же. – Ст. 1863 (утратил силу).

4 Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 марта 1962 года «Об утверждении Положения об административных комиссиях при исполнительных комитетах районных, городских Советов депутатов трудящихся РСФСР и о порядке производства по делам об административных нарушениях» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1962. – № 13. – Ст. 166 (утратил силу).

5 «Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» (утв. ВС РСФСР 20.06.1984 г.) (ред. от 20.03.2001 г.) // Ведомости ВС РСФСР. – 1984. – № 27. – Ст. 909. (утратил силу).

функционирования этих органов впервые становится кодифицированный акт. В этот период именно комиссиям отводится ведущее место среди органов, уполномоченных рассматривать дела об административных проступках. Закрепленный в КоАП РСФСР 1984 г. институт административных комиссий функционировал до момента принятия в 2001 году действующего ныне КоАП РФ. В ходе административной реформы, проводимой в России в период 1991-2001 гг., статус этих органов определялся советским законодательством и был практически не урегулирован на региональном и местном уровнях.

Только в 2001 году правовое положение административных комиссий получило свое закрепление в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях⁶. Согласно п. 4 ч. 2 ст. 22.1, КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, рассматриваются в пределах полномочий, установленных этими законами, административными комиссиями, иными коллегиальными органами, создаваемыми в соответствии с законами субъектов Российской Федерации⁷. Положения КоАП РФ были детализированы в региональном и местном законодательстве. Например, в Республике Крым были приняты такие нормативные акты как Закон Республики Крым от 25 июня 2015 г. № 116-ЗРК/2015 «Об административных комиссиях в Республике Крым»⁸ и Закон Республики Крым от 25 июня 2015 года № 118-ЗРК/2015 «О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований в Республике Крым отдельными государственными полномочиями Республики Крым в сфере административной ответственности»⁹. На муниципальном уровне примером правового регулирования в данной области может служить Решение Симферопольского городского совета Республики Крым «О создании административной комиссии муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым» № 319 от 21 июля 2015 г.¹⁰ Таким образом, была сформирована современная правовая основа регулирования деятельности административных комиссий.

Таким образом, в конце 30-х гг. XX века в союзных республиках СССР эти органы становятся самостоятельными субъектами административной юрисдикции. Их полномочия,

закрепленные в современном федеральном и региональном законодательстве, актах местного самоуправления, уже не так широки, как в советский период и, в своей основе, базируются на соответствующем опыте советского периода. Безусловно, применение отдельных, опробованных практикой положений законодательства СССР является необходимым, но при формировании новых правовых норм важно ориентироваться на кардинальные изменения общественных отношений в современной России. В этой связи с учетом исторического опыта представляется актуальным дальнейшее совершенствование организации, структуры, компетенции, порядка деятельности административных комиссий, закрепление их статуса в новом КоАП РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Замотаева Е. К. Проблемы статуса административных комиссий в аспекте разграничения полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 19. – С. 33.
2. Пономарев К. А. Административные комиссии в муниципальных образованиях: проблемы правового регулирования и организации деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. – Ростов-на-Дону, 2011. – 247 с.
3. Лакаев, О. А. Коллегиальные органы административной юрисдикции, создаваемые в соответствии с законодательством субъектов Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. – Саратов, 2008. – 27 с.

6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 18.01.2022).

7 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 16.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022), ст. 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.01.2022).

8 Закон Республики Крым от 25 июня 2015 г. № 116-ЗРК/2015 «Об административных комиссиях в Республике Крым» // Крымские известия, 17.07.2015, № 127.

9 Закон Республики Крым от 25 июня 2015 года № 118-ЗРК/2015 «О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований в Республике Крым отдельными государственными полномочиями Республики Крым в сфере административной ответственности» // Крымские известия, 17.07.2015, № 127.

10 Решение Симферопольского городского совета Республики Крым № 319 от 21.07.2015 г. «О создании административной комиссии муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым» // Официальный сайт Симферопольского городского совета. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://simgov.ru/norm_baza/resheniya-gorsoveta/?page=228. – (дата обращения: 20.01.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-147-149

ТРИФОНОВА Кристина Васаковна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, доцент кафедры гражданского права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ТРИФОНОВ Сергей Геннадиевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МИГРАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье авторами рассматривается проблема институционально-правового обеспечения миграционной безопасности. Авторами проведен анализ института взаимодействия правоохранительных органов в контексте обеспечения ими миграционной безопасности. Проанализировано ведомственное законодательство, научные исследования, сделаны основательные выводы, которые имеют как теоретическое, так и практическое значение для указанного вопроса.

Ключевые слова: национальная безопасность, миграционная безопасность, взаимодействие, правоохранительные органы, информация, миграция.

TRIFONOVA Kristine Vasakovna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty, associate professor of Civil law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

TRIFONOV Sergey Gennadjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Public legal disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

INSTITUTIONAL AND LEGAL SUPPORT OF MIGRATION SECURITY

In the article, the authors consider the problem of institutional and legal support of migration security. The authors analyzed the institute of interaction between law enforcement agencies in the context of their provision of migration security. Analyzed departmental legislation, scientific research, made solid conclusions that have both theoretical and practical significance for this issue.

Keywords: national security, migration security, interaction, law enforcement agencies, information, migration.

Взаимосвязь национальной безопасности государства и миграционной политики отмечена в трудах множества исследователей, и по мнению ряда авторов обусловили необходимость «выделения в понятийно-видовом ряде безопасности миграционной безопасности, которая трактуется исследователями в широком и узком смысле» [1, с. 211]. В первом случае «миграционная безопасность ориентирована на обеспечение защищенности мигрантов от различных угроз и опасностей при помощи миграционной политики и состоит в неукоснительном соблюдении миграционного законодательства» [1, с. 217]. Во втором случае акцентируются вопросы «обеспечения интересов принимающего государства, способности миграции удовлетворять потребности общества в человеческом капитале (трудовом, интеллектуальном) и его эффективного межрегионального перераспределения» [1, с. 216].

Восприятие миграции как потенциальной угрозы национальной безопасности началось относительно недавно

– после окончания противостояния СССР и США и распада первого. Геополитические последствия распада СССР были многочисленными, усиление миграции населения лишь одно из них и практически сразу через призму национальной безопасности стали рассматривать «лиц и организации иностранного происхождения, пытающиеся пересечь границы и вести свою деятельность на территории страны в обход закона, будь то нелегальные трудовые мигранты или члены транснациональных преступных группировок» [2], [4], [5].

Специалисты по безопасности рассматривают незаконное перемещение через государственную границу лишь как одно из зол влекущее значительные последствия: это и сопутствующие незаконному перемещению через границу подделка документов и предложение незаконного денежного или иного вознаграждения лицам, осуществляющим пограничный контроль для беспрепятственного проникновения на территорию государства, и последую-

Трифопова К. В.

Трифонов С. Г.

щие налоговые правонарушения, занятие или вовлечение в занятие проституцией, и перевозка и сбыт нелегальных товаров.

Масштаб нелегальной миграции сегодня, по оценкам экспертов, составляет примерно 1/5 всех миграционных потоков, или 30–40 млн человек [3, с. 97].

Представляется, что в современных условиях нелегальная миграция является одним из существенных факторов препятствующих поступательному стабильному развитию государств мира. Порождаемые ей негативные последствия страшны не только и не столько увеличением количества нелегальных мигрантов, но и осуществляемой ими впоследствии противоправной деятельностью. Как известно трансграничная преступность достаточно часто оформляется в виде международного терроризма, торговли оружием, незаконного оборота наркотиков и торговли людьми.

Многие государства мира акцентируют внимание на обеспечении миграционной безопасности осознав или столкнувшись с негативными последствиями нелегальной миграции и выступают на международной арене как сторонники усиления безопасности в миграционной сфере в целях обеспечения глобальной безопасности. Естественно, что государства-участники Содружества Независимых Государств и иных интеграционных объединений на территории бывшего СССР также обеспокоены данной проблемой, влияющей практически на все стороны жизни современного общества.

На международно-правовом уровне институционализация вопросов миграционной безопасности оформилась в нормах Всеобщей декларации прав человека ООН 1948 г. Ряд статей данного документа непосредственно затрагивает эти вопросы, в частности: ст. 3, 6, 7, 13, 14, 15 Всеобщей декларации прав человека ООН 1948 г.

В ст. 3, 6, 7 Всеобщей декларации прав человека ООН 1948 г. раскрываются естественные неотъемлемые права человека, состоящие в праве на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, в признании правосубъектности каждого человека, права на равную защиту закона. Нормы, изложенные «в ст. 13, 14, 15 Всеобщей декларации прав человека ООН 1948 г., непосредственно касаются миграции, развивают и конкретизируют эти положения»¹. В «ст. 13 утверждается право каждого свободно передвигаться и выбирать себе место жительства в пределах любого государства, равно как и покидать любую страну и возвращаться в нее»². В «ст. 14 провозглашается право каждого человека на убежище, а в ст. 15 - на гражданство. Данные нормы выступают в качестве правовых принципов в формировании международного миграционного права и внутреннего миграционного права большинства современных государств, раскрывают жизненно важные интересы современной цивилизации и признающих эти принципы национальных государств»³. Поэтому реализация изучаемых норм является вопросом миграционной безопасности.

Важнейшую роль в вопросах противодействия, профилактики и предупреждения совершения миграционных

правонарушений играет эффективное взаимодействие правоохранительных органов.

К сожалению, нормативного определения, взаимодействия правоохранительных органов в миграционной сфере в настоящее время отсутствует.

Единственным документом, который сформулировал данную дефиницию в настоящее время стали Методические рекомендации «Обеспечение эффективного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти с правоохранительными органами в рамках организации противодействия коррупции в федеральном органе исполнительной власти». Под взаимодействием в данном документе понимается «основанная на законах и подзаконных нормативных актах, согласованная по целям, месту и времени деятельность различных исполнителей по совместному решению поставленных перед ними задач»⁴.

Если провести аналогию и за основу взять данную формулировку, то под взаимодействием правоохранительных органов в миграционной сфере в контексте осуществления (реализации) миграционной безопасности, на наш взгляд, следует понимать совместную согласованную деятельность правоохранительных органов в пределах их полномочий основанную на законах и подзаконных нормативных актах, по совместному решению поставленных перед ними задач в сфере соблюдения миграционного законодательства, в том числе профилактики и предупреждения миграционных правонарушений.

К основным принципам взаимодействия правоохранительных органов в миграционной сфере в исследуемом контексте можно отнести: законность; соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина; сочетание публичных и частных интересов личности, государства; самостоятельность правоохранительных органов в пределах их полномочий; взаимное согласие различных правоохранительных органов при осуществлении вопросов, требующих совместного решения; принцип понятности - представление целей, задач, планов и результатов деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в форме, обеспечивающей простое и доступное восприятие обществом информации о деятельности указанных органов власти; согласованность; паритетность, равноправие; информированность; плановость; системность, оперативное реагирование.

В целях эффективного взаимодействия правоохранительных органов при выявлении и расследовании правонарушений и преступлений в миграционной сфере создаются межведомственные рабочие группы.

Основными правоохранительными органами, которые активно вовлечены в обеспечение миграционной безопасности можно назвать МВД РФ, МИД РФ, ФСБ РФ, ФТС

4 Методические рекомендации «Обеспечение эффективного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти с правоохранительными органами в рамках организации противодействия коррупции в федеральном органе исполнительной власти» ОДОБРЕНЫ президиумом Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции (протокол от 25 сентября 2012 г. № 34. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rlw.gov.ru/storage/document/document_file/201806/10/%D0%9C%D0%A0%20%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D1%8D%D1%84.pdf.

1 Всеобщей декларации прав человека ООН 1948 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Гарант.

2 Там же.

3 Там же.

РФ, ФСПП РФ, Росфинмониторинг РФ, Прокуратура РФ. Отдельные министерства и федеральные службы начинают реализовывать миграционные полномочия только при наступлении определенных условий.

Проанализировав круг субъектов, вовлеченных в обеспечение миграционной безопасности, их полномочия и порядок взаимодействия приходим к следующим выводам:

1. Взаимодействие между правоохранительными органами проходит в следующих формах: межведомственный информационный обмен; проведение координационных совещаний; проведение межведомственных совещаний руководителей правоохранительных органов; проведение совместных мероприятий правоохранительных и иных государственных органов с общественными и парламентскими комиссиями по вопросам противодействия коррупции, а также с гражданами и институтами гражданского общества; организация постоянно действующих рабочих групп из числа представителей субъектов взаимодействия; организация совместных проверок по исполнению миграционного законодательства; обучение, повышение квалификации, приглашение специалистов из числа участников взаимодействия для оказания методической, консультационной и иной помощи другому субъекту сотрудничества в рассматриваемой сфере; организация совместных семинаров, конференций; организация совместных научных, мониторинговых исследований, социологических опросов.

2. Выделяют также формы взаимодействия между правоохранительными органами, которые могут быть реализованы участниками как в двустороннем, так и в многостороннем формате.

3. Выделяют «виды взаимодействия в зависимости: от количества участников взаимодействия: одного субъекта с одним субъектом; одного субъекта с несколькими субъектами; нескольких субъектов с несколькими субъектами; а также от продолжительности: временное – осуществление совместных действий субъектами по разрешению одной сложившейся ситуации на определенный срок; постоянное – не ограниченное по продолжительности взаимодействие субъектов» [6].

Исходя из задач, возложенных на правоохранительные органы, при реализации которых также могут требоваться определенные вспомогательные действия со стороны федеральных органов государственной власти, можно выделить следующие направления взаимодействия: взаимодействие с органами прокуратуры в рамках надзора за исполнением миграционного законодательства; взаимодействие с правоохранительными органами при проведении оперативно-розыскных мероприятий и расследовании различных миграционных правонарушений.

Подводя определенные итоги, хотелось бы отметить, что в нашем государстве обеспечение миграционной безопасности постоянно находится в центре внимания как профильных правоохранительных органов, обеспечивающих контроль и учет в данной сфере, так и всей правоохранительной системой в целом, научное сообщество также уделяет достаточно много внимания доктринальному обеспечению регулирования как национальной безопасности, так и миграционной безопасности. Вместе с тем следует отметить, что угрозы национальной безопасности, в том

числе от нелегальной миграции требуют постоянного мониторинга и исследования вопросов по данной проблематике и нуждаются в непрерывном научном осмыслении.

Пристатейный библиографический список

1. Лузина Т. В., Елфимова О. С. Проблемы миграционной безопасности и региональные тенденции миграционных процессов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. - 2019. - февраль № 1 (46). - С. 213-217.
2. Andreas P. Redrawing the Line: Borders and Security in the Twenty-First Century // International Security. - 2003. - Vol. 28. - № 2. - P. 78-111.
3. Троицкая О. В. Управление миграцией и безопасность: опыт развитых стран // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. - 2012. - № 4. - С. 97.
4. Huysmans J., Squire V. Migration and Security // Handbook of Security Studies / Ed. by M. Dunn Cavelti, V. Mauer. - L.: Routledge, 2009.
5. Bigo D. Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease // Alternatives. - 2002. - № 27. - P. 63-92.
6. Лялякин Ю. А. К вопросу о сущности и содержании взаимодействия подразделений МВД России в сфере реализации государственной миграционной политики и обеспечения миграционной безопасности // Труды Академии управления МВД России. - 2016. - № 3 (39). - С. 81-85.

ЕВSIKOVA Елена Витальевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, начальник отдела организации научной и редакционно-издательской деятельности Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, заслуженный юрист Республики Крым

БУЦ Сергей Борисович

преподаватель кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ПОНОМАРЕВ Александр Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

СТАРИЦЫН Алексей Валентинович

кандидат юридических наук, декан Юридического факультета Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

К ВОПРОСУ ОБ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проводится анализ и раскрываются особенности усовершенствования административно-деликтного законодательства Российской Федерации в аспекте модернизации и кардинального реформирования всего массива административно-деликтного законодательства Российской Федерации на фоне «третьей» волны кодификации. На основе проведенного анализа авторы раскрывают проблемы и обозначают перспективы усовершенствования административно-деликтного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: административно-деликтное законодательство, модернизация, «третья» волна кодификации.

EVSIKOVA Elena Vitaljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty, Head of the Department for Organization of Scientific and Editorial and Publishing Activities of the Crimean branch of the Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Republic of Crimea

BUTS Sergey Borisovich

lecturer of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

PONOMAREV Aleksandr Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

STARITCIN Aleksey Valentinovich

Ph.D. in Law, Dean of the Faculty of Law of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

ON THE ISSUE OF IMPROVING THE ADMINISTRATIVE AND TORT LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes and reveals the features of improving the administrative-tort legislation of the Russian Federation in the aspect of modernization and cardinal reform of the entire array of administrative-tort legislation of the Russian Federation against the background of the “third” wave of codification. Based on the analysis, the authors reveal the problems and identify the prospects for improving the administrative and tort legislation of the Russian Federation.

Keywords: administrative and tort legislation; modernization; the “third” wave of codification.

Сегодня одной из дискуссионных тем, стоящих на повестке дня у юридического сообщества, является кардинальное реформирование административно-деликтного законодательства путем разработки и принятия Проекта нового КоАПРФ¹ на фоне «третьей волны» кодификации административно-деликтного законодательства РФ [1].

Однако, сама идея реформирования административно-деликтного законодательства РФ или его модернизации, отнюдь, не нова и уже достаточно давно обсуждается, как представителями доктрины административного права, так и правоприменителями, поскольку, необходимость регулирования административно-деликтных правоотношений, продиктована их сложностью и изменчивостью.

Следует согласиться с мнением Старилова Ю. Н., что научные дискуссии по актуальным вопросам реформирования административно-деликтного законодательства и усовершенствования его правоприменения, однозначно, должны происходить, поскольку направлены на достижение положительных результатов, как в научной, так и правоприменительной сфере, усовершенствование законотворческой деятельности в данной сфере [2]. Вместе с тем, говоря о реформировании, следует учитывать

и законодательный и правоприменительный опыт субъектов РФ [3], [4].

В силу чего, постоянные внесения изменений и дополнений в действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)² видится нам не прихотью законодателя, а, скорее, попыткой оперативного реагирования на вызовы современной действительности.

Так, в рамках данного исследования, интересно проанализировать динамику административно-деликтной ситуации на территории РФ на основе статистических данных Судебного Департамента при Верховном Суде РФ.

Так, в первой половине 2021 г. в суды общей юрисдикции Российской Федерации поступило 4 563 938 дел об административных правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ, всего подвергнуто наказанию – 3 693 331 лицо; в общей сложности назначены административные наказания в виде: административного ареста – 421 238, лишения специального права – 31 296, дисквалификации – 6312, приостановления деятельности – 5817,

1 Проект Федерального закона № 957581-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/law/doc/pr_koan/

2 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.03.2022). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc.

обязательных работ – 172 047, выдворения 353, конфискация – 3880, штраф – 2 353 621³.

При этом, в 2020 г. в - 7 465 322 дела об административных правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ, всего подвергнуто наказанию – 6 038 719 лиц; в общей сложности назначены административные наказания в виде: административного ареста – 750 140, лишения специального права – 66 565, дисквалификации – 10 185, приостановления деятельности – 11 769, обязательных работ – 280 478, выдворения 234, конфискации – 10 721, штраф – 4 122 717.⁴

Вместе с тем, в 2019 г. - 6 969 206 дел об административных правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ, всего подвергнуто наказанию – 5 854 025 лиц; в общей сложности назначены административные наказания в виде: административного ареста – 925 142, лишения специального права – 72 804, дисквалификации – 9795, приостановления деятельности – 11 971, обязательных работ – 326 636, выдворения - 1406, конфискации – 18322, штраф – 4 199 181.⁵

Проведенный анализ показывает, что не все задачи административно-деликтного законодательства решаются в том объеме, который изначально предусматривал законодатель, принимая и вводя в действие КоАП РФ, который сегодня действительно нуждается в модернизации и усовершенствовании в целях обеспечения более качественного регулирования данной сферы отношений и обеспечения более эффективного правоприменения в процессе реализации административно-деликтного законодательства на практике.

Изучение статистических данных показывает, что законодатель и правоприменители пошли путем введения и установления штрафов, которые занимают лидирующее место в системе административных наказаний, однако, из наложенных штрафов по вынесенным постановлениям взыскивается лишь их небольшая часть, что, однозначно, свидетельствует о существующих проблемах в сфере эффективного применения административно-деликтного законодательства и необходимости его качественного усовершенствования.

Однако, вопрос о необходимости реформирования всей системы административно-деликтного законодательства путем разработки и принятия нового кодифицированного акта в данной сфере правоотношений [2], остается открытым и дискуссионным.

Так, ряд авторов, выделяя недостатки действующего КоАП РФ, которые связаны с чрезмерным увеличением количества составов административных правонарушений, предусмотренных КоАП РФ, значительным размером штрафных санкций (особенно для юридических лиц, что даже приводит к банкротству), отсутствие норм, предусматривающих стимулы, поощрения и меры профилактики правонарушений [5].

С чем, по нашему мнению, нельзя полностью согласиться, поскольку, как уже отмечалось выше, такой «гипертрофированный» рост количества норм действующего КоАП РФ обусловлен объективными закономерностями и представляет собой вполне адекватную и понятную попытку законодателя быстро и своевременно реагировать на вызовы современной действительности, создающие угрозу существующим в обществе и государстве правоотношениям, и обеспечить таким правоотношениям надлежащий уровень правовой защиты со стороны административно-деликтного законодательства. При этом, следует учитывать бурный рост общественных отношений в отдельных сферах, например, в области процессов цифровизации, где мы уже значительно отстаем от уровня развития отношений и не успеваем надлежащим образом урегулировать все аспекты данной сферы.

Таким образом, постоянное увеличение количества норм административно-деликтного законодательства РФ вполне объ-

ективен и необходим, и направлен на надлежащее урегулирование всех наиболее важных и сложных сфер жизни общества и государства, остро нуждающихся в качественном правовом регулировании и эффективной реализации на практике.

При этом, следует отметить, что предусмотренная административно-деликтным законодательством система санкций, прежде всего штрафов, должна устанавливаться по каждому отдельному составу правонарушения с учетом характера и степени общественной опасности такого противоправного деяния, а также принципов индивидуализации, справедливости и соразмерности административного наказания [6].

Однако, как показывает анализ положений норм административно-деликтного законодательства, в ряд случаев, размер штрафа, особенно для граждан, очень минимальный, что, по сути, не имеет ни сдерживающего или предупредительного воздействия, ни наказательного характера в виде неблагоприятных последствий за совершенное противоправное деяние, а следовательно, нуждается в кардинальной переработке и усовершенствовании в сторону увеличения.

По нашему мнению, следует кардинально пересмотреть систему административных наказаний за правонарушения в области охраны здоровья граждан в случае совершения противоправных деяний по нарушению установленных запретов в сфере курения [7]; за правонарушения в сфере использования запрещенных субстанций или методов в спорте [8], а также введение новых составов административных правонарушений, например, за жестокое обращение с животными части действий, которые не подпадают под положения ст. 245 Уголовного кодекса РФ [9], что позволит более эффективно бороться с указанными правонарушениями. Таким образом, проведенный анализ показывает необходимость и важность «точечных» изменений и дополнений в рамках модернизации действующего КоАП РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Евсикова Е. В., Пономарев А. В. К вопросу о трактовании понятия и принципах административной ответственности в контексте реформирования административно-деликтного законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – С. 226-236.
2. Старилов Ю. Н. Модернизация законодательства об административных правонарушениях: предпосылки, возможности и перспективы // Правопорядок: история, теория и практика. – 2015. – № 1 (4). – С. 20-28.
3. Руденко А. В. Становление законодательства Республики Крым об административных правонарушениях // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 10 (161). – С. 131-134.
4. Бондарчук И. В., Руденко А. В. Проблемы развития законодательства Республики Крым как нового субъекта Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 9 (160). – С. 90-92.
5. Юсупов В. А. На пути к новому законодательству об административной ответственности в России // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2014. – № 3 (28). – С. 6-18.
6. Руденко А. В. Соблюдение принципов соразмерности наказания и индивидуализации наказания при привлечении к административной ответственности // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2016. – № 4 (25). – С. 77-81.
7. Буц С. Б., Пономарев А. В., Евсикова Е. В. Некоторые аспекты реформирования административно-деликтного законодательства в сфере установления административной ответственности за нарушение запрета курения табака // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 9 (160). – С. 116-118.
8. Евсикова Е. В. Административно-правовые основы противодействия «допинговому» правонарушениям в спорте и пути их усовершенствования // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 9 (160). – С. 124-126.
9. Буц С. Б., Евсикова Е. В., Пономарев А. В. Некоторые аспекты реформирования административно-деликтного законодательства в сфере установления административной ответственности за жестокое обращение с животными // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 10 (161). – С. 146-148.

3 Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за первую половину 2021 года. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5896>.

4 Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>.

5 Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>.

ИСМАИЛОВА Гульчин Фуад кызы

аспирант кафедры административного и финансового права Российского университета дружбы народов

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ И ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ ВАКЦИН

В настоящей статье автор обращается к вопросам о юридической сущности правового регулирования производства и введения в обращение вакцин, выделяет его особенности и правовые средства.

Автор дает определение института правового регулирования производства и введения в обращение вакцин и выделяет нормативно-правовые основы. В статье также рассматриваются особенности клинического исследования препаратов, которое предполагает изучение лекарственной формы фармакологически активного вещества. Автор также обращается к зарубежному опыту правового регулирования производства и обращения вакцин в условиях борьбы с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19). В статье отдельно подчеркивается важность международно-правых актов и резолюции Генеральной ассамблеи ООН в сфере обращения вакцинных препаратов.

Ключевые слова: правовое регулирование, обращение вакцин, вакцина, вакцинные препараты, COVID-19.

ISMAILOVA Gulchin Fuad kyzy

postgraduate student of Administrative and financial law sub-faculty of the People's Friendship University of Russia

ON THE LEGAL NATURE AND FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF THE PRODUCTION AND ISSUANCE OF VACCINES

In this article, the author addresses questions about the legal essence of the legal regulation of the production and issuance of vaccines, allocates its features and legal means.

The author defines the institution of legal regulation of the production and introduction of vaccines and identifies the regulatory framework. The article also discusses the features of a clinical study of drugs, which involves the study of a dosage form of a pharmacologically active substance. The author also refers to foreign experience in the legal regulation of the production and circulation of vaccines in the context of combating the spread of coronavirus infection (COVID-19). The article specifically emphasizes the importance of international legal acts and the resolution of the UN General Assembly in the field of the circulation of vaccines.

Keywords: legal regulation, address of vaccines, vaccine, vaccinal medicines, COVID-19.

В современном понимании правовое регулирование можно определить как систему правовых средств, призванных упорядочить общественные отношения в определенной области. Общеизвестно, что данное определение имеет за счет юридической конструкции, которая дает понимание механизма регулирования определенных общественных отношений средствами правовых норм. С другой стороны, такое обозначение не в полной мере раскрывает содержание и формы указанного процесса. Несмотря на существенный интерес представителей правовой науки к вопросам правового регулирования остаются нерешенными проблемы в данной сфере.

В юридической литературе советского периода исследования общетеоретических вопросов правового регулирования определяются всесторонним и тщательным анализом. В качестве примера монументальных трудов можно представить монографию Л. С. Явича, который понимал под правовым регулированием – «все формы юридического воздействия государства на сознательную деятельность людей» [1, с. 35]. Такое же определение правового регулирования использовалось в работах Н. Г. Александрова [2, с. 57], И. Быстрихиной, М. Лакатоша [3, с. 15] и других.

Правовое регулирование как «особый род государственной деятельности по упорядочиванию общественных отношений с помощью нормы права» определил В. М. Горшенев [4, с. 5].

Далее, С. С. Алексеевым правовое регулирование характеризовалось как результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с помощью правовых средств в целях их упорядочения, развития и охраны в соответствии с потребностями общества [5, с. 45].

При этом механизм правового регулирования определяется С. С. Алексеевым как методологическая категория, которая обеспечивает определенное видение правовых явлений [6, с. 150].

В свою очередь, Ю. А. Тихомировым правовое регулирование определяется как механизм правового упорядочения, формирования устойчивого правопорядка, а также организации и деятельности субъектов права [7, с. 327].

Некоторыми авторами правовое регулирование обозначено как регулирование общественных отношений с помощью норм права и иных юридических (правовых) инструментов [8, с. 342].

Отметим, что в юридической науке современного периода наиболее распространенным является инструментальный подход или «специально-юридический». Некоторые представители данного направления процесс правового регулирования связывают с институтом формирования системы юридических средств и комплекса правовых инструментов [9]. С такой точки зрения использование системы правовых инструментов, средств, юридических механизмов для решения задач в практической деятельности определяется правовое регулирование.

Основопологающим законодательным актом, которое регулирует производство и ввод в обращение лекарственных средств, является Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» [10].

Вакцинные препараты включены в группу иммунобиологических лекарственных препаратов. К данной группе относятся лекарственные препараты, предназначенные для формирования активного или пассивного иммунитета, диагностики ответа на вещества, которые способны сильно потенцировать действие аллергенов, а также выявления наличия иммунитета или изменения в иммунологическом статусе

человека. К вышеуказанной группе препаратов также можно отнести анатоксины, аллергены, сыворотки, иммуноглобулины и токсины, способные оказывать поражающее действие на организм.

Отметим, что законодатель прямо указывает на следующие категории оборота лекарственных средств: 1) разработка; 2) производство; 3) доклинический и клинический этап исследований; 4) контрольные мероприятия по оценке эффективности, качества и уровня безопасности; 5) процесс торгового оборота.

Сегодня государством фактически денационализирована сфера как производства, так и обращения лекарственных препаратов. Таким образом, различным формам собственности и предпринимателям предоставлены обширные возможности для осуществления деятельности в указанной сфере. Однако большая доля аптек находится в собственности государства и органов местного самоуправления.

На территории Российской Федерации производство и обращение лекарственных препаратов регулируется несколькими десятками законов и определенным количеством постановлений, нормативно-правовых актов министерств и государственных ведомств.

На региональном уровне законодательные и исполнительные органы власти также включены в процесс регулирования данной сферы, в связи с этим принимаются законодательные акты по вопросам оборота лекарств и лекарственного обеспечения.

Таким образом, правовое регулирование производства и обращения лекарственных средств – это комплексный процесс воздействия системы правовых средств и инструментов на общественные отношения в сфере производства и ввода в обращение лекарственных препаратов.

Правовое регулирование производства и введения в обращение вакцин осуществляется на основе норм Федерального закона «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» в соответствии с направлениями иммунопрофилактики, являющейся частью государственной политики. Вышеуказанным законом также обозначен перечень инфекций и определен национальный календарь профилактических прививок против гепатита группы В, дифтерии, коклюша, корь и других инфекций.

Основополагающим критерием при производстве и введении в обращение вакцинных препаратов, а также других групп лекарственных средств соответствующей номенклатуры, является успешность и эффективность клинических исследований, проведенных на определенной группе испытуемых.

Правовая природа клинического исследования законодатель не раскрывает и ограничивается характеристикой данного процесса с позиции медицинских категорий и определений.

Так, клиническое исследование предполагает изучение объекта исследования, которым выступает лекарственная форма фармакологически активного вещества (в том числе плацебо), с целью изучения или использования в рамках контроля в клиническом испытании, или зарегистрированное лекарственное средство, разработанное для применения в медицинской практике [11].

Отметим, что для объективности данных и наибольшей достоверности информации о лекарственном препарате необходимо участие в исследовании наибольшего количества испытуемых.

Обращаясь к зарубежному опыту, можно отметить Англию, в которой каждый шестой пациент медицинского учреждения участвует в клинических исследованиях определенной группы лекарственного препарата. Если опираться на данные по количеству клинических исследований на душу населения, то можно обозначить: в Соединенных Штатах Америки на один миллион человек приходится 38 клинических исследований, в Европейском Союзе – примерно 10 исследований, а в нашей стране на один миллион человек при-

ходит всего 2, что значительно меньше доли стран СНГ и бывшего Советского Союза [12, с. 52].

В регулировании отношений, связанных с процессом проведения и контроля клинических испытаний, все большее значение приобретают акты ЕАЭС. Так, Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 2016 года [13] были утверждены Правила надлежащей клинической практики ЕАЭС, а определены Рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии по вопросам клинических исследований [14]. Данные документы имели основной целью стимулирование и единообразие клинических испытаний на территории стран-участников союза.

Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ-Р 52379-2005 является специальным актом, регулирующим клинические испытания, и устанавливающим обязанности субъектов исследования, а также перечень требований и условий к процедуре испытания лекарственного средства.

Также отметим, что специальные документы, определяющие условия проведения клинических испытаний, также приняты на международном уровне. В зарубежной практике клинических исследований можно выделить Конвенцию о правах человека и биомедицине [15], которая была заключена 04 апреля 1997 года. Данной конвенцией определено, что без согласия лица в виде добровольного письменного согласия медицинское вмешательство осуществляться не может. Другим документом – Хельсинкской декларацией Всемирной медицинской ассоциации определены этические правила, принципы проведения исследований и экспериментов на организмах людей [16].

Система правового регулирования клинических исследований заключается в регламентации отношений по проведению таких испытаний, решением организационных и процедурных вопросов, и определяется положениями подзаконных НПА, которые в дальнейшем конкретизируются в постановлениях ведомств и Министерства здравоохранения РФ.

На наш взгляд, одним из наиболее значимых методов государственного регулирования производства и обращения лекарственных препаратов, в том числе вакцин, является лицензионный порядок осуществления соответствующей деятельности.

Так, Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности» [17] регулируются отношения между исполнительной властью (федеральный уровень и уровень субъектов РФ) и предпринимательскими структурами, которые осуществляют деятельность в сфере фармацевтической промышленности и рынка фармацевтической продукции. Главным условием для фактической выдачи лицензии является предоставление соискателем комплекта документов: свидетельства о праве на использование помещения в целях фармацевтической деятельности; сертификата специалиста в области фармацевтической деятельности.

В зарубежной практике регулирование производства и обращения лекарственных препаратов, в том числе вакцин, определено в рамках комплекса контрольно-разрешительных мероприятий

Так, согласно рекомендациям ВОЗ к контрольно-разрешительным органам относятся: регистрационный орган, контрольно-аналитические лаборатории, инспекторат и центральный аппарат ведомственного органа по надзору в сфере здравоохранения.

Сегодня в сфере современного производства и обращения вакцин как способа борьбы с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) существует проблема патентной охраны на технические и технологические решения, связанные с реализацией вакцинных препаратов, что является актуальной задачей в контексте стимулирования и ускорения процессов вакцинирования. Также одной из важнейших остается проблема баланса между исключительными (интеллектуальными) правами разработчиков вакцин и интересами общества в необходимости производства и обращения

таких препаратов в условиях пандемии, как в рамках одного государства, так и на уровне международного сообщества.

В данном контексте необходимо затронуть факт принятия

резолюции Генеральной ассамблеи ООН «Международное сотрудничество в целях обеспечения глобального доступа к лекарствам, вакцинам и медицинскому оборудованию для противодействия COVID-19», призванной обеспечить общедоступность вакцин против коронавирусной инфекции, которые будут произведены в будущих периодах.

Рассматриваемой резолюцией также сформулированы рекомендации государствам-членам ООН в сфере взаимодействия с заинтересованными субъектами с целью повышения объема финансирования научных изысканий и разработки вакцинных препаратов и лекарственных средств для борьбы с COVID-19, укрепления научного сотрудничества между государствами, а также повышения эффективности координации с частными лабораториями и научными учреждениями для быстрой разработки и производства диагностических средств и тест-систем, противовирусных препаратов и вакцин, на основе принципов гуманности, эффективности, безопасности и доступности (физической и ценовой).

Документ также содержит призыв к государствам-членам и иным заинтересованным субъектам принять меры, в рамках национальных правовых систем, по предотвращению спекуляции и чрезмерному накоплению основных лекарственных средств, вакцин, средств индивидуальной защиты, медицинской техники и оборудования, которые необходимы для эффективного противодействия распространению коронавирусной инфекции в мире.

На основании вышеизложенного, мы приходим к выводу, что правовое регулирование производства и введения в обращение вакцин на территории Российской Федерации – это процесс воздействия системы правовых средств и инструментов на общественные отношения в области производства и ввода в обращение вакцин в целях достижения санитарно- и эпидемиологического благополучия населения.

Правовое регулирование производства и введения в обращение вакцинных препаратов включает следующие направления: разработку; производство; доклинический и клинический этапы исследований; государственную регистрацию; контрольные мероприятия по оценке эффективности, качества и уровня безопасности в вакцинопрофилактике; информационное обеспечение субъектов обращения вакцин.

При этом правовой механизм в области обеспечения и соблюдения требований законодательства в сфере производства и обращения лекарственных средств недостаточно эффективен, что прослеживается на примере законодательных норм, определенных полномочий органов исполнительной власти в рассматриваемой сфере. Так, с точки зрения здравого смысла законом «Об обращении лекарственных средств» должны устанавливаться и разграничиваться полномочия государственных органов по вопросам регулирования отношений в области обращения не только лекарственных средств, но и вакцин.

Пристатейный библиографический список

1. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине ETS № 164 (Принята Комитетом министров Совета Европы 19 ноября 1996 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.02.2022).
2. Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации. Этические принципы проведения медицинских исследований с участием человека в качестве субъекта (Принята в г. Хельсинки в июне 1964 года на 18-ой Генеральной Ассамблее ВМА) (с изм. и доп. от октября 2013 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.02.2022).
3. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 апреля 2020 г. № 74/274. Семьдесят четвертая сессия, пункт 123 повестки дня // Официальный сайт Генеральной ассамблеи ООН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/274>. (дата обращения: 01.02.2022).
4. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016г. № 79 «Об утверждении Правил надлежащей клинической практики Евразийского экономического союза» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.02.2022).
5. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17.07.2018 № 11 «О Руководстве по общим вопросам клинических исследований» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.02.2022).
6. Федеральный закон от 08.08.2001 № 128-ФЗ (ред. от 29.12.2010) «О лицензировании отдельных видов деятельности» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2011) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.02.2022).
7. Александров Н. Г. Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе // Вопросы философии. – 1957. – № 1. – С. 57-58.
8. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966. – 187 с.
9. Алексеев С. С. Теория права. – М., 1994. – 320 с.
10. Быстрихина И., Лакатош М. Некоторые вопросы правового регулирования в социалистическом обществе // Советское государство и право. – 1964. – № 2. – С. 15-23.
11. Горшенев В. М. Возрастание роли общественных организаций и коллективов трудящихся в применении норм советского права на советском этапе // Правоведение. – 1963. – № 1. – С. 3-13.
12. Маликов А. Я. Основные элементы договора на проведение клинического исследования; как взаимодействовать с администрацией медицинской организации // Организационные аспекты проведения клинических исследований: сб. науч. ст. – М., 2017. – 128 с.
13. Приказ Минздрава России от 01.04.2016 № 200н «Об утверждении правил надлежащей клинической практики» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.02.2022).
14. Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2003. – 23 с.
15. Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. – М., 1998. – 798 с.
16. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об обращении лекарственных средств» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.02.2022).
17. Черданцев А. Ф. Теория государства и права. – М., 2003. – 429 с.
18. Явич Л. С. Советское право – регулятор общественных отношений в СССР. Сталинабад, 1957. – 164 с.

АБДУДЖАЛИЛОВ Абдуджабар

кандидат юридических наук, доцент, заведующий отделом частного права Института философии, политологии и права Национальной Академии наук Таджикистана

Абдуджалилов А.

ЭЛЕКТРОННАЯ ОФЕРТА: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Несмотря на широчайшее распространение договорных отношений в пространстве Интернета в электронном виде, правовая наука, особенно цивилистика, сохраняет прежние классические институты договорного права относительно всего договорного процесса в целом, игнорируя кардинальные изменения в этом процессе, связанные с переходом на электронный вид взаимодействия субъектов. Автор на основе анализа правовых аспектов оферты показывает отличительные особенности электронной оферты, и приходит к следующему выводу: в Интернете действуют конвенциональные отношения, которые предполагают, что в виртуальном пространстве равенство и дееспособность субъектов при оферте и его акцепте предполагается до тех пор, пока либо об ином не заявлено прямо, либо не будет доказано обратное.

Ключевые слова: договор, оферта, публичная оферта, акцепт, Интернет, электронные договорные отношения, презумпция.

ABDUJALILOV Abdujabar

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Private law department of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the National Academy of Sciences of Tajikistan

ELECTRONIC OFFER: LEGAL ASPECTS

Despite the widest spread of contractual relations in the Internet space in electronic form, legal science, especially civil law, retains the old classical institutions of contract law regarding the entire contractual process as a whole, ignoring the fundamental changes in this process associated with the transition to an electronic form of interaction between subjects. Based on the analysis of the legal aspects of the offer, the author shows the distinctive features of the electronic offer, and comes to the following conclusion: Conventional relations operate on the Internet, which assume that in the virtual space the equality and legal capacity of subjects in the offer and its acceptance is assumed until either otherwise is not stated directly, or the opposite is proved.

Keywords: contract, offer, public offer, acceptance, Internet, electronic contractual relations, presumption.

Заключение договора предполагает согласование воли двух сторон по предмету договора. Следовательно, поскольку под договором понимается соглашение, заключаемое не менее чем двумя сторонами, он совершается, проходя по крайней мере через две стадии: предложение заключить договор и принятие этого предложения. Предложение именуется офертой (от лат. *offerta* – жертва), а лицо, сделавшее его – оферентом (от лат. *offerentis* – жертвующий).

Оферта, таким образом, является первой, начальной стадией заключения договора, и признается как адресованное одному или нескольким конкретным лицам предложение, которое достаточно определенно выражает намерение лица, сделавшего предложение, считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение. Оферта должна содержать существенные условия договора. Такое определение оферты приведено в ст. 467 Гражданского кодекса Республики Таджикистан. Определение ничем не отличается от текста ст. 435 ГК Российской Федерации и ст. 395 ГК Республики Казахстан, что свидетельствует об однообразном нормативном подходе к определению сущности оферты. Обзор научной литературы, посвященной теме оферты, также показывает практическое единство мнений относительно определения понятия оферты. «Под офертой понимается предложение заключить договор, которое должно отвечать следующим требованиям: быть адресованным конкретному лицу (лицам), быть достаточно определенным, выражать намерение сделавшего его лица заключить договор с адресатом, которым будет принято предложение, и содержать существенные условия, на которых предлагается заключить договор», полагает В. В. Витрянский [12, с. 155]. О. В. Скворцов в своем определении практически повторяет текст ст. 435 ГК РФ: «Под офертой подразумевается адресованное одному или нескольким конкретным лицам предложение, которое достаточно определенно и выражает намерение лица, сделавшего предложение, считать себя заклю-

чившим договор с адресатом, которым будет принято предложение» [5, с. 863]. Такое же определение оферты привел и А. Н. Беседин [4, с. 655]. Как видно, приведенные определения оферты – суть повторение нормативных положений кодекса. В правовой литературе описан и другой подход к определению правовой сущности оферты. По мнению Ф. И. Гавзе, «предложение (оферта) и принятие предложения (акцепт) – являются лишь составными частями двусторонней сделки – договора. Волеизъявление одного из лиц, изъявивших свою волю (оферента), направлено на получение ответного волеизъявления другого лица (акцептанта). В результате чего возникает общий волевой акт, договор, приводящий к достижению встречных результатов, желательных для них» [2, с. 87]. Определение Ф. И. Гавзе теоретически более оправдано, поскольку в ней оферта трактуется не как «предложение», а как действие, предполагающее возникновение юридического факта, влекущее за собой определенные правовые последствия. В приведенном определении торжествует точка зрения, которая дает предпочтение намерению сторон, сформированная ещё римским правом: «In condicionibus contrahentium voluntatem potius quam verba spectari placuit (в соглашении договаривающихся сторон было признано важным обратить внимание больше на волю, чем на слова)» [11, с. 357]. Такое понимание оферты как действия лица, выражающего его намерение заключить договор на предлагаемых условиях с конкретным лицом (лицами), означаящими как действия, направленные на возникновение договорных прав и обязанностей путем согласования воли сторон в настоящее время считается наиболее верным в теоретическом плане. Именно по этим основаниям нельзя согласиться с мнением Б. И. Путинского, который полагает, что «Предложение о заключении договора (оферта) связывает давшую его сторону, налагает определенную ответственность. Такая ответственность может состоять в обязанности возмещения денежных расходов при отказе от собственного предложения, если другая сторона

начала подготовку к исполнению договора и понесла определенные затраты» [10, с. 131]. Позиция эта, скорее всего, основана на концепции секундарных прав, и в контексте общих условия гражданско-правовой ответственности вряд ли можно с ней согласиться. О. С. Иоффе наиболее точно характеризует юридический смысл оферты: «Предложение заключить договор признается офертой, если оно, во-первых, адресуется конкретному, точно в нем обозначенному лицу. При несоблюдении в сделанном предложении хотя бы одного из перечисленных требований оно считается не офертой, а лишь вызовом на оферту, который ни к чему не обязывает того, кто его сделал» [8, с. 97].

Нормативные требования к оферте дополнены статьями 468-469 ГК Республики Таджикистан, в которых, кроме того, что из себя представляет оферта, определено, какие требования предъявляет к ней законодатель, каковы порожденные ею последствия и как следует отграничить оферту от смежных правовых понятий. Из нормативных установок приведенных статей ГК усматривается, что оферта должна обладать тремя основными признаками:

1. Достаточная определенность оферты: это предполагает, что из неё адресат способен сделать правильный вывод о воле оферента;

2. Направленность оферты: она должна выражать намерение лица, которое выступает с предложением, считать себя заключившим договор на условиях, указанных в договоре с адресатом в случае, если последний примет предложение;

3. Содержание оферты: оферта должна она должна содержать все существенные условия будущего договора [1, с. 197].

Таковы основные теоретические подходы и нормативные определения сущности оферты. Оно признается как адресованное одному или нескольким конкретным лицам предложение, которое достаточно определено и выражает намерение лица, сделавшего предложение, считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение. Теперь мы рассмотрим особенности оферты, размещенной в виртуальном пространстве Интернета.

Поскольку «суть договора – в согласованном единстве воли, направленном на достижение общего результата. Актов изъявления воли два – оферта и акцепт; но договор от этой простой совокупности отличается то обстоятельство, что эти два акта изъявляют одну общую волю» [3, с. 418], под волеизъявлением в данном случае мы понимаем выражение воли лица вовне, благодаря которому она становится доступной восприятию других лиц. Воля субъекта должна быть ясной для окружающих, в связи с чем она изъясляется устно, письменно, совершением конклюдентных действий или молчанием [6, с. 53]. В Интернете выражение воли описанными способами невозможно, поскольку в виртуальном пространстве нет реального визуального контакта оферента с акцептантом. Это можно проиллюстрировать на следующем примере. Наиболее распространенной услугой, оказываемой интернет-компаниями пользователям, является предоставление разнообразных услуг доступа к информации. Предложение заключить договор оказания подобных услуг размещены на сайтах социальных сетей. Размещение на сайтах социальных сетей о регистрации лица, после которого ему будет представлены услуги информационного характера, и есть оферта. По мнению В. О. Калятина, «Офертой может быть признано и направление электронного письма (или иного сообщения) с предложением заключить договор на определенных условиях, и помещение на сайте предложений заключить договор» [9, с. 332]. Лицо, акцептующее такую оферту, проходит несложную процедуру регистрации, после которого ему будет представлены услуги информационного характера. Волеизъявление при заключении договора в Интернете происходит при наведении курсора на соответствующую информацию (оферту) и нажатии кнопки, после которой происходит обработка и передача информации в виде электрических сигналов, электромагнитных импульсов, которые передаются оференту и воспринимаются им как выраженную волю субъекта на заключение договора.

Из изложенного вытекает другой, не менее важный теоретический вывод: оферта в Интернете практически всегда носит публичный характер, и предложение заключить договор на указанных в предложении условиях с любым, кто отзовется, признается офертой.

Однако далеко не каждое предложение заключить договор «с любым, кто отзовется», или же по выражению А. И. Савельева, «брошенное в толпу», может быть квалифицировано в качестве публичной оферты. Гражданский кодекс содержит

общую презумпцию о том, что реклама и иные предложения, адресованные неопределенному кругу лиц, признаются только приглашением к оферте, но не офертой [13, с. 154]. Сайты же Интернета заполнены именно рекламой, и во многих случаях не содержат все существенные условия договора, тогда, когда именно этот признак – наличие всех существенных условий договора в оферте – отличает виртуальную публичную оферту от рекламы.

Другая проблема, связанная с электронной офертой, заключается в так называемой «презумпции добросовестности субъекта», то есть в предположении реальности и правоспособности оферента в виртуальном пространстве Интернета. В силу особенностей, «виртуальности» отношений в Интернете идентификация субъекта, вступающего в договорные отношения, представляет определенные трудности, поскольку Интернет, являясь человеко-машинной средой взаимодействия, создает условия, при которых появляются субъекты и объекты с признаками, не подпадающими под законодательную классификацию [7, с. 90]. Конвенциональные отношения в Интернете предполагают, что в виртуальном пространстве равенство и дееспособность субъектов, вступающих в электронные отношения по поводу имущественных и личных неимущественных благ, предполагается до тех пор, пока либо об ином не заявлено прямо, либо не будет доказано обратное. В случае возникновения спорных ситуаций, связанных с идентификацией товаров, предоставляемых посредством сети Интернет, когда вместо оригинального товара, предлагаемого при оферте, приносится контрафактная продукция, либо товар, размещенный на сайте, при ближайшем реальном рассмотрении имеет совсем иные характеристики (цвет, размер, материал и пр.) разрешить спор с анонимным продавцом практически невозможно, поскольку реальность оферента нужно доказывать акцептанту, а это на сегодня составляет одну из самых острых нерешенных проблем Интернета.

В заключение отмечается, что, если российское законодательство квалифицирует практически любое предложение о продаже товара на веб-сайте в качестве публичной оферты, таджикское отечественное законодательство на сегодня ещё не разработало эффективную методiku нормативного регулирования этих новых общественных отношений, не урегулированных правом, особенно в области электронных отношений. По этой причине электронная предпринимательская деятельность, в частности электронные договорные отношения на сегодня остаются вне нормативного правового регулирования.

Пристатейный библиографический список

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. – М.: Статут, 2020.
2. Гавзе Ф. И. Социалистический гражданско-правовой договор. – М.: 1972.
3. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В. А. Белова. – М.: Юрайт, 2017. – Т. 1.
4. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1. / Отв. ред. В. П. Мозолин. – М.: Проспект, 2014.
5. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1. / Под ред. А. П. Сергеева. – М.: РГ-Пресс, 2012.
6. Елин В. М. правовая характеристика договоров, заключаемых в интернет-среде // Государство и право. – 2012. – № 12.
7. Жарова А. К. право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере. Монография. – М.: Янус-К, 2016.
8. Иоффе О. С. Избранные труды. В 4 т. Т. 3. Обязательственное право. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
9. Калятин В. О. Право в сфере Интернета. – М.: Норма, 2004.
10. Путинский Б. И. Коммерческое право России. Учебник. – М.: «Зерцало», 2009.
11. Римское частное право: учебник / Под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Петерского. – М.: КНОРУС, 2017.
12. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 2: Обязательственное право / Отв. ред. Е. А. Суханов. – М.: Статут, 2015.
13. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. – М.: Статут, 2014.

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

В статье рассматриваются объекты гражданских прав как необходимая составляющая нормальной жизни отдельного человека и гражданина и в качестве условий нормализации жизни гражданского общества. Дается характеристика вновь появившихся объектов, закрепленных в нормах отечественного гражданского законодательства. Рассматривается правовая основа для регулирования цифровых прав и отдельные направления возможностей контроля со стороны государства за лицами, пытающимися стать собственниками таких прав и закрепить их за собой на законном основании. Кроме того, рассматриваются критерии законной передачи данного вида объектов от одного лица другому, предусмотренных отечественным гражданским законодательством.

Ключевые слова: гражданское законодательство, объекты гражданских прав, утилитарные гражданские права, цифровые активы.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

LEGAL REGULATION OF DIGITAL OBJECTS OF CIVIL RIGHTS

The article considers the objects of civil rights as a necessary component of the normal life of an individual and a citizen and as conditions for the normalization of the life of civil society. The characteristic of the newly appeared objects fixed in the norms of domestic civil legislation is given. The legal basis for the regulation of digital rights and certain areas of state control over persons trying to become owners of such rights and secure them for themselves on a legal basis are considered. In addition, the criteria for the legal transfer of this type of objects from one person to another, provided for by domestic civil legislation, are considered.

Keywords: civil legislation, objects of civil rights, utilitarian civil rights, digital assets.

Вся история человечества связана с изобретением и использованием разных предметов для улучшения своей жизни. Орудия труда, технологии обработки камней и металлов, строительство жилья и многое другое не только улучшало производительность, помогало получить больше продуктов питания, но и формировало основу права собственности, а все материальные блага становились ее объектами. Естественно на заре подобного развития человечества не могло быть и речи о том, что, например, технология окрашивания тканей является также объектом права собственности. Однако, в современном мире даже такие разработки мы относим к разряду объектов гражданских прав.

Стоит заметить, что кардинальные изменения в мировом сообществе стали происходить с конца XX века. Соответственно нормы права, являющиеся регулятором общественных отношений, должны успевать за подобным изменением и реагировать на новые правовые отношения, меняющие старые порядки. Достаточно серьезным явлением как для общества, так и для законодателя стало появление и развитие цифровых объектов.

Всемирное распространение интернета, электронная торговля и коммерция. Безналичные расчеты посредством сети Интернет, переход на цифровые платформы даже средств массовой информации не только прочно вошли в наш быт, но и потребовали определенной законодательной базы для их регулирования.

Апогеем развития и цифровизации общества стало появление электронных средств платежей аналогичных обычным деньгам, но в нематериальной форме – криптовалютой, а затем и цифровых виртуальных единиц, выпускаемых их создателями – токенов. И если о первых у любого гражданина есть хотя бы минимальное представление, то второе часто принимают за разновидность криптовалюты, хотя это не так.

Токены производятся конкретными людьми, их стоимость включает товары, различные услуги, акции компаний, виды деятельности и т. д. Наименования токенов могут быть любыми. Этот процесс имеет свое название – токенизация, то есть каждый актив в виде токенов. Ценные бумаги, акции компании, различные продукты, консуль-

Ананьева Е. О.

Ивлиев П. В.

тации и т.д. Токены находятся в электронных кошельках создателей. Они переносятся на условиях, определенных собственниками [1].

И вот для такого объема новых цифровых форматов потребовалось незамедлительное создание правовой основы. Все началось с изменения, внесенного в гражданское законодательство в ст. 128 ГК РФ в виде цифровых прав [2]. Небольшое пояснение и, соответственно, норма закреплена в статье 141.1, которая говорит о том, что цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным в законе признакам. Кроме этого, данная норма устанавливает объем осуществления, распоряжения, передачи и залога, а также обременения цифровых прав другими способами или ограничение распоряжением цифровым правом, которые возможны только в информационной системе и без обращения к третьим лицам.

Сегодня уже многие страны мирового сообщества имеют опыт регулирования рынка криптовалют в рамках национального законодательства. Можно привести в пример такие государства как Япония, Швейцария, США. Если Россия сегодня не предпримет никаких попыток принятия закона о регулировании цифровых прав, в том числе криптовалютным рынком, то такая политика приведет к отставанию России в данном направлении.

Обратим внимание на то, что в бывшей советской республике, а ныне самостоятельном государстве республика Беларусь до недавнего времени статус криптовалют и цифровых объектов гражданских прав также не был определен. Цифровые деньги не рассматривались как средство платежа. Однако, принятие Декрета № 8 Президента Республики все упорядочило.

Изначально, как и в нашей стране, так называемая «крипта» не являлась легальным капиталом. Сейчас же она переведена в легальное платежное средство. В Республике Беларусь с ее помощью появилась возможность оплачивать ряд услуг сервисов на цифровых платформах и использовать ее как полноценный инструмент. Отдельные цифровые системы стали выпускать аналоги всем известных биткоинов, тем самым позволяя уже хранить пользователям своим денежные сбережения в криптовалюте. Примером таких аналогов могут выступать Webmoney.

Этим же Декретом майнинг закреплён в качестве вида деятельности, которым, как и любой иной работой могут заниматься все желающие граждане [3]. Для добычи криптовалюты не нужно регистрировать никаких юридических лиц или индивидуального предпринимательства, необходимо наличие только специального оборудования. Такое положение действует для лиц, не нанимающих себе в помощь сотрудников.

Лица, совершающие транзакции с цифровыми деньгами, будут освобождены от подоходного налога, НДС и подоходного сбора до 2023 года. Законодатель пока не говорит о сумме возможных переводов в государственный бюджет после этого периода, но есть вероятность, что льготный период будет продлен, как в случае с трейдерами Форекс.

Думается, такое регулирование майнинга криптовалюты будет действовать на период становления и развития в госу-

дарстве нового направления деятельности. Однако, при его росте и выхода на новый уровень большого бизнеса, законодательство претерпит определенные изменения в рамках регистрации, создания реестров и налогообложения. Возможно, добычу криптовалюты введут в сферу деятельности Национального Банка и упразднят ее децентрализованный характер.

Пока же на основе норм законодательства Республики криптовалюта в виде, например, биткоинов, не имеет юридического статуса иностранной валюты, и деятельность по их майнингу не рассматривается как банковские операции. Кстати, они не приравниваются и к ценным бумагам, поэтому к ним применяются другие правовые нормы. Когда мы говорим о договорных отношениях, здесь больше близости к Гражданскому кодексу Республики. Эксперимент по применению положений Указа № 8 и вытекающих из него правоотношений в Беларуси проводится в соответствии с принципами данного конкретного закона, который действует на территории этого государства. Однако сам порядок выполнения операций с криптой достаточно схож с зарубежной практикой правового регулирования майнинга криптовалюты. И этому возможно дать вполне реальное объяснение на основании того, что при проведении подобных операций в первую очередь учитываются нормы международного права. А поскольку рассматриваемое направление деятельности в отношении новых цифровых объектов гражданских прав в виде майнинга и криптой набирает серьезные обороты, то его нельзя игнорировать и стоит предусмотреть основу для правового регулирования гражданским законодательством по аналогии с обычными деньгами.

Законодатель в отечественном гражданском праве пока не предпринял попытки создать федеральный закон, регулирующий цифровые права как объекты гражданского права. Да и определение, которое закреплено в нормах Гражданского кодекса Российской Федерации (ст. 141.1) настолько широко, что может вполне включать в себя любые права, которые будут зафиксированы в цифровом варианте.

Примером спектра цифровых прав можно также рассматривать цифровые права и баллы, собранные клиентом банка и закрепленные в информационной системе банка (например, бонусы «Спасибо» от Сбербанка, кешбэк по картам банка Тинькофф и Халвы). Цифровыми правами, при желании, можно получить различные бонусы от участия в компьютерных играх. Совершенно очевидно, что с развитием цифровых технологий и их растущим присутствием в нашей жизни число таких примеров будет только умножаться.

В России с 01.01.2020 г. в качестве одного из видов цифровых прав на основании внесенных в Гражданский кодекс изменений рассматриваются «утилитарные цифровые права», которые являются правом требования [4].

При этом реализация цифровых прав, распоряжение ими, определение обременений и другие ограничения должны осуществляться в рамках информационной системы без обращения к третьим лицам. При этом в качестве информационных систем сегодня относят автоматизированные системы, справочные и поисковые службы, а также центры обработки данных. Так, например, цифровые пра-

ва не могут быть отнесены к числу прав, предоставляемых по договору об уступке права требования, заключенному в письменной форме. Положения договора купли-продажи могут быть применены к передаче цифровых прав в соответствии с новой редакцией п. 4 ст. 454 ГК РФ.

Кроме того, сегодня внутренним гражданским законодательством предусмотрена такая возможность совершения сделок, в том числе заключения договоров, при которых используются электронные или технические средства, а в качестве письменной формы для оформления сделки предусматриваются электронные документы с электронными подписями. Согласно ст. 160 ГК РФ предусматривается возможность такой реализации с использованием электронных или иных технических средств в качестве способа соблюдения письменной формы. Таким образом, электронный документ приравнивается к письменной форме транзакции.

Это изменение востребовано в связи с широким использованием инструментов для идентификации цифровых идентификаторов и совершения транзакций в электронной среде. Обязательным условием соблюдения письменной формы сделки является возможность идентификации стороны, участвующей в сделке (лица, выражающего свою волю). Конкретный метод идентификации личности может быть согласован сторонами.

Интересным является и тот факт, что внесены изменения в отношении письменных форм отдельных видов договоров. Например, договор страхования и договор номинального счета.

Согласно новой редакции статьи 940 Гражданского кодекса РФ, договор страхования после прямого указания ГК РФ теперь может быть заключен в форме электронного документа или обмениваться электронными документами или иной информацией. Это изменение, по-видимому, облегчает гражданский оборот в сфере оказания страховых услуг. Например, оформить страховой полис КАСКО можно будет без посещения страховой компании.

Также, согласно статье 860.2 ГК РФ, письменная форма договора о номинальном счете соблюдается при составлении электронного документа, подписанного сторонами, либо при обмене электронными документами или иной информацией [5].

И, все же, какой бы нормой не пользовалось заинтересованное лицо, ссылаясь на свое право в цифровой среде, мы не можем обойти стороной и вопросы ответственности за правонарушения, совершенные с использованием цифровых прав.

Так, например, активировавшиеся на основе цифровых технологий правонарушители только за 2021 год увеличилась в 1,5 раза. При этом в основном банки отказывают в возврате таких утраченных средств, а правоохранительные органы не в состоянии отыскать киберпреступника. Подобных правонарушений можно найти и в области подписания цифровых договоров и в иных сферах. Однако, на сегодняшний день потребитель и пользователь цифровых прав не защищен государством, так как пока еще нет федерального закона или иного нормативно-правового акта, предусматривающего инструменты регулирования в данной сфере. Развитие подобных технологий уже привело к появлению новых объектов гражданских прав (ст. 128 ГК

РФ). Вот только вопросы защиты цифровых данных пока никак не определены, да и цифровые технологии, способные защитить личные данные, собираемые госорганами, и предотвратить их утечку можно наблюдать только во время выборов компаний [6]. Вопросы судебной практики по возврату похищенных денежных средств со счетов граждан при помощи похищенной личной информации так же не урегулированы.

Пристатейный библиографический список

1. Токен. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://overclockers.ru/blog/TechRanch/show/50890/token-cto-eto-takoe-prostymi-slovami> (дата обращения: 10.02.2022 г.).
2. Ананьева Е.О. Проблема правового положения электронных денег в Российской Федерации // Юридический мир. 2019. № 2. С. 20-22.
3. Декрет Президента Республики Беларусь 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008&p1=1&p5=0> (дата обращения: 11.02.2022 г.).
4. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
5. О реализации концепции цифровых прав. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2019/09/27/o_realizacii_koncepcii_cifrovyh_prav (дата обращения: 11.02.2022 г.).
6. Ананьева Е.О., Ивлиев П.В. Информатизация и средства массовой коммуникации как способы развития экономики России в современных условиях // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7 (158). С. 242-243.

ЕПИФАНОВ Олег Станиславович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного-правовых и гуманитарных дисциплин процесса кафедры Рязанского филиала Московского университета имени С. Ю. Витте

КОШЕЛЮК Богдан Евгеньевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

В статье анализируются вопросы гражданско-правовой защиты права собственности лиц, осужденных к лишению свободы. Рассматривается порядок осуществления субъективных прав осужденных в отношении права собственности. Исследованы проблемные аспекты права владения и пользования имуществом осужденных.

В данной работе обозначены пределы осуществления осужденным права собственности. Раскрываются отдельные аспекты специального статуса осужденного, который ограничивает этих лиц в осуществлении своих прав. Изучены полномочия начальника пенитенциарного учреждения по вопросам отчуждения имущества у спецконтингента.

Ключевые слова: право собственности, гражданско-правовая защита, субъективные права, осужденные, имущество, лишения свободы.

EPIFANOV Oleg Stanislavovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law and humanitarian disciplines of the process sub-faculty of the Ryazan branch of the S. Yu. Witte Moscow University

KOSHELYUK Bogdan Evgenjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

CIVIL LEGAL PROTECTION OF THE PROPERTY RIGHTS OF CONVICTED PERSONS TO IMPRISONMENT

The article analyzes the issues of civil law protection of the property rights of persons sentenced to deprivation of liberty. The procedure for exercising the subjective rights of convicts in relation to the right to property is considered. The problematic aspects of the right to own and use the property of convicts are studied. In this paper, the limits of exercising the right of property by the convict are indicated. Certain aspects of the special status of the convict, which limits these persons in exercising their rights, are revealed. The powers of the head of the penitentiary institution on the issues of alienation of property from the special contingent have been studied.

Keywords: property right, civil law protection, subjective rights, convicts, property, deprivation of liberty.

Епифанов О. С.

Кошеляк Б. Е.

В. П. Грибанов в своем научном труде писал: «Субъективное право, представленное лицу, но не обеспеченное от его нарушения необходимыми средствами защиты, является лишь «декларативным правом»» [1, с. 153].

В отношениях с имуществом институт собственности занимает ведущие позиции в правоохранительных органах, что свидетельствует о значимости защиты этого сектора. Гражданская защита прав собственности как гражданам, обществу, так и государству - одна из важнейших инструментов защиты прав собственности. Также отметим, что в других правовых отраслях также охраняется эта экономика-правовая категория, как имущество. Таким образом, Уголовный кодекс РФ предусматривает Раздел 8 «Преступления в сфере экономики», в который входит гл. 21 «Преступления против собственности».

Согласно официальным данным в местах лишения свободы, отбывает значительное количество осужденных за преступления против собственности. Это означает, что права собственности - одно из уязвимых общественных отношений, и для стабильности государства и общества требуется особая защита, включая гражданскую защиту права собственности лицам, отбывающим уголовное наказание, связанное с изоляцией от общества.

Отметим тот факт, что осужденный отбывает срок за уголовное преступление, он все также является гражданином Российской Федерации и за этими лицами сохраняются все права и свободы человека, с учетом его специального статуса осужденного.

Нужно учитывать, что осужденные лица к лишению свободы утрачивают, на период отбывания наказания, некоторые личные свободы и права.

Не подвергаются никаким значимым изменениям гражданское право и правоспособность осужденных, которые

отбывают наказание в тюрьме. Гражданское правоотношение осужденных имеет некоторые особенности, затрагивающие его права, дееспособности и субъективное право, и влияет на установленный определенный режим отбывания. У осужденных могут быть имущественные и неимущественные права.

Как отмечает, Н. И. Карусев - «Гражданско-правовое положение осужденного относится к его общему правовому положению как часть к целому и определяется гражданской правоспособностью и дееспособностью данного лица, что образует гражданскую правосубъектность, и субъективными гражданскими правами [2, с. 5-6].

В список элементов, входящих в состав гражданского права, также входит право собственности, предусмотренное статьей 18 Гражданского кодекса Российской Федерации. Действующие в настоящее время ГК РФ не включает в себя понятия о праве собственности, но этот термин - предмет изучения ученых цивилистов.

При упоминании о правах собственности на осужденных, мы беспокоимся не о содержании этого права, но о пределах его осуществления.

Заметим, что лица, отбывающие наказания в местах лишения свободы не теряют правомочия собственности (субъективного права), как меры, установленные законом. При этом, выполнение вышеперечисленного права для данной категории лиц, создает различного характера препятствия в его реализации. Фактически осужденный не имеет возможности осуществить свое право собственности в том объеме, каким он обладал на свободе.

Из анализа нормативных актов в области уголовно-исполнительного права следует, что пределы осуществления осуж-

денным права собственности находятся в прямой зависимости от вида режима отбывания наказания, который ему определен судом. А далее уже от того, где находится имущество осужденного: за пределами или в пределах исправительного учреждения (лично у осужденного) [3, с. 31-32].

В отношении собственности, находящихся вне мест изоляции от общества, заключенный временно не в состоянии осуществлять две важнейшие обязанности: владения и пользования. Если речь идет о правом распоряжения подобным имуществом, продажа, обмен, аренда и т.д., то заключенные сохраняют за собой основную триаду правомочий, при этом законом допускается их реализовывать через доверенных лиц, с которыми заключаются соглашения. В отношении имущества в личном пользовании обвиняемого существуют прямое ограничение владения, пользования и распоряжение этими вещами (ч. 8 ст. 82, ч. 7 ст. 88 УИК РФ). Так, например, заключенному допускается иметь в пользовании и владении отдельные вещи (предусмотренные Правилами внутреннего распорядка), согласно законодательству, он не может реализовать свое субъективное право, то есть свободно определить судьбу вещи. Также осужденный не вправе продать, обменять продукты питания на какие-либо вещи. Единственное, что ему будет разрешено в данной ситуации – употребить продукты самому или угостить соседа в своем отряде и других.

Учитывая декларируемые экономические права граждан в ст. 35 Основного Закона, мы понимаем, что государство гарантирует и защищает право частной собственности, отмечая, что не допустит отчуждение личного/корпоративного имущества в произвольном порядке, но только с санкции/решения государственно-властных органов.

На практике возникают случаи, когда государство обязывает собственника уступить/продать/обменять имущество, тогда оно обеспечивает возможность и предлагает альтернативы по равнозначному обмену или предоставляет компенсацию за него.

В то же время по п. 9 статьи 82 УИК РФ также имеются права решать судьбу имущества подсудимого гражданина. Из содержания этой статьи следует, что запрещенные вещи, продукты и другие вещи отобранные у осужденных, направляются на склад или уничтожаются в соответствии с постановлением начальника пенитенциарного учреждения, и по результатам этих действий составляется специальный акт. Следует заметить, что право выбора/усмотрение принадлежат начальнику пенитенциарного учреждения.

Отметим, что начальник мест изоляции от общества обладает полномочиями на санкции в форме постановления на уничтожение личных вещей осужденных (составляется акт), в отдельных ситуациях эти обстоятельства обосновываются усмотрением администрации.

В этой ситуации возникают множество оправданных вопросов по данным обстоятельствам, например, допустимо ли, чтобы административный служащий, который обладает широкими полномочиями по отношению к спецконтингенту мог своим решением ликвидировать имущество заключенного?

Считаем, что нет, потому что прерогатива в принудительном изъятии собственного имущества должна быть только судом. Начальник ИУ вправе распоряжаться имуществом обвиняемого уничтожать не ранее чем после получения письменного соглашения.

Исходя из этого мы полагаем, что пункт 9 статьи 82 УИК РФ касаясь определения возможности решения судебного разбирательства имущества заключенного односторонними административными решениями начальника пенитенциарного учреждения нарушает п. 3 ст. 35 Конституции РФ и умоляет субъективные права спецконтингента.

Под системой гражданско-правовой защиты права собственности принято подразумевать набор способов и средств, приемов, с помощью них титульный владелец/собственник имущества вправе использовать определенные средства для защиты своих субъективных прав (триада правомочий права собственности).

Защита прав собственности выступает в разных ролях в деле защиты прав собственности. Одним из норм обеспечивает правила отражения преступлений, таких как права о возмещении материального вреда, права о неправомерном удержании чужих вещей и так далее.

Другие законодательные акты непосредственно создают добавочные условия использования имущества, принадлежащего собственнику.

Под защитой права собственности, в первую очередь, подразумевается защита в суде (юрисдикционная форма), хотя существуют и иные способы защиты права.

В качестве «основного неотчуждаемого» права, право на судебную защиту присущую, также и включая осужденных и они свободно могут обращаться за ней.

По сколько мы можем судить, что право собственности является субъективным гражданско-правовым правом, мы полагаем, что право на гражданско-правовую защиту располагает основанием частного гражданского права каковое появляется в то время, когда право субъектов частного/гражданского права ущемлено, оппонировано и не исполняются юридические обязанности. При всём при этом в гражданско-правовой науке существуют и иные представления по данной теме.

В основном, защита субъективного права собственности находит применение по образу и подобию вещно-правовых и обязательственно-правовых возможностей защиты.

К вещно-правовым способам защиты права собственности причисляются:

во-первых, требование собственника об истребовании имущества из чужого незаконного владения/виндикационный иск;

Во-вторых, требование об устранении нарушения права собственника, не связанного с лишением владения/негативный иск;

В-третьих, требование собственника о признании его права/иск об исключении имущества из описи).

В практике профессиональных юристов определённого авторитета достиг

В юридической практике достаточное доверие достиг иск о признании права собственности, в связи с чем законодателю следует добавить данный иск в перечень средств защиты вещных прав собственности.

К обязательно-правовым средствам защиты права собственности относятся иски собственников:

1) возмещении внедоговорного вреда, причиненного имуществу;

2) о возврате им имущества, переданного другой стороне по договору;

3) возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением договора;

4) о возмещении имущества в натуре в случае утраты или повреждения его (предоставлении вещи того же рода и качества, исправлении поврежденной вещи);

5) возврате неосновательно полученного/сбереженного имущества и др.

Итак, подводим итоги исследованного. В отношениях с имуществом институт собственности занимает главные позиции в правовых странах, что свидетельствует о том, что в правовых странах институт собственности занимает значимое место, которое следует оберегать.

Гражданско-правовая защита права собственности, как для граждан, социума и страны является одним из важных инструментов в охране гражданско-правовых отношений. Отметим, что другие отрасли российского права, также охраняют данную экономико-правовую категорию – право собственности.

Согласно официальным данным в местах лишения свободы, отбывает наказание большое количество осужденных за преступления против собственности. Это означает, что права собственности – одно из актуальных/порой сложно защищенных общественных отношений, в этой связи необходимы понятные гарантии правовой безопасности публичной власти и гражданского общества, требуется особая защита, включая гражданскую защиту права собственности лицам, отбывающим уголовное наказание, связанное с изоляцией от общества.

Наше государство, не смотря на преступления, совершенные лицами, отбывающими наказания в местах изоляции от общества, обеспечивает возможностью гражданско-правовой защиты права собственности спецконтингента.

Приставейный библиографический список

1. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1972. 153 с.
2. Карусев Н. И. Гражданско-правовое положение осужденных к лишению свободы. Рязань, 1973. С. 5-6.
3. Марина Е. А. Правоограничения общегражданского статуса осужденных к лишению свободы // Российский следователь 2007. № 19. С. 31-32.

ЗАХАРОВ Данила Сергеевич

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Таганрогского института управления и экономики

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

В статье рассматривается проблематика правового обеспечения реализации национальных проектов в современной России. Представлен процесс формирования нормативных документов юридических лиц на основе направлений национальных проектов. Приведён анализ уставных документов некоммерческих организаций обеспечивающих реализацию национальных проектов. Особое внимание уделено субъектам правотворчества. Ключевым моментом в исследовании является рассмотрение национального проекта как одного из источников современного права. Выделяется и описывается проблематика разработки и реализации национальных проектов.

Ключевые слова: некоммерческие организации, национальный проект, юридические лица, источник права, гражданское общество, социальная инициатива.

ZAKHAROV Danila Sergeevich

Ph.D. in philosophical sciences, senior lecturer of Humanitarian disciplines sub-faculty of the Taganrog Institute of Management and Economics

SOME LEGAL ASPECTS OF THE PARTICIPATION OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS

The article deals with the problems of legal support for the implementation of national projects in modern Russia. The process of formation of normative documents of legal entities based on the directions of national projects is presented. The analysis of the statutory documents of non-profit organizations providing the implementation of national projects is given. Particular attention is paid to the subjects of lawmaking. The key point in the study is the consideration of the national project as one of the sources of modern law. The problems of development and implementation of national projects are singled out and described.

Keywords: non-profit organizations, national project, legal entities, source of law, civil society, social initiative.

Последние несколько лет развитие некоммерческого сектора в нашей стране тесно связано с реализацией национальных проектов. Помимо уже существующих акторов – институтов государственной власти в федеральном центре и в субъектах Российской Федерации, в реализацию основных векторов государственной политики плотно влились некоммерческие организации, причём инициатором учреждения которых выступает как Президент Российской Федерации, так и Правительство Российской Федерации.

Можно назвать такие наиболее известные в широких кругах некоммерческие организации как АНО «Россия – страна возможностей», Фонд президентских грантов, АНО «Национальные приоритеты» и др. Правовой статус некоммерческой организации и её организационная структура как нельзя лучше подходит как для реализации мелких социально значимых проектов, так и реализацию масштабных федеральных программ призванных модернизировать российское общество в целом. Охват различных наиболее существенных для развития российского общества и государства областей начинается от образования и здравоохранения и простирается до цифровой экономики.

Помимо участия в непосредственной реализации национальных проектов вышеприведённые некоммерческие организации призваны вовлечь в этот процесс наиболее активные слои общества, в том числе и наиболее эффективные некоммерческие организации. Подобный масштабный феномен как национальные проекты требует социологического, экономического и правового анализа. На сегодняшний день отечественные исследователи, такие как Н. С. Кутузова, выделяют национальному проекту особое место в системе источников права, формулируют «национальный проект» как юридическое понятие [1, с. 96].

В этом контексте необходимо отметить, что наряду с привычными источниками права, такими как федеральные законы, в современной правовой реальности нашего государства появляются «особые» источники права, к которым

можно отнести национальные проекты. Подобное нововведение во многом обусловлено изменяющимися социально-экономическими реалиями. Поскольку последние десятилетия актуальной формой реализации социальной политики явился проект. Нормативно-правовым актом послужившим началом национальных проектов является Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Можно предположить, что законодатель при разработке национальных проектов стремился указать на прозрачность принимаемых решений и вовлечённость всех институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, в реализации общенациональных целей – достижении различных видов общественного блага. В формате проекта прописаны способы достижения поставленных целей, сроки реализации, органы государственной власти и общественные институты, участвующие в реализации.

Вышесказанное даёт возможность заключить об адекватности изменений современной отечественной правовой системы изменяющимся общественным отношениям и запросам. С другой стороны, понятие «национальный проект» как правовой феномен ещё недостаточно освещён в юридической научной литературе, на сегодняшний день разработка этого понятия ведётся в работах Н. С. Кутузовой [1, с. 97].

Возвращаясь к юридическим особенностям национального проекта как источника права необходимо отметить некоторые его особенности, а именно: во-первых, специфику субъекта акта правотворчества, в этом качестве выступает Президент Российской Федерации либо Правительство Российской Федерации; во-вторых, максимальный охват вовлечённых «благополучателей», в данном случае это общенациональный охват.

Ярким примером реализации национальных проектов через институт некоммерческих организаций может служить Указ Президента Российской Федерации от 22 мая 2018

г. № 251 «О создании автономной некоммерческой организации «Россия – страна возможностей». В тексте явно прописано, что главной целью создания АНО «Россия – страна возможностей» является создание условий для самореализации граждан, в том числе в профессиональной сфере и повышения уровня социальной мобильности населения. Так же согласно вышеприведённому Указу учредителем должно выступить Управление делами Президента Российской Федерации, в том числе утвердить Устав АНО «Россия – страна возможностей».

Наряду с этим в тексте Указа Президента Российской Федерации от 22 мая 2018 г. № 251 «О создании автономной некоммерческой организации «Россия – страна возможностей» содержатся явные указания на источники формирования имущества. Основным источником финансирования АНО «Россия – страна возможностей» призваны служить ассигнования федерального бюджета, наряду с этим предполагается возможность осуществления уставной деятельности АНО «Россия – страна возможностей» за счёт добровольных пожертвований граждан и организаций и иные поступления соответствующие действующему законодательству Российской Федерации.

Документ предполагает, высший коллегиальный орган управления АНО «Россия – страна возможностей» и единоличный исполнительный орган будут назначаться Администрацией Президента Российской Федерации. Вместе с этим, на Администрацию Президента Российской Федерации, согласно Указа Президента Российской Федерации от 22 мая 2018 г. № 251 «О создании автономной некоммерческой организации «Россия – страна возможностей», возложена надзорная функция, которая выражается в контроле деятельности АНО «Россия – страна возможностей», через надзор за принятием решений органами управления и соблюдением ими действующего законодательства Российской Федерации.

Другим ярким примером, когда учредителем некоммерческой организации, призванной воплощать национальные проекты в жизнь, выступают органы государственной власти может служить автономная некоммерческая организация «Национальные приоритеты»¹. Учреждена данная некоммерческая организация была согласно распоряжению Правительства Российской Федерации № 2880-р. Основным назначением её деятельности должно быть информационное сопровождение реализации национальных проектов.

Финансирование деятельности АНО «Национальные приоритеты» должно осуществляться из федерального бюджета в пределах, предусматриваемых Управлением делами Президента Российской Федерации. В данном случае учредитель – Правительство Российской Федерации выступает в качестве надзорного органа, оно анализирует документацию и проводит проверки хозяйственной деятельности АНО «Национальные приоритеты».

Виды деятельности АНО «Национальные приоритеты» соответствуют той цели, ради которой она создавалась, в них входят обеспечение информационного сопровождения национальных проектов, содействие участию граждан в национальных проектах, поддержка инициатив способствующих реализации национальных проектов, создание базы данных социальных инициатив по направлениям национальных проектов, содействие распространению лучших социальных практик, изучение опыта зарубежных стран по данной тематике и др.

Так же стоит отметить, что существует определение национальных проектов, данное Правительством Российской Федерации. В последней редакции Постановления Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» говорится следующее: «национальный проект» – проект (программа), направленный на достижение национальных целей и их целевых показателей, определенных Указом Президента

Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», и обеспечивающий достижение общественно значимых результатов и их показателей, а также задач, не являющихся общественно значимыми результатами, и их показателей по поручению и (или) указанию Президента Российской Федерации, поручению Правительства Российской Федерации, Председателя Правительства Российской Федерации, решению Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, президиума Совета»².

Из вышеприведенной цитаты ясно, что Правительство Российской Федерации в определении понятия «национальные проекты» ссылается на Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». В этом нормативно-правовом акте Президентом Российской Федерации постулируются основные цели государственной политики до 2030 года³. Ключевыми целями являются рост численности населения, прорывное развитие, повышение уровня жизни, раскрытие талантов и комфортные условия проживания. Далее по тексту Указа приводится более конкретное раскрытие пяти национальных целей.

В вышеприведенном нормативно-правовом акте заключены основные направления реализации национальных проектов. Необходимо заметить, что подобные нормативно-правовые акты не несут в себе непосредственно нормативных предписаний, но содержат базовые ориентиры социально-экономического развития стран в будущем (в данном случае до 2030 года). Подобная специфическая черта явно выделяет национальный проект как особую норму права от остальных, более традиционных форм.

Необходимо учитывать и тот факт, что на сегодняшний день в современной России национальный проект является осевым инструментом реализации социально-экономической политики внутри государства. Отличительной чертой национального проекта так же можно выделить серьёзное воздействие на все сферы жизни общества: экономическую, политическую, социальную, научно-технологическую и т.д. Более того национальный проект имеет конкретное выражение в сроках реализации, сфер своего влияния, качественных и количественных показателях, уровню социального воздействия.

Следует упомянуть и о возникающих сложностях, в том числе методологических, возникающих как на стадии реализации, так и на стадии разработки национального проекта. Первая сложность, стоящая перед законодателем, в данном случае, является сложность выбора формы нормоустанавливающего документа.

Конечно, на сегодняшний день, в арсенале законодателя существуют такие формы нормативно-правовых актов как закон, указ, проект, постановление и т.д., но для подобного масштабного и протяженного во времени предприятия была признана оптимальной форма проекта.

Следующим специфическим фактором является сложность в прогнозировании сложных социальных процессов, их конструирования и моделирования. Подобная сложность во многом усложняла законодательные инициативы и реформы, предпринятые органами государственной власти в прошлом.

Сложность и многогранность социальных процессов во многом проявляется в связке с глобальной цифровизацией. Цифровая реальность создаёт новые форматы обществен-

1 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2019 г. № 2880-р. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9ShgofeUX4a4RWBD8M MYxsNksslOUu1.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).

2 Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 (ред. от 24.06.2021) «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» (вместе с «Положением об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310151/23d0a5d07cf2f011e1c4201dbdc719c38a50249ef/ (дата обращения: 23.09.2021).

3 Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 23.09.2021).

ных отношений, которые так же нуждаются в определении правовой позиции и как следствие правовом регулировании.

Инновационный подход к формированию нормативно-правового регулирования социально-экономических процессов внутри страны естественно приводит к формированию новых правовых институтов. Наиболее наглядным примером этого может служить национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Если мы обратимся к Указу Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», то увидим, что последней в списке национальных целей находится «цифровая трансформация»⁴. В свою очередь основными целями нацпроекта «Цифровая экономика» является повышение уровня финансирования российской цифровой экономики, создание необходимой инфраструктуры для безопасной, быстрой и доступной передачи данных, перевод органов государственной власти и местного самоуправления на программное обеспечение российского производства⁵.

Утверждение одного из руководящих документов по реализации нацпроекта «Цифровая экономика» произошло 24 декабря 2018 г. на заседании президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам. Этим документом явился паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Помимо перечисления руководителей национальной программы в паспорте национальной программы перечислены цель, целевые и дополнительные показатели национальной программы, структура национальной программы, задачи и результаты национальной программы. Задачи и результаты национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» раскрыты через детализацию следующих федеральных проектов: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии», «Цифровое государственное управление»⁶.

В части реализации поставленных задач некоммерческие организации могут быть представлены двумя наиболее крупными юридическими лицами, учрежденными специально под цели и задачи национального проекта в направлении развития цифровой экономики – это Автономная некоммерческая организация «Цифровая экономика»⁷ и Автономная некоммерческая организация «Университет национальной технологической инициативы 2035».

Автономная некоммерческая организация «Цифровая экономика» была учреждена в 2017 году в Москве. Согласно Уставу АНО «Цифровая экономика» призвана как непосредственно предоставлять услуги в сфере развития цифровой экономики в стране, так и служить связующим звеном между представителями бизнеса, общественных организаций и органами государственной власти⁸. Так же в уставе указано, что помимо иных учредителей – юридических лиц, соучредителем данной организации является Российская Федерация».

Предметом деятельности АНО «Цифровая экономика» указаны 24 пункта, среди них выделяются: направления деятельности связанные с определением, формированием и контролем за деятельностью центров компетенций; мониторинг и оценка эффективности реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»; выявление и распространение лучших практик; прогностическая деятельность; прямое содействие организациям развивающим направление цифровой экономики в России; участие в нормотворческой деятельности по профилю организации; проведение консультирования органов государственной власти по профильному направлению; выступление в качестве организации-эксперта в экспертизе проектов по профильному направлению⁹.

Из Постановления Правительства РФ от 02.03.2019 N 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» мы видим, что некоммерческая организация, в данном случае автономная некоммерческая организация «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации», используется в качестве проектного офиса вышеупомянутой программы¹⁰.

В свою очередь подготовкой кадров для цифровой экономики призвана заниматься Автономная некоммерческая организация «Университет национальной технологической инициативы 2035».

Вышеприведённые данные не являются исчерпывающими, реализация каждого национального проекта затрагивает целый пласт профильных некоммерческих организаций, как учрежденных органами государственной власти, так и гражданами. Нашей задачей была показать, насколько некоммерческий сектор важен для реализации внутренней политики государства, каким образом функционирует правовая база некоммерческого сектора. В том числе показательно, что государственные корпорации учреждаются как раз в организационно-правовой форме некоммерческих организаций.

Наряду с этим было показано, что в современной России феномен «национального проекта» является источником права. Нормативно-правовые акты, принимаемые для реализации внутренней политики государства, во многом опираются на национальные проекты. Учреждаемые некоммерческие организации (для реализации целей национальных проектов), в формировании своих уставных документов, так же ориентируются на национальные проекты в части определения цели своего учреждения и выбора направлений деятельности, способствующих достижению поставленной учредителями цели.

Пристатейный библиографический список

4 Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 28.09.2021).

5 Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/urKHmogTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (дата обращения: 28.09.2021).

6 Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/urKHmogTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (дата обращения: 28.09.2021).

7 АНО «Цифровая экономика». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data-economy.ru/organization> (дата обращения: 10.10.2021).

8 Устав автономной некоммерческой организации «Цифровая экономика». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://files.data-economy.ru/Docs/Charter_18042019N№6.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

9 Устав автономной некоммерческой организации «Цифровая экономика». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://files.data-economy.ru/Docs/Charter_18042019N№6.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

10 Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 (ред. от 21.08.2020) «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с «Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://files.data-economy.ru/Tech/Tech_2019_03_02_N№234.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

ЛИТВИНОВ Роман Викторович

преподаватель кафедры судебной экспертизы ФГБОУ ВО Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России

СТРАХОВ Александр Борисович

юрист

О ПОСЛЕДСТВИЯХ СОВЕРШЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ПРИТВОРНЫХ СДЕЛОК

В статье авторы обращают внимание на мотивы совершения некоторых видов притворных сделок. Авторы приводят примеры неочевидных негативных правовых последствий совершения договоров купли-продажи, в которых указана цена договора, несоответствующая волеизъявлению сторон. Кроме того, показана зависимость возникновения неблагоприятных правовых последствий от добросовестности поведения сторон договора, обращено внимание на необходимость добросовестного поведения при совершении сделок.

Ключевые слова: сделка, договор, добросовестность, цена, приобретение, продажа, притворность, ничтожность, последствия.

LITVINOV Roman Viktorovich

lecturer of Forensic examination sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia

STRAKHOV Aleksandr Borisovich

lawyer

ABOUT THE CONSEQUENCES OF MAKING SOME FAKE DEALS

In the article, the authors draw attention to the motives for making some types of fake transactions. The authors give examples of non-obvious negative legal consequences of the purchase and sale agreements, in which the price of the contract is indicated, which does not correspond to the will of the parties. The article shows the dependence of the occurrence of adverse legal consequences on the conscientiousness of the behavior of the parties to the contract, attention is drawn to the need for conscientious behavior when making transactions.

Keywords: transaction, contract, good faith, price, purchase, sale, pretense, insignificance, consequences.

Актуальность данной темы связана с отсутствием правовой культуры у определенной части российского общества. Действуя недобросовестно при заключении сделки, многие руководствуются сиюминутной выгодой, не задумываясь о возможных негативных последствиях своего поведения, либо пренебрегая ими. В данной статье речь пойдет о некоторых видах притворных сделок и возможных негативных последствиях их совершения.

Многие сталкивались с ситуацией, когда при покупке дорогостоящей вещи, например, квартиры или автомобиля, продавец предлагал указать в договоре купли-продажи цену, не соответствующую реальной стоимости вещи. Кто-то соглашался, и тогда сделка заключалась на иных условиях, чем те, которые стороны договора в действительности имели в виду. Какие последствия могут наступить для сторон в случае заключения такого договора? С какими проблемами они могут столкнуться в будущем?

О мотивах заключения такого рода договоров. Как многие привыкли считать, продавцу выгодно указать в договоре купли-продажи цену, которая будет ниже действительной стоимости вещи, в целях «экономии на налогах», поскольку налог, подлежащий уплате продавцом, исчисляется от суммы его дохода, полученной при продаже вещи. Чем ниже стоимость проданного объекта – тем меньше налог. Покупателю наоборот выгодно более высокая цена в договоре, чем та которая была согласована сторонами. Так, например, приобретая квартиру с использованием заёмных средств банка, покупатель, не имея денег для оплаты первоначального взноса, просит увеличить в договоре стоимость приобретаемой квартиры на сумму первоначального взноса, и приобрести квартиру исключительно за счёт заёмных средств. Завышение стоимости приобретаемой квартиры имеет место также в целях получения ипотечного кредита в большем размере, чем необходимо для покупки, для получения дополнительных денежных средств банка по более низкой процентной ставке, установленной для ипотечных кредитов. Приведённые примеры не являются исчерпывающими.

Федеральным законом от 07 мая 2013 года № 100-ФЗ (п. 15 ст. 1 ФЗ-100 от 07.05.2013 г.) [1] были внесены изменения в пункт

2 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливающей последствия недействительности притворных сделок, который был изложен в новой редакции. Теперь притворной сделкой является не только сделка, совершенная с целью прикрыть другую сделку, например, когда вместо договора купли-продажи стороны заключают договор дарения, имея намерение обойти преимущественное право участников долевой собственности на покупку доли, но и сделка на иных условиях.

Притворная сделка, то есть сделка, совершенная с целью прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях, ничтожна. К сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учётом существа и содержания сделки применяются относящиеся к ней правила (п. 2 ст. 170 ГК РФ) [2].

В действительности это означает следующее. Суд, установив тот факт, что стороны с целью прикрыть сделку на крупную сумму совершили сделку на меньшую сумму, признает заключённую между сторонами сделку как совершенную на крупную сумму, то есть применяет относящиеся к прикрываемой сделке правила (абз. 3 п. 87 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации») [3].

Достаточно ли эффективно правовое регулирование в данной области? Может показаться, что риск оспаривания притворной сделки невелик, с учётом того, что письменный договор нельзя оспорить на основании свидетельских показаний. Действительно, определённая сложность доказывания иной цены, чем та, которая указана в письменном договоре, имеется. Тем не менее дела данной категории не являются совсем безнадежными. Так в одном из дел, рассмотренных в Железногорском городском суде Красноярского края, суд, признав договор купли-продажи квартиры притворным, как совершенный на иных условиях в части указания цены, принял во внимание условия предварительного договора, переписку в мессенджере, а также пояснения сторон, данные ими в ходе судебного разбирательства (Дело № 2-1286/2019) [4].

Но всё-таки оспаривание таких сделок в судебном порядке является скорее исключением, чем правилом, что создаёт у сторон ложные представления об отсутствии существенных негативных последствий для них в будущем.

Итак, каковы же последствия совершения притворных договоров купли-продажи, как совершенных на иных условиях в части указания цены, не указанные в пункте 2 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации?

Покупая, например, автомобиль, и указывая в договоре купли-продажи заниженную стоимость транспортного средства по просьбе продавца, мало кто из покупателей задаётся вопросом, а не находится ли продавец в состоянии объективного банкротства. Между тем, в случае последующего признания продавца банкротом, такая сделка может быть признана арбитражным судом недействительной, как совершенная должником (продавцом) в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов на основании статьи 61.2. Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [5]. К таким сделкам относится, в том числе, сделки с неравноценным встречным исполнением. В результате чего появляется риск возникновения ситуации, когда приобретённое покупателем имущество будет у него изъято в связи с тем, что цена имущества, указанная в договоре купли-продажи, существенно, в худшую для должника сторону, отличается от цены, при которой в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки (подозрительная сделка). И это при том, что в действительности покупатель уплатил продавцу денежные средства в размере, соответствующем рыночной стоимости приобретаемого имущества. Вернуть же уплаченные за автомобиль денежные средства вряд ли удастся ввиду банкротства продавца.

Существенное завышение цены на продаваемое имущество может создать для продавца ситуацию, обратную вышеописанной. То есть в случае банкротства покупателя, с продавца могут взыскать в конкурсную массу стоимость проданного по завышенной цене имущества. Особенно неприятным для продавца будет если цена имущества завышена только в договоре купли-продажи.

Другая неблагоприятная ситуация может возникнуть в случае расторжения договора купли-продажи в связи, например, с обнаружением существенных недостатков приобретённого имущества. В этом случае покупатель сможет потребовать от продавца возврата уплаченной за товар денежной суммы, и при отсутствии иных доказательств или их недостаточности суд примет во внимание цену, указанную в договоре купли-продажи. То есть покупатель не вернёт всего того, что он заплатил за некачественный товар.

Злоупотребление со стороны покупателя при расторжении договора купли-продажи может выражаться в истребовании от продавца денежных средств, указанных в договоре в качестве цены приобретаемого имущества, в случае, если цена в договоре завышена.

Ситуация, при которой продавцу необходимо будет возвращать уплаченные за товар денежные средства, может возникнуть и при признании сделки недействительной (реституция).

Среди негативных последствий занижения цены в договоре купли-продажи можно выделить также следующее. В случае, если лицо, приобретшее, например, квартиру, через какое-то время решит её продать, разница между ценой покупки и ценой продажи будет тем больше, чем более была занижена цена в договоре при её покупке. Следовательно, покупатель, подписывая договор купли-продажи квартиры с заниженной ценой сам увеличивает себе налогооблагаемую базу. Иными словами, помогая продавцу избежать налогообложения, покупатель в определённом смысле перекладывает обязанность по уплате налога на себя.

Нельзя забывать и об имущественном налоговом вычете, на который налогоплательщик имеет право (подп. 3 п. 1 ст. 220 НК РФ) [6]. Чем выше стоимость приобретаемого имущества, тем большая сумма уплаченных налогов может быть возвращена покупателю.

Кроме того, могут возникнуть и не совсем типичные ситуации. Например, когда покупателю необходимо будет доказать количество личных денежных средств, затраченных на приобретение общего имущества, в частности, при разделе общего имущества супругов (бывших супругов). В таких спорах в качестве доказательств зачастую используются договоры купли-продажи имущества, а в случае указания в них некорректной цены, вряд ли можно будет рассчитывать на справедливое решение суда.

Аналогичная ситуация может возникнуть в споре между наследниками при определении супружеской доли пережившего супруга.

Следует отметить, что привести все неблагоприятные последствия, которые могут возникнуть в результате совершения притворных сделок, в рамках данной статьи не представляется возможным.

Вместе с тем очевидно, что все приведённые негативные правовые последствия не могли бы возникнуть, если бы стороны договора действовали добросовестно. Необходимость действовать добросовестно при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участниками гражданских правоотношений предусмотрена пунктом 3 статьи 1 Гражданского кодекса РФ. При этом никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ) [2].

В то же время российское законодательство предусматривает механизм защиты добросовестной стороны от действий её недобросовестного контрагента в случае спора.

Так, если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учётом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (пункт 2 статьи 10 ГК РФ), например, признаёт условие, которому недобросовестно воспрепятствовала или содействовала эта сторона соответственно наступившим или ненаступившим (пункт 3 статьи 157 ГК РФ); указывает, что заявление такой стороны о недействительности сделки не имеет правового значения (пункт 5 статьи 166 ГК РФ) (абз. 5 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации») [3].

В заключении хотелось бы отметить, что при существующем правовом регулировании, риск возникновения негативных последствий напрямую зависит от поведения сторон договора. Действуя в соответствии с законом, не злоупотребляя своими правами, стороны придают договору устойчивость, а для себя создают гарантии отсутствия негативных правовых последствий в будущем.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2022).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2022).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2022).
4. Решение Железнодорожного городского суда Красноярского края от 30 сен. 2019 г. по делу № 2-1286/2019 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 16.08.2019).
5. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 03.02.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2022).
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 26.03.2022) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2022).

ЛИТВИНОВА Вероника Михайловна

студент специальности Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ГУТЕНЕВА Анна Андреевна

студент специальности Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

РЯЗАНОВА Екатерина Ивановна

студент специальности Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ЧЕРНОВ Юрий Иванович

кандидат юридических наук, доцент Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ТРУДОУСТРОЙСТВО ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КНР

Интернационализация и демократизация экономической и социокультурной жизни человечества, последствия острых межэтнических противоречий, прямых столкновений между народами и странами, чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий породили ряд взаимосвязанных проблем. Одна из них проявляется в масштабных внутригосударственных и межгосударственных миграционных процессах населения и трудовых ресурсов. Никто не возьмётся сказать о точных статистических данных русской диаспоры в Китае. В общем, с поправкой на все эти условности получается, что сейчас в Китае около 40 тысяч человек с постсоветского пространства. Русские живут там, где есть работа. Целью настоящей работы является исследование трудовых отношений российских граждан за границей (на примере Китая).

Ключевые слова: трудовая миграция, работа за границей, трудоустройство, условия труда для иностранцев.

LITVINOVA Veronika Mikhaylovna

student of the specialty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

GUTENEVA Anna Andreevna

student of the specialty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

RYAZANOVA Ekaterina Ivanovna

student of the specialty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

CHERNOV Yuriy Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

EMPLOYMENT OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CHINA

The internationalization and democratization of the economic and socio-cultural life of mankind, the consequences of acute interethnic contradictions, direct clashes between peoples and countries, emergencies and natural disasters have given rise to a number of interrelated problems. One of them is manifested in large-scale intracountry and intercountry migration processes of the population and labor resources. No one will undertake to say about the exact statistics of the Russian diaspora in China. In general, adjusted for all these conventions, it turns out that there are now about 40 thousand people from the post-Soviet space in China. Russians live where there is work. The purpose of this work is to study the labor relations of Russian citizens abroad (using the example of China).

Keywords: labor migration, work abroad, employment, working conditions for foreigners.

Трудовые отношения с иностранными гражданами регулируются различными международно-правовыми актами, в том числе Международной конвенцией ООН о защите прав трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г.¹ В этом международном акте говорится, что трудящиеся-мигранты и члены их семей могут свободно покидать любое государство, в том числе государство их происхождения, после пребывания в государстве по найму, в соответствии с применимым законодательством, трудящиеся-мигранты имеют право переводить заработанные деньги и денежные средства.

Основополагающими документами для трудящихся за границей являются Конвенция МОТ о работниках-мигран-

тах № 97 пересмотренная в 1949² г. и Рекомендация № 86 о работниках-мигрантах пересмотренная в 1949 г.³, Конвенция МОТ о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении работникам-мигрантам равенства возможностей и обращения №143 1975 г.⁴ и Рекомендация МОТ о работни-

1 Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей Принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1990 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml.

2 Конвенция Международной Организации Труда N 97 о трудящихся-мигрантах (пересмотренная в 1949 году) (Женева, 1 июля 1949 г.) // Конвенция Международной Организации Труда № 97 о трудящихся-мигрантах (пересмотренная в 1949 году) (Женева, 1 июля 1949. – [Электронный ресурс].

3 Рекомендация 86 о работниках-мигрантах (пересмотренная в 1949 году). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_ro86_ru.htm.

4 Конвенция Международной Организации Труда № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении работникам-мигрантам равенства возможностей и обращения (Женева, 24 июня 1975 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2541312/>.

ках-мигрантах № 151 1975 г.⁵, Конвенция МОТ об основных целях и нормах социальной политики № 117 1962 г.⁶, Конвенция МОТ о равноправии граждан страны, иностранцев и лиц без гражданства в области социального обеспечения №118 1962 г.⁷, которая определяет, в частности, что право мигрантов на получение пособия по безработице может быть подчинено условию его проживания в стране, по крайней мере, в течение шести месяцев непосредственно перед подачей заявления о назначении пособия. Кроме того, Конвенция позволяет применять принцип равенства и равноправия трудящихся-мигрантов и получать выгоду от применения принципа равенства и соблюдения прав трудящихся-мигрантов независимо от того, применяются ли в стране происхождения мигранта этот принцип (то же самое относится и к условиям проживания мигранта).

В самой густонаселенной стране мира есть рабочие места для иностранцев. Китай приветствует сотрудников с профессиональным опытом или без него. В то же время в 2021 году без особых трудностей нашли работу специалисты в сфере информационных технологий, инженеры, специалисты строительных профессий и врачи. Следует сказать о наиболее востребованных профессиях в КНР. Многие специалисты утверждают, что мужчины могут устроиться на работу в сфере медицины, а также фармакологии. Ранее мы обратили внимание на работу в информационной сфере, которая весьма распространена в Китае, так как для осуществления трудовых функций не требуется глубоких знаний китайского языка, ввиду того что работниками используется общий язык программирования. Русские мигранты также могут устроиться на работу в технической и финансовой сфере. Стоит также отметить, что для трудоустройства, например, для женщин особое значение имеет внешность, а именно славянская внешность. Так, женщины со славянской внешностью могут заниматься модельным бизнесом, а также работать на телевидении в качестве ведущих. Однако, российские граждане, не обладающие славянскими чертами во внешности, вполне могут устроиться в сферу туризма и предоставления услуг.

Достаточно востребованы русскоязычные учителя, няни, менеджеры, маркетологи, экономисты. При этом доход русскоязычных трудовых мигрантов в КНР может значительно увеличиться, если они владеют несколькими иностранными языками. Постоянная потребность в специалистах возникает в настоящее время из-за того, что более половины мигрантов из Китая работают не в китайских компаниях, а в международных компаниях в Китае, немецких и австралийских.

Рассматривая проблемы трудоустройства граждан России в Китае, можно сказать, что это постоянно растущее по численности населения государство, которое, в свою очередь, постоянно поддерживает уровень цивилизованного государства, а также умело демонстрирует самые высокие уровни прогресса мирового сообщества.

5 Рекомендация 151 о рабочих-мигрантах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_r151_ru.htm.

6 Конвенция № 117 об основных целях и нормах социальной политики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://consultant.parus.ua/?doc=00Y3XF6A5A>.

7 Конвенция 118 о равноправии граждан страны и иностранцев и лиц без гражданства в области социального обеспечения. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c118_ru.htm.

В рамках поднятой в настоящем исследовании тематики необходимо обратить внимание на требования, которые следует исполнить россиянину для трудоустройства в КНР. В данном случае следует сказать о том, что министерство иностранных дел КНР вводит новые правила, регламентирующие трудовую деятельность иностранных граждан, в том числе и россиян. Так, вместо ранее существовавших «Разрешения на работу для иностранных граждан» и «Разрешения на работу для иностранных экспертов» сформировано одно разрешение, которое именуется как «Разрешение на работу для иностранцев». С помощью представленного разрешения и тех данных, которые в нем содержатся, специализированные государственные органы КНР могут определять положение иностранного гражданина как работника. Более того, что помощью данного разрешения присваивается неизменный номер иностранного рабочего.

Заявка на получение указанного разрешения, как правило, подается с помощью использования интернет-портала «Сервисная Система обслуживания для управления Работой иностранцев в Китае». Представленные нами правила, в значительной степени упрощают процедуру получения российскими гражданами разрешения на осуществление той или иной трудовой деятельности. Упрощение данной процедуры влечет за собой положительные аспекты, например, привлечение на Китайский рынок труда высококвалифицированных специалистов из России.

Нельзя не упомянуть о том, что любой российский гражданин, прежде чем отправиться в Китай для осуществления своих трудовых функций, должен получить рабочую визу, что является обязательным условием. Стоит сказать, что перед подачей данной заявки необходимо найти непосредственно само рабочее место в КНР и получить упомянутое нами выше разрешение на осуществление трудовой деятельности. Указанные процедуры предшествуют получению рабочей визы.

Перечислим наиболее важные документы, которые необходимы для получения рабочей визы в Китай. К таким документам относятся:

- трудовой договор;
- загранпаспорт;
- оригинал документа, разрешающего трудовую деятельность;
- копия документа об образовании;
- приглашение от работодателя (письмо в оригинале);
- справка с медицинским заключением о состоянии здоровья.

Также нельзя забывать о том, что для получения рабочей визы гражданину необходимо:

- пройти собеседование у работодателя, который находится в КНР;
- заключение трудового договора с соответствующим работодателем, а также наличие его оригинала на руках при получении рабочей визы;
- пригласительное письмо, составленное работодателем для осуществления той или иной трудовой деятельности;
- наличие сертификата, подтверждающего знания лицом как английского, так и китайского языков;
- диплом об образовании.

На протяжении нескольких веков идеология способствовала формированию психологии китайского общества, основанного на ценностях коллективных принципов. Политическая система Китая определяется этой социальной политикой. «Дружеские и доброжелательные» отношения

создали систему квалифицированной помощи, которая помогает людям справляться с различными жизненными ситуациями. Несмотря на хорошие межнациональные отношения, государство должно уделять большое внимание социальной защите, создавая рабочие места для социальных работников, оказывая социальное вмешательство на местах.

Если изучить вопрос более подробно в этом смысле, становится ясно, что КНР в лице государственных органов очень быстро реализует социальную политику. В основном это проявляется в разработке и реализации самых разнообразных программ поддержки людей, которые по тем или иным причинам оказались в сложной жизненной ситуации.

Положения Закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (в редакции от 20 апреля 1996 г.) предоставляют гражданам Российской Федерации право самостоятельно искать работу, в том числе использовать возможности трудоустройства за пределами нашего государства ... Право на свободное передвижение, в том числе выезд из Российской Федерации, прямо закреплено в ст. 27 Конституции РФ.

Реализация конституционного права позволяет применять нормы международного права, а также внутреннего законодательства. Последнее предусмотрено Федеральным законом от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». Правила, регулирующие правовой статус иностранцев в Китае:

1. Конституция Китайской Народной Республики 1982 года.

2. О порядке въезда и выезда иностранцев из страны – закон Китая от 22 ноября 1985 года, о специальном применении настоящего Закона от 27 декабря 1986 года.

3. Установление для иностранных граждан, получающих вид на жительство в Китае с 13.12.2003 года.

4. Установление о создании рабочих мест для иностранцев в Китае от 22.01.1996 года.

5. Положение о получении постоянного вида на жительство для иностранцев от 15.08.2004 года.

6. Общие положения гражданского законодательства Китайской Народной Республики от 12.04.1986 года.

7. Правила управления постоянным проживанием иностранцев и выдачи виз иностранцам, утвержденные Министерством общественной безопасности КНР с 2004 года.

Подводя итог, укажем, что в результате многовекового развития Китая его жители создали уникальную культуру, уникальный образ жизни и мышления, основанный на национальном характере. Для граждан КНР строгая иерархия стала отличительной чертой, где все зависит от полной зависимости подчиненного от начальника, младшего от старшего. Идеология китайской империи долгое время составляла психологию различных слоев китайского общества, ставя на первое место коллективный принцип, важность группы, что объясняет преобладание групповых связей над личными в общественном сознании китайцев.

В условиях глобализации люди начинают эмигрировать из одной страны в другую по разным причинам, поэтому значительную часть населения многих стран составляют иностранцы.

В соответствии с законом КНР «о порядке въезда и выезда иностранных граждан из страны» правительство Китая защищает права и интересы иностранцев в Китае. Личная свобода иностранца неприкосновенна. Органы общественной безопасности или государственной безопасности не могут

арестовать иностранца без разрешения и решения Народной прокуратуры или решения Народного суда. Иностранцы должны соблюдать китайские законы и не вмешиваться в национальную безопасность Китая, общественные интересы и общественный порядок Китая.

Пристатейный библиографический список

1. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей Принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1990 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml (дата обращения: 06.11.2021).
2. Конвенция Международной Организации Труда № 97 о трудящихся-мигрантах (пересмотренная в 1949 году) (Женева, 1 июля 1949г.) // Конвенция Международной Организации Труда № 97 о трудящихся-мигрантах (пересмотренная в 1949 году) (Женева, 1 июля 1949) (дата обращения: 06.11.2021).
3. Рекомендация 86 о работниках-мигрантах (пересмотренная в 1949 году). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_r086_ru.htm (дата обращения: 06.11.2021).
4. Конвенция Международной Организации Труда № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении работникам-мигрантам равенства возможностей и обращения (Женева, 24 июня 1975 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2541312/> (дата обращения: 06.11.2021).
5. Рекомендация 151 о работниках-мигрантах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_r151_ru.htm. (дата обращения: 06.11.2021).
6. Конвенция № 117 об основных целях и нормах социальной политики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://consultant.parus.ua/?doc=00Y3XF6A5A> (дата обращения: 08.11.2021).
7. Конвенция 118 о равноправии граждан страны и иностранцев и лиц без гражданства в области социального обеспечения. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c118_ru.htm (дата обращения: 08.11.2021).
8. Ворсина А. И. Трудовые отношения в Китайской Народной Республике: правовое регулирование // Молодой ученый. – 2019. – № 26 (264). – С. 194-196.
9. Сравнительное международное трудовое право: учебник для вузов / Отв. ред. И. Я. Киселев. – М.: Дело, 1999. – 728 с.

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ГУДИЕВ Тамерлан Тамазиевич

аспирант Северо-Кавказского горно-металлургического института (Государственный технологический университет), г. Владикавказ

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ: ПОЛИТИКА ИННОВАЦИЙ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с энергоресурсами, новыми объектами гражданских прав, напрямую зависящими от энергетики и правовым регулированием деятельности вновь создаваемых субъектов гражданских правоотношений на территории Российской Федерации. Проводится анализ построения линии законодательного регулирования процессов работы с цифровой валютой и лицами, ее добывающими на основе анализа нормативной правовой базы зарубежных стран. В работе предлагаются направления по корректировке действующего законодательства.

Ключевые слова: Гражданский кодекс, политика инноваций, цифровизация гражданского общества, объекты гражданских прав, мировые тенденции.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

GUIDIEV Tamerlan Tamazaevich

postgraduate student of the North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University), Vladikavkaz

ON THE ISSUE OF DIGITALIZATION OF CIVIL SOCIETY IN RUSSIA: INNOVATION POLICY

The article deals with issues related to energy resources, new objects of civil rights that directly depend on energy and the legal regulation of the activities of newly created subjects of civil relations on the territory of the Russian Federation. The analysis of the construction of a line of legislative regulation of the processes of working with digital currency and persons extracting it is carried out on the basis of an analysis of the regulatory legal framework of foreign countries. The paper suggests directions for correcting the current legislation.

Keywords: Civil Code, innovation policy, digitalization of civil society, objects of civil rights, global trends.

Любой период истории развития человечества связан с битвами за ресурсы. Изначально это были плодородные земли и вода, наполненная рыбой, выделанные шкуры и орудия труда, затем человеческие ресурсы и, наконец, технологии и энергоресурсы, благодаря которым сегодняшнее человечество не представляет нормальной жизнедеятельности. Спрос на ресурсы является отправной точкой в любом анализе цен на них. В данном вопросе спрос является основой построения такого рынка. Другими словами, спрос на ресурсы зависит от спроса на готовую продукцию и услуги, произведенные из полученных ресурсов.

Электрические ресурсы прямо или косвенно удовлетворяют запросы потребителей таким образом, чтобы продукты и услуги производились или потреблялись. Поэтому никто не станет отрицать, что электричество жизненно важно в современном мире при общей динамике развития и остается незаменимым для оптимального функционирования общества в целом и каждого отдельного человека.

Как известно, потребление энергии является движущей силой не только экономического, но и цивилизованного развития отдельных стран. Крупнейшим потребителем энергии в нефтяном эквиваленте являются США, где на одного жителя приходится более 10 тонн нефтяного эквивалента в год. На втором месте - Европа, 8 тонн в год. В нашей стране на душу населения приходится чуть более 5 тонн в год, в то время как в среднем по миру это составляет 2,8 тонны в год [1].

Однако, если вы посмотрите на страны ОЭСР, которые являются основными потребителями энергии в мире, вы обнаружите, что им не хватает собственных энергетических ресурсов, за исключением Северной Америки, которая должна импортировать 8 тонн в год из Европы. В других наших странах, в том числе и из России.

Каждый хозяйствующий субъект всегда пытается снизить свои затраты на используемые ресурсы, тем более если это энергоресурсы, которые во всех странах достаточно недешевы.

В связи с этим можно столкнуться как с правомерными, так и противоправными способами ухода от оплаты.

С введением в 2019 году гражданским законодательством нового объекта гражданских прав, такого как цифровые права, которые до конца так и не урегулированы нормами действующего законодательства, в России появилось новое направление по работе с такими объектами, в состав которых, в том числе, стали входить «майнеры» и «майнинговые фермы».

Гражданским законодательством не урегулирован статус таких граждан и организуемых ими систем добычи и работы с цифровой валютой или криптовалютой. Поскольку регулированием этого вопроса законодатель начал плотно заниматься только с текущего периода мы сталкиваемся с уже действующей так называемой майнинговой лихорадкой. От которой доход государство не получает, но изрядно теряет энергоресурсы ввиду их кражи майнерами. Стоит рассмотреть решение подобного вопроса о деятельности майнинговых компаний в дружественной нам Республике Беларусь.

Легальный майнинг в Беларуси появился после принятия Декрета № 8 Президента «О развитии цифровой экономики» [2]. Согласно данному нормативному правовому акту, физические лица, добывающие криптовалюту не считаются предпринимателями, а, следовательно, не облагаются налогами. Такое положение будет сохраняться до 2023 года.

И сделано это для того, чтобы укоренить подобную деятельность и дать возможности ее развитию. Однако, если данное лицо привлекает для работы на криптоферме работников, ему нужно зарегистрироваться в налоговом органе. При этом с получением статуса индивидуального предпринимателя гражданин получает право и на выпуск как собственных токенов, так и на производство операций по обмену.

Декрет рассматривает права не только индивидуальных предпринимателей, но и возможных юридических лиц при открытии ими бирж, проведения и участия в торгах и работы с государством. Можно с уверенностью сказать, что данным документом уже заложена основа гражданского законодатель-

ства для работы таких субъектов и регулирования цифровых прав в гражданском обществе Республики Беларусь.

Если подобная основа будет принята и в нашем государстве, то уже сейчас можно будет рассматривать и защиту России от злоупотреблений таких субъектов в области энергоресурсов. Для тех, кто интересуется современными технологиями, не секрет, что основные затраты на майнинг криптовалют, помимо самого оборудования, являются затраты на электроэнергию.

В настоящее время в России принят федеральный закон № 256 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [3]. На основании данного нормативного правового акта можно увидеть разделение криптовалюты по типам, то есть без обязательного лица и с налогообложением организации либо эмитента. Интересным является тот факт, что в соответствии с законодательством о несостоятельности сегодня такую цифровую валюту относят к имуществу. Однако, с помощью имущества физические и юридические лица имеют возможность оплатить долги, возместить ущерб и вообще выделить его для оплаты каких-либо своих интересов.

Вот только основой рассматриваемого нами федерального закона является постулат, что данного рода валютой невозможно расплачиваться. Это означает, что ее можно покупать, продавать, хранить, но не использовать в качестве оплаты.

Таким образом, сегодня в России криптовалюту нельзя использовать в расчетах и невозможно ничего на нее покупать. Законодателем разрешен определенный перечень действий с цифровой валютой. К ним относятся покупка, продажа и майнинг (майнинг эфира).

В соответствии с действующим законом при «домашнем майнинге» не нужно проводить никаких оплат, кроме подоходного налога. Но если вы купили ферму на заводе, промышленном предприятии, вложили в нее деньги, вам придется заплатить за это реальные (фиатные) деньги. Но никто не сможет получить от вас проценты за криптовалюту. Теперь же могут возникнуть вопросы, ответы на которые у настоящего закона не предусмотрены. Они связаны с возможностью дачи займов в крипте, проблемой ее внесения в уставный или складочный капитал, права собственника на бартер цифровой валюты на иное имущество и многое другое.

Теперь вопросы, связанные с налогообложением. В соответствии с действующим налоговым законодательством и так как криптовалюта считается имуществом, то при ее продаже следует помнить об оплате налога на доходы как физических, так и юридических лиц. Стоит отметить, что в отличие от различных товаров, драгоценных металлов и иных, криптовалюта не облагается налогом на добавленную стоимость. Кроме того, такую валюту не облагают и налогом на недвижимость. Для уплаты налога следует всего лишь заполнить декларацию по форме 3-НДФЛ [4]. Конечно, при таком расчете стоит вычитать расходы на майнинг, то есть компьютеры и электричество. И тут мы снова сталкиваемся с желанием экономии средств на энергоресурсы.

С 2017 г. начались постоянные попытки недобросовестных коммерсантов сократить свои затраты и повысить прибыль путем кражи электроэнергии для целей майнинга криптовалют. Таких «предпринимателей» называют «чёрными майнерами». Деятельность «чёрных майнеров» не только приводит к экономическому ущербу (убыткам) энергокомпаний, но также создает угрозу перегрузки сетей и риски возникновения аварий. В связи с этим проводится системная работа по выявлению предприятий, незаконно потребляющих электроэнергию. Хочется отметить, что сами площадки для размещения майнинговых ферм могут быть разные – от бывшего тепличного комплекса в небольшом поселке Мурманской области до жилого дома в престижном районе Москвы. Лидером по кражам энергии на сегодня является Дагестан (на Республику приходится около 50% всех выявленных случаев) [5].

За период времени с 2019 по 2022 год в республике выявлено «Россебью» более 45 случаев кражи электричества жителями, занимавшимися добычей криптовалюты. Майнинг-хищения энергетиками выявлены в 2019-2021 гг. Объем похищенного ресурса – 45.915 млн кВт\ч. Стоимость «украденных» майнерами киловатт-часов 233 млн рублей. Миллионные хищения путем несанкционированного энергопотребления при добыче криптовалюты были зафиксированы в Дагестане, Ингушетии.

В Северной Осетии в мае 2021 г. было выявлено два факта незаконного потребления майнерами электроэнергии. Хищения обнаружили энергетики во Владикавказе и поселке За-

водском. Суммарный объем украденного ресурса превышает 615 тысяч кВт\ч на 2,6 млн рублей. Незаконное энергопотребление при получении криптовалюты осуществлялось на оборудованных предприятиях в частных домовладениях. В одном случае майнеры на протяжении трех месяцев незаконно расходовали ресурс путем безучетного энергопотребления.

Неучтенное потребление ресурса (хищения) приводят к перепадам напряжения, технологическим нарушениям в работе энергообъектов. Следовательно, хищения напрямую влияют на качество и надежность электроснабжения и жителей республик, и социальных структур. И самое главное – эта незаконная деятельность опасна для жизни как самого нарушителя, так и добросовестных потребителей. Именно поэтому в энергокомпаниях уделяют повышенное внимание предотвращению хищений электроэнергии.

В связи с возникшей проблемой думается законодателю стоит обратить внимание на придание гражданско-правового статуса лицам, желающим осуществлять деятельность по майнингу начиная от обычных физических лиц и до статуса ИП и юридического лица. Закрепить в законе из права и обязанности, а также решить вопрос с гражданско-правовой, административной и уголовной ответственностью за правонарушение в области майнинга, налогов, электроэнергетики.

Кроме того, стоит рассмотреть тарифы для всех категорий не бытовых потребителей. На сегодняшний день тарификация оплаты не имеет какого-либо видимого разделения, что наносит определенный вред в виде убытков предприятиям и иным юридическим лицам, а также гражданам, что в конечном итоге и приводит к вопросам ухода от реальной оплаты и совершению правонарушений в области кражи энергоресурсов. Это позволит повысить прозрачность и администрирование платежей. Стоит также рассмотреть возможности и создать механизм адресной социальной поддержки социально-уязвимых групп, установив для остальных граждан постепенный переход до экономически обоснованного уровня тарифов. В дальнейшем возможны иные методы администрирования, например, для стимулирования внедрения инновационных технологий или повышения энергоэффективности.

Таким образом, развитие IT в государстве не нанесет ущерба энергоресурсной отрасли, а само государство встанет на новые рельсы и получит возможность ускоренного цифрового развития. Кроме того, стоит задуматься и над изменением статуса криптовалюты и наделением ее иными правами, например правом выступать денежной единицей при системе расчетов и платежей. Это поможет развитию направления цифровизации и расширению возможностей государственно-го сектора по оплате различных проводимых сделок.

Пристатейный библиографический список

1. Мировые энергетические ресурсы и потребление. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.frwiki.wiki/wiki/Ressources_et_consommation_énergétiques_mondiales (дата обращения: 03.03.2022).
2. Легальный майнинг: обзор законодательства Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://jurisprudent.by/legalnyj-majning-obzor-zakonodatelstva-respubliki-belarus/> (дата обращения: 03.03.2022).
3. Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baza.np.ru/gd-rf-zakon-n259-fz-ot31072020-h4836284/> (дата обращения: 03.03.2022).
4. Справочная информация: «Формы налогового учета и отчетности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32451/050dab7bf2719443069796794ea8b061c633ad2/ (дата обращения: 03.03.2022).
5. Дагестан подтверждает статус лидера по масштабам подпольного майнинга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://coinspot.io/law/russia_sng/dagestan-podtverzhdet-status-lidera-po-masshtabam-podpolnogo-majninga/ (дата обращения: 03.03.2022).

МАНАЕНКОВА Марина Валерьевна

магистрант Юридического факультета Забайкальского государственного университета

КИСЕЛЕВА Надежда Анатольевна

кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Забайкальского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В работе исследуется правовая природа возникновения права собственности на драгоценные металлы, изучается научно-теоретический подход к драгоценным металлам и камням как объектам гражданского права, в ходе анализа делается заключение о противоречивой природе драгоценных металлов, рассматриваемых как продукция от пользования недр и как эквивалент деньгам. Множество пробелов в нормативно-правовом регулировании золотодобычи представляется с точки зрения соотношения норм гражданского права, конституционных норм и норм федерального законодательства, устанавливающего ограничения в сфере оборота драгоценных металлов и золота. Ограничения в правосубъектности участников золотодобывающей промышленности негативно влияют на состояние всего рынка золота и драгоценных металлов в целом, приводя к его монополизации, убыточности и неконкурентоспособности.

Ключевые слова: драгоценные металлы, драгоценные камни, золотодобывающие предприятия, правовой режим, правовая природа, золото, недра, недропользование, золотодобыча, собственность, правовое регулирование, деньги, недвижимое имущество.

MANAENKOVA Marina Valerjevna

magister student of the Law Faculty of the Transbaikalian State University

KISELEVA Nadezhda Anatoljevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, Head of Civil law disciplines sub-faculty of the Trans-Baikalian State University

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF THE GOLD MINING ENTERPRISE

The author investigates the legal nature of the emergence of ownership of precious metals, studies the scientific and theoretical approach to precious metals and stones as objects of civil law, in the course of the analysis a conclusion is made about the contradictory nature of precious metals, which the author considers as products from the use of subsoil and as the equivalent of money. Many gaps in the legal regulation of gold mining are considered from the point of view of the relationship between the norms of civil law, constitutional norms and the norms of federal legislation that imposes restrictions on the turnover of precious metals and gold. Restrictions on the legal personality of participants in the gold mining industry negatively affect the state of the entire gold and precious metals market as a whole, leading to its monopolization, loss-making and non-competitiveness. At the same time, individual miners are leaving the shadow sector, depriving the state of taxes.

Keywords: precious metals, precious stones, gold mining enterprises, legal regime, legal nature, gold, subsoil, subsoil use, gold mining, property, legal regulation, money, real estate.

Проблемы правовой природы драгоценных металлов и правового регулирования сферы их добычи представляет большой исследовательский интерес и подтверждение тому можно найти в работах М.А. Зинковского [1], С.И. Поповой [3], С.А. Ребровского [4], А.Ю. Федорова [7] и многих других. Наличие множества пробелов и проблем в правовом регулировании данных отношений связано, с одной стороны, с избыточностью, зарегулированностью сферы добычи драгоценных металлов и камней, с другой, с тем, что законодатель не желает соглашаться с доктриной гражданского права и пытается урегулировать административно-правовыми актами и предписаниями отрасль общественных отношений, которая должна иметь, прежде всего, гражданско-правовое регулирование. Добыча драгоценных камней и металлов изначально сталкивается с проблемой отсутствия со стороны государства необходимого подхода, основанного на доктрине и науке гражданского права, к вопросу определения и установления правового режима самого предмета добычи – драгоценных металлов и камней. Очевидно, на наш взгляд, истоки проблемы заключаются в том, что из-за специфических особенностей добычи и определения стоимости добываемых

ресурсов их цены определяются по ценам мирового рынка в соответствии с Приказом Минфина России от 19 декабря 2014г. №155, правовой режим драгоценных металлов и камней на настоящий момент определяется как нечто среднее между правовым режимом денег и плодов, полученных от использования недр земли как одной из разновидностей недвижимого имущества¹.

Согласно ч. 1 ст. 130 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), земельные участки, участки недр, а также все то, что прочно связано с землей, относится к недвижимым вещам². В соответствии с нормой ст. 136 ГК РФ плоды, продукция и доходы от ис-

1 Приказ Минфина России от 19 декабря 2014 г. № 155н «О порядке определения цен на драгоценные металлы, драгоценные камни и изделия из них, приобретаемые в установленном порядке и поступающие в Госфонд России по иным основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации, а также отпускаемые из него» // Официальный интернет-портал правовой информации – 05.05.2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71003766/>.

2 Гражданский Кодекс РФ часть 1 от 30.11.1994г. № 51-ФЗ // РГ – 08.12.1994 г. – № 238-239.

пользования вещи принадлежат собственнику этой вещи вне зависимости от того, кто и на каком праве использует данную вещь. Одной из черт, определяющих правовую природу драгоценных камней и металлов, как объекта добычи добывающего предприятия является их высокая стоимость, однако тот факт, что они прочно связаны с недрами, которые признаются согласно гражданскому законодательству недвижимым имуществом, указывает на их противоречивую правовую сущность. Так, деньги как объект гражданского права характеризуются высокой ликвидностью – способностью быстро оборачиваться в сфере гражданского оборота [6]. Недвижимое же имущество характеризуется отсутствием подвижности в рамках гражданского оборота – подвижность и ликвидность недвижимого имущества связаны лишь с его нематериальной составляющей – правами на недвижимое имущество, которые переходят от одного правообладателя к другому. Таким образом, как отмечают в своей работе М.А. Сажина и О.А. Зарайская, основообразующим элементом правовой природы недвижимости, к которой относятся недра как источники драгоценных камней и металлов, является прочная связь с землей и невозможность разрыва данной связи без причинения ущерба самому объекту недвижимого имущества [5]. При этом ученые рассматривают недвижимость не только с научной точки зрения в качестве вещи и объекта гражданского права как фундаментальной научной категории, но и с экономической стороны, обнаруживая высокую стоимость недвижимого имущества как экономическое обоснование привлекательности такого объекта прав для гражданского оборота. Это указывает на общий объединяющий признак драгоценных металлов и камней как продукции, полученной от использования участков недр (недвижимого имущества) и денег как объектов гражданского права, являющихся наиболее точным и близким эквивалентом драгоценных металлов и камней – это их высокая стоимость. В отличие от недвижимого имущества, которое неразрывно связано с землей и имеет хотя и высокую стоимость, и ценность, но невысокую оборачиваемость, деньги имеют максимальную ликвидность и быстро оборачиваются. Драгоценные металлы совмещают в себе правовые признаки денег и имущества, полученного из недр земли, то есть, косвенно связаны с недвижимым имуществом. Таким образом, драгоценные металлы совмещают в себе высокую и низкую оборачиваемость и обладают ликвидностью, близкой к деньгам.

Однако противоречие правового статуса драгоценных металлов состоит в том, что камни и драгоценные металлы получены от пользования недвижимостью как максимально неподвижным объектом гражданского права, но стоимостный эквивалент их связан с деньгами – объектом гражданского права, имеющим максимальную подвижность, оборачиваемость и ликвидность.

Правовое регулирование добычи драгоценных металлов также противоречиво и изобилует пробелами в своем составе. Так, драгоценные металлы и камни определяются не только как объекты гражданского права, но в соответствии с федеральным законодательством в качестве объектов добычи добывающей промышленности. Так, согласно ст.1 Федерального закона № 41 «О драгоценных металлах и камнях» драгоценными металлами признаются платина, серебро, золото, металлы платиновой группы (иридий, родий, палладий, осмий и рутений). Допускается нахождение драгоценных металлов в любых состояниях, а также в сырье, сплавах, про-

мышленных продуктах, соединениях, ювелирных изделиях и проч.³

Под добычей, согласно нормам федерального законодательства, понимается извлечение из коренных, рудных, рудных и иных месторождений непосредственно драгоценных металлов с получением концентрата, состоящего из драгоценного металла.

Из этого следует заключить, что для организации золотодобывающего предприятия необходима реализация одной из предусмотренных законом организационно-правовых форм юридического лица с разрешением на деятельность в сфере недропользования [2]. Важнейшей нормой, составляющей суть ФЗ № 41, является правило, устанавливающее собственность на драгоценные камни и металлы. В соответствии с п. 4 ст. 2 ФЗ № 41 добытые из недр драгоценные камни и металлы, а также иная продукция и доходы, правомерно полученные при добыче драгоценных камней и металлов, являются собственностью субъекта добычи драгоценных металлов и камней, если иное не установлено лицензией на их добычу, договорами поставок, а также международными договорами РФ.

Собственниками незаконно добытых металлов и драгоценных камней является Российская Федерация. Норма п. 3 ст. 2 ФЗ № 41 устанавливает прямую связь между правовым регулированием режима собственности драгоценных камней и металлов с правилами недропользования, по которым только лицензия, выданная субъекту добычи драгоценных камней и металлов на соответствующую деятельность, влечет установление права на пользование участков недр, содержащих драгоценные металлы и камни. Это строго ограничивает количество субъектов добывающей деятельности, снижает конкуренцию и повышает административные барьеры в данной сфере промышленного производства, что влечет увеличение административно-правового регулирования и, как следствие, повышение конечной цены на продукцию. Кроме того, такое регулирование влечет повышение доли субъектов предпринимательской деятельности с аффилированным государственным участием, поскольку лицензирование также осуществляется государственными структурами.

Все это влечет ограничение числа субъектов гражданского оборота, у которых может возникать право собственности на добываемые драгоценные металлы и камни – по действующему законодательству это могут быть исключительно юридические лица, получившие лицензию от государственного органа в установленном порядке. Граждане, которым согласно действующей Конституции РФ, может принадлежать право на землю, заведомо исключаются из субъектов собственности на драгоценные металлы и камни. Собственность на земельный участок, к которому может быть отнесена и собственность на недра, не влечет для гражданина собственности на добываемые из этих недр природные объекты, в том числе, драгоценные камни и металлы.

Все недостатки подобного правового положения отражены Д.О. Шнигером в его исследовании, где автор отмечает, что первичным основанием возникновения права собственности на драгоценные камни и металлы следует признать их добычу субъектами недропользования. Несмотря на то, что ФЗ № 41 запрещает индивидуальную старательскую добычу, недропользование как вид деятельности для физических лиц разрешен законом. Так, в соответствии со ст. 1.2 Закона № 2395-1 «О недрах» полезные ископаемые и иные ресурсы, полученные в рамках лицензии, могут находиться также и в

3 Федеральный закон от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» // РГ – 07.04.1998 г. – № 67.

собственности частных лиц⁴. Это требует внесения изменений в законодательство о лицензировании с разрешением для граждан получать лицензии на индивидуальную старательскую золотодобывающую и иную добывающую деятельность. Существующие недочеты, которые позволяют возникать праву собственности на добытые драгоценные камни и металлы лишь у государства, юридических лиц с лицензией или публично-правовых образований, по мнению Д.О. Шнигера, содержит существенные недостатки – драгоценные камни и металлы, добываемые индивидуальными старателями, выводятся в серый «теневой» оборот, что только стимулирует развитие нелегального «серого» рынка драгоценных камней и металлов. Все это только вредит российской экономике в связи с тем, что из-под налогообложения выводятся существенный объем средств. Ученый также предлагает разрешить государству выдавать лицензии индивидуальным старателям на право добычи драгоценных камней и металлов, поскольку это не противоречит и законодательству о недропользовании, а также положениям гражданского права: в соответствии со ст. 9 Закона № 2395-1 «О недрах» пользователями недр могут являться субъекты предпринимательской деятельности, что не устанавливает ограничений на участие индивидуальных предпринимателей в золотодобыче [8].

Существует еще ряд пробелов в правовом регулировании золотодобычи со стороны государства. Во-первых, необходимо отметить, что, если золотодобывающая деятельность отнесена законом к разрешенной деятельности только для юридических лиц, значит она является предпринимательской деятельностью, в связи с чем усматриваются все основания для отнесения ее к деятельности гражданско-правового характера, осуществляемой на свой риск в целях извлечения прибыли. В то же самое время если добыча золота или иных драгоценных металлов влечет за собой основания возникновения права собственности на них, то необходимо проанализировать состав и структуру таких оснований с точки зрения доктрины гражданского права.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 218 ГК РФ право собственности на новую вещь, изготовленную или созданную лицом, приобретается этим лицом. Право собственности на плоды, продукцию и доходы, полученные от использования имущества, приобретается по правилам ст. 136 ГК РФ. Таким образом, необходимо отграничить основания возникновения права собственности на добываемые камни и драгоценные металлы по нормам ст. 136 ГК РФ и ст. 218 ГК РФ, то есть, необходимо определить правовой статус драгоценных металлов и камней либо как новой вещи, изготовленной или созданной субъектом недропользования, либо как плоды, продукцию или доходы от пользования земельным участком с установлением в таком случае распределением собственности между собственником участка и недропользователем. Во втором случае недропользователь будет предварительно претендовать на получение осваиваемого участка недр в собственность, что влечет определенные сложности, поэтому более предпочтительным будет являться первый вариант распределения по правилам ст. 218 ГК РФ.

До тех пор, пока эта проблема не разрешена, золотодобывающая отрасль, равно как и иная отрасль, добывающая драгоценные камни и металлы, обречена на административное давление государства и невозможность работать в рыночных условиях, эффективно осуществляя права собственника.

Таким образом, существующий правовой режим регулирования добычи драгоценных металлов требует суще-

ственных изменений. Прежде всего, на наш взгляд, необходимо изменить сам подход к основаниям возникновения права собственности при добыче драгоценных металлов. Следует ориентироваться не только на нормы гражданского права, но и учитывать, что согласно ч. 2 ст. 9 Конституции РФ земля и другие природные ресурсы могут находиться, в том числе, и в частной собственности⁵.

На наш взгляд, одной из возможных моделей золотодобычи могло бы стать разрешение коренным народам, населяющим территории с разрабатываемыми недрами, приобретать в собственность такие земельные участки с установлением определенного уровня налогообложения в зависимости от оценки перспективности разрабатываемых недр, что возможно было бы получить путем независимых инженерно-изыскательских геологических работ и соответствующих экспертиз. Кроме того, в отношении индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, ведущих золотодобычу, должен осуществляться тщательный налоговый контроль для недопущения вывода активов за пределы государства. Демонополизация золотодобывающей отрасли и снижение административных барьеров в данной сфере может стать основой для успешного развития экономики в целом, если вспомнить «бум золотодобычи», который позволил спасти экономику США после Великой депрессии в конце 1930-х годов⁶.

Пристатейный библиографический список

1. Зинковский М.А. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере оборота драгоценных металлов в обезличенной форме: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 241 с.
2. Краденых И.А., Барчуков А.В. Золотодобывающие предприятия: механизм роста за счет слияния и поглощения // Региональная экономика: теория и практика – 2014. – № 30 (357). С. 2-10.
3. Попова С.И. Гражданско-правовое регулирование сделок с драгоценными металлами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 196 с.
4. Ребровский С.А. Гражданско-правовое регулирование обезличенного металлического банковского счета: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 208 с.
5. Сажина М.А., Зарайская О.А. Недвижимость в науке и практике // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 59. С. 189-211. EDN XHNEVL.
6. Трофимов К.Т. Правовая природа денег. Очерк сравнительного исследования // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 2. С. 130-144.
7. Федоров А.Ю. Драгоценные металлы как объекты гражданских правоотношений по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 225 с.
8. Шнигер Д.О. Драгоценные камни и драгоценные металлы как объекты гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 28 с.

5 Конституция РФ от 12.12.1993 г. (с попр.от 14.03.2020г. № 1-ФКЗ) // РГ – 04.07.2020 г. – № 144.

6 История золотого запаса и золотого стандарта в США – режим доступа: <https://zolotodb.ru/article/12193>.

4 Закон РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» // РГ – 05.05.1992 г. – № 102.

ПАДИРЯКОВ Александр Викторович

руководитель проектов, Государственная корпорация «Ростех»

СООТНОШЕНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В НАТУРЕ И ВЗЫСКАНИЯ УБЫТКОВ В АНГЛИИ

В настоящем исследовании предлагается взгляд на понятия исполнения обязательства в натуре и взыскания убытков в Англии. Проведенное сравнение категорий исполнения обязательства в натуре и взыскания убытков в Англии показывает историю развития и особенности применения указанных институтов. Разные правовые семьи накладывают свой отпечаток на средства правовой защиты и их механизмы. Применение одного и того же средства защиты имеет не только разные механизмы, но и идеологию.

Ключевые слова: убытки, заранее оцененные убытки, исполнение в натуре, Англия, Россия.

PADIRYAKOV Aleksandr Viktorovich

project manager, State corporation "Rostec"

THE INSTITUTES OF SPECIFIC PERFORMANCE AND DAMAGES IN ENGLISH LAW

The present research offers the overview of specific performance and damages under English law. The overview of the specific performance and damages under English law shows both history of development and specific features of implementation of the said instruments. The difference between the legal systems entails the differences in remedies available and mechanisms of implementation of the latter. The implementation of the same remedies could be based not only on different mechanics but different ideology.

Keywords: damages, liquidated damages, specific performance, injunction, indemnity, remedies, England, Russia.

Как многократно отмечалось в исследованиях по истории развития исполнения в натуре в Англии [1, с. 20], общее право не знало соответствующего иска. Кроме денежных обязательств и обязательств воздержаться от действий, все другие обязательства не могли быть принудительно исполнены путем обращения в суд, а должник мог избежать исполнения предоставив соответствующую денежную компенсацию.

Но с развитием права справедливости (law of equity) иск об исполнении в натуре (action for specific performance) стал возможен в ряде случаев.

Исполнение в натуре является средством правовой защиты по праву справедливости, при помощи которого происходит принудительное исполнение позитивных договорных обязательств должника, то есть действий, которые он обязался осуществить. Таким образом исполнение в натуре – это средство правовой защиты, охраняющее право кредитора получить то, на что он рассчитывал при заключении договора. Английские правоведы исходят из того, что основанием необходимости такого средства защиты в конечном счете является норма морали, предполагающая необходимость исполнять обязательства (соблюдать обещания) [2, с. 456]. Судебные приказы о запрете действий также направлены на принудительное исполнение договорных обязательств, но носящих негативный характер, то есть предусматривающих воздержание от определенных действий.

Интересно отметить, что, по мнению ряда представителей английской доктрины, правонарушение не является обязательным условием для реализации требования об исполнении в натуре в отличие от взыскания убытков и неустойки. Так известный правовед Э. А. Т. Снелл указывал, что иск о принудительном исполнении основывается на простом наличии договора и обстоятельств, позволяющих считать справедливым вынесение соответствующего постановления [3, para 40-03]. При этом на практике именно правонарушение действительное или угроза ко-

торого существует делает справедливым вынесение соответствующего постановления¹.

Важнейшим отличием исполнения в натуре в английском праве от возмещения убытков является то, что данное средство правовой защиты может быть использовано не при каждом нарушении договора.

Так учитывая тот факт, что исполнение в натуре как средство правовой защиты, предусмотренное правом справедливости, является исторически «вторичным» по отношению к средствам правовой защиты, предусмотренным общим правом, оно может быть использовано только в случае, если кредитор докажет, что возмещение убытков не является адекватной компенсацией в его случае. В континентальных системах права, включая немецкую и российскую данное условие исполнения в натуре отсутствует. В связи с этим важно отметить, что английский подход по общему правилу исключает принуждение в отношении участников торгового оборота, на наш взгляд, в большей степени соответствует природе гражданского права. Абсолютно верным представляется высказывание профессора Барроуса, отметившего, что присуждение к исполнению в натуре в большей степени ограничивает свободу индивидуума по сравнению с возмещением убытков, так как предполагает осуществление в отношении него принуждения [2, с. 473].

Также можно отметить, что кредитор, рассчитывающий на исполнение обязательств в натуре, фактически не имеет стимулов к уменьшению размера своего ущерба, в то время как кредитор, стремящийся к возмещению убытков, должен производить соответствующие действия под угрозой образования разницы между присужденными ему убытками и размером ущерба, который не был им уменьшен при наличии соответствующей возможности.

Иностранцами правоведом также отмечается, что возмещение убытков окончательным образом разрешает спор,

¹ Hasham v Zenab [1960] AC 316; Maudsley (1960) 76 LQR 200.

в то время как присуждение к исполнению в натуре может провоцировать трения между сторонами при использовании данного средства правовой защиты [4, с. 495].

Также верной и достойной внимания представляется идея, изложенная профессором Барроусом, о том, что присуждение исполнения в натуре в ряде случаев может ставить кредитора в более выгодное положение для проведения переговоров и заключения сделки с должником, в том числе, после вынесения судебного решения по сравнению со случаем присуждения возмещения убытков [2, с. 473]. Так, в английской доктрине существует позиция, согласно которой в случае, если прибыль от правонарушения превышает ущерб кредитора, в интересах обеих сторон договориться, что должник передаст кредитору часть своей прибыли в обмен на возможность совершения правонарушения. Очевидно, что присуждение к исполнению в натуре не способствует нахождению сторонами такого взаимовыгодного компромисса [2, с. 22.].

Представители экономического анализа права выдвинули существенные аргументы против присуждения к исполнению в натуре и соответственно за возмещение убытков, разработав теорию «эффективного нарушения договора».

Основой данной теории является идея о том, что, если договор предусматривает получение кредитором от должника исполнения в обмен на уплату денежной суммы, исполнение представляет определенную ценность для должника. Считается, что ценность для участника торгового оборота соответствует прибыли, получение которой ожидается в результате получения исполнения. Свободный рынок становится максимально эффективным, если с его помощью, ресурсы направляются к тем лицам, для которых они представляют наибольшую ценность и имеют наибольшее значение. Для того, чтобы способствовать этому право должно позволять и поощрять возможность неисполнения должником договора, если это приведет к более эффективному распределению ресурсов, их направлению тем лицам, которые придают им большую ценность, чем кредитор по договору. Очевидно, что такое средство правовой защиты как возмещение убытков в большей степени позволяет реализовать теорию «эффективного нарушения договора», чем присуждение к исполнению в натуре.

Также заслуживает внимания как играющая важную роль в доктрине англо-американской системы права, касающейся соотношения исполнения в натуре и возмещения убытков теория «учета намерения сторон» профессора Кронмана [5, статья 4]. Данный ученый, на наш взгляд, не без оснований предположил, что действующий в Англии ограничительный подход к присуждению исполнения в натуре, является экономически наиболее эффективным, так как рационально действующие стороны, согласовывая средства защиты права для закрепления в договоре, скорее всего выберут исполнение в натуре только для случая уникального предмета договоренности. На взгляд профессора Кронмана в случае, если законодательное регулирование исходит из тех же предпосылок, транзакционные издержки минимизируются. Во многих случаях это справедливо, учитывая фактическую сложность принуждения должника к исполнению в натуре. Вместе с тем весьма интересным представляется мнение профессора Шварца, указавшего, что стороны в аналогичной ситуации могут выбрать в качестве средства правовой защиты присуждение к исполнению в натуре в случае заранее предполагаемой сложности расчета убытков [6, статья 1118]. На основе анализа позиций данных ученых можно сделать вы-

вод о том, что правовое регулирование выбора средства правовой защиты между присуждением к исполнению в натуре и возмещением убытков должно преследовать цель полной компенсации ущерба кредитора при отсутствии излишних обременений должника. Считаем разумным, чтобы правовое регулирование исходило из того, что от должника не требуется совершения больших усилий, чем это необходимо для компенсации ущерба, соответственно во всех случаях, когда исполнение в натуре требует приложения усилий сверх этой меры вместо исполнения в натуре должно применяться возмещение убытков.

Следует отметить, что в английской судебной практике была разработана концепция отказа в удовлетворении иска о принуждении к исполнению в натуре в случае, когда исполнение в натуре будет слишком обременительным для должника.

Так в деле *Denne v Light* суд отказал в иске об исполнении в натуре против покупателя сельскохозяйственного участка в отношении которого отсутствовала возможность доступа через соседние земельные участки². Аналогичным образом в деле *Nore v Walter* суд посчитал несправедливым принуждение покупателя к исполнению сделки по приобретению дома, который его арендатор использовал в качестве борделя, что не было известно сторонам договора купли-продажи³.

Для лучшего понимания подходов английских судов и истоков сложившейся судебной практики представляется небесполезным обратиться к ряду ключевых исторических дел по данному вопросу.

Очень интересным и оказавшим большое влияние на развитие английского права является дело *Lumley v Wagner*⁴.

В ноябре 1851 года г-жа Вагнер заключила договор с антрепренером королевского театра Лэмли, по которому она обязалась петь в этом театре в течение трех месяцев, при этом отдельно было оговорено, что она не вправе участвовать в спектаклях или концертах без письменного разрешения антрепренера. Однако, г-жа Вагнер заключила новый договор с антрепренером королевской итальянской оперы, в котором обязалась расторгнуть прежний договор и петь в итальянской опере. Лэмли предъявил иск к г-же Вагнер о воспрепятствовании ей участвовать в спектаклях итальянской оперы. Иск был выигран.

Рассматривая дело против госпожи Вагнер, Лорд-Канцлер (дело слушалось в суде справедливости) указал: суд не может понудить к реальному исполнению некоторых договоров, к числу которых принадлежат договоры о личных услугах. Но в данном случае имелось негативное условие - ответчик не в праве участвовать в каких-либо других спектаклях и к исполнению этого условия, к воздержанию от известного действия, он может быть понуждаем судом. К моменту вынесения этого решения уже имел место прецедент. Причт одной церкви заключил с местным обывателем договор, которым обязался не производить по утрам в пять часов колокольного звона, в качестве вознаграждения за это от обывателя получена сумма, необходимая для устройства церковных часов и купола. Нарушение этого договора повлекло за собой предъявление иска, и суд обязал причта не производить звон в течение жизни контрагента этого договора. Это было в первой четверти 18 века.

2 (1857) 8 De GM&G 774. См. также *Gravesham Borough Council v British Railways Board* [1978] Ch 379 at 405.

3 *Wroth v Tyler* [1974] Ch. 30 Ch.

4 *Lumley v Wagner* [1852] EWHC (Ch) J96.

Как бы то ни было, в правильности решения по делу *Lumley v Wagner* было не очень много сомнений и суд впоследствии перестал обращать внимание на то, имеется ли в договоре условие отрицательного характера. Он прямо обязывал к воздержанию от известных действий, нарушающих контракт, хотя бы в нем такого условия не было. Считалось, что условие само собой вытекало из обязательств положительного свойства. Но передвижение центра тяжести от формы к существу вызвало необходимость в установлении нового принципа, которым следует руководствоваться в делах подобного рода. Это и было сделано в деле *Donell v. Bennett* в 1883 году⁵.

В данном деле одна из сторон договора обязалась поставлять другой определенные товары (рыбная продукция), при этом одним из условий было то, что она не вправе продавать их никому другому в течение двух лет. Судом было сформулировано следующее положение. Если по характеру договора нарушение его может быть вполне возмещено присуждением убытков, то суд не вправе вмешиваться, не вправе понуждать к его реальному исполнению, хотя бы в договоре и имелось условие отрицательного свойства. Напротив, если вред от нарушения договора не может быть возмещен убытками, то необходимо понуждение к его реальному исполнению, хотя бы в нем и не было условия отрицательного свойства. В данном случае судья обязал ответчика не продавать товар никому, кроме истца в течение срока договора.

Но общее положение, установленное в этом деле, привело к совершенно иным практическим результатам в деле одной химической компании и ее управляющего, слушавшемся в 1891 году⁶. Ответчик Хардман обязался управлять заводом этой компании в течение некоего количества лет и посвящать все свое время этому делу.

Тем не менее, он в течение срока службы проявил желание бросить ее и деятельно занялся образованием новой компании. Низшая инстанция суда постановила обязать ответчика не посвящать своего времени каким-либо другим занятиям. Но апелляционный суд отменил решение. В мотивах решения сказано: принятое на себя кем-либо обязательство исполнить что-либо заключает в себе в известном смысле обязательство отрицательного свойства не делать чего-либо не совместимого с тем, что он обязался сделать. Если я обязался быть в определенное время в определенном месте, то этим самым я обязался не быть в это же время в другом месте и т.д. Но из этого никоим образом не следует, что если кто-либо обязался что-либо делать, то он уже не в праве делать чего-либо другого, не соответствующего этому обязательству. А между тем требование истцов в сущности сводится к тому, что ответчик должен быть или осужден на полное бездействие, или исполнить обязательство. Так далеко суд не может идти в стремлении понудить к реальному исполнению. Единственным средством в данном случае является иск об убытках, как бы трудно не было возместить нанесенный вред определенной суммой денег.

Тем не менее в деле *Grimston v Cunningham*, слушавшемся в 1894 году⁷ близком по содержанию к делу *Lumley v Wagner* (рассмотрено выше), суд вновь вынес решение о принуждении к реальному исполнению. Ответчик Канингом обязался участвовать в артистическом товариществе, объезжавшем страну. По договору никто из членов товарищества

не в праве был выступать в каком-либо театре или участвовать в каком-либо спектакле без специального разрешения лица, поставленного во главе товарищества. Однако во время артистического турне между ответчиком и главой товарищества произошел конфликт, ответчик заключил контракт с владельцем театра и выступил там. Глава товарищества предъявил иск об убытках и об исполнении в натуре. Судья, обязав ответчика не участвовать без позволения главы товарищества в каких-либо представлениях, кроме тех, которые будут даны товариществом, мотивировал это решение тем, что убытки, которые могут быть присуждены за нарушение этого договора, не соответствуют ущербу, который может быть причинен. Необходимо побудить ответчика к реальному исполнению договора. Следует, однако, отметить, что цель эта достигается средствами, которые уже признаны недопустимыми судом в предыдущем решении. В данном случае ответчик или осужден на полное бездействие, или вынужден исполнять договор.

Из приведенного выше анализа основных сложившихся подходов и наблюдаемых тенденций развития института исполнения в натуре можно сделать вывод, что Россия и Англия исходят из противоположных принципов: первая - из принципиальной возможности принуждения к реальному исполнению обязательств, а вторая - из принципиальной возможности для должника заменить реальное исполнение на выплату денежной компенсации. Эта разница особенно видна на более высоком уровне сравнения - на уровне правовых систем. Позиция континентального права строится на идее моральности права, на принципе *pacta sunt servanda*, «святости» взятого обязательства. Подход же общего права основан в большей степени на идее экономической целесообразности.

Пристатейный библиографический список

1. Карапетов А.Г. Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре. М.: Статут, 2003.
2. Burrows A. Remedies for Torts and Breach of Contract. Oxford University Press, 2004.
3. McGhee J., Snell E. A. T. Snell's Equity (30th edn, 2000).
4. John P. Dawson, Specific Performance in France and Germany, 57 MICH. L. REV. 495 (1959).
5. Kronman, Anthony T. (1978) Specific Performance, University of Chicago Law Review: Vol. 45: Iss. 2, Article 4.
6. Schwartz, Alan, The Case for Specific Performance (1979). Faculty Scholarship Series. Paper 1118.

5 Donell v. Bennett (1883) L. R. 22 Ch. D. 835.

6 Whitwood Chemical Co v Hardman [1891] 2 CH. 416.

7 Grimston v Cunningham [1894] 1 QB 125.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-178-182

РЯБУС Ольга Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия, мировой судья судебного участка № 1 Пролетарского судебного района г. Ростова-на-Дону

ТРИФОНОВА Кристина Васаковна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, доцент кафедры гражданского права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ПОХОДЕЕВА Кристина Евгеньевна

студент 4 курса Юридического факультета Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ЧЕРНОПЯТЕНКО Анастасия Владимировна

студент 4 курса Юридического факультета Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

Рябус О. А.

Трифонова К. В.

АВТОРСКИЕ ПРАВА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Статья посвящена особенностям охраны и защиты авторских прав иностранных граждан в РФ. Особое внимание уделено становлению международно-правовой основы авторских прав граждан. Рассмотрены примеры судебной практики судов РФ в данной сфере, наглядным образом демонстрирующие проблемы правоприменения законодательства об авторских правах иностранных граждан.

Ключевые слова: личные неимущественные права, авторское право, охрана и защита авторских прав, Европейский союз, Российская Федерация.

RYABUS Olga Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil procedural law sub-faculty of the Rostov branch of the of the Russian State University of Justice, Magistrate of the Court District No. 1 of the Proletarsky Judicial District of Rostov-on-Don

TRIFONOVA Kristine Vasakovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty, associate Professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the of the Russian State University of Justice

POKHODEEVA Kristina Evgenjevna

student of the 4th course of the Law Faculty of the Crimean branch of the of the Russian State University of Justice

CHERNOPYATENKO Anastasiya Vladimirovna

student of the 4th course of the Law Faculty of the Crimean branch of the of the Russian State University of Justice

Походеева К. Е.

Чернопятенко А. В.

COPYRIGHT OF FOREIGN CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

The article is devoted to the peculiarities of the protection and protection of copyrights of foreign citizens in the RF. Particular attention is paid to the historical development of the international legal basis for the copyright of citizens. Examples of the judicial practice of the courts of the RF in this area are considered, which clearly demonstrate the problems of law enforcement of the legislation on copyrights of foreign citizens.

Keywords: personal non-property rights, copyright, copyright protection and protection, European Union, Russian Federation.

Гражданское законодательство, выступающее в системе российского права как наиболее подверженное изменениям, безусловно, охватывает и регулирует разнообразные и масштабные отношения. Вместе с этим, ряд норм гражданского права в настоящее время представлено в виде четких и недвусмысленных определений понятий в праве и способов их

защиты и гарантии. В силу этого, в правоприменительной практике зачастую возникают сложности не только с теоретическим определением тех или иных правовых категорий, но и оценкой факта и степени посягательства на личные неимущественные права граждан. Не является исключением авторское право. Большинство сфер жизнедеятельности

охвачено основами интеллектуальной деятельности отдельных лиц. Стоит отметить, что российское государство ставит перед собой защиту авторских прав, в том числе иностранных граждан в качестве одной из основных задач. Этому есть логичное объяснение: нарушение законодательства об интеллектуальных правах носит не только личный характер, но и публично-опасный, так как распространение пиратских и контрафактных товаров и услуг наряду с причинением вреда владельцу интеллектуальной собственности наносит материальный ущерб казне государства, в связи с чем, последнее лишается налоговых поступлений от реализации исключительных имущественных прав в гражданском обороте.

Как справедливо отмечено в юридической литературе, в настоящее время выступает одной из лидирующих стран, на территории которой наиболее распространено «интеллектуальное пиратство». Несмотря на то, что действующее законодательство в области защиты авторских прав российских и иностранных граждан, на первый взгляд, обеспечено эффективными механизмами защиты интеллектуальных прав, в правоприменительной практике весьма часто допускается распространение пиратских и контрафактных товаров и услуг, интеллектуальное право на которые имеют граждане иностранных государств. В связи с этим, детальное изучение законодательства, юридической литературы, а также правоприменительной практики позволит выработать предложения по совершенствованию действующего законодательства об авторских правах иностранных граждан на территории нашего государства.

Защита авторских прав в целом вызывает множество дискуссий в юридической литературе. По тем или иным вопросам авторы высказывают мнения, ряд которых может быть принят во внимание в целях совершенствования действующего законодательства. Как справедливо отметила Л.В. Щербачева: «Необходимость изложения некоторых общих положений относительно охраны и защиты авторских прав в рассматриваемой сфере вызвана не только тем, что высший смысл всякой правовой системы заключается в предоставлении надежной защиты при нарушении конкретных субъективных правомочий. С принятием ч. 4 ГК РФ существенно меняется логика действия и структура норм, содержащих соответствующие правила» [1, с. 187]. Безусловно, изложение норм об интеллектуальной собственности в действующем ГК РФ имеет свою специфику, в связи с чем, интерес к этой сфере и проблемам правоприменения неуклонно растет. Однако, вышеупомянутый аспект – далеко не единственная причина, по которой изучение защиты авторских прав граждан требует детального изучения. [2, с. 203].

О дискуссионности вопросов охраны и защиты интеллектуальных прав рассуждает и В.А. Хохлов. В контексте изучения вопросов злоупотребления правом при осуществлении интеллектуальных прав автор также ставит вопрос о необходимости совершенствования действующего законодательства [3, с. 34]. Вместе с этим, сравнительно недавнее закрепление основ регулирования отношений, вытекающих из использования, охраны и защиты авторских прав в РФ не говорит о том, что аналогичным образом происходило становление данного института в других государствах.

Об актуальности изучения защиты авторских прав иностранных граждан в Российской Федерации говорит реальная статистика. В данном контексте достаточно взглянуть на результаты деятельности органов Федеральной таможенной службы. Так, по результатам работы в 2021 году таможенные органы на территории Российской Федерации предот-

вратили ущерб, который впоследствии мог быть причинен иностранным правообладателям в связи с оборотом контрафактных товаров на территории нашего государства. Сумма ущерба составила порядка 7,2 млрд рублей, в то время как в 2020 году аналогичный показатель составил 4,7 млрд рублей. Как мы видим, динамика правонарушений, связанных с нарушением законодательства об исключительных правах иностранных лиц неуклонно растет. Как сообщает Федеральная таможенная служба, «в результате таможенного контроля задержано более 7 млн единиц контрафактных товаров, возбуждено 888 дел об административных правонарушениях, 801 из которых - по ст. 14.10 КоАП РФ (незаконное использование товарного знака). Оставшиеся 87 дел об АП возбуждены по ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ (нарушение авторских и смежных прав)»¹. В силу отмеченного, можно сделать вывод, что действующее законодательство требует детального анализа в целях выявления причин роста контрафакта среди результатов интеллектуальной деятельности иностранцев.

В первую очередь, необходимо отметить, что действующее законодательство Российской Федерации предоставляет охрану и защиту всех возможных авторских прав для иностранных граждан и юридических лиц. Основным источником правового регулирования исключительных прав иностранцев выступает, безусловно, Конституция Российской Федерации. Так, в ч. 1 ст. 44 Основного закона Российской Федерации предусмотрена норма: «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом». Более того, статьей 71 Конституции возложена обязанность на федеральные органы государственной власти определять вопросы правового регулирования прав интеллектуальной собственности. В силу этого можно подчеркнуть серьезность и значимость норм об исключительных правах российских и иностранных граждан.

Наряду с этим, отдельные аспекты интеллектуальной собственности урегулированы отечественным гражданским законодательством Российской Федерации. Так, из смысла п. 3 ст. 1256 ГК РФ вытекает, что иностранному лицу, являющемуся автором того или иного произведения, принадлежит без каких-либо исключений ряд неимущественных прав, среди которых, например, право авторства, имени, право обозначения произведения, защиты репутации и так далее. В это же время ст. 1255 ГК РФ устанавливает возможность использования исключительных прав иностранными лицами в любой форме и любым, не запрещенным действующим законом, способом. Более того, российское законодательство об авторском праве иностранцев предполагает сохранение авторских прав, иных личных неимущественных прав даже в случае его уступки. При этом стоит учитывать, что ряд авторских произведений иностранных лиц не подлежат по тем или иным причинам на территории нашего государства.

Важно отметить, что отчуждение, а также иной способ передачи неимущественных и имущественных прав авторства произведение иностранного лица строго регламентирован гражданским законодательством. Из смысла ст. 1285 вытекает, что ранее упомянутая передача прав авторами или их

1 ФТС выявила в 2021 году контрафактные товары на 7,2 млрд рублей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://finance.rambler.ru/economics/48097498-fts-vyuyavila-v-2021-godu-kontrafaktnye-tovary-na-7-2-mlrd-rublej/> (дата обращения: 19.04.2022).

правопреемниками возможна только лишь в случае заключения авторского договора, предусматривающего выплату вознаграждения (гонорара) за передачу прав. Этой же статьей предусмотрено определение договора об отчуждении исключительных прав на произведение, под которым принято понимать сделку, предусматривающую обязанность передачи автором или иным правообладателем исключительного права в полном объеме приобретателю соответствующего права. Помимо этого, действующим ГК РФ предусмотрены условия лицензионного договора о предоставлении права пользования произведением (ст. 1286 ГК РФ), договора об авторском заказе (ст. 1288 ГК РФ), а также издательского лицензионного договора (ст. 127 ГК РФ), активно применяющиеся в легальном использовании результатов авторской деятельности иностранных лиц.

Огромное значение в правоприменительной практике охраны и защиты прав иностранных граждан и юридических лиц имеют международные соглашения в данной сфере. Среди них важно отметить Бернскую конвенцию об охране литературных и художественных произведений от 1886 г.², Всемирную Женевскую конвенцию об авторском праве от 1952 г.³, членом которой является Российская Федерация, принявшая в порядке правопреемства соглашения СССР. Указанные акты призваны обеспечивать уважение прав авторов, благоприятствовать развитию литературы, науки и искусства, а также всячески способствовать развитию международного сотрудничества в указанной сфере.

Как следует из содержания Конвенций, основная их сфера деятельности состоит в рамках произведений искусств: музыкальные, литературные, живопись и так далее. В силу этого, важно выделить иные международные договоры, способствующие охране авторских прав, которые касаются результатов интеллектуальной деятельности за пределами искусства. Среди них: Конвенция по охране промышленной собственности 1883 г.⁴, Мадридское соглашение о регистрации товарных знаков от 1891 г.⁵, а также иные международные акты.

Особого внимания заслуживают результаты правоприменительной деятельности Европейского союза (далее – ЕС), который всячески урегулирован наибольшее количество вопросов, касающихся охраны и защиты прав иностранных граждан и юридических лиц непосредственно на территории ЕС. В данном контексте следует упомянуть Директиву 2004/48/ЕС от 29 апреля 2004 г. «О реализации прав на интеллектуальную собственность»⁶; Директиву об авторском

праве на Едином цифровом рынке (проект 2016/0280, вступила в силу 7 июня 2019 года)⁷. Данные законодательные акты ЕС имеют важное значение в условиях действующего механизма защиты исключительных прав, поскольку позволяет бороться с пиратством и контрафактной продукцией, а также укреплять международное сотрудничество в целях защиты авторских прав, в том числе в условиях развития информационного прогресса.

Судебная практика относительно регулирования вопросов интеллектуальной собственности иностранных лиц в нашем государстве складывается неоднозначно. Связано это напрямую с некоторым несовершенством действующего законодательства. Тем не менее, как показывает опыт, в большинстве своем судебные органы становятся на сторону иностранных лиц, чьи авторские права были затронуты нелегальным использованием в товарообороте российскими гражданами и юридическими лицами.

В качестве демонстративного примера можно привести Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ. Согласно материалам дела, представленным суду, корпорация «Майкрософт» (США) обратилась в Арбитражный суд Кабардино-Балкарской Республики с иском к ООО «Элси-Трек» о взыскании копеечки компенсации за нарушение авторских прав. Как установлено судами, в 2010 году в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками Отдела по борьбе с экономическими преступлениями Управления внутренних дел по г. Нальчику были обнаружены и изъяты три системных блока, в которых впоследствии были обнаружены программные продукты «Microsoft Office» правообладателем которых является обратившаяся в суд корпорация.

Согласно заключению эксперта, № 3259Э от 21.02.2011 «сертификат подлинности для операционной системы на корпусах исследуемых системных блоков № 2 и № 3 отсутствует, что является признаком контрафактности. Также экспертом было документально подтверждено, что ключ активации на сертификате подлинности, наклеенном на системном блоке № 1, не соответствует ключу активации установленной операционной системы, что является признаком контрафактности»⁸.

В силу того, что исковые требования на всех судебных инстанциях были поданы от имени корпорации «Майкрософт», юридического лица, зарегистрированного по праву Соединенных Штатов Америки, Верховный Суд РФ рассмотрел дело с учетом как международного, так и отечественного законодательства. Суд отметил, что хранение компьютерной программы как особого объекта авторского права в памяти компьютера само по себе при отсутствии доказательств правомерности хранения также является способом неправомерного использования программы для ЭВМ как произведения. Данный вывод следует из нормы статьи 1 (4) Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву от 20.12.1996, участником которого яв-

2 Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/ (дата обращения: 15.03.2022 г.).

3 Всемирная конвенция об авторском праве (Женева, 6 сентября 1952 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2559025/> (дата обращения: 15.03.2022 г.).

4 «Конвенция по охране промышленной собственности» (Заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5111/ (дата обращения: 15.03.2022 г.).

5 «Соглашение о международной регистрации знаков» (Заключено в Мадриде 14.04.1891) (ред. от 02.10.1979) (вместе с «Инструкцией к мадридскому Соглашению ...» от 01.04.1992). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6069/ (дата обращения: 15.03.2022 г.).

6 Директива 2004/48/ЕС от 29 апреля 2004 года «О реализации прав на интеллектуальную собственность». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lexdigital.ru/2012/039/> (дата обращения: 15.03.2022 г.).

7 Директива об авторском праве на Едином цифровом рынке (проект 2016/0280, вступила в силу 7 июня 2019 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/news/ru/wipolex/2019/article_0008.html (дата обращения: 15.03.2022 г.).

8 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.06.2016 N 308-ЭС14-1400 по делу № А20-2391/2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08062016-n-308-es14-1400-po-delu-n-a20-23912013> (дата обращения: 19.04.2022).

ляется Российская Федерация, в толковании согласованного заявления к указанной норме, согласно которому право на воспроизведение, как оно определено в статье 9 Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 года, и допускаемые этой статьей исключения полностью применяются в цифровой среде и, в частности, в отношении использования произведений в цифровой форме. Понимается, что хранение охраняемого произведения в цифровой форме в электронном средстве является воспроизведением в смысле статьи 9 Бернской конвенции.

Важно отметить, что аналогичное понимание хранения программы для ЭВМ в памяти компьютера как использования объекта авторского права, влекущего ответственность, содержится в статье 4 Директивы 2009/24/ЕС Европейского парламента и Совета от 23.04.2009, применимой в Европейском Союзе, согласно которой поскольку «такие действия как загрузка в память компьютера, отображение на экране, эксплуатация, передача или хранение компьютерной программы в памяти устройства влекут за собой воспроизведение, совершение таких действий возможно только с согласия правообладателя»⁹.

В силу сказанного, суд направил дело на новое рассмотрение по причине того, что нижестоящими судебными инстанциями не были учтены все значимые по делу обстоятельства, среди которых, учет положений Директива ЕС, а также Бернской конвенции. Однако, вывод суда имеет важное значение в силу того, что для привлечения к ответственности за нарушение авторского права иностранного лица необязательно вводить предмет авторства в товарооборот. На примере программного обеспечения компании «Майкрософт» было продемонстрировано, что хранение, эксплуатация, воспроизведение программного обеспечения также влечет за собой ответственность, поскольку осуществление таких действий возможно лишь с согласия правообладателя.

Не менее интересным в рамках исследуемой сферы видится практика использования контрафактной продукции в товарообороте. К слову, следует отметить, что ни международное, ни российское законодательство в настоящее время не содержит легального определения «контрафакт». Несмотря на то, что косвенно данное понятие употреблялось еще в Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений, в отечественном законодательстве отсылку к характеристике контрафакта можно найти только в п. 4 ст. 1252 ГК РФ. Статья описывает контрафактные материальные носители, то есть материальные носители, «в которых выражены результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, изготовление, распространение или иное использование, а также импорт, перевозка или хранение которых приводят к нарушению исключительного права на такой результат или на такое средство»¹⁰. Помимо этого, в разъяснительном Постановлении Пленум Верховного Суда указал, что «контрафактными являются экземпляры, изготовленные и (или) распространенные с нарушением существенных условий договора о передаче исклю-

чительных прав»¹¹. Таким образом, для признания объекта охраны интеллектуальной собственности контрафактным требуется наличие главного условия – нарушение норм соглашения о передаче исключительных прав, а также использование такого объекта в отсутствие согласия правообладателя. При этом, как справедливо отметили И.С. Маслова, К.Н. Исаева, контрафактным «может быть не только товар, но и услуга. Например, публичное исполнение произведения, не записанного на материальный носитель» [4, с. 75].

Так, например, в 2020 году Бердским городским судом Новосибирской области было рассмотрено уголовное дело за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг). Согласно материалам дела, некие Колматов А.Я. и Соликулов Ж.М. на территории г. Бердск закупили контрафактную продукцию, а именно обувь с логотипом «Adidas» («Адидас»), изготовленной не компанией-правообладателем «Adidas AG» («Адидас AG»), с логотипом «Nike» («Найк»), изготовленной не компанией-правообладателем «Найк Инноувейт С.В.», и с логотипом «Reebok» («Рибок»), изготовленной не компанией-правообладателем «Рибок Интернешнл Лимитед». Затем на территории Центрального рынка г. Бердска ИП Соликулов Ж.М. взял на себя преступную роль по реализации указанной продукции.

В результате реализации указанной продукции с нарушением прав правообладателей был причинен ущерб: «Adidas» («Адидас») – компании «Adidas AG» («Адидас AG») на сумму 408 583 рубля 68 копеек; правообладателю товарного знака «Reebok» («Рибок») – компании «Рибок Интернешнл Лимитед» на сумму 177 504 рубля 32 копейки; правообладателю товарного знака «Nike» («Найк») – компании «Найк Инноувейт С.В.» на сумму 750 932 рубля 00 копеек, а всего причинен ущерб правообладателям указанных товарных знаков на общую сумму 1 337 020 рублей, что является крупным ущербом¹².

Суд признал виновными указанных лиц и назначил наказание в виде 1 года 6 месяцев лишения свободы каждому, учитывая, что используемые обвиняемыми товарные знаки были зарегистрированы в Международном бюро Всемирной организации интеллектуальной собственности, а также в Государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации. Указанный пример позволяет сделать вывод, что введение контрафактной продукции карается не только по соответствующему заявлению их правообладателей. В данной ситуации было достаточно инициативы правоохранительных органов Российской Федерации, которые в результате оперативно-розыскных мероприятий обнаружили, что Соликулов и Колматов реализовали контрафактную продукцию, имея на то прямой умысел; осознавали необходимость заключения соглашения с правообладателем об использовании принадлежащего ему товарного знака и не имеющего такового.

Недостаточно урегулирован в отечественном законодательстве вопрос об обязательном закреплении в судебном постановлении судьбы вещей, признанных контрафактными, то есть, нарушающими интеллектуальные права иностран-

9 Директива N 2009/24/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О правовой охране компьютерных программ (кодифицированная версия)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/frV3u> (дата обращения: 19.04.2022).

10 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Парламентская газета, № 214-215, 21.12.2006.

11 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2006 № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2006.

12 Приговор Бердского городского суда Новосибирской области № 1-14/2020 1-305/2019 от 24 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/aKnVDEYveib/> (дата обращения: 19.04.2022).

ных лиц. В качестве примера можно привести Решение Ивановского областного суда, в котором была рассмотрена жалоба представителя потерпевшего иностранной компании Шанель САРЛ (Швейцария) на постановление судьи Кинешемского городского суда Ивановской области от 15 августа 2017 года. Жалоба была мотивирована тем, что в нарушение ч. 3 ст. 29.10 КоАП РФ в постановлении судьи не была решена судьба изъятого контрафактного товара. По предыдущему решению была установлена вина Бекетовой А.М. в незаконном воспроизведении товарных знаков «Шанель» и «Адидас» в процессе реализации товаров: детских костюмов на общую сумму 3000 рублей, которые содержали знаки, использование которых запрещено без согласия правообладателя.

По общему правилу, в соответствии с ч. 3 ст. 29.10 КоАП РФ в постановлении по делу об административном правонарушении должны быть решены вопросы об изъятых вещах и документах, о вещах, на которые наложен арест, если в отношении их не применено или не может быть применено административное наказание в виде конфискации. При этом вещи, изъятые из оборота, подлежат передаче в соответствующие организации или уничтожению. С учетом того, что по своей правовой природе контрафактный товар в гражданском обороте находится незаконно, в данном случае конфискацию как наказание применить невозможно, такой товар подлежит уничтожению.

Таким образом, суд отметил, что, если вопрос об изъятых вещах не был разрешен судьей при вынесении постановления по делу об административном правонарушении, то этот же судья вправе вынести определение об изъятии орудия совершения или предмета административного правонарушения и обращении его в доход государства. При наличии жалобы либо протеста на постановление судьи этот вопрос может быть решен судьей вышестоящего суда путем изменения постановления без его отмены и направления на новое рассмотрение.

При обстоятельствах, указанных в материалах дела, Ивановский областной суд решил изменить постановление судьи Кинешемского городского суда в части указания конкретного порядка определения судьбы предметов, признанных контрафактными, а именно - уничтожить 2 детских костюма, содержащих незаконное воспроизведение товарного знака «Шанель». В силу этого, на наш взгляд, указанное положение следует конкретизировать точнее, а также возложить обязанность на суд, рассматривающий дело, указывать судьбу контрафактного товара в целях экономии издержек, связанных с повторным обращением в судебный орган с данным вопросом.

Таким образом, исходя из практического опыта Российской Федерации в сфере защиты авторских прав иностранцев, можно сделать однозначный вывод о том, что основной проблемой защиты авторских и смежных прав является неосведомленность авторов и других лиц о существующих правовых способах защиты их нарушенных прав.

Несмотря на то, что в отечественном законодательстве должным образом гарантируется правовая охрана каждому произведению автора, к сожалению, проблема нарушения прав интеллектуальной собственности, включая права иностранных граждан, была и остается по сегодняшний день. Указанному свидетельствует судебная практика и статистика, показатели которой показывают на частые случаи обращения граждан в суды за защитой своего нарушенного права. Вместе с этим, многочисленны ситуации, когда ввоз и оборот контрафактной продукции пресекался таможенными орга-

нами. Вышеупомянутая статистика говорит о том, что с каждым годом динамика подобных случаев неуклонно растет, в силу чего механизм пресечения и выявления нарушения исключительных прав иностранцев на территории Российской Федерации нуждается в совершенствовании.

Кроме того, о целесообразности обеспечения надлежащего уровня унификации и гармонизации законодательства в сфере защиты авторских и смежных прав указывает то обстоятельство, что правовое регулирование защиты рассматриваемых прав предусмотрено как отечественным, так и правом ЕС, что приводит к проблеме выбора, какими нормами необходимо руководствоваться суду при разрешении данных споров.

Юристы и представители политической сферы ЕС считают, что единственной возможностью преодоления данных пробелов может быть только создание единого нормативного акта, который закрепил бы нормы, обязательные для граждан ЕС, а также специальные нормы в отношении граждан тех стран, которые не входят в ЕС. И с этим нельзя не согласиться, поскольку в данный момент российскому законодательству не известны коллизионные нормы, затрагивающие права иностранных граждан. Следовательно, совершенствовать правовую защиту нарушенных авторских и смежных прав на территории нашего государства необходимо в тесной взаимосвязи с нормами международного частного права.

Пристатейный библиографический список

1. Щербачева Л.В. Защита авторских прав // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 10. – С. 187-192.
2. Багдасаров А.Э., Джафаров Н.К. Интеллектуальные права: история и современность // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 1. – С. 203-207.
3. Хохлов В.А. Вопросы злоупотребления правом при осуществлении интеллектуальных прав // Вестник СГЮА. – 2014. – № 3 (98). – С. 34-39.
4. Маслова И.С., Исаева К.Н. Понятие контрафакта в российском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 5. – С. 74-76.

СУХОМЛИНОВА Людмила Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного права Государственного морского университета имени адмирала Ф. Ф. Ушакова

Сухомлинова Л. А.

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ КОНЦЕССИОННОГО СОГЛАШЕНИЯ

В статье предпринята попытка раскрыть особенности правового регулирования заключения концессионного соглашения. Рассмотрены существенные условия концессионного соглашения. Автором предложена последовательность этапов при заключении концессионных соглашений со ссылками на нормативно-правовые акты. Рассмотрены проблемы экономической непривлекательности органов местного самоуправления. Обоснована необходимость по передаче полномочий в части организации в границах поселения теплоснабжения или водоснабжения и водоотведения населения на районный уровень.

Ключевые слова: концессионное соглашение, теплоснабжение, концедент, концессионер, частная инициатива, существенные условия, дорожная карта, тариф.

SUHOMLINOVA Lyudmila Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil and international law sub-faculty of the F. F. Ushakov State Maritime University

FEATURES OF CONCLUDING A CONCESSION AGREEMENT

The article attempts to reveal the features of regulating the presence of a concession agreement. Essential terms of the concession agreement are excluded. The author proposes a sequence procedure for the Agreement of Concession Agreements with references to regulatory legal acts. The problems of economic unattractiveness of local self-government bodies are considered. The necessity of transferring powers in terms of organization within the boundaries of the settlement of heat supply or water supply and sanitation of the population to the district level is substantiated.

Keywords: concession agreement, heat supply, concessor, concessionaire, private initiative, essential conditions, road map, tariff.

Федеральный закон «О концессионных соглашениях» от 21.07.2005 №115-ФЗ дает понятие концессионного соглашения, согласно которого одна сторона (концессионер) обязуется за свой счет создать и (или) реконструировать определенное этим соглашением имущество (недвижимое имущество или недвижимое имущество и движимое имущество, технологически связанные между собой и предназначенные для осуществления деятельности, предусмотренной концессионным соглашением (далее - объект концессионного соглашения), право собственности на которое принадлежит или будет принадлежать другой стороне (концеденту), осуществлять деятельность с использованием (эксплуатацией) объекта концессионного соглашения, а концедент обязуется предоставить концессионеру на срок, установленный этим соглашением, права владения и пользования объектом концессионного соглашения для осуществления указанной деятельности¹.

В соответствии со статьей 37 Закона о концессионных соглашениях последнее заключается по результатам конкурса или в результате рассмотрения уполномоченным органом частной инициативы.

Если концессионное соглашение заключается по результатам конкурса, то требуется:

- решение концедента о заключении соглашения;
- публикация сообщения о проведении конкурса;
- принятие участия в конкурсе, подача соответствующей заявки;

- после получения конвертов с заявками вскрыть их;
- осуществить предварительную выборку предложений;
- открыть конверты с предложениями;
- проанализировать и дать оценку конкурсным предложениям;
- разместить на сайте информацию о результатах проведения конкурса;
- заключить концессионное соглашение.

Законодатель предусматривает два вида конкурса: открытый и закрытый. Согласно статье 21 Закона закрытый конкурс проводится, в случае если предметом соглашения является объект, составляющий государственную тайну. Все участниками конкурса, в том числе концедент обязаны соблюдать требования законодательства РФ о государственной тайне. Сведения, которые относятся к государственной тайне, не подлежат опубликованию в средствах массовой информации, опубликованию в сети Интернет и не сообщаются иным лицам [3, с.20-30].

Соглашение, заключаемое в рамках частной инициативы включает в себя следующие этапы:

- направление потенциальным концессионером предложения о заключении концессионного соглашения;
- концедент после получения предложения, обязан принять одно из следующих решений:
 - а) о целесообразности заключить концессионное соглашение на условиях, указанных в предложении представленном концессионером;
 - б) о целесообразности заключить соглашение на других условиях;
 - в) о невозможности заключить соглашение;

¹ О концессионных соглашениях: федер. закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ (п. 1 ст. 3) // Российская газета. 26.07. 2005. № 161.

– если концедент принял решение о целесообразности заключить концессионное соглашение на условиях, указанных в предложении представленном концессионером, концедент должен опубликовать на официальном сайте предложение о заключении соглашения для получения заявок о намерении принять участие в конкурсе;

– если концедент принимает решение о целесообразности заключить соглашение на других условиях, чем те которые предложил концессионер, то следует организовать совещание с участием сторон соглашения;

– заявки о намерении принять участие в конкурсе необходимо подать в 45-дневный срок;

– если заявки не поступили, концессионное соглашение заключается с лицом, выступившим с инициативой о его заключении.

Закон о концессионных соглашениях (ст.10) содержит перечень существенных условий, к которым отнесены:

– обязанности концессионера по созданию и (или) реконструкции объекта соглашения, включая соблюдение сроков;

– деятельность концессионера по исполнению обязательств, указанных в соглашении;

– срок действия соглашения;

– состав объекта концессионного соглашения, с указанием технико-экономических показателей [5, с. 35];

– срок передачи имущества предусмотренного соглашением;

– алгоритм предоставления земельных участков, которые необходимы для деятельности концессионера, а так же срок заключения договоров аренды, размер арендной платы;

– срок, а так же цели эксплуатации объекта соглашения;

– способы обеспечения исполнения обязательств, срок и размеры обеспечения;

– размер, порядок и сроки внесения концессионной платы;

– алгоритм возмещения расходов при досрочном расторжении соглашения;

– обязательства сторон по приготовлению необходимой территории для создания или реконструкции объекта соглашения;

– необходимая валовая выручка, которую получит концессионер в процессе исполнения обязательств по концессионному соглашению;

Само по себе концессионное соглашение не подлежит государственной регистрации, однако права владения и пользования концессионера недвижимым имуществом, составляющим объект соглашения, подлежат обязательной государственной регистрации [6, с. 177-184].

С целью удобства и более активного взаимодействия концедента и концессионера в процессе согласования и заключения концессионных соглашений автором предлагается составлять дорожную карту по заключению концессионного соглашения в порядке частной инициативы. Такая карта должна включать в себя наименование мероприятия, сроки исполнения и ответственных исполнителей с обязательным указанием на следующие этапы:

Оценка правоустанавливающих документов, регистрации права собственности, постановка на кадастровый учет объектов концессионного соглашения, а так же земельных участков под ними. В случае если при заключении соглашения права собственности зарегистрированы не на все объекты, необходимо опубликовать в Едином федеральном реестре перечень незарегистрированного недвижимого иму-

щества (ст. 3, ч. 5 ст. 39 ФЗ «О концессионных соглашениях» от 21.07.2005 № 115-ФЗ (далее – Закон № 115-ФЗ);

Составление отчета о техническом обследовании систем и обновление схем теплоснабжения (п. 12 ч. 1 ст. 46, ч. 20 ст. 39 Закона № 115-ФЗ; ч. 11 ст. 23, ст. 13, ч. 4 ст. 28.1 ФЗ от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении»);

Принятие нормативно-правового акта с целью утверждения и опубликования перечня объектов, находящихся в собственности концедента, в отношении которых планируется заключение концессионного соглашения (ч. 3 ст. 4 Закона № 115-ФЗ);

Направление концессионером концеденту предложения о заключении концессионного соглашения (п. 4.2, 4.3 ст. 37 Закона №115-ФЗ);

Направление концедентом предложения о заключении концессионного соглашения в Региональную энергетическую комиссию – департамент цен и тарифов для согласования значений долгосрочных параметров с целью дальнейшего получения тарифов, в срок, не превышающий семи дней с момента получения предложения о заключении соглашения (ч. 3 ст. 52 Закона № 115 ФЗ);

Направление в Министерство ТЭК и ЖКХ проекта концессионного соглашения. При этом проект и приложенные к нему документы в обязательном порядке согласовываются министерством ТЭК и ЖКХ, региональной энергетической комиссией – департаментом цен и тарифов, департаментом инвестиций и развития малого и среднего предпринимательства, правовым департаментом администрации до принятия органом местного самоуправления решения о заключении концессионного соглашения.

Рассмотрение предложения и принятие решения о возможности либо о невозможности заключения концессионного соглашения (п. 4.4 ст.37 Закона № 115-ФЗ);

Размещение на официальном сайте (www.torgi.gov.ru) информации для получения заявок о намерении принять участие в конкурсе на заключение соглашения на условиях, указанных концессионером в предложении (п. 4.7 ст. 37 Закона № 115-ФЗ);

Заключение концессионного соглашения с инициатором концессии, при отсутствии заявок на участие в конкурсе (п. 4.10 ст. 37 115-ФЗ). В случае поступления заявок о готовности к участию в конкурсе на заключение концессионного соглашения, необходимо подготовить конкурсную документацию и объявить конкурс (ч. 4.9 ст. 37 Закона);

Подписание концессионером и концедентом согласованного проекта концессионного соглашения (ч. 4.10 ст. 37 Закона);

Направление проекта концессионного соглашения, подписанного концедентом и концессионером, в адрес губернатора на подписание.

Направление документов на установление тарифов в РЭК для утверждения приказа об установлении долгосрочных параметров и тарифов (п. 30 раздела 4 Правил 1 Постановления Правительства РФ № 1075 от 22.10.12);

Разработка, согласование и утверждение инвестиционных программ (срок - до 30 октября каждого года эксплуатации).

Согласно статье 28.1 Федерального Закона от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении» в случае, если срок, определяемый как разница между датой ввода в эксплуатацию хотя бы одного объекта из числа объектов теплоснабжения [4, с. 496-499], находящихся в государственной или муниципальной собственности, и датой опубликования извеще-

ния о проведении соответствующего конкурса, превышает пять лет либо дата ввода в эксплуатацию хотя бы одного объекта из числа данных объектов не может быть определена, передача прав владения и (или) пользования данными объектами осуществляется только по концессионному соглашению (за исключением предоставления в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации указанных прав на такое имущество лицу, обладающему правами владения и (или) пользования сетью инженерно-технического обеспечения, в случае, если передаваемое имущество является частью соответствующей сети инженерно-технического обеспечения и данные часть сети и сеть являются технологически связанными в соответствии с законодательством о градостроительной деятельности).

Принимая во внимание выше обозначенный возраст большинства объектов теплового комплекса Краснодарского края, концессионное соглашение является единственной возможной формой их управления.

При этом, на сегодняшний день органы местного самоуправления Краснодарского края при поиске инвесторов сталкиваются с проблемой экономической непривлекательности для потенциальных концессионеров в модернизации и эксплуатации как теплового комплекса, так и объектов сферы водопроводно-канализационного хозяйства, в небольших населенных пунктах.

В первую очередь данная проблема связана с тем фактом, что во многих муниципальных образованиях Краснодарского края полномочия по тепло-, водоснабжению и водоотведению для населения закреплены за городскими и сельскими поселениями.

Особенности тарифного регулирования, устанавливая тарифы для населения исходя из мероприятий, предусмотренных в инвестиционных программах концессионеров.

Таким образом, в малых поселениях вложения в модернизацию изношенных основных фондов невыгодны инвесторам, так как зачастую их сложно окупить без сверхнормативного увеличения тарифов для населения.

Законом Краснодарского края от 6 апреля 2015 г. № 3161-КЗ предусматривается компенсация выпадающих доходов, в том числе организациям осуществляющим услуги по теплоснабжению, горячему и холодному водоснабжению и водоотведению, возникающих в случае, если проводимая предприятиями модернизация теплового комплекса влечет превышение предельного роста тарифа.

Однако, заключение концессионных соглашений в разрезе отдельных поселений может привести к неоправданной существенной разнице тарифов в поселениях одного муниципального образования.

Наиболее оптимальным выходом из данной ситуации является заключение единых концессионных соглашений на уровне муниципальных районов, которые предусматривают модернизацию и эксплуатацию всего теплового комплекса или комплекса водопроводно-канализационного хозяйства, функционирующего на территории муниципального образования. Это позволяет выстроить более гибкий и привлекательный для обеих сторон механизм. С одной стороны, – провести модернизацию объектов как в крупных городах, где окупаемость затрат выше, так и в небольших населенных пунктах, где инвесторы видят риски. С другой стороны – сбалансировать общий тариф на уровне всего муниципального района, что позволит избежать социального недовольства граждан.

Заключение таких концессионных соглашений на уровне муниципальных районов возможно при выполнении органами местного самоуправления мер по передаче полномочий в части организации в границах поселения теплоснабжения или водоснабжения и водоотведения населения на районный уровень.

Необходимость закрепления соответствующих полномочий на уровне муниципальных районов в срок до 1 января 2023 года предусмотрена Законом Краснодарского края от 09 декабря 2019 года № 4174-КЗ.

Но данную работу необходимо вести, не дожидаясь установленного Законодательством срока. В первую очередь, для муниципальных образований Краснодарского края это поспособствует привлечению инвесторов в отрасль и позволит повысить прозрачность управления и эксплуатации имущества.

Так, на сегодняшний день по пути передачи полномочий по теплоснабжению населения на районный уровень, не дожидаясь вступления в силу вышеуказанного Закона Краснодарского края пошли в Ейском, Успенском, Ленинградском, Славянском и других районах, где концессионные соглашения уже заключены или находятся в стадии заключения.

Пристатейный библиографический список

1. Варнавский В. Г. Государственно-частное партнерство. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 312 с.
2. Варнавский В. Г., Клименко А. В., Баженов А., Воронников А. М., Королев В. А. Государственно-частное партнерство: теория и практика. М.: Издательский дом ГУВШЭ, 2010. 288 с.
3. Криницын А., Муравьева М. О ключевых изменениях порядка управления объектами коммунальной инфраструктуры, находящимися в публичной собственности // Энергетика и право. 2013. № 2. С. 20-30.
4. Майер Елена Андреевна Проблемы, возникающие при заключении концессионных соглашений в сфере теплоснабжения // Молодой ученый. 2019. № 23 (261). С. 496-499.
5. Мосин А. А. Предпринимательско-правовые средства привлечения иностранных инвестиций в экономику России: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Мосин Александр Анатольевич; [Место защиты: Ин-т государства и права РАН]. Москва, 2009. 177 с.: ил. РГБ ОД, 61 09-12/946.
6. Преображенская Е. Е. особенности содержания концедентом объекта концессионного соглашения до подписания концессионного соглашения // Аллея науки. 2020. Т. 1. № 3 (42). С. 177-184.

ТИМОФЕЕВА Татьяна Федоровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ

Проведен анализ цифровой трансформации системы принудительного исполнения и изучены вопросы, которые требуют регулирования во избежание нарушения прав и интересов сторон исполнительного производства в процессе принудительного исполнения в современных цифровых условиях. Выявлено, что цифровое исполнительное производство является перспективным и удобным для участников исполнительного процесса и позволит снизить коррупционные риски в связи с минимизацией контактов субъектов исполнительного производства. Основной целью правового регулирования гражданско-исполнительных правоотношений должна оставаться, прежде всего, защита цифрового следа сторон исполнительного производства и сокращение конфликтов, возникающих из-за ошибочной идентификации должников. В настоящее время требуются более концептуальные нормативные трансформации, чем принятие подзаконных нормативных актов и ведомственных приказов.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой сервис, реестровая модель, цифровая экономика, цифровое исполнительное производство, ФССП России, исполнительный процесс, суперсервис, электронный документооборот, взыскатель, должник.

TIMOFEEVA Tatyana Fedorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the I. N. Ulyanov Chuvash State University

SEPARATE ASPECTS OF DIGITAL TRANSFORMATION ENFORCEMENT SYSTEMS

An analysis was made of the digital transformation of the enforcement system and studied issues that require regulation in order to avoid violating the rights and interests of the parties to enforcement proceedings in the process of enforcement in modern digital conditions. It was revealed that digital enforcement proceedings are promising and convenient for participants in the enforcement process and will reduce corruption risks due to the minimization of contacts between subjects of enforcement proceedings. The main goal of the legal regulation of civil enforcement legal relations should remain, first of all, the protection of the digital trace of the parties to enforcement proceedings and the reduction of conflicts arising from the erroneous identification of debtors. Currently, more conceptual regulatory transformations are required than the adoption of by-laws and departmental orders.

Keywords: digitalization, digital service, registry model, digital economy, digital enforcement proceedings, FSSP of Russia, enforcement process, super service, electronic document management, claimant, debtor.

Тимофеева Т. Ф.

Правительство Российской Федерации разработало программу «Цифровая экономика» с целью обеспечения ускоренного внедрения цифровых технологий. Таким образом к 2024 году в планах Правительства Российской Федерации значатся мероприятия, предусматривающие организацию двадцати пяти специальных цифровых площадок, которые направлены на предоставление населению различных государственных услуг в электронном виде. Правительство Российской Федерации запланировало также осуществить в отношении граждан частичный переход на удостоверения личности в цифровом формате, а также произвести внедрение единого межведомственного электронного документооборота. В рамках этих мероприятий речь идет также о совершенствовании системы принудительного исполнения в Российской Федерации. Неотъемлемой частью современного исполнительного производства является развитие цифровизации. Так Гуреев В.А. подчеркивает «объективную потребность в автоматизации целого ряда деловых процессов в рамках совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения» [1].

Еще в 2007 г. был принят Федеральный закон № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», в статье 5 ко-

торого указывается, что в деятельности по исполнению актов судов и иных актов, для информационного обмена, в том числе электронными документами, Федеральная служба судебных приставов России (далее – ФССП России) применяет специальные «государственные информационные системы» [2]. Под информационными системами в соответствии с Федеральным законом № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» понимается «совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств». Статья 14 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливает, что «государственные информационные системы создаются в целях реализации полномочий государственных органов и обеспечения обмена информацией между этими органами...» [3]. Государственные информационные системы в сфере деятельности ФССП России имеют явную социальную направленность. Процесс автоматизации сопряжен с проблемами технического, организационного характера. ФССП России проведена большая работа по обеспе-

чению электронного документооборота с ведомствами, обладающими информацией об имуществе должника.

Например, в 2014 году было заключено соглашение «О порядке взаимодействия Федеральной налоговой службы и Федеральной службы судебных приставов при исполнении исполнительных документов» [4], в 2017 году заключено соглашение между ФССП России и Федеральной нотариальной палатой об информационном взаимодействии в электронном виде [5], в 2018 году - соглашение «О порядке электронного документооборота между ФССП России и федеральной антимонопольной службой» [6], в 2019 году - соглашение между ФССП России и Федеральной службой по надзору в сфере транспорта об информационном взаимодействии в электронном виде» [7] и другие, а также были заключены соглашения внутри самой ФССП России.

Одним из направлений, заданных национальной программой «Цифровое государственное управление», выступает реализация реестровой модели предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Химичук Е.В. отмечает «доступность обращения за предоставлением государственных и муниципальных услуг и предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе для лиц с ограниченными возможностями здоровья» при перечислении принципов построения реестровой модели [8].

В реестровой модели нашли отражение положения о создании электронного реестра исполнительных документов. В частности, речь идет о сокращении персонального взаимодействия и операционных расходов населения при взаимодействии с судебными приставами-исполнителями, снижении потерь времени, которые связаны с возбуждением исполнительного производства. В соответствии с этим, для ФССП России была осуществлена разработка Плана информатизации Федеральной службы судебных приставов на 2020 финансовый год и плановый период 2021 и 2022 годов (Приказ ФССП России от 18 июня 2020 г. № 472).

Реестровая модель должна полноценно заработать с 2023 года. Масштабные поправки потребуются внести во все процессуальные кодексы Российской Федерации, Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ), Семейный кодекс Российской Федерации, Трудовой кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, а также в Федеральный закон «Об исполнительном производстве». Например, НК РФ изменится в части того, что взыскание налогов с должника должно будет осуществляться не в результате передачи принятого решения от соответствующего руководителя налогового органа судебному приставу-исполнителю, а путем его регистрации в электронном реестре исполнительных документов.

Новый «технологический цикл» в исполнительном производстве представляет собой создание суперсервиса «Цифровое исполнительное производство» (далее – суперсервис ЦИП). Суперсервис ЦИП упростит предъявление взыскателями исполнительных документов, порядок подачи заявлений, жалоб, ходатайств в ФССП России. Он же призван повысить прозрачность работы судебного пристава-исполнителя для взыскателей и должников, имеющих в этой системе личный кабинет: любое постановление, которое вынес судебный пристав-исполнитель, доступно и взыскателю, и должнику. Рукавишникова И.В. отметила, что концепция суперсервиса ЦИП одобрена на высшем уровне Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий и ставит перед собой, в том числе, задачи по

улучшению качества жизни населения, а также условий осуществления в стране предпринимательской деятельности.

На наш взгляд, суперсервис ЦИП направлен на решение проблем с идентификацией должников – физических и юридических лиц. К электронному документообороту ФССП России с судами добавится обязанность подключиться к ФССП России индивидуальным предпринимателям и организациям, которые стали сторонами исполнительного производства (юридические лица жилищно-коммунального хозяйства, водного, лесного хозяйства, топливно-энергетического комплекса, связи, строительства, организации, осуществляющие перевозку грузов и пассажиров и другие).

Внедрение суперсервиса происходит поэтапно. С 2020 года, в связи с расширением пропускной способности каналов ведомственной связи ФССП России, пользователи могут на портале государственных и муниципальных услуг Российской Федерации отслеживать ход исполнительного производства. Просматривается также желание законодателя, по возможности, с помощью суперсервиса ЦИП, освободить граждан, юридические лица, а также различные государственные органы от взаимодействия между собой посредством бумажной документации (бумажного документооборота), а также дать возможность осуществлять контроль за процессом взыскания денежных сумм, в том числе, с мобильного телефона (смартфона), быть в курсе структуры и особенностей взыскания, а также, при необходимости, иметь возможность осуществить оплату посредством специального мобильного приложения. Это позволяет сохранить саму процедуру составления различных актов и сам юридический порядок реализации сформированных исполнительных документов. ФССП России ставит также перед собой задачу обеспечения возможности для сторон исполнительного производства получать расширенную информацию об исполнительных действиях на портале государственных и муниципальных услуг Российской Федерации.

Формируемый Реестр исполнительных документов является государственным электронным информационным ресурсом с размещением в сети «Интернет». Этот ресурс выполняет целый комплекс функций по учету сведений о самом исполнительном документе, сторонах – участниках юридических отношений, а также о ходе и результатах принудительного исполнения. Ответственность за ведение Реестра возлагается на ФССП России. Формирование и последующее ведение этого Реестра должно осуществляться в государственной электронной информационной системе о государственных и муниципальных платежах.

В целом «реестровая модель» призвана урегулировать проблемы двойного списания долга, фальсификации исполнительных документов. Она позволит обеспечить онлайн-активность при взаимодействии с гражданами. Основанием для возбуждения исполнительного производства, удержания (списания) средств будет являться запись, сделанная органом, его выдавшим, в реестре исполнительных документов. Такая запись в реестре наделяется юридической значимостью. Выдача на руки исполнительного документа будет происходить не всегда. В отличие от уже известного банка данных по исполнительному производству, такой реестр будет доступен только ограниченному кругу установленных законом лиц.

Доступ к реестру исполнительных производств не будет находиться в свободном доступе, а будет свободен только для судебных приставов-исполнителей, осуществляющих исполнительное производство, самих сторон исполнительного производства, а также их законных представителей. Взыска-

телю при этом потребуется написать соответствующее заявление об обращении взыскания, удержании или списании денежных средств с указанием идентификатора конкретного исполнительного документа в многофункциональном центре предоставления государственных и муниципальных услуг или же внести на портале государственных и муниципальных услуг отметку о своем решении.

Согласно данным портала государственных и муниципальных услуг Российской Федерации, то есть, одного из основных справочно-информационных интернет-порталов, алгоритм работы с суперсервисом ЦИП может быть организован, например, таким образом:

1. судебный орган, закончив рассмотрение соответствующего юридического дела по существу, выносит судебный акт, в результате чего информация об этом отражается в цифровых профилях соответствующих участников судебного процесса;

2. взыскатель указывает данные счета, на который должны поступить соответствующие взыскиваемые денежные средства;

3. должник, выполняя решение суда осуществляет оплату и переводит денежные средства взыскателю как стороне исполнительного производства.

Стоит отметить, что в информационном пространстве уже действующие информационные сервисы не выступают конкурентами друг друга, а, наоборот, гармонично дополняют друг друга. Однако, говорить о том, что к настоящему времени преодолены уже все накопившиеся проблемы - не приходится, поскольку здесь все еще продолжают проявлять себя те или иные проблемы, свойственные электронному документообороту. Особенно острой среди них является проблема налаживания взаимодействия ФССП России с судебными органами, в основе которой лежит отсутствие согласованного, системного подхода в развитии информационных ресурсов двух самостоятельных структур, функционально, при этом, тесно связанных друг с другом, и оперативный обмен информацией между которыми, является насущно необходимым. Оперативность и качество процессов формирования реестра, доступа к его данным, хранения и обработки этих данных, а также другие процедурные вопросы функционирования реестра, пока не получили нормативно оформленного решения.

При всем этом, мы считаем, что «реестровая модель» дает возможность более эффективно разрешать некоторые из имеющихся проблем и недостатков, имеющих место при принудительном исполнении судебных решений, которые имеются в этой сфере, в частности – подделка реквизитов исполнительной документации, отметок в документах о задолженности и ее остатках, либо, так называемого, двойного исполнения оригинального документа или его дубликата. Это потенциально позволяет также понизить коррупционные риски, которые связаны с обстоятельствами предъявления и возбуждения исполнительного производства по соответствующему делу.

Цифровая трансформация системы принудительного исполнения призвана ускорить принудительное исполнение исполнительных документов и рост количества исполненных исполнительных документов. Естественно, это повлечет увеличение эффективности деятельности ФССП России и ее территориальных органов. Однако такие кардинальные изменения не должны носить революционный характер.

Пристатейный библиографический список

1. Гуреев В.А. Отдельные аспекты цифровизации отечественного исполнительного производства // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 12. – С. 10-13.
2. Федеральный закон от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (часть I). – Ст. 3448.
4. Соглашение ФССП России от 04 апреля 2014 г. № 0001/7, ФНС России от 14 апреля 2014 г. № ММВ-23-8/3@ «О порядке взаимодействия Федеральной налоговой службы и Федеральной службы судебных приставов при исполнении исполнительных документов». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167040/ (дата обращения: 01.04.2022).
5. Соглашение между Федеральной службой судебных приставов и Федеральной нотариальной палатой об информационном взаимодействии в электронном виде от 30 июня 2017 г. № 0001/19/2853/01-01-2 (утв. ФССП России, ФНП). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rulaws.ru/acts/Soglashenie-mezhdu-Federalnoy-sluzhboy-sudebnyh-pristavov-i-Federalnoy-notarialnoy-palatoj-ob-inform-solt-buchbjed/> (дата обращения: 04.04.2022).
6. Соглашение от 27 декабря 2018 г. № 0011/21 «О порядке электронного документооборота между Федеральной службой судебных приставов и Федеральной антимонопольной службой». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/72155962/> (дата обращения: 04.04.2022).
7. Соглашение между Федеральной службой судебных приставов и Федеральной службой по надзору в сфере транспорта об информационном взаимодействии в электронном виде (утв. ФССП России, Ространснадзором 26 июля 2019 г. № 0011/24). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331019/ (дата обращения: 05.04.2022).
8. Химичук Е.В. Система реестров государственных и муниципальных услуг и их роль в инфраструктуре электронного правительства // Политика и Общество. – 2018. – № 3. – С. 69-75.
9. О реализации суперсервиса цифровое исполнительное производство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fssp.gov.ru/news/document28754785> (дата обращения: 30.03.2022).

ШАХАЕВА Аминат Меджидовна

старший преподаватель Дагестанского государственного университета

ШАХАЕВА Фатима Муратовна

студент 5 курса Первого Московского медицинского университета им. И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Клинический институт детского здоровья имени Н. Ф. Филатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОГОВОРНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКИХ ТРАНСПЛАНТАЦИОННЫХ УСЛУГ

Интерес в рамках настоящей статьи представляют договорные отношения, возникающие между донором, медицинской организацией и реципиентом. Проанализированы различные точки зрения относительно количества договоров, регулирующих процесс трансплантации.

В статье выделены отличительные черты договора, заключаемого между указанными субъектами. Сделан вывод о том, что договор оказания трансплантационных услуг является консенсуальным, многосторонним, возмездным, алеаторным, а также содержит в себе признаки договора присоединения.

Ключевые слова: донор, медицинская организация, договор, медицинские услуги, реципиент.

SHAKHAEVA Aminat Medzhidovna

senior lecturer of the Dagestan State University

SHAKHAEVA Fatima Muratovna

student of the 5th course of the I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), N. F. Filatov Clinical Institute of Children's Health

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE LEGAL REGULATION OF RELATIONS FOR THE PROVISION OF MEDICAL TRANSPLANT SERVICES

The contractual relations arising between the donor, the medical organization and the recipient are of interest in the framework of this article. Various points of view regarding the number of contracts regulating the transplantation process are analyzed.

The article highlights the distinctive features of the contract concluded between these entities. It is concluded that the contract for the provision of transplantation services is consensual, multilateral, reimbursable, aleatory, and also contains the signs of an accession agreement.

Keywords: donor, medical organization, medical services, recipient.

Правоотношения, возникающие в сфере донорства и трансплантации имеют сложный и многосторонний характер, поскольку возникают между такими субъектами как донор, медицинская организация, оказывающая услуги по трансплантации, и реципиент.

Как справедливо отмечает А. В. Тихомиров «именно договор является тем основополагающим актом, которым согласуются воля и интересы вступающих в правоотношение сторон» [1, с. 31].

Характер договорно-правовых отношений между медицинским учреждением, донором и реципиентом напрямую зависит от вида донорства, которое может быть прижизненным и посмертным.

Поскольку при прижизненном донорстве органы и ткани эксплантируются из организма живого человека, субъектный состав таких правоотношений будет включать трех субъектов: медицинское учреждение, донора и реципиента.

К первым двум субъектам закон предъявляет специальные требования.

Забор, заготовку и пересадку органов и тканей человека могут осуществлять не любые, а только государственные и муниципальные учреждения, включенные в перечень, у-

верждаемый Министерством здравоохранения РФ. Частные медицинские организации не вправе оказывать медицинскую помощь такого рода.

Что касается донора, то к нему закон предъявляет не меньше требований, что обусловлено не только стремлением государства обеспечить охрану и защиту его прав и законных интересов, но также и заботой о реципиенте¹.

Существуют различные точки зрения относительно количества договоров, регулирующих процесс трансплантации.

Е. Н. Степанова считает, что «целесообразно заключать два вида договора:

– договор на оказание медицинской услуги с лечебно-профилактическим учреждением по пересадке органа с реципиентом и такой же договор по эксплантации органа с донором;

– договор дарения (пожертвования) между донором и реципиентом» [5, с. 68].

1 О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.

Шахаева А. М.

Шахаева Ф. М.

Е. Е. Метелин, критикуя указанную позицию, отмечает, что «между донором и реципиентом не должно и не может возникать никаких взаимных прав и обязанностей» [2, с. 44]. Не согласимся с указанной точкой зрения. Она применима к отношениям по трансплантации органов и тканей лишь отчасти. Закон о трансплантации действительно устанавливает режим врачебной тайны в отношении сведений о доноре и реципиенте, представляется, что в данном случае речь идет о посмертном донорстве, когда личность донора и реципиента остается неизвестной для каждой из сторон. Если же речь идет о прижизненном донорстве, которое допускается только между родственниками, в таком случае их личности будут известны, а значит, существование между ними договорных отношений возможно.

Э. М. Алсынбаева, отрицая возможность признания органов и тканей человека объектами гражданских прав, считает, что при прижизненном донорстве между всеми участниками возникающих отношений должен заключаться лишь один договор – «договор об оказании медицинских услуг по пересадке органа (ткани)» [2, с. 55-56].

Что касается субъектов договорных правоотношений при посмертном донорстве, то к ним могут быть отнесены лишь реципиент и медицинское учреждение.

Договор между донором и лечебно-профилактическим учреждением относится к группе алеаторных, так как любое медицинское вмешательство сопряжено с риском причинения вреда жизни и здоровью донора, следовательно, безопасность медицинской услуги по изъятию органов и тканей у живого донора имеет относительный характер.

Договор об эксплантации органов и тканей не может содержать условий, выдвигаемых донором относительно содержания конкретных действий обязанного, что позволяет характеризовать его как договор присоединения, его содержание практически всегда определяется в формулярах или стандартных формах, разрабатываемых медицинским учреждением.

Также договор об оказании медицинской услуги, в силу своей природы, не связан с передачей какой-либо вещи. При этом непосредственные действия исполнителя осуществляются уже в рамках заключенного договора. Таким образом, «договор об оказании медицинских трансплантационных услуг является консенсуальным и считается таковым с момента заключения, т.е. достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям договора» [4, с. 58].

Также следует признать возмездный характер договора об оказании трансплантационных услуг.

Как следует из положений ч. 1 ст. 423 ГК РФ «договор, по которому сторона должна получить плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязанностей, является возмездным». Специально не оговаривается, от кого именно сторона должна получить плату или иное встречное требование.

Из принципа надлежащего исполнения обязательств следует, что обязательство должно быть исполнено надлежащим лицом, которым как правило выступает должник. В то же время, исходя из интересов участников гражданского оборота, ГК РФ допускает исполнение обязательства третьим лицом (ст. 313 ГК РФ), только если обязательство не должно быть исполнено должником лично.

Представляется, что исполнение обязанности по оплате расходов, обусловленных изъятием и пересадкой органов и тканей от донора к реципиенту, не относится к обязательствам, которые должны быть исполнены лично каким-то

конкретным лицом. Поэтому считаем, что факт финансирования донорства и трансплантации из средств бюджетов позволяет говорить о возмездном характере договора об оказании трансплантационных услуг.

Таким образом можно сделать вывод, что в результате изъятия и пересадки органов и тканей человека возникают сложные многосторонние правоотношения, регламентация, которых осуществляется договором оказания трансплантационных услуг. Данному договору присущи следующие отличительные признаки. Договор оказания трансплантационных услуг является консенсуальным, многосторонним, возмездным, алеаторным, а также содержит в себе признаки договора присоединения.

Пристатейный библиографический список

1. Тихомиров А. В. Организационные начала публичного регулирования рынка медицинских услуг: учебное пособие. - М.: Статут, 2001. - 256 с.
2. Метелин Е. Е. Гражданско-правовой договор в системе отношений по трансплантации органов и тканей человека // Вестник РУДН. - 2008. - № 3. - С. 43-46.
3. Алсынбаева Э. М. гражданско-правовое регулирование оказания медицинских услуг по трансплантации органов и тканей человека: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: дис. ... канд. юрид. наук; Башкирский государственный университет. - Уфа, 2013. – 164 с.
4. Зайцева Н. В. Договор по оказанию медицинских услуг: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: дис. ... канд. юрид. наук; Волгоградская Академия Министерства внутренних дел Российской Федерации. - Волгоград, 2004. - 186 с.
5. Степанова Е. Н. Трансплантация органов человека: мировой опыт и Россия (гражданско-правовой аспект): специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: дис. ... канд. юрид. наук; Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. - Москва, 2004. - 228 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-191-193

ЧИХ Николай Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин института экономики, управления и права Волжского государственного университета водного транспорта

ФОМИЧЁВ Максим Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент гражданско-правовых дисциплин института экономики, управления и права Волжского государственного университета водного транспорта

БЕХТЯЕВ Сергей Павлович

начальник юридического отдела филиала АО «Тандер» в Нижегородской области

О ЗАЩИТЕ ПРАВ АРЕНДАТОРА ПРИ ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА

Статья рассматривает некоторые проблемы правового регулирования в сфере аренды коммерческой недвижимости.

Сфера арендных отношений не является обособленной от иных видов экономической деятельности, что является одной из причин возникновения всё более сложных и разнообразных сочетаний отношений, регулируемых различными отраслями права. Именно эти сочетания позволяют выявить пробелы в законодательстве, которые зачастую невозможно определить в процессе законотворческой деятельности, поскольку их проявление возможно только благодаря практическому применению субъектами экономической деятельности соответствующих норм права.

Ключевые слова: коммерческая недвижимость, аффилированное лицо, процедура банкротства, незаконная сделка, добросовестный приобретатель.

CHIKH Nikolay Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Civil law disciplines sub-faculty of the Institute of Economics, Management and Law of the Volga State University of Water Transport

FOMICHEV Maksim Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the Institute of Economics, Management and Law of the Volga State University of Water Transport

BEHTYAEV Sergey Pavlovich

Head of the Legal Department of the branch of the Joint-stock company «Tander» in the Nizhny Novgorod region

ON THE PROTECTION OF THE TENANT'S RIGHTS IN THE BANKRUPTCY PROCEDURE

The article examines some problems of legal regulation in the field of commercial real estate rental.

The sphere of lease relations is not separate from other types of economic activity, which is one of the reasons for the emergence of increasingly complex and diverse combinations of relations regulated by various branches of law. These combinations make it possible to identify gaps in legislation, which are often impossible to determine in the process of legislative activity, since their manifestation is possible only through the practical application of relevant legal norms by economic entities.

Keywords: commercial real estate, affiliated person, bankruptcy procedure, illegal transaction, bona fide acquirer.

В настоящее время институт аренды недвижимости получил достаточное развитие в действующем законодательстве и правоприменительной практике. На регулярной основе разъяснения по вопросам применения законодательства об аренде ранее давались ВАС РФ.

Однако, несмотря на обширное законодательство, наличие разъяснений высших судебных инстанций, а также огромного массива судебной практики, существует ряд практических проблем, требующих, на наш взгляд, решения на законодательном уровне.

Немаловажной проблемой является защита арендатора в случае недобросовестных действий арендодателя, связанная с процедурой банкротства. Интересен тот факт, что недобросовестность указанных действий связана не с банкротством самого арендодателя, а с банкротством его родственника либо иного аффилированного лица. Такие действия могут нести для арендатора риск досрочного расторжения договора аренды.

Арбитражный управляющий является субъектом широкого круга полномочий, с которыми закон связывает возможность защиты интересов должника, кредиторов, путем использования инструментария, предоставленного нормативными правовыми актами в сфере банкротства.

Одним из наиболее эффективных инструментов, применяемых арбитражным управляющим, объективно мож-

но считать возможность оспорить любую сделку должника либо сделку иного лица, совершенную за счет имущества должника¹.

Вместе с тем, чтобы исключить злоупотребления со стороны арбитражного управляющего, связанные с необоснованным оспариванием экономически обоснованных сделок должника, законодателем введен институт подозрительной сделки. Для квалификации сделки в качестве подозрительной, она должна быть совершена не ранее трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия указанного заявления. Результатом сделки стало причинение ущерба имущественным правам кредиторов. Важным элементом подозрительной сделки является осведомленность другой стороны сделки об имущественном положении должника и действительной цели ее совершения – нанесение вреда кредиторам должника. Если другая сторона сделки признана заинтересованным лицом, то предполагается, что ей было известно о действительной цели совершения сделки должником².

1 См.: ст. 61.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

2 См.: п. 2 ст. 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Особое внимание законодатель уделит характерным признакам, присущим всем сделкам, которые преследуют цель причинения вреда имущественным правам кредиторов.

Триггерами для запуска механизма оспаривания сделок должника служат следующие обстоятельства:

1) совершая сделку, должник заведомо не обладал достаточным объемом денежных средств для исполнения своих платежных обязательств, имущество должника также не позволяло покрыть возникшую задолженность;

2) сделка была совершена безвозмездно или в отношении заинтересованного лица, либо направлена на выплату (выдел) доли (пая) в имуществе должника учредителю (участнику) должника в связи с выходом из состава учредителей (участников) должника;

3) при совершении сделки имело место одно из следующих обстоятельств (либо их совокупность в различных сочетаниях):

– результатом сделки либо целого ряда взаимосвязанных сделок стало лишение должника имущества стоимостью свыше двадцати процентов исходя из балансовой стоимости активов либо принятие должником обязательств по сделке, исполнение которых оценивается в аналогичном размере;

– должником уничтожены документы, которые позволяют установить истинное содержание воли сторон сделки, внесены изменения в финансовую отчетность, бухгалтерские документы, документы о правах на имущество,

– в целях совершения сделки либо в результате ее совершения, должник скрылся от кредиторов путем смены места жительства или места нахождения, либо предпринял действия по сокрытию имущества от кредиторов;

– формально утратив правомочия титульного владельца имущества, должник продолжает фактически им владеть и распоряжаться, в т.ч., через своих аффилированных лиц.

В настоящее время не утратили свою актуальность разъяснения порядка применения судами норм Закона о банкротстве в части оспаривания подозрительных сделок должника, которые были даны в свое время еще Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, обратившего внимание судов на исключительный характер сделок, подлежащих оспариванию по мотиву порочности цели их совершения³.

Стандарт доказывания по данной категории дел возлагает на лицо, оспаривающее сделку, обязанность доказать наличие одновременно всех обстоятельств, которые позволяют квалифицировать сделку в качестве подозрительной:

1) единственная цель сделки – причинить имущественный вред кредиторам;

2) между результатом совершения сделки и вредом имущественным правам кредиторов имеется прямая причинно-следственная связь;

3) воля другой стороны сделки была направлена на извлечение собственной выгоды от совершения сделки при осведомленности этой стороны о том, что кредиторам должника сделка причинит имущественный вред.

Здесь необходимо сделать одно важное уточнение – действия сторон подозрительной сделки напрямую не причиняют вред кредиторам. Это происходит опосредованно, через проведение различных манипуляций с имуществом либо обязательствами должника. В результате таких манипуляций в меньшую сторону изменяется состав имущества должника, стоимость этого имущества либо происходит перераспределение номинальных долей кредиторов за счет изменения обязательств должника в пользу подконтрольных ему лиц.

Учитывая особенности очередности удовлетворения требований кредиторов, подобные недобросовестные действия могут повлечь за собой последствия вплоть до утраты добросовестными кредиторами своих прав требования.

3 См.: п. 5 Постановления от 23.12.2010 N 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III. 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Из вышеуказанных разъяснений Пленума ВАС РФ следует, что цель причинения вреда кредиторам в результате совершения сделки презюмируется в тех случаях, когда:

1) должник был неплатежеспособным на момент заключения сделки, либо обладал признаками недостаточности имущества;

2) любое из предусмотренных абз. 2–5 п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве обстоятельств имело место в наличии⁴.

Таким образом, стандарт доказывания при оспаривании подозрительной сделки предусматривает, что должны быть представлены доказательства причинения вреда имущественным правам кредиторов, именно эту цель преследовали стороны при заключении сделки и другой стороне об этой цели было известно.

На практике нередко встречаются случаи, когда, стремясь вывести недвижимое имущество из-под возможности обращения на него взыскания по долгам, должник заключает фиктивные договоры дарения со своими родственниками. Такой способ вывода имущества представляется ему наиболее оптимальным, поскольку дарение между близкими родственниками налогами не облагается. Однако, суды часто признают договоры дарения недействительными, направленными на причинение вреда кредиторам по указанным выше основаниям.

Наглядным примером может служить судебный акт Семнадцатого арбитражного апелляционного суда, который признал недействительным договор дарения, совершенного между отцом и его дочерью: «Исходя из того, что спорный договор был заключен Гоголевым Г. Н. со своей дочерью, суд также правомерно посчитал Одаряемого заинтересованным лицом, так как в силу п. 3 ст. 19 Закона о банкротстве заинтересованными лицами по отношению к должнику-гражданину признаются его супруг, родственники по прямой восходящей и нисходящей линии, родители, дети, сестры и братья супруга. Следовательно, будучи заинтересованным лицом Гоголева Е. Г могла знать о неплатежеспособности должника на момент совершения оспариваемой сделки.

При таких обстоятельствах суд первой инстанции правомерно удовлетворил заявление конкурсного управляющего о признании недействительным договора дарения от 01.08.2013.»⁵.

При этом, неправомерными действиями со стороны арендодателя будут считаться действия по совершению оспариваемой сделки – арендодатель, заключая такую сделку, знает о ее действительной цели, а именно вывод имущества.

Заклучив договор аренды с собственником, получившим право собственности на объект недвижимости по указанному выше основанию, арендатор рискует потерять право аренды в связи с признанием договора ничтожным по иску арбитражного управляющего.

Основанием для признания договора аренды ничтожным будет отсутствие у арендодателя права собственности на объект недвижимости в связи с признанием недействительным договора, на основании которого имущество перешло к арендодателю.

Вышеприведенный вывод не является сутубо теоретическим, поскольку существуют реальные кейсы судебной практики, подтверждающие обоснованность опасений за права арендатора в связи с оспариванием сделки должника с аффилированным лицом.

В частности, арбитражный суд Дальневосточного округа признал ничтожным договор аренды по указанному основанию: «Суды, установив, что право собственности на спорное имущество у ИП В. В. Виноходова по договору купли-продажи от 28.07.2009 не возникло, пришли к выводу о том, что договор аренды от 03.08.2009 в отношении данного имущества также является ничтожным в силу статьи 168 ГК РФ.»⁶.

4 См.: п. 6 Постановления от 23.12.2010 N 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III. 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

5 См.: постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда, от 5 сентября 2016 г. N 17АП-10269/2016- ГК.

6 См.: постановление арбитражного суда Дальневосточного округа от 13.03.2013 по делу № А04-5484/2011.

Таким образом, арендатор не защищен от потери права аренды, а также связанных с этим убытков и упущенной выгоды, в том случае, когда он заключил договор аренды с аффилированным лицом банкрота.

Проблематика сделок с аффилированными лицами в процедурах банкротства и последствиями, связанными с заключением данных сделок, не является уникальной для мирового опыта. В частности, серьезное внимание вопросам банкротства уделяется в Республике Казахстан, где в 2014 году принят новый Закон РК №176-V «О реабилитации и банкротстве». Особое внимание законодателя удостоились как раз вопросы недействительности сделок, заключаемых с аффилированными лицами [3].

В отечественной юридической литературе справедливо обращается внимание на недостаточное изучение проблематики, связанной с судьбой обременений в процедуре банкротства. Исключением можно считать только залог, возникающий в случае совершения сделок по продаже имущества на торгах [1].

Указанному виду обременения посвящено достаточное количество научных исследований, имеется внушительный пул судебной практики и подробных разъяснений высших судов⁷.

Получается, что арендатор, заключая договор со своим контрагентом, априори несет риск утраты права аренды в случае неправомерного поведения арендодателя. Данный риск арендатор не может просчитать и предупредить заранее, поскольку он не обладает информацией о финансовом положении и долгах предыдущего собственника.

Развитие ситуации в противоположном русле ни в коем случае не могло отвечать интересам арендатора при заключении договора аренды. На практике, в ходе анализа рисков заключения сделки, арендатор сосредотачивает свое внимание на текущем титульном владельце объекта недвижимости, оценивая его финансовые возможности и обязательства на основе предоставленных документов и данных из открытых источников.

Не секрет, что зачастую предметом процедуры due diligence являются сделки, по которым объект недвижимости приобретался у государства или муниципального образования. В этом случае арендатор имеет возможность выявить пороки такой сделки и оценить собственные риски, поскольку информация находится в свободном доступе на сайте организатора торгов.

Относительно сделок, совершаемых иными субъектами гражданского оборота, такая возможность отсутствует. Арендатор может лишь проанализировать сведения из правоустанавливающих документов, не имея возможности достоверно установить мотивы отчуждения недвижимости.

С другой стороны, совершая сделку, конечным результатом которой является вывод имущества из конкурсной массы, должник явно допускает возможность его дальнейшей передачи в аренду. Данное обстоятельство зачастую подтверждается еще и тем, что, признавая недействительной сделку должника, суд указывает на фактическое обладание вещью должником, а не титульным собственником. Более того, должник в отношении такой вещи может фактически осуществлять правомочия собственника (например, вести переговоры с арендатором).

В этой связи возможность признания договора аренды ничтожным, представляется не соответствующей принципу справедливости — ведь фактически воля должника была направлена на заключение и исполнение договора аренды.

Исследователи правоотношений в рассматриваемой сфере справедливо отмечают, при рассмотрении вопроса о действительности договора аренды в рамках дела о банкротстве арендодателя исследованию судами подлежат обстоятельства, связанные с неравноценностью встречного исполнения по данному договору (несоответствие размера арендной платы рыночным условиям) [2].

Полагаем, что баланс интересов кредиторов и арендатора может быть достигнут в том случае, если будет исключена возможность безусловного прекращения договора аренды в случае порочности сделки по отчуждению имущества банкрота — такое имущество должно возвращаться в конкурсную массу с обременением в виде существующей аренды добросовестного арендатора. Вопрос о целесообразности сохранения договора аренды должен подлежать разрешению в порядке статьи 102 Закона о банкротстве, т.е. отказ возможен только при наличии объективных обстоятельств, свидетельствующих о явной обременительности для должника сохранения действия договора аренды.

Таким образом, арбитражный управляющий получает источник дохода в виде арендных платежей для финансирования процедуры банкротства и погашения задолженности, сохранив возможность отказаться от договора аренды по объективным причинам. В свою очередь, арендатор сохранит право владения и пользования имуществом, что исключает его предполагаемые убытки, связанные с расторжением договора аренды.

В целях улучшения механизма взаимодействия арбитражного управляющего с добросовестным арендатором предлагается внести изменения в статью 61.6 Закона о банкротстве, дополнив ее пунктом 6 следующего содержания:

«6. Признание недействительной сделки по отчуждению недвижимого имущества должника не является безусловным основанием для признания недействительными сделок, направленных на обременение такого недвижимого имущества должника, заключенных с лицами, добросовестно полагавшимися на сведения Единого государственного реестра недвижимости на момент заключения сделки.

В этом случае недвижимое имущество возвращается в конкурсную массу с сохранением соответствующих обременений. Отказ от исполнения сделок, послуживших основанием для наложения обременения на недвижимое имущество должника возможен только по основаниям, предусмотренным статьей 102 настоящего Федерального закона.»

Однако, возникает ещё один вопрос: как быть, если к моменту выявления арбитражным управляющим оснований для признания незаконной сделки по отчуждению недвижимого имущества банкротом, данное имущество уже перейдет в собственность добросовестного приобретателя, который при совершении сделки руководствовался сведениями из Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН)?

Полагаем, что в рассматриваемой ситуации отсутствуют основания для изъятия объекта недвижимости у добросовестного приобретателя в порядке статьи 302 ГК РФ, т.к. воля собственника (банкрота) явно направлена на отчуждение имущества. Арбитражный управляющий сможет тут рассчитывать только на возмещение стоимости недвижимого имущества аффилированным лицом банкрота, сделку с которым заключил добросовестный приобретатель.

Соответственно, в такой ситуации арендатору ни что не угрожает, вне зависимости от того, с каким именно из титульных владельцев был заключен договор аренды (банкротом, его аффилированным лицом либо добросовестным приобретателем).

Пристатейный библиографический список

1. Сайфуллин Р. И. Банкротство арендодателя: судьба обременения в виде права аренды // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2019. - № 10.
2. Карапетов А. Г., Матвиенко С. В., Мороз А. И., Сафонова М. В., Фетисова Е. М. Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за июнь 2018 г. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2018. - № 8.
3. Мороз С. П., Шукурова С. М. Новеллы законодательства Республики Казахстан о реабилитации и банкротстве // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. - 2014. - № 2.

⁷ См.: пункт 12 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя».

ДЗАМНАШВИЛИ Реваз Резоевич

аспирант РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

КЛАССИЧЕСКОЕ ИСЛАМСКОЕ СЕМЕЙНОЕ ПРАВО В СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОВЫХ РЕАЛИЯХ

Статья рассматривает особенности исламского семейного частного права при разделе имущества супругов, а также современный взгляд на применение его норм в судах общей юрисдикции. Исламское семейное право предполагает договорную основу заключение брака и разделяющую модель гендерного равенства, что при корреляции с романо-германской и англосаксонской правовыми системами влечет разные подходы к разделу имущества супругов. На основе практики судов США и Канады можно выделить два основных подхода к разделу имущества супругов на основе исламского соглашения о браке, рассматривая его как брачный договор или договор займа.

Ключевые слова: семейное право, раздел имущества супругов, исламское семейное право.

DZAMASHVILI Revaz Rezoevich

postgraduate student of the RANEPa under the President of the Russian Federation

CLASSICAL ISLAMIC FAMILY LAW IN MODERN LEGAL REALITIES

The article examines the features of Islamic family private law in the division of property of spouses, and a modern view of the application of its norms in courts of general jurisdiction. Islamic family law presupposes a contractual basis for marriage and a separating model of gender equality. When correlated with the Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal systems, it entails different approaches to the division of marital property. Based on the practice of the courts of the USA and Canada, there are two main approaches to the division of marital property on the basis of an Islamic marriage agreement, considering it as a prenuptial agreement or a loan agreement.

Keywords: family law, division of marital property, Islamic family law.

Исламское право является одной из восьми существующих в мире правовых семей. Актуальность его изучения для России характеризуется тем, что часть населения, относящего себя к мусульманской конфессии, является значительной и по различным источникам насчитывает от 10 до 30 млн. человек.

Несмотря на то, что действующее российское семейное законодательство не признает религиозный брак, влияние семейного мусульманского права в мусульманских регионах страны является существенным. А заключённые религиозные браки дефекта признаются общественностью и религиозной общиной. В связи с чем, нельзя недооценивать влияние исламского семейного права на общественную жизнь.

Необходимо отметить, что в данной статье оценка семейных ценностей в исламе проведена исключительно для понимания возникновения правовых отношений, с целью дальнейшей их интерпретации в современных правовых реалиях. И рассматривается только классическое исламское семейное право, включающее в себя типичную до 1258 г. правовую и судебную систему арабско-мусульманского государства.

Появление исламского семейного права датируется VI-VII веком, и приходится на этап начала междоусобиц в Европе и рассвет Востока. Примечательно, что на момент появления, исламское семейное право имело правовые нормы, которые выглядели очень передовыми по сравнению с сформировавшимися к тому моменту европейскими, основанными на Римском праве, кодексе Юстиниана и Христианской философии. Например, не смотря на сильное влияние религии на исламское и европейское право средневековья, мусульманское семейное право более широко и либерально рассматривало вопросы прекращения брака, в то время как европейское право до недавнего времени не предусматривало возможности развода. Стоит отметить и тот факт, что

с позиции истории и философии юридической науки, мусульманское семейное право интересно еще и тем, что имеет договорную основу. При этом особенностью существования этих отношений является религиозная идеология и мораль.

Исламскому семейному праву свойственны следующие признаки:

- 1) подчиненность религиозной морали и идеологии;
- 2) упор на семейные ценности, в рамках всей правовой доктрины;
- 3) разделяющая модель понимания гендерного равенства;
- 4) юридическое основание (базис) заключения и существования брака

Необходимо отметить, что именно на неразрывной совокупности этих четырех факторов строится уникальность исламской философии семейных ценностей и права.

Рассматривая философию семейных ценностей в исламе с точки зрения юридической науки наиболее интересным является договорной аспект заключения брака. В соответствии с мусульманским правом брак - это договор мужчины и женщины, который заключается при согласии сторон и учитывает множество обоюдных обязательств. Для легитимности исламского брачного договора должны быть соблюдены следующие условия:

- публичное согласие жениха и невесты;
- согласие покровителя невесты на брак. Согласие также может выразить и судья по делам шариата, в случае отсутствия у невесты покровителя;
- подтверждение согласия жениха и невесты двумя свидетелями.

Необходимо отметить, что только при соблюдении этих условий, брак может состояться. Также необходимо отметить и тот факт, что женщину нельзя насильственно заставить заключить брак с мужчиной с которым она не желает.

Одновременно с тем, что заключение исламского брачного договора и брака в исламе является обоюдным решением, в исламе заложено разное гендерное восприятие. Исламское семейное право иначе подходит к равенству полов чем западный мир. При этом типичный западный стереотип от том, что мусульманские женщины угнетены и нуждаются в защите от сэксистски настроенных к ним мусульманских мужчин, ошибочен и вызван не знанием исламской культуры и закрытостью исламской семьи. «В исламе заложено равенство достоинства мужа и жены. Так мужчина и женщина признаются равными перед богом, а соответственно полноценными дополняющими друг друга личностями» [7].

Бытующий в западном мире стереотип от том, что женщины в исламе ущемлены и имеют меньше прав не совсем верен. Действительно, мусульманское понимание семьи и равенства полов имеет внешний оттенок сэксистских настроений, однако в реальности дифференцированный подход к равенству мужчины и женщины показывает правовую защищенность обоих полов. Так отсутствие определенных прав и свобод у женщин, порождает появление у них других прав, которые в свою очередь возлагаются на мужчину в виде обязательств.

Необходимо отметить, что оценивая гендерное правовое равенство в исламском праве, нужно дифференцировать идеи равенства и сходства. Так оба пола имеют тождественные, но не аналогичные права. В мусульманском семейном праве у супругов есть как взаимные, идентичные обязанности, так различные права, которые уравнивают супругов. Так на мужа возлагается материальное обеспечение и защита семьи. На жену забота о семье и доме. «Мужчины являются попечителями женщин, потому что Аллах дал одним из них преимущество перед другими и потому что они расходуют из своего имущества. Праведные женщины покорны и хранят то, что положено хранить, в отсутствие мужей, благодаря заботе Аллаха»¹.

Однако если в случае с правами и обязанностями, регулируемыми совместное проживание супругов, их различия уравниваются за счет взаимного распределения, то в случае расторжения брака дифференциация прав существенна. Так несмотря на то, что талак (развод) является крайней мерой, исламское семейное право дает только мужчинам возможность принимать это решение. Однако необходимо отметить, что существует ряд оговорок, когда женщина может стать инициатором развода.

В исламском семейном праве существуют следующие причины по которым жена может быть инициатором развода:

- 1) Инвалидность или сильная болезнь одного из супругов.
- 2) Грубое обращение или побои от мужа.
- 3) Уход мужа из семьи или пропажа его без вести.
- 4) Невозможность супруга выплачивать содержание.
- 5) Клевета супругом о неверности жены

В случае развода, в соответствии с исламскими правовыми нормами, женщина заведомо более ограничена в правах на имущество, чем мужчина. Основным личным имуществом жены в исламе является махр. Махр – подарок (приданое) невесте от жениха в честь заключения брака: «И давайте женам их вено в дар»². «В многочисленных хадисах Пророк Мухаммад обязывал сподвижников перед заключением бра-

ка давать махр их будущим женам» [2]. Махр может быть выплачен как одновременно с заключением брака, так и до его заключения или отсрочен и выплачен после него, в один или несколько этапов, в зависимости от тех условий, которые прописаны в исламском брачном договоре. По сути махр является своеобразным «спасательным жилетом»³ для жены на случай развода. Однако в случае инициации развода женой, она лишается права на махр, тем самым оставаясь без какого-либо имущества.

Рассматривая эту правовую норму в современных реалиях светских государств, стоит обратиться к практике судов США. Несмотря на то, что в США действует англо-саксонская система права, анализ судебной практики именно этой страны интересен по следующим основаниям: признание религиозных браков, наличие судебных прецедентов, существование дифференциации равенства полов в относительно недавнем прошлом.

В настоящее время суды США и Канады начали признавать махр при разводе и разделе имущества мусульманских пар. Однако не могут прийти к единогласному мнению о том, как правильно воспринимать махр. Необходимо уточнить, что не смотря на то, что основной возникновению семейного союза в исламе является брачный договор, именно махр определяет при разводе идеологию правовых норм, применяемых государственным судом. Основной сложностью с которой столкнулись суды США и Канады является восприятие махра как части брачного договора или самостоятельного договора дарения. В настоящее время у судов Канады и США существуют два взгляда на понятия махра, которые определяют причины возникновения права, а соответственно и идеологию применения правовых норм.

Первая точка зрения рассматривает махр как часть брачного договора, тем самым признает и легитимность самого исламского брачного договора. Однако в этом случае возникает коллизия идеи исламского семейного права и светского семейного права. В качестве яркого примера стоит привести дело «S. D. против M. J. R». Рассмотренное в Нью-Джерси, в котором жена стала инициатором развода и через суд требовала запрета на приближение к ней ее супруга, а также выплаты ей махра. В качестве обоснования своих доводов истица ссылалась на избиение и насильственное отношение к ней со стороны мужа. Суд счел, что признавая махр, истица признает применение исламского семейного права. Суд отклонил иск о выдаче судебного запрет на приближение к истице, установив, что муж не имел необходимых намерений, для совершения преступления, поскольку он придерживался подлинной религиозной веры в то, что он имеет право на сексуальные отношения по требованию от своей жены. Это решение было отменено Апелляционным судом Нью-Джерси, но вопрос о том, было ли оно правильным в соответствии с современными версиями шариата, остается спорным. С одной стороны, суд действительно верно рассудил, что признавая махр, истица по сути была согласна и признавала применение норм исламского семейного права. С другой стороны остается открытым вопрос, верна ли была трактовка исламских семейных норм в отношении сексуальной жизни супругов и грани насильственных действий. В силу того, что со времени написания Корана оценка граней дозволенности в супружеской сексуальной близости изменилась, остается

1 Коран. Сура 4. Женщины, аят 34.

2 Коран. Сура 4. Женщины, аят 4.

3 Оксфордский справочник исламского права. Инкорпорация шариата в Северной Америке: принуждение Махр к борьбе с женской бедностью после распада отношений. Наташа Бахт. 2018

открытым вопрос какого уровня при вынесении стоит придерживаться, исламского или светского. Основная коллизия между исламскими нормами семейного права и светскими нормами семейного права заключается в том, что в случае не признания судом, как и в деле рассмотренном в Нью-Джерси, сексуальных действий в отношении жены насильственными, но при этом признании применения исламских семейных норм жена лишается права на махр, в соответствии с нормами исламского семейного права, как инициатор развода.

Описанный случай из Нью-Джерси наиболее полным образом показывает гендерную дифференциацию в семейном исламском праве, в случае развода. Существование подобной ситуации ведет к заведомому материальному неравенству мусульманских женщин в случае развода.

Вторая группа юристов США и Канады определяет махр, как договор дарения, который, тем самым признает за женой махр как личное имущество супруга, а в случае с отложенным махром, как долговые обязательства одного супруга перед другим. Данная трактовка махра обосновывается следующим доводом. Согласно исламского семейного права, махр является формальным требованием всех исламских браков, сделать подарок жене в связи с браком, а его цель состоит в том, чтобы обеспечить жену чем-то денежным после самого брака. В свою очередь махр не является правом жены на собственность мужа, поскольку по исламскому семейному праву не существует такого понятия, как супружеская или совместная собственность. Любое имущество, принесенное в брак женой или мужем или приобретенное во время брака, остается собственностью соответствующего супруга.

Необходимо отметить, что такая трактовка махра снижает неравенство в отношении имущественных прав мусульманских женщин, однако в некоторых случаях приводит к злоупотреблению правом. Необходимо заметить, что при определенном ходе событий не добросовестный супруг может придерживаться более выгодной для себя формулировки. В случаях, когда махр не заменяет собой государственные имущественные правила при разводе, а является просто долгом мужа перед женой, такой результат выгоден женщинам, состоящим в браке с небольшим количеством имущества или вообще без него, поскольку он позволяет женам получать некоторую финансовую поддержку от своих бывших мужей даже там, где они не имели бы права на какое-либо имущество после развода. В качестве примера можно упомянуть дело «Азиз против Азиза», в котором Верховный суд штата Нью-Йорк постановил, что махр, предусматривающий выплату 5000 долларов от мужа жене, может быть исполнен как договорное обязательство, несмотря на то, что он был заключен как часть религиозной церемонии.

Стоит отметить, что общий контрактный подход к обеспечению соблюдения соглашений о махре особенно полезен для тех мусульманских женщин, которые могут вступать в брак только по религиозным соображениям или в соответствии с исламскими законами, но не по гражданским или в соответствии с законами страны. Показательным примером может стать дело «Рашид против Шахер» рассмотренное в Онтарио. Верховный суд Онтарио ввел в действие махр, используя обычное договорное право, когда пара не состояла в зарегистрированном браке. Поскольку пара прошла через религиозную, а не гражданскую церемонию бракосочетания, их претензии по семейному праву не могли быть рассмотрены с помощью семейного законодательства. Пара также не прожила достаточно долго, чтобы считаться супругами на основании канадского семейного законодательства. Однако

пара подписала два договора, исламский брачный договор, в котором указано, что муж заплатил жене первоначальный махр в размере 20 000 долларов, и должен ей отложенную сумму в размере 40 000 долларов. А также второй контракт, год спустя, который подтвердил условия первоначального брачного договора. Суд не увидел никакой государственной или политической причины не соблюдать достигнутое сторонами соглашение.

Иногда махр может быть единственным способом, с помощью которого женщина имеет право на какую-либо денежную помощь от мужа. Что также может быть применимо и к современным российским условиям, в связи с тем, что многие мусульманские браки не имеют государственной регистрации. Так в настоящее время мусульманские браки заключаются в мечете согласно всем религиозным традициям ислама, с заключением брачного договора и соглашения о махре, при этом мула выдает аналог «свидетельства о браке», в случаях когда брак мужчины заключается с первой женой пара как правило заключает брак и в органах ЗАГС. Однако когда мужчина берет себе вторую и последующую жену, регистрация в органах ЗАГС уже не возможна, при этом женщина, которая является женой по шариату, не имеет никаких имущественных прав в соответствии с государственным законом. Таким образом, признание соглашения о махре, как долгового обязательства в российской судебной системе позволило бы предоставить женщинам минимальные имущественные гарантии как в соответствии со светским законом, так и исламским семейным правом.

Пристатейный библиографический список

1. Коран (перевод Эльмира Кулиева). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Falaq.ru.
2. Исламский энциклопедический словарь (2007). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.religion.in.ua/news/vazhливо/26442-evropejskij-sud-popravamcheloveka-strany-ne-obyazany-registrirovat-odnopolye-braki.html> (дата обращения: 12.06.2019).
3. Бахт Н. Инкорпорация шариата в Северной Америке: принуждение Махр к борьбе с женской бедностью после распада отношений // Оксфордский справочник исламского права. Под редакцией Анвера М. Эмона и Румии Ахмеда — Оксфорд: Свое издательство, 2018.
4. Гайсина Л.Т. Судебное расторжение брака в классическом исламском праве // Вестник удмуртского университета. – 2014. – Выпуск 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnoe-rastorzhenie-braka-v-klassicheskom-islamskom-prave>.
5. Абдулаева М.А. Правовое положение женщины в исламе // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-polozhenie-zhenschiny-v-islame/viewer>.
6. Магомедов И.А. Особенности мусульманского семейного права // Известия вузов. Северо-кавказский регион. – 2005. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-musulmanskogo-semeynogo-prava>.
7. Особенности мусульманского семейного права // Известия вузов. Северо-кавказский регион. – 2005. – № 2.

БЕЛАНОВА Галина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета

БУРЛОВА Юлия Александровна

кандидат юридических наук, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

ЗАХАРОВА Галина Серафимовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета

ПРИМЕНЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуется сущность и порядок применения арбитражным судом предварительных обеспечительных мер. Анализируется законодательство и судебная практика применения предварительных обеспечительных мер. Выявлены условия, при наличии которых арбитражный суд удовлетворяет заявление о применении предварительных обеспечительных мер.

Арбитражным судом выносится определение о применении предварительных обеспечительных мер, в связи с чем, в статье высказывается мнение о возможности его отмены. В статье указывается на сроки предъявления иска после применения предварительных обеспечительных мер. В заключении сделан вывод о большей эффективности предварительных обеспечительных мер по сравнению с мерами, которые применяются после возбуждения дела в суде.

Ключевые слова: арбитражный процесс, арбитражный суд, предварительные обеспечительные меры, обеспечение иска.

BELANOVA Galina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Law of the North-Caucasian Federal University

BURLOVA Yuliya Aleksandrovna

Ph.D. in Law, professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ZAKHAROVA Galina Serafimovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Law of the North-Caucasian Federal University

APPLICATION OF PRELIMINARY INTERIM MEASURES IN THE ARBITRATION PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the essence and procedure for the application of provisional interim measures by the arbitration court. The legislation and judicial practice of application of preliminary interim measures are analyzed. The conditions under which the commercial court satisfies the application for the application of provisional interim measures have been identified.

The arbitration court issues a ruling on the application of provisional interim measures, in connection with which, the article expresses the opinion on the possibility of its cancellation. The article indicates the time frame for filing a claim after the application of preliminary interim measures. In conclusion, it is concluded that preliminary interim measures are more effective than the measures that are applied after the initiation of a case in court.

Keywords: arbitration process, arbitration court, preliminary interim measures, securing a claim.

До принятия Арбитражного процессуального кодекса РФ в 2002 г. в российском процессуальном праве не предусматривалось применение предварительных обеспечительных мер. Отдельные положения, связанные с предварительным обеспечением иска, были предусмотрены в специальном законодательстве, например в нормативных актах о торговом мореплавании.

В некоторых научных публикациях встречается употребление терминов «предварительные обеспечительные меры» и «досудебные обеспечительные меры» в качестве синонимов [1, с. 90]. Полагаем, что данный подход является неправомерным. Только суд вправе применять обеспечительные меры как до возбуждения дела в суде, так и после его возбуждения. Термин «досудебные» означает до суда, то есть без его вмешательства, а значит, данный термин не может употребляться для характеристики существующего в арбитражном процессе института предварительных обеспечительных мер.

Представляется, что данный правовой институт был введен в арбитражный процесс в связи с необходимостью унифицировать его в соответствие с нормами международного права, а также с целью гарантировать фактическое исполнение решений арбитражных судов.

Поскольку в соответствие со ст. 99 АПК РФ истец получил право обращаться в арбитражный суд с заявлением об обеспечении иска до возбуждения самого дела, то, в связи с этим арбитражные процессуальные отношения возникают ранее подачи иска и возбуждения дела.

Представляется, что применение данного правового института способствует более эффективной защите прав кредитора как участника гражданских правоотношений. При применении обычных мер по обеспечению иска после возбуждения дела в арбитражном суде, это не всегда способствует защите прав истца, поскольку ответчик уже осведомлен о намерении возбудить против него дела в суде (поскольку уже получил копию искового заявления), и соответственно, может предпринять меры по сокрытию своего имущества. Что же касается предварительных обеспечительных мер, то поскольку они применяются до возбуждения дела, то потенциальный ответчик еще не осведомлен о намерениях истца и не предпринимает попыток уклониться от материальной ответственности. Таким образом, предварительные обеспечительные меры всегда неожиданны для ответчика и поэтому эффективны.

Необходимо иметь в виду, что применение предварительных обеспечительных мер в силу принципа диспозитивности, действующего в арбитражном процессе, является правом, а не обязанностью истца. И суд, со своей стороны, не может применить эти меры без соответствующего заявления со стороны истца.

Кроме того, в тех случаях, когда ответчик понимает свою неправоту, применение предварительных обеспечительных мер может способствовать заключению внесудебного мирового соглашения между сторонами, и тем самым способствовать разгрузке суда.

При применении предварительных обеспечительных мер используются общие правила, предусмотренные главой 8 АПК

РФ. Заявление в данном случае рассматривается судьей единолично и без извещения и вызова сторон. В то же время, имеются и специфические основания для применения предварительных мер. С учетом общих положений и специальных, предусмотренных ст. 99 АПК РФ, можно выделить следующие условия применения предварительных обеспечительных мер:

1. Требование, которое просит обеспечить заявитель, должно быть отнесено к компетенции арбитражного суда.

Несмотря на то, что при отсутствии искового заявления может быть сложно определить к компетенции какого суда относится спор (общего или арбитражного), заявитель должен убедительно доказать его сущность, чтобы арбитражный суд не сомневался в возможности его рассмотрения именно арбитражным судом.

2. Характер заявляемых требований должен носить имущественный характер.

В постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9.12.2002 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса РФ»¹ в п. 13 указано на то, что предварительные обеспечительные меры применяются арбитражным судом только в том случае, если заявитель убедительно доказал наличие у него имущественных требований. В качестве доказательств этого могут быть использованы договоры; документы, подтверждающие перечисление денежных средств; документы, подтверждающие регистрацию права собственности и другие. Предварительные обеспечительные меры не применяются, если они не связаны с предметом спора.

3. При предъявлении заявления о применении предварительных обеспечительных мер необходимо соблюдать правила подсудности. Арбитражный процессуальный кодекс РФ в ч. 3 ст. 99 указывает на возможность подачи такого заявления по месту нарушения прав или по месту нахождения заявителя, либо по месту нахождения имущества, в отношении которого просят применить обеспечительные меры. Следовательно, в данном случае речь идет об альтернативной подсудности и право выбора предоставлено заявителю.

На такую возможность обращается особое внимание и в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9.12.2002 г. № 11 п.13 и в п. 31 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 г. № 55 «О применении арбитражным судом обеспечительных мер»².

4. Внесение встречного обеспечения заявителем.

Заявитель должен со своей стороны гарантировать возмещение возможных убытков потенциальному ответчику. С этой целью он должен внести на депозит арбитражного суда сумму эквивалентную указанной в заявлении сумме обеспечения имущественных интересов (ч. 4 ст. 99 АПК РФ), что и является встречным обеспечением.

Если заявитель не приложит к заявлению документ, подтверждающий перечисление в депозит суда соответствующей суммы, то его заявление, в соответствии со ст. 128 АПК РФ, будет оставлено без движения с указанием срока, в течение которого необходимо устранить указанный недостаток.

5. Для удовлетворения заявления заявитель обязан доказать невозможность или затруднительность исполнения будущего судебного решения. Либо он должен доказать необходимость предотвращения значительного ущерба, который может повлечь не применение обеспечительных мер.

Доказывание недобросовестного поведения обязанного лица, направленного на нарушение прав заявителя и возможное воспрепятствование исполнению будущего судебного решения, всегда вызывает сложности, поскольку часто речь идет о фактах, которые могут возникнуть в будущем. В связи с этим, в одном из своих судебных актов Верховный Суд РФ указал, что нет необходимости при решении вопроса о применении обеспечительных мер с высокой степенью достоверности устанавливать факты, предусмотренные в ч. 2 ст. 90 АПК РФ, а достаточно только разумных подозрений в возможности их возникновения³.

6. Предварительные обеспечительные меры должны быть соразмерны требованию заявителя.

Поскольку в Арбитражном процессуальном кодексе РФ отсутствуют четкие критерии для определения соразмерности обеспечительных мер заявленным требованиям, для разреше-

ния данного вопроса необходимо обращаться к материалам судебной практики. В настоящее время отсутствуют какие-либо позиции Верховного Суда РФ и поэтому необходимо обращаться к имеющимся и применяемым позициям Высшего Арбитражного Суда РФ. [2. с. 39] В первую очередь это уже указанное постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 55. В нем разъясняется, что разрешение указанного вопроса зависит от соотносимости прав и интересов, о защите которых просит заявитель, от стоимости имущества, на которое он просит наложить арест, либо от имущественных последствий запрещения должнику совершать определенные действия (п.п. 9-10)

7. Содержание заявления об обеспечении иска должно отвечать требованиям ч. 2 ст. 92 АПК РФ.

8. Заявление должно быть оплачено государственной пошлиной.

В настоящее время, в соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 333.21 НК РФ государственная пошлина по таким заявлениям составляет 3000 рублей.

Удовлетворяя заявление о применении предварительных обеспечительных мер, арбитражный суд выносит определение. В этом же определении суд устанавливает срок в пределах пятнадцати дней, в течение которого заявитель должен обратиться в арбитражный суд с иском о защите своего нарушенного права, если по закону не требуется соблюдения досудебного порядка урегулирования спора. Если в соответствии с законом до возбуждения дела в арбитражном суде необходимо соблюдать претензионный или досудебный порядок урегулирования спора, то в определении суда устанавливается срок для предъявления претензии другой стороне. Этот срок не должен превышать пятнадцати дней со дня вынесения определения о применении обеспечительных мер. Соответственно, срок предъявления иска в этом случае сдвигается на период урегулирования спора (установленный законом или договором) и плюс еще пять дней.

Исковое заявление подается в соответствии с правилами подсудности, поэтому оно может быть подано как в суд, который применил предварительные обеспечительные меры, так и в другой арбитражный суд. В последнем случае к искомому заявлению прилагается определение о применении предварительных обеспечительных мер.

После возбуждения дела в арбитражном суде в отношении принятых обеспечительных мер могут быть применены любые правила, предусмотренные гл. 8 АПК РФ, в том числе и об их отмене.

Российское арбитражное законодательство предусматривает необходимость отмены арбитражным судом по своей инициативе принятых обеспечительных мер, если исковое заявление не предъявлено в течение пятнадцати дней (ч. 8 ст. 99 АПК РФ). Полагаем, что в данном случае вряд ли необходима инициатива суда, более уместна была бы инициатива должника, как это имеет место, например, в ГПК ФРГ [3, с. 25].

Таким образом, можно сделать вывод, что применение предварительных обеспечительных мер, возможно за 15 дней (а при необходимости соблюдения досудебного порядка урегулирования спора этот срок удлинится) до обращения в арбитражный суд с иском о защите своего права, и требует соблюдения ряда условий, о которых сказано выше. Все эти условия должны быть применены одновременно.

Значение института применения предварительных обеспечительных мер состоит в том, что он обладает большей степенью эффективности для защиты интересов истца по сравнению с обычными обеспечительными мерами.

Пристатейный библиографический список

1. Рябинин А., Русецкий П. Трансграничные обеспечительные меры при взыскании задолженности в ЕС // Банковское обозрение. Приложение «БанкНадзор». – 2017. – № 1. – С. 90-91.
2. Спицин И. Н. Арест и принцип соотносимости требований взыскателя и мер принудительного исполнения // Вестник исполнительного производства. – 2016. – № 1. – С. 39-50.
3. Штанке Э. Предварительная судебная защита прав в гражданском процессуальном праве Германии. – СПб., 2002. – 32 с.

1 Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 2.

2 Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2006. – № 12.

3 Определение Верховного Суда РФ от 16.01.2020 г. № 305-ЭС19-16954 по делу № А40-168999/2015.

ПОНОМАРЕНКО Виктория Андреевна

студент 4 курса Международно-правового факультета МГИМО (У) МИД России

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ НАИМЕНОВАНИЯ МЕСТА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРА (НМПТ), ГЕОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАНИЯ (ГУ) В РОССИИ, APPELLATION D'ORIGINE И INDICATION GÉOGRAPHIQUE ВО ФРАНЦИИ

Данная статья является актуальной, так как географическое указание в качестве средства индивидуализации субъектов и товаров введено в российское гражданское законодательство сравнительно недавно. Соответственно, по применению географического указания эффективная судебная практика ещё не наработана, но при этом возникают сложности в его отделении от наименования места происхождения товара. В таких условиях представляется логичным сравнить соответствующее российское регулирование и судебную практику с зарубежными аналогами в такой стране, где упомянутое разграничение существует исторически. В статье освещаются понятия «наименования места происхождения товара» и «географическое указание», рассматриваются их сходные черты и принципиальные различия. Также проводится сравнительный анализ с одноименными юридическими категориями права Франции: «*appellation d'origine*» и «*indication géographique*». Кратко рассматривается использование данных понятий на практике. Целью статьи является установление разграничения географического указания и наименования места происхождения товара, в особенности, в отношении защиты, испрашиваемой для зарубежных товаров, а также выявление пробелов российского регулирования и судебной практики в части применения нового института. Автор приходит к выводу, что такие пробелы имеются, однако наметилась позитивная тенденция в части их устранения.

Ключевые слова: географическое указание, НМПТ, охрана и защита средств индивидуализации, зарубежные ГУ и НМПТ.

PONOMARENKO Viktoriya Andreevna

student of the 4th course of the Faculty of the International Law of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

LEGAL NATURE AND PARTICULARITIES OF THE REGULATION OF APPELLATION OF ORIGIN AND GEOGRAPHICAL INDICATION UNDER RUSSIAN LAW COMPARED TO APPELLATION D'ORIGINE И INDICATION GÉOGRAPHIQUE UNDER FRENCH LAW

This article is of current interest as geographical indication as a means of individualisation of entities and goods has been introduced into the Russian civil legislation recently. Therefore, there is no effective jurisprudence on the application of geographical indication and there are difficulties in distinguishing it from the appellation of origin of goods. Given such circumstances, it seems logical to compare the Russian regulation and judicial practice with their foreign equivalents in a country where the said distinction has historically existed. The article focuses on the judicial categories of «*appellation of origin*» and «*geographical indication*», examining their principal similarities and differences. It also makes a comparative analysis with the similar legal categories in French law: «*appellation d'origine*» and «*indication géographique*». The use of these notions in practice is briefly described in the article. The purpose of the article is to establish the distinction between geographical indication and appellation of origin under Russian law, especially with regard to the protection claimed for foreign goods, as well as to identify gaps in Russian regulation and judicial practice with regard to the application of the new institution. The author comes to the conclusion that there are such gaps, but there is a positive trend in terms of their elimination.

Keywords: geographical indication and appellation of origin under Russian law, foreign appellation of origin and geographical indication.

Введение.

В российское регулирование сравнительно недавно введено такое средство индивидуализации, как географическое указание. Реформа была ожидаемой, поскольку на момент введения целый ряд отечественных и зарубежных производителей не могли получить охрану ввиду предъявляемых высоких требований к регистрации НМПТ. При этом свойства продукции и ее специфика позволяли производителям рассчитывать на специальный режим. В ответ на такие потребности российский законодатель ввёл конструкцию ГУ, в связи с недавним введением данного института необходимо проследить, как развивается судебная практика. Наиболее ярко имеющиеся пробелы и проблемы выявляются при сравнении с зарубежным правом. Автор выбрал право Франции по двум причинам: развитость исследуемых институтов позволяет оценить уровень требуемого регулирования; владение языком

способствует более глубокому пониманию сути анализируемых явлений.

Понятие.

Согласно ГК РФ, НМПТ и ГУ предусмотрены главой 76 параграфом 3. Согласно п. 1 статьи 1516 географическим указанием является такое обозначение, которое способно идентифицировать товар, происходящий с конкретной территории и обладающий конкретными качествами. НМПТ – это обозначение, которое применяется к товару, производимому в конкретном месте, и ассоциируется с ним, в силу своей неповторимой уникальности [1, с. 12-16]. НМПТ не редко сравнивают с товарным знаком, эта категория также индивидуализирует товар [2, с. 6]. Только, в данном случае товар обладает некими особыми свойствами, которыми может обладать только товар на конкретной местности, то есть исключительность товара обуславливается местом происхождения,

Пономаренко В. А.

а не фантазией предпринимателя. До недавнего времени в ГК РФ было только одно понятие – НМПТ, но в результате внесения в 2019 году поправок в четвертую главу ГК РФ, 1516 статья была дополнена новым термином – географическое указание.

Так, разница между двумя этими категориями заключается в том, что НМПТ более строг к отношению товара к определенной местности, чем ГУ. То есть, для того чтобы товар получил право на НМПТ, необходимо, чтобы этот товар полностью и всецело производился в определенной местности, а для ГУ, достаточно, чтобы один из этапов производства происходил на той территории, с которой мы этот товар ассоциируем. То есть, в строгом смысле, ГУ обладает упрощенным порядком регистрации и меньшими требованиями, чем НМПТ.

Необходимость внесения этой поправки в целом ясна – ускорение и упрощение процесса получения исключительных прав на продукт. Примерами НМПТ могут служить: вода «Ессентуки», Тульский пряник, астраханские арбузы, видя эти продукты мы, как покупатели, вправе ожидать определенное качество и репутацию. Примерами ГУ могут служить: грузинское вино, швейцарские часы, осетинские пироги и т.п., в этом случае, мы тоже ожидаем соответствующее качество, но не от конкретного товара, обхват ГУ шире и не имеет обязательной и полноценной связи с местом, чье имя этот товар носит.

Говоря о Франции, здесь отношение к НМПТ и ГУ, куда серьезнее и более разработано. И *appellation d'origine* и *indication géographique*, оба этих понятия регулируются Кодексом интеллектуальной собственности Франции. Так, согласно статье L.721-1, которая по сути отсылает к статье L.115-1 Закона о защите прав потребителей: «наименование места происхождения – это название страны, региона или местности, используемое для обозначения продукта, происходящего оттуда, качество или характеристики которого обусловлены географической средой, включая природные и человеческие факторы». В этом же разделе ИК (II раздел, VII том, II часть) урегулированы и ГУ, причем весь раздел носит название «Географические указания». Так, в статье L.721-1 мы можем найти следующее определение: «географическое указание – это название географического района или конкретного места, используемое для обозначения продукта, за исключением сельскохозяйственной, лесной, пищевой или морской продукции, происходящего из этого района и обладающего особым качеством, репутацией или другими характеристиками, которые по существу могут быть отнесены к данному географическому происхождению».

Хотелось бы также отметить, что анализ французского законодательства нас также привел к выводу о том, что в рамках Европейского Союза и во Франции существуют ряд законодательных актов, которые более подробно говорят о НМПТ, разделяя эту категорию по видам (с/х, вино, морское и речное рыболовство). Так, Кодекс сельского и морского рыболовства, статьи R.641-1 - R.641-10 содержат информацию об *appellation d'origine* в агропродовольственной сфере а Регламент (ЕС) № 1308/2013 от 17 декабря 2013 года «Об общей организации рынка сельскохозяйственной продукции (винодельческой продукции)» рассматривает вопросы *appellation d'origine* винной продукции.

Также существует деление НМПТ на *appellation d'origine protégée* (АОР) и *appellation d'origine contrôlée* (АОС). Первый термин обозначает продукт, все этапы производства которого осуществляются в соответствии с признанным уровнем знаний в этой области и в одном и том же географическом регионе, что придает продукту его исключительные характеристики. Это европейский знак, который защищает название продукта на всей территории Европейского Союза. Второй же, обозначает продукты, соответствующие критериям АОС, и защищает это название на территории Франции.

Этот знак также может касаться продукции, не охваченной европейскими нормами АОС (например, лесной продукции) [3, с. 3-17].

Требования.

Как мы уже успели определить, НМПТ отличается от ГУ тем, что предъявляет более строгие требования для предоставления государственной регистрации.

Во-первых, для того, чтобы получить НМПТ, необходимо производить товар, который имеет особые свойства и эти свойства должны быть подтверждены федеральным органом исполнительной власти. Во-вторых, товар должен производиться на той территории, которая непосредственно связана с уникальными свойствами товара.

Также, есть требование о том, что обозначения, которые вошли во всеобщее употребление и не связаны территориально с местом производства товара не могут подлежать регистрации в качестве НМПТ. Примером такого обозначения может служить «сыр адыгейский», такое обозначение стало общеупотребимым и указывает лишь на сорт сыра, и изготавливается в любой точке мира, а не исключительно в Адыгее. Однако стоит иметь в виду, что в 2017 году «Сыр адыгейский» признан решением Суда по интеллектуальным правам НМПТ и право использования наименования места происхождения товара «сыр адыгейский» теперь есть только у пяти адыгейских заводов: Шовгеновского, Гиагинского, Тамбовского, Красногвардейского молочного завода и Адыгейского молочного завода [4].

Однако же самой главной разницей между НМПТ и ГУ является заключение, выдаваемое федеральным органом исполнительной власти, которое подтверждает, что тот или иной продукт действительно соответствует характеристикам НМПТ. Наличие такого заключения является обязательным для наличия исключительного права использования НМПТ, что также можно увидеть, на примере дела, приведенного выше, где Суд по интеллектуальным правам, при вынесении решения опирался на заключение, выданное Министерством сельского хозяйства и продовольствия Республики Адыгея и Министерством сельского хозяйства РФ.

В этой связи будет интересна судебная практика. Так, мы можем найти пример того, как Роспатент отказал в предоставлении охраны обозначения «EMILIA» итальянской компании «Консорцио Тудела Вино Эмилия» («Consorzio Tutela Vini Emilia») в России в качестве НМПТ, в связи с тем, что в стране происхождения – Италии, обозначение «EMILIA» охраняется как географическое указание в отношении товара «вина белые, красные, розовые, в том числе игристые», а, значит, уровень требований значительно ниже, по сравнению с НМПТ [5].

Говоря о французском законодательстве, на наш взгляд процедура регистрации в качестве *Indication géographique* и *Appellation d'origine* во Франции является более комплексной, чем в России, поскольку осуществляется на двух уровнях – национальном и европейском.

Существует четыре основных способа защиты географического указания: через систему, известную как система *sui generis* (т.е. особый режим защиты), посредством использования коллективных или сертификационных знаков; с помощью методов, основанных на коммерческой практике, включая административные схемы утверждения продукции; и через законодательство о недобросовестной конкуренции. Существование различных способов регистрации и защиты подразумевает наличие различий в подходах к решению некоторых важных вопросов, включая условия для защиты или объема защиты [6].

Исключительное право и защита.

В Российской Федерации статья 1517 ГК предусматривает закрепление исключительного права на НМПТ и ГУ. Так,

согласно этой статье, в Российской Федерации признается исключительное право и предоставляется защита на НМПТ и ГУ, зарегистрированные Федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности.

Интересной в этой связи будет практика Семнадцатого арбитражного апелляционного суда (17 ААС) по делу № А71-7869/2020 от 12 января 2021 года. Согласно данному разбирательству ООО «Ува-молоко» было привлечено к административной ответственности за нарушение исключительного права на НМПТ «Вологодское масло», в связи введением в оборот продукции с нанесенным на упаковку наименованием «Масло сладко-сливочное несоленое традиционное Вологодское маслоделие», на что ООО «Ува-молоко» не имело предоставленного права [7].

Говоря о французском законодательстве, защита *indication géographique* и *appellation d'origine* основывается на нормативных положениях, касающихся НМПТ и ГУ на национальном, европейском и международном уровнях. Также, защита НМПТ и ГУ во Франции основана на общих правилах, касающихся обмана, мошенничества, недобросовестной конкуренции и «паразитизма» (использование преимуществ известности или репутации, присущих уже существующим НМПТ или ГУ) [8, с. 13-18].

Осуществление защиты НМПТ и ГУ, осуществляется через: 1) гражданское судопроизводство с подачей иска правообладателем (в области исключительных интеллектуальных прав); 2) и соответственно путем подачи гражданского иска в рамках уголовного разбирательства, возбужденного на основании выводов и отчетов, составленных главными управлениями, уполномоченными во Франции пресекать мошенничество в отношении защищенных наименований мест происхождения и географических указаний.

Также, интересным является то, что некоторые выделенные географические территории и даже участки для определенных НМПТ могут также пользоваться защитой от любого городского расширения, строительства, эксплуатации почвы или недр, или осуществление любой экономической деятельности, которая может повлиять на территорию или условия производства, качество или образ продукта, охраняемого НМПТ или ГУ. Государственный орган, ответственный за санкционирование подобных операций, обязан пройти обязательную процедуру предварительной консультации в INAO.

В контексте осуществления исключительных прав на НМПТ и ГУ во Франции, представляется интересным рассмотреть судебную практику французских судов. Так, как мы знаем *Champagne* – это известное во всем мире наименование места происхождения особого вида игристого вина. В этой связи, существует огромное количество прецедентов неправомерного использования *appellation d'origine* – *Champagne*. Так, 7 сентября 2001 года Суд большой инстанции Парижа вынес решение о том, что факт регистрации доменного имени «*Champagne.com*» для продажи воды для домашних животных, являлось незаконным присвоением НМПТ *Champagne* и вредило репутации этого НМПТ. В результате Суд постановил аннулировать это доменное имя, и выплатить в пользу Межпрофессионального комитета вин Шампани (CIVC) 15 300 евро в качестве возмещения ущерба [9].

В другом деле, в 1993 году Апелляционный суд Парижа вынес решение n° 93-25039 в отношении организации, зарегистрировавшей товарный знак своей парфюмерной продукции «*Champagne*» в форме пробки. В своем решении суд ссылался на статью L115-5 Кодекса о защите прав потребителей, заявив, что в данном случае существует риск незаконного присвоения, незаконного использования и причинения вреда репутации НМПТ *Champagne*, то есть нарушения исключительных прав на НМПТ. В результате Суд вынес решение о признании товарного знака недействительным [10].

Заключение.

Таким образом, мы можем видеть, что уровень разработанности законодательной базы и применения НМПТ и ГУ в России гораздо ниже, чем уровень защиты и развитие данной категории во Франции и вообще в Европе.

Так, на основе проделанного анализа мы можем видеть, что в России НМПТ и ГУ регулируются только в ГК, а во Франции данная отрасль, являясь глубоко развитой регулируется не только КИС, но и другими актами, в том числе на европейском уровне. Также, в российском законодательстве до сих пор не существует конкретного перечня требований к товару, которые четко бы определяли уровень защиты в качестве ГУ или НМПТ. Во Франции же дела обстоят иначе, в отельных законах есть не только деление на *appellation d'origine* и *indication géographique*, но и иные категории как *appellation d'origine protégée* (AOP) и *appellation d'origine contrôlée* (AOC), соответствующие строгие требования к ним и предоставляемая защита. И наконец, неоспоримым является тот факт, что юридическая практика во Франции является более широкой и разработанной, чем в России и защита соответственно предоставляется больше и лучше.

Однако, принимая во внимание увеличивающийся интерес среди российских юристов к данным средствам индивидуализации, можно с уверенностью сказать, что сфера НМПТ и ГУ имеет перспективы на развитие в Российской Федерации. Так, благодаря введению института ГУ процедура получения защиты тому или иному товару стала проще, что расширяет возможность получения охраны.

Пристатейный библиографический список

1. Новоселова Л. А. Право интеллектуальной собственности. Т. 3. Средства индивидуализации: Учебник. – М.: Статут, 2017. – С. 6.
2. Афанасьева Е. Г., Долгих М. Г., Афанасьева Е. А. Средства индивидуализации в предпринимательской деятельности: правовые вопросы: учебное пособие / отв. ред. Е. В. Алферова. – М.: РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел правоведения, 2016. – С. 12-16.
3. *Appellation d'origine protégée/contrôlée (AOP/AOC) // Guide du demandeur d'une appellation d'origine protégée (AOP) ou d'une indication géographique protégée (IGP) à l'exception des vins, boissons alcoolisées et boissons spiritueuses*, Novembre 2017. – P. 3-17.
4. Дело № СИП-48/2017 от 18 сентября 2017 года.
5. Решение Роспатента от 22 декабря 2017 г. по заявке № 2014721690.
6. *Indications géographiques: Qu'est-ce qu'une indication géographique? // OMPI, organisation mondiale de la propriété intellectuelle – wipo.lex – P. 1.*
7. Постановление от 12 января 2021 г. по делу № А71-7869/2020.
8. *Appellation d'origine protégée/contrôlée (AOP/AOC) // Guide du demandeur d'une appellation d'origine protégée (AOP) ou d'une indication géographique protégée (IGP) à l'exception des vins, boissons alcoolisées et boissons spiritueuses*, Novembre 2017. – P. 13-18.
9. Tribunal de Grande Instance de Paris 3ème chambre, 2ème section Jugement du 7 septembre 2001.
10. CA Paris, 15 déc. 1993, n° 93/25039.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-202-203

ЗУБКОВА Мария Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Института права Самарского государственного экономического университета

БРОДЕЦКАЯ Маргарита Анатольевна

магистрант Института права Самарского государственного экономического университета

ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА ТРАНСПОРТИРОВКИ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ

В статье рассматриваются некоторые особенности договора транспортировки энергоресурсов в рамках законодательства Российской Федерации, проанализированы основные проблемные аспекты, а также меры по их устранению. Актуальность темы предопределена тем, что на сегодняшний день не определена правовая природа договора транспортировки энергоресурсов (мы остановимся на примере нефти, газа, электроэнергии), несмотря на существование разнообразных точек зрения относительно поднятого вопроса и нормативных правовых актов, регулирующих этот процесс. Также в статье предпринята попытка раскрыть правовую природу договора транспортировки энергоресурсов и определить его место в системе гражданского законодательства.

Ключевые слова: договор транспортировки, транспортировка энергоресурсов.

ZUBKOVA Mariya Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activities sub-faculty of the Institute of Law of the Samara State Economic University

BRODETSKAYA Margarita Anatoljevna

magister student of the Institute of Law of the Samara State Economic University

FEATURES OF THE CONTRACT FOR TRANSPORTATION OF ENERGY RESOURCES

The article discusses some features of the contract for the transportation of energy resources within the framework of the legislation of the Russian Federation, analyzes the main pro-problem aspects, as well as measures to eliminate them. The relevance of the topic is predetermined by the fact that today the legal nature of the contract for the transportation of energy resources has not been determined (we will dwell on the example of oil, gas, electricity), despite the existence of various points of view, regarding the issue raised and the regulatory legal acts governing this process. The article also attempted to reveal the legal nature of the energy transportation agreement and determine its place in the system of citizens' legislation.

Keywords: transportation contract, transportation of energy resources.

Зубкова М. Н.

Бродецкая М. А.

Российская Федерация обеспечивает значительную часть мировой торговли углеводородами и занимает одну из лидирующих позиций на рынке энергоресурсов, поскольку обладает крупнейшими ресурсными запасами, способными обеспечить нужды страны и рациональный экспорт топлива, по меньшей мере до середины XXI века. Данный потенциал энергоресурсов вносит значительный вклад в национальную безопасность и социально-экономическое развитие страны.

Стратегическое планирование России в нефтяной, газовой и электроэнергетической отраслях предусматривает устойчивое, надежное и эффективное развитие по производству и продаже энергоресурсов, стабильную добычу нефти, рост добычи газа, повышение эффективности электросетевого комплекса¹.

В рамках данного вопроса необходимо отметить, что наиболее крупные нефтяные и газовые месторождения нашей страны находятся в отдаленных и порой весьма труднодоступных местах, кроме того, нефть, газ и электричество – опасные продукты, в связи с чем, наиболее оптимальным способом транспортировки газа и нефти является трубопроводный транспорт, для электроэнергетики целесообразна транспортировка посредством линейных объектов – линий электропередач. Данный вид транспортировки позволяет максимально быстро, эффективно и относительно недорого

организовать доставку добытого продукта к потребителю. В связи с чем представляется логичным и целесообразным разрабатывать специальные правовые акты, посвященные транспортировке именно энергоресурсов. Такие нормативно-правовые акты должны содержать в себе положения, которые бы регламентировали спорные вопросы, возникающие между всеми участниками данных правоотношений.

На данный момент в сфере транспортировки энергосносителей действуют следующие правовые акты: Федеральный закон от 18.07.2006 № 117-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об экспорте газа»², Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³, Постановление Правительства РФ от 21.12.2009 № 1039 (ред. от 20.07.2012) «О порядке подключения нефтеперерабатывающих заводов к магистральным нефтепроводам и (или) нефтепродуктопроводам и учета нефтеперерабатывающих заводов в Российской Федерации»⁴, Постановление Правительства РФ от 29.03.2011 № 218 (ред. от 16.08.2014) «Об обеспечении недискриминационного доступа к услугам субъектов естественных монополий по транспортировке нефти (нефтепродуктов) по магистральным трубопроводам в Российской Федерации и признании

1 Энергетическая стратегия России на период до 2035 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

2 Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 30. – Ст. 3293.

3 Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 32 (часть I). – Ст. 5082.

4 Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 52 (1 ч.). – Ст. 6569.

утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»⁵.

Законодательное обновление не составляет исключение и в отношении договорных обязательств, принимая во внимание факт того, что договоры в обыденной жизни играют очень важную роль, поскольку именно они выступают в качестве плацдарма, благодаря которому можно закрепить значимые положения для сторон, отметить существенные условия договора и др.

Договор транспортировки энергоресурсов рассматривается учеными-правоведами как договор поставки, договор транспортной экспедиции, договор транспортировки продукции по магистральным трубопроводам, договор энергоснабжения, разновидность договора перевозки и др. До сегодняшнего дня не определена правовая природа договора транспортировки энергоресурсов, несмотря на существование различных точек зрения относительно поднятого вопроса и нормативных правовых актов, регулирующих этот процесс.

Остановимся на некоторых особенностях договора транспортировки энергоресурсов по законодательству Российской Федерации.

Прежде всего, следует отметить, что компании, занимающиеся транспортировкой энергоресурсов по магистральным трубопроводам, а также оказывающие услуги по передаче электроэнергии, являются субъектами естественных монополий.

Статья 8 Федерального закона «О естественных монополиях»⁶, предусматривает, что субъекты естественных монополий не имеет права отказаться от заключения договора с потребителем при наличии у субъекта естественной монополии возможности произвести такие товары. Таким образом, мы видим, что стороны данных правоотношений не обладают свободой относительно условий и ценообразования в данных соглашениях [2]. Иными словами, договору транспортировки энергоресурсов присущи признаки публичного договора: договор заключается лицом, которое в силу специфики своей деятельности обязано оказать услуги по энергоснабжению и при этом не вправе наделять преимуществом одно лицо перед другим в отношении заключения договора, в том числе и в отношении цены товаров или услуг. При наличии иных разногласий стороны могут заключить договор с протоколом разногласий. Подтверждение этому показывает и судебная практика, суды идентифицирует данный договор как публичный. Учитывая изложенное, на наш взгляд, договор транспортировки энергоресурсов относится к публичным договорам.

Кроме того, в связи с тем, что с момента достижения сторонами договора транспортировки энергоресурсов соглашения о сделке возникают права и обязанности сторон и последующая передача продукта осуществляется с целью его транспортировки и получения потребителем, договор является консенсуальным.

В части регулирования отношений по договору транспортировки газа, анализируя положения статьей 2, 21, 25 Федерального закона «О газоснабжении в РФ»⁷, мы видим, что транспортировка газа осуществляется на основании договора оказания услуг по транспортировке газа.

Отношения по договору транспортировки нефти определены подзаконными нормативно-правовыми актами. Правилами, утвержденными Постановлением Правительства от 29.03.2011 № 218, установлено, что между оператором и потребителем заключается договор оказания услуг по транспортировке нефти (нефтепродуктов) по магистральным трубопроводам⁸.

Касательно регулирования отношений в рамках договора транспортировки электроэнергии, согласно статьям 3, 9 Федерального закона «Об электроэнергетике», транспор-

тировка электроэнергии осуществляется на возмездной договорной основе посредством оказания услуг по передаче электрической энергии⁹.

Обращаясь к вопросу о правовой природе договора транспортировки энергоресурсов, то следует отметить, что однозначного мнения на сей счет нет. В научной литературе самой распространенной позицией является соотнесение данного договора, в первую очередь, с договором перевозки. Например, Д. Д. Логофет считает, что юридическая природа данных договоров идентична в силу того, что по договору перевозки перевозчик предоставляет для перевозки либо транспортные средства, либо какие-либо емкости, то же самое происходит и при транспортировке энергоресурсов, когда оператор нефте- или газопровода предоставляет свободные мощности добывающим компаниям [3]. Похожей позиции придерживается и Р. Н. Салиева, называющая договор об оказании услуг по транспортировке по магистральным трубопроводам разновидностью договора перевозки [4]. Другая группа исследователей данного вопроса считает договор транспортировки энергоресурсов договором возмездного оказания услуг [1]. Однако, следует отметить, что в рамках обеих указанных правовых конструкций предусматривается право одной из сторон (отправителя груза или получателя услуги) отказаться от договора в одностороннем порядке, а вот аналогичных правомочий в отношении отправителя энергоресурсов действующее законодательство не предусматривает. Что обусловлено особенностями технологического процесса, связанного с транспортировкой энергоресурсов.

Подводя итог вышесказанному, несмотря на довольно оживленную дискуссию по поводу правовой природы данного договора, отнесение его как к смешанным договорам, так и к разновидностям уже предусмотренных гражданским законодательством обязательств, на наш взгляд, специфика договора транспортировки энергоресурсов указывает на то, что он все-таки является самостоятельным видом – договором транспортировки энергоресурсов, содержание, порядок и особенности его заключения, исполнения и расторжения которого должны регулироваться нормами не только гражданского, но и энергетического законодательства.

Принимая во внимание, что доходы от реализации энергоресурсов являются основными источниками формирования бюджета страны, а также в целях устранения неопределенности правового регулирования рассматриваемых отношений, целесообразно регулировать договорные отношения в сфере транспортировки энергоресурсов, путем выделения договора в отдельный вид договоров, что безусловно положительно повлияет на деятельность участников энергетического рынка.

Пристатейный библиографический список

1. Кузнецов К. Б. Договоры поставки и транспортировки газа через присоединенную сеть: правовая природа, особенности правового регулирования. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01006538549.pdf.
2. Кулешова А. Н. Проблемы правового регулирования отношений, связанных с транспортировкой нефти и газа. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-otnosheniy-svyazannyh-s-transportirovkoj-nefti-i-gaza/viewer>.
3. Логофет Д. Д. Договор перевозки нефти по магистральным нефтепроводам: дис. ... канд. юрид. наук. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lawtheses.com/dogovor-transportirovki-nefti-magistralnym-nefteprovodam>.
4. Салиева Р. Н. Правовое обеспечение развития предпринимательства в нефтегазовом секторе экономики. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dissforall.com/catalog/t15/_science/196/521891.html.

5. Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 14. – Ст. 1943.

6. Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 34. – Ст. 3426.

7. Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 14. – Ст. 1667.

8. Постановление Правительства РФ от 29.03.2011 № 218 (ред. от 16.08.2014) «Об обеспечении недискриминационного доступа к услугам субъектов естественных монополий по транспортировке нефти (нефтепродуктов) по магистральным трубопроводам в РФ» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 14. – Ст. 1943.

9. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 13. – Ст. 1177.

КОТ Марина Константиновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета

ПОНЯТИЕ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье дается анализ понятия экономической деятельности в его конституционно-правовом смысле. Автор на примере существующих в науке трактовок понятия экономической деятельности оспаривает эффективность заимствования экономического понимания для определения юридических терминов. В статье сделан вывод о приоритете бытового, обыденного понимания установленного в ст. 34 Конституции РФ понятия экономической деятельности и необходимости учета таких юридико-технических свойств конституционной нормы, как наивысшая авторитетность Конституции РФ, ее сфера действия, цели правового регулирования и системно-структурное расположение анализируемой нормы.

Ключевые слова: экономическая деятельность, предпринимательская деятельность, методы научного исследования, толкование, право на предпринимательскую деятельность.

KOT Marina Konstantinovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activities sub-faculty of the Samara State University of Economics

THE CONCEPT OF "ECONOMIC ACTIVITY": PROBLEMS OF RESEARCH METHODOLOGY

The article analyzes the concept of economic activity in its constitutional and legal sense. Using the example of the interpretations of the concept of economic activity existing in science, the author disputes the effectiveness of borrowing economic understanding to define legal terms. The article concludes about the priority of everyday, ordinary understanding established in Art. 34 of the Constitution of the Russian Federation of the concept of economic activity and the need to take into account such legal and technical properties of the constitutional norm as the highest authority of the Constitution of the Russian Federation, its scope, the goals of legal regulation and the system-structural location of the analyzed norm.

Keywords: economic activity, entrepreneurial activity, methods of scientific research, interpretation, right to entrepreneurial activity.

Российская юридическая наука в настоящее время находится в состоянии формирования догматики таких центральных понятий права в условиях рыночных отношений, как «экономическая и предпринимательская деятельность». О неустойчивости смысловой конкретизации термина «экономическая деятельность» и легального определения предпринимательской деятельности, сформулированной законодателем в ст. 2 Гражданского кодекса РФ, свидетельствует рост авторских трактовок данных категорий, количество которых, к сожалению, не перерастает в качественно новый этап в познании юридической природы предпринимательства и в принятии его профессиональным сообществом, в том числе судьями.

Однако, само по себе наличие дискуссии, отсутствие единства взглядов в научной среде на понятие и признаки как экономической, так и предпринимательской деятельности еще не говорит о дефектности законодательства, и, тем более, это не является поводом для обоснования научной актуальности, проблематики очередной публикации на данную тему. А именно похожими объяснениями наполнена современная юридическая публицистика. Как можно требовать от науки единства взглядов на явление, появившееся в цивилистическом дискурсе всего три десятилетия назад, в то время как большая часть иных гражданско-правовых понятий имеет многовековую историю? Кроме того, требовать от науки единства взглядов – значит обрекать ее на вырождение.

Однако, полемика вокруг любых юридических понятий, в том числе и понятия экономической деятельности, является индикатором других процессов, не относящихся исключительно к научной проблематике. Отраслевая юридическая наука, в отличие от философии права, всегда была практико ориентированной, она никогда не ограничивалась построением абстрактных понятий, не связанных с правовой жизнью, с правореализацией. Правовая наука получает «запрос» на научный поиск от правоприменителя, и таким образом, суще-

ствующий в действительности правовой конфликт, заданный неопределенностью, противоречивостью, системной дефектностью правовой нормы и актов ее толкования, становится частью научного диспута. В свою очередь, та же практика задает критерии востребованности научных теорий, к которым можно отнести рациональность, аргументированность, логичность, актуальность. В связи с этим, основными приемами осмысления юридической проблематики выступают приемы формальной логики и сформированные на ее основе специально научные методы изучения права и толкования правовых норм.

Взаимосвязанность тематики научных исследований и проблем правореализационного характера заставляет обратиться к анализу, как научного материала по вопросам правовой природы экономической и предпринимательской деятельности, так и к актам толкования соответствующего термина судами. Однако, целью настоящего исследования в силу ограниченности объема статьи выступает актуализация методологических вопросов толкования ст. 34 Конституции РФ, а именно термина «экономическая деятельность» в контексте принятых в науке канонов толкования на основании публикаций по указанной тематике наиболее авторитетных представителей науки гражданского и предпринимательского права.

Для определения предметного поля научных публикаций следует конкретизировать проблематику работ исследованиями по вопросам выстраивания понятийных рядов с установлением объема таких понятий, как: «экономическая деятельность», «предпринимательская деятельность», «приносящая доход деятельность», «хозяйственная деятельность». Легальной основой данной проблематики выступает норма Конституции РФ, закрепившая право гражданина на занятие предпринимательской и иной экономической деятельностью (ст. 34). Таким образом в законодательстве был установлен первый терминологический ряд: «экономическая – предпри-

нимательская деятельность». Далее указанная терминологическая связка получила закрепление в процессуальном законодательстве (ст. 1 Арбитражного процессуального кодекса РФ), что повлекло за собой споры о конкретизации видов споров, подведомственных арбитражному суду [6]. Наряду с этим, в отдельных федеральных законах и подзаконных актах (например, ОКВЭД¹) в сфере государственного регулирования предпринимательства «экономическая деятельность» используется как самостоятельное понятие, вне связи с предпринимательской деятельностью.

В качестве примера достаточно обстоятельного анализа связей в терминологическом ряду «экономическая - предпринимательская деятельность» можно привести работу В. В. Долинской «Экономическая деятельность и ее виды» [3]. Автор раскрывает содержание экономической деятельности, используя буквальное толкование этого термина экономической наукой, и переносит полученное таким образом представление о признаках экономической деятельности на нормативный материал.

Необходимо отметить, что подобный подход в изучении правовых явлений, которые имеют очевидное отношение к смежной отрасли знания, в данном случае к экономике, является традиционным для правовой науки. Использование сведений из экономических словарей, концепций ученых-экономистов особенно характерно для научных исследований в области предпринимательского права. Помимо термина «экономическая деятельность» перенос экономических воззрений на правовую область наблюдаем в процессе объяснения слов «предприниматель», «риск» и образованных от них прилагательных.

Для понимания допустимости указанного методологического приема для целей юридической науки необходимо уточнить, к какому виду законодательных терминов относятся дефиниция «экономическая деятельность».

Согласно классификации П. И. Люблинского, законодатель может оперировать тремя видами терминов:

- обыденными, «употребительными в общенародном языке»;
- техническими, «употребляющимися в области какой-либо специальности»;
- искусственными, «специально образуемыми законодателем для выражения созданных им понятий» [5, с. 10].

К какому из перечисленных вариантов терминов относится «экономическая деятельность»? Представляется, что при ответе на данный вопрос необходимо исходить не столько из требований единства законодательной терминологии, предполагающей стабильность смыслового значения термина в рамках отрасли законодательства или даже всей правовой системы, сколько из понимания цели правового регулирования в конкретном случае и правовых запросов адресатов правовой нормы. При этом, системность, единство и определенность закона, достигаемые, в том числе, связанностью терминологических рядов [4], могут не пострадать, поскольку в разрезе правоприменения термины могут получить неодинаковое значение.

Так, Конституция РФ в ст. 34 обращается к «каждому» (выделено мной – М. К.). Статья 34, закрепляющая право каждого на использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной экономической деятельности, размещена в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина». Таким образом, адресатом правовой нормы является любой человек, гражданин РФ, иностранный гражданин или лицо без гражданства, то есть максимально широкий круг лиц. Среди этих лиц – люди различного уровня образования

и культуры, владеющие государственным языком РФ – русским языком. Конституция РФ утверждена многонациональным народом России на референдуме.

В указанном контексте можно ли предполагать включение в нормативный акт подобного уровня терминов, имеющих техническое, специальное значение, для понимания которых следует открыть специальный экономический словарь? Думается, что нет. По нашему убеждению, термин «экономическая деятельность» употреблен в Конституции РФ в понятном для всех бытовом значении. И поэтому не выглядит тавтологией простое описание экономической деятельности как деятельности, относящейся к экономике. Посыл Конституции РФ направлен на установление дозволенного режима для любого лица, подпадающего под отечественный правопорядок, применять собственные способности, использовать свое имущество для занятия деятельностью в сфере экономики, включая предпринимательской деятельностью, при условии, что эта деятельность является правомерной, не запрещена законом.

Профессиональное экономическое определение экономической деятельности как системы связанных процессов производства, распределения, обмена, потребления материальных и духовных благ не дают адресатам правовой нормы – ст. 34 Конституции РФ – никакой дополнительной информации, как-либо конкретизирующей смысл правового предписания и волю законодателя. Более того, применение экономической терминологии не помогает и профессиональному сообществу в процессе толкования Конституции РФ ни в научных, ни в правоприменительных целях.

Так, проведенный В. В. Долинской экономический анализ понятия «экономическая деятельность» представляет собой риторический прием аргументации, основанный на ссылке на авторитеты, а не аргумент, использование которого приводит к определенному логическому выводу, пригодному для применения на практике. После демонстрации взглядов экономистов на исследуемое понятие автор переходит к привычному для юристов системно-логическому анализу нормативного материала [3]. В результате ученый приходит к выводу, основанному на формально-юридическом толковании законодательства, о том, что «реализация права на занятие конкретным видом экономической деятельности зависит от способностей и имущественного положения самого субъекта такой деятельности» [3]. Подобное толкование, на наш взгляд, представляет определенный интерес для граждан, собирающихся заниматься предпринимательством, и, возможно, данный смысл вкладывался создателями текста Конституции в ст. 34, однако, этот вариант толкования также вполне укладывается в бытовое понимание экономики, хотя и имеет более прагматическое значение, чем простое декларирование права.

Таким образом, знание экономического значения термина «экономическая деятельность», признаков этой деятельности, содержания научного спора об этом понятии в профессиональной среде экономистов не способствует достижению целей толкования закона, формированию ясного, определенного, практико ориентированного смысла правового предписания. Более продуктивными, на наш взгляд, выступают помимо формально-логического метода, приемы целевого, системно-структурного, лингвистического и исторического толкования. Кроме того, в юридической науке сложились так называемые «каноны», правила толкования правовых предписаний, которые легли в основу законодательной техники, законотворчества. В российской юриспруденции основные подходы к толкованию закона сформулированы в трудах П. И. Люблинского, Е. В. Васильевского [2]. К примеру, П. И. Люблинский писал: «Во всех случаях, когда законодатель признает, что созданное им понятие имеет соответствующее обозначение в общенародном языке, он дол-

1 ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) (ред. от 23.12.2021) // СПС «Консультант плюс», 2022.

жен им воспользоваться, не прибегая к техническому термину юриспруденции, хотя бы таковой и существовал» [5, с. 10].

Е. В. Васьковский при объяснении правил толкования неясных терминов рекомендовал обращаться к легальной дефиниции, то есть тому значению понятия, которое дал сам законодатель, далее, при отсутствии или неясности легального термина, следовало находить похожие дефиниции в других нормативных источниках. Подобный способ толкования ученый называл толкованием посредством «параллельных мест». В случае если цели толкования не достигнуты и таким образом, Е. В. Васьковский считал возможным обратиться к дополнительной информации, раскрывающей историко-социальные аспекты создания нормы, а также принять во внимание синтаксические связи слов и стиль законодателя [2].

В анализируемой норме Конституции России законодатель не раскрывает понятия экономической деятельности. Не добавляет ясности в определении этого термина и Арбитражный процессуальный кодекс РФ. Легальную трактовку указанного понятия встречаем лишь на подзаконном уровне, в упомянутом ранее нормативном акте Росстандарта, направленном на классификацию и кодирование информации в социальной и экономической сфере (ОКВЭД). Данный классификатор используется, прежде всего, для целей обработки органами государственной и местной власти информации о субъектах экономических отношений, ведения статистического учета.

Таким образом, следуя канонам толкования, положение Конституции РФ, АПК РФ, других нормативных актов, использующих и не разъясняющих понятие экономической деятельности, необходимо понимать в смысле, данном в приказе Росстандарта. Указанный прием использовался для уяснения смысла экономической деятельности и в работе В.В. Долинской [3], и других авторов [1]. Между тем, у подобной, казалось бы, удачной, расшифровки текста Конституции имеется ряд серьезных недостатков.

Прежде всего, нужно понимать, что Конституция РФ представляет собой наиболее авторитетный источник прав и свобод граждан, и толкование его посредством ведомственного нормативного акта, по меньшей мере, не корректно. Напротив, любой нормативный акт в РФ может и должен толковаться на основе основополагающих норм Конституции РФ. Обратное положение свидетельствует о принижении статуса Конституции в системе права и законодательства страны.

Помимо «пропасти», разделяющей в юридическом смысле Основной закон страны и ведомственный акт, считаю, что норма ст. 34 Конституции РФ и норма приказа Росстандарта не являются «параллельными местами» в силу различия сферы их действия, целей, задач и, наконец, техники написания указанных нормативных актов. Закрепление в Конституции РФ экономических прав и свобод человека и гражданина подразумевает использование максимально абстрактных слов и выражений. Как следствие, любая норма Конституции РФ нуждается в конкретизации на уровне закона и подзаконных актов с учетом целей и сферы их действия. По сути, отсутствие разъяснения в ст. 34 Конституции является мнимым дефектом права, законодатель намеренно не раскрывает это понятие, рассчитывая на его дальнейшую конкретизацию и судебное толкование. Таким образом, приказ Росстандарта можно считать актом конкретизации ст. 34 Конституции РФ в сфере обработки информации о хозяйствующих субъектах и статистического учета их деятельности, но «параллельным местом» эти нормы не являются.

В подтверждение сказанного следует вспомнить другой канон толкования – *pari material* - «по тому же предмету». Он означает, что идентичное значение следует придавать только понятиям, регулирующим «близкие по предмету отношения» [7, с. 113]. Отношения же в сфере реализации экономических прав и свобод граждан не совпадают по предмету с отношениями в сфере кодирования информации о

хозяйствующих субъектах. В связи с этим ограничен и объем термина, установленного в приказе Росстандарта. Прежде всего, указанное определение охватывает не все виды экономической активности граждан и организаций, а только производственную деятельность, понимаемую как соединение ресурсов в производственный процесс с целью производства товаров или оказания услуг, которая сопровождается затратами. Иными словами, любой экономической деятельности по смыслу ОКВЭД свойственны наличие самого производства, затрат на его организацию, результатов производства (товары, услуги). Таким образом, объем термина не включает иные виды экономической активности граждан, например, связанные с использованием своего имущества, в частности денег для размещения в банках под проценты. Кроме этого, различен и субъектный состав нормы Конституции РФ и приказа Росстандарта. Первый рассчитан на человека и гражданина, сообщества этих лиц, а второй – исключительно на хозяйствующих субъектов, перечень которых, к сожалению, также нуждается в конкретизации.

В качестве общего вывода необходимо указать, что выбор методологии юридических исследований, вариантов толкования той или иной нормы – процесс неочевидный, и требующий учета, прежде всего, специфики собственно юридического материала. Применение знаний в смежных научных областях, в данном случае – экономики, не всегда оправдано целями толкования, состоящими в уяснении воли законодателя. А этого вполне возможно достичь и собственными юридическими методами.

Пристатейный библиографический список

1. Бакаева И. В. Предпринимательская деятельность граждан как разновидность экономической деятельности: цивилистическая доктрина и законодательство // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2018. – № 3. – С. 15-21.
2. Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов. Руководство для начинающих юристов. – М.: Юридическое бюро «Городец», 1997.
3. Долинская В. В. Экономическая деятельность и ее виды // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2018. – № 3. – С. 3-15.
4. Кожокарь И. П. Дефекты построения терминологических рядов системы права // *Право и экономика.* – 2019. – № 5. – С. 14-17.
5. Люблинский П. И. Техника толкования и казуистика уголовного кодекса / Под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2004.
6. Михайлова Е. В., Татарина С. С. К вопросу о понятии предпринимательской деятельности и способах защиты прав ее субъектов // *Арбитражный и гражданский процесс.* – 2018. – № 9. – С. 9-16; № 10. – С. 3-11.
7. Соболева А. К. Топическая юриспруденция. – М.: Добросвет, 2002.

МЕДЖИДОВА Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры современных образовательных технологий Национального исследовательского Южно-Уральского государственного университета

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируется ряд проблем, существующих в правовом регулировании налогообложения предпринимательской деятельности. Затронуты такие проблемы как: неравномерная налоговая нагрузка на субъекты бизнеса, усиление налоговой нагрузки при дефиците бюджета, отсутствие действенной защиты налогоплательщиков предусмотренной под. 7 п. 1 ст. 31, ст. 54.1 НК РФ. Озвучены проблемы использования налоговых преференций с оглядкой на цели использования таких льгот, злоупотребление правом законодателя через ряд оценочных понятий, несоблюдение налоговым органом сроков при проведении проверок, установленных нормами налогового права.

Ключевые слова: налогоплательщики, налоговая нагрузка, субъекты бизнеса, налоговые преференции, налоговый кодекс, сроки проведения, законный интерес, баланс интересов.

MEDZHIDOVA Elena Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Modern educational technologies sub-faculty of the National Research South Ural State University

Меджидова Е. В.

ON SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF TAXATION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

The article analyzes a number of problems arising in the legal regulation of business objects. Issues such as: uneven tax burden on business entities, tax burden with a budget deficit, lack of effective protection from tax payers provided for under. 7 p. 1 Art. 31, Art. 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation. The problems of using tax preferences with an eye to the purpose of using such benefits, the abuse of the right of the legislative framework through a number of evaluative concepts, non-compliance with the deadline by the tax authority when considering audits, and the definition of tax law norms are voiced.

Keywords: taxpayers, tax burden, business entities, tax preferences, tax code, timing, legitimate interest, balance of interests.

Общество и налоги, с момента существования налоговой системы, неразрывно связаны между собой. Процесс взаимодействия всегда протекает не гладко и зачастую сопровождается высоким уровнем конфликтности между их участниками. Говоря о причинах данной тенденции можно утверждать, что разногласия между субъектами налоговых общественных отношений (налогоплательщиками и налоговыми органами) основываются на наличии умышленного интереса, либо связаны с недоработкой налоговой системы в целом или какой-либо ее составляющей. Последствие данного противостояния зачастую проявляется в двойственном восприятии закона.

Различный подход к толкованию норм любой отрасли законодательства, в том числе и налогового, приводит к злоупотреблениям со стороны субъектов налоговых отношений, то есть как налоговых органов, так и налогоплательщиков. Для своевременного разрешения конфликта интересов необходимо более ответственно подходить к оценке складывающейся ситуации, детально анализируя проблемы, возникающие в правовом регулировании налогообложения предпринимательской деятельности, определять пути решения данных проблем.

Необходимо помнить, что особенность налоговых общественных отношений свидетельствует об их публично-правовом характере, что в свою очередь определяется императивностью правового регулирования налоговых отношений. Данной позиции придерживается и Конституционный суд Российской Федерации¹.

Императивность всегда исключает диспозитивность в налоговой сфере. В то же время налоговое законодательство допускает возможность заключения соглашения между государством и налогоплательщиком по вопросу налоговых обязательств [8].

Для эффективного функционирования экономики в государстве необходима гармония публичных и частных интересов. С помощью создания правовых инструментов государство предоставляет право субъектам заниматься предпринимательской деятельностью ограничивая при этом их определенным кругом обязанностей. Именно из совокупности таких обязанностей складывается налоговая нагрузка.

Оценка налоговой нагрузки на бизнес бесспорно важна, поскольку она позволяет сохранять баланс интересов бизнеса и государства. При чрезмерной налоговой нагрузке бизнес может не выжить, тем самым государство лишится важной составляющей, а именно поступлений в бюджет. Последствия данного события будет выражаться в формировании дефицита средств необходимых для реализации (финансирования) социальной политики государства, охраны суверенитета и иных важных функций.

Налоговое законодательство Российской Федерации очень активно развивается на протяжении последних десятилетий. Названный процесс обусловлен становлением не только принципов данной отрасли права, разработкой основных институтов и категорий, но и событиями последних трех лет (пандемия, активное введение санкций против

1 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Товарищ» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 5 статьи 168 и пунктом 5 статьи 173

Налогового кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 07 ноября 2008 года № 1049-О-О. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2022).

Российской Федерации, особенно в марте 2022 года). В результате сложившейся ситуации необходимо понимать, что регулирование налоговой нагрузки является не просто актуальным вопросом налогового права, но и необходимо для сохранения экономического роста нашей страны. Должный уровень нагрузки может с одной стороны охарактеризовать эффективность национальной налоговой системы, с другой стороны свидетельствовать о грамотном и результативном менеджменте, выстраивающем свою деятельность в рамках налогового законодательства.

К сожалению, очень часто можно наблюдать дисбаланс в области частных и публичных интересов. Такое явление связано в основном с периодичностью экономических кризисов в сфере экономики, с неэффективным использованием бюджетных средств, выраженном в неконституционном или незаконном их расходовании.

Российские ученые неоднократно обращают внимание и проводят исследования по вопросам усиления налоговой нагрузки на предпринимателей, особенно в условиях кризиса и дефицита бюджета. В своей работе Е. М. Якимова указывает, что налоговая нагрузка существенно возрастает в период дефицита, а индекс качества администрирования контрольно-надзорных функций носит оценочный характер, и его невозможно применить для оценки уровня административной нагрузки [9].

С мнением Е. М. Якимовой сложно не согласиться, тем более данное мнение подтверждается примерами. Конкретизируя настоящее высказывание, в качестве примера можно привести усиление налоговой нагрузки в 2021 году на добывающие компании. В 2020 году Федеральным законом от 15.10.2020 № 342-ФЗ «О внесении изменений в главы 25.4 и 26 части второй Налогового кодекса Российской Федерации»² коэффициент ренты был увеличен с 1 до 3,5. Как следствие, увеличение данного коэффициента привело к увеличению налоговых ставок, с 6,5% до 19,5%. В связи с тем, что налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) является прямым налогом, его увеличение спровоцировало рост других налогов и, соответственно, конечную стоимость продуктов на рынке Российской Федерации. Последствие такого увеличения привело в 2021 году к стремительному росту цен на металл, строительные материалы, автомобили и прочее. Минфин в Письме № 03-06-06-01/93318³ пояснил, что увеличение коэффициента ренты связано с необходимостью преодоления распространения новой коронавирусной инфекции в целях обеспечения макроэкономической стабильности и сбалансированности федерального бюджета. В 2021 году Федеральным законом № 382-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации»⁴ были внесены изменения в расчет НДПИ для компаний, добывающих руду, расчет налога был поставлен в зависимость от мировых цен на руду и курса доллара. При этом не все российские компании являются экспортерами, однако расчет применяется абсолютно для всех субъектов предпринимательской деятельности. При прежнем курсе доллара в размере 70 рублей, общая сумма налога несколько увеличилась, но в текущей ситуации с курсом доходящем до 115 рублей, налоговая на-

грузка увеличивается вновь на 50% и является, несомненно, губительной для металлургического сектора экономики. В связи с этим законодателю необходимо более детально подходить к расчету налоговой нагрузки на бизнес, фактические затраты необходимо считать в денежной форме, а не выражать в оценочных значениях.

Необходимо отметить, что ситуация, сложившаяся в сфере экономики в феврале – марте 2022 года толкает законодателя к принятию срочных мер в отношении налоговой нагрузки предпринимательства, возможно даже к возврату предыдущих налоговых ставок.

Т. П. Горбунова, анализируя в своей работе споры в отношении обложения НДС акцентирует внимание на том, что принципы налогообложения и в настоящее время важны. Необходимо помнить о принципе экономности взимания, стоящий в свою основу максимальную эффективность, то есть под каждым конкретным налогом должна подразумеваться максимальная эффективность, которая выражена в низких издержках страны на сбор налогов и содержание налоговой системы, а также принципе прозрачности [5].

Не менее проблематичной складывается ситуация при применении ст. 54.1 НК РФ⁵, введенной в 2017 году, в некотором роде заменившей Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 года № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиков налоговой выгоды»⁶. Несмотря на схожесть с выработанными в Постановлении № 53 правовыми позициями, данная норма Налогового кодекса Российской Федерации предложила новый подход к вопросу о злоупотреблении налогоплательщиков его правами [7].

Безусловно любое новшество в нормах действующего законодательства вызывает ряд вопросов в правилах ее применения, но ст. 54.1 НК РФ заставила задуматься более глубоко. Появление названной нормы в Налоговом кодексе Российской Федерации стало очередной вехой на пути развития права России, серьезно изменившей ситуацию в отношении налоговых споров [2]. Конечно, ряд рекомендаций было дано по применению ст. 54.1 НК РФ были даны ФНС РФ, однако полной ясности они не внесли. Фискальные ведомства все чаще продвигают идею, что вышеуказанная статья не предполагает реконструкцию обязательств, по которым доказано, что исполнение таких обязательств осуществлены другими лицами. В то же время под. 1 п. 7 ст. 31 НК РФ предусматривает применение расчетного метода, когда не оспаривается реальность осуществления операций, а оспаривается достоверность сведений в первичных документах.

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что расчетный способ определения налогов не является льготой, а является единственным способом защиты налогоплательщика при определении его налоговых обязательств. Соответственно позиция налоговых органов в отношении ст. 54.1 НК РФ ущербна и противоречит принципам изложенным в ст. 3 НК РФ, предусматривающим равенство и экономическое основание налогов.

В своей работе Ж. Г. Попков [6] также озвучил складывающуюся проблему в данном аспекте налоговых правоотношений. По мнению ученого необходима инициатива законодателя по внесению поправок в ст. 54.1 НК РФ предусматривающих право налогоплательщиков по расходам по правилам под. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ. В то же время, многие

2 Федеральный закон от 15.10.2020 № 342-ФЗ «О внесении изменений в главы 25.4 и 26 части второй Налогового кодекса Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365160/ (дата обращения: 20.03.2022).

3 Письмо Минфина РФ от 27.10.2020 № 03-06-06-01/93318. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74842537/> (дата обращения: 20.03.2022).

4 Федеральный закон от 29.11.2021 № 382-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_401510/ (дата обращения: 20.03.2022).

5 Налоговый Кодекс Российской Федерации. Часть первая: принят Государственной Думой РФ 16.07.1998. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 20.03.2022).

6 Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 года № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиков налоговой выгоды». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63894/ (дата обращения: 20.03.2022).

авторы считают, что названная норма хоть и сложна для понимания, имеет противоречия и несоответствия, в тоже время все противоречия и несоответствия исчезают при более детальном ее рассмотрении, с учетом имеющейся судебной практики [2, с. 12].

В научной литературе также часто обнаруживается указание на то, что в данной статье необходимо было закрепить базовые положения о должной осмотрительности, ведь практика, достаточно однозначно, свидетельствует о высоком уровне заинтересованности налоговых органов в законодательном регулировании данного явления. Однако положения п.3 ст. 54.1 НК РФ свидетельствуют о тяготении законодателя к защите налогоплательщика, а не наоборот [2, с. 13].

По мимо проблем, связанных с разногласиями при толковании статей Налогового кодекса Российской Федерации, нередко налогоплательщики сталкиваются с предоставлением различных преференций тем или иным субъектам предпринимательства. К примеру, в апреле 2020 года субъектам малого и среднего предпринимательства страховые взносы с заработной платы, превышающей МРОТ были снижены с 30% до 15% в соответствии с Федеральным законом от 01.04.2020 № 102-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷, в то же время крупный бизнес такие преференции не коснулись. Однако, именно крупному бизнесу сложно перестроится в условиях меняющейся экономической ситуации.

Малый и средний бизнес имеет больше преимуществ, поскольку может перепрофилировать деятельность, временно закрыться, также быстро открыться, в то время как крупнейшие налогоплательщики не имеют такой возможности и не могут быстро перестроиться. Считаю необходимым отметить, что экономическая ситуация, складывающаяся в России с февраля 2022 года, требует еще более ответственного подхода к установлению преференций субъектам предпринимательского права.

Многие преференции выражаются не только в снижении определенных налоговых ставок, но и в предоставлении различных налоговых льгот. Отсутствие четких разъяснений в данной области приводит к тому, что налогоплательщики сталкиваются с последующим оспариванием используемых льгот со стороны фискальных органов, соответственно нарушается баланс интересов в реализации налоговой политики, что в свою очередь может вызывать не доверие, со стороны субъектов предпринимательского права, к самой налоговой политике государства.

В качестве примера, названного в предыдущем абзаце разногласия, можно затронуть разногласия, возникающие в отношении льгот по налогу на имущество для участников свободной экономической зоны республики Крым. В ст. 381 НК РФ⁸ вышеуказанным участникам предоставляется льгота по налогу на имущество в течение 10 лет со дня регистрации такого имущества. Несмотря на то, что статья достаточно прозрачно регламентирует поведение участников общественных отношений в данной сфере правового регулирования, вопрос с какой даты считать момент предоставления льготы при реконструкции зданий, остается актуальным практически в каждой ситуации.

Реконструкция зданий всегда является дорогостоящим проектом и зачастую не менее затратным в сравнении со строительством нового здания (помещения). Однако при реконструкции, здание может быть поставлено на учет долго до приобретения статуса участника свободной экономической зоны. Минфин в письме от 9 октября 2017 г. № 03-05-05-01/65594⁹ пояснил что срок предоставления льготы по реконструируемому имуществу предоставляется с момента обретения статуса участника свободной экономической зоны и далее в течение 10 лет. В дальнейшем мнение Минфина кардинально поменялось и в письме от 12 декабря 2018 г. № 03-01-10/90362¹⁰ он указывает что для применения льготы должна учитываться дата принятия на учет имущества.

Соответственно, льгота по имуществу, подлежащему регистрации, но учтенному на баланс до приобретения статуса российской организации, исчисляется в течении 10 лет с момента внесения сведений о юридическом лице в ЕГРЮЛ. Противоречивость мнений по данному вопросу позволяет утверждать, что в таком случае положения участников свободной экономической зоны неравноправны, поскольку при инвестиции в строительство участники намерены использовать льготы в течении 10 лет с момента вложения, а при равном освоении денежных средств участник построивший новое здание в 2022 году будет пользоваться льготой до 2032 года, в то время как участник вложившийся в реконструкцию в 2022 году будет пользоваться льготой до 2024 года (регистрация юридических лиц на территории Крым произошла в момент присоединения данной территории к России в 2014 году).

По мнению О. Н. Головченко, при предоставлении различных льгот для участников предпринимательской деятельности необходимо соблюдать баланс в налоговой политике, чтобы послабление налогового режима для одних субъектов не привело к усилению налогового бремени других субъектов [4].

Сложно не согласиться с мнением О. Н. Головченко. Считаю, что данные разногласия должны быть устранены путем внесения необходимых поправок в Налоговый кодекс РФ.

Необходимо также заметить, что в условиях недружественных действий в отношении Российской Федерации со стороны стран США, Евросоюза и стран, входящих в североатлантический альянс (НАТО), неправомерно привязывать расчет налога к курсу доллара США, поскольку в таком случае налоговое бремя для металлургической отрасли находится под влиянием санкционной политики. К тому же необходимо пересмотреть налоговую политику для предприятий участвующих в реализации инвестиционных проектов. Условия применения льгот для таких участников должны быть равными.

В своей работе К. Е. Викулов [3] наряду с другими проблемами в налоговых правоотношениях выделяет проблему злоупотребления правом законодателя и доказыванием отрицательных фактов. Действительно такая проблема существует, приводит к значительным потерям рабочего времени, усиленной нагрузки на персонал участника предпринимательской деятельности. Нередко налоговые органы, в рамках доказывания отрицательных фактов, запрашивают объем документов сопоставимый с объемом предоставляемых документов при проведении выездной проверки. Инспекция в свое оправдание прикрывается необходимостью проведения предпроевочного анализа, что вызывает обоснованные со-

7 Федеральный закон от 01.04.2020 № 102-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4_349084/ (дата обращения: 20.03.2022).

8 Налоговый Кодекс Российской Федерации. Часть вторая: принят Государственной Думой РФ 19.07.2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 20.03.2022).

9 Письмо Минфина от 9 октября 2017 г. № 03-05-05-01/65594. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.klerk.ru/doc/467926/> (дата обращения: 20.03.2022).

10 Письмо Минфина от 12 декабря 2018 г. № 03-01-10/90362. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://study.garant.ru/#/document/72874288/> (дата обращения: 20.03.2022).

мнения в правомерности таких действий по причине того, что такого понятия и такого вида проверки не предусмотрено Налоговым кодексом Российской Федерации.

Считаем, что решение данной проблемы возможно двумя противоположными друг другу вариантами. Первый вариант предполагает наложение полного запрета на уровне Федеральной налоговой службы в проведении таких проверок, при втором же варианте необходимо узаконить данный вид полностью, закрепив проведение самого факта таких проверок в нормативно-правовом акте, при этом полностью регламентировать все позиции, в том числе и перечень документов, предоставляемых субъектами предпринимательской деятельности в рамках проведенной проверки.

Существует еще одна проблема злоупотребления правом представителями ФНС – нарушение сроков, установленных законодателем при проведении проверок. При этом, негативных последствий в названном случае для налогового органа не наступает, в отличие от налогоплательщиков, в отношении которых предусмотрен ряд штрафов за непредоставление в срок запрашиваемых документов.

Вопрос о разумной продолжительности налоговой проверки является законным со стороны налогоплательщиков и острым в наше время. Не разумная продолжительность налоговой проверки нарушает законные ожидания налогоплательщика, подрывает доверие к закону и действиям публичной власти. Не ограниченный по времени контроль не только является избыточным, но и осуществляется за рамками компетенции должностных лиц налогового органа [10]. Сложно не согласиться, что поведение налоговых органов, затягивающих сроки проведения налоговых проверок, является проявлением неуважения со стороны власти к закону и, как следствие, неуважения к субъектам предпринимательской деятельности.

Считаем правильным согласиться с мнением Е. Н. Абрамовой и А. А. Рудой [1] о необходимости внесения в Налоговый Кодекс изменений, устанавливающих пресекательный срок при проведении проверок налоговыми органами, после истечения которого недопустим сбор доказательств. Названное введение позволит обеспечить принцип правового равенства и правовой определенности субъектов налоговых правоотношений, устраним двусмысленность критериев существенности процедурных нарушений проведения налоговой проверки, влияющих на решение вопроса о допустимости собранных налоговым органом по результатам проведения проверки доказательств на наличие признаков состава налогового правонарушения [1]. Более того считаем необходимым внести запрет на начисление пеней после установленного законодателем срока окончания проверки.

Считаем, что для устранения выявленных проблем, существующих в сфере налогового регулирования, необходимо провести ряд мероприятий, направленных на их устранение, а именно:

– внести поправки в ст. 54.1 НК РФ, предусматривающие право налогоплательщиков на определение расходов по правилам под. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ;

– изменить порядок начисления налога на добычу железной руды, исключив влияние мировой цены и курса доллара США;

– внести изменение в порядок предоставления льготы по налогу на имущество участникам СЭЗ, в т.ч. момент предоставления льготы по реконструированному и модернизированному имуществу начинается с момента приобретения статуса участника СЭЗ;

– запретить Инспекциям право требования у налогоплательщиков документов вне рамок налоговых проверок в рамках предпроверочного анализа;

– установить пресекательный срок проведения проверок;

– запретить начисление пеней после установленного законодателем срока окончания проверки, при нарушении такого срока со стороны Инспекций.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамова Е. Н., Рудой А. А. Значение нарушений процедуры проведения налоговой проверки при оценке допустимости доказательств в налоговых спорах // Юрист. – 2021. – № 12. – С. 11.
2. Бухарова И. В., Козлова В. А. К вопросу об особенностях применения положений статьи 54.1 НК РФ в отношении определения пределов прав на налоговый вычет // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 12 (127). – С. 11.
3. Викулов К. Е. Главное о теории злоупотребления правом для налоговых практиков // Налоги. – 2021. – № 3. – С. 3.
4. Головченко О. Н. Регулирующая функция налоговой системы как эффективный инструмент развития предпринимательства в Российской Федерации // Финансовое право. – 2019. – № 3. – С. 26.
5. Горбунова Т. П. Спорные вопросы налогообложения НДС // Совершенствование налогового администрирования. – 2022. – С. 144.
6. Попкова Ж. Г. Статья 54.1 НК РФ, налоговая выгода и расчетный метод определения суммы налога: проблемы взаимодействия // Вестник арбитражной практики. – 2018. – № 5 (78). – С. 62.
7. Скубак О. В., Махотенко М. А. О пределах осуществления налогоплательщиком своих прав и сформировавшейся судебной практики (ст. 54.1 НК РФ) // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2021. – № 1. – С. 557.
8. Рязанов С. О., Коваленко Т. С., Вилкова Н. Г. Актуальные проблемы правового регулирования налогообложения в сфере предпринимательской деятельности // Danish scientific journal. – 2021. – № 55-2. – С. 22.
9. Якимова Е. М. Установление должного уровня административной нагрузки на субъекты предпринимательской деятельности в России: проблемы и перспективы // Безопасность бизнеса. – 2020. – № 2. – С. 3.
10. Ядрихинский С. А. Разумная продолжительность налоговой проверки как законный интерес налогоплательщика // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 11 (96). – С. 176.

Цзы Синь

аспирант кафедры предпринимательского права Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАННОСТИ ПО РАСКРЫТИЮ ИНФОРМАЦИИ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОГО ПЕРВОГО СПЕЦИАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКОГО ИСКА НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ

В условиях развития финансового рынка компенсационная (имущественная) ответственность за нарушение обязанности по раскрытию информации приобретает особое значение для защиты прав инвесторов. Правовое регулирование института ответственности в данной сфере является важной задачей как российских, так и китайских законодателей. Недавно в Китае к солидарной компенсационной (имущественной) ответственности были привлечены независимые директора и внешние бухгалтеры (аудиторы) за причинение убытков, возникших из-за раскрытия эмитентом ложной информации. Указанное открывает новый этап в регулировании института раскрытия информации. В данной статье рассматривается вопрос о круге лиц, отвечающих за нарушения обязанности по раскрытию информации, а также проводится сравнительно-правовой анализ данного института по китайскому и российскому законодательству.

Ключевые слова: раскрытие информации, ответственность, независимые директора, ценные бумаги, КНР

ZI Xinyi

postgraduate student of Entrepreneurial law sub-faculty of the Law Faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University

LIABILITY FOR VIOLATION OF THE OBLIGATION TO DISCLOSE INFORMATION IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA ON THE EXAMPLE OF THE CHINESE FIRST SPECIAL REPRESENTATIVE LITIGATION CASE IN THE SECURITIES MARKET

With the development of the financial market, compensatory liability for violation of the obligation to disclose information is of particular importance for the protection of investors' rights. Legal regulation of the institution of responsibility in this area is an important task for both Russian and Chinese legislators. Recently, in China, independent directors and external accountants (auditors) were brought to joint compensation (property) liability for causing losses arising from the disclosure of false information by the issuer. This opens a new stage in the regulation of the institute of information disclosure. This article examines the question of the circle of persons responsible for violations of the obligation to disclose information, and also conducts a comparative legal analysis of this institution under Chinese and Russian legislation.

Keywords: disclosure information, liability, independent directors, securities, PRC.

1. Фабула дела о раскрытии ложной информации компанией Kangmei.

Истцом в данном деле является Китайский Центр по обслуживанию инвесторов в ценные бумаги, действующий от имени 55 тысяч инвесторов-физических лиц. Центр по обслуживанию инвесторов в ценные бумаги (далее также – Центр) был создан Комиссией Китайской Народной Республики (КНР) по регулированию ценных бумаг в 2014 году. Центр является некоммерческой финансовой организацией. Целью деятельности Центра является представление малым и средним инвесторам специальных знаний, информации, в том числе о способах защиты своих прав, оказание юридических услуг.

Ответчиком является компания Kangmei Pharmaceutical Co. Ltd (далее – компания Kangmei). Компания создана в 1997 году в Китае, в городе Шэньчжэнь. Она производит и продает фармацевтические, медицинские и пищевые продукты. У компании свои полные цепочки поставки. Компания имеет свои собственные участки для высаживания лекарственных растений. В 2001 году компания была зарегистрирована на Шанхайской фондовой бирже (номер акций: 600518).

13 мая 2020 года Комиссия КНР по регулированию ценных бумаг приняла решение по административному делу с назначением наказания за нарушение обязанности по раскрытию информации¹. На компанию наложен административный штраф в размере 600 тысяч юаней, на 21 должностное

лицо – 100-900 тысяч юаней. Шесть из них дисквалифицированы сроком от 10 лет до пожизненной дисквалификации.

12 ноября 2021 года Народный суд средней инстанции города Гуанчжоу постановил, что в соответствии с статьей 69 Закона КНР «О ценных бумагах» (в редакции 2014 года)² компания Kangmei раскрывала ложную информацию и должна компенсировать инвесторам убытки на сумму 2.5 миллиарда юаней (примерно 391 миллион долларов США). Руководитель, высший менеджмент, 5 независимых директоров и внешний бухгалтер были привлечены к солидарной ответственности по компенсации указанных убытков. В решении суда указано, что компания в период 2016 года до 2018 года внесла в документы бухгалтерского учета и отчетные документы недостоверную информацию: ложный прирост денежных средств достиг 8.9 миллиарда юаней, ложный прирост дохода - 3 миллиарда юаней, ложный прирост прибыли – 0.4 миллиарда юаней. Факт представления недостоверных сведений доказан решениями Комиссии КНР по регулированию ценных бумаг по делу об административном правонарушении. 16 октября 2018 года в СМИ была опубликована статья, в которой специалист анализировал финансовое положение компании и пришел к выводу, что у компании тя-

1 Решение от Комиссии КНР по регулированию ценных бумаг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.csrc.gov.cn/pub/zjhpublic/G00306212/202005/t20200515_376440.htm. 2021.

2 Закон КНР «о ценных бумаг» принят Всекитайским собранием народных представителей 29 декабря 1998 г. (ред. от 28 декабря 2019 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgwODE3MWU5ZTE4MTAxNzI3ZTMuYjkoZDdkZTY%3D> (дата обращения: 14.04.2022).

железные скрытые финансовые проблемы³. Суд принял данную дату как дату опубликования факта нарушения.

2. Первый специальный представительский иск на китайском рынке ценных бумаг

В 2020 году внесены изменения в Закон КНР «О ценных бумагах», в том числе добавлен институт специального представительского иска. Предыдущая редакция закона (2014 год) включала определение представительского иска, представителем по которому могло быть любое избранное лицо. В Законе КНР «О ценных бумагах» в новой редакции вводится специальный представитель, для осуществления полномочий которого в процесс привлекается орган защиты прав инвесторов. Согласно пункту 3 статьи 95 Закона КНР «О рынке ценных бумаг», специальный представительский иск – это иск, в котором орган защиты прав инвесторов по поручению более 50 инвесторов подает заявление в суд и участвует в судебном процессе от имени всех инвесторов, зарегистрированных в органе регистрации и клиринга ценных бумаг, за исключением инвесторов, которые выражают явный отказ от представительства. Это значит, что в специальном представительском иске по умолчанию участвуют все инвесторы [5, С. 100]. В деле компании Kangmei 9 инвесторов представили заявление об отказе участвовать в иске.

31 декабря 2020 года одиннадцать инвесторов-физических лиц подали представительский иск к компании Kangmei с требованием компенсации убытков. В соответствии с статьёй 32 Постановления Верховного Народного суда КНР «О представительском иске в сфере ценных бумаг»⁴ Центр по обслуживанию инвесторов в ценные бумаги как орган защиты прав инвесторов по пункту 3 статьи 95 Закона КНР «О рынке ценных бумаг» вправе принять поручение от инвесторов лишь после опубликования судом уведомления, чтобы иные заинтересованные инвесторы также могли зарегистрировать свои права и присоединиться к иску. 26 марта 2021 года Суд опубликовал уведомление о регистрации прав. 8 апреля 2021 года Центр как специальный представитель принял заявление от инвесторов.

Специальный представительский иск способствует реализации прав инвесторов на защиту, особенно в крупных делах с большой суммой компенсации. Данный иск является способом защиты публичных интересов [2, С. 32]. Остается другой вопрос: кто должен нести ответственность за причиненные убытки и компенсировать их?

3. Имущественная (компенсационная) ответственность. Как считает С.Н. Братусь, возмещение убытков является универсальной формой принудительного осуществления гражданского правомочия [1, С.101]. Нарушение обязанности по раскрытию информации на рынке ценных бумаг является правонарушением административным или уголовным, но используемые в рамках административного или уголовного права меры не позволяют защитить интересы инвесторов. Защищать права и интересы инвесторов следует через гражданско-правовые способы – возмещение убытков в рамках имущественной (компенсационной) ответственности.

В соответствии с судебным решением⁵ компания Kangmei должна компенсировать инвесторам 2.5 миллиардов юаней. Контролирующие лица, директора и лица, являющиеся другим высшим менеджментом, которые участвовали в финансовой фальсификации, а также связанные с этим внешние бухгалтеры привлечены к солидарной ответственности. Другие директора и высшее руководство, которые не прямо участвовали в финансовой фальсификации, привле-

чены к солидарной ответственности в размере 20 % от общей суммы компенсации, что эквивалентно от 492 млн юаней; независимые директора, которые подписали один отчет – на 5 %, независимые директора, которые подписали несколько отчетов – 10 %. Иные руководящие лица, которые не подписали отчет, не были привлечены к ответственности.

Это породило дискуссию - следует ли привлекать независимых директоров к солидарной ответственности?

Чтобы ответить на данный вопрос, мы сначала рассмотрим институт независимых директоров в Китае. Китайский институт независимых директоров создан на основе американского опыта. Институт независимых директоров обязателен для компаний, осуществляющих листинг ценных бумаг. Согласно административному акту Комиссии КНР по регулированию ценных бумаг «Руководство о создании института независимых директоров листинговой компаний» от 16.08.2001 «независимый директор – это лицо, которое только выполняет полномочия директора, и не существует его связи с компанией и ее основными акционерами»⁶.

В данном деле Суд постановил, что независимые директора нарушали обязательства по контролю за раскрытием информации эмитента. Суд в своем решении указал, что «несмотря на то, что 5 независимых директоров не отвечают за финансовую деятельность эмитента, финансовая фальсификация в компании Kangmei непрерывно продолжалась в период с 2016 года до 2018 года. Сумма финансовой фальсификации огромная. Финансовая фальсификация очевидна настолько, что если бы эти 5 независимых директоров руководствовались в своей деятельности принципом добросовестности - то невозможно не обнаружить фальсификацию». Таким образом, суд признает наличие вины 5 независимых директоров в виде неосторожности. Критерием для определения неосторожности и умысленности является подпись на документах, содержащих ложную информацию (подписало лицо такие документы или нет) [7, С. 13]. Для тех независимых директоров, которые подписали документы, устанавливается ответственность в размере 10 % от общего ущерба, а для тех, которые не подписали или подписали один отчет – 5 %.

Китайский ученый Цэн Бин считает, что данное решение несправедливо для независимых директоров⁷. С его точки зрения, именно несовершенство регулирования в Китае самого института независимых директоров позволяет независимым директорам неэффективно исполнять свои обязанности. Во-первых, у независимых директоров относительно низкое вознаграждение (в среднем 80 тысяч юаней в год). Во-вторых, независимые директора фактически не имеют достаточной возможности для обеспечения реализации своего права на получение информации. В-третьих, действующие нормативные акты Китая не устанавливают подробные квалификационные требования к независимым директорам.

Ученый и независимый директор компании China Vanke Co., Ltd Лю Шувэй сказала, что «Я отказываю компаниям, которые не могут удовлетворить мои требования предоставить информацию, из-за чего я не имею возможности надлежащим образом исполнять обязанности в должности независимого директора. Например, до подписания документов я прошу проверить связанные с таким документом материалы. Если мне не предоставляют сопутствующие материалы, то я отказываюсь подписывать документы. Независимые директора должны учитывать интересы инвесторов»⁸.

3 Чу Шань. Есть ли у Kangmei Pharmaceutical какая-нибудь ложь? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/46868057>. 2018.

4 Постановление Верховного Народного суда КНР «О представительском иске в сфере ценных бумаг». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-245501.html>. (дата обращения: 14.04.2022).

5 Постановление Народного суда средней ступени г. Гуанчжоу. (2020)012171. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.investor.org.cn/rights_interests_protection/rights_protection_service/repres_action/xxxaction/202111/W02021112664359971821.pdf (дата обращения: 14.04.2022).

6 Административный акт от Комиссии КНР по регулированию ценных бумаг от 16.08.2001 «Руководство о создании института независимых директоров листинговой компанией». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://neris.csrc.gov.cn/falvfagui/rdqsHeader/mainbody?navbarId=3&secFutrsLawId=be7721b5ae10430c9cab60fb8d1c5287&body=> (дата обращения: 14.04.2022).

7 Цэн Бин. Дело о Kangmei Pharmaceutical Co. Ltd – Жёсткие правила по ответственности на рынке акции класс А. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s/U8sjdadJPuElkZMWh_Wulg. (дата обращения: 14.04.2022).

8 Лю Шувэй. Некоторые вопросы по делу о Kangmei Pharmaceutical Co. Ltd. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mp.weixin.qq.com/s/I9JBrdVZFW4-rTD0iY3V-Q>. (дата обращения: 14.04.2022).

В соответствии со статьей 4 Руководства о создании института независимых директоров листинговой компании в Китае назначение независимых директоров происходит с согласия Комиссии КНР по регулированию ценных бумаг. Все независимые директора имеют высокий уровень знаний. В 2018 году уже была публикация в СМИ с конкретным анализом и выводом о мошенничестве компании Kangmei, но независимые директора данной компании даже после публикации не оспаривали или требовали проверить документы компании. Безусловно независимые директора не исполняли свои обязанности надлежащим образом, и у инвесторов возникли убытки, за которые они должны нести ответственность.

С развитием рынка ценных бумаг присуждение такой большой суммы компенсации за раскрытие недостоверной информации или отсутствие раскрытия информации, скорее всего, станет обычной судебной практикой не только в Китае [6, С. 154]. Независимые директора не будут оставаться безучастными. Данное дело дает возможность стимулировать реформу текущего неэффективного института независимых директоров в Китае.

Ещё одним интересным моментом является ответственность внешних бухгалтеров (аудиторов). В данном деле суд постановил, что внешние бухгалтеры намеренно нарушили стандартные практики аудита. Несколько раз в течении 19 лет они давали положительный отзыв на документы с явной ложной информацией. Суд постановил, что внешние бухгалтеры (аудиторы), которые умышленно участвовали в искажении информации, также должны нести солидарную ответственность по компенсации убытков.

Новый Закон КНР «О ценных бумагах» расширяет круг лиц, связанных с обязанностью по раскрытию информации. Статья 78 действующего закона определяет, что «эмитенты и другие стороны, которые связаны обязательством по раскрытию информации в соответствии с законами, административными постановлениями и актами отдела регулирования ценных бумаг при Государственном совете, должны своевременно выполнять обязательство по раскрытию информации в соответствии с законом». Обязанность по раскрытию информации лежит не только на эмитенте (компании). Кроме этого в статье 82 Закона КНР «О ценных бумагах» четко закреплена обязанность директоров, высшего руководства эмитента осуществлять проверку документов о выпуске ценных бумаг и периодические отчеты. На них наложена обязанность гарантировать точность и полноту информации. Для сравнения – в действующем Федеральном законе Российской Федерации «О рынке ценных бумаг» (далее – Закон РФ «О рынке ценных бумаг») обязанность по раскрытию информации устанавливается только для эмитента. В то же время в пункте 11 статьи 30 Закона РФ «О рынке ценных бумаг» установлено, что лица, подписавшие/утвердившие отчет эмитента, а также лица, подписавшие бухгалтерскую (финансовую) отчетность эмитента и лица, представившие обеспечение по облигациям эмитента, и аудиторские организации, составившие аудиторское заключение, несут солидарно субсидиарную с эмитентом ответственность за убытки, причиненные инвестору и (или) владельцу ценных бумаг вследствие раскрытия информации, в том числе в составе отчета эмитента, недостоверной, неполной и (или) вводящей в заблуждение информации, подтвержденной ими. Аналогичные положения содержатся в Федеральном законе Российской Федерации «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» (пункт 4 статьи 5)⁹: лица, подписавшие проспект эмиссии ценных бумаг, несут солидарно субсидиарную ответственность за ущерб, причиненный эмитентом инвестору вследствие содержащейся в указанном проспекте недостоверной и (или) вводящей в заблуждение инвестора информации. Независимый оценщик и аудитор, подписавшие проспект эмиссии ценных бумаг, несут солидарно с иными лицами, подписавшими проспект эмиссии ценных бумаг,

субсидиарную с эмитентом ответственность за ущерб, причиненный инвестору эмитентом вследствие содержащейся в указанном проспекте недостоверной и (или) вводящей в заблуждение инвестора информации и подтвержденной ими.

Мы видим, что российское законодательство четко устанавливает субсидиарную ответственность причастных к нарушению лиц, а не солидарную ответственность вместе с эмитентом. При этом некоторые российские ученые поддерживают усиление института ответственности, например, по мнению П.В. Жестерова независимых директоров следует привлекать к солидарной ответственности за причиненные убытки [4, С. 178].

С нашей точки зрения, независимые директора должны при выполнении своих должностных обязанностей руководствоваться принципами добросовестности и разумности. Если такие лица не могут доказать, что они были обмануты, либо что они действительно не могли установить факт раскрытия ложной информации, то на них должна быть наложена обязанность возмещения причиненных убытков, возникших у инвесторов вследствие раскрытия эмитентом недостоверной информации.

Выводы.

В.К. Мамутов сказал, что «Компенсационную функцию ответственности в хозяйственных правоотношениях нельзя отрицать... Ее назначение и в том, чтобы предотвратить возможность ущерба от неисполнения обязанностей должником» [3, С. 37]. Развитие института раскрытия информации невозможно без улучшения и модернизации института компенсационной ответственности. Во-первых, следует расширить круг лиц, несущих обязанность по раскрытию информации. Привлечение независимых директоров и внешних бухгалтеров (аудиторов) к ответственности стимулирует осуществление ими надлежащего контроля. Независимый контроль над деятельностью эмитента, осуществляемый независимыми директорами и внешними бухгалтерами (аудиторами), в большей степени позволит обеспечить достоверность раскрываемой информации. Во-вторых, необходимо усилить ответственность за нарушение обязанности по раскрытию информации. Жесткое наказание за раскрытие недостоверной информации имеет превентивную функцию, то есть играет роль в предупреждении правонарушений.

Пристатейный библиографический список

1. Братус С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Юрид. лит., 1963. С. 101.
2. Лю Цзюхай. Об инновациях института корпоративной социальной ответственности. // Сравнительное правоведение. 2021. № 4. С. 32.
3. Мамутов В.К., Овсиенко В.В., Юдин В.Я. Предприятие и материальная ответственность. Киев, «Наукова думка», 1971. С. 37-49.
4. П. В. Жестеров. Ответственность независимых директоров и иных лиц, принимающих фактическое участие в управлении кредитными организациями: тенденции, специфика, задачи совершенствования. // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. № 3. С. 178-182.
5. Тан Вэйцзянь. Исследование о китайском представительством иске в сфере ценных бумаг. // Юриспруденция. 2020. № 12. С. 100-112.
6. У Цюшэн, Ма Вэньци. Исследование взаимосвязи между управлением доходами по методу начисления и манипулированием денежными потоками // Финансово-экономический журнал. 2021. 47(2): С. 154-168.
7. Ю Синси. Ожиданное «Первое дело» // Новое финансовое управление. 2021. № 5. С. 13-14.

9 Федеральный закон Российской Федерации от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Российская газета, № 79, 25.04.1996.

10 Федеральный закон Российской Федерации от 05.03.1999 № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» // Российская газета, № 46, 11.03.1999.

ПШИЗОВА Елена Насурдиновна

кандидат юридических наук Адыгейского государственного университета

ТХАРКАХО Марина Меджидовна

кандидат юридических наук Адыгейского государственного университета

МЕСТО РАБОТЫ ДИСТАНЦИОННОГО РАБОТНИКА

В данной статье автором затрагивается вопрос дифференциации отдельных понятий, позволяющих раскрыть сущность такого явления, как трудовая деятельность на дистанционной основе. В частности, в исследовании дается характеристика действующего трудового законодательства относительно содержания в нем положений, правоустанавливающих порядок определения рабочего места работника, при условии, что он осуществляет свои обязанности дистанционно. Также автор проводит сравнительное исследование, позволяющее установить признаки, и тем самым разграничить явления «фрилансер» и «работник на удалении». Учитывая полученные результаты, основным выводом по проделанной работе является то, что на настоящий момент требования трудового законодательства в части определения условий труда несовершенно и требуют доработки.

Ключевые слова: работник, трудовое право, дистанционная основа, трудовая деятельность, правовое регулирование.

PSHIZOVA Elena Nasurdinovna

Ph.D. in Law of the Adygea State University

TKHARKAKHO Marina Medjidovna

Ph.D. in Law of the Adygea State University

PLACE OF WORK OF A REMOTE WORKER

In this article the author touches upon the issue of differentiation of individual concepts that make it possible to reveal the essence of such a phenomenon as remote work. In particular, the study gives a description of the current labor legislation regarding the content of provisions in it that establish the procedure for determining the workplace of an employee, provided that he performs his duties remotely. Also the author conducts a comparative study that allows to establish signs, and thereby distinguish between the phenomena of "freelancer" and "remote worker". Considering the results obtained, the main conclusion of the work done is that at the moment the requirements of labor legislation in terms of determining working conditions are imperfect and need to be improved.

Keywords: employee, labor law, remote basis, labor activity, legal regulation.

Пандемия внесла существенные коррективы в социальную сферу общества. Не остались в стороне и трудовые отношения. В первую очередь это коснулось формата трудовой деятельности. Для большинства работников наиболее приемлем труд в его традиционной организации. Однако мы столкнулись с глобальной эпидемией, что привело к необходимости повсеместного применения удаленного режима работы.

Правовая регламентация дистанционной работы нашла отражение в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ¹), непосредственно в главе 49¹. Статьей 312¹ ТК РФ предусмотрено, что действующее законодательство в качестве признаков дистанционной работы определяет следующие факторы:

работники, нанятые или назначенные для выполнения работы, осуществляют свою трудовую деятельность за пределами стационарного рабочего места, при этом у работодателя фактически отсутствует возможность контроля за указанным трудовым процессом;

основным источником реализации своих трудовых функций являются различные телекоммуникационные сети, а также сети связи, предназначенные для общего пользования (сеть Интернет).

На первый взгляд такая форма организации труда имеет много преимуществ. Работник экономит время и деньги на дорогу, больше свободного времени, не привязан к рабочему месту, выбирает удобный режим работы и т.д. Работодатель может сэкономить на аренде офиса, оплате труда, обустройстве рабочего места и т.д. Несмотря на это, развитие такого нетипичного, казалось бы, перспективного формата трудовых отношений происходило медленными темпами. Причины мы видим как в недостаточном правовом обеспечении, необходимости более детальной регламентации некоторых вопросов, так и в проблемах организационного характера.

Не стоит забывать и о другой форме организации труда, которая становится все более популярной и в нашей стране – фрилансе. Следует сразу оговориться, хотя термины «фриланс» и «фрилансер» широко применяются в научных публикациях, всевозможных средствах информации, обиходной коммуникации, но нормативно-правового закрепления не получили.

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч 1). – Ст. 3.

Как правильно отмечают О. В. Забелина и Ф. И. Мирзабалаева, «...фрилансерами следует считать работников со свободным графиком, при этом сюда можно отнести и частных специалистов, то есть тех, кто выполняет свою работу удаленно, как от самого места, так и от непосредственного источника контроля (работодателя). Более того, отдельными авторами к таковым относятся именно работник на «удаленке», однако, в действительности это ошибочное мнение» [1, с. 309].

Таким образом, фриланс – это одна из новых форм взаимодействия работодателя и исполнителя в рамках гражданско-правовых отношений, не предполагающая официального трудоустройства. Как отмечает Е. В. Маслова, «необходимо понимать, что работник, выполняющий свои функции на дистанционной основе, не относится к фрилансерам, поскольку трудовая ответственность первого обусловлена устойчивой взаимосвязью с работодателем. В свою очередь, фрилансер не состоит в таких же отношениях. При этом постоянное место работы последние определяют сами, в то время как работник на дистанционной основе сделать этого самолично не вправе» [2, с. 96]. Возможно, в силу меньшей зависимости этот вид заработка более популярен.

Если до 2020 года дистанционная работа была больше выбором одной из сторон трудовых отношений, то вспыхнувшая пандемия коронавируса привела к повсеместному внедрению режима работы вне стационарных рабочих мест, развитию взаимодействия между участниками трудовых отношений с применением информационных ресурсов (далее – ИКТ) в самых разных сферах трудовой деятельности. Вот тогда и было выявлено множество проблем, выразившихся в противоречии между реальными процессами в трудовой сфере и трудовым законодательством, а также в неспособности указанной отрасли предельно точно определять сущность вышеуказанных отношений и тем самым разграничивать социальное и правовое положение работников указанной сферы, в том числе и в вопросах правомерности использования в указанной трудовой деятельности ИКТ. Говоря простым языком, отечественное законодательство оказалось не готово к переводу сотрудников на дистанционную работу в массовом порядке.

Но более всего оказались не готовыми к этому именно работники, как социально и экономически слабая сторона этих отношений. В своем исследовании Н. С. Стахийев подробно описал организационные проблемы, с которыми столкнулись сотрудники при столь ускоренном переходе на удаленку, к которым, в частности, стоит отнести в первую очередь низкий уровень коммуникативно-адаптивной способности переходить на новые условия трудовой деятельности. Как следствие, некоторой части сотрудников приходилось долгое время перестраиваться в режим самоорганизации, где большая часть сил опять же была потрачена на формирование необходимого аспекта самодисциплины, устранение бытового дискомфорта, выстраивание условий рабочего процесса (не у всех, как оказалось, такие условия дома есть), создание необходимого психологического взаимодействия с членами семьи, и др. [3, с. 148]. Помимо всего прочего именно бытовые проблемы стали основной причиной отрицания многими работниками указанной формы организации труда.

Данный институт давно требовал перемен, но именно самоизоляция стала толчком пересмотра положений ТК РФ в части регулирования дистанционной работы, потребовавшая внесения в трудовое законодательство существенных изменений, вступивших в силу с января 2021 г.² Однако все проблемы решить новшествами не удалось.

Специальные нормы, регламентирующие труд дистанционных работников, каких-либо исключений по содержанию обязательных условий в трудовом договоре о дистанционной работе не устанавливают. Соответственно, в таких договорах также должно быть определено конкретное место работы (абз. 1 ч. 2 ст. 57 ТК РФ), которое, в отличие от рабочего места, так и не получило законодательного закрепления.

В соответствии со ст. 209 ТК РФ, рабочее место – это месторасположение сотрудника или работника, куда указанные лица обязаны пребывать в установленном законом (рабочим распорядком) время и находиться там в целях реализации возложенных на них функций. В контексте рассматриваемой проблемы, в силу того, что контроль за такими работниками не предусмотрен, соответственно и определить точно месторасположение работников на «удаленке» не представляется возможным.

Что характерно, отсутствие на рабочем месте «дистанционщика» для него является таким же нарушением, как и в случае с обычными условиями труда. Однако, несмотря на то, что в трудовом договоре с дистанционным работником указание места работы является обязательным, такое понятие законодателем официально не продекларировано.

Дело в том, что под местом работы принято понимать конкретный населенный пункт или здание (сооружение), где, как правило, располагается обособленное подразделение и где, соответственно, работник обязан находиться. В свою очередь, учитывая, что трудовое право не сформулировало понятия «рабочее место дистанционного работника», применение аналогичных принципов (присущих обычному рабочему месту) к его идентификации представляется несколько некорректным³. Действительно, герменевтика правового содержания сути «рабочее место» обусловлена тем, что работодатель обязан предоставить работнику такое место для исполнения трудовой функции. При этом, что касается труда на дистанционной основе, то в данном случае указанное место должно соответствовать установленным условиям.

В частности, специалисты Роструда и Минфина России, отвечая на вопросы относительно правильности определения условий труда, указали на тот факт, что именно место нахождения работника следует считать его местом работы⁴.

2 Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 50 (часть III). – Ст. 8052.

3 Обзор Верховного суда Российской Федерации практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 февраля 2014 г.) // Консультант Плюс.

4 Письмо Федеральной службы по труду и занятости от 7 октября 2013 г. № ПП/8960-6-1 // Бюллетень «Официальные документы

На основании изложенного предлагалось указывать в трудовом договоре, что местом выполнения трудовых обязанностей работника является участок, располагающийся за пределами компании или ее обособленного подразделения (ст. 312¹ ТК РФ). При этом для более полной идентификации указанного участка, в соответствии с позицией, изложенной Верховным Судом Российской Федерации, указывать точный адрес не требуется, достаточно просто указать место⁵.

Практическое значение условий конкретного места работы дистанционного работника будет иметь в случаях, когда:

– возникла необходимость направить сотрудника в командировку, при условии, что место нахождения работника располагается за пределами рабочего места работодателя;

– место нахождения работника располагается в районах с неблагоприятными климатическими условиями, вследствие чего его трудовой распорядок должен быть урегулирован специальными положениями действующего законодательства.

В то же время, как разъясняет Роструд, договорные отношения с работниками на предмет дистанционной работы можно заключать в случаях, если в обязанность сотрудника также входит, например, ремонт оборудования, посещение торговых точек, выезд на встречу с клиентами и другая работа без применения ИТК. В связи с этим они признают допустимым одновременное включение в трудовой договор условия о смешанном типе работы как в дистанционном формате, так и о разъездном характере работы. Такой же позиции придерживаются и суды⁶.

Немаловажный вопрос, который следует считать спорным, отсутствие в современном российском трудовом законодательстве возможности заключения трудового договора в формате дистанционной работы с сотрудниками, не являющимися гражданами Российской Федерации, проживающими и осуществляющими трудовую деятельность за пределами нашего государства.

Так, в соответствии со ст. 13 ТК РФ нормативные правовые акты России, содержащие нормы трудового права, актуальны только на территории нашего государства. В свою очередь, согласно требованиям ст. 312³ ТК РФ обязанность работодателя по обеспечению безопасных условий труда для дистанционных работников, осуществляющих трудовую деятельность за границей, практически не может быть реализована должным образом. Но следует отметить, что международным договором РФ может быть предусмотрена возможность выбора сторонами трудовых отношений,

обусловленных иными требованиями действующего законодательства.

В частности, изменение дистанционным работником местности выполнения трудовой функции может стать причиной прекращения трудового договора, при условии, что это повлечет невозможность исполнения трудовых обязанностей сотрудником на прежних условиях (ч. 2 ст. 318⁸ ТК РФ). Остается открытым вопрос, относится ли увольнение работника по данному основанию к случаям прекращения трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон или инициативе работодателя. С одной стороны, в приведенной статье говорится, что трудовой договор в такой ситуации «может быть прекращен», а не «подлежит прекращению» (как, например, в ст. 83 ТК РФ), что предполагает наличие воли работодателя на его прекращение. С другой стороны, в отличие от ч. 1 ст. 318⁸ ТК РФ не уточняется, что трудовой договор в такой ситуации расторгается по инициативе работодателя. Если оно связано с инициативой работодателя, то за работником сохраняются гарантии ч. 6 ст. 81 ТК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Забелина О. В., Мирзабалаева Ф. И. Фриланс как новая гибкая форма самозанятости на российском рынке труда // Экономика труда. – 2020. – Том 7. – № 4. – С. 307-320. – doi: 10.18334/et.7.4.100869.
2. Маслова Е. В., Колесникова О. А. Фриланс как перспективная форма нестандартной занятости: оценка работников и работодателей (на территории Воронежской области) // Регион: система, экономика, управление. – 2018. – № 4 (43). – С. 95-101.
3. Стахийев Н. С. Организационные проблемы перехода на дистанционную работу в условиях пандемии Covid-19. В России // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2021. – № 2. – С. 147-150.

в образовании». – Декабрь 2013 г. – № 34.

5 Обзор Верховного суда Российской Федерации практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 февраля 2014 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 4. – Апрель, 2014.

6 Определение Первого КСОЮ от 12.10.2020 № 8Г-19956/2020, Московского гор. суда от 14.07.2020 № 33-24170/2020 // Документ опубликован не был, Саратовского облсуда от 25.06.2020 № 33-2752/2020 // Документ опубликован не был, Свердловского облсуда от 19.11.2019 № 33-19235/2019 // Документ опубликован не был, Санкт-Петербургского гор. суда от 23.05.2018 № 33-9021/2018 // Документ опубликован не был.

РАКИТИНА Екатерина Васильевна

кандидат юридических наук, доцент Хулунбуирского университета, г. Хайлар, Хулунбуир, КНР

Ян Чуньмэй (杨春梅)

доцент Хулунбуирского университета, г. Хайлар, Хулунбуир, КНР

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАПРЕТА КОНКУРЕНЦИИ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ КИТАЯ

Китайский законодатель допускает включение в трудовой договор или в самостоятельное соглашение с работником условия о запрете конкуренции. Запрет конкуренции означает запрещение для работника работать в компаниях, производящих или реализующих аналогичную продукцию или предоставляющих аналогичные услуги, а также запрещение открывать свое конкурирующее с работодателем дело. В число условий соглашения о запрете конкуренции входит размер выплачиваемой работнику компенсации, размер неустойки (штрафа) в случае нарушения им соглашения, сфера, территория и срок действия запрета конкуренции. Предусмотрена ответственность работника за нарушение обязанности по запрету конкуренции.

В статье проведен анализ китайских научных источников, рассматривавших вопросы запрета конкуренции. Соглашение о неконкуренции призвано обеспечить дополнительные гарантии соблюдения конфиденциальности важной для работодателя информации. В китайской науке нет единой точки зрения относительно цели института запрета конкуренции в трудовом праве (чьи интересы в первую очередь он должен защищать). Также нет единообразия по вопросу существования обязанности по недопущению конкуренции в период действия трудового договора, а не только по его прекращении.

Ключевые слова: запрет конкуренции, работник, работодатель, трудовой договор, соглашение о неконкуренции, условия о неконкуренции, ответственность за нарушение обязательства о неконкуренции.

RAKITINA Ekaterina Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor of the Hulunbuir University, Hailar, the Hulunbuir, PRC

YANG Chunmei (杨春梅)

associate professor of the Hulunbuir University, Hailar, the Hulunbuir, PRC

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE PROHIBITION OF COMPETITION IN CHINESE LABOR LAW

Chinese law allows the inclusion of a non-competition clause in an employment contract or in an independent agreement with an employee. Prohibition of competition means a ban for an employee to work in companies that produce or sell similar products or provide similar services, as well as a ban on opening their own business competing with the employer. The terms of the non-competition agreement include the amount of compensation paid to the employee, the amount of the penalty (fine) in case of violation of the agreement, the scope, territory and duration of the prohibition of competition. The employee is liable for violating the non-competition agreement.

The article analyzes Chinese scientific sources that have considered the issues of the prohibition of competition. The non-competition agreement is designed to provide additional guarantees of confidentiality of important information for the employer. There is no single point of view in Chinese science regarding the purpose of the institution of prohibition of competition in labor law (whose interests it should protect first of all). There is also no uniformity on the issue of the existence of the obligation to prohibit competition during the period of the employment contract, and not only after its termination.

Keywords: prohibition of competition, employee, employer, employment contract, non-competition agreement, non-competition clause, responsibility for violation of the obligation of non-competition.

Ракитина Е. В.

Ян Чуньмэй (杨春梅)

Целью правового регулирования общественных отношений в самом общем виде можно назвать нахождение баланса интересов участников указанных отношений, в том числе для экономического процветания общества. Борьба с недобросовестной конкуренцией также целью имеет достижение баланса интересов различных субъектов права. В силу статьи 2 закона Китайской Народной Республики «О недобросовестной конкуренции»¹ под термином «недобросовестная конкуренция» понимаются действия производителя, нарушающие положения

данного закона, порядок конкуренции на рынке, и ущемляющие законные интересы других производителей или потребителей при осуществлении производственной деятельности.

Анализ положений трудового законодательства Китая позволяет сделать вывод, что в части регулирования конкурентных отношений оно направлено против недобросовестной и в защиту честной конкуренции.

В настоящей статье под запретом конкуренции (竞业限制) понимается недопущение предусмотренными законом средствами конкуренции работника (самостоятельной или путем трудоустройства у другого работодателя) с первоначальным работодателем. В английском варианте

1 中华人民共和国反不正当竞争法 02.09.1993. Available at: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2017-11/05/content_5237325.htm (дата обращения: 10.04.2022).

устоявшийся термин, применяемый для аналогичного по смыслу явления – non-competition clauses.

Институт запрета конкуренции появился в трудовом законодательстве Китая относительно недавно, в 2007 году, с принятием закона Китайской Народной Республики «О трудовом договоре»² (далее – Закон КНР «О трудовом договоре»). В процессе принятия нормы проекта закона, посвященные запрету конкуренции, претерпели значительные изменения, что не способствовало повышению уровня защиты прав работников³.

Основными законами, регулирующими трудовые отношения в Китае, являются закон Китайской Народной Республики «О труде»³ и Закон КНР «О трудовом договоре». Наряду с типичными для трудового законодательства институтами, такими как трудовой договор, рабочее время, время отдыха, заработная плата, в трудовом законодательстве Китая имеется институт запрета конкуренции.

В Законе КНР «О трудовом договоре» запрету конкуренции посвящены статьи 23, 24 и 90. Согласно статье 23 работодатель и работник могут включить в трудовой договор условие о конфиденциальности в отношении коммерческой тайны работодателя и его интеллектуальной собственности. Работодатель может договориться с работником, обязанным соблюдать конфиденциальность, о включении в трудовой договор или соглашение о соблюдении конфиденциальности условия о запрете конкуренции, а также о предоставлении ему ежемесячной финансовой компенсации в течение срока запрета конкуренции после расторжения или прекращения трудового договора. Если работник нарушает условие о запрете конкуренции, он должен выплатить работодателю неустойку в соответствии с соглашением.

При этом указанное соглашение можно заключить не с каждым работником. В соответствии со статьей 24 Закона КНР «О трудовом договоре» лица, обязанные соблюдать запрет на конкуренцию, должны относиться к старшему управляющему персоналу, старшему техническому персоналу, или другим лицам, на которых возложена обязанность соблюдать конфиденциальность. Сфера действия, территория и срок запрета конкуренции должны быть согласованы работодателем и работником, при этом они не должны нарушать действующих законов и правил. Срок запрета конкуренции после расторжения или прекращения трудового договора для указанных выше лиц в том, что касается работы на конкурирующего работодателя, производящего или реализующего аналогичную продукцию, или предоставляющего аналогичные услуги, или организации работником собственного дела для производства или реализации аналогичной продукции, или предоставления аналогичных услуг, не может превышать двух лет.

2 中华人民共和国劳动合同法29.06.2007. Available at: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/jrzq/2007-06/29/content_667720.htm (дата обращения: 10.04.2022).

3 Cooney S., Biddulph S., Li Kungang, Ying Zhu. China's new labour contract law: responding to the growing complexity of labour relations in the PRC. Melbourne Law School. Legal Studies Research Paper No. 317 // UNSW Law Journal. Vol. 30 (3). p. 788-803. Social Science Research Network Electronic Library at: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ssrn.com/abstract=1115550> p.801-802 (дата обращения: 10.04.2022).

Ответственность работника за несоблюдение соглашения о запрете конкуренции (далее также – соглашение о неконкуренции), помимо вышеупомянутой неустойки, предусмотрена статьей 90 Закона КНР «О трудовом договоре»: если работник нарушает взятые обязательства по запрету конкуренции, он несет ответственность за ущерб, причиненный работодателю этими нарушениями.

Оценивая приведенные нормы с точки зрения российского права, можно отметить их противоречие конституционным принципам. В силу части 1 статьи 37 Конституции Российской Федерации⁴ труд свободен, каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Согласно части 1 статьи 34 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Заключение соглашения о неконкуренции не согласуется с указанными принципами.

Однако необходимо отметить, что регулирование конкурентных отношений средствами трудового права существует в трудовом законодательстве многих государств. При этом эти государства зачастую являются участниками международных договоров, провозглашающих свободу труда. Так, например, Германия является участницей Европейской социальной хартии, провозгласившей свободу труда, в Конституции Федеративной Республики Германия закреплено право граждан свободно избирать профессию, место работы и пр., но ее законодательство предусматривает включение ограничительных условий в трудовые договоры [1, с. 28].

Во Франции судебная практика с целью устранения коллизии с правом на свободу предпринимательской деятельности разработала ряд условий, необходимых для признания действительной оговорки о неконкуренции [2, с. 277].

Таким образом, иностранный законодатель не всегда абсолютизирует свободу труда, допуская ограничение указанного права в установленном законом порядке в поисках справедливого баланса интересов работника и работодателя. Опыт других государств по заключению с работником соглашений, запрещающих конкуренцию, изучается в науке китайского трудового права, с целью совершенствования собственного правового регулирования по указанному вопросу [3, 页. 85-93].

Институт запрета конкуренции в трудовом праве вызывает серьезные дискуссии в китайском научном сообществе, начиная с отсутствия единого мнения по поводу его целей, заканчивая различной оценкой последствий нарушения соглашения о неконкуренции работником или работодателем. В научной литературе указывается на недостаточность и пробельность существующего правового регулирования, слишком общий характер установленных правил, не принимающих во внимание многообразие существующих факторов, отмечается необходимость совершенствования законодательства по этому вопросу. Отдельно обращается внимание на отсутствие единообразия

4 中华人民共和国劳动法05.07.1994. Available at: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/banshi/2005-05/25/content_905.htm (дата обращения: 10.04.2022).

в судебной практике по вопросам, возникающим в связи с нарушениями в указанной сфере.

Пожалуй, не вызывает сомнений среди ученых тот факт, что запрет конкуренции в смысле трудового законодательства является ограничением права на труд. Он направлен на защиту важной для работодателя информации, в том числе коммерческой тайны, а также на предотвращение получения другими лицами выгод от вложенных в работника денег (например, в связи с повышением квалификации). Любое право должно иметь границы, и право на труд – не исключение. Таким образом, в сфере запрета конкуренции законодатель стремится найти баланс интересов работника и работодателя.

Однако в науке китайского трудового права нет единства в том, какие цели в первую очередь должен преследовать законодатель при регулировании отношений по запрету конкуренции в трудовом праве. Традиционно отмечается более уязвимый характер работника как стороны трудового договора и необходимость правового регулирования, исключающего злоупотребления работодателем в указанной сфере.

В то же время некоторые авторы считают более важными в силу их публичной значимости интересы работодателя, отмечают необходимость борьбы с недобросовестной конкуренцией, осуществляемой как непосредственно работником, так и другими лицами путем использования ресурсов работника (как личных, так и информационных). Игнорирование интересов работодателя не может не повлиять на сокращение рабочих мест, что вызовет сокращение общего дохода общества [4, стр. 195]. Защита законных прав работников также должна учитываться при запрете конкуренции, однако не до степени недобросовестной конкуренции, которая в конце концов нанесет вред правам самих работников [4, стр. 197].

Основная цель в регулировании запрета конкуренции в трудовом праве не является абстрактной категорией, определяющей лишь мнение законодателя по данному вопросу, она имеет практическое значение, т.к. исходя из законодательно определенных целей суд может разрешать конкретные дела, вставая на сторону работника или работодателя. Так, Цзоу Шенмао отмечает, что уменьшая взыскиваемую с работника неустойку, суд не учитывает интересы и без того пострадавшего работодателя, что негативно влияет на оценку закона обществом [5, стр. 57].

Встречается также точка зрения, что уязвимым по сравнению с работодателем работник является на этапе заключения трудового договора и в период существования трудовых отношений, а в случае заключения соглашения о запрете конкуренции при прекращении трудового договора работник уже не является слабой стороной, и это относительное равенство сторон должно учитываться при разрешении споров на практике [6, стр. 81].

Особую дискуссию вызывает неоднозначность природы запрета конкуренции в трудовом праве. Здесь можно выделить два ключевых вопроса: 1. Действует ли обязанность по неконкуренции в период существования трудовых отношений, или только после их окончания; как она при этом оформляется. 2. Чем запрет конкуренции отличается от обязанности по нераспространению конфиденциальной информации (в том числе коммерческой тайны)

и целесообразно ли его существование в свете указанного сравнения.

Актуальность первого вопроса подтверждает неоднозначная судебная практика [7, стр. 163-164]. И суды при рассмотрении конкретных дел, и ученые при анализе действующего правового массива, сталкиваются с вопросом: является ли обязанность работника, состоящего в трудовых отношениях, не конкурировать с работодателем обязанностью, вытекающей из принципа добросовестности, или она должна быть прямо прописана в трудовом договоре, и в случае ее отсутствия работник свободен в своих действиях?

В науке в основном придерживаются точки зрения, что обязанность работника не конкурировать с работодателем является своего рода «субобязанностью», проявлением общеправового принципа добросовестности, обычаем, и не требует особого упоминания в трудовом договоре.

В пользу указанной точки зрения приводятся положения пункта 4 статьи 39 Закона КНР «О трудовом договоре», согласно которым работодатель может прекратить действие трудового договора, если работник одновременно вступает в трудовые отношения с другим работодателем, и это существенно влияет на его работу у первоначального работодателя. Однако эта норма не затрагивает, например, ситуации, когда работник не работает у другого, конкурирующего с первым, работодателя, а ведет собственный бизнес.

В то же время при таком понимании запрета конкуренции в трудовом праве указанная обязанность распространяется на всех работников без исключения, даже если они не имеют никакого отношения к коммерческой тайне и интеллектуальной собственности работодателя, что не только несправедливо, но и не соответствует закону.

В целях определенности правового регулирования Цзян Кай предлагает четко закрепить в качестве условия трудового договора обязанность находящегося в трудовых отношениях работника не конкурировать с работодателем [7, стр. 172].

Запрет конкуренции работника в контексте более широкого вопроса ограничения занятости рассматривает Дзен Шенсу [8, стр. 1-2]. С позиции этапа существования трудовых отношений он выделяет три вида ограничений занятости: при заключении трудового договора, в период действия трудового договора, и после его прекращения.

Заключение трудового договора не допускается с лицами, которые не имеют права выполнять предполагаемую им работу, например, в силу приговора суда. В период существования трудовых отношений работник должен сохранять коммерческую тайну, а также воздерживаться от действий, приводящих к конкуренции с работодателем, в частности, не работать на другого работодателя. После окончания трудовых отношений могут иметь место отношения по неконкуренции с предыдущим работодателем, на условиях, определенных специальным соглашением.

Как видим, автор не ставит под сомнение существование обязанности по неконкуренции в период действия трудового договора. Более того, отмечая несомненные отличия в указанных видах ограничения занятости (срок, виды ответственности и т.д.), Дзен Шенсу предлагает объединить разобщенный по различным отраслям права массив

правовых норм, регулирующих ограничение занятости, в единую систему в рамках трудового законодательства, определив концепцию, принципы и критерии ограничения занятости. Указанное, по мнению автора, приведет к большей эффективности правовых норм, поскольку в настоящий момент основная проблема правоприменения в сфере ограничения занятости состоит в плохой информированности субъектов правового регулирования в силу разбросанности соответствующих правовых норм [8, стр. 2].

Закон КНР «О трудовом договоре» предусматривает возможность включения в трудовой договор условия о запрете конкуренции или заключения самостоятельного соглашения о неконкуренции с лицами, обязанными соблюдать конфиденциальность информации (относящейся к коммерческой тайне или к интеллектуальной собственности работодателя). Таким образом, в случае существующих трудовых отношений возможно включение в трудовой договор соответствующего условия или заключение самостоятельного соглашения, при прекращении трудовых отношений обязанность о неконкуренции устанавливается отдельным соглашением.

Закон связывает обязанность по запрету конкуренции с необходимостью охраны коммерческой тайны и интеллектуальной собственности работодателя. Возникает вопрос, в чем отличие обязанности по неконкуренции от обязанности по неразглашению конфиденциальной информации, в том числе коммерческой тайны?

У указанных обязанностей разное содержание: не конкурировать с работодателем и не разглашать его конфиденциальную информацию соответственно. Вводя возможность заключения соглашения о неконкуренции с лицом, обязанным соблюдать конфиденциальности информации (относящейся к коммерческой тайне или к интеллектуальной собственности работодателя), китайский законодатель повысил степень защиты коммерческой тайны и интеллектуальной собственности работодателя.

Это объясняется превентивным характером обязательства о неконкуренции: лицо, давшее обязательство о неразглашении, вполне может устроиться на работу к конкурирующему работодателю, если оно при этом не разглашает конфиденциальной информации первоначального работодателя, что бывает очень сложно доказать. Нарушение соглашения о запрете конкуренции доказать легче, при этом не важен факт разглашения конфиденциальной информации, несмотря на то что соглашение заключалось для ее охраны [7, стр. 170].

Таким образом, китайское трудовое законодательство включает в себя институт запрета конкуренции работника с работодателем. Закон КНР «О трудовом договоре» предусматривает определенные требования к содержанию соглашения о неконкуренции. В число условий соглашения о запрете конкуренции входит размер выплачиваемой работнику компенсации, размер неустойки (штрафа) в случае нарушения им соглашения, сфера, территория и срок действия запрета конкуренции. Предусмотрена ответственность работника за нарушение обязанности по неконкуренции.

В некотором смысле соглашение о неконкуренции призвано обеспечить дополнительные гарантии соблюдения конфиденциальности информации, имеющей реша-

ющее значение для существования конкурентных преимуществ работодателя. В китайской науке нет единой точки зрения относительно цели института запрета конкуренции в трудовом праве (чьи интересы в первую очередь он должен защищать), а также существования обязанности по недопущению конкуренции в период действия трудового договора, а не только по его прекращению.

Пристатейный библиографический список

1. Обухова Е.В. Ограничительные условия в трудовых договорах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 2. С. 27–35.
2. Чудинов О.Р. Оговорка о неконкурировании как условие трудового договора в соответствии с правом Франции // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1 (64). С. 275–279.
3. 崔汪卫. 竞业禁止制度的域外视角与经验启示. 西华师范大学学报(哲学社会科学版). 2018. 6. 页. 85–93.
4. 邹升茂. 用人单位利益保护视角下的竞业限制立法完善研究. 太原城市职业技术学院学报. 2019. 7. 页. 195–197.
5. 邹升茂. 竞业限制违约金浅析. 吉林广播电视大学学报. 2019. 8. 页. 56–57.
6. 余艺颖. 离职竞业限制协议的成立认定与效力问题探讨. 劳动法制. 2018. 12. 页. 80–84.
7. 江轶. 劳动者在职竞业限制义务属性之辨. 法学. 2019. 1. 页. 162–172.
8. 曾圣谟. 就业限制制度整体建构初探. 中国劳动保障报/2019年/9月/4日/第003版. 页. 1–2.

АНТРОПЦЕВА Ирина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Института государственной службы и управления Высшая школа правоведения РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

СУБЪЕКТЫ ЧАСТНОГО ПРАВА КАК АГЕНТЫ ПУБЛИЧНОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

В связи со спецификой осуществляемой деятельности отдельные субъекты частного права имеют доступ к информации, которая является предметом публичного финансового контроля со стороны уполномоченных органов, причем они получают ее значительно раньше. Для обеспечения возможности использования таких сведений с целью предупреждения совершения финансовых нарушений и реагирования на максимально ранней стадии законодатель внес изменения в отдельные нормативно-правовые акты, согласно которым, например, на кредитные организации, адвокатов, аудиторов и некоторых иных лиц была возложена обязанность по информированию органов публичного финансового контроля о выявленных нарушениях действующего финансового законодательства РФ. Вопрос о роли таких субъектов в рамках осуществления публичного финансового контроля обусловил актуальность настоящего исследования.

Ключевые слова: публичный финансовый контроль, органы публичного финансового контроля, агенты публичного финансового контроля, делегирование полномочий, аутсорсинг.

ANTROPTSEVA Irina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor of State-legal subjects sub-faculty of the Institute of Public Administration and Civil Service High School of Law of the RANEPА under the President of the Russian Federation

SUBJECTS OF PRIVATE LAW AS AGENTS OF PUBLIC FINANCIAL CONTROL

Due to the specifics of the activities carried out, certain private law subjects have access to information that is the subject of public financial control by the authorized bodies, and they receive it much earlier. To ensure the possibility of using such information in order to prevent the commission of financial violations and respond at the earliest stage the legislator has amended some normative legal acts, according to which, for example, credit institutions, lawyers, auditors and some other persons were obliged to inform public financial control bodies about the revealed violations of the current financial legislation of the Russian Federation. The question of the role of such subjects in the implementation of public financial control has determined the relevance of the research.

Keywords: public financial control, public financial control bodies, public financial control agents, delegation of authority, outsourcing.

В последнее время в российском законодательстве стали появляться отдельные нормы, которые вводят дополнительные обязанности для субъектов частного права по предоставлению информации, сведений о подконтрольных объектах органам публичного финансового контроля, причем исполнение такой обязанности обеспечивается мерами государственного принуждения. Соответственно, возникает вопрос о месте и статусе таких субъектов частного права в системе публичного финансового контроля, учитывая, что данный вопрос недостаточно исследован в науке финансового права.

В настоящее время следующие субъекты частного права, являются вовлеченными в процесс осуществления публичного финансового контроля:

- уполномоченные банки, профессиональные участники рынка ценных бумаг, государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ» (ст. 22 федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее Закон № 173-ФЗ));

- аудиторские организации, аудиторы (федеральному закону от 29.07.2018 №231-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации»);

- саморегулируемые организации, действующие на финансовом рынке (статья 7 федерального закона от 13.07.2015 № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансовых рынков» (далее - Закон № 223-ФЗ);

- адвокаты, нотариусы, доверительные собственники (управляющие) иностранной структуры без образования юридического лица, лица, оказывающие юридические и бухгалтерские услуги (ст. 7.1. федерального закона РФ от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма»).

На основе представленного перечня можно сделать вывод, что все субъекты не относятся к органам государственной власти и/или органам местного самоуправления, имеют специальный статус в силу осуществления основной для них деятельности, требующей получения специального разрешения либо прохождения дополнительных процедур.

С. В. Васильева отмечает, что одним из требований для реализации властных полномочий является то, что такие организации «должны быть способны к этому, прежде всего, с точки зрения организационно-правовых форм их работы – они должны уметь действовать не в частноправовых, а в публично-правовых формах» [3]. Стоит согласиться с данной позицией, потому что у таких субъектов в силу их особенности деятельности, обусловленной требованиями законодательства, есть возможность на законных основаниях получать доступ к информации и документам, которые позволяют реализовать возложенные обязанности, быть вовлеченными в осуществление публичного финансового контроля.

Представляется целесообразным проанализировать следующие вопросы для определения места и роли таких вспомогательных субъектов, вовлеченных в осуществление публичного финансового контроля:

- 1) определить термин для группы таких субъектов;
- 2) выявить природу предоставления полномочий;
- 3) раскрыть объем полномочий.

1. Все перечисленные субъекты являются субъектами частного права, при этом законодатель не вводит единого термина и не объединяет их в одну группу, хотя при осуществлении анализа возложенных на них обязанностей можно сделать вывод, что они выполняют вспомогательную функцию для обеспечения реализации контрольно-надзорными органами своих полномочий. В Законе № 173-ФЗ одним из

субъектов валютного контроля являются агенты валютного контроля, то есть это субъекты частного права, которые наделены равными полномочиями с органами валютного контроля за исключением права применять меры ответственности за нарушение валютного законодательства РФ. Современный толковый словарь русского языка определяет агента как «юридическое или физическое лицо, действующее по поручению и в интересах кого-либо, уполномоченный» [1]. Деятельность агента основана на поручении. При этом передача полномочий возможна как в полном объеме, так и в части. Основываясь на том, что полномочия агента валютного контроля возложены законом, то поручение дано представительными органами власти.

В науке финансового права обращается внимание на особое положение государственной корпорации развития «ВЭБ. РФ». Например, Е. Н. Горлова предлагает рассматривать таких субъектов как парапубличные, которые характеризуются тем, что им «делегированы государственные полномочия... наделяются публичной правоспособностью и должны реализовывать публичные цели... включающей право осуществлять... контроль» [5]. С. В. Васильева предлагает рассматривать государственные корпорации как «квазиорганы» [3], которые «реализуют государственные функции». В переводе с латинского *quasi* означает «яко бы, как будто» [9], «пара» от греческого «para» означает «возле, мимо, вне» [11]. Исходя из значения используемых приставок и особенностей, то представляется в отношении вспомогательных субъектов публичного финансового контроля некорректным в силу того, что осуществляемые ими полномочия не являются ни «как будто» публичные, ни «возле» государственные. Они реализуют полномочия, которые являются составной частью публичного финансового контроля, в связи с чем представляется использование термина «агент» для всей группы субъектов, вовлеченных в процесс публичного финансового контроля на стороне органов публичного финансового контроля, более верным.

2. Вопрос о природе предоставления полномочий является наиболее дискуссионным. Существует несколько точек зрения, которые рассматривают такое предоставление полномочий со стороны органов публичного финансового контроля субъектам частного права как:

– аутсорсинг;

– передача, или делегирование, или наделение государственно-властными полномочиями.

О. В. Романовская проводит аналогию с нормами частного права, «где многие организации передают некоторые виды своей деятельности другой компании на основе длительного соглашения» [8] и предлагает рассматривать предоставление таких полномочий как аутсорсинг, то есть с точки зрения передачи «отдельных функций органов государственной власти негосударственным организациям и частным лицам» [9]. Действующее российское законодательство не содержит легального определения термина «аутсорсинг». Обратимся к Решению Совета Евразийской экономической комиссии от 21.12.2016 № 143 «О Концепции создания евразийской промышленной кооперации и субконтрактации», в котором аутсорсинг определяется как передача одним юридическим лицом другому юридическому лицу работ или услуг и принятие их к выполнению этим другим юридическим лицом на основании договора.

Таким образом, основными характеристиками аутсорсинга является:

– передача выполнения работ или услуг,

– основание передачи - договор между юридическими лицами.

В то же время термин аутсорсинг используется в отдельных нормативно-правовых актах субъектов Российской Федерации, например, в законах города Москвы применительно

к оптимизации предоставления государственных услуг органами исполнительной власти г. Москвы (например, Закон г. Москвы от 21.11.2018 № 30 «О бюджете города Москвы на 2019 год и плановый период 2020 и 2021 годов»), в законах Московской области применительно к передаче кадровой службы учреждений здравоохранения (например, Закон Московской области от 12.12.2018 № 216/2018-ОЗ «О бюджете Московской области на 2019 год и на плановый 2020 и 2021 годов»), применительно к оптимизации функций государственного управления в законах Ростовской области (Областной закон Ростовской области от 03.12.2012 № 987-ЗС «О программе социально-экономического развития Ростовской области на 2013-2016 годы») без раскрытия таких понятий и порядка передачи, а также конкретизации функций государственного управления.

Таким образом, на практике допускается использование термина аутсорсинга применительно как к передаче функций государственного управления, что представляет не вполне верным. Функция – это «обязанность, круг деятельности, подлежащая исполнению работа» [1]. Полномочия – это «право, предоставленное кому-либо на совершение чего-либо» [1]. Одной из основных требований для аутсорсинга является оформление таких отношений путем заключения соглашения, а передача публичных властных полномочий в сфере контрольно-надзорной деятельности осуществления на основании нормы закона. Таким образом, применительно к отдельным услугам, которые органы власти оказывают населению и которые необходимы для осуществления деятельности самими органами власти, возможно использование термина аутсорсинг, но применительно к передаче государственно-властных полномочий использование термина «аутсорсинг» необоснованно.

В правовой науке существует также дискуссия в отношении разграничения использования терминов «делегирование» и «наделение» государственно-властных полномочий [10]. В отдельных работах встречается термин «передача властных полномочий» [4], [7]. М. С. Чакалова придерживается точки зрения, что «наделение» включает в себя понятия «передача» и «делегирование», «при передаче полномочие органа государственной власти исключается из его компетенции и включается в компетенцию..., то есть меняет свою природу» [10]. А. К. Балдин и И. Ф. Ляпин считают, что «делегирование представляет собой наиболее широкое понятие, предполагающее передачу обширного круга полномочий по сравнению с наделением отдельными государственными полномочиями» [2]. В статье 133 Бюджетного кодекса РФ используется термин «выполнение» переданных полномочий органов государственной власти в установленном порядке», то есть предполагается принятие акта, который станет правовой основой для такой передачи, которая требует и предоставление финансирования из соответствующего бюджета. В сфере публичного финансового контроля привлечение частных субъектов не влечет за собой предоставление дополнительного финансирования за счет бюджетных средств в качестве платы за их исполнение.

Привлечение субъектов частного права для реализации полномочий в сфере публичного финансового контроля строится по двум моделям:

а) возложение полномочий нормативно-правовым актом. В этом случае использование терминов «передача», «делегирование» неоправданно применительно к контрольно-надзорным полномочиям в силу того, что закрепление таких полномочий осуществляется именно законом, а не отдельными распорядительными актами контрольно-надзорных органов в силу их воли и права, предоставленного им нормативно-правовыми актами, то есть корректнее говорить о наделении субъектов частного права полномочиями по осуществлению публичного финансового контроля.

б) передача отдельных контрольно-надзорных полномочий органом публичного финансового контроля путем издания подзаконного акта, причем контрольно-надзорный орган сам определяет объем и условия передаваемых полномочий.

3. Отдельного внимания заслуживает вопрос объема полномочий, который предоставляется агентам публичного финансового контроля.

На основе норм действующего законодательства агентам публичного финансового контроля предоставлены следующие полномочия:

- проводить проверки полноты и достоверности учета и отчетности,
- запрашивать и получать документы и информацию;
- предоставлять полученные от объектов контроля документы и информацию органам публичного финансового контроля,
- получать отчетность от субъектов финансового рынка, проверять ее на предмет соответствия порядка составления и сроков ее представления;
- уведомлять органы публичного финансового контроля о факте нарушения и подтверждать выполнение всех необходимых мер.

Основное отличие в части полномочий между органами и агентами публичного финансового контроля заключается в том, что последние не имеют права применять меры принуждения как предупредительного, так и принудительного характера.

При этом обратим внимание, что саморегулируемые организации вправе применять меры, которые предусмотрены статьей 15 Закона № 223-ФЗ и внутренними документами саморегулируемой организации, которым относятся:

- требование об устранении нарушения, вынесение предупреждения;
- наложение штрафа, причем размер штрафа определяется во внутренних документах;
- исключение из членов саморегулируемой организации.

Например, А. М. Евсиков считает, что финансовый контроль со стороны саморегулируемых организаций включает: «прием отчетности, проведение проверок, выдача и контроль исполнения предписаний, применение мер принуждения» [6]. Приведенная точка зрения является спорной, поскольку саморегулируемые организации применяют их от своего имени, а также не могут применять предупредительные и принудительные меры, реализация которых возможна со стороны Банка России.

Подводя итог изложенному выше, можно сделать следующие выводы:

1. Агент публичного финансового контроля – это лицо частного права, на которое нормативно-правовым актом возложены отдельные полномочия по публичному финансовому контролю, и осуществляющее взаимодействие с органами публичного финансового контроля с целью обеспечения эффективной реализации ими возложенных на них полномочий.
2. Привлечение субъектов частного права для реализации полномочий в сфере публичного финансового контроля строится по двум моделям: наделение полномочий в силу закона и передача полномочий путем издания подзаконного акта.
3. Агенты публичного финансового контроля имеют следующие характеристики:
 - являются субъектами частного права,
 - право на реализацию контрольно-надзорных полномочий возникает на основании нормативно-правового акта,
 - публично-властный характер предоставленных полномочий в рамках контрольно-надзорной деятельности;

– не вправе применять меру предупредительного и принудительного характера.

4. Основной задачей деятельности агентов публичного финансового контроля является получение информации и документов, в том числе отчетности от объектов публичного финансового контроля, проверка ее на предмет соответствия требованиям действующего законодательства РФ и последующая передача органам публичного финансового контроля информации о фактах выявленных нарушений, то есть выполнение вспомогательной функции, направленной для обеспечения эффективной реализации полномочий контрольно-надзорными органами.

Пристатейный библиографический список

1. Большой современный толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/tolk/2718.html> (дата обращения: 31.05.2021).
2. Балдин А. К., Ляпин И. Ф. «Развитие института делегирования контрольно-надзорных полномочий в современной России // Административное право и процесс. - 2018. - № 4. - С. 64-67.
3. Васильева С. В. Передача государственных полномочий организациям: правовой механизм // Сравнительное конституционное обозрение. - 2015. - № 5. - С. 28-37.
4. Гиценко Е. В. Конституционные основы и правовые формы привлечения частных субъектов к решению муниципальных задач в России в сравнительной перспективе // Закон. - 2013. - № 2. - С. 113-128.
5. Горлова Е. Н. Парапубличные организации как субъекты финансового права // Актуальные проблемы российского права. - 2020. - № 11. - С. 114-121.
6. Евсиков А. М. Государственный контроль в сфере финансового рынка // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 7. - С. 13-17.
7. Загидуллин Р. И. Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями: проблемы понятийного аппарата // Российский юридический журнал. - 2010. - № 5 (74). - С. 125-131.
8. Романовская О. В. Делегирование государственно-властных полномочий в системе публично-правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - 2017. - № 2. - С. 143-154.
9. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/ushakov/405329.html> (дата обращения: 05.06.2021).
10. Чакалова М. С. О соотношении понятий «наделение» и «делегирование» государственных полномочий органам местного самоуправления // Административное и муниципальное право. - 2009. - № 6. - С. 24-28.
11. Энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/85011/ПАРА> (дата обращения: 05.06.2021).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-224-226

КОЛОВАЙЛО Светлана Александровна

кандидат экономических наук, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

КРАВЧЕНКО Наталья Александровна

кандидат экономических наук, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ

В статье проводится анализ форм юридической ответственности органов публичной власти при осуществлении мероприятий налогового контроля. Определяются особенности юридической ответственности с точки зрения ее применения к публично-властному субъекту. Исходя из анализа судебной практики, авторы приходят к выводу, что в делах о компенсации ущерба налогоплательщика в ходе проведения мероприятий налогового контроля суды принимают решения не в пользу налогоплательщиков. Юридическая ответственность органов публичной власти реализуется через право обжалования актов налоговых органов ненормативного характера, а также действия (бездействия) их должностных лиц.

Ключевые слова: юридическая ответственность, налоговый контроль, публичная ответственность, налоговые органы.

KOLOVAYLO Svetlana Aleksandrovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

KRAVCHENKO Natalya Aleksandrovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

LEGAL RESPONSIBILITY OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE IMPLEMENTATION OF TAX CONTROL

The article analyzes the forms of legal responsibility of public authorities in the implementation of tax control measures. The features of legal responsibility from the point of view of its application to a public authority subject are determined. Based on the analysis of judicial practice, the authors come to the conclusion that in cases of compensation for damage to a taxpayer during tax control measures, the courts do not take decisions in favor of taxpayers. The legal attribution of public authorities is realized through the right to appeal against acts of non-normative nature of tax authorities, as well as actions (inaction) of their officials.

Keywords: legal responsibility, tax control, public responsibility.

В современных условиях развития общественных отношений, которые характеризуются сокращением количества субъектов хозяйствования, объема валового внутреннего продукта, поступлений доходов в бюджет государства, ростом инфляции и др., особо актуальным становится вопрос обеспечения эффективного осуществления налогового контроля посредством обеспечения баланса публичных и частных интересов. Анализ действующего законодательства на предмет ответственности налоговых органов при осуществлении контрольно-надзорных мероприятий, а также порядка и объема возмещения убытков налогоплательщиков позволит разработать рекомендации по усовершенствованию системы налогового администрирования.

Правовые границы юридической ответственности государства, в лице уполномоченных органов и должностных лиц, в отличие от физических или юридических лиц, имеют свою специфику. Одна из них заключается в том, что государственные органы законодательно обязаны нести юридическую ответственность открыто, прозрачно, чтобы гарантировать наличие факта несения ответственности перед гражданами. Данная специфика реализуется посредством конституционного закрепления права каждого гражданина «обжаловать в суде решения и действия (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц»¹.

Исходя из толкования термина «налоговый контроль», которое содержится в ст. 82 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ)², как «деятельности уполномоченных органов по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах...», следует, что фактически его осуществление контроля сводится к контролю над правильным и своевременным перечислением обязательных платежей (налогов, сборов) налогоплательщиками в бюджетную систему. Принимая во внимание, что субъекты хозяйствования являются главными источниками формирования доходов бюджетов всех уровней, необходимым условием обеспечения эффективности налогового контроля должно стать обеспечения баланса интересов всех участников налоговых отношений.

В современных условиях развития общественных отношений, которые характеризуются нестабильностью экономики, налоговая система должна создавать институционные условия для осуществления хозяйственной деятельности, а также добровольного выполнения требований налогового законодательства налогоплательщиками, акцентируя внимание на изменении приоритетов контроля из сугубо фискального направления на непосредственное наблюдение за деятельностью налогоплательщиков, по принципу налогового мониторинга [1]. В таких современных формах налогового контроля предметом должно стать выявление причин-

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – 1993. – № 237.

2 Часть первая Налогового кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

но-следственных связей выявленных нарушений, разработка конкретных предложений и мероприятий для усовершенствования законодательства и перехода от принудительного взыскания налогов и сборов к добровольному выполнению юридическими и физическими лицами налоговых обязательств перед государством.

Обеспечение эффективного налогового администрирования возможно посредством соблюдения баланса интересов всех участников налогового процесса как налогоплательщика, так и органа публичной власти, в лице налогового, таможенного органа или органа местного самоуправления.

Однако следует отметить, что в действующем законодательстве нет специальных норм, которые бы регламентировали привлечение к ответственности налоговых органов, а также их должностных лиц. Действующая редакция НК РФ содержит лишь отсылочную норму ст. 35, в соответствии с которой «налоговые и таможенные органы несут ответственность за убытки, причиненные налогоплательщикам, плательщикам сборов, плательщикам страховых взносов и налоговым агентам вследствие своих неправомерных действий (решений) или бездействия, а равно неправомерных действий (решений) или бездействия должностных лиц и других работников указанных органов при исполнении ими служебных обязанностей»³. Также в указанной статье закреплено, что убытки, понесенные налогоплательщиком, плательщиком сборов от неправомерных действий (бездействий) должностных лиц налоговых органов при проведении мероприятий налогового контроля, компенсируются за счет бюджета. Причем компенсации подлежат все убытки, в том числе и упущенная выгода.

Анализ действующего законодательства, позволяет прийти к выводу, что ответственность должностных лиц налоговых органов может быть дисциплинарной, материальной и уголовной⁴, что закреплено в ст. 12 Закона Российской Федерации от 21.03.1991 № 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации».

Так, дисциплинарная ответственность закреплена в ст. 57 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁵ от 27.07.2004 № 79-ФЗ, а материальная ответственность должностных лиц налоговых органов наступает, в силу ст. 233 Трудового кодекса Российской Федерации⁶ (далее – ТК РФ). Однако, применение и дисциплинарной, и материальной ответственности возможно только по инициативе работодателя, то есть соответствующего налогового органа, но не налогоплательщика.

Следует отметить, что в действующем законодательстве нет специальных норм, которые бы определяли порядок привлечения к ответственности должностных лиц налоговых органов, также они не определены в качестве отдельных субъектов проступков. Административная ответственность сотрудников налоговых органов предусмотрена «за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих служебных обязанностей» (ст. 2.4 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП)⁷. К рассматриваемым субъектам могут быть применены различные составы административных правонарушений, таких как: отказ в предоставлении

гражданину информации (ст. 5.39 КоАП РФ), нарушение законодательства о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (ст. 14.25 КоАП РФ), непринятие мер по частному определению суда или по представлению судьи (ст. 17.4 КоАП РФ); самоуправство (ст. 19.1 КоАП РФ) и др.

Привлечение к уголовной ответственности должностных лиц налоговых органов возможно по таким основаниям, как воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), халатность (ст. 293 УК РФ)⁸ и др. Таким образом, субъектами административной и уголовной ответственности являются должностные лица налоговых органов.

За причинение убытков проверяемым лицам, их представителям в результате совершения неправомерных действий, в том числе налоговыми органами, предусмотрена ст. 1069 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). В данном случае вред возмещается за счет публичных денежных фондов – «за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования». Кроме того, «налогоплательщики имеют право на возмещение в полном объеме убытков, причиненных незаконными актами налоговых органов или незаконными действиями, или бездействием их должностных лиц» (пп. 14 п. 1 ст. 21 НК РФ).

Следует отметить, что в судебной практике сложно найти примеры положительных решений о признании и возмещения вреда налогоплательщикам при проведении мероприятий налогового контроля. Так, в Постановлении КС РФ от 16 июля 2004 года № 14-П, рассматривался вопрос о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 НК РФ: «выездная налоговая проверка не может продолжаться более двух месяцев, если иное не установлено данной статьей; в исключительных случаях вышестоящий налоговый орган может увеличить продолжительность выездной налоговой проверки до трех месяцев; срок проведения проверки включает в себя время фактического нахождения проверяющих на территории проверяемого налогоплательщика»⁹. В деле исковые заявления ООО «Анего» и индивидуального предпринимателя Н. В. Чуева о признании недействительными решений налоговых органов о приостановлении выездных налоговых проверок со ссылкой на ч. 2 ст. 89 НК РФ арбитражными судами были оставлены без удовлетворения. Истцы основывали свои доводы на том, что факт приостановки проведения выездных налоговых проверок на неопределенный срок, необоснованно ограничивает свободу их предпринимательской деятельности, и ставит под угрозу стабильность их финансового положения, возможность планировать хозяйственную деятельность и затраты, а также ущемляет право на судебную защиту.

Основываясь на нормах НК РФ КС пришел к выводу, что НК РФ содержит одновременно унифицированный и дифференцированный подход к определению сроков, в течение которых в отношении налогоплательщика осуществляются контрольные мероприятия в форме выездной налоговой проверки. То есть факты приостановления срока для проведения встречных проверок, а также экспертиз,

3 Часть первая Налогового кодекса Российской Федерации от 13 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

4 О налоговых органах Российской Федерации: Закон РФ от 21 марта 1991 г. № 943-1 // Ведомостях Съезда народных депутатов РФ и ВС РФ. – 1991. – № 15. – Ст. 492.

5 О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

6 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I) ст. 3.

7 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 1.

8 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

9 Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. Д. Егорова и Н. В. Чуева» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 30. – Ст. 3214.

если только проверяющие в этот же период не продолжают находиться на территории налогоплательщика, не должно засчитываться в срок проведения выездной налоговой проверки. Не засчитывается в него и время, необходимое для оформления результатов проверки (ст. 100 НК РФ). Таким образом, в соответствии с действующим законодательством, несмотря на значительные фактические временные затраты на проведение всех форм налогового контроля, ко времени выездной налоговой проверки будут относиться только временные промежутки, когда проверяющие фактически находились на территории налогоплательщика и проводили инвентаризацию, осмотр (обследование) территорий и помещений, используемых налогоплательщиком для извлечения дохода либо связанных с содержанием объектов налогообложения, выемку документов и предметов, а также изучение проверяющими документов налогоплательщика, даже если эти временные промежутки и фрагментированы.

Другим примером может служить неудовлетворение иска о возмещении ущерба налогоплательщику, в размере расходов, произведенных организацией в целях подготовки письменных возражений на акт налоговой проверки, поскольку эти расходы не признаются убытками, так как действия должностных лиц налоговых органов при проведении мероприятий налогового контроля на признаны судом неправомерными (Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 05.04.2012 № А58-3271/2010, Постановление ФАС Уральского округа от 21.08.2012 № Ф09-6499/12, Постановление ФАС Центрального округа от 27.03.2012 № А68-8051/2011). Аналогично суды не признают убытком расходы налогоплательщика на консультационные услуги, такие как формирование правовой позиции, а также подготовка мотивированных возражений на акт налогового органа, апелляционной жалобы в налоговую службу и др., так как они относятся в досудебным расходам и действия налоговых органов не признаны неправомерными (Определение ВС РФ от 29.04.2015 № 304-КГ15-3057 по делу № А03-22021/2013, Постановление ФАС СЗО от 21.05.2014 № Ф07-2854/2014 по делу № А05-12294/2013).

Следует отметить, что на практике является проблематичным возмещение вреда, который нанесен налоговыми органами налогоплательщику, поскольку необходимо доказать наличие вреда, а также его размера, противоправное поведение (действия, бездействия) налогового органа, причинная связь между противоправным поведением и наступившим вредом, а также вина налогового органа.

Налогоплательщик имеет право обжаловать акты налоговых органов ненормативного характера, а также действия (бездействия) их должностных лиц (ст. 138, 139 НК РФ). Обжалование не подразумевает возмещение ущерба, но при этом его следует рассматривать как проявление юридической ответственности налоговых органов за восстановление нарушенных прав налогоплательщиков. Специфика налоговых правоотношений заключается в том, что в них сталкиваются частные и публичные интересы, что, в свою очередь, предопределяет высокий риск возникновения конфликтных, спорных ситуаций между их сторонами. И хотя в течение последних лет органы публичной власти, ради обеспечения баланса между отмеченными интересами и их согласования, активно развивают и продвигают идею партнерских отношений между налогоплательщиками и контролирующими органами, налоговые споры, впрочем, являются достаточно распространенным явлением в нашем государстве. Очевидно, что в таких спорах более уязвимой стороной являются налогоплательщики, так как они не наделены властными полномочиями, в отличие от контролирующих органов. А потому наличие эффективного и действенного правового механизма решения налоговых споров является чрезвычайно важной гарантией защиты прав и законных интересов налогоплательщиков от противоправных действий и решений, злоупотребления властью со стороны контролирующих органов и их

должностных лиц, обеспечение верховенства права и законности во всех сферах финансовых отношений [2, 3].

Проблемы, имеющиеся в налоговом контроле и налоговой ответственности, можно решить посредством уменьшения количества проверок и повышения их качества путем более эффективного отбора предприятий для проверок, – законодательное установление персональной ответственности работников налоговых органов за преднамеренные и случайные ошибки в работе [4], введение налоговых компромиссов с использованием механизмов рассрочки или отсрочки, договорных налоговых кредитов.

Для совершенствования системы проверок, которые проводятся налоговыми органами, необходимо [5] введение критериев определения периодичности проверок, предусмотреть возможность участия в процессе проверок третьих лиц, в частности представителей общественных организаций, позволить фиксировать процесс проверок аудиовизуальный, формировать своеобразный рейтинг предприятий, которые не прошли проверку в течение двух последних лет или являются потенциальными нарушителями налогового законодательства.

С целью повышения эффективности и доступности правосудия в законодательстве следует установить определенный размер расходов из оплаты помощи представителя, которые возмещаются плательщику в случае отмены решения налогового органа. Следует поднять вопрос в кадровом обновлении, комплексной перестройке работы налоговых органов, которая заключается в максимальном уменьшении влияния человеческого фактора путем автоматизации процессов администрирования, развития электронных сервисов, повышении роли общественного контроля, недопущении неправомерных действий или решений и проявлений нарушения прав налогоплательщиков, а также разработке критериев, позволяющих определить эффективность работы налоговых органов. Поэтому возникает необходимость в повышении ответственности должностных контролирующих органов неправомерные действия или решения.

Пристатейный библиографический список

1. Древаль Л. Н., Якубец А. А. О защите фискально обязанных лиц при проведении контрольных мероприятий // Актуальные проблемы науки и практики: сборник научных трудов. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 110-113.
2. Фомин А. А. Юридическая ответственность государственных органов и должностных лиц как гарантия конституционной безопасности // Правовая культура. – 2019. – № 2 (37). – С. 7-18.
3. Куклик Д. С. Проблемы и перспективы совершенствования организации и проведения выездных налоговых проверок в налоговых органах РФ // Вестник науки и образования. – 2019. – № 9-3 (63). – С. 22-25.
4. Маркунин Р. С. Система юридической ответственности органов публичной власти: постановка проблемы // Юридическая наука. – 2015. – № 4. – С. 14-16.
5. Пономарев А. В. Понятие и сущность налогового администрирования // Современное право. – 2009. – № 10. – С. 91-93.

ПУЛИКОВ Владимир Гамлетович

студент 3 курса Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

САМУТИНА Дарья Дмитриевна

студент 2 курса Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

КУЗНЕЦОВА Светлана Андреевна

студент 2 курса Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ОЧАКОВСКИЙ Виктор Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЛОГА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД

В статье рассмотрен налог на профессиональный доход. Нововведенный специальный налоговый режим получил свое развитие и сыграл достаточно весомую роль при формировании бюджета. В целом, в статье оценивается соответствие данного налога принципам налоговой системы, а также все его стороны и вносятся предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: налог, налоговая система, реформа, самозанятые, налог на профессиональный доход, налоговые нововведения.

PULIKOV Vladimir Gamletovich

student of the 3rd course of the Law Faculty of the Kuban State Agrarian University

SAMUTINA Darya Dmitrievna

student of the 3rd course of the Law Faculty of the Kuban State Agrarian University

KUZNETSOVA Svetlana Andreevna

student of the 3rd course of the Law Faculty of the Kuban State Agrarian University

OCHAKOVSKIY Viktor Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Law Faculty of the Kuban State Agrarian University

LEGAL REGULATION OF THE PROFESSIONAL INCOME TAX

The article considers the tax on professional income. The new special tax regime has been developed and has played a significant role in the formation of the budget. In general, the article assesses the compliance of this tax with the principles of the tax system, as well as all its aspects, and makes proposals for its improvement.

Keywords: tax, tax system, reform, self-employed citizens, professional income tax.

Налоговая система Российской Федерации является источником государственных доходов, основная цель которого сводится к финансовому обеспечению деятельности государства и муниципальных образований. Очевидно, что для успешного функционирования государства такие поступления должны быть регулярными, поэтому государственными органами применяется ряд мер, позволяющий обеспечивать непрерывность таких поступлений.

Налоговый кодекс РФ предусматривает в качестве мер несколько специальных налоговых режимов (рис.1), среди которых определенное место занимает «Налог на профессиональный доход» (далее - НПД), и, являясь новеллой отечественного законодательства, активно развивается на территории России [1]. Законодателем несколько лет предпринимаются попытки по разработке и внедрению в правовое поле доходов «самозанятых» граждан; обозначенная работа является частью более сложного процесса повышения эффективности администрирования. При формировании российской налоговой системы внушительная часть доходов граждан оказалась незаконной. Многие правовые режимы, которым необходимо было следовать, игнорировались физическими лицами, несмотря на то, что получая такие виды дохода на постоянной основе, необходимо

было зарегистрировать себя в качестве индивидуального предпринимателя.

Сегодня в России начинает проявляться дифференцированность доходов и установление равенства перед законом, приводящее к правовому нигилизму населения, что является одной из причин отказа от исполнения ряда налоговых обязанностей. В свою очередь Юдин Г.Б. отмечает, что проблема несправедливости кроется не столько в высокой степени разброса уровня дохода населения, сколько в неуверенности в степени влияния человека на свою собственную социально-экономическую деятельность, а также в степени ее защищенности, которая зависит от влияния на нее деятельности ряда лиц, имеющих отношение к властным структурам и, как следствие, лоббирующим свои интересы [2]. Таким образом, граждане-предприниматели массово пытаются скрыть свой доход, уходя в теневой сектор экономики. Массовое неотображение своих доходов максимально негативно сказывается на финансовой системе страны в целом.

С 2019 года НПД вводился в качестве эксперимента первоначально для нескольких субъектов РФ (Москва, Московская и Калужская области, Татарстан) и не включался в Налоговый кодекс РФ, при этом с принятием федерального

Рисунок 1. Виды специальных налоговых режимов

закона о НПД ст. 1 Налогового кодекса РФ дополнена, что позволило вводить налоги, сборы, специальные налоговые режимы другими федеральными законами в качестве экспериментальных — на ограниченный период в отдельных субъектах РФ. Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 101-ФЗ регионам России было разрешено вводить на своей территории НПД через принятый соответствующим субъектом РФ закон [3]. Такие законы на сегодняшний день уже приняты. Более того: с 1 января 2021 г. НПД применяется на всей территории государства. В свою очередь важно, чтобы региональная политика не отставала от действий федеральных органов власти по достижению прогресса. Только при едином функционировании и взаимодействии региональной и федеральной политики получится достигнуть эффективного развития.

Законодательством РФ установлены некоторые ограничения по видам деятельности. Налогоплательщиком может быть как индивидуальный предприниматель, так и физическое лицо, не имеющее специальной регистрации, при условии, что вид деятельности не требует такой регистрации. Пытаясь не допустить возникновения стремления к недобросовестной налоговой оптимизации (например, в порядке перевода работников по трудовому договору в статус самозанятых), к профессиональному доходу выплаты по гражданско-правовым договорам, заключенным с нынешним или бывшим (в течение двух лет) работодателем, законодателем не относятся.

Значительным плюсом является то, что плательщики рассматриваемого специального налогового режима освобождены от уплаты налога на доходы физических лиц (по объектам налогообложения НПД), а индивидуальные предприниматели и от НДС (исключение: налог при ввозе товаров на территорию нашего государства), а функции налогового агента плательщики НПД несут в случае выплаты денежных средств физическим лицам по гражданско-правовым договорам. Рассматриваемый режим, по моему мнению, несовместим с другими налоговыми режимами и введением НДФЛ для предпринимательской деятельности. Для удобства граждан сегодня в России налоговые процессы предельно упрощены и используются налогоплательщиком через мобильное приложение, разработанное специально для уплаты налогов и других задолженно-

стей. В любой день, не выходя из дома, предприниматель может воспользоваться им.

Для плательщиков НПД предусмотрены отдельные налоговые ставки (рис.3). Они, безоговорочно, меньше стандартной ставки НДФЛ — 13 %, а также выгоднее упрощенной системы налогообложения со ставками — 6 и 15 % и уплатой социальных взносов. При невысоком уровне дохода российского населения режим НПД представляется менее затратным для налогоплательщика по сравнению с патентной системой. Позитивным моментом для категории «самозанятых» граждан, в первую очередь, должна стать стабильность, которую гарантирует законодательство РФ при введении нового налогового режима. Частью 3 ст. 1 Закона № 422-ФЗ установлен мораторий на 10 лет на уменьшение предельно допустимого размера доходов и повышение налоговых ставок. Необходимо понимать, что сумма денежных средств, необходимых для уплаты в пользу государства, складывается из нескольких компонентов и, как правило, большую часть составляют обязательные страховые взносы [4].

На сегодняшний день на лиц, пользующихся режимом НПД, не возложена обязанность уплаты обязательных страховых взносов: ст. 419 НК РФ не закрепляет в перечне физических лиц, а индивидуальные предприниматели освобождены в силу прямого указания в ч. 11 ст. 2 Закона № 422-ФЗ. Однако плательщики НПД — это застрахованные в системе обязательного медицинского страхования лица (пп. 2 ч. 1 ст. 10 Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации») и высокая доля государственного дохода от поступлений НПД (37 %) перечисляется в бюджет Федерального фонда обязательного медицинского страхования (пп. 3 п. 1 ст. 146 Бюджетного кодекса РФ) [5]. Таким образом, оказываемые медицинские услуги за счет системы ОМС самозанятым гражданам компенсируются государством.

Аргументом в пользу применения режима НПД является ведение деятельности, которая приносит легальный доход. Во-первых, для граждан важна возможность соблюдения правил, несмотря на материальную выгоду, тем более если они не обременены такими существенными административными издержками, как регистрация или отчетность. Во-вторых, добросовестное соблюдение

правил устраняет угрозу выявления сокрытого от налогообложения дохода, незаконной предпринимательской деятельности и применения установленных законом санкций. В-третьих, плательщик НПД может обеспечивать полную прозрачность и, самое главное, законность проведения платежей (а также их надлежащее документальное оформление) для своих клиентов, что особенно важно при работе с организациями. В-четвертых, самозанятый гражданин может официально подтвердить свой доход, что необходимо в ряде случаев, таких, например, как для получения банковского кредита и в некоторых других случаях.

В качестве недостатков введенного НПД отметим отсутствие отчислений (пенсионных, социальных). К сожалению, для некоторых самозанятых граждан эти взносы являются обременяющими, несмотря на то, что за установленную сумму можно приобрести ряд гарантий. Особенно это актуально в последние годы, в период пандемии, когда не у всех граждан есть возможность посещения общественных мест и перевода своих производств на удаленный режим работы. Таким образом, не у всех получается соблюдать режим самоизоляции.

Также существует риск перераспределения индивидуальных предпринимателей, которые используют другие специальные налоговые режимы на налог на профессиональный доход в целях сокращения налогового бремени, в результате чего отчисления в бюджет могут значительно сократиться.

Е.Г. Беликов считает: «На основании изложенного можно сделать вывод об оправданности выбора для нового специального правового режима правовой формы «эксперимента» [6]. Практика применения норм законодательства поможет выявить возможные пути улучшения режима НПД, а результаты более продолжительного периода действия закона позволят ввести НПД в НК РФ в статусе постоянно действующего специального налогового режима. При этом, на наш взгляд, целесообразно внесение изменений в бюджетное законодательство (в части перераспределения доходов от уплаты НПД во все бюджеты государственных социальных внебюджетных фондов) и законодательство об обязательном пенсионном страховании, социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и материнства (в части включения самозанятых в число застрахованных лиц) с целью установления дополнительного стимула для перехода самозанятых граждан на рассматриваемый специальный налоговый режим. В свою очередь Н.Н. Бочарова считает, что введение института самозанятых как решение проблемы легализации физических лиц, самостоятельно обеспечивающих себя трудовой деятельностью, нельзя оценить как целесообразное и оправданное мероприятие по причине несоответствия его правового регулирования принципам сложившейся фундаментальной системы налогообложения в Российской Федерации, а также отсутствия сформированного правового статуса самозанятых граждан и правовой среды для их деятельности [7].

Невзирая на установленное ограничение, которое рассматривали выше, риск нарушений трудового законодательства работодателями для снижения налоговой нагрузки варьируется на определенно высоком уровне, в связи с чем министр финансов Российской Федерации Антон Гер-

манович Силуанов предложил ограничить список видов деятельности самозанятых лиц [8]. Однако предугадать, как подействует предлагаемая мера, невозможно: то есть с одной стороны это ограничит возможность оппортунистического поведения работодателей, а с другой стороны сократит количество потенциальных плательщиков НПД, не планировавшие заключать трудовые договоры.

В ноябре 2020 года президент Торгово-Промышленной Палаты России Катырин С.Н. предложил поддерживать микробизнес путем снижения ставки налога самозанятых граждан до 1 % и расширения видов деятельности (например, включая в список розничную торговлю) применения нового специального налогового режима [9, 10].

На наш взгляд, рассматриваемый специальный налоговый режим базируется не на мерах принуждения, которые перестали работать в определенных условиях, а на принципе добровольности, что не соответствует принципам налогообложения. В любом случае, необходимо обеспечить реализацию одной из основных конституционных обязанностей граждан РФ-уплаты налогов. При неуплате следует их взыскивать в принудительном порядке. Принцип добровольности в данном случае призван к легализации предпринимательской деятельности, но с другой стороны противоречит основным принципам системы налогообложения и ставит в более невыгодное положение законопослушных налогоплательщиков, нежели предпринимателей, которые предпочли не регистрироваться в качестве самозанятых, в результате чего плательщик НПД приобретает возможность применения к нему установленных законом санкций.

Таким образом, установленный в Российской Федерации в 2019 году новый специальный налоговый режим в качестве десятилетнего эксперимента сыграл достаточно весомую роль в условиях дефицита бюджета 2020 года. Однако на практике при его реализации есть как положительные моменты – удобство и низкая ставка данного налога, так и отрицательные – невозможность участвовать в системе государственных и муниципальных закупок, отсутствие социальных и пенсионных отчислений и др.

На наш взгляд одним из главных условий при использовании определенных послаблений со стороны государства не должно приводить к злоупотреблению правом. Граждане в любом случае обязаны соблюдать действующее законодательство. Практика рассмотрения дел Конституционным судом России позволяет сделать определенный вывод: налогоплательщики обязаны действовать в сфере налогообложения добросовестно, их добросовестность презюмируется, и они имеют право использовать предоставленные права для оптимизации налогообложения [11]. Именно это, на наш взгляд, должно обеспечить эффективное функционирование новой системы налогообложения. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой льготы» на определенное время оставалось главным источником судебной доктрины, которая направлена на препятствование злоупотреблению налоговым правом [12].

Определенно точно регулирование налоговой отрасли не представляется возможным без применения раз-

личных методов. Например, в одном из своих постановлений Конституционный суд РФ установил, что по своей правовой природе налоговые отношения базируются на императивном воздействии (подчинении) одного субъекта отношений другому [13]. Финансовый контроль особенно важен в Российской Федерации, что обусловлено рядом причин, например, динамичным развитием инвестиционных отношений [14]. Действующее на сегодняшний день финансовое законодательство не раскрывает определение понятия «финансовый контроль», но исходя из ряда норм БК РФ под финансовым контролем можно понимать деятельность уполномоченных органов государственной власти РФ по обеспечению соблюдения правовых норм, регулирующих бюджетные (в т. ч. и финансовые) правоотношения, в целях эффективного социально-экономического развития общества и государства [15].

Не менее важным является и налоговый контроль, но существующие способы реализации налогового контроля являются далеко несовершенными, а в некоторых случаях способны нанести большой ущерб интересам налогоплательщика или налогового органа [16].

Пристатейный библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 02.10.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 17.12.2021).
2. Выжutowич В. Надо ли бороться с неравенством. Тема с социологом Г. Юдиным // Российская газета. - 2019. - № 19 (7777).
3. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 101-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход“» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. 200 № 14. Ст. 2031.
4. Курдюк Г.П., Архиреева А.С. Региональная правовая политика: особенности понимания Теория и практика общественного развития // 2014. - № 20. - С. 96-98.
5. Федеральный закон от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход“» (с изм.от 1 апреля 2020 г. № 101-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49. Ст. 7494.
6. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 29.11.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.08.1998. № 31. Ст. 3823.
7. Беликов Е.Г. Правовое регулирование и перспективы применения специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2021. - № 1. - С.198-203.
8. Бочарова Н.Н. Правовое регулирование дохода на профессиональный доход: проблемы и перспективы // Международный научно-исследовательский журнал. - 2021. - № 4. - С. 204-207.
9. Рассохин А. Самозанятым ограничат виды деятельности // Коммерсантъ. – 2019. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4116817>.
10. Маврина Л. Торгово-промышленная палата предложила меры по поддержке малого бизнеса // Ведомости. - 2020. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/07/20/835007-malomu-nalogi>.
11. Очаковский В.А. В вопросу о злоупотреблении правом в сфере налогов и сборов // Административное и финансовое право в условиях новой экономической реальности: опыт и перспективы // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Сборник статей. - 2017. - С. 180-183.
12. Каспарян А.А., Очаковский В.А., Зайцев Д.М. Злоупотребление правом в налоговых правоотношениях // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 12 (151). - С. 213-215.
13. Курдюк П.М., Очаковский В.А. К вопросу об использовании диспозитивных начал в финансовом праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2019. - № 4 (48). - С. 163-166.
14. Архиреева А.С., Никитина П.С. Контрольно-надзорная функция государственной власти и роль финансового контроля в ее осуществлении // Вопросы государства и права. Сборник научных статей. - Краснодар, 2018. - С. 86-89.
15. Архиреева А.С., Едиджи Ф.А. Проблемы развития финансового контроля // Эпомен. 2020. - № 36. - С. 17-24.
16. Агабабян В.Э., Очаковский В.А. Налоговый контроль как элемент налогового администрирования в Российской Федерации // Полиматис. - 2018. - № 9. - С. 13-18.

ИСМАИЛОВ Магомед Чинтирович

магистрант 1 курса Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Исмаилов М. Ч.

ПРИНЦИП ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ, ПРИМЕНЕНИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Статья посвящена проблеме совершенствования принципа эффективности использования бюджетных средств. Обоснована необходимость легального закрепления содержания выражения «неэффективное «использование бюджетных средств» и совершенствования содержания терминологии: «получатели бюджетных средств», «получатели средств из бюджета», во взаимосвязи с участниками бюджетного процесса, которые являются базовыми для обеспечения реализации рассматриваемого принципа. Также отмечено отсутствие специальных, эффективных механизмов восстановления прав, за нарушение указанного принципа

Ключевые слова: принцип эффективности использования бюджетных средств, статьи 6, 34 и 152 БК РФ, неэффективное использование бюджетных средств, участники бюджетного процесса, получатели бюджета, исполнители бюджета.

ISMAILOV Magomed Chintirovich

magister student of the 1st course of the Higher School of Public Audit of the M. V. Lomonosov Moscow State University

THE PRINCIPLE OF EFFICIENT USE OF BUDGETARY FUNDS: PROBLEMS OF UNDERSTANDING, APPLICATION AND WAYS OF IMPROVEMENT

The article is devoted to the problem of improving the principle of efficient use of budgetary funds. The necessity of legally fixing the content of the expression “inefficient” use of budgetary funds” and improving the contents of terminology: “recipients of budgetary funds”, “recipients of funds from the budget”, in connection with the participants of the budget process, which are basic to ensure the implementation of the principle under consideration, is justified. It was also noted that there are no special, effective mechanisms for restoring rights for violation of this principle.

Keywords: the principle of efficient use of budget funds, Articles 6, 34 and 152 of the BC of the Russian Federation, inefficient use of budget funds, participants in the budget process, budget recipients, budget executors.

Эффективность использования бюджетных средств, как представляется, является одним из частных случаев универсального принципа законности и в качестве специального принципа, в целях обеспечения надлежащего социально-экономического развития государства и общества, устойчивости экономики, финансово-экономической безопасности государства, а также одной из важнейших целей в деятельности органов государственного финансового контроля, норма закреплена в статье 28 БК РФ.

Содержание принципа эффективности использования бюджетных средств раскрывается в статье 34 БК РФ, в которой закреплено, что использование бюджетных средств означает, что при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности).

Для понимания содержания и уяснения смысла указанной нормы- принципа существенным является раскрытие содержания следующих выражений, применяемых в названной норме: «экономность», «результативность», и «участники бюджетного процесса», образующих рассматриваемый принцип.

Экономность, в словарях русского языка раскрывается, как бережность, умеренность затратить¹. С учетом этого, в рам-

ках рассматриваемого принципа это означает достижение целей, результатов с умеренными затратами.

Мы, солидарны с мнением ученых о том, что эффективность — это соответствие между расходами и достигнутыми результатами, а последнее — это степень достижения целей с использованием бюджетных средств. Хотя результативность и эффективность разные понятия, но они взаимно дополняют друг друга, без эффективности нет результативности и наоборот [4].

И.А. Соколов считает, что оценка эффективности использования бюджетных средств одна из стадий управления бюджетными ресурсами [6].

О неоднозначности понимания содержания данного принципа, из-за оценочных выражений его характеризующих, свидетельствует и аргументированная позиция, высказанная в литературе о том, что при определении эффективности использования бюджетных средств не учтены такие критерии, как качество, целесообразность, сроки исполнения поставленной цели, законность, экономическая обоснованность и т.д. [3]. Вместе с тем, мы не разделяем такую позицию, и исходим из понимания того, что несоблюдение требования качества, сроков достижения целей и другие критерии охватываются результативностью и экономностью, в противном случае о достижении целей реализации данного принципа вообще не приходится, говорит.

Для более полного раскрытия содержания данного принципа, важен не только анализ научных воззрений, но и исследование его содержания помимо законов и в подзаконных нормативных правовых актах, а также выяснение содер-

1 См.: Значение слова «экономный» //Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электрон-

ная версия): Фундаментальная электронная библиотек. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kartaslov.ru/>

жания придаваемой ему правоприменительной и судебной практикой.

Так, в Стандарте внешнего государственного аудита СГА 104 эффективность раскрывается как соотношение между достигнутыми результатами и использованными для их достижения ресурсами, отражающее экономность и (или) результативность; экономность - достижение определенных результатов с использованием наименьшего объема ресурсов; результативность — достижение наилучших результатов с использованием определенного объема ресурсов².

Очевидно, содержание указанных выражений, в виде «соотношения», «достижения», «наименьший объем» и «наилучший результат», как и в нормах БК РФ, остается оценочными, ввиду невозможности закрепления в нормативных правовых актах конкретных критериев и коэффициентов оценки этого. В этом плане указанные данные, характеризующие рассматриваемый принцип является переменными категориями, которые наполняются конкретным содержанием при оценке эффективности в соответствии с методическими рекомендациями применительно к направлениям деятельности и ситуациям. Следует согласиться с мнением Н.А. Поветкиной о том, что рекомендации, определяющие содержание рассматриваемого принципа при оценке эффективности, носят «точечный, конкретный, несистемный характер, ... и не могут быть восприняты как единые начала» [5].

В бюджетном послании Федеральному Собранию Президентом РФ, подчеркивая проблему эффективности использования бюджетных средств, также отмечено, «что отсутствует четкая система оценки эффективности бюджетных расходов»³.

В этой связи назревшим является разработка нормативного правового акта (методики) на уровне Правительства РФ (Минфина России), предусматривающие общие механизмы, критерии, показатели, коэффициенты оценки эффективности использования бюджетных средств, для получателей бюджета, который может быть основой для локального нормотворчества с учетом направления деятельности и специфики решаемых задач с расходованием бюджетных средств.

Оценочные выражения эффективности, результативности и экономности, использования бюджетных средств, как указано в правовой позиции Конституционного Суда РФ, как и другие оценочные понятия, наполняются содержанием в зависимости от того, как их трактуют участники правоотношений и правоприменительная практика, однако они не могут быть настолько неопределенными, что не обеспечивают единообразное понимание и применение соответствующих законоположений⁴. Это является еще одним аргументом в пользу перспективы разработки нормативного правового акта, в которых содержатся унифицированные критерии оценки эффективности использования бюджетных средств, которые способны дать определенность нормам, в которых содержатся оценочные выражения, что соответствует конституционному принципу определенности правовых норм.

В этой связи предлагается дополнить ст. 34 БК РФ следующим предложением «Критерии эффективности использования бюджетных средств определяется в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации». И это, как представляется, соответствует требованиям юридической техники построения правовых норм.

2 СГА 104. Стандарт внешнего государственного аудита (контроля). Аудит эффективности» (утв. постановлением Коллегии Счетной палаты РФ от 09.02.2021 № 2 ПК) // СПС КонсультантПлюс.

3 Бюджетное послание Президента РФ Федеральному собранию от 13.06.2013 «О бюджетной политике в 2014 - 2016 годах» // СПС КонсультантПлюс.

4 См.: Определение Конституционного Суда РФ от 08.06.2004 № 226 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Уфимский нефтеперерабатывающий завод» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации и абзацем третьим пункта 11 статьи 7 Закона Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

2. Для правильного понимания содержания выражения «эффективности использования бюджетных средств», стало быть, и соответствующего принципа, существенное значение имеет понимание содержания выражения «неэффективное расходование бюджетных средств», так сказать, метод (подход к пониманию) от противного. Как верно отмечено в письме Минфина России, легальное содержание выражения «неэффективное расходование бюджетных средств» в действующем законодательстве Российской Федерации не раскрывается⁵.

Представляется, небесспорным является, закрепление в законе раскрытие содержания элементов (объективной стороны), образующих правонарушение (в рассматриваемом случае неэффективное использование бюджетных средств), поскольку такие действия могут быть достаточно много, и не вписываться в легальное его определение, что может повлечь проблемы в правоприменении.

Вместе с тем, в законопроекте № 208784-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесенного в 2013 г в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации предусматривал легальное раскрытия содержание указанного. В указанном законопроекте «неэффективное использования бюджетных средств» рассматривалось как «правонарушение, выразившееся в недостижении заданных результатов (по объему и (или) качеству), установленных государственным (муниципальным) заданием, долгосрочной целевой программой либо иным правовым основанием, с использованием определенного бюджетом объема бюджетных средств, или в достижении заданных результатов (по объему и (или) качеству) с превышением объема бюджетных средств, достаточного для их достижения, исходя из условий, существовавших в месте исполнения бюджетного обязательства в соответствующий период», за совершение которого предлагали установить административную и уголовную ответственность⁶.

Указанный законопроект не принят в связи с отрицательным заключением Правительства РФ по мотивам отсутствия критериев оценки эффективности (неэффективности) использования бюджетных средств, и ситуацией в случаях невозможности расходования бюджетных средств, в силу объективных факторов.

Представляется, что указанные доводы не убедительны по следующим основаниям:

а) Если исходит из того, что критерии оценки эффективности расходов бюджета отсутствует, то принцип эффективности использования бюджетных средств является декларативным;

б) отсутствие единых рамочных критериев оценки эффективности использования бюджетных средств, не приводит к их отрицанию, а подтверждает необходимость дальнейшего совершенствования, развития и унификации соответствующих критериев оценки;

в) анализ актов и отчетов органов государственного финансового контроля подтверждает о масштабности распространения нарушений неэффективного использования бюджетных средств, что невозможно было бы при отсутствии таких критериев оценки. Обобщение и анализ указанной правоприменительной практики может послужить дополнительным источником разработки новых и совершенствования существующих критериев оценки;

г) В Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации разъяснено, что участники бюджетного процесса для достижения целей в пределах выделенных бюджетных средств самостоятельно определяют необходимость, целесообразность и экономическую обоснованность совершения конкретной расходной операции, которая может быть признана неэффективной только в

5 См.: Письмо Минфина России от 26.11.2020 № 02-09-07/103225 Об определении эффективности расходования бюджетных средств унитарными предприятиями // СПС КонсультантПлюс.

6 См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_119213/.

случае, если уполномоченный орган докажет это (п.23)⁷. Из изложенного следует, что органы финансового контроля обязаны доказывать неэффективное использование бюджетных средств. А доказательства должны быть не только предусмотренными законом, но и относимыми и допустимыми при доказывании конкретных фактов, т.е. изложенное также подтверждает, что критерии оценки эффективности использования бюджетных средств в разноплановых нормативных правовых актах с учетом сферы деятельности обозначены. В противном случае доказать неэффективное расходование бюджетных средств невозможно;

д). Не состоятелен и довод в качестве обоснования отрицательного заключения принятия рассматриваемого законопроекта о том, что неэффективное использование средств, может быть, в силу объективных причин. Так, во-первых, объективные причины не возможности обеспечения эффективного расходования бюджетных средств, как независимые от воли и сознания ответственного лица лежат в иной плоскости (установление субъективной стороны: умысла, недобросовестности или объективной невозможности), нежели раскрытие легального содержания понятия неэффективное использование бюджетных средств»; во-вторых, установление субъективного отношения к действиям и последствиям по неэффективному использованию бюджетных средств, не находится в причинной связи с закреплением легального определения рассматриваемого понятия.

С учетом изложенного, представляется перспективным, возобновлении дискуссии по указанному вопросу и по результатам этого закрепить легальное определение содержания понятий «эффективного (неэффективного) использования бюджетных средств» в бюджетном или ином отраслевом (административном или уголовном) законодательстве, в случае ведения соответствующей ответственности за нарушение требований рассматриваемого принципа [2].

3. Из конструкции ст. 34 БК РФ следует, что эффективность использования бюджетных средств касается только составителей и исполнителей бюджета, закрытый перечень которых предусмотрен в ст. 152 БК РФ, именуемой «Участники бюджетного процесса». Между тем, в БК РФ прямо не раскрывается содержания выражения «исполнители бюджета».

Так, в абзаце 38 ст. 6 БК РФ, раскрывающей содержание терминологии «получатель бюджетных средств (получатель средств соответствующего бюджета)», «исполнители бюджета» определены как органы, имеющие право на принятие и (или) исполнение бюджетных обязательств от имени публично-правового образования за счет средств соответствующего бюджета, а в абзаце 21 ст.38 БК РФ содержание выражения «бюджетные обязательства» раскрываются как «расходные обязательства, подлежащие исполнению в соответствующем финансовом году». Из Изложенного следует «исполнители бюджета» — это уполномоченные органы соответствующего публично-правового образования по исполнению расходных обязательств.

Представляется, что если дополнить ст. 6 БК РФ предложением, раскрывающим содержание «исполнители бюджета», то определенным и ясным станут участники бюджетного процесса, которые обязаны эффективно использовать бюджетные средства.

4. Далее законодатель схожие по озвучению и содержанию терминологии применяются для обозначения участников бюджетного процесса (абз. 38 ст. 6 БК РФ) и иных получателей средств из бюджета (абз. 40 ст. 6 БК РФ).

Так, в абзаце 38 ст. 6 БК РФ выражение «получатель средств из бюджетных средств (получатель средств соответствующего бюджета)», раскрывается как орган публично-правового образования находящееся в ведении главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств, а в абзаце 40 указанной же статьи БК РФ «получатель средств из бюджета» — как

юридическое лицо (не являющееся участником бюджетного процесса, бюджетным и автономным учреждением), индивидуальный предприниматель, получающие средства из бюджета на основании государственного (муниципального) контракта на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг и т.д.

Таким образом, сходные по писанию и озвучению выражения «получатель бюджетных средств» (абз. 38 ст. 6 БК РФ) и «получатель средств из бюджета» (абз. 40 ст. 6 БК РФ) имеют различное содержание. А анализ содержания указанных выражений получателей бюджета с «получателями бюджетных средств», предусмотренных в ст.152 БК РФ, может создать дополнительные сложности в понимании не только из-за схожести обозначения получателей бюджета, имеющих разный статус, но и из-за легального нераскрытия содержания выражения «участники бюджетного процесса».

В статье 6 БК РФ, посвященной понятиям и терминам, применяемых в БК РФ, не раскрывается не только содержание термина «исполнители бюджета», но и практически одинаково обозначены, субъекты-участники бюджетного процесса в виде: «получатели бюджетных средств» и остальные получатели бюджета в виде: «получатели средств из бюджета», что имеет существенное значение для определения лиц, ответственных за надлежащее обеспечение реализации принципа эффективности использования бюджетных средств, т.е. круга лиц, на которых распространяется действие данного принципа.

Изложенное понимание и проблемы в применении имеет место, в том числе из-за несоблюдения основных правил юридической техники построения правовых норм, к числу которых относятся точность и определенность формулировок, выражений, терминов закона; ясность и однозначность закрепления норм, исключающей расширительного толкования ограничений, предусмотренных законом и произвольного их применения.

5. Хотя в статье 152 БК РФ к числу участников бюджетного процесса отнесены получатели бюджетных средств, но не все получатели бюджетных средств являются участниками процесса.

Так, верно замечено в литературе о том, что хозяйствующие общества являются субъектами предпринимательства, они не являются участниками бюджетного процесса, а участие публично-правовых образований (использование бюджетных средств и и/или государственного (муниципального) имущества в их уставных капиталах обуславливают положение таких юридических лиц в качестве объектов государственного (муниципального) финансового контроля [1]. Но при этом проблемным является проверка и оценка эффективности использования бюджетных в рамках принципа, предусмотренного ст.34 БК РФ, поскольку он адресован другим субъектам правоотношений- участникам бюджетного процесса.

Аналогичные проблемы применения принципа эффективности использования бюджетных средств имеет место применительно к государственным (муниципальным) унитарным предприятиям, учредителями которых являются соответствующие публично-правовые образования, но не отнесенные к участникам бюджетного процесса, стало быть, на деятельность которых не распространяются требования статьи 34 БК РФ об эффективности расходования бюджетных средств.

С учетом сложившейся правоприменительной практики, согласно которой устоявшимся является проведение органами государственного финансового контроля проверок эффективности использования бюджетных средств ГУПами и МУПами, Письмом Минфина России от 26.11.2020 № 02-09-07/103225 подтверждая, то обстоятельство, что унитарные предприятия не являются участниками бюджетного процесса на которых распространяется положения статьи 34 БК РФ, разъяснено, что федеральным законодательством, могут быть предусмотрены порядки и методики оценки эффективности расходования бюджетных средств касательно унитарных предприятий. С учетом этого, в случае несогласия с предписанием органа государственного (муниципального)

⁷ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 23 (ред. от 28.05.2019) «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

финансового контроля об оценке эффективности расходования бюджетных средств, объект государственного (муниципального) финансового контроля вправе обжаловать его в порядке, установленном законодательством РФ⁸.

Хотя Минфин РФ не наделен полномочиями по разъяснению законодательства, и они не имеют нормативной силы, но ими руководствуются не только органы внутреннего государственного контроля, но и суды при мотивировании решений, из-за отсутствия иного разъяснения.

Проблема проявляется не столько в нормативности характера разъяснений или в отсутствии таковых, а попыткой расширительно толкования действия рассматриваемого принципа, распространения его и на унитарные предприятия, т.е. на субъекты, которые не отнесены к участникам бюджетного процесса. При этом, косвенно допуская, применение данного принципа и на получателей бюджета не являющиеся участниками бюджетного процесса, аргументирована такая позиция возможностью обжалования объектами контроля в установленном порядке контрольных средств обеспечения принципа эффективного использования бюджетных средств (предписаний), примененных органами контроля.

Сложно согласиться с таким утверждением. Право обжалования, конституционное право, которое может быть реализовано по различным основаниям. Обжалование отсутствующих (не предусмотренных Законом) правомочий, не может порождать полномочия относительно получателей бюджета, не являющихся участниками бюджетного процесса. В данном виде, разъяснение выглядят как дополнительное регулирование, изменяющие содержание принципа, предусмотренного статьей 34 БК РФ, что относится к компетенции законодателя.

Хотя в статье 152 БК РФ к числу участников бюджетного процесса отнесены получатели бюджетных средств, но не все получатели бюджетных средств являются участниками процесса, в частности: ПАО, (ООО, АО с публичным участием, ГУПы, МУПы, являются получателями бюджета, но не являются участниками бюджетного процесса.

Вместе с тем, с учетом вышеизложенного, нам представляется перспективным, допустимость применения принципа эффективности бюджетных средств, всем получателям бюджета, без относительно к участникам бюджетного процесса, как направленное на дальнейшее социально-экономическое развитие государства, обеспечения его безопасности, и как соответствующая практики, наработанной органами государственного финансового контроля. Для чего необходимо внести соответствующие поправки в ст. 34 БК РФ.

6. Как известно из общей теории государства и права, одним из важных составляющих исполнение (соблюдение) норм права вообще, и норм принципов в особенности является угроза принуждения исполнения требований правовых норм, а также принудительное их исполнение, применив различные механизмы ответственности.

В законодательстве России вообще не предусмотрена не только какая-либо ответственность за несоблюдение принципа эффективности использования бюджетных средств, но и механизмы восстановления прав, в связи с несоблюдением требований рассматриваемого принципа. Указанные вопросы должны стать предметом самостоятельного исследования

Выводы:

1. Показано, что при легальном определении содержания понятий «эффективного (неэффективного) использования бюджетных средств» в бюджетном или ином отраслевом (административном или уголовном) законодательстве, в случае ведения соответствующей ответственности за нарушение требований рассматриваемого принципа, более действенным станет применение данного принципа и цели этого

2. Аргументированы преимущества разработки универсальных критериев оценки эффективности использования

бюджетных средств, чтоб оценочные выражения, раскрывающие содержания данного принципа, получили более унифицированные конкретики (показатели оценки), и закрепить их в нормативном правовом акте Правительства РФ которые способны дать определенность нормам, в которых содержатся оценочные выражения В этой связи предлагается дополнить ст.34 БК РФ следующим предложением «Критерии эффективности использования бюджетных определяется в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации».

3. Показано, что в статье 6 БК РФ, посвященной понятиям и терминам, применяемых в БК РФ, не раскрывается не только содержание термина «исполнители бюджета», но и недостаточно четко проведена разграничение при обозначении участников бюджетного процесса- «получатели бюджетных средств» (абз. 38 ст. 6 БК РФ) и субъектов, не являющихся участниками бюджетного процесса (субъекты предпринимательства) — «получатель средств из бюджета» (абз. 40 ст.6 БК РФ). Разработаны предложения по совершенствованию понятийного аппарата (ст.6 БК РФ), касающихся базовых положений для реализации рассматриваемого принципа.

4. Показаны преимущества применения принципа эффективности бюджетных средств, ко всем получателям бюджета, без относительно к участникам бюджетного процесса, как направленное на дальнейшее социально-экономическое развитие государства, обеспечения его безопасности, и как соответствующая практики, наработанной органами государственного финансового контроля. Для чего необходимо внести соответствующие поправки в ст.34 БК РФ.

5. Отмечено, что в законодательстве России вообще не предусмотрена не только какая-либо ответственность за несоблюдение принципа эффективности использования бюджетных средств, но и механизмы восстановления прав, в связи с несоблюдением требований рассматриваемого принципа. Назревшими являются восполнение этих пробелов.

Пристатейный библиографический список

1. Арабули Д.Т. Правовые основы оценки эффективности хозяйственных обществ органами внешнего государственного (муниципального) финансового контроля // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 11.
2. Исмаилов М.Ч. // Отдельные проблемы совершенствования мер административно-правового обеспечения деятельности органов государственного финансового контроля при реализации принципов эффективности, адресности и целевого характера бюджетных средств // Закон и право. 2022. № 1. - С. 59-64.
3. Львова И.Г. К вопросу об ответственности за неэффективное расходование бюджетных средств // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 3. С. 83-88.
4. Медведев В. Ю., Гаспарян Э. Г., Панкова А. Р. Эффективность и результативность: соотношение понятий и методы их оценки. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2021. № 11.
5. Поветкина Н.А. Эффективность расходования бюджетных средств: проблемы правовой квалификации // Финансовое право. 2015. № 3.
6. Соколов И.А. Методологические подходы к оценке эффективности бюджетных расходов, в том числе государственных программ // Финансовый журнал. 2014. № 2.

8 Письмо Минфина России от 26.11.2020 № 02-09-07/103225). Вопрос: Об определении эффективности расходования бюджетных средств унитарными предприятиями / СПС КонсультантПлюс.

ЗАРИПОВ Ренат Равильевич

кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры управления и административно-правовых дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России

ПОПОВА Тамара Владимировна

кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России

О НЕОБХОДИМОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНОГО НАЛОГА

В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты налогообложения транспортным налогом. Исследуя данную проблематику, авторы обращают внимание на то, что необходимость реформирования порядка обложения транспортным налогом признают многие ученые. В целях аргументации своих выводов изучается зарубежный и отечественный опыт, анализируются последствия секционной политики коллективного Запада, приводятся статистические данные по ряду показателей (собираемость налога, общая доля налога в доходной части консолидированного и региональных бюджетов и прочее). Подводя итог в своей статье, авторы приходят к выводу, что на сегодняшний момент остро назрела необходимость реформирования транспортного налога и вносят свои предложения.

Ключевые слова: налог, налогообложение, региональные налоги, транспортный налог, бюджетно-налоговая политика.

ZARIPOV Renat Raviljevich

Ph.D. in economical sciences, associate professor, Head of Management and administrative law sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

POPOVA Tamara Vladimirovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, Head of Human, social and economic studies sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

ON THE NEED TO REFORM THE TRANSPORT TAX

The article deals with theoretical and applied aspects of taxation by transport tax. Exploring this issue, the authors draw attention to the fact that many scientists recognize the need to reform the procedure for imposing a transport tax. In order to substantiate my conclusions: we study foreign and domestic experience, analyze the consequences of the sectional policy of the collective West, provide statistical data on a number of indicators (tax collection, the total share of tax in the revenue of the consolidated and regional budgets, etc.). Summing up in their article, the authors come to the conclusion that at the moment there is an urgent need to reform the transport tax and make their proposals.

Keywords: tax, taxation, regional taxes, transport tax, budget policy.

В современной России в условиях возникновения экономических кризисов, вызванных как экономическими факторами, так и внеэкономическими (пандемия COVID-19, обострение внешнеполитической обстановки) уже ни у кого не возникает сомнений в необходимости и важности государственного регулирования экономики. Основная роль в регулировании принадлежит государственным финансам, которые выступают важным инструментом антикризисной бюджетно-налоговой политики, воздействующим на все сферы социально-экономического развития России и ее регионов.

Антикризисные меры, применяемые Правительством Российской Федерации в связи с ведением агрессивной санкционной политики зарубежных стран, включают налоговые меры поддержки бизнеса и граждан России. Одной из таких мер является снижение налоговой нагрузки по транспортному налогу в части отмены повышающих коэффициентов 1,1 и 2 для транспортного налога к автомобилям стоимостью до 10 млн руб.¹

Налогообложение транспортным налогом порождает оживленную дискуссию на протяжении последних лет. Вызывает сомнение его целесообразность и справедливость порядка обложения, как среди политиков, так и ученых.

В соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации транспортный налог относится к региональным налогам и устанавливается Налоговым кодексом Российской Федерации и законами субъектов Российской Федерации. Объектом транспортного налогообложения признаются зарегистрированные в установленном законом порядке автотранспортные средства, водный и воздушный транспорт, независимо от степени его использования владельцем. Каждый регион вправе самостоятельно определять ставку (в том числе дифференцировать ее в отношении каждой категории транспортных средств, а также с учетом количества лет, экологического класса), порядок и сроки уплаты транспортного налога, а также вводить льготы, поэтому рассматриваемый налог может значительно различаться в региональном разрезе.

Транспортный налог не является целевым, то есть регионы самостоятельно определяют направления использования

¹ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации»: Федеральный закон от 26.03.2022 № 67-

ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.04.2022).

средств, поступивших от налогоплательщиков. Однако предполагается, что наряду с акцизами на нефтепродукты транспортный налог представляет собой источник формирования дорожных фондов субъектов Российской Федерации. При этом транспортным налогом облагаются не только автомобили, но и транспортные средства, не использующие дорожное покрытие. Средства указанных фондов используются в целях финансового обеспечения дорожной деятельности в отношении автомобильных дорог общего пользования, а также капитального ремонта и ремонта дворовых территорий многоквартирных домов, проездов к дворовым территориям многоквартирных домов населенных пунктов². Очевидно, что поступления транспортного налога не компенсируют всех расходов на содержание и ремонт дорожной сети, наибольшее покрытие которых обеспечивают акцизы.

Необходимость реформирования транспортного налога признают многие ученые, обращаясь, прежде всего, к опыту зарубежных стран (Токмачева Н. В., Бородин Ю. И.). Порядок взимания транспортного налога в разных странах различается. В большинстве стран он заменяется несколькими платежами, например, единовременным налогом при купле-продаже транспортного средства и топливным сбором. А в тех странах, где применяется регулярный автотранспортный налог, при определении налогооблагаемой базы учитывается не столько мощность двигателя, сколько отрицательное воздействие на дорожное покрытие и (или) окружающую среду. Имеется опыт зарубежных стран в части налогообложения самого перемещения на транспортном средстве с помощью километровых сборов. Таким образом, транспортный налог в развитых странах рассматривается не только как источник финансирования, но и как регулятор уровня загрузки дорог и снижения отрицательного воздействия на окружающую среду, роста социально-экономического благосостояния государства [3]. Транспортный налог в России рассматривается, прежде всего, с точки зрения выполнения им фискальной функции, обеспечивающей приток платежей в бюджеты субъектов. Именно снижение налоговых поступлений в доходы бюджетов субъектов Российской Федерации и необходимость их компенсации межбюджетными трансфертами из федерального бюджета является главным аргументом противников отмены транспортного налога в России. Несколько раз в Госдуму Российской Федерации поступали законопроекты от представителей разных политических партий (ЛДПР, Справедливая Россия), предусматривающие поправки в налоговое законодательство в части полной отмены транспортного налога с возмещением выпадающих доходов за счет акцизов на топливо, но все они были отклонены. По мнению Министерства финансов Российской Федерации, которое разделяют и некоторые ученые (Немыкина О. Е., Голубева А. А., Менкенов А. С.) рост акцизов повлечет за собой увеличение стоимости топлива и как следствие – рост цен на услуги и товары, то есть рост инфляции. Однако, справедливости ради, следует отметить, что и без реформирования транспортного налога мы наблюдаем ежегодный планомерный рост акцизов, доля которых в бензиновом топливе со-

ставляет более 20 %³. Сторонники модернизации действующей системы налогообложения транспортным налогом без его упразднения, используя опыт зарубежных стран, предлагают скорректировать методику исчисления налога с учетом массы и экологичности транспортного средства [2].

В настоящее время в развитых странах значительное внимание уделяют вопросам соответствия транспорта нормам токсичности. В странах Европы применяются меры, направленные на вывод из эксплуатации транспортных средств, не соответствующих данным нормам. К 2050 г. многие страны Европейского союза намерены сократить выбросы парниковых газов почти до нуля. Что касается России, то нормам Евро-2 не соответствует 24,1 % легковых автомобилей, а стандарту Евро-5 и выше удовлетворяет лишь 22,6 % легковых автомобилей. Доля электромобилей в российском автопарке очень мала (менее 0,1 %). На 01.01.2021 в России было зарегистрировано 10836 легковых электромобилей, из них ни одной модели российского производства.⁴ Федеральным бюджетом на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годы предусмотрено развитие автодорожной инфраструктуры и реализация инициативы «Электроавтомобиль» за счет средств Фонда национального благосостояния, но это лишь первые шаги.⁵

Учитывая приведенные выше данные, мы считаем, что реализация предложения по корректировке методики исчисления налога с учетом экологического класса автомобиля на современном этапе социально-экономического развития и явно очерченных угроз национальной безопасности России нецелесообразна. Высокий экологический класс присущ, как правило, дорогим автомобилям, приобретение которых, на сегодняшний день, практически недоступно среднестатистическим домашним хозяйствам, особенно в условиях преступного и аморального поведения западных стран, падения реальных располагаемых доходов и снижения уровня жизни населения России.

Рассматривая транспортный налог в исполненном консолидированном бюджете субъектов Российской Федерации, следует указать, что в среднем его доля составляет 1,29 %⁶. При этом основная доля поступлений приходится на транспортный налог с физических лиц (более 98 %). По подсчетам ФНС России на автомобили до 150 л.с. приходится всего 45 % поступлений транспортного налога несмотря на то, что их доля в общем автопарке составляет более 87 %. Большую часть поступлений обеспечивают автомобили с мощностью свыше 150 л.с., при том, что их доля составляет всего 13 %. Такая диспропорция объясняется прогрессивной шкалой транспортного налога. ФНС России также обращает внимание на то, что из всех зарегистрированных на физических лиц

2 О рассмотрении обращения: письмо Федеральной налоговой службы от 10 марта 2020 г. № БС-2-21/333@. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

3 Рост цен на бензин: на сколько подорожает топливо в 2022 году в России? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://2022g.ru/gost-czen-na-benzin> (дата обращения: 30.03.2022).

4 Автостат. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.avtostat.ru/press-releases/47703> (дата обращения: 28.03.2022).

5 Выступление Антона Силуанова на Пленарном заседании в Государственной Думе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37667-vystuplenie_antona_siluanova_na_plenarnom_zasedanii_v_gosudarstvennoi_dume (дата обращения: 28.03.2022).

6 Информация официального сайта Федерального казначейства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetov/konsolidirovannye-byudzhetny-subektov> (дата обращения: 28.03.2022).

яхт и парусных судов, только 5 % относятся к классу люкс и именно они обеспечивают 75 % поступлений транспортного налога в отношении яхт. Таким образом, статистические данные свидетельствуют, что роль транспортного налога в структуре доходов бюджетов субъектов Российской Федерации невелика, при этом более мощные и дорогие транспортные средства обеспечивают его формирование. Следует отметить высокий процент собираемости данного налога, хотя и ниже, чем акцизов. Так в 2019 году сумма начисленного налога составила 179,6 млрд рублей, а поступления налога составили 175,1 млрд рублей⁷, то есть неуплата составила всего 2,5 %.

Наибольшую долю всех транспортных средств, зарегистрированных в России, составляют легковые автомобили (76 %), находящиеся в собственности физических лиц. Их количество растет с каждым годом. За пять лет (с 2015 г. по 2020 г.) прирост составил 8,7 %. Показатель обеспеченности собственными легковыми автомобилями в 2020 г. составляет 321 ед. на 1000 человек населения, то есть на каждого третьего гражданина России приходится по одному автомобилю. Однако этот показатель гораздо ниже, чем в странах Евросоюза, где на 1000 жителей приходится 569 автомобилей. На начало 2021 г. средний возраст легковых автомобилей составляет 13,9 лет, при этом более 40 % транспортных средств – моложе 10 лет. Около 63 % автомобилей произведены на территории России, при этом высока доля иномарок российской сборки (27 %). Парк легковых автомобилей России представлен 112 различными марками, из них отечественная LADA занимает 30,6 % от общего количества.

Учитывая негативный эффект от вводимых западными странами санкций в отношении России, возникает опасность с прекращением дилерского обслуживания автомобилей и поставками запасных частей, что в конечном итоге может привести к тому, что большинству владельцев придется отказаться от использования личного транспортного средства по причине либо его поломки, либо дороговизны обслуживания. Механизм взимания транспортного налога не предполагает освобождения от его уплаты в период, когда автомобиль не эксплуатируется. С учетом падения доходов населения, такая налоговая нагрузка может стать непосильной ношей, как для физического лица, так и для организации. По прогнозам Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, реальные располагаемые доходы населения в 2022 году снизятся еще на 7–7,2 %, а инфляция по итогу года может достигнуть 20–23 %. Здесь также следует отметить, что представленный прогноз является консервативным, поскольку имеются и значительно более суровые оценки⁸.

Таким образом, необходимость реформирования системы налогообложения транспортным налогом очевидна, но, по нашему мнению, должна проходить в несколько этапов. На первом этапе, учитывая сложившуюся экономическую ситуацию в стране, мы предлагаем освободить от уплаты транспортного налога:

– физические лица, на которых зарегистрированы транспортные средства, - в отношении автомобилей легковых, за исключением так называемых «роскошных автомобилей» (стоимостью более 10 млн руб.); мотоциклов, мотороллеров; автобусов с мощностью двигателя до 200 лошадиных сил включительно; других самоходных транспортных средств, машин и механизмов на пневматическом и гусеничном ходу; катеров и моторных лодок, гидроциклов, снегоходов и мотосаней в регионах и местностях, где их использование продиктовано необходимостью, из расчета одного транспортного средства каждого вида на одно физическое лицо;

– организации малого и среднего бизнеса в отношении транспортных средств, используемых для осуществления предпринимательской деятельности.

Указанные преобразования налогового законодательства существенным образом не скажутся на доходной части консолидированного бюджета, но позволят снизить налоговую нагрузку как для физических лиц, так и для организаций, что в сложившихся условиях является жизненно необходимым.

Пристатейный библиографический список

1. Немыкина О. Е., Голубева А. А. Зарубежный опыт транспортного налогообложения // Северо-Кавказский юридический вестник. - 2019. - № 3. - С. 130-134.
2. Терехов А. М. Предложения по развитию системы налогообложения транспортным налогом (по легковому автомобильному транспорту) // Экономика и статистика. - Т. 16. - № 4. - 2019. - С. 14-25.
3. Токмачева Н. В., Бородин Ю. И. Актуальные практики налогообложения транспортных средств в зарубежных странах // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. - 2019. - № 2. - С. 165-170.
4. Менкенов А. С. О транспортном налоге: возможные изменения и альтернативы // Современные тенденции развития науки и технологий. - 2016. - № 11-9. - С. 94-96.

7 Информация официального сайта Министерства финансов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37156-minfin_rossii_schitaet_netselesoobraznym_otmenu_transportnogo_naloga (дата обращения: 15.03.2022).

8 Россияне останутся без машин, но с транспортным налогом. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://svpressa.ru/economy/article/328741> (дата обращения: 25.03.2022).

КУПИН Максим Сергеевич

аспирант Департамента международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

К ВОПРОСУ О ФИКСИРОВАННОМ НАЛОГЕ С ДОХОДА ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА В ВИДЕ ПРИБЫЛИ КОНТРОЛИРУЕМОЙ ИНОСТРАННОЙ КОМПАНИИ

В настоящей работе автором рассматриваются изменения налогового законодательства Российской Федерации в части правил о контролируемых иностранных компаниях, затрагивающих налогообложение физических лиц (налогообложение фиксированной прибыли, вменяемой контролирующим лицам контролируемых иностранных компаний). В работе приводится краткая характеристика указанных изменений и отмечаются отдельные особенности нового законодательного регулирования, касающегося в том числе вопросов осуществления налоговыми органами налогового контроля за налогообложением прибыли контролируемых иностранных компаний. В заключении автор делает вывод о том, что изменение указанных правил в целом является положительным явлением с точки зрения налогового контроля и может оказаться выгодным для отдельных налогоплательщиков с точки зрения упрощения налогового комплаенса.

Ключевые слова: контролируемые иностранные компании, налогообложение, физические лица, паушальная система налогообложения, налоговое законодательство, финансовая отчетность, контролирующее лицо, фиксированная прибыль, налоговый комплаенс.

KUPIN Maksim Sergeevich

postgraduate student of the Department of International and Public Law of the Law Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation

ON THE ISSUE OF A FIXED TAX ON THE INCOME OF AN INDIVIDUAL IN THE FORM OF PROFITS OF A CONTROLLED FOREIGN COMPANY

In this article, the author examines the changes in the tax legislation of the Russian Federation in terms of the controlled foreign companies rules that affect the taxation of individuals (taxation of fixed profits imputed to the controlling persons of controlled foreign companies). The article provides a brief description of these changes and highlights some features of the new legislative regulation, including the issues of tax authorities' tax audit over the taxation of profits of controlled foreign companies. In conclusion, the author states that the changing of these rules is generally a positive thing from the tax control perspectives and may be beneficial for some taxpayers in terms of simplifying tax compliance.

Keywords: controlled foreign companies, taxation, natural persons, lump-sum tax system, tax legislation, financial statements, controlling person, fixed profits, tax compliance.

Купин М. С.

Налоговый контроль за налогообложением прибыли контролируемых иностранных компаний по-прежнему представляется актуальной темой как с практической, так и с теоретической точек зрения [4]. Как известно, для расчета налогооблагаемой прибыли контролируемой иностранной компании контролирующее лицо (как юридическое, так и физическое лицо) может использовать один из предусмотренных налоговым законодательством способов: расчет на основании данных финансовой отчетности контролируемой иностранной компании; расчет с использованием локальных налоговых правил учета (то есть главы 25 «Налог на прибыль организаций» Налогового кодекса Российской Федерации¹, далее – Кодекс). Законодателем были предприняты шаги по упрощению указанного расчета – был введен упрощенный режим налогообложения для физических лиц (фиксированный налог), в связи с чем представляется интересным изучить отдельные аспекты нового законодательного регулирования.

Впервые идея введения альтернативного (упрощенного) режима налогообложения для физических лиц, контролируемых иностранных компаний, была озвучена Президентом Российской Федерации в середине 2020 года. Так, в рамках обращения к гражданам было отмечено следующее: «сейчас российские налоговые резиденты – владельцы зарубежных активов – платят налог на полученный доход от деятельности так называемых контролируемых иностранных компаний по достаточно сложной ... схеме; предлагаю ... предоставить право уплачивать фиксированную налоговую сумму – 5 миллионов рублей в год – без дополнительной отчетности»².

При этом не конкретизировалось, планируется ли предоставить данное право как организациям, так и физическим лицам, либо только физическим лицам. Определенная ясность появилась после опубликования поручений Президента Российской Федерации по итогам обращения к гражданам. Так, в одном из поручений было указано, что данные

1 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824 (текст с изм. и доп.); Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СЗ РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340 (текст с изм. и доп.).

2 Обращение Президента Российской Федерации к гражданам России от 23 июня 2020 года // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/63548> (дата обращения: 10.02.2022).

изменения должны затронуть только физических лиц (порушение Пр-1081, п. 1 ж)-2)³. В результате соответствующие поправки были приняты Государственной Думой Российской Федерации и одобрены Советом Федерации Российской Федерации в конце 2020 года⁴. Стоит отметить, что изменения в части введения альтернативного режима налогообложения для физических лиц были внесены в законопроект только по результатам второго чтения (первоначально данным законопроектом предполагались иные изменения)⁵. По информации ФНС России, в 2021 году новым порядком расчета налога воспользовались более 260 физических лиц⁶.

Рассмотрим отдельные изменения более подробно. Так, Кодекс дополняется, в частности, ст. 227.2 «Особенности исчисления сумм налога с фиксированной прибыли контролируемых иностранных компаний». Данная статья устанавливает, что налогоплательщикам – физическим лицам предоставляется право перейти на новый порядок уплаты налога с доходов в виде прибыли контролируемых иностранных компаний. Для перехода необходимо подать соответствующее уведомление в налоговый орган⁷.

Вместо расчета финансового результата по каждой иностранной компании на основании данных финансовой отчетности или по правилам главы 25 Кодекса налогоплательщик может заплатить налог исходя из фиксированной прибыли (вне зависимости от реального финансового результата иностранной компании). Размер фиксированной прибыли за 2020 налоговый период составляет около 38,5 млн руб. и 34 млн руб. за все последующие периоды. Такая дифференция по налоговым периодам объясняется повышением общей налоговой ставки по налогу на доходы физических лиц с 2021 года до 15 %. В результате налогоплательщики будут уплачивать налог в размере около 5 млн руб. (4 999 800 руб. за 2020 год и 5 100 000 руб. за последующие годы).

Отдельно отмечается, что такой порядок уплаты применяется вне зависимости от количества контролируемых иностранных компаний (п. 2 ст. 227.2 Кодекса). Уведомление о переходе на новый порядок уплаты налога также не предполагает указания конкретных контролируемых иностранных компаний, в отношении которых должен применяться новый порядок. Соответственно, если после перехода на альтернативный режим налоговыми органами будет выявлено, что у налогоплательщика есть иностранные компании, не указанные в уведомлении о контролируемых иностранных компаниях (например, в отношении которых выполняется критерий фактического контроля), это не приведет к доначислению налога по таким компаниям по старому порядку

(то есть по данным финансовой отчетности или по правилам гл. 25 Кодекса). В данном случае налоговые органы смогут предъявить только претензии за неподачу уведомления (штраф за непредставление уведомления данным законом был повышен до 500 тыс. руб.). Это является своего рода преимуществом нового порядка.

Можно сказать, что новый порядок представляет собой систему вмененного налогообложения для физических лиц (или паушальную систему налогообложения, англ. «lump-sum tax system»). Стоит отметить, что в зарубежных правовых системах можно встретить аналоги такой системы (безотносительно правил о контролируемых иностранных компаниях). Так, например, в Италии действует система, при которой физические лица могут уплачивать ежегодно налог в размере 100 тыс. евро и освобождать таким образом от налогообложения в Италии все свои доходы, источником выплаты которых не являются резиденты Италии (англ. «non-Italian-sourced income») [1]. Введение паушального налога для физических лиц в том или ином виде в целом является актуальным вопросом для зарубежных правовых систем⁸.

Согласно изменениям, физические лица, перешедшие на новую систему, освобождаются от подачи в налоговые органы финансовых отчетностей и аудиторских заключений к таким отчетностям по своим контролируемым иностранным компаниям (п. 9 ст. 25.15 Кодекса). При этом за налогоплательщиками сохраняется обязанность отчитываться о своих иностранных компаниях в рамках подачи уведомления об участии в иностранных организациях⁹ и уведомления о контролируемых иностранных компаниях¹⁰. Уведомление о контролируемых иностранных компаниях подается в сокращенном виде (п. 6.1 ст. 25.14 Кодекса). С одной стороны, отсутствие необходимости в подготовке финансовой отчетности для некоторых налогоплательщиков может оказаться преимуществом (уменьшение затрат) [3], с другой стороны, если в последующем финансовые результаты контролируемых иностранных компаний будут негативными (убыток), такому налогоплательщику все-таки может потребоваться подготовить финансовые отчетности по таким компаниям, так как для того, чтобы использовать данные убытки в следующих периодах для целей их зачета против прибыли, такие убытки должны быть подтверждены соответствующей финансовой отчетностью (п. 12 ст. 309.1 Кодекса). Это может стать актуальным в случае, если новый режим станет невыгодным для конкретного налогоплательщика, например, по причине повышения фиксированной суммы прибыли.

Стоит отметить, что в настоящее время применение нового режима является нецелесообразным для физических лиц, структурировавших владение своими иностранными активами через российскую юрисдикцию (когда физическое лицо участвует в иностранных компаниях через российскую организацию). Поскольку в данном случае такая российская организация будет признаваться контролирующим лицом и должна будет подать налоговую отчетность по иностранным

3 Перечень поручений по итогам обращения Президента Российской Федерации к гражданам России // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/63625> (дата обращения: 10.02.2022).

4 Федеральный закон от 09.11.2020 № 368-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2020. – № 46. – Ст. 7212.

5 Электронная карточка законопроекта № 990129-7 // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/990129-7> (дата обращения: 11.02.2022).

6 Подведены первые итоги действия нового режима налогообложения КИК // Официальный сайт ФНС России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/10603081/ (дата обращения: 10.02.2022).

7 Приказ ФНС России от 19.05.2021 № ЕД-7-13/495@ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

8 Czech Republic – COVID-19 Pandemic: Czech Republic Proposes Lump-Sum Tax for Individual Entrepreneurs // News IBFD. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ezpro.fa.ru:3088/#/doc?url=/data/tns/docs/html/tns_2022-02-10_cz_1.html (закрывающая подпись – Финансовый университет (дата обращения: 10.02.2022)).

9 Приказ ФНС России от 05.07.2019 № ММВ-7-13/338@ (текст с изм. и доп.) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

10 Приказ ФНС России от 19.07.2021 № ЕД-7-13/671@ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

компаниям и уплатить, соответственно, налог с нераспределенной прибыли контролируемых иностранных компаний. Представляется, что в последующем данный вопрос может стать предметом для обсуждения и потребовать изменения соответствующего законодательного регулирования. Вопрос же о возможности применения положений ст. 54.1 Кодекса к ситуациям, когда физическое лицо ликвидирует такую российскую промежуточную организацию с целью использовать новый упрощенный режим, остается открытым.

Отдельно необходимо отметить, что принятым законом расширяется перечень полномочий налоговых органов в части налогового контроля за определением налогоплательщиками прибыли контролируемых иностранных компаний и применяемыми контролирующими лицами освобождениями от налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний в России. Кодекс дополняется статьей 25.14-1 «Истребование у налогоплательщиков – контролируемых лиц документов в отношении контролируемых ими иностранных компаний». Так, в случае, если налогоплательщиком не представлены документы, необходимые для подтверждения соблюдения условий для освобождения прибыли контролируемой иностранной компании от налогообложения или документы, подтверждающие размер прибыли (убытка) контролируемой иностранной компании, должностное лицо налогового органа вправе истребовать указанные документы (п. 1 ст. 25.14-1 Кодекса). Запрашиваемые документы должны быть представлены в течение одного месяца с даты получения требования. Предполагается, что данная статья будет применяться не только к физическим лицам, но и к организациям. Введение указанной нормы может свидетельствовать о желании налоговых органов усилить контроль за российскими налоговыми резидентами – контролирующими лицами контролируемых иностранных компаний и за налогообложением прибыли контролируемых иностранных компаний.

Представляется, что практика применения новой ст. 25.14-1 Кодекса может получить особое развитие в рамках Межрегиональной инспекции Федеральной налоговой службы по крупнейшим налогоплательщикам № 10. Это новая структура в рамках системы налоговых органов Российской Федерации, которая наделена полномочиями по администрированию крупнейших налогоплательщиков – физических лиц. Первоначально помимо количественного критерия (доход свыше 500 млн руб.) в качестве дополнительного критерия для постановки физического лица на налоговый учет в такую инспекцию указывалось, что будет учитываться также наличие контролируемых иностранных компаний¹¹. Впоследствии от такого дополнительного критерия было решено отказаться. Вероятно, это связано с тем, что в ином случае постановке на учет в такую инспекцию подлежало бы большее количество физических лиц, что могло бы в целом снизить эффективность налогового администрирования в рамках созданной структуры.

В целом можно отметить, что новый упрощенный режим налогообложения физических лиц в части правил о контролируемых иностранных компаниях скорее представляет собой плату налогоплательщика за возможность не

распределять прибыль своих контролируемых иностранных компаний (своего рода плату за отсрочку налогообложения). Это обусловлено тем, что в последующем, когда такая прибыль будет распределена, физическое лицо должно будет уплатить соответственно с такой прибыли (дивидендов) налог на доходы физических лиц [2]. При старой же системе налогообложения прибыль контролируемой иностранной компании, по которой был исчислен и уплачен налог в соответствии с российскими правилами о контролируемых иностранных компаниях, при ее дальнейшем распределении в качестве дивидендов физическому лицу, не облагалась повторно налогом на доходы физических лиц на уровне такого физического лица. Это становится особенно актуальным в случаях, когда в стране инкорпорации контролируемая иностранная компания уплачивает существенные суммы налога на прибыль, так как такой налог может быть зачтен для целей российских правил о контролируемых иностранных компаниях (п. 11 ст. 309.1 Кодекса).

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что у альтернативного (упрощенного) режима налогообложения для физических лиц, контролируемых иностранными компаниями, есть свои преимущества и недостатки. Отдельные аспекты нового режима могут в последующем потребовать изменения введенного законодательного регулирования. Для отдельных налогоплательщиков использование нового режима может оказаться более выгодным (например, если не предполагается распределение прибыли контролируемых иностранных компаний в среднесрочной перспективе). В целом представляется, что введение такого режима как с точки зрения налогового контроля, так и с точки зрения упрощения налогового compliance для физических лиц, является положительным явлением.

Пристатейный библиографический список

1. Arginelli P., Avella F. New Italian Tax Regime to Attract High Net Worth Individuals // *European Taxation*. – 2017. – Volume 57. – № 2/3.
2. Юлгушева Л. Ш. Изменения в налогообложении НДФЛ // *Финансы*. – 2020. – № 12.
3. Королева Л. П. Проблемы и перспективы реформирования вмененного налогообложения доходов в России // *Финансы*. – 2021. – № 8.
4. Купин М. С. Изменение правил о контролируемых иностранных компаниях в части налогообложения физических лиц // *Материалы XX Международной конференции молодых ученых*. В 3-х томах. – Москва, 2021.

¹¹ ФНС решила создать отдельную налоговую инспекцию для богатых россиян // *Официальный сайт информационного агентства «РБК»*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/27/01/2021/6011af5d9a794789626f03e4> (дата обращения: 12.02.2022).

САВЧЕНКО Светлана Антоновна

доктор юридических наук, профессор Института деловой карьеры (филиал в Тюменской области)

АЛИКИЕВА Альбина Мунировна

старший преподаватель Института государства и права Тюменского государственного университета

ИНЕРЦИЯ СОСТАВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА И ЗЕЛЁНОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

Правовое пространство предполагает реализацию законодательных инициатив, меняющих общественное, социальное и экономическое пространство. При этом наличие и реализация законодательных инициатив не гарантирует планируемой результативности. В данном исследовании рассматривается взаимодействие правового пространства и зелёной экономики, как феномена экологического благополучия и устойчивого развития общественных систем. Объектом исследования выступают принципы зелёной экономики и их реализация в общественных системах. Предметом исследования выступает правовое пространство и содержание зелёной экономики применительно к национальным общественным системам. Цель исследования заключается в рассмотрении взаимодействия правового пространства и пространства концепции зелёной экономики, как динамического инерционного процесса. Результатом исследования выступает аргументация наличия взаимодействия, инерентным признаком которого выступает инерция, как объективно возникающий правовой и общественный феномен.

Ключевые слова: устойчивое развитие, законодательные инициативы, социальная инерция, правовое пространство, правовое обеспечение.

SAVCHENKO Svetlana Antonovna

Ph.D. in Law, professor of the Institute of Business Career (branch in Tyumen region)

ALIKIEVA Albina Munirovna

senior lecturer of the Institute of State and Law of the Tyumen State University

INERTIA OF THE CONSTITUENT ELEMENTS OF THE LEGAL SPACE AND THE GREEN ECONOMY IN RUSSIA

The legal space involves the implementation of legislative initiatives that change the public, social and economic space. At the same time, the existence and implementation of legislative initiatives does not guarantee the planned effectiveness. This study examines the interaction of the legal space and the green economy as a phenomenon of environmental well-being and sustainable development of social systems. The object of the study is the principles of the green economy and their implementation in public systems. The subject of the study is the legal space and the content of the green economy in relation to national social systems. The purpose of the study is to consider the interaction of the legal space and the space of the green economy concept as a dynamic inertial process. The result of the study is the argumentation of the presence of interaction, the inertial sign of which is inertia, as an objectively emerging legal and social phenomenon.

Keywords: sustainable development, legislative initiatives, social inertia, legal space, legal support.

Реализации концепций зелёной экономики в общественном пространстве подразумевает формирование правовых основ и реализацию законодательных инициатив. Зелёная экономика предусматривает социально – экологическое и социально – экономическое благополучие территорий, то есть функционирование общественных и экономических систем на принципах устойчивого развития. Устойчивое развитие, в свою очередь, предполагает сохранение экологического равновесия и снижения негативных последствий развития технических, технологических и других промышленных систем с сохранением социального благополучия территорий опережающего развития. Очевидным становится, что реализация концепций зелёной экономики в национальном народно – хозяйственном комплексе невозможна без обеспечения законодательной, правовой и нормативной базы. Так в своём исследовании Новикова Е. В. указывает: «...актуальная задача формирования правового обеспечения и обосновывается его значение в стимулировании развития зелёной экономики» [1, с. 13]. Исследователи Andy Scerri и Paul James указывает на то, что содержание зелёной экономики состоит из четырёх взаимообусловленных единств: «...социальное и экология, экономика, политика, культура...» [2, с. 42]. Таким образом, правовое пространство разделяется на четыре единства, в котором реализуются следующие законодательные инициативы:

– социально – экологические: поручение Президента от 2018 г. «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений»; В 2020 году указ Прези-

дента Российской Федерации № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»; «Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года».

– экономика: Программа 2014 года «Развитие энергетики»; план мероприятий по повышению энергоэффективности экономики; Программа развития угольной промышленности России на период до 2035 года.

– политика: климатическая доктрина Российской Федерации от 2009 года; Федеральный закон «О государственном регулировании выбросов парниковых газов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

– культура: Указ Президента Российской Федерации № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Как мы видим из таблицы 1 следствие реализации законодательных инициатив в области зелёной экономики неизбежно приводит к росту показателей социально – экологического благополучия. При этом динамика устойчивого развития и зелёного роста очевидно неявная. Связано это, прежде всего, с тем, что в социально – экономических системах возникает т.н. «социальная инерция» [3, с. 100] и «экономическая инерция» [3, с. 100]. То есть между составными элементами правового пространства в регулировании составных элементов социально – экологических, экономических, политических и культурных законодательных

Таблица 1. Показатели реализации программ экологического благополучия в РФ 2018-2020 года (по данным Росприроднадзора, Росводресурсов, Росгидромета, Росводресурсов, Роспотребнадзора)

Показатели/год	2018	2019	2020
Выбросы загрязняющих атмосферу веществ – всего, млн. т.	32,3	22,7	22,2
в том числе:			
от стационарных источников	17,1	17,3	17,0
от передвижных источников – всего	15,3	5,4	5,3
Улавливание и обезвреживание загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников, млн. т.	46,7	52,0	44,1
Забор воды из природных водных источников для использования, млрд. м ³	60,9	59,0	54,4
Потери воды при транспортировке, млрд. м ³	7,0	6,9	6,6
Оборотное и последовательное использование воды, млрд. м ³	144,2	144,2	141,1
Индекс эксплуатации водных ресурсов (ИЭВР), %	1,49	1,49	1,35
Среднесуточный отпуск воды населению и финансируемым за счёт бюджета организациям на одного городского жителя, литров	138,6	136,3	134,4
Сброс загрязнённых сточных вод, млрд. м ³	13,1	12,6	11,7
Образование отходов производства и потребления, млн. т.	7266,1	7750,9	6955,7
Утилизация и обезвреживание отходов производства и потребления, млн.т.	3818,4	3881,9	3429,0
Лесовосстановление, тыс. га	940,4	1067,5	1133,7
Уничтожение или подавление численности вредных организмов авиационным способом, тыс. га	488,6	466,7	178,9
Уничтожение или подавление численности вредных организмов наземным способом, тыс. га:			
с применением химических препаратов	2,9	3,7	17,6
с применением биологических препаратов	24,6	38,8	27,2

инициатив возникает инерция. Фактически содержание инерции заключается в лагах по времени между принятием законодательных инициатив и изменением правового пространства, и фактической реализацией концепций и принципов зелёной экономики. То есть в России созданы правовые условия, в смысле реализации законодательских инициатив и зелёного права для обеспечения условий устойчивого развития социально – экономических систем. Но фактическая реализация и изменение социально – экологического пространства и окружающей действительности будет «ощущаться» через некоторый промежуток времени, продолжительность которого зависит от политической воли и изменении культурного восприятия окружающей среды. В общем виде, выделяя составные элементы правового пространства, на которые необходимо сосредоточить особое внимание законодательных органов, следующие:

– Возобновление энергии – вопросы правового обеспечения и подготовки нормативной базы циркулярных процессов в производстве;

– Экологические и энергоэффективные здания – изменение строительных норм и правил с учётом повышения требований к экологии, энергетике и экологического эффекта;

– Устойчивость транспортных систем – изменение законодательных норм и правил к интенсивности движения, грузоперевозкам и транспортным потокам;

– Водные ресурсы – изменение законодательства в практике использования и эксплуатации водных ресурсов;

– Управление отходами – обеспечение законодательных и нормативных норм для обеспечения условий рекуперации, рециклинга, регенерации, энергетической утилизации отходов. Также изменение федерального законодательства в сфере жилищно – коммунального хозяйства: вывоз, обработка и хранение твёрдых бытовых отходов;

– Землеустройство – обеспечение законодательных требований к формированию реестра важных объектов, разделения лесных массивов и сельскохозяйственных земель.

Особенности правового пространства зелёной экономики заключаются в построении вертикальных и горизонтальных связей: международные требования и стандарты обуславливают изменение национального законодательства «сверху - вниз», то есть формирование национального законодательства согласно международным требованиям к экологическому пространству. Горизонтальные связи в правовом пространстве выражаются в обеспечении отраслевых законодательных норм, прежде всего, в добывающих и перерабатывающих секторах народного хозяйства. В целом принципы и концепции зелёной экономики в России в полной мере обеспечены правовыми и законодательными инициативами, при этом не следует ожидать мгновенного изменения окружающей действительности из-за наличия факторов социальной и экономической инерции.

Пристатейный библиографический список

1. Новикова Е. В. Зеленая экономика и зеленое право: мировые тенденции // Экологическое право. – 2020. – № 3. – С. 13-19. - DOI: 10.18572/1812-3775-2020-3-13-19.
2. Andy Scerri and Paul James Accounting for sustainability: combining qualitative and quantitative research in developing 'indicators' of sustainability, International Journal of Social Research Methodology, 13:1, (2010): 41-53, DOI: 10.1080/13645570902864145.
3. Хайруллин В. А., Макара С. В., Ямалова Э. Н. Инерция в социально-экономических системах: теоретико-эвристический анализ феномена // Дискуссия. – 2021. – № 5 (108). – С. 88-104. – DOI: 10.46320/2077-7639-2021-5-108-88-104.

АЛИЕВ Шапи Изиевич

доктор социологических наук, доцент, директор Дагестанского гуманитарного института (филиала) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», доцент кафедры экономико-правовых и общеобразовательных дисциплин Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

ТАИЛОВА Айша Габировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры экономико-правовых и общеобразовательных дисциплин Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

ИДРИСОВА Аида Джупалаевна

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры экономико-правовых и общеобразовательных дисциплин Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И БОРЬБЫ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В целях противодействия транснациональной преступности субъекты международных отношений были вынуждены объединить усилия для создания эффективных правовых инструментов, основанных, прежде всего, на многостороннем международном сотрудничестве, которые должны обеспечить полномочия и силы в противодействии международной организованной преступности. Основные направления по противодействию транснациональным преступным организациям отражены в международных соглашениях, которые нашли отражение во внутреннем законодательстве стран участниц конвенций. Для обеспечения уровня внутренней безопасности любого государства требуется сотрудничество государств друг с другом сознательно, целенаправленно и организованно.

Ключевые слова: транснациональная преступность, международные организации, соглашения государств, противодействие.

ALIEV Shapi Izievich

Ph.D. in sociological sciences, associate professor, Director of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the educational institution of higher education trade unions «Academy of Labor and Social Relations», associate professor of Economics and law and educational disciplines sub-faculty of the Dagestan State University, branch in Izberbash

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of Economics and law and educational disciplines sub-faculty of the Dagestan State University, branch in Izberbash

IDRISOVA Aida Jupalaevna

Ph.D. in historical sciences, senior lecturer of Economics and law and educational disciplines sub-faculty of the Dagestan State University, branch in Izberbash

FEATURES OF THE INTERNATIONAL SYSTEM FOR PREVENTING AND COMBATING TRANSNATIONAL CRIME

In order to counteract transnational crime, the subjects of international relations were forced to combine efforts to create effective legal instruments based primarily on multilateral international cooperation, which should provide powers and forces in countering international organized crime. The main directions for countering transnational criminal organizations are reflected in international agreements, which are reflected in the domestic legislation of the countries participating in the conventions. To ensure the level of internal security of any State requires the cooperation of States with each other consciously, purposefully and in an organized manner.

Keywords: transnational crime, international organizations, state agreements, counteraction.

Противостояние государств и преступных организаций является естественным следствием их противоречивых интересов [1]. Организованные преступные группировки транснационального характера, стремясь к максимизации прибыли за счет незаконной деятельности, пытаются всеми доступными методами и средствами снизить эффективность и авторитет компетентных государственных органов в правоохранительной сфере с целью предотвращения преследования лиц, совершивших преступления.

В условиях расширения транснациональной преступности субъекты международных отношений были вынуждены объединить усилия для создания эффективных правовых инструментов, основанных, прежде всего, на многостороннем международном сотрудничестве, которые должны обеспечить полномочия и силы в противодействии международной организованной преступности. Такие устремления проявляются в международном сообществе уже давно, хотя

предмет и проблематика таких международных соглашений существенно различаются между собой [2].

Вследствие такого разнообразия международного права в области предупреждения и борьбы с организованной преступностью выделяют как двусторонние соглашения, так и многосторонние. К многосторонним соглашениям относятся как региональные, так и универсальные соглашения, разработанные в основном в Организации Объединенных Наций (ООН). Как следствие, если проанализировать материальную сферу действия рассматриваемых международных соглашений, то они касаются либо международной организованной преступности в целом смысле как всеобъемлющего явления, либо конкретных видов преступлений.

Таким образом, в отраслевых достижениях международно-правовых норм мы находим положения, относящиеся к конкретным преступлениям, таким как: незаконный ввоз мигрантов, торговля людьми, незаконное изготовление и

оборот огнестрельного оружия, производство и оборот наркотиков и т.д.

Еще одним элементом, отличающим международные соглашения в области предупреждения и борьбы с организованной преступностью, является уровень государственных органов и международных организаций, выполняющие эти соглашения. Эти соглашения могут быть заключены как на межведомственном уровне внутри государства, межправительственном и, наконец, международном, в виде многосторонних соглашений, так и через международные организации (пример которых мы видим в деятельности специализированных органов ООН). Как показывает опыт и примеры международной практики на сегодняшний день, несмотря на важные функции региональных и двусторонних соглашений в предупреждении и борьбе с международной организованной преступностью, наиболее важные из них являются универсальными.

Таким образом, сфера их действия обычно охватывает широкий круг стран, что представляется ключевым для эффективного противодействия международной преступности во всех ее формах [3].

Учитывая тот факт, что в вопросах международной безопасности наиболее универсальной и всеобщей международной организацией является ООН, стоит указать на универсальные многосторонние правила, разработанные в ее рамках. Так, основу международной системы предупреждения и борьбы с преступностью формируют многосторонние соглашения, которые являются основой для функционирования специализированных органов, полиции, правоохранительных органов и сотрудничества между государствами в этом направлении.

Помимо ООН и ее специализированных органов в глобальной системе борьбы с преступностью особую роль играют региональные организации, отличным примером которых является Европейский Союз. Анализируя роль ООН в области предмета исследования, следует отметить, что деятельность этой универсальной организации в сфере укрепления международного сотрудничества, направленного на предупреждение и борьбу, была предпринята несколько десятилетий назад. Данный вопрос присутствовал и обсуждался на последовательных, организуемых с 1955 года, каждые пять лет, Конгрессах ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию.

На сегодняшний день проведено тринадцать таких конгрессов, и последний состоялся в Катаре 12-19 апреля 2015 года. Принимая во внимание современные усилия по предупреждению преступности и борьбе с ней, следует отметить, что в 1991 году ООН активизировала свои усилия в этой области, создав специальную Комиссию по предупреждению преступности и уголовному правосудию). Результатом работы Комиссии стало проведение 21-23 ноября 1994 года в Неаполе международной конференции по многостороннему сотрудничеству в борьбе с международной организованной преступностью. Это было важно, потому что на конференции были приняты Политическая декларация и Глобальный план действий против международной организованной преступности (так называемая Неаполитанская декларация). Менее чем через месяц принятая декларация была одобрена Генеральной Ассамблеей ООН, что положило начало идее глобальной конвенции против международной организованной преступности. Конечно, на пути к окончательной форме правовых положений в этой сфере предстоит решить множество проблем. Более того, современное законодательство, регулирующее предупреждение и пресечение организованной преступности, также не лишено недостатков. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, необходимо перечислить важнейшие акты международного права, являющиеся основой для решений в области предупреждения и борьбы с преступностью на международном уровне.

Результатом работы Комиссии стало проведение 21-23 ноября 1994 года в Неаполе международной конференции по многостороннему сотрудничеству в борьбе с международной организованной преступностью. Это было важно, потому что на конференции были приняты Политическая декларация и Глобальный план действий против международной организованной преступности (так называемая Неаполитанская декларация).

Менее чем через месяц принятая декларация была одобрена Генеральной Ассамблеей ООН, что положило начало идее глобальной конвенции против международной организованной преступности. Конечно, на пути к окончательной форме правовых положений в этой сфере предстоит решить множество проблем. Более того, современное законодательство, регулирующее предупреждение и пресечение организованной преступности, также не лишено недостатков.

При систематизации определенной информации следует упомянуть как акты общего права, так и те, которые относятся к конкретным видам преступлений, совершаемых трансграничными преступными группами. И так: Организованная преступность фиксируется Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 15 ноября 2000 года, со следующими протоколами [4]:

а) Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, в частности женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 15 ноября 2000 года.

б) Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 15 ноября 2000 г.

в) Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющий Конвенцию ООН, объединенную против международной организованной преступности, принятую Генеральной Ассамблеей ООН 31 мая 2001 г. Это, безусловно, один из самых важных правовых актов в данной сфере.

Участниками конвенции являются 185 стран Конвенция и выпущенные к ней три дополняющих доклада налагают на государства-участники обязательство принимать конкретные меры против проявлений международной (трансграничной) организованной преступности. Основной целью Конвенции является укрепление международного сотрудничества в этой области. Интересно, что Конвенция является инициативой Польши.

В 1996 году тогдашний президент Польши Александр Квасьневский на заседании Генеральной Ассамблеи ООН представил ее проект, который впоследствии был принят широким международным сообществом и реализован на основе соответствующей резолюции. Конвенция комплексно регулирует вопросы преследования, предупреждения и наказания организованной преступности. Ее участники обязаны криминализовать следующие преступления: участие в организованной преступной группе (статья 5), отмывание «грязных» денег (статья 6), коррупция лиц, выполняющих публичные функции, как в активной, так и в пассивной форме (статья 8) и преступления против правосудия (статья 23).

Конвенция также требует от подписавших ее сторон принять меры в соответствии с действующими правовыми нормами для привлечения юридических лиц к ответственности за участие в правонарушениях, указанных в документе. Это может быть как уголовная и гражданская ответственность, так и административная (статья 10 (2)).

Конвенция содержит ряд положений, касающихся международного сотрудничества. Помимо традиционных форм сотрудничества, таких как экстрадиция и взаимная правовая

помощь, она предусматривает и современные формы, такие как создание совместных следственных групп (статья 19), использование специальных методов расследования (статья 20), проведение допросов с использованием коммуникационных технологий.

Кроме того, его принятие означает новую главу в области взаимопомощи между развитыми (богатыми) и развивающимися странами (в основном более бедными странами и странами третьего мира) путем создания эффективных механизмов поддержки фондов, позволяющих эффективно реализовать соглашение и обеспечить его исполнение. Говоря о протоколах, дополняющих конвенции, следует подчеркнуть, что каждый из них должен читаться, толковаться и применяться в сочетании с основной конвенцией.

В то время как основная конвенция содержит общие положения о сотрудничестве, технической и правовой помощи, каждый протокол содержит более подробные положения, адаптирующие эти общие правила для их применения в отношении конкретных проблем, связанных с торговлей людьми, незаконным ввозом мигрантов, производством и торговлей оружием.

В области противодействия незаконному обороту наркотиков были подписаны ряд международных конвенций, в том числе: Международная конвенция по опиуму, подписанная в Гааге 23 января 1912 года; Конвенция об ограничении фабрикаций и о регулировании разделения наркотических средств, подписанная в Женеве 13 июля 1931 года; Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года; Конвенция о психотропных веществах, совершенная в Вене 21 февраля 1971 года; Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершенная в Вене 20 декабря 1988 года. 2. 2. Торговля людьми Международное соглашение от 18 мая 1904 года и Международная конвенция от 4 мая 1910 года, подписанная в Париже, о борьбе с торговлей людьми; Международная конвенция о борьбе с торговлей женщинами и детьми, подписанная в Женеве 30 сентября 1921 года; Международная конвенция о борьбе с торговлей пожилыми женщинами, подписанная в Женеве 11 октября 1933 года.

Так же следует отметить Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции, открытая для подписания в Лейк-Успехе 21 марта 1950 года Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принятый в Нью-Йорке 25 мая 2000 года Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми, разработанная в Варшаве 16 мая 2005 года. Подделка денег; Международная конвенция по борьбе с подделкой денег, подписанная в Женеве 20 апреля 1929 года, вместе с протоколом и факультативным протоколом. Информирование о борьбе с коррупцией; Конвенция ООН против коррупции, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 года. Признается борьба с международным терроризмом (тесная связь с преступностью); Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1999 года. Как следует из анализа, значительная часть положений носит универсальный характер, а работа велась в основном в рамках ООН.

Правовая деятельность и достижения ООН в области предупреждения и борьбы с организованной преступностью сложны и содержат как документы общего характера, так и документы, имеющие характер направленности против конкретных преступлений. По аналогии, данная ситуация схожа с решениями в области борьбы с актами международного терроризма. Более того, как показывает сегодняшний день, эти явления чаще всего связаны друг с другом. Указанные выше правовые акты составляют основу для институциональных решений в области предупреждения и борьбы с организованной преступностью. Они создают основу для функци-

онирования глобальной системы борьбы с преступностью и сотрудничества между государствами и другими субъектами международных отношений в этой сфере [5].

Борьба с преступностью на основе применимых международных соглашений на оперативном уровне чаще всего осуществляется с помощью полицейских организаций, которые обладают наибольшей компетенцией в этой области. Например, в рамках Европейского Союза и в рамках так называемой «третьей опоры» компетентной структурой в этом отношении является Европейское полицейское управление (Европол), а на международном уровне помощь национальным органам в сборе информации оказывает Интерпол - Международная организация уголовной полиции.

Однако профилактика и борьба с международной организованной преступностью обычно предполагает проведение ряда оперативных мер. Сотрудничество в этой области на международном уровне включает, в частности, обмен информацией, сотрудничество правительств и учреждений в создании соответствующего законодательства, надлежащий контроль финансовых операций, совместный анализ данных о преступлениях, международный обмен данными ДНК, организацию международных тренингов и учений для сотрудников, информационные кампании.

Организованные преступные группы, действующие сегодня во многих странах мира, получают доход, в частности, от производства и торговли наркотиками, контрабанды оружия, алкоголя и табачных изделий, а также торговли людьми. Прибыли преступных группировок исчисляются миллионами долларов, а их влияние заметно в мире бизнеса и даже политики, что создает множество проблем в эффективной борьбе с этим явлением. Чрезмерная спецификация этого вида преступности создает требования к сотрудничеству как на уровне отдельных служб, отвечающих за безопасность государства, так и на наднациональном уровне.

Пристатейный библиографический список

1. Бродхерст Р. События в глобальном правоприменении киберпреступности // *Policing: Международный журнал полицейских стратегий и управления*. 2006. № 29.3. С. 408-433.
2. Деккер С. и Хансен Д. Обучение под давлением: влияние политизации на организационное обучение в государственных бюрократиях // *Журнал исследований и теории государственного управления*. 2004. № 14. С. 211-230.
3. Favarel-Garrigues, Gilles, Thierry Godefroy, and Pierre Lascoumes. Неохотные партнеры? Банки в борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма во Франции // *Диалог по безопасности*. 2011. № 2. С. 179-196.
4. Гайгер Х., Вюнш О. Борьба с отмыванием денег: Экономический анализ парадокса «затраты-выгоды» // *Журнал по борьбе с отмыванием денег*. 2007. № 10. С. 91-105.
5. Голдштейн Дж. Полицейское усмотрение не задерживать уголовный процесс: Малоаметные решения в отправлении правосудия // *Йельский юридический журнал*. 1960. № 4. С. 543-594.

АНАНЬЕВ Олег Геннадьевич

старший преподаватель кафедры социальной психологии и социальной работы Академии ФСИН России

КУРБАТОВА Галина Васильевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СМЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ, В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Статья посвящена исследованию возникновения и исторического развития института обстоятельств, смягчающих наказание, в отечественном уголовном законодательстве. Проанализирована взаимосвязь развития института обстоятельств, смягчающих наказание, и изменений социально-политической обстановки в государстве. Получена система основных временных периодов действия русских памятников права, в которых устанавливались предписания учета смягчающих обстоятельств в процессе принятия решения о виновности и назначении уголовного наказания. Сформулирован вывод о значимости института смягчающих обстоятельств на всех этапах развития российской правовой государственности.

Ключевые слова: обстоятельства, смягчающие наказание, уголовное право, история, периодизация законодательства, развитие, смягчение вины.

ANANJEV Oleg Gennadjevich

senior lecturer of Social psychology and social work sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

KURBATOVA Galina Vasiljevna

Ph.D. in Law, senior lecturer, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Training of State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF MITIGATION OF PUNISHMENT IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

The article is devoted to the study of the emergence and historical development of the institution of mitigating circumstances in the domestic criminal law. The relationship between the development of the institute of circumstances mitigating punishment and changes in the socio-political situation in the state is analyzed. A system of basic time periods for the operation of Russian monuments of law was obtained, in which prescriptions were established for taking into account extenuating circumstances in the process of making a decision on guilt and imposing a criminal penalty. The conclusion is formulated about the importance of the institution of mitigating circumstances at all stages of the development of the Russian legal statehood.

Keywords: circumstances mitigating punishment, criminal law, history, periodization of legislation, development, mitigation of guilt.

Обстоятельства, смягчающие наказание, в рамках отечественного уголовного права – явление отнюдь не новое. Безусловно, в нынешней формулировке данный институт существовал не всегда, изначально название и спецификация была несколько иной, но глубинный сущностный смысл и большое значение для российского уголовного права всегда и во все времена оставались неизменными атрибутами обстоятельств, смягчающих наказание. Представляется небезынтересным поэтапно рассмотреть вопросы, связанные с законодательной эволюцией обстоятельств, смягчающих наказание, в российском праве, чтобы понять, как развивался данный институт, какие изменения он претерпевал, в каком виде существовал на отдельном историческом этапе и чем характеризовался, а так же понять, почему пройдя столь длинный путь в своем развитии, институт обстоятельств, смягчающих наказание не потерял в своей актуальности, а, напротив, приобрел новые черты и занял заслуженное место в числе важнейших и значимых институтов отечественного уголовного права.

Как известно, пожалуй, первым наиболее существенным и объемным источником права в нашей стране была

Ананьев О. Г.

Курбатова Г. В.

Русская правда. На момент своего принятия Русская правда регулировала подавляющее большинство существовавших в то время общественных отношений и удовлетворяла правовым потребностям своего времени, что подтверждается длительностью её активного и практически безальтернативного использования. Русская правда содержала в себе правовые нормы, касающиеся различных отраслей права, в том числе и уголовного. Именно с Русской правды начинается фактическое зарождение института смягчения уголовных наказаний в зависимости от различных обстоятельств [2, с. 44]. Связаны они были с 2 факторами: 1. Характеристика личности преступника. 2. Характеристика личности потерпевшего. Ввиду того, что основным наказанием за преступления в те времена был штраф разного размера, то, к примеру, за убийство боярина он был в разы больше, чем за убийство лица из низших сословий. Если убийство было совершено «на пиру», то наказание было менее жестким, чем в обычных условиях. Также Русской правдой были определены некоторые обстоятельства, которые тоже можно отнести к смягчающим, например, применение меча в ответ на оскорбление действием. Здесь уместно будет провести параллель с современным

уголовным правом, где подобное рассматривалось бы как совершение преступления при противоправном или даже аморальном поведении потерпевшего. Тем не менее, были и обратные примеры. Русская правда ставила под запрет убийство вора, который проник в дом, но был пойман, связан, не создает опасности для хозяев жилища и все это видели соседи, которые являются свидетелями. Чтобы убить вора и остаться безнаказанным, хозяева жилища должны были поймать его «во дворе, у клетки, или у хлева», но при этом не связывать. Таким образом, несмотря на наличие базовых положений института обстоятельств, смягчающих наказание в Русской правде, данный документ, ввиду исторического этапа своего существования, а также уровня развития общественных отношений в то время, в полной мере не содержал в себе полноценных правовых норм, касающихся смягчающих наказание обстоятельств. Тем не менее, Русская правда послужила необходимой базой и фундаментом для развития института обстоятельств, смягчающих наказание в отечественном уголовном праве в последующих нормативно-правовых актах и в этом её роль как основы для совершенствования трудно переоценить. Дальнейшее развитие рассматриваемый институт получил уже в конце XV – середине XVI века, когда сформировалось централизованное русское государство. В этот период было принято два крупных источника права – Судебник 1497 года и Судебник 1550 года. В это время в отечественном уголовном праве наблюдалась общая тенденция к ужесточению наказаний за преступления. Расширилась и группа деяний, которые признавались преступлениями. Соответственно, позиции обстоятельств, смягчающих наказание, стали слабеть, тем не менее, они продолжились развиваться и совершенствоваться. Так, например, Судебник 1497 года содержал норму, согласно которой за некоторые виды преступлений лицо, обладавшее присвоенными монархом титулами, званиями, чинами и регалиями, могло рассчитывать на смягчение уголовного наказания. Это позволяло сохранить сословный характер наказания. От словесия обвиняемого напрямую зависела тяжесть наказания за совершенные им преступления, например, сумма штрафа в государственную казну. Судебник 1550 года содержал в себе норму, свидетельствующую о дифференциации наказания в сторону его смягчения, исходя из личной характеристики виновного. Важным этапом в развитии института смягчающих наказание обстоятельств в отечественном уголовном праве является принятие Соборного уложения 1649 года. Этот прогрессивный и качественный правовой документ затронул все сферы жизни общества, внес необходимые изменения в общественные отношения и оказал положительное влияние на все социально-правовые институты, в том числе и на уголовное право. Так, например, Соборное уложение 1649 года впервые полноценно сформировало в рамках отечественного уголовного права самостоятельный правовой институт смягчающих наказание обстоятельств. Соборное уложение стало тем необходимым фундаментом, которого не хватало вышеречисленным правовым документам прошлого. Согласно Соборному уложению, были закреплены четкие и ясные основания реализации института обстоятельств, смягчающих наказание, была сформирована соответствующая система [1, с. 91]. Помимо этого, в 1649 году был установлен принцип индивидуализации наказания, который означал, что отныне при применении уголовного закона будут учитываться характер и степень вреда совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие или отягчающие уголовную ответственность. В процессе судопроизводства по уголовному делу стали уделять значительно больше внимания к деталям преступления, таким как характер ранения или увечья потерпевшего, положения виновного лица, его отношения к совершенному преступлению. В качестве основных смягчающих наказание обстоятельств были закреплены состояние опьянения и при-

надлежность к высокому социальному классу. Кроме того, появились новые обстоятельства, смягчающие наказание, такие как неумышленный характер преступления, нахождение в родственной связи с потерпевшим и так далее.

Не менее существенное развитие институт обстоятельств, смягчающих наказание, получил во времена правления Петра Великого. В частности, уголовное наказание отныне не только карает виновного, но и стремится исправить его. К тому же к судам стали предъявляться требования по выяснению всех конкретных обстоятельств рассматриваемого дела. В Артикуле воинском 1715 года появилось такое смягчающее наказание обстоятельство, как превышение условий правомерности необходимой обороны. Подобное обстоятельство имело место, когда на человека напали, он смог отбиться, нападавший стал убежать, но отбившийся все равно догнал и убил его. В таком случае подсудимый точно избегал казни, но нес наказание в виде штрафа или тюремного заключения. В числе новых смягчающих наказание обстоятельств, согласно Воинскому артикулу 1715 года, следует отметить появления таких обстоятельств, как пребывание в состоянии «сильного душевного волнения» и «совершение преступления в силу тяжелых жизненных обстоятельств» [3, с. 40]. Первое обстоятельство подразумевало, что виновное лицо, в силу ревности или иного эмоционального душевного состояния при совершении преступления не могло полностью отдавать отчет своим действиям и в связи с этим заслуживает снисхождения при назначении наказания. Второе обстоятельство заключалось в том, что в случае, если лицо совершило кражу еды, воды или иных недорогих вещей, его наказание можно будет уменьшить или даже освободить виновного от него. Кроме всего прочего, дополнительно следует отметить, что именно начиная с Воинского артикула 1715 года нахождение в состоянии опьянения при совершении преступления, постепенно начинает переходить из числа обстоятельств, смягчающих вину, в обстоятельства, её отягчающие. Тем не менее, сословный характер наказаний по-прежнему оставался, и лицо более высокого социального статуса могло рассчитывать на снисхождения и смягчение наказания. В дальнейшем сословный характер наказаний лишь усиливается, в частности, после принятия Манифеста о вольности дворянской 1762 года в отношении дворян было запрещено применение телесных и иных порочащих наказаний. Однако отметим, что популярны в то время в развитых европейских государствах идеи Просвещения и гуманизма применительно к уголовному праву добрались и до Российской империи. В целом наблюдается гуманизация уголовного законодательства, которая проявляется в появлении новых обстоятельств, смягчающих наказание. Например, несовершеннолетие лица в момент совершения им преступления отныне стало рассматриваться как смягчающее его наказание обстоятельство. Более того, Елизавета Петровна и вовсе наложила запрет на казнь малолетних (не достигших семнадцати лет) преступников.

Новой вехой в развитии отечественного уголовного права ознаменовался этап правления Николая I. В то время остро возникла необходимость в осуществлении общей систематизации законодательства, что не могло не коснуться уголовного права. Перед законодателем стояла задача реформировать уголовное законодательство, сделать его более понятным удобным для применения и регулирования общественных отношений [4, с. 45]. Решение было найдено достаточно быстро – уже 15 августа 1845 года вступает в силу и начинает действовать Уложение о наказаниях уголовных и исправительных - кодифицированный нормативно-правовой акт, который активно использовался вплоть до Октябрьской революции. Говоря об институте смягчающих наказание обстоятельств, применительно к данному нормативно-правовому акту, следует отметить, что рассматриваемый институт претерпел значительные изменения. Во-первых, само Уложение впервые в истории отечественного уголовного права

содержало в себе отдельный параграф, посвященный «Обстоятельствам, уменьшающим вину и наказание». Именно Уложение 1845 года позволило значительным образом индивидуализировать уголовное наказание, рассматривать каждое уголовное дело, учитывая его конкретные обстоятельства. Уложение 1845 года расширило перечень обстоятельств, смягчающих наказание. Так же суд при рассмотрении дела в отношении несовершеннолетнего стал учитывать конкретный возраст преступника, например, если лицо достигло 12 лет, но не достигло 14 – то оно могло рассчитывать на более мягкое наказание, нежели лицо, достигшее 14 лет, но не достигшее 16. Нарушение пределов необходимой обороны, согласно нормам Уложения 1845 года, перестало являться полноценным смягчающим обстоятельством, однако суд все равно учитывал данное обстоятельство при рассмотрении уголовного дела и не мог не проявить положенного снисхождения к виновному.

Развитие уголовного права в период после Октябрьской революции 1917 года характеризуется слабой динамикой, как и развитие права в целом. Это объясняется тем, что революционные изменения во всех сферах жизни общества требовали повышенного внимания, которого не хватало абсолютно на все имеющиеся проблемы. Постепенно все острее и острее назревала необходимость создания нового единого кодифицированного уголовного нормативно-правового акта, который способствует систематизации законодательства и урегулирует все необходимые спорные вопросы, в том числе и институт обстоятельств, смягчающих наказание. Принятый в 1922 году Уголовный кодекс РСФСР не внёс необходимых изменений и не устранил имеющиеся недостатки. Более того, данный нормативно-правовой акт так и не разграничил смягчающие и отягчающие обстоятельства. Ситуация несколько изменилась после принятия Уголовного кодекса РСФСР 1926 года. Данный нормативно-правовой акт в статье 48 закрепил конкретный перечень обстоятельств, смягчающих наказание. Классовая сущность принятого Уголовного кодекса 1926 года подчеркивалась тем фактом, что принадлежность преступника к так называемому «эксплуататорскому» классу была признана отягчающим обстоятельством. Не менее важным явилось другое нововведение – несовершеннолетие преступника было признано смягчающим обстоятельством. Подобное решение было совсем не случайно, так как именно в тот период перед государством наиболее остро встает проблема существенного роста уровня преступности среди несовершеннолетних, которая зачастую перерастала в организованные преступные сообщества.

Дальнейшее развитие уголовного права в целом и института обстоятельств, смягчающих наказание, в частности, продолжилось после принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР 1958 года и Уголовного кодекса 1960 года. В то время во всем мире наблюдалась тенденция по общей гуманизации уголовного права, которая не могла не затронуть и уголовное законодательство СССР. Безусловно, наиболее активное проявление данной тенденции наблюдалось в отношении обстоятельств, смягчающих наказание. Во-первых, сам перечень существенно расширился. Во-вторых, впервые в отечественном уголовном праве перечень обстоятельств, смягчающих наказание, стал открытым, то есть суд при рассмотрении конкретного уголовного дела был вправе принимать во внимание не только те смягчающие обстоятельства, которые установлены нормативно-правовым актом, но и те, которые фактически исходят из уголовного дела. К числу таких фактических обстоятельств, которые учитывал суд, в то время относили положительные характеристики с места работы, учебы, службы, проживания, добросовестное отношение к трудовым обязанностям и наличие трудовых наград, добропорядочность и законопослушность стечению тяжелых жизненных обстоятельств (смерть или болезнь близких родственников) и так далее. Все вышеизложенное крайне поло-

жительно сказалось на уголовном судопроизводстве, так как отныне человек, совершивший преступление, мог рассчитывать на снисхождение со стороны суда, даже если в уголовный закон не предусматривал ему такой возможности. В таком виде уголовное законодательство, пусть и с незначительными изменениями, успешно просуществовало вплоть до распада СССР, после чего его уже в который раз ожидали новые преобразования в связи со сменой государственного курса и коренными преобразованиями во всех сферах жизни общества.

Таким образом, мы установили, что в отечественном уголовном праве в том или ином виде на всем протяжении его развития и совершенствования существовали обстоятельства, смягчающие наказание. Еще Русская правда, древнейший памятник отечественного права, включала в себя пусть и примитивные на сегодняшний день, но вполне отвечающие требованиям того времени обстоятельства, позволявшие смягчать уголовное наказание. Огромное значение обстоятельств, смягчающих наказание, для уголовного права проявляется в том, что вне зависимости от формы правления, политического режима, исторического периода, особенностей правовой системы и иных внутренних и внешних факторов, они всегда были актуальны и значимы. На всех этапах исторического развития отечественного уголовного права лицо, совершившее преступление, могло рассчитывать на то, что ему будет вынесено справедливое и объективное наказание, а обстоятельства, которые смягчают его вину, будут учтены.

Пристатейный библиографический список

1. Авдеев В. А. Этапы регламентации обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, в Уголовном праве России // Известия Байкальского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 90-93.
2. Лоба В. Е., Малахова А. С. Русская Правда: обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказания // Legal Concept. – 2015. – № 4. – С. 43-48.
3. Тасаков В. С. Историко-правовой анализ норм отечественного законодательства о смягчающих обстоятельствах в национальном уголовном праве: до-революционный период // Oeconomia et Jus. – 2017. – № 1. – С. 39-48.
4. Чистяков А. В. Первые попытки систематизации российского законодательства и создание свода законов Российской империи // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 8. – С. 44-53.

БАДАМШИН Ильфат Давлетнурович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России

ЗЕЛЕНЦОВ Алексей Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры деятельности ОВД в особых условиях Санкт-Петербургского университета МВД России

КУЛИЕВ Инал Борисович

преподаватель кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД России (филиала) Краснодарского университета МВД России

ОСКОРБЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

На протяжении всего развития законодательства России уделяется непосредственное внимание уголовно-правовой охране представителей власти, которые руководствуются своим должностным регламентом и властными полномочиями, а также изысканию новых правовых гарантий для осуществления ими законной и безопасной деятельности. Однако, в настоящее время, вопросы эффективного противодействия противоправным деяниям остаются одними из наиболее сложных теоретических и практических проблем в рамках борьбы с преступностью.

В статье осуществляется сравнительно-правовой анализ регламентации уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство представителей власти, отдельные аспекты и составляющие которых могут быть востребованы и реализованы в рамках отечественного уголовного законодательства.

Ключевые слова: представитель власти, оскорбление, клевета, диффамация, дискредитация.

BADAMSHIN Ilfat Davletnurovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ZELENTSOV Aleksey Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Internal affairs in special conditions sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

KULIEV Inal Borisovich

lecturer of Special disciplines sub-faculty of the North-Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

INSULTING A REPRESENTATIVE OF THE AUTHORITIES IN THE CONTEXT OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Throughout the development of Russian legislation, direct attention is paid to the criminal legal protection of government officials who are guided by their official regulations and authority, as well as the search for new legal guarantees for their legitimate and safe activities. However, at present, the issues of effective counteraction to illegal acts remain one of the most difficult theoretical and practical problems in the fight against crime.

The article provides a comparative legal analysis of the regulation of criminal liability for encroachments on the honor and dignity of government officials, some aspects and components of which can be claimed and implemented within the framework of domestic criminal legislation.

Keywords: government representative, insult, slander, defamation, discredit.

Не раз отечественные теоретики уголовно-правовой направленности говорили об обогащении российского уголовного законодательства и практики его применения путем детального анализа и изучения опыта зарубежных стран в сфере противодействия общественно-опасным деяниям. Так, на наш взгляд, по справедливому мнению Н. Д. Сергиевского «... научное исследование не может ограничиться положительным правом одного какого-либо народа (правом отечественным). В качестве необходимого материала должны быть привлекаемы определения права других государств» [1].

Основная мысль данного высказывания заключается в том, что в определенный период времени возникает необходимость привлечь исходный, положительно зарекомендовавший себя, в рамках регламентации законодательства, зарубежный опыт, на котором могут базироваться отечественные правовые положения.

Согласно мнению М. Ансель изучение зарубежного уголовного права и практики его применения очень полезно и необходимо для развития отечественного уголовного законо-

дательства, так как открываются новые возможности, в виду того что специфические черты российского уголовного-правового законодательства сильно контрастируют и выделяются на фоне зарубежных уголовно-правовых систем, тем самым дают повод задуматься о каких-либо нововведениях. Таким образом, проводя анализ зарубежного законодательства возрастает возможность заручиться новыми идеями и аргументами для воплощения их в жизнь [2, С. 38].

В данной связи, относительно рассматриваемой категории, мы можем отметить, что зарубежное законодательство обладает определенной собственной спецификой, которая заключается в объединении в одной уголовно-правовой норме установления об уголовной ответственности за оскорбление представителя власти, который может быть отнесен к любой ее ветви, или же наоборот, в выделении идентичных норм в

Бадамшин И. Д.

Зеленцов А. А.

Кулиев И. Б.

самостоятельной главе какого-либо источника уголовного права.

Так, мы можем привести в качестве примера законодательство Дании, в ст. 122 Уголовного кодекса которой, в качестве объекта уголовно-правовой охраны выступает честь и достоинство лица, обладающего государственными полномочиями, и который, согласно своего должностного регламента, может принимать решения в различных отраслях, а способом реализации общественно опасного деяния является – нападение. Нападение чаще всего выражается в таких формах противоправного поведения, как: выражение оскорблений в виде ругательных слов или слов, унижающих честь и достоинство, демонстрация различных непристойных жестов. Перечисленные формы, которые входят в состав понятия «нападение», должны быть связаны напрямую с осуществлением своих должностных полномочий или функций лицом, в отношении которого совершаются данные противоправные деяния [3].

Уголовным кодексом Турции [4], в ст. 159, устанавливается ответственность за публично высказывание оскорбления или поношения в адрес турецкой нации, Республики, Великого Национального Собрания, Правительства и т.д. Характерной чертой является то обстоятельство, что в случаях отсутствия конкретного адресата, преступление считается совершенным при их очевидной направленности.

Если же сравнивать с УК Бельгии [5], то здесь также можно наблюдать дифференцированные составы выражения публичного оскорбления в отношении министров и членов законодательных палат (ст.ст. 275–277), при этом способов оскорбления регламентировано несколько и которые могут быть реализованы в виде действий, слов, жестов, угроз.

Интересные нормы существуют в УК Швейцарии (296, 297) [6], где законодатель установил преступными и наказуемыми оскорбления, выраженные в отношении иностранных государств и межгосударственных организаций. Конечно же, в данном случае оскорбления должны быть выражены в отношении конкретного официального представителя иностранного государства или межгосударственной организации, а не просто быть адресованы публично-правовому образованию в целом.

В данной связи можем также отметить, что в соответствии с УК Таиланда, к тюремному заключению должен быть приговорен любой, кто оскорбляет или угрожает иностранному представителю, приближенному к королевскому двору [7].

Характерно, что параллельно существованию нормы, регламентирующей уголовное наказание за оскорбление представителя власти в ряде зарубежных стран существует уголовная ответственность за клевету в их отношении.

В частности, в рамках уголовного законодательства Японии [8], в ст.ст. 230 и 230-2 имеется норма, именуемая – «ущерб чести», суть которой подразумевает тот же самый, что в составе «Клеветы» УК РФ, но дополняется она тем, что потерпевшими при посягательстве выступают перечисленные публичные должностные лица: правительственные и муниципальные чиновники, депутаты, члены комитетов и т.д. При этом данный состав является специальным по отношению к «Оскорблению» (ст. 231), которое может быть выражено в форме оценочных суждений, характеризующих пренебрежительное отношение к личности потерпевшего. Форма их выражения ни каким образом не конкретизируется и может быть различной.

Возвращаясь к правовому опыту Западной Европы стоит отметить, что в УК Швеции [9], в ранее действующей редакции ст. 6 главы 17, также имелся аналогичный Японии состав «клеветы в отношении власти», в рамках которого уголовно-наказуемым являлось распространение ложных суждений и высказываний с целью снижения уважения к властным органам или иным уполномоченным органам Швеции.

Проведя анализ уголовного законодательства зарубежных государств, необходимо отметить, что в ряде случаев, отдельным объектом уголовно-правовой охраны среди представителей власти, выделяется глава государства, положения о защите чести и достоинства которого закрепляются в самостоятельной статье.

Так, например, в УК ФРГ [10], при отсутствии нормы, устанавливающей ответственность за оскорбление представителя власти, в §90 криминализовано публичное, на собрании или распространением письменных материалов оскорбление Федерального президента.

По уголовному законодательству Голландии [11] наказуемы умышленная дискредитация Короля (ст. 111), членов королевской семьи (ст. 112). Отдельно, в рамках ст. 113, регламентирована уголовная ответственность за распространение, публичное выставление напоказ, вывешивание плакатов или

наличие письменного материала или изображения, содержащего их дискредитацию.

Статья 112 УК Таиланда регламентирует, что уголовной ответственности подлежит любой, кто порочит, оскорбляет или угрожает Королю, Королеве, Престолонаследнику или Регенту.

Еще одной отличительной особенностью зарубежного законодательства по обеспечению безопасности представителей власти, является расширенный круг потерпевших, к категории которых, в отдельных случаях, приравниваются лица, которые «согласно особому приказу, должны пользоваться такой же защитой, которая соответствует исполнению властных полномочий, или кто вызывается или был вызван для оказания содействия государственному служащему в мероприятии, за которое такая защита предоставляется» (ст. 5 главы 17 УК Швеции).

Таким образом, в результате анализа зарубежного уголовного законодательства мы можем прийти к выводу, что существует вероятность возможной преемственности в уголовное законодательство Российской Федерации положительного опыта по регламентации ответственности за оскорбление представителей власти в части криминализации способов данного деяния (клевета, диффамация, дискредитация), расширения круга потерпевших лиц, а также наличия обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность за их совершение.

Пристатейный библиографический список

1. DSpace at Saint Petersburg State University: Сергиевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая: пособие к лекциям. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. С. 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/18156> (дата обращения: 13.03.2022).
2. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права. Сборник // Очерки сравнительного права. М.: Прогресс, 1981. – 256 с.
3. Уголовный кодекс Дании 1997 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/ugolovnyy-koдекс-дании.html> (дата обращения: 13.03.2022).
4. Уголовный кодекс Турции 1926 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/ugolovnyy-koдекс-турции.html> (дата обращения: 13.03.2022).
5. Уголовный кодекс Бельгии 1867 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.crimpravo.ru/codecs/belg/2.doc> (дата обращения: 13.03.2022).
6. Уголовный кодекс Швейцарии 1937 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/ugolovnyy-koдекс-швейцарии.html> (дата обращения: 13.03.2022).
7. Уголовный кодекс Таиланда 1956 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/ugolovnyy-koдекс-тайланда.html> (дата обращения: 13.03.2022).
8. Уголовный кодекс Японии 1995 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/ugolovnyy-koдекс-японии.html> (дата обращения: 13.03.2022).
9. Уголовный кодекс Швеции 1962 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/ugolovnyy-koдекс-швеции.html> (дата обращения: 13.03.2022).
10. Уголовный кодекс ФРГ 1998 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/ugolovnyy-koдекс-фрг.html> (дата обращения: 13.03.2022).
11. Уголовный кодекс Голландии 1881 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/ugolovnyy-koдекс-голландии.html> (дата обращения: 13.03.2022).

БЕДНЯГИНА Юлия Андреевна

преподаватель кафедры уголовного права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

К ВОПРОСУ ОБ ОТМЕНЕ МОРАТОРИЯ НА ПРИМЕНЕНИЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проводится анализ действующего российского законодательства по вопросу применения такого исключительного вида наказания как смертная казнь.

При этом в рамках данного исследования автор анализирует проекты федеральных законов о внесении изменений в существующие уголовно-правовые нормы. По результатам проведенного анализа автор выносит мотивированные предложения по теме исследования.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, наказание, пожизненное лишение свободы, смертная казнь.

BEDNYAGINA Yuliya Andreevna

lecturer of Criminal law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

TO THE QUESTION OF THE CANCELING OF THE MORATORIUM ON THE USE OF THE DEATH PENALTY IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the current Russian legislation on the application of such an exceptional type of punishment as the death penalty. In addition, within the framework of this research, the author analyzes draft federal laws on amendments to existing criminal law norms. Based on the results of the analysis, the author makes motivated proposals on the topic of the study.

Keywords: criminal law, crime, punishment, life imprisonment, death penalty.

Беднягина Ю. А.

Применение смертной казни – поистине дискуссионный вопрос, на который многие годы ведутся рассуждения среди юристов, исследователей и в обществе, в целом.

Возникновение смертной казни как вида наказания имеет давнюю историю как в Российской Федерации, так и в зарубежных государствах. К примеру, еще задолго до появления первых государств, да и вообще понятия «права», прототипом смертной казни в современном понимании, в первобытнообщинном строе являлось причинение смерти виновному за причинение смерти (так называемый, принцип талиона).

Мальцев Г.В. пишет: «практике кровной мести в древнем обществе в немалой степени способствовало сознание того, что убийство само по себе похвально, равносильно подвигу, если это убийство врага» [1].

Если же говорить о древнерусском уголовном праве, то первые письменные упоминания о применении смертной казни датируются X веком. В тексте русско-византийских договоров содержались различные нормы, в частности, сведения о невыполнении договоренностей, о применяемых санкциях, к которым относилась и смертная казнь

Некоторые исследователи считают, что русско-византийские договоры являются лишь правовым памятником, но не источником русского права ввиду того, что действие этих договоров распространялось преимущественно на византийской земле [2].

Первым письменным источником правовых норм, основой русского права, историки называют Русскую правду (1016 г.), в статьях которой мы можем наблюдать такой вид наказания, как смертная казнь. Смертная казнь за совершение различных преступлений предусматривалась позднее в Двинской грамоте 1397 г., Судебнике 1497 г., Соборном уложении 1649 г., Уставах Петра I 1716 г., Уголовном уложении 1903 г.

В XX веке, с установлением советской власти, уголовное законодательство претерпевало значительные изменения. Декретом об отмене смертной казни (принят II Всероссийским Съездом Советов 28.10.1917) смертная казнь соответственно была отменена¹.

Однако уже 05.09.1918 постановлением СНК «О красном терроре» смертная казнь была вновь введена как вид наказания. К примеру, расстрел применялся к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам. Данным постановлением специальным чрезвычайным комиссиям было предоставлено право ведения карательной политики и уголовных репрессий [3].

В дальнейшем, в годы существования СССР, вопрос применения смертной казни неоднократно находил отражение в различных нормативно-правовых документах 1924 г., 1926 г., г., 1958 г., 1960 г.

В 1991 г. была подготовлена новая редакция Основ уголовного права, однако в связи с распадом СССР она так и не увидела свет.

Указанные исторические события повлекли необходимость формирования новой правовой системы. Так, в 1993 г. была принята Конституция Российской Федерации, а в последующем и ряд других нормативно-правовых актов, в том числе Уголовный кодекс, Уголовно-исполнительный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, положения которых, включая изменения, применяются по настоящее время.

Касаемо темы исследования, процитируем положения ч.2 ст.20 Конституции РФ: «смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в каче-

1 Декрет об отмене смертной казни (принят II Всероссийским Съездом Советов 28.10.1917). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

стве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей»².

Действующая редакция Уголовного кодекса РФ также содержит сведения о смертной казни (ст. 44, ст. 59, ч. 2. ст. 105, ст. 277, ст. 295, ст. 317, ст. 357 УК РФ)³.

А Уголовно-исполнительный кодекс РФ ведаёт вопросом относительно порядка исполнения указанного наказания (ст. 184 – 186 УИК РФ)⁴.

В 1996 г. Российская Федерация вступила в Совет Европы. Одним из условий для вступления в Совет Европы явилось подписание Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Согласно ст. 1 Протокола: «смертная казнь отменяется; никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен»⁵.

Что означает невозможность применения смертной казни в мирное время. Исключение составляет лишь применение смертной казни в военное время (ст. 2 Протокола).

Российская Федерация подписала указанный Протокол 16.04.1997, но до сих пор не ратифицировала его и не исключила сведения о смертной казни из национального законодательства.

Тем не менее, в настоящее время смертная казнь фактически не применяется в нашем государстве.

Обратимся к статистическим данным. Проанализировав Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовных наказаний за 6 месяцев 2021 г., подготовленный Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, всего было осуждено 273888 человек, при этом, к примеру, к лишению свободы на определенный срок были осуждены 77373 человека, к пожизненному лишению свободы – 24 человека, к смертной казни – 0 человек. Проанализировав аналогичный отчет за 12 месяцев 2020 г., отметим, что всего было осуждено 530998 человек, из них к лишению свободы на определенный срок – 149681 человек, к пожизненному лишению свободы – 45 человек, к смертной казни – 0 человек.

Если обратиться к более ранним статистическим отчетам, а именно к Отчету о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания за 12 месяцев 2009 г., подготовленному Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, то снова наблюдаем, что смертная казнь в 2009 г. не назначалась как вид наказания, при этом всего было осуждено 892361 человек, из них к лишению свободы – 289204 человека, к пожизненному лишению свободы – 73 человека⁶.

Постановлением от 02.02.1999 № 3-П и определением от 19.11.2009 № 1344-О-Р Конституционный суд Российской Фе-

дерации подтвердил отсутствие возможности применения смертной казни в Российской Федерации.

Указанные правоприменительные акты послужили подспорьем для введения так называемого моратория на применение исключительного вида наказания. Мораторий (от лат. moratorium – замедляющий) – отсрочка от выполнения обязательств на определенный срок [4].

Однако неоднократно в Российской Федерации предпринимались попытки отменить существующий мораторий.

Так, депутатом Государственной Думы Российской Федерации Бабуриным С.Н., как лицом, обладающим правом законодательной инициативы, в октябре 2005 г. был внесен на рассмотрение законопроект Федерального закона «Об отмене моратория на исполнение наказания в виде смертной казни в Российской Федерации».

Настоящий законопроект призван, в первую очередь, обеспечить неукоснительное соблюдение на территории Российской Федерации принципов справедливости и неотвратимости наказания за содеянное преступление, предусмотренные Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексами Российской Федерации. Изменения, вносимые данным законопроектом в действующее российское законодательство, состоят в обеспечении надлежащего исполнения санкций в виде смертной казни, установленные отдельными статьями Уголовного кодекса. Тем самым пожизненное лишение свободы – альтернативная мера наказания смертной казни – приобретает значение менее строгого наказания по российскому уголовному законодательству⁷.

Данный законопроект был рассмотрен в первом чтении и Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 25.07.2018 4679-7 ГД «О проекте Федерального закона № 230074-4 «Об отмене моратория на исполнение наказания в виде смертной казни в Российской Федерации» отклонен⁸.

Правовое управление Государственной Думы в качестве аргументов «против» в своем заключении обозначило следующее. Правовую основу запрета на применение наказания в виде смертной казни составляют подписанный Российской Федерацией Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также указанные в тексте исследования акты толкования Конституционного Суда РФ, в последнем содержатся разъяснения о том, что поскольку в системе действующего правового регулирования, на основе которого в результате длительного моратория на применение смертной казни, сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого – с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, наказание в виде смертной казни назначаться не может, в связи с чем, неясно какой именно нормативно-правовой акт подлежит отмене в соответствии с положениями статьи

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4 Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 21.12.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5 Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни ЕТС № 114 (Страсбург, 28 апреля 1983 г.) (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru>.

6 Статистические отчеты Судебного департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru>.

7 Пояснительная записка к проекту Федерального закона «Об отмене моратория на исполнение наказания в виде смертной казни в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/230074-4>.

8 Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 25.07.2018 № 4679-7 ГД «О проекте Федерального закона № 230074-4 «Об отмене моратория на исполнение наказания в виде смертной казни в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://duma.consultant.ru/documents/3727319?items=10>.

1 законопроекта. Кроме того, согласно Венской конвенции о праве международных договоров от 23.05.1969, государство, подписавшее международный договор, обязано воздерживаться от действий, которые лишали бы договор его объекта и цели (ст. 18)⁹.

С оппозиционными взглядами, то есть с целью напротив ввести специальный нормативный акт, запрещающий применение смертной казни в российской праве, еще в 1997 г. выступили депутаты Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации Александров А.И., Борщев В.В., Дзасохов А.С., Зоркальцев В.И., Поддников Ю.И., Рыбаков Ю.А., которые внесли на рассмотрение в Государственную Думу проект Федерального закона № 97803716-2 «О моратории на исполнение наказания в виде смертной казни». Однако и Председатель Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству Крашенинников П.В., и начальник Правового управления Государственной Думы Горбачева Е.В. указали на то, что предлагаемые законопроектом положения излишни, ввиду наличия уже существующих разъяснений Конституционного Суда РФ, в результате законопроект был отклонен в первом чтении¹⁰.

На сегодняшний день депутатом Государственной Думы Ивановым С.В. в Государственную Думу на рассмотрение внесен законопроект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием уголовного законодательства». Пояснительная записка к законопроекту содержит следующие положения: «мораторий на применение смертной казни является бессрочным и предположить, когда ситуация о применении смертной казни на территории Российской Федерации определится сложно. В связи с этим представляется обоснованным установить на время действия моратория в качестве высшей меры наказания одиночное пожизненное лишение свободы»¹¹.

Решением Председателя Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству Крашенинникова П.В. 20.10.20221 «О возвращении автору законодательной инициативы проекта федерального закона № 861991-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием уголовного законодательства» законопроект возвращен автору законодательной инициативы в соответствии с частью 3¹ статьи 107 Регламента Государственной Думы, а также в связи с несоответствием законопроекта требованиям статьи 104 Конституции Российской Федерации и п. «д» части 1 ста-

ти 105 Регламента Государственной Думы (отсутствует заключение Правительства Российской Федерации)¹².

В связи с последними событиями 25.02.2022 было приостановлено членство России в Совете Европы, что по сути создает правовую возможность не исполнять подписанный Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и отменить действие моратория на применение исключительного вида наказания. Синельщиков Ю.П., заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по государственному строительству и законодательству, отметил, что для этого нужна лишь политическая воля, в то же время он подчеркнул, что возобновление применения смертной казни зависит от отношения большинства членов парламента, которые на данный момент не выразили иного отношения к смертной казни, чем существующее положение¹³.

Подводя итог, отметим, что вопрос об отмене моратория на применение смертной казни в настоящее время остается открытым. Считаем, что в будущем, ориентируясь на современные реалии, взвесив все «за» и «против», будь то страх совершения судебных ошибок, или, напротив, признание смертной казни как более гуманного вида наказания, нежели, к примеру, пожизненное лишение свободы, законодателю предстоит провести большую работу и, наконец, поставить точку по данному вопросу исследования путём принятия правовых норм, способных разрешить представленные юридические коллизии.

Пристатейный библиографический список

1. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве: монография. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. — 736 с. — ISBN 978-5-91768-217-4. [Электронный ресурс]. — [Режим доступа]: <https://znanium.com/catalog/product/1200660>.
2. Трифионов С.Г. Договоры Руси и Византии в системе источников наследственного права Киевской Руси // *Lex russica (Русский закон)*. — 2017. — № 7 (128). — С. 186-194. — DOI 10.17803/1729-5920.2017.128.7.186-194.
3. Колотков М.Б. Значение Декрета «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г. в формировании системы политических репрессий в Советской России в 1918-1922 гг. // *Актуальные проблемы российского права*. — 2009. — № 3 (12). — С. 94-100.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений: словарь / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. — 28-е изд., перераб. — М.: Мир и Образование, 2019. — 1376 с. — (Новые словари). — ISBN 978-5-94666-657-2. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/1651972>.
- 9 Заключение Правового управления РФ по проекту федерального закона № 230074-4 «Об отмене моратория на исполнение наказания в виде смертной казни в Российской Федерации», внесенному С.Н. Бабуриным в период исполнения им полномочий депутата Государственной Думы (повторно к первому чтению). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/230074-4>.
- 10 Проект Федерального закона № 97803716-2 «О моратории на исполнение наказания в виде смертной казни» (ред., внес. в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.12.1997). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97803716-2>.
- 11 Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием уголовного законодательства». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/861991-7>.
- 12 Решение Комитета по государственному строительству и законодательству ГД РФ «О возвращении автору законодательной инициативы проекта федерального закона № 861991-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием уголовного законодательства». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/861991-7>.
- 13 Стенограмма интервью заместителя председателя Комитета Государственной Думы РФ по государственному строительству и законодательству Синельщикова Ю. П. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/02/25/17347231.shtml?updated>.

БУТОВ Владимир Викторович

преподаватель кафедры физической подготовки Ростовского юридического института МВД России

КАМЕНЕВА Полина Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Таганрогского института управления и экономики

ПАРОНЫЯН Карэн Мартинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры отраслевых юридических дисциплин Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕПРАВОМЕРНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИ БАНКРОТСТВЕ, В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Настоящее исследование посвящено анализу особенностей привлечения лиц к ответственности за неправомерные действия при банкротстве, в соответствии с законодательством РФ. Авторы подробно рассматривают не только нормативно-правовые особенности привлечения лиц к ответственности за неправомерные действия при банкротстве, но и возникающие при этом практические сложности и проблемы. Кроме того, в работе рассматриваются виды юридической ответственности за данные деяния.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, уголовное законодательство, неправомерные действия, арбитражное законодательство.

BUTOV Vladimir Viktorovich

lecturer of Physical training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

KAMENEVA Polina Valerjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Taganrog Institute of Management and Economics

PARONYAN Karen Martinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Branch legal disciplines sub-faculty of the A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of the Rostov State University of Economics (RINE)

FEATURES OF HOLDING PERSONS LIABLE FOR ILLEGAL ACTIONS IN BANKRUPTCY, IN ACCORDANCE WITH THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

This study is devoted to the analysis of the features of bringing persons to responsibility for illegal actions in bankruptcy, in accordance with the legislation of the Russian Federation. The authors consider in detail not only the regulatory and legal features of holding persons liable for illegal actions in bankruptcy, but also the practical difficulties and problems that arise in this case. In addition, the paper discusses the types of legal liability for these acts.

Keywords: bankruptcy, insolvency, criminal law, misconduct, arbitration law.

Как известно, деяние, указанное в статье 195 Уголовного кодекса Российской Федерации, относится к категории небольшой тяжести, срок давности для привлечения к уголовной ответственности составляет 2 года и исчисляется с момента совершения преступления, ввиду сложности и длительности рассмотрения этих дел, к реальной ответственности привлекается лишь небольшой процент.

Соккрытие имущества, его отчуждение и передача во владение третьим лицам, фальсификация документов – все эти обстоятельства часто являются предметом рассмотрения арбитражными судами по обособленным спорам по жалобам или по оспариванию сделок. Часто этот факт не дает своевременно обратиться в правоохранительные органы, потерпевшие ждут судебного акта арбитражного суда и пропускают сроки давности.

Преступление, предусмотренное статьей 195 Уголовного Кодекса Российской Федерации, входит в подследственность органов внутренних дел и проверку по сообщениям об этом преступлении проводят оперуполномоченные отделов экономической безопасности и противодействия коррупции, из-за специфики сферы банкротства не все юристы-цивилисты чувствуют себя свободно при рассмотрении обособленных споров в рамках дел о банкротстве. Потому одной из проблем можно назвать нехватку соответствующих специалистов в правоохранительных органах, здесь же стоит отметить отсутствие руководящих указаний Верховного Суда РФ и наличие противоречивой судебной практики [7, с. 205-210].

При этом авторы отмечают, что когда совершаются банкротные преступления, в деянии часто отражаются признаки других общественно опасных действий. В таких обстоятельствах очевидна необходимость разграничения конкурирующих и смежных уголовно-правовых норм. Сложность и неоднозначность квалификации влечет за собой и неоднозначную правоприменительную практику.

Чаще всего в таких случаях, конечно, возникает проблема различения института уголовного банкротства и института хищения. Потому что, одни и те же сделки и действия, направленные на вывод активов должника в рамках банкротных преступлений, часто представляют собой самостоятельные преступления против собственности, включая присвоение, растрату и мошенничество. Так апелляционным судом Ненецкого АО было рассмотрено дело № 29 по части 1 статьи 195 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Председатель СПК, будучи осведомленной о том, что СПК находится в предбанкротном состоянии, заключила с ООО «Татком» договор простого товарищества. Вклад СПК в создаваемое товарищество оценен в 35 млн. рублей (право аренды земельного участка, а также поголовье оленей, принадлежащих кооперативу).

При этом участники товарищества внесли в договор условие, в соответствии с которым действие Договора прекращалось вследствие возбуждения в отношении кого-либо из сторон в Арбитражном суде дела о несостоятельности (банкротстве), при этом при прекращении действия Договора, в

том числе по вышеуказанному основанию, товарищ, выходящий из договора, не вправе требовать возврата переданного им имущества во вклад в натуре, размер возвращаемого имущества составляет 25 % от стоимости вклада.

УФНС России по Ненецкому автономному округу обратилось в арбитражный суд о признании СПК несостоятельным в связи с образовавшейся задолженностью по налогам и сборам.

СПК компенсировало ООО «Татком» убытки, связанные с досрочным прекращением Договора посредством передачи части своего вклада, а именно права аренды земельного участка и стада оленей в количестве 8083 головы на общую сумму 33 298 406 рублей 11 копеек.

Таким образом, О. Н. Канева, как председатель СПК «Рассвет Севера», произвела отчуждение имущества должника – юридического лица СПК «Рассвет Севера», при наличии у него признаков банкротства, в пользу ООО «Татком», а именно 8 083 головы северных оленей общей стоимостью 33 298 406 рублей 11 копеек и права аренды земельного участка, причинив материальный ущерб на указанную сумму¹.

Деяствия О. Н. Каневой суд квалифицирует по части 4 статьи 160 и части 1 статьи 195 Уголовного Кодекса Российской Федерации, поскольку одними и теми же действиями по незаконному отчуждению имущества СПК «Рассвет Севера» в пользу третьего лица О. Н. Канева совершила хищение вверенного ей чужого имущества группой лиц по предварительному сговору с использованием своего служебного положения в особо крупном размере и отчуждение имущества должника – юридического лица при наличии признаков банкротства, причинившее крупный ущерб.

Вышеназванные действия образуют практически идеальную совокупность преступлений. Такой вывод можно сделать, так как они не являются конкуренцией общей и специальной нормы, обладая различными объектами преступлений. Объект хищения не является дополнительным объектом, защищаемым нормой статьи 195 Уголовного Кодекса Российской Федерации, они различны и именно хищение путем растраты повлекло вывод имущества из СПК «Рассвет Севера».

Кроме того, авторами были изучены материалы контрольных производств по уголовным делам по статьям 195, 196 Уголовного Кодекса Российской Федерации, что, в свою очередь, способствовало в очередной раз уснению критерий отграничения составов данных преступлений.

Стоит отметить, что нарушение законодательства в сфере банкротства влечет возникновение различных мер ответственности к участникам. В результате совершения правонарушений лица могут быть привлечены к отдельным видам юридической ответственности: административной, уголовной, гражданско-правовой.

Конечно, в контексте вышесказанного, наиболее актуальной и распространенной признается привлечение к административной ответственности, предусмотренной статьей 14.13 Неправомерные действия при банкротстве Кодекса об Административных правонарушениях. Рассмотрение дел и административная ответственность по делу о банкротстве осуществляется арбитражным судом.

Конечно, административная ответственность за правонарушения при банкротстве – состав данного правонарушения является достаточно сложным и, естественно, требующим длительного рассмотрения в суде. Как правило, срок привлечения к этому виду ответственности составляет один год, по истечении чего, виновное лицо не может быть привлечено к ответственности и тем самым освобождается от нее [3, с. 25-28].

В административном законодательстве установлены два вида наказания: административный штраф и дисквалификация, предусматривающая отстранение от выполнения обязанностей на определенный срок.

Так, согласно судебной статистике, в 2021 году по данной статье было рассмотрено 93 дела, наказание было понесено лишь в 26 из них, общая сумма штрафов составила 318 тысяч рублей. В 2020 году общее число дел составило 106, из них подвергнуто наказанию 36, на общую сумму штрафов 991 тысяча рублей. В 2019 году в административном производстве оказалось 165, подвергнуто наказанию из них оказалось 58, наказание в виде штрафов составило 1549 тысяч рублей. Число дел в 2018 году составляло 226, из них наказание в виде штрафа применялось в 80 случаев, на общую сумму 1679 тысяч рублей². Прослеживается явная тенденция к снижению количества дел по данной категории.

Данное умозаключение можно подтвердить тем фактом, что на сегодняшний день заметен рост банкротств, но, в то же время, недостаточна правоприменительная практика административных и уголовных норм.

При этом, стоит отметить, что поскольку применение норм административно-правового характера при совершении криминального банкротства кредитной организации, страховой организации или негосударственного пенсионного фонда возможно при наличии ущерба, не превышающего 2 млн. 250 тыс. рублей, говорить об эффективности применения действующего административно-правового законодательства за фиктивное и преднамеренное банкротство таких организаций не приходится.

Очевиден и тот факт, что преднамеренное банкротство кредитной организации, страховой организации или негосударственного пенсионного фонда причиняет ущерб широкому кругу лиц. При этом ущерб при преднамеренном или фиктивном банкротстве таких организаций в разы превышает пороговое значение привлечения к административной ответственности, например, при ущербе в 2 миллиона рублей возможен административный штраф в размере от 5 до 10 тысяч рублей [1, с. 34-49].

При этом определение крупного ущерба осложняется тем, что финансовый анализ, по которому делается вывод об отсутствии признаков умышленного банкротства, проводится в процессе наблюдения, если у арбитражного управляющего ограниченные возможности для получения полной информации о финансово-экономической деятельности или же нет стимула для качественного и объективного определения соответствующих характеристик.

Глава 59 ГК РФ предусматривает особенности оснований и условий гражданско-правовой ответственности³. Закон № 127-ФЗ предусматривает, что в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения ответственные лица обязаны возместить причиненные убытки. Так, статья 20.4 Закона № 127-ФЗ предусматривает, что арбитражный управляющий обязан возместить должнику, кредиторам и иным лицам убытки, которые возникли в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей⁴.

В качестве условий для возмещения ответственности стоит признавать следующие факты:

- неисполнение обязанностей в деле о банкротстве;
- факт причинения убытков;
- причинно-следственная связь между правонарушением и причиненными убытками;

2 Судебная статистика РФ (2017-2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stat.xn---7sbqk8achja.xn---riai/> (дата обращения: 17.03.2022).

3 Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с послед. изм. и доп. от 25 февраля 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 9 (часть I). – Ст. 1252.

4 Федеральный закон от 2 ноября 2004 г. № 127-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» (с послед. изм. и доп. от 28 декабря 2017 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 45. – Ст. 4377; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 1 (часть I). – Ст. 14.

1 Приговор Апелляционного суда Ненецкого АО от 25.04.2019 г. № 1-37/2019-22-69/2019 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 17.05.2021).

– наличие вины арбитражного управляющего.

Объективно, что именно в связи с данными положениями законодатель ввел обязательное страхование ответственности в случае нанесения ущерба, которое выступает в качестве формы обеспечения ответственности управляющего. И, конечно, привлечение к такой ответственности возможно только в судебном порядке.

Стоит отметить, что правоприменительная деятельность привлечения к субсидиарной ответственности сегодня получает широкое распространение. Субсидиарная ответственность признана одним из видов гражданской ответственности и становится наиболее эффективным способом привлечения виновных за нарушение интересов кредиторов.

Основаниями для наступления субсидиарной ответственности признаются:

- неподача заявления о банкротстве;
- наступление банкротства в результате исполнения указаний, контролирующих должника лиц;
- утрата или искажение бухгалтерских документов должника. Привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов в деле о банкротстве [5, с. 73-75].

«Для того, чтобы контролирующее лицо было привлечено к субсидиарной ответственности должны быть выполнены следующие условия: контролирующее лицо совершило особые действия (бездействия), должно быть наличие вины ответственного лица, должна существовать причинно-следственная связь между действием (бездействием) контролирующего лица и невозможностью удовлетворения требований кредиторов» [4, с. 63-74].

На основании вышеизложенного необходимо сделать вывод о том, что действующее законодательство предусматривает отдельные виды ответственности за совершение неправомерных действий при банкротстве, которые позволяют повысить эффективность исполнения положений закона, несмотря на разнообразие видов ответственности, усматривается необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в этой сфере.

На сегодняшний день нет единого подхода к раскрытию и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 195 Уголовного кодекса Российской Федерации, а судебная практика по этим делам крайне противоречива. О том, что отсутствует единый подход, можно судить и о таком факте, как отсутствие разъяснений относительно применения положений статей 195, 196 УК РФ Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. Некоторые авторы отмечают, что в настоящее время эти статьи являются практически нерабочими, аргументируя это тем, что используются они крайне редко.

Прослеживается очевидное противоречие – количество рассмотренных арбитражными судами дел о банкротстве граждан составляет более половины всех дел о банкротстве и неуклонно растет, при этом практически отсутствуют случаи уголовного преследования за преступления, связанные с банкротством гражданина, что указывает на низкую эффективность борьбы с криминальными банкротствами в целом.

Причины столь существенных различий (причем наблюдаемых ежегодно) в количестве регистрируемых преступлений, направляемых в суд уголовных дел и числе осужденных, видятся в отдельных недостатках нормативной регламентации уголовной ответственности за преступления в сфере банкротства, прежде всего, деятельности кредитных организаций, страховых организаций или негосударственных пенсионных фондов с большим количеством потерпевших граждан [2, с. 23-33].

Обычно к моменту возбуждения уголовного дела по фактам умышленного доведения организации до предусмотренных законом признаков банкротства основная часть ликвидных активов выводится в иностранные юрисдикции, а действия виновных подпадают под признаки нескольких составов преступлений.

Общий анализ судебной практики позволяет определить, что представленные статистические данные свидетель-

ствуют, с одной стороны, о низкой эффективности уголовно-правовых институтов, а с другой – о достаточно высокой эффективности сугубо банкротных норм, позволяющих успешно восстанавливать нарушенные права участников процедур банкротства.

Более того, судебная статистика, демонстрирующая очевидное превосходство рассмотрения арбитражными судами обособленных споров по делам о банкротстве на основании как заявлений об оспаривании сделок, так и о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника над количеством осужденных на основании части 1 и части 2 статьи 195 Уголовного кодекса Российской Федерации, что свидетельствуют о некоторой неэффективности рассматриваемой нормы⁵.

Пристатейный библиографический список

1. Добровлянина О. В., Кондратьева К. С., Патырбаева К. В. Виды незаконных банкротств в Российской Федерации: некоторые проблемы правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 3. – С. 34-49.
2. Ефремова М. А., Борзиков А. А. Умышленное банкротство физического лица: злоупотребление гражданским правом или состав преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2016. – № 2. – С. 23-33.
3. Козак М. Ю. Уголовная и административная ответственность при банкротстве физических лиц // Перспективы развития науки в современном мире: Сборник статей по материалам XI международной научно-практической конференции. В 2 частях. Том часть 2. – 2018. – С. 25-28.
4. Кондрат Е. Н., Петров П. А., Платонова М. В. Понятие и виды юридической ответственности за неправомерные действия при банкротстве // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 10. – С. 63-74.
5. Свириденко О. М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника // Lex Russica. – 2018. – № 10. – С. 73-75.
6. Судебная статистика РФ (2017-2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stat.xn---7sbqk8achja.xn--p1ai/> (дата обращения: 17.03.2022).
7. Халиулина Е. А. Некоторые проблемы уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве // Время инноваций: проблемы, тенденции, векторы развития. – 2020. – С. 205-210.

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 28.03.2022).

ВЕТРОВА Ольга Алексеевна
пенсионер МВД России

ПРИЧИНЫ СОВЕРШЕНИЯ ПОВТОРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ ГРАЖДАНАМИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

В данной статье обосновываются содержание и причины рецидивной преступности иностранных граждан, показывается их социальная опасность и пробелы в уголовной политике России. Доказывается, что рецидивная преступность в первую очередь способствует терроризму, экстремизму, незаконному распространению оружия, наркотиков. Незаконная миграция иностранных граждан служит источником как качественных, так и количественных изменений общей криминогенной ситуации в стране. Теоретическое обоснование проблемы представлено результатами эмпирических исследований. Нами разработано несколько практических рекомендаций по формированию обеспечения правоохранительных органов, их кооперированию в противодействии организованной международной преступности, выдвинуты конкретные предложения по борьбе с рецидивной преступностью граждан иностранных государств и по модернизации мер уголовного права.

Ключевые слова: правоохранительные структуры, рецидивная преступность, незаконная миграция, иностранные граждане, криминологические исследования, оперативно-розыскная деятельность.

VETROVA Olga Alekseevna
retired of the MIA of Russia

THE REASONS FOR THE COMMISSION OF REPEATED CRIMES ON THE TERRITORY OF RUSSIA BY CITIZENS OF FOREIGN STATES

This article substantiates the content and causes of recidivism of foreign citizens, shows their social danger and gaps in the criminal policy of Russia. It is proved that recidivism primarily contributes to terrorism, extremism, illegal proliferation of weapons, drugs. Illegal migration of foreign citizens serves as a source of both qualitative and quantitative changes in the overall criminogenic situation in the country. The theoretical justification of the problem is presented by the results of empirical research. We have developed several practical recommendations for the formation of law enforcement agencies, their cooperation in countering organized international crime, put forward specific proposals to combat recidivism of foreign citizens and to modernize criminal law measures.

Keywords: law enforcement agencies, recidivism, illegal migration, foreign citizens, criminological research, operational investigative activities.

Введение.

Россия остается государством относительно стабильным. В свою очередь социально-экономическое положение населения некоторых бывших стран СССР и других сопредельных с Россией государств продолжает ухудшаться. Данная ситуация создает предпосылки для различных конфликтов и усиления потоков граждан этих стран на территорию Российской Федерации для заработков, обучения, политического убежища. Указанное, в свою очередь, создает благоприятные условия для роста числа этнической преступности среди нерусского населения страны, отличие которой в организованности, вооруженности и устойчивых связях с преступными элементами из их родных стран. Из мнения экспертов следует, что пребывание иностранных граждан не обеспечивается должным уровнем административного контроля (см. рисунок 1). Следует признать, что ослабленный контроль на территории Российской Федерации со стороны правоохранительных органов за миграцией иностранцев, существование «прозрачных» границ позволяет преступникам на практике свободно проникать на территорию нашего государства, и, совершив преступление, укрыться за границей, что побуждает их к преступной деятельности.

Результаты исследования показали, что криминальная ситуация в России претерпевает изменения. Это связано с развитием процессов модернизации преступности за счет нарастания в ней значительного числа иностранных субъектов. Следствием указанного стало увеличение количества миграционных потоков (криминальной миграции): граждане иностранных государств стремятся попасть в нашу страну для совершения преступной деятельности. Помимо этого, предпринимаемые российскими правоохранительными структурами меры оказываются малоэффективными, т.к.,

например, лица, совершившие административные и иные нарушения, свободно получают в своих странах документы с измененными личными данными, что позволяет им пересечь границу России, хотя въезд им на территорию страны запрещен. Это оказывается возможным ввиду ситуативной работы (не на полную мощность) системы опознавания лиц на пунктах пропуска.

Анализ и синтез наиболее значимых факторов роста уровня преступности на территории России среди граждан других государств позволяет выделить основные, такие как:

- экономическое развитие и политическая стабильность России в сравнении с рядом государств СНГ обуславливают приток в регионы страны динамичного криминогенного иностранного контингента людей;
- открытость границ нашей страны с государствами СНГ;
- упрощенная система получения виз и регламента передвижения по стране граждан государств СНГ;
- рентабельный бизнес на базе миграционных процессов криминальных структур;
- высокая потребность в дешевой рабочей силе на территории России;
- не эффективное устранение причин нелегальной миграции в странах ее происхождения;
- несовершенство в деятельности миграционных служб и других правоохранительных органов Российской Федерации по контролю над незаконной миграцией, и другие.

Определенно, наличие рецидивных преступлений с участием иностранцев говорит о пробелах в уголовной политике России. В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция создания все большего количества организованных преступных группировок с участием иностранных граждан-рецидивистов, ввиду чего можно наблюдать развитие терро-

**ОЦЕНКА УРОВНЯ ДЕЙСТВЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО
КОНТРОЛЯ ЗА ПРЕБЫВАНИЕМ МИГРАНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ В
РОССИИ**

1. Низкий - 64,8%
2. Средний - 18,5%
3. Высокий - 16,2%
4. Нет ответа - 0,5%

	Частота	Проценты
1	140	64,8
2	40	18,5
3	35	16,2
4	1	0,5
Всего	216	100,0

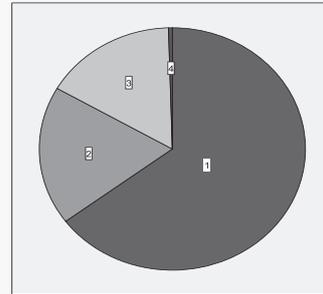

Рисунок 1. Оценка уровня действенности административного контроля за пребыванием мигрантов-иностранцев в России

ризма, распространение наркотиков и оружия, мошенничество, торговлю людьми, проституцию и т.д.

Важно отметить, что в Российской Федерации существует нормативная правовая база по регламентации потенциальных угроз, связанных с рассматриваемыми категориями граждан. Например, существует Федеральный закон РФ от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», в соответствии с положением п. «ж» ч. 1 ст. 16 [1] которого упраздняется возможность приема и восстановления в гражданстве Российской Федерации лиц, у которых имеется или не погашена судимость за умышленное правонарушение, совершенное в России или за ее пределами, а также которые в соответствии с УК РФ являются судимыми.

В нашей стране также работает Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», который регулирует сферу незаконной миграции в соответствии с деятельностью правоохранительных органов [3]. Согласно с положениями статьи 6 данного закона применение профилактических мер к правонарушителям является противоборством с незаконной миграцией (ч. 1, п. 6).

Цель исследования – разработать и обосновать предложения по модернизации качества работы оперативных подразделений полиции на территории Российской Федерации в системе противодействия рецидивной преступности иностранных граждан.

Задачи – аргументировать позицию о том, что незаконная миграция на территории Российской Федерации способствует росту преступности среди граждан, прибывших из других государств; выделить доводы для обнаружения и последующей постановки на учет в ОВД и информационные системы криминологического, оперативно-розыскного, справочного и профилактического назначения лиц, склонных к рецидивной преступности.

Гипотеза – показатель эффективности противодействия рецидивной преступности на территории Российской Федерации среди граждан других государств возрастет, если в УК РФ возобновить категорию «рецидивист», для разграничения ответственности за совершенные преступления рецидивного характера иностранными гражданами, добавив в законодательство понятие «повышенная общественная опасность совершённого правонарушения».

Методы и технология исследования.

Для исследования нами применялись следующий теоретический комплекс: сравнение, анализ, синтез, идеализация, аналогия, индукция, моделирование, дедукция, и эмпирические методы: анкетирование, анализ документов, интернет-опрос, опрос специалистов и другие. Посредством

статистической обработки данных анализировались и синтезировались полученные результаты исследования.

Эмпирическая база исследования:

– нормативно-правовая база Российской Федерации, научная литература по правовой системе;

– Отделы МВД города Москвы (отделы МВД России по районам Бибирево, Дегунино, Капотня, Люблино, Лианозово, Марьино, Печатники, Текстильщики). Базисная численность участников исследования около 10 000 человек. Выборка – 398 человек, вероятность ошибки – 5%. Формирование репрезентативности выборки осуществлялось по показателям: регион проживания, возраст, пол, уровень и вид образования. Специалисты – 216 чел. (начальники ОМВД, сотрудники муниципальных органов управления, работодатели).

Теоретическое обсуждение проблемы и результаты исследования.

Рецидив – это повторное возникновение чего-либо (повторное преступление); рецидивист – это человек, неоднократно совершающий преступления [21, с. 668]. В ключе правового поля данный термин установлен в ст. 18 УК РФ: если лицо, имеющее судимость за ранее совершенное умышленное правонарушение, совершает еще одно умышленное преступление, то такое преступление признается рецидивом [4]. В уголовном праве выделяют следующие виды рецидива: простой, опасный, особо опасный.

Рецидив признается опасным:

а) если лицо ранее было осуждено к наказанию в виде лишения свободы за умышленное преступление два раза, и в данном случае оно осуждается к наказанию в виде лишения свободы за совершение умышленного преступления;

б) лицо совершило умышленное тяжкое преступление, в том случае, если раньше оно было осуждено за умышленное тяжкое преступление.

Рецидив признается особо опасным если:

а) при совершении лицом умышленного преступления, за которое оно осуждается к наказанию в виде лишения свободы, в том случае, если раньше это лицо три либо более раз было осуждено к наказанию в виде лишения свободы за умышленное тяжкое преступление, либо умышленное преступление средней тяжести;

б) при совершении лицом умышленного тяжкого преступления, в том случае, если раньше оно два раза было осуждено за умышленное тяжкое преступление либо было осуждено за особо тяжкое преступление;

в) при совершении лицом особо тяжкого преступления, в случае, если раньше оно было осуждено за умышленное тяжкое либо особо тяжкое преступление.

Пенитенциарный рецидив – особый вид рецидива, существующий в уголовно-правовом аспекте. Расценить рецидив

1. Неприязнь – 31,2 %
2. Опасность – 35,2 %
3. Скорее неприязнь – 5,8 %
4. Мне они безразличны – 21,4 %
5. Другое – 4,5 %
6. Нет ответа – 2,0%

	Частота	Проценты
1	124	31,2
2	140	35,2
3	23	5,8
4	85	21,4
5	18	4,5
6	8	2,0
Всего	398	100,0

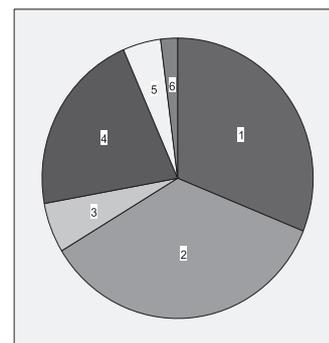

Рисунок 2. Мнение респондентов о факте проживания и трудовой деятельности мигрантов

пенитенциарным можно в случае совершения правонарушения гражданином, осуждённым с применением наказания в виде лишения свободы и уже имеющим судимость. Данный вид можно разделить на совершённый:

- после освобождения из мест лишения свободы (постпенитенциарный);
- в местах лишения свободы (в момент исполнения уголовного наказания).

Термин рецидива в криминологии имеет гораздо больше аспектов, чем уголовном праве. Это обосновано несколькими причинами (первоначально ввиду частичного совпадения в изучении преступности в правовых и социологических аспектах). В законодательстве в сфере уголовного права во главу стола ставятся такие показатели, как вид наказания, квалификация и назначения меры. В социологическом исследовании – это динамика роста преступности (особо выделяются криминальные специализации). Для изучения уголовного права и его практического применения криминологи используют абсолютно все случаи совершения преступления. Более того, в исследованиях специалисты показывают, что метаморфоза рецидива в криминальный профессионализм в частных случаях возникает еще до первой судимости (но считать криминальный профессионализм предшественником рецидиву будет методологической ошибкой).

Основополагающим социальным качеством личности преступника является социальная опасность. Ее главный показатель – наличие реальной угрозы совершения нового преступления. В содержание данного критерия входят следующие признаки: характер и степень социальной опасности правонарушения, совершённого или нет, и степень вероятности того, что лицо совершит новое преступление.

Согласно с результатами анализа правовой литературы можно установить, что для категории «общественная опасность преступника» существует концептуальное понятие. Смысл этой категории заключается не в том, что человек в будущем может совершить преступление (это фатализм в генезисе преступности), а в первую очередь, в его преступном прошлом и настоящем [14, с. 98]. Очевидно, что рецидив является формой неоднократного совершения преступлений, «так как второе преступное деяние совершается уже после факта осуждения за первое преступление» [4].

Применительно к Уголовному Кодексу РФ, в частности, п. 1 ст. 63, рецидив считается отягчающим уголовную ответственность обстоятельством и предполагает на основании и в пределах, предусмотренных санкциями статей Особенной части УК, более строгое наказание. После совершения повторных правонарушений, осужденных определяют к лишению свободы в особых видах исправительных учреждений (ст. 58 УК). Существуют и особые меры предотвращения правонарушений и индивидуальной профилактики: суд может

установить административный надзор в отношении лица, освобожденного из мест лишения свободы (согласно Федеральному закону от 06.04.2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы») [2].

Множество рецидивов преступлений является «индикатором социального неблагополучия в обществе» [20, с. 97], показателем системного неблагополучия общества, дисфункциональности как основных его институтов, так и правоохранительной системы в целом [11, с. 27].

Опрос респондентов показал, что следствием увеличения количества преступлений мигрантов является повышенный уровень неприязни и опасения за собственную безопасность (см.: рисунок 2). Критика к действиям силовых структур вызывается неприязнью к этой категории людей.

Беря во внимание уголовно-правовую практику, можно судить о повышенной мере ответственности иностранных граждан-рецидивистов. Дело в том, что у преступников, которые совершили более двух преступлений, существует явно выраженная антисоциальная направленность их личности, что «зачастую формирует у этого лица привычку удовлетворять свои потребности незаконным способом» [22, с. 56]. Это, безусловно, может сподвигнуть социум на требование применения к преступнику более строгого наказания, чем то, которое применялось к нему ранее после совершения первого преступления.

Бесспорно, личность преступника-мигранта – объект изучения как современной криминологии, так и основных гуманитарных наук. Личность накапливает в себе социально-психологические факторы извне и, если они неблагоприятные, детерминирует рецидив преступления, имеющий комплексный характер. Наиболее часто рецидив можно наблюдать среди граждан, освобожденных из исправительных учреждений особого и строгого режимов, нахождение в которых означает неоднократность отбывания наказания в виде лишения свободы [19, с. 13].

Из этого следует, что для противодействия данному виду преступности мигрантов «для исследования будет более эффективно изучать образ жизни преступника, а не только их преступное поведение, потому что именно в образе жизни наиболее полно и объективно выражаются их существенные особенности» [7, с. 43].

Анализ научных трудов показывает, что признаки личности в криминологии принято сводить к трем значимым компонентам:

- 1) социально-демографические особенности и социальные показатели личности (возраст, пол, семейное положение, образование и т.д.);
- 2) общественные задачи личности, представленные комплексом видов деятельности лица;

МОТИВАЦИЯ МИГРАНТОВ В РОССИИ НА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

1. **Корысть - 75,5%**
2. **Месть - 12,5%**
3. **Затрудняюсь с ответом - 12%**

	Частота	Проценты
1	163	75,5
2	27	12,5
3	26	12,0
Всего	216	100,0

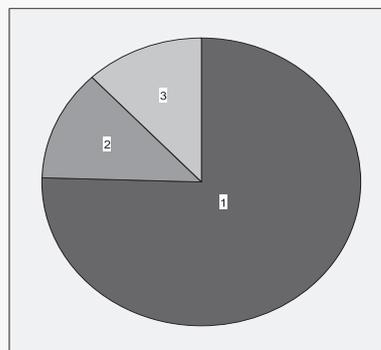

Рисунок 3. Мнения экспертов о мотивах совершения преступлений в России мигрантами

3) нравственно-психологические особенности личности, отражающие ее отношение к выполняемым социальным задачам и социальным ценностям [16, с. 80].

Преимущественно важными для изучения личности рецидивиста-мигранта определяются социально-демографические и нравственно-психологические признаки (показатели). Они особы важны для констатирования социальных особенностей лиц, которые неоднократно в виде наказания были лишены свободы.

В ходе исследования нами были определены социально-демографические составляющие, иллюстрирующие личность преступника-иностранца.

Возраст преступника считается одним из главных признаков в криминологии, характеризующим аспекты его личность. От возраста зависят такие показатели преступника, как его физические данные, жизненные установки, потребности и интересы, ценностные ориентации. По мере взросления у человека изменяются психологические и физиологические особенности организма, а также происходят изменения и самой личности, это проявляется в поступках, привычках, характере и т.п., что подтверждается многими исследованиями.

Анализ судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации осужденных в 2019 г. показывает такие данные: общее количество осужденных – 598 214 человек, из них иностранных граждан и лиц, не имеющих гражданства – 20 165 человек. Сведения о составе осужденных, месте совершения преступлений Судебного Департамента, о преступлениях, совершенных иностранными подданными и лицами без гражданства на территории России выглядят следующим образом: совершены лицами в возрасте 14-17 лет – 131; в возрасте 18-24 лет – 4288; в возрасте 25-29 лет – 4260; в возрасте 30-49 лет – 10053, и в возрасте 50 и более лет – 1433 преступления. Возраст от 30 до 49 лет считается наиболее активным в контексте совершения криминальных преступлений. Преступления среди граждан иностранных государств составляют 2%. Так же 2% приходится на возрастную группу 18-29 лет. Все группы миграционной преступности составляют 4% на всей территории РФ [23].

Общеобразовательный уровень преступников также является составной частью их криминологической характеристики. Процесс формирования личности определяется формой накопления социального опыта, что частично и в то же время значительно зависит от образования человека. На знания основывается вся социально-профессиональная структура личности [17, с. 240]. В правоохранительной практике существует аксиома: «интеллект и волевые качества личности

неразрывны». Такие критерии человека, как высокий уровень образования и твердая воля могут иметь антисоциальную направленность и быть и преступными. Из чего следует, что преступник с высоким уровнем интеллекта совершает наиболее опасные и сложные для раскрытия преступления. Помимо этого, в советской литературе по криминологии и исследованиях личности некоторых категорий осужденных почти единогласно обозначается, что граждане с социально одобряемым поведением имеют уровень образования выше, чем лица, которые совершают преступления [14, с. 113]. Также замечено, что уровень образования граждан, совершающих насильственные, корыстные преступления, отличается от образования граждан, совершающих другие категории преступлений. У первых данный уровень ниже [6, с. 98-105].

Результаты данного исследования, проведенного на репрезентативной базе, основанные на ранее проведенном анализе судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, иллюстрируют следующие показатели уровня образования мигрантов, осужденных на территории нашей страны за преступления:

- 14% – нет образования,
- 22% – имеют среднее профессионально-техническое образование,
- 56% – среднее общее,
- 8% обладают высшим образованием.

Еще один значимый критерий в изучении личности иностранного гражданина, лишённого свободы – это социальное и семейно-бытовое окружение. После отбытия наказания, по результатам опросов экспертов, указанные граждане определяют свое окружение в виде трех основных направлений:

- семейные и родственные связи;
- взаимоотношения с теми, кто отбывали наказание совместно с ними;
- взаимоотношения с лицами, ведущими благообразный, некриминальный образ жизни. Но, чем больше судимостей у преступника, тем в меньшей мере он ощущает на себе влияние своей и родительской семей [8, с. 27].

Из проведенного исследования следует, что у большинства рецидивистов (опасных и особо опасных) не имеется постоянного источника доходов после освобождения. Среди них самая распространенная общественная группа – иностранные граждане: при выборке 100% – 112 226 человек, к ним относятся 2 858 человек от общего количества рецидивистов, что составляет до 2,5% преступников [23].

Исходя из наблюдения практики можно сделать заключение, что социально деградированным может стать гражданин, попавший под влияние неблагоприятных факторов.

Это, например, психологические, биологические, социальные и другие причины. Концепция исправимости абсолютно всех без преступников не оправдывает ожидания. Указанное доказывается фактами многократного отбывания наказания, наличием стрессовых ситуаций, неудовлетворительным образом жизни, наличием психических отклонений, наркомании и алкоголизма. Просматривается следующая закономерность: с увеличением числа преступлений, сроки наказаний тоже увеличиваются, в то время как перерывы между правонарушениями сокращаются, и порой исчисляются даже часами. «Так что рецидивисты – наиболее постоянная часть тюремного населения. Естественно, у них постоянно теряются социально-полезные связи «на воле», семья разрушается, им все кажется сложным, непривычным и даже враждебным» [13, с. 291].

Также число судимостей и время изоляции от социума является еще одним немаловажным фактором для исследования преступников рецидивистов среди мигрантов. Количество граждан, регулярно общающихся с преступниками, увеличивается в зависимости от возрастания числа судимостей, так как влияние на личность осужденного других преступников в исправительных колониях оказывается наиболее значительным, чем в условиях свободы. Данный факт усиливается продолжительностью пребывания в колониях в течение многих лет. Криминальное влияние социальной среды в местах лишения свободы доказывает вышеуказанное [8, с. 72].

Антисоциальная психологическая направленность личности находится в основе криминологической классификации рецидивистов. По данному критерию преступников, повторно совершающих преступление, можно подразделить на рецидивистов асоциального, антисоциального, «ситуативного» и неустойчивого типов [9, с. 21-22].

Для данных преступников характерно постоянство приемов и способов совершения преступлений. Юристы считают, что «специальным рецидивом преступлений в уголовно-правовом аспекте является совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление, квалифицированное по одной и той же статье Особенной части УК (тождественное преступление) или по другой статье УК, специально предусмотренной в его Особенной части в качестве квалифицирующего признака (однородное преступление), если к моменту совершения предыдущего преступления лицо достигло восемнадцатилетнего возраста» [12, с. 7].

Как показывают исследования, у большинства преступников из числа мигрантов, совершивших рецидив (около 57%), правонарушения сопровождалась отягчающими наказание обстоятельствами. Например, повтор или неоднократность преступления; совершение правонарушения в составе группы лиц по предварительному сговору, организованной преступной группы или преступного сообщества; особо активная роль в совершении преступления. Наличие несовершеннолетних детей у преступника оказалось доминирующим обстоятельством среди смягчающих.

В соответствии с результатами исследования, граждане из зарубежных стран в значительной степени руководствовались корыстной мотивацией (см.: рисунок 3).

В российских научных трудах преступники-мигранты подразделяются по такому критерию, как «продолжительность пребывания граждан других государств на территории их миграции» [10, с. 19]. Согласно с ним обозначаются следующие контингенты иностранных граждан:

- 1) визитеры (находящиеся в регионе не больше трех месяцев);
- 2) среднесрочные субъекты (остаются на территории России полгода и более, и, как следствие, нуждаются в благоустроенном жилье. К ним относятся строители и другие категории наемных рабочих);
- 3) долгосрочные субъекты (постоянно проживающие в России и нередко сохраняющие свое гражданство).

Ученые-правоведы, принимая во внимание учет особенностей, разработали классификацию преступников-мигрантов по следующим показателям:

- 1) гражданство, страна исхода, пол, род занятий, возраст;

- 2) законное или незаконное пересечения границы;
- 3) показатели адаптации иностранных граждан – низкая, средняя, высокая;
- 4) занятость (легальное трудоустройство, нелегальный труд, без определенных занятий, преступная деятельность);
- 5) характеристики в области уголовного права (длительность и интенсивность преступной деятельности, ролевое участие, направленность, вид и мотивация, степень подготовленности (организованности) и другие [9, с. 19-20].

Исходя из вышесказанного у преступников из числа граждан иностранных государств доминирует мотив корысти, который обусловлен следующими критериями:

- наличие профессиональных преступных навыков;
- специфика нахождения в России (временно, нелегально);
- ограниченный круг преступных связей за пределами землячества, что значительно затрудняет совершение других видов преступлений.

Следственно, основными уголовно-правовыми признаками преступности данных субъектов стали корыстный мотив, интенсивность и периодичность преступной деятельности мигрантов.

По итогам опросов специалистов выявлено, что на территории России около 20% прибывающих мигрантов имеют устойчивые установки на совершение преступлений (криминальный мотив), а 45% граждан данной категории – на занятия созидательной трудовой деятельностью (социально-экономический мотив). Одновременно, первая категория лиц вовлекает часть второй к совершению ситуативных преступлений, по большей части, тяжких, когда находится в земляческой среде. Такие люди зачастую медленно адаптируются к российским социально-экономическим условиям, вследствие чего образуют возможную криминогенную среду, лидеры организованных преступных группировок которой вербуют участников преступлений.

По данным экспертной оценки, около 80% граждан ближнего зарубежья составляют организованную преступность, в то время как у граждан дальнего зарубежья – это порядка 30% населения. В числе преступлений, совершаемых иностранными гражданами в нашей стране, преобладают такие, как контрабанда, действия с наркотиками, угоны и кражи автомобилей, мошенничество в сфере экономики и другие [23]. Указанные виды преступлений имеют транснациональный характер.

Заключение.

Из вышесказанного можно вывести гипотезу, что показатель эффективности противодействия рецидивной преступности на территории Российской Федерации среди граждан других государств возрастет, если в УК РФ возобновить категорию «рецидивист», для разграничения ответственности за совершение преступлений рецидивного характера среди иностранных граждан, а также вернуть в российское законодательство характеристику «повышенная общественная опасность совершённого правонарушения».

Беря во внимание вышеизложенные характеристики рецидивной преступности среди иностранных граждан, отбывших наказание в виде лишения свободы, мы можем описать портрет среднестатистического преступника среди мигрантов. Это мужчина со следующими характеристиками:

- наличие среднего общего образования;
- нет постоянного источника дохода, сам доход в месяц средний– средний уровень;
- имеет алкогольную и (или) наркотическую зависимость, в результате которых нередко совершает преступления;
- ранее совершавший преступления, с исполнением наказания в исправительной колонии;
- не женат;
- подстрекатель и организатор правонарушения;
- ранее имевший трудовой стаж.

В исследовании установлено, что необходимо принимать профилактические меры, наиболее важными из которых является своевременное обнаружение граждан, склонных к со-

вершению повторных преступлений. Далее, указанных лиц целесообразно поставить на учет в ОВД и другие информационные системы криминологического, оперативно-розыскного, профилактического и справочного назначения. Следует обратить внимание на граждан, не имеющих постоянного дохода, ранее судимых и ведущих антисоциальный образ жизни, как потенциальных закононарушителей.

Возможность осуществления работы по выявлению и предупреждению преступлений в сфере миграции, безусловно, имеют только оперативные подразделения ОВД, ФСБ и ФСИН. Следовательно, необходимо подготовить специальный межведомственный нормативный акт. Данный акт будет регламентировать тактику и организацию осуществления совместных оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) [17, с. 30].

Анализируя опросы специалистов и наблюдения практики, можно заключить, что в ближайшем будущем потоки миграции не остановить ни вирусными пандемиями, ни закрытием границ, ни другими действиями и факторами. В связи с указанным целесообразно как можно точнее реализовать положения Концепции развития уголовно-исполнительной системы России до 2020 года № 1772-р в части, относящейся к совершенствованию мер профилактического характера, применительно к иностранным гражданам-рецидивистам, освободившимся из мест лишения свободы, и наиболее эффективные формы и методы работы в данном направлении. К примеру, были бы актуальны такие психологические и социальные меры, как разработка базовых (обязательных) программ психологической коррекции личности и профилактики девиантных проявлений. Это поможет сформировать положительную социальную направленность осужденных, их ресоциализацию и дальнейшее слияние с социумом [5]. Однако и данные меры не будут являться достаточными для предотвращения совершения рецидивных преступлений мигрантами, отбывшими наказание в виде лишения свободы. Наиболее радикальным методом борьбы с данными преступлениями указанной категории граждан, может быть, к примеру, введение в действующий УК РФ утраченного понятия «рецидивист». Повышенная общественная опасность совершённого преступления должна являться основанием для разделения ответственности осужденных к наказанию в виде лишения свободы. Хотелось бы отметить, что на сегодняшний день в большинстве случаев право определять общественную опасность преступления как обстоятельства, отягчающего ответственность, находится в компетенции судей.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон РФ от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (в ред. от 27.12.2018 г.) // Российская газета. – № 100. – 05.06.2002.
2. Федеральный закон РФ от 06.04.2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (в ред. от 29.07.2017 г.) // Российская газета. – № 75. – 08.04.2011.
3. Федеральный закон РФ от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета. – № 139 (7007). – 28.06.2016.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2018. – 736 с.
5. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // «Собрание законодательства РФ». – 25.10.2010. – № 43. – Ст. 5544.
6. Алтухова О. А., Гостев А. Н. Институт мировых судей: проблемы общественного контроля // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 4. – Ч. 1. – С. 98-105.

7. Антонян Ю. М. Изучение личности преступника: Учебное пособие. – М., 1982. – С. 43.
8. Антонян Ю. М. Социальная среда и формирование личности преступника. – М., 1975. – С. 27.
9. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. – М., 1996. – С. 21-22.
10. Балыков В.Н. Преступность иностранных граждан и лиц без гражданства (по материалам Москвы и Московской области): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 26 с.
11. Ветрова О. А., Гостев А. Н., Демченко Т. С. Незаконная миграция как причина совершения преступлений иностранными гражданами, подпадающими под действие административного надзора // Вестник Академии права и управления. – 2020. – № 1 (58). – С. 25-32.
12. Гукасян А. П. Криминологическая характеристика и предупреждение специального рецидива преступлений в Республике Армения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2008. – 28 с.
13. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. – М., 1992. – С. 291.
14. Карпец И. И. Проблема преступности. – М.: Юрид. лит., 1969. – С. 98.
15. Криминология. – М., 1979. – С. 113.
16. Криминология / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – М., 1995. – С. 80.
17. Малышев В. Е. «Некоторые вопросы правового регулирования взаимодействия при выявлении и предупреждении организации незаконной миграции» // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – № 3 (4). – С. 30.
18. Гостев А. Н. Социальное управление трудоустройством населения: статья // Вестник Таганрогского государственного педагогического университета. – 2016. – № 2. – С. 239-243.
19. Петков В. П. Личность рецидивистов старших возрастов и особенности карательно-воспитательного воздействия на них в исправительно-трудовых учреждениях: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 1992. – С. 13.
20. Понятовская Т. Г. Проблема рецидива в уголовном праве и криминологии // Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law. – 2014. – № 3. – С. 97.
21. Словарь русского языка: Ок. 53000 слов / С. И. Ожегов; Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2004. – 896 с.
22. Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. – Томск: Изд-во ТГУ, 1981. – 216 с.
23. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации (дата обращения от 12.04.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id>.

ГОРДИЕНКО Вячеслав Владимирович

кандидат экономических наук, заместитель начальника кафедры философии Волгоградской академии МВД России, полковник полиции

ГЛАДКОВ Дмитрий Викторович

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, подполковник полиции

МАСЛОВ Михаил Станиславович

старший преподаватель кафедры философия, история и право Волгоградского государственного аграрного университета

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В статье рассмотрены правовые нюансы ряда экономических преступлений. Проникновение информационных технологий во все сферы жизни неминуемо ведет к росту экономических преступлений в данном «пространстве». Персональные данные, электронные транзакции, а также виртуальная валюта является желаемой добычей киберпреступников, однако сам правовой статус подобных феноменов не установлен однозначно в российском законодательстве. В статье рассмотрены наиболее распространенные экономические преступления, совершаемые с использованием информационных технологий, а также несовершенство правовых норм в данной сфере.

Ключевые слова: экономические преступления, виртуальная валюта, персональные данные, киберпреступность, криптовалюта, виртуальные транзакции, мошенничество.

GORDIENKO Vyacheslav Vladimirovich

Ph.D. in economical sciences, Deputy Head of Philosophy sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

GLADKOV Dmitriy Viktorovich

senior lecturer of sub-faculty of Tactical and special sub-faculty of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

MASLOV Mikhail Stanislavovich

senior lecturer of Philosophy, history and law sub-faculty of the Volgograd State Agrarian University

LEGAL FEATURES OF ECONOMIC CRIMES IN THE CONDITIONS OF INFORMATIZATION OF THE SOCIETY

The article considers the legal nuances of a number of economic crimes. The penetration of information technologies into all spheres of life inevitably leads to an increase in economic crimes in this "space". Personal data, electronic transactions, as well as virtual currency are the desired prey of cybercriminals, however, the legal status of such phenomena is not clearly established in Russian legislation. The article considers the most common economic crimes committed using information technology, as well as the imperfection of legal norms in this area.

Keywords: economic crimes, virtual currency, personal data, cybercrime, cryptocurrency, virtual transactions, fraud.

Распространение информационных технологий в современном мире невозможно не заметить. Они проникают повсюду и сопровождают человека начиная еще до его появления на свет и заканчивая последними минутами жизни. В большинстве случаев информационные технологии становятся не просто важным, но необходимым атрибутом современной жизни. Подобное можно наблюдать и в экономической сфере, где информационные технологии трансформируют привычные отношения. Так по данным центрального банка России¹, в стране с каждым годом увеличивается доля денежной массы, находящейся в безналичной форме (рис. 1).

Однако, несмотря на данные тенденции, а, возможно, и благодаря им возможен ряд нелегальных, порой преступных деяний, которые становятся практикой заработка денежных средств. Поскольку субъектами собственности денежных средств могут быть как физические лица, юридические лица, а также государственные организации, постольку экономические преступления можно классифицировать на преступления против:

- частной собственности;
- корпоративной собственности;
- государственной собственности.

Большую часть преступлений против собственности регламентирует Уголовный кодекс Российской Федерации². В частности, глава 21 «Преступления против собственности» обеспечивает равную уголовно-правовую охрану всех форм собственности, существующих в РФ. Среди статей, указанных

в главе, можно отметить такие преступления, как мошенничество (ст. 159), присвоение или растрата (ст. 160), вымогательство (ст. 163) и причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165). Примечательно отметить статью 159 УК РФ, особенно в тех условиях, когда пострадавшими выступают пожилые или больные одинокие граждане, а также когда преступники пользуются юридической безграмотностью людей, заключающиеся в четком убеждении владельцев жилища о необходимости правовых сделок с жилым имуществом [2, с. 122].

В то же время глава 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» более подробно раскрывает особенности экономических преступлений и включает более 30 различных составов преступлений, которые впервые появились в российском законодательстве. Особое внимание хотелось бы обратить на следующие статьи:

- УК РФ Статья 174. (174.1) Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества...;
- УК РФ Статья 185.6. Неправомерное использование инсайдерской информации;
- УК РФ Статья 187. Неправомерный оборот средств платежей.

Таким образом в указанной статье в большей мере защищаются интересы государства, нежели частных лиц или компаний. Преступления против корпоративной собственности более подробно рассмотрены в главе 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях», в частности можно отметить злоупотребление полномочиями (ст. 201) и коммерческий подкуп (ст. 204).

Несмотря на наличие разнообразных правовых актов, определяющих экономические преступления, нельзя не отметить ряд недостатков правовой системы. Ключевым недостатком, на наш взгляд, можно считать отсутствие комплекса

1 Статистика Банка России. Денежная масса (национальное определение). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics/ms/>

2 «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022).

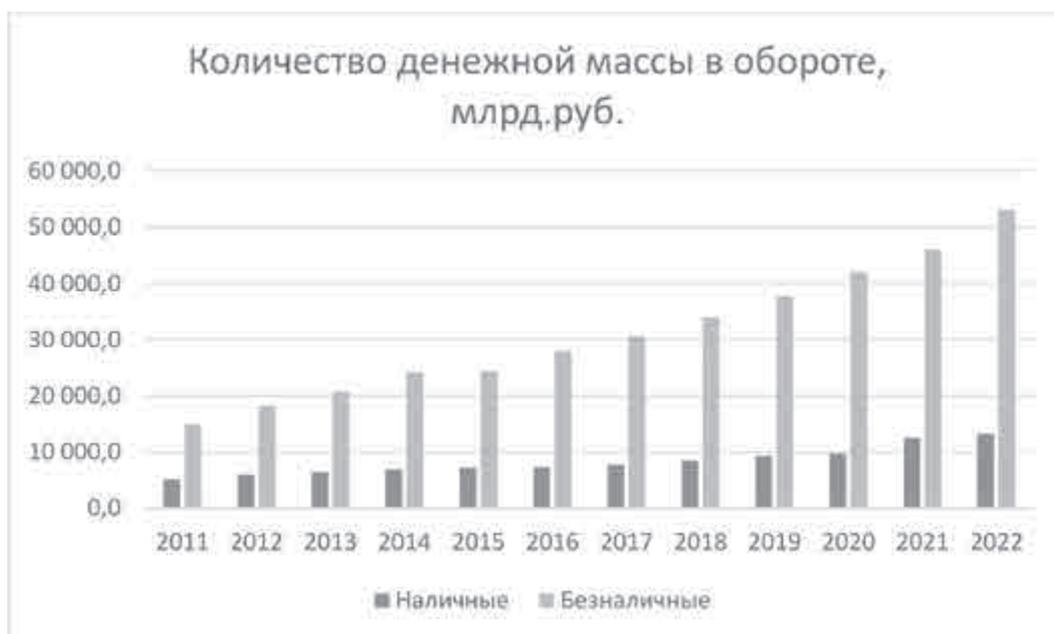

Рисунок 1. Доля денежной массы, находящейся в безналичной форме

специализированных уголовно-правовых, процессуальных, финансово-фискальных мер, направленных непосредственно на борьбу с организованной преступностью (а не с преступностью в широком понимании), особенно с организованной преступностью в сфере экономических «виртуальных» преступлений, таких как кибермошенничество, кибервымогательство, кража виртуального имущества, персональных данных. Использование технических приспособлений и информационных технологий позволяет преступникам эффективно координировать свои действия и избегать ответственности. Например, в преступных группах, создаваемых посредством сети Интернет, участники могут не иметь информации о других членах группы и никогда не встречаться друг с другом, что существенно уменьшает риск быть обнаруженными. В то же время использование протоколов связи позволит им эффективно осуществлять совместные действия для достижения единого умысла [1, с. 4].

Еще одним недостатком правовой системы можно считать отсутствие в уголовном кодексе Российской Федерации подробной правовой оценки таких феноменов как «криптовалюты», и «обналичивание виртуальных денег», хотя подобный экономический инструмент несет в себе ряд правовых проблем. Например, то что виртуальные деньги (криптовалюты), выпускаемые частными лицами, в большинстве случаев могут иметь цель получение прибыли, и значительная часть граждан может быть вовлечена в процесс их использования именно с той же целью, возникает огромные риски банкротств и обесцениваний, а государство в лице Центрального банка, а возможно, и других, в том числе правоохранительных, органов обязано участвовать в решении данной проблемы [4, с. 42]. Другой существенной опасностью криптовалют является их анонимность. Этим криптовалюта схожи с наличными деньгами. Однако, в отличие от последних, виртуальные деньги весьма ликвидны и способны перемещаться по миру практически без ограничений, что делает их прекрасным орудием в руках террористов и иных лиц, занятых противоправной деятельностью. Кроме того, анонимный характер криптовалют позволяет им быть прекрасным средством ухода от налогообложения, что является главной угрозой современной цивилизационной модели существования человечества. Такая опасность уже рассматривается отдельными государственными органами³, хотя ответа на вызовы, рожденные виртуальными деньгами, пока нет. Данный пробел позволяет развиваться теневой стороне экономиче-

ской сферы – «черному рынку», особенно посредством телекоммуникационной среды «darknet».

Правовая система любого государства стоит сейчас перед выбором: как регулировать такое новое явление как виртуальная экономика или отдельные ее элементы, как правительства должны использовать плюсы новой технологии, при этом минимизировав риски, как встроить это новое явление в текущую финансовую систему. Изучив вопрос подробнее, важно отметить, что варианты полного разрешения, как и полного запрета, не оставляют возможности как-то управлять новыми явлениями, это скорее отказ от ответственности. При этом примера внедренного удачного регулирования нигде в мире еще нет, а значит, нет и возможности им воспользоваться [5, с. 42].

Проведенный анализ позволяет отметить, что на фоне использования компьютерных (виртуальных) технологий в указанных выше статьях УК РФ в России растет количество преступлений нового характера – неизвестные ранее преступления, возможные только благодаря информационным технологиям. Этот факт должен способствовать интенсификации правотворческой деятельности в прямом и тесном контакте со специалистами IT-индустрии, а также прогрессивным интернет-сообществом.

Пристатейный библиографический список

1. Аносов А. В. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учебное пособие: в 2 ч. / [А. В. Аносов и др.]. - М.: Академия управления МВД России, 2019. - Ч. 1. - 208 с.
2. Войтов А. В., Рудниченко А. В., Саранцев А. А. Особенности совершения мошенничества с недвижимостью в жилищной сфере // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2021. - № 5 (132). - С. 121-123.
3. Петров В. А. Выявление, квалификация и организация расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалют: учеб.-метод. пособие / В. А. Петрова. - М.: Юрлитинформ, 2017. - 200 с.
4. Марамыгин М. С., Прокофьева Е. Н., Маркова А. А. Экономическая природа и проблемы использования виртуальных денег (криптовалют) // Известия Уральского государственного экономического университета. - 2015. - № 2 (58). - С. 37-43.
5. Поппер Н. Цифровое золото. Невероятная история Биткойна, или Как идеалисты и бизнесмены изобретают деньги заново. - М: И.Д. Вильямс, 2018. - 390 с.

3 Доклад ФБР от 24 апреля 2012 г. «Bitcoin Virtual Currency: Unique Features Present Distinct Challenges for Detering Illicit Activit». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.wired.com/images_blogs/threatlevel/2012/05/Bitcoin-FBI.pdf.

ГУТИЕВА Ирина Генриховна

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

НЕКОТОРЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ БЕЗНАДЗОРНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Общие критерии оценки состояния безнадзорности несовершеннолетних не разработаны. Источники формирования данных сведений соответственно не определены. Именно на основе теоретических и практических материалов разрабатываются и обобщаются варианты критериев оценки состояния безнадзорности несовершеннолетних. Каждый критерий конкретизируется рядом показателей, замер которых не требует больших затрат времени и средств, существенно не увеличивает документооборот и отчетность. Определены источники получения информации для оценки показателей ведомственной отчетности. В статье рассматриваются основные подходы к пониманию безнадзорности несовершеннолетних, сравниваются точки зрения различных авторов на определение понятия.

Ключевые слова: безнадзорность, правонарушения, несовершеннолетние, профилактика, взаимодействие, критерии, показатели.

GUTIEVA Irina Genrikhovna

Ph.D. in Law, Deputy Head of State and civil law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

Гутиева И. Г.

SOME INDICATORS OF CONDITION ASSESSMENT CHILD NEGLECT

General criteria for assessing the state of neglect of minors have not been developed. The sources of the formation of this information are not defined accordingly. It is on the basis of theoretical and practical materials that a variant of the criteria for assessing the state of neglect of minors is developed and substantiated. Each criterion is specified by a number of indicators, the measurement of which does not require more time and money, does not significantly increase the document flow and reporting. Sources of obtaining information for evaluating indicators of departmental reporting are determined. The article discusses the main approaches to understanding the neglect of minors, compares the points of view of various authors on the definition of the concept.

Keywords: neglect, offences, minors, prevention, interaction, criteria, indicators.

Включение человека в социум, приобретение детьми положительного личного опыта - основная цель процесса образования. Вместе с тем жизненные обстоятельства далеко не всегда способствуют формированию социально ответственной личности.

Социально-экономическая обстановка в стране характеризуется возрастающей парадигмой отчуждения растущего человека как от семьи, так и от школы, сверстников, и общества в целом. Кроме того, наблюдается усиление тенденции потери социальности. Безусловно, эти факторы негативно влияют на личность подростка, провоцируя снижение его жизнеспособности.

Этому процессу способствуют неблагоприятные условия в семье и регулярные стрессы. Два этих фактора негативно воздействуют на социальную адаптацию подростков и ведут к росту девиаций в среде несовершеннолетних граждан.

Девиантное поведение подростков может выражаться в следующих формах: токсикомания, употребление алкоголя, проституция, преступность.

Если семья не выполняет воспитательных функций, ребенок предоставлен сам себе, образ его жизни родителями не контролируется, следует говорить о таком явлении, как безнадзорность.

Детская безнадзорность, ее предупреждение и преодоление - многоаспектная проблема, изучаемая педагогикой, психологией, социологией, юриспруденцией, экономикой и другими общественными науками.

Несомненно, детская безнадзорность угрожает развитию общества и государства. Профилактика этого явления

- общая и индивидуальная - является одной из задач целой системы государственных и муниципальных органов.

Результативность работы системы зависит от того, насколько эффективно осуществляется организация, управление и координация взаимодействия ее субъектов. Кроме того, важную роль играет ее ресурсное обеспечение [1]. Кроме того, крайне важно отслеживать результаты работы такой системы, без этого невозможно управление ее развитием - так же, как управление развитием любого педагогического объекта [2].

Четкие критерии и показатели оценки состояния детской безнадзорности не разработаны, источники формирования таких сведений не определены. Имеющиеся на сегодняшний день практические разработки касаются в большей степени изучения эффективности работы ведомств, либо рассматривают проблему с точки зрения одномерного подхода.

Можно предположить, что отсутствие критериев, определенных с точки зрения многомерного подхода, в первую очередь объясняет отмечаемую многими авторами межведомственную разобщенность.

Определение критериев и показателей состояния какой-либо проблемы - сложный процесс. Отправной точкой в этой деятельности является теоретическое изучение исследуемого явления.

Некоторые авторы полагают, что к безнадзорным относятся не только дети, поведение которых не контролируется со стороны родителей, но и те, родители которых используют их в интересах самообогащения (побуждение к попрошайничеству, воровству, проституции и т.п.) [3].

Можно выделить основную причину безнадзорности. Она заключается в уклонении всех причастных лиц (родителей, законных представителей, сотрудников государственных либо муниципальных органов) от надлежащего воспитания детей и подростков. Подобное уклонение приводит к ослаблению либо полному отсутствию контроля за поведением ребенка и его вовлечению в совершение асоциальных действий.

По мнению подавляющего большинства исследователей, наиболее важная причина - семейное неблагополучие.

Другие исследователи этой проблемы, а также законодатель при определении безнадзорности не ставят непереносимым условием зависимость между отсутствием контроля со стороны родителей и склонностью подростка к девиантному поведению.

Очевидно, что склонность ребенка к девиантному поведению, совершение им антиобщественных действий и противоправных поступков - яркие проявления детской безнадзорности, обнаруживающие ее наличие. Безнадзорность существенно детерминирует противоправное поведение несовершеннолетних [4].

Подводя итог изложенному, можно выделить следующие группы факторов, обуславливающих безнадзорность.

1. Внутренние (семейные): воспитательные (незаинтересованность родителей в воспитании, безразличие к ребенку); материальные (низкий уровень дохода, жилищные условия, длительное отсутствие родителей в связи с работой); культурные (педагогическая безграмотность родителей, их низкий образовательный либо культурный уровень, деформированные ценностные ориентации, негативные семейные традиции); девиантные (антиобщественное либо противоправное поведение родителей, в отношении своих детей и в присутствии своих детей); медицинские (хронические заболевания, в том числе психические, алкоголизм, наркомания, заболевания детей, усложняющие воспитание и контроль за ними).

2. Внешние: недостатки в работе органов социальной сферы; недостаточность мер социальной поддержки семей с детьми и отсутствие или плохая развитость инфраструктуры (детских садов, досуговых учреждений и т.п.).

Также к внешним факторам представляется необходимым отнести социальную инертность - безразличие общества, окружающих. При активной позиции соседей, родственников, иных небезразличных граждан возможно раннее выявление семейного неблагополучия и безнадзорности. Выявленные на начальной стадии такие явления лучше поддаются профилактическому воздействию.

К некоторым проявлениям безнадзорности: внешний вид ребенка; состояние здоровья ребенка; состояние жилого помещения; экономические проявления; документальные проявления; образовательные проявления; отсутствие цивилизованного досуга; девиантные проявления.

Отметим, что безнадзорность может проявляться и в других формах. В каждом конкретном случае необходимо устанавливать, является ли то или иное обстоятельство или их совокупность проявлением безнадзорности.

Выделяют общие, специфичные и частные критерии и показатели. По мнению исследователя, критерии и показатели делятся на непосредственные и опосредованные, прямые и косвенные, также предлагается различать результативные и процессуальные критерии. Критерии и показатели в любом случае должны быть теоретически обоснованы, объективны, конкретны и measurable [5].

Для оценки состояния безнадзорности мы выделили результативные критерии и критерии факта. Процессуальные критерии, отражающие деятельность соответствующих органов, в нашем случае искусственно выводятся за рамки исследования, чтобы увидеть достигнутый результат, а не оценивать объем проделанной работы.

По мнению подавляющего большинства ученых, именно семейное неблагополучие является определяющим фактором безнадзорности. Поэтому предлагается использовать семейно-воспитательный критерий. Для его конкретизации нами подобраны показатели исходя из того, какие меры пра-

вового характера приняты в связи с выявленными фактами неисполнения родителями обязанностей по воспитанию детей либо жестокого обращения с ними.

Одно из главных социально опасных проявлений детской безнадзорности - склонность подростков к совершению антиобщественных действий и противоправных деяний. Поэтому в качестве следующего критерия безнадзорности предлагается определить девиантный.

Показательно для раскрытия девиантного критерия число подростков, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа, в том числе в связи с употреблением психоактивных веществ.

Отсутствие контроля родителей за поведением детей в большой степени влияет на вовлеченность несовершеннолетних в образовательный процесс. Поэтому введение образовательного критерия оценки безнадзорности представляется вполне обоснованным.

Для его конкретизации предлагается провести анализ сведений о числе несовершеннолетних, систематически пропускающих учебные занятия без уважительной причины, а также числе подростков, состоящих на внутришкольном учете. Также внутри этого критерия полагаем необходимым рассматривать число детей и подростков, занятых в учреждениях дополнительного образования.

Немаловажной составляющей оценки состояния безнадзорности является и медицинский критерий. Вместе с тем большая часть сведений о заболеваемости, состоянии здоровья детей и подростков носит общий характер и не позволяют даже относительно определить состояние безнадзорности.

Необходимо конкретизировать медицинский критерий показателями, отражающими сведения о числе подростков, получающих (или получивших) медицинскую помощь в связи с асоциальным поведением.

Другой важный критерий оценки - социально-экономический, напрямую связанный с материальным положением семьи.

Ранее говорилось о существенной связи между безнадзорностью и среднемесячной заработной платой. Исходя из этого подобран один из показателей социально-экономического критерия. Также наглядно охарактеризовать социально-экономический критерий могут сведения о количестве малоимущих семей с детьми.

Исходя из сложившейся практики, предлагается выделять ежеквартальную периодичность обобщения данных, оценки динамики показателей, доведение сведений до специалистов.

Предлагаемая комплексная оценка состояния безнадзорности несовершеннолетних в предложенном варианте будет способствовать укреплению межведомственного взаимодействия и повышению эффективности профилактической работы.

Пристатейный библиографический список

1. Захарова Н. В. Педагогические условия профилактики беспризорности и безнадзорности детей и подростков в общеобразовательных учреждениях и семье: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. - Нижний Новгород, 2010. - 27 с.
2. Селиванова Н. Л. Инновационные ответы на современные вызовы воспитанию (читая В. А. Караковского) // Отечественная и зарубежная педагогика. - 2017. - Т. 2. - № 1 (36). - С. 16-25.
3. Мардахаев Л. В. Социальная педагогика: Учебник. - М.: Гардарики, 2005. - 269 с.
4. Кривоносов А. Н. Правовые и организационные основы профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних органами внутренних дел, Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М, 2004. - 26 с.
5. Байбородова Л. В., Чернявская А. П. Методология и методы научного исследования: учебное пособие. - Ярославль: РИО ЯГПУ, 2014. - 283 с.

КОДЗОКОВА Ляца Арсеньевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

КАРЧАЕВА Камила Аварьевна

кандидат экономических наук, преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, лейтенант полиции

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

На сегодняшний день, приемлема своего рода стратегия, которая сочетает в себе предотвращение, предупреждение, пресечение и профилактику преступности. Целесообразно, рассматривать противодействие в ключе планирования, прогнозирования, и в последующем анализа прошедшего периода. Динамика, уровень и структура преступности являются определяющими факторами концепции противодействия преступности. Они позволяют получить достоверную информацию по состоянию преступности, следовательно, по проблемам и недостаткам профилактической работы. Именно в форме анализа показателей преступности за последние годы предлагаем раскрыть приоритетные направления борьбы и проблемы противодействия преступности.

Ключевые слова: борьба, преступность, органы внутренних дел, противодействие, безопасность.

KODZOKOVA Lyatsa Arsenjevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Organization of law enforcement activities sub-faculty of the North Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

KARCHAEVA Kamila Avarjevna

Ph.D. in economical sciences, lecturer of Law enforcement sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of MIA of Russia, lieutenant of police

PRIORITY AREAS OF COMBATING CRIME IN THE MODERN WORLD

Today, a kind of strategy is acceptable that combines the prevention, prevention, suppression and prevention of crime. It is advisable to consider opposition in terms of planning, forecasting, and subsequent analysis of the past period. The dynamics, level and structure of crime are the determining factors in the concept of combating crime. They allow you to get reliable information on the state of crime, therefore, on the problems and shortcomings of preventive work. It is in the form of analysis of crime indicators in recent years that we propose to reveal the priority areas of struggle and the problems of combating crime.

Keywords: struggle, crime, internal affairs bodies, opposition, security.

Противодействие преступности включает в себя выявление и расследование преступлений, судебные разбирательства и исполнения наказаний, меры предупреждения различного рода противозаконных проявлений. Применение мер уголовно-правового характера как средство противодействия преступности актуально во все времена. Но на современном этапе очевидна необходимость предупреждения и предотвращения преступлений и с помощью выявления и устранения факторов их вызывающих [1].

Изучение динамики, уровня и структуры преступности позволяет получить достоверную информацию по состоянию преступности. Они в свою очередь прослеживаются в рамках анализа показателей преступности.

В первую очередь, необходимо отметить рекордно высокий объем и рекордно низкая доля в общем объеме операций с криптовалютами. В 2021 году использование криптовалют в противозаконной деятельности установило новые рекордные максимумы: ассоциируемые с незаконной актив-

ностью адреса получили транзакций на более чем \$14 млрд, по сравнению с \$7,8 млрд в 2020.

Но эти цифры не рассказывают всей истории. Использование криптовалют растет быстрее, чем когда бы то ни было. По всем криптовалютам, отслеживаемым Chainalysis, общий объем транзакций в 2021 году вырос до \$15,8 трлн — на 567 % от показателя 2020 года. Учитывая настолько бурное принятие, неудивительно, что криптовалюты используют и все больше киберпреступников. Но самым большим сюрпризом может стать тот факт, что увеличение объема незаконных транзакций составило всего 79 %, почти на порядок меньше, чем рост общего принятия.

Фактически, поскольку рост законного использования криптовалют намного опережает рост незаконного использования, доля криптовалютных транзакций, связанных с преступной деятельностью, никогда не была ниже, чем сейчас. Транзакции с участием «криминальных» адресов составили всего 0,15 % от общего объема криптовалютных транзакций

Кодзокова Л. А.

Карчаева К. А.

за 2021 год, притом, что общая долларовая стоимость криминальных транзакций достигла самого высокого уровня за всю историю. Как всегда, здесь нужно оговориться, что эта цифра почти неизбежно увеличится в дальнейшем по мере выявления и учета новых адресов, связанных с преступной деятельностью, и их транзакционной активности. Например, в предыдущем отчете Chainalysis о криптопреступности (англ.) доля криминальных транзакций в общем объеме криптовалютного трансфера за 2020 год оценивалась в 0,34 %.

Так, в целом сократилось число деяний небольшой (845,5 тыс.; -3,4 %) и средней (635,5 тыс.; -3 %) тяжести. Общая раскрываемость преступлений в 2020 году составила 51,7 %. Позитивная динамика наблюдается в раскрываемости убийств (95,6 %; 2019 г.: 91,9 %), умышленных причинений тяжкого вреда здоровью (96,4 %; 2019 г.: 94,9 %), изнасилований (99,2 %, 2019 г.: 98,4 %), грабежей (76,9; 2019 г.: 69,9 %), разбоев (89,9; 2019 г.: 84,7 %), краж из квартир (54,5; 2019 г.: 49,8). Количество преступлений, совершенных на бытовой почве, уменьшилось на 4,8 % (до 74,5 тыс.), в сфере семейно-бытовых отношений – на 9,5 % (до 28,9 тыс.).

В 2020 году установлено 42,9 тыс. разыскиваемых преступников, из которых 30,9 тыс. объявлены в розыск в 2020 году. В рамках противодействия преступности продолжается работа по розыску лиц, пропавших без вести. За 2020 год в розыске находилось 41,9 тыс. (-15,8 %) лиц данной категории, каждый четвертый из которых объявлен в розыск в прошедшем году. Установлена судьба 9,5 тыс. человек, включая 7,3 тыс., розыскные дела на которых заведены в 2020 году.

Как и годом ранее, наблюдается существенный рост числа преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере компьютерной информации. В целом в сравнении с 2012 годом число зарегистрированных ИТТ - преступлений увеличилось в 50 раз (2012 г.: 10,2 тыс.; 2020 г.: 510,4 тыс.). Удельный вес поставленных на учет ИТТ-преступлений в числе всех зарегистрированных криминальных посягательств возрос до 25 % (2019 г.: 14,5 %).

Подавляющее большинство всех киберпреступлений носит имущественный характер. Свыше трех четвертей (80,4 %) приходится на IT-кражи (173,4 тыс.; +75,5 %) и IT-мошенничества (237,1 тыс.; +73,4 %).

Важность проблемы обусловила ее рассмотрение также на совещаниях Совета Безопасности Российской Федерации, по итогам которых даны поручения ведомствам по вопросам борьбы с киберпреступностью (усилению противодействия имущественным преступлениям, в том числе мошенничествам и продажам фальсифицированных лекарств, а также по расширению соответствующей социальной рекламы в сети «Интернет», ориентированной на профилактику преступлений) [2].

Снижение числа преступных посягательств, совершенных несовершеннолетними, зафиксировано во всех федеральных округах. В целях профилактики противоправного поведения несовершеннолетних активно используются возможности социально ориентированных общественных организаций и молодежных объединений («Юнармия», «Юный друг полиции», «Отряды правопорядка», «Юный инспектор движения»).

Совместно с ОАО «Российские железные дороги» в 2020 году реализован комплекс мер, направленных на профилактику травматизма несовершеннолетних на объектах транс-

портной инфраструктуры, предупреждение с их стороны действий, угрожающих безопасности движения на железнодорожном транспорте.

Особое внимание уделено вопросам организации отдыха и оздоровления детей в период летнего курортного сезона. Нарушений правопорядка при организации летних перевозок не допущено. На 15,5 % снизилось количество травмированных на железной дороге детей, в том числе на 17,8 % – со смертельным исходом.

Борьба с незаконным оборотом наркотиков является одной из ключевых задач. Наряду с решением задач по выявлению и раскрытию наркопреступлений сотрудниками органов внутренних дел осуществляются мероприятия, направленные на профилактику незаконного распространения и немедицинского потребления наркотиков.

Организовано проведение межведомственных комплексных оперативно-профилактических операций «Звезда Каспия – 2020», «Мак – 2020», «Сообща, где торгуют смертью» и «Призывник». В ходе акций правоохранительными органами с участием общественности выявлено 8,8 тыс. административных правонарушений и 4,8 тыс. преступлений, из незаконного оборота изъято свыше 1 тонны различных видов наркотиков. В связи с особенностями работы в условиях эпидемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) внедряются в уголовный процесс новые формы сбора доказательств в дистанционном режиме – посредством видеоконференцсвязи.

Совместно с заинтересованными органами исполнительной власти сформирована концепция о возможности применения систем видеоконференцсвязи при производстве предварительного расследования, а также инициировано предложение по использованию электронных документов, в том числе при ознакомлении участников уголовного судопроизводства с копиями материалов уголовного дела, содержащимися на электронных носителях, и вручении копии обвинительного заключения в электронном виде [3].

Особое внимание уделяется методическому и аналитическому обеспечению приоритетных направлений процессуальной деятельности, в том числе расследования преступлений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий, в финансово-кредитной сфере, оборонно-промышленном комплексе, в сфере долевого строительства, а также дистанционных мошенничеств. Активизирована работа по обобщению и внедрению положительного опыта расследования преступлений и производства отдельных следственных действий.

В 2020 году проведено 1,8 млн экспертных исследований, в том числе 1,2 млн судебных экспертиз. Уменьшение их числа в значительной степени обусловлено сокращением количества экспертиз традиционных видов. Отмечен рост количества назначенных экспертиз специальных видов (на 2,6 %), в том числе товароведческих – более чем в 5 раз. Обеспечено оснащение ЭКП основными видами криминалистической техники. В целом с 2018 по 2020 год в органах внутренних дел открыты 103 новые экспертные лаборатории по наиболее востребованным направлениям (радиотехнические, фоноскопические, психофизиологические, ДНК-анализа и другие).

Реализуются мероприятия по противодействию правонарушениям в сфере оборонно-промышленного комплек-

са и государственного оборонного заказа. МВД России во взаимодействии с правоохранительными и контролирующими органами проводятся мероприятия по выявлению, предупреждению и раскрытию посягательств на бюджетные средства, выделяемые на реализацию государственных и федеральных целевых программ, национальных проектов (программ) и инвестиционных проектов с государственным участием. В 2020 году органами внутренних дел пресечено более 230 таких деяний. Задokumentировано 57 преступных деяний, связанных с «рейдерством», 54 из которых выявлены органами внутренних дел. Осуществляется работа по нейтрализации угроз энергетической безопасности Российской Федерации и противодействию криминализации топливно-энергетического комплекса.

В регионах Российской Федерации продолжается проведение мероприятий по добровольной сдаче гражданами хранящегося у них оружия.

Обеспечивается информационная безопасность технологической инфраструктуры органов внутренних дел, развивается электронное взаимодействие с органами государственной власти и организациями. Совершенствуется порядок прохождения службы и обеспечения социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел. Реализуются мероприятия по совершенствованию правовых основ деятельности органов внутренних дел. В целях реализации комплекса дополнительных мер по предупреждению преступлений осуществляется информирование общественности о деятельности органов внутренних дел в эфире радиостанции «Милицейская волна», на телеканале «Телеканал Россия», в периодических и электронных изданиях «Комсомольская правда», «Коммерсантъ», «Независимая газета», «Аргументы и факты», «Известия», «Щит и меч», ИТАР-ТАСС.

На регулярной основе размещаются в СМИ материалы о результатах работы ОВД наиболее актуальным вопросам деятельности, а также по фактам и событиям, способным вызвать широкий общественный резонанс. За 2020 год всего в мероприятиях приняли участие более 104 тыс. человек, в СМИ опубликовано свыше 8 тыс. материалов.

Уверенность в защищенности граждан от преступных посягательств выросла и составила 51,1 % (2016 г.: 38,4 %; 2017 г.: 38 %; 2018 г.: 42,2 %; 2019 г.: 45,7 %). Большинство оценивают ее как эффективную деятельность полиции по защите интересов граждан – 43,8 % (2016 г.: 36,7 %; 2017 г.: 35,3 %; 2018 г.: 38,2 %; 2019 г.: 40,0 % респондентов). Таким образом, результаты проведенного опроса свидетельствуют о сохраняющихся позитивных тенденциях в оценке гражданами деятельности ОВД, что является свидетельством их положительной работы.

Правоохранительными органами применяются меры по привлечению к ответственности лиц, виновных в возникновении лесных пожаров, предупреждению преступлений в сфере семейно-бытовых отношений, социальной адаптации лиц бездомных, повышению уровня правовой грамотности граждан, межведомственному взаимодействию в предупреждении противоправных деяний иностранцев, снижению смертности трудоспособного населения, противодействию распространению негативного контента в сети «Интернет» среди молодежи, профилактике правонарушений при возврате просроченной задолженности физических лиц, возникшей из денежных обязательств.

Проводится работа по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности на крупных массовых мероприятиях, а также при проведении культурно-зрелищных и религиозных, спортивных мероприятиях.

С целью недопущения фактов нарушения общественного порядка в круглосуточном режиме обеспечивается охрана почти 900 организаций и учреждений, используемых в рамках борьбы с пандемией, а также 400 наблюдательных пунктов, в которых размещаются более 20 тыс. человек. Во взаимодействии с подразделениями Роспотребнадзора и организациями системы здравоохранения осуществляется контроль за пребыванием (проживанием) на территории Российской Федерации граждан, прибывших из стран с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой.

Системное и целенаправленное осуществление мер по противодействию преступности позволяет повысить эффективность правозащитной деятельности по предупреждению нарушений законности и отстаиванию государственных и общественных интересов. В тесном взаимодействии с исполнительными, правоохранительными и иными государственными органами ОВД последовательно и принципиально направляет усилия на принятие конкретных мер по противодействию преступности, используя имеющиеся полномочия по укреплению законности, решению наиболее важных вопросов социальной и экономической жизни общества. Проводимая работа в свою очередь способствует оздоровлению криминогенной ситуации.

Пристатейный библиографический список

1. Гутиева И. Г. Некоторые проблемы противодействия преступности на современном этапе // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 5 (156). - С. 215.
2. Кудрявцев А. В., Михайлов А. Е. Криминология (общая часть). - 2020. - Гл. 5.
3. Тимко С. А. О сущности понятия «противодействие преступности» // Юристы-Правоведы. - 2018. - № 1 (84). - С. 6-11.

КОШЕЛЕВ Роман Игоревич

аспирант кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) Федерального университета

ПРАВОМЕРНОСТЬ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ СПОРТСМЕНОВ В ПРОЦЕССЕ СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ

Темой данной работы является проблема правовой регламентации случаев причинения вреда участникам спортивных соревнований. Актуальность статьи обосновывается высокой степенью коммерциализации спортивных отношений и повышенной заинтересованности спортсменов в справедливом нормативном регулировании. Представлены различные позиции ученых относительно рассматриваемой проблематики. Рассмотрены конкретные примеры, где действия спортсменов рассматриваются в уголовно-правовой плоскости. Автор приходит к выводу, что действия участников спортивных соревнований, которые умышленно приводят к тяжелым травмам, должны квалифицироваться в соответствии с нормами уголовного законодательства. Приводятся критерии правомерности действий спортсменов при нанесении травмы другим участникам спортивных соревнований.

Ключевые слова: преступление, травма, причинение вреда жизни и здоровью, профессиональный спорт, спорт высших достижений.

KOSHELEV Roman Igorevich

postgraduate student of Criminal law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

LAWFULNESS OF INJURY TO HEALTH OF ATHLETES IN THE COURSE OF SPORTS COMPETITIONS

The subject of this work is the problem of legal regulation of cases of harm to participants in sports competitions. The relevance of the article is substantiated by the high degree of commercialization of sports relations and the increased interest of athletes in fair regulatory regulation. Various positions of scientists regarding the issues under consideration are presented. Specific examples are considered where the actions of athletes are considered in the criminal law plane. The author comes to the conclusion that the actions of participants in sports competitions that intentionally lead to serious injuries should be qualified in accordance with the norms of criminal law. Criteria for the legitimacy of the actions of athletes when injuring other participants in sports competitions are given.

Keywords: crime, accident, injury to life or health, professional sports, elite sport.

Профессиональный спорт на сегодняшний день несет не только социальное, но и политическое значение в России и во всем мире, развивается и правовая база, регулирующая отношения в сфере физической культуры и спорта. Для большинства людей, которые задействованы в сфере профессионального спорта и спорта высших достижений, он является профессиональной деятельностью. Согласно п. 11 ст. 2 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», профессиональный спорт — это часть спорта, направленная на организацию и проведение спортивных соревнований, за участие в которых и подготовку к которым в качестве своей основной деятельности спортсмены получают вознаграждение от организаторов таких соревнований и (или) заработную плату [1].

К сожалению, сегодня тяжело представить спорт без получения спортсменами различных травм. Спортсмены могут травмироваться не только во время соревнований, но и также в ходе подготовки к ним и на тренировках. К примеру, одним из самых травмоопасных видов спорта является бокс, где нанесение ударов по сопернику является условием поединка. Травмы, полученные спортсменами, могут привести к хроническим заболеваниям, увечьям или даже к смерти. Российское уголовное законодательство не содержит специальных норм об ответственности спортсменов и при этом не исключает спорт из области применения уголовного права.

Отсюда справедливо возникает спорный вопрос, может ли спортсмен понести уголовную ответственность за нанесение травмы сопернику и где проходит грань между соревновательной деятельностью и умышленным причинением вреда здоровью спортсмена.

Анализ российской судебной практики позволяет сделать вывод о практическом отсутствии уголовных дел, связанных с причинением вреда здоровью спортсменам во время спортивных соревнований. Возникает вопрос, возможно ли привлечь к уголовной ответственности спортсмена, за совершение им подобных действий в рамках спортивных соревнований.

Также судебная практика, основываясь на нормах уголовного закона, исходит из того, что причинение телесных повреждений по просьбе потерпевшего от уголовной ответственности не освобождает. Если действия лица подпадают под признаки конкретного состава преступления, то согласие потерпевшего не исключает уголовной ответственности.

В. И. Михайлов считает, что занятие спортом является самостоятельным с точки зрения уголовного права обстоятельством, исключающим преступность деяния, так как «в ходе тренировок спортсменов, участвующих в них, соглашается с возможностью причинения ему некоторого абстрактного вреда и при этом не только желает избежать этих последствий, но и предпринимает активные меры к их недопущению» [2].

В настоящее время в уголовно-правовой науке большинство ученых-криминалистов не разделяют точку зрения А. Н. Красикова в связи с тем, что не признают согласие потерпевшего обстоятельством, исключающим преступность деяния.

П. А. Дубовец отмечает, что «Уголовная ответственность может наступить тогда, когда при дозволенных спортивных состязаниях спортсменом умышленно или по неосторожности нарушаются спортивные правила, вследствие чего причиняется вред здоровью» [3].

В. В. Винокуров отмечает, что причинение вреда здоровью спортсмена во время спортивных соревнований нельзя считать преступным по причине общественной полезности данных мероприятий [4]. Также и в ст. 41 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) указывается, что не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели [5].

Б. В. Сидоров в своей докторской диссертации и последующих опубликованных работах занимает несколько иную правовую позицию. В частности, он предлагает в ст. 76 УК РФ узаконить положение, согласно которому должностное лицо могло бы освободиться от уголовной ответственности «за совершение преступления не небольшой и средней тяжести, а преступления, причинившего вреда лицу, с согласия которого виновный может быть освобожден от уголовной ответственности, и только тем благам, которые находятся в полном распоряжении потерпевшего» [6].

Отсюда возникает вопрос, возможно ли участие, достижение определенного результата или победу в спортивных соревнованиях считать общественно полезной целью, а также возможно ли нанесение вреда здоровью спортсменам во время соревнования отнести к обстоятельству, исключающему преступность деяния и тем самым дополнить статью главы 8 УК РФ.

Е. В. Безручко отмечает, что в случае, если спортсменом во время соревнования при нанесении травмы другому спортсмену правила нарушены не были, то имеет место быть невиновное причинение вреда (ст. 28 УК РФ). При этом важно отметить, что ключевым здесь является соблюдение правил спортсменом, снова возникает вопрос, как должны квалифицироваться действия спортсмена, который нанес вред здоровью другого спортсмена путем нарушения правил или вне игрового или спортивного эпизода [7].

Обратим внимание на эпизод футбольного матча «Рубин» – «Амкар», который прошел в 2012 году, в ходе которого защитник «Рубина» Сесар Навас, нанеся коленом удар в лицо соперника, разбил челюсть нападающему «Амкара» Мартину Якубко. Позже этот эпизод был рассмотрен на очередном заседании контрольно-дисциплинарного комитета Российского футбольного союза, который своим решением дисквалифицировал защитника «Рубина» на 7 матчей, признав умысел в действиях защитника за нанесение травмы и отметив, что данное столкновение произошло не во время игрового эпизода.

В результате травмы нападающий ФК «Амкар» пропустил 2 месяца. Если убрать в сторону спортивные отношения и учесть факт умышленного нанесения травмы спортсмену не во время игрового эпизода, то можно сделать вывод, что в результате столкновения Мартину Якубко был нанесен средней тяжести вред здоровью. Данные действия можно квалифицировать по ст. 112 Уголовного кодекса Российской Федерации, в соответствии со ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [8] преступление относится к уголовным делам публичного обвинения и уголовное дело может быть возбуждено без сообщения о факте совершения преступления или заявлении потерпевшего лица о возбуждении уголовного дела.

Обратимся к зарубежному опыту. Известный случай нанесения травмы капитаном футбольного клуба «Манчестер Юнайтед» Роем Кином футболисту «Манчестер Сити» Альфу-Инге Холланду. Перенесенная травма не позволила Холланду продолжить профессиональную футбольную карьеру,

а футболист «Манчестер Юнайтед» получил 3 матча дисквалификации. Позже Рой Кин в собственной автобиографии признается, что умышленно нанес тяжелую травму сопернику в отместку за нанесенную ему травму тремя годами ранее, и оскорбляющие фразы в его адрес.

Никаких санкций уголовно-правового характера за совершенные действия Рой Кин не получил, т.к. для Холланда данный матч не оказался последним, после он еще сыграл несколько игр, что, возможно, позволило сделать вывод, что нанесение ему травмы во время данного матча могло не являться причиной завершения им карьеры и данному факту могли сопутствовать и иные обстоятельства.

В заключении отметим, что действия участников спортивных соревнований, которые умышленно причиняют травмы, особенно если травмы сопряжены с умышленным нанесением среднего или тяжкого вреда здоровью, необходимо квалифицировать в соответствии с нормами УК РФ, т.к. на сегодняшний день законодателем данные действия не отнесены к обстоятельствам, исключающим преступность деяния.

В случае признания нанесения травм правомерным действием, такие действия должны отвечать следующим критериям:

1. Спортсмен дал свое согласие на участие в соревновании и осознавал все возможные риски;
2. Соперник не нанес травму своему противнику после окончания соревнования или во время перерыва или пауз;
3. Действия спортсмена по нанесению травмы не были умышленными;
4. Соревнования относятся к виду спорта, включенному во Всероссийский реестр видов спорта, утвержденный Министерством спорта Российской Федерации (в случае возникновения правоотношений на территории Российской Федерации);
5. Проводимые соревнования являются легальными.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 04.12.2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.
2. Михайлов В. И. Согласие лица как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Законодательство. – 2002. – № 3.
3. Дубовец П. А. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву. – М., 1964. – С. 19.
4. Винокуров В. Н. Правовая оценка причинения вреда лицу с его согласия и критерии признания этого деяния непроступным // Современное право. – 2013. – № 12.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
6. Сидоров Б. В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность: автореф. дис. ... докт юрид. наук. – М., 1998.
7. Безручко Е. В. Причинение вреда здоровью при занятиях спортом: вопросы уголовно-правовой оценки // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2009. – № 4.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

ЛАВРИНОВ Вячеслав Викторович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии, полковник юстиции

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ТАМОЖЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

В статье рассматриваются вопросы сравнительной характеристики уголовной ответственности за совершение преступлений таможенного характера в законодательстве Российской Федерации и Республики Узбекистан. Показано, что, несмотря на близость таможенно-правовых норм, уголовное законодательство в сфере установления ответственности за таможенные преступления имеет определенные различия количественного и качественного характера. Автором рекомендуется принять меры к унификации уголовного законодательства в таможенной сфере.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Республики Узбекистан, таможенное законодательство, таможенная граница, незаконное перемещение, таможенные преступления, контрабанда, экономическая контрабанда, уклонение от уплаты таможенных платежей, административная преюдиция.

LAVRINOV Vyacheslav Viktorovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Rostov branch of St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, associate professor of Criminal and legal disciplines sub-faculty of the Rostov branch of the Russian Customs Academy, colonel of justice

CRIMINAL LIABILITY FOR CUSTOMS CRIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

The article discusses the comparative characteristics of criminal liability for customs crimes in the legislation of the Russian Federation and the Republic of Uzbekistan. It is shown that despite the proximity of customs and legal norms, criminal legislation in the field of establishing responsibility for customs crimes has certain quantitative and qualitative differences. The author recommends taking measures to unify criminal legislation in the customs sphere.

Keywords: Criminal Code of the Republic of Uzbekistan, customs legislation, customs border, illegal movement, customs crimes, smuggling, economic smuggling, evasion of customs payments, administrative prejudice.

Рассматривая вопросы сравнительной характеристики уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Узбекистан в таможенной сфере, следует учитывать несколько факторов. Прежде всего, Россия и Узбекистан входят в единую правовую семью, имея общее прошлое в составе СССР, и настоящее в составе СНГ, что влияло и влияет на общий подход к вопросам установления уголовной ответственности и наказания. Несмотря на то, что Узбекистан, в отличие от России, не входит в Евразийский экономический союз (далее ЕАЭС), два государства имеют общую таможенную границу протяженностью более 2000 километров и обширные экономические связи. Рост товарооборота между двумя странами возрастает¹, что влияет на необходимость надлежащего регулирования таможенной сферы, что осуществляется, в первую очередь, Таможенным кодексом Республики Узбекистан (далее – ТК РУ) и Таможенным кодексом ЕАЭС (далее – ТК ЕАЭС), имеющих ряд сходных положений.

Не все участники внешнеэкономической деятельности соблюдают нормативные положения в сфере таможенного регулирования, что влечет за собой необходимость установления административной и уголовной ответственности.

Несмотря на определенные сходства таможенного законодательства, а также общность правовых систем, уголовное законодательство России и Узбекистана в сфере борьбы с таможенной преступностью имеет определенные отличия, что затрудняет борьбу с правонарушениями в таможенной сфере.

Так, к числу таможенных преступлений уголовное законодательство Российской Федерации относит такие деликты как незаконный экспорт (ст. 189), невозвращение культурных ценностей (ст. 190), уклонение от уплаты таможенных платежей и иных пошлин (ст. 194), расположенные в Главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». Кроме того, российский законодатель предусмотрел 4 вида контрабанды, ответственность за два из которых предусмотрена в этой же Главе (ст. 200.1 и ст. 200.2), а за два других - в Главе 24 «Преступления против общественной безопасности» (ст. 226.1) и Главе 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» (ст. 229.1). Таким образом, в соответствии с расположением в системе Особенной части УК РФ указанных норм, объектами таможенных преступлений являются, прежде всего, экономическая деятельность, общественная безопасность и здоровье населения.

Уголовный кодекс Республики Узбекистан² (далее – УК РУ) включает в себя меньшее количество норм анализиру-

1 См., например: Отчёт о внешней торговле между Россией и Узбекистаном в 2021 году: товарооборот, экспорт, импорт, структура, товары, динамика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlyamezhdu-rossiyey-i-uzbekistanom-v-2021-g/>. (дата обращения: 18.04.2022).

2 Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.zakon.kz/>

емой категории. Уголовное законодательство Узбекистана четко разделяет таможенные преступления экономического и неэкономического характера.

К таковым можно отнести ст. 182 УК РУ «Нарушение таможенного законодательства», расположенную в Главе XII «Преступления против основ экономики» Раздела 3 «Преступления в сфере экономики» и ст. 246 УК РУ «Контрабанда», расположенную в Главе XVII «Преступления против общественной безопасности», которая, в свою очередь, включена в Раздел 3 «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

Статья 182 УК РУ, предусматривающая ответственность за нарушение таможенного законодательства соответствует ранее существовавшей статье 188 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) «Контрабанда», и состоит из двух частей, из которых первая часть предусматривает ответственность за контрабанду, товаров и иных ценностей, а вторая часть - отягчающие обстоятельства.

В отличие от УК РФ, УК РУ закрепляет ответственность за совершение экономической контрабанды, т.е. контрабанды товаров, находящихся в гражданском обороте и не ограниченных в нём, учитывая повышенную степень общественной опасности данного деяния. В Российской Федерации с 2011 года и по настоящее время предусмотрена уголовная ответственность только за контрабандное перемещение товаров, не изъятых из гражданского оборота, лишь определенных категорий (деньги, алкоголь, табачные изделия, культурные ценности, стратегически важные товары и ресурсы), которые указаны в диспозиции соответствующих норм. Следует отметить, что ст. 182 УК РУ не содержит характеристики контрабандно перемещаемых предметов, описывая их как «товары и иные ценности». Определить их возможно при анализе диспозиции ст. 246 УК РУ, содержащей ограниченный перечень предметов, незаконный оборот которых представляет угрозу для общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения.

Диспозиция ст. 182 УК РУ содержит указание на необходимость наличие административной преюдиции: для привлечения к уголовной ответственности за совершение нарушения таможенного законодательства необходимо, чтобы ранее лицо уже было привлечено к административной ответственности за аналогичное действие. Таким образом, к уголовной ответственности привлекаются наиболее злостные контрабандисты.

Характерной особенностью данной нормы, устанавливающей уголовную ответственность за нарушение таможенных правил в узбекском законодательстве, является описание способов совершения преступления, соответствующих ранее указанным в ст. 188 УК РФ и предусмотренным в ТК ЕАЭС. В отличие от этого, действующие нормы УК РФ, устанавливающие ответственность за незаконное перемещение предметов через таможенную либо Государственную границы, такого подробного и исчерпывающего описания не одержат.

Еще одна норма, связанная с контрабандой (ст. 246 УК РУ, которая так и называется), отличается от ст. 182 УК РУ только предметами преступления, а именно наименованием незаконно перемещаемых предметов (как уже было сказано незаконный оборот которых представляет угрозу для общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения). При этом УК РФ ответственность за данные дей-

ствия предусмотрел в двух нормах – ст. 226.1 УК РФ (предметом которой являются предметы, представляющие угрозу для общественной безопасности – оружие, боеприпасы, ядовитые вещества и т.п.) и ст. 229.1 УК РФ (предметом которой являются предметы, опасные для здоровья населения – наркотики, психотропные вещества и т.п.). Ни одна из рассматриваемых норм (ст. 246 УК РУ, ст. 226.1 и ст. 229.1 УК РФ), с учетом повышенной общественной опасности деликтов не содержит требование административной преюдиции.

Ст. 246 УК РУ законодатель Республики Узбекистан разделил на две части, предусмотрев повышенную ответственность за перемещение особых предметов, а именно различных видов оружия массового уничтожения, материалов и оборудования, радиоактивных материалов, которые заведомо могут быть использованы при его создании, а также за перемещение наркотических средств, их аналогов или психотропных веществ, в крупных размерах.

В отличие от УК РУ, для УК РФ характерно наличие отдельной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей и некоторых пошлин (ст. 194 УК РФ), при наличии крупного либо особо крупного размера, который определен как сумма, превышающая соответственно 2 000 000 и 6 000 000 рублей.

Аналогичная норма в уголовном законодательстве Республики Узбекистан отсутствует. Причем сходная норма (ст. 184 УК РУ («Уклонение от уплаты налогов или других обязательных платежей»)) не дает возможности привлекать к ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей. Данную точку зрения подтвердил Пленум Верховного суда Республики Узбекистан, который в п. 7 своего Постановления от 06.09.2013 № 18 указал, что подобные деяния охватываются ст. 182 УК РУ³.

В данной ситуации мы видим различный подход к соотношению понятий экономическая контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей и отношение к ним законодателей двух стран. Законодатель Узбекистана считает, что уклонение от уплаты таможенных является составной частью контрабанды (в той форме, как она указана в диспозиции ст. 182 УК РУ). Российский законодатель придерживается в настоящее время точки зрения, в соответствии с которой экономическая контрабанда совершается с целью уклонения от уплаты таможенных платежей, и поэтому является только частью данного деликта.

В целом, несмотря на имеющиеся различия, законодатели двух стран солидарны в вопросе необходимости установления уголовной ответственности за совершение таможенных преступлений. Можно предположить, что взаимное изучение уголовно-правовых норм и восприятие положительных сторон законодательных конструкций в рассматриваемой сфере будет только способствовать борьбе с таможенными преступлениями, что является актуальным как для Российской Федерации, так и для Республики Узбекистан, а также будет способствовать дальнейшему сближению двух стран.

3 О применении судами законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов и других обязательных платежей: Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 31 мая 2013 года № 08. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://lex.uz/ru/docs/2212247#2212738>. (дата обращения: 18.04.2022).

МАГОМЕДОВ Гусейн Багавдинович

кандидат юридических наук, доцент, директор Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

РАК Алёна Юрьевна

магистрант 2 курса Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ТАИЛОВА Айша Габировна

кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Развитие устойчивой и высокоэффективной системы мер противодействия организованной преступности было и остается на сегодняшний день одной из важнейших задач, стоящих перед законодателем любого государства. В настоящее время современное общество находится в сложной криминальной обстановке, в связи с тем, что наблюдается тенденция, когда организованная преступность постепенно выходит за рамки общеуголовной и превращается в реальную угрозу национальной безопасности государств и приобретает транснациональный характер. Важнейшим фактором в области противодействия организованной преступности выступает постоянный мониторинг состояния профилактической работы, в том числе оперативно-розыскной составляющей и анализ опыта зарубежных стран.

Ключевые слова: организованная преступность, современное состояние, Европол, опыт противодействия.

MAGOMEDOV Huseyn Bagavdinovich

Ph.D. in Law, associate professor, Director of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

RAK Alena Yurjevna

magister student of the 2nd course of the North Caucasian Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

EUROPEAN EXPERIENCE IN THE PREVENTION OF MODERN ORGANIZED CRIME

The development of a stable and highly effective system of measures to counter organized crime has been and remains today one of the most important tasks facing the legislator of any state. Currently, modern society is in a complex criminal situation, due to the fact that there is a tendency when organized crime gradually goes beyond the ordinary and turns into a real threat to the national security of states and acquires a transnational character. The most important factor in the field of combating organized crime is the constant monitoring of the state of preventive work, including the operational-investigative component and the analysis of the experience of foreign countries.

Keywords: organized crime, current state, Europol, counteraction experience.

Пока преступность и организованная преступность оставались внутренними проблемами, история международного сотрудничества правоохранительных и судебных органов развивалась неспешными темпами.

С момента, когда частные детективные компании впервые стали использоваться для сбора доказательств и задержания преступников за рубежом, до первых официальных договоренностей о сотрудничестве правоохранительных органов прошло много лет.

Инициативы по созданию официальных соглашений о сотрудничестве органов юстиции выражались ещё медленнее. Первые современные многосторонние договоры о сотрудничестве по уголовным делам появились лишь менее пятидесяти лет назад. Поэтому тем более примечательно, насколько значительный прогресс в противодействии организованной преступности был достигнут во всем мире за последние несколько лет. В последние годы достигнуты качественные изменения в противодействии преступности и транснациональной организованной преступности, в частно-

сти. Это обусловлено и такими обстоятельствами, как и то, что правоохранительные органы сталкиваются со значительным ростом преступности в результате многих факторов. Эти факторы включают развитие технологий, транспорта и телекоммуникаций, социальные изменения, связанные с массовым обнищанием, стихийными бедствиями и внутренними конфликтами, созданием региональных группировок, устраняющих барьеры для перемещения людей, товаров, услуг и капитала, а также фундаментальные политические изменения во многих частях мира.

Говоря о преступлениях, совершаемых организованными группами нельзя отдельным пунктом не вынести такое социальное явление, как кибертерроризм. Так, за первое полугодие 2021 года в России зарегистрировано больше 271 тыс. Число таких преступлений увеличилось в шесть раз по сопоставлению со статистикой за 2019 год [1].

Топ-10 стран с самым худшим положением по уровню организованной преступности выглядит так: на первом месте Демократическая республика Конго с индексом 7,75, далее

идут Колумбия, Мьянма, Мексика, Нигерия, Иран, Афганистан, Ирак, ЦАР, Гондурас [2].

В 2001 году более 120 стран подписали широкомасштабную глобальную конвенцию против транснациональной организованной преступности. В последнее время ведется работа над глобальной конвенцией против коррупции, включая противодействие оффшорным и оншорным финансовым центрам, занимающихся отмыванием денег, значительные результаты даёт и региональное сотрудничество межгосударственного уровня на юге Африки, странах вокруг Балтийского моря и Юго-Восточной Азии.

Как далеко и как быстро может зайти эта интенсификация глобального сотрудничества? Один из способов попытаться ответить на этот вопрос – рассмотреть существующее сотрудничество в рамках стран Европейского Союза. Если сотрудничество может быть развито между этими пятнадцатью странами, с их совершенно разными правовыми системами и разными структурами уголовного правосудия, то его можно, по крайней мере, представить и в других странах.

Несколько слов о Европейском Союзе. Он состоит из пятнадцати государств-членов, включающих почти всю Западную Европу (кроме того, десять стран Центральной и Восточной Европы, а также Мальта и Кипр ведут переговоры о членстве). Одна из важных областей сотрудничества известна как «юстиция и внутренние дела», которая в значительной степени связана с контролем над организованной преступностью. Решения в этой сфере принимаются Советом Европейского Союза, в состав которого входят соответствующие министры от каждого государства-члена. Совет может принимать так называемые рамочные решения (ранее известные как «совместные действия»), общие позиции, резолюции, рекомендации и конвенции. «Рамочные решения» являются обязательными в отношении их цели, хотя каждое государство-член имеет определенную гибкость в отношении того, как изменить свое законодательство, чтобы обеспечить достижение этой цели.

«Совместные позиции» используются, например, в переговорах с третьими государствами и межправительственными организациями; государства-члены обязаны придерживаться любой согласованной совместной позиции. Резолюции и рекомендации не имеют обязательной силы, хотя и выражают политическую цель. Конвенции являются обязательными для подписавших их сторон, и на все государства-члены оказывается политическое давление с целью их подписания.

Вторым основным органом, принимающим решения в Европейском Союзе, является Комиссия, которая несет ответственность, в частности, за принятие решений по экономической интеграции Европейского Союза. У нее нет полномочий принимать решения по вопросам «правосудия и внутренних дел», хотя у нее есть право инициативы.

Третьей властью является избираемый прямым голосованием Европейский парламент, который имеет право на консультации, в том числе по вопросам правосудия и внутренних дел.

Общим правилом во всем мире является то, что сотрудники правоохранительных органов не имеют полномочий за пределами своей юрисдикции. Уведомления передаются через Интерпол. В остальном, официально обмен информацией осуществляется только по официальным двусторонним каналам, да и то лишь в некоторых случаях.

Координация трансграничных расследований происходит редко и требует значительной подготовки по офици-

альным каналам. Реальность Европейского Союза – Европол, координирует трансграничные расследования и стремится оказывать поддержку национальным правоохранительным службам в специальных областях. Европол выпускает ежегодные ситуационные отчеты по противодействию организованной преступности, объединяя данные всех государств-членов конвенции, которые распространяются почти на все страны-члены ЕС.

Шенгенская информационная система позволяет национальным правоохранительным органам практически мгновенно обмениваться данными по многим ключевым вопросам со своими коллегами в других странах.

Система охватывает около 50 000 терминалов в странах-членах ЕС. Правоохранительным органам разрешено преследование по горячим следам через границы, разрешено вести наблюдение на территории других стран, осуществлять контролируемые поставки.

Европол был создан в октябре 1998 года, когда Конвенция Европола вступила в силу среди пятнадцати стран Европейского союза. Это международная организация, штаб-квартира которой находится в Гааге, в Нидерландах. В настоящее время она не является оперативным органом. Это, например, не «Европейское бюро расследований», агенты которого уполномочены проводить расследования или арестовывать подозреваемых в различных странах Европейского союза. Целью Европола является «повышение эффективности и сотрудничества компетентных органов государств-членов в предотвращении и борьбе с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и другими серьезными формами международной преступности, когда существуют фактические признаки того, что в преступлении замешана организованная преступная структура, и два или более государств-членов затронуты данными формами преступности таким образом, что требуется общий подход государств-членов в силу масштаба, значимости и последствий соответствующих преступлений.

На Европол возложены конкретные задачи по предотвращению и борьбе с незаконным оборотом наркотиков, незаконным оборотом ядерных и радиоактивных веществ, незаконным ввозом иммигрантов, торговлей людьми и преступлениями, связанными с автотранспортом.

После создания Европола его мандат последовательно расширялся, включая, например, преступления, совершенные или могущие быть совершенными в ходе террористической деятельности, и отмывание денег. В настоящее время рассматриваются предложения о расширении мандата еще больше, например, на подделку денег и платежных средств.

Основные задачи Европола состоят в следующем:

- 1) содействие обмену информацией между государствами-членами,
- 2) получение, сопоставление и анализ информации и оперативных данных (включая подготовку ежегодных отчетов по организованной преступности),
- 3) уведомление компетентных органов государств-членов о касающейся их информации и о любых выявленных связях между уголовными преступлениями,
- 4) помощь в проведении расследований в государствах-членах путем передачи всей соответствующей информации национальным подразделениям;
- 5) получение компьютеризированной системы собранной информации.

Европолу также поручено развивать специальные знания о следственных процедурах компетентных органов го-

сударств-членов и предоставлять консультации по вопросам расследования, а также предоставлять стратегическую разведывательную информацию для оказания помощи и содействия эффективному и действенному использованию ресурсов, имеющихся на национальном уровне для оперативной деятельности. С этой целью Европол может оказывать помощь государствам-членам посредством консультаций и исследований в области подготовки кадров, организации и оснащения правоохранительных органов, а также обмен опытом в использовании технических и криминалистических методов работы полиции.

В октябре 1999 года, вскоре после вступления в силу Конвенции Европола, в Тампере, Финляндия, состоялся специальный саммит Европейского союза, на котором, среди прочих вопросов, обсуждалось дальнейшее совершенствование сотрудничества в борьбе с транснациональной организованной преступностью. Что касается Европола, то на встрече в Тампере, среди прочего, были сделаны следующие выводы:

– В качестве первого шага следует создать совместные следственные группы для борьбы с торговлей наркотиками и людьми, а также с терроризмом. Представителям Европола должно быть разрешено участвовать, по мере необходимости, в таких группах в качестве вспомогательного персонала.

– Роль Европола должна быть усилена путем предоставления ему права получать оперативные данные от государств-членов и уполномочивать его просить государства-члены инициировать, проводить или координировать расследования или создавать совместные следственные группы в определенных областях преступности, уважая при этом системы судебного контроля в государствах-членах.

В марте 2000 года был принят новый план действий против организованной преступности. В нем содержится ряд пунктов, касающихся Европола:

– Европол мог бы проводить исследования практики противодействия организованной преступности на национальном уровне и на уровне Союза и их эффективности, разрабатывать общие стратегии, политику и тактику, организовывать встречи, разрабатывать и осуществлять общие планы действий, проводить стратегический анализ, содействовать обмену информацией и разведанными, обеспечивать аналитическую поддержку многосторонних национальных расследований, оказывать техническую, тактическую и юридическую поддержку, предлагать технические средства, разрабатывать общие руководства, содействовать обучению, оценивать результаты и консультировать компетентные органы государств-членов.

– Следует рассмотреть возможность создания базы данных о незавершенных расследованиях, что позволит избежать дублирования расследований и привлечь к одному расследованию несколько европейских компетентных органов.

– Европол должен помочь в создании сети исследований и документации по трансграничной преступности, а также в организации сбора, хранения, обработки, анализа и обмена соответствующей информацией, включая информацию, которой располагают правоохранительные службы по сообщениям о подозрительных финансовых операциях.

Создание совместимых систем криминальной разведки между государствами-членами должно стать долгосрочной целью.

В Европе существует явная потребность в нем. Его потенциал для развития тесного сотрудничества между правоохранительными органами пятнадцати различных государств-членов Европейского Союза огромен. Опыт Европейского

Союза показывает, что практическое сотрудничество правоохранительных органов возможно и в рамках формальной структуры.

Правоохранительные органы во всем мире первыми соглашались с тем, что для выявления и пресечения организованной преступной деятельности, задержания преступников, разрушения преступных сетей, изъятия и конфискации доходов от преступлений необходим более проактивный подход, основанный на оперативной информации.

Необходима информация о профиле, мотивах и методах деятельности преступников, масштабах и тенденциях организованной преступности, воздействии организованной преступности на общество и эффективности мер реагирования на организованную преступность.

Эта информация включает оперативные данные (данные, касающиеся отдельных подозреваемых и выявленных случаев) и эмпирические данные (качественные и количественные криминологические данные). К сожалению, на глобальном уровне договоренности об обмене оперативными и эмпирическими данными по-прежнему носят специальный характер и заключаются между отдельными правоохранительными органами или даже отдельными лицами. Такие специальные договоренности также вызывают озабоченность по поводу того, соблюдается ли внутреннее законодательство о защите персональных данных. Реализация Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (в частности, статей 27 и 28) должна обеспечить более прочную основу для такого обмена данными.

Скорость, с которой государства-члены Европейского союза договорились о сотрудничестве, и приверженность, демонстрируемая на высоком политическом уровне в отношении реализации, показывают, что государства-члены очень хорошо осознают опасность, которую организованная преступность представляет для отдельного человека, общества, страны и международного сообщества. За последние несколько лет достигнут заметный, поистине беспрецедентный прогресс в национальных и международных мерах борьбы с организованной преступностью, о чем свидетельствуют укрепление законодательной базы, реорганизация системы уголовного правосудия, растущая сеть двусторонних и многосторонних соглашений, а также укрепление официальных и неофициальных международных контактов.

В области предупреждения и борьбы с организованной преступностью нам всем еще предстоит пройти долгий путь. Тем не менее, первые шаги уже сделаны, и опыт Европейского Союза может помочь в определении возможностей, а также подводных камней на предстоящем пути.

Пристатейный библиографический список

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2021 года // Официальный сайт МВД РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.ru/folder/101762/item/7207988/?print=1> (дата обращения: 16.03.2021).
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/online/news/4478965/> (дата обращения: 26.03.2022).

МАРИАНОВ Алихан Абдулаевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры юридических дисциплин и методики преподавания Дагестанского государственного педагогического университета

НУХДУЕВ Радик Орусханович

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры экономических, юридических и общеобразовательных дисциплин филиала Дагестанского государственного университета в Избербаше

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВИД ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ЮРИСПРУДЕНЦИИ

В статье рассматривается проблема освобождения несовершеннолетних из пенитенциарной системы, а в качестве альтернативы наказанию подростка помещается в закрытое специальное учебное заведение. В статье рассматриваются юридические основания для помещения правонарушителя в такое учреждение. Статья содержит анализ действующего законодательства и тенденций его развития в области регулирования деятельности закрытых специальных образовательных учреждений по организации образовательного процесса и особых условий воспитания подростков правонарушителей. Особое внимание уделяется интерпретации особенностей этого института.

Ключевые слова: несовершеннолетний, уголовная ответственность, наказание, освобождение от наказания, проживание в закрытом специальном учебном заведении.

MARIANOV Alikhan Abdulaevich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Legal disciplines and teaching methodology sub-faculty of the Dagestan State Pedagogical University

NUKHDUEV Radik Oruskhanovich

Ph.D. in historical sciences, senior lecturer of Economic, legal and general education disciplines sub-faculty of the branch of the Dagestan State University in Izberbash

A SPECIAL WAY TO RELEASE MINORS FROM CRIMINAL LIABILITY: ISSUES OF THEORY AND JURISPRUDENCE

The article deals with the problem of the release of minors from the penitentiary system, and as an alternative to punishment, a teenager is placed in a closed special educational institution. The article discusses the legal grounds for placing a criminal in such an institution. The article contains an analysis of the current legislation and trends in its development in the field of regulating the activities of closed special educational institutions for the organization of the educational process and special conditions for the upbringing of juvenile offenders. Special attention is paid to the interpretation of the features of this institution.

Keywords: minor, criminal liability, punishment, exemption from criminal liability, stay in a closed special educational institution.

Важной вехой стало принятие Конвенции о правах ребенка 20 ноября 1989 года на 44-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, к которой наша страна присоединилась 13 июня 1990 года. Международное сообщество подчеркнуло необходимость особой правовой защиты несовершеннолетних. Таким образом, Россия взяла на себя обязательство привести свое внутреннее законодательство в соответствие с Конвенцией. Некоторые шаги в этом направлении уже были предприняты.

«Ежегодно в Российской Федерации содержится около 30 000 несовершеннолетних, что в 15-20 раз превышает число несовершеннолетних, приговоренных к тюремному заключению в специальных воспитательных и исправительных учреждениях закрытого типа. В то же время от 25 до 30 процентов выпускников будут осуждены после окончания специальных школ и специальных школ в течение первого года обучения, от 40 до 45 процентов будут осуждены в течение двух лет, а каждый второй – в течение трех лет после окончания учебы» [6].

Специальные открытые и закрытые учебные заведения создаются для учащихся с девиантным (социально опасным) поведением, требующим особых условий обучения и педагогических подходов (статья 22 Федерального закона от 29 декабря 2012 г., № 273, «Об образовании в Российской Федерации», пункт 9).

Размещение учащихся в таких учреждениях и условия их пребывания устанавливаются в соответствии с пунктом

2 статьи 11 Закона о предотвращении правонарушений несовершеннолетних. В обязанности КДН входит, в частности, «составление документов для суда, касающихся содержания подростков в закрытых специальных учебных заведениях и других вопросов, предусмотренных российским законодательством. Число несовершеннолетних, размещенных в закрытых учебных заведениях, составило 296 человек (302 человека в 2020 году)» [5].

Размещение несовершеннолетнего в закрытом специальном образовательном учреждении является альтернативой уголовному наказанию несовершеннолетних.

С 2003 года ведется судебное разбирательство по размещению несовершеннолетних правонарушителей в специальных учебных заведениях закрытого типа и местах временного содержания органов внутренних дел. Эти правовые инструменты также создали новый механизм сотрудничества между государственными органами, ответственными за предотвращение правонарушений в отношении несовершеннолетних, и судами.

Часть 2 статьи 92 Уголовного кодекса предусматривает возможность суда освободить осужденного несовершеннолетнего от наказания и применить такую меру наказания, как проживание в закрытом специальном учебном заведении. «Помещение в специальном учебном заведении закрытого типа распространяется только на несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, совершивших преступление средней тяжести или тяжкое преступление».

Согласно официальной статистике, число нарушений пункта 2 статьи 92 Уголовного кодекса относительно велико. Статья 92 (2) Уголовного кодекса Российской Федерации относительно редко используется в судебной практике» [2].

Итак, В. А. Терентьева пишет, что «помещение подростков специальное закрытое учебное заведение в соответствии с частью 2 статьи 92 Уголовного кодекса имеет двойной юридический характер: как уголовный, так и административный» [7]. В связи с этим решение о переводе несовершеннолетнего в закрытое специальное учебное заведение в соответствии с пунктом 2 статьи 92 Уголовного кодекса имеет юридический характер» [7]. В связи с этим «решение о переводе несовершеннолетнего в закрытое специальное учебное заведение имеет свой характер в соответствии с пунктом 2 статьи 92 Уголовного кодекса. Уголовный кодекс России юридического характера» [7]. В связи с этим решение суда, поместить несовершеннолетнего в закрытое специальное учебное заведение в соответствии с пунктом 2 статьи 92 Уголовного кодекса. Уголовный кодекс имеет двойной правовой характер: как уголовный, так и административный. А. В. Карелин считает, что «принудительные меры воспитательного воздействия, хотя и закреплены в Уголовном кодексе Российской Федерации, по своему правовому характеру соответствуют не уголовному праву, а административному праву» [4].

Закрытые специальные образовательные учреждения – это учебные заведения для несовершеннолетних с девиантным (социально опасным) поведением, требующие особых условий воспитания и обучения и требующие особого педагогического подхода.

Одна из таких закрытых школ открылась в Казани в декабре 2002 года. В школе обучают молодых людей в возрасте от 11 до 17 лет. Все они являются жертвами психологического насилия, многие из них являются жертвами жестокого обращения в семье и на улице.

Число родителей, которые плохо относятся к своим детям и не выполняют свои конституционные обязанности по воспитанию и обучению детей, вызывает тревогу.

«Дети, поступающие в специальное закрытое учебное заведение, оказываются в травмирующей для них ситуации» [1]. Поэтому роль администрации в таких школах особенно важна, и ее основной задачей является организация и обеспечение психологической безопасности, которая рассматривается как защита жизни, здоровья, прав и свобод, чести и достоинства учащихся, а также защита общественного порядка и мира, духовных ценностей, прав и свобод учащихся Свободы учащихся рассматриваются. Учитываются свободы учебного заведения и его нормальное функционирование.

Размещение несовершеннолетнего в вышеназванном учреждении отличается от других воспитательных мер особой строгостью. Потому что это мера, которая ограничивает исполнение больше, чем некоторые уголовные наказания. На самом деле это самая жесткая, можно сказать, «крайняя» мера воспитательного воздействия. Это означает, что молодой человек будет изолирован от общества без наказания в виде заключения под стражу [3].

Кроме того, условия содержания в этих учреждениях являются человеческими. Например, несовершеннолетние, размещенные в этих учреждениях, не имеют права на посещение, если они не разговаривают с членами Комиссии по общественному надзору. Такие разговоры в закрытом специальном учебном заведении проходят в условиях, которые позволяют представителю администрации закрытого специального учебного заведения видеть их, но не слышать.

Факты показывают, что освобождение из тюрьмы и помещение в закрытое специальное учебное заведение более эффективно, чем условно-досрочное освобождение. Мы пришли к такому выводу, сравнив количество лиц, совершивших преступления после этого. Но все еще есть проблемы. Например, неясно, какие несовершеннолетние, пригово-

ренные к тюремному заключению за преступление средней тяжести или тяжести, нуждаются в специальных условиях обучения и лечения и не должны подвергаться наказанию, а какие должны быть наказаны.

В заключение следует отметить, что освобождение подростка из пенитенциарной системы в виде помещения в закрытом специальном учебном заведении может быть эффективным только при комплексном подходе к решению вышеперечисленных проблем на законодательном и правоохранительном уровнях.

Можно сделать вывод, что возможность помещения несовершеннолетнего в специальную закрытую школу на время испытательного срока повышает эффективность ограничений для осужденного, повышает судебный контроль за его поведением и уменьшает рецидив.

Совместно с представителями прокуратуры, суда, районных комиссий по делам молодежи и полиции необходимо разработать единый механизм практического применения положений Федерального закона «О предупреждении халатности и правонарушений несовершеннолетних» в отношении учебных заведений для размещения несовершеннолетних в специальных учреждениях. закрытые учебные заведения.

Пристатейный библиографический список

1. Галямов Н. А. Детство без жестокости насилия: защита и помощь // Вопросы ювенальной юстиции. – 2010. – № 3. – С. 13-16.
2. Давыденко А. В. Правовые основания для помещения несовершеннолетних в специальных учебных заведениях закрытого типа // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2009. – № 5. – С. 19-23.
3. Казакова Т. А. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовному наказанию // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2014. – № 2. – С. 18.
4. Карелин Д. В. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2001. – С. 113.
5. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году // Российская юстиция. – 2020. – №№ 8, 9, 10.
6. Помигалова О. А. Об альтернативной ответственности несовершеннолетних за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Наркоконтроль. – 2011. – № 2. – С. 12-14.
7. Терентьева В. А. Предупреждение рецидивной преступности несовершеннолетних специальными учебно-воспитательными учреждениями закрытого типа: Автореф. дис. ... юрид. наук. – Томск, 2008. – С. 7.

БАДАМШИН Ильфат Давлетнурович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России

ЗЕЛЕНЦОВ Алексей Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры деятельности ОВД в особых условиях Санкт-Петербургского университета МВД России

КУЛИЕВ Инал Борисович

преподаватель кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД России (филиала) Краснодарского университета МВД России

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «КАРАТЕЛЬНОЙ» СУЩНОСТИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

На протяжении многих столетий государство стремилось унифицировать наказания за совершение преступлений, в связи с чем преследовало специфические, на определенном этапе развития, цели. По мере совершенствования реализации института и модернизации правовой системы государства, цели уголовного наказания в России также претерпевали различного рода изменения. Следует отметить, что проблемы и вопросы уголовного наказания являются достаточно спорными и на сегодняшний день, несмотря на то, что в действующем уголовном законодательстве они имеют четкое нормативное закрепление. Данные вопросы необходимо разрешить для наиболее эффективного и стратегического развития нормативной системы России в сфере уголовного права.

Ключевые слова: уголовное наказание, цели наказания, сущность наказания, возмездие, кара.

BADAMSHIN Ilfat Davletnurovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ZELENTSOV Aleksey Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Internal affairs in special conditions sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

KULIEV Inal Borisovich

lecturer of Special disciplines sub-faculty of the North-Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

A FEW WORDS ABOUT THE «PUNITIVE» NATURE OF CRIMINAL PUNISHMENT

For many centuries, the state has sought to unify punishments for crimes, and therefore pursued specific goals at a certain stage of development. With the improvement of the implementation of the institute and the modernization of the legal system of the state, the goals of criminal punishment in Russia also underwent various kinds of changes. It should be noted that the problems and issues of criminal punishment are quite controversial even today, despite the fact that they have a clear normative consolidation in the current criminal legislation. These issues need to be resolved for the most effective and strategic development of Russia's regulatory system in the field of criminal law.

Keywords: criminal punishment, the purpose of punishment, the essence of punishment, retribution, punishment.

Государство, повышая качество и уровень жизни граждан, совершенствует все подвластные ему сферы общественной жизни, но, как правило, прогресс взаимосвязан с наличием определенного рода преград и затруднений. Кризисы в экономической сфере, расхождение в обществе являются источником возникновения многих проблем, в том числе политических.

Исходя из этого, модернизация государственной политики должна происходить в единстве со всеми сферами в совокупности, для чего необходимо отойти от средств и методов, используемых в XX веке. Важно найти такие способы, которые позволили бы в полном объеме решать поставленные вопросы и достигать целей.

И, в первую очередь, это касается вопросов противодействия и предупреждения преступлений. Привлечение лица к

уголовной ответственности за совершенное преступление в течение долгих лет является одним из самых эффективных способов предупреждения совершения преступлений.

Наиболее эффективными предупредительными мерами считаются неотвратимость наказания, его адекватность и справедливость и в целом весь порядок наложения наказания лицу, совершившему общественно-опасное деяние.

Как известно, действующий УК РФ в ст. 43 законодательно регламентирует цели уголовного наказания, к которым относятся исправление осужденного, восстановление социальной справедливости и предупреждение совершения но-

Бадамшин И. Д.

Зеленцов А. А.

Кулиев И. Б.

вых преступлений, выступающее в форме общей и частной превенции.

На наш взгляд, на сегодняшний день необходимо переформатировать данные цели, а также выработать новые способы их достижения в условиях постоянно развивающейся политико-правовой системы государства, а также его интеграции в мировое сообщество. Но в то же время нельзя соглашаться с существующим постулатом, что в действующей реальности цели уголовного наказания претерпевают кризисное состояние и в целом являются недостижимыми.

Поводом для дискуссии стал вопрос, является ли кара целью наказания в современной России. Аналогичные вопросы возникают в связи с тем, что такие понятия как «цель наказания» и «кара» относятся, скорее всего, к философской сфере, нежели чем к правовой.

Однако, по нашему мнению, необходимо рассматривать кару в одной правовой плоскости с целями уголовного наказания. Следует разобраться в данных понятиях и ответить на вопрос: является ли кара самостоятельной целью уголовного наказания в России?

Отметим, что кара, как таковая, не входит в вышеуказанный исчерпывающий перечень целей наказания. Однако Уголовный кодекс 1960 г. (далее – УК РСФСР) включал в себя следующее определение: «Наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами» (ст. 20).

Проанализировав данную статью, можно с полной уверенностью заявить, что кара в рамках УК РСФСР являлась наиболее главной основополагающей уголовной наказанием.

Проблеме отнесения кары к целям уголовного наказания посвящено множество трудов различных ученых. Еще Иммануил Кант констатировал, что «приоритетная цель любого наказания – это кара и возмездие в отношении лица, совершившего преступление», но при этом любая внешняя цель им категорически отрицалась. Наказание, по его мнению, налагалось на лицо именно потому, что было совершено преступление, однако человек не мог служить средством достижения иной цели для других лиц [1].

Такие авторы, как М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин, придерживающиеся доктрины о том, что кара относится к главной и фундаментальной цели уголовного наказания, обосновывают свое мнение тем, что лицу, виновному в совершении преступления обязательно должно быть назначено наказание, но ссылаться лишь на принцип «жизнь за жизнь» будет не объективно и неразумно, т.к. наказание должно быть соразмерным, адекватным и целесообразным возмездием за совершенное общественно опасное деяние [2, с. 15–16].

Таким образом, опираясь на мнение ученых, придерживающихся данной теории, можно прийти к выводу, что даже если в самом уголовном законе кара не упоминается в качестве целей уголовного наказания, то она не перестает ею быть в связи с тем, что позволяет более всеобъемлюще отразить всю его сущность,

В данной связи закономерно возникает вопрос: что необходимо понимать под карой?

В науке отсутствует единое понимание и трактование данного понятия, а также встречаются такие случаи, когда мнения авторов являются абсолютно противоположными.

Так, например, А. З. Рыбак говорит о том, что кара — это справедливая месть или возмездие преступнику со стороны общества и государства и даже подчеркивает, что она является практически единственным средством достижения социальной справедливости [3, с. 43].

Несколько иной позиции придерживается В. К. Дуонов, который резко критикует исключение понятия «кара» из УК РФ, т.к. отмечает, что кара это реакция на совершенное преступление, и она носит характер упрека и порицания в отношении преступника, имеет самостоятельную цель, а именно – воздействие на поведение лица, виновного в совершении преступления, определенным психологическим, воспита-

тельным и иным воздействием, что позволит предупредить совершение им новых преступлений [4, с. 356].

В. Д. Филимонов, принимавший участие в разработке действующего УК РФ, одновременно руководил группой, которая занималась разработкой проекта Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. В процессе осуществления данной деятельности им был написан непосредственно комментарий к ст. 43 УК РФ в котором он указал, что вполне справедливо и разумно отказаться от определения наказания как кары, т.к. данные понятия не во всех отношениях являются сопоставимыми. Более того они представляют собой синонимы, в связи с чем отдельное упоминание в конкретной статье УК РФ трактовки понятия «кара» не является необходимостью [5, с. 243].

Если соглашаться с данной позицией, то можно сказать, что кара никак не может являться отдельной целью уголовного наказания, т.к. в итоге это бы означало, что наказание – это и есть самоцель.

Но мы видим следующее: в науке уголовного права существует множество определений дефиниции «кара», в связи с чем каждый автор придает данному понятию свое, индивидуальное значение. И именно от трактовки зависит вопрос о выделении ее в качестве отдельной цели наказания, или же отождествление ее с самим понятием наказания.

С нашей точки зрения кара представляет собой своего рода «возмездие» со стороны государства на лицо, совершившее преступление, проявляющееся в различных рода ограничениях и запретах, которое соразмерно совершенному общественно опасному деянию. Помимо этого, рассматривать понятия «кара» и «наказание» в одной правовой плоскости и отождествлять их является ошибочным, т.к. кара – это часть уголовного наказания, включающее помимо этого принуждение и воспитательное воздействие на преступника.

Соответственно несмотря на то, что действующий в настоящее время УК РФ не содержит в себе единого понятия «кара», это не является выводом о том, что государство не рассматривает ее в качестве целей уголовного наказания. Таким образом, для устранения вопросов, существующих в науке на сегодняшний день необходимо рассматривать вопросы регламентации целей наказания с помощью расширительного толкования.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод: кара является целью уголовного наказания в современной России, т.к. именно в ней, по нашему мнению, заключается смысл и сущность уголовного наказания.

Пристатейный библиографический список

1. Кант И. Метафизика нравов. Сочинения в шести томах / Под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М.: «Мысль», 1965. – Т. 4. – Ч. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/sochineniya-v-6-ti-tomakh-t-4-ch-2/> (дата обращения: 28.03.2022).
2. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Уголовное наказание в конфликтологическом аспекте // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2015. – № 1 (3). – С. 15–25.
3. Рыбак А. З. Место кары в правовом механизме достижения целей наказания // Философия права. – 2011. – № 2 (45). – С. 43–47.
4. Дуонов В. К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике: монография. – Курск, 2000. – 504 с.
5. Краткий комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. В. Д. Филимонова. – М., 2004.

ДУНИН Олег Николаевич

ассистент кафедры уголовного права Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

Дунин О. Н.

К ВОПРОСУ ОБ ОБОСНОВАННОМ РИСКЕ В МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Актуальность поставленной темы обусловлена возросшим интересом к вопросам уголовной ответственности медицинских работников. Следственный комитет РФ отчитывался о возросшем числе уголовных дел, возбуждаемых против медицинских работников. Медицинское сообщество неоднократно выражало обеспокоенность формирующимся при рассмотрении дел обвинительным уклоном. В связи с этим вырастает потребность в уточнении пределов правомерности действий медицинских работников, в том числе посредством анализа обстоятельств, исключавших преступность деяния. В статье рассматриваются условия правомерности обоснованного риска применительно к действиям медицинского работника. Автор приходит к выводу, что состояние обоснованного риска в медицинской деятельности может возникать при применении экспериментальных и экстраординарных методов лечения и диагностики. К критериям правомерности обоснованного риска в медицинской деятельности относятся достижение общественно полезной цели исцеления пациента, принятие достаточных мер для предотвращения вреда, заведомое отсутствие опасности для жизни нескольких больных, а так же необходимость добровольного информированного согласия со стороны пациента на проведение рискованных действий. Последнее требование не содержится в Уголовном Кодексе РФ, и, по мнению автора, должно быть внесено в действующий уголовный закон.

Ключевые слова: медицинская деятельность, обстоятельства, исключающие преступность деяния, обоснованный риск, уголовная ответственность медицинских работников, причинение вреда в медицинской деятельности.

DUNIN Oleg Nikolaevich

assistant of Criminal law sub-faculty of the Law Faculty of the Kazan Federal University

ON THE ISSUE OF REASONABLE RISK IN MEDICAL ACTIVITY

The relevance of the topic is due to the increased interest in the issues of criminal liability of medical workers. The Investigative Committee of the Russian Federation reported on the increased number of criminal cases brought against medical workers. The medical community has repeatedly expressed concern about the accusatory bias emerging during the consideration of cases. In this regard, there is a growing need to clarify the limits of the legality of the actions of medical workers, including by analyzing the circumstances that excluded the criminality of the act. The article discusses the conditions of the legitimacy of a reasonable risk in relation to the actions of a medical worker. The author comes to the conclusion that the state of reasonable risk in medical activity may arise when using experimental and extraordinary methods of treatment and diagnosis. The criteria for the legitimacy of a reasonable risk in medical activity include the achievement of a socially useful goal of healing the patient, taking sufficient measures to prevent harm, the deliberate absence of danger to the lives of several patients, as well as the need for voluntary informed consent on the part of the patient to carry out risky actions. The latter requirement is not contained in the Criminal Code of the Russian Federation, and according to the author should be included in the current criminal law.

Keywords: medical activity, circumstances excluding criminality of the act, reasonable risk, criminal liability of medical workers, causing harm in medical activity.

Такое обстоятельство, исключающее преступность деяния, как обоснованный риск несомненно релевантно сфере медицинской деятельности, поскольку врачебное дело по своей природе во многом носит рисковый характер [10; с.86]. В современной науке уголовного права на высоком уровне проработаны критерии правомерности обоснованного риска, хотя их перечень и содержание может варьироваться в изложении различных авторов.

В.В. Орехов относит к условиям правомерности обоснованного риска: во-первых, направленность на достижение общественно полезной цели; во-вторых, недостижимость не связанными с риском средствами; в-третьих, принятие достаточных для предотвращения наступления вреда законным интересам мер; в-четвертых, отсутствие заведомой сопряженности с угрозой для жизни многих людей, экологической катастрофы или общественного бедствия [8; с. 147-149].

А.В. Никуленко, солидаризируясь с Н.Ш. Козаевым не относит к числу условий правомерности обоснованного риска невозможность достижения общественно полезной цели

действиями, не связанными с риском, поскольку «выполнение данного условия существенно сужает рамки дозволенного риска» [6; с. 314].

Особенности применения норм об обоснованном риске к действиям, осуществляемым медицинскими работниками, во многом носят непроясненный характер. Важнейший вопрос, на который необходимо перед тем, как давать характеристику условиям правомерности обоснованного риска в медицинской деятельности – возникает ли состояния обоснованного риска в каждом случае оказания медицинской помощи?

В целом, можно выделить два подхода к обоснованному риску в медицинской деятельности. Согласно узкому пониманию, обоснованный риск увязывается с некоторым научным экспериментом, при заведомом отсутствии традиционных эффективных методов лечения. О.М. Сариев полагает что «медицинский риск необходимо понимать, как совершение медицинским работником лечебно-диагностических мероприятий в целях излечения больного при условии от-

сутствия или неэффективности существующих методов диагностики или лечения, а также проведение медицинских исследований для излечения больных в будущем» [13].

Согласно широкому пониманию, обоснованный риск часто встречается и в обычной клинической практике, не связанной с экспериментами, в специальной литературе приводится пример с достаточное заурядными гинекологическими манипуляциями – которые всегда сопровождаются определенным риском. По мнению И.В. Ившина «подавляющее большинство не являющихся общественно опасными и противоправными медицинских вмешательств с неблагоприятным для жизни или здоровья больного исходом выполняются в условиях обоснованного риска» [2; с. 36].

Н.В. Павлова полагает, что любое воздействие на человеческий организм потенциально связано с возможностью причинения ему вреда, и данное причинение вреда подпадает под действие нормы об обоснованном риске в том случае, если оно внешне сходно с преступлением. Данный автор приводит классификацию обоснованного риска в медицинской деятельности, согласно которой выделяет риск в терапии, хирургии и экспериментальной медицине [9; с. 174]. Однако, в дальнейшем она сужает сферу применения обоснованного риска в медицине, заостряя внимание экспериментальных методов лечения: «оперативно-терапевтическом риску прибегает для оказания помощи конкретному больному в тех случаях, когда традиционный метод бессильны, а новый рискованный обещает улучшение состояния» [9; с. 174].

А.И. Рагог и Т.Г. Понятовская отмечают, что с одной стороны действия медицинских работников априори связаны риском, с другой же стороны, по их мнению, норма ст. 41 УК РФ ввиду широты ее формулировки, мало применима к действиям медицинских работников, вследствие чего авторы полагают необходимым закрепление в уголовном законе нормы о медицинском риске [11].

Н.Н. Аськов признает ошибочным отождествление всех случаев медицинского вмешательства с обоснованным риском [1; с. 99].

Применительно к обоснованному риску в медицинской деятельности, мы склонны солидаризироваться с более узким его пониманием, согласно которому сфера его применения ограничена экспериментальной медициной, а сам обоснованный риск не может обосновать правомерность причинения вреда здоровью в ходе оказания медицинской помощи в каждом случае обращения за медицинской услугой.

Во-первых, такое обстоятельство, исключающее преступность деяния как обоснованный риск, по нашему мнению, генетически предназначено для применения в нештатных ситуациях.

Во-вторых, учитывая тот факт, что врачебная деятельность как таковая связана с некоторой долей риска, предположение согласно которому хирург каждый рабочий день действует в состоянии обоснованного риска – выглядит некоторым преувеличением, тем более что ряд медицинских манипуляций, хотя и связаны с нарушением физической целостности организма, но с настолько малой вероятностью несут риск осложнений, что делает невозможным применение ст. 41 УК РФ. Например, едва ли каждая операция по септопластике – исправлению носовой перегородки, совершается в состоянии необходимого риска.

В-третьих, достижение общественно полезной цели является одним из условий правомерности обоснованного риска, закрепленных УК РФ. Однако, значительное количество медицинских манипуляций, по нашему мнению, априори не направлены на достижение общественно полезной цели. Набирающие все большую популярность косметологические манипуляции и пластические операции в целях улучшения внешности относятся к медицинским услугам, они действительно могут кардинально улучшить качество жизни лица, к ним прибегающего, но едва-ли омо-

ложение популярной певицы имеет хоть какую-то пользу для общества в целом.

Поэтому следует согласиться с авторами, связывающими обоснованный риск в медицинской деятельности с экстраординарными и экспериментальными ситуациями.

Придя к выводу, что обоснованный риск в медицине связан с внедрением экспериментальных методов лечения, проанализируем условия правомерности обоснованного риска, закрепленные ст. 41 УК РФ применительно к данной сфере деятельности.

Первым условием правомерности обоснованного риска является достижение общественно полезной цели. Применительно к сфере медицинской деятельности в качестве такой цели, по нашему мнению, выступает улучшение состояния здоровья пациента.

На это указывают авторы монографии «Актуальные проблемы уголовной ответственности медицинских работников»: «при оказании медицинской помощи обоснованным надо признавать риск, ставящий своей целью спасение либо минимизацию вреда жизни и здоровья пациента как социально полезные цели» [2; с. 92]. Схожие формулировки предлагают Н.В. Павлова [9; с. 174], Н.А. Огнерубов [7; с. 108], А.И. Рагог и Т.Г. Понятовская [11; с. 326].

Ю.А. Чернышева [19; с. 41-44] относит к общественно полезным целям так же интересы медицинской науки.

Думается, говорить об интересах медицинской науки как самостоятельной общественно полезной цели в контексте обоснованного риска чревато некоторыми негативными последствиями, ведь речь может идти в том числе об экспериментах над людьми. Даже опуская примеры германо-нацистских и японско-милитаристских военных преступников, в истории новейшей истории человечества достаточно примеров, когда интересами науки оправдывали вопиющие нарушения прав человека. Так, широкую известность получили исследования венерических заболеваний в Гватемале, проводимые с одобрения Службы общественного здравоохранения США и включающие в себя заражение здоровых пациентов сифилисом в интересах науки [20].

По нашему мнению, интересы науки могут выступать лишь в качестве побочного продукта основной цели обоснованного риска в медицинской деятельности – улучшение состояния здоровья конкретного пациента. В случаях же возникновения противоречия между интересами конкретного пациента и науки, приоритет должен отдаваться первым, пренебрежение же интересами конкретного пациента в пользу науки не может подпадать под действие норм об обоснованном риске.

Вторым критерием правомерности обоснованного риска принято считать неустранимость опасности не связанной с риском способом. Выше мы отмечали, что А. В. Никуленко обращал внимание на некоторую сомнительность данного критерия, а Н.Ш. Козаев не включает его в авторское определение обоснованного риска.

Даже на настоящий день, текущий уровень развития медицинской науки таков, что по мнению специалистов, невозможно заниматься медицинской деятельностью, а тем более оказывать медицинскую помощь, без потенциального риска причинения вреда здоровью пациента [15; с. 8-13].

Медицинскому работнику, равно как и любому другому лицу, действующему в рискованной ситуации, принимать рискованное решение должно быть единственно возможным в данной ситуации, поскольку как бы альтернативно не выглядела клиническая картина, гипотетическое допущение что указанная цель могла быть достигнута не связанными с риском действиями ставит рискующее лицо под потенциальную угрозу уголовного преследования.

Для разрешения подобной проблемы, видится целесообразным убрать из редакции ст. 41 Уголовного кодекса РФ

требование о недостижимости цели не связанными с риском действиями, поскольку термин «недостижимость» ставит слишком строгие требования к лицу, действующему в условиях риска, а безальтернативный характер выбора дезавуирует само понятие риска.

Третьим условием правомерности обоснованного риска в медицинской деятельности выступает принятие достаточных мер для предотвращения наступления вреда. Мы солидарны с авторами, отмечающими что достаточность следует трактовать с точки зрения субъективной оценки принятых мер лицом, предпринимаящим рискованные действия [11; с. 327].

Отмечая тот факт, что достаточность мер определяется субъектом риска, меры должны в общем и целом соответствовать требованиям, предъявляемым к методам лечения и диагностики медицинской наукой, врачебной практикой и стандартами лечения, мы должны отметить, что применение последних в случае медицинского риска затруднительно в том плане, что применительно к экспериментальной медицине протоколы лечения отсутствуют в силу естественных причин, поэтому больший акцент следует делать на данные медицинской науки.

Требование достаточности мер, ввиду своей субъективности напрямую коррелирует с квалификацией и опытом специалиста, принимающего на себя медицинский риск. Хотя ст. 41 не устанавливает требования о специальном субъекте риска, многие авторы на основании требования достаточных мер делают вывод, что такие требования применительно к медицинской деятельности способны выполнить только профессиональные медицинские работники. А.В. Серова прямо относит к субъектам медицинского риска врачей и средний медицинский персонал [14; с. 149]. Л.В. Красуцких и Е.В. Евстратенко отмечают важность не столько формальной профессиональной принадлежности, сколько наличие опыта и знаний у рискующего лица [4; с. 37], которыми со всей очевидностью могут обладать только профессиональные медицинские работники.

В общем и целом, с подобными требованиями, предъявляемыми к субъектам медицинского риска, следует согласиться. Однако, необходимо сделать небольшую оговорку, непрофессионал может совершить медицинскую манипуляцию, если он находится в экстремальных условиях, когда поблизости нет медицинского работника и требуется экстремальная помощь (например, принять роды в полевых условиях) и его действия будут подпадать под правила ст. 41 УК РФ. Для непрофессионала любая медицинская манипуляция априори связана с риском, даже не связанная с экспериментом, конечно, следует отметить, что в таких случаях речь не идет о врачебном риске в строгом смысле слова.

Четвертым условием выступает отсутствие заведомой сопряженности с угрозой для жизни многих людей, экологической катастрофы или общественного бедствия. Применительно к сфере медицинской деятельности заведомая угроза для жизни многих людей может возникнуть в случае целенаправленного медицинского эксперимента, где новый метод лечения тестируется на достаточно широком круге лиц.

Масштабов общественного бедствия достигли последствия применения в Великобритании талидомида – препарата, оказывающего снотворное и седативное действие, фактически препарат, не прошедший должной проверки, протестировали на широком круге лиц, в то время как он вызывал обширные пороки развития плода у беременных женщин¹.

Порядок проведения биомедицинских исследований и экспериментов регулируется целым рядом правовых норм

как на международном, так и на внутригосударственном уровне.

Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации 1964 года² содержит такие принципы биомедицинских исследований как научная обоснованность, точность проводимого эксперимента и получаемых данных; компетентность исследователя; пропорциональность (между потенциальным риском для здоровья испытуемого и потенциальной пользой); информированного согласия пациента на участие в эксперименте.

Так же следует отметить, что требования, предъявляемые к медицинскому эксперименту в случаях, когда целью эксперимента выступает спасение конкретного пациента, и когда целью выступает запланированная проверка лекарственного средства на широком круге лиц различаются. В первом случае, возможно остаться в пределах условий правомерности обоснованного риска, даже если в результате рискованных действий наступает смерть человека, во втором же случае, если негативные последствия хотя бы в виде причинения вреда тяжкого вреда здоровью проявляются у широкого круга лиц – налицо общественное бедствие, а такое деяние не может подпадать под действие нормы об обоснованном риске в соответствии с ч. 3 ст. 41 УК РФ.

В любом случае, медицинский эксперимент не может признаваться законным, если он создает угрозу причинения смерти, либо причинения тяжкого вреда здоровью широкому кругу лиц.

Поэтому некоторые авторы, говоря о медицинском эксперименте приводят авторские позиции относительно критериев правомерности обоснованного риска.

Ю.А. Чернышева относит к таковым, помимо уже упомянутых выше: отсутствие корыстной или иной личной заинтересованности медицинского работника, добровольное согласие пациента, отсутствие заведомой сопряженности с угрозой для жизни или здоровья пациента и недопущение более значительного вреда, по сравнению с болезнью [19; с. 41-44].

А.В. Серова отмечает, что медицинский риск должен соответствовать следующим критериям: наличие общественно полезной цели, невозможность достижения цели традиционными методами, вероятностная возможность наступления вредных последствий, действия врача должны опираться на опыт и достижения науки, принятие всех возможных мер для предотвращения вреда, получение предварительного согласия пациента [14; с. 141-142]. Если проанализировать выделяемые данным автором критерии правомерности не содержащиеся в уголовном законе, то вероятностный характер наступления последствий вытекает из самой природы риска, а опора врача на опыт и достижения науки по сути есть уточнение критерия принятия всех возможных для предотвращения вреда мер.

Касательно же отсутствия корыстной либо иной личной заинтересованности лица, ставящего эксперимент, необходимо отметить, что, по нашему мнению, этот критерий, выделяемый Ю.А. Чернышевой, далеко не бесспорен. Закон говорит о наличии общественно полезной цели, в случае медицинской деятельности – это улучшение состояния пациента, но, думается, с точки зрения права глубоко безразлично, каким мотивом руководствуется врач, стремящийся к данной цели. Желание ли это вписать свое имя в историю медицины, прославиться, продвигнуться в профессии, вследствие чего улучшить материальное положение или желание спасти пациента из гуманистических соображений. С точки

1 «Санди Таймс» (The Sunday Times) против Соединенного Королевства. Решение Европейского Суда по правам человека от 26 апреля 1979 г. // СПС Гарант

2 «Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации. Этические принципы проведения медицинских исследований с участием человека в качестве субъекта» (Принята в г. Хельсинки в июне 1964 года на 18-ой Генеральной Ассамблее ВМА) // СПС Консультант.

зрения прагматизма, большинство людей в своей профессии руководствуются в первую очередь отнюдь не альтруистическими мотивами. С точки зрения уголовного права важно только наличие цели излечения пациента, мотивы врача второго порядка для квалификации значения не имеют.

Если говорить о таких критериях правомерности обоснованного риска как отсутствие заведомой сопряженности с угрозой для жизни или здоровья пациента и недопущение более значительного вреда, по сравнению с болезнью, выделяемых Ю.А. Чернышевой, то такое выделение также не представляется оправданным. Заведомо исключить угрозу для жизни или здоровья пациента, значит вовсе устранить ситуацию риска, в отсутствие какой бы то ни было угрозы исключает саму возможность применения обоснованного риска. Недопущение же более значительного вреда по своей природе присуще крайней необходимости, и ни коим образом не вытекает ни из законодательных критериев правомерности, ни из самой природы обоснованного риска.

Следует согласиться с тем, что ключевым условием правомерности обоснованного риска выступает необходимость добровольного информированного согласия пациента на рисковое действие в тех случаях, когда последний способен дать такое согласие по состоянию здоровья.

Наличие добровольного согласия пациента является одним из условий оказания медицинской помощи в целом. Закон устанавливает ряд исключений из данного требования, например, неспособность лица выразить свою волю, отсутствие законных представителей, представление опасности для окружающих и проч.³ Касательно клинических исследований лекарственных средств, то ст. 43 ФЗ «Об обращении лекарственных средств», подтверждает необходимость наличия информированного согласия пациентов для проведения данных экспериментов⁴.

По нашему мнению, требование добровольного информированного согласия должно быть отражено и в ст. 41 УК РФ.

Вследствие чего ст. 41 УК РФ необходимо дополнить ч. 4 следующего содержания: «Риск, осуществляемый в сфере медицинской деятельности, может быть признан обоснованным только при наличии добровольного информированного согласия пациента. Такого согласия не требуется, если пациент по состоянию здоровья не может выразить свою волю».

Пристатейный библиографический список

1. Аськов Н.Н. Уголовно-правовые предписания об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в применении к медицинскому работнику: дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2021. – 277 с.
2. Ившин И. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния в сфере профессиональной медицинской деятельности // Медицинское право. – 2006. – № 1. – С. 33-38.
3. Кибальник А.Г., Старостина Я.В. Актуальные проблемы уголовной ответственности медицинских работников. Монография. – М.: Илекса, 2006. – 92 с.
4. Красуцких Л.В., Евстратенко Е.В. Субъективные признаки общественно обоснованного риска в сфере медицинской деятельности // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2014. – № 3. – С. 37.
5. Медицинское право России: учебник для бакалавров / Отв. ред. А.А. Мохов. – М.: Норма: ИНФРА М, 2015. – 335 с.

6. Никуленко А.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... докт. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2019. – 512 с.
7. Огнерубов Н.А. Профессиональные преступления медицинских работников: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2014. – 171 с.
8. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 217 с.
9. Павлова Н.В. Уголовно-правовое регулирование медицинской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – 201 с.
10. Пикуров Н.И. Риски медицинского вмешательства: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. – 2018. – № 3. – С. 86-92.
11. Рапог А.И., Понятовская Т.Г. Медицинский риск в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskiy-risk-v-ugolovnom-prave> (дата обращения: 03.02.2022).
12. «Санди Таймс» (The Sunday Times) против Соединенного Королевства. Решение Европейского Суда по правам человека от 26 апреля 1979 г. // СПС Гарант.
13. Сариев О.М. Крайняя необходимость в медицинской деятельности и условия ее правомерности // Вестник ТГУ. – 2014. – № 11 (139). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kрайnyaya-neobhodimost-v-meditsinskoj-deyatelnosti-i-usloviya-ee-pravomernosti> (дата обращения: 27.03.2020).
14. Серова А.В. Профессиональный риск медицинских работников: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1999. – 161 с.
15. Тимофеев И.В. Медицинские и правовые аспекты рисков медицинской помощи: медицинского вмешательства и бездействия медицинского работника // Медицинское право. – 2017. – № 4. – С. 8-13.
16. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // СПС Консультант.
17. Чернышева Ю.А. Условия правомерности проведения биомедицинских экспериментальных исследований с участием человека в РФ // Медицинское право. – 2014. – № 3. – С. 41-44.
18. Юдин Б. Г. 2012. 02. 004. «Этически невозможно». Исследование болезней, передающихся половым путем, в Гватемале с 1946 по 1948 г. «Ethically impossible». Std research in Guatemala from 1946 to 1948 // Presidential Commission for the study of bioethical issues. - Washington, DC, 2011. - September. - x, 206 p. - mode of access: http://bioethics.gov/cms/sites/default/files/ethically-impossible_pcsbi.Pdf // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8, Науковедение: Реферативный журнал. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2012-02-004-eticheski-nevozmozhno-issledovanie-bolezney-peredayuschihya-polovym-putem-v-gvatemale-s-1946-po-1948-g-ethically-impossible> (дата обращения: 24.04.2020).

3 Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС «Консультант».

4 Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» // от 12.04.2010 № 61-ФЗ СПС «Консультант».

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-285-287

СЕРГИЕНКО Н. Б.

старший преподаватель кафедры уголовного права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВИДА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ИЛИ ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, А ТАКЖЕ ИХ АНАЛОГОВ

Работа посвящена вопросам разграничения ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, в зависимости от их влияния на организм человека. Проанализировано законодательство иных стран на предмет разграничения ответственности за незаконный оборот указанных предметов. Исследованы точки зрения различных авторов относительно указанного вопроса. В выводах указана авторская позиция относительно целесообразности дифференциации ответственности за незаконный оборот данных предметов, в зависимости от их «тяжести».

Ключевые слова: криминализация, декриминализация, наркотические средства, психотропные вещества, аналоги, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

SERGIENKO N. B.

senior lecturer of Criminal law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY, DEPENDING ON THE TYPE OF NARCOTIC DRUGS OR PSYCHOTROPIC SUBSTANCES, AS WELL AS THEIR ANALOGUES

The work is devoted to the issues of delimitation of responsibility for illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues, depending on their impact on the human body. The legislation of other countries has been analyzed in order to delineate responsibility for the illegal circulation of these items. The points of view of various authors regarding this issue have been studied. The conclusions indicate the author's position regarding the expediency of differentiating of responsibility for the illegal circulation of these items, depending on their "severity".

Keywords: criminalization, decriminalization, narcotic drugs, psychotropic substances, analogues, illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues.

Сергиенко Н. Б.

Одной из приоритетных задач государства является противодействие преступности, в каких-либо ее формах и проявлениях. Однако, необходимо отметить, что противодействие тому или иному деянию заключается не только в усилении репрессивных мер. Декриминализация, смягчение ответственности, установление условий освобождения от уголовной ответственности за те или иные деяния и иные меры, также являются частью указанной деятельности.

Наркотические средства и психотропные вещества в настоящее время используются в медицинской и экспертной деятельности, научных и учебных целях, ветеринарии¹. Свободный оборот указанных предметов на территории Российской Федерации запрещен, за незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ, в соответствии с действующим законодательством, предусмотрена уголовная ответственность.

В соответствии с законодательством, а именно перечнем наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, данные предметы можно подразделить на: наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, оборот

которых в Российской Федерации запрещен в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации; наркотические средства и психотропные вещества, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации; психотропные вещества, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых допускается исключение некоторых мер контроля в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации².

В юридической литературе существует довольно много видов классификации анализируемых предметов. По составу подразделяют на: синтетические, растительные; по способу употребления на: таблетки (капсулы), порошки, жидкие наркотики и др. Также, отдельные авторы, которые проводят исследования данных предметов, классифицируют их по фармакологическому воздействию на организм человека (опиоды; наркотические средства, получаемые из конопли; стимуляторы, амфетамин и его производные; галлюцино-

¹ Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/5208aa55cd69e9eafcbob4d99fc4ac525b40395c/ (дата обращения: 01.04.2022).

² Постановление правительства РФ от 30.06.1998 № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров подлежащих контролю в Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12112176/?> (дата обращения: 01.04.2022).

гены; успокаивающие средства и транквилизаторы; другие контролируемые вещества) [3, с. 180].

В общем, наркотические средства и психотропные вещества можно подразделить на: 1 класс опасности чрезвычайно опасные – предметы из списка I, 2 класс опасности высокоопасные – предметы из списка II, 3 класс опасности умеренно опасные – предметы из списка III, 4 класс опасности опасные – растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, а также части этих растений, 5 класс опасности малоопасные – прекурсоры наркотических средств, психотропных веществ и наркосодержащих растений.

Раскрывая данный вопрос целесообразно указать, что в ряде стран, уголовное законодательство предусматривает дифференциацию ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в зависимости от лиц, их употребляющих и видов указанных предметов.

По мнению отдельных авторов государства, по законодательному закреплению ответственности за незаконный оборот данных предметов, подразделяются на следующие группы: государства с мягким (либеральным) законодательством; государства, законодательство которых наиболее взвешено и дифференцированно подходит к данной проблеме; государства, с наиболее строгим законодательством; государства, в которых законодательство об ответственности за незаконный оборот указанных предметов находится на стадии формирования (становления) [8, с. 291].

Так, в Германии незаконное приобретение и хранение лицами, которые не представляют опасность для общества и наличия возможности их излечения от наркозависимости, предусматриваются положения о смягчении наказания, отсрочки или освобождении от его исполнения либо освобождение от уголовного преследования [5, с. 34].

В Нидерландах, в целом, приобретение и хранение данных предметов запрещено, однако допускается свободная продажа марихуаны в специально отведенных местах – кофе-шопах (специальные места, предназначенные для продажи и употребления указанных веществ). Также предусмотрено освобождение от уголовной ответственности в случае, если лицо задержано с легким наркотиком (в законе «Opium wet» все наркотические вещества разделены на легкие и тяжелые), весом до 0,5 грамма (конопли до 5 грамм)³. Также целесообразно указать, что по законодательству данной страны, лица, совершающие преступления в сфере незаконного оборота наркотиков подразделяются на три группы – потребители, мелкие сбытчики и крупные сбытчики. Однако, необходимо отметить, что по мнению отдельных авторов, либерализация законодательства в указанной сфере в данном государстве привело к росту количества преступлений и наркозависимых, что привело к необходимости пересмотра наркотической политики [1, с. 272].

Законодательство Великобритании запрещает свободный оборот каких-либо наркотических средств или психотропных веществ. Однако, необходимо отметить, что в данной стране гражданам Европейского союза разрешено въезжать на ее территорию с лекарствами, которые содержат

каннабис, при условии, что законодательно четко не регламентировано количество препаратов, разрешенных к ввозу.

Страной, законодательство которой также запрещает оборот указанных предметов, является Соединенный Штаты Америки. На территории данной страны еще в 1970 году был принят закон «О борьбе со злоупотреблениями наркотиков», в соответствии с которым запрещен оборот каких-либо видов наркотических средств или психотропных веществ. В последующем в данной стране принят ряд законов, которые ужесточали ответственность за незаконный оборот наркотиков. Наряду с ужесточением, в нормативных правовых актах, предусматривается применение альтернативных мер, не связанных с ответственностью, к лицам, которые являются потребителями данных веществ. Однако, необходимо отметить, что 1 апреля 2022 г. Палата представителей Конгресса США поддержала законопроект о легализации марихуаны⁴, что может свидетельствовать о начале процесса постепенной легализации указанных предметов на территории страны. Кроме того, целесообразно отметить, что уголовное законодательство большинства штатов направлено, в основном, на борьбу со сбытом данных предметов. В отношении лиц, которые совершают незаконный оборот предметов без цели сбыта, в большинстве случаев применяются воспитательные меры.

Раскрывая данный вопрос, целесообразно отметить, что в ряде стран уголовное законодательство предусматривает полный запрет незаконного оборота данных предметов, а в некоторых устанавливается и более жесткая регламентация, по сравнению с законодательством Российской Федерации.

Так, например, в соответствии с законодательством Франции, помимо ответственности за незаконный оборот указанных предметов, предусмотрена ответственность за продажу и издание литературы, в которой содержатся материалы, призывающие к нелегальному хранению, потреблению и торговле⁵.

В Великобритании также запрещаются какие-либо действия относительно незаконного оборота данных предметов. Целесообразно отметить, что в соответствии с законодательством страны, лица, совершившие такие действия в возрасте до 21 года, принудительно направляются в центры перевоспитания.

Анализируя данный вопрос необходимо отметить, что отдельные авторы, которые занимаются исследованием данной проблемы, указывают на целесообразность градации ответственности за незаконный оборот указанных предметов, в зависимости от их силы воздействия на организм человека.

4 Палата представителей Конгресса США поддержала легализацию марихуаны на законодательном уровне. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yandex.ru/news/story/Palata_predstavitelej_Kongressa_SSHA_podderzhala_legalizaciyu_marikhuanu_nafederalnom_urovne--dbb3989092ac56c7f6526b75885b9cf?lang=ru&persistent_id=189825700&rubric=politics&tid=D2T7b_Pa69t7Y9BtmY9p&story=320acc32-ecod-5592-8823-825b9cf75fe0&wan=1 (дата обращения: 26.03.2022).

5 Уголовный кодекс Франции от 22.07.1992. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8_1992_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0 (дата обращения: 25.03.2022).

3 Уголовный кодекс Голландии от 3.03.1881. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242430&subID=100100457,100100459,100100500,100100620#text> (дата обращения: 25.03.2022).

Ряд авторов, которые занимаются исследованием данной проблемы, утверждают, что меры законодательного регулирования, в области ответственности за незаконный оборот данных предметов сводятся лишь к повышению планки санкций уголовной ответственности, при отсутствии анализа последствий преступных деяний. Также отмечают, что выявленные нарушения, в подавляющем большинстве, являются формальными и в действительности не влекут за собой последствий в виде вреда здоровью населения [6, с. 5], [4, с. 571].

По мнению отдельных авторов, целесообразным является установления условий освобождения от ответственности при совершении преступления, предусмотренного ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, при условии определенного посткриминального поведения (добровольная сдача предметов), лицами, совершившие такие деяния в возрасте до 18 лет, не зависимо от вида наркотического средства, психотропного вещества или их аналогов [7, с. 112]. Также авторы утверждают, что целесообразным шагом законодателя является реформирование уголовно-правового наказания, в данной сфере, поскольку ужесточение наказания в данной сфере не является залогом успеха [7, с. 111, 113].

Отдельные авторы указывают, что целесообразным является дифференцировать ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, в зависимости от классов опасности, при условии, что наиболее строго предусмотреть за незаконный оборот предметов из 1 класса, наименее строго за незаконный оборот предметов 5 класса [2, с. 39].

Мы считаем, что установление одинаковой ответственности, что имеет место в настоящее время в действующем уголовном законе, за незаконный оборот указанных предметов не является вполне обоснованным, поскольку не целесообразным является уравнивание ответственности, например, за незаконный оборот марихуаны и опиатов. Дифференциация ответственности за незаконный оборот указанных предметов является рациональной мерой, направленной на противодействие наркотизации общества.

Кроме того, по нашему мнению, установление различной ответственности за незаконный оборот анализируемых предметов в полной мере будет соответствовать реализации основных принципов уголовного законодательства, справедливости и гуманизма.

На основании вышеуказанного, по нашему мнению, декриминализация каких-либо деяний в сфере незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ не является целесообразным, поскольку представляет опасность для нормального развития общества. Однако, мы считаем, что целесообразным является разграничение ответственности за незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ, в зависимости от их вида (тяжести).

Пристатейный библиографический список

1. Афангатов Э. М. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотиков в странах ближнего и дальнего зарубежья // Общество и право. – 2007. – № 4. – С. 268-271.
2. Витовская Е. С. Предмет преступлений, как критерий дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности», 26-28 января 2017 (г. Томск). – Томск. – С. 38-40.
3. Говенко Ю. А., Таболова Э. С. Классификация и характеристика наиболее распространенных видов наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ // Университетская наука. – 2019. – № 1 (7). – С. 179-187.
4. Долгих Н. С. Соотношение норм уголовного права, урегулированных статьями 228, 228.1, 228.2, 229, 230, 231, 232, 233 УК РФ // Аллея науки. – 2019. – Т. 2, № 3 (30). – С. 570-574.
5. Киреева И. Л. Правовые основы борьбы с незаконным оборотом наркотиков (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1997. – 227 с.
6. Серебренникова А. В. Уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: состояние и перспективы // Наркоконтроль. – 2020. – № 4 – С. 3-7.
7. Хараузов Д. С. Об эффективных методах борьбы с преступлениями в сфере наркооборота на территории Российской Федерации // Вектор науки ТГУ. – 2017. – № 1 (28). – С. 111-113.
8. Шалагин А. Е. Зарубежное законодательство в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 4. – С. 291-295.

СТЕПАНОВ-ЕГИЯНЦ Владимир Георгиевич

доктор юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

РЕГИСТРАЦИЯ НЕЗАКОННЫХ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

В статье рассматриваются актуальные вопросы квалификации деяний по ст. 170 УК РФ. Автор уделяет внимание исследованию объективной стороны регистрации незаконных сделок с недвижимостью, выявляет имеющиеся в диспозиции недостатки, а также предлагает подходы к их решению. Сделан вывод о необходимости изменения диспозиции ст. 170 УК РФ для ее приведения в соответствие с действующим законодательством в сфере регистрации недвижимости. В статье исследуется вопрос разграничения ст. 170 УК РФ со смежными составами. На примере ст. 285.3 УК РФ проиллюстрирована недостаточная строгость наказаний, предусмотренных в ст. 170 УК РФ. Сформулировано предложение об ужесточении санкций ст. 170 УК РФ.

Ключевые слова: регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом, ст. 170 УК РФ.

STEPANOV-YEGIYANTS Vladimir Georgievich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Faculty of Law of the M. V. Lomonosov Moscow State University, LL.M

REGISTRATION OF ILLEGAL REAL ESTATE DEALS: SOME QUALIFICATION ISSUES

An article deals with some important issues of the qualification of acts under Article 170 of the Criminal Code of the Russian Federation (RCC). The author pays attention to the research of actus reus of the registration of illegal real estate deals, identifies the problems in its terminology, and also suggests approaches to their solution. A conclusion is made that it is necessary to change the disposition of Article 170 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to bring it into compliance with the current legislation in the sphere of real estate registration. The article examines the issue of distinction of Article 170 of the Criminal Code of the Russian Federation with other similar articles of RCC. On the basis of Article 285.3 of the RCC, the insufficient severity of punishments provided in Article 170 of the Criminal Code of the Russian Federation is illustrated. A proposal has been formulated to tighten sanctions under Article 170 of the RCC.

Keywords: registration of illegal real estate deals, art. 170 of the Russian Criminal Code.

Степанов-Егиянц В. Г.

Гражданский кодекс России (далее – ГК РФ) [2] с 1 января 1995 года включил землю в перечень оборотоспособных объектов гражданских правоотношений и, как следствие, вовлечение земельных участков в рыночный оборот с возможностью их приобретения в частную собственность, создали возможности совершения преступлений, связанных с их незаконным приобретением, фальсификацией соответствующих документов и регистрацией незаконных сделок с недвижимым имуществом. Это предопределило необходимость включения в новый Уголовный кодекс Российской Федерации [1] (далее – УК РФ) ст. 170 УК РФ, которая до 2015 года предусматривала ответственность за регистрацию заведомо незаконных сделок с землей. В рамках настоящей статьи будут рассмотрены некоторые вопросы квалификации деяний по ст. 170 УК РФ и разграничения данного преступления со смежными составами.

Н.А. Лопашенко справедливо отмечает, что регистрация незаконных сделок с недвижимостью есть преступление, едва представленное в официальной статистике [11]. Так, согласно данным, ежегодно предоставляемым Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации [10], в период с 2008 по 2016 год не было лиц, осужденных по ст. 170 УК РФ; в 2017-ом по вышеупомянутой статье было

осуждено одно лицо, в период с 2018 по 2020 – ни одно лицо осуждено не было.

Характеризуя объективную сторону состава, следует отметить, что процедуру регистрации федеральный законодатель определяет как юридический акт признания и подтверждения возникновения, изменения, перехода, прекращения права определенного лица на недвижимое имущество или ограничения такого права и обременения недвижимого имущества [4].

Ключевой фигурой в системе регистрации прав на недвижимость является государственный регистратор прав, чьи роль и компетенции подробно раскрываются в ряде статей главы 9 Федерального закона №218-ФЗ, в соответствии с которым под вышеупомянутым лицом понимается наделенный полномочиями по осуществлению государственного кадастрового учета и регистрации прав на недвижимое имущество и сделки с ним федеральный государственный гражданский служащий [4]. Законодательство наделяет государственного регистратора прав на недвижимое имущество весьма широкими полномочиями, но стоит заметить, что исчерпывающего перечня в законодательных актах не содержится. Представляется, что именно обширный набор компетенций в арсенале такого служащего может являться предпосылкой для соверше-

ния преступлений, предусмотренных составами рассматриваемой статьи.

Объективная сторона ст. 170 УК РФ определяется триадой самостоятельных, но различающихся по содержанию следующих умышленных действий: регистрация заведомо незаконных сделок с недвижимым имуществом; умышленное искажение сведений государственного кадастра недвижимости или Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, а равно занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости.

Понятие сделки определяется в соответствии со ст. 153 ГК РФ, на основании которой под сделкой подразумеваются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей в сфере недвижимости (такие, как залог, продажа, дарение, покупка, сдача в аренду и т.д.). Согласно ст. 129 ГК РФ, земля и иные природные ресурсы могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах [2].

Следовательно, для того, чтобы признать, например, сделку с земельным участком незаконной, необходимо усмотреть в ней нарушение положений гражданского и земельного законодательства (ГК РФ устанавливается ряд оснований, позволяющих признать сделку недействительной, оспоримой или ничтожной (ст. 166, 167-181), в то время, как Земельным кодексом (ст. 27) дается исчерпывающий перечень участков, по той или иной причине изъятых из оборота и не способных выступать объектом регистрации имущественных прав на них). Соответственно, при заведомой осведомленности государственного регистратора о том, что заявитель по тем или иным основаниям не был правомочен на совершение сделки или намеревается зарегистрировать право на не могущий выступать объектом гражданского оборота объект недвижимости, учетно-регистрационные действия не могут быть совершены. В противном случае, совокупность указанных факторов образует объективную сторону исследуемого преступления.

В случае умышленного искажения сведений государственного кадастра недвижимости и (или) Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, а также в случае с занижением кадастровой стоимости объектов недвижимости, в качестве предмета преступления выступают учетные данные Единого государственного реестра недвижимости. В этой связи важно отметить, что последние изменения в диспозицию ст. 170 УК РФ вносились в 2015 году (См. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 228-ФЗ) и к настоящему времени используемые в ней термины устарели. Вдохновляясь опытом зарубежных стран, где созданы многоцелевые реестры недвижимости, содержащие в себе не только уникальные характеристики недвижимого имущества, но и сведения о правах и обременениях (Швеция, Норвегия, Дания), в 2015 г. законодатель принимает Федеральный закон № 218-ФЗ [9]. Главной идеей законодателя стало формирование единого реестра недвижимости (ЕГРН), который заменил собой реестр объектов недвижимости (ГКН) и реестр прав (ЕГРП). Частью 6 ст. 72 Закона № 218-ФЗ определено, что с 1 января 2017 г. сведения ЕГРП и ГКН считаются сведениями, содержащимися в ЕГРН и не требующими дополнительного подтверждения.

Таким образом, используемые до настоящего времени в ст. 170 УК РФ термины «государственный реестр недвижимости» и «единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним» не отвечают реалиям времени и противоречат Федеральному закону № 218-ФЗ. Это диктует необходимость внесения изменений в ст. 170 УК РФ, которую следует изложить в следующей редакции «Регистрация заведомо незаконных сделок с недвижимым имуществом, умышленное искажение сведений Единого государственного реестра недвижимости, в том числе занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом с использованием своего служебного положения...»

Федеральный закон № 218-ФЗ содержит перечень оснований, факт наличия которых обязывает регистрирующее должностное лицо приостановить и (при невозможности устранения выявленных нарушений) вовсе прекратить осуществление действий по кадастровому учету и регистрации. Волевым игнорированием данного требования посредством сокрытия любого из предусмотренных пунктом 37 Административного регламента Росреестра [6] оснований для возврата заявления о государственном кадастровом учете (или) государственной регистрации прав сможет образовать состав соответствующего преступления. Например, в случае, если представленные государственному регистратору прав документы не подписаны заявителем, исполнены карандашом, имеют подчистки или приписки, зачеркнутые слова и иные исправления, то Административный регламент предписывает возвратить такое заявление.

Рассмотренные выше варианты объективной стороны ст. 170 УК РФ обладают формальным составом и преступление будет оконченным с момента совершения регистратором деяния, то есть с момента внесения сведений в Единый государственный реестр недвижимости о государственном кадастровом учете и (или) государственной регистрации прав, а равно с момента внесения в ЕГРН сведений о заниженной кадастровой стоимости объекта недвижимости. Факт наступления общественно опасных последствий в результате совершенного преступления составом ст. 170 УК РФ не охватывается и значения при квалификации не имеет.

5 июля 2010 г. вступил в силу Федеральный закон от 1 июля 2010 г. № 147-ФЗ, устанавливающий уголовную ответственность для должностных лиц за умышленное внесение должностным лицом в один из единых государственных реестров, предусмотренных законодательством Российской Федерации, заведомо недостоверных сведений (ст. 285.3 УК РФ). Статья 285.3 устанавливает ответственность за посягательство на любой государственный реестр в то время, как ст. 170 УК РФ призвана охранять Единый государственный реестр недвижимости. Представляется, что в соответствии с ч. 3 ст. 17 УК РФ диспозиции ст. 285.3 и ст. 170 УК РФ следует рассматривать как соотношение общей и специальной нормы.

Анализируя санкции рассматриваемых статей, напрашивается вопрос почему ЕГРН с точки зрения законодателя представляет меньшую значимость, чем другие государственные реестры? В случае, если должностное лицо умышленно внесет заведомо ложные данные, например, в Единый реестр селекционных достижений допущенных к использованию [5], добавив туда новый сорт пшеницы, то такие действия

подпадут под ст. 285.3 УК РФ и могут повлечь наказание до четырех, а при наступлении тяжких последствий и до 10 лет лишения свободы. В то же самое время умышленное искажение сведений ЕГРН согласно ст. 170 УК РФ вообще не предусматривает лишения свободы и позволяет преступнику быть привлеченным лишь к штрафу или обязательным работам. Такая ситуация представляется ничем не обоснованной и несправедливой, тем более учитывая, то, что в отличие от ст. 285.3 УК РФ преступное деяние по ст. 170 УК РФ совершается из корыстной или иной личной заинтересованности. Решение в данной ситуации видится в установлении в ст. 170 УК РФ видов и размеров наказаний, аналогичных, предусмотренным для ч.1 ст. 285.3 УК РФ. Также целесообразно дополнить ст. 170 частью 2, которая бы предусматривала наступление тяжких последствий в качестве квалифицирующего признака и наказание до 10 лет лишения свободы.

Рассмотрим варианты квалификации, способные вызывать вопросы на практике. При наличии в действиях регистратора прав состава получения взятки, его действия могут быть квалифицированы по совокупности ст. 170 и соответствующей части ст. 290 УК РФ. В случае, если должностное лицо получило денежные средства за регистрацию заведомо незаконной сделки, но не обладало необходимыми полномочиями, то его действия следует квалифицировать как мошенничество по ст. 159 УК РФ.

Весьма близко к рассматриваемому преступлению находится и ст. 174 УК РФ, связанная с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенного другими лицами преступным путем. В данном случае также весьма уместно говорить о наличии совокупности преступлений которая допустима, если акт регистрации такой сделки совершается для «придания видимости законного характера владению земельным участком, полученного преступным путем» [7, С. 18].

Если действия, предусмотренные в диспозиции ст. 170 УК РФ, совершаются в отсутствие умысла, они могут квалифицироваться по ст. 293 УК РФ как халатность должностного лица при условии, что последствия таковых выражены в виде причинения крупного ущерба, существенного нарушения охраняемых законом прав граждан и интересов общества и государства.

Можно согласиться с З.М. Мирзаевым, который считает, что, в случае, если регистрация заведомо незаконной сделки с недвижимым имуществом не повлекла последствий, закрепленных в ст. 285 и 286 УК РФ, то ответственность наступит только по ст. 170 УК РФ [7, С. 18].

Регистрацию заведомо незаконных сделок с земельными участками следует относить к категории латентных преступлений: степень сокрытия рассматриваемого деяния может достигать до 95-99 % [8, С. 109]. Борьба с любыми проявлениями латентности является первостепенной и основополагающей задачей правоохранительных органов в процессе уголовно-правового противодействия деяниям, предусмотренным ст. 170 УК РФ, может стать более эффективным при реализации сформулированных в настоящей статье законодательных предложений.

Пристатейный библиографический список

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // СПС КонсультантПлюс.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СПС КонсультантПлюс.
3. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 15.10.2020) // СПС КонсультантПлюс.
4. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2020) // СПС КонсультантПлюс.
5. Единый реестр селекционных достижений допущенных к использованию // СПС КонсультантПлюс.
6. Приказ Минэкономразвития России от 07.06.2017 №278 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по предоставлению государственной услуги по государственному кадастровому учету и (или) государственной регистрации прав на недвижимое имущество» (Зарегистрировано в Минюсте России 01.12.2017 № 49074) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.03.2022).
7. Алексеенко Н.Н., Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений в сфере регистрации незаконных сделок с землей: Монография», 2013.
8. Мирзаев З.М. Уголовно-правовые и криминологические проблемы регистрации незаконных сделок с землей, диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Махачкала, 2006.
9. Мотлохова Е.А. Объединение сведений ЕГРП и ГКН в ЕГРН: предпосылки, действия, состояние. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/95764-obedinenie-svedenij-egrp-egrn-predposylki-dejstviya-sostoyanie> (дата обращения 27.03.2022).
10. Отчет о количестве лиц, привлеченных к уголовной ответственности. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru> (дата обращения 20.03.2022).
11. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел V111 УК)». М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 24.

СЫПЧЕНКО Алла Викторовна

доктор исторических наук, профессор кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИИ России

СТАЦЕНКО Анастасия Игоревна

студент 5 курса Самарского юридического института ФСИИ России

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ

Данная статья посвящена исследованию темы, связанной с поиском наиболее эффективных путей и методов противодействия коррупции в финансовой сфере. Авторы проанализировали существующий в Российской Федерации механизм финансового контроля и сформулировали предложения по повышению его эффективности.

Подчеркнуто, что одним из способов предупреждения или минимизации последствий от коррупции является эффективно организованный государственный финансовый контроль, который должен быть направлен не только на выявление уже совершенных криминальных деяний, но и на предупреждение коррупции. Отмечено, что существенное значение имеет также общественный контроль, осуществляя который граждане лично или посредством общественных организаций принимают участие в общественном аудите, в оценивании результативности деятельности органов власти, в установлении рисков коррупции. Установлено, что данная структура находится на начальном этапе своего развития и требует серьезной доработки и совершенствования.

Ключевые слова: коррупция, финансовая сфера, Российская Федерация, механизм финансового контроля, эффективные методы противодействия, общественный контроль.

SYPCHENKO Alla Viktorovna

Ph.D. in historical sciences, professor of Professional disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

STATSENKO Anastasiya Igorevna

student of the 5th course the of Samara Law Institute of the FPS of Russia

PROBLEMS OF IMPROVING ANTI-CORRUPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FINANCIAL SPHERE

This article is devoted to the study of the topic related to the search for the most effective ways and methods of combating corruption in the financial sector. The authors analyzed the mechanism of financial control existing in the Russian Federation and formulated proposals for improving its effectiveness. It is emphasized that one of the ways to prevent or minimize the consequences of corruption is an effectively organized state financial control, which should be aimed not only at identifying already committed criminal acts, but also at preventing corruption. It is noted that public control is also of significant importance, by exercising which citizens personally or through public organizations take part in public audit, in assessing the performance of government bodies, in establishing the risks of corruption. It has been established that this structure is at the initial stage of its development and requires serious revision and improvement.

Keywords: corruption, financial sector, Russian Federation, financial control mechanism, effective countermeasures, public control.

Коррупция является одной из главных и набравших тем российского общества. Она выступает неким барьером для полноценного развития всех сфер государства. Тем самым она дискредитирует авторитет правительства в глазах граждан, порождает преступность. Коррупция – это использование своих должностных полномочий вопреки законным интересам общества и государства в целях получения собственной выгоды [1].

Коррупционные действия оказывают влияние на снижение качества управления бюджетными ресурсами, приводят к несоблюдению бюджетной дисциплины участниками бюджетного процесса. Для минимизации или искоренения коррупции требуется разработка новых и совершенствование существующих механизмов борьбы с коррупцией. Средством урегулирования этого процесса и контроля за ним выступает финансовый контроль.

Финансовый контроль представляет собой осуществление контроля использования денежных средств. При его проведении проверяется соблюдение установленного порядка всех финансовых операций, осуществляемых уполномоченными на то органами и должностными лицами, в целях целесообразности, продуктивности и соответствия их задачам государства [2].

Финансовый контроль сводится к следующим задачам:

- Исполнение своих финансовых обязательств перед государством, муниципальными образованияами, организациями и гражданами;

- Обеспечение безопасности денежных ресурсов, находящихся в хозяйственном ведении уполномоченного органа и (или) должностного лица;

- Рациональное и законное использование финансов;
- Улучшение финансовой политики государства.

Контроль в Российской Федерации осуществляется, прежде всего, за бюджетами федерального и местного назначения, внебюджетными фондами, проведением операций денежного обращения, средствами, находящимися в распоряжении кредитной организации, состоянием государственного долга, предоставлением всех видов льгот.

Такой контроль осуществляют органы, которые по компетенции разделяют на органы общего и специального контроля [3].

Под органами общего финансового контроля следует понимать органы власти, для которых осуществление финансового контроля выступает одним из полномочий наряду с иными полномочиями. Примером может служить Государственная Дума, компетенция которой в области финансового контроля заключается в заслушивании отчетов об исполнении бюджета, предоставленных Счетной палатой [4].

В свою очередь характерной чертой органов специального контроля является то, что их основным полномочием выступает финансовый контроль. Единственным и ведущим органом в стране, контрольные функции которого охватывают весь бюджетный процесс от формирования заявки на

бюджет до его получения, является Счетная палата. На этот орган законодательством возложены функции по осуществлению финансового контроля, делая его одним из основных элементов системы контроля за денежными ресурсами.

Наряду со Счетной палатой правом финансового контроля обладают: Президент, Федеральное собрание, Правительство, Федеральное казначейство, Федеральная налоговая служба и ее территориальные органы, Федеральная таможенная служба, Федеральная служба по финансовому мониторингу, Центральный банк. Еще выделяют внутренний финансовый контроль (осуществляемый в органах власти руководителями соответствующих образований), общественный финансовый контроль (действует на основе Конституции и выполняется общественными объединениями и Общественной палатой) и аудиторский финансовый контроль (деятельность независимого лица по проверке бухгалтерской отчетности).

Финансовый контроль реализуется посредством различного рода методов. К их числу относятся проверка, ревизия, обследование, санкционирование операций. При этом под проверкой следует понимать изучение действий отдельных финансовых и хозяйственных операций по достоверности бухгалтерского учета. Ревизия занимает главенствующее место как наиболее часто применяемый метод регулирования, так как является эффективным. Этот метод заключается в комплексной проверке по документальному и фактическому изучению законности всех операций. По окончании ревизии оформляется акт, в котором излагаются результаты проверки. При наличии достаточных оснований, свидетельствующих о возможном осуществлении преступной деятельности, соответствующие материалы направляются в правоохранительные органы для привлечения виновных лиц к юридической ответственности.

Нормативно-правовое регулирование финансового контроля комплексно закреплено в Бюджетном кодексе РФ, Налоговом кодексе РФ, указе Президента Российской Федерации «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации». Указ Президента закрепляет за государственным финансовым контролем, прежде всего, функции контроля по исполнению федерального бюджета и бюджета федеральных внебюджетных фондов, организации денежного обращения, использованию кредитных ресурсов, состоянию государственного внутреннего и внешнего долга, государственных резервов, предоставлению финансовых и налоговых льгот населению.

По заявлению председателя правления КПК «Обновление» Михаила Дорофеева, с начала текущего года начали действовать поправки в законе об «отмывании грязных денег», которые увеличили список подпадающих под контроль финансовой разведки действий, совершаемых с денежными средствами. В частности, отслеживанию подлежат операции свыше 600 тыс. рублей с последующим информированием Росфинмониторинга; контроль за операциями с наличными средствами [5].

Уполномоченный при Президенте Российской Федерации Борис Титов обратил внимание общественности на то, что из-за произошедшего кризиса в мире и санкций против России, российский бизнес напрямую зависит от импорта и, следовательно, необходимо создать меры поддержки российского бизнеса. Он призвал создать условия в России для выгодного производства, в частности, увеличить пределы с денежными операциями [6].

На сегодняшний день в отечественном законодательстве отсутствует единый нормативный правовой акт, в котором регламентировались бы вопросы финансового контроля и были бы прописаны основные понятия, границы, методы и формы осуществления, установления правового статуса контрольных органов, объем их полномочий.

Таким образом, одним из способов предупреждения или минимизации последствий от коррупции является эффективно организованный государственный финансовый контроль, который должен быть направлен не только на выявление уже совершенных криминальных деяний, но и на предупреждение коррупции. Результат напря-

мую обусловлен взаимодействием двух систем контроля — внешней и внутренней. Внутренняя система должна быть дополнена эффективным внешним контролем со стороны парламента, Счетной палаты и граждан. В свою очередь огромную роль выполняет и общественный контроль, осуществляя который граждане лично или посредством общественных организаций принимают участие в общественном аудите, в оценивании результативности деятельности органов власти, в установлении рисков коррупции. Данная структура, к сожалению, пока еще находится на начальном этапе своего развития и требует серьезной доработки и совершенствования. Внешний и внутренний контроль — это система «тандема», проведение повторного, тщательного контроля в антикоррупционной деятельности. Повышению его эффективности может способствовать объединение усилий всех субъектов, ответственных за контроль. Данное суждение должно быть закреплено в специальном нормативно-правовом акте, в котором были бы сведены воедино все регламентирующие положения о финансовом контроле. При этом необходимо иметь в виду, что стабилизация «высококачественности» организационной базы проверок оказывает содействие на получение развития тактических правил ревизии на уровне конкретного ревизионного органа, поскольку они являются тем инструментом, который дает возможность безошибочно организовать проверку, сформировать необходимую совокупность информации, доказать, что проверка проведена в полном объеме, и что все процедуры, предусмотренные правилами, выполнены [7]. Представляется также важным усилить меры ответственности должностных лиц за должностные преступления, а систему назначения на важные государственные должности сделать более прозрачной и доступной лишь для людей честных и неподкупных, готовых искренне служить своему Отечеству.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 01.04.2022) «О противодействии коррупции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.03.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 11.04.2022).
2. Аль Махзуми Хассан Мохаммед Хассан. Финансовый контроль в Российской Федерации // Современные инновации. - 2015. - №. 1 (1). - С. 18-26. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovyy-kontrol-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 11.04.2022).
3. Артамонов Н. А., Антоненко В. В. Корпоративный финансовый контроль // Московский экономический журнал. - 2019. - № 6. - С. 410-415. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnyy-finansovyy-kontrol> (дата обращения: 11.04.2022).
4. Степашкина Е. Н., Макарова Е. В. Финансовый контроль, осуществляемый федеральными органами исполнительной власти // Контентус. - 2020. - № 11. - С. 52-62. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovyy-kontrol-osuschestvlyayemyy-federalnymi-organami-ispolnitelnoy-vlasti> (дата обращения: 11.04.2022).
5. Названы денежные операции, которые попадут под контроль. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20201229/dengi-1591317914.html> (дата обращения: 01.04.2022).
6. Титов призвал создать условия в России для выгодного производства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6258fab59a7947fbfc7e2e4b> (дата обращения: 01.04.2022).
7. Телепнева А. В. Роль государственного финансового контроля в борьбе с коррупцией // π-Economy. - 2012. - № 1 (139). - С. 284-288.

ЧУКСИНА Валентина Валерьевна

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета, г. Иркутск

МИКОВА Ева Борисовна

старший преподаватель кафедры правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета, г. Иркутск

РЕФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КЛЕВЕТУ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

В статье рассматриваются актуальные изменения в диспозиции и санкции статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей наступление уголовной ответственности за клевету. Сравнивая действующую и предыдущую редакцию статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, авторы подчеркивают необходимость и обосновывают эффективность принятых законодателем изменений, в том числе, в части усиления уголовной ответственности за отдельные виды клеветы. В связи с небольшим периодом с момента вступления в силу изменений, вызывает беспокойство в квалификации правоприменителем, так называемой «киберклеветы» и клеветы в «отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных». Вместе с тем, выводы о наличии пробелов в правовом регулировании общественных отношений в сфере защиты чести, достоинства, репутации от заведомо ложного распространения порочащих сведений, позволяют авторам определить перспективные направления в реформировании уголовной ответственности за клевету.

Ключевые слова: клевета, уголовная ответственность, киберклевета, честь, достоинство, репутация, преступление.

CHUKSINA Valentina Valerjevna

Ph.D. in Law, professor, Head of Legal support of national security sub-faculty of the Baikal State University, Irkutsk

MIKOVA Eva Borisovna

senior lecturer of Legal support of national security sub-faculty of the Baikal State University, Irkutsk

REFORM OF LIBEL LIABILITY LEGISLATION AND SOME QUALIFICATION ISSUES

The article considers relevant changes in the disposition and sanctions of Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for criminal liability for libel. Comparing the current and previous version of Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the authors emphasize the need and justify the effectiveness of the amendments adopted by the legislator, including in terms of strengthening criminal liability for certain types of libel. Due to the small period since the entry into force of the changes, there is concern about the characterization by the law enforcement officer of the so-called "cyber libel" and slander "against several persons, including individually undefined ones." At the same time, conclusions about the existence of gaps in the legal regulation of public relations in the field of protection of honor, dignity, reputation from the knowingly false dissemination of defamatory information, allow

Keywords: libel, criminal liability, cyber libel, honor, dignity, reputation, crime.

Честь, достоинство и репутация человека представляют собой нематериальные блага, охрана и защита которых на международном уровне и внутригосударственным законодательством, бесспорно, признаны основными направлениями политики каждого, уважающего всеобщие права человека, государства. Достоинство личности в международном гуманитарном праве понимается достаточно широко, как «естественная характеристика человека, выступающая фундаментом всех его гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав»¹.

¹ Международный Пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 28.04.1976. № 17. Ст. 291; Международный пакт об экономических, социальных и культур-

Чуксина В. В.

Микова Е. Б.

Конституция Российской Федерации также гарантирует охрану достоинства личности со стороны государства и отрицание какого-либо законного основания для его умаления (ст. 21 Конституции Российской Федерации).

В связи с этим, Бриллиантов А.В. справедливо указывает, что «достоинство личности как отражение в индивидуальном сознании человека его собственных качеств, способностей, мировоззрения, социальной ценности и значимости, честь как отражение личностных (моральных) свойств и качеств человека в общественном сознании и репутация как отражение социальных свойств и качеств человека в общественном

ных правах от 16 декабря 1966 г. Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 28.04.1976. № 17. Ст. 291.

сознании тесно взаимосвязаны и в совокупности составляют предмет охраны такой уголовно-правовой нормы как клевета» [5, с. 364].

Клевета, как преступление, была закреплена в статье 129 Уголовного кодекса Российской Федерации при его принятии в 1996 году, однако, с течением времени состав преступления претерпевал значительные изменения, вплоть до декриминализации.

Федеральным законом от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные акты Российской Федерации» преступления, предусмотренные ст. ст. 129 (клевета) и 130 (оскорбление) УК РФ, были декриминализованы и включены в разряд административных правонарушений, предусмотренных ст. ст. 5.60 «Клевета» и 5.61 «Оскорбление» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Спустя чуть более полугода с момента вступления этого закона в силу, Государственная Дума Федерального Собрания РФ 11 июля 2012 года приняла в первом чтении законопроект № 106999-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», и предусматривающий восстановление уголовной ответственности за клевету. Законопроект о восстановлении уголовной ответственности за клевету вызвал ожесточенные споры.

Доводы сторонников криминализации клеветы о том, что уголовная ответственность за клевету установлена в законодательстве большинства стран мира и декриминализация в России клеветы, фактически привела к тому, что это деяние на практике вообще оказалось в сфере безнаказанности, были услышаны законодателем². Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен статьей 128.1, предусматривающей уголовную ответственность за клевету.

Распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию (клевета), с одной стороны, может показаться преступлением, не представляющим сложности в квалификации и привлечении виновного к ответственности. Ведь «законодатель исходил из того, что соответствующее преступление не представляет значительной общественной опасности и его раскрытие обычно не вызывает трудностей, в связи с чем потерпевший сам может осуществлять уголовное преследование – обращаться за защитой своих прав и законных интересов непосредственно в суд и доказывать, как факт совершения преступления, так и виновность в нем конкретного лица, минуя обязательные в иных ситуациях процессуальные стадии досудебного производства»³.

С другой стороны – несмотря на кажущиеся простоту и доступность в способах доказывания, состав клеветы сложен и противоречив, что может привести к порочной правоприменительной практике избегания ответственности со стороны виновных лиц.

В настоящее время клевету можно признать «работающим» составом, что подтверждают статистические данные о количестве судебных решений (приговоры, постановления о прекращении уголовного дела) по делам о клевете. Но что примечательно, данный состав – рекордсмен по количеству оправдательных приговоров. «В 2011 году по статье 129 УК РФ было 244 приговора, а в 2018 году по 128.1 – всего 110»⁴. Обращаясь к статистическим данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, можно отметить следующее.

Так, за 12 (двенадцать) месяцев 2019 года, согласно сведениям из Отчета Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации «О числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам», число осужденных по части 1 статьи 128.1 УК РФ составило 64 человека; число оправданных – 505 человек; число лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены за отсутствием состава, события, непричастностью к преступлению – 333 человека; число лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены по иным основаниям – 310 человек⁵.

За 12 (двенадцать) месяцев 2020 года, согласно сведениям из Отчета Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации «О числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам», число осужденных по части 1 статьи 128.1 УК РФ составило 56 человек; число оправданных – 352 человек; число лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены за отсутствием состава, события, непричастностью к преступлению – 320 человека; число лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены по иным основаниям – 261 человек⁶.

За первое полугодие 2021 года, согласно сведениям из Отчета Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации «О числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам», число осужденных по части 1 статьи 128.1 УК РФ составило 21 человек; число оправданных – 156 человек; число лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены за отсутствием состава, события, непричастно-

2 Волеводз А.Г. О доводах в пользу восстановления уголовной ответственности за клевету в России / А.Г. Волеводз // VIPERSON. RU. 2012. 13 июля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://viperson.ru/wind.php?ID=652342&soch=1> (дата обращения: 04 марта 2022).

3 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Москалева Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2019 г. № 3272-О. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341510/ (дата обращения: 04 марта 2022).

4 Не врать и не бояться: как работают законы о клевете и оскорблении в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lfacademy.ru/sphere/post/> (дата обращения: 04 марта 2022).

5 Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 (двенадцать) месяцев 2019 года. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5460> (дата обращения: 04 марта 2022).

6 Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 (двенадцать) месяцев 2020 года. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5460> (дата обращения: 04 марта 2022).

стью к преступлению – 99 человека; число лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены по иным основаниям – 124 человека⁷.

Очевидно, что общее количество приговоров заметно снижается при устойчивом повышении именно оправдательных приговоров.

Исследуя причины подобного положения дел, современные авторы научных публикаций, приходят к выводам о наличии пробелов в правовом регулировании общественных отношений, в сфере защиты чести, достоинства, репутации от заведомо ложного распространения порочащих сведений.

Одним из таких пробелов являлось отсутствие в диспозиции клеветы признака распространения порочащих сведений на страницах сети «Интернет», не зарегистрированных в установленном порядке как средства массовой информации. Закрепление уголовной ответственности за клевету на Интернет страницах, безусловно, нивелирует неоднозначные решения судов при квалификации таких деяний.

Как отмечает Канунникова Е.А., опасность распространения информации посредством сети Интернет, с уголовно-правовой точки зрения, нельзя дифференцировать в зависимости от того, зарегистрирован тот или иной информационный ресурс как средство массовой информации или нет, поскольку такое распространение создает реальную возможность ознакомиться с распространяемой информацией достаточно большому числу лиц.

В качестве рекомендации Канунниковой Е.А. было предложено представить ч. 2 ст. 128.1 УК РФ в следующей редакции: «2. Клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации, (включая сеть «Интернет»)» [4, с. 20].

Пробелом признавалось также использование в диспозиции части 4 статьи 128.1 УК РФ формулировки «преступления сексуального характера», что ограничивало правоприменителя и создавало проблемы квалификации. Разумным и практико-ориентированным решением представлялось «заменить формулировку «преступления сексуального характера» на «преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Предлагаемый признак нормативно разделить с клеветой, соединенной с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, предусмотрев их в ч.ч. 4 и 5 ст. 128.1 УК РФ» [4, с. 22].

Примечательно, что законодатель услышал правоприменителей и научное сообщество, согласился с необходимостью реформирования законодательства об уголовной ответственности за клевету. В итоге Федеральным законом от 30.12.2020 № 538-ФЗ «О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» при сохранении традиционного понимания клеветы, были внесены существенные изменения в диспозиции отдельных частей статьи 128.1 УК РФ, дополнены наказания.

Часть 1 статьи 128.1 УК РФ не претерпела изменений. В данной части сохранилось определение клеветы как распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию.

В диспозицию части 2 статьи 128.1 УК РФ были внесены изменения. Так, если ранее преступной считалась «клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации», то в даты вступления в силу редакции указанной статьи, преступной стала считаться «клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации либо совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», либо в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных».

Диспозиция части 3 статьи 128.1 УК РФ не претерпела изменений, предусматривает уголовную ответственность за клевету, совершенную с использованием своего служебного положения.

В диспозиции части 4 статьи 128.1 УК РФ такой состав преступления как «клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих» остался без изменений. Вместе с тем, ранее указанный в части 4 состав – клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера, был выделен в отдельную часть 5, там самым законодатель признал повышенную степень общественной опасности данного состава преступления. Кроме того, формулировка была отредактирована и в действующей редакции звучит как «клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

Такой состав преступления, как «клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления», ранее закрепленный в части 5, изменений не претерпел.

Кроме того, было ужесточено наказание за отдельные виды клеветы. Так, в частях 2, 3, 4 и 5 были закреплены такие виды наказания как принудительные работы, арест, лишение свободы. Тем самым, законодатель отреагировал на изменяющиеся условия современной жизни, в том числе увеличение случаев распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию в сети интернет и при обвинении лица в совершении преступления.

И, если до внесения изменений в текст Уголовного кодекса Российской Федерации федеральным законом от 30.12.2020 № 538-ФЗ, согласно статье 15 УК РФ, клевета, в том числе квалифицированная, признавалась преступлением небольшой тяжести, то с 10 января 2021 года, действующая редакция статьи 128.1 УК РФ, относит клевету, закреплённую в частях 1, 2 и 3 к преступлениям небольшой тяжести, клевету, закреплённую в частях 4 и 5 – к преступлениям средней тяжести.

Необходимость принятия соответствующих изменений в виде криминализации отдельных видов клеветы и ужесточения наказания за данное деяние продиктовано современными реалиями развития общества и государства, а также безнаказанностью, в которой уверены лица, намеренно распространяющие несоответствующие действительности сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию другого лица, так как когда люди начинают рассуждать о чем-то, они весьма часто опираются на набор клише и убеждений [1, С. 564]. В правовом государстве, где защита прав и свобод человека и гражданина названа основной целью и является приоритетным направлением развития законода-

⁷ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за первое полугодие 2021 года. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5460> (дата обращения: 04 марта 2022).

тельства, необходимость восполнения правовых пробелов и, как следствие, защита лиц, пострадавших от деяний, ранее не признанных преступными, но фактически представляющими общественную опасность, является основным направлением уголовно-правовой политики.

Аргументировано в этом отношении выглядит довод пояснительной записки к законодательной инициативе проекта федерального закона «О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», подписанной депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Вяткиным Д.В. Как отметил депутат Вяткин Д.В., ссылаясь на положения части 1 статьи 23 Конституции Российской Федерации, защите прав на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, защите своей чести и доброго имени, в частности, посвящена статья 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, которой установлена уголовная ответственность за клевету, то есть за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Одним из квалифицированных составов указанной статьи предусматривается уголовная ответственность за клевету, содержащуюся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации (часть вторая статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации).

В пояснительной записке отмечено, что в связи со стремительным развитием информационных технологий в качестве источника информации все большее значение приобретают информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет». Большинство сайтов в сети «Интернет» не являются средствами массовой информации, поскольку не зарегистрированы в таком качестве в установленном порядке. При этом зачастую указанные сайты имеют аудиторию, значительно превосходящую по охвату традиционные средства массовой информации».

Как отмечают Н.И. Долженко и Ю.Г. Вошкина, «любой пользователь может зайти на форум, сайт, страничку в социальной сети или через личные сообщения начать распространять порочащие сведения, не соответствующие реальной действительности. Более продвинутые пользователи пользуются VPN-маршрутизаторами и иным программным обеспечением, которое позволяет скрыть или изменить IP-адрес компьютера, с которого осуществлялось распространение. Это также не обязательно делать с помощью домашней сети: достаточно прийти с ноутбуком в торговый центр или кафе, подключиться к общей сети и опубликовать порочащие сведения. В этом случае задача по поиску виновного лица также значительно усложняется» [2, с. 26]. Также специфика глобальной сети Интернет состоит в том, что однократно размещенная информация впоследствии не может быть полностью удалена [3, с. 92].

При анализе судебной практики, усматривалось, что зачастую суды приходили к неоднозначному решению при квалификации распространения заведомо ложных сведений на страницах сети Интернет. Например, распространение виновными заведомо ложных сведений о занятии проституцией на страницах различных социальных сетей квалифицировались судами как по части 1, так и по части 2 статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [4, с. 20].

Законопроектом предлагалось устранить данный пробел правового регулирования и дополнить часть вторую статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации положением, в соответствии с которым устанавливается уго-

ловная ответственность за клевету, совершенную публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», а равно в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально неопределенных»⁸.

И если вопрос о необходимости криминализации клеветы, совершенной публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», не вызвала отдельных мнений и разногласий, то указание на неопределенный круг потерпевших такие сомнения вызвал.

На первоначальном этапе законодательной инициативы Правительство Российской Федерации поддержало законопроект, рекомендовало проработать законопроект с учетом возможности признания потерпевшими по части 2 статьи 128.1 УК РФ индивидуально неопределенных лиц.

В контексте рассматриваемой практико-правовой проблемы усиления уголовной ответственности за клевету в отношении индивидуально неопределенных лиц, интерес представляет официальная позиция Верховного Суда Российской Федерации, который, при рассмотрении законодательной инициативы, посчитал не вполне обоснованным установление уголовной ответственности за клевету, как за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство или подрывающих репутацию конкретного лица, в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально неопределенных⁹.

Вместе с тем, поддерживая концепцию законопроекта, Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству отметил, что «предлагаемые изменения обеспечат дифференциацию и индивидуализацию наказания, с учетом степени общественной опасности деяния»¹⁰.

Как итог, можно отметить, что клевета в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально неопределенных, несмотря на мнение Верховного Суда Российской Федерации, была внесена в текст Уголовного кодекса Российской Федерации федеральным законом «О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» № 538-ФЗ от 30.12.2020.

Перспективным также видится криминализация клеветы в сфере предпринимательской деятельности. Как справедливо отмечает Якимова Е.М., рассматривая уголовно-правовую охрану общественных отношений в сфере предпринимательской деятельности, проблема возникает в связи с несовершенством не только уголовного законодательства, но и самой композиции правового пространства, в которой четко не определено соотношение свободы предпринимательской деятельности и защиты публичных и частных интересов» [8, с. 292]. Представляется, что установление уголов-

8 Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1074945-7> (дата обращения: 04 марта 2022).

9 Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1074945-7> (дата обращения: 04 марта 2022).

10 Заключение Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству о проекте федерального закона № 1074945-7 «О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1074945-7> (дата обращения: 04 марта 2022).

ной ответственности за распространение заведомо ложных сведений о субъектах предпринимательской деятельности имело бы целью защиту и охрану общественных отношений в сфере экономики.

В соответствии с положениями о «Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в России на период до 2030 г. и плане мероприятий («дорожной карте») по ее реализации», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р, малый и средний бизнес в Российской Федерации, будучи новым экономическим явлением 25 лет назад, в настоящее время состоялся и является важнейшим способом ведения предпринимательской деятельности. Формированию нового поколения предпринимателей способствует активное вовлечение в предпринимательскую деятельность различных групп граждан. Приоритетным представляется реализовать меры по увеличению интереса молодежи к началу и ведению собственного дела, а также по поддержке и развитию молодежного предпринимательства. Формирование предпринимательских компетенций граждан, начиная с самого раннего возраста должно превратиться в один из приоритетов государственной политики в сфере развития малого и среднего предпринимательства¹¹. Кроме того, государство должно обеспечить устойчивое развитие как минимум в сфере обозначенных им самим же национальных интересов и приоритетов [5, с. 16]. В таких условиях защита предпринимателей от распространения ложных сведений при осуществлении предпринимательской деятельности видится актуальным и соответствующим Стратегии направлением.

У правоприменителей, как правило, частных обвинителей, сложности в привлечении к ответственности лица, распространившего заведомо ложные сведения, возникают на этапе выдвижения обвинения, в ситуациях использования клеветником общеупотребимых в негативном смысле слов и оборотов. Интересны в этом контексте суждения адвоката, вице-президента Федеральной Палаты Адвокатов, первого вице-президента адвокатской Палаты г. Москвы Резника Г.М. о доказательственном значении лингвистической экспертизы по делам о клевете: «Не надо привлекать знатока-филолога для того, чтобы проверить свое понимание значений понятий «виновный», «вина», «преступление», «убийца», «враг», «оскорблять», «угрожать», «порочить», достаточно взглянуть в какой-либо из общедоступных толковых словарей русского языка». Возможно согласиться с тем, что проведение экспертиз, в содержании которых происходит кодировка слов обычного разговорного языка в научный означает лишь удвоение терминологии и само по себе не свидетельствует о специальном научном методе. Проведение так называемых лингвистических экспертиз, к сожалению, приобрело на практике неоправданно большой размах. На самом деле помощь специалиста-лингвиста при разбирательстве судебных дел требуется в редчайших, исключительных случаях [7, с. 175]. Вместе с тем, суждения Генри Марковича носят частный характер, однако, не согласиться с ними трудно.

Таким образом, эффективность работы уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за клевету, достигается путем уточнения признаков уголовно-правовой

характеристики деяния в диспозиции нормы, увеличения наказания за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь, достоинство и репутацию. Вместе с тем, перспективы криминализации иных видов клеветы видятся в установлении уголовной ответственности за распространение порочащих заведомо ложных сведений в отношении субъектов предпринимательской деятельности. При комплексном межотраслевом подходе к криминализации отдельных видов клеветы усматривается необходимость использования в качестве доказательств лингвистических экспертиз в наиболее противоречивых ситуациях, действительно, требующих специальных познаний.

Пристатейный библиографический список

1. Атанов А.А. Социальная действительность в системе текстового воздействия: российский излом // Известия Байкальского государственного университета. – 2019. – № 4. Т. 29. – С. 560-575.
2. Долженко Н.И., Вошкина Ю.Г. Специфика расследования клеветы в сети «Интернет» // Globus: Экономика и Юриспруденция. – 2021. – Т. 7. № 2 (42). – С. 26-29.
3. Безуглая А.А., Безуглый С.Н. Свобода слова в киберпространстве: уголовно-правовые меры борьбы с клеветой // Наука и Образование: Хозяйство и Экономика: Предпринимательство: Право и Управление. – 2021. – № 8 (35). – С. 89-93.
4. Канунникова Е.А. Клевета: проблемы правоприменительной практики // Наука России: цели и задачи. Сборник научных трудов по материалам VIII международной научной конференции. Международная Объединенная Академия наук. – 2018. – С. 18-22.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / Под ред. А. В. Бриллиантова. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Проспект. 2015. – 792 с.
6. Приходько Т.В., Рожкова А.Н. Концепция устойчивого развития и обеспечение национальной безопасности в правовом регулировании Российской Федерации // Baikal Research Journal. – 2020. – Т. 11. № 3. – С. 16.
7. Резник Г. Защитник 80-го уровня. – Ростов н/Д: Феникс, 2021. – С. 174-175
8. Якимова Е.М. Концепция свободы предпринимательской деятельности через призму уголовно-правовой характеристики мошенничества // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. № 2. – С. 291-299. (292).

¹¹ Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 г. и плане мероприятий («дорожной карте») по ее реализации: Распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 июня 2016 г. – № 24. – ст. 3549.

АКОПЯН Регина Майисовна

аспирант Кубанского государственного университета

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

В рамках проведенного исследования автором рассмотрено понятие терроризма, как наиболее опасного преступного деяния, определена нормативно-правовая база, определяющая и характеризующая терроризм как преступное деяние. В рамках работы автором также проведен анализ порядка расследования таких преступлений, даны рекомендации для совершенствования правоприменительной деятельности. Автор ретроспективно прослеживает увеличение преступлений террористической направленности, основное внимание при этом уделяя именно вовлечению в данную деятельность женщин и подростков.

Ключевые слова: терроризм, преступления террористического характера, виды преступлений террористической направленности, правоохранительная деятельность, расследование терроризма.

АКОПЯН Regina Mayisovna

postgraduate student of the Kuban State University

THEORETICAL, LEGISLATIVE AND LAW ENFORCEMENT ASPECTS OF TERRORIST CRIMES

Within the framework of the conducted research, the author considers the concept of terrorism as the most dangerous criminal act, defines the regulatory framework that defines and characterizes terrorism as a criminal act. As part of the work, the author also analyzed the procedure for investigating such crimes, and gave recommendations for improving law enforcement activities. The author retrospectively traces the increase in terrorist crimes, while focusing on the involvement of women and adolescents in this activity.

Keywords: terrorism, crimes of a terrorist nature, types of crimes of a terrorist orientation, law enforcement, investigation of terrorism.

Акопян Р. М.

Актуальность темы исследования. На сегодняшний день именно преступления террористической направленности признаны во всем мире наиболее опасными. Тот факт, что с терроризмом борется большое количество стран, в том числе и Россия, свидетельствуют о том, что размеры террористической деятельности достигают своего максимума.

Статистические данные остаются неблагоприятными для нас, т.к. число попыток совершить террористический акт и вступить в террористическую организацию не идет на убыль. В этой связи исследование особенностей преступлений террористической направленности видится нам актуальным и своевременным. Отметим, что в целях безопасности и предотвращения паники статистические данные по исследуемой группе преступлений, раскрываются правительством не в полном объеме.

Свое начало террористические преступления берут с 28.07.1998 г. когда группой террористов взяты в заложники 41 пассажир рейсового автобуса. 2004 год стал трагическим за все минувшие 10 лет, за период совершено 4 террористических акта. После 2004 года преступления террористической направленности не шли на убыль еще ни разу за все время. С каждым годом общее количество таких преступлений только возрастает. Обратимся к статистике за 2005 -2010 годы. За 2005 год – 203 зарегистрированных случая, за 2006 – 112, за 2007 – 48, а за 2008 – 10. Но обращаем ваше внимание, что это зарегистрированные преступления, по неофициальным данным за эти годы показатели ни разу не были ниже 200 преступлений в год.

Начиная с 2010 года возрастает популярность экстремистских преступлений, которые начинают преобладать над

террористическими. С 2010 по 2014 гг. преступления террористической направленности совершались на территории России около 400-600 раз в год. Стабильный небольшой рост совершения таких преступлений на фоне увеличения радикально настроенных граждан Российской Федерации. В 2015 году наиболее активными террористическими центрами были признаны всего 3 региона, классические, для данной группы преступлений – Дагестан, Чечня и Кабардино-Балкария.

Сегодня в период с января по декабрь 2021 года статистика МВД следующая: за указанный период зарегистрировано 2 136 преступлений террористического характера и 1 057 преступлений экстремистской направленности, зафиксировано 3 018 ложных сообщений об акте терроризма [3].

Преступления террористической направленности ставят своей целью воздействовать на правительство страны, задев при этом как можно больше мирного населения. Именно по этой причине чаще всего террористы используют взрывы и поджоги.

На сегодняшний день, именно национальный и религиозный факторы играют роль для общей характеристики преступлений террористической направленности. Как правило, эти преступления и совершаются лицами разного возраста и социального положения. Преимущественно это мужчины, но сегодня намечается значительный рост женщин, особенно среди смертников. Благодаря психологическим приемам таким лицам внушают их собственную значимость для мира, Бога и самого себя. В этом отношении интерес вызывает факт «взрачивания» террористов еще с малого возраста. Маленькие дети больше восприимчивы к новой информации, осо-

бенно такого сильного, пусть и агрессивного воздействия. После того, как дети освобождаются от уз террористов, практически невозможно освободить их сознание от террористических идей. На наш взгляд, это некоторая долгосрочная перспектива, в связи с которой сейчас актуальным является воспитание детей террористов в радикальной среде.

Федеральный Закон «О противодействии терроризму»¹ определяет правовые и организационные основы борьбы с терроризмом в Российской Федерации, порядок координации деятельности осуществляющих борьбу с терроризмом государственных органов и общественных объединений, а также ответственность организаций за террористическую деятельность.

Терроризм – это многоуровневое и структурированное явление, с которым связано множество деяний, прямо запрещенных уголовным законодательством Российской Федерации. Это и так называемый «непосредственный» терроризм – совершение конкретных действий террористической направленности (взрыв, поджог, иной акт терроризма, захват заложников и так далее), и совершение действий, создающих базу для «непосредственного» терроризма (создание террористических организаций, вербовка потенциальных террористов через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет) и так называемый косвенный терроризм (заведомо ложное сообщение об акте терроризма). Как мы видим, существует весьма обширная система преступлений террористической направленности [2, с. 163].

Для каждой группы указанных видов противоправных действий свойственны свои объективные и субъективные признаки, а соответственно, унифицировать типичные следственные ситуации по подобному рода преступлениям практически невозможно, а если и возможно, то только в весьма обобщенном и малоинформативном виде. В этой связи, типичные следственные ситуации и выдвигаемые по ним версии по делам о преступлениях террористической направленности, необходимо, на наш взгляд, рассматривать исходя из некоторых классификационных критериев [1, с. 194].

Порядок действий следователя и иных заинтересованных субъектов определяется в зависимости от того, какая наличествует ситуация.

В случае если совершен террористический акт, формируется следственно-оперативная группа и организуется выезд на место происшествия с целью проведения следственного действия – осмотра. Проведение указанного следственного действия имеет важнейшее значение для всего процесса расследования совершенного преступления. по сути, именно данное следственное действие закладывает фундаментальную основу для всего последующего процесса расследования.

Характеризуя виды терроризма, отметим, что по разным признакам их можно классифицировать на несколько групп. По территориальной расположенности терроризм может быть:

– внутренним (как правило это деятельность небольших террористических групп или террористов, действующих в одиночку, направленная на совершение террористического акта в пределах одного государства);

– внешним (деятельность устойчивых террористических образований, направленная на совершение преступлений,

носящих, как правило, масштабный и беспрецедентный характер).

По объекту воздействия в научной литературе выделяется:

– выборочный терроризм (действие на определенную категорию лиц, для достижения определенных планов и обстоятельств);

– слепой терроризм (воздействие на любых лиц и в любом месте).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) Более чем на протяжении 5 лет на территории России неуклонно растет число совершаемых преступлений террористического характера;

2) Как правило, терроризмом занимаются мужчины разных возрастных категорий и социального положения;

3) Большое значение при привлечении к такой деятельности имеют национальный и религиозный факторы;

4) Число женщин и детей, воспитанных в террористической идеологии возрастает, в более чем 2 раза;

5) Работу правоохранительных органов по предотвращению преступлений террористической направленности можно назвать эффективной.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. А. Роль криминалистического исследования преступных навыков личности террориста в предупреждении преступлений террористической направленности // Актуальные вопросы подготовки сотрудников правоохранительных органов к противодействию современным угрозам Сборник научных трудов круглого стола. – 2018. – С. 194.
2. Волченков В. В. Организационно-тактические основы оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел по противодействию преступлениям террористической направленности // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 12. – С. 163.
3. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 г. / Министерство внутренних дел Российской Федерации. – Москва, 2022. – 67 с.

¹ О противодействии терроризму: федер. закон Рос. Федерации от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 18 апреля 2018 г.) // Собр. Законодательства Рос. Федерации. - 2006. - № 11. - Ст. 1146.

ВОРЖЕВ Иван Сергеевич

аспирант кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета

ВОПРОС ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ «ЖИЛИЩА» ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

Темой данной работы является самое основное право человека и гражданина, зафиксированное в Конституции РФ – право на неприкосновенность жилища. Автор проанализировал проблемы относительно дефиниции термина «жилище» и, в особенности, его интерпретацию в уголовном праве, осуществил подробный разбор проблематики правоприменительной практики, которая возникает, если неприкосновенность жилища нарушается, и предложил разумные, с его точки зрения, пути решения существующих проблем.

Ключевые слова: жилище, жилое помещение, нарушение, уголовное право.

VORZHEV Ivan Sergeevich

postgraduate student of Criminal law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

THE ISSUE OF INTERPRETATION OF THE DEFINITION OF “DWELLING” IN CRIMINAL LAW

The topic of this work is the most basic human and citizen's right, fixed in the Constitution of the Russian Federation - the right to inviolability of the home. The author analyzed the problems regarding the definition of the term “dwelling” and, in particular, its interpretation in criminal law, carried out a detailed analysis of the problems of law enforcement practice that arises if the inviolability of the dwelling is violated, and suggested reasonable, from his point of view, ways to solve existing problems.

Keywords: housing, living quarters, violation, criminal law.

Надо признать, что исследования по вопросам, связанным с неприкосновенностью жилых домов, давно вышли за рамки узковедомственного подхода. Ученые всевозможных правовых ведомств, усваивая появляющиеся при этом правоотношения и их правовые положения, вынуждены стабильно обращаться к нормам Конституции Российской Федерации, уголовного, уголовно-процессуального и жилищного кодексов, а также иных федеральных законов Российской Федерации.

Разбор правовых источников по этой теме помогает изложить различные значения, которые используются для определения «неприкосновенность жилища».

Неприкосновенность жилища относится к главным правам человека, закрепленных в универсальных и региональных правовых актах. Согласно ст.12 Всеобщей декларации прав человека, никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств¹.

Статья 25 Конституции РФ закреплено, что никто не имеет права входить в чужое жилище без разрешения резидента, и право на жилище не может быть нарушено. Исключение установлены в законодательстве.

Поэтому содержанием неприкосновенности жилища является возможность его собственника требовать от всех третьих лиц воздержания от действий, направленных на проникновение в жилище. Так объектом этого права показывается жилой дом, а субъектом законодательства - живущие в нем люди.

Осуществление конституционных прав человека и гражданина напрямую зависит от уровня их обеспеченности.

Сама Конституция Российской Федерации не устанавливает механизма защиты тех прав, которые в ней закреплены. Конкретные методы и механизмы их защиты изложены в отраслевых нормативных актах.

На основе закрепления наличия такой правовой возможности, как неприкосновенность жилища, законодатели

уголовного, гражданского и жилищного законодательства определили конкретные объекты этой защиты и сформулировали приемлемые для них способы защиты. В связи с этим представители академического круга уголовного права справедливо указывали, что понятие и содержание неприкосновенности жилища, закрепленные в Конституции, рассматриваются как объект уголовно-правовой охраны.

Уровень результативного исполнения прав человека зависит от степени, в которой они гарантированы. Гарантирование неприкосновенности жилища обеспечено в т. ч. и уголовно-правовой защитой права, в частности, Уголовным кодексом РФ (далее – УК РФ) и его ст. 139². Он устанавливает ответственность за проникновение в дома против воли проживающих в них людей. Кроме того, именно нарушение правила о неприкосновенности жилья является ключевым признаком целого ряда преступлений, включая кражи, описанные в ст. 158 УК РФ³.

Чтобы правонарушения, объективная сторона которых включает факт противозаконного проникновения в жилище, квалифицировались надлежащим образом, следует знать, какой объект считается жильем.

В ст. 139 УК РФ⁴ описано: под термином «жилище» необходимо подразумевать частный жилой дом с присутствующими в его составе жилыми и нежилыми помещениями. Это также право называть жилыми домами всех форм собственности, относящимися к жилищному фонду и пригодными для проживания людей. Кроме того, в понятие включаются и любые другие места или строения, не входящие в жилой фонд, но пригодные для проживания. Для верности надлежит заметить, что приведенная выше выражение не считается совершенной и безупречной и породила дискуссии, как в правовой теории, так и в юридической практике.

2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954,

3 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954,

4 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954,

1 Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // «Российская газета», № 67, 05.04.1995,

Чтобы рассмотреть это подробнее, разобьём интересующие нас понятия на две части:

1. Частное жильё, в том числе жилое и нежилое, любой формы собственности, относящееся к жилому фонду, пригодное для проживания.

2. Другие здания, сооружения, которые не могут быть отнесены к фондам, но пригодны для временного проживания людей.

Толкование первой составляющей не вызывает затруднений, она очень четкая и подробная в жилищном законодательстве. Относительно второго вопроса могут возникнуть определенные трудности, поскольку его можно интерпретировать с разных точек зрения - как узких, так и широких. Понятие «места временного проживания» вызывает много вопросов. Также иногда неясно, например, является ли жилищем дача или вагон, кемпер или туристическая палатка.

Нет научного целого представления относительно определения «другие постройки и места, пригодные для временного проживания». Так, например, по мнению О.А. Вагина, А.В. Бриллиантова и Е.В. Донец, к жилищу не относятся надворные постройки, погреб, амбары, гаражи и другие помещения, отделенные от жилых построек и не используемые для проживания людей. К жилищу, даже временному, не могут быть отнесены купе поезда, каюта теплохода, поскольку поезд и теплоход являются транспортными средствами.

А вот А.С. Абаньшин и В.Ю. Турагин считают, что в примечании к ст. 139 УК РФ упомянуто все объекты, в которых можно жить, и в указанный список входят даже поезда [1].

С.Н. Наумов полагает, что жилищем нельзя считать такие «иные помещения», как сараи, погреба и прочие хозяйственные строения, а также транспортные средства – вагоны, салоны самолетов и даже автомобильные фургоны. Недопустимо считать жилищами, по мнению Наумова, и палатки или же земля на приусадебных территориях.

С нашей точки зрения, если говорить о палатке как о жилище, необходимо учесть тот факт, что в ряде случаев, к примеру, в результате пожара или стихийного бедствия людям приходится проживать в помещениях, которые для этого совершенно не приспособлены. С.А. Кузнецов уверен, что жилищем можно называть только тот объект, который изначально был приспособлен для того, чтобы там жили люди (квартира, частный дом, садовый, дачный домик, номер в отеле и пр.), а также его части, (имеются в виду лоджии, балконы, подвалы и пр.).

На практике для квалификации правонарушений понятие «жилище» трактуют по-разному. Так, например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (редакция от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»⁵ четко прописано, что на квалификацию правонарушения не способен повлиять тот факт, что помещение, на которое было совершено посягательство, не соответствует техническим, санитарным и любым другим нормам. В качестве подтверждения этому приведем наглядный пример. Тихорецким городским судом 25.02.2015 г.⁶ жилищем признали вагон поезда, а в приговоре № 1-105/2021 от 12 июля 2021 г. по делу № 1-105/2021⁷ к жилищу отнесли вагончик.

В пункте 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)»⁸

говорится, что незаконное проникновение, особенно в места, строения, конструктивно обособленные от отдельных жилых домов (амбары, санузлы, гаражи и т.п.), если они не были специально перестроены и не оборудованы жилыми помещениями, не следует квалифицировать по данной статье.

Из написанного выше следует, что на практике дела, так или иначе связанные с обеспечением права на прикосновенность жилья, весьма противоречивы. Из-за отсутствия единого подхода к трактовке основного термина в правоприменении нередко возникают проблемы, вызванные неудачным объяснением, приведенном в примечаниях к ст.139 УК РФ⁹.

Ключевой объект рассматриваемых правонарушений – отношения, обеспечивающие закрепленное конституционно право на неприкосновенность жилья – важнейшего элемента неприкосновенности частной жизни людей. Каждый гражданин РФ вправе заниматься дома делами, составляющими его личную жизнь.

Если человек временно находится за пределами дома, в месте, которое рассчитано на пребывание там нескольких лиц (палата медицинского учреждения, вагон поезда, номер отеля), право заниматься личными делами за ним сохраняется.

Подводя итог под сказанным выше, необходимо отметить, что кроме признаков жилища, прописанных в соответствующих нормативно-правовых актах, квалификация правонарушений зависит также от такого важного признака, как способность объекта гарантировать неприкосновенность личной жизни. Мы считаем, что для получения возможности толковать понятие «жилище» по единому алгоритму, необходимо внести в примечания к ст. 139 изменения, добавив туда список конкретных объектов – фургоны, палатки и другие разновидности жилья, например, кочевых народностей. Это позволит гарантировать права различных категорий людей, проживающих в таких объектах, и обеспечить их защиту от злодеяний.

Кроме того, следует добавить пункт о проникновении в жилище вопреки воле проживающего в нем человека, сформулировав его как противозаконное проникновение, совершенное вопреки или против воли человека, в нем проживающего.

Пристатейный библиографический список

1. Турагин В.Ю., Абаньшин А.С. Право человека на жилище и проблема определения ключевого понятия // Семейное и жилищное право. 2010. № 5. С. 47-48.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 29.06.2021).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // «Российская газета», № 1, 09.01.2019.
4. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // «Российская газета», № 280, 11.12.2017.
5. Приговор № 1-22/2015 г. от 25 февраля 2015 г. по делу № 1-22/2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //sudact.ru/regular/doc/0rov572HNyxp/.
6. Приговор № 1-105/2021 от 12 июля 2021 г. по делу № 1-105/2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //sudact.ru/regular/doc/ulgLhYQMYwdn/.

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // «Российская газета», № 280, 11.12.2017.

6 Приговор № 1-22/2015 г. от 25 февраля 2015 г. по делу № 1-22/2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //sudact.ru/regular/doc/0rov572HNyxp/.

7 Приговор № 1-105/2021 от 12 июля 2021 г. по делу № 1-105/2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //sudact.ru/regular/doc/ulgLhYQMYwdn/.

8 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о пре-

ступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // «Российская газета», № 1, 09.01.2019.

9 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

ЗАХАРОВ Иван Сергеевич

аспирант кафедры уголовного права и криминологии Челябинского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматривается состояние и тенденции преступности в сфере компьютерной информации в настоящее время в России. Приведен перечень преступлений, относящихся к рассматриваемой категории, закрепленный в главе 28 Уголовного кодекса Российской Федерации. Представлены примеры из судебной практики, а также проанализированы статистические данные за период с 2017 по 2021 годы. На основании совокупности информации сделаны выводы о состоянии и тенденциях преступности в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: компьютерная информация, компьютерная преступность, киберпреступность, неправомерный доступ, вредоносные программы.

ZAKHAROV Ivan Sergeevich

postgraduate student of Criminal law and criminology sub-faculty of the Chelyabinsk State University

THE STATE AND TRENDS OF CRIME IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

The article examines the current state and trends of crime in the field of computer information in Russia. The list of crimes related to the category under consideration, fixed in Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation, is given. Examples from judicial practice are presented, as well as statistical data for the period from 2017 to 2021 are analyzed. Based on the totality of information, conclusions are drawn about the state and trends of crime in the field of computer information.

Keywords: computer information, computer crimes, cybercrime, unauthorized access, malware.

В настоящее время компьютерные и информационно-телекоммуникационные технологии занимают важное место в жизни современного общества. Использование всевозможных гаджетов, смартфонов, компьютеров, социальных сетей, приложений и прочего – уже давно не является чем-то необычным. В магазинах совершается оплата через мобильный телефон, запись на прием к врачу можно также осуществить посредством мобильного приложения, общение в социальных сетях с пользователями по всему миру – это и многое другое повсеместно вошло в жизнь каждого современного человека. Помимо рядовых граждан информационные технологии применяются и в госструктурах, коммерческих организациях, которые хранят большой объем информации.

Огромное количество пользователей по всему миру и широкое распространение данного вида технологий во всех отраслях современной жизни обуславливает интерес со стороны преступников, целью которых является кража той или иной компьютерной информации. Обилие такого рода преступлений наносит не малый ущерб не только отдельным гражданам, но и бизнесу, политическим, социально-экономическим информационным и иным общественным отношениям. Недаром данная тема была затронута на 13-ом конгрессе Организации Объединенных наций по предупреждению преступности и объединенному правосудию еще в 2015 году, когда заместитель Генерального секретаря ООН Ян Элиассон высказал мнение о том, что «технологии помогают сделать гигантский шаг вперед в борьбе с голодом, болезнями и нерациональным использованием энергии, но они же подпитывают организованную преступность и порождают опасность разрушительных кибератак» [1]. Из данного изречения следует то, что проблема преступности в сфере компьютерной информации стоит очень остро не только в России, но и во всем мире.

Возвращаясь к вопросу о преступности в сфере компьютерной информации в России, необходимо отметить перечень преступлений, содержащийся в одноименной главе 28 Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, в действу-

ющем уголовном законе к рассматриваемому виду преступлений относится: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272); создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273); нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274); неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1).

Помимо этого, в примечании к статье 272 Уголовного кодекса Российской Федерации указывается, что «под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи»¹.

Если говорить о конкретных примерах, то самым простым здесь будет являться ситуация взлома аккаунта пользователя в социальных сетях с последующим получением необходимой информации, содержащейся в аккаунте. Так, например, Печатникова Е. М. имея умысел на незаконный доступ к компьютерной информации, содержащейся на электронном почтовом ящике, действуя из личной заинтересованности, заключающейся в том, что она желала знать о переписке между ФИО и ее супругом, в связи с нахождением последних лиц в близких взаимоотношениях, путем подбора ответа на ключевой вопрос к восстановлению пароля доступа к вышеуказанному электронному почтовому ящику, осуществила неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации ФИО, содержащейся в электронном почтовом ящике². Данные действия были квалифицированы судом по ч. 1 ст. 272 УК РФ.

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - 17 июня. - № 25. - Ст. 2954.

2 Приговор суда по ч. 1 ст. 272 УК РФ № 1-527/2017. Неправомерный доступ к компьютерной информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sud-praktika.ru/precedent/388790.html> (дата обращения: 10.03.2022).

В настоящее время взломы аккаунтов в социальных сетях и мессенджерах широко распространены. Существуют специальные организации, предоставляющие желающим такие услуги. Наиболее используемыми, а значит и популярными для злоумышленников, являются такие социальные сети как: «ВКонтакте», «Instagram», а также мессенджеры «Telegram» и «WhatsApp».

Помимо, в некотором смысле, локальных случаев, все чаще появляется информация об «утечках» данных в широких масштабах. В августе 2021 года хакерами был совершен взлом серверов косметической компании «Oriflame», в результате чего в сети Интернет в открытом доступе оказалось более 1,3 млн сканов паспортов не только граждан России, но и Казахстана, Грузии и других³.

Колоссальный ущерб был нанесен организованным преступным сообществом «Lurk», которое осуществляло свою деятельность с 2012 по 2016 годы⁴. За время существования ОПС преступники нанесли ущерб в размере более 1 миллиарда 200 миллионов рублей, посредством создания одноименной вредоносной программы, задачей которой являлось хищение денежных средств со счетов клиентов российских финансовых учреждений в особо крупном размере. Иными словами, членами ОПС через созданную вредоносную программу осуществлялся доступ в банковские информационные системы и путем подмены платежных реквизитов клиентов производились переводы денежных средств на подконтрольные счета преступников. Всего было задержано 22 программиста, приговоры которым были вынесены в феврале 2022 года.

Таким образом, преступления в сфере компьютерной информации совершаются не только в отношении отдельных граждан, но и групп людей, объединенных по общему признаку, каких-либо компаний, предприятий.

Анализ данных о числе преступлений в сфере информационных технологий и компьютерной информации показал, что рассматриваемый вид преступности имеет достаточно серьезный удельный вес в общей структуре преступности России. По данным Портала правовой статистики, удельный вес характеризуемого вида преступности в 2017 году составлял всего 1,8 %, но уже в 2018 году было зарегистрировано 294409 преступлений в сфере информационных технологий и компьютерной информации, что составляло 8,8 % от общего числа зарегистрированных преступлений⁵. В 2019 году произошел резкий скачок и количество зарегистрированных преступлений составило 294409. В процентном соотношении рост числа противоправных деяний по сравнению с предыдущим годом – 68,5 %. При этом необходимо отметить, что в 2019 году удельный вес данного вида преступлений составил 14,5 %. В 2020 году преступления, касающиеся информационных технологий и компьютерной информации, ожидаемо были зафиксированы еще в большем объеме – 510400 зарегистрированных, удельный вес от общего количества зарегистрированных преступлений – 25 %. Произведя математические расчеты, следует вывод, что в 2020 году количество преступлений в сфере информационных технологий и компьютерной информации, по сравнению с 2019 годом, возросло на 73,4 %. В 2021 году общее число зарегистрированных преступлений в рассматриваемой группе увеличилось еще на 17 %, их количество достигло 517700, удельный вес в струк-

туре преступности, соответственно, зафиксирован на отметке 25,8 %.

Из представленных данных следует, что за период с 2017 по 2021 годы рост числа преступлений, рассматриваемых в настоящем исследовании, достаточно стремительно растет. За последние 5 лет произошел скачок удельного веса с 1,8 % до 25,8 %.

Анализ статистических данных за более ранний период практически не представляется возможным в связи с тем, что преступления в сфере информационных технологий и компьютерной информации не выделялись в отдельную категорию, так как в структуре преступности они занимали незначительный процент.

Примечательным является и то, что статистические данные, начиная с 2020 года имеют более развернутую характеристику, а именно – указано какое количество преступлений было совершено с использованием или с применением тех или иных средств. В перечень включены такие, как: сеть Интернет, средства мобильной связи, расчетные (пластиковые) карты, компьютерная техника, программные средства, фиктивные электронные платежи.

Имеющиеся данные за 2 года можно сопоставить друг с другом. Так, в 2020 году было зарегистрировано 300337 преступлений, совершенных с использованием или с применением сети Интернет, в 2021 году – 351463; с применением средств мобильной связи 218739 и 217552 соответственно; расчетных (пластиковых) карт – 190167 и 165658; компьютерной техники – 28653 и 27519; программных средств – 10050 и 7216; фиктивных электронных платежей – 1374 и 954⁶. Исходя из данных показателей можно сделать вывод о том, что наиболее распространенным средством совершения преступления является сеть Интернет, причем за год количество зарегистрированных преступлений, которые были совершены с ее использованием или применением, возросло на 17 %. В то же время, серьезное снижение наблюдается в категории совершения преступлений с использованием или применением программных средств – на 28 % и фиктивных электронных платежей – на 30 %, менее ярко спад прослеживается в зарегистрированных преступлениях, совершенных с использованием или применением расчетных (пластиковых) карт – на 13 %. В остальных категориях колебания незначительные и на общую ситуацию не влияют.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что в настоящее время преступность в сфере компьютерной информации имеет широкое распространение не только в России, но и во всем мире. Компьютеризация современного общества и, соответственно, безопасность компьютерной информации является насущной проблемой, поэтому данный вопрос нельзя оставлять без внимания. В России с каждым годом растет количество таких преступлений и в 2021 году их удельный вес достиг 25,8 %. Необходимо отметить и то, что все больше преступлений совершается с использованием сети Интернет (в 2021 году по сравнению с 2020 годом прирост составил 17 %).

Пристатейный библиографический список

1. Дерюгин Р. А., Шергин М. А. О некоторых особенностях расследования преступлений, совершаемых с использованием IT-технологий и в сфере компьютерной информации // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 3. – С. 100-104.
2. Портал правовой статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 10.03.2022).

3 Хакеры выставили на продажу паспорта более 1,3 млн россиян. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1211590/2021-08-24/khakery-vystavili-na-prodazhu-pasportabolee-13-mln-rossiian> (дата обращения: 10.03.2022).

4 22 программиста преступной группы «Lurk» приговорены к тюремным срокам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27363/4545843/> (дата обращения: 10.03.2022).

5 Портал правовой статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 10.03.2022).

ЗЕНИНА Лариса Серафимовна
судья Московского городского суда

ОБЪЕКТ КАК ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 305 УК РФ (ВЫНЕСЕНИЕ ЗАВЕДОМО НЕПРАВОСУДНОГО СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ)

Актуальность исследования проблемы вынесения неправосудных решений вызвана теоретическими и практическими потребностями выработки конкретной концепции объекта преступления как одного из элементов «*corpus delicti*», по существу, определяющего и объект и объективную сторону, таким образом, – природы социально опасного акта. Кроме того, несмотря на ряд исследований данного плана, будучи составом «*corpus delicti*», сущность объекта преступления до конца не изучена. Автор делает попытку сформулировать свое понятие об объектах преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, попутно опираясь на исследования других ученых и указывая на основные точки их соприкосновения. Автором приводятся точки зрения зарубежных авторов по данному вопросу, согласно которой объект преступления представляет собой достаточно сложное и многогранное явление. В статье указывается на отсутствие в этом вопросе, прежде всего, конкретной позиции со стороны высших судебных инстанций, которые могли бы скоординировать усилия других исследователей на поиск правильного представления об объекте преступлений в сфере правосудия в целом. Главной целью данного исследования является анализ основных и непосредственных признаков объекта преступлений, совершаемых в сфере правосудия, а основной его задачей – определение объекта преступления, предусмотренного ст.305 УК РФ.

Результаты: Результаты исследования имеют практическую ценность для преподавательского состава, который проводит аудиторные занятия в рамках дисциплин уголовно-правового цикла, а также имеют особое значение для правоохранителей в правовой оценке преступления, делимитации объекта преступления от методов и инструментов его совершения.

Выводы: в статье объект преступления предоставляется не как вещь материального мира, в том числе только как неодушевленные предметы, а как более сложное явление, определенный материальный и (или) интеллектуальный субстрат, характеризующий, а иногда определяющий другие элементы и в особенности те, которые выражают незаконное воздействие или в связи, с которым причиняется реальная угроза существенного ущерба охраняемым законом связям с общественностью (личным благам). Объект преступления, предусмотренный ст. 305 УК РФ, является предметом многих научных исследований, однако, до настоящего времени вопрос его верной идентификации находится в стадии научного обсуждения и зависит от ряда факторов.

Ключевые слова: преступления против правосудия, вынесение заведомо неправосудного решения, состав преступления, объект преступления, правоприменение, совершенствование норм.

ZENINA Larisa Serafimovna
Judge of the Moscow City Court

OBJECT AS A SIGN OF A CRIME UNDER ART. 305 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION (MAKING A KNOWINGLY UNJUST COURT DECISION)

The relevance of the study of this problem is caused by the theoretical and practical needs of a specific concept of the object of a crime as one of the elements of the “corpus delicti”, which essentially determines both the object and the objective side, thus, the nature of a socially dangerous act. In addition, despite a number of studies of this plan, being a corpus delicti, the essence of the object of the crime is not fully understood.

Results: *the results of the study are of practical value for the teaching staff, which conducts lessons and specialized courses in the criminal law cycle, and are also of particular importance for law enforcement officers in the legal assessment of crime, qualification of crimes, delimitation of the object of the crime from the methods and tools of its commission.*

Conclusions: *in the article, the object of the crime is presented not as a thing of the material world, including only as inanimate objects, but as a more complex phenomenon, a certain material and (or) intellectual substrate that characterizes and sometimes determines other elements and features of the crime, illegal influence for which or in connection with which (in relation to which) a real threat of significant damage to public relations protected by law (personal goods) is caused. The object of the crime, provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation, is the subject of many scientific studies, however, until now, the issue of its correct identification is at the stage of scientific discussion and depends on a number of factors.*

Keywords: *criminal Code of the Russian Federation, crimes against justice, making a knowingly unjust decision, increasing efficiency, law enforcement, improving norms.*

Цель, задачи: Цель статьи состоит в исследовании наиболее проблемных вопросов объекта преступления и на основе критического понимания существующих определений предложить собственное определение его сущности. Кроме этого, с учетом анализа выработанных позиций отечественных и зарубежных ученых по данному вопросу, необходимо конкретизировать признаки основного непосредственного и дополнительного непосредственного объектов преступления, предусмотренного ст.

305 УК РФ (вынесение заведомо неправосудного судебного решения).

Методы и материалы: Основными методами исследования были формально-логический, историко-правовой, системный, структурный и сравнительно - правовой методы, которые позволили рассмотреть эволюцию взглядов ученых-правоведов на сложность представления об объекте преступления, и в особенности позиций относительно преступлений, связанных с осуществлением правосудия.

Введение

В любом государстве, где провозглашается идея справедливого сосуществования граждан, а свобода и равенство выступают в качестве основных постулатов, судебная власть должна представлять собой оплот её реализации и легитимной защиты. В таком обществе роль влияния судебных решений на его политическую, экономическую, а также социальную составляющие достаточно высока, и, в силу обусловленной значимости, может стать ключевым при определении судьбы не только одного человека или группы людей, но и, в некоторых случаях, целой нации.

Аналитиками и учеными подчеркивается, что в отечественной правовой системе давно уже сложились негативные тенденции откровенного злоупотребления со стороны судей своими полномочиями, как в части необоснованного (однобокого) истолкования фактов, подлежащих оценке (повсеместно относя сюда оценку представленных доказательств), так и в вопросе принятия итогового решения, которое порой ни по своей логике, ни по стандартам социальной справедливости, не отвечает требованиям принципов, изложенных в ст. 10 Всеобщей декларации по правам человека¹, а также в ст.ст. 48, 49, 50 Конституции РФ² [2].

Автор исследования «Правовые последствия вынесения заведомо неправосудных приговора, решения и иного судебного акта», С. В. Калашникова, отмечая слабость развития институтов правосудия в вопросах проверки качества выносимых решений, указывает, что преступления, направленные в отношении основ функционирования судебных органов, ответственность за совершение которых является объектом межотраслевых исследований, все чаще становятся следствием нарушений закона со стороны самих судей. К примеру, некоторые из них, не стараясь вникать в обстоятельства уголовного дела (расследования), зачастую намеренно завышают порог доказательственного значения сведений, представленных стороной обвинения, и как следствие не позволяют стороне защиты приводить хоть какие-то аргументы в пользу обвиняемого. При этом достоверно установить действительность применения такого подхода со стороны судьи на практике крайне сложно. В то же время, данный подход свидетельствует о том, что судья может вполне намеренно препятствовать объективному разбирательству, следовательно решение, которое он вынесет по его результатам, будет обладать признаками заведомой неправосудности [6, с. 121].

Между тем, сказать, что проблематике вынесения со стороны судей заведомо неправосудных (неправомерных) решений посвящено достаточно большое количество научных исследований, нельзя. В частности, попытки разрешить проблемы реализации судьями своих полномочий, а также вопросы неправомерности действий, совершаемых последними в ходе процесса, предпринимались как современными учеными, так и представителями советской науки, в числе которых такие выдающиеся правоведы, как: В. М. Боботов, Н. В. Витрук, Т. Н. Добровольская, Н. Н. Ковтун, Т. Г. Морщакова, Ю. К. Якимович, и другие. В части последних достижений в указанной сфере можно отметить работы таких исследователей, как А. В. Галахова, С. А. Денисов, Л. С. Зенина, В. В. Кузнецов, С. В. Калашникова. При этом разнообразие взглядов при проведении этих исследований указывает, как на важность поставленных перед наукой задач в вопросе выработки

качественного механизма идентификации таких решений, так и свидетельствует о сложности его функционирования, при условии, что объектом исследования выступают отношения, связанные с закрытой частью осуществления правосудия.

Результаты и обсуждение

Следует отметить, что данные отношения, как объект научного интереса затрагивают не только само обстоятельство незаконности вынесения определенного судебного акта, но и аспект, определяющий причины влияния на его вынесение со стороны конкретного должностного лица, где действия судьи в целом носят латентный характер. Как верно подмечает А. В. Титова, наделяние судьи правом, индивидуально, без гласного обсуждения со сторонами процесса, и, опираясь исключительно на свое личное видение, выносить итоговое решение, сформировало в контексте развития таких отношений серьезный барьер в возможности убедиться в его беспристрастности [13, с. 45].

Похожей точки зрения придерживаются и зарубежные ученые, которые давно уже сходятся во мнении, что неправосудность судебных решений, — это типичный признак нарушения со стороны судьи определенных правил, выход за рамки которых обусловлен двумя феноменами социально-профессиональной деформации личности — аморальностью и некомпетентностью [16], [22], [23].

Так, ведущий специалист в области уголовного права Бостонского университета США Р. Кард указывает, что феномен нарушения закона со стороны того, кто должен фанатично служить его идее, может иметь выражение в целом ряде причин, где основными выступают те, которые затрагивают личный интерес должностного лица, осуществляющего правосудие. Корысть, шантаж, низкий профессиональный уровень, психологическое давление, — все это составляющие возможных причин вынесения неправомерного решения со стороны судьи, и образуют проблему, состоящую в слабой изученности отношений, развивающихся в среде действия правил для судей. Соответственно поиск решения этой проблемы лежит в правильном определении свойств объекта (отношений) данного нарушения, и влияния на его устойчивость со стороны конкретных факторов [18, с. 25].

Традиционно, объект преступления, рассматривается наукой уголовного права как системный (неотъемлемый) элемент его состава, который находит свое выражение в конкретных общественных отношениях, последовательно выступающих объектом уголовно-правовой охраны в случае его законодательного закрепления [10, с. 64].

Между тем, более современное доктринальное понимание внутренней составляющей данного элемента нередко сводится к самому человеку или его интересу [11, с. 312], при условии, что значительно глубокое осознание его сущности, при определении конкретного правонарушения, может включать в себя следующие аспекты: философский (гносеологический), аксиологический (ценностный), социальный (материальный), юридический (формальный) [7, с. 7].

Учитывая многоаспектность рассматриваемого явления, можно отметить, что знание объекта преступления позволяет решать науке уголовного права целый ряд задач, в числе которых такие как: определение характера общественной опасности; подразделение преступлений на группы в зависимости от типа отношений, определяемых целью и последствиями их развития; разграничения отдельных видов преступления (см. Рисунок № 1).

Между тем, разнообразие регулируемых отношений, а также их переменчивость в зависимости от факторов, определяющих вектор направления их развития, показывают, что объект преступления может представлять собой достаточно нестабильное явление, нормативное закрепление которого зависит не только от представления законодателя о его

1 Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. - 10.12.1998.

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.

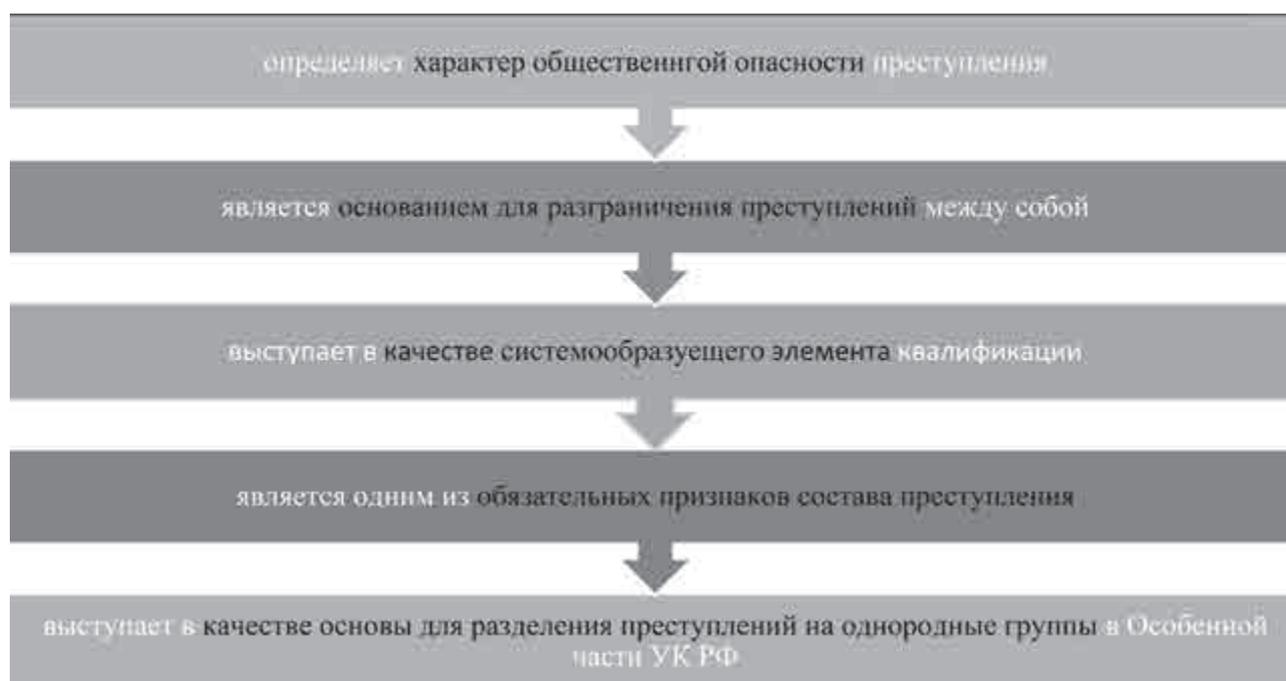

Рисунок 1. Свойства объекта преступления

сущности (объективной стороне), но и от правильности выбранного подхода в его изучении. Это, как следствие, нередко служит причиной для изменения границ криминализации и декриминализации некоторых уголовных деяний.

Так, В. П. Бодаевский утверждает, что объект преступления — это явление, которое по своей природе достаточно сложно и многомерно, в свою очередь существование которого обусловлено различными потребностями (социально-экономическими), и выражается в социально-правовом и законодательном (нормативно отраженном) форматах. В свою очередь, в данном контексте объект преступления может находить свое проявление в различных гранях, а потому правильность его исследования заключается в необходимости соблюдения одного правила: «Чем абстрактней и шире содержание объекта, тем меньше вероятность того, что его регулирование должно осуществляться нормами уголовного права, и тем правильнее будет применять общие методы для его исследования. Чем представление об объекте становится предметнее, тем правильнее будет использовать частные научные методы» [1, с. 27]. По сути, аналогичные позиции высказываются и зарубежными исследователями, которые утверждают, что представление об объекте преступления опосредовано не только выбором фактором самой цели преступления, но и выбором конкретного подхода в её определении [24, с. 18].

Вместе с тем, наукой уголовного права определено, что в зависимости от сложности рассматриваемых отношений, объект преступления может иметь различные уровни классификационного значения, вследствие чего подразделяется на четыре типа, а именно: общий, родовый, видовой и непосредственный [14, с. 320]. Общий объект находит свое выражение в содержании всех общественных отношений, охраняемых уголовным законом, в то время как родовый служит своего рода результатом более предметной конкретики в данном вопросе, обусловленной путем разделения Особенной части Уголовного Кодекса РФ³ на разделы. В свою очередь, преступления, выделенные в отдельную главу Особенной части УК РФ, представляют собой видовую дифференциацию объектов уголовно-правовой охраны.

Если затронуть соотношение родового объекта и видового, определяя их сущность в преступлении, предусмотренном ст. 305 УК РФ, то можно сказать, что родовым объектом будут выступать отношения, указанные в разделе X УК РФ, то есть обеспечивающие нормальное функционирование институтов государственной власти РФ, где судебная власть будет выступать одной из её ветвей. В свою очередь, отношения, затрагивающие интересы судебных органов, чья деятельность непосредственно связана с реализацией их полномочий, и отраженные в главе 31 УК РФ, будет представлять видовой объект.

И, наконец, в качестве непосредственного объекта преступления УК РФ выделяются отношения, опосредованные законодателем в его отдельной статье. В свою очередь, последний подвид объекта имеет также подразделение на: основной, дополнительный и факультативный. Основным непосредственным объектом выступают отношения, на охрану которых изначально и было направлено законодательное внимание. Именно они составляют сущность преступления и определяют креатуру построения конкретной уголовной нормы, попутно устанавливая его основные и дополнительные признаки.

Дополнительным непосредственным объектом преступления выступает отношение, которое может нарушаться в силу совершения преступления, но не выражать его сущность [7, с. 276]. Последний вид представляет собой общественное отношение, которое может изменить преступление в одном случае, и не повлиять на его сущность в другом [15, с. 303]. Зарубежными исследователями среди прочего выделяются и такие виды объектов, как: скрытые (не имеющие явного выражения и отношения к конкретному отношению), а также сложные (сочетающие или затрагивающие в себе несколько видов отношений) [21, с. 359]. Такой взгляд на понимание сущности объекта преступления опосредован особенностью функционирования как самой правовой системы, так и деятельности её отдельных институтов. К примеру, в Англии, где научно-исследовательский подход в определении причин, условий и целей совершения преступления формируется посредством изучения стороны конкретного прецедента, допущение того, что существующая норма может затрагивать сразу несколько аспектов отношений более чем допустимо. При этом нередко, что совпадающие отношения не соотно-

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. - 17.06.1996. - № 25. - Ст. 2954.

сятся как что-то общее и производное, как это, в частности, делается в странах, где законодательное регулирование строится на базе установленной нормы, а заведомо обобщается и рассматривается правоприменителем, как одно общее (сложное) отношение [20].

Вынесение заведомо неправосудных решений или иного с судебного акта, в силу присущей ему особой уголовно-правовой специфики, характеризуется наличием основного и дополнительного непосредственных объектов. Между тем, их конкретизация в настоящее время не имеет достаточной научной определенности. Анализ уровня научного развития в этом вопросе, а также точек зрения, приводимых в защиту конкретной позиции, указывает на отсутствие общевыработанного подхода в понимании сущности основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ. К примеру, исследователь И. А. Гаг, в качестве основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, рассматривает именно интересы правосудия, подразумевая под ним интерес реализации полномочий со стороны органа правосудия (суда) [19, с. 126].

Согласно предложенной точке зрения, указанный интерес воспринимается как видовой объект всей системы осуществления правосудия, предусмотренной главой 31 УК РФ. Однако, если мы обратимся к содержанию положений ст. 305 УК РФ, то можем увидеть, что такая точка зрения будет ошибочной, поскольку отношения такого вида преступления подразумевают, что противоправные действия будут совершаться лицом, обладающим конкретным социально-правовым статусом, то есть, судьей. Это свидетельствует о том, что исследователь пытается необоснованно расширить границы представления об объекте преступления до уровня интереса не только судьи, но и лица, которое может вынести (составить) такое решение технически, но при этом не обладая правом его принимать в силу отсутствия установленных законом полномочий.

Другими исследователями в качестве объекта анализируемого преступления рассматривается сама деятельность органов правосудия, а также органов, которые могут или должны обеспечивать их объективное (беспристрастное) функционирование. К примеру, Л. С. Зенина, отождествляя видовой и непосредственный объекты, указывает, что отношения в сфере осуществления правосудия могут носить достаточно широкий характер, охватывая при этом не только интерес того, кто совершает такие действия, но и право того, кто должен его выносить по закону. И нередко, что действия судьи, в части вынесения неправосудного решения, реализуются посредством не только использования своих полномочий, но и присвоения чужих (вынесение решения от имени другого судьи, либо вместо него) [4, с. 195].

Отталкиваясь от требований статьи 305 УК РФ, мы можем подвергнуть сомнению данную точку зрения по следующим двум причинам. Во-первых, как справедливо утверждает Р. Елиас, именно отношения, в большей степени выступают в качестве объекта преступления в сфере правосудия, при этом к таковым можно относить также различные блага, права, а также законные интересы [19, с. 26], поэтому, рассматривать деятельность органов в качестве объекта преступления, было бы не совсем корректно. Во-вторых, ст. 305 УК РФ охраняет исключительно интересы судебных органов, а не органов, обеспечивающих суду возможность рассматривать дела, следовательно, сфера отношений в таких органах объектом такого преступления выступать не может. Формально это выражается в положениях Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»⁴, где указано, что никакими другим

органами, кроме как судьями и привлекаемыми к делу присяжными, правосудие в Российской Федерации осуществляется не может. Из этого принципа последовательно вытекает представление о том, судья осуществляет свои полномочия самостоятельно, независимо от чьей бы то не было воли, а также посредством личного участия в процессе (ст. 1, 4, 5, 15 и 16).

Авторы научной статьи «Вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ)» Л. А. Спектор и Ж. В. Горностаева, опираясь, прежде всего, на особенности применения положений ст. 305 УК РФ на практике, предлагают рассматривать в качестве основного непосредственного объекта данного преступления общественные отношения, где главным критерием их определения будет выступать авторитет судебной власти, формируемый её носителями в ходе осуществления правосудия. Ученые утверждают, что, исходя из анализа решений судов, вынесенных по этой статье крайне редко, данный критерий является самым очевидным с точки зрения определения цели законодательного внимания в этом вопросе [12, с. 257]. Приведенная позиция представляется нам вполне обоснованной, поскольку сущность нарушения, вне зависимости от мотива его совершения со стороны конкретного лица, находит свое выражение в более объективном начале, в данном случае, - в интересе со стороны общества к самой теме правосудия. На это ссылаются и Конституционный Суд РФ, указывая, что отправление правосудия является особым видом осуществления государственной власти, где полномочия судьи должны быть реализованы только посредством установленных правил, и, исключительно при справедливом учете обстоятельств конкретного дела⁵.

Применяя общее правовое предписание (норму права) к таким обстоятельствам дела, судья принимает решение основываясь на праве свободного усмотрения, и может это сделать в том числе и не имея достаточной информации (иногда скрываемой от него). Однако, такое право является следствием прерогативы, определяемой законом, в том числе и его право оценивать факты руководствуясь своим личным убеждением и совестью, следовательно, природа такой дискреции находится в русле необходимости соблюдения общих для всех судей правил, то есть следствием развития отношений и их защиты. Следовательно, именно отношения в сфере реализации полномочий представителями судебной власти будут превалировать над иными объектами (правами и интересами), даже если их роль и значение в этом вопросе, несут, на первый взгляд, не основной характер.

Несколько схожая позиция приводится и таким исследователем как С. В. Калашникова, которая, используя по сути аналогичное построение логики в этом вопросе, сводит анализ определения основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, к тому же утверждению, за одним исключением. В отличие от вышеуказанных авторов, она, определяя в качестве такого объекта именно общественные отношения, подчеркивает, что нормальное функционирование судебной власти и её авторитет могут служить сегментами их выражения в всех случаях осуществления правосудия, а не только в момент вынесения конкретного решения [6, с. 39].

Интересное представление об объекте преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ дает исследователь П. С. Метельский, который предлагает в качестве такового определять общественные отношения, обеспечивающие решение познавательно-правоприменительных задач правосудия [8, с. 751].

4 Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 06.01.1997. - № 1. - Ст. 1.

5 Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова // Собрание законодательства РФ. - 12.02.2001. - № 7. - Ст. 700.

Такое представление об объекте вполне допустимо, однако, как можно заметить, в его дефиниции отсутствует указание на такой признак его идентификации как авторитет судебной власти. Между тем, согласно судебной практике, данный признак фигурирует практически в каждом решении суда, выносившего приговоры в отношении нерадивых судей. К примеру, согласно приговору Ленинского районного суда г. Владимира от 28 марта 2017 года в обоснование характера совершенного нарушения со стороны судьи Х. судом было указано, что действия обвиняемой, признанной в совершении преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, послужили причиной для умаления авторитета судебной власти⁶. Следовательно, исключать аспект умаления судебной власти, как признак объекта преступления было бы неверным. Вполне обоснованно на это делается ссылка и в работах иных авторов, в том числе и зарубежных. К примеру, польский автор статьи «Вопросы вынесения заведомо неправильного судебного решения или приказа со стороны судьи» М. Борисовский указывает, что в череде исследований, проведенных за последние пять лет, практически каждым автором подчеркивается, что такие нарушения являются причиной для формирования в обществе недоверия к институту судебной власти. Это следует из того, что в каждом средстве массовой информации, будь то печатное или электронное издание, журналистами или просто обывателями подчеркивается, что проступок судьи неминуемо бросает тень на личность другого судебного чиновника, при том, что уверенность людей в объективности и беспристрастности суда не может строиться исключительно на упоминании о самом законе [17, с. 44].

Таким образом, можно сделать вывод, что под основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ следует понимать общественные отношения, возникающие в сфере осуществления правосудия, конъюнктура построения которых должна выстраиваться исходя из соблюдения принципа необходимости сохранения и защиты авторитета судебной власти.

Отдельное внимание науки сконцентрировано на дополнительном непосредственном объекте. Некоторые ученые рассматривают правильность его определения во взаимосвязи правосудия с его непосредственной функциональной направленностью. Вследствие этого, вопрос разрешения данной дилеммы ставится исследователями в зависимости от признания конституционных прав и свобод граждан в качестве несключаемых критериев объекта, последовательно указывая на то, что только интерес их соблюдения может служить константой дополнительной составляющей объекта рассматриваемого преступления. Кроме этого, к такой составляющей предлагается относить и те интересы, которые возникают или могут возникать у иных субъектов отношений, затрагиваемых правосудием - юридических лиц, общества и государства [25, с. 62].

Между тем, нам такое представление о непосредственном дополнительном объекте представляется недостаточно полноценным, так как само словосочетание «интересы соблюдения прав...» не отражает в полной мере логичность того подхода, который мы использовали ранее при определении сущности объекта преступления в принципе. В данном случае, последовательнее будет использовать термин права, а не интересы, так как их ценность в любом преступлении играет определяющую роль. Кроме того, в качестве дополнительного объекта разумнее рассматривать не только конституционные права, но и все остальные. К примеру, если затронуть характер отношений, затрагиваемых правосудием, то можно с уверенностью сказать, что её фундаментальность и функциональная обоснованность априори связана с главной конституционной основой - правами и свободами. Одна-

ко, при вынесении неправосудного решения в деле появится конкретный фигурант - потерпевший, чьи права, а уже не интересы, непосредственно, становятся объектом уголовно-правовой охраны. И если, не рассматривать существенность вреда, причиняемого вынесенным неправосудным решением, то выделение основного и дополнительного объекта в преступлениях против правосудия вообще утрачивает всякий смысл, так как правосудия ради правосудия не существует. Любой судебный акт, вынесенный незаконно, включая и обстоятельства, предусмотренные ст. 305 УК РФ, неизбежно причиняет вред какому-либо лицу. Данное упущение, или указание на него встречается практически в каждом исследовании анализа дополнительного объекта.

Обозначенная позиция находит свое подтверждение и в суждениях иных авторов. Так, Г. П. Новоселов обоснованно полагает, что понятие объекта преступления не может основываться на чем-либо другом, кроме как на значительности и обоснованности вреда, причиненного преступлением, поскольку люди существуют не ради общественных отношений, а являются постоянной их формированием. Именно поэтому люди представляют объект любого преступления, а не только преступлений против личности [9, с. 50]. По мнению же другого автора, дополнительным непосредственным объектом преступления по ст. 30 УК РФ должны считаться не только интересы общества или юридических лиц, а также государства в целом, но и права личные права человека [5, с. 118].

Нужно отметить, что в данном случае мы имеем дело с позицией, в которой автор сужает представление о непосредственном дополнительном объекте до личных прав граждан, забывая о том, что выносимое судебное решение может охватывать не только его личные права, но и те, среди которых важными представляются такие, как: социальные, экономические, культурные и другие притязания.

Отталкиваясь от вышеуказанных противоречий и логичности некоторых позиций, мы полагаем, что наиболее удачным представлением о дополнительном непосредственном объекте, будет составлять то, где наряду с правами и законными интересами граждан будут фигурировать и такие социальные основы, как права и законные интересы общества и государства. Подтверждением чему является позиция Верховного суда, отраженная в одном из своих решений⁷. Так, рассматривая материалы одного из уголовных дел Верховный Суд Российской Федерации указал, что объектом преступного посягательства всегда выступает какая-либо социальная группа, в свою очередь, связанная системой отношений, регулируемых как формальными, так и неформальными институтами. Таким образом Верховный Суд Российской Федерации вполне предметно выразил свое видение об объекте преступления [2, с. 8]. Следовательно, его содержание следует идентифицировать как общественные отношения, включающие в себя необходимость защиты вышеуказанных основ, при условии, что они нарушаются вынесенным неправосудным решением, в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела. Таким образом, под дополнительным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, следует понимать права и законные интересы граждан, юридических лиц, а также интересы общества, государства, которым, в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела, причиняется вред в результате вынесения заведомо неправосудных решений (приговоров).

Выводы

Подводя итог проведенному исследованию, спектр которого, в большей степени, был направлен на определение признаков (составляющих) такого элемента состава преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, как его объект, следует отметить следующее. Важность определения объ-

6 Приговор № 1-2/2017 1-46/2016 от 28 марта 2017 г. по делу № 1-2/2017 // Документ опубликован не был.

7 Определение Верховного суда РФ от 07.07.2011 № 8011-10 // Документ опубликован не был.

екта преступления в такой сфере действия уголовно-правовых норм, как осуществление правосудия, носит крайне серьезное значение. Мы уже отмечали, что, на данный момент, судебная практика в этом направлении не так обширна, что делает вопрос разрешения поставленной перед этим исследованием проблемы, прежде всего, вопросом теоретического (доктринального) осмысления. Между тем, в теории уголовного права он не находит своего однозначного разрешения. В свою очередь, отталкиваясь от приведенных выше точек зрения, мы смогли сформулировать свое понятие об объектах преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, однако, признать данную позицию в силу вышеуказанных причин однозначной также нельзя. Виной этому является чрезмерно разное толкование существенных признаков такого элемента состава преступления, как объект. Здесь же отмечается путанность в определении основных постулатов, определяющих цель законодателя при регулировании данного вида отношений. Также следует отметить отсутствие в этом вопросе, прежде всего, конкретной позиции со стороны таких правоприменительных инстанций, как Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ, которые могли бы, путем вынесения интерпретационных актов (постановлений Пленума ВС РФ), внести ясность в вопрос правильной оценки действий нарушителей и, в большей степени, скоординировать усилия других исследователей на поиск правильного представления об объекте преступлений в сфере правосудия в целом. Полагаю, что на данный момент такой вопрос законодательным путем принципиально не разрешится, так как для внесения необходимой законодательной инициативы следует продолжить исследования по указанной тематике, и только после накопления достаточной императивной основы, позволяющей достоверно установить объект причинения наносимого вреда от действий, предусмотренных ст.305 УК РФ, следует принимать решения о необходимых изменениях.

Пристатейный библиографический список

1. Бодаевский В. П. ОБ уголовно-правовом понятии объектов преступлений против собственности. В сборнике: Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт. сборник материалов VIII Российско-германского круглого стола. - 2018. - С. 26-30.
2. Винокуров В. Н., Грамматчиков М. В. Значение разграничения объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления как элемента состава преступления. // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. - 2020. - № 3 (77). - С. 5-11.
3. Гаг И. А. Проблема определения объекта вынесения заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта. В сборнике: Защита субъективных прав и охраняемых законом интересов. Материалы II Международной научно-практической конференции. - 2017. - С. 122-129.
4. Зенина Л. С. Объект как признак преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. - 2019. - № 4. - С. 194-197.
5. Зенина Л. С. Судебное решение как предмет преступления, предусмотренного в статье 305 УК РФ // Образование и право. - 2017. - № 10. - С. 116-122.
6. Калашникова С. В. Правовые последствия вынесения заведомо неправосудных приговора, решения и иного судебного акта: дис. ... док. юрид. наук: 12.00.08. - Ростов на Дону, 2011. - 245 с.
7. Луговая А. П. Сущность объектов преступления и его виды. В сборнике: Современные экономические и правовые аспекты развития региональных систем. Сборник научных трудов Региональной научно-практической конференции. - 2018. - С. 275-278.
8. Метельский П. С. Конструктивные признаки вынесения заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта (ст.305 УК РФ). В сборнике: Тенденции развития юридической науки на современном этапе. материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием. отв. ред. Е. С. Трезубов. - Москва, 2020. - С. 749-755.
9. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. - М., 2011. - С. 45-63.
10. Новоселов Г. П., Федосеева Л. Ю. Объект уголовно-правовой охраны и объект преступления: соотношение и уголовно-правовое значение // Российское право: образование, практика, наука. - 2019. - № 4. - С. 60-70.
11. Сорочкин Р. А. Объекты коррупционных преступлений // Образование и право. - 2021. - № 1. - С. 311-316.
12. Спектор Л. А., Горностаева Ж. В. Вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта (ст.305 УК РФ) // Евразийский юридический журнал. - 2018. - № 6 (121). - С. 256-258.
13. Титова А. В. Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта: дис. ... док. юрид. наук: 12.00.08. - Моск. гос. Университет. - Москва, 2016. - 209 с.
14. Харабара И. В. Объект преступления и его виды // Образование и право. - 2020. - № 6. - С. 318-323.
15. Энохов И. А. Объект преступления. В сборнике: Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития. Сборник материалов X Международной научно-практической конференции. Редакция: О. Н. Широков [и др.]. - 2018. - С. 302-303.
16. Bayles M. D. Principles of Law: A Normative Analysis. Springer, 1987. - P. 34-35.
17. Borusovskiy M. State of scientific development of investigation of delivery a de jure wrongful verdict, judgment, resolution or order by a (judges) // Polish Journal of Science. - 2020. - № 24-2 (24). - С. 42-46.
18. Card R. The object of the cult. Judgment and reality. - Boston: Boston University, 2015. - P. 26-31.
19. Elias R. Justice and Courts: Two Facets of One Social Experiment. В книге: Victims of the System: Crime Victims and Compensation in American Politics and Criminal Justice. - 2017. - С. 1-340.
20. Elliott C., Quinn F. English Legal System. 8th ed., 2007/2008. - P. 126; Law Reform Lecture Notes. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.lawteacher.net/english-legal-system/lecture-notes/lawreform.php> (дата обращения: 27.02.2022).
21. Farrall S., Maruna Sh. Types of objects of crime // The Howard Journal of Criminal Justice. - 2004. - Т. 43. - № 4. - С. 358-367.
22. Hazard J. C., Jr., Taruffo M. American Civil Procedure: An Introduction. - Yale University Press, 1995. - P. 177-189.
23. Ikenberry G. J. International justice and international criminal court: between sovereignty and of law // Foreign Affairs. - 2004. - Т. 83. - № 6. - С.143-144.
24. Johnson L. M., Simons R. L., Conger R. D. The object of the crime: features and configuration of the idea about it. Youth and Society. - 2014. - Т. 36. - № 1. - С. 3-29.
25. Kosond. S. Wrong verdict, decision or other judicial act. // Actual problems of law. - 2018. - № 5. - P. 59-63.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-310-313

БАЙРАМОВ Рамзи Раджабович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии

БЕЛОУСОВА Евгения Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии

ГАБДУЛХАКОВ Марсель Фанильевич

студент Юридического факультета Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ С УЧЁТОМ ОПЫТА ЦИФРОВИЗАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В статье говорится о процессе цифровизации в уголовном судопроизводстве России как об основном факторе, влияющем на трансформацию данного вида судопроизводства. Проводится анализ опыта Республики Казахстан в сфере цифровизации уголовного судопроизводства, в частности, подробно изучается опыт внедрения информационной системы «электронное уголовное дело», а также уделяется внимание действующему законодательству данной страны. Рассматриваются проблемные аспекты цифровизации и пути их решения в России. Делается вывод о том, что Российская Федерация имеет все предпосылки для внедрения, развития и успешного применения электронного формата в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, цифровизация, электронное уголовное дело, электронные документы.

BAYRAMOV Ramzi Radzhabovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the V. B. Bobkov St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy

BELOUSOVA Evgeniya Alekseevna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Criminal law disciplines sub-faculty of the V. B. Bobkov St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy

GABDULKHAKOV Marcel Faniljevich

student of the Faculty of Law of the V. B. Bobkov St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy

CURRENT PROBLEMS OF DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA AND THE WAYS TO SOLVE THEM IN CONSIDERATION OF THE EXPERIENCE OF DIGITALIZATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The article talks about the process of digitalization in criminal proceedings in Russia as the main factor influencing the transformation of this type of legal proceedings. The experience of the Republic of Kazakhstan in the field of digitalization of criminal proceedings is analyzed, in particular, the experience of implementing the information system «electronic criminal case» is studied in detail, and attention is also paid to the current legislation of this country. The problematic aspects of digitalization and ways to solve them in Russia are considered. It is concluded that the Russian Federation has all the prerequisites for the introduction, development and successful use of the electronic format in criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, digitalization, electronic criminal case, electronic documents.

В настоящее время неоспорим тот факт, что цифровизация играет важную роль во многих отраслях, т.к. она внедрена во все сферы жизни человечества. Так, в 2020 году Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации и Клубом ИТ-директоров 4СЮ был организован круглый стол, участниками которого был отмечен существенный прогресс в сфере цифровой трансформации и одним из показателей прогресса, по мнению участников, является серия проектов по использованию искусственного интеллекта в деятельности ряда федеральных органов исполнительной власти, целью которых является повышение качества и эффективности оказания государственных услуг. Но неизменным на сегодняшний день остается уголовный процесс, который требует координатных изменений с учетом цифровизации общества.

Прежде чем перейти к детальному рассмотрению процесса цифровизации в уголовном судопроизводстве, необходимо дать определение понятию цифровизация. Сегодня за цифровизацией во многом находится будущее российского уголовного судебного производства. Поскольку цифровизация – это тенденция, проникновение которой в область уголовного судебного производства с каждым годом становится только всё более значительным, представляется очевидным,

что в ближайшее время за её счёт порядок ведения уголовного судебного производства существенно трансформируется. Это будет происходить, к примеру, благодаря увеличению доли электронного документооборота, благодаря внедрению практики дистанционного принятия участия в разбирательствах по уголовным делам.

Мы полагаем, что в качестве практического инструмента, относящегося к области цифровизации и пригодного для эксплуатации в области уголовного судебного производства, может быть рассмотрено ведение уголовных дел в электронном виде. При внедрении такого инструмента следует базироваться на опыте, накопленном в других государствах, например, в бывших республиках СССР.

Одним из успешных примеров внедрения цифровизации в уголовное судопроизводство может служить опыт Республики Казахстан (РК). Например, согласно поправкам к уголовно-процессуальному законодательству данного государства, внесённым в конце 2017 года, мероприятия, проводимые в связи с рассмотрением уголовного дела, могут фиксироваться в документации, ведущейся не только в традиционном бумажном, но также и в электронном формате. При этом полномочия по определению того, в какой именно из перечисленных форм будет вестись производство по уго-

ловному делу, имеются у должностного лица, отвечающего за реализацию досудебного расследования. Когда такое должностное лицо принимает решение по комментируемому вопросу, оно должно выпустить соответствующее постановление. Если в процессе рассмотрения дела, в отношении которого изначально было принято решение о ведении в электронном виде, становится очевидно, что в дальнейшем это невозможно, то необходимо отказаться от ранее принятого решения, осуществив переход к традиционному бумажному варианту. В рамках реализации законодательных поправок в РК заработала электронная система «Электронное уголовное дело». К разработке рассматриваемой системы были привлечены специалисты Генеральной прокуратуры РК, Верховного суда РК, МВД РК, а также нескольких иных ведомств. Производство по уголовному делу, ведущееся в электронном виде, реализуется посредством отдельного модуля, функционирующего в рамках системы «Электронное УД». Оно может реализовываться, начиная с момента регистрации и завершая моментом, когда наказание фактически оказывается исполненным. Также в соответствии с комментируемыми поправками Генеральный прокурор РК может реализовывать полномочия в части утверждения нормативно-правовых актов, чья сфера действия распространяется на область ведения УД в электронном виде. В рамках исполнения этих полномочий Генеральный прокурор РК осуществил принятие Инструкции, регламентирующей, в соответствии с каким порядком уголовное судебное производство должно реализовываться в электронном виде. Комментируемая Инструкция содержит перечень ключевых терминов, используемых в процессе проведения разбирательства по делу.

Как уже было сказано ранее, если производится досудебное расследование с использованием электронных инструментов, то применяется специальный модуль, существующий в системе «Электронное УД». При этом производятся такие мероприятия, как: добавление информации о реквизитах документации, ведущейся в электронном виде, в ЕРДР; создание и корректировка документов, ведущихся в электронном виде (они сохраняются в неизменяемом формате PDF, что обеспечивает защиту от несанкционированных корректировок); подписание документации, ведущейся посредством электронных механизмов, лицами, привлечёнными к рассмотрению уголовного дела (эти подписи могут быть либо электронными, либо проставляться при помощи специального планшета); предоставление лицам, привлечённым к расследованию уголовного разбирательства, уведомлений с информацией о его ходе (например, через SMS-информирование); организация взаимодействия с судебным учреждением посредством электронных каналов; организация взаимодействия с экспертами, привлекаемыми в процессе проведения разбирательства по возбужденному делу, для обмена документацией (например, эксперты и специалисты могут формировать и высылать свои заключения посредством электронных каналов взаимодействия); предоставление лицам, привлекаемым к рассмотрению дела, доступа к накопленным по итогам расследования материалам; направление лицам, привлекаемым к рассмотрению возбужденного дела, ходатайств, жалоб и иных документов.

Скажем о том, что весной 2018 года Генеральный прокурор РК принял решение о постепенном увеличении доли уголовных разбирательств, рассмотрение которых должно вестись при помощи электронных каналов взаимодействия. Например, Службе экономических расследований было предписано осуществить полный переход к использованию таких каналов при осуществлении расследования по делам, отнесённым к средней и наибольшей тяжести. Благодаря реализованным мерам уже к концу 2018 года удалось добиться того, чтобы ОВД РК могли использовать электронные системы в процессе проведения разбирательств по уголовным делам.

Учёные-процессуалисты, предпринимавшие попытки провести анализ достоинств и недостатков, присутствующих в электронных форматах реализации разбирательств по уголовным делам, сформулировали следующий перечень проблем, не дающих таким форматам реализоваться в полной мере:

– отсутствие в актуальной версии уголовно-процессуального законодательства положений, которые детальным образом регламентировали бы нюансы процедур применения электронных форматов взаимодействия при разбирательстве по уголовному делу;

– отсутствие достаточного количества внутриведомственных актов нормативного характера, инструктирующих пользователей электронных систем по работе с ними;

– отсутствие у сотрудников ОВД, непосредственно осуществляющих проведение разбирательства по уголовным делам, достаточной степени подготовленности к использованию электронных форматов рассмотрения дел;

– отсутствие требуемого уровня технической оснащённости, созданной на рабочих местах лиц, непосредственно занимающихся расследованием уголовных нарушений;

– отсутствие у населения информации о возможности применения электронных каналов взаимодействия при реализации формата досудебного расследования [1, С. 38].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на данный момент цифровизация уголовного судопроизводства в Казахстане, несмотря на имеющиеся недостатки, показывает положительную тенденцию развития и более того, обеспечивает так называемую прозрачность уголовного процесса за счёт наличия у участников доступа к уголовному делу в режиме онлайн, а также позволяет экономить время.

В Российской Федерации сегодня существуют все необходимые предпосылки для того, чтобы распространять электронный формат организации разбирательства по уголовным делам. Мы полагаем, что уже в ближайшие несколько лет количество уголовных дел, разбирательство по которым осуществляется в соответствии с электронным форматом, будет значительно увеличено. Это необходимо, в частности, для того, чтобы добиваться разрешения нижеперечисленных задач:

– увеличение степени открытости и доступности правосудия;

– улучшение качества правосудия, избавление от избыточных формальных требований, предъявляемых к его участникам.

Процессуалисты акцентируют внимание на том факте, что законодатель, предпринимая попытки скорректировать уголовно-процессуальное законодательство для увеличения степени распространения электронного формата рассмотрения уголовных дел, должен иметь совокупность научно обоснованных рекомендаций в этом плане. При этом нельзя забывать и о том, что судопроизводству следует функционировать так, чтобы соблюдались законные интересы и права, предоставляемые гражданам.

В современных условиях эффективность, с которой ведётся деятельность в уголовно-процессуальной сфере, очень сильно определяется тем, насколько качественно и интенсивно эксплуатируются цифровые технологии в данной сфере. Сегодня в своей практической деятельности следователи на ежедневной основе пользуются информацией, отражённой в большом количестве электронных баз данных. Благодаря этому следователи с минимальными временными затратами приобретают информацию, требуемую им с точки зрения проведения мероприятий по расследованию дела, формирования доказательственной базы. Как полагают специалисты, уже в ближайшие несколько лет сформируются все условия для того, чтобы произошла информационная революция в доказательно-познавательной деятельности.

Впрочем, в процессе реализации мероприятий, ориентированных на увеличение степени распространения информационных технологий в деятельности по рассмотрению уголовных дел следует учитывать, что вестись они должны таким образом, чтобы не нарушались гражданские права и свободы. Например, использование такой меры, как внедрение электронной подписи, может быть рассмотрено как полностью соответствующее вышеуказанному положению (поскольку при ее применении никоим образом не происходит незаконного лишения или ограничения граждан в плане имеющихся у них свобод и прав). При этом использование электронных подписей, несомненно, делает более эффек-

тивным, быстрым электронным документооборот, производимый в рамках рассмотрения уголовного разбирательства. Сегодня, согласно актуальному уголовно-процессуальному законодательству, применяемому на территории РФ, защищаемым объектом является правовой статус личности, те условия, которые создаются для того, чтобы личность могла пользоваться своими законными свободами и правами. При этом предмет уголовно-процессуальной деятельности понимается как совокупность поведенческих правил, которые распространяются на субъектов правовых отношений, появляющихся в уголовно-процессуальной области. Здесь мы акцентируем внимание на опыте, накопленном одним из государств, добившимся существенных успехов в плане обеспечения гражданских прав в области уголовного судебного производства – Германией. Немецкие участники уголовного судебного производства приобретают возможность знакомиться с материалами УД, касающимися их, посредством выведения соответствующих файлов в цифровой формат (или на печать). Юридический защитник, который привлекается к участию в уголовном судебном производстве немецким гражданином, приобретает возможность ознакомиться с электронным форматом документа, составленного в результате проведения мероприятия по рассмотрению УД, поскольку при необходимости он высылается на актуальный адрес электронной почты. Мы полагаем, что подобная практика может быть рассмотрена как результат усилий по упрощению доступа заинтересованных лиц к материалам УД, по увеличению простоты ознакомления с данными материалами.

Мы полагаем, что наибольший результат будет достигнут за счет использования следующих направлений в применении информационных технологий:

- внедрение технологий, обеспечивающих сохранение информации о результатах, полученных по итогам мероприятий следственного характера, в электронных форматах;

- внедрение технологий, обеспечивающих подтверждение подлинности любого документа, существующего в электронном формате (примером такой технологии выступает электронная подпись);

- создание комплексных электронных систем, в полном объёме сохраняющих сведения, накопленные по итогам проведения разбирательства по уголовному делу;

- внедрение электронных инструментов, обеспечивающих удалённое проведение действий процессуального характера (в том числе осуществляемых и тогда, когда расследование уголовного дела завершается, начинаются судебные разбирательства);

- внедрение электронных инструментов, дающих возможность потерпевшему в онлайн-режиме отслеживать ход разбирательства по интересующему его уголовному делу;

- применение технологий «электронных судебных помощников» (такие помощники могут быть применены для того, чтобы осуществлять оценивание источников фактической информации, отраженных в материалах, формирующих уголовное дело).

Перечень представленных выше направлений не является исчерпывающим. Это значит, что могут существовать и иные перспективные направления, за счёт реализации которых степень внедрения электронных технологий в деятельность по уголовному судебному производству будет повышаться.

В современных условиях результаты следственных действий, а также прочих процессуальных действий фиксируются преимущественно с использованием традиционной для этого формы (то есть с использованием документации, существующей в электронном виде). Безусловно, степень распространения электронных фиксационных средств в данном направлении увеличивается, однако их популярность до сих пор остаётся на относительно невысоком уровне (то есть они рассматриваются как имеющие факультативную роль). Мы полагаем, что уже сегодня накоплено достаточное количество доказательств, свидетельствующих, что внедрение всё новых и новых информационных технологий в деятельность по расследованию уголовных преступлений является обо-

снованным. Авторы научных работ по данной теме приводят доказательства того, что такие мероприятия позволяют оптимизировать деятельность всех лиц, вовлекаемых в процесс разбирательства по уголовному делу. Кроме того, их проведение благотворным образом скажется на качестве выполнения задач, ставящихся в связи с рассмотрением УД.

Преимущества цифровизации обеспечивают возможность распространения электронных технологий в такой специфической области, как уголовное судебное производство. Но важно учитывать, что цифровизации в уголовно-правовой сфере присущи и такие объективные недостатки, как:

- наличие сложностей в предоставлении информационной защищённости для лиц, которые сталкиваются с тем, что им угрожают насилием, лишением жизни, а также повреждением находящегося в их собственности имущества;

- отсутствие значительных затруднений на пути внесения корректировок в информацию, существующую в цифровом виде (для избавления от данного недостатка требуется реализовывать меры, направленные на обеспечение невозможности фальсифицирования сведений);

- потребность в значительных затратах, появляющихся в связи с приобретением современной технологической инфраструктуры (представленной компьютерным оборудованием, сканирующим оборудованием, видеокамерами, а также ПО);

- проблематичность реализации всех процессуальных прав при принятии участия лицами, вовлекаемыми в рассмотрение уголовного дела, в удалённо проводимые следственные мероприятия;

- потребность в постоянной корректировке функционирования информационной инфраструктуры, используемой для цифровизации следственных действий (такие корректировки проводятся вследствие того, что постоянно видоизменяются законодательные требования);

- отсутствие в актуальном законодательстве требований, на основе которых можно было бы внедрять наиболее современные технологические решения, автоматизирующие и ускоряющие следственные мероприятия [2, С. 33].

Множество специалистов продолжают обсуждать вопросы, сопряжённые с увеличением степени распространения современных информационных технологий в такой специфической сфере, как судебное производство по уголовному делу.

Есть учёные, которые полагают, что уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации должно содержать положение, отражающее цель внедрения информационных технологий в судебное производство, инициируемое по уголовному делу. При этом они считают необходимым создать перечень критериев, в соответствии с которыми станет оцениваться целесообразность использования информационных технологий в каждом конкретном случае [3, С. 130].

А.И. Халиудин говорит о том, что сегодня не создан общий перечень критериев, в соответствии с которым можно было бы оценивать пригодность электронной документации для применения как доказательственных материалов. Из-за этого проводится большое количество компьютерно-технических экспертиз. Кроме того, исследователь акцентирует внимание на том, что уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации характеризуется отсутствием положения, которое определяло бы, как нужно применять в судебном производстве по уголовному делу процессуальную документацию, существующую в электронном виде [4, С. 1228].

Важно сказать о том, что в современных условиях выполнение права гражданина на защиту своих прав в суде реализуется не настолько эффективно, как это должно быть по закону. Так, введённые ограничительные меры оказались причиной того, что в определённых случаях граждане оказались полностью лишёнными доступа к правосудию. В Российской Федерации уже несколько десятилетий ведётся обсуждение того, что существует потребность в совершенствовании доступности правосудия. Предполагается, что до-

стигаться такой результат станет прежде всего за счет внедрения новых электронных платформ, снимающих потребность в очном взаимодействии лиц, привлекающихся к рассмотрению судебных производств по уголовным делам.

В то время как на территории Казахстана удалось довести процент судебных разбирательств, полностью проводимых с использованием онлайн-каналов взаимодействия до 90 % (в период действия наиболее жёстких ограничительных мер), в Российской Федерации подобный результат не был достигнут даже близко.

В апреле 2020 года президиумом Верховного Суда (ВС) Российской Федерации была сформирована рекомендация для судов, в соответствии с которой последние должны были наращивать процент судебных заседаний, проводимых с применением видео-конференцсвязи. Однако суды перед принятием соответствующего решения должны были получить согласия от всех лиц, участвующих в проведении судебного заседания. Кроме того, суду следовало предоставлять электронные образцы документов, которые подтверждали полномочия лиц, на чье имя они были выданы. Отметим, что благодаря принятию комментируемого решения удалось существенным образом сократить трудоёмкость различных гражданских судебных разбирательств. Однако в случае с уголовными судебными процессами процент лиц, которые предоставляли согласие на то, чтобы разбирательство велось в онлайн-режиме, был значительно меньшим (практически все лица, которые получали от судов информацию о том, что им предоставлена возможность участвовать в судебных разбирательствах онлайн, предпочитали отказываться от ее использования). В качестве обоснования собственных отказов участники судебных уголовных производств ссылались на то, что применение онлайн-средств связи не позволит им в должной мере реализовать право на судебную защиту при проведении разбирательства по уголовному делу (то есть по такому делу, вердикт по которому практически всегда существенным образом сказывается на жизни человека). Из-за этого в периоды действия наиболее масштабных мер ограничительного характера приходилось на постоянной основе переносить сроки проведения судебных разбирательств, каждый раз отодвигая их на всё более поздние даты. Количество материалов, передаваемых на рассмотрение в суды и оставляемых последними «без движения», неуклонно росло, что не могло не сказаться на недовольстве заявителей (как физических, так и юридических лиц). Стало подаваться большое количество жалоб, авторы которых указывали, что невозможность проведения очных судебных заседаний не позволяет им в полной мере обеспечивать свое право на судебную защиту, реализовать право на доступ к правосудию. Кроме того, нельзя не сказать и о том, что некоторые судебные учреждения не оказались готовыми к проведению судебных заседаний в онлайн-формате ввиду отсутствия технической готовности (например, на территории г. Самара существуют судебные учреждения, где не обеспечен постоянный доступ в сеть «Интернет», из-за этого судьи, а также сотрудники судебных аппаратов оказываются вынужденными применять личную мобильную связь, чтобы выходить в сеть «Интернет»). Кроме того, сегодняшний уровень развития онлайн-сервисов является таковым, что в их работе зачастую происходят сбои. Если в момент, на который назначено проведение судебного разбирательства в онлайн-формате, не имеется стабильной интернет-связи, то оно может либо вовсе не состояться, либо быть проведено в условиях плохой связи (что может привести к непониманию судом позиций защищающейся стороны и стороны обвинения). А такое, в последствии, непременно сказывается на законности принимаемых судом решений. Очень сложной выступает и организация онлайн-рассмотрения уголовного дела судом присяжных. Современные адвокаты сходятся во мнении, что уголовное судебное производство, которое осуществляется посредством использования онлайн-инструментов, не является в достаточной степени отработанным и перспективным. Доказывая свою позицию, адвокаты ссылаются на то, что участники уголовного процесса, проводимого онлайн, не могут взаимодействовать с собственными доверителями наедине. К тому же

судьи выражают обеспокоенность отсутствием возможности идентификации лица, привлекаемого к участию в процессе дистанционно. Нет гарантий подлинности представленной в электронном виде информации, а также документов. В России на сегодняшний день нигде не внедрён сервис идентификации участников судопроизводства по биометрическим данным, который мог бы снять проблему идентификации лица. В то же время арбитражные суды России используют Единый портал государственных услуг (gosuslugi.ru) для установления личности участников, функционирующий на Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА). Это даёт основание предположить, что опасения судей являются относительно надуманными, так как судебная практика (прежде всего арбитражного судопроизводства) пока не продемонстрировала проблем, связанных со злоупотреблениями, свидетельствующими о критической уязвимости идентификации лиц в применяемой системе «Мой арбитр» с точки зрения обеспечения процессуальных гарантий сторон либо защиты информации. Однако, отметим, что техническое обеспечение работы указанной системы остаётся не в идеальной форме: возникают проблемы с загрузкой документов в систему, синхронизацией данных с Единого портала государственных услуг и системы «Мой арбитр» и иные технические сбои, что влечёт за собой негативные последствия в виде невозможности участия в процессе, нарушения сроков и т.д.

Таким образом, несмотря на существенный срок действия системы «Мой арбитр» прослеживается закономерность технической неготовности судебной системы по ряду объективных причин технического характера. Очевидно, что риски злоупотреблений в уголовном процессе выше, а негативные последствия могут быть существеннее.

В заключение необходимо отметить, что на сегодняшний день неоспорим приоритет развития и широкого применения судами современных цифровых технологий в целях качественной и своевременной защиты прав граждан в период неблагоприятной эпидемиологической ситуации. В ближайшей перспективе развитие информационных технологий с высокой вероятностью позволит в ряде случаев отказаться от проведения очных слушаний по широкому перечню дел. Ожидается, что это сделает правосудие не только более оперативным, но и более доступным для граждан. Однако остаются сомнения в том, что все виды судопроизводства смогут безболезненно для законности и обоснованности итоговых процессуальных решений внедрять новые форматы. Нет уверенности в том, что результат судопроизводства будет эффективным с точки зрения ожидаемого обществом эффекта по деэскалации конфликта и снятию социальной напряжённости, а показатели доверия населения к судебной власти повысятся.

Пристатейный библиографический список

1. Андреева О.И., Зайцев О.А. Электронный формат уголовного судопроизводства в Республике Казахстан // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1.
2. Гладышева О.В. Цифровизация уголовного судопроизводства и проблемы обеспечения прав его участников // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1.
3. Соколов Ю.Н. Технологизация – свойство уголовного судопроизводства // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2015. Т. 15. Вып. 1.
4. Халиуллин А.И. Электронная подпись в уголовном процессе России // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6.

ДОРОСИНСКАЯ Анна Михайловна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

ПЛАХОВСКАЯ Валерия Максимовна

курсант 4 курса Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ДЕЛЕГИРОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В настоящее время, исходя из постоянных изменений в мире, разрабатываются теории, способы и методы, касающиеся эффективного усовершенствования процесса уголовного судопроизводства. Одним из таких способов рационализации деятельности лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, является делегирование полномочий. Мнения относительно необходимости применения данного института противоречивы. Однако все же все сводится к тому, что делегирование процессуальных полномочий является неотъемлемой частью производства, поскольку с его помощью возможно добиться высоких показателей расследования. Это становится актуальным в процессе решения проблем, которые возникают в ходе производства по уголовному делу. Делегирование процессуальных полномочий государственного обвинителя следователю либо дознавателю целесообразно на разных стадиях процесса, поскольку это помогает сократить сроки производства по уголовному делу. Существуют вариации применения данного института в различных условиях судопроизводства. Целью данной работы является анализ целесообразности применения делегирования полномочий в практической деятельности, как инструмента повышения эффективности хода расследования.

Ключевые слова: делегирование процессуальных полномочий, следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, начальник органа дознания, государственное обвинение, реализация полномочий.

DOROSINSKAYA Anna Mikhailovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

PLANOVSKAYA Valeriya Maksimovna

cadet of the 4th course of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

DELEGATION OF PROCEDURAL POWERS OF THE PROSECUTOR AS ONE OF THE WAYS TO RATIONALIZE CRIMINAL PROCEEDINGS

Currently, based on the constant changes in the world, theories, ways and methods of effectively improving the process of criminal justice are being developed. One of such ways to rationalize the activities of persons conducting a preliminary investigation is the delegation of authority. Opinions regarding the need to use this institution are contradictory. However, it all boils down to the fact that the delegation of procedural powers is an integral part of the proceedings, since with its help it is possible to achieve high investigation rates. This becomes relevant in the process of solving problems that arise in the course of criminal proceedings. Delegation of the procedural powers of the public prosecutor to the investigator or interrogating officer is advisable at different stages of the process, since this helps to reduce the time frame for criminal proceedings. There are variations in the application of this institution in various conditions of legal proceedings. The purpose of this work is to analyze the feasibility of using delegation of authority in practice, as a tool to improve the efficiency of the investigation.

Keywords: delegation of procedural powers, investigator, inquirer, head of the investigative body, head of the body of inquiry, state prosecution, exercise of powers.

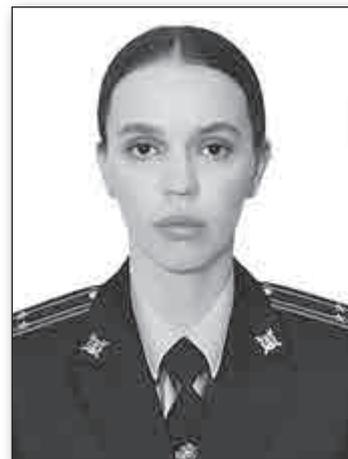
Возможность делегирования процессуальных полномочий может намного упростить, ускорить и улучшить всю уголовно-процессуальную деятельность в целом. Данная тема является актуальной в настоящее время, поскольку с помощью делегирования полномочий можно ускорить судопроизводство, улучшить качество расследования уголовных дел.

Так, следует рассмотреть целесообразность делегирования некоторых полномочий государственного обвинителя

лицу, которое осуществляет предварительное расследование, то есть следователю и дознавателю.

Проблемы участия государственного обвинителя в уголовном процессе изучались Л. Е. Ароцкером, В. И. Басковым, И. М. Гальпериным, К. Ф. Гуценко, А. С. Кобликовым, И. Д. Перловым.

В научных исследованиях процессуальный статус государственного обвинителя изучен в различных аспектах, однако, предметом данной части работы является достаточно

Доросинская А. М.

Плаховская В. М.

узкий вопрос делегирования процессуальных полномочий государственного обвинителя следователю, дознавателю, осуществлявшему предварительное расследование.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве определение государственного обвинителя дано в пункте 6 ст. 5 УПК РФ: должностное лицо органа прокуратуры, поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу.

Процессуальные полномочия государственного обвинителя на протяжении многих лет изменялись неоднократно. Так, например, если посмотреть на дореволюционный период России, то можно увидеть, что на то время полиция имела возможность присутствовать в судебном разбирательстве в качестве государственного обвинителя, если рассматривалось уголовное дело о деяниях, которые возбуждались без жалобы потерпевшего лица.

В 2002 году, исходя из законодательной базы, следователь по поручению прокурора мог самостоятельно выполнять полномочия государственного обвинителя от своего имени. В 2007 году произошли изменения, согласно которым только прокуроры и должностные лица прокуратуры наделены правом пользования полномочиями государственного обвинителя.

Для понимания необходимости осуществления делегирования процессуальных полномочий государственного обвинителя целесообразно рассмотреть правовую природу понятия – государственное обвинение [1, с. 181]. Н. Т. Антипова утверждает, что под государственным обвинением следует понимать правоприменительный процесс, посредством которого привлекается к уголовной ответственности лицо, совершившее преступление [2, с. 7-12]. То есть это такой правовой институт, задача которого заключается в том, чтобы создать условия для реализации механизма публичного уголовного преследования.

С. А. Щемерова говорит о том, что государственное обвинение – это «уголовный иск» с требованием о признании обвиняемого виновным и привлечении его к уголовной ответственности.

Различны точки зрения авторов в части взаимосвязи и соотношения функции уголовного преследования, прокурорского надзора и государственного обвинения. Ряд авторов отмечают их преемственность и связанную с этим необходимость предусмотреть в уголовно-процессуальном законодательстве обязательный порядок согласования позиции государственного обвинения с утвердившим обвинительное заключение прокурором. По мнению Н. Т. Антиповой, полномочия государственного обвинителя в совокупности составляют: правозащита, обвинение, надзор.

Д. А. Маслова отмечает непоследовательность законодателя в регламентации статуса государственного обвинителя, в том числе в вопросах порядка назначения государственного обвинителя, его полномочий.

Существует мнение о том, что порядок государственного обвинения в той или иной мере не совершенен, имеет пробелы. Так, С. А. Щемеров рассматривает отказ от поддержания государственного обвинения как обязанность, возникающую в случае убеждения в невиновности подсудимого или доказанности его вины. В. М. Колпашникова утверждает, что решение государственного обвинителя необходимо согласовывать с потерпевшим.

По мнению Т. А. Ермакова, обвинение обуславливается как публичное, как спор государства и стороны защиты о доказанности обвинения и утверждении, что права потерпевшего должны быть обеспечены его правом на обжалование решения суда.

Такое огромное количество разносторонних позиций относительно института государственного обвинителя стало причиной появления разных идей о его развитии и усовершенствовании. Некоторые авторы считают, что будет целесообразно закрепить в УПК РФ возможность участия дознавателей и следователей в качестве государственного обвинителя.

В научной теории существует множество различных позиций относительно института государственного обвинения и его субъектов. Это подтверждается постоянной реорганизаций данной деятельности. В. П. Ашитко считает, что в суде оглашать обвинение надлежит именно следователю, поскольку именно это процессуальное лицо приняло процессуальное решение и отправило уголовное дело прокурору [3, с. 77-98].

Х. М. Лукожин утверждает, что целесообразно утвердить механизм «сообвинения», когда и следователь, и прокурор будут участвовать в процессе со статусом государственного обвинителя. При этом субъектом делегирования в предлагаемой Х. М. Лукожиным конструкции будет выступать прокурор, участвующий в конкретном судебном разбирательстве в качестве государственного обвинителя [4, с. 26].

В. М. Колпашникова предлагает наделить прокурора правом поручения поддержания государственного обвинения следователю (дознавателю) по делам небольшой и средней тяжести. В предлагаемых Х. М. Лукожиным и В. М. Колпашниковой механизмах субъектом делегирования полномочий государственного обвинителя следователю, дознавателю будет являться, соответственно, государственный обвинитель, непосредственно участвующий в конкретном судебном разбирательстве, и прокурор. В данных случаях делегирование процессуальных полномочий будет осуществляться посредством волеизъявления субъекта делегирования.

Идея закрепления законодательной возможности делегирования производившему предварительное расследование следователю или дознавателю процессуальных полномочий государственного обвинителя является актуальной и необходимой.

Значение процессуальной роли следователя и дознавателя как участника уголовного судопроизводства велико, однако многие ученые не могут прийти к одному мнению по поводу круга полномочий, которые они могут выполнять. С одной стороны, существует мнение о том, что следователь обязан не только осуществлять обозначенную для него законом функцию обвинения, но и полно, всесторонне и объективно исследовать все обстоятельства уголовного дела, обеспечить право на защиту обвиняемого, а в некоторых случаях и разрешить уголовное дело путем его прекращения.

С. А. Шейфер акцентирует внимание на фактическое «раздвоение» следователя при таком понимании его роли, так как он собирает доказательства, изобличающие обвиняемого, и в то же время, опровергающие это обвинение». По этой причине С. А. Шейфер считает, что следователь не должен относиться к функции обвинения, предлагая выделить самостоятельную функцию расследования.

Ряд авторов отмечают, что следователь выполняет все же две функции, неразделимые в отдельных случаях. Можно сказать о том, что существует некоторое ущемление права следователя (дознателя) как стороны обвинения на отсутствие законодательной возможности осуществлять отдельные процессуальные полномочия на судебной стадии расследования, например, обжаловать приговор. Законодателем предусмотрен строго определенный круг участников уголовного судопроизводства, наделенных правом апелляционного обжалования судебного решения, в который органы и должностные лица, осуществлявшие производство по делу, не входят.

Данное положение можно рассмотреть в контексте того, что обжалование судебного решения все же возможно, если оно затрагивает их права и законные интересы. Но такое решение вопроса в отсутствие непосредственного указания в законе ставит под сомнение возможности осуществить действие.

В контексте предлагаемого вида делегирования процессуальных полномочий целесообразно обратить внимание на тенденцию увеличения объема «сложных» уголовных дел по отдельным категориям преступлений, характеризующихся большим объемом материалов, требующих значительного времени для изучения в рамках подготовки государственного обвинителя – должностного лица прокуратуры к судебному следствию [5, с. 26]. Так, мы понимаем, что следователь (дознатель), осуществлявший предварительное расследование в большей степени владеет информацией по уголовному делу.

Делегирование процессуальных полномочий является неотъемлемым процессом в случае производства по уголовному делу. При разработке, анализе данного института с научной позиции, возможно, достичь таких результатов, как: исполнение принципа разумности сроков судопроизводства, улучшение организационной работы участников уголовного судопроизводства, повышение эффективности работы подразделения в целом, что позволит достичь высоких показателей в расследование [7, с. 14].

Таким образом, стоит сказать о том, что в понятие «государственный обвинитель» необходимо внести корректировку и отобразить там таких участников, как следователь, дознаватель и закрепить это в Уголовно-Процессуальном Кодексе Российской Федерации. Помимо этого указать, что с ходатайства руководителя следственного органа либо начальника органа дознания следователь или дознаватель смогут выполнять полномочия государственного обвинителя.

Делегирование процессуальных полномочий государственного обвинителя лицу, которое осуществляет предварительное расследование, необходимо для оптимизации процесса. Наделение дознавателя, следователя в ранее действующих положениях уголовно-процессуального закона полномочиями государственного обвинителя является одним из видов делегирования процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве. Предлагается делегировать органу, осуществлявшему предварительное расследование, полномочия представлять государственное обвинение, а также полномочия по обжалованию приговора суда.

Пристатейный библиографический список

1. Мичурина О. В. Альтернатива правовому механизму делегирования полномочий в досудебном производстве по уголовным делам // Актуальные проблемы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Электронное издание. – 2020. – С. 180-184.
2. Антипова Н. Т. Государственное обвинение в суде: проблемы законодательного регулирования и практики: автореф. дисс.канд. юрид. наук. 12.00.09. – Москва, 2014. – С. 7-12.
3. Ашитко В. П. Концепция участия органа предварительного следствия в стадии судебного расследования // Науч. труды. – М., 2014. Т. 3, вып. 4. – С. 77- 98.
4. Лукожин Х. М. Проблемы поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. – Краснодар, 2016. – С. 24-35.
5. Седельников П. В. Поручение следователя органу дознания // Законодательство и практика. – 2017. – № 1. – С. 24-28.
6. Стельмах В. Ю. Некоторые проблемы поручения следователем следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 4 (90). – С. 96-105.
7. Шестаков Д. А. Электронные весы правосудия в свете общей преступноведческой теории // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 1 (52). – С. 13-15.

КОВАЛЕНКО Эдуард Витальевич

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, старший лейтенант полиции

КАШИРГОВ Астемир Хасанбиевич

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Принято считать, что принципы уголовного судопроизводства действуют во всех или в большинстве его стадий. По этому критерию даже предлагается разграничивать принципы и менее значимые положения, которые не могут к ним относиться. Значение принципов уголовного процесса придавалось положениям, которые действуют на всех стадиях уголовного процесса или в большинстве из них, но обязательно - в стадии судебного разбирательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; принципы уголовного судопроизводства; стадии уголовного процесса; реализация принципов уголовного судопроизводства.

KOVALENKO Eduard Vitaljevich

lecturer of Organization of law enforcement sub-faculty of the North-Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

KASHIRGOV Astemir Khasanovich

lecturer of Organization of law enforcement sub-faculty of the North-Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

THE CONCEPT, ESSENCE AND LEGAL SIGNIFICANCE OF THE PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

It is generally accepted that the principles of criminal proceedings are valid in all or most of its stages. According to this criterion, it is even proposed to distinguish between principles and less significant provisions that cannot relate to them. The importance of the principles of criminal procedure was attached to the provisions that apply at all stages of the criminal process or in most of them, but necessarily at the stage of trial.

Keywords: criminal proceedings; principles of criminal proceedings; stages of criminal proceedings; implementation of principles of criminal proceedings.

Коваленко Э. В.

Каширгов А. Х.

Система принципов уголовного судопроизводства включает в себя:

- 1) законность при производстве по уголовному делу;
- 2) осуществление правосудия только судом;
- 3) уважение чести и достоинства личности;
- 4) неприкосновенность личности;
- 5) охрана прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве;
- 6) неприкосновенность жилища;
- 7) тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений;
- 8) презумпция невиновности;
- 9) состязательность сторон;
- 10) обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту;
- 11) свобода оценки доказательств;
- 12) язык уголовного судопроизводства
- 13) право обжалования процессуальных действий и решений [1].

Так, достоверность устанавливается при оценке как отдельного доказательства, так и их совокупности.

Однако на наш взгляд, представляется не совсем верным связывать достоверность отдельного доказательства с подтвержденной доброкачественностью источника (носителя) доказательственной информации. Подтверждение тех фактов, что источник (носитель) способен воспринимать следы, запомнить (сохранить) их, и что возможно воспроизвести следы (снять их с носителя), является лишь свидетельством того, что мы можем вводить в процесс доказывания информацию, которую получили от такого источника (носителя). Если источник (носитель) доказательственной информации является доброкачественным, то и оформленный результат следственных действий по

получению информационных доказательств, заключающихся в снятии такой информации со следов, будет в минимальной степени подвержен какому-либо искажению. Доброкачественность источников (носителей) доказательств выступает в определенной мере гарантом достоверности доказательств, но не может быть тождественна ей.

Также следует отметить, что установление доброкачественности источника (носителя) доказательственной информации должно в идеале проводиться в самом начале процесса доказывания, на этапе снятия информации со следов, когда мы только ещё получаем информационные доказательства и работаем над установлением их относимости и допустимости. У нас должно сформироваться твердое убеждение, что снятая со следов информация не подвержена искажению в той степени, насколько это в принципе возможно, и мы можем ввести данную информацию в процесс доказывания при надлежащем её оформлении.

Однако для установления достоверности доказательств, на наш взгляд, также необходимо применение формально-логического закона достаточного основания и закона диалектической логики – перехода количественных изменений в качественные.

При выявлении необходимых связей между информационными доказательствами и переходе на новый этап доказывания, заключающийся в работе с логическими доказательствами (промежуточными логическими выводами), мы не можем осуществлять практическую деятельность по установлению достоверности логических доказательств. Проведение на данном этапе проверки доказательств в соответствии со ст. 87 УПК РФ не представляется возможным.

Таким образом, информационное доказательство признается достоверным, когда оно в достаточной степени подтверждено сведениями из других информационных доказательств,

собранных путём проведения проверочных следственных действий. Логическое доказательство следует считать достоверным при формировании убеждения о достоверности информационных доказательств, на основании которых были сделаны данные выводы. При этом сформировавшееся убеждение в достоверности информационных доказательств будет считаться в полной мере подтвержденным, когда между логическими доказательствами обнаружится система связей и получится сделать выводы об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, и получить итоговое знание о событии прошлого.

Дополнительной проблемой является то, что ОРД осуществляется до возбуждения самого уголовного дела, в связи с чем дальнейшее «внедрение» полученных результатов в процесс доказывания по уголовному делу существенно затруднено.

Данная проблема актуальна еще и потому, что нередко доказательства, которые были получены в процессе ОРД, бывает невозможно повторно получить уже в рамках открытого уголовного дела, что повышает их ценность. Очень много проблем в рассматриваемой сфере деятельности правоохранительных органов возникает и потому, что взаимодействие следователя и сотрудников полиции, осуществляющих ОРД, не регламентировано федеральным законодательством, а существуют и функционируют на основании ведомственных нормативных правовых актов, например приказов или инструкций.

На наш взгляд, чтобы не допустить недоразумений и коллизий в правомочиях следователей и сотрудников, осуществляющих ОРД, необходимо урегулировать этот вопрос на федеральном уровне. Это позволит выработать не только единую практику взаимодействия рассматриваемых двух фигур процесса уголовного доказывания, но и решит ряд вопросов, возникающих при применении итогов, полученных в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий, и как следствие, их применение в предварительном расследовании. Также, нельзя не сказать о такой проблеме, как отсутствие законодательной регламентации порядка применения результатов ОРД в процессе уголовного доказывания.

Принцип презумпции невиновности означает, что это не право определённого лица, в отношении которого проводится проверка причастности к противоправному деянию, а определённое государственное обязательство.

Вышеуказанное положение означает что вне зависимости от отношения лица ведущего производство по уголовному делу либо осуществляющего предварительную проверку, все действия должны быть произведены объективно. Это означает, что все полученные результаты должны быть исследованы. В практической деятельности все сложилось так, что у органов, осуществляющих предварительное расследование некое обвинительное «поведение», и как следствие, главной задачей является доказательство причастности в совершении преступления, а не свидетельство о невиновности лица. В соответствии с вышеизложенным, тяготы процесса доказывания лежат органах предварительного расследования.

Целесообразно из части 2 статьи 14 УПК РФ убрать обязанность потерпевшего, и иных лиц, представляющих данное лицо, нести бремя доказывания вины. По делам частного обвинения частный обвинитель выступает единоличным участником, представляющим обвинение в судебном заседании и естественно он должен доказывать предъявленное обвинение. Также стоит сказать, что защитник (адвокат) не должен доказывать непричастность защищаемого им лица. Принцип презумпции невиновности гласит, что у защитника есть определенное право, указывая на конкретные действия и обстоятельства, которые обеляют лицо, не представлять доказательств, подтверждающих такие обстоятельства. Обязанность проводить проверку по вышеуказанным фактам является задачей органов, представляющих обвинение.

Исходя из вышеизложенного, на защитника также, как и на представляемое им лицо не может быть переложено груз доказывания непричастности. Считаем, что часть 2 статьи 14 УПК РФ можно дополнить следующим: защитник, так же, как и представляемое им лицо, не обязан доказывать непричастность своего подзащитного. В статье 14 УПК РФ установлено, что все противоречия и не состыковки в виновности подозреваемого, обвиняемого толкуются в его пользу. При невозможности преодолеть сомнения о доказанности каких-либо обстоятельств, о наличии или отсутствии определенных фактов, принимается наиболее выгодный для подозреваемого, обвиняемого вариант.

К неустрашимым сомнениям может привести недостаточность доказательств, их противоречивость, недопустимость способов собирания, проверки и оценки доказательств. Если сомнения не были устранены на этапе судебного рассмотрения уголовного дела, то судом они должны быть истолкованы

в пользу подсудимого. Любые сомнения в виновности или невиновности лица должны вести к невиновности.

Принцип презумпции невиновности по аналогии должен распространяться и на лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка, когда конкретный человек заподозрен в совершении преступления. Ведь в данном случае в отношении заподозренного человека, который еще не получил процессуального статуса, заведомо имеется обвинительный уклон, и такое лицо обязательно нуждается в защите.

Было бы уместным дополнить статью 14 УПК РФ, указав что требования должны соблюдаться и на стадии доследственной проверки. Принцип презумпции невиновности является основной уголовно-процессуальной гарантией соблюдения прав и свобод личности. Однако часто происходит необоснованное ограничение данного принципа, в результате нарушается право на защиту от незаконного, необоснованного обвинения и осуждения и к ответственности может быть привлечено невиновное лицо. Следовательно, дальнейшая разработка теоретических положений, решение насущных проблем по поводу принципа презумпции невиновности и его реализация на практике остается актуальной задачей российской уголовно-процессуальной науки. Изложенные предложения могли бы способствовать решению возникающих вопросов [4].

Что касается обязательного участия защитника в уголовном судопроизводстве, оно регулируется ст. 51 УПК РФ. Оно необходимо для полноценной реализации права подозреваемого и обвиняемого на защиту. Ситуации такого обязательного участия адвоката-защитника предусмотрены в пп. 2-8 ч. 1 ст. 51 УПК РФ. Чаще всего такие ситуации связаны с объективной невозможностью лица осуществлять защиту своих прав и свобод самостоятельно в силу самых различных причин. Фактически при обязательном участии адвоката-защитника в деле не принимается во внимание отказ подозреваемого или обвиняемого от защитника. Он ничтожен по своей силе.

Таким образом государство не только помогает личности, но и учитывает публичный интерес государства и гражданского общества в реальном обеспечении законности и состязательности сторон в уголовном судопроизводстве. Однако, следует помнить, что в подобных ситуациях адвокат получает гораздо меньшее вознаграждение, чем в ситуациях, когда речь идет о работе по соглашению. И хотя цель деятельности адвоката не извлечение прибыли (п. 2 ст. 1 Закона об адвокатуре), а оказание на профессиональной основе квалифицированной юридической помощи населению, возникают ситуации, когда адвокат, не получая высокой оплаты за свой труд, пытается избежать в участия в уголовном процессе на стадии предварительного расследования по назначению, рассматривает как принижение его статуса [5].

Таким образом, все вышеизложенное позволяет сделать общий вывод о том, что уголовно-процессуальные гарантии в уголовном судопроизводстве отвечают современным демократическим требованиям и закреплены в Конституции Российской Федерации и УПК РФ. Они позволяют в полной мере защищать права и свободы человека и гражданина в уголовном процессе России.

Пристатейный библиографический список

1. Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части. - М.: Изд-во «Волтерс Клувер», 2019. - С. 98.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Я. Е. Иванова и др.; под ред. А. В. Бриллиантова. - М.: Проспект, 2017. - С. 214.
3. Уголовный процесс / Под ред. П. А. Лупинской. - М.: Влалос, 2019. - С. 320.
4. Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В. П. Божьева. - М.: Старк, 2019. - С. 178.
5. Уголовный процесс России. Общая часть: Учебное пособие / Сост. С. Г. Загорьян, В. Е. Журавлёв, М. П. Пермякина, Ю. В. Егорова. - Иркутск: ФГОУ ВПО ВСИ СВД России, 2019. - С. 75.

КОРНАКОВА Светлана Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета

КААК Антонина Павловна

аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Байкальского государственного университета

ВЕДОМСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ И ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

Статья посвящена рассмотрению соотношения полномочий властных участников уголовного судопроизводства на досудебных стадиях. Отмечается, что до настоящего времени остро стоит проблема сокращения полномочий прокурора и осуществления эффективного ведомственного контроля, а также их взаимодействия. Показывается недостаточность полномочий прокурора, не способствующая эффективному выполнению им своих функций. Делается вывод о насущной необходимости на законодательном уровне четкого разграничения полномочий между указанными участниками, поскольку законом не установлены формы их оптимального взаимодействия.

Ключевые слова: уголовный процесс, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, полномочия, функции.

KORNAKOVA Svetlana Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Baikal State University

КААК Antonina Pavlovna

postgraduate student of Criminal process and prosecutor's supervision sub-faculty of the Baikal State University

DEPARTMENTAL CONTROL AND PROSECUTORIAL SUPERVISION: PROBLEMS OF CORRELATION

The article is devoted to the consideration of the correlation of the powers of the powerful participants in criminal proceedings at the pre-trial stages. It is noted that to date, the problem of reducing the powers of the prosecutor and the implementation of effective departmental control, as well as their interaction, is acute. The insufficiency of the prosecutor's powers is shown, which does not contribute to the effective performance of his functions. It is concluded that there is an urgent need at the legislative level for a clear division of powers between these participants, since the law does not establish the forms of their optimal interaction.

Keywords: criminal procedure, prosecutor, head of the investigative body, investigator, powers, functions.

Для эффективности всей уголовно-процессуальной деятельности на досудебных стадиях важен не только процессуальный статус сотрудников следственных органов, но и оптимальность соотношения их функций, слаженность взаимодействия в рамках прокурорского надзора и ведомственного контроля.

Цель деятельности прокурора и его надзора на данной стадии – соблюдение законности принятых решений, устранение нарушений закона и их дальнейшее пресечение. В РФСФР полномочия прокурора в отношении следственных органов охватывали большой комплекс возможностей, поэтому не было сомнений, что именно на прокуратуре лежала главенствующая роль обеспечения верховенства закона. Хотя именно следователь ведет расследование, собирает необходимые доказательства, в любой момент производства мог вмешаться прокурор для устранения выявленных нарушений, корректировки хода и результата проводимых проверок и производства по делу.

В действующем законодательстве в связи с рядом внесенных в закон изменений существенно изменились полно-

мочия прокурора, следователя и руководителя следственного органа. Так, федеральным законом от 05.06.07 г. № 87-ФЗ¹ сотрудники прокуратуры лишены ряда особо значимых полномочий, которые закреплены в действующем законодательстве за руководителем следственного органа. Однако, исходя из значимости прокурорского надзора, все-таки часть их был возвращена федеральным законом от 28.12.10 № 404-ФЗ², что, на наш взгляд, расценивается хоть и положительно, но не оптимально существующим реалиям.

- 1 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.07.2007 № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) (ред. от 01.01.2017) // Российская газета. – 2007. – № 122.
- 2 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: Федеральный закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Российская газета. – 2010. – № 296.

Корнакова С. В.

Каак А. П.

По мнению ученых, «ведомственный процессуальный контроль представляет собой основное средство обеспечения законности предварительного расследования, состоящее из системы процессуальных действий и решений» [1, с. 148]. А. С. Табаков указывает на то, что руководитель следственного органа в его рамках принимает меры, направленные на устранения нарушений закона [2, с. 15].

Ведомственный контроль можно разделить на организационный и процессуальный, где организационный направлен на обеспечение организации деятельности сотрудников в рамках уголовного преследования, а процессуальный – на осуществления контроля по исполнению требований, предусмотренных УПК РФ. Как верно отмечают ученые, основная роль в рамках контроля за ходом и результатом деятельности следственных органов возлагается не на прокурора в настоящее время, а именно на руководителя следственного органа, в связи с чем происходит подмена их полномочий [3, с. 9].

Сама идея создания эффективной системы работы следователя в рамках административной и процессуальной независимости от органов прокуратуры, путем сокращения их полномочий, должна была стать толчком для получения большего объема самостоятельных процессуальных полномочий следователя, но фактически привела к его зависимости от непосредственного руководителя [4, с. 102; 5, с. 23].

Безусловно, ведомственный контроль является продуктивным за счет своей оперативности. Вместе с тем, казалось бы, у руководителя больше возможностей контролировать деятельность подчиненных, реагировать на выявленные нарушения, оказывать содействие при расследовании, однако одним из основных минусов, на наш взгляд, является минимальное использование ведомственного контроля в случае выявления нарушений, что подтверждается результатами прокурорского надзора.

Так, мониторинг результатов надзорной практики и статистические данные свидетельствует, что по-прежнему в деятельности органов предварительного следствия фиксировались многочисленные проблемы системного характера, решение которых требует комплексного подхода со стороны подразделений ведомственного процессуального контроля. Несмотря на незначительное (+2,1 %) увеличение в 2019 году количества зарегистрированных преступлений – 45929, число выявленных прокурорами нарушений закона при производстве следствия возросло на 8,1 % и составило 11705.

В 2019 году возросло число принятых мер прокурорского реагирования, прокурорами направлено 1248 требований руководителям следствия, по результатам прокурорского реагирования к дисциплинарной ответственности привлечено 569 должностных лиц.

Таким образом, значительный ежегодный рост выявленных нарушений сотрудниками прокуратуры показывает реальную картину непрактичности ведомственного контроля, а с учетом ограниченных полномочий органов прокуратуры на досудебных стадиях затрудняется оперативное устранение нарушений и его можно сравнить с «пассивным процессом», поскольку отсутствует административный и организационный элемент деятельности прокурора.

Прокурорский надзор невозможно заменить ведомственным контролем, поскольку он является независимым, беспристрастным. В ходе прокурорского надзора за органами предварительного расследования выявляется множество нарушений, допущенных руководителями следственных органов в рамках контроля, в связи с чем прокурорский надзор

наделен пресекающей и предупреждающей функцией, что подтверждается результатами работы органов прокуратуры.

Учеными отмечается недостаточность законодательного обеспечения полномочий прокурора [6, с. 53]. В частности, если в круг полномочий руководителя следственного органа в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ входит всесторонняя проверка материалов в порядке ст. ст. 144-145 УПК РФ и уголовных дел, то в отношении прокурора ситуация иная. Так, Федеральным законом от 02.12.2008 г. № 226-ФЗ³ в положения ст. 37 УПК РФ добавлена ч. 2.1, согласно которой «по мотивированному письменному запросу прокурора ему предоставляется возможность ознакомиться с материалами уголовного дела», но ни слова о материалах доследственной проверки. Прокурору направляется только копия принятого процессуального решения по результатам такой проверки, законность которого прокурору необходимо проверить в течение 5 суток. Отсутствие права истребования материалов проверок сокращает возможность прокурора на всестороннюю и полную проверку законности принятого решения, в связи с чем в УПК РФ необходимо включить направление прокурору не только уголовных дел, но и материалов проверок с копиями принятых процессуальных решений.

Исходя из положений ст. 39 УПК РФ, любое процессуальное решение согласуется с руководителем следственного органа, что указывает на необязательность требований прокурора. На этот счет Г. Н. Ветрова отмечает, что «требования прокурора не являются обязательными для исполнения. Они – лишь повод для проверки и принятия решения руководителем следственного органа» [7, с. 99].

К примеру, решить вопрос о возбуждении уголовного дела по мотивированному постановлению прокурора возможно лишь с согласия руководителя. По сути, нормы УПК РФ ставят под сомнение роль прокурора в уголовном процессе, а необоснованные отказы по мотивированным решениям прокурора не влекут каких-либо последствий для сотрудников следственного органа.

Однако прокурор – это лицо, наделенное властными полномочиями, который должен и обязан выражать свою независимую позицию в рамках закона, в связи с чем требования прокурора должны быть для следователей и их руководителей обязательными, поскольку в случае отказа в удовлетворении, в первую очередь, будут нарушаться права граждан.

Но если добиться должного уровня взаимодействия в рамках прокурорского и ведомственного контроля, где за каждым из участников строго разграничены полномочия, то результат не заставит себя ждать, поскольку сократятся нарушения закона, что приведет к сокращению числа обращений граждан в порядке ст. ст. 124, 125 УПК РФ.

Разграничить соотношения прокурорского надзора и ведомственного контроля можно с позиции целевой направленности их деятельности. Так руководитель следственного органа свой контроль направляет на эффективность уголовного преследования, неотвратимость уголовной ответственности виновных, координацию деятельности подчиненных, а цель прокурора – точное исполнение требований закона поднадзорными правоохранительными органами. Таким образом, основной критерий разграничения указанных на-

3 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ // Российская газета. – 2008. – № 250.

правлений: эффективность – для первого и законность – для второго, направленные на общий результат.

По сути, у данных должностных лиц один предмет деятельности, а ведомственный контроль направлен на бесперебойное организационное руководство, оказание содействия сотрудникам для эффективного проведения предварительного расследования. Однако, исходя из результатов прокурорских проверок на данном направлении можно оценить ведомственный контроль как неэффективный, формальный, подверженный большому количеству нарушений, а, в противовес ему, прокурорский надзор – как наиболее эффективное средство, поскольку он направлен не только на выявления нарушений, но также на их устранение, дальнейшее пресечение. В ходе прокурорского надзора дается оценка не только деятельности следователя, но и принятым руководителем следственного органа мерам.

Кроме этого, если 2001 г. в компетенцию руководства органа предварительного расследования входила отмена лишь незаконного постановления следователя о приостановлении предварительного расследования, то сейчас указанные полномочия распространяются на все процессуальные решения следователя, что фактически уравнивает положение прокурора и руководителя следственного органа. Но отмена незаконных решений имеет юстиционную природу и носит именно надзорный характер.

Руководитель обязан осуществлять административное и организационное руководство, полномочия по отмене решений выходят за пределы его полномочий, поскольку фактически каждое решение выносится под контролем руководителя следственного органа и, значит, как это не парадоксально, законодатель фактически наделил руководителя следственного органа полномочием по отмене своих же незаконных решений.

Прокурорский надзор и ведомственный контроль неразрывно связаны, но в действующих реалиях они должны не дублировать и не заменять друг друга, а дополнять для обеспечения законности прав граждан на досудебных стадиях процесса. Разграничения данных направлений должно происходить не за счет их сравнения, а посредством сплочения, а также обеспечения процессуальной независимости следователя.

С учетом увеличивающейся ежегодной нагрузки на органы прокуратуры ведомственный контроль преобладает за счет своей оперативности, в связи с чем прокурор не должен без необходимости подменять компетенцию органа предварительного расследования. В свою очередь руководитель не должен подменять надзорные функции, а выполнять организационные функции для обеспечения качественной и бесперебойной работы. Отмененные прокурором процессуальные решения не затрагивают ведомственные интересы, а направлены исключительно на устранение выявленных нарушений закона.

Направленность действий по использованию полномочий – вот основное и самое существенное различие, несмотря на переплетение функций прокурорского надзора и ведомственного контроля. Но цель в данном случае стоит одна – обеспечение законности и эффективности уголовно-процессуальной деятельности, соблюдение прав граждан.

Тем не менее, для устранения правовых коллизий такое полномочие, как отмена незаконных и необоснованных решений следователя, необходимо забрать у руководителя следственного органа и передать прокурору, поскольку последний не входит в структуру следственных органов, к при-

нятым решениям относится без предвзятости, что будет соответствовать принципам, изложенным в законе.

Пристатейный библиографический список

1. Олефиренко Т. Г. Ведомственный процессуальный контроль как основное средство руководителя следственного органа по обеспечению законности предварительного расследования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – 2014. – № 2. Ч. 2. – С. 148-150.
2. Табаков С. А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2009. – 24 с.
3. Хлопушин С. Применение УПК после внесения изменений // Законность. – 2008. – № 4. – С. 10-11.
4. Зеленский В. Д. К вопросу о понятии руководства расследованием преступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 3 (17). – С. 98-103.
5. Белоусов А. В., Смахтин Е. В. Следователь: процессуальный статус и проблемы его реализации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. – № 3 (25). – С. 19-25.
6. Климова Я. А. Реализация прокурором правообеспечительной функции на завершающих этапах досудебного производства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 4 (18). – С. 52-57.
7. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Л. Н. Башкатов, Г. Н. Ветрова [и др.]; отв. ред. И. Л. Петрухин, И. Б. Михайловская. изд. 6-е, перераб. и доп. – М.: Кодекс, Проспект, 2008. – 735 с.

МИЛИКОВА Анна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Волгоградского государственного университета

ЯКОВЛЕВА Любовь Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры судебно-экспертной деятельности Восточно-Сибирского института МВД России

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Актуальным для обсуждения остается вопрос о статусе следователя в уголовном процессе. Статус следователя напрямую зависит от организационно-правовой системы предварительного следствия и требует корректировки путем совершенствования норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих права и обязанности следователя, процедуру осуществления следственной деятельности и задачи предварительного следствия.

Ключевые слова: следователь, статус следователя, уголовный процесс, организационно-правовая система предварительного следствия, нормы уголовно-процессуального законодательства.

MILIKOVA Anna Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Volgograd State University

YAKOVLEVA Lyubov Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Forensic expertise sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia

ON THE QUESTION OF THE STATUS OF THE INVESTIGATOR IN THE MODERN CRIMINAL PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The issue of the status of the investigator in the criminal process remains relevant for discussion. The status of the investigator directly depends on the organizational and legal system of the preliminary investigation and requires adjustment by improving the norms of criminal procedure legislation regulating the rights and duties of the investigator, the procedure for carrying out investigative activities and the tasks of the preliminary investigation.

Keywords: investigator, investigator status, criminal procedure, organizational and legal system of preliminary investigation, norms of criminal procedure legislation.

Уголовный процесс, особенно предварительное расследование, имеет важное значение для определения степени законности и справедливости в обществе. Эффективный механизм государственного реагирования и противодействия любым угрозам является насущной потребностью общества. Для его реализации необходимо адекватное законодательное регулирование и оптимальная система органов, осуществляющих данную деятельность, рабочие процедуры по противодействию преступности.

Актуальным для обсуждения остается вопрос о статусе следователя в уголовном процессе. Изменения, вносимые в уголовно-процессуальное законодательство, в настоящее время по большей части направлены на оптимизацию работы органов предварительного расследования, чем на эффективность процесса в целом и обеспечение процессуальных гарантий личности. Неопределенность единого направления для движения по пути изменения существующей модели досудебного производства порождает все новые проблемы данного института, которые до настоящего времени находятся в центре внимания ученых, правоприменителей и законодателя.

Нет единства мнений и о том какой должна стать следственная власть, какой необходимо быть структуре

следственных органов. Последние существенные изменения были проведены в 2007 и 2010 годах при перераспределении полномочий следователя и прокурора, образовании Следственного комитета РФ и уже сейчас, спустя почти 12 лет можно уверенно подводить итоги. К сожалению, по мнению большинства ученых проведенные реформы досудебного производства так и не позволили достичь ожидаемых результатов.

Например, К. А. Наумов отмечает, что последовательно созданные дефицит надзорных полномочий прокурора с необоснованным сосредоточением их в руках руководителя следственного органа привел к серьезному кризису организации следственной работы, большому числу нарушений на досудебных стадиях, увеличению процессуальных сроков и окончательному размыванию процессуальной самостоятельности следователя. Стираются грани между формами предварительного расследования [7, с. 4].

Тем временем в науке уголовного процесса сложилось два подхода к назначению следователя и исполняемым им функциям: сторонники первого подхода поддерживают сформировавшуюся роль следователя как полномочного правоприменителя, ориентированного на установление истины с соблюдением требований все-

сторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела. Второй подход подразумевает необходимость реформирования уголовного судопроизводства и видит решение проблемы в состязательном переустройстве всей уголовно-процессуальной деятельности – не только в судебных, но и в досудебных стадиях. Реализация данной идеи осуществилась в форме закрепления функций обвинения, защиты и разрешения дела в рамках всего уголовного судопроизводства, отнесении следователя к стороне обвинения и возложении на него функций уголовного преследования.

В. М. Быков не поддерживает позицию авторов, которые отказывают следователю в праве представлять сторону обвинения в уголовном процессе, но вместе с тем разделяет озабоченность ослабления самостоятельности следователя. По его мнению, следователь должен быть более самостоятельной и ответственной процессуальной фигурой, свободной от обвинительного уклона при проведении расследования и добиться этого возможно только путём расширения его прав, так как в настоящее время следователь находится под чрезмерной опекой суда, прокурора и начальника следственного органа [4, с. 4]. С. Б. Россинский считает, что прежде чем проводить новую реформу необходимо определиться с ответами на два стратегических вопроса: каким должен быть следователь (сильным или слабым) и кем он должен быть – юристом или правоохранителем? [8, с. 352-353]. Представляется верным согласиться с мнением С. Б. Россинского о том, что современный следователь должен быть сильным и, в первую очередь, юристом, а не правоохранителем. Авторы считают, что создание единого следственного органа и снижение чрезмерного контроля за следователем будет способствовать укреплению следственной власти.

Все субъекты уголовного судопроизводства классифицированы во втором разделе УПК РФ на стороны обвинения и защиты, а также суд. В данной конструкции органы предварительного следствия (соответственно и следователь) и прокурор оказались участниками со стороны обвинения. Данные субъекты оказались носителями единственной процессуальной функции уголовного преследования (обвинения). Но при этом в нормах УПК РФ, регламентирующих статус следователя и его деятельность на предварительном расследовании, обнаруживается, что данный субъект не является стороной судебного спора, не исполняет исключительно функцию обвинения, а само досудебное производство осуществляется не в состязательной (с участием суда и сторон), а «линейной» форме, где следователь выступает полновластным «хозяином» дела [2, с. 41].

Статус следователя напрямую зависит от организационно-правовой системы предварительного следствия. Очевидно, что существующие механизмы не отвечают тем ожиданиям, которые на них возлагаются, отсюда и возникает необходимость продолжения обсуждения вопросов о статусе следователя в структуре всей системы предварительного расследования.

Действующая модель следственной деятельности обладает существенными недостатками, обусловленными недостаточной законодательной регламентацией. Имеющиеся проблемы неизбежно приводят к определенным

негативным последствиям, в том числе, снижению качества обеспечения прав и свобод человека и гражданина на стадии предварительного следствия в уголовном судопроизводстве, отсутствии достаточной процессуальной самостоятельности следователя, обширный круг полномочий руководителя следственного органа при неэффективной организации прокурорского надзора, противоречия между надзорными и следственными органами, конкуренция между органами предварительного следствия, неэффективная борьба с должностными преступлениями и другие. Все указанные и иные проблемы влекут за собой некачественные результаты в ходе предварительного следствия, которые оформленные должным образом направляются в судебные органы для принятия решения по делу, которое будучи основанным на неверных выводах предварительного следствия может впоследствии стать судебной ошибкой. Для обеспечения принципа законности необходимо выработать более правильную концепцию и модель построения следственных органов.

Ученые-процессуалисты предлагают различные формы и модели, которые могли бы стать основой для проведения новых реформ предварительного следствия: 1) создание единого и независимого органа предварительного следствия на базе Следственного комитета РФ, который позволит устранить проблемы и противоречия в организации и деятельности органов предварительного следствия, органов прокуратуры и оперативно-розыскных органов [3, с. 8]; 2) расширение полномочий прокурора за счет возвращения органам прокуратуры следственных функций; 3) введение института следственных судей; 4) отказ от следственной формы досудебного производства и ликвидация таких стадий уголовного процесса как возбуждение уголовного дела и предварительное расследование. А. С. Александров отмечает, что уголовное судопроизводство представляет собой деятельность суда или следственного судьи, а институт следственной власти, предварительного следствия должен быть ликвидирован [1, с. 411].

Каждая из предлагаемых концепций имеет как достоинства, так и недостатки. Сложно согласиться с мнением об исключении предварительного расследования, как и с возвратом органам прокуратуры следственных функций. По мнению И. С. Дикарева, предварительное расследование в современном уголовном процессе является досудебной подготовкой стороны обвинения к судебному разбирательству. Его назначение заключается в том, чтобы снабдить государственного обвинителя доказательственным материалом, на основании которого он будет иметь возможность в ходе судебного разбирательства добиваться привлечения виновного к уголовной ответственности. При этом не имеет никакого принципиального значения то, как организованы в ходе досудебного производства взаимоотношения между прокуратурой и следственными органами. До 2008 года во главе находился прокурор, в настоящее время досудебное производство основано на разделении следственной и прокурорской властей. Обе модели взаимоотношений имеют право на существование и доказали свою жизнеспособность и важно лишь одно: предварительное расследование не является судебной деятельностью [6, с. 81, 84].

О введении в уголовный процесс следственного судьи мнения ученых разнятся. Например, О. А. Глянько предлагает ввести в российское уголовно-процессуальное законодательство институт следственного судьи, но при этом отмечает различные подходы ученых к пониманию его функционального назначения: 1) в качестве института для обеспечения судебного контроля и оказания содействия сторонам в собирании доказательств (А. В. Смирнов, Т. Г. Морщякова); 2) для передачи этому участнику части полномочий по производству предварительного следствия (А. С. Александров, Н. Н. Ковтун); 3) подход ученых, выступающих против введения следственного судьи в уголовный процесс (Л. А. Воскобитова, Б. Я. Гаврилов, Л. В. Головкин, Ю. А. Цветков и другие) [5, с. 4-5].

Убедительной видится позиция Ю. В. Стельмаха, о том, что появление следственного судьи вряд ли оправданно том виде, в каком он предлагается, в том представлении, что это обычный судья, специализирующийся исключительно на разрешении материалов в досудебном производстве и вводить такую специализацию явно нежелательно, так как она не способна кардинально повысить уровень эффективности судебного контроля [10, с. 57].

Авторы соглашаются с мнением С. Б. Россинского о том, что реформирование следственных органов должно иметь комплексный характер. Одни лишь организационно-правовые преобразования не смогут решить все проблемы. Необходимо повышение уровня профессионализма, правосознания и ответственности следователей, а значит качества работы органов предварительного следствия [9, с. 95].

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что статус следователя в современном уголовном процессе РФ требует корректировки путем совершенствования норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих права и обязанности следователя, процедуру осуществления следственной деятельности и задачи предварительного следствия. Рассмотренные проблемы, порожденные отсутствием отлаженных механизмов реализации отдельных принципов уголовного процесса на стадии предварительного следствия, недостаточной регламентацией и соответственно ошибочным пониманием статуса современного следователя требуют более тщательной проработки и дальнейших исследований. Предлагаемые учеными средства для решения обозначенных проблем и отсутствие единой концепции для выбора направления, в котором следует двигаться при решении проблем следственной деятельности предопределяет актуальность новых научных разработок и предложения иных правовых моделей досудебного производства.

Пристатейный библиографический список

1. Александров А.С. Институт следственной власти в России: краткая история возникновения, развития и дегенерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2016. - № 2 (34). - С. 405-411.

2. Асанов Р.Ш. Обеспечение прав личности как функция следователя в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук – Екатеринбург, 2021. – 299 с.
3. Бабич Н.В. Правовое регулирование и организация деятельности органов предварительного следствия в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва: Рос. ун-т дружбы народов, 2019. – 31 с.
4. Быков В.М. Следователь как участник уголовного процесса со стороны обвинения // Законность. – 2012. – № 7 (932). – С. 3-9.
5. Глянько О.А. Теоретико-правовая модель процессуального статуса следственного судьи: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09. – Москва, 2019. – 26 с.
6. Дикарев И.С. Назначение предварительного расследования в уголовном процессе // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С.75-88.
7. Наумов К.А. Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2021. – 22 с.
8. Россинский С.Б. Статус следователя: давно назревшие реформы требуют четкой концепции // Уголовное судопроизводство России: современное состояние и перспективы развития: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 09–10 апреля 2020 года. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. – С. 356-360.
9. Россинский С.Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 10. – С. 93-100.
10. Стельмах В.Ю. Нужны ли в Российской Федерации следственные судьи? // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 3 (31). – С. 55-58.

НАЗАРКИН Евгений Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

СУЛЕЙМАНОВ Таят Алиевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ЗАХАРОВА Светлана Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Академии ФСИН России

МАСЛЕННИКОВА Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ОБЫСКА В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ДезОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА

В настоящей статье рассматриваются особенности проведения отдельных видов обыска на территории пенитенциарного учреждения в ходе расследования дезорганизации деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы России, обеспечивающих изоляцию от общества. Предложены отдельные организационно-тактические и тактические приемы проведения различных видов обыска в зависимости от объекта на территории исправительного учреждения.

Ключевые слова: обыск, подозреваемый, тайник, поиск, тактика обыска, тактический прием, дезорганизация деятельности учреждения.

SULEYMANOV Talyat Alievich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

NAZARKIN Evgeniy Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

ZAKHAROVA Svetlana Sergeevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

MASLENNIKOVA Ekaterina Aleksandrovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

FEATURES OF CONDUCTING CERTAIN TYPES OF SEARCH DURING THE INVESTIGATION OF THE DISORGANIZATION OF THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS PROVIDING ISOLATION FROM SOCIETY

This article discusses the specifics of conducting certain types of searches on the territory of a penitentiary institution during the investigation of the disorganization of the activities of institutions of the Russian penal system that provide isolation from society. Separate organizational, tactical and tactical methods of conducting various types of search are proposed, depending on the object on the territory of the correctional institution.

Keywords: search, suspect, hiding place, search, search tactics, tactical technique, disorganization of the institution's activities.

В ходе расследования дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), особое значение в получении фактических данных, доказательств по уголовному делу и установления истинных обстоятельств расследуемого события, имеет проведение (производство) обыска, как элемент тактики расследования. На территории учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, обыск, как правило, проводится на первоначальном этапе расследования преступления данного вида. Это обусловлено условием своевременного обнаружения, изъятия, фиксации и приобщения к материалам уголовного дела орудий преступления, следов, оставленных преступником на различных предметах и поверхностях, установления мотивов, других вещественных и иных доказательств его совершения в отношении определенных подозреваемых лиц. Особое значение в тактики проведения обыска приобретают особенности и тактические приемы (рекомендации) по его осуществлению, учитывая виды обыскиваемых объектов.

Тактика обыска в условиях исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы России имеет свои специфические особенности. Это связано с замкнутостью территории исправительного учреждения, концентрацией в нем спец контингента осужденных, особым режимом функ-

ционирования и распорядка в учреждении, наличие возможностей административного и оперативного наблюдения.

Объектами обыска в исправительные учреждения, и, соответственно, его видами могут быть: открытая территория учреждения (местность), различные виды помещений, транспортные средства, одежда и тело человека. Собственно, объектами поиска при обыске как правило являются: различные вещи; орудия преступления; предметы и документы, указывающие на мотив преступления; наркотические средства и психотропные вещества; денежные средства; телефоны сотовой связи и запрещенные к нахождению в исправительном учреждении другие объекты.

В ходе обыска спального места осужденного обращают внимание на определенные детали: какие предметы личного использования (обувь, одежда, средства гигиены и туалета, книги и т.п.) отсутствуют на спальном месте, либо их необычные очертания или признаки использования их в качестве тайников, например, для сокрытия наркотических средств и психотропных веществ; письма, записки, судя по всему, полученные без цензуры нелегальным путем с информацией о данном преступлении, участниках, целях, способов его совершения [1, с. 57]. Наблюдение в процессе обыска за реакцией и эмоциями обыскиваемого является тактическим приемом

его осуществления, наряду с приемом сопоставления геометрии предмета обыска, не характерных для него повреждений, неадекватный вес и другие особенности, что указывает на использование приема как внимательность и сопоставимость его физических характеристик с поиском искомых объектов. Спальное место – кровать, а также тумбочка, вешалка в шкафу, предметы интерьера спального помещения (мебель), вентиляционные выходы, полы, плинтуса, электроприборы, наличники, окна и т.п. также должны быть внимательно обследованы с использованием технико-криминалистических средств поиска (металлоискатель индукционного, импульсного или параметрического действия, досмотровое зеркало, лупа, осветители, щупы и др.).

В ходе обыска рабочего места осужденного, наряду с указанными выше особенностями и направлениями поиска, отметим, что его необходимо проводить, зная профессиональные и должностные обязанности лица по характеру его работы. В сферу обыска должны попасть бытовой шкафчик (тумбочка) лица на рабочем месте, само рабочее место, включая механизмы, приборы, агрегаты, места нахождения сырья, полуфабрикатов и готовых изделий, а также подсобные и иные производственные помещения, куда осужденный имеет доступ. Иногда применение поисковой техники в условиях производства может быть затруднительным, например, из-за фоновой возбудимости арматуры перекрытий цеха, других металлических стоек на поисковые приборы.

Территория исправительного учреждения, по существу, представляет собой две отдельные территории (зоны): промышленную и жилую. При необходимости производства обыска какого-то участка местности на одной из территорий учреждения с него удаляются все нежелательные посторонние лица, определяются цели обыска и возможные объекты поиска, исходя из обстоятельств дезорганизующих действий и причастных к нему лиц, средства и количество обыскивающих. В ходе предстоящих поисковых действий необходимо учитывать возможность появления, даже краткосрочного, на ней подозреваемого. При обыске местности требуется активное применение поисковых технико-криминалистических средств и методов обнаружения, изъятия и упаковки обнаруженных предметов, веществ, объектов, учитывая их вид и материальный характер. На местности поисковые приборы работают с более полной отдачей, чем в помещении. В случае проведения обыска на территории учреждения, рекомендуется предварительно просмотреть за последнее время видеозапись данного участка со стационарных камер видеонаблюдения. Это необходимо сделать для выявления факта появления подозреваемого на месте после совершения преступления с целью сокрытия на нем каких-либо вещественных доказательств и следов. Участие в обыске служебно-розыскной собаки, несомненно, может повлиять на эффективность проводимого обыска местности (места).

Обыск транспортных средств, работающих в пределах исправительного учреждения или выезжающих и въезжающих в него, требуется производить с помощью осведомленного лица, знающего особенности механического строения и работы данного средства, его скрытых технических и технологических полостей, емкостей и ниш. Широко применяются поисковые приборы и поисковые технические средства такие как щупы, досмотровые зеркала. В случае подозрения скрытые полости демонтируются механиком.

Обыск различных помещений на территории исправительного учреждения включает в себя подготовительный этап. В него входит общее изучение объекта обыска, его материального расположения, привлечение необходимого количества сотрудников и их инструктаж, составление плана обыска, порядок применения поисковых технических средств. Предварительно обеспечивается удаление с места обыска в помещении «лишних» лиц. Помещения в исправительном учреждении имеют разную планировку и назначение, а

также характер их использования (умывальники и туалеты, комнаты хранения, бытовки, актовая комната, служебное, техническое вспомогательное помещение и др.). Исходя из этого, в рабочей стадии обыску помещения подвергаются: стены, потолок, пол помещения, входы и оконные проемы, вентиляционные отверстия, мебель, движимое и недвижимое имущество, бытовые приборы.

Тактические приемы обыска помещений такие как: сплошной и детальный осмотр предмета и поверхности, его анализ на наличие в нем тайников, трещин, щелей, свежей краски или замазки, повреждений, однородности поверхности. Применяется тактический прием как смена лица по участку в обыскиваемом помещении – для повышения внимательности и результативности при обыске. Применяются технические средства поиска исходя из возможных предполагаемых предметов обыска. В случае присутствия при обыске подозреваемого лица, одним из обыскиваемых применяется тактический прием слежения за его эмоциями и поведением, указывающими на возможность обнаружения улик преступления. Осмотр поверхностей помещения и предметов может проводиться без нарушения целостности последних, либо с частичным нарушением или вскрытием (разбором).

В заключительной части обыска помещения составляется протокол обыска с указанием, где, что и при помощи каких технических средств обнаружено, замечания присутствующих. Обнаруженные предметы и объекты, как и в других вышеописанных случаях кратко описываются, изымаются, упаковываются и приобщаются к уголовному делу. Кроме того, к протоколу обыска могут прилагаться схема помещения обыска с отметкой местонахождения обнаруженных объектов, фототаблица и видеозапись хода и результатов обыска. В необходимых случаях по результатам обыска могут назначаться соответствующие судебные экспертизы.

В ходе личного обыска подозреваемого в совершении дезорганизующих действий и его одежды, как правило, при задержании последнего, целью обыска являются: обнаружение следов контакта с потерпевшим, орудия совершения преступления, захваченные у потерпевшего предметы, спецсредства, иные вещественные доказательства. При личном обыске необходимо придерживаться определенных правил (приемов): не разрешать обыскиваемому самому доставать из карманов одежды искомых предметов, использовать эти предметы, уничтожить их; обыскиваемых не располагать вблизи окон, дверей, предметов, которые последние могут использовать в качестве орудия нападения на обыскиваемого; после личного обыска внимательно осмотреть место обыска; использование технических средств (металлоискатель и др.).

В заключении отметим, что рекомендованные выше тактические приемы и рекомендации в ходе обыска помещения, спального и рабочего места осужденного, участка местности исправительного учреждения, транспортного средства на его территории и личного обыска подозреваемого, а также предложенные некоторые тактические особенности поисковых действий, позволяют, по нашему мнению, существенно повысить результативность данного следственного действия в ходе расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Пристатейный библиографический список

1. Особенности расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: учеб.-практ. пособие / А. В. Акчуриной, Э. В. Лядов, Е. В. Назаркин, Л. В. Новикова, О. А. Белов, А. Г. Цивкунов. – Рязань: Академия ФСИН России, 2012. – 75 с.

РЫБАЛКИН Никита Андреевич

государственный судебный эксперт отдела исследования документов ФБУ Тульской ЛСЭ Минюста России, ассистент кафедры судебной экспертизы и таможенного дела Тульского государственного университета

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ПОЧЕРКОВЫХ ОБЪЕКТОВ, ВЫПОЛНЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Автором рассматривается один из актуальных вопросов судебно-почерковедческой экспертизы и судебной технической экспертизы документов – выполнение почерковых объектов с помощью современных технических средств, такие как плоттер, 3D-принтер, роботизированная рука, станок с ЧПУ со специальным программным обеспечением. В предлагаемой статье изучаются основные публикации, посвященные данной проблеме и история ее развития с начала XXI века, анализируются основные методы выявления данных почерковых объектов, описываются экспериментальные исследования их выполнения и случаи из экспертной практики, изучаются и характеризуются основные современные технические средства.

Ключевые слова: судебно-почерковедческая экспертиза, почерковые объекты, технические средства изготовления документов, плоттер, 3D-принтер, роботизированная рука, станок с ЧПУ, подпись, почерк, судебная экспертиза.

RYBALKIN Nikita Andreevich

state forensic expert of the Department of research of documents of the FBU of the Tula LSE of the Ministry of Justice of the Russian Federation, assistant of Forensic examination and customs affairs sub-faculty of the Tula State University

MODERN METHODS FOR DETECTING HANDWRITING OBJECTS MADE WITH THE HELP OF TECHNICAL MEANS

The author considers one of the topical issues of forensic handwriting examination and forensic technical examination of documents - the execution of handwriting objects using modern technical means, such as a plotter, a 3D printer, a robotic arm, a CNC machine with special software. The proposed article studies the main publications devoted to this problem and the history of its development since the beginning of the 21st century, analyzes the main methods for identifying these handwriting objects, describes experimental studies of their implementation and cases from expert practice, studies and characterizes the main modern technical means.

Keywords: forensic handwriting examination, handwriting objects, technical means of document production, plotter, 3D printer, robotic arm, CNC machine, signature, handwriting, forensic examination.

Рыбалкин Н. А.

В предпринимательской и правой сфере с начала XXI века наблюдается тенденция к росту преступлений, связанных с фальсификацией реквизитов документов, в том числе с использованием технических средств. Данные объекты впоследствии представляются на судебную экспертизу сторонами по делу или компетентными на это лицами.

Необходимо отметить, что в статье Пановой Т. О., Миловицкой О. Ю., Карпухиной Е. С. [1], экспертов трех разных специальностей: судебно-почерковедческой, судебно-технической экспертизы документов и компьютерно-технической экспертизы, впервые в отечественной экспертной литературе была затронута тема использования современных технических устройств для фальсификации реквизитов документов. В научной статье эксперты отразили следующие признаки технической подделки документа с помощью графопроектировщика: различия в нажимных характеристиках и фрагментарное копирование различных частей документов, выполненных самим лицом, от которого значился документ.

Отметим, что в зарубежной практике использования современных технических средств вместо человеческой руки одним из первых случаев такого использования был зафиксирован в 2006 году, когда известная канадская писательница М. Этвуд решила проблему подписания экземпляров своих книг, не выходя из дома и не выезжая в зарубежные туры, с помощью устройства, которое было зарегистрировано под торговой маркой LongPen™, т.е. роботизированная рука.

Также необходимо обратить внимание, что исследованию выявления и диагностирования признаков выполнения почерковых объектов с помощью технических средств посвятили свои труды Е. Н. Белова [2], М. Л. Подкатилина [3],

В. Н. Пронин, П. Г. Лесникова [4], Н. А. Трушакова [5], Д. А. Шлыков [6], Ярошук И. А., Гриневиц К. В. [7] и другие ученые. Таким образом, с учётом выхода статей указанных выше авторов, данная проблема уже долгое время является актуальной и требует дальнейшего более глубокого изучения.

Следует отметить, что в настоящее время для фальсификации реквизитов документов могут применяться аналоговые и цифровые устройства. В связи с развитием техники в настоящее время, экспертная практика показывает, что аналоговые устройства фальсификации используются крайне редко, поэтому необходимо более подробно рассмотреть цифровые методы.

Цифровая фальсификация представляет собой выполнение почерка и подписей с помощью методов цифрового репродуктивного, в основном, с использованием средств компьютерной и специализированной техники (компьютер со сканером, принтером, комбинированным устройством, роботизированной рукой, плоттером, 3D принтером и специальным программным обеспечением, а также станки с ЧПУ).

Необходимо отметить, что если сегодня злоумышленник воспользуется для рисовки почеркового объекта одним из вышеописанных устройств, которые также позволяют и имитировать нажимные характеристики человека, то мы можем полагать, что эксперты только исходя из собственного опыта и предельной внимательности к деталям могут установить факт использования подобной технологии подделки, поскольку они не располагают современными методиками выявления следов их применения при подделке реквизитов документов. Отметим, что о трудностях выявления подобно-

го рода технологии при рисовке почерковых объектов, с помощью компьютерных технологий, на 60-й ежегодной конференции Американской академии экспертных наук в 2008 г. в своем докладе сообщила канадский эксперт Д. Крюгер [8]. Именно поэтому с учетом мировой практики необходимо совершенствовать существующие и создавать новые прогрессивные методики в почерковедческой и технической экспертизе документов.

Для того чтобы вооружить экспертов методическими рекомендациями по установлению фактов цифровой технологии подделки рукописного почерка и подписей, необходимо проведение серьезных исследований, требующих определенных финансовых затрат, прежде всего связанных с приобретением современных роботизированной руки, плоттеров, 3Д принтеров, станков с ЧПУ, специального программного обеспечения и проведению исследований данных технологий.

Необходимо отметить, что с помощью графопостроительной техники можно нарисовать любые элементы почерка и подписей.

Случай экспертного исследования документа, в котором «рукописный» текст и подпись были нарисованы с помощью плоттера, описан в отечественной специальной литературе. Фактически единственным признаком, по которому эксперты пришли к такому выводу, стало отсутствие распределения нажима при выполнении сгибательных и разгибательных движений в подписном почерке.

Так, например, в экспертной практике ФБУ ТЛСЭ Минюста России в 2017 и 2019 годах были выявлены фальсификации подписей в договорах займа денежных средств [9]. Данные подписи предположительно были выполнены с помощью графопостроителя (плоттера).

Отметим, что способы фальсификации почерка и подписей, описанные в специальной литературе и встречавшиеся ранее в экспертной практике, характеризуются наличием особых комплексов диагностических признаков, позволявших их дифференцировать [10, с. 67-68].

Эксперты-почерковеды, а также эксперты-техники могут диагностировать использование плоттера (графопостроителя) при создании подобного документа, если установят фактически единственный определяющий признак – отсутствие дифференциации нажима при выполнении сгибательных и разгибательных движений. Однако дополнительная сложность заключается в том, что подписи и иные почерковые реализации, выполненные с применением технических средств, являются объектами не почерковедческой, а судебно-технической экспертизы документов. В то же время, эксперт-почерковед, значительно лучше ориентирующийся в тонкостях распределения нажима и динамических характеристик почерковых объектов, способен более точно диагностировать конкретную почерковую реализацию (поставить под сомнение ручной способ воспроизведения объекта). Фактически подобные объекты являются предметом комплексного исследования эксперта-почерковеда и эксперта-техника. Данный алгоритм исследования является важным условием для формирования точных и правильных выводов в экспертизах.

Графопостроительная техника нового поколения способна рисовать или писать всевозможными пишущими приборами. Она наносит линии на бумагу подобно человеческой руке, но идеально точно и безошибочно. Создание любых векторных изображений, каллиграфических надписей, поддержка любых шрифтов, которые будут выглядеть в точности так, словно нанесены от руки в идеальных условиях, что также может являться признаком технического выполнения почеркового объекта. Именно в этом заключается отличие графопостроительной техники от обычного принтера: напечатанный шрифт всегда выглядит напечатанным и никогда не похож на написанный ручным способом. С этим связаны трудности проведения экспертиз данных объектов.

Технические разработки последних лет в отношении офисной оргтехники привели к тому, что также и с помощью 3Д принтера или роботизированной руки, станка с ЧПУ и специального программного обеспечения возможно имити-

ровать нажимные характеристики, что только доставляет дополнительные сложности при исследовании подобного рода объектов.

В порядке рабочего эксперимента нами была произведена попытка воспроизвести почерковые объекты с помощью 3Д принтеров различных производителей, с помощью которой нам удалось имитировать почерковые реализации, но полностью идеально выполнить данные объекты не удалось из-за особенностей программного обеспечения (необходимо создание нового для этих задач), так как наблюдаются различия в нажиме почерка.

Таким образом, в связи с применением графопостроительной техники (плоттеров), 3Д принтеров, роботизированной руки и станков с ЧПУ, как отмечено выше, в литературе стали появляться публикации на эту тему, однако данных работ явно недостаточно, что обуславливает интерес и глубокое изучение связанных с ней проблем, в том числе экспертами-криминалистами и настоятельно требует разработки методики выполнения почерковых объектов, выполненных с помощью данных устройств.

Пристатейный библиографический список

1. Панова Т. О., Миловидова О. Ю., Карпухина Е. С. Комплексное исследование имитации рукописных реквизитов (случай из экспертной практики) // Теория и практика судебной экспертизы. - М.: ГУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2008. - № 3 (11). - С. 118-121.
2. Белова Е. Н. Развитие криминалистической идентификации в судебно-почерковедческой экспертизе // Научно-практический журнал. - М.: РФЦСЭ, 2015. - № 3 (39). - С. 172-175.
3. Подкатилина М. Л. Проблемы назначения и производства судебных почерковедческих экспертиз // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. - М., 2015. - № 12. - С. 116-121.
4. Пронин В. Н., Лесникова П. Г. Исследование подписи с целью установления факта ее выполнения с помощью технического средства – плоттера (случай из экспертной практики) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. - 2015. - № 4. - С. 162-165.
5. Трушакова Н. А. Судебно-почерковедческая экспертиза на современном этапе: проблемные вопросы и пути их решения // Вестник Московского университета МВД России. - 2018. - С. 103-105.
6. Шлыков Д. А. Установление фактов нерукописного воспроизведения почерковых объектов: современное состояние и перспективы развития // Энциклопедия судебной экспертизы: науч.-практ. журнал: сетевое электронное издание. - М., 2016. - № 4 (11).
7. Ярошук И. А., Гриневиц К. В. Проблемные вопросы экспертизы подписи как малообъемного почеркового объекта // Актуальные проблемы российского права. - М., 2021. - № 8 (129).
8. Kruger D. The LongPen™ - The World's First Original Remote Signing Device // Journal of Forensic Sciences. - 2010. - V. 55. - Issue 3. - P. 795 - 800.
9. Архив ФБУ ТЛСЭ Минюста России за 2017 и 2019 годы (заключение эксперта О. № 673 от 21 апреля 2017 года, заключение экспертов К. и Г. под № 1392-1581 2019 г.).
10. Бондаренко П. В. Диагностика подделки подписей, выполненных с помощью компьютерных технологий // Информационная безопасность регионов. - 2009. - № 1 (4). - С. 67-72.

РУБЕКО Георгий Леонидович

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Калмыцкого государственного университета

БАДМА-ГОРЯЕВ Олег Юрьевич

магистрант 2 курса направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовный процесс, судебная власть, прокуратура, адвокатура» Калмыцкого государственного университета

ЧОНАЕВ Андрей Сергеевич

магистрант 2 курса направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовный процесс, судебная власть, прокуратура, адвокатура» Калмыцкого государственного университета

ЭРЕНДЖЕНОВ Максим Борисович

магистрант 2 курса направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовный процесс, судебная власть, прокуратура, адвокатура» Калмыцкого государственного университета

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ХАРАКТЕРИСТИКА НОВЕЛЛ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассматриваются отдельные проблемы правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела. В частности, характеризуется правовая природа стадии возбуждения уголовного дела как досудебной стадии уголовного судопроизводства. Показывается специфика данной стадии в отечественном уголовном процессе. В частности, это делается в качестве характеристики стадии возбуждения уголовного дела как одной из досудебных стадий. Анализируются изменения законодательства, касающиеся сроков проведения данной стадии. Так, дается характеристика изменившихся сроков, в течение которых необходимо принять процессуальное решение на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: стадии уголовного судопроизводства, уголовное дело, возбуждение уголовного дела.

RUBEKO Georgiy Leonidovich

Ph.D. in Law, Head of Criminal law and process sub-faculty of the Kalmyk State University

BADMA-GORYAEV Oleg Yurjevich

magister student of the 2nd course of the direction 40.04.01 «Jurisprudence» of the master's program «Criminal Procedure, Judicial branch, Prosecutor's Office, Advocateship» of the Kalmyk State University

ERENDZHENOV Adyan Dmitrievich

magister student of the 2nd course of the direction 40.04.01 «Jurisprudence» of the master's program «Criminal Procedure, Judicial branch, Prosecutor's Office, Advocateship» of the Kalmyk State University

ERENDZHENOV Maksim Borisovich

magister student of the 2nd course of the direction 40.04.01 «Jurisprudence» of the master's program «Criminal Procedure, Judicial branch, Prosecutor's Office, Advocateship» of the Kalmyk State University

THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE: CHARACTERISTICS OF NEW LEGISLATION

The article deals with some problems of legal regulation of the stage of initiation of a criminal case. In particular, the legal nature of the stage of initiation of a criminal case as a pre-trial stage of criminal proceedings is characterized. The specificity of this stage in the domestic criminal process is shown. In particular, this is done as a characteristic of the stage of initiation of a criminal case as one of the pre-trial stages. The changes in legislation concerning the timing of this stage are analyzed. So, the characteristic of the changed terms during which it is necessary to make a procedural decision at the stage of initiation of a criminal case is given.

Keywords: stages of criminal proceedings, criminal case, initiation of criminal proceedings.

В российском уголовном судопроизводстве принято выделять стадии, т.е. отдельные взаимосвязанные части, в рамках которых продвигается уголовное дело [12, с. 107]. С учетом того, что движение уголовного дела от его возбуждения до его разрешения проходит в течение длительного периода, число стадий, закрепленных современным уголовно-процессуальным законодательством, достаточно велико.

Выделение стадий уголовного процесса ставится в зависимости от тех целей, которые определяются для конкретной совокупности процессуальных действий. Соответственно о стадии можно говорить в том случае, если для определенной совокупности таких действий можно выделить одну общую цель.

В каждой стадии уголовного судопроизводства функционирует большое количество субъектов. Особенность стадий может выражаться в той роли, которую в ней играют отдельные субъекты. Так, во многих стадиях основным участником,

принимающим юридически значимые решения, связанные с рассмотрением дела по существу является суд. Подобные стадии относятся к судебным стадиям уголовного процесса. В других же стадиях основная деятельность приурочена к другим, нежели суд, субъектам. Как правило, это специально созданные для таких задач правоохранительные органы. Обычно такие действия носят предварительный характер. Имеется в виду, что деятельность эти органы проводят до начала рассмотрения уголовного дела по существу. В связи с этим соответствующие стадии получили название досудебных.

Традиционным для отечественного уголовного процесса является выделение двух видов досудебных стадий: возбуждение уголовного дела и предварительное расследование. Следует отметить, что в целом выделение двух стадий характерно для уголовного судопроизводства стран т.н. постсоветского пространства. Речь идет о тех государствах, которые

возникли после распада СССР. Впоследствии многие из них вошли в Содружество независимых государств (СНГ). Причиной такого положения дел является закрепление двух стадий уголовного судопроизводства в союзном уголовно-процессуальном законодательстве. Выделение двух досудебных стадий предусматривалось Основами СССР и союзных республик уголовно-процессуального законодательства. В дальнейшем Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик воспроизводили подобное закрепление.

Напротив, во многих зарубежных странах стадия возбуждения уголовного дела специально не выделяется. В этих странах по-разному регулируют первоначальные действия, направленные на обнаружение признаков преступления в совершенном деянии. В некоторых странах указанные мероприятия проводятся полицией при проведении проверочных процедур. В дальнейшем результаты этой проверки передаются следственным органам для проведения расследования. Сказанное позволяет утверждать, что в ряде зарубежных государств менее формально подходят к фиксации начального этапа уголовного производства по делу.

Также можно говорить о достаточно уникальном опыте проведения мероприятий, связанных с уголовным преследованием, сложившимся на территории СССР, а затем воспринятом рядом постсоветских государств. Спецификой его является закрепление двухстадийной модели досудебного производства.

Указанный подход дает возможность формализовать действия, реализуемые в начале производства по уголовному делу. Достоинство этого подхода выражается в снятии неопределенности относительно начала уголовного судопроизводства [13, с. 212]. Российское законодательство, таким образом, детально регулирует первоначальные действия, в результате которых начинается уголовное производство и уголовное преследование правонарушителя. Это позволяет более точно определить момент, с которого началось уголовное преследование, что само по себе стоит рассматривать с положительной точки зрения, так как позволяет лицам, вовлеченным в орбиту уголовного судопроизводства, иметь данные о своем правовом положении.

Однако подобная формализация имеет и свои недостатки. Они выражаются в том, что компетентному органу необходимо принять юридически значимое решение относительно начала уголовного преследования. Причем для принятия такого решения законодательство отводит относительно небольшой промежуток времени. Российское законодательство устанавливает, что правоохранительным органам следует уложиться в срок от 3 до 30 суток. При этом 30-суточный срок рассматривается как исключение. Кроме того, подобное решение, завершающее соответствующую стадию, принимается без возможности провести полноценные проверочные мероприятия. Опасность состоит в том, что правоохранительные органы будут принимать решения о возбуждении уголовного дела без должных на то оснований, либо, напротив, опасаясь мер дисциплинарного воздействия, будут отказывать в возбуждении уголовного дела. Первая ситуация опасна тем, что существует вероятность привлечения к уголовной ответственности лиц, которые не были виновны в совершении общественно опасного деяния. Принимая во внимание сложившуюся в отечественной системе практику достаточно сложного прекращения уголовного дела, такая ситуация действительно создает опасность необоснованного уголовного преследования, что в свою очередь противоречит основным задачам уголовно-процессуального законодательства. Другая ситуация, напротив, создает опасность не привлечения к уголовной ответственности лиц, которые совершили общественно опасные деяния.

Опять-таки известно много примеров, когда компетентные органы отказываются возбуждать уголовные дела, а иногда даже и принимать заявления, в случае неочевидности

обстоятельств дела, его сложности, в том числе и с точки зрения правовой квалификации и др. Чаще всего это относится к делам т.н. экономической направленности, когда сложно бывает квалифицировать природу существующих отношений – рассматривать их как гражданские или же распространять на них также и нормы об уголовно-правовой охране. Это же относится и к квалификации преступлений против прохождения службы в коммерческих организациях, некоторых должностных преступлений и др. Все это приводит к повышению и без того высокой латентности таких преступлений.

Рассматривая стадию возбуждения уголовного дела, необходимо обратить внимание, что в ее рамках компетентному правоохранительному органу необходимо принять одно из процессуальных решений: о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела [1, с. 18]. Соответствующее решение принимает тот орган, который в дальнейшем будет расследовать данное уголовное дело. Поэтому для правильного определения данного органа важно точно квалифицировать совершенное общественно опасное деяние. В этой связи, важной категорией представляется подследственность, а именно распределение уголовных дел с точки зрения осуществления мероприятий по их расследованию между различными органами предварительной расследования [2, с. 114].

Отечественное уголовно-процессуальное законодательство традиционно закрепляет такие категории как поводы и основания для возбуждения уголовного дела. В юридической доктрине нет однозначных подходов к определению данных категорий. В основном, давая характеристику поводам для возбуждения уголовного дела, выделяют те источники, из которых орган, имеющий полномочие на возбуждение уголовного дела, получил сведения о факте совершенного преступления. Реже поводы характеризуются как юридические факты, с которыми связано возбуждение уголовного дела. Речь идет о том, что именно конкретное жизненное обстоятельство, формализованное в конкретное заявление, служит основой для передачи компетентным органам сведений о том, что было совершено какое-либо противоправное деяние. Мы считаем, что более точной является характеристика поводов как источников, из которых компетентный орган узнает о совершенном преступлении.

Советский УПК РСФСР 1960 года подробно регулировал систему поводов для возбуждения уголовного дела. Однако, по нашему мнению, подобный подход является излишне казуистичным.

В настоящее время поводов для возбуждения уголовного дела. Современный УПК закрепляет более сбалансированный подход в регулировании поводов для возбуждения уголовного дела. Так ч. 1 ст. 140 УПК РФ закрепляет общий перечень поводов для возбуждения уголовного дела. В последующем же в отдельных статьях кодекса раскрывается каждый из перечисленных поводов [10, с. 8].

Что касается основания для возбуждения уголовного дела, то под ним УПК РФ понимает наличие достаточных данных о совершении преступления. По нашему мнению, подобная формулировка не представляется точной, поскольку в таком случае размывается грань между основанием и поводами для возбуждения уголовного дела. В связи с этим полагаем, что основанием для возбуждения уголовного дела следует считать само общественно опасное деяние, обладающее признаками преступления, а не сведения о нем.

Сообщение о наличии преступного деяния выступает необходимой основой для совершения компетентным лицом, определенной предметной деятельности, направленной на выявление обстоятельств совершенного деяния с целью принятия одного из процессуальных решений, предусмотренных ч. 1 ст. 145 УПК РФ. В общем целью этой деятельности является установление самого факта совершенного

общественно опасного деяния, обладающего признаками состава преступления.

Стадия возбуждения уголовного дела имеет быстротечный характер. Процессуальное решение, компетентный правоохранительный орган, как правило, должен принять в течение трех суток с момента поступления сообщения о совершенном преступлении дело [9, с. 95]. Все это требует от сотрудников таких органов достаточно высокого профессионального уровня, который не всегда имеется на практике. Это может привести к нарушению прав граждан именно на этапе возбуждения уголовного дела. Для недопущения этого законодатель периодически предпринимает меры, направленные на устранение причин, которые могли приводить к таким нарушениям. Одной из таких мер является введение законодательных положений, которые допускают увеличение срока для принятия процессуального решения на стадии возбуждения уголовного дела. Так в настоящее время возможно увеличение срока проведения проверочных мероприятий до десяти суток. Необходимость проведения сложных проверочных мероприятий может служить основанием для продления соответствующего срока и до тридцати суток. При этом в законе указаны проверочные мероприятия, которые должны проводиться для увеличения срока.

В то же время нормативное увеличение сроков для принятия процессуального решения на стадии возбуждения уголовного дела может иметь и отрицательные моменты. Сама природа анализируемой стадии предполагает ее быстротечный характер. Допущение же продления проверочных мероприятий до тридцати суток может привести к необоснованному затягиванию данной стадии. Для сравнения – срок проведения дознания также определен законодательством в тридцать суток. То есть получается, что этап для проведения проверочных мероприятий с целью определения общих признаков преступления приравнивается к стадии в рамках, которой должны быть выяснены все юридически значимые для дела обстоятельства. При этом в ч. 3 ст. 144 УПК, допускающей продление срока проведения проверочных мероприятий, не делается исключений для отдельных категорий дел.

С учетом того, что законодательство закрепляет право обжалования действий компетентных должностных лиц, срок проведения проверочных мероприятий может увеличиться. Все это приводит к правовой неопределенности уже на первоначальном этапе движения уголовного дела. В конечном счете, не исключены ситуации, когда и по отношению несложным уголовным делам срок их течения достаточно длителен, что нарушает один из принципов уголовного процесса, а именно быстроту и оперативность рассмотрения уголовных дел. Приведенные аргументы позволяют критически отнестись к увеличению сроков проведения проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела на срок до тридцати суток. По нашему мнению, приемлемым решением было бы установление общего срока проведения проверочных мероприятий на данной стадии до 15 суток, допустив их продление в исключительных случаях на срок до двадцати суток.

Для повышения эффективности действия правоохранительных органов на стадии возбуждения уголовного дела законодатель в 2016 году закрепил возможность осуществлять сложные проверочные мероприятия дело [11, с. 164], включая возможность проведения судебных экспертиз, проверок и ревизий и др. По своей природе указанные мероприятия можно рассматривать как аналог следственных действий на стадии предварительного расследования. Кроме того, значимость подобных мероприятий повысилась после внесения изменений в ст. 144 УПК. Предусмотрено, что сведения, полученные в результате проверочных мероприятий, могут быть признаны доказательствами при проведении их подтверждении в порядке, предусмотренном законодательством.

Сказанное выше показывает возросшее значение стадии возбуждения уголовного дела на современном этапе. Соответственно вполне обоснованным считаем повышение интенсивности регулирования отношений, возникающих на стадии возбуждения уголовного дела, на законодательном уровне. Действительно первоначальная фрагментарность норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующего соответствующую сферу, создавала предпосылки нарушению прав и свобод человека и гражданина.

Пристатейный библиографический список

1. Гаврилов Б. Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Российский следователь. – 2015. – № 15.
2. Дикарев И. С. Подследственность в уголовном процессе: вопросы теории и законодательной регламентации // Журнал российского права. – 2020. – № 4.
3. Конторова Д. Г., Рубеко Г. Л., Колисниченко Е. А. Отдельные проблемы рассмотрения арбитражными судами дел о признании незаконными постановлений и действий (бездействия) судебных приставов-исполнителей // Материалы III Республиканской научно-практической конференции «Современное состояние и перспективы нормотворческой и правоприменительной деятельности Республики Калмыкия». – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2010.
4. Курепина Н. Л., Рубеко Г. Л. Правовые формы противодействия коррупции на различных этапах развития российского государства: исторический анализ // Научная мысль Кавказа. – 2020. – № 4.
5. Рубеко Г. Л. Борьба с коррупцией в России: исторические аспекты // Актуальные вопросы безопасности Российской Федерации: материалы региональной научно-практической конференции. Региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» по Республике Калмыкия, Управление Министерства юстиции России по Республике Калмыкия. – Элиста, 2017.
6. Рубеко Г. Л. Противодействие коррупции. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2017.
7. Рубеко Г. Л. Уставный капитал хозяйственных обществ: некоторые проблемы правового регулирования // Юрист. – 2016. – № 10.
8. Рыжаков А. П. Уголовный процесс: учебник для вузов. – М.: Дело и сервис, 2011.
9. Рылков Д. В. Повод для возбуждения уголовного дела как необходимое условие начала производства по делу // Российский следователь. – 2009. – № 17.
10. Стельмах В. Ю. Доказательственное значение проверочных действий, производимых в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник ННГУ. – 2017. – № 1.
11. Татаров Л. А. О стадийности уголовного процесса в Российской Федерации // Закон и право. – 2019. – № 11.
12. Чекотков А. Ю. Формальный и материальный подходы к регулированию процессуального статуса участников уголовного судопроизводства: необходимость установления баланса // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 11.

ГРЫЗЛОВ Дмитрий Владимирович

аспирант кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета

РЕШЕНИЯ ПРОКУРОРА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ Ч. 2 СТ. 226 УПК РФ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с основаниями вынесения прокурором решений при утверждении обвинительного акта об исключении из него отдельных пунктов обвинения либо переквалификации обвинения на менее тяжкое. Обосновывается мнение о возможности вынесения прокурором нового обвинительного акта в случае необходимости исключения отдельных пунктов обвинения либо переквалификации обвинения на менее тяжкое, в том числе с учётом того, что решение о составлении нового обвинительного акта прокурором предусматривается в некоторых УПК стран ближнего зарубежья.

Ключевые слова: решения прокурора, уголовный процесс, обвинительный акт, переквалификация обвинения прокурором, УПК зарубежных стран.

GRYZLOV Dmitriy Vladimirovich

postgraduate student of Criminal process sub-faculty of the Kuban State University

DECISIONS OF THE PROSECUTOR IN A CRIMINAL CASE, PROVIDED FOR BY PART 2 OF ART. 226 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article examines the problems associated with the grounds for the prosecutor's decision when approving an indictment to exclude certain points of the charge from it or to re-qualify the charge as less serious. The opinion is substantiated that the prosecutor can issue a new indictment if it is necessary to exclude certain points of the accusation or to re-qualify the accusation as less serious, including considering the fact that the decision to draw up a new indictment by the prosecutor is provided for in some of the Criminal Procedure Codes of neighboring countries.

Keywords: prosecutor's decisions, criminal process, indictment, re-qualification of the accusation by the prosecutor, Codes of Criminal Procedure of foreign countries.

Предусмотренное ч. 2 ст. 226 Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) правомочие прокурора выносить постановления об исключении из обвинительного акта отдельных пунктов обвинения либо переквалификации обвинения на менее тяжкое законодатель связывает только с утверждением обвинительного акта [1]. Эти два решения прокурора, именуемые, согласно терминологии уголовно-процессуального закона, «постановлением об исключении из обвинения его отдельных пунктов» и «постановлением о переквалификации обвинения на менее тяжкое» представляют собой акты, корректирующие окончательное обвинение по итогам дознания. С учётом их это обвинение приобретает то содержание, которое становится предметом рассмотрения дела в суде. Особенности названных постановлений в том, что они выносятся по поводу иного обвинения, окончательно сформулированного в обвинительном акте, и поэтому описание фактических обстоятельств уголовного дела даётся в сжатой, лаконичной форме. Между тем, само решение прокурора об утверждении обвинительного акта ограничивается лишь его соответствующей резолюцией. Утверждением рассматриваемого обвинительного акта прокурор выражает своё согласие со всеми выводами, к которым пришёл дознаватель и закрепил их в окончательном решении. По логике законодателя все процессуальные решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом, выносятся в самостоятельной процессуальной форме (отдельное постановление) в случаях, когда прокурор не усматривает оснований для утверждения указанного решения дознавателя. Не соответствует указанной парадигме только правомочие, предусмотренное ч. 2 ст. 226 УПК РФ, которое допускает при утверждении обвинительного акта прокурором не соглашаться с обвинением либо квалификацией дознавателя и выносить постановления об исключении из

обвинительного акта отдельных пунктов обвинения либо переквалификации обвинения на менее тяжкое [1]. Если прокурор приходит к выводу о необходимости изменения объёма обвинения или квалификации действий лица, то в таком случае нельзя говорить о том, что прокурор согласен с результатами деятельности дознавателя, отражёнными в обвинительном акте. Поэтому, на наш взгляд, решение прокурора об утверждении обвинительного акта не может одновременно сочетаться ещё с вынесением им постановлений об исключении отдельных пунктов обвинения либо переквалификации обвинения на менее тяжкое, как это предусматривает ч. 2 ст. 226 УПК РФ [1].

Более того, приходится констатировать фактически отсутствие использования прокурором на практике своего права (ч. 2 ст. 226 УПК РФ) изменить объём и квалификацию обвинения без возвращения уголовного дела, если при этом не усудшается положение обвиняемого [1].

В теории уголовного процесса некоторые учёные предлагают в случаях необходимости по результатам оценки достаточности доказательств в обвинительном акте прокурором исключения отдельных пунктов обвинения либо переквалификации обвинения на менее тяжкое выносить не отдельное постановление, а новый обвинительный акт. Так, подчёркивается, что УПК РФ не требует, но и не запрещает пересоставления направляемых прокурору итоговых обвинительных решений органов предварительного расследования при изменении формулировки обвинения либо квалификации [11, с. 17]. Соответственно, по мнению автора, пересоставлять итоговый обвинительный акт необходимо лишь в случае существенного изменения фактической фабулы обвинения (сокращён круг соучастников, иначе обрисованы в сторону смягчения их действия и т.п.). В других же случаях пересоставление представляется нецелесообразным [11, с. 17].

Л. В. Черепанова также считает, что при исключении прокурором из обвинительного акта отдельных пунктов обвинения, переквалификации обвинения указанный субъект уголовного процесса вправе составить новый обвинительный акт [10, с. 20].

А. В. Ларина делает вывод, по итогам оценки с точки зрения достаточности доказательств прокурор должен иметь возможность на их основе составить новое обвинительное заключение, акт (постановление), изменив при необходимости объём обвинения либо квалификацию действий обвиняемого на менее тяжкое, и направить уголовное дело в суд для рассмотрения по существу [9, с. 112].

В ходе анализа правоприменительной практики можно встретить судебные решения, в которых также содержится мнение о возможности составления прокурором нового обвинительного заключения или нового обвинительного акта. Например, в апелляционном постановлении Приморского краевого суда № 22К-1021/2019 от 12 марта 2019 г. по делу № 22-1021/2019 сказано, что в силу закона после возвращения судом дела прокурор вправе, исходя из конституционных норм, провести следственные или иные процессуальные действия, необходимые для устранения выявленных нарушений, и, руководствуясь статьями 221 и 226 УПК РФ, составить новое обвинительное заключение или новый обвинительный акт [2].

На наш взгляд, с позициями представленных выше авторов по поводу возможности вынесения прокурором нового обвинительного акта в случае необходимости исключения отдельных пунктов обвинения либо переквалификации обвинения на менее тяжкое следует в целом согласиться. Новый обвинительный акт должен послужить альтернативой процессуальным решениям прокурора, предусмотренным ч. 2 ст. 226 УПК РФ. В связи с этим предлагаем ч. 2 ст. 226 УПК РФ исключить из действующего закона, и дополнить ч. 1 ст. 226 УПК РФ [1] новым пунктом:

«5) о составлении нового обвинительного акта в случае необходимости исключения отдельных пунктов обвинения либо переквалификации обвинения на менее тяжкое».

Решение о составлении нового обвинительного акта прокурором предусматривается в некоторых УПК стран ближнего зарубежья. Так, например, согласно п. 2 ч. 1 ст. 302 УПК Республики Казахстан, прокурор может составить новый обвинительный акт [6]. Однако, в данной норме ничего не говорится об основаниях принятия такого решения прокурором.

Составление прокурором нового обвинительного заключения допускает уголовно-процессуальное законодательство Республики Туркменистан. В ст. 328 УПК Республики Туркменистан сказано, что прокурор вправе, не направляя дело на дополнительное расследование, составить новое обвинительное заключение, если это не влечёт изменения обвинения на более тяжкое [7]. Вместе с тем, ст. 327 УПК Республики Туркменистан предоставляет возможность прокурору своим мотивированным постановлением исключить из обвинительного заключения отдельные части обвинения и применить закон о менее тяжком преступлении. При этом в случае необходимости составляется новое обвинительное заключение [7].

Ещё в ряде УПК стран ближнего зарубежья прокурор уполномочен после поступления к нему уголовного дела после завершения предварительного расследования своим постановлением исключить из формулировки обвинения отдельные пункты, квалифицировать преступление в соответствии с законом, предусматривающим в отличие от квалификации по обвинительному заключению менее тяжкую ответственность, и с этими изменениями утвердить обвинительное заключение (п. 2 ч. 1 ст. 274 УПК Республики Армения [4]); исключить отдельные пункты из формулировки обвинения, применить закон о менее тяжком преступлении

и с этими изменениями утвердить обвинительное заключение или обвинительный акт (п. 2 ч. 1 ст. 385 УПК Республики Узбекистан [8]; исключить отдельные пункты обвинения, изменить квалификацию деяний обвиняемого с применением закона о менее тяжком преступлении, прекратить уголовное преследование в отношении отдельных обвиняемых и направить уголовное дело в суд (п. 1 ч. 1 ст. 264 УПК Республики Беларусь [5]; изъять из содержания обвинительного акта отдельные пункты, квалифицировать деяние как преступление, за которое уголовным законом предусмотрена более мягкая ответственность, чем предусматривает квалификация, содержащаяся в обвинительном акте, и утвердить обвинительный акт с этими изменениями (п. 290.3.2. ст. 290 УПК Азербайджанской Республики [3]).

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 27.03.2022).
2. Апелляционное постановление Приморского краевого суда № 22К-1021/2019 от 12.03.2019 по делу № 22-1021/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/lKzvaWLU0xJ/> (дата обращения: 27.03.2022).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14.07.2000 № 907-IQ) (с изм. и доп.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 27.03.2022).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1.09.1998 зр-248 (с изм. и доп.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2268&lang=rus> (дата обращения: 27.03.2022).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь № 295-3 от 16.07.1999 (с изм. и доп.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://belzakon.net/Кодексы/Уголовно_Процессуальный_Кодекс_РБ (дата обращения: 27.03.2022).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4.07.2014 № 231-V ЗРК (с изм. и доп.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 27.03.2022).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Туркменистан от 18.04.2009 (с изм. и доп.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31344376 (дата обращения: 27.03.2022).
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом РУз от 22.09.1994 N 2013-XII) (с изм. и доп.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/111463> (дата обращения: 27.03.2022).
9. Ларина А. В. Дискреционные полномочия прокурора в досудебном производстве России и других стран СНГ (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 186 с.
10. Черепанова Л. В. Окончание дознания с обвинительным актом в современном уголовном процессе России: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2005. – 23 с.
11. Шуваткин А. В. Обвинительное заключение и обвинительный акт в современном уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2003. – 18 с.

КААК Антонина Павловна

аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Байкальского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАДЗОРНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА ЗА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ РАССЛЕДОВАНИЕМ

В статье рассматриваются проблемные вопросы осуществления органами прокуратуры надзора за предварительным расследованием в форме предварительного следствия и дознания. Исследуется правомерность практического применения норм, прямо не указанных в регулирующих нормативных правовых актах, связанных с вопросами применения отдельных актов прокурорского реагирования, а также полномочий прокурора в сфере изъятия уголовного дела для дальнейшей передачи по подследственности. А также проводится анализ процессуальной самостоятельности следователя на разных этапах движения уголовного дела.

Ключевые слова: прокурор, следствие, дознание, подследственность, предварительное расследование, меры прокурорского реагирования, процессуальная самостоятельность.

КААК Antonina Pavlovna

postgraduate student of Criminal process and prosecutor's supervision sub-faculty of the Baikal State University

SOME ISSUES OF THE IMPLEMENTATION OF THE SUPERVISORY POWERS OF THE PROSECUTOR FOR THE PRELIMINARY INVESTIGATION

The article deals with the problematic issues of the implementation by the prosecutor's office of supervision over the preliminary investigation in the form of a preliminary investigation and inquiry. The legitimacy of the practical application of norms that are not directly indicated in the regulatory legal acts related to the application of certain acts of prosecutorial response, as well as the powers of the prosecutor in the field of withdrawing a criminal case for further transfer under jurisdiction. It also analyzes the procedural independence of the investigator at different stages of the criminal case.

Keywords: prosecutor, investigation, inquiry, jurisdiction, preliminary investigation. prosecutorial law, procedural independence.

Каак А. П.

Роль органов прокуратуры по обеспечению законности в сфере правосудия всегда была неоспоримой не только в нормативных положениях, но и в доктрине. Одной из функций прокуратуры Российской Федерации в уголовном судопроизводстве, а, по мнению некоторых исследователей, основной функцией [1, с. 22] является надзор за предварительным расследованием. Но, несмотря на результативную деятельность прокуроров в целом, существует ряд проблем, которые на сегодняшний день не разрешены и требуют законодательного регулирования. Имеются также правовые коллизии уголовного-процессуального закона по регламентации надзорной функции прокурора. Актуальность исследования указанной функции прокурора подтверждается тем, что на повсеместной основе органами прокуратуры выявляются нарушения, измеряемые, к сожалению, сотнями случаев, которые в своей деятельности систематически допускают разных уровней органы предварительного расследования.

Направления деятельности и задачи прокурора в уголовном процессе основаны на его процессуальном положении как представителя надзорного органа. Вместе с тем сам факт существования подобного института, связанного с проверкой законности действий и решений органов, осуществляющих предварительное расследование, не исключает наличие ряда нерешенных проблем в ходе осуществления такого надзора. Некоторые из таких проблем рассмотрены и проанализированы в данной статье.

При осуществлении органами прокуратуры своих полномочий в сфере надзора за предварительным расследованием можно выделить особенность, которая заключается в том, что Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»¹ с отсылкой на положения УПК РФ разделяет диапазон полномочий прокурора в зависимости от формы осуществления расследования: дознание или следствие.

Наименьшим перечнем полномочий работники органов прокуратуры на сегодняшний момент обладают в ходе осуществления надзора за предварительным расследованием в форме предварительного следствия. Согласно нормам УПК РФ, прокурор: 1) может составить требование о нарушении законодательства, которое подлежит обязательному рассмотрению руководителем следственного органа; 2) может истребовать уголовное дело в целях его изучения.

Наибольшим перечнем полномочий органы прокуратуры обладают при осуществлении надзора за производством дознания. Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, прокурор: 1) дает дознавателю указания, которые являются для него обязательными к исполнению; 2) утверждает постановление о прекращении производства по делу; 3) отменяет любое постановление; 4) изымает дело у одного дознавателя для передачи другому; 5) изымает дело с

1 Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) (ред. от 01.07.2021) // Российская газета. – 1995. – № 229.

целью его последующей передачи для производства предварительного следствия (в таком случае обязательно указание основания передачи); 6) отстраняет дознавателя, нарушившего требования УПК РФ, от дальнейшего производства; 7) утверждает обвинительное заключение (акт); 8) согласовывает ходатайства, возбуждаемые дознавателем перед судом.

Помимо усеченного объема полномочий в соотношении с надзором за производством дознания, следует также отметить, что перечисленные выше полномочия также ограничены в том, что прокурор не имеет закрепленного уголовно-процессуальным законодательством права направлять следователю указания или же отменять его постановления [2, с. 126].

Что касается требования о нарушении федерального законодательства, следователь обязан принять законное решение или произвести надлежащие действия только в том случае, если с его требованием согласится руководитель следственного органа. В противном случае прокурор извещается о том, что его требование выполнено не будет.

Результат подробного анализа Федерального закона № 2202-1 сделал возможным выделение следующих направлений надзора в рассматриваемой сфере: 1) за обеспечением прав и свобод человека и гражданина; 2) за исполнением законов; 3) за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; 4) за исполнением законов администрациями учреждений, исполняющих наказание и назначаемые судом меры, администрациями мест содержания.

Бесспорным остается тот факт, что именно на прокурора возложен большой объем поставленных задач, чем предопределяется важность правильного использования имеющихся у него ресурсов для эффективной организации надзорной деятельности.

При ближайшем приближении усматривается, что надзор за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное расследование, полностью не раскрыт в ч. 1 ст. 30 Федерального закона № 2202-1, поскольку соответствующие полномочия, согласно приведенной в этой же норме отсылке, изложены в уголовно-процессуальном законодательстве и в других федеральных законах.

Как представляется, наличие подобной отсылки не является типичным, поскольку, рассматривая перечисленные выше отрасли надзорной работы прокурора, усматривается, что для них и компетенции прокурора, и акты его реагирования имеют непосредственное отражение в федеральном законе без отсылок на иные нормативные правовые акты.

Рассматривая практическую сторону осуществления органами прокуратуры надзорной деятельности в данной сфере, укажем на то, что при ее реализации нередко выносятся такой акт прокурорского реагирования, как «представление об устранении нарушений закона» (ст. 24 ФЗ № 2202-1).

Возникает, как представляется, разумный вопрос, правомерны ли действия сотрудников прокуратуры, если ранее мы выяснили, что полномочия прокуратуры в сфере надзора за предварительным расследованием по большей мере перечислены в ст. 37 УПК РФ, но закон не содержит подобного инструмента прокурорского реагирования. Следствием такого положения могут быть трудности в достижении единообразной регламентации некоторых процессуальных во-

просов, что, в свою очередь, вряд ли может способствовать укреплению законности

Согласно УПК РФ, прокурор может вынести требование об устранении нарушений федерального законодательства (п. 5.1 ч. 2 ст. 37) при выявлении правонарушений действий следователя. В отношении же дознавателей прокурор может вынести такой акт, как указание (п. 4 ч. 2 ст. 37). Помимо этого, в отношении как следователей, так и дознавателей прокурор имеет право вынести постановление.

Ответ на этот вопрос можно найти, сравнив конструкции таких актов реагирования, как представление и требование об устранении нарушений федерального законодательства, схожесть которых представляется очевидной, невзирая на то, что первый по большей части находит использование в рамках общего надзора [3, с. 27]. Вместе с тем такое представление, будучи обязательным для рассмотрения, удовлетворительно может быть лишь частично.

Если говорить о процессуальной самостоятельности следственных органов, то представление прокурора может быть не выполнено вышеуказанными органами, но, разумеется, только в случае, если решение не выполнять требование будет законным, обоснованным и основанным на конкретных обстоятельствах по делу, не позволяющих выполнить соответствующие действия. В таком случае дознаватель или следователь сообщают прокурору о том, что нарушения, указанные в представлении, устранены не будут с обязательным письменным обоснованием такого решения.

Однако в ходе практического осуществления надзора за предварительным расследованием, нередко встречается проблема, ставящая под «удар» процессуальную самостоятельность следователя, которая итак, по мнению ряда исследователей лишь провозглашается в законе [4, с. 115]. В частности, одним из решений, принимаемых прокурором, является возвращение уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставление обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ). Согласно ч. 4 указанной нормы, постановление прокурора о возвращении уголовного дела следователю может быть обжаловано последним с согласия руководителя следственного органа вышестоящему прокурору. Теоретически такая возможность позволяет следователю фактически не согласиться с решением прокурора, что в свою очередь сохраняет независимость и самостоятельность следователя, как фигуры современного уголовного процесса.

Но на практике такая возможность используется следователями крайне редко по достаточно субъективной причине – негативной оценки такого несогласия прокурором, что в дальнейшем зачастую приводит к оказанию «давления» на следователя со стороны прокурора, даже при осуществлении следствия по другим уголовным делам, ведь сам по себе надзор подразумевает наличие определенных императивных рычагов воздействия.

С другой стороны, процессуальная самостоятельность следователя не ограничена одной лишь возможностью не согласиться с решением прокурора по уголовному делу. Согласно ст. 38 УПК РФ, существуют также иные полномочия, благодаря которым на сегодняшний день обеспечивается независимость следователя в ходе ведения предваритель-

ного следствия. Следовательно: 1) самостоятельно принимает решение о возбуждении уголовного дела; 2) самостоятельно направляет ход расследования, принимая решения о производстве процессуальных и следственных действий; 3) дает органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении ОРМ и иных необходимых действиях.

Такой широкий объем исключительных полномочий следователя обеспечивает его независимость и самостоятельность. Кроме того, анализируя судебную практику, можно сделать вывод, что Верховный Суд Российской Федерации в части, касающейся оспаривания действий следователя, в своих определениях всегда ссылается на процессуальную самостоятельность последнего. Однако это не отменяет проблемных вопросов с обжалованием решения прокурора, что, безусловно, требует самостоятельного научного дискурса.

При анализе полномочий прокурора по надзору за расследованием усматриваются также некоторые вопросы, связанные с передачей по подследственности уголовных дел. Исходя из п. 12 ч. 1 ст. 37 УПК РФ, прокурор уполномочен изымать любое уголовное дело или любые материалы проверки сообщения о преступлении у одного органа расследования и передавать его другому (с указанием оснований такой передачи). Но ни УПК РФ, ни ФЗ № 2202-1 не содержит перечня оснований для такой передачи, что может представлять определенную проблему законности реализации указанного полномочия.

Проанализировав в этом аспекте практическую сторону осуществления прокурорского надзора, можно выделить следующие основания передачи:

1) недостаточный уровень расследования или неполнота проверки сообщения о преступлении;

2) обнаружение в ходе производства дознания признаков состава преступления, которое в соответствии со ст. 151 УПК РФ подследственно не дознанию, а следствию.

Мы считаем, что действующая рациональная практика не согласуется с нормами закона, в связи с чем считаем необходимым придать указанным общественным отношениям правовую форму, отразив в законе перечень оснований передачи уголовного дела по подследственности.

Нередко в ходе производства дознания возникают сложности в случае необходимости объявления лица в розыск. При этом статус объявляемого в розыск лица может быть различным – и подозреваемого, и обвиняемого. Вместе с тем объявление в розыск подозреваемого является более сложной задачей, нежели обвиняемого, так как, к примеру, отсутствует законодательное закрепление порядка действий в случаях, когда в качестве основания для наделения лица статусом подозреваемого послужили избрание меры пресечения до того, как лицу было предъявлено обвинение или же задержание. Конструкция дознания наделяет лицо статусом подозреваемого до того момента, пока в отношении этого лица не будет вынесен обвинительный акт.

Что касается предварительного следствия, то такой механизм предполагает вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявление обвинения в срок, не превышающий 3 суток со дня вынесения соответствующего постановления, после чего лицо приобретает статус обвиняемого, следовательно, объявить такое лицо в розыск становится существенно проще.

Помимо этого, отсутствуют законодательные ответы на такие вопросы как, возможно ли осуществление розыска лица: 1) после истечения указанных сроков действия избранных мер пресечения; 2) после истечения сроков в тех случаях, когда решение об объявлении лица в розыск принято до истечения этих сроков.

Изымая уголовное дело у органа дознания и передавая его органу предварительного следствия, прокурор фактически решает описанные выше спорные моменты, поскольку конструкция предварительного следствия подразумевает возможность привлечения лица в качестве обвиняемого путем заочного вынесения постановления. Однако, хотя подобное решение проблемы и уместно, представляется, что осуществление подобного подхода в рамках прокурорского надзора за предварительным расследованием требует прямого законодательного закрепления для повышения систематизации, эффективности и законности действий органов прокуратуры.

Представляется, что надлежащим образом выстроенная работа прокурора по своевременному реагированию и взаимодействию с поднадзорными органами позволит обеспечить должный уровень законности.

Пристатейный библиографический список

1. Корнакова С. В. Надзор за соблюдением законности – основная функция прокурора в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 4 (12). – С. 16-23.
2. Смолькова И. В. Участники современного российского уголовного судопроизводства. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 440 с.
3. Назаренко В. От прокурорского надзора к судебному контролю / В. Назаренко, А. Халиулин // Законность. – 2004. – № 1. – С. 24-28.
4. Корнакова С. В. Процессуальная самостоятельность следователя: проблемы реализации // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 1 (43). – С. 113-121.

МАНДЖИЕВА Айса Анатольевна

магистрант 2 курса направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовный процесс, судебная власть, прокуратура, адвокатура» Калмыцкого государственного университета

ОВКАДЖИЕВА Виктория Цереновна

магистрант 2 курса направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовный процесс, судебная власть, прокуратура, адвокатура» Калмыцкого государственного университета

ЧЕТЫРОВ Виталий Олегович

магистрант 2 курса направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовный процесс, судебная власть, прокуратура, адвокатура» Калмыцкого государственного университета

ЭРЕНДЖЕНОВ Адыан Дмитриевич

магистрант 2 курса направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовный процесс, судебная власть, прокуратура, адвокатура» Калмыцкого государственного университета

СТАДИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье исследуются отдельные вопросы правового регулирования стадии предварительного расследования. Дается характеристика отдельных форм стадии предварительного расследования. В частности, рассматриваются отличия дознания от предварительного следствия. Характеризуется правовое положение лиц, осуществляющих предварительное расследование. Так, дается характеристика современных следственных органов. Рассматриваются вопросы возможного реформирования следственных органов. Поднимается проблема возможности создания единого следственного органа.

Ключевые слова: стадии уголовного судопроизводства, предварительное расследование, уголовное дело, дознание, предварительное следствие.

MANDZHIEVA Aisa Anatoljevna

magister student of the 2nd course of the direction 40.04.01 «Jurisprudence» of the master's program «Criminal Procedure, Judicial branch, Prosecutor's Office, Advocateship» of the Kalmyk State University

Ovkadzhieva Viktoriya Tserenovna

magister student of the 2nd course of the direction 40.04.01 «Jurisprudence» of the master's program «Criminal Procedure, Judicial branch, Prosecutor's Office, Advocateship» of the Kalmyk State University

CHETYROV Vitaliy Olegovich

magister student of the 2nd course of the direction 40.04.01 «Jurisprudence» of the master's program «Criminal Procedure, Judicial branch, Prosecutor's Office, Advocateship» of the Kalmyk State University

ERENDZHENOV Adyan Dmitrievich

magister student of the 2nd course of the direction 40.04.01 «Jurisprudence» of the master's program «Criminal Procedure, Judicial branch, Prosecutor's Office, Advocateship» of the Kalmyk State University

PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE: CERTAIN ASPECTS OF LEGAL REGULATION

The article examines certain issues of legal regulation of the preliminary investigation stage. The characteristics of individual forms of the preliminary investigation stage are given. In particular, the differences between the inquiry and the preliminary investigation are considered. The legal status of the persons carrying out the preliminary investigation is characterized. Thus, the characteristics of modern investigative bodies are given. The issues of possible reform of investigative bodies are being considered. The problem of the possibility of creating a single investigative body is raised.

Keywords: stages of criminal proceedings, preliminary investigation, criminal case, inquiry, preliminary investigation.

Борьба с преступностью является основной в рамках осуществления государством своих функций в сфере правоохранительной деятельности. Под преступлением понимается общественно опасное деяние, которое предусмотрено уголовным законодательством в качестве такового. Деяния, которые относятся к преступлениям, направлены на охраняемые государством общественные отношения. Посредством борьбы с преступностью государство, таким образом, обеспечивает безопасность во многих сферах общественной жизни [1, с. 120]. От этого зависит и возможность осуществления нормальной деятельности различных субъектов права.

Основным способом реагирования государства на совершаемое преступление является привлечение лица его совершившего к уголовной ответственности. При этом она рассматривается как наиболее строгий вид ответственно-

сти, направленной на личность правонарушителя [6, с. 168]. Если же принимать во внимание разнообразие жизненных ситуаций, а также различия между различными типами преступников, то вполне оправданным видится закрепление широкого перечня деяний, за которые установлена уголовная ответственности. В этой связи сложно переоценить деятельность сотрудников правоохранительных и иных органов. Правильная классификация играет важную роль с точки зрения повышения эффективности уголовного наказания, так и достижения его целей. Соответственно задачей правоохранительных органов является проведение правильной квалификации конкретной ситуации. От этого зависит как эффективность наказания, так и достижение цели наказания.

Нужно подчеркнуть, что в основном деятельность по квалификации проводится в рамках досудебных стадий. Речь

идет о таких стадиях уголовного процесса как возбуждение уголовного дела и предварительное расследование. От квалификации сотрудников правоохранительной системы зависит дальнейшая судьба как самого правонарушителя, так и потерпевшего по уголовному делу.

Ключевым этапом уголовного процесса является стадия предварительного расследования. Именно здесь осуществляется установление лиц, совершивших преступление, установление всех обстоятельств дела, осуществляется сбор доказательственной базы [4, с. 62]. Соответственно от качества, проведенной на этой стадии будет зависеть защищенность охраняемых законом прав и интересов.

Таким образом, одной из государственных задач для эффективного расследования преступлений является создание квалифицированного аппарата сотрудников правоохранительных органов. Надо отметить, что расследование преступлений требует учета самых различных обстоятельств [5, с. 738]. Прежде всего, необходимо учитывать категорию преступлений. Понятно, что расследование преступлений небольшой тяжести требует от правоохранителей куда меньше усилий, нежели для расследования более серьезных общественно опасных деяний. Во внимание следует брать и субъектный состав лиц, участвующих в деле. Так, весьма специфичными являются дела по расследованию должностных преступлений, совершенных сотрудниками правоохранительных органов. То же самое относится к преступлениям, которые совершаются несовершеннолетними или в отношении них. Естественно, что законодатель, определяя орган, который будет расследовать преступления должен учесть эти моменты. Очевидно, что критерием оценки эффективности работы правоохранительных органов должно стать не только т.н. качество раскрытия преступлений, но и их экономическая составляющая, когда оценка складывается от выявления, насколько эффективным является материально-техническое обеспечение правоохранительных органов [3, с. 87]. Исходя из такого подхода следует считать неэффективной работу правоохранительных органов, если для расследования преступлений небольшой или средней тяжести требуются значительные материально-технические затраты. Соответственно полагаем, что работа правоохранительных по раскрытию и расследованию преступлений должна иметь в своей основе баланс собственно юридических и экономических составляющих. Именно такой подход позволит, с одной стороны, обеспечить защиту прав потерпевшей стороны, а, с другой обеспечить экономическую эффективность, оптимизировав государственные затраты на работу правоохранительных органов.

Установление органов, занимающихся расследованием преступлений, можно осуществлять с использованием тех критериев, которые применяются для характеристики деятельности иных государственных и муниципальных органов. В частности есть необходимость использовать термины, которые означают разграничение полномочий между различными российскими органами государственной власти. Так, подобным термином выступает «подведомственность». Его универсальное значение состоит в том, что он может использоваться всегда, когда имеется необходимость обозначить разграничение полномочий между различными органами.

Исходя из того, что на настоящем этапе такое явление как преступление является многоаспектным, возникает потребность распределения полномочий по расследованию преступлений между разными государственными органами. Отметим, что отечественное уголовно-процессуальное законодательство давно знает распределение вопросов расследования преступлений между формами предварительного расследования. Имеется в виду выделение дознания и предварительного следствия. Основа для того распределения кроется в сущностных характеристиках самого преступления с точки зрения его общественной опасности. Исходя из этого

законодатель категории преступлений. В настоящее время законодательство выделяет четыре категории преступлений: преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления, преступления особой тяжести (ст. 15 УК РФ).

Внешним признаком, позволяющим отграничить указанные преступления друг от друга, служит мера уголовной ответственности за них [7, с. 72-74]. Причем за основу берется верхний предел такого вида наказания как лишение свободы наказания. С сущностной же стороны данные категории отличаются степенью общественной опасности.

Указанные выше обстоятельства влияют на организацию работы органов, которые производят предварительное расследование. Так лица, которые осуществляют дознание, могут осуществлять и иную деятельность. Следовать же не может осуществлять иные виды деятельности. Иными словами основной функционал следственных подразделений сводится к реализации функций предварительного следствия. С учетом этого становится понятным закрепление в УПК РФ возможности проводить дознание достаточно большому количеству органов. Такое многообразие, по нашему мнению, также предопределено различными сферами, в которых могут быть совершены преступления, расследуемые дознавателями. Как видно, законодатель не создает специально органов, которые занимаются дознанием, возлагая соответствующие функции на органы, которые функционируют в различных сферах. В данном случае можно говорить о функциональном закреплении категории дознавателей. Также надо отметить, что дознание может осуществляться как правоохранительными, так и иными государственными органами [7, с. 74-76].

Совершенно иной подход выбран относительно регулирования предварительного следствия. Так как преступления, расследуемые следователями достаточно серьезно с точки зрения их общественной опасности, государство создает специальные органы либо обособленные подразделения в уже существующих органах. Предполагается, что соответствующие структуры будут заниматься только проведением предварительного расследования, которые будут заниматься только осуществлением предварительного следствия. Делается это для повышения эффективности их деятельности. В связи с тем, что это специально создаваемые государственные структуры, целью которых является защита прав граждан пострадавших от совершения преступлений, они являются правоохранительными органами. Это позволяет говорить о том, что категория следователя помимо функционального носит также и статусный характер.

Надо отметить, что в последние десятилетия велась достаточно острая дискуссия относительно правового положения органов, которые осуществляют предварительное следствие. Так, в начале 90-х годов прошлого столетия проходили реформы, направленные на коренную перестройку социально-экономической системы. Изменения коснулись и правоохранительных органов. В частности, достаточно активно продвигалась идея о создании единого органа, который бы занимался осуществлением предварительного следствия.

Основным аргументом в пользу принятия такого решения было гарантирование его ведомственной независимости от других правоохранительных органов. Для понимания значимости соответствующего факта следует напомнить, что сложившаяся в советскую эпоху система следственных подразделений предполагала их включение в состав в состав других правоохранительных органов – прокуратуры, МВД, ФСБ (ранее - КГБ). Указанные органы имели и другой, помимо следствия, функционал. При этом осуществление предварительного следствия не являлось основным видом деятельности данных органов. Особенно ярко это было видно на примере прокуратуры - основного правоохранительного органа. Она занималась общим надзором за соблюдением за-

конодательства, а также соблюдением законодательства в отдельных сферах деятельности. Одним из них был, в том числе, надзор за предварительным следствием и дознанием (ст. 29 Закона о прокуратуре). Выходило так, что прокуратура, с одной стороны осуществляла предварительного следствия, с другой же стороны, проводила надзор за его осуществлением. Также, прокуратура осуществляет функции поддержания государственного обвинения в суде. Соответственно прокурору было предоставлено право утверждать обвинительное заключение, которое представляется ему по окончании расследования следственными органами. Помимо этого работники прокуратуры поддерживают государственное обвинение, выступая в качестве государственных обвинителей. Таким образом, сложилась ситуация, когда прокуратура сосредоточила в своих руках осуществление всех функций при расследовании отдельных категорий уголовных дел. На практике это приводило к определенным злоупотреблениям в данной сфере, поскольку зачастую при проведении расследования по отдельным делам преследовались не установленные законом цели расследования, а ведомственный интерес. Также надо отметить, что традиционно в отечественном законодательстве закреплялся самостоятельный процессуальный статус начальника следственного подразделения. В прокурорских структурах это приводило к тому, что начальник следственного подразделения по должности находился в подчинении вышестоящего прокурора, который имел право давать ему обязательные указания. В этой связи также следует учитывать, что прокуратура является единым централизованным органом, в котором вышестоящий прокурор может отменить решения принятые его подчиненными. Поэтому, именно нахождение следственных подразделений в системе прокуратуры вызывало критические замечания у исследователей, рассматривавших проблемы предварительного следствия. И забегая вперед, отметим, что именно поэтому следственные подразделения были выделены из состава прокуратуры и на их базе был образован Следственный комитет Российской Федерации.

Также имелось немало вопросов, связанных с нахождением следственных подразделений и в министерстве внутренних дел, а также в системе органов государственной безопасности. Это объяснялось следующим. Одной из основных функций данных органов является борьба с преступностью. Одной из форм реализации данной функции является осуществление оперативно-розыскной деятельности. Полученные в результате такой деятельности данные, в дальнейшем после необходимой проверки в установленном порядке могут стать доказательственной основой по расследуемому уголовному делу. При этом следует помнить, что в стадии уголовно-процессуальное законодательство закрепляет приоритет следователя перед оперативными работниками. Помимо прочего это предполагает необходимость выполнения оперативными работниками обязательных указаний следователя, даваемых им в процессе расследования преступлений. Однако, нахождение в рамках одного правоохранительного следственных и оперативных подразделений в некоторых случаях приводило к тому, что следователь вынужден был не обращать внимания на недостатки в работе оперативных подразделений. Бывали примеры давления на следователей со стороны руководства оперативных подразделений и самого ведомства. Следует обратить внимание, что руководитель следственного подразделения находится по должности в подчинении руководителя соответствующего правоохранительного органа [14, с. 480]. Поэтому в данном случае возникают те же проблемы подобные тем, которые мы говорили ранее применительно к руководителю следственного органа в прокуратуре.

Одним из положительных аспектов при создании единого следственного органа является возможность для его руководства заниматься только вопросами следственной рабо-

ты. Это, в частности, позволит обеспечить управленческую, кадровую и методическую подготовку сотрудников этого органа исходя из специфики его работы [14, с. 485].

Нужно иметь в виду и следующий аспект. Различная ведомственная принадлежность зачастую приводит к разновекторности в методике расследования. Полагаем, что наличие единого следственного органа даст возможность выработать единые подходы в организации деятельности по раскрытию преступлений, что повысит эффективность работы соответствующих органов.

Однако надо отметить, что и на современном этапе имеются сохранились препятствия в создании единого следственного органа. Одним из основных является необходимость значительных материально-технических затрат, которых потребует создание объединенного следственного органа. Даже если создавать подобный орган на базе существующего следственного комитета РФ потребуются существенное увеличение штатной численности этого органа. Это в свою очередь вызовет потребность в дополнительных помещениях, где будут располагаться новые сотрудники. Кроме того, необходимо их специальное оснащение для обеспечения их эффективной работы. Полагаем, что на первых порах проблема финансирования не может быть решена только лишь за счет перераспределения средств, которые раньше выделялись на органы, в которых имелись следственные подразделения.

Очевидны и чисто кадрово-организационные сложности. Так, необходимо будет определиться с концепцией кадрового формирования новых структурных подразделений. В частности, необходимо будет решить, каким образом будет осуществляться переход сотрудников прежних следственных подразделений в единый орган. Будет ли осуществляться переход автоматически переводиться автоматически или же будет новый набор. Последний вариант предполагает необходимость трудоустройства тех лиц, которые не смогли прийти на работу в единый следственный орган. При этом мы полагаем, что не удастся решить сформировать кадровый состав единого органа только за счет сотрудников прежних следственных подразделений.

Также в начале проблемы могут возникнуть с налаживанием эффективной работы созданного органа. В частности, необходимо сбалансировать работу следователей, которые расследуют различные по степени тяжести преступления. К примеру, необходимо наладить управление отдельных структурных подразделений, а также их взаимодействие друг с другом. Соответственно в этот период могут пострадать интересы граждан и организаций пострадавших от совершения преступлений.

Помимо этого, нельзя сбрасывать со счетов и определенные ведомственные интересы, препятствующие образованию единого следственного органа. Наличие в составе правоохранительного органа собственного следственного подразделения, которое может принимать процессуальные решения по уголовным делам, является серьезным фактором в усилении номенклатурных позиций руководителей соответствующих органов.

Мы считаем, что именно материальные проблемы, наряду с организационным и ведомственными противоречиями послужили главным препятствием для создания единого следственного органа.

Однако длительная дискуссия относительно создания единого следственного органа и его места в системе правоохранительных органов имели важные практические последствия. Это выразилось в создании специального правоохранительного органа, единственной функцией которого является осуществление предварительного следствия по отдельным категориям уголовных дел. Такой орган был образован на базе следственных подразделений Прокуратуры Российской Федерации. Процесс создания проходил в несколько этапов. Первоначально был создан Следственный комитет в структу-

ре Прокуратуры РФ. Несмотря на нахождение в Прокуратуре была обозначена его функциональная независимость [2, с. 116]. В дальнейшем был создан Следственный комитет РФ как самостоятельный государственный правоохранительный орган. Нормативной основой послужил Федеральный закон от 28 декабря 2010 года «О Следственном комитете Российской Федерации». Он осуществляет уголовное судопроизводство по отдельным категориям уголовных дел. В настоящее время на него возлагается проведение расследования по наиболее важным делам, включающим в себя в основном дела по тяжким и особо тяжким преступлениям, а также дознание по некоторым преступлениям.

В настоящее время в составе данного правоохранительного органа работают высокопрофессиональные кадры – следователи и другие специалисты. Осуществление государственного финансирования позволило создать хорошую материальную базу для эффективного осуществления своей деятельности. Так, в рамках Следственного комитета были образованы учебные заведения и некоторые другие учреждения по направлениям его деятельности. Таким образом, можно констатировать о правильности решения о создании самостоятельного органа в сфере уголовного судопроизводства. Действительно в последнее время следственные подразделения в составе прокуратуры переживали определенный кризис и нуждались в реформировании. Кроме того, нахождение следственных подразделений в составе надзирающего органа является не совсем правильным с точки зрения распределения функционала между государственными органами осуществляющими уголовное преследование, о чем мы говорили выше.

Однако, несмотря на создание специального следственного органа, до настоящего времени не произошло объединения под его эгидой других следственных подразделений. В настоящее время продолжается дискуссия относительно целесообразности создания единого следственного органа. Поэтому считаем, что следует проработать вопрос о механизме функционального взаимодействия между следственными подразделениями различной ведомственной принадлежности. Это поможет определить алгоритм в случае принятия принципиального решения об объединении следственных органов в один. По нашему мнению при принятии соответствующего решения объединение необходимо производить на основании уже существующего специализированного следственного органа – Следственного комитета РФ. Надо отметить, что в соответствующих ведомствах соответствующие структурные подразделения получили более высокий статус, что свидетельствует об определенной подготовке к возможному объединению следственных подразделений. Так, в МВД следственное подразделение получило наименование «Департамент». Обычно подобное наименование применяется для обозначения наиболее крупных структурных подразделений в Министерстве.

Таким образом, после проведенных законодательных изменений система следственных органов выглядит следующим образом: Следственный комитет РФ, следственные подразделения министерства внутренних дел и следственные подразделения Федеральной службы безопасности. Надо отметить, что такая конфигурация следственных органов в настоящее время позволяет решать задачи, стоящие перед следственными органами. Однако, изменяющиеся социально-экономические и правовые условия могут поставить вопрос об изменении этой системы.

Пристатейный библиографический список

1. Авдеева О.А. Наказание как мера противодействия преступности: ретроспективный анализ законодательной регламентации в национальном праве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2013. - № 1.
2. Берлявский Л.Г., Расчетов В.А. Самостоятельные следственные органы на постсоветском пространстве: сравнительное исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2017. - № 1.
3. Божьев В.П., Урбан В.В. Влияние ведомственной системы оценки на эффективность уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2018. - № 4.
4. Василенко В.А. Понятие предварительного расследования и его значение в уголовном процессе России // Общество: политика, экономика, право. - 2019. - № 1.
5. Зеленский В.Д. О понятии и содержании организации расследования преступлений // Всероссийский криминологический журнал. - 2015. - № 4.
6. Иванов А.Л. Уголовное наказание, уголовная ответственность, меры уголовно-правового характера // Актуальные проблемы российского права. - 2015. - № 4.
7. Марков А.Я. Дознание и органы, уполномоченные на его производство // Вестник Международного института экономики и права. - 2016. - № 1.
8. Конторова Д.Г., Рубеко Г.Л., Колисниченко Е.А. Отдельные проблемы рассмотрения арбитражными судами дел о признании незаконными постановлений и действий (бездействия) судебных приставов-исполнителей // Материалы III Республиканской научно-практической конференции «Современное состояние и перспективы нормотворческой и правоприменительной деятельности Республики Калмыкия. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2010.
9. Курепина Н.Л., Рубеко Г.Л. Правовые формы противодействия коррупции на различных этапах развития российского государства: исторический анализ // Научная мысль Кавказа. - 2020. - № 4.
10. Рубеко Г.Л. Борьба с коррупцией в России: исторические аспекты // Актуальные вопросы безопасности Российской Федерации: материалы региональной научно-практической конференции. Региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» по Республике Калмыкия, Управление Министерства юстиции России по Республике Калмыкия. – Элиста, 2017.
11. Рубеко Г.Л. Противодействие коррупции. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2017.
12. Рубеко Г.Л. Развитие практических навыков у студентов специальности «юриспруденция» с помощью клинических методов обучения // Материалы научно-методической конференции преподавателей и сотрудников КалмГУ. (Элиста, 23.04.2003). – Элиста: КалмГУ, 2004.
13. Рубеко Г.Л. Уставный капитал хозяйственных обществ: некоторые проблемы правового регулирования // Юрист. - 2016. - № 10.
14. Скуратов Ю.И. Современные проблемы реформирования предварительного расследования в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. - 2019. - № 3.

СТУПИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железногорск

К ВОПРОСУ О РОЛИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРОЦЕДУРЕ ОСМОТРА МЕСТА ПОЖАРА

В статье на основе положений действующего уголовно-процессуального законодательства рассматривается понятие вещественных доказательств, указывается на его дискуссионность, открытость перечня таких доказательств, что непосредственно оказывает влияние на некоторые аспекты правоприменительной деятельности по соотношению вещественных доказательств с иными. Автором высказывается мнение о возможных направлениях разрешения такой проблематики.

Кроме этого, отдельно исследуется роль вещественных доказательств в процедуре осмотра места происшествия (пожара). При этом анализ проведен с учетом существующих в современной практике проблем, связанных с обнаружением и изъятием вещественных доказательств в процедуре осмотра пожара.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, пожар, вещественные доказательства, осмотр места происшествия, следственные действия.

STUPINA Svetlana Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

TO THE QUESTION OF THE ROLE OF PHYSICAL EVIDENCE IN THE PROCEDURE OF INSPECTION OF THE PLACE OF FIRE

In the article, based on the provisions of the current criminal procedure legislation, the concept of material evidence is considered, it is pointed out that it is controversial, the openness of the list of such evidence, which directly affects some aspects of law enforcement activities in relation to material evidence with others. The author expresses an opinion on possible ways to resolve such issues.

In addition, the role of physical evidence in the procedure of inspection of the scene of an accident (fire) is separately investigated. At the same time, the analysis was carried out taking into account the problems existing in modern practice related to the detection and seizure of material evidence in the fire inspection procedure.

Keywords: criminal proceedings, fire, physical evidence, inspection of the scene, investigative actions.

Законодательно перечень обстоятельств совершенно-го преступления, которые подлежат обязательному установлению, закреплен в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) «Обстоятельства, подлежащие доказыванию».

Дознаватель, следователь обязаны установить все факты совершения преступного деяния, закрепить их процессуально в материалах уголовного дела, придать статус доказательств по уголовному делу.

При проведении процедуры осмотра места пожара изъятие вещественных доказательств должно быть проведено в строгом соответствии с положениями УПК РФ, на основании которых впоследствии такие доказательства могут быть признаны допустимыми и быть использованы при осуществлении правосудия [1, с. 28].

Рассматривая роль вещественных доказательств в процедуре осмотра места пожара, следует, прежде всего, обратиться к такому понятию, как вещественные доказательства, которое до сих пор имеет неопределенный характер, т.е. является открытым перечнем всевозможных видов, что усложняет установление сути данного типа доказательств, а в некоторых случаях не дает возможность довольно отчетливо отделить один элемент доказательства от другого элемента, в первую очередь, от иных документов и образцов для сравнительного исследования.

Вещественным доказательствам посвящена ст. 81 УПК РФ. При этом следует еще раз акцентировать внимание: перечень вещественных доказательств носит открытый характер.

Если же обратиться к Гражданскому процессуальному кодексу РФ (далее – ГПК РФ), то он содержит определение такого вида доказательств. Так, согласно ст. 73 ГПК РФ вещественными доказательствами являются предметы, которые по своему внешнему виду, свойствам, месту нахождения или по иным признакам могут служить средством установления обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела.

Аналогичное определение предлагается законодателем и в Арбитражном процессуальном кодексе РФ.

Справедливо утверждение о том, что до настоящего времени дефиниция, учитывающей специфику вещественных доказательств, основанной на их сущностных признаках, объединяющей форму и содержание, соответствующей современному пониманию доказательств и не страдающей эклектикой, не выработано [2, с. 149].

Из анализа предлагаемых в специальных исследованиях понятий вещественных доказательств [3], [4], [5] можно выделить единую закономерность, из которой следует, что в законодательном и научном понимании вещественные доказательства исследуются через призму объекта, предмета и вещи, сущность которых подлежит установлению.

Вещественные доказательства можно установить, как физические следы (последствия) преступного деяния или иного расследования преступления. Имеющие причастность к расследуемому событию вещества и предметы в виде отдельных объектов доказательства являются материальными отпечатками исследуемого происшествия.

Заметим, что из исследования свойств самого объекта невозможно сделать заключение о том, где, когда и при каких условиях он был найден, каким способом был изъят и приобщен к делу. А именно данные сведения, чаще всех свидетельствуют на связь вещественного доказательства с событием преступления либо на достоверность его происхождения.

Однако, множество объектов, изымаемых в качестве вещественного доказательства, не имеют такой структуры и находятся в различном агрегатном состоянии (газы, жидкости, сыпучие вещества). Подобные предметы, на взгляд, предметами, в обыденном понимании не являются. Однако, это не означает, что вещественные доказательства не обладают признаком вещественности.

Проблема в понимании данного признака определена тем, что вещественность, как качество, означает, что эти предметы присущи материальному, находящемуся вокруг нас миру. Другими словами, вещественность можно понять как принадлежность предмета, материальному миру и независимость его существования от воли и сознания человека.

Следует согласиться с мнением о том, что «вещественное доказательство – это не просто предмет или документ, это целая система, которая, как следствие, требует строгого соблюдения определенной процессуальной формы» [6, с. 210].

При исследовании вопроса, касающегося понятия и признаков вещественных доказательств, обнаруживается проблема отсутствия законодательно закрепленного определения вещественного доказательства, что влечет дискуссионность признания объекта материального мира вещественным доказательством.

Обоснованно выразить согласие с высказываемой учеными позицией о том, практика настойчиво призывает к усовершенствованию теории доказательств, адекватного отображения в законодательстве реалии текущего времени, нормировании в соответствии с информационным положением понятия вещественное доказательство, а также, и несогласия настоящего определения в его нынешней интерпретации.

Что касается осмотра места пожара, то оно является одним из основных действий при расследовании любого пожара важнейшим источником информации о случившемся. Эта процедура позволяет установить обстоятельства пожара, место очага и истинную причину пожара. Информация, полученная в ходе осмотра места пожара, будет на порядок полней и объективней, чем показания свидетелей и т.п. [7, с. 513].

Как справедливо отмечается О. В. Гавриловым, существуют значительные отличия при работе по осмотру места происшествия, связанного с пожарами (поиск информативных следов и других вещественных доказательств), что обусловлено особенно большой трудоемкостью, тяжестью, а порой и опасными условиями для участников

осмотра. Поиск сопряжен с разборкой и расчисткой остатков обгоревших и разрушенных строительных конструкций, оборудования и предметов интерьера, с тщательным просмотром и просеиванием так называемого пожарного мусора, с отбором проб веществ и материалов для их последующего лабораторного исследования [1, с. 28].

Говоря о роли вещественных доказательств в процедуре осмотра места пожара, обоснованно отметить, что согласно правилам, определенными УПК РФ, следственное действие, как и осмотр производится лишь после возбуждения уголовного дела. Тем не менее есть ситуации, которые отлагательств не терпят, к ним относятся и пожары, осмотр которого должен быть произведен без замедлений еще до возбуждения уголовного дела. В таких случаях уголовное дело возбуждается незамедлительно, при наличии тому оснований.

Количество проведения осмотров законом никак не ограничено. Осмотр места происшествия можно проводить многократно, при этом каждый раз фиксировать его новым протоколом, однако следует не забывать, что осмотр – важное следственное действие. Пропуск одного этапа осмотра может стать в будущем большим упущением, который невозможно будет восстановить ни при каких обстоятельствах.

Следует отметить, что осмотр места пожара является одним из ключевых действий при расследовании каждого пожара и является важным источником о случившемся происшествии. Данная процедура дает возможность установить обстоятельства пожара, место возникновения очага и истинную причину пожара.

Очень часто в основе выводов по причине пожара лежит субъективная точка зрения, неподкрепленная результатами инструментальных исследований или другими доказательствами и, которая в процессе судебного разбирательства легко ставится под сомнение. Нередко, когда халатно и некачественно проведенный осмотр места пожара делает безрезультатными последующие усилия по расследованию.

В современное время существуют средства и методы, позволяющие исследовать предметы, материалы, вещества, находящиеся как на месте пожара, так и изъятые с места пожара, на предмет выявления на них признаков очага пожара или причастности их к источнику зажигания.

Как показывает исследование правоприменительной практики имеют место случаи, когда отбор и изъятие проб и предметов на месте пожара производится с нарушением процессуальных требований, не принимаются меры по обеспечению сохранности предметов при их транспортировке, обеспечении их герметичности и др.

Нередко изъятые предметы в протоколах осмотра подробно не описываются или излагаются с применением терминов, которые могут быть приняты неоднозначно, а в ряде случаев остаются непонятными. Большое количество предметов, изъятых с места пожара, не имеют признаков, характеризующих их причастность к возникновению пожара.

Дознаватели, осуществляющие проверку и дознание по пожару, не знакомы с материально-технической и исследовательской базой испытательной пожарной лабора-

тории и поэтому не в полной мере используют ее возможности при установлении причины пожаров.

Особое место в осмотре места пожара занимает изъятие вещественных доказательств в делах, которые могли послужить возможной причиной возникновения пожара, может быть поджог. Вещественными доказательствами могут являться средства совершения преступления, документы и другие предметы, которые могут дать информацию к разоблачению преступления и раскрытию виновных лиц.

Для отбора проб веществ и материалов для их последующего направления на пожарно-техническое исследование дознавателю при осмотре места пожара нередко приходится сталкиваться с необходимостью тщательного осмотра так называемого пожарного мусора, которые связаны с разборкой, расчисткой обгоревших и разрушенных строительных конструкций, оборудования, предметов интерьера.

Стоит обратить внимание на всевозможные детали на месте пожара или вблизи его, так как при совершении поджогов используются различные горючие вещества. В процессе осмотра места происшествия есть вероятность выявления емкостей из-под легковоспламеняющихся и горючих жидкостей, лоскутьев, предметов одежды, пропитанных такими жидкостями.

Все перечисленное может являться важным квалификационным признаком поджога. Как показывает практика, при совершении преступления субъект намеренно изменяет внешнее строение, состав или структуру объектов, которые могут являться уликами. Вещественные доказательства могут быть в разнообразных агрегатных состояниях, например, в твердом, жидком и газообразном, бывают разных размеров и объемов сыпучих или жидких веществ, или материалов. Также могут представлять собой целостные изделия, их остатки, волокна или пятна.

Таким образом, говоря о методике обнаружения, фиксации и изъятия, важно акцентировать внимание на тот факт, что методика зависит от вида вещества, количества и доказательств, которые могли быть получены в процессе расследования.

Следует отметить, что особое внимание необходимо уделить приемам собирания вещественных доказательств. В первую очередь – это фото и видеосъемка, определение размеров, изъятие следов на предмете или на части предмета, на которых могли сохраниться следы, или путем переноса следа на иную поверхность, либо отделение отпечатки следа с предмета.

Сложность исследования связана с тем, что пожар уничтожает следы, оставленные преступником, различные объекты, имевшихся на месте происшествия, и зачастую всю ситуацию, существовавшую до того, как произошел пожар. Именно это затрудняет установление истины по делу, что может быть преодолено полнотой проверки, а также наблюдательностью и внимательностью при осмотре пожара.

Особую важность процедуре осмотра места происшествия придают обнаружение и изъятие вещественных доказательств. Процедура осмотра места пожара и изъятия вещественных доказательств должна быть выполнена сотруddниками, осуществляющими данные следственные

действия, профессионально и квалифицированно. Обнаружение и изъятие вещественных доказательств, на которых в дальнейшем будет базироваться обвинение в суде, придают особую важность процедуре осмотра места происшествия (пожара).

Пристатейный библиографический список

1. Гаврилова О. В. К вопросу о роли вещественных доказательств в процедуре осмотра места пожара // Надзорная деятельность и судебная экспертиза в системе безопасности. – 2013. – № 1. – С. 28-32.
2. Головкин О. Е. Понятие вещественного доказательства: требуется совершенствование / О. Е. Головкин // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2013. – № 3 (26). – С. 146–150.
3. Треушников М. К. Судебные доказательства. Монография / 3-е изд., испр. и доп. – М.: Городец, 2004. – 272 с.
4. Дорохов В. Я. Природа вещественных доказательств // Советское государство и право. – 1971. – № 10. – С. 109-14.
5. Деришев Ю. В. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: учебно-методическое пособие. – Омск: Омский юридический институт, 2010. – 107 с.
6. Моругина Н. А., Сидорова Е. И. Понятие, признаки и природа вещественных доказательств в современном уголовном процессе России // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – № 4. – С. 209-214.
7. Ровков Р. Г., Соколянский В. В. Роль вещественных доказательств в процедуре осмотра места пожара // Пожарная и техносферная безопасность: проблемы и пути совершенствования. – 2020. – № 1 (5). – С. 513-516.

ЯКОВЛЕВА Кристина Юрьевна

адъюнкт Факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ЭЛЕКТРОННАЯ ИНФОРМАЦИЯ И ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В условиях быстро развивающихся информационных технологий уголовный процесс не может оставаться прежним. Появление видео-конференц-связи в досудебном производстве, развитие электронной информации не является неожиданностью для правоприменителей, но требует научных пояснений по данному факту. В статье рассматривается использование видео-конференц-связи в уголовном процессе, в результате чего возникает новый вид электронной информации. Существование электронной информации в уголовном процессе располагает для нововведений в законе, которые бы облегчали процесс предварительного расследования уголовных дел.

Ключевые слова: электронная информация, видео-конференц-связь, видеозапись, следственные действия, судебное заседание.

YAKOVLEVA Kristina Yurjevna

adjunct of the Faculty of Training of Academic and Research Personnel of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

DIGITAL INFORMATION AND VIDEO CONFERENCING IN CRIMINAL PROCEDURE

The article discusses the use of videoconferencing in pre-trial proceedings, the appearance of types of digital information in criminal proceedings is not unexpected for law enforcement officers. The existence of digital information in the criminal process provides for innovations in the law that would facilitate the process of preliminary investigation of criminal cases.

Keywords: digital information, video conferencing, video recording, investigative actions, court session.

Яковлева К. Ю.

Исследуются наиболее эффективные средства использования «умных» цифровых технологий при производстве следственных и иных процессуальных действий. На совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации 9 февраля 2022 года были подведены итоги за 2021 год, в котором Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев обозначил, что судами направлено более 20 млн. SMS-уведомлений о времени и месте судебных заседаний, а с использованием видео-конференц-связи проведено 290 тыс. судебных заседаний [1]. «Видео-конференц-связь» (ВКС) – это способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеoinформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами¹.

В 2022 году видео-конференц-связь обеспечивает не только доступ к правосудию, но и создает возможность проведения следственных действий. В рамках рисков распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) их проведение является безопасным для участников уголовного судопроизводства. Так, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации² (далее - УПК России) впервые появилась в досудебном производстве возможность использования

видео-конференц-связи. Статья 189.1 УПК России³ предусматривает проведение допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи.

Специфика системы видео-конференц-связи подразумевает использование специального компьютерного оборудования и определённого программного обеспечения. Отсутствие же технической оснащённости говорит о невозможном проведении следственного действия, что в свою очередь повлияет на срок предварительного расследования, на страже которого стоит принцип разумного срока уголовного судопроизводства [2, с. 43-44].

Согласно части 2 статьи 189.1 УПК России техническая возможность позволит следователю, дознавателю провести следственное действие по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым. В процессе чего произойдёт создание электронной информации в виде видеозаписи. В соответствии с частью 4 статьи 189.1 УПК России, по окончании следственного действия созданная видеозапись будет приобщена к протоколу в качестве приложения, а далее к материалам уголовного дела. Соответственно, досудебное производство уголовного процесса закрепило такой вид электронной информации, как результат следственных действий, проведенных путем использования системы видео-конференц-связи.

С одной стороны, видео-конференц-связь позволяет ускорить разбирательство и упрощает доступ к правосудию. С 2011 года судебное производство получило такую воз-

1 Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 30 декабря 2020 года № 267 // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=121> (дата обращения: 09.02.2022).

2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (в ред. от 14 декабря 2020 года № 425-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.

3 Федеральный закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета - Федеральный выпуск № 2 (8651).

возможность в порядке статьи 278.1 УПК России. До сих пор в судебной практике часто встречается использование видео-конференц-связи, например, в ходе судебного заседания был допрошен свидетель С.Н.А. в порядке статьи 278.1 УПК России путём использования системы видео-конференц-связи [3]. Ещё один пример, но уже по отношению ко всему судебному заседанию: Ярославский областной суд посредством видео-конференц-связи рассмотрел в открытом судебном заседании апелляционную жалобу осуждённого Макарова С. Г. на приговор Рыбинского городского суда Ярославской области от 25 мая 2021 года и оставил без изменения [4].

Проанализировав примеры судебной практики, можно увидеть, что в основном рассматриваются апелляционные жалобы путём использования системы видео-конференц-связи. В период действия ограничительных мер (COVID-19) активно использовалась видео-конференц-связь при рассмотрении судами материалов уголовного дела, например, при продлении срока содержания под стражей подозреваемого, обвиняемого. Затем, менее часто используется судами при допросе свидетеля. Условная градация позволяет сделать вывод о том, что производство в суде апелляционной инстанции и продление срока меры пресечения, которая санкционируется судом, судебная власть уже не в первый раз принимает решение по тому или иному уголовному делу, поэтому наиболее приемлема видео-конференц-связь.

С другой стороны, использование видео-конференц-связи нельзя считать усовершенствованным, но она выступает средством передачи показаний участников уголовного судопроизводства.

Е. А. Артамонова, проанализировав статью 189.1 УПК России, утверждает, что представленная инновационная возможность усложняет процесс проведения следственного действия. Она соглашается с Л. В. Головки о применении классического отдельного поручения в другое подразделение по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым [5], [7]. Е. А. Артамонова приходит к выводу об усложнении следственного действия технической составляющей и процессуальной – привлечением других участников уголовного судопроизводства.

О. В. Мичурина полагает, что использование систем видео-конференц-связи в досудебном производстве упростит и ускорит процедуру следственных действий [6].

Положительные стороны применения видео-конференц-связи: решение проблемы больших расстояний между следователем и участником уголовного судопроизводства, с участием которого необходимо провести следственное действие; производство следственного действия лично следователем, в производстве которого находится уголовное дело; увеличение возможности передачи доказательств на расстоянии. К отрицательной стороне относятся: привлечение других участников уголовного процесса; обязательное наличие технической возможности двух сторон телемоста; влияние на качество передаваемых доказательств; особенность подписания протокола следственного действия – составление подписки (часть 3 статьи 189.1 УПК России).

Таким образом, статья 189.1 УПК России законодательно закрепляет новый вид электронной информации в уголовном процессе – это видеозапись, как результат следственного действия (допроса, очной ставки и опознания), то есть результат использования системы видео-конференц-связи. Законодателем данная электронная информация обличается в процессуальную форму, и она имеет вспомогательное значение. Тем самым, материал видеозаписи в качестве приложе-

ния приобщается к протоколу того следственного действия, по результату которого он создан. Метод ВКС имеет в своей основе электронные технологии, но доказательством будет не электронная информация, а протокол следственного действия. Предположение того, что электронная информация может быть признана в качестве доказательства, может существовать только при оспаривании факта проведения следственного действия или его производство с нарушением закона, то есть, когда будет поставлен вопрос о недопустимости бумажного протокола следственного действия.

Пристатейный библиографический список

1. Доклад Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Михайловича Лебедева к совещанию судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов РФ от 9 февраля 2022 года // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 10.02.2022).
2. Уголовный процесс. Практикум: учебное пособие для вузов / А. В. Гриненко [и др.]; под редакцией А. В. Гриненко, О. В. Химичевой. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с.
3. Приговор Шелаболихинского районного суда Алтайского края от 8 июня 2021 года, дело № 1-2/2021 // Официальный сайт «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 08.02.2022).
4. Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 19 июля 2021 года, дело № 1-199/2021 // Официальный сайт «Судебные и нормативные акты РФ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 08.02.2022).
5. Артамонова Е. А. Размышления о производстве видеодопроса в ходе предварительного расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. - 2021. - № 3. - С. 5-9.
6. Мичурина О. В. Дистанционный допрос с использованием систем видеоконференцсвязи в процедуре досудебного производства по уголовным делам: реальность и перспективы // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. - Москва, 2020. - С. 158-161.
7. Головки Л. В. Пандемию нельзя предусмотреть в какой-то главе УПК // Уголовный процесс. - 2021. - № 2. - С. 24-33.

ЛЯДОВ Эдуард Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ СОДЕРЖАНИЯ В ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ

Данная статья посвящена рассмотрению отдельных вопросов правового регулирования применения уголовного наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части. Подчеркивается, что, несмотря на значительный период времени существования рассматриваемого наказания, встречаются ошибки, допускаемые судами при его назначении. Делается вывод о необходимости дополнительного изучения отдельных положений закона, регламентирующего применения данного наказания.

Ключевые слова: уголовное наказание, содержание в дисциплинарной воинской части, назначение наказания, исполнение наказания, осужденный, приговор.

LYADOV Eduard Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Penal enforcement law sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

Лядов Э. В.

SEPARATE ISSUES OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF DETENTION IN A DISCIPLINARY MILITARY UNIT

This article discusses the issues of legal regulation of the application of criminal punishment in the form of detention in a disciplinary military unit. It is emphasized that despite the significant period of time of existence of the punishment in question, there are mistakes made by the courts in its appointment. It is concluded that it is necessary to further study certain provisions of the law governing the application of this punishment.

Keywords: criminal punishment, detention in a disciplinary military unit, sentencing, execution of punishment, convict, sentence.

Одним из наказаний, закрепленным в ст. 44 УК РФ, представляющих собой альтернативу лишению свободы, является специальный вид наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части.

Согласно ч.1 ст. 45 УК РФ данный вид наказания относится к числу основных. В соответствии со ст. 55 УК РФ содержание в дисциплинарной воинской части может назначаться, во-первых, «военнослужащим, проходящим военную службу по призыву», во-вторых, «военнослужащим, проходящим военную службу по контракту на должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву»¹. Таким образом, в случае если военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, отслужил срок службы по призыву, положение ст. 55 УК РФ о замене лишения свободы на содержание в дисциплинарной воинской части к нему применено быть не может.

До внесения изменений в содержание ст. 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» срок службы по призыву составлял 2 года. В настоящее время в соответствии с п. «д» ч.1 ст. 38 в редакции Федерального закона № 104-ФЗ от 06.07.2006 г.² «для военнослужащих,

призванных на военную службу после 1 января 2008 года срок военной службы по призыву, составляет 12 месяцев»³.

Дополнительной категорией лиц, которой может быть назначен данный вид наказания являются граждане, пребывающие в запасе, совершившие преступления в период прохождения ими военных сборов. Так, в соответствии с ч.1 ст. 331 УК РФ «преступлениями против военной службы признаются предусмотренные главой 33 УК РФ преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные ... гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов»⁴. В то же время данное положение имеет усеченный характер и возможность его применения ограничивается отсутствием прямого указания в конкретной диспозиции статьи Особенной части УК РФ на специальный субъект конкретного преступления. Примером такой диспозиции является ст. 337 «Самовольное оставление части или места службы» УК РФ, в которой в ч. 1 предусмотрен исключительно военнослужащий, проходящий военную службу по призыву, а в ч. 2 военнослужащий, проходящий военную службу по призыву или по контракту.

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

2 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с сокращением срока военной службы по призыву: федер. закон от 06 июля 2006 г. № 104-ФЗ (ред.

от 14.10.2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 29. Ст. 3122.

3 О воинской обязанности и военной службе: федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 13. Ст. 1475.

4 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Данный вид наказания применяется в двух случаях: 1) при совершении преступлений против военной службы; 2) при совершении общеуголовных преступлений [1, с. 410-428].

Содержание в дисциплинарной воинской части назначается на следующие сроки: 1) за воинские преступления – от 3 месяцев до 2 лет; 2) за иные преступления – не свыше 2 лет с заменой лишения свободы этим видом наказания.

Согласно ч.2 ст. 55 УК РФ «при содержании в дисциплинарной воинской части вместо лишения свободы срок содержания в дисциплинарной воинской части определяется из расчета один день лишения свободы за один день содержания в дисциплинарной воинской части»⁵.

Представляет интерес судебная практика по применению данного вида наказания [2]. Необходимо подчеркнуть, что за десять лет ежегодный показатель по количеству осужденных к наказанию в виде содержания в дисциплинарной воинской части сократился на 53,65 %. До 2011 г. количество таких осужденных увеличивалось так, если в 2010 г. к данному наказанию было приговорено 8,93 % осужденных от общего количества осужденных за совершение воинских преступлений, то в 2011 г. данный показатель достиг – 13,01 %. Далее же наблюдается тенденция на ежегодное снижение удельного веса данной категории осужденных в 2012 г. – 10,90 %, в 2013 г. – 10,61 %, в 2014 г. – 7,75 %, в 2015 г. – 7,14 %, в 2016 г. – 6,05 %, 2017 г. – 4,61 %, 2018 г. – 5,59 %, 2019 г. – 5,52 %, 2020 г. – 6,03 %. Средний показатель за десятилетний период составил 7,72 %.

Говоря о криминологической характеристике лиц, которым было назначено наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части и ее изменениях за период с 2016 г. по 2020 г. можно подчеркнуть, что в 2016 г. 98,3 % составили лица 18-24 лет, 1,7 % лица – 25-29 лет. Имели образование: высшее – порядка 3,4 %, среднее профессиональное – 32,5 %, среднее общее – 43,3 %, основное общее – 20,8 %. При этом 100 % контингента относилось к военнослужащим по призыву и по контракту. В группе совершили 4,2 % осужденных, 1,7 % в состоянии алкогольного опьянения. Имели не снятые и не погашенные судимости на момент совершения преступления 1,7 % осужденных. 2,5 % от общего количества осужденных к наказанию в виде содержания в дисциплинарной воинской части осужденным судом изменена категория тяжести преступления.

Из данной категории осужденных были осуждены за совершение преступлений небольшой тяжести – 53,3 %, преступлений средней тяжести – 31,7 %, тяжких преступлений – 15,0 %.

Из общего количества данных осужденных за воинские преступления было осуждено – 83,3 %, общеуголовные преступления – 16,7 %. Среди общеуголовных по мере убывания показателей совершены следующие виды преступлений: ч.3 ст. 286; ч.1 ст.163; ч.2 ст. 161; ч.2 ст. 163; ч. 2 ст. 228; ч. 2 ст. 111; ч.2 ст. 158; ч.1 ст. 166; ч.1 ст. 282 УК РФ.

В 2018 г. 97,1 % составили лица 18-24 лет, 2,9 % – в возрасте 25-29 лет. Имели образование: высшее – 2,9 %, среднее профессиональное – 39,2 %, среднее общее – 41,2 %, основное общее – 16,7 %. При этом 100 % контингента относится к

военнослужащим по призыву и по контракту. В группе совершили 8,8 % осужденных, 5,9 % в состоянии алкогольного опьянения. Имели не снятые и не погашенные судимости на момент совершения преступления 2,9 % осужденных. 6,9 % от общего количества осужденных к наказанию в виде содержания в дисциплинарной воинской части осужденным судом изменена категория тяжести преступления.

Из данной категории осужденных были осуждены за совершение преступлений небольшой тяжести – 41,2 %, преступлений средней тяжести – 42,2 %, тяжких преступлений – 16,7 %.

Из общего количества данных осужденных за воинские преступления было осуждено – 77,5 %, общеуголовные преступления – 22,5 %. Среди общеуголовных по мере убывания показателей совершены следующие виды преступлений: ч.2 ст. 161; ч.2 ст.163; ч.1 ст. 161; ч.2 ст. 111; ч. 1 ст. 162; ч. 2 ст. 166 УК РФ.

Для сопоставления приведем еще показатели за 2020 г. и сравним их с данными 2016 г. И так, в 2020 г. удельный вес осужденных к наказанию в виде содержания в дисциплинарной воинской части в возрасте 18-24 лет сократилось на 2,14 % и составил 96,2 % в противовес ему значительно возрос (на 123,53 %) удельный вес осужденных в возрасте 25-29 лет достигнув показателя в 3,8 %. На 26,47 % сократилось количество осужденных данной категории, имеющих высшее образование (2,5 %), при этом серьезно (на 28,62 %) увеличилось количество лиц, имеющих среднее профессиональное – 41,8 %, за счет переопределения осужденных уменьшилось на 38,57 % количество лиц со средним общим образованием и достигло 26,6 %, произошло увеличение (на 39,90 %) количества осужденных с основным общим образованием и составило 29,1 %. При этом 98,7 % контингента относилось к военнослужащим по призыву и по контракту и 1,3 % к трудоспособным лицам без постоянного источника дохода. Необходимо отметить значительное увеличение количества осужденных, совершивших преступления в составе группы. Так, по сравнению с 2016 г. удельный вес отмеченной категории лиц возрос на 171,43 %. В группе совершили 11,4 % осужденных, при этом у всех, в отличие от прошлых лет, отсутствовало состояние алкогольного или наркотического опьянения. Произошло сокращение осужденных, которые имели не снятые и не погашенные судимости на момент совершения преступления с 1,7 % в 2016 г. до 1,3 % осужденных в 2020 г. (на 23,53 %). Никому из осужденных к наказанию в виде содержания в дисциплинарной воинской части в 2020 г. судом категория тяжести преступления не изменялась.

В 2020 г. на первое место вышли осужденные, совершивших преступления средней тяжести. Так в 2020 г. из данной категории осужденных были осуждены за совершение преступлений небольшой тяжести – 39,2 % (-97,56 %), преступлений средней тяжести – 50,6 % (+59,62 %). Снижился удельный вес осужденных, совершивших тяжкие преступления с 15,0 % в 2016 г. до 10,1 % в 2020 г., кроме того, 1,3 % осужденных в 2020 г. совершили неосторожные преступления.

Вместе с тем, следует подчеркнуть общее снижение удельного веса осужденных, к уголовному наказанию в виде содержания в дисциплинарной воинской части, совершивших воинские преступления. Так, если в 2016 г. удельный вес таких осужденных составлял 83,3 %, то в 2020 г. он сократился на 10,32 % и составил 74,7 %. Количество же осужденных

5 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

данной категории, совершивших общеуголовные преступления, наоборот, увеличилось на 51,50 % достигнув 25,3 %. Среди общеуголовных совершены следующие виды преступлений: ч.3 ст. 134; ч. 2 ст. 161; ч. 1 ст. 163; ч. 3 ст.264 УК РФ.

Рассматривая уголовное наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части необходимо отразить отдельные моменты, которые, на наш взгляд, требуют дополнительного изучения.

Так, например, следует обратить внимание на одно обстоятельство, которое не в полной мере, вероятно, согласуется с действующими нормативными актами. Данный вид наказания назначается от 3 месяцев до двух лет. Максимальный срок в два года был установлен в период действия законодательного положения о нормативном сроке срочной службы равном 24 месяцам. В настоящее время в соответствии с п. «д» ч.1 ст. 38 Федерального закона от «О воинской обязанности и военной службе» «для военнослужащих, призванных на военную службу после 1 января 2008 года, срок военной службы по призыву составляет 12 месяцев»⁶. Таким образом, на наш взгляд, законодательное положение, закрепляющее максимальный срок уголовного наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части, может быть скорректирован в сторону его снижения до 12 месяцев (1 года).

Согласно п. «а» ч. 1 ст. 22 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» «призыву подлежат граждане только мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет». Следовательно назначение наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части возможно также исключительно в отношении военнослужащих мужчин. Вместе с тем, проанализировав содержание Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 30.11.2001 N 2173-III ГД мы приходим к выводу, что законодатель, по всей видимости, допускает возможность его применения и в отношении женщин. В пп. «д» п.1 указанного постановления возложено применение Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в отношении несовершеннолетних и женщин»⁷ на «командование дисциплинарных воинских частей – в отношении женщин-военнослужащих, осужденных к содержанию в дисциплинарной воинской части»⁸.

Не смотря на значительный период времени применения рассматриваемого наказания встречаются ошибки, допускаемые судами при его назначении.

Так, «согласно приговору С. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 335 (два преступления); п. «б» ч. 2 ст.335 и п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ.

При этом за совершение двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 335 УК РФ, ему назначено наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части.

Как усматривалось из материалов уголовного дела, С., будучи призван на военную службу 1 декабря 2017 г., на момент вынесения приговора 25 января 2019 г. утратил статус военнослужащего, в связи с чем в силу ст. 55 УК РФ ему не могло быть назначено по ч. 1 ст. 335 УК РФ наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части.

Учитывая изложенное, приговор изменен президиумом окружного военного суда в кассационном порядке, С. назначено наказание в виде штрафа» [3].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что уголовное наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части не смотря на относительно небольшой удельный вес его назначения обладает достаточным потенциалом и, являясь альтернативным лишению свободы наказанием, позволяет достигать основной цели уголовного наказания и уголовно-исполнительного законодательства – исправления осужденного без изоляции последнего от общества путем направления в исправительное учреждение.

Пристатейный библиографический список

1. Орлов В.Н., Эминов В.Е., Антонян Е.А. и др. Уголовно-исполнительное право России. Общая и Особенная части: учебник для бакалавров. Москва: Юрайт, 2012.
2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 – 2020 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 04.04.2022).
3. Справка о практике назначения гарнизонными военными судами наказаний по уголовным делам за 2019 г. (Севастопольский гарнизонный военный суд). Утверждена постановлением президиума Южного окружного военного суда 27 мая 2020 г. № 19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gvs.sev.sudrf.ru/modules.php?name=document&id=51> (дата обращения: 04.04.2022).

6 О воинской обязанности и военной службе: федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 13. Ст. 1475.

7 Об объявлении амнистии в отношении несовершеннолетних и женщин: постановление ГД ФС РФ от 30 ноября 2001 г. № 2172-III ГД // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 50. Ст. 4694.

8 О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в отношении несовершеннолетних и женщин»: постановление ГД ФС РФ от 30 ноября 2001 г. № 2173-III ГД // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 50. Ст. 4696.

КАШТАНОВА Алина Олеговна

научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ КОНВОИРОВАНИИ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ И АВТОМОБИЛЬНЫМ ТРАНСПОРТОМ (НА ПРИМЕРЕ ОСУЖДЕННЫХ-ЖЕНЩИН, ИМЕЮЩИХ ПРИ СЕБЕ ДЕТЕЙ ДО 3-Х ЛЕТ)

Охрана и конвоирование осужденных и лиц, содержащихся под стражей, является одной из основных задач Федеральной службы исполнения наказаний. В процессе реализации комплекса мероприятий во время перемещения осужденных на транспорте приоритетом выступает обеспечение личной безопасности спецконтингента и состава караула. В связи с этим в статье рассматриваются общие вопросы деятельности специальных подразделений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации по конвоированию осужденных и лиц, содержащихся под стражей, приводятся статистические данные, соответствующие направлению деятельности. Отражаются отдельные проблемы, возникающие при конвоировании осужденных, имеющих при себе детей в возрасте до трех лет, в том числе, связанные с реализацией прав и законных интересов данной категории лиц, предлагаются пути решения указанных недостатков. Целью статьи является выработка мер по совершенствованию организации конвоирования отдельных категорий осужденных.

Ключевые слова: осужденные, конвоирование, железнодорожный транспорт, автомобильный транспорт, женщины-осужденные, дети осужденных, личная безопасность.

KASHTANOVA Alina Olegovna

researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

ENSURING PERSONAL SAFETY BY ESCORTING CERTAIN CATEGORIES OF CONVICTS ON RAIL AND ROAD TRANSPORT (FOR EXAMPLE, PREGNANT CONVICTS AND WOMEN WHO HAVE CHILDREN UNDER 3 YEARS OLD)

The protection and escort of convicts and persons in custody is one of the main tasks of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. In the process of implementing a set of measures during the movement of convicts on transport, the priority is to ensure the personal safety of the special agent and the composition of the guard. In this regard, the article discusses the general issues of the activities of special units of the penal enforcement system of the Russian Federation for escorting convicts and persons in custody, provides statistical data corresponding to the direction of activity. Individual problems arising during the escort of convicted women with children under the age of three are reflected, including problems related to the realization of the rights and legitimate interests of this category of persons, and ways to solve these shortcomings are proposed.

Keywords: convicts, escorting, railway transport, road transport, female convicts, children of convicts, personal safety.

Каиштанова А. О.

По состоянию на 1 марта 2022 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) содержалось 466 581 человек, из них лиц женского пола – 38 624¹. Осужденные, содержащиеся в указанных исправительных учреждениях, были доставлены туда посредством этапирования специальными подразделениями УИС.

Конвоирование лиц, содержащихся в местах лишения свободы, представляет собой комплекс мероприятий по направлению их к месту отбывания наказания и перемещению из одного исправительного учреждения в другое, обеспечивая при этом надежную и надлежащую охрану². В соответствии с Положением о ФСИН России³ конвоирование осужденных и

лиц, содержащихся под стражей, является одной из основных задач ведомства.

Система конвоирования обеспечивает эффективное перемещение подозреваемых, обвиняемых и осужденных железнодорожным, автомобильным, воздушным транспортом и по водным маршрутам.

Федеральной службой исполнения наказаний (далее – ФСИН России) принимаются меры по совершенствованию деятельности в соответствующем направлении – постоянно обновляется и расширяется парк специального транспорта, совершенствуются технико-эксплуатационные показатели для улучшения условий перевозки лиц, находящихся в местах лишения свободы, а также повышения надежности охраны при конвоировании⁴.

1 Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 04.04.2022).

2 Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 13.01.1997. – № 2.

3 Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» // Собрание законодательства РФ. – 18.10.2004. – № 42.

4 Информация за 1 полугодие 2021 года о проводимой работе по улучшению условий перевозки подозреваемых, обвиняемых и осужденных железнодорожным и автомобильным транспортом. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/statistics/informatsiya-o-provodimoy-v-2020-godu-rabote-pouлучsheniyu-usloviy-dlya-perevozki-podozrevaemykh-o/> (дата обращения: 21.09.2021).

В настоящее время конвоирование железнодорожным транспортом осуществляется при помощи 58 специальных вагонов. На сегодняшний день выпускается модель специального вагона с повышенными условиями комфорта для перевозки спецконтингента: благодаря использованию светодиодных ламп улучшена система освещения, усовершенствована система кондиционирования воздуха, которая позволяет поддерживать необходимый микроклимат в камерах с осужденными, а также помещениях сотрудников, установлены обеззараживатели воды и воздуха, применен ионизирующий излучатель, значительно снижающий риск передачи инфекционных заболеваний. Вагон оснащен биотуалетом, улучшенной системой видеонаблюдения.

Количество специальных автомобилей для перевозки осужденных составляет 1631 единица, из них специальных автомобилей с системами кондиционирования – 1080, транспортных средств с местами для установки биотуалетов – 803, оборудованных системой видеонаблюдения – 1485, системой спутникового мониторинга ГЛОНАСС – 1384. Для конвоирования лиц с ограниченными возможностями передвижения используются специальные автомобили типа «АС», которые оборудованы подъемниками для инвалидов (электрическим или механическим), а также специальными камерами для их транспортировки. В территориальных органах ФСИН России эксплуатируется 16 специальных автомобилей соответствующего типа⁵.

Несмотря на позитивный вектор развития данного направления деятельности УИС, существуют некоторые недостатки, связанные с конвоированием осужденных-женщин, имеющих при себе детей до трех лет. Основной проблемой, возникающей при этапировании данной категории осужденных, является отсутствие улучшенных материально-бытовых условий, а также обеспечение полной личной безопасности на транспорте. По итогам реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года⁶ предприняты некоторые меры по улучшению условий беременных женщин, а также женщин, имеющих при себе детей до трех лет: при конвоировании – перемещение осужденных соответствующей категории возможно исключительно по заключению врача, а также при возникновении необходимости – в сопровождении медицинских работников. В остальном – конвоирование данной категории осужденных производится в общем порядке.

Транспортировка детей в возрасте до трех лет в специальном автомобиле для конвоирования спецконтингента не соответствует требованиям к перевозке несовершеннолетних. В соответствии с законодательством Российской Федерации⁷ перевозка детей должна осуществляться с использованием детских удерживающих систем (устройств), соответствующих возрасту, весу и росту ребенка, что не предусмотрено при транспортировке осужденной с несовершеннолетним ребенком. Несоблюдение Правил дорожного движения может привести к необратимым последствиям, вызванным дорожно-транспортными происшествиями. Необходимо особенно отметить, что действие уголовно-исполнительного законодательства не распространяется на детей осужденных, в связи с тем, что они не являются участниками уголовно-правовых отношений. С целью устранения нарушений прав несовершеннолетних при конвоировании, матери-осужденной, предлагается оборудовать специальные автомобили для перевозки спецконтингента необходимыми удерживающими устройствами, являющимися обязательными при перевозке детей.

Некоторые затруднения также возникают во время конвоирования данной категории осужденных железнодорожным транспортом. В соответствии с законодательством Российской Федерации женщины-осужденные направляются отбывать уголовное наказание по месту дислокации исправительного учреждения соответствующего вида. Осужденные, имеющие при себе детей до трех лет, отбывают наказание в исправительном учреждении, при котором имеется Дом ребенка. В настоящее время количество женских колоний, при которых функционируют Дома ребенка – 13, количество детей, содержащихся в них – 340⁸. С учетом вышеизложенного, время пребывания в специальном вагоне может длиться более одних суток. Однако для данной категории осужденных не предусмотрены улучшенные бытовые условия, необходимые для ухода за ребенком. Осужденная с ребенком не изолируется от основной массы осужденных. Более того, в вагоне для конвоирования осужденных отсутствует возможность для размещения детской кровати, гигиенической обработки ребенка. Данные обстоятельства могут привести к риску заражения ребенка инфекционными заболеваниями. Соответственно, во время конвоирования осужденных с детьми, права и законные интересы ребенка реализуются не в полном объеме, в связи с чем предлагается реализовать положение Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года⁹, закрепив в нормативно-правовом акте требования к условиям перевозки осужденных-женщин с детьми при транспортировке. С целью улучшения бытовых условий при конвоировании, создания благоприятной и комфортной атмосферы для несовершеннолетнего ребенка осужденной предлагается предусмотреть отдельную камеру в железнодорожном вагоне для размещения указанной категории осужденных. Камера специального вагона должна быть оснащена всем необходимым с учетом обеспечения потребностей женщины и ребенка (спальные места, биотуалет, горячее и холодное водоснабжение и т. д.).

Подводя итог, хотелось бы отметить, что перевозка детей на руках категорически запрещена по медицинским показаниям. Оснащение автомобильного транспорта, предназначенного для конвоирования осужденных, специальными удерживающими устройствами позволит создать условия для обеспечения безопасности несовершеннолетних, снизить риск получения травм в случае дорожно-транспортного происшествия, позволит минимизировать тяжесть травматичных последствий. Улучшение санитарно-бытовых условий при этапировании матери-осужденной с ребенком железнодорожным транспортом позволит снизить риски заражения ребенка инфекционными заболеваниями, а также стабилизировать психологическое состояние матери-осужденной.

На сегодняшний день вопросы конвоирования осужденных остаются актуальными и значимыми. ФСИН России активно и целенаправленно занимается проблемами, которые возникают при транспортировке осужденных, а также лиц, содержащихся под стражей, с целью устранения негативных факторов в этом направлении.

Пристатейный библиографический список

1. Галкина О. А., Тарькин В. К. К вопросу об особенностях и проблемных аспектах конвоирования осужденных женщин // В сборнике: Проблемы и перспективы развития России: молодежный взгляд в будущее. Сборник научных статей 3-й Всероссийской научной конференции. – Курск, 2020. – С. 182-184.
2. Дроздова Е. А., Кочкина О. В. Транспортное обеспечение органов полиции Соединенных Штатов Америки и Канады // Транспортное право. – 2021. – № 2. – С. 30-32.
3. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 21.09.2021).
4. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 17.05.2021. – № 20. – Ст. 3397.
5. Обзор информации о деятельности ФСИН России за I полугодие 2021 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/statistics/obzor-informatsii-o-deyatelnosti-fsin-rossii-za-i-polugodie-2021-goda.php> (дата обращения: 21.09.2021).
6. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. – 25.10.2010. – № 43. – Ст. 5544.
7. П. 22.9 Постановления Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090 «О правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 22.11.1993. – № 47. – Ст. 4531.
8. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 21.09.2021).
9. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 17.05.2021. – № 20. – Ст. 3397.

КЛИМОНОВ Павел Александрович

адъюнкт Факультета подготовки научно педагогических кадров Академии ФСИН России

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗЛОСТНОЕ УКЛОНЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЙ В ВИДЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

В статье рассматриваются недостатки, касающиеся исполнения наказаний в виде обязательных и исправительных работ, а также эффективность реализации замены данных наказаний на более строгое в случае злостного уклонения. Автором раскрывается понятие «злостности». Обосновывается необходимость внесения изменений в законодательство содержащего нормы перерасчета сроков при замене наказания на более строгое, в направлении увеличения сроков.

Ключевые слова: наказания не связанные с лишением свободы, обязательные работы, исправительные работы, злостное уклонение, замена наказания на более строгое.

KLIMONOV Pavel Aleksandrovich

adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the FPS of Russia

WAYS TO OPTIMIZE LEGAL NORMS ON LIABILITY FOR MALICIOUS EVASION FROM SERVING SENTENCES IN THE FORM OF COMPULSORY AND CORRECTIVE LABOR

The article discusses the shortcomings regarding the execution of punishments in the form of compulsory and corrective labor, as well as the effectiveness of the implementation of the replacement of these punishments with a more severe one in case of malicious evasion. The author reveals the concept of "malice". The necessity of introducing amendments to the legislation containing the norms of recalculation of terms when replacing the punishment with a more severe one, in the direction of increasing the terms, is substantiated.

Keywords: punishments not related to deprivation of liberty, compulsory work, correctional labor, malicious evasion, replacement of punishment with a more severe one.

Климонов П. А.

Исходя из положений Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года одним из направлений совершенствования уголовной и уголовно-исполнительной политики является дальнейшая гуманизация законодательства и применение наказаний, без изоляции от общества.

Однако, в процессе их исполнения возникает ряд организационно-правовых проблем препятствующих достижению целей данной категории наказаний.

Опираясь на практический опыт, а также мнение ученых, рассматривавших данную проблематику, хотелось бы выделить ряд факторов, которые в большинстве случаев влияют на эффективность исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы. В первую очередь, это недостатки возникающие в процессе их исполнения, нехватка кадров в штате сотрудников УИИ, слабая техническая оснащенность подразделений, пробелы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в части привлечения осужденных на ответственность, за злостное уклонение, а также замена наказания на более строгое.

В настоящее время в уголовно исполнительном законодательстве интерпретация понятия «злостность» различается. В доктрине уголовного права нет единого подхода характеризующего правовую сущность уклонения от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы.

С позиции Е. А. Тимофеевой, под злостным уклонением понимается противоправное поведение осужденного, выражающееся в неисполнении возложенных на него требований в соответствии с назначенным уголовным наказанием. Таковым он может признаваться при однократном грубом нарушении порядка и условий отбывания наказания или

при повторном нарушении после получения официального предупреждения [1, с. 30].

Деяния (действие или бездействие) лица, отражающие его негативное поведение, направленное на отрицание назначенного судом наказания, представляет собой посткриминальное поведение [2, с. 53-60].

С точки зрения Е. В. Болдырева и В. М. Галкина, понятие «посткриминальный проступок» (включая уклонение от наказания) четко отражает юридическую природу негативного посткриминального поведения, которое в свою очередь не является преступлением. Иначе говоря, злостное уклонение осужденного от отбывания наказания, не связанного с лишением свободы, представляет собой правонарушение в силу того, что оно запрещено уголовным законодательством, но не преступление, поскольку оно не предусмотрено Особой частью УК РФ в качестве такового [3, с. 98-110].

Однако, в действующем законодательстве отсутствует само определение «злостность», в общем понимании с учетом трактовки в различных словарях, «злостность» можно представить как сознательное неоднократное и грубое нарушение правил, требований.

Что касается характера ответственности за подобного рода уклонения, то немало важным фактором является степень общественной опасности от совершенных осужденным деяний.

Наиболее полно признаки общественной опасности уклонения от обязательных работ, исправительных работ выражаются в следующем: нарушая требования приговора, предусмотренные законодательством, осужденный обесценивает оказанное доверие; по сути, происходит «дезорганизация» в ходе исполнения наказания; подобного рода деяния со стороны осужденного доказывают, что предупре-

дительные меры не дали результата, как следствие возрастает уровень повторной преступности. Определенно не стоит не брать во внимание, тот факт, что осужденный, уклоняющийся от отбывания наказания, в большинстве своем, уже совершил опасное деяние и при прочих равных условиях, способен это повторить [4, с. 12]. Понятие злостного уклонения от указанных наказаний закреплено в ст. 30, ч. 3 ст. 46 УИК РФ соответственно.

Нормативная база регламентирующая ответственность лиц, злостно уклоняющихся от отбывания указанных наказаний, имеет достаточно пробелов, которые в свою очередь не в полном объеме позволяют реализовать цели наказания, предусмотренные законодательством.

Наиболее эффективной формой реализации ответственности, в случае злостного уклонения осужденными от отбывания наказаний является замена неотбытой части наказания более строгим. (принудительные работы или лишение свободы).

Стоит заметить, что при решении вопроса об ответственности за уклонения от отбывания указанных видов наказания, значительной проблемой выступает диспропорция срока принудительных работ или лишения свободы, на который может быть заменена неотбытая часть наказания в виде обязательных или исправительных работ.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в случае замены рассматриваемых видов наказаний в соответствии со статьями 71 и 72 УК РФ применяется «...льготный порядок исчисления сроков» [4, с. 13]. Проще говоря, то время, в течение которого осужденный не исполнял требования приговора, засчитывается в срок лишения свободы в порядке расчета закрепленного в вышеуказанных статьях УК РФ.

Однако в реальности эта «выгодная процедура» имеет «неразумный итог», поскольку замена наказания осуществляется только в той части, которая не была отбыта, и она оказывается весьма незначительной.

В случаях, когда назначенное судом наказание заменяется на более строгое, как правило, речь идет о злостном уклонении. Суд заменяя ранее назначенное наказание осуществляет «крайнюю» стадию карательное воздействие на отклоняющее поведение осужденного, которое препятствует исполнению приговора, так как имеющиеся предусмотренные законодательством превентивные меры не оказали должного репрессивного влияния, которое служит мотивацией для правопослушного поведения.

Считаем, что замена наказания за злостное уклонение на более строгое может приобрести эффективное действительное влияние, исключительно в тех случаях, когда осужденный понесет более строгий спектр последствий. По схожему мнению, большинства авторов, ужесточение пропорций, изложенных в статьях 71 и 72 УК РФ, заставит осужденного соблюдать те требования, которые предполагает наказание, не связанное с лишением свободы. Полностью разделяем данную позицию, так как слабый уровень карательного воздействия порождает вседозволенность и безнаказанность, результатом которой является рост преступности.

В то же время следует исходить из того, что имеющийся порядок расчета замены 8 часов обязательных работ на 1 день лишения свободы или принудительные работы определенно незначителен. Анализируя тот факт, что осужденный в среднем отработывает 2 часа обязательных работ в день, в законодательстве можно закрепить соотношение в виде 2 часа обязательных работ за 1 день лишения свободы или принудительных работ.

Профессор Ф. В. Грушин придерживается позиции увеличить пропорцию при замене обязательных работ лишением свободы в соотношении 4 часов обязательных работ за 1 день лишения свободы, а также увеличить максимально возможное количество часов до 600 [5].

В. А. Уткин утверждает, что необходимо увеличить максимальный срок обязательных работ до 1000 часов, это подержит конкурентоспособность по отношению к лишению свободы, таким образом сократит применение последнего, а также перейти к «штрафной» замене обязательных работ лишением свободы из расчета «один день лишения свободы за один час обязательных работ» [6, с. 32-33].

Полагаем, что весенние изменений в ч. 3 ст. 49 УК РФ в части ужесточения сроков перерасчета при замене обязательных работ на принудительные работы или лишение свободы в пропорции 1:2 послужит действенным рычагом карательного воздействия на осужденных.

Что же касается наказания в виде исправительных работ, то, очевидно, следует исходить из того, что соотношение замены исправительных работ принудительными работами или лишением свободы в соотношении 1:1 могло повысить авторитет уголовного закона, поскольку осужденный понимал бы «невыгодность» уклонения от исправительных работ. Данное положение имело свое место в истории уголовного законодательства. Так, в ст. 25 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик было установлено, что в случае злостного уклонения от отбывания исправительных работ суд мог заменить наказание на лишение свободы на тот же срок.¹

Итак, подводя итог, следует отметить, что сущностью любого наказания являются неблагоприятные последствия для виновного лица, т.е. кара. В зависимости от вида назначенного наказания степень карательного воздействия различается, соответственно и последствия за уклонения от наказания имеют свои различия. По нашему субъективному мнению, изложенные изменения законодательства касающиеся вопроса замены наказания на более строгое в направлении увеличения сроков перерасчета, будут являться эффективным механизмом реализации целей наказания.

Пристатейный библиографический список

1. Тимофеева Е. А. Уголовно-правовые средства реагирования на уклонение (злостное уклонение) от отбывания наказания: проблемы дифференциации ответственности и законодательной техники: дис. ... канд. юрид. наук. - Ярославль, 2008. - С. 30.
2. Кауфман М. А. Уклонение от исполнения и отбывания наказания как вид негативного посткриминального поведения и его уголовно-правовое значение // Уголовное право. - 2018. - № 1. - С. 53-60.
3. Болдырев Е. В., Галкин В. М. Уголовно-правовые санкции // Проблемы совершенствования советского законодательства // Труды Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства. - 1976. - № 6. - С. 98-110.
4. Дворянсков И. В. К вопросу об уголовной ответственности за злостное уклонение от обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, получения подписания для направления в колонию-поселение или не прибывших к месту отбывания наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. - 2016. - № 2 (34). - С. 13-16.
5. Грушин Ф. В. Обязательные работы в российской федерации: факторы появления и некоторые проблемы // Право и государство. - 2016. - № 1 (70). - С. 99-103.
6. Уткин В. А. Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы и перспективы // Penal Reform International. - М., 2013. - С. 32-33.

1 См.: Ведомости Верховного Совета СССР. - 1969. - № 29. - Ст. 249.

СУЛЕЙМАНОВ Таят Алиевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

НАЗАРКИН Евгений Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ДАНИЛОВА Ирина Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

МАСЛЕННИКОВА Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕЖИМА ЗАКОННОСТИ В ОРГАНАХ И УЧРЕЖДЕНИЯХ УИС КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Прокуратура осуществляет надзор за соблюдением законности в местах лишения свободы и принимает меры к восстановлению нарушенного законодательства, принимает и разрешает жалобы от подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Но на сегодняшний день особую актуальность для отрасли прокурорского надзора представляют вопросы обеспечения безопасности, охраны жизни и здоровья лиц, лишенных свободы, реагирования на жалобы и обращения осужденных на применяемые в отношении них противоправные меры воздействия.

Ключевые слова: прокурорский надзор, учреждения и органы УИС, осужденный, законность, прокурорская проверка.

SULEYMANOV Talyat Alievich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

NAZARKIN Evgeniy Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

DANILOVA Irina Yurjevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

MASLENNIKOVA Ekaterina Aleksandrovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

THE ESSENCE AND CONTENT OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OF THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS AND BODIES OF THE CRIMINAL JUSTICE SYSTEM

The Prosecutor's Office supervises the observance of legality in places of deprivation of liberty and takes measures to restore the violated legislation, accepts and resolves complaints from suspects, accused and convicted. But today, issues of ensuring the safety, protection of life and health of persons deprived of liberty, responding to complaints and appeals of convicts to illegal measures of influence applied against them are of particular relevance for the branch of prosecutor's supervision.

Keywords: prosecutorial supervision, convict, legality, prosecutorial inspection.

Прокурорский надзор за соблюдением законности в деятельности учреждений и органов УИС представляет собой специфический вид контрольной деятельности органов прокуратуры. В результате контрольно-проверочной деятельности, прокурор, осуществляющий прокурорский надзор за учреждениями и органами УИС, дает правовую оценку состоянию законности на перечисленных объектах, деятельности должностных лиц УИС и степени защиты прав и интересов осужденных, подозреваемых и обвиняемых, находящихся под стражей. Содержание прокурорского надзора связано с состоянием законности в контролируемой сфере [1, с. 184].

Режим законности обеспечивает функционирование государственной власти в уголовно-исполнительной сфере, способствует регулированию общественных отношений между участниками исполнения наказания. Одной из целей прокурорского надзора является достижение и сохранение режима законности в органах и учреждениях УИС. Реальное достижение режима законности означает соответствие деятельности органов и учреждений УИС Конституции РФ и федеральным законам, охрана прав и свобод осужденных, подозреваемых и обвиняемых, находящихся под стражей.

В результате своей служебной деятельности прокурор обеспечивает реализацию законодательной базы, которая регламентирует деятельность УИС. Режим законности в уч-

реждениях и органах УИС достигается путем организации неукоснительного соблюдения уголовно-исполнительного законодательства РФ, возложения на должностных лиц исполнительной колонии, СИЗО обязанности создания должных условий для того, чтобы осужденные, обвиняемые и подозреваемые, лишенные свободы, могли пользоваться своими правами и свободами.

Основным методом реализации отрасли прокурорского надзора в местах лишения свободы является мониторинг соблюдения и исполнения федерального законодательства, ведомственных подзаконных актов, в ходе которого обнаруживаются факты нарушения или неисполнения законодательства, регламентирующего деятельность УИС. При обнаружении нарушения законодательства прокурор незамедлительно реагирует на эти факты путем принесения протеста, представления для устранения нарушенного закона. Должностным лицам предписывается устранить нарушение закона в конкретный период. Если этого недостаточно для устранения нарушенного законодательства, то прокурор инициирует возбуждение административного, судебного производства для восстановления нарушенного закона. Итогом прокурорской проверки можно рассматривать восстановление нарушенного закона [2, с. 87]. Объектом прокурорского надзора является деятельность органов и учреждений

УИС, их должностных лиц, нормативно-правовая регламентация содержания осужденных, обвиняемых в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества. Реализация прокурорского надзора за деятельностью органов и учреждений УИС невозможна без осуществления детального контроля за правотворческой деятельностью должностных лиц УИС, которые полномочны издавать приказы, инструкции, правила локального характера, которые направлены на конкретизацию правового статуса лиц, лишенных свободы. Границы прокурорского надзора в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, определяются объемом полномочий, предоставленных органам и учреждениям УИС.

При этом необходимо отметить, что выполнение прокурорского контроля в органах и учреждениях УИС исключает осуществление контроля за их оперативно-служебной и хозяйственной деятельностью. Это связано с выполнением требования о недопустимости подмены деятельности государственных органов управления при осуществлении прокурорского надзора. Очерчивание границ прокурорского надзора обеспечивает самостоятельность прокурорского надзора, исключает дублирование управленческой и административной функции органов и учреждений УИС [3, с. 245]. Признаками, по которым устанавливаются пределы прокурорского надзора в УИС, считаются:

– совокупность государственных органов, выполняющих общую функцию;

- отмеченные органы действуют самостоятельно;
- нормативна база, регулирующая деятельность УИС.

На основании выделенных признаков определяют самостоятельную отрасль прокурорского надзора за деятельностью органов и учреждений УИС. В рамках данной отрасли обеспечивается правовое положение осужденного, подозреваемого, обвиняемого, находящегося под стражей. Фактическим содержанием прокурорского надзора в органах и учреждениях УИС является наблюдение за соблюдением законодательства и правового положения осужденного.

В настоящее время отмечается сокращение числа подозреваемых, обвиняемых, осужденных, содержащихся в учреждениях УИС. Но несмотря на этот фактор, охрана прав и свобод осужденных остается содержанием прокурорского надзора в УИС. Без охраны прав и свобод осужденных невозможно достижения цели уголовного наказания – исправление осужденного. Прокурорский надзор в органах и учреждениях УИС способствует достижению целей уголовного наказания, содействует осужденным отстаивать свои права и свободы [4, с. 30].

Прокурорский надзор в местах лишения свободы выступает одним из основных направлений в деятельности органов прокуратуры России, которая выражается в наблюдении за соответствием соблюдения и исполнения Конституции РФ, федеральных законов и подзаконных актов в деятельности органов и учреждений УИС, обеспечение прав и свобод осужденных. Содержанием предмета прокурорского надзора в УИС является:

- исполнение федерального законодательства органами и учреждениями УИС;
- надзор за соблюдением и исполнением законодательства должностными лицами УИС;
- контроль за соблюдением и исполнением законов, обеспечивающих правовой статус осужденного, подозреваемого, обвиняемого в местах содержания УИС;
- контроль и проверка за правотворческой деятельностью должностных лиц УИС, которые полномочны издавать приказы, инструкции, правила локального характера, которые направлены на конкретизацию правового статуса лиц, лишенных свободы.

Согласно Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [5], понятие предмет прокурорского надзора в местах лишения свободы охватывает:

- условия содержания задержанных и осужденных к лишению свободы;
- регламентация алгоритма организации исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы;
- контроль за проведением ОРМ в ИУ и СИЗО;

– проверка решений, принимаемых должностными лицами УИС.

Для обеспечения защиты прав и интересов осужденных прокуратура осуществляет надзор за УИС. Систематически осужденные высказывают жалобы на некачественное питание, неудовлетворительное медицинское обеспечение осужденных, на злоупотребления со стороны сотрудников УИС [6, с. 78]. Предметом прокурорского надзора выступает обеспечение режима в ИУ, требуется создание условий для раздельного содержания нескольких категорий осужденных. При обнаружении лиц, незаконно, необоснованно находящихся в ИУ, прокурор своим постановлением принимает неотложные меры для освобождения гражданина из мест лишения свободы.

Прокурор принимает меры по обеспечению личной безопасности осужденных, обвиняемых и подозреваемых, находящихся в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества [7, с. 246]. В необходимых случаях осужденный по решению начальника ИУ переводится в безопасное место. Прокурор принимает участие в профилактике рецидива среди осужденных. Каждый случай травматизма в ИУ регистрируется в специальном журнале, после чего проводится проверка, а затем принимается итоговое процессуальное решение. В ходе производства проверки прокурор вправе получать от осужденных, подозреваемых, обвиняемых объяснения, проводить прием указанных лиц.

Вывод: анализ проведенных прокурорских проверок показывает, что нарушение законодательства допускаются как со стороны осужденных, так и со стороны персонала исправительного учреждения. Содействие прокурору при проведении проверок оказывают представители общественных наблюдательных комиссий (ОНК). По своей сути, прокурор, единственное должностное лицо, которое обеспечивает защиту прав и интересов подозреваемых, обвиняемых, осужденных, содержащихся в местах принудительного содержания.

Пристатейный библиографический список

1. Воронин О. В. О сущности современного прокурорского надзора // Уголовная юстиция. - 2018. - № 11. - С. 184.
2. Рубцова О. Н. Цели и задачи прокурорского надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказания, не связанные с лишением свободы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. - 2016. № 16 (2). - С. 87.
3. Гнедова Н. П., Лосева С. Н. Защита прокурором права на жизнь и здоровье лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Социально-политические науки. - 2018. - № 5. - С. 245.
4. Салимжанов Д. Н. Сущность и содержание прокурорского надзора в местах исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. // Вестник Уральского института экономики, управления и права. - 2019. - № 2 (47). - С. 30.
5. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1.
6. Бочкарев В. В. Уголовно-исполнительные средства реализации частно-предупредительной функции наказания в виде лишения свободы. Дис. ... к.ю.н. - Рязань, 2017. - С. 78.
7. Гнедова Н. П., Лосева С. Н. Защита прокурором права на жизнь и здоровье лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Социально-политические науки. - 2018. - № 5. - С. 246.

САРДАРОВ Джамил Ровшан оглы

аспирант кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Российского университета дружбы народов

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА (НА ПРИМЕРЕ АС ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ)

В научной статье исследуются отдельные проблемы в области организации и деятельности использования электронного документооборота в Арбитражном суде Тверской области. Практика работы Арбитражного суда Тверской области и проанализированный материал показывают, что только комплексный подход к проблемным вопросам может еще больше повысить качество работы. Предложенные пути решения способствуют повышению результативности и качеству работы, не будет шаблонных решений от технической поддержки сторонней организации, а каждая ситуация будет рассматриваться индивидуально сотрудниками отдела суда, а тем самым повышая оперативность исправления неполадок в работе системы электронного.

Ключевые слова: Арбитражный суд, автоматизация документооборота, электронный документооборот, цифровое правосудие, судебный процесс.

SARDAROV Jamil Rovshan Ogly

postgraduate student of Judicial power, law enforcement and human rights activity of the Peoples' Friendship University of Russia

INCREASING THE EFFICIENCY OF THE APPLICATION OF ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT SYSTEMS (ON THE EXAMPLE OF THE ARBITRATION COURT OF THE TVER REGION)

The scientific article examines certain problems in the field of organization and activities of the use of electronic document management in the Arbitration Court of the Tver Region. The practice of the Arbitration Court of the Tver Region and the analyzed material show that only an integrated approach to problematic issues can further improve the quality of work. The proposed solutions will help to improve the efficiency and quality of work, there will be no template solutions from technical support of a third-party organization, and each situation will be considered individually by the court department employees, and thereby increasing the efficiency of troubleshooting the electronic document management system.

Keywords: Arbitration court, workflow automation, electronic document management, digital justice, litigation.

С каждым днём перед любым предприятием, учреждением или государственным органом всё острее встаёт вопрос о повышении эффективности своей деятельности.

В основе деятельности любого предприятия, учреждения или государственного органа лежит работа с документами, вследствие чего, неизбежен документооборот, что в значительной степени может влиять на замедление производительности. С каждодневным ростом количества документов возрастают затраты времени на их регистрацию, обработку, поиск, и т.д.

Разумеется, можно наглядно проследить связь между увеличением объёмов информации и спадом эффективности применения документов в бумажном виде. Осуществление поиска и обработки документов вручную значительно замедляют работу любого предприятия, учреждения или государственного органа.

Исходя из вышеизложенного, мы можем выделить следующие недостатки в отношении бумажного документооборота.

Первое. Длительный срок согласований, следствием чего является низкая скорость обрабатывания поступающей информации и реагирования на нее.

Второе. Медленная скорость распространения информации от исполнителей к лицам, принимающим решения.

В результате указанных проблем, функционирование бумажного документооборота не позволяет обеспечить

высокоскоростной и эффективной обработки большого количества информации, от чего зависит успешная деятельность любого органа государственной власти, особенно – судебной, и, как следствие, наличие бумажного документооборота в настоящее время выступает одним из больших препятствий эффективной реализации судами своих функций и задач при отправлении правосудия.

Безусловно, наилучший способ решения существующей проблемы – автоматизация документооборота, что упрощает поиск, доступность и хранение информации в деятельности судебного органа, в результате чего происходит активное внедрение и совершенствование систем автоматизации электронного документооборота (ГАС «Правосудие», «Мой Арбитр»). Призывание таких систем заключается в облегчении работы с документами. В связи с чем, происходит снижение времени, затрачиваемого на поиск, тем самым повышая своевременность, точность информации и устраняя её избыточность.

Государство уделяет особое внимание сфере информационных технологий. В связи с этим был разработан национальный проект «Цифровая экономика», реализация которого началась в 2018 году и продолжится до 2024 года. Цель проекта заключается в создании стабильной и защищённой информационно-телекоммуникационной платформы, связанной с высокоскоростной передачей, обработкой и хранением данных, при этом преимущественно применяя отечественное программное обеспечение.

Стоит отдельно отметить, что к концу 2018 года был разработан паспорт регионального проекта «Цифровое государственное управление», который был подписан Губернатором Тверской области и запущен в работу. Согласно цели проекта, должно быть выполнено внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления. Судебная система региона не исключение.

В связи с вышесказанным можно отметить, что тема автоматизации документооборота актуальна, так как организация работы с документами влияет на эффективность управления, организацию и культуру труда, от того насколько профессионально ведется документация, зависит успех управленческой, а значит и производственной деятельности. Применение систем электронного документооборота это радикальное решение, способствующее оптимизации делопроизводства и повышению эффективности деятельности предприятия, учреждения или государственного органа, что выводит его (их) на новый уровень развития.

В данном научном исследовании будут рассмотрены проблемы применения систем электронного документооборота в Арбитражном суде Тверской области.

Система электронного документооборота (СЭД), которая применяется в деятельности Арбитражного суда Тверской области, подразумевает в себе цель повышения эффективности процессов судебной деятельности, рационального применения трудовых ресурсов с помощью ускорения распространения информации, необходимой для организации работы документопотоков внутри суда, а также строгого учёта и контроля над ними.

Для того, чтоб составить более понятное представление, потребуется осуществить процедуру оценивания, имеющихся у АИС «Судопроизводство» преимуществ. Разработка этой системы была нацелена на обеспечение возможности разрешения такой задачи, как информационная поддержка работы суда. В данном случае речь идет о создании полнотекстового банка, выносимых судом решений. Данная специфика дает возможность обладать преимуществами перед иными разработчиками.

Важно обеспечить автоматическое создание банка в ходе осуществления судопроизводства. При этом для этого не должны требоваться дополнительные ресурсы, финансовые затраты.

Процесс формирования такого банка осуществляется прямо на рабочем месте работника суда. Он с помощью СЭД получает возможность подготовки и регистрации любого документа, формирующегося в ходе судебного разбирательства. Основная часть документов будет формироваться в формате MS Word. Они будут одновременно размещаться в электронном банке. Сами же работники банка будут взаимодействовать со стандартным пользовательским интерфейсом. Все это дает возможность не тратить время на обучение специалистов работы с АИС «Судопроизводство».

Еще одно преимущество этого решения заключается в наличии оперативного доступа к судебной документации. Судьи могут заниматься созданием индивидуальных банков документации судопроизводства, пользоваться типовыми бланками, а также осуществлять согласование су-

дебных решений с членами суда в случае осуществления коллегиального рассмотрения дела. Также это позволяет судьям подписывать электронную документацию. Работники суда, вместе с секретарями судебных заседаний могут заниматься в автоматическом режиме подготовкой документов, проводить проверку и редактировать статистические карты судебных разбирательств. Печать конвертов для их последующей отправки через почту заинтересованным лицам осуществляется экспедицией.

Третьим преимуществом АИС «Судопроизводство» является то, что она дает возможность осуществлять в автоматическом режиме распределение дел по судам. Для этого она использует такой критерий, как категория спора, специализацию судей, равномерность загрузки суда, рабочий календарь. Это дает возможность автоматически формировать график судебных заседаний. Кроме того с помощью СЭД можно отслеживать уровень загрузки судей, вместе с процессуальными сроками при рассмотрении дел.

Аутентичность предоставляемой системой информации также является её преимуществом. Система использует понятную аналогию судебных разбирательств. Внутри судебного дела отображается вся сопроводительная документация, вместе с фотографиями, звуковыми файлами и так далее. Также в такой электронной папке в автоматическом режиме происходит формирование «Истории дела».

Для каждого судебного дела происходит формирование индивидуальной электронной статистической карточки. На основании таких карточек, согласно с существующими рекомендациями Судебного департамента при ВС Российской Федерации, осуществляется формирование как полугодовой, так и годовой итоговой отчетности.

К числу дополнительных преимуществ системы стоит отнести наличие возможности публикации выносимых судебных решений на официальном веб-сайте арбитражного суда. Данное техническое решение помогло обеспечить развитие принципа открытости отечественных судов. Кроме того, оно сделало судебные материалы доступными для пользователей.

Последним, но наиболее важным преимуществом системы является наличие практической возможности формирования и использования алгоритма электронного документооборота между арбитражными судами всех существующих инстанций. Дела, а также документы от арбитражных судов субъектов Российской Федерации, могут быть переданы судами вышестоящих инстанций. При этом постановления, которые выносятся вышестоящими инстанциями, смогут в автоматическом режиме быть переданы кассационными, апелляционными и арбитражными судами субъектов Российской Федерации согласно с действующим порядком. При работе с документацией может применяться электронная цифровая подпись. Стоит отметить, что для отдельных видов документов обязательным условием будет являться наличие усиленной квалификационной подписи. В противном случае документ может быть отклонен.

Трудности, связанные с электронными технологиями в документационном обеспечении управления, проявляются в сложности применения последних, свежих технологий, в сложности, связанной с разработкой и вне-

дрением систем автоматизации делопроизводства и СЭД. Это связано с тем, что имеется параллельное сосуществование бумажных и электронных носителей материала, из-за этого появляются дополнительные проблемы, в связи с отсутствием каких-либо стандартов, связанных с содействием таких технологий.

Все недостатки, выявленные при работе с СЭД, можно смело назвать проблемами, которые необходимо решить для более эффективного её применения на практике.

Стоит выделить одну из проблем АИС «Судопроизводство», которая связана с передачей прав на техническую поддержку сторонней организации.

Изначально внедрением и поддержкой занимался информационно-правовой консорциум «Кодекс» (далее – ИПК «Кодекс») и рассматриваемая СЭД носила название, как АИС «Кодекс: «Судопроизводство». Тогда же в 2002 году и был дан старт внедрению СЭД в федеральных арбитражных судах Северо-Западного и Волго-Вятского округов, арбитражных судах Самарской области и Республики Карелия [1]. Далее список судов только расширялся. Сейчас АИС «Судопроизводство» применяется во всех арбитражных судах.

Далее ИПК «Кодекс» передали права по технической поддержке Право.ру. Если они начинают проводить модернизацию АИС «Судопроизводство», то в Арбитражном суде Тверской области в этот момент программа начинает «виснуть», т.е. работать очень медленно, а в худшем случае, выдавать ошибку, тем самым значительно снижая работоспособность.

В связи с чем, в коридоре образуются очереди из недовольных людей, поскольку специалистам канцелярии суда приходится обрабатывать полученные документы вручную, а это занимает больше времени не только на проверку документа, но и на внесение записи в специальные журналы «Регистрации и передачи документов».

Осенью произошел сбой в работе АИС «Судопроизводство». Практически две с половиной недели работа в данной СЭД была приостановлена. В связи с чем, на столах специалистов отдела канцелярии Арбитражного суда Тверской области, скапливались огромные стопки документов, которые приходили по средствам «Почты России» и курьерскими службами – экспресс. Документы к судебным заседаниям (ходатайства, заявления, протоколы), исковые заявления для первичной регистрации, обработка дел, полученных из кассационных и апелляционных инстанций и телефонограммы. В этот момент были назначены судебные заседания и в связи со сбоем были отменены, а точнее перенесены на другие даты и время. Сдача дел в архив приостановилась, отправка судебной корреспонденции не осуществлялась. Отказать в принятии документов невозможно. В первые несколько дней стороны, заинтересованные лица, представители сторон не сдавали документы на регистрацию, потому что надеялись, что на следующий день программа заработает и все вернется в штатный режим, тем самым документооборот станет быстрее. Но процесс возобновления работоспособности в штатном режиме пришлось подождать. Писалось письменное заявление об исправлении ошибки и восстановлении доступа к АИС «Судопроизводство». Рассмотрение и устранение неполадки заняло практически две с половиной недели.

На данный момент конкурс по передаче деятельности по осуществлению технической поддержки выиграл «Гарант - Интернет».

На практике можно почувствовать отголоски периода, когда АИС «Судопроизводство» не работал, поскольку при рассмотрении дел всплывали моменты отсутствия документов.

Проанализировав статистику I полугодия 2018 года и I полугодия 2019 года, можно сделать вывод, что с каждым годом подтверждается эффективность применения СЭД в работе суда [2].

Стоит отметить и технические условия для выполнения своих профессиональных обязанностей (служебных). В качестве ещё одной проблемы можно выделить устаревшее оборудование, которое способствует замедлению при осуществлении регистрации документов в АИС «Судопроизводство».

Большинство компьютеров работают крайне медленно, поэтому объёмы проделанной работы меньше, чем могли бы быть.

Таким образом, опираясь на практическую ситуацию можно разработать методiku по устранению указанной выше проблемы.

Проанализировав основополагающие проблемы, связанные с неоднократной передачей прав по технической поддержке, можно сделать вывод об отсутствии своевременной поддержки. Поэтому для бесперебойной и независимой работы необходимо рассмотреть возможность проработки передачи прав на техническую поддержку специалистам отдела информатизации и материально-технического обеспечения Арбитражного суда Тверской области.

Задачами данного отдела являются. Во-первых, учет компьютерной и периферийной техники, программного обеспечения, находящихся в эксплуатации суда, для предоставления данных статистической отчетности. Во-вторых, осуществлять разработку технических заданий по приобретению средств вычислительной техники, программного обеспечения, коммуникационного оборудования и оказание информационных услуг. В-третьих, осуществлять регистрацию, учет и контроль вычислительной техники, оргтехники, сетевого и коммуникационного оборудования, подлежащих утилизации. Из этой задачи вытекает следующая, связанная с подготовкой, согласованием и подписанием договоров со специализированными организациями на передачу списанного оборудования для утилизации [3].

Добавление новой задачи колоссально не изменит работу отдела, но упростит восстановление работы СЭД, минуя оформление и отправку запроса в техническую поддержку, а также ожидание от них действий. Поскольку в случае сбоя, штатные сотрудники отдела информатизации и материально-технического обеспечения Арбитражного суда Тверской области оперативно смогут устранить выявленные неполадки и поспособствуют работе АИС «Судопроизводство», тем самым работники суда не будут испытывать трудности и заминок в работе можно избежать.

По второй проблеме можно сказать следующее. В ближайшее время планируется переезд Арбитражного суда Тверской области в новое отдельное помещение (поскольку сейчас Арбитражный суд Тверской области «раз-

бросан» напололам с Министерством здравоохранения Тверской области в одном здании, что крайне неудобно). В связи с этим, удачно будет провести инвентаризацию. Старое оборудование утилизировать, новое оборудование принять в работу.

В то же время, так как система автоматизации документооборота достаточно сложный механизм, то применение СЭД сопряжено с рядом трудностей организационного, экономического и технического характера. Например, организационные трудности связаны с человеческим фактором – недостаточной мотивацией сотрудников к работе с системой, низким уровнем их технических знаний (даже возможно в силу возраста). В свою очередь, экономические проблемы – связаны с необходимостью вложения значительных средств, при замене рабочего оборудования. А технические проблемы связаны с необходимостью создания качественной инфраструктуры, касающейся сложности интеграции с уже существующими системами.

Таким образом, в результате применения СЭД в Арбитражном суде Тверской области упорядочивается работа с документами, сроки их исполнения сокращаются, упрощается их поиск, а также хранение, но для более эффективного применения необходимо улучшить проведение технической поддержки.

Исходя из вышеизложенного полагаем, что:

1. Целью СЭД является рациональное применение трудовых ресурсов, результатом чего – повышение эффективности работы.

2. АИС «Судопроизводство» имеет несколько преимуществ. Первое преимущество связано с созданием полнотекстового электронного банка судебных решений, принимаемых данным судом. Под вторым преимуществом рассматривалась возможность оперативного доступа к судебным документам. Третье преимущество связано с автоматизированным распределением дел по судьям. В качестве четвертого преимущества выступает удобство настройки системы. Пятым достоинством можно выделить аутентичность представляемой информации. Шестое преимущество связано с публикацией судебных решений на сайте арбитражного суда. И, наконец, седьмым достоинством является возможность организации электронного обмена документами между арбитражными судами всех инстанций.

3. Одна из проблем – отсутствие своевременной технической поддержки.

4. Возможность проработки передачи прав на техническую поддержку специалистам отдела информатизации и материально-технического обеспечения Арбитражного суда Тверской области.

5. Вторая проблема, открывающаяся на практике – устаревшее оборудование, которое требует замены.

6. Решение проблемы, связанное с устареванием оборудования можно решить проведением плановой инвентаризации оборудования при осуществлении постепенного переезда отделов Арбитражного суда Тверской области из здания, в котором они сейчас находятся, в новое отдельное здание.

7. Практика применения СЭД в деятельности Арбитражного суда Тверской области необходимая мера, по-

скольку объемы документов, поступающих специалистам, довольно большие.

8. Для специалистов Арбитражного суда удобство СЭД заключается в ускорении осуществления регистрации документов, их обработке, подготовке.

9. Для судей и их помощников, а также для начальников отделов в Арбитражном суде Тверской области удобство СЭД заключается в оперативном принятии решений по имеющимся документам, а также предоставлении эффективных средств контролирования за процессом их исполнения, а при необходимости его снятия.

10. Социальный эффект заключается в том, что работники Арбитражного суда Тверской области перестанут испытывать неудобства в работе с АИС «Судопроизводство».

11. Экономические эффекты преследуют за собой минимальные затраты на обучение специалистов отдела информатизации и материально-технического обеспечения Арбитражного суда Тверской области, а также отсутствие затрат на внедрение.

Пристатейный библиографический список

1. Автоматизированная информационная система «Судопроизводство». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arbitr.kodeks.ru/manage/site/>.
2. Официальный сайт Арбитражного суда Тверской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tver.arbitr.ru/node/3811>.
3. Официальный сайт Арбитражного суда Тверской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tver.arbitr.ru/node/3538>.
4. Соколов Н.А. Особенности электронного правосудия в арбитражных судах России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/98669-osobennosti-elektronnogo-pravosudiya-arbitrazhnykh-sudakh-rossii>.

НАГОЕВА Марина Ауюсовна

доктор педагогических наук, профессор кафедры специально-технической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

На сегодняшний день нет единой модели в раскрытии и расследовании дорожно-транспортных преступлений. Одним из путей качественного осмотра мест ДТП, особенно с человеческими жертвами, является обязательное участие экспертов криминалистических подразделений и следователей, специализирующихся на данной категории преступлений. С помощью таких специалистов можно не только обнаружить и изъять следы и микроследы, но и провести на месте их предварительное исследование, т.е. получить информацию о транспортном средстве более высокого уровня, что чрезвычайно важно, т.к. эти сведения нередко имеют решающее значение для раскрытия преступления.

Анализ практики показывает, что, по-прежнему, наибольшее количество ДТП происходит по причине нарушения водителями транспортных средств правил дорожного движения.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие (ДТП), анализ, личность преступника, обстоятельства, подлежащие доказыванию, следователь, уголовная ответственность.

NAGOEVA Marina Auyesovna

Ph.D. in pedagogical sciences, professor of Special technical training sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

ACTUAL PROBLEMS ARISING IN THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF ROAD ACCIDENTS

To date, there is no single model in the detection and investigation of traffic crimes. One of the ways of high-quality inspection of accident sites, especially with human victims, is the mandatory participation of forensic experts and investigators specializing in this category of crimes. With the help of such specialists, it is possible not only to detect and remove traces and micro-traces, but also to conduct a preliminary study on the spot, i.e. to obtain information about a higher-level vehicle, which is extremely important because this information is often crucial for solving a crime.

An analysis of practice shows that, as before, the largest number of accidents occurs due to violations of traffic rules by drivers of vehicles.

Keywords: traffic accident, analysis, criminal identity, circumstances to be proved, investigator, criminal liability.

Увеличение количества автомобилей и нарушение правил дорожного движения приводит к тому, что дорожно-транспортные преступления являются одним из наиболее распространенных видов правонарушений. В общем объеме следственной работы по стране дела о дорожно-транспортных происшествиях занимают большее количество зарегистрированных происшествий. В настоящее время именно аварии приводят к большому количеству травм при дорожно-транспортных происшествиях.

Анализ следственной практики показал, что ухудшилось качество следствия по делам о дорожно-транспортных происшествиях, причем возросли как общее количество дел, возвращенных на дополнительное расследование, так и их доля в числе дел, направленных в суд.

В рамках занятий в системе служебной подготовки в обучении со следователями, имеющими небольшой стаж практической деятельности, в процессе его осуществления мало уделяется внимания практическим занятиям для закрепления навыков правильного производства следственных действий. Необходимо использовать положительный опыт работы специализированных следственных подразделений, расследования конкретных уголовных дел, взаимодействия служб следствия и ГИБДД.

Нагоева М. А.

На занятия следственных работников редко приглашают дознавателей ГИБДД, хотя от уровня их профессиональной и юридической подготовки во многом зависит качество первоначальных следственных действий, особенно осмотров мест автоаварий, а в конечном итоге – результаты расследования.

Так в рамках занятий с молодыми следователями порекомендовать включение тем, предусматривающих:

- обзор состояния работы по раскрытию и расследованию автодорожных преступлений;
- анализ причин, имеющих недостатки судебной практики;
- положительный опыт расследования и профилактики ДТП;
- эффективные формы производства следственных действий;
- различные виды экспертных исследований;
- использование научно-технических средств и методов.

В процессе проведения занятий необходимо максимально использовать наглядный материал: схемы, макеты, показ применения научно-технических средств в условиях, приближенных к реальной обстановке на месте происшествия.

Организация следствия по делам этой категории требует к себе повышенного внимания, т. к. результаты их расследования существенно влияют на показатели работы следственного аппарата в целом.

Вместе с тем при расследовании дел о дорожно-транспортных происшествиях имеется много просчетов и нарушений, обусловленных как слабой организацией следствия, так и низким уровнем профессиональной подготовки отдельных следователей.

Практика свидетельствует, что в наиболее полной мере всесторонность, полнота и объективность исследований обстоятельств дорожно-транспортного происшествия обеспечивается следователями, имеющими, наряду с юридическими, глубокие познания в области организации дорожного движения, устройства и эксплуатации транспортных средств, автомобильных дорог, трудового режима работы на соответствующих транспортных предприятиях и других вопросах, связанных с использованием транспорта.

Следователь, расследующий дорожно-транспортное происшествие, должен хорошо знать специфику осмотра места автоаварии и транспортных средств, способы и методы обнаружения следов и вещественных доказательств, уметь выявлять и фиксировать на месте особенности обстановки и другие следы, исследование которых поможет установить причину происшествия, а также обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность виновных.

Важное значение имеет опыт следователя в установлении механизма дорожно-транспортного происшествия, причин и условий, способствовавших его совершению, владение им тактикой производства очных ставок, следственных экспериментов, допросов подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, экспертов и других участников ДТП, а также иных следственных действий.

Повышенный общественный резонанс, который вызывают ДТП с тяжкими последствиями, обуславливает постоянный поиск новых форм организации следственной работы по этим делам, одной из которых является соответствующая специализация следователей.

Объединение следователей, специализирующихся на расследовании одного вида преступлений, дает возможность наиболее рационально использовать научно-технические средства, накапливать коллективный опыт в расследовании ДТП, повышать профессиональный потенциал и эффективность деятельности каждого члена специализированного следственного подразделения.

Специализация положительно сказывается на организации взаимодействия следователей с другими службами органов внутренних дел, и в первую очередь подразделениями ГИБДД и уголовного розыска в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений, обеспечении следователей автотранспортом, средствами криминалистической и специальной техники [3].

Изучив материалы уголовных дел, можно указать, что основными причинами и условиями, способствующими ДТП:

- темное время суток;
- превышение скоростного режима;
- управление ТС в состоянии опьянения;
- несоблюдение дистанции между ТС;
- несоблюдение работниками дорожных служб контроля за состоянием обочин;
- отсутствие или плохая видимость дорожных знаков (например, наличие деревьев) и дорожной разметки;
- отсутствие уличного освещения;

– нарушение содержания автомобильных дорог.

Для повышения безопасности дорожного движения имеют значение меры уголовно-правового характера.

Практика раскрытия и расследования дорожно-транспортных происшествий показывает, что на месте их совершения транспортными средствами оставляется множество разнообразных следов. К ним относятся:

- отпечатки протекторов шин;
- следы выступающих частей автомобилей, которые зачастую остаются на предметах окружающей обстановки, на теле и одежде пострадавшего, а также на самом транспортном средстве;
- осколки светосигнальных приборов (фары, подфарники, указатели поворотов, задник фонари и т.д.);
- частицы лакокрасочных покрытий;
- следы смазочных масел и т.д.

Каждый из перечисленных следов несет определенную информацию о типе и марке транспортного средства и его индивидуальных признаках. Особенно ценны эти сведения, если они анализируются в комплексе, т.е. данные о традиционных следах (рисунок протектора, ширина колеи, геометрические параметры выступающих частей и др.) сочетаются со сведениями материаловедческого характера (структура лакокрасочных покрытий, состав смазочных масел и т. п.) [2].

При этом своевременное и качественное проведение осмотра места происшествия с целью фиксации дорожной обстановки, обнаружения и изъятия имеющихся следов приобретает первостепенное значение. Промедление с осмотром может привести к потере, либо уничтожению следов автотранспорта, особенно если место происшествия представляет собой открытую общедоступную зону с интенсивным движением. У преступника, скрывшегося на автомобиле с места ДТП, появляется возможность уничтожить следы преступления: при наличии деформации различных частей автомобиля в виде вмятин, трещин с отслоившимся лакокрасочным покрытием (ЛКП) — подкрасить автомобиль или заменить деталь на новую; сменить разбитые фары, подфарники и указатели поворотов; ликвидировать всевозможные наслоения, в том числе волокна от одежды пострадавшего на контактировавших поверхностях автомобиля и т.д. [1].

Следует подчеркнуть, что в настоящее время сложилось такое положение, когда эксперт, как правило, имеет дело с предметами одежды потерпевшего не сразу после ДТП, а через несколько недель, а то и месяцев после совершения преступления. При этом зачастую нарушаются правила по сохранности одежды пострадавших, что приводит к частичной или полной утрате следов транспорта.

Пристатейный библиографический список

1. Илларионов В. А. Экспертиза дорожно-транспортных происшествий. - М.: Транспорт, 1989.
2. Суворов Ю. Б. Судебная дорожно-транспортная экспертиза. Техничко-юридический анализ причин ДТП и причинно-действующих факторов: Уч. пособие. - М.: Издательство «Приор», 1998.
3. Судебная автотехническая экспертиза. Методическое пособие для экспертов. - М.: ВНИИСЭ. - Часть 2. - 1980.

ИСКАНДАРОВА Гульнара Рифовна

доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России

ЭКСПЕРТ И ПОДЭКСПЕРТНЫЙ КАК ПАРТНЕРЫ ПО КОММУНИКАЦИИ В СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Статья рассматривает некоторые аспекты организации и проведения судебно-психологической экспертизы на основе исследования и анализа ролей эксперта-психолога и подэкспертного. Особое значение уделяется профессиональным навыкам экспертов, сущности межличностного коммуникативного взаимодействия. Отмечается, что судьба подэкспертного зависит от таких компетенций специалиста, как независимость и объективность. Эксперт-психолог как партнер по коммуникации должен развивать в себе нравственно-этические, эмоционально-волевые, духовные качества и уметь применять их в своей практике. Вузовская подготовка экспертов для проведения судебно-психологических экспертиз должна включать на современном этапе также специализацию в сфере клинической и юридической психологии.

Ключевые слова: эксперт-психолог, подэкспертный, коммуникативная модель, доверительное общение, судебно-психологическая экспертиза, профессиональные компетенции.

ISKANDAROVA Gulnara Rifovna

Ph.D. in philological sciences, professor of Foreign and Russian languages sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

EXPERT AND SUB-EXPERT AS COMMUNICATION PARTNERS IN FORENSIC PSYCHOLOGICAL EXAMINATION

The article considers some aspects of the organization and conduct of forensic psychological examination on the basis of research and analysis of the roles of an expert psychologist and a sub-expert. Special attention is paid to the professional skills of experts, the essence of interpersonal communicative interaction. It is noted that the fate of the subject depends on such competencies of a specialist as independence and objectivity. An expert psychologist as a communication partner must develop moral, ethical, emotional-volitional, spiritual qualities and be able to apply them in his practice. University training of experts for conducting forensic psychological examinations should include at the present stage also specialization in the field of clinical and legal psychology.

Keywords: expert psychologist, sub-expert, communicative model, confidential communication, forensic psychological examination, professional competencies.

Судебно-психологическая экспертиза является одним из важнейших средств доказывания при расследовании общественно опасных деяний, при котором эксперт использует специальные психологические знания для установления истины по возбужденному делу.

К компетенции эксперта-психолога относится умение исследовать индивидуальные особенности личности, выявлять ее эмоционально-волевые и поведенческие модели, воздействовать на психику преступника для получения информации. Отсюда психика человека и ее компоненты выступают непосредственным объектом судебно-психологической экспертизы. В случае если психика испытуемого вызывает сомнение у органов следствия и дознания, то возможно назначение судебно-психиатрической экспертизы.

Компетентный подход к профессиональной подготовке современных экспертов-психологов предполагает формирование у них знаний, умений и навыков в области экспертной, информационной, организационно-управленческой, научно-исследовательской и практической деятельности. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что эксперты-психологи являются многопрофильными специалистами, которые работают на пересечении клинической и юридической психологии, уголовного и гражданского судопроизводства, осуществляющие свои профессиональные обязанности в следственных органах, судебно-экспертных учреждениях (государственных и негосударственных), психиатрических клиниках и т.д.

При проведении судебно-психологической экспертизы вызывает необходимость более внимательного рассмотрения

Искандарова Г. Р.

проблема установления доверительных отношений в коммуникативной модели «эксперт – подэкспертный».

Анализ деятельности судебного эксперта-психолога, исследование сферы его профессионального общения (анкетирование, опрос, интервью, фокус-группы) позволили выявить особенности, определяющие своеобразие социального взаимодействия между ним и различными типами подэкспертных лиц. Эксперт создает условия для сотрудничества с подэкспертным, решая свои служебные задачи при помощи конкретных вопросов, направленных на разрешение экспертного исследования. Перечень вопросов должен быть логичным, при этом целесообразно предъявлять вначале вопросы общего характера, затем частного. Вопросы должны отличаться четкостью, ясностью, корректным использованием терминов, целесообразностью [1]. Эксперт выступает практиком-исследователем, что сразу определяет несимметричность социальных и межличностных ролей эксперта и подэкспертного.

Подэкспертное лицо является объектом исследования для эксперта-психолога, оно предоставляет сведения, необходимые для составления экспертного заключения, которые затрагивают внутренний мир личности подэкспертного, в частности, уровень психического развития, склонность к повышенной внушаемости, фантазированию, агрессивности и т.д.

Для того чтобы эффективно принять информацию о явлениях внутреннего мира личности, эксперту требуется установить доверительное общение. Однако в большинстве практических случаев в процессе экспертного исследования происходит вынужденное самораскрытие подэкспертного,

т.е. подозреваемые и обвиняемые лица направляются на экспертизу принудительно. Но даже если подэкспертный дает добровольное согласие на экспертное исследование, мотивация к самораскрытию задана извне – ситуацией, необходимостью ее разрешить.

Раскрытие эмоционального состояния подэкспертного в ходе доверительного общения позволяет специалисту оценить искренность испытуемого, уловить мельчайшие детали, которые могут быть использованы при решении задач судебно-психологической экспертизы. Опытный эксперт должен суметь проявить сопричастность настоящему состоянию испытуемого, одновременно решая объективные исследовательские задачи.

В коммуникативной модели «эксперт – подэкспертный» эксперт наделен наивысшей властью: сделанное им заключение может кардинально повлиять на последующую жизнь испытуемого, особенно это касается подозреваемых или обвиняемых, так как заключение эксперта-психолога нередко влияет на индивидуализацию наказания.

В работе эксперта-психолога большую роль играет ознакомление с материалами уголовного дела подэкспертного, включая медицинскую документацию. Для составления общего психологического портрета подэкспертного эксперт может запрашивать характеристику с места работы, учебы, а также мест принудительного содержания, если имело место быть такое. Изучаются объективные стороны жизни подэкспертного лица, его биография, отношения с родственниками, товарищами, коллегами и т.д. В то же время эксперту важно установить субъективный анамнез жизненного пути, расположив подэкспертного к приватной беседе. Динамика психической деятельности подэкспертного лица в период времени, представляющий интерес для судебно-следственных органов, оценивается по показаниям свидетелей, самого подэкспертного, по материалам других экспертиз. Это позволяет эксперту воссоздать «субъективные координаты» исследуемой ситуации, ее индивидуальный, личностный смысл для обследуемого, сделать предположения об отношении подэкспертного к ситуации психологического исследования. Это, в свою очередь, дает возможность прогнозировать у подэкспертного лица изменения в психике, ситуативном поведении, наметить сроки завершения судебно-психологической экспертизы. Одновременно невозможно правильно спрогнозировать действия собеседника в психологическом и коммуникативном плане.

В случае если материалы дела недостаточны для проведения судебно-психологической экспертизы или ситуация требует подключения психиатрической практики либо компетенции эксперта не позволяют раскрыть сути заданных вопросов, эксперт составляет мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение в адрес судебно-следственного органа, назначившего экспертизу.

По результатам исследования был выделен ряд факторов, предварительный учет которых помогает эксперту настроиться на особенности на особенности коммуникации с подэкспертным, предвидеть возможность возникновения коммуникативных барьеров, продумать стратегию и тактику своего поведения, сформулировать вопросы и темы беседы. К таким факторам относятся процессуальное положение, возраст, индивидуально-психологические особенности подэкспертного, место проведения экспертизы. Таким образом, в ситуации любого экспертного обследования имеется большое количество обстоятельств, затрудняющих психологический контакт, нарушающих условия комфортной беседы, усложняющих взаимодействие, к чему эксперт-психолог должен быть специально подготовлен.

Эксперт должен обладать, кроме профессиональных знаний и умений, набором таких качеств, как мотивационные, регуляторно-волевые, нравственные, эмоциональные, познавательные, психомоторные, физические качества. Осуществляя профессиональную деятельность, он прогнозирует собственные действия и не склонен принимать импульсивные решения под влиянием настроения [2, с. 83]. Он должен быть беспристрастным, непредвзятым, объективным, уметь абстрагироваться от личных симпатий, амбиций, стереотипов.

Эксперт в своей работе должен следовать этическим нормам поведения. Поскольку в своем экспертном заключении он решает судьбу испытуемого, он обязан проявлять объективность и независимость. Не менее важным является соблюдение принципа конфиденциальности при обработке сведений, которые могут составлять личную, врачебную или иную тайну, их нельзя разглашать посторонним лицам, т.к. это может нарушить охраняемые конституцией права подэкспертного на защиту чести и достоинства, неприкосновенность личности.

Психолог-эксперт должен владеть широким спектром методов и приемов установления и поддержания контакта, мотивирования подэкспертного на работу, установления и поддержания диалогичного доверительного общения, владеть методиками исследования личности, мышления, памяти, воображения, восприятия, внимания. Значимыми являются умения эксперта в сфере профессиональной коммуникации: осознание оптимальных для коммуникации условий; умение самоанализа; моделирование ситуации межличностного взаимодействия; навыки предупреждения и преодоления возникших трудностей во взаимодействии; построение адекватной ситуации для предъявления и приема информации о явлениях внутреннего мира личности и др.

Компетенции психолога-эксперта включают в себя знание и понимание теории и методологии производства судебных экспертиз в уголовном и гражданском процессах, разделов психологии, психиатрии, права и других смежных наук; интеллектуальные навыки, подразумевающие владение методами судебно-психологического и клиничко-психологического исследования; практические умения, т.е. умение составить заключение в соответствии с нормативно-правовыми документами; универсальные умения, предполагающие умение излагать свои мысли устно и письменно, аргументированно защищать свою позицию во взаимодействии с работниками правоохранительных органов, другими юридическими психологами [3, с. 69].

Учитывая специфику передачи опыта эффективного профессионального общения по модели «эксперт – подэкспертный» при проведении судебно-психологической экспертизы, можно выделить следующие условия подготовки специалиста к экспертной деятельности: использование социально-психологического тренинга в подготовке судебных экспертов; наставничество (коучинг) на ранних этапах профессиональной адаптации специалистов-психологов к экспертной деятельности; профессиональная помощь (информирование, консультирование экспертов-психологов); преимущественное использование комиссионной формы производства экспертиз; постоянный обмен опытом между экспертами-психологами (балитовские группы, создание профессионального сообщества).

Актуальным направлением подготовки экспертов-психологов является разработка и внедрение в практику тренинга профессионального общения судебного эксперта-психолога. Это позволяет эксперту выбирать наиболее эффективные варианты реагирования в сложных коммуникативных ситуациях, повышает психологическую готовность эксперта к профессиональному общению, адаптирует к трудовой среде.

Пристатейный библиографический список

1. Демидова А. И., Махортов А. А. Типовые ошибки при формулировке вопросов для судебно-психологической экспертизы / Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения. Сборник научных статей V Международной студенческой научно-практической конференции. Юго-Западный государственный университет. - Курск, 2019. - С. 100-102.
2. Леонова Е. В., Енгальчев В. Ф. Ценностные ориентации и морально-нравственные качества юридического психолога // Армянский журнал психического здоровья. – 2018. - Т. 9. - № 1. - С. 83-85.
3. Москвина В. И. Особенности подготовки будущих психологов к проведению судебно-психологических экспертиз на этапе обучения в вузе // Мир современной науки. – 2019. - № 2 (54). - С. 66-69.

КУШХОВ Руслан Хабильевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

СУРЦЕВ Александр Владимирович

кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД России (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

НАПСОКОВ Артур Ризуанович

преподаватель кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

ОПЫТ РОЗЫСКА ДЕТЕЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Авторы статьи утверждают, что в настоящее время тема сопоставления опыта по розыску детей в зарубежных странах и отечественного опыта является актуальной не только для теоретического изучения, но и для практического использования органами внутренних дел. В статье рассматриваются системы, способствующие розыску детей в зарубежных странах и меры по предупреждению преступных посягательств на несовершеннолетних.

Ключевые слова: похищение детей, розыск людей, опыт зарубежных стран.

KUSHKHOV Ruslan Khabiljevich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Special disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

SURTSEV Aleksandr Vladimirovich

Ph.D. in pedagogical sciences, lecturer of Special disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training of Employees of the MIA of Russia (branch) of Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

NAPSOKOV Artur Rizuanovich

lecturer of Special disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of Krasnodar University of the MIA of Russia

EXPERIENCE OF SEARCHING CHILDREN IN FOREIGN COUNTRIES

The authors of the article argue that at present the topic of comparing the experience of searching for children in foreign countries and domestic experience is relevant not only for theoretical study, but also for practical use by the internal affairs bodies. The article discusses systems that contribute to the search for children in foreign countries and measures to prevent criminal attacks on minors.

Keywords: kidnapping of children, search for people, experience of foreign countries.

Права детей занимают главенствующую роль не только в законодательстве Российской Федерации, но и в актах зарубежных стран. Мировое сообщество заинтересовано в обеспечении защиты детей от преступных посягательств [1]. Руководство международными документами позволяет достичь общей цели защиты [2], но методы и средства, похищенных и незаконно удерживаемых детей в каждом государстве разные. Сопоставление опыта зарубежных стран по розыску детей с российскими реалиями позволит оценить эффективность предпринимаемых мер и возможность совершенствование правовой системы.

Защита детей является одной из главных задач каждого государства. Статистика говорит о том, что ежегодно в России в розыске находится более 50 тысяч детей. Поэтому проблема розыска пропавших детей стоит на повестке дня и опыт зарубежных коллег может помочь совершенствовать меры по противодействию преступлений данной категории.

Проблема похищения детей существует не только в нашем государстве, но тактика поиска и методы в зарубежных странах отличаются от наших. Предлагаем провести сравнительный анализ розыска на примере таких зарубежных стран как Китай, США, Германия и сделать вывод об эффективности розыска.

Китай на мировой арене и в туризме зарекомендовал себя как достаточно безопасная страна. Действительно, прогуливаясь по Поднебесной, вы вряд ли встретите маргинальных лиц, но безопасно взрослому человеку, а вот за ребенком стоит смотреть в оба глаза. Похищение детей в Китае уже

давно настоящая проблема, которая с годами только ухудшается. За год в Китае пропадает около 60000 детей, что составляет более 500 похищений в неделю. Притом стоит отметить, что возраст ребенка не имеет большого значения, крадут как младенцев, так и детей подросткового возраста. Целью злоумышленников в Китае является похищение детей с целью их продажи в бедные семьи, для привлечения к занятию проституцией и просто для рабства. В последние годы появилась новая, самая страшная цель похищения – похищение ребенка с целью трансплантации органов, что практически не оставляет шансов найти ребенка в живых. Основной причиной киднеппинга в Китае выступает политика государства, которая ограничивает семьи в рождении детей «одна семья – один ребенок». Похитители используют разные методы, ребенок под присмотром взрослого не всегда в безопасности, очень часто ребенка под присмотром бабушки или дедушки выхватывали из рук и увозили в неизвестном направлении. Зачастую, когда родители обнаруживают пропажу шансы найти ребенка уже настолько малы, что дело о похищении попадает в растущую гору, а потом в архив. Именно поэтому китайцы стараются всеми силами бороться с преступлениями данной категории на начальном этапе. Так, детские сады в Китае окружают высокими заборами с расположенными по периметру видеокameraми, а квартиры и дома снабжают умными системами охраны, а более обеспеченные граждане даже нанимают охрану.

Розыском детей в Поднебесной занимаются не только подразделения полиции, но и службы и ведомства обще-

ственной безопасности страны. С 2009 года в Китае утвердили общенациональный отдел в полиции по борьбе с торговлей людьми. При этом Министерство общественной безопасности обязало полицейских незамедлительно реагировать на заявления о пропаже детей, не дожидаясь 24 часов с момента исчезновения. Данная мера помогает оптимизировать розыск пропавших детей и оперативно реагировать на заявление. В розыске пропавших детей в Китае помогает государственная система экстренного реагирования и база образцов ДНК. Данные детей вносят полицейские, а родители могут внести свои и определить родство. Так же существует правило, что, если в течение года данные ребенка не находят кровного родителя его отдают на усыновление, но в случае появления биологических родителей позже усыновление будет аннулировано. Введены новейшие системы слежения, власти принимают активное участие в поиске детей, что помогает снизить рост преступности и вернуть детей домой. В Китае было принято решение использовать Интернет для поиска похищенных детей. Так, стали фотографировать и выкладывать в сеть фотографии попрошайек и беспризорников. За две недели работы было получено 2000 фото и шестерых детей узнали родители. Ещё одна креативная идея использования сети во благо общества – это использование Ошибки 404 [5]. Каждый из нас сталкивался с Ошибкой 404 при загрузке сайта. В Китае было решено при отображении ошибки демонстрировать фото детей потеряшек и номер ведомства. При ошибке на сайте выплывает сообщение «Страница не найдена, как не найден если вы знаете или видели его (её) сообщите информацию по номеру». В первой половине 2021 года Министерство общественной безопасности разыскало 43 ребенка, похищенных с целью торговли и более 700 детей, украденных с иной целью. Объединение всех возможных методов розыска пропавших детей помогают снизить уровень преступности и вернуть детей родителям. Китайская система розыска пропавших детей может быть взята на вооружение российскими сотрудниками полиции для апробации методов и средств розыска похищенных.

В США проблема поиска пропавших детей стоит не менее остро, чем в других странах мира. За год в США пропадают около 700 тысяч детей, часть из них – это подростки, сбегавшие самостоятельно из дома, но треть из этого числа дети похищенные. Уровень системы розыска в США достаточно высокий. Так, из числа похищенных детей 99 % возвращаются домой живыми, в России же только 90 % возвращаются домой, но стоит отметить площадь нашего государства в 2 раза больше, именно поэтому поиск ребенка значительно затрудняется. В США максимально ответственно подходят к розыску похищенных и пропавших детей, этим занимаются органы полиции и ФБР, а также созданная в 1996 году система быстрого оповещения о пропавших детях AmberAlert [3, с. 216]. Название организации связано с похищенной и убитой в 1996 году девочкой Амбер, которую не удалось вернуть родителям. При этом в государстве действуют строгие правила объявления экстренной тревоги:

Ребенку не более 17 лет;

В полиции полагают, что жизнь и здоровье похищенного ребенка в опасности;

У полиции есть достаточное количество информации об автомобиле преступника или его внешности для запуска ориентировки.

Когда полиция объявляет тревогу по всевозможным каналам теле- и радиовещания, а также на рекламных щитах, в сети Интернет транслируется информация о похищенном и предполагаемом преступнике с просьбой сообщить о его местонахождении [7]. Для розыска детей используют не только информационные системы, но и печать фото пропавших детей на пакетах с молоком, хотя этот метод считается в США устаревшим, но, тем не менее, используется. Не всегда на практике всё так хорошо, как в теории. Так, в 2012 году один из торговцев признался, что 33 года назад убил шестилетнего мальчика. Преступник по имени Педро работал на рынке и однажды заманил сладостями мальчика Итана, потом задушил его, а тело выбросил на свалку. Процесс длился более года, и решением суда было пожизненное заключение без права помилования.

Конечно, Итан был не первым пропавшим ребенком в США, но именно эта история заставила власти более серьезно относиться к пропажам детей [4]. После годов розыска ребенка в США было введено правило – если ребенок не появился в школе обязательно сообщать об этом родителям, использовать пакеты с молоком как ориентировки, пользоваться всеми возможными методами и средствами для розыска ребенка живым. Опыт США в розыске детей говорит о совершенствовании системы розыска путем проб и ошибок. Это именно то, чего иногда не хватает нашему государству – ответственности за жизнь каждого гражданина, ребенка.

Германия – небольшое государство в сравнении с рассмотренными ранее, но и в ФРГ есть проблема похищения и пропажи детей. Так, по данным Федеральной полиции в стране ежедневно регистрируется 100 – 150 заявлений о пропаже детей. В стране нет правила ожидания времени перед подачей заявления для розыска. Чем быстрее и оперативнее приступят к розыску пропавшего, тем эффективнее. Германия не отстает от других стран мира в розыске детей, используя все информационные методы для распространения информации, но, тем не менее, только 50 % детей возвращаются домой живыми. Так, в 2016 году возле дома играл пятилетний мальчик Ареф, его видели там последний раз 4 апреля в 18:00, после он пропал, и его судьба остается неизвестной по сей день [6].

Розыск детей является важной задачей подразделений и ведомств по защите общества и государства. Каждая страна использует разные методы, но для решения этой проблемы общемирового масштаба стоит обращать внимание на опыт коллег из всех стран мира и взаимодействовать со всеми федеральными службами для оптимизации розыска пропавших детей.

Защита граждан от преступных посягательств, исполнение прав и обязанностей – основная забота любого правового государства. Нет в мире государств, в которых преступность была бы равна нулю, именно поэтому исследование опыта зарубежных государств в розыске детей является актуальным вопросом на сегодняшний день. Изучение правовых систем зарубежных государств помогает оценить эффективность методов и средств розыска и соотнести с российской правовой системой.

Пристатейный библиографический список

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.
2. Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.
3. Радченко А. Е., Угличина К. Г. Розыск должников, их имущества и розыск детей по законодательству иностранного государства // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал. - 2019. - С. 214–216.
4. Как изменилась система поиска детей в США: история 6-летнего Итана Патца. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cosmo.ru/turbopages.org/cosmo.ru/s/stars/krupnim-planom/kak-izmenilas-sist> (дата обращения: 25.01.2022).
5. Как ищут детей в разных странах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rapsinews.ru/international_publication/20130524/267542270.html (дата обращения: 25.01.2022).
6. Самые резонансные убийства и исчезновения детей в Германии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://germania.one/samyre-rezonansnye-ubijstva-i-ischeznovenija-detej-v-germanii/> (дата обращения: 25.01.2022).
7. Страшный сон родителей, как в России и США ищут пропавших детей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m.lenta.ru/articles/2014/03/01/alert/sist> (дата обращения: 25.01.2022).

НАГОЕВА Марина Ауюсовна

доктор педагогических наук, профессор кафедры специально-технической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

ИССЛЕДОВАНИЕ СЛЕДОВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

В статье рассматриваются отдельные вопросы использования специальных знаний при осмотре места ДТП. Определяется роль следователя, специалистов при производстве осмотра. Авторами обозначаются перспективные направления использования специальных знаний при осмотре места ДТП.

Осмотр места ДТП является сложным следственным действием, т.к. часто бывают случаи осмотра в сложных метеоусловиях (дождь, снег, туман и т.д.), ночью. Важность своевременной фиксации следов на месте происшествия и подробное описание выявленных следов имеет основное значение для расследования преступления.

Ключевые слова: осмотр места ДТП, специалист, технические средства, специальные знания, фиксация следов, безопасность дорожного движения.

NAGOEVA Marina Auyesovna

Ph.D. in pedagogical sciences, professor of Special technical training sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

Нагоева М. А.

INVESTIGATION OF TRACES OF VEHICLES IN THE INVESTIGATION OF ROAD ACCIDENTS

The article discusses some issues of the use of special knowledge when examining the scene of an accident. The role of the investigator, specialists during the inspection is determined. The authors identify promising areas for the use of special knowledge when examining the scene of an accident.

Inspection of the accident site is a complex investigative action, because there are often cases of inspection in difficult weather conditions (rain, snow, fog, etc.), at night. The importance of timely fixation of traces at the scene of the incident and a detailed description of the identified traces is of primary importance for the investigation of the crime.

Keywords: inspection of the accident site, specialist, technical means, special knowledge, fixation of traces, road safety.

Приоритетное направление современной политики России – обеспечение безопасности граждан на дорогах Российской Федерации. Любое расследование дорожно-транспортного происшествия включает в себе неотложное, первоначальное следственное действие – осмотр места происшествия, результаты которого необходимо оформить должным образом.

Изученная судебная практика по делам данной категории указало о низком уровне расследования. Данное обстоятельство может быть связано с проблемами использования специальных знаний, отсутствие опыта об организации и производстве осмотра места происшествия, постоянным обновлением состава следователей [5].

Профессиональное мастерство и специализация следователей, выезд на место происшествия следственно-оперативной группы в полном составе, умелое и эффективное использование научно-технических средств существенно влияют на качество расследуемого уголовного дела при расследовании дорожно-транспортного происшествия.

Осмотр места происшествия с криминалистической стороны предполагает высоко научный уровень с применением достижений современной техники. Мы согласимся с мнением Ищенко Е. П., что «использование средств фотосъемки, видео- и звукозаписи позволяет запечатлеть криминалистически значимые образы и звуки, а также ход и результаты осмотра места происшествия...» [2].

При выезде следственно-оперативной группы на место происшествия следователь обязан провести инструктаж следственно-оперативной группы, с целью:

1. Поиск следовой информации на месте ДТП, с целью поиска причинно-следственных связей в результате ДТП.

2. Инспектор дорожно-патрульной службы, прибывающий на место ДТП, осуществляет первоочередные действия на месте (оказание первой медицинской помощи пострадавшим, при необходимости; удаление посторонних лиц; фиксация следов на месте происшествия и т.д.).

3. Возможное использование участников ДТП в проведении замеров, например, тормозного пути тормозивших автомобилей.

4. Снятие свидетельских показаний с участников ДТП [4].

В процессе осмотра места ДТП, особенно совершенного при нарушении правил дорожного движения, следует обращать самое серьезное внимание на следующие положения, от которых зависит эффективность раскрытия преступлений данной категории:

1. При осмотре места происшествия необходимо ориентироваться на обнаружение и изъятие разнородных следов автотранспортных средств, что будет способствовать повышению достоверности вывода о марке скрывшегося автомобиля. Экспертное исследование собранных вещественных доказательств целесообразно проводить в рамках комплексной экспертизы. В сложных ситуациях следователю трудно оценить значимость вывода по отдельным видам экспертиз (автотехнической, трасологической, судебно-медицинской, экспертизы лакокрасочных покрытий и т. д.), т. е. осуществить интеграцию специальных знаний в отношении данного конкретного преступления, а это приводит к назначению повторных, немотивированных экспертиз [1]. Следователь

должен учитывать, что эксперт не всегда в состоянии доказать тождество объектов по отдельным видам экспертиз, но комплексный анализ имеющихся следов и моделирование механизма ДТП в ряде случаев позволяют ему конкретизировать само транспортное средство, что имеет гораздо большее значение для доказывания, чем просто идентификация отдельного следа транспортного средства.

2. Осмотр одежды потерпевшего (группа) на предмет обнаружения микрочастиц должен производиться сразу после совершения ДТП. Этого можно достигнуть, если один из участников следственно-оперативной группы будет сопровождать потерпевшего до больницы (морг), правильно упакует изъятые предметы одежды и своевременно передаст их в экспертно-криминалистическое подразделение. Предметы одежды необходимо упаковывать каждый в отдельности, наружной стороной внутрь, в чистую гладкую бумагу. При этом производят как можно меньше операций, чтобы не потерять микрочастицы, которые очень часто остаются на одежде потерпевшего при наезде, особенно в местах разрыва тканей, где возможно внедрение микрочастиц, стекла, пластмассы.

3. При осмотре автомобиля подозреваемого в ДТП важно правильно отобрать образцы сравнения лакокрасочного покрытия (ЛКП) для экспертного исследования. Многие следователи и эксперты не учитывают того, что автомобили, особенно грузовые, на разных деталях имеют различную окраску. Кроме того, возможны случаи местной подкраски или перекраски автомобиля. Поэтому при отборе ЛКП следует изымать образцы с каждой съемной детали автомобиля отдельно. При этом особое внимание следует обращать на места, где имеются либо вмятины, трещины и иные повреждения ЛКП, либо следы рихтовки и излишняя зеркальность свежеекрашенной поверхности. Именно с этих мест важно получить в достаточном количестве образцы для сравнительного исследования.

4. Криминалистическая практика свидетельствует о том, что лакокрасочные покрытия относятся к числу распространенных объектов, обнаруживаемых на месте ДТП. Их эффективное использование возможно при наличии справочно-информационного массива данных о технологии окраски различных типов и марок автомашин.

В ЭКЦ МВД РФ создан фонд сведений по лакокрасочным покрытиям, с помощью которого можно решать следующие вопросы:

- какого цвета был скрывшийся автомобиль;
- подвергалось ли перекраске (подкраске) данное транспортное средство или отдельная его часть;
- какой цвет имел автомобиль до перекраски;
- какие детали кузова автомобиля заменены;
- к какому типу, марке автомобиля относятся обнаруженные частицы ЛКП.

Анализ криминалистической практики показывает, что при осмотре места ДТП в наиболее часто (до 80 % случаев) эксперту приходится решать вопросы, связанные с определением цвета скрывшегося автомобиля и установлением его типа и марки.

Цвет ЛКП является важным дифференцирующим признаком и его определение необходимо проводить с использованием имеющихся атласов стандартных цветов. В вопросе конкретизации цвета автомобиля, особенно в тех случаях, когда цвет имеет торговое наименование типа «мокрый асфальт», «баклажан», «каштановый дефиле», «триумф» и т. п., должно обеспечиваться единообразие и взаимопонимание между представителями разных служб органов внутренних дел, что может быть достигнуто только через атласы цветов.

Цвет автомобиля относится к важному розыскному признаку. Однако в имеющихся системах розыска, например, утанных и похищенных автомобилей, сведения о цвете автомобиля пока используются очень слабо ввиду несовершенства применяемого классификатора цветности.

Между тем изучение только цветовой асортимента эмалей, используемых для окраски автотранспорта, помогает установить тип автомобиля. Так, например, для легковых автомобилей характерно использование эмалей группы красных, оранжевых, желтых, белых и серых цветов. Цветовая гамма грузовых автомобилей ограничивается группами защитных, зеленых, голубых и синих цветов. Еще менее разнообразен цветовой спектр основной окраски автобусов, включающий, главным образом, три цвета: светло-оранжевый, охра золотистая и серо-белый цвета. Особую ценность представляют те цвета эмалей, которые в заводских условиях используются только на определенных марках автомобилей. Известно, например, что эмалями коралловая, белая-140, морская зелень, травяная зелень окрашиваются автомобили марки иностранного производства; темно-коричневого и лилового цветов, «Снежная королева», российского производства и т. д. Эти знания необходимы при осмотре места происшествия по делам виновник скрылся с места происшествия [3].

Обобщение данных об особенностях стандартной окраски различных автомобилей, включая легковые, грузовые автомобили и автобусы, позволяет выделить характерные признаки, с помощью которых можно получить ориентирующую информацию о типе и марке автотранспорта. К ним относятся такие дифференцирующие признаки, как количество слоев, последовательность их расположения, цвет каждого слоя, наличие или отсутствие блеска, а и не которых случаях - толщина слоев. Подобные исследования можно провести и на месте происшествия, т. к. они не требуют сложных инструментальных методов. Путем анализа и сопоставления имеющихся данных с информационным фондом по соответствующей окраске можно выбрать наиболее приемлемый розыскной вариант автотранспорта.

Своевременное решение вопроса о необходимости назначения и проведения экспертизы, а также выбор экспертного учреждения в значительной мере могут способствовать повышению качества и сроков расследования преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Гареева Э. В., Габдуллин Т. Р. Использование специальных познаний при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершенных водителями в состоянии опьянения // Евразийская адвокатура. - 2017. - № 3 (28). - С. 55-58.
2. Ищенко Е. П. Криминалистика: курс лекций. - М.: Юридическая фирма «Контракт»; АСТ-Москва, 2007.
3. Маренков А. Ю. Специальные знания при расследовании дорожно-транспортных происшествий // Символ науки. - 2016. - № 2. - С. 128-134.
4. Паутова Т. А. Особенности осмотра места дорожно-транспортного происшествия // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2017. - № 3 (41). - С. 142-148.
5. Тартаковский Д. Ф. Проблемы неопределенности данных при экспертизе дорожно-транспортных происшествий. - СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс».

ШАГИЕВА Гульнара Рифовна

старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ЮСУПОВА Светлана Инвировна

преподаватель цикла профессиональной служебной и физической подготовки Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России

ПРЕСТУПНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

В статье рассматриваются некоторые виды преступлений, которые, как правило, совершаются с использованием языка. Среди них подстрекательство, заговор, лжесвидетельство, подкуп. Эти преступления включают в себя различные речевые акты, начиная от обещаний и заканчивая приказами, также большинство языковых преступлений могут быть совершены с помощью косвенной речи.

Ключевые слова: речевые акты, языковые преступления, лингвистика, подстрекательство, заговор, подкуп, лжесвидетельство, перформатив.

SHAGIEVA Gulnara Rifovna

senior lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

YUSUPOVA Svetlana Invirovna

lecturer of the cycle of professional service and physical training of the Ufa School for the Training of Dog Handlers of the MIA of Russia

CRIMINAL SPEECH ACTS

The article discusses some types of crimes that are usually committed using language. Among them are incitement, conspiracy, perjury, bribery. These crimes include various speech acts, ranging from promises to orders, and most language crimes can also be committed with the help of indirect speech.

Keywords: speech acts, language crimes, linguistics, incitement, conspiracy, bribery, perjury, performance.

Большинство преступлений требуют, чтобы обвиняемый совершил определенный тип противоправного деяния, находясь в определенном психическом состоянии.

Многие противоправные деяния связаны с физическим насилием, таким как нападение и нанесение побоев, изнасилование или убийство. Однако нет ничего необычного в том, что противоправные действия совершаются устно или письменно. Давайте рассмотрим ряд преступлений, которые совершаются в первую очередь с помощью языка. Все языковые преступления связаны с незаконными речевыми актами. Речевые акты предполагают использование языка для выполнения определенных типов действий.

Теория речевого акта была первоначально разработана английским философом Дж. Л. Остином. Он указал, что высказывания могут функционировать как действия. С помощью говорения люди могут достигать определённых результатов, осуществлять изменения в окружающем их мире и в сознании своего собеседника, при этом полученный исход может, как соответствовать изначальной цели говорящего, так и не соответствовать [5]. Все языковые преступления связаны с целью и мотивом человека, то есть нужно иметь мотив или цель подстрекать к преступлению, чтобы быть виновным в подстрекательстве.

Речевой акт в теории речевого акта представлен как трехуровневое образование, состоящее из иллокуции, локуции и перлокуции [4].

В данном случае необходимо акцентировать внимание на перлокутивном эффекте этого акта. Перлокутивный эффект – это воздействие, которое данное высказывание оказывает на адресата [1], при этом имеется в виду не сам факт понимания адресатом смысла высказывания, а те изменения, которые являются результатом этого понимания: адресат испугается, поверит в свою неправоту, совершит требуемый поступок и пр. Заявление, которое не вызывает у получателя

чувства страха, не является угрозой, каковы бы ни были его намерения.

Необходимо отметить, что некоторые речевые акты являются перформативными. Просто сказать это – значит сделать это. Если мать говорит ребенку: «Сегодня у меня нет времени, но я обещаю починить твой велосипед завтра», она пообещала, то есть она выполнила речевой акт обещания – просто произнесла эти слова. То есть данный речевой акт, равноценен поступку. Как раз обещание и является примером перформатива.

Перформативными актами являются (например, согласие на совершение незаконного действия или просьба кого-то другого совершить его).

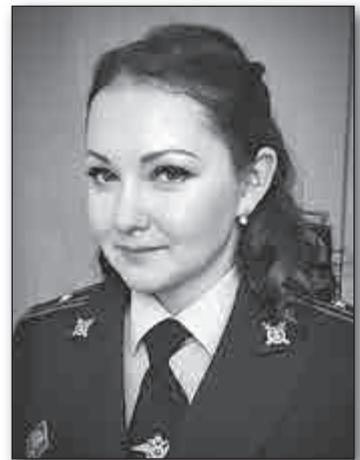
Подстрекательство включает в себя просьбу или побуждение кого-либо другого к совершению преступления. На самом деле это преступление не обязательно должно быть совершено. Подстрекательство часто совершается посредством речевого акта просьбы или уговора. В данном случае осуществляется прямое воздействие на волю и свободное решение лица с целью побудить к нарушению закона.

При подстрекательстве говорящий стремится изменить или скорректировать исходное положение мыслей собеседника посредством дестабилизации его когнитивной и эмоциональной сферы, осуществляется коммуникативное давление на собеседника посредством уговора и (или) угрозы (нарушение всех коммуникативных принципов кооперации и вежливости) [2].

Заговор предполагает согласие двух или более человек совершить преступление. Доказательства соглашения встречаются относительно редко и обычно в праве не требуются. Молчаливого согласия достаточно. Это означает, что соглашение может быть доказано косвенными доказательствами. Возможно, из-за того, что доказательства часто являются косвенными, многие юрисдикции требуют, чтобы за соглашени-

Шагиева Г. Р.

Юсупова С. И.

ем последовало открытое действие – физическое действие, направленное на продолжение заговора. Это требование помогает убедиться в серьезности намерений заговорщиков, а также предоставить конкретные доказательства того, что заговор действительно существовал [3].

Иногда могут быть лингвистические подсказки, из которых юристы могут сделать вывод о наличии соглашения или его отсутствии. Например, использование местоимения «мы» во множественном числе однажды помогло установить наличие заговора с целью фальсификации ставок на аукционах и уклонения от уплаты федеральных подоходных налогов. Участники якобы продавали имущество друг другу, расплачиваясь наличными, чтобы скрыть сделки от налоговых органов. Заявление одного из заговорщиков, записанное на пленку информатором, гласило [3]: «Мы не хотим, чтобы между нами были выписаны какие-либо чеки. Если нас поймает налоговая служба, мы будем мертвы». Это говорит не только о том, что участники действовали согласованно, но и о том, что они знали, что схема была незаконной.

Скрытая аудиозапись может предоставить убедительные доказательства о заговорах и других языковых преступлениях. Но, как сказал лингвист Роджер Шуй, использование таких записей может быть проблематичным. Качество записей может затруднить точное понимание того, что было сказано. Даже когда слышно, как кто-то соглашается с определенными предложениями на пленке, может быть трудно определить, согласился ли он участвовать в заговоре или просто согласился с более безобидным предложением.

Связанная с этим проблема заключается в том, что люди, занимающиеся преступной деятельностью, часто используют уличный сленг и закодированные выражения, осознавая, что сотрудники правоохранительных органов могут подслушивать.

Угрозы подобны предупреждениям и предсказаниям. Все эти речевые акты имеют дело с событиями или состояниями или дел, которые, вероятно, произойдут в будущем. Поэтому угрозы следует тщательно отличать от этих других речевых актов. Важное различие заключается в том, что лицо, которое угрожает, выражает намерение сделать что-то в будущем. Таким образом, одним из требований к угрозе является то, что говорящий должен заявить или подразумевать, что оно приведет к тому, что что-то произойдет в будущем.

Как и другие речевые акты, угрозы могут быть сделаны косвенно или невербально. Примером невербальной угрозы является дело, в котором обвиняемый сделал жест рукой в форме пистолета свидетелю обвинения, входящему в зал суда. Необходимо обратить внимание, что ответчик выразил в форме жестов намерение совершить действие, которое бы угрожало адресату, и это действие было направлено на то, чтобы запугать адресата. Нет никаких сомнений в том, что при соответствующих обстоятельствах жесты, которые имитируют акты насилия в отношении человека, могут быть угрожающими.

Даже когда угрозы выражаются устно, они часто носят косвенный характер. Предположим, что кто-то, причастный к преступлению, говорит свидетелям, что, если они что-нибудь скажут полиции «с ними что-то случится».

Угрозы также могут быть сделаны косвенно с помощью вопросов. Женщина из одного зарубежного города подвергалась преследованиям со стороны мужчины, и она сообщила о его действиях в полицию. Месяц спустя мужчина позвонил женщине, сказал ей, что его заставили заплатить штраф, и спросил: «Что он должен сделать, чтобы отомстить?». На первый взгляд, это был просто вопрос, но обратите внимание, что вопрос мужчины о том, что он должен сделать, чтобы отомстить, предполагает, что он намерен это сделать. Сообщение об этом намерении жертве может разумно рассматриваться как угроза.

Взятничество предполагает передачу кому-либо ценного предмета с намерением побудить это лицо действовать определенным образом в своем официальном или профессиональном качестве.

Принятие ценного предмета также представляет собой взятничество. Кроме того, ценный предмет должен быть «подкупающе» предложен или получен с целью повлиять на официальные действия. Наконец, получатель взятки должен принадлежать к определенному классу людей, обычно это государственные чиновники или должностные лица.

Подкуп часто осуществляется путем физической передачи или получения ценного предмета. Но это может произойти и с помощью одних только слов. Взяткодатель при

разговоре может предложить отдать что-то ценное, а не делать это напрямую. Более того, для государственных чиновников незаконно требовать взятку или соглашаться на ее получение. Таким образом, существует по крайней мере три различных речевых акта, которые могут быть вовлечены в подкуп: предложение, просьба и согласие.

Поскольку взятничество является преступным деянием, формулировка подкупа может быть весьма косвенной. В деле «Пипл против Кинга» присяжный заседатель обратился к одной из сторон судебного процесса и сказал, что дело «коту под хвост», но что «за гроши» его можно «вернуть в вашу сторону». Суд постановил, что это была просьба о взятке. Аналогичным образом, предложение должностного лица участнику тендера по государственному проекту «заботиться о нем» или сделать «жест» в его сторону было расценено как просьба о взятке.

Лжесвидетельство обычно предполагает ложь под присягой. Лицо совершает лжесвидетельство, если оно «умышленно и вопреки клятве заявляет или подписывает какой-либо документ, который, по его мнению, не соответствует действительности».

Многие дела о лжесвидетельстве связаны с вопросами смысла. Лингвисты и философы выделили различные типы или категории значения, но в деле о лжесвидетельстве наибольшее значение должно иметь то, как обвиняемый намеревался понять высказывание. Если он намеревался, чтобы его показания были поняты таким образом, чтобы они соответствовали фактам, которые он считал правдивыми, его показания не должны налагать на него уголовную ответственность. С другой стороны, расхождение между его показаниями и его пониманием истины, если оно было существенным и преднамеренным, должно привести к обвинительному приговору.

Свидетели должны говорить правду в суде, иначе вся система правосудия рухнет.

Свидетель, который намеренно дает ложные показания по существенному вопросу, должен быть привлечен к ответственности. К сожалению, не всегда легко определить, что имеют в виду свидетели в ответ на вопросы адвокатов, юристов.

Правоохранители, которые допрашивают свидетелей, должны способствовать достижению этой цели, задавая четкие вопросы, которые позволяют избежать двусмысленностей. Когда возникают неясности, а они неизбежно возникают, юрист, проводящий допрос, обязан попытаться прояснить показания. Преследование за лжесвидетельство должно происходить только тогда, когда свидетель намеревался явно противоречить фактам.

Рассмотренные выше преступления могут быть совершены как прямо, так и косвенно; все они требуют какого-то умысла; и самое главное, все они совершены по большей части посредством речевых актов. Они также различаются не только в отношении элементов каждого преступления, но и в отношении степени, в которой речевые акты должны воздействовать на получателя, и должен ли говорящий на самом деле быть искренним или просто казаться искренним. Словарь теории речевых актов имеет большое значение для обеспечения аналитической основы для понимания и оценки преступлений языка.

Пристатейный библиографический список

1. Гладких Н. С. Перлокутивный эффект при переводе рекламных слоганов // Вестник ВолГУ. – 2019. – № 17. – С. 22.
2. Провокация vs подстрекательство: нормы этики vs нормы права (юрислингвистическая интерпретация). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ling-expert.ru/conference/langlaw10/melikan-2020.html> (дата обращения: 14.04.2022).
3. Рудченко Т. Л., Александрова Т. А. Лингвистические и интерпретационные аспекты створора в американской судебной практике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41139429>. (дата обращения: 14.04.2022).
4. Теория речевого акта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studopedia.ru/18_7657_teoriya-rechevogo-akta-ponyatie-lokutsii-illokutsii-perlokutsii.html (дата обращения: 14.04.2022).
5. Теория речевых актов Джона Остина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теория_речевых_актов_Джона_Остина. (дата обращения: 14.04.2022).

ЯКОВЕЦ Евгений Николаевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и финансового права Российской таможенной академии, Заслуженный юрист Российской Федерации

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры математического моделирования и информационной безопасности Нефтекамского филиала Башкирского государственного университета

ГРИГОРУСЬ Людмила Николаевна

старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОТИВОДЕЙСТВИЕМ КОНТРАБАНДЕ ОСОБО ЦЕННЫХ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ И ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

В статье рассматриваются вопросы межведомственного противодействия незаконному международному обороту особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, одним из основных элементов которого является их контрабанда. Рассмотрены стадии оперативно-розыскного предупреждения данных преступлений – профилактика, предотвращение, пресечение на стадии подготовки или покушения на их совершение.

Ключевые слова: особо ценные дикие животные, водные биологические ресурсы, трансграничная преступность, контрабанда, оперативно-розыскное предупреждение преступлений.

YAKOVETS Evgeniy Nikolaevich

Ph.D. in Law, professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Russian Customs Academy, Honored Lawyer of the Russian Federation

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Mathematical modeling and information security sub-faculty of the Neftekamsk branch of the Bashkir State University.

GRIGORUS Lyudmila Nikolaevna

senior lecturer of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia.

PREVENTIVE MEASURES OF CUSTOMS AUTHORITIES RELATED TO COUNTERING THE SMUGGLING OF ESPECIALLY VALUABLE WILD ANIMALS AND AQUATIC BIOLOGICAL RESOURCES

The article deals with the issues of interdepartmental counteraction to illegal international trafficking of especially valuable wild animals and aquatic biological resources, one of the main elements of which is their smuggling. The stages of operational and investigative prevention of these crimes are considered – prevention, prevention, suppression at the stage of preparation or attempt to commit them.

Keywords: especially valuable wild animals, aquatic biological resources, cross-border crime, smuggling, operational search prevention of crimes.

Как известно, в ст. 226.1 УК РФ¹ наряду с прочими предметами преступных посягательств фигурируют особо ценные дикие животные и водные биологические ресурсы, относящиеся к Перечню особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации².

- 1 Статья 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации – Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов.
- 2 Перечень особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: утв. по-

Согласно положениям статей 151 и 157 УПК РФ, предварительное расследование по фактам контрабанды указанных предметов преступного посягательства относится к совместной компетенции ФТС России, ФСБ России и МВД России.

Предварительное расследование по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 226.1 УК РФ, осуществляется следователями органов федеральной службы безопасности (пп. 2 п. 2 ст. 151 УК РФ) и следователями органов внутренних дел Российской Федерации (пп. 3 п. 2 ст. 151 УК РФ).

Дознаватели таможенных органов по данным составам возбуждают уголовные дела и производят по ним неотложные следственные действия (пп. 3 п. 2 ст. 157 УПК РФ). После их производства не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела орган дознания направляет его руководителю следственного органа (п. 3 ст. 157 УПК РФ).

Перечисленные оперативно-розыскные органы в рамках ведомственных полномочий с целью выявления, предупреждения и пресечения преступлений указанной квалификации, безусловно, применяют имеющиеся у них силы и средства оперативно-розыскной деятельности (ОРД), и в основу уголовных дел, возбуждаемых органами предварительного расследования по указанным статьям Уголовного кодекса РФ,

становлением Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978 // Собрание законодательства Российской Федерации от 11 ноября 2013 г. № 45 ст. 5814.

Схема 1. Стадии незаконного международного оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, отнесённых к видам, занесённым в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемых международными договорами Российской Федерации

как правило, ложатся результаты ОРД, представляемые оперативными подразделениями указанных ведомств, включая оперативные подразделения таможенных органов (ОПТО).

Это означает, что именно ОРД является краеугольным камнем в противодействии незаконному обороту особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, отнесённых к видам, занесённым в Красную книгу, поскольку противостоять трансграничным организованным преступным сообществам (ОПС), действующим в этом секторе криминального бизнеса, возможно лишь с помощью эффективных негласных методов правоохранительной деятельности.

В данной связи следует обратить особое внимание на тесную взаимосвязь предмета преступного посяательства деяний, предусмотренных ст. 226.1 УК РФ, с аналогичным предметом незаконных добычи и оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, которые квалифицируются по 258.1 УК РФ. В подтверждение общности предмета данных преступлений следует привести понятие *незаконного международного оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов*, предусматривающего пять стадий: 1) браконьерскую добычу (незаконная добыча, содержание, хранение, перевозка); 2) незаконную скупку (незаконное приобретение, содержание, хранение, перевозка, пересылка); 3) контрабандное перемещение (преступный экспорт, импорт, реэкспорт, интродукция из моря); 4) незаконную перекупку (незаконное приобретение, содержание, хранение, перевозка, продажа заказчику); 5) незаконную покупку заказчиком (незаконное приобретение, содержание, хранение) – см.: Схему 1.

Вполне очевидно, что данная схема задействуется представителями трансграничных ОПС в обоих направлениях – как в ходе доставки указанного товара из России за рубеж, так и из-за рубежа – в Россию.

В зависимости от результатов проверки первичной информации, получаемой в ходе оперативного поиска в местах возможного международного оборота рассматриваемых объектов³, могут быть приняты следующие решения: а) о при-

нятии мер по предупреждению, пресечению и обеспечению раскрытия конкретных преступных деяний; б) о продолжении оперативного наблюдения за объектами, представляющими оперативный интерес, и проведении дополнительных ОРМ в рамках дел оперативного учёта.

Ввиду ограниченного объёма данной статьи, в ней рассматриваются лишь оперативно-предупредительные меры трёх основных категорий:

- меры общепрофилактического характера (выявление, а также устранение причин и условий, способствующих незаконной добыче, обороту и контрабанде особо ценных диких животных и водных биоресурсов, а также их частей и дериватов);

- меры индивидуально-профилактического характера (выявление лица или группы лиц, от которых можно ожидать совершения противоправных действий, оказания на них либо на окружающую их среду воздействия в целях недопущения с их стороны незаконной добычи, оборота и контрабанды особо ценных видов фауны);

- меры неотложного характера (предупреждение замышляемых и подготавливаемых преступных деяний, а также их пресечение на стадии покушения) [2, с. 87, 91].

В данном случае можно вести речь об такой организационно-тактической форме ОРД, как *оперативно-розыскное предупреждение преступлений* рассматриваемых видов, в первую очередь – контрабанды особо ценных диких животных и водных биоресурсов. Содержание этой деятельности заключается в осуществлении мер гласного и негласного характера с использованием оперативно-розыскных сил, средств, мероприятий и методов по следующим основным направлениям: профилактика, предотвращение и пресечение преступных деяний. Следует кратко рассмотреть её основные элементы (см.: Схему 2).

Понятие «профилактика» имеет более узкое содержание по сравнению с предупреждением преступлений. Это деятельность, направленная исключительно на выявление и устранение причин и условий совершения преступлений. Термин «предотвращение» в более узком его значении предполагает принятие соответствующих мер для недопущения совершения преступления конкретным лицом, замышляющим его. Пресечение – это воздействие, ведущее к прекращению начавшейся преступной деятельности.

Рассуждая об объектах *профилактической деятельности*, необходимо определить перечень последних и порядок их

3 Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. и доп.) // Российская газета. - 1995. - 18 августа. - Часть 1. - Ст. 6.

Схема 2. Понятие оперативно-розыскного предупреждения преступлений в теории ОРД таможенных органов

оценки. Прежде всего, целесообразно обратить внимание на объекты общей профилактики. Это могут быть явления, оказывающие влияние:

- в целом на преступность, её динамику, количественные (состояние и уровень) и качественные (структура) показатели;

- на отдельные группы преступлений и категории преступников (классифицированные или типологические группы);

- на конкретные преступления и личность преступника.

Эффективность общей профилактики выражается в реальном снижении качественно-количественных показателей преступности. В зависимости от объекта и субъекта профилактики, используются различные инструменты общего профилактического воздействия: меры-нормы, меры-команды и меры-действия [1, с. 98-104].

Данные общепрофилактические меры, обращённые против преступлений рассматриваемых видов, призваны обеспечивать выявление и устранение причин этих преступлений, а также условий, способствующих их совершению. Эти меры способствуют решению следующих задач:

- выявлению лиц, вовлекающих правоуполномоченных граждан в совершение правонарушений;

- установлению мест наиболее вероятного совершения преступлений, а также мест концентрации либо укрытия злоумышленников;

- противодействию административным правонарушениям в сфере таможенной деятельности, являющимся питательной средой для совершения рассматриваемых преступлений.

Более подробно следует остановиться на мерах, относящихся к индивидуальной профилактике контрабанды особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов. В своей сущности она представляет собой совокупность мер убеждения и принуждения, применяемых к носителям антиобщественных установок и ориентаций, а также мер воздействия на негативные элементы окружающей их среды. Целью её является предупреждение негативного процесса формирования личности.

В соответствии с положениями российского законодательства⁴ в пределах установленной компетенции должностные лица таможенных органов наряду с сотрудниками некоторых других государственных органов уполномочены

осуществлять профилактику правонарушений в определённых формах профилактического воздействия, предусмотренных пп. 2-6 ч. 1 ст. 17 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (профилактическая беседа; объявление официального предостережения (предупреждения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения; постановка на профилактический учёт; внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения; профилактический надзор).

Меры индивидуальной профилактики в деятельности ОПТО могут быть связаны с установлением непосредственного оперативного контроля за лицами, имеющими притяжение к таможенной территории, образ жизни и поведение которых указывают на возможность совершения ими контрабанды особо ценных диких животных и водных биоресурсов.

К числу основных объектов оперативного внимания в рассматриваемой сфере противоправной деятельности могут быть отнесены следующие фигуранты:

- лица, причастные к браконьерской деятельности, а также вовлечённые в незаконную добычу, оборот и контрабанду особо ценных диких животных и водных биоресурсов;

- лица, занимающиеся разведением экзотических животных и выращиванием редких растений на профессиональной основе или в качестве увлечения;

- служащие международных передвижных зоопарков, цирков, выставок (отмечены случаи, когда цирковая и выставочная деятельность за рубежом нередко являлась прикрытием для вывоза редких животных из страны с их последующей незаконной реализацией в России);

- должностные лица государственных органов, оказывающие помощь контрабандистам в получении разрешительной документации, а также в беспрепятственном прохождении таможенного, фитосанитарного и ветеринарного контроля;

- лица, ранее привлекавшиеся к уголовной или административной ответственности за совершение противоправных действий в сфере незаконного оборота природных ресурсов, и др.

Злоумышленники могут распознаваться по профессиональным навыкам и умениям, связанным с изготовлением и применением запрещённых орудий лова, получением и консервацией их частей и дериватов.

Индивидуальная профилактика заключается, прежде всего, в постановке выявляемых потенциальных злоумышленников на оперативно-розыскной либо профилактиче-

4 Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ (с изм. и доп.) // Российская газета. - 2016. - 28 июня. - Часть 2. - Ст. 17.

ский учёт и осуществлении за ними оперативно-профилактического наблюдения, в том числе (при необходимости) – во взаимодействии с сотрудниками органов внутренних дел, обслуживающими соответствующую территорию.

Подобные меры применимы и ко второму направлению деятельности таможенных органов – по *предупреждению* указанных преступлений, которое заключается в том, чтобы не допустить совершения профилируемыми лицами конкретных преступлений, которые они замышляют.

Как известно, в уголовном законодательстве не существует правовой квалификации криминальных замыслов, не вылившихся в приготовление к конкретному преступлению, покушение на него или его совершение (как говорится, за преступные мысли у нас не судят). Однако в ОРД стадия обнаружения преступного умысла представляет существенный оперативный интерес для её субъектов, поскольку данное обстоятельство не исключает криминальных проявлений со стороны соответствующих лиц. Оперативных сотрудников должны всегда настораживать как тщательное обдумывание деталей замышляемого преступления перечисленными выше субъектами оперативного внимания, так и возможность возникновения у них преступного умысла в любой благоприятной для этого ситуации. И то, и другое – свидетельство формирования и развития общественно опасной (криминогенной) личности.

В данном случае меры индивидуальной профилактики должны быть усилены с таким расчётом, чтобы одновременно держать на контроле дальнейшие действия подозреваемого и не допускать перерастания его замыслов в подготовку преступных деяний. Конечная цель подобного контроля заключается в склонении последнего к отказу от преступных намерений.

В ходе оперативного наблюдения должны предприниматься усилия по локализации негативного влияния со стороны лиц, замышляющих преступления, на законопослушных граждан из их окружения, а в отдельных случаях – по изоляции наблюдаемых от общества.

Алгоритм каждой из форм профилактического воздействия разрабатывается ОПТО с учётом реальной обстановки. В отдельных случаях могут проводиться индивидуальные профилактические беседы⁵. Подобное превентивное воздействие осуществляется с применением метода убеждения и, как правило, предусматривает следующие стадии:

- а) разъяснение причины проведения беседы;
- б) получение объяснений в письменной форме (с согласия профилируемого лица) или устной форме об обстоятельствах и мотивах совершения правонарушений;
- в) предупреждение о возможных последствиях в случае реализации преступных намерений.

По результатам проведения предупредительной беседы в соответствующий орган или организацию (независимо от форм собственности) либо общественное объединение в письменной форме может быть внесено обязательное для исполнения *представление* об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения⁶.

Индивидуальные профилактические мероприятия *не могут проводиться в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступлений*. В этих случаях, при наличии предусмотренных уголовно-процессуальным законом оснований, должно приниматься процессуальное решение.

В том случае, если профилактические меры не приводят к желаемым результатам по предотвращению замышляемых преступлений, как правило, реализуется комплекс более радикальных мер по их недопущению. Предотвращение преступлений включает в себя следующие основные элементы:

- а) выявление лиц, умысленно создающих условия для совершения преступления;
- б) устранение обстоятельств, которыми намеревается воспользоваться лицо при совершении преступления;
- в) искусственное создание обстановки, исключающей либо существенно затрудняющей возможность совершения преступления;
- г) привлечение лица к уголовной, административной, дисциплинарной или иной юридической ответственности за

другие, менее тяжкие правонарушения (если таковые могут быть выявлены).

Таким образом, методы действий по профилактике криминальных деяний избираются исходя из сложившейся ситуации, конкретного состава замышляемого преступления, социального статуса фигуранта, его психологических особенностей, а также иных условий и обстоятельств.

Третье направление оперативно-розыскного предупреждения преступлений рассматриваемого вида заключается в *пресечении приготовления* к ним или *пресечении покушения на их совершение*. В данном случае задача заключается в обеспечении процесса документирования противоправной деятельности подозреваемых с целью возбуждения уголовного дела соответствующей квалификации на основе применения ст. 30 УК РФ (Приготовление к преступлению и покушение на преступление).

Если на стадии подготовки к совершению преступления ещё имеется возможность профилактического воздействия на подозреваемых, её необходимо использовать. Так, при наличии имеющихся оперативных подходов необходимо не только вести постоянное наблюдение за подозреваемыми, контролируя их поведение, но и склонять их к отказу от реализации преступных замыслов, используя в каждом конкретном случае различные веские основания. В этом плане весьма актуален институт добровольного отказа от преступления, т.е. прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления. Этот метод применяется в том случае, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца, но добровольно и окончательно отказалось от его совершения (ст. 31 УК РФ). В данном случае лицо освобождается от уголовной ответственности.

В ситуациях, когда подозреваемых не удаётся склонить к отказу от преступных замыслов, ОПТО обязаны незамедлительно принимать необходимые меры по пресечению преступления на стадии подготовки или покушения на его совершение, с целью сведения к минимуму его возможных негативных последствий. В процессе наблюдения за лицом, обоснованно подозреваемым в подготовке преступления средней тяжести, а также тяжкого или особо тяжкого, целесообразно практиковать проведение оперативного эксперимента.

Противоправная деятельность лиц, подготавливающих совершение преступлений, непременно документируется, в том числе фиксируется в соответствии с законодательством с помощью средств фотосъёмки, видео- и аудиозаписи. Документальное оформление работы по предотвращению подготавливаемого преступления (либо преступления, на совершение которого злоумышленник покушается), а также оформление принятых решений (в том числе процессуальных) осуществляется в соответствии с нормативными правовыми актами, регламентирующими оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную или административно-процессуальную деятельность.

Только при выполнении всех условий, отмеченных выше, можно добиться положительных результатов оперативно-розыскного предупреждения незаконного международного оборота особо ценных диких животных и водных биоресурсов.

Пристатейный библиографический список

1. Криминология и предупреждение преступлений: учебник. - М.: МПИ ФСБ России, 2017. - 328 с.
2. Липин Е. В. Совершенствование деятельности оперативно-розыскных подразделений таможенных органов Российской Федерации по противодействию контрабанде защищаемых видов фауны и флоры: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.12. - Люберцы: РТА, 2013. - 266 с.

5 Там же. - Ст. 20.

6 Там же. - Ст. 22.

БОГДАНОВ Алексей Викторович

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации деятельности органов внутренних дел Центра командно-штабных учений Академии управления МВД России

ГОРДЕЕВ Михаил Валентинович

слушатель 2 Факультета Академии управления МВД России

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Актуальность, полнота и достоверность поступающей в органы внутренних дел информации не всегда в полной мере отвечают предъявляемым требованиям. Анализ зачастую подменяется констатацией статистических данных и их сопоставлением. Причинно-следственные связи, лежащие в основе динамических изменений данных статистической отчетности, в ряде случаев не выявляются, негативные и позитивные факторы влияния на отдельные элементы оперативной обстановки также не всегда находят своё отражение в аналитических документах. Указанные недостатки отрицательно влияют на качество управленческих решений, обуславливая их шаблонный характер, не учитывающий значимых особенностей внешней и внутренней среды функционирования. Предлагается выделить следующие направления совершенствования информационно-аналитического обеспечения деятельности органов внутренних дел: развитие единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – ИСОД МВД России), путем расширения её технических возможностей, а также повышение качества аналитической работы в системе МВД России.

Ключевые слова: органы внутренних дел, информационно-аналитическое обеспечение, управленческое решение, информационная система, управленческая деятельность, информация, аналитическая работа.

BOGDANOV Aleksey Viktorovich

Ph.D. in Law, associate professor of Organization of the activities of the internal affairs bodies sub-faculty of the Center for Command Staff Trainings of the Academy of Management of the MIA of Russia

GORDEEV Michael Valentinovich

student of the 2nd Faculty of the Academy of Management of the MIA of Russia

INFORMATION AND ANALYTICAL SUPPORT OF MANAGEMENT ACTIVITIES OF THE HEAD OF THE INTERNAL AFFAIRS BODY OF THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE, PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

The relevance, completeness and reliability of the information received by the internal affairs bodies do not always fully meet the requirements. The statement of statistical data and their comparison often replaces analysis. The causal relationships underlying dynamic changes in statistical reporting data are not revealed in some cases, negative and positive factors of influence on individual elements of the operational situation are also not always reflected in analytical documents. These shortcomings negatively affect the quality of management decisions, causing their template nature, which does not take into account the significant features of the external and internal environment of functioning. It is proposed to identify the following areas of improvement of information and analytical support for the activities of internal affairs bodies: development of a unified system of information and analytical support for the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (hereinafter - the ISOD of the Ministry of Internal Affairs Ross).

Keywords: internal affairs bodies, information and analytical support, management decision, information system, management activities, information, analytical work.

В теории управления существуют различные подходы к раскрытию содержания понятия управленческая деятельность. Так, А. М. Кононов, И. Ю. Захватов отождествляют её с деятельностью уполномоченных субъектов по организации и обеспечению выполнения объектами управления возложенных на них задач [4, с. 7]. В свою очередь, О. А. Степанов предлагает рассматривать управление в более широком смысле, включая в объём данного понятия организационную структуру, её кадровое звено и выделяя отдельные элементы функционирования: информационное обеспечение, планирование, регулирование, контроль и учет [5, с. 13]. В контексте рассматриваемых вопросов, на наш взгляд, более наглядное представление о сущности ведомственного управления формирует его определение, сформулированное А. Д. Ульяновым, Ф. Р. Шарифзодой, которые связывают его с процессом принятия и реализации управленческих решений [6, с. 12]. Данный подход предлагается использовать в качестве методологической основы при дальнейшем рассмотрении вопросов информационно-аналитического обеспечения управленческой деятельности в системе МВД России дел.

Развивая приведенную выше позицию А. В. Богданов, М. А. Пушков предложили рассматривать управленческую

деятельность в органах внутренних дел с позиции непрерывного технологического процесса, объединяющего в себя две взаимосвязанные фазы: принятие управленческого решения и обеспечение его выполнения. При этом фаза принятия управленческого решения включает в себя последовательное прохождение следующих самостоятельных этапов: информационного, аналитического, прогноза и планирования [1, с. 121]. Предложенная теоретическая модель позволяет сформировать наглядное представление о роли, месте и значении информационно-аналитического обеспечения в процессе управленческой деятельности. Управление по своей сущности имеет информационную природу, то есть заключается в сборе и последующей обработке информации, её передачи соответствующим объектам, путем принятия управленческого решения, дальнейшей реализации его исполнения и последующем контроле, выступающем формой обратной связи, обеспечивающей информированность субъекта управления о результате управленческого воздействия. Эффективность ведомственного управления предполагает необходимость качественного прохождения каждого из обозначенных выше этапов управленческого цикла.

Богданов А. В.

Гордеев М. В.

Разработка каждого управленческого решения, вне зависимости от профиля его реализации, должна начинаться с предварительного сбора необходимой информации, снимающей неопределенность в сфере предполагаемого управленческого воздействия. Субъект управления самостоятельно определяет какая информация ему необходима, вырабатывает критерии к её объему, содержанию, каналам поступления и структуре изложения, в целях оптимизации её последующей обработки. Важнейшее значение здесь имеет обеспечение соблюдения таких важнейших требований к информации как её актуальность, системность, достоверность и достаточность. Не соблюдение любого из указанных выше требований не позволяет сформировать у субъекта управления достоверного и объективного понимания о реальной ситуации, складывающейся в соответствующей предметной области, что неминуемо снижает качество принимаемого управленческого решения и как следствие, его эффективность. В контексте управленческой деятельности в органах внутренних дел, круг обязательных требований к информации нуждается в дополнении требованием защищенности, то есть служебная информация должна быть надежно защищена от любого внешнего несанкционированного доступа. В условиях прорывного развития информационно-телекоммуникационных систем и технологий дистанционного доступа защита служебной информации закрытого и ограниченного характера приобретает особую важность.

Собранная и структурированная информация подлежит анализу, под которым следует понимать научно-исследовательский метод познания. Его использование позволяет субъекту управления получить на основе предварительно собранной информации новые знания о причинно-следственных связях, лежащих в основе изменений внешних и внутренних факторов среды функционирования органов внутренних дел (оперативной обстановки), а также факторах, оказывающих на неё позитивное либо негативное влияние. Полученные в результате анализа новые знания, в свою очередь, выступают основой для последующего прогнозирования развития оперативной обстановки в целом, либо отдельных её структурных элементов. При последующем планировании осуществляется разработка конкретных мероприятий, направленных на устранение причин и условий, способствующих усложнению оперативной обстановки, а также на нейтрализацию негативно влияющих на неё факторов и дальнейшее укрепление и развитие позитивных факторов влияния. Прогноз и планирование как этапы управленческого цикла невозможны без предварительного анализа, проводимого в свою очередь на основе ранее собранной и структурированной информации. Отсутствие аналитической обработки информации исключает возможность составления объективного прогноза и влечет за собой формализм и шаблонность при составлении планов, закладываемых в основу управленческого решения.

Таким образом, можно прийти к выводу, что термин «информационно-аналитическое обеспечение» является собирательным и включает в себя две самостоятельные функции: информационную и аналитическую. Каждая из приведенных функций имеет собственные цели и задачи, а также методы и способы их достижения. Их соединение в одном термине обусловлено наличием между ними прямой логической связи, поскольку анализ невозможен без наличия информации, а собранная информация требует аналитической обработки, поскольку, фиксируя численные (количественные) характеристики явлений, событий и процессов, информация не отражает их сущности и взаимосвязи.

17 февраля 2022 года, в своём докладе на расширенном заседании коллегии МВД России по итогам работы за 2021 год, Министром внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцевым отмечено обеспечение контроля за оперативной обстановкой в стране и сохранение тенденции сокращения общего количества зарегистрированных преступлений, что указывает на стабильное улучшение криминальной ситуации [3]. Изложенное свидетельствует, что в целом управленческая деятельность в органах внутренних дел отвечает предъявляемым требованиям, поскольку позволяет успешное исполнять возложенные на систему МВД России обязанности. Вместе с тем, на наш взгляд, потенциал ведомственного управления в настоящее время раскрыт не в полном объеме, что предполагает возможность поиска путей его дальнейшего развития, в том числе и в области информационно-аналитического обеспечения.

Текущее состояние информационно-аналитического обеспечения управленческой деятельности в органах внутренних дел характеризуется наличием ряда недостатков системного характера, о чем ранее указывалось в работах А. В. Богданова, А. А. Кочнева [2, с. 404] и других ученых. К числу основных недостатков можно отнести недостаточное количество АРМ (далее – АРМ) с возможностью оперативного доступа к ресурсам ИСОД МВД России у субъектов ведомственного управления, невозможность обработки в ИСОД МВД России информации ограниченного доступа, ввиду недостаточной технической защищенности данной системы.

В части аналитического обеспечения к числу наиболее распространенных недостатков можно отнести низкое качество составления аналитических документов, зачастую содержащих лишь данные статистической отчетности, которые сопоставляются с аналогичными данными на предмет выявления их динамики. При этом интерпретация динамических изменений не дается, лежащие в их основе причины и условия не выявляются, влияющие на их состояние факторы не указываются. Кроме этого, зачастую аналитические документы носят излишне подробный и объёмный характер, что существенно затрудняет процесс их дальнейшего использования в управленческой деятельности.

Отмеченные недостатки информационно-аналитического обеспечения деятельности руководителя органа внутренних дел Российской Федерации определяют направления его дальнейшего совершенствования. В их числе можно выделить следующие:

Дальнейшее развитие ИСОД МВД России, которое предполагает: необходимость её перехода на отечественное программное обеспечение; перестройку системы для функционирования в закрытом контуре, исключающем возможность стороннего доступа через сеть Интернет; обеспечение наличия автоматизированных рабочих мест с возможностью оперативного доступа к ресурсам ИСОД МВД России у субъектов ведомственного управления.

Исключение формального подхода к подготовке аналитических документов, обеспечение надлежащего ведомственного контроля за качеством их составления со стороны уполномоченных должностных лиц органов внутренних дел, исключение практики принятия шаблонных управленческих решений, заложенные в которых мероприятий не учитывают специфику внутренних и внешних факторов среды функционирования органа внутренних дел, а также обеспечение надлежащего научно-методического обеспечения аналитической работы в системе МВД России.

Реализацию приведенных выше мер будет способствовать качественному повышению уровня информационно-аналитического обеспечения управленческой деятельности руководителя органа внутренних дел Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Богданов А. В., Пушков М. А. К вопросу о совершенствовании теоретических основ управленческой деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации // Криминологический журнал. - 2021. - № 2. - С. 119-122.
2. Богданов А. В., Кочнев А. А. Роль современного программного обеспечения в процессе оптимизации информационно-аналитической работы в органах внутренних дел Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. - 2022. - С. 403-404.
3. Доклад Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В. А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России 17 февраля 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/document/28589840> (дата обращения: 03.04.2022).
4. Организация управления органами внутренних дел: учебник, 2-е издание, переработанное и дополненное / под общей редакцией А. М. Кононова, И. Ю. Захватова. – М.: ДГСК МВД России. 2017. – 296 с.
5. Степанов О. А. Пути и цели формирования профессионального правового сознания и профессиональной правовой культуры руководителей органов внутренних дел // Труды Академии МВД России. - 2012. - № 2 (26). - С.12-14.
6. Шарифзода Ф. Р., Ульянов А. Д. Управленческая деятельность в органах внутренних дел как научная категория // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. - 2019. - № 1 (41). - С. 8-16.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-375-376

ГОНЧАРЕНКО Елена Вячеславовна

медицинский психолог, старший лаборант Астраханского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации

ТАЙСАЕВА Светлана Борисовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

ПАРАМОНОВА Ксения Владимировна

кандидат медицинских наук, заведующая отделением медицинской реабилитации ГБУЗ АО «Областная детская клиническая больница им. Н. Н. Силищевой»

КАЛЮЖНЫЙ Иван Павлович

медицинский психолог ГБУЗ АО «Областная детская клиническая больница им. Н. Н. Силищевой»

БИОПСИХОСОЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД ФОРМИРОВАНИЯ СТОКГОЛЬМСКОГО СИНДРОМА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

В статье показано как в ходе работы клинического психолога выявляется стокгольмский синдром. Описана работа с конкретным случаем стокгольмского синдрома в семье в практике клинического психолога. Аппелируя к научным воззрениям, авторы приводят в пример психологические портреты, делают собственные выводы о возможности рассмотрения биопсихосоциальной природы развития у некоторых групп личностей описываемого синдрома в профессиональной деятельности следователей и психолога.

Ключевые слова: стокгольмский синдром, психологический портрет, виктимизация.

GONCHARENKO Elena Vyacheslavovna

medical psychologist, senior laboratory assistant of the Astrakhan State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

TAYSAEVA Svetlana Borisovna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor of Psychology sub-faculty of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics

PARAMONOVA Kseniya Vladimirovna

Ph.D. in medical sciences, Head of the Department of Medical Rehabilitation of the "N. N. Silishcheva Regional Children's Clinical Hospital"

KALYUZNY Ivan Pavlovich

medical psychologist of the "N. N. Silishcheva Regional Children's Clinical Hospital"

BIOPSYCHOSOCIAL APPROACH TO THE FORMATION OF STOCKHOLM SYNDROME IN CRIMINALISTIC AND PSYCHOLOGICAL PRACTICE

The article shows how the Stockholm syndrome is revealed in the course of the work of a clinical psychologist. The work with a specific case of Stockholm syndrome in the family in the practice of a clinical psychologist is described. Appealing to scientific views, the authors cite psychological portraits as an example, draw their own conclusions about the possibility of considering the biopsychosocial nature of the development of the described syndrome in some groups of individuals in the professional activities of investigators and a psychologist.

Keywords: Stockholm syndrome, psychological portrait, victimization.

В следственной и клинической практике следователи и медицинские работники встречаются с ситуацией, когда законный представитель несовершеннолетнего оправдывает агрессию к себе и своему ребенку со стороны сожителя или супруга. Для ребенка биологически и психологически мать является источником питания и тепла, проявлением нежности, любви и заботы. Активный тактильный контакт с новорожденным улучшает выработку гормона соматотропина для роста костей. В свою очередь, воспитание без матери способно вызвать увеличение уровня глюкокортикоидов во время стресса и слабое восстановление после него, повышение тревожности и изменения в миндалевидном теле головного мозга [4]. Эмоциональная холодность законного представителя может быть обусловлена алкоголизацией, употреблением психоактивных веществ, психическими эмоционально - волевыми нарушениями. Но что, если мозг здоров и нет патологических привычек, а женщина не принимает никаких мер, чтобы остановить жестокость супруга? В этом случае речь может идти о психическом феномене под названием Стокгольмский синдром. В 1973 году психиатр Н. Бейерт описал психическое состояние заложников в Стокгольме. Стокгольмский синдром (англ. Stockholm Syndrome) - термин, описывающий защитно-бессознательную травматическую связь [С. Алиева, 2017], взаимную или одностороннюю

симпатию [1], возникающую между жертвой и агрессором в процессе захвата, похищения и/или применения угрозы или насилия. Раньше этот термин применялся исключительно к ситуациям, связанным со взятием в заложники, но впоследствии сфера применения его значительно расширилась. Бытовой стокгольмский синдром, встречается значительно чаще, чем можете себе представить [2]. Он возникает у человека, имеющего определённые личностные качества. Такие люди всегда смотрят на мир исключительно с позиции жертвы. У них высокая необходимость в защите и зависимости от любимого человека, желание раствориться в нем. Это не только предпосылки к великой любви, но и идеи формирования зависимых отношений. Но если личность, которую любил, имеет психопатические черты, это возможный сценарий бытового стокгольмского синдрома. С психологической точки зрения, данный феномен формируется детскими проблемами и взаимоотношениями ребёнка с агрессивным и доминирующим родителем.

Нездоровые и болезненные отношения с авторитарными людьми повышают при взрослении чувство собственной значимости. Индивид готов на всё ради того, чтобы внимание было сконцентрировано только на нем, а желание окружающих оказать помощь воспринимается неадекватно или игнорируется. Женщины, избитые или униженные своим партнерами,

просят у них прощения и испытывают чувство вины. Синдром состоит из двух стадий- консолидации и идентификации. При первом существует возможность разорвать замкнутый круг «агрессор-жертва», при второй происходит полное слияние и симбиоз между ними. В нашей криминологической и клинической практике мы диагностировали стокгольмский синдром в семье одиннадцатилетней пациентки. Ребенок нуждался в реабилитационных и психологических мероприятиях в связи с психическим и соматическим здоровьем. Была госпитализирована в отделение медицинской реабилитации ГБУЗ АО «Областной детской клинической больницы им. Н. Н. Силищевой» г. Астрахани.

Психологический портрет несовершеннолетней В. 2010 г.р.

Объективно: девочка изначально тревожна, напряжена. Контакт устанавливается постепенно, раппорт строится на «психологическом поглаживании», эмпатии, принятии и поддержке. Обращает на себя внимание, что сидит в позе «черепахи», голова опущена вниз, сторблена, множество жестов-манипуляторов из груминга (обдирает возле ногтевой пластины кожу). Лицевые движения по FACS микровыражения эмоций на контрольных вопросах страх+печаль [5]. Голос тихий, эмоционально бесцветный, сухой, нервный кашель на психотравмирующих темах. Интеллектуальное развитие по речевой продукции по возрасту, патопсихологического продукта мышления не диагностируется. При сформированном раппорте фиксируется моторная медлительность, быстрая утомляемость, астенизация с вегетативными проявлениями стресса (гипердыхание, жесты-адапторы, дескрипторы, сглаживания).

О себе рассказывает неохотно. Из рассказа: проживает периодически у бабушки по отцовской линии, либо у биологического отца. В связи с переездами часто меняла учебные заведения. Отношения с одноклассниками во всех школах конфликтные, рассказывает, что часто подвергалась буллингу, остракизму с их стороны, не имела желания посещать школу в связи с эмоциональным неприятием ее соучениками. К бабушке относится хорошо, любит ее, характеризует ее ласковой и нежной, «она меня гладит всегда и успокаивает», отца характеризует «у него белочка, если не пьет, то хороший, но он запойный». На вопрос «Какие отношения у тебя с мамой?» ответы: «Она занимается младшими, у нее времени мало, или сидит в телефоне», «Не хочу жить с ней и отчимом». На вопрос: «Какой отчим человек?», отвечает: «Он злой, бил меня. Говорил, станешь алкашкой, как папаша». Далее рассказывает о детских воспоминаниях 7-8 лет, во время поездки со школы, девочка раскатылась, мужчина вывел ее из машины и отпояремнем, матери было запрещено выходить из автомобиля. В возрасте 8-9 лет, после ее отказа учить стихотворение, приковал к батарее наручниками, на просьбу ребенка попить, кинул ей бутылку с водой и велел выучить два стихотворения. Вспоминает, что однажды отчим устроил «неделю порки», «у него было два ремня для порки черный, ободраный и армейский». «Один раз дал подзатыльник, и я упала на кровать, и еще часто ставил в угол, когда мама была на работе и при ней». На вопрос: «Как ты считаешь почему он к тебе так относился?» отвечает: «Он говорил, что меня нужно воспитывать, выбивать гены». На вопрос: «Он называл тебя плохими словами?» стесняется, но перечисляет жаргонизмы, матерную брань. Со слов законного представителя, отчим инициировал временное помещение падчерицы в детский дом в 2021 г. Делится впечатлениями и эмоциональными переживаниями о проживании там. На вопрос: «О чем мечтаешь больше всего?» озвучивает: «Хочу, чтобы меня гладили и целовали, обнимали». На вопрос: «С кем ты хочешь проживать постоянно?», ответ: «С мамой, но без него, я его боюсь». На вопрос: «Бывают ли у тебя мысли о смерти?» отвечает «Да, я себя резала, ноги и руки, летом последний раз», отмечает шрамы от насечек на руках. На вопрос: «Были ли со стороны отчима по отношению к тебе действия сексуального характера?» ответ: «Нет. Никогда. Один раз ночью проснулась, хотела в туалет, было страшно, подошла к их кровати, он спал с мамой без трусов».

Из собранного психологического анамнеза, метода клинического наблюдения, вербального и невербального рисунка личности, у пациентки диагностируется депрессивное состояние, суицидальные мысли с аутоагрессией, невротизация, обусловленная длительными психотравмирующими факторами.

Психологический портрет законного представителя К.И. 1991 г. р.

Составлен с помощью метода интервью, сбора психологического анамнеза и автобиографических данных.

Женщина 30 лет, внешний вид опрятный, ухоженная, одета в модную одежду. Имеет высшее образование, трудовой стаж около 10 лет, в настоящее время находится в декретном отпуске. Имеет троих детей, дочерей 11 лет и 4 лет, сына 1,5 года. Проживала с матерью, затем с ее родителями, имеет сестру - сиблинга и сводную сестру. Мать часто алкоголизировалась, выпивала отношения с ней были конфликтные с детского возраста. Характеризует ее как властную, доминирующую эмоционально-холодную женщину, склонную к аффективным реакциям, в гневе могла побить, часто унижала их с сестрой. Проживала с бабушкой и бабушкой после второго брака матери, но ходила до пубертатного периода к ней готовить и убираться по дому. Вышла замуж в 18 лет, муж часто употреблял алкоголь, поднимал руку на нее, родила старшую дочь, после рождения ребенка семья распалась. Второй брак в 2017 году, после первого года семейной жизни, начались конфликты, связанные с воспитанием ребенка, физические наказания дочери за непослушание. В течение семейной жизни отчим неоднократно избивал падчерицу, в ультимативной форме требовал ее отдельного проживания. Мать шла на его условия, договаривалась с отцом ребенка и бабушкой по отцовской линии о временном переезде дочери к ним. В пубертатном возрасте В. начала сбегать из дома, дерзить отчиму и матери, по его инициативе, временно была помещена в детский дом для «профилактических целей».

Психологический профиль (profile): желает произвести впечатление самостоятельной и уверенной в себе, но детские ригидные установки на властных и агрессивных людей сформировали в характере подчинение и слабое сопротивление им, например, неоднократно уходила от супруга, но на его уговоры возвращалась. Отвечала согласием на все его ультимативные условия, оправдывая себя тем, что нет собственной жилплощади, недостаточное количество денежных средств на автономность, страхом и боязнью преследований. Потребности к достатку и созависимому поведению были приоритетами по отношению к моральному и психологическому благополучию дочери. Склонна подвергаться манипуляциям и провокациям. Отмечается психологическая незрелость, тревожность, инфантильность, эгоцентризм, эмоциональная неустойчивость характерная для невротической истероидной личности. Психотравмирующие факторы, воспитание и детско-родительские отношения сформировали привязанность к агрессору и формирование бытового стокгольмского синдрома.

Доминирующая мать, жестокий и психопатичный супруг, отчим в анамнезе матери и ребенка явились триггером для формирования этого психологического феномена и виктимизации. Неблагоприятное взросление усиливает в будущем развитие депрессий, неврозов, нарушение самоконтроля и эмоциональной регуляции, формирование взаимоотношений, копирующих отрицательную среду, привязанность к партнеру-агрессору. Неблагополучное детство ослабляет и притупляет функцию гиппокампа и лобной коры. А вот в миндалине мозга все наоборот: при неблагоприятных условиях она увеличивается в размере и становится чрезмерно чувствительной. Из-за этого повышается риск тревожных расстройств: если же учитывать еще и дефектное созревание лобной коры, то становится возможным объяснить проблемы с эмоциональной и поведенческой регуляцией, особенно с самоконтролем [3]. Таким образом, стокгольмский синдром имеет биопсихосоциальную природу развития у некоторых групп личностей.

Приставительный библиографический список

1. Милашина Е. На переговоры идет сильный. Как подчинить террористов своей воле, не выводя танки и огнеметы на прямую наводку. Интервью с Адамом Дольником. «Новая газета». 29.08.2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravdabeslana.ru/dolnik.htm (дата обращения: 30.03.2022).
2. Нокс М., Ресслер Р. Любить монстра: краткая история стокгольмского синдрома. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2020. – 416 с.
3. Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. – М.: Альпина нон-фикшн, 2021. – 776 с.
4. Сапольски Р. Психология стресса. – СПб.: Питер, 2021. – 480 с.
5. Ekman P., Friesen W. V., Hager J. C. Facial Action Coding System: the Manual. 2th ed. – Salt Lake City: Research Nexus eBook, 2002.

ЛЕГОСТАЕВ Сергей Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии права и управления ФСИН России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРОВ

В статье раскрыта общая характеристика полномочий прокуроров. Рассматриваются полномочия прокуроров специализированных прокуратур. Проводится сравнительный анализ правовых норм, закрепляющих специальные полномочия. Отражается специфический характер полномочий прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях. Указывается на необходимость конкретизации их правового регулирования. Вносятся некоторые предложения по корректировке законодательства.

Ключевые слова: прокурорский надзор, специализированные прокуратуры, полномочия прокурора, проблемы правового регулирования.

LEGOSTAEV Sergey Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of Law and Management of the FRS of Russia

Легостаев С. В.

SOME ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF THE POWERS OF PROSECUTORS

The article reveals the general characteristics of the powers of prosecutors. The powers of prosecutors of specialized prosecutor's offices are being considered. A comparative analysis of the legal norms securing special powers is carried out. The specific nature of the prosecutor's powers to monitor compliance with the laws in correctional institutions is reflected. The need to specify their legal regulation is indicated. Some proposals are being made to adjust the legislation.

Keywords: prosecutor's supervision, specialized prosecutor's offices, powers of the prosecutor, problems of legal regulation.

Прокуратура Российской Федерации представляет собой единую систему надзорных органов, в которой каждый прокурор наделен в пределах своей компетенции единственными полномочиями и правовыми средствами их реализации. Основные полномочия сотрудников прокуратуры закреплены в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» (далее Закон о прокуратуре, Закон)¹. В связи с тем, что систему органов прокуратуры образуют территориальные, военные и иные специализированные прокуратуры, которые имеют определенную специфику в своей деятельности, правовое регулирование их полномочий осуществляется также правовыми актами Генерального прокурора Российской Федерации.

Прокуроры наделены конкретными полномочиями для реализации надзорных функций в определенной сфере деятельности. Защищая права и свободы граждан, а также представляя интересы государства, прокуроры обладают особым самостоятельным статусом. Как отмечает В. Ю. Шобухин, «одним из важных элементов статуса современной российской прокуратуры и прокурорских работников являются их полномочия» [1, с. 35].

Поскольку система органов прокуратуры представлена различными видами прокуратур, направления деятельности которых функционально отличаются друг от друга, разумеется, и полномочия прокуроров не могут быть одинаковыми. Их можно разделить на две группы. Общие, то есть полномочия, применяемые во всех отраслях прокурорского надзора и специальные полномочия, используемые прокурором в отдельных специфических отраслях. При анализе полномочий прокурора больше всего правовых коллизий и неясностей

возникает при рассмотрении второй группы, которая относится к полномочиям специализированных прокуроров.

В Законе о прокуратуре из числа специализированных прокуратур отдельно выделяются только полномочия прокуроров по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях и военных прокуроров. Такое положение подчеркивает важное значение этих направлений деятельности прокуратуры и ее специфический характер. Однако сравнительный анализ показывает, что законодатель по-разному подходит к вопросу о содержании полномочий указанных прокуроров.

На сегодняшний день одним из актуальных направлений деятельности прокурора является надзор за исполнением законов администрациями исправительных учреждений. По общему мнению, «надзор за исполнением законов в местах лишения свободы продолжает быть наиболее сложным участком в деятельности прокуроров» [2, с. 29]. Несмотря на то, что вопросы предмета надзора в указанной сфере, его пределов и полномочий прокурора закреплены в Законе о прокуратуре, практика реализации указанных надзорных полномочий имеет свои особенности.

Прокуроры специализированных прокуратур при выявлении нарушений наделены правом вносить протесты и представления (ст. 33 Закона о прокуратуре). Однако, правовые основания, порядок применения и рассмотрения указанных актов предусмотрены соответственно ст. ст. 23 и 24 указанного Закона, относящихся к другому направлению деятельности - надзору за исполнением законов. В то же время, сравнительный анализ правовых норм по другим направлениям деятельности прокуроров свидетельствует о более конкретном подходе законодателя к этому вопросу. Так, при осуществлении надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина прокурор наделен правом принесения протеста и внесения представления. Причем в данном случае, как указано в статье 28 Закона «протесты и представле-

1 О прокуратуре Российской Федерации: ФЗ от 17 января 1992г № 2202-1 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 47. - Ст. - 4472.

ния вносятся и рассматриваются в порядке и сроки, которые установлены статьями 23 и 24 настоящего Федерального закона». Поскольку в ст. 33 Закона о прокуратуре не содержит указаний о порядке применения указанных актов прокурорского реагирования, полагаем, что для обеспечения одинаковых подходов в правовом регулировании прокурорских полномочий, необходимо дополнить вышеуказанную статью положениями аналогичными по содержанию с другими отраслями надзора.

Рассматривая общее правовое регулирование содержания и структуры полномочий специализированных прокуроров, нужно отметить, что более удачной является норма Закона о прокуратуре (ст. 47), в которой содержатся полномочия военных прокуроров. Согласно данной статье, Главный военный прокурор и подчиненные ему прокуроры обладают в пределах своей компетенции полномочиями, определенными настоящим законом.

В части второй данной статьи указывается на то, что военные прокуроры также обладают и специальными полномочиями, например, участвовать в заседаниях коллегий, военных советов, служебных совещаниях органов военного управления; назначать вневедомственные ревизии и проверки, затраты на проведение которых возмещаются по постановлению прокурора органами военного управления, где состоят на довольствии проверяемые воинские части и учреждения; проверять законность содержания осужденных, арестованных и задержанных военнослужащих на гауптвахтах, в дисциплинарных частях и других местах их содержания, немедленно освобождать незаконно содержащихся там лиц и некоторыми другими правами.

Представляется, что такая конструкция правовой нормы может быть применена и к ст. 33 Закона о прокуратуре, в которой нет указания на обладание прокуроров по надзору за соблюдением законов в местах лишения свободы общими полномочиями.

Характеризуя механизм реализации указанными прокурорами своих полномочий и применения правовых средств, уместно проанализировать и раскрыть содержание практики надзорной деятельности. Как показывают результаты работы, прокуроры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях достаточно широко применяют такие правовые средства реагирования как обращение с иском в суд. Основанием возникновения гражданских процессуальных правоотношений между администрациями исправительных учреждений и прокурорами является заявленный в суд иск прокурора. Данная мера прокурорского реагирования применяется в связи с выявленными прокурорами нарушениями закона, повлекшими ущемление прав неопределенного круга лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Участие специализированного прокурора в процессах по гражданским делам продолжает оставаться важной гарантией эффективной охраны и защиты прав граждан и защиты интересов государства. Нужно заметить, что прокуроры применяют различные формы исковых заявлений. Это исковые заявления в порядке ст. 45 Гражданского процессуального кодекса РФ и ст. 39 Кодекса административного судопроизводства РФ об обязанности привести в соответствие с требованиями уголовно-исполнительного законодательства нормы материально-бытового обеспечения осужденных, об обязанности оборудовать помещение для проведения осужденными отпусков, о понуждении к действию и ряд других требований прокуроров по устранению нарушений, выявляемых при проведении проверок, в ходе которых устанавливается, например, бездействие администраций учреждений.

В действующем законодательстве полномочия специализированных прокуроров по их участию в гражданском и административном судопроизводстве определены недостаточно четко. Так, ст. 33 Закона о прокуратуре не наделяет указанных прокуроров полномочиями по обращению в суд с

заявлением или вступлению в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества и государства. Нет конкретных указаний по этому поводу и в отраслевом приказе Генерального прокурора РФ. В общих чертах о таком полномочии упоминается в приказе, регулирующем организацию работы в экологической сфере, согласно которому прокурорам всех уровней, в том числе и специализированным предписывается особое внимание уделять выполнению обязанностей по предъявлению исков о возмещении вреда окружающей среде. В данном ведомственном акте не указан перечень специализированных прокуратур, что затрудняет конкретизировать сферы применения соответствующих полномочий той или иной прокуратурой. В то же время, приравненные к прокуратурам субъектов, относящиеся к специализированным, природоохранные прокуроры, наделены соответствующим приказом Генерального прокурора РФ правом предъявления исковых заявлений.

Как видим, ведомственными правовыми актами полномочия специализированных прокуроров, несмотря на их одинаковую правовую природу, определены по-разному. Указанные недостатки правового регулирования института полномочий прокуроров негативно отражаются на практику применения актов реагирования. Специализированные прокуроры иногда применяют нормы Закона, не относящиеся к их сфере деятельности, применяя общие подходы прокурорской практики, которые не относятся к специфике предмета их надзора, хотя в практике рассмотрения актов прокурорского реагирования не распространены случаи отказов в удовлетворении требований прокурора поднадзорными органами и их должностными лицами, за исключением рассмотренных судами, которые иногда принимают решения об отказе в удовлетворении требований прокуроров.

Таким образом, действующее законодательство, закрепляет полномочия специализированных прокуроров и предоставляет им возможность достаточно эффективно осуществлять надзорные мероприятия в различных сферах, в том числе и специфических, на которые направлена их надзорная деятельность. В то же время, требуется некоторая корректировка и дополнение отдельных норм Закона о прокуратуре, с целью обеспечения единых подходов к их содержанию. Указание в данном законе на право применения общих полномочий всеми специализированными прокурорами, позволит исключить возможность ставить под сомнение наличие у них такого права.

Пристатейный библиографический список

1. Шобухин В. Ю. Полномочия прокурора: актуальные проблемы правового регулирования // Современное право. - 2013. - № 11. - С. 35.
2. Салимжанов Д. Н. Сущность и содержание прокурорского надзора в местах исполнения наказания в виде лишения свободы // Вестник Уральского института экономики, управления и права. - 2019. - № 2. - С. 29.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-379-381

ЛИФАНОВА Марина Владиславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета; доцент кафедры международных отношений, истории и востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета

КОГАН Ольга Станиславовна

доктор медицинских наук, профессор кафедры международных отношений, истории и востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГУБАЙДУЛЛИНА Ильсеяр Нуровна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры пожарной безопасности факультета защиты в чрезвычайных ситуациях Уфимского государственного авиационного технического университета

ИШМЕЕВА Анастасия Сергеевна

кандидат экономических наук, доцент, магистрант кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ЮРИСТОВ

В статье рассмотрены проблемы адаптации к профессии будущих юристов, проведено исследование уровней общительности, тревожности и стрессоустойчивости студентов первого и четвертого курсов, и на этой основе обоснован вывод о совершенствовании навыков межличностного общения среди студентов-старшекурсников, нормализации микроклимата в студенческих группах старшекурсников, улучшении их функционального психического состояния. Проанализированы отдельные аспекты профилактики тревожности среди студентов юридических вузов.

Ключевые слова: студент юридического вуза, тревожность, стрессоустойчивость, профессиональная адаптация, правоохранительная деятельность.

LIFANOVA Marina Vladislavovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and process sub-faculty of the Institute of Law of the Bashkir State University; associate professor of International relations, history and oriental studies sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

KOGAN Olga Stanislavovna

Ph.D. in medical sciences, professor of International relations, history and oriental studies sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

GUBAYDULLINA Ilseyar Nurovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Fire safety sub-faculty of the Faculty of Protection in Emergency Situations of the Ufa State Aviation Technical University

ISHMEEVA Anastasiya Sergeevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, magister student of International law and international relations sub-faculty of the Institute of Law of the Bashkir State University

PROBLEMS OF ADAPTATION AND STRESS TOLERANCE IN THE TRAINING OF LAWYERS

The article considers the problems of adaptation to the profession of future lawyers, conducted a study of the levels of sociability, anxiety and stress resistance of first- and fourth-year students, and on this basis, the conclusion is substantiated about improving interpersonal communication skills among undergraduate students, normalization of the microclimate in undergraduate student groups, improvement of their functional mental state. Some aspects of anxiety prevention among law students are analyzed.

Keywords: law school student, anxiety, stress tolerance, professional adaptation, law enforcement.

Известно, что профессиональная деятельность работников правоохранительных органов часто сопровождается нестандартными и экстремальными ситуациями, напряженной работой, связанной с присутствием риска и стресс-факторов. В связи с этим, к учебе для подобной работы допускаются изначально здоровые молодые девушки и юноши. Это обеспечивается, прежде всего, тем, что будущие работники правоохранительных органов проходят необходимый предварительный медицинский отбор перед поступлением на юридические факультеты.

Задачей высшего образования в сфере правоохранительной деятельности является формирование зрелого, конкурентноспособного, стрессоустойчивого специалиста, готового к работе в сложных и опасных профессиональных ситуациях. Многие научные работы посвящены выявлению причин и условий действия стрессовых факторов на орга-

низм человека, в том числе проявления устойчивости к стрессу. По мнению большинства специалистов, в преодолении стресса большое значение имеют личностные свойства человека. (См. Таблицу 1.)

Оценка уровня общительности студентов 4 курса Института права БашГУ, обучающихся по направлению «Юриспруденция», по тесту В. Ф. Ряховского позволяет прийти к выводу, что они более общительны. Весьма общительны, любопытны, разговорчивы, легко знакомятся с новыми людьми 26,7 % юношей и 31,3 % девушек. Они любят высказываться по разным вопросам, что часто вызывает раздражение окружающих. Около трети студентов (36,7 % юношей и 40,6 % девушек) имеют нормальную коммуникабельность, в незнакомой обстановке чувствуют себя вполне уверенно. Низкая общительность у студентов 4 курса выявляется у 10,0 % юношей и 6,7 % девушек. Замкнуты, неразговорчивы, предпочи-

Таблица 1.

Студенты 1 курса		
Показатели	Юноши (30 чел.)	Девушки (32 чел.)
30–31 очков. Абсолютно некоммуникабельны. Часто бывают недовольны собой.	13,3	9,3
25–29 очков. Замкнуты, неразговорчивы, предпочитают одиночество, поэтому у них мало друзей. Новая работа и необходимость новых контактов надолго выводят из равновесия.	36,7	31,3
14-24 очков. Нормальная коммуникабельность, любознательны, охотно слушают интересного собеседника, достаточно терпеливы в общении, отстаивают свою точку зрения без вспыльчивости. Без неприятных переживаний идут на встречу с новыми людьми.	26,7	31,3
5–13 очков. Весьма общительны (быть может, даже сверх меры). Любопытны, разговорчивы, любят высказываться по разным вопросам, что, бывает, вызывает раздражение окружающих. Охотно знакомятся с новыми людьми, любят бывать в центре внимания, бывают вспыльчивы, но быстро отходят.	23,3	28,1
Студенты 4 курса		
Показатели	Юноши (30 чел.)	Девушки (32 чел.)
30–31 очков. Абсолютно некоммуникабельны. Часто бывают недовольны собой.	10,0	6,7
25–29 очков. Замкнуты, неразговорчивы, предпочитают одиночество, поэтому у них мало друзей. Новая работа и необходимость новых контактов надолго выводят из равновесия.	26,7*	21,9**
14-24 очков. Нормальная коммуникабельность, любознательны, охотно слушают интересного собеседника, достаточно терпеливы в общении, отстаивают свою точку зрения без вспыльчивости. Без неприятных переживаний идут на встречу с новыми людьми.	36,7*	40,6**
5–13 очков. Весьма общительны (быть может, даже сверх меры). Любопытны, разговорчивы, любят высказываться по разным вопросам, что, бывает, вызывает раздражение окружающих. Охотно знакомятся с новыми людьми, любят бывать в центре внимания, бывают вспыльчивы, но быстро отходят.	26,7	31,3

Примечание: * – достоверная разница различий среди юношей. ($p < 0.05$),

** – достоверная разница различий среди девушек ($p < 0.05$).

Таблица 2. Показатели уровня тревожности студентов Института права БашГУ, обучающихся по направлению «Юриспруденция», по шкале Ч. Д. Спилбергера – Ю. Л. Ханина

Показатели	Студенты 1 курса (%)		Студенты 4 курса (%)	
	юноши (30 чел.)	девушки (32 чел.)	юноши (30 чел.)	девушки (32 чел.)
до 30 баллов – низкая тревожность	23,3	26,7	36,7*	40,6**
31-45 баллов – умеренная тревожность	46,7	43,8	46,7	43,8
46 и более баллов – высокая тревожность	30,0	33,3	16,7*	15,6**

Примечание: * – достоверная разница различий среди юношей ($p < 0.05$),

** – достоверная разница различий среди девушек ($p < 0.05$).

тают одиночество, переживают из-за отсутствия друзей 26,7 % юношей и 21,9 % девушек.

Выявленные показатели уровня общительности студентов 4 курса показывают достоверную разницу, свидетельствующую о нормализации процессов общения по сравнению со студентами 1 курса.

Анализ показателей личностной тревожности студентов Института права БашГУ, обучающихся по направлению «Юриспруденция», проводился по методике Ч. Д. Спилбергера и Ю. Л. Ханина, результат интерпретировался по следующим градациям:

до 30 баллов – низкая тревожность;

31 – 45 баллов – умеренная тревожность;

46 и более баллов – высокая тревожность.

Авторы методики отмечают, что существенные отклонения от среднего (умеренного) уровня тревожности требуют пристального внимания. Тревожность выше средних величин предполагает появление состояния тревоги у человека при оценке его компетентности в осуществляемой деятель-

ности. Человеку в таких случаях рекомендуется перенести акцент переживаний на переосмысление ситуации и повышение уверенности в успехе. Выявленная тревожность ниже средних величин, наоборот, требует повышения уровня ответственности и осознания мотивов деятельности. Часто пониженная тревожность свидетельствует о непризнании личностью значимости ситуации и желании показать себя в «лучшем свете» [9].

Полученные нами результаты уровней личностной тревожности студентов 1 курса Института права БашГУ направления «Юриспруденция» по шкале Ч. Д. Спилбергера – Ю. Л. Ханина свидетельствуют о весьма высоком уровне тревожности у 30,0 % юношей и 33,3 % девушек. Аналогичные исследования у студентов 4 курсов выявили достоверно более низкий уровень тревожности – 16,7 % юношей и 15,6 % девушек, что может свидетельствовать о формировании у них к концу обучения в вузе более эффективной адаптации.

Определение стрессоустойчивости проводилось по методике авторов Ф. Т. Готвальда и В. Ховальда. Выявля-

Таблица 3. Показатели уровня стрессоустойчивости студентов Института права БашГУ, обучающихся по направлению «Юриспруденция», по шкале Ф. Т. Готвальда и В. Ховальда

Показатели	Студенты 1 курса (%)		Студенты 4 курса (%)	
	юноши (30 чел.)	девушки (32 чел.)	юноши (30 чел.)	девушки (32 чел.)
от 0 до 12 баллов	23,3	26,7	40,6*	50,0**
от 13 до 27 баллов	46,7	43,8	40,6	43,8
от 28 баллов и выше	30,0	33,3	18,8*	12,5**

Примечание: * – достоверная разница различий среди юношей ($p < 0.05$),
** – достоверная разница различий среди девушек ($p < 0.05$).

лись уровни стрессоустойчивости студентов в соответствии с их психологическими особенностями. По мнению авторов, люди, имеющие 28 баллов и выше, часто бывают недовольны собой и обстоятельствами, могут проявлять нетерпеливость, агрессивность, стремятся к конкуренции, что часто приводит к снижению адаптационных процессов и возникновению различных отклонений здоровья. Люди, имеющие от 0 до 12 баллов, выбирают оптимальные пути достижения цели, не боятся трудностей, долгое время могут работать с чрезмерными нагрузками без ущерба для здоровья.

Интерпретация результатов: от 0 до 12 баллов – относительно здоровая стрессовая устойчивость; от 13 до 27 баллов – пограничное состояние, иногда возникают реакции, связанные с нарушением адаптации; от 28 баллов и выше – состояние чрезмерного напряжения, чувствительных нагрузок и заметного расстройств здоровья.

Проведенные исследования уровня стрессоустойчивости студентов 1 курса Института права БашГУ, обучающихся по направлению «Юриспруденция», по тесту Ф. Т. Готвальда и В. Ховальда, выявили, что на 1 курсе нормальную стрессоустойчивость имели 23,3 % юношей и 26,7 % девушек. Низкую стрессоустойчивость имели 30,0 % юношей и 33,3 % девушек, остальные, 46,7 % юношей и 43,8 % девушек, имели средние значения стрессоустойчивости, при которых иногда могут возникать некоторые психосоматические отклонения [3, с. 47].

Исследования уровня стрессоустойчивости студентов 4 курса Института права БашГУ, обучающихся по направлению «Юриспруденция», по тесту Ф. Т. Готвальда и В. Ховальда, определяли некоторые позитивные сдвиги адаптационных процессов. Отмечалось, что на 4 курсе нормальную стрессоустойчивость имели уже 40,6 % юношей и 50,0 % девушек. Достоверно снизилось количество студентов с низкой стрессоустойчивостью – 18,8 % юношей и 12,5 % девушек, средние значения стрессоустойчивости имели 40,6 % юношей и 43,8 % девушек.

Заключение.

Проведенные исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. У студентов 1 курса Института права БашГУ, обучающихся по направлению «Юриспруденция», выявлены трудности межличностного общения, которые проявляются в повышенной тревожности, замкнутости, неразговорчивости, что приводит к нарушению адаптационных процессов.

2. У большого числа студентов 1 курса Института права БашГУ, обучающихся по направлению «Юриспруденция», выявлены низкие значения стрессоустойчивости, которые проявляются в нарушении физических и психических реакций организма, приводящих к снижению адаптационных процессов.

3. У студентов 4 курса Института права БашГУ, обучающихся по направлению «Юриспруденция», достоверно определялся более низкий уровень тревожности и более высокие показатели стрессоустойчивости, что свидетельствует о более эффективных адаптационных процессах к концу обучения в вузе.

4. Более эффективные адаптационные процессы у студентов 4 курса могут быть обусловлены совершенствованием навыков межличностного общения среди студентов, нормализацией микроклимата в студенческих группах, улучшением их функционального психического состояния.

Пристатейный библиографический список

1. Баринова М. Г., Зуева Е. Г., Ершова С. К. Стрессоустойчивость как основа профессионального и психического здоровья сотрудников правоохранительных органов // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2020. – № 12 (190). – С. 330-334.
2. Городецкая И. В., Коневалова Н. Ю., Захаревич В. Г. Исследование ситуативной и личностной тревожности студентов // Вестник Витебского государственного медицинского университета. – 2019. – № 18. – С. 120-127.
3. Горшков Е. А., Коротина Л. Д. Исследование эмоциональной тревожности студентов на разных этапах обучения в педагогическом вузе // Молодой ученый. – 2015. – № 23.2 (103.2). – С. 46-51.
4. Крыжевская Н. Н., Максименко М. В. Формирование профессионально важных качеств в учебном процессе ведомственного вуза // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – № 4. – С. 254-256.
5. Мирзоян Л. А. Психологические особенности профессиональной адаптации будущих юристов в образовательной среде вуза // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2-19. – № 4 (29). – С. 345-347.
6. Психологические тесты: в 2 т. Т.2 / под ред. А. А. Карелина. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. – 247 с.
7. Смирнов А. А., Живаев Н. Г., Постнова А. А. Динамика развития личности юриста в вузе // Вестник университета. – 2012. – № 7. – С. 31-38.
8. Трифонов В. В. Вегетативное обеспечение стрессоустойчивости как фактор готовности сотрудника правоохранительных органов к эффективной деятельности в экстремальных ситуациях // Научный компонент. – 2019. – № 1 (1). – С. 121-127.
9. Хуторная М. Л. Развитие стрессоустойчивости студентов в условиях интеллектуальных испытаний: дис. ... канд. психол. наук. – Тамбов, 2007. – 182 с.
10. Ханин Ю. Л. Исследование тревоги в спорте // Вопросы психологии. – 1978. – № 6. – С. 94-107.

КОДЗОКОВА Ляца Арсеньевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

ГУТИЕВА Ирина Генриховна

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

МЕСТО ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ИНЫМИ ОРГАНАМИ

Органам внутренних дел отводятся широкие полномочия во всех сферах общественной жизни несмотря на то, что законодательством не предусмотрено легального понятия органов внутренних дел. Органы внутренних дел осуществляют административные функции, в которые также входят функции по обеспечению общественной безопасности, общественного порядка, а также функции предупреждения преступлений и пресечения административных правонарушений. Анализ и раскрытию данных полномочий, и рассмотрению органов внутренних дел как субъектов исполнительной власти посвящена статья.

Ключевые слова: органы внутренних дел полномочия, субъекты, функции, общественный порядок, безопасность, полиция.

KODZOKOVA Lyatsa Arsenjevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Organization of law enforcement activities sub-faculty of the North Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

GUTIEVA Irina Genrikhovna

Ph.D. in Law, Deputy Head of State and civil law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

THE PLACE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE SYSTEM OF EXECUTIVE AUTHORITIES AND THEIR INTERACTION WITH OTHER BODIES

The internal affairs bodies are given broad powers in all spheres of public life, despite the fact that the legislation does not provide for the legal concept of internal affairs bodies. The internal affairs bodies carry out administrative functions, which also include the functions of ensuring public security, public order, as well as the functions of preventing crimes and suppressing administrative offenses. The article is devoted to the analysis and disclosure of these powers, and the consideration of internal affairs bodies as subjects of executive power.

Keywords: internal affairs bodies powers, subjects, functions, public order, security, police.

Органы внутренних дел входят в систему органов исполнительной власти, из чего следует, что данные органы имеют соответствующие полномочия, в том числе полномочия как административные органы. Так как они относятся к исполнительной ветви власти, то их деятельность распространяется не только на сферу охраны общественного порядка и безопасности, но и на сферу административной деятельности.

К ОВД относится полиция, положение которой регулируется Федеральным законом «О полиции». Статья вторая данного нормативного акта определяет направления деятельности полиции, в частности в ней говорится о том, что полиция осуществляет защиту личности, общества и государства от противоправных посягательств. Через эту задачу ОВД реализуется функция поддержания общественного порядка и безопасности [1].

Полномочия и выполняемые МВД РФ функции довольно обширны, так как в них входили не только полицейские функции, но и иные, затрагивающие все сферы внутренней жизни государства. Что говорит о важности данных органов в жизни государства, данные органы находятся под пристальным вниманием не только властных структур, но и общественных, а также граждан непосредственно. Это объясняется функциями, выполняемыми ими, так как данные органы имеют широкие возможности по применению силовых и не силовых мер, для выполнения этих функций.

Кодзокова Л. А.

Гутиева И. Г.

Органы внутренних дел рассматриваются не только как часть административной системы государства, но и как правоохранительные органы, но так или иначе, они все же относятся к исполнительной власти.

Структура органов внутренних дел имеет вертикальный характер, так как они не подчиняются власти на местах, то есть, к примеру, органами внутренних дел в субъекте не руководит его глава или орган власти субъекта, а они напрямую подчиняются вышестоящему органу внутренних дел, на уровне федерального округа или на федеральном уровне.

Первой и значительной группой функций выступают функции по обеспечению общественной безопасности. Мы выделяем ее на первом месте, так как это наиболее важная с точки зрения целостности государства и общества функция, от которой в первую очередь зависит безопасность граждан, права, и свободы которых призваны защищать ОВД.

Именно органами внутренних дел реализуется такая задача как предупреждение преступлений и выявление административных правонарушений.

В полномочия сотрудников полиции входит составление протоколов о совершении лицом административного правонарушения, ведении дел об административных правонарушениях, при передаче, в суд которых в последствие, выносится решение о назначении штрафа, исправительных

работ или иного наказания, или же о признании лица невиновным в данном правонарушении.

Сотрудники внутренних дел вправе задерживать нарушителей. Также в полномочия полиции входит обеспечение безопасности дорожного движения, контроль за соблюдением законодательства РФ в области оборота оружия, а также контроль за соблюдением законодательства о частной детективной и охранной деятельности.

Относительно полномочий данных органов в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, следует сказать, что существует Главное управление по обеспечению безопасности дорожного движения МВД России, которое действует на основании соответствующего положения, принятого приказом МВД. В его полномочия входит совершенствование законодательства в области дорожного движения, осуществление соответствующего контроля и надзора. Также оно осуществляет руководство деятельностью Госавтоинспекции, в полномочия которой входит контроль за ремонтом дорог, оценка их состояния, контроль конструкции и технического состояния автотранспортных средств (данное полномочие реализуется посредством технического осмотра транспортного средства, при постановке его на учет), регистрация и учет автотранспортных средств, контроль за перевозкой грузов, в пределах их компетенции, то есть крупногабаритных, опасных и тяжеловесных, также осуществляет розыск транспортных средств и регулирует дорожное движение. Как и иные органы внутренних дел Госавтоинспекция осуществляет производство по административным правонарушениям.

ОВД обладали до 2018 г. полномочиями по выдаче лицензий и разрешений, контролю за деятельностью лиц, осуществляющих торговлю оружием. На данный момент все вышеперечисленные полномочия перешли от органов внутренних дел к Росгвардии.

В частности, административные полномочия ОВД раскрываются в деятельности органов внутренних дел относящейся к вопросам миграции населения.

Основное руководство деятельностью в данной сфере осуществляет Главное управление по вопросам миграции МВД России, оно осуществляет свою деятельность на основе Положения о Главном управлении по вопросам миграции МВД России, принятом Приказом МВД России от 15.04.2016 [2].

Данная группа полномочий относится исключительно к административной сфере деятельности, так как управление по вопросам миграции является органом чисто административного характера.

Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что полномочия ОВД весьма обширны и затрагивают различные сферы жизни общества.

В системе органов исполнительной власти органы внутренних дел относятся к МВД, представляя собой его составную часть.

Министерство внутренних дел относится к федеральным органам исполнительной власти, органы внутренних дел также относятся к ним, но здесь есть особенность.

Дело в том, что органы внутренних дел имеют место быть как на федеральном, так и на других уровнях, то есть на окружном, межрегиональном, региональном и районном. В этом раскрывается их особое положение в системе органов исполнительной власти.

Схема взаимодействия органов внутренних дел такова, что она есть как в вертикальной, так и в горизонтальной плоскости.

С точки зрения вертикального взаимодействия органов внутренних дел между собой все достаточно просто, нижестоящий орган подчиняется вышестоящему, напрямую таким образом, районный орган внутренних дел не сможет взаимодействовать с федеральным. В то же время федеральные органы внутренних дел вправе отдавать распоряжения относительно районных, таким образом, система иерархичности действует только в одну сторону.

Что касается системы горизонтального взаимодействия органов внутренних дел между собой, то они вправе обращаться друг к другу за сведениями, посредством соответствующих запросов, осуществлять посильную взаимопомощь в пределах их полномочий и компетенции.

Что касается взаимодействия органов внутренних дел и иных органов государственной власти, как исполнительной ее ветви, так и других, то в данной ситуации схема взаимодействия не выстроена и для изучения достаточно сложна.

Так отдельно взятые органы внутренних дел взаимодействуют с законодательными и представительными органами власти, как на уровне субъекта, так и на федеральном уровне, в частности, они участвуют в разработках законопроектов, инструкций, правил.

Органы внутренних дел разрабатывают предложения об усовершенствовании деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов, органов местного самоуправления.

На уровне субъекта взаимодействие органов внутренних дел с иными органами государственной власти регулируется соглашениями, так как напрямую отношений подчиненности органы власти субъекта с ОВД не имеют, так как последние являются территориальными органами федеральных органов, которыми выступают Министерство внутренних дел и входящие в него подразделения: отделы, управления.

Таким образом, непосредственного влияния органы исполнительной власти субъекта на органы внутренних дел не имеют.

Органы внутренних дел осуществляют совместную деятельность и с иными территориальными органами власти. Взаимодействие ОВД и ФНС выражается в том, что органы внутренних дел ведут дела об административных правонарушениях, в том числе и о правонарушениях налогового законодательства.

Относительно взаимодействия с судебной властью, то здесь все наиболее просто, так как в компетенцию органов внутренних дел входит осуществление административного преследования, пресечение административных правонарушений и ведение дел по административным правонарушениям, которые позже передаются в суд, и по которым суд выносит решение.

Также взаимодействие с судом выражается в том, что в административном судопроизводстве органы внутренних дел могут выступать в качестве административного истца или ответчика.

Таким образом несмотря на то, что законодательством не предусмотрено легального понятия органов внутренних дел, оно отводит им широкие полномочия. Они осуществляют функции по обеспечению общественной безопасности, общественного порядка, а также функции предупреждения преступлений и пресечения административных правонарушений. Особо большие полномочия органы внутренних дел как разработчика законопроектов, так и правления деятельностью Госавтоинспекции, осуществляющей свои полномочия на местах.

К ОВД относятся и органы, осуществляющие предварительное следствие, по делам, относящимся к их компетенции. Мы также отнесли к органам внутренних дел Управление по вопросам миграции, так как они, во-первых, входят в структуру МВД, а во-вторых, осуществляют административную деятельность в отношении вопросов миграции населения, а также в отношении легализации иностранных граждан и лиц без гражданства.

ОВД занимают в структуре органов исполнительной власти одно из наиболее значимых мест и являются одним из основных субъектов данной ветви. В соответствии с положением о МВД, полиция также относится к органам внутренних дел, а ее полномочия в сфере охраны прав граждан более чем обширны. В целом, мы можем сказать, что, так как органы внутренних дел имеют полномочия практически во всех сферах общественной жизни, то и взаимодействие они осуществляют почти со всеми органами государственной власти.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 11.06.2021 г.). - Ст. 2, 3. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.03.2022).
2. Приказ МВД России от 13 декабря 2019 г. № 940 «Вопросы деятельности Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) (ред. от 14.02.2022). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.03.2022). Приложение 1.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-384-385

АКОПЯН Эрик Товмасович

магистрант 2 курса, профиль: Прокурорский надзор и участие прокурора в рассмотрении дел судами. Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРОКУРАТУР В РОССИИ И ФРАНЦИИ

В статье раскрываются сущность и основная проблематика деятельности прокуратур в Российской Федерации и Французской Республики. Раскрываются правовые основы такой деятельности. Выявляются схожие черты прокуратур обеих стран. Анализируются последствия отнесения прокурорской деятельности к той или ветви власти. Прогнозируется дальнейшее развитие института прокурорской деятельности.

Ключевые слова: прокуратура, прокурор, ветви власти, исполнительная, судебная власть, надзор.

АКОПЯН Erik Tovmasovich

magister student of the 2nd course. Direction: Prosecutorial supervision and participation of the prosecutor in the consideration of cases by the courts. O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

PECULIARITIES OF THE LEGAL STATUS OF PROSECUTOR'S OFFICES IN RUSSIA AND FRANCE

The article reveals the essence and the main problems of the activity of prosecutor's offices in the Russian Federation and the French Republic. The legal basis of such activity is revealed. Similarities of prosecutor's offices of both countries are named. The consequences of assigning prosecutorial activity to one or another branch of government are analyzed. The further development of the institution of prosecutorial activity is forecasted.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor, branches of power, executive power, judicial power, supervision.

Как и большинство современных правовых институтов прокуратуры впервые появились в Древнем Риме и от латинского «*procurator*» термин прокуратура означает «забочусь, защищаю». Функции прокуратора в Древнем Риме заключались в управлении чужим имуществом, а также в представлении интересов одной из сторон в судебных спорах.

В Западной Европе именно Франция стала первой страной, где в 14 веке официально появился институт стряпчих – поверенных в юридических делах, который по своей сути являлись воплощением римского института прокуратуры. Со временем, а точнее к 17 веку, олицетворявшему собой расцвет абсолютизма, институт прокуратуры стал одним из главных институтов государственной власти, а королевский прокурор – основным представителем короля в вопросах реализации королевских указов. В трактате Ш. Монтескье «О духе законов», где впервые выделена третья ветвь власти¹ – судебная, он говорит о необходимости независимого существования каждой из ветвей: «Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тираннические законы для того, чтобы также тирантически применять их. Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем. Все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении, составленном из сановников, из дворян или простых людей, были соединены эти три власти: власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы частных лиц». При этом, о прокуратуре он говорит как об институте обвинительной власти, подконтрольной государю.

С тех пор прошло несколько веков, однако, во Франции до настоящего времени существует проблема двойственности института прокуратуры. Связано это в первую очередь с

тем, что прокуроры во Франции подчиняются Министерству юстиции и, получив соответствующее образование, относятся к судебному корпусу вместе с судьями-магистратами и судьями первой инстанции. Между тем, они не теряют статуса независимого контрольно-надзорного органа при проведении расследований, в том числе и уголовных, направленного на защиту общественных интересов и соблюдения законности, будучи наделенными при этом широким спектром полномочий и влиянием на следственные органы и полицию. Таким образом, первоочередный вопрос – возможность соблюдения статуса нейтральности при реализации своих полномочий.

Между тем, исследования по данному вопросу показывают, что соблюдение «баланса сил» основывается исключительно на доверии и устоявшихся формах взаимоотношений между прокурорами и полицейскими и иными лицами, осуществляющими расследование². Более того, доверие и власть, приписываемые прокурору в результате его, по сути, судебного статуса, сдерживают рост роли защиты, которая в значительной степени снижается, учитывая ориентацию прокурора на общественные интересы хотя бы *de facto*. Это негативно влияет на развитие принципа состязательности, так как косвенно сдерживает вторую сторону – защитника в его профессиональной деятельности, который контролируется прокурором, одновременно ориентированного на соблюдение прав и интересов сторон, в том числе, и подсудимого, так и *de jure* представляет собой судебную власть. При этом, повторим, что регулируется его деятельность властью исполнительной. Такой комплексный подход зачастую приводит к конфликту интересов.

В 2021 году на Всеобщем собрании по вопросам правосудия во Франции вновь был поднят вопрос о доверии к прокурорам и их деятельности. Но, кажется, правильнее было бы поднять вопрос именно об уточнении статуса прокуроров в судебной власти. Несмотря на то, что с 2013 года действует запрет на дачу указаний Министром юстиции при рассмотрении некоторых дел, это скорее свидетельствует о суще-

1 Монтескье Ш. О духе законов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (дата обращения: 15.04.22).

2 J. Hodgson. Prosecution in France. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/317037650_Prosecution_in_France/link/5a5769c7a6fdcc30f86f173b/download (дата обращения: 10.04.22).

ствующей проблеме косвенного влияния исполнительной власти на деятельность прокуратуры. Так, до создания в 2014 году отдельной Национальной финансовой прокуратуры существовало подозрение в нежелании прокуроров преследовать коррупционные дела в судебном порядке, связываемого в обществе с влиянием именно соседней ветви власти.

Согласно статье 5 Указа № 58-1270 от 22 декабря 1958 г., содержащего Органический закон о статусе магистратуры³: «прокуроры находятся под управлением и контролем высших руководителей и подчиняются министру юстиции». Прокурор в любой момент может стать судьей, так как входит в судебский корпус и это позволяет его образование.

В отличие от Франции в России первые прокуратуры появились только в 17 веке при Петре I, но также, как и во время французского абсолютизма, прокуратура сразу заняла место при дворе и приняла на себе функции надзора.

Со временем она преобразовывалась вместе с историческими трансформациями государства, сохраняя, при этом, основную надзорную функцию. Согласно статье 129 Конституции Российской Федерации «прокуратура Российской Федерации - единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции»⁴.

Прокуратура в Российской Федерации реализует различные функции, среди них можно выделить основные: надзорную, правозащитную функцию и функцию уголовного преследования. При сравнении оказывается, что направления деятельности очень схожи с теми, которыми наделены прокуроры во Франции.

Но, при этом, основное различие заключается в том, под чьим непосредственным подчинением находятся генеральные прокуроры двух стран. В России, согласно закону⁵, Генеральный прокурор назначается Президентом Российской Федерации. Таким образом, мы видим, что вопрос амбивалентности данного института в Российской Федерации не возникает, так как Президент не относится ни к одной из ветвей власти. Другими словами, прокуратура фактически стоит вне исполнительной, законодательной или судебной властей, сохраняя тем самым независимость как надзорный орган, призванный беспристрастно оценивать ситуацию. Между тем, некоторые исследователи называют российский институт прокуратуры вспомогательным органом судебной власти. Нам такой подход кажется слишком узким, ведь требования по соблюдению законности и конституционности не относятся только лишь к судебной власти, а необходимы для функционирования всей государственно-правовой системы.

Но помимо вопроса о месте прокуратуры в системе государственных органов существует потребность в более подробном разборе ее непосредственных функций, и в этом вопросе Франции гораздо четче разграничивает обязанности прокуроров, чем соответствующие российские законы. Более того, функции прокуроров во Франции в вопросах уголовного преследования гораздо шире. Например, во Франции прокурор на любой стадии уголовного производства вправе взять на себя исполнение следственных функций, что невозможно в российском прокурорском институте. Между тем, возникает вопрос, насколько это нарушает и мешает принципу независимости, свойственный надзорной деятельности, которая по своему духу и смыслу должна производиться беспристрастно.

Углубляясь в проблематику дальнейшего развития института прокуратур, можно сделать вывод, что различным правовым системам можно и даже необходимо заимствовать друг у друга национальные опыты, в особенности в отношении функционирования таких сложных институтов как прокуратура.

Опираясь на современные реалии, можно сделать вывод, что страны не пойдут по пути быстрого сближения и будут ориентироваться, прежде всего, на национальные особенности и интересы, а также на все большее стремление соблюдать и продвигать национальные законы. В связи с этим можно прогнозировать все возрастающую роль прокуроров в национальных правовых системах России и Франции. Однако, повторимся, что видим главное преимущество этого института именно в его обособленности от всех ветвей власти, что также подтверждается стремлением Французской Республики разрешить это противоречие. Более того, кажется, что в зависимости от принятого решения существует необходимость изменения полномочий прокуроров в соответствии с их местом в системе органов государственной власти. Маловероятной кажется ситуация, когда прокурор, выступающий от судебного корпуса и наделенный схожими с обвинением полномочиями, в полной мере способен обеспечить должную защиту прав обвиняемого. В то время как Российская Федерация, наоборот, сталкивается с необходимостью более детальной проработки задач прокуроров и определения места прокуратуры, но уже со стороны объема ее влияния на происходящие процессы наравне с тремя ветвями власти.

Для дальнейшего эффективного развития и работы целесообразно ориентироваться на сущностное значение института надзора, как основной функции прокуратур большинства государств и, в частности, России и Франции. Главная особенность прокурорского надзора заключается именно в том, что он не относится к деятельности какой-либо из ветвей власти и направлен, прежде всего, на защиту прав граждан. Таким образом, каждому из государств нужно опираться на это как на конечную цель развития института прокуратуры и реформировать государственную систему, сохраняя именно эти характеристики, как основу деятельности прокуратуры.

Пристатейный библиографический список

1. Воробьев Т.Н. Проблемы определения правового статуса прокуратуры в Российской Федерации // Современное право. – 2014. – № 6. – С. 38.
2. Гальченко А.И. Функции прокуратуры Российской Федерации: спорные вопросы // Lex russica. – 2014. – № 11. – С. 1346.
3. Зотов М.А., Любушкин В.А. История становления российской прокуратуры. – Саранск: Контентус, 2017. – 8 с.
4. Монтестье Ш. О духе законов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (дата обращения: 15.04.22)
5. Шайхлисламов Э.Р. Сущность современного прокурорского надзора. – М.: Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2020. – 3 с.
6. Charette L. Les magistrats du parquet veulent plus d'indépendance. Le Figaro. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/2011/01/10/0101010ARTFIG00719-les-magistrats-du-parquet-veulent-plus-d-independance.php> (дата обращения: 16.04.22)
7. Hodgson. J. Prosecution in France. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/317037650-Prosecution_in_France/link/5a5769c7a6fdcc30f86f173b/download (дата обращения: 10.04.22)
8. Vouin R. The role of the Prosecutor in French Criminal Trials. – Oxford University Press: The American Journal of Comparative Law. – Vol. 18. № 3 (Summer, 1970). – Pp. 483-497.

3 Указ № 58-1270 от 22 декабря 1958 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=877>. (дата обращения: 19.04.22).

4 Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/70fad83f82c7e7173008c14666f860c9e50732da/ (дата обращения: 19.04.22).

5 Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1.

БУЗУЛУКСКИЙ Павел Витальевич

адъюнкт 1-го курса заочной формы обучения Академии ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СОСТАВОВ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

В статье проведен анализ особенностей квалифицированных составов злоупотребления должностными полномочиями. Предлагаются рекомендации по определению понятия «тяжкие последствия» злоупотребления должностными полномочиями. В статье предлагается дополнить ст. 285 УК РФ примечанием 6, в следующей редакции: «Под тяжкими последствиями следует понимать последствия совершения преступления в виде крупных аварий и длительной остановки транспорта или производственного процесса, иного существенного нарушения деятельности организации, причинение крупного материального ущерба, стоимость которого превышает двести пятьдесят тысяч рублей, причинение смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т.п.».

Ключевые слова: превышение должностных полномочий, квалифицированный состав, государственная должность.

BUZULUKSKIY Pavel Vitaljevich

adjunct of the 3rd course of correspondence education of the Academy of the FPS of Russia

FEATURES OF QUALIFIED COMPOSITIONS OF ABUSE OF POWER

The article analyzes the features of qualified offenses of abuse of power. Recommendations are offered on the definition of the concept of "serious consequences" of abuse of power. The article proposes to supplement Art. 285 of the Criminal Code of the Russian Federation, note 6, as follows: «Grave consequences should be understood as the consequences of committing a crime in the form of major accidents and a long stop of a transport or production process, other significant disruption to the organization's activities, causing major material damage, the cost of which exceeds two hundred and fifty thousand rubles causing death by negligence, suicide or attempted suicide of the victim, etc.».

Keywords: abuse of office, qualified staff, public office.

Состав злоупотребления должностными полномочиями предусматривает квалифицированный состав в части 2 статьи 285 УК РФ - использование лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства [1].

Под государственной должностью Российской Федерации законодатель понимает должности, которые устанавливаются Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов.

Полный перечень государственных должностей закреплен в сводном перечне государственных должностей Российской Федерации, который утвержден Указом Президента РФ от 11.01.1995 № 32 (ред. от 30.01.2021) «О государственных должностях Российской Федерации» [2]. Данные должности можно разделить по принципу разделения властей на законодательные, исполнительные и судебные. К законодательным государственным должностям относятся Председатель Совета Федерации Федерального Собрания, его заместители, Член комитета (комиссии) Совета Федерации Федерального Собрания, Председатель Государственной Думы Федерального Собрания, его заместители, Руководители фракции в Государственной Думе Федерального Собрания и др. К государственным должностям в сфере исполнительной власти можно отнести Председателя Правительства, его заместителей, Федеральных министров и др. Что касается государственных должностей, относящихся к судебной власти, то они включают в себя, в частности, Председателей Конституционного, Верховного Суда Российской Федерации, из заме-

Бузулукский П. В.

стителей, а также судей не только высших судов, судей федерального суда [2].

Под лицами, занимающими государственные должности субъектов Российской Федерации законодатель относит лиц, занимающих должности, устанавливаемые конституциями или уставами субъектов Российской Федерации для непосредственного исполнения полномочий государственных органов.

Перечень государственных должностей субъектов Российской Федерации также утвержден Указом Президента Российской Федерации от 4 декабря 2009 г. № 1381 [4]. Данные лиц также можно классифицировать по видам государственной власти, которые они осуществляют. Например, первый заместитель, заместитель руководителя высшего исполнительного органа власти, члены высшего исполнительного органа власти в регионах осуществляют исполнительную власть. Судебную власть осуществляют мировые судьи, судьи уставных судов субъект, которые также включены в перечень государственных должностей субъекта Российской Федерации. Представителями государственных должностей субъектов, осуществляющих законодательную власть, выступают депутаты соответствующего законодательного органа, а также председатели и заместители комитета представительного органа [14]. Данный перечень является типовым, в том или ином регионе перечень региональных должностных лиц может различаться.

Так, приговором Ленинского районного суда г. Чебоксары от 18.02.2020 г. по делу № 1-4/2020 был привлечен по ч. 3 ст. 285 УК РФ должностное лицо Республики – гражданин А. Он занимал должность заместителя председателя республики, был руководителем департамента по экономическому развитию промышленности и торговли. Преступление было совершено лицом, занимающим государственную должность субъекта РФ при следующих обстоятельствах. В субъекте реализовывалась региональная программа, связанная с поддержкой малого и среднего предпринимательства. В

рамках программы из бюджета региона могли быть предоставлены денежные средства в виде субсидий на приобретение оборудования, предназначенного для использования в социально-значимых для данного региона отраслях экономики. Гражданин А., занимая государственную должность Республики, вопреки интересам службы, действуя из иной личной заинтересованности, желая выслужиться перед руководством, показав освоение бюджетных средств, оказывал содействие в получении бюджетных субсидий подконтрольными ему обществами. Так, виновный, давал указания своим подчиненным, сознанием которых не охватывались преступные намерения А. осуществлять помощь организациям при подаче заявок на проведение конкурса, а также указывать им на ошибки в представленной документации и предоставлять возможность для их исправления. Кроме того, А. способствовал сокрытию обстоятельств, исключающих возможность принятия подконтрольным ему организациям участие в конкурсе, а именно наличие задолженностей по налогам. В этих целях сотрудниками данной организации по указанию А. были изготовлены поддельные документы об отсутствии соответствующих задолженностей. Кроме того, подчиненные сотрудники, сознанием которых не охватывались преступные намерения, систематически возвращали документацию для исправления с предоставлением подробных пояснений какие ошибки были допущены.

Суд квалифицировал действия по ч. 3 ст. 285 УК РФ, поскольку суммой ущерба составила более 22 миллионов рублей, однако в квалификации обоснованно указал, что преступление совершено лицом, занимающим государственную должность субъекта Республики [5].

Главой местного самоуправления является высшее должностное лицо муниципального образования, который наделяется уставом муниципального образования в соответствии собственными полномочиями по решению вопросов местного значения [3]. Следует отметить, что должность главы администрации и должность главы муниципального образования в некоторых муниципальных образования могут не совпадать.

Так, постановлением Президиума Верховного суда Республики Калмыкия от 19.01.2011 по делу № 44У-1/11 были переqualифицированы действия должностного лица с ч.2 ст. 285 УК РФ на ч.1 ст. 285 УК РФ по следующим основаниям. Судом был проанализирован устав муниципального образования, в соответствии с которым структура органов местного самоуправления выглядела следующим образом: глава муниципального образования (алхачи), местная администрация (исполнительный орган), а также представительный орган в виде собрания депутатов. При этом глава местной администрации назначается на должность на основании контракта, подписываемого с главой местного самоуправления. В рассматриваемом случае злоупотребление должностными полномочиями было совершено не главой муниципального образования (алхачи), а главой местной администрации. Судами первой и апелляционной инстанции не была учтена структура органов местного самоуправления, в результате чего они пришли к ошибочному выводу о совершении осужденным квалифицированного состава злоупотребления должностными полномочиями [6].

Повышенная ответственность вышеуказанных лиц за совершение преступлений в виде злоупотребления должностными полномочиями обусловлена объемом предоставляемых им прав и социальной, правовой значимостью их службы как для отдельных лиц, так и для государства, общества в целом.

В части 3 статьи 285 УК РФ установлен особо квалифицированный состав преступления – наступление тяжких последствий. В п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» раскрыто содержание данной категории: «под тяжкими следует понимать последствия совершения преступления в виде крупных аварий и длительной остановки транспорта или производственного процесса, иного нарушения деятельности организации, причинение значительного материального ущерба, причинение смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т.п.»

Вышеуказанное разъяснение, на наш взгляд, не лишено недостатков. Представляется, что поставить знак равенства

между наступлением тяжких последствий в виде причинения смерти по неосторожности и причинения значительного материального ущерба гражданину (который в ст. 158 УК РФ составляет всего 5000 рублей) или нарушения деятельности организации (например, остановка производственных процессов на один день) нельзя.

Представляется, что данный признак также необходимо раскрыть в уголовном законе, дополнив ст. 285 УК РФ примечанием 6, изложив его в следующей редакции: Под тяжкими последствиями следует понимать последствия совершения преступления в виде крупных аварий и длительной остановки транспорта или производственного процесса, иного существенного нарушения деятельности организации, причинение крупного материального ущерба, стоимость которого превышает двести пятьдесят тысяч рублей, причинение смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т.п. В свою очередь п. 21 разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 нужно привести в соответствии с предлагаемой редакцией тяжких последствий.

Необходимость установить границы существенности причиненного в результате совершения преступления вреда подтверждается анализом судебной практики.

Так, Апелляционным постановлением Пермского краевого суда от 15.10.2018 г. по делу № 22-6759/2018 была оставлена в силе квалификация по ч. 1 ст. 285 УК РФ, несмотря на наличие признаком крупного ущерба. Деяние было совершено старшим судебным приставом отдела судебных приставов УФССП по Пермской области при следующих обстоятельствах. Приставом было принято к своему производству и возбуждено исполнительное производство, в рамках которого осуществлена реализации доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в размере 50 %. Между тем, приставом не было учтено, что до заключения соответствующего соглашения судом был возложен запрет на осуществление регистрационных действий в отношении данной доли. Номинальная стоимость долей общества, а также объем тех, которых был лишен потерпевший в результате действия пристава, был достаточно велик. Тем не менее, суд апелляционной инстанции указал, что в обвинительном заключении было выдвинуто обвинения по ч. 1 ст. 285 УК РФ, а основания для возвращения уголовного дела судом первой инстанции прокурору отсутствовали [7].

Представляется, что вышеуказанный пример характеризует негативные последствия отсутствия четких критериев существенности наступившего материального вреда в результате совершения преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Российская газета. - № 113. - 18 июня 1996; № 114. - 19 июня 1996; № 115. - 20 июня 1996; № 118. - 25 июня 1996; № 41. - 26 февр. 2021.
2. О государственных должностях Российской Федерации: Указ Президента РФ от 11.01.1995 № 32 (ред. от 30.01.2021) // Российская газета. - № 11-12. - 17 янв. 1995.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020) // Российская газета. - № 202. - 08 окт. - 2003; Российская газета. - № 162. - 24 июля 2020.
4. О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации: Указ Президента РФ от 04.12.2009 № 1381 (ред. от 05.10.2015) // Собрание законодательства РФ. - 07 дек. - 2009. - № 49 (2 ч.). - Ст. 5921.
5. Приговор Ленинского районного суда г. Чебоксары от 18 февраля 2020 г. по делу № 1-3/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.02.2022).
6. Постановление Президиума Верховного суда Республики Калмыкия от 19.01.2011 по делу № 44У-1/11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».
7. Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 15 ноября 2018 г. по делу № 22-6958/2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.02.2022).

АБАЗОВ Андемиркан Борисович

кандидат юридических наук, доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

НИКИТИН Александр Игоревич

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ КОМИССИЙ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Статья посвящена вопросам взаимодействия органов местного самоуправления и антитеррористических комиссий в профилактике и противодействии экстремистским и террористическим проявлениям в обществе. Государство, общество и каждый гражданин во все времена нуждаются в безопасности от современных угроз и вызовов. Распространение и насильственное насаждение экстремизма и терроризма, а также осуществление действий против государственного и общественного уклада, чаще всего происходит на идейной почве. Необходимость осуществления противодействия указанным угрозам осуществляется усилиями государственных органов и должностных лиц, которых порой бывает недостаточно. Поэтому для эффективного разрешения данного вопроса необходимо объединить усилия государственных органов федеральной и региональной власти и органов местного самоуправления. Вместе с тем, следует понимать, что центральное место в деле профилактики и противодействия экстремизму и терроризму на уровне субъектов РФ занимают антитеррористические комиссии, деятельность которых направлена на укрепление межнациональных, межэтнических, межкультурных и межконфессиональных отношений.

Ключевые слова: противодействие экстремизму и терроризму, органы местного самоуправления, антитеррористические комиссии, профилактическая деятельность.

ABAZOV Andemirkan Borisovich

Ph.D. in Law, associate professor of Activities of internal affairs bodies in special conditions sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

NIKITIN Aleksandr Igorevich

lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ISSUES OF INTERACTION BETWEEN LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES AND ANTI-TERRORIST COMMISSIONS IN COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM

The article is devoted to the issues of interaction between local governments and anti-terrorist commissions in the prevention and counteraction to extremist and terrorist manifestations in society. The state, society and every citizen at all times need security from modern threats and challenges. The spread and forcible planting of extremism and terrorism, as well as the implementation of actions against the state and social order, most often occurs on an ideological basis. The need to counter these threats, eliminate them, as well as the disclosure of criminal groups engaged in subversive activities on the territory of the Russian Federation, and their elimination is carried out by the efforts of state bodies and officials, which are sometimes not enough. Therefore, in order to effectively resolve this issue, it is necessary to combine the efforts of state bodies of federal and regional authorities and local governments. At the same time, it should be understood that the central place in the prevention and counteraction of extremism and terrorism at the level of the constituent entities of the Russian Federation is occupied by anti-terrorist commissions, whose activities are aimed at strengthening interethnic, interethnic, intercultural and interfaith relations.

Keywords: countering extremism and terrorism, local governments, anti-terrorist commissions, preventive activities.

Современный этап развития общества происходит в условиях общемировой глобализации и единого информационного пространства. Это обуславливает возрастание экстремистской и террористической угроз, которые демонстрируют такой уровень гибкости, который позволяет им легко адаптироваться к мерам противодействия со стороны правоохранительных органов.

Сегодня, несмотря на динамично развивающееся законодательство о противодействии терроризму и экстремизму, не теряется актуальность повышения эффективности деятельности руководителей и специалистов органов местного самоуправления, уполномоченных на осуществление профилактики экстремизма и терроризма.

Профилактика экстремизма и терроризма обеспечивается деятельностью органов местного самоуправления по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению в пределах муниципальных границ экстремистских и террористических правонарушений и преступлений. Соответственно профилактическая деятельность органов местного самоуправления состоит в выявлении и устранении причин и условий, способствующих совершению указанных преступлений. Вместе с тем органы местного самоуправления в пределах своих компетенций осуществляют профилактику деструктивного влияния экстремистской и террористической идеологии путем реализации воспитательных и пропагандистских мер. В своей деятельности они руководствуются решениями антитеррористических комиссий, методическими рекомендациями

и правовыми актами органов местного самоуправления, а также антикоррупционным законодательством [4], [6].

Таким образом, магистральным направлением профилактической деятельности, осуществляемой органами местного самоуправления, выступает противодействие и ликвидация последствий преступных деяний, совершенных экстремистами и террористами, поскольку совершенно очевидно, что государство, общество и каждый гражданин нуждаются в безопасности от современных угроз и вызовов. А это значит возрастающую актуальность вопросов эффективной реализации указанных мер. Экстремизм и терроризм чаще всего выступают в совокупности, поскольку одно оправдывает другое. При этом, в законодательстве РФ [1] упор делается на «деятельности», что, по нашему мнению, не совсем корректно, так как основу данных явлений составляет вредоносная идеология и деятельность экстремистов как раз и направлена на тиражирование деструктивной идеологии. Стало быть, распространению и насильственному насаждению экстремизма и терроризма, а также осуществлению действий против государственного и общественного уклада побуждает именно идейная составляющая, с которой и нужно начинать борьбу, чтобы противодействовать данным явлениям [2], [6].

Целями деятельности органов местного самоуправления в вопросах профилактики и противодействия экстремизму и терроризму являются:

– снижение уровня радикализации различных групп населения, прежде всего молодежной аудитории, а также недопущение их вовлечения в террористическую деятельность;

– защита личности, общественных и государственных интересов от противоправных экстремистских и террористических действий.

В качестве основных принципов построения антитеррористической профилактической работы органами местного самоуправления следует отметить целесообразность и адресность мероприятий, исполнением которых наделяются обязанностью обеспечить целевое их выполнение в контексте реализации профилактики вовлечения граждан в экстремистские и террористические организации.

Таким образом, с одной стороны мы подходим к пониманию необходимости осуществления противодействия указанным угрозам, их устранения, а также раскрытия организованных преступных группировок, ведущих подрывную деятельность на территории РФ и их ликвидации, а с другой, что усилий государственных органов и должностных лиц в данном деле может оказаться недостаточно. Поэтому считаем, что эффективному разрешению указанного вопроса может способствовать объединение усилий государственных органов федеральной и региональной власти и органов местного самоуправления, который является одним из значимых институтов народовласти и фундаментом государственного устройства РФ. Вместе с тем, следует понимать, что центральное место в деле профилактики и противодействия экстремизму и терроризму на уровне субъектов РФ занимают антитеррористические комиссии, которые осуществляют свою деятельность совместно с органами местного самоуправления [4], [5]. Так, деятельность, направленная на реализацию мероприятий по профилактике экстремизма, включает в себя укрепление межнациональных, межэтнических, межкультурных и межконфессиональных отношений. В рамках указанных мероприятий на территориях муниципальных образований совместно с антитеррористическими комиссиями осуществляется следующее:

– размещаются рекламные баннеры, содержащие информацию о целесообразности гармоничных межэтнических и межкультурных взаимоотношений;

– организуются и проводятся дни национальных культур, фестивали и конкурсы о мировых религиях, традициях разных народов, национальных костюмов и т.п., а также тематические экскурсии;

– в образовательных организациях с учащейся молодежью проводится разъяснительная работа, направленная на воспитание толерантности, освещение сущности экстремизма и его общественной опасности;

– у граждан формируется стойкое неприятие экстремистской и террористической идеологии;

– распространяется информация, направленная на гармонизацию межкультурных и межкультурных отношений;

– осуществляется профилактика проявления ксенофобских настроений, с целью недопущения вовлечения граждан в ряды деструктивных организаций;

– разъясняются положения об административной и уголовной ответственности за совершение подобных преступлений, которые детерминируются действующим законодательством о противодействии экстремизму;

– для жителей муниципального образования организуются просмотры тематических фильмов, посвященных укреплению толерантности;

– осуществляются действия по выявлению фактов распространения информационно-материальных экстремистского содержания, а также содержащих призывы к протестным движениям, националистическим высказываниям, террористическим актам;

– выявляются факты нанесения на объекты муниципальной собственности нацистской символики, либо схожей с ней атрибутики и символики, затем эти материалы передаются в правоохранительные органы;

– организуются мероприятия с приглашением сотрудников правоохранительных органов по вопросам профилактики межнациональных и межэтнических конфликтов, а также по воспитанию культуры мирного поведения, межкультурной и межнациональной дружбы;

– привлекаются религиозные организации, действующие на территории муниципального образования, к участию в работе, направленной на повышение правовой культуры, правосознания и гражданской ответственности населения;

– осуществляется противодействие пропаганде и популяризации религиозного экстремизма;

– организуются деятельность служб психологической реабилитации для жертв деструктивных идеологий;

– обеспечивается антитеррористическая защищенность объектов, находящихся в муниципальной собственности или управлении;

– разрабатываются, издаются и распространяются тематические материалы, содержащие информацию о действиях граждан при возникновении угрозы или совершении террористического акта, о сущности, общественной опасности и последствиях терроризма;

– организуется социальная поддержка семьям, в которых имеются лица, вовлеченные в экстремистскую и террористическую деятельность, также привлекаются сотрудники правоохранительных органов, члены районных Антитеррористических комиссий, специалисты Центров по противодействию экстремизму;

– проводятся работы по профилактике ложных сообщений об актах терроризма;

– для несовершеннолетних и молодежи организуются тематические мероприятия, лекции, семинары, круглые столы, используются тематические фильмы, проводятся уроки толерантности, в вузах обеспечиваются правопорядок и безопасность в местах проживания студентов [2], [3], [4].

Контроль за указанными мероприятиями обычно осуществляется главами муниципальных образований и местных администраций, посредством определения уполномоченного структурного органа местного самоуправления или должностного лица с возложением обязанностей по разработке мер по профилактике экстремизма и терроризма, выявлению проявлений экстремизма, оценке рисков проведения террористических актов и экстремистской деятельности, проведению инспекционных проверок деятельности органов местного самоуправления по вопросам профилактики экстремизма и терроризма, оказанию содействия правоохранительным органам при расследовании экстремистских и террористических преступлений, подготовке отчетной документации руководителям органов местного самоуправления [2].

В заключении обобщим, что профилактическая деятельность, осуществляемая совместными усилиями органов местного самоуправления и антитеррористических комиссий, и построенная на принципах целесообразности и адресности мероприятий, состоит в осуществлении противодействия и ликвидации последствий преступных деяний, совершенных экстремистами и террористами. И главным компонентом реализации мероприятий по профилактике экстремизма является укрепление межнациональных, межэтнических, межкультурных и межконфессиональных отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 30.03.2022).
2. Абазов А. Б. Местное самоуправление и его роль в реализации антитеррористической политики // Проблемы экономики и юридической практики. - 2021. - Т. 17. - № 1. - С. 104-107.
3. Демидов М. В. Участие органов местного самоуправления в профилактике терроризма // В сборнике: Терроризм и права человека: гибридные угрозы, новые вызовы, система противодействия. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией Г. Б. Романовского. - 2020. - С. 48-54.
4. Осокина А. Э. Национальный антитеррористический комитет: роль в противодействии террористической деятельности // В сборнике: Научная мысль: перспективы развития. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Научный редактор Л. Н. Горобец, отв. редакторы: А. А. Васильев, И. И. Тарасова. - Армавир, 2021. - С. 71-76.
5. Терехов И. О. Национальный антитеррористический комитет и антитеррористические комиссии субъектов РФ как органы, осуществляющие антитеррористическую деятельность и координирующие действия государственных органов в сфере противодействия терроризму // Новый юридический вестник. - 2021. - № 3 (27). - С. 28-33.
6. Токбаев А. А. Национальный антитеррористический комитет как орган противодействия в борьбе с терроризмом // Проблемы в российском законодательстве. - 2018. - № 3. - С. 61-63.

БОНДАРЬ Антон Геннадьевич

старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, капитан полиции

КУМЫШЕВА Марина Кадировна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ И КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

В настоящей статье рассматривается ретроспектива международной практики противодействия коррупционным и экономическим деликтам, что может обуславливать важность противодействия указанным деяниям как несколько тысяч лет назад, так и в настоящее время.

Особое упоминание получили вопросы применения правоприменительной практики борьбы с экономической и коррупционной преступностью, а также мерам общего и специального предупреждения в ряде зарубежных стран.

Проведённое исследование позволило сформировать выводы не только о текущем состоянии рассматриваемой преступности, но также обратиться и к зарубежному опыту в данном направлении, что предоставило возможность сформировать отдельные выводы и рекомендации, которые могут быть направлены в целях декриминализации различных сфер общественных отношений от противоправных посягательств со стороны коррупционной и экономической преступности.

Ключевые слова: коррупция, экономическая преступность, зарубежный опыт, история коррупции.

BONDAR Anton Gennadjevich

senior lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, captain of police

KUMYSHEVA Marina Kadirovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Law enforcement sub-faculty of the North-Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND ANALYSIS OF INTERNATIONAL PRACTICE IN COMBATING ECONOMIC AND CORRUPTION CRIMES

This article discusses a retrospective of the international practice of countering corruption and economic torts, which may determine the importance of countering these acts both several thousand years ago and at the present time.

Special mention was made of the application of law enforcement practice in the fight against economic and corruption crime, as well as general and special warning measures in a number of foreign countries.

The study made it possible to draw conclusions not only about the current state of the crime in question, but also to turn to foreign experience in this direction, which made it possible to form separate conclusions and recommendations that can be directed in order to decriminalize various areas of public relations from unlawful encroachments by corruption. and economic crime.

Keywords: corruption, economic crime, foreign experience, history of corruption.

Как показывает историческая ретроспектива вопросы противодействия коррупционным и экономическим преступлениям волновали человечество во все времена и эпохи.

Так, содержание «Кодекса Хамурапи», используемого примерно в 1750 годах до нашей эры содержит нормы ответственности за противоправные деяния, связанные с противодействием ростовщичеством, борьбой со взяточничеством, а также общественных отношений в области порядка управления в державе Вавилон [6]. В свою очередь «Эдикт Нармаба», получивший распространение в обществе Древнего Египта, примерно в 1200 году до нашей эры, подразумевал взяточничество и хищение государственного имущества как наиболее опасным деликтам, за реализацию которых предусматривались самые суровые меры ответственности из имеющихся [7]. Спустя примерно тысячелетие, в соответствии с законода-

тельным актом именованным «Lex Calpurnia de repetundis» [2], действующим на территории Римской Республики, государственным деятелям под угрозой страшной кары, воспрещалось получать драгоценности, дорогие подарки от лиц, находящихся в прямой и ли косвенной подчиненности.

Изучая ретроспективу противодействия экономическим преступлениям, по нашему мнению, также достаточно примечательным выглядит Уголовный Кодекс Наполеона, который состоялся в 1810 году. В рамках указанного нормативно-правового акта вошли положения о юридической ответственности за такие деликты как незаконная азартная деятельность, обман на торгах, мошенничество при поставках товаров [8].

В настоящее время указанные нормативно-правовые акты можно считать историческими образцами нормативно-

Бондарь А. Г.

Кумышева М. К.

правового регулирования противодействия экономическим и коррупционным преступлениям, которые как видно из приведённой ретроспективы и по сей день являются одними из самых опасных, и существующих практически во всех сферах общественной жизни общества.

Рассматривая ретроспективу состояния преступности за предыдущие периоды, по нашему мнению, следует обратиться к фактическим данным за 2021 год. Настороженность в среде теоретиков и правоприменителей вызывают тенденции увеличения количественных показателей экономических преступлений, совершенных в течение 2021 года. По сравнению с январем — декабрем 2020 года на 11,6 % увеличилось число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 117,7 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 5,9 %. Материальный ущерб от указанных преступлений составил 641,9 миллиардов рублей. Количество преступлений коррупционной направленности за период 2021 года составило 35051, среди них 25927 преступлений совершено при осуществлении экономической деятельности, в том числе в приоритетных отраслях экономики [9]. Как можно заметить из настоящего статистического анализа, отчетливо прослеживается взаимосвязь между экономическими и коррупционными деликтами, последние из которых осуществляются коррупционной преступностью в сфере экономики. Данный факт, может объясняться тем, что такие преступления могут осуществляться со стороны лиц, которые обладают организационно-распорядительными функциями в коммерческих организациях, не имеющими отношения к непосредственной служебной деятельности на государственной (муниципальной) службе.

Опираясь на указанные данные, можно с уверенностью утверждать, что государственная политика в области противодействия экономическим и коррупционным деликтам на территории Российской Федерации реализуется на постоянной основе, однако её результаты не способствуют существенному снижению криминального воздействия со стороны экономической и коррупционной преступности. В связи с чем нами сделано предположение, что тесная взаимосвязь экономической и коррупционной преступности оказывает существенное влияние как на совершение таких деликтов в целом, так и на механизмы их осуществления, в частности.

Обращаясь к вопросам противодействия коррупционным и экономическим преступлениям, по нашему мнению, следует обратить пристальное внимание на опыт зарубежных стран.

В уголовном законодательстве Республики Таджикистан по линии специального предупреждения противоправных деликтов, криминализованы следующие деяния: ст.246 УК РТ «Хищение денежных средств, выданных в качестве кредита» и ст. 264 УК РТ «Незаконное получение кредита» (дотаций при отсутствии признаков хищения) [1]. Данная законодательная инициатива позволила решить проблему с разграничением указанных деяний, в пользу их более качественной квалификации.

Свод законов США в свою очередь признаёт оконченными преступления, связанные с мошенничеством при получении субсидий (дотаций) не только при наступлении общественно-опасных последствий, но и без такового, в случае если предметом противоправного посягательства являются денежные средства или материальные ценности, принадлежащие государству [10].

Рассматривая правоприменительную практику противодействия коррупции в ряде зарубежных стран, считаем целесообразным обратить внимание на следующие аспекты:

В государстве Южная Корея важнейшим вектором политики в области противодействия коррупционной агрессии является внедрение политики «прозрачности». В практической плоскости она реализуется в том числе посредством онлайн-системы контроля за рассмотрением заявлений и обращений граждан со стороны должностных лиц государственных органов, вне зависимости от направления деятельности таких органов [4].

В то же время в США выстроена и действуют достаточно строгие условия для наказания лиц, которые совершают коррупционные преступления. Так, за совершение преступлений коррупционной направленности, к субъекту противоправного деликта применяются санкции, предусматривающие тюремное заключение от 15 лет, вместе с необходимостью трехкратного возмещения, отталкивающегося от суммы коррупционной сделки [3].

В заключении хотелось бы отметить особую роль в практике противодействия коррупционной агрессии, которая сложилась на территории Сингапура, на территории которого сформированы специализированные органы «Антикоррупционное бюро», которое имеет в своём подчинении свои аппараты оперативных служб, а также следственный департамент [5].

В связи с анализом вышеизложенного считаем целесообразным выделить ряд авторских предложений, которые могут иметь положительное значение для декриминализации общественных отношений от влияния экономической и коррупционной преступности, действующей на территории Российской Федерации:

1. Необходимо сформировать на базе «Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России» и его территориальных управлений подведомственные следственные подразделения, должностные лица, которых были заняты лишь расследованием экономических и коррупционных преступлений;

2. Направить усилия на формирование качественных программ профессиональной подготовки (повышения квалификации) сотрудников занимающихся документированием экономических и коррупционных преступлений;

3. Пересмотреть положения антикоррупционного законодательства, в пользу ужесточения санкционной политики за совершение экономических и коррупционных деликтов.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325&doc_id2=30397325#pos=8;-145&pos2=2491;-99
2. Акимова Н. В. Истоки коррупции и особенности борьбы с ней в России XIV-XVII веков // История государства и права. - 2008. - № 8.
3. Каропова С. Г., Сорокин О. В. Разработка рекомендаций по противодействию коррупции: международный опыт // Социально-гуманитарные знания. - 2016. - № 6.
4. Моисеев В. В. Международный опыт противодействия коррупции // Среднерусский вестник общественных наук. - 2013. - № 3.
5. Харичева М. С. Международный опыт борьбы с коррупцией: Сингапур // Вестник Калининградского юридического института МВД России. - 2011. - № 3 (25). - С. 121-125.
6. Тураев Б. А. История древнего Востока / Под ред. В. В. Струве и И. Л. Снегирева. - 3-е изд. - Л.: Соцэкгиз, 1936. - Т. I. - 359 с.
7. Аристотель. Политика / Соч.: В 4-х т. Т. 4. - М.: Мысль, 1984. - С. 375-644.
8. Захватаев В. Н. Кодекс Наполеона. - М., 2012.
9. Сводный отчет по России о результатах работы по защите средств федерального бюджета, направленных на реализацию приоритетных национальных проектов за 2021 год: сборник статистической информации. ФКУ «ГИАЦ МВД России». - М., 2022. - 89 с.
10. Свод законов США. Титул 18. Ст. 1001 // Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты / Ред. О. А. Жидков; сост. В. И. Лафитский. - М.: Прогресс, Универс, 1993. - С. 156-184.

КОВАЛЕНКО Эдуард Витальевич

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, старший лейтенант полиции

ПХИТИКОВ Руслан Батырович

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ С СОВРЕМЕННЫМИ УГРОЗАМИ ТЕРРОРИЗМА В ОБЩЕСТВЕ

Терроризм – это социальная проблема, порожденная и порождаемая самим обществом на определенном этапе своего развития. Современный терроризм многолик и многомерен. Явление терроризма в наше время успело глубоко внедриться в разум и сердца людей на всей планете. Терроризм представляет собой общественно-опасное деяние, направленное на получение политической власти, путем насилия (психологического или физического), осуществления террористических актов, шантажа, запугивания. Все террористические действия приводят к жертвам со стороны мирного населения.

Ключевые слова: угроза; терроризм; террористические действия; безопасность; террористические организации.

KOVALENKO Eduard Vitaljevich

lecturer of Organization of law enforcement sub-faculty of the North-Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

PKHITIKOV Ruslan Batyrovich

lecturer of Organization of law enforcement sub-faculty of the North-Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

ON THE ISSUE OF COMBATING MODERN THREATS OF TERRORISM IN SOCIETY

Terrorism is a social problem generated and generated by society itself at a certain stage of its development. Modern terrorism is many-sided and multidimensional. The phenomenon of terrorism in our time has managed to penetrate deeply into the minds and hearts of people all over the planet. Terrorism is a socially dangerous act aimed at obtaining political power through violence (psychological or physical), terrorist acts, blackmail, intimidation. All terrorist actions lead to civilian casualties.

Keywords: a threat; terrorism; terrorist actions; security; terrorist organizations.

Как мы все знаем, в современном мире есть люди, которые пытаются изменить «порядок вещей в мире» с помощью незаконного насилия. В то же время в таком ориентированном на общество существовании есть обязательство. Каждый становится конечной жертвой этого процесса.

Все страны мира сходятся в одном едином мнении, что угроза терроризма является одной из самых важных всеобщих проблем современности, наряду с экологической и экономической проблемами, так как терроризм непосредственно может влиять на данные проблемы, так и с проблемой третьей мировой войны. От негативного воздействия террористической деятельности не защищено как ни одно государство, так и ни один человек. Решение данной проблемы требует полного анализа исторических корней, причин и условий возникновения терроризма и целей, которые преследуют террористы.

Определение «терроризма» до сих пор вызывает споры среди множества современных исследователей. Большинство из них связано с взаимосвязью между такими понятиями, как «экстремизм» и «терроризм». Трудность заключается в том, что эти два слова этимологически одинаковы, но используются в разных значениях. Чтобы выявить онтологическую основу феномена терроризма, нужно рассмотреть некоторые

правовые действия, направленные на борьбу с террористической угрозой, которые противоречат друг другу.

Терроризм и экстремизм направлены против отдельных лиц [2]. Можно сказать, что террористы борются за определенное влияние или власть. Это можно рассматривать как способность терроризма захватывать власть, поэтому терроризм равносителен захвату власти, так как он направлен в том числе и на насильственное изменение конституционного строя государства, которое на руку террористам и их противоправной деятельности, а это действительно равносильно захвату власти, так как террористы фактически управляют нужными им процессами.

В то же время терроризм можно определить, как «глобальную политику», которой занимаются террористы, а проявлением этой политики являются террористические акты, с помощью которых оказывается огромное влияние на определенные процессы государства. Терроризм в некотором понимании — это террористический акт. Поэтому некоторые люди считают, что это явление стало более широким понятием, чем «террористическая деятельность» [3], то есть неотъемлемой частью терроризма.

Понятия «терроризм» и «экстремизм» действительно однозначны и что между ними существует определенное

Коваленко Э. В.

Пхитиков Р. Р.

единство, но этого единства мало, поскольку слово «терроризм» имеет два значения: страх и террор.

Коренные причины терроризма неразрывно связаны с человеческим сознанием, особенно с агрессией и жестокостью. Идея понимания терроризма не была полностью подтверждена, например, репрессии со стороны государства и «политическое насилие является незаконным и осуществляется негосударственными силами».

Мы знаем, что в Римской Империи оно проводилось государством, а политическая оппозиция привела к тому, что террор стал доминирующим. Другими словами, с древних времен понятие «терроризм» включало понятия «терроризм» и «средства терроризма», и теперь эти понятия включены в понятия «терроризм» и «террор».

Терроризм как террористическая деятельность не всегда является неотъемлемой частью терроризма. В древние времена, в Средние века и в наше время терроризм характеризуется «политическими мотивами, а также экономическими мотивами, которые впоследствии были утрачены».

Террористические организации уделяют особое внимание пропаганде экстремистских идеологий и вербовке новобранцев через Интернет. Данная деятельность приобретает большое распространение в связи с развитием информационно-телекоммуникационных технологий, без которых в настоящее время не обходится практически ни одна сфера деятельности, в том числе и противоправная. Они создали свою собственную медиаструктуру на профессиональной основе и работают через специализированные веб-сайты, приложения, а также учетные записи в социальных сетях, публикуя материалы на различных языках по всему миру, в основном на арабском, английском и русском языках. Важно отметить, что индоктринация и вербовка граждан также проводятся в местах, лишенных свободы.

Террористы все чаще используют криптовалютные и краудфандинговые платформы для создания подставных компаний для участия в экономике торговли и инвестиций, так как данные финансовые операции характеризуются практически анонимным выполнением определенных операций, что также «на руку» террористам и экстремистам. Кроме того, активисты активно используют мессенджеры для общения и вербовки.

Не только Россия, но и весь мир сегодня сталкиваются с аналогичными проблемами. Поток криптовалютных средств формируется в теневой экономике и имеет тенденцию проникать во все типы организаций, участвующих в обращении средств и товаров. Для развития экономического и финансового секторов необходимо изменить ситуацию, когда большая часть финансовых ресурсов перенаправляется на незаконные операции, которые осуществляются в своем большинстве анонимно.

Деструктивное идеологическое влияние международных террористических организаций на все типы граждан продолжает выявляться. Террористические организации получают средства от наркоторговли, торговли украденными историческими и культурными ценностями и, прежде всего, от внешних спонсоров через специализированные юридические центры, благотворительные фонды, религиозные организации и другие неправительственные структуры. Также, криптовалюта активно используется, и география предоставления ресурсов активистам расширяется, в том числе путем сбора средств в интернете с помощью краудфандинговых программ.

Вместе с тем мы отмечаем, что в Российской Федерации с помощью правоохранительных органов, которые непосредственно участвуют в выявлении и борьбе с террористической угрозой, в настоящее время активно прорабатывается усовершенствование системы контртеррористических мер, которая должна решать определенные задачи - устранять причины,

условия и факторы, влияющие на развитие терроризма; выявлять и пресекать терроризм.

Четкая связь между понятиями «террор» и «терроризм» неверна. Религиозный экстремизм и терроризм представляют угрозу человеческому развитию. В настоящее время для эффективной борьбы с международным терроризмом необходим последовательный подход к устраняемым им угрозам и последовательная идеологическая борьба с его политическими, философскими, духовными и психологическими основами» [5].

Экстремизм и терроризм — это понятия с долгой историей духовных изменений, а также неоднозначность их основных значений. Как мы видели, эту ситуацию можно преодолеть, поняв такие явления, как терроризм и экстремизм.

Конечным результатом является то, что терроризм может быть разнообразным как объект философского анализа (потому что существует множество критериев для классификации его типов) и переменных (со временем появились новые виды и виды терроризма, а актуальность некоторых видов терроризма возросла в современную эпоху, что обуславливается развитием информационных технологий, а некоторые виды снизились).

Глобализация рассматривается как онтологическая основа терроризма, кризиса человечества и участия человека в социальных конфликтах. Его эпистемологическая достоверность — это склонность мнений к логоцентризму, монологу, догматизму, а его аксиологические стороны - монолизм и ценностный экстремизм, выражающийся в крайнем экстремизме. В целом можно сказать, что терроризм уже давно вышел за границы государств и носит глобальный характер. Однако несмотря на то, что международные организации, правительства и общественность уделяют этому явлению большое внимание, единого определения пока не разработано. Это связано прежде всего с тем, что различные государственные юридические лица по-своему определяют угрозу терроризма и его источники. Это связано с тем, что они руководствуются конкретными задачами и собственными интересами.

Таким образом стоит отметить, что одной из основных задач мирового сообщества и, в частности, каждой отдельной страны заключается в борьбе с международным терроризмом, выявлении данной проблемы на самых ранних стадиях, своевременное реагирование и устранение данной угрозы. В условиях глобализации силами отдельно взятого государства решить данную проблему в одиночку практически не представляется возможным. В связи с этим необходимо проработать четкий и грамотный механизм взаимодействия в борьбе с международным терроризмом, достичь положительного результата, в котором получится только совместными усилиями и взаимной поддержкой каждого участника.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев О. Н. Причины, предпосылки, условия возникновения и распространения международно-терроризма // Социально-экономические явления и процессы. - 2012. - № 2 (36). - С. 134-141.
2. Барри Х. Международный терроризм и проблема региональной безопасности в Западной Африке в начале XXI века (на примере Мали и Нигерии) [Текст]: автореферат на соискание учёной степени кандидата политических наук (23.00.04) / Хассимиу Барри; Российский университет дружбы народов. - М., 2017. - 36 с.
3. Иванов В. И., Лубинец Я. А. Международный терроризм как глобальная проблема в современном мире // Территория науки. - 2014. - № 6. - С. 94-99.
4. Чернядьева Н. А. Понятие «международный терроризм» в международных соглашениях ООН // LEX RUSSICA. - 2011. - Т. 70. - № 6. - С. 1181-1187.

ШАМАЕВ Артур Мурадинович

старший преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

ВОСКОБОЕВ Александр Иванович

кандидат педагогических наук, доцент кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России, полковник полиции

САФРОНОВ Дмитрий Михайлович

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики Омской академии МВД России, полковник полиции

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ И НАЦИСТСКИХ ИДЕЙ КАК ПРИЧИНА МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ

В настоящей статье освещаются вопросы использования современной преступностью отдельных видов информационно-коммуникационных инструментов, для распространения заведомо ложной информации в угоду своим противоправным намерениям. Автор анализирует трансформацию способов достижения своих нелегитимных целей, в том числе с использованием киберпространства. В особенности такая тенденция наблюдается со стороны субкультур, пропагандирующих экстремистскую и нацистскую идеологию.

Достаточно обоснованно приводятся новые вызовы, сформировавшиеся в свете последних событий в геопространстве, когда негативные элементы преследуют цель по дестабилизации ситуации в нашем государстве с последующей организацией несанкционированных массовых мероприятий, которые в перспективе могут перерасти в массовые беспорядки.

Ключевые слова: киберпространство, информационные инструменты, заведомо ложная информация, интернет, массовые беспорядки, экстремизм, нацизм.

SHAMAEV Arthur Muradinovich

senior lecturer of Internal affairs in special conditions sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

VOSKOBUEV Aleksandr Ivanovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, colonel of police

SAFRONOV Dmitriy Mikhaylovich

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of Criminal process sub-faculty of the Omsk Academy of the MIA of Russia, colonel of police

THE SPREAD OF EXTREMIST AND NAZI IDEAS AS A CAUSE OF MASS RIOTS

This article highlights the issues of the use by modern crime of certain types of information and communication tools for the dissemination of deliberately false information in favor of their illegal intentions. The author analyzes the transformation of ways to achieve their illegitimate goals, including using cyberspace. In particular, this trend is observed on the part of subcultures promoting extremist and Nazi ideology.

The new challenges that have formed in the light of recent events in geospatial are reasonably cited, when negative elements pursue the goal of destabilizing the situation in our state with the subsequent organization of unauthorized mass events, which in the future may develop into mass riots.

Keywords: cyberspace, information tools, deliberately false information, Internet, mass riots, extremism, nazism.

За последние два года геополитическая конъюнктура под воздействием различных общеизвестных причин подверглась существенной трансформации. Мировое сообщество достаточно остро восприняло последствия пандемийной обстановки внезапно возникшей вследствие распространения коронавирусной инфекции. Практически все сферы жизни подверглись негативному воздействию, в том числе в связи с необходимостью введения различных запретительных и ограничительных мер на некоторый период времени [1]. В настоящее время нельзя уверенно утверждать, что противодействие COVID-19 позволило искоренить данный недуг на корню, по причине сохраняющейся возможности распространения новых более опасных штаммов данного вируса. Российской Федерации за счет своевременных действий в целом добились того, что на территории нашего государства противодействие коронавирусной инфекции было на должном уровне, что позволило избежать ситуаций, когда в ряде стран медицинские учреждения просто не могли справиться с потоком госпитализируемых пациентов, что повлекло к значительной доле смертности среди больных.

Существенный раскол в мировое сообщество внесло решение Российской Федерации о проведение военной специальной операции на территории Донецкой и Луганских народных республик с целью денацификации и уничтожения других экстремистских проявлений, которые в перспективе несут угрозу национальной безопасности нашей страны. Не подвергая сомнению необходимость проведения вышеуказанной операции

во избежание более серьезных угроз для независимости нашего государства, в исследование хотелось бы заострить внимание на другом вопросе, который также немаловажен в сфере обеспечения общественного порядка и безопасности в стране.

В конце прошлого столетия, после распада СССР, геополитическая ситуация привела к формированию однополярного мира, когда страны Западной Европы и США обозначили свое главенствующее положение в мире. В последующем указанные страны совершали целый ряд неоднозначных действий, в том числе на территории других государств, с целью сохранения указанной конъюнктуры. С начала нынешнего века все их действия были направлены на исключение возможности усиления каких-либо государств в противовес им. Агрессия в Сербии (1999 г.), Ираке (2004 г.) под сфабрированными поводами, преследовали цель по дестабилизации ситуации в регионе и получение свободного доступа к энергоресурсам. Эти же цели, а также смена неудобных им правящих элит, служили основанием для организации так называемых «цветных» революций в целом ряде стран в различных частях света [4]. Попытки дестабилизации ситуации в Российской Федерации никогда не прекращались даже после фиктивно объявленного окончания холодной войны. Не для кого не секрет, что значительной финансирование извне получали террористы, совершавшие одиночные террористические акты в нашем государстве, в особенности в Северокавказском регионе. Получая существенную финансовую подпитку, религиозные экстремисты активно

распространяли сепаратистские идеи среди многонационального региона, в том числе за счет устрашения путем систематических террористических актов, нередко осуществляемых с использованием полученного из-за рубежа оружия. Агентурная работа по распространению экстремистских и нацистских идей со стороны указанных государств не прекращается и по сей день. Работа по дестабилизации обстановки внутри государства сопровождается и внешним воздействием. К таким фактам следует отнести принятие бывших союзных республик Прибалтики в Североатлантический военный альянс, провокацию Южноосетинского конфликта (2008 г.), попытка смены власти в Казахстане (2022 г.), милитаризация и рассмотрение вопроса принятия в указанный военный блок Украины. Все эти факты и предопределили решение о демилитаризации и денацификации Украины. В настоящее время страна оказалась под жесткими санкциями в условиях распространения русофобских идей по всему миру. Страны Запада в своей политической игре используют все возможные способы с целью дестабилизации ситуации в нашей стране. Опросы подтверждают, что значительная часть населения страны поддерживает нынешнюю власть и принимаемые ею внутренние, внешние политические и экономические решения. Однако остается незначительная часть населения, которая, либо заняла нейтральную позицию, либо недовольна действиями органов государственной власти. Именно им уделяется максимальное внимание со стороны иностранных агентов. Вышеуказанная пандемийная ситуация, равно как и военная специальная операция не могут не отразиться на основных сферах жизни, как нашего государства, так и всего человечества. Наибольшее негативное воздействие подверглась экономическая сфера, когда по всему миру наблюдаются рекордные темпы инфляции, намечается дефицит некоторых видов товаров. Несмотря на то, что это явление временное и государственные институты принимают необходимые меры по стабилизации ситуации в целом, наблюдается незначительное ухудшение финансового благосостояния населения. Данная конъюнктура благоприятствует активизации субкультур, распространяющих экстремистские и нацистские ценностные ориентиры в обществе. В ранних работах автора указывалось, что на настоящий момент существенная часть общения ушла в киберпространство, когда люди в значительной мере стали общаться с использованием различных социальных сетей и мессенджеров. Злоумышленники своевременно отреагировали на сформировавшееся информационное поле с целью достижения своих преступных намерений. Это можно отнести, и к мощнейшим действиям, и к распространению экстремистских и сепаратистских идей, и к совершению кибертерроризма в том числе [6]. Основными требованиями к распространению необходимой информации является его красочное оформление, использование популярных источников и резонансных заголовков. Следует признать, что большинство информационных площадок в сети интернет значительно ограничено в своих возможностях по фильтрации информации и не несет ответственность как ее распространитель в силу, того, что они не являются первоисточником [2].

Выявив в какой-то момент возникшую проблему, правоохранительные органы в целом выработали достаточно эффективную систему противодействия распространению «фейковой» информации в сети интернет [5]. Путем мониторинга социальных сетей, интернет пабликов в законодательно установленном порядке постоянно блокируются источники, пропагандирующие нацистские идеи, распространяющие экстремистские материалы. То, что это явление, искусственно сформированное извне, подтверждается достаточно профессиональным подходом к ведению так называемой информационной войны. Красочно оформленные видеоролики и фоторяды имея постановочный характер пытаются донести до населения заведомо ложную информацию как действительную. Работа по пресечению распространения такой информации осуществляется постоянно, однако следует учитывать, что объем информации в глобальной сети беспрецедентно огромен и его фильтрация занимает значительное время и силы, но при этом не может исключить негативные последствия полностью. В целом же, следует признать, что основной целью распространению идей нацистских и экстремистских субкультур является дестабилизация ситуации внутри государства. Обозначая различные неблагоприятные аспекты жизни, предпринимается попытка по формированию в обществе негативных настроений, указывая основным виновником происходящего государственные органы. Следует отметить, что указанная тактика иностранных агентов уже отработана и показала свою эффективность в целом ряде государств, когда путем распространения экстремистских и других

радикальных идей формируется негативный фон в обществе с последующими призывами к несанкционированным массовым протестам, нередко перераставшим в массовые беспорядки и групповые нарушения общественного порядка.

Именно поэтому, на законодательном уровне закреплена юридическая ответственность за распространение заведомо ложной информации о санитарно-эпидемиологической ситуации, о действиях Вооруженных Сил и других государственных органов Российской Федерации. Также запрещена деятельность различных интернет-ресурсов и целых социальных сетей, распространявших русофобские и националистические идеи. Правоохранительные подразделения по противодействию совершению противоправных деяний с использованием киберпространства в том числе путем постоянного мониторинга с применением оперативно-розыскных мероприятий и использованием оперативно-технических средств и специальной техники выявляют источники распространения радикальных экстремистских идей. Руководство страны уже обозначило, что против органов государственной власти ведется так называемая «гибридная» война, когда вооруженное противодействие сопровождается активной конфронтацией на информационном поле. Именно таким способом была приведена в реальность «оранжевая» революция в Украине. Аналогичные тактические приемы применялись для дестабилизации ситуации в Казахстане в начале этого года. Преследуя антироссийские цели, страны Западной Европы и США сформировали на Украине правящую элиту, способствовавшую и даже приветствующую распространение нацистских и неонацистских идей, формированию незаконных вооруженных формирований, осуществляющих зверские преступления против русскоговорящего населения страны. Как указано выше, основная часть населения поддерживает руководство страны, в связи с этим наблюдается активизация деятельности экстремистских и других радикальных субкультур с целью создания негативного информационного поля в стране. При этом используются самые подлые способы, начиная с вменением в вину органам власти сложной экономической ситуации и заканчивая активным продвижением экстремистских и нацистских ценностных установок. Притом призывы к несанкционированным массовым мероприятиям имели место уже во время пандемийной обстановки и необходимо быть к готовым, что такие факты будут иметь и в ближайшем будущем [3]. Органы государственной власти и правоохранительные органы власти должны продолжать свою деятельность, направленную на пресечение групповых нарушений общественного порядка и массовых беспорядков на стадии их зарождения, в том числе превентивными и профилактическими мерами. В конце исследования хотелось бы отметить, что само по себе распространение экстремистских и нацистских идей является не причиной, а скорее способом приведения преступного замысла в действие. А причины к совершению массовых беспорядков исследованы и обозначены в достаточном количестве научных и учебных трудов и являются достаточно сформировавшейся системой.

Пристатейный библиографический список

1. Гаужаева В. А., Сафронов Д. М. Международный опыт ограничения прав граждан в особых условиях // Пробелы в российском законодательстве. - 2019. - № 5. - С. 161-163.
2. Нагоева М. А. Терроризм как глобальная проблема современности // Пробелы в российском законодательстве. - 2014. - № 3. - С. 255-257.
3. Сафронов Д. М., Шамаев А. М. Пандемия COVID-19 как возможная причина возникновения массовых беспорядков // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 4 (143). - С. 393-394.
4. Тарчоков Б. А., Шогенов Т. М., Бураева Л. А. Биологическое оружие как глобальная угроза мировому сообществу // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 3 (142). - С. 342-344.
5. Шамаев А. М. Распространение «фейковой» информации как причина массовых беспорядков // Пробелы в российском законодательстве. - 2021. - Т. 14. - № 5. - С. 156-160.
6. Шхагапсоев З. Л. Бураева Л. А. Киберпреступность и киберконфликты в современной России // Пробелы в российском законодательстве. - 2018. - № 3. - С. 48-50.

КОСОВСКАЯ Дарья Вячеславовна

преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета внутренних дел МВД России

Косовская Д. В.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ТЕЛЕФОННЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Проблемы борьбы с «телефонным терроризмом» с точки зрения уголовно-правового поля и криминологии рассматриваются многими авторами. При этом их доктринальные исследования посвящены преимущественно вопросам, связанным с борьбой с таким явлением как террористические акты, их организация и подготовка, а также рассматриваются условия образования террористических организаций и преступных групп.

Однако в последние годы широкую форму распространения приобрел такой вид преступления террористической направленности, как заведомо ложное сообщение о террористическом акте, его подготовки или возможном его совершении и, как правило, адресованное органам исполнительной власти, различным государственным учреждениям, общественным организациям, должностным лицам или отдельным гражданам. Чаще всего подобного рода информация поступает по средствам телефонной связи, тем самым формируется такое понятие как «телефонный терроризм».

Учитывая существенную опасность такого вида терроризма, в данной статье рассматриваются основные проблемы, возникающие при борьбе с таким негативным явлением, а также представлен обобщенный психологический портрет возможного телефонного преступника.

Ключевые слова: телефонный терроризм, уголовное законодательство, преступление террористической направленности, борьба с терроризмом, сотрудник органов внутренних дел.

KOSOVSKAYA Darya Vyacheslavovna

lecturer of Special disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ACTUAL PROBLEMS OF THE FIGHT AGAINST TELEPHONE TERRORISM

The problems of combating "telephone terrorism" from the point of view of the criminal legal field and criminology are considered by many authors. At the same time, their doctrinal studies are mainly devoted to issues related to the fight against such phenomena as terrorist acts, their organization and preparation, and also consider the conditions for the formation of terrorist organizations and criminal groups.

However, in recent years, such a type of terrorist-oriented crime has become widespread, as a deliberately false report about a terrorist act, its preparation or possible commission, and, as a rule, addressed to executive authorities, various state institutions, public organizations, officials or individual citizens. Most often, this kind of information is received by means of telephone communication, thereby forming such a concept as "telephone terrorism".

Given the significant danger of this type of terrorism, this article discusses the main problems that arise in the fight against such a negative phenomenon, and also presents a generalized psychological portrait of a possible telephone criminal.

Keywords: telephone terrorism, criminal legislation, terrorist crime, fight against terrorism, an employee of the internal affairs bodies.

На сегодняшний день актуализируется проблема, связанная с телефонным терроризмом. Главным образом это связано с тем, что такое негативное явление получает широкое распространение на практике. Причиной становится массовое использование информационно-телекоммуникационных технологий, особенно субъектами подросткового возраста. Именно они в большей степени подвержены влиянию социальных сетей, в которых демонстрируется указанная проблематика (проявление телефонного терроризма). В связи с этим сотрудники органов внутренних дел сталкиваются с участвующими случаями телефонных звонков с анонимных номеров, с передачей ложной информации о террористическом акте. Безусловно, что это сказывается на работе сотрудников, поскольку такую информацию нельзя не взять во внимание, ее необходимо проверить, что требует колоссальных затрат как временного, так и технического характера. В это время могут совершаться и реальные преступления, которые прикрываются подобными телефонными звонками с сообщением ложной информации.

Переходя непосредственно к проблематике борьбы с телефонным терроризмом, следует кратко обозначить в целом понятие терроризма и его сущность.

Понятие – терроризм, используются в рамках ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии

терроризму», как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [1].

Легальное определение террористического акта дается законодателем в рамках ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ [2]). При этом в диспозиции ст. 207 УК РФ раскрывается и определение заведомо ложного сообщения об акте терроризма, а именно «это, заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий».

Помимо самого понятия терроризма, можно выделить и ряд слогов, в которых, при наличии в них признаков запугивания и угроз, выраженных в разной степени, также могут быть отнесены к группе террористических.

Сегодня борьба с терроризмом является одной из самых глобальных задач деятельности ОВД наряду с борьбой с преступностью.

Актуальность проблематики телефонного терроризма, прежде всего обусловлена деятельностью правоохранитель-

ных органов, направленной на эффективное выполнение задач, поставленных Президентом РФ, Правительством РФ, руководством силовых ведомств, по вопросам противодействия терроризму и экстремизму, с целью обеспечения надлежащего уровня общественной безопасности и стабильности в государстве.

Для построения борьбы с рассматриваемым явлением важно понимать, как оно может совершаться, а также какие субъекты наиболее подвержены совершению таких преступных деяний.

По своему характеру, заведомо ложное сообщение, может выражаться в устном или письменном и чаще всего анонимном сообщении. Поскольку преступления подобного рода могут тесно пересекаться и с преступлениями террористической направленности, то это приводит к нарушению нормальной работы различных организаций учреждений, привычного ритма жизни населения. Особые сложности возникают если преступные действия касаются объектов жизнеобеспечения, так как это создаёт практически экстремальную ситуацию, при которой распространяются различные слухи, возникают панические настроения граждан, а для поддержания общественного порядка требуется задействования значительного количества сил и средств.

Вообще, жизнедеятельность террориста как человека, в текущем времени характеризуется наличием определенных психических состояний с периодичностью от часа до суток, а структурное содержание таких состояний достаточно сложное по разным аспектам. В текущем времени обычно происходят основные жизненные проявления личности, осуществляются ее социальные функции, радость, покой, апатия, вдохновение и др.

По мнению И. А. Воробьевой, эти состояния характеризуются динамикой интенсивности, скорости, амплитуды, частоты и производительности психических процессов и функций [3, с. 68].

Жизнедеятельность того же субъекта в течение более длительного времени, имеют сложное, многокомпонентное содержание. Например, к такому относятся увлеченность, одержимость, утомление и др. состояния эти обусловлены прежде всего образом жизни и окружающей обстановкой.

В процессе онтогенеза личность приобретает и совершенствует специфические качества, адаптируя проявления всех его когнитивных, регуляторных и коммуникативных процессов. К основным индивидуальным качествам личности относятся: темперамент, характер, направленности, способности.

В большинстве научных источников в области юридической психологии, различные психологические состояния рассматриваются как правило, не акцентируя внимание на необходимость подготовки персонала дежурных частей ОВД для общения с телефонными террористами.

Анализ научных источников и практика деятельности дежурных частей подразделений силовых ведомств, государственных учреждений, предприятия и организации, которые получали информацию о теракте или угрозе его совершения, либо другим образом сталкивались с деяниями «телефонных террористов» позволяют определить портрет типа личности преступника, совершающего заведомо ложное сообщение об акте терроризма.

Так А. Р. Ратинов в своей работе к такому типу относит [4]:

1. «Социальный протестант» – угроза террористического акта является для него средством решения, как правило, своих личных социальных проблем.

2. «Самоубийца». Посредством сообщения ложной информации о террористическом акте такие личности демонстрируют свой уход из жизни, желают сделать его обсуждаемым в народной массе. Вероятнее всего, такие личности не сделали еще выбор в пользу самоубийства и хотят понять, что возможно им и не следует этого делать. В таком случае они частично делятся своими переживаниями и хотят, чтобы их убедили в том, что ему не нужно этого совершать. Одновременно, это могут быть и личности, которые имеют психические заболевания, которые имеют твердую установку, связанную с бессмысленностью дальнейшей жизни. Опасность таких лиц заключается в том, что они способны причинить

вред не только себе, но и людям, которые по стечению обстоятельств оказались «не в том месте» [4].

3. «Мститель». В таком случае лица руководствуются мотивом мести. К такой категории могут относиться лица, которые были сокращены (уволнены по тем или иным обстоятельствам) и иные.

4. «Психически больной». Действия такого субъекта могут быть непредвиденными. Как правило, им руководствуют личные переживания, неврозы, тревожность и иные черты, присущие такой категории субъектов. Если речь идет о лице, который является шизофреником, то ему может казаться, что вокруг все стоворилось против него, желают ему смерти или причинения какого-либо вреда. С учетом таких мотивов они могут совершить действия, связанные с терроризмом и поставить под угрозу жизнь и здоровье неопределенного круга лиц.

5. «Террорист». Как правило, своими действиями хочет запутать и убедить какие-либо государственные органы, политических лидеров выполнить те или иные требования, которые им будут заявлены. Действия такого лица, как правило, заранее спланированы. При совершении звонка по телефону он звонит, как правило, с анонимного номера и использует подготовленную заранее аудиозапись с маскировкой голоса.

6. «Хулиган» – это, еще один тип преступника, рассматриваемый А. Ратиным в своих работах и который, сочетает в себе довольно большую группу людей. Сюда могут относиться фактически все указанные ранее типы личностей «телефонных террористов». Отличием их будет то, что они руководствуются хулиганскими побуждениями.

Кроме того, зачастую такая группа хулиганов представлена несовершеннолетними лицами. При этом на сегодняшний день таких становится все больше и больше. Они могут действовать как самостоятельно, так и по указанию несовершеннолетних лиц, которые попросили их сообщить информацию о террористическом акте посредством телефонного звонка в правоохранительные органы.

Несовершеннолетние достаточно часто и «развлекаются» таким образом. Например, с целью демонстрации противоправных действий на видеозаписи и последующего выкладывание ее в социальные сети. Таким образом, они пытаются продемонстрировать свой «статус», собрать больше «лайков» в социальных сетях.

Как показывает практика, большая часть полученной информации об угрозе теракта, например о взрыве, поступает по телефону. И к огромному сожалению, не всегда эти звонки бывают ложными, некоторые из них, все-таки оказываются действительными. При этом, возникает вопрос, для чего сообщать об этом заранее. Может быть, террорист хочет скорее нанести ущерб собственности, чем людям, и он звонит, чтобы испуганных людей быстрее вывели из здания или же его коварные предупреждения рассчитаны на то, чтобы каким-либо образом в опустевших помещениях попытаться завладеть ценными вещами. Бывают ситуации, когда такое лицо желает, наоборот, собрать большое количество людей в одном месте, в котором размещение самодельного взрывного устройства будет более доступно и совершить опустошительный взрыв.

При этом необходимо понимать, что сообщение об угрозе взрыва по телефону, это звонок «вслепую», то есть преступник, набирает номер, не зная кто ему ответит и с кем он будет разговаривать. Поэтому, очень важно, чтобы сотрудники, которые регулярно отвечают на телефонные звонки, умели вести разговор и в случае, если это сообщение об угрозе террористического акта, получить важные сведения, которые помогут предотвратить или как минимум сократить количество пострадавших и уменьшить масштаб разрушений от такого противоправного действия.

В связи с этим, на наш взгляд, особое внимание должно быть уделено подготовке сотрудников правоохранительных органов, которые бы специализировались на работе с такими звонками. Речь идёт о создании в ОВД постоянно действующих следственно-оперативных групп, которые немедленно должны включаться в работу после поступления сигнала о подготовке теракта или по факту его совершения.

Работу данных групп можно определить двух направлений:

1. Изъятие записи сообщения и его отработка на предмет установления возможного места совершения акта терроризма и прилегающей территории.

2. Оработка исходного места звонка.

Такие телефонные звонки необходимо фиксировать на аудиозапись. В последующем это может помочь выявить преступника.

Так, на сегодняшний день активно внедряются в практику правоохранительных органов различные средства цифровизации, в т.ч. искусственный интеллект. С помощью таких автоматизированных программ можно было бы составлять портреты возможных преступников в сфере телефонного терроризма. При этом возможно было бы создавать базу с голосами преступников, с помощью которой можно было бы выявлять сходство голоса со звонка и голосов из такой базы. Анализ речевого сообщения и голоса телефонного террориста, позволяет значительно сузить круг поиска и действовать более целенаправленно.

В таком случае необходимо также создать правовую основу для использования цифровых технологий (в т.ч. и искусственного интеллекта) в процессе расследования телефонного терроризма. Иными словами, данные вопросы следует более содержательно урегулировать на законодательном уровне. Необходимо также обозначить и само понятие искусственного интеллекта применительно к сфере уголовного судопроизводства (как и возможности его практического использования). Важно также отметить, что на сегодняшний день имеются определенные программные обеспечения, которые позволяют автоматизировать процесс выявления преступников, однако его возможности на практике используются не в полной мере. На наш взгляд, такие программы особенно важно использовать на первоначальном этапе расследования телефонного терроризма для обработки большого объема данных лиц, которые подозреваются правоохранительными органами в таком преступлении. Полученные результаты позволяют выявить лиц, на которых необходимо будет первоначально уделить особое внимание при расследовании преступления правоохранительными органами. Кроме того, важно продолжать разработку по внедрению таких программ в деятельность правоохранительных органов. Например, особое внимание следовало бы уделить возможностям идентификации субъектов по их биометрическим данным.

Оработка позитивных и негативных примеров действий подразделений ОВД по реагированию на сигналы об угрозе совершения теракта, позволили выработать определенный алгоритм действий по выявлению граждан, причастных или склонных к совершению данного преступления.

В своих статьях Н. А. Михайлов, отмечает по этому поводу, что в месте вероятного совершения теракта, а в случае эвакуации людей в местах их пребывания – вокруг оцепленного места, с использованием оперативных возможностей проводится комплекс оперативных и разведывательно-поисковых мероприятий. Под видом представителей прессы осуществляется негласное наблюдение с применением видеозаписывающей аппаратуры, для последующего анализа и выявления возможных участников преступления [5].

Оперативные работники проводят непосредственные и негласные опросы граждан об обстоятельствах, способных иметь отношение к преступлению. Устанавливаются подозрительные лица, находившиеся в объявленном месте теракта. Большое значение при этом имеет опрос работников комплекса и обслуживающего персонала, работающего на данном объекте. В ходе опросов чаще всего устанавливаются конфликтные ситуации, имевшие место между гражданами, работниками предприятия и правоохранительных органов.

При этом особый акцент важно делать и на такой группе возможных субъектов преступления как несовершеннолетние. Н.А. Михайлов в своих исследованиях отмечает, что несовершеннолетние, после заведомо ложного сообщения об акте терроризма, возвращаются на указанное место взрыва и наблюдают за действиями по поиску взрывного устройства. Как правило, они оказывают эти действия в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Большинство несовершеннолетних и малолетних находится на учете, поэтому к работе привлекаются участковые уполномоченные полиции по делам несовершеннолетних [5, с. 20].

На данном этапе работы большое значение имеет обмен оперативной и другой информацией, своевременное ее предоставление и использование следственно-оперативной группой, которая на основе полученных материалов выдвигает версии, и проводит их отработку.

Как указывает в своих работах Р.Г. Шальнов, параллельно проводится работа и на месте совершения преступления. Если определился домашний или служебный телефон, то это во многом упрощает работу. В таком случае можно наиболее точно установить время звонка, а также определить круг граждан, имеющих доступ к телефону. Однако, как правило, около 90 % звонящих, звонят с телефонно-автоматов или украинских мобильных устройств [6, с. 36].

Поэтому дежурному, получившему сообщение о готовящемся взрыве, необходимо немедленно направить к установленному исходному месту звонка ближайший наряд полиции и СОГ.

Таким образом, на сегодняшний день широкое распространение получает так называемый телефонный терроризм. В рамках настоящего исследования нами были выявлены типы личностей, которые могут выступать субъектами такого преступления. Кроме того, были выявлены проблемы, связанные с борьбой с телефонным терроризмом и предложены возможные пути разрешения сложившейся ситуации.

Психологический анализ деятельности сотрудников органов внутренних дел по борьбе с телефонным терроризмом позволяет сделать следующие выводы:

1. В систему занятий по служебной подготовке сотрудников ОВД дежурных частей необходимо ввести темы по изучению ними особенностей личности «телефонных террористов» и, соответственно, порядка правил ведения с ними переговоров.

2. При проведении оперативных мероприятий, связанных с терактами, привлекать не только специалистов взрыво-технической службы, но и специалистов психологических центров МВД, МВД Республики, ОМВД.

3. В нынешнее время происходит активное внедрение различных цифровых технологий в практику правоохранительных, в т.ч. искусственный интеллект. С помощью таких автоматизированных программ можно было бы составлять портреты возможных преступников в сфере телефонного терроризма (программа сама бы анализировала данные и составляла возможные типы личности такого преступления как телефонный терроризм). Кроме того, на наш взгляд, возможно было бы создавать базу с голосами преступников, с помощью которой можно было бы выявлять сходство голоса со звонка и голосов из такой базы.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Воробьева И.А. Взаимосвязь переживания с психическим состоянием личности // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 5-4. С. 67-69.
4. Ратинов А.Р. Организация расследования первоначального этапа расследования заведомо ложного сообщения об акте терроризма. М., 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=439308> (дата обращения: 20.03.2022).
5. Михайлов Н.А. Эффективность расследования криминальных взрывов - требование времени // Вестник Одесского ин-та внутр дел. 1997. № 4. С. 20-23.
6. Шальнов Р.Г. Некоторые вопросы предупреждения и раскрытия ложных сообщений по телефону об актах терроризма // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2005. № 5. С. 36-37.

МИСРОКОВ Тенгиз Замирович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

Мисроков Т. З.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Статья посвящена вопросам совершенствования подходов к противодействию современным угрозам экстремистского характера. Автор рассматривает новейшие тенденции, связанные со стремительным распространением новых форм экстремизма в сопредельных с Россией государствах Восточной Европы, указывает на масштабную информационную кампанию, направленную против населения России, а также граждан Российской Федерации, проживающих за рубежом. В условиях стремительно меняющейся международной обстановки, развязанной против Российской Федерации санкционной войны, предлагается выработка новых механизмов международного взаимодействия со странами, стремящимися к взаимовыгодному сотрудничеству с Россией, а также отмечается необходимость информационного сопровождения деятельности, направленной на защиту исторического культурного наследия России, являющегося частью мировой истории и культуры. Автор призывает в новых создавшихся условиях опираться на активное взаимодействие с институтами гражданского общества и конкретными гражданами, чья деятельность направлена на борьбу с идеологиями экстремистской направленности и на обеспечение информационной защиты населения от влияния деструктивных организаций как внутри страны, так и за её пределами.

Ключевые слова: экстремизм, национализм, противодействие экстремизму, дискредитация истории, ограничение свободы слова, информационная война, дезинформация населения.

MISROKOV Tengiz Zamirovich

Ph.D. in Law, senior lecturer of State, civil and law disciplines sub-faculty of the North-Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ON SOME ASPECTS OF IMPROVING ACTIVITIES TO COUNTER EXTREMISM IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

The article is devoted to the issues of improving approaches to counteracting modern extremist threats. The author considers the latest trends associated with the rapid spread of new forms of extremism in the states of Eastern Europe adjacent to Russia, points to a large-scale information campaign directed against the population of Russia, as well as citizens of the Russian Federation living abroad. In the context of a rapidly changing international situation, sanctions war unleashed against the Russian Federation, it is proposed to develop new mechanisms for international cooperation with countries seeking mutually beneficial cooperation with Russia, as well as the need for information support for activities aimed at protecting the historical cultural heritage of Russia, which is part of world history and culture. The author calls in the new conditions that have been created to rely on active interaction with civil society institutions and specific citizens whose activities are aimed at combating extremist ideologies and ensuring information protection of the population from the influence of destructive organizations both within the country and abroad.

Keywords: extremism, nationalism, countering extremism, discrediting history, restriction of freedom of speech, information war, disinformation of the population.

Экстремизм уже много лет официально признается серьёзной угрозой национальной безопасности Российской Федерации и противодействие ему возложено на целую систему государственных органов и их подразделений, осуществляющих противодействие экстремистским угрозам в пределах своей компетенции по различным направлениям антиэкстремистской деятельности. В Российской Федерации сформирована достаточно обширная нормативная правовая база, регулирующая различные вопросы борьбы с угрозами экстремистского характера, а также действует Стратегия противодействия экстремизму до 2025 года. Существование такого базового документа стратегического планирования, посвященного противодействию экстремизму, указывает на то, какой высокий приоритет отдаёт Российская Федерация реше-

нию проблемы экстремизма. Следует отметить, что угроза экстремизма признается и на международном уровне. Россия является участницей целого ряда международных актов, предусматривающих координацию деятельности между странами, стремящими объединить усилия в борьбе с экстремизмом.

2022 год ознаменовался явной активизацией экстремистских настроений в восточной Европе и странах Прибалтики. Во-первых, следует отметить, что растущее влияние националистических организаций происходит в определенных случаях при невмешательстве, а иногда и при активной поддержке правительств некоторых европейских государств. Постоянные попытки дискредитации Советского Союза и его роли в истории, стремление разрушить память о подвигах советского народа и Красной армии, освободившей Европу

от нацизма, стали, к сожалению, повседневной реальностью жизни некоторых европейских государств.

Во-вторых, новой негативной тенденцией, проявившейся в 2022 году, стала искусственно создаваемая русофобия и попытки принудительного стирания многочисленных элементов российского культурного наследия, исторически сложившегося на территории Европы, и по праву являющегося частью мирового культурного наследия. Это приобретает самые различные формы выражения и проявляется во многих сферах общественной жизни, начиная с попыток ограничения использования русского языка как языка международного общения и заканчивая физическим уничтожением памятников российской истории. Западное сообщество, долгие годы позиционировавшее себя как фундамент международной демократии, выступавшее за повсеместную защиту свободы слова, ограничило деятельность российских телеканалов и информационных ресурсов, предлагавших точку зрения, не совпадавшую с той, что транслируют правительства и СМИ государств, которые в настоящее время ввели санкции против Российской Федерации. К сожалению, следует констатировать, что европейское сообщество стало отступать от тех фундаментальных принципов демократии, равенства, свободы, непредвзятости и открытости, которые долгое время декларировались в качестве основы европейской и в целом западной модели государственной жизни.

В-третьих, проблема экстремизма может существовать не только на внутригосударственном уровне, но и на международном. И если на территории Российской Федерации органы государственной власти, ответственные за противодействие экстремизму, обладают широким арсеналом сил и средств, для выполнения возложенных на них задач, то за пределами территории России их возможности сильно ограничены. Особенно это ярко проявляется в странах, которые десятилетиями осуществляют враждебную по отношению к России политику. Попытки исключить Россию из ряда международных организаций и разрушить сформированную десятилетиями систему международной безопасности обусловили необходимость формирования Российской Федерацией новых подходов к обеспечению стабильности и безопасности, поиска наряду с Организацией Объединенных Наций иных международных площадок взаимодействия со странами Азии, Ближнего Востока и Африки. В этой связи в последние годы явно проявляется стремление Российской Федерации к построению новой евразийской системы безопасности, а также отчетливо прослеживаются активные действия нашего государства по формированию вокруг своей территории пояса стабильности. Эта деятельность осуществляется в рамках Организации Договора о коллективной безопасности, Шанхайской Организации Сотрудничества, Евразийского Экономического Союза, Содружества Независимых Государств и некоторых других международных организаций.

Экстремизм может приобретать самые различные формы, распространяясь в виде ненависти по этническим, религиозным, языковым, культурным и иным признакам. Если на Ближнем Востоке, в частности, в Сирийской Арабской Республике Россия противостояла международному терроризму и религиозному экстремизму, то в восточной Европе перед нашей страной стоит новый вызов, противодействие экстремистским настроениям, разжигаемым на этнической и культурной почве. Причем, как показывает практика, экстремизм может развиваться при молчаливом согласии, а в некоторых случаях открытой поддержке некоторых государств, о чём

прямо сказано в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года.

Какие меры может предпринять Российская Федерация для преодоления вышеназванных проблем, особо остро вставших перед нашим государством в 2022 году? В первую очередь следует отметить, что такие меры должны носить комплексный и плановый характер, поскольку только согласованная, последовательная и системная деятельность способна обеспечить реальный ощутимый и долговременный успех в деле противодействия экстремизму не только в Российской Федерации и за её пределами.

Во-вторых, необходимо четко осознавать, что обеспечение национальной безопасности России невозможно без нейтрализации не только внутренних угроз, связанных с экстремизмом, но и внешних угроз. Проблема противодействия внешним вызовам, связанным с распространением идеологии экстремизма за пределами Российской Федерации, особенно в государствах, непосредственно граничащих с нашей страной, заключается в ограниченности средств и возможностей деятельности органов государственной власти России за пределами своей территориальной компетенции. Поэтому противодействие внешним угрозам экстремистского характера связано с необходимостью применения нестандартных, асимметричных мер, поиском новых нетрадиционных способов борьбы с экстремизмом и их реализация лежит не только в рамках правоохранительной плоскости, но ещё и дипломатической. В сфере защиты Российской Федерации от внешних угроз экстремистского характера особую роль приобретает налаживание диалога и дальнейшего взаимодействия с организациями и движениями антиэкстремистской направленности, противостоящими попыткам разжигания этнической, религиозной и культурной розни и призывающих к сотрудничеству с Россией. Такие силы представлены не только в Европе, но и в государствах Африки, Азии, Латинской Америки.

Наряду с этим необходим план реализации программ, направленных на профилактику и недопущение формирования антироссийских и русофобских настроений в иностранных государствах. Такие программы должны включать в себя, во-первых, систему мер по культурному просвещению населения этих государств, разрушению стереотипов и предрассудков, связанных с Россией, формированию у них положительного образа Российской Федерации, а, во-вторых, эффективный механизм информационного противодействия любым попытками дискредитации России, переписывания истории, посягательства на историческое наследие русского народа. Сложно не согласиться с утверждением, что «представители деструктивных организаций и движений используют интернет для разжигания межнациональной, расовой и религиозной вражды, создания информационных порталов, искажающих новости и формирующих «нужное» общественное мнение» [2].

В настоящее время русскоязычное население многих стран Европы, в частности, российские граждане, проживающие в них, всё чаще подвергаются нападениям, становятся жертвами провокаций и даже открытых притеснений. Российской Федерации необходимо на законодательном уровне выработать механизм защиты и поддержки своих граждан, временно или постоянно проживающих за границей. Возможно, это требует принятия новых нормативных правовых актов в этой сфере, которые в том числе обеспечивали возможности правовой защиты россиян и получения ими

квалифицированной юридической помощи за пределами России.

В условиях ограничения деятельности российских средств массовой информации за рубежом (в частности, в странах Европы и США), необходимо изыскать иные способы информирования населения других стран, в том числе применяя доступные и наиболее популярные видеосервисы и социальные сети, создавая и поддерживая негосударственные информационные платформы и сообщества людей, стремящихся к объективному и непредвзятому получению информации о России, её позитивной деятельности на международной арене в экономической, энергетической, культурной и иных сферах.

Современные реалии международной политики таковы, что многие государства, являющиеся членами различных военных, политических, экономических альянсов, таких как Северо-Атлантический Альянс, Европейский Союз в своих внешних связях оказываются достаточно сильно ограничены той официальной линией действий, которая избрана этими альянсами, но не всегда совпадающей с объективными государственными интересами каждого отдельно взятого члена такого альянса. В этих условиях может быть более эффективной реализация прямых непосредственных контактов не с альянсами в целом, а с правительствами и органами власти конкретных стран, отыскание вместе с ними новых форм взаимодействия, основанного на взаимовыгодном сотрудничестве. Правоохранительные органы Российской Федерации могут в рамках межправительственных соглашений налаживать прямые контакты со своими зарубежными коллегами по линии борьбы с экстремизмом в тех случаях, когда взаимодействие через традиционные международные институты взаимодействия оказывается затруднено или ограничено.

Обращаясь к внутренним угрозам экстремизма необходимо отметить, что в настоящее время население Российской Федерации оказалось под беспрецедентным по своим масштабам информационным прессингом, идущим из-за пределов страны. Не только иностранные СМИ осуществляют информационную атаку против России, но и крупные социальные сети, сервисы фактически подключились к небывалой антироссийской информационной кампании. Банальное запрещение и блокирование таких СМИ и социальных сетей и сервисов на территории России – это не всегда эффективная мера, поскольку современные технологии позволяют достаточно быстро обходить подобные запреты. Необходима постоянная работа по выявлению и разоблачению недостоверной информации, изобличение её авторов, представление подкрепленных доказательствами объективных сведений. В Российской Федерации и на постсоветском пространстве в целом в настоящее время действует не мало инициативных людей, которые самостоятельно ведут антиэкстремистскую информационную деятельность, разоблачают информационные вбросы и попытки дезинформации и государство не следует пренебрегать таким ценным ресурсом, который в некоторых случаях, пользуется даже большим доверием, чем многие официальные СМИ. В конечном счете, действующее законодательство не только не запрещает органам, на которые возложены задачи противодействия экстремизму, взаимодействовать с институтами гражданского общества, группами граждан и отдельными лицами, но и указывает на важность и необходимость такого взаимодействия. Противодействие экстремизму эта деятельность, которая невозможна без постоянного диалога и сотрудничества с гражданами как собственной страны, так и зарубежных стран.

Следует понимать, что борьба с экстремизмом – это не деятельность, которую можно завершить в какой-то определенный момент времени, достигнув ранее назначенных целей. Это постоянная и системная работа, которая должна осуществляться непрерывно по широкому спектру направлений, в том числе выходящих за границы территории только Российской Федерации. Правильным представляется мнение, что «поскольку общесоциальные меры предупреждения воздействуют на преступность экстремистской направленности не прямо, а опосредованно, реализация этих мер и профилактический эффект от них наступает через длительное время» [1]. Многие меры, предпринимаемые сегодня для противодействия экстремизму, не дадут быстрого эффекта, но они совершенно необходимы, поскольку обеспечивают устойчивость российского общества к деструктивному воздействию идеологий экстремистской направленности в будущем. Это меры лежащие в плоскости образования, молодежной политики, формирования информационной грамотности населения, налаживания взаимодействия с гражданами в сфере борьбы с экстремизмом на основе взаимного доверия и сотрудничества. 2022 год ознаменовал новый этап трансформации экстремистских угроз, он продемонстрировал быструю изменчивость экстремизма, новые пути его распространения, и, таким образом, поставил российское общество перед необходимостью консолидации усилий, выработкой новых подходов к противодействию угрозам экстремистского характера не только внутри Российской Федерации, но и за её пределами.

Подводя итог, следует отметить, что совершенствование деятельности по противодействию экстремизму в Российской Федерации должно основываться на совершенствовании нормативной правовой базы, выработке новых подходов к борьбе с экстремистскими угрозами, постоянном обновлении арсенала средств, применяемых в реагировании на угрозы экстремистского характера. Успешность противодействия экстремизму неразрывно связана со способностью государства, в лице его компетентных органов налаживать эффективное взаимодействие с институтами гражданского общества, группами граждан и отдельными лицами, а также выстраивать новую адекватную современным угрозам систему международной безопасности, даже в условиях санкционного давления и антироссийской политики некоторых государств и международных альянсов и организаций.

Пристатейный библиографический список

1. Леонтьева Ю. В., Овчинко О. А. Экстремизм в России: цифры и размышления // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 3 (40).
2. Усманов И. М., Силаева Н. А. Противодействие экстремизму в условиях информатизации общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93).

НЕЛЮБИН Роман Владимирович

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Уральского юридического института МВД России

ШЕВЧЕНКО Сергей Вячеславович

преподаватель кафедры огневой подготовки Воронежского института МВД России

ЖАБКИН Антон Сергеевич

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ КАК ОРУЖИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ

От последствий информационных войн ни одна страна не осталась в стороне, так или иначе данные события влияют на мировые отношения и глобальную безопасность. Постоянная работа над формами и средствами данных противостояний вполне оправдана. Знание форм и методов ведения информационных войн позволяет активно противостоять инструментам информационных атак. Последствия информационных войн могут быть самыми разнообразными, от негативных до позитивных. Мероприятия, направленные на борьбу с дезинформацией, носят первоочередный характер для государства.

Ключевые слова: информация, дезинформация, война, информационный мусор, информационное пространство, информационные ресурсы.

NELYUBIN Roman Vladimirovich

senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

SHEVCHENKO Sergey Vyacheslavovich

lecturer of Fire training sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia

ZHABKIN Anton Sergeevich

Ph.D. in Law, lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

DISINFORMATION AS THE MAIN TOOL IN THE INFORMATION WAR

No country has been left out of the consequences of information wars, one way or another these events affect world relations and global security. Constant work on the forms and means of these confrontations is fully justified. Knowledge of the forms and methods of information warfare allows you to actively resist the tools of information attacks. The consequences of information wars can be very diverse, from negative to positive. Measures aimed at combating disinformation are of primary importance for the State.

Keywords: information, disinformation, war, information garbage, information space, information resources.

Сегодня как никогда вопросы информационной безопасности становятся первоочередными задачами государства. Проведение информационно-психологических операций вышло на новый уровень и масштаб. Для получения контроля над информационным пространством противника стороны используют все информационные ресурсы и средства передачи информации. Исходя из изложенного можно констатировать факт, что специфика такой войны — это гибридный характер, в которые входят все социально-культурные сферы жизни государства.

Ресурсы СМИ (средств массовой информации) наиболее активно используются противоборствующими сторонами, в ход идет так называемая пятая колонна. Начальной стадией информационной атаки является увеличение информации о каком-либо событии, чтобы охватить как можно больше людей с целью нагнетания обстановки и создать чувство причастности аудитории. Сосредоточение потребителя информации вокруг проблемы — это дальнейшая цель. Далее проводят насыщение информационного пространства информацией, которая склоняет на какую-либо сторону. В конце атаки является реакция, которая поддается управлению. Главной же задачей является управление конфликтной ситуацией. Но не стоит забывать, что информация может быть не только негативного характера с целью склонения потребителя информационного продукта к негативной оценке, а также может быть направлена наоборот создание позитивного отношения к ситуации. Главная цель данных атак — это подрыв национальной безопасности страны.

На основании изложенного можно выделить основные приемы и методы ведения информационных войн.

1. Создание искусственных финансовых кризисов. В данном случае используют санкционную политику с целью экономического контроля и изоляции противника от международных торговых отношений.

2. Скрытие важной информации от потребителя информационного продукта. Например, информация, которая не соответствует стратегии, не доводится либо освещается в СМИ не значительно.

3. Информационный мусор. Добавление к важной информации большого количества не нужной информации, либо искусственного нагнетания значимости на не значительные события, которые максимально освещаются в СМИ. Например, личная жизнь популярной личности, которая стала известна СМИ. Заполнение интернет-пространства пустой информацией для того, чтобы человек не смог найти действительно важную и качественную информацию в информационном пространстве.

4. Изменение общепризнанных понятий. Метод заключается в том, что начинают использования понятия не по назначению, с целью того, чтобы со временем настоящий смысл стерся. Например, сейчас активно смешиваются понятия «любовь» и «ориентация».

5. Преимущество негативной информации над позитивной, считается, что потребителю интересно видеть и знать про ужасы, чрезвычайные обстоятельства, катастрофы и т.д.

6. Информационная блокада. Суть заключается в том, что информация по некоторым вопросам органами государ-

ственной безопасности не поддается огласке. Данный метод направлен на защиту населения с целью не спровоцировать панику либо искусственный ажиотаж на определенные товары (гречка, сахар, макароны).

7. Прямая ложь. Скоординированные информационные атаки уже заменяют дорогостоящие военные компании. Например, использование третьей силы, например нагнетание обстановки в одном государстве с целью создание образа врага у народа в отношении страны, которая ведет информационную войну. В качестве примера можем вспомнить события, направленные на смену политического режима в Египте, Тунисе и Ливии далее в СМИ назвали «арабская весна». Специальная информационно-психологические операция была проведена спецслужбами США. В результате этих атак критическая масса людей была дезинформирована с целью смены политического режима в государстве. В основном информационно-психологические операции проводятся через подконтрольные социальные сети, проводятся вбросы ложной информации с призывами к населению выйти на улицы. Данные массовые беспорядки, казалось бы, носят стихийный характер, однако, все действия координируются через спецслужбы. События на Украине в 2014 году яркий пример смены политического режима. Недавние беспорядки в августе 2020 года в Белоруссии, январе 2021 года в Казахстане, направленные на смену политического режима стран.

Так же существует способ распространения ложной информации через астротурфинг, в данном случае используются тролли и боты. Цель астротурфинга через большое количество источников распространяют информацию тем самым создают недоверия к традиционным СМИ.

Основные причины:

- информация, полученная через астротурфинг, воспринимаются как более весомая;
- люди более склонны верить той информации по которой не сложилось общественное мнение, ведется только обсуждение этого вопроса;
- у многих в настоящее время недоверие к официальным СМИ и стараются получать информацию из иных источников;
- в сети интернет люди поддаются влиянию таким же людям как они, так как они считают, что понимание ситуации одинаковое и считают это поводом к доверию.

Все это показывает, что пользователи, которые черпают информацию из неофициальных источников, часто бывает, что к информации добавляется различная иная информация которая будоражит читателя и отвлекает от реального положения дел, зачастую появляются теории о тайном мировом обществе в котором богатейшие люди планеты решают судьбу человечества.

Россия на протяжении всей истории терпит информационные нападки разных стран. Раньше были одни формы и методы ведения информационной войны теперь это высокотехнологичные инфокоммуникационные войны. Основные оппоненты России — это страны запада и США именно с их стороны происходят информационные нападки. Средства массовой информации активно используют слабости друг друга, применяя различные методы обмана, именно это и является основой информационной войны. Переворачивают некоторые понятия, данные схемы главным образом направлены на создание общественного резонанса и вовлечение большей части населения [1]. Главная задача информационно-психологической атаки заключается в подавлении и психологическом угнетении оппонента.

В результате каждая страна выделяет большое количество своих ресурсов на развитие «орудий» информационной войны, успех ведения информационной войны зависит от мнения мировой общественности, неумелое использование инструментов может привести наоборот к негативным последствиям чем запланированным позитивным.

Мы можем выделить следующие последствия информационных войн:

- нарушение деятельности федеральных органов исполнительной власти;
- изменение общественного сознания;
- информационная маскировка различных акций;
- нарушение информационной безопасности общества и государства;
- уязвимость персональных данных граждан;
- дезинформация общества в части касающейся политики государства и т.п.

Мы можем отметить, что информационная война стала уже неотъемлемой реалией каждого государства. Говоря о информационной войне, нужно понимать, что данные действия нацелены на дестабилизацию в обществе, создание напряженности и обеспокоенности. Например, это могут быть различного рода вбросы информации о повышении цен на продукты первой необходимости и т.д. Основным оружием в информационной войне выступает дезинформация, которая по нашему мнению является самым эффективным методом ведения информационной войны.

Подводя итог, мы можем сказать, что с конца XX века технологии начали экспансию во всех сферах жизни общества, что в свою очередь сделало мировое общество информационным, главным элементом стала информация, с каждым днем все больше и больше требуется информации. В таком потоке найти качественную и достоверную информацию получается очень тяжело, так как одна и та же информация постоянно обрабатывается и изменяется, дописывают различные теории. Информационные ресурсы сами начинают предоставлять недостоверную информацию, это приводит к тому, что человек начинает верить только той информации, которая содержится в сети интернет и она воспринимается как «единственно верная». На сегодняшний день мы можем видеть плоды информационно-психологических операций в таких странах как:

- Бархатная революция. Чехословакия. 1989 год;
- Бульдозерная революция. Югославия. 2000 год;
- Революция роз. Грузия. 2003 год;
- Оранжевая революция. Украина. 2004 год;
- Революция тюльпанов. Киргизия. 2005 год;
- Жасминовая революция. Тунис. 2011 год;
- Евромайдан. Украина. 2013-2014 годы;
- Революция розеток. Армения. 2015 год.

В настоящее время многие люди верят всей информации, размещенной в сети интернет и считают ее актуальной и достоверной. Необходимо проводить работу с населением, нацеленную на повышение информационной грамотности в интернете. Несмотря на скорость создания конфликтных ситуаций в результате информационных войн, можем сказать одно, чтобы наладить отношения между сторонами конфликта нужны годы работы.

Пристатейный библиографический список

1. Муртазин А. И., Давлетов В. И., Интернет-пространство как среда для распространения идей экстремизма и терроризма // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. - 2020. - № 1. - С. 250-256.
2. Романов А. А. Совершенствование правовых гарантий обеспечения информационной безопасности сотрудников органов внутренних дел // В сборнике: Актуальные вопросы формирования эффективной системы экономической безопасности государства. сборник статей Международной научно-практической конференции. - 2021. - С. 222-228.

СОБОЛЕВ Андрей Георгиевич

начальник кафедры огневой подготовки Уральского юридического института МВД России

ЗАЛАЕВ Родион Дамилович

научный сотрудник научно-исследовательского отдела Уфимского юридического института МВД России

КУРОЧКИН Александр Сергеевич

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В статье рассматриваются некоторые вопросы и особенности борьбы с терроризмом и экстремизмом в сети Интернет. Приводится анализ терроризма и его отличительные признаки. Дается определение терроризма. Предлагаются меры по системам упорядочения, автоматизации и блокирования информации, содержащей в себе контент террористического характера.

Ключевые слова: терроризм, интернет, социальные сети, технологии, предупреждение.

SOBOLEV Andrey Georgievich

Head of Fire training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

ZALAEV Rodion Danilovich

scientific researcher of the Research Department of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

KUROCHKIN Aleksandr Sergeevich

lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

SOME FEATURES OF THE FIGHT AGAINST TERRORISM ON THE INTERNET

The article discusses some issues and features of the fight against terrorism and extremism on the Internet. The analysis of terrorism and its distinctive features is given. The definition of terrorism is given. Measures are proposed for systems for ordering, automating and blocking information containing terrorist content.

Keywords: terrorism, the Internet, social networks, technology, prevention.

На сегодняшний день в связи с расширением аудитории сети Интернет, повышается роль Интернета в жизни человека и общества. Вследствие широкого распространения социальных сетей и мессенджеров эти средства позитивной коммуникации между людьми становятся мощным оружием и инструментом, которым могут воспользоваться также террористические организации.

Существует множество определений понятия «терроризм», но ни одно из них не может быть признано классическим, так как многие авторы не приводят различий между такими смежными понятиями, как «террор», «терроризм», «террористический акт» и другими схожими категориями, что значительно осложняет выработку единообразного подхода к пониманию проблем терроризма.

По мнению В. П. Емельянова [1, с. 17] террор — это деятельность государственной власти в различные периоды существования государства. При этом помимо государственной власти другие силы могут насаждать повсеместный террор, внушая страх и ужас всем и каждому. По мнению А. И. Моисеенко [2, с. 9] терроризм — не уголовно-правовое понятие, а социально-политическое явление, включающее в себя террористически направленную идеологию, организационную структуру и практическую террористическую деятельность.

Анализируя мнения авторов, стоит отметить, что терроризму как уголовно-правовому явлению свойственны следующие отличительные признаки:

- терроризм всегда носит публичный и демонстративный характер;
- терроризм создает и поддерживает обстановку паники, подавленности, страха и парализует социально полезную деятельность населения, нормальное функционирование органов власти и управления, а также общественных формирований и объединений;

– создается общая опасность для неопределенного круга лиц, гибель или наступление иных общественно-опасных последствий;

– психологическое воздействие играет большую роль, именно насилие вынуждает человека действовать непосредственно, так как создаются специальные условия, при которых создается вынужденная обстановка страха.

Таким образом представляется правильным, во-первых, определить терроризм как идеологически обоснованное насилие; во-вторых, как периодическое т.е. систематическое насилие; в-третьих, терроризму свойственен политический характер.

Исходя из вышеизложенного терроризм — это идеологически обоснованное систематическое насилие в отношении граждан для выполнения социально-политических условий.

Интернет на сегодняшний день является идеальной средой для пропаганды террористической и экстремистской деятельности по нескольким основным причинам:

- возможность оставаться анонимом;
- высокая скорость распространения информации;
- возможность без значительных затрат создавать собственные пропагандистские Интернет-ресурсы;
- использование «лазеек» в несогласованности в законодательствах стран в области «компьютерного права»;
- шифрование сообщений и материалов.

В 2018 году Американское издание The Wall Street Journal [3, с. 1] разместила список мобильных приложений и мессенджеров для общения, отсортированных по степени их безопасности террористическими группировками. Некоторые из них признаны хорошо защищенными от перехвата спецслужбами и рекомендованы последователям терроризма для координации действий и передачи информации. В частности, считают безопасными приложения для шифрованной связи Telegram, SilentCircle и Signal. А вот популярные приложения WhatsApp, Viber или WeChat считаются небезопасными по передаче информации абонентами.

То есть лица причастные к террористической деятельности используют шифрование – преобразование текста для обеспечения секретности передаваемой информации таким образом, что только авторизованные стороны могут получить к нему доступ для связи. Кроме того, распространив данные сообщения в интернет-ресурсах в дальнейшем удаляют или архивируют эти данные с целью сокрытия их.

Представители разных социальных сетей часто понимают терроризм и экстремизм по-своему. Например, определение терроризма на Facebook – это любая неправительственная организация, которая совершает преднамеренные акты насилия в отношении лиц или собственности, чтобы запугать гражданскую, государственную или международную организацию с целью достижения политической, религиозной или идеологической цели.

На платформах социальных сетей определения терроризма и экстремизма подразделяются на две отдельные группы. Экстремизм, в частности, это приверженность человека крайним взглядам и методам действий. Например, негативные высказывания на Facebook рассматриваются как нападение на человека в зависимости от его расы, этнической принадлежности, национального происхождения, религиозной принадлежности, сексуальной ориентации, пола, гендерной идентичности, серьезных заболеваний или инвалидности. Экстремистский контент обычно охватывает данную категорию негативных высказываний, поскольку она часто способствует и призывает к насилию, а также совершает различные действия, направленные на лишение прав принадлежности к человеческому роду.

Интернет-пространство в первую очередь расценивается террористами как новый вид инструмента для достижения своих целей, экстремистов воспитывают не в подпольных лагерях и конспиративных квартирах, а через головы будущих террористов проникают через компьютеры и смартфоны. Именно используя мессенджеры, вербовщики дают указания, где провести террористический акт и как собрать взрывное устройство, происходит интеграция идей в приложения. Людей, которых планируют завербовать, находят при помощи своих специальных сайтов, а именно собирают информацию о пользователях, которые заинтересованы в деятельности организации, после чего добавляют под каким-либо предлогом в друзья в социальной сети, начинается безобидное бытовое общение, и постепенно начинают склонять сначала к одобрению террористической деятельности, переходят в закрытые группы с высокой степенью криптозащиты, где непосредственно происходит уже полная вербовка. Следует понимать, что работает не один террорист вербовщик, а целая информационно-пропагандистская сеть профессиональных психологов с использованием методов психологической обработки.

В сети Интернет-сайты и платформы пропагандирующие и распространяющие материалы, способствующие развитию экстремизма и терроризма, можно разделить на следующие группы:

- непосредственно распространяющие идеи терроризма и экстремизма (через данные ресурсы международные террористические организации проводят пропаганду, а также находят людей, интересующихся терроризмом);
- информационные ресурсы, через которые происходит финансовая поддержка террористических организаций;
- сайты, содержащие контент, направленный на разжигание ненависти на основе расовой или национальной принадлежности.

По природе такие сайты многочисленны и недолговечны так как часто меняют доменные имена. Проблема обнаружения и ликвидации сетевых центров (серверов, доменов, веб-сайтов) является главной причиной использования террористами Интернет-технологий. Используются особенности технической организации Интернета, позволяющие создавать доменные имена сайта в одной стране, а размещать информацию в другой. При этом доступ к нему может быть обеспечен практически из любой точки мира, имеющей подключение к сети, данное обстоятельство позволяет членам преступных организаций создавать закрытые каналы для передачи информации.

В настоящее время в таких социальных сетях, как Facebook и Twitter, отсутствуют данные категории разграничения информации, чтобы отмечать или сообщать о террористическом контенте на своих платформах. На виде-

охостинговом сайте YouTube можно пометить только одну категорию. Например, видео может быть отмечено как: «насилистское или отвратительное», «пропаганда терроризма» и «ненавистный или оскорбительный контент». Это, в свою очередь, требует незамедлительного разрешения в целях недопущения развития терроризма в сети Интернет.

Для пресечения деятельности террористических организаций через сеть Интернет мы предлагаем технологическим компаниям сделать следующее:

– во-первых, глобальные информационные и технологические компании должны создавать определенные группы, системы упорядоченности и автоматизации информации, которые позволили бы автоматически сгенерировать такие категории распространения информации, как «экстремизм» или «терроризм», в рамках своих существующих систем отчетности. Это позволило бы пользователям сообщать о подобных материалах и отмечать многочисленные проблемы в целях их своевременного решения;

– во-вторых, следует создать более совершенный и более последовательный процесс подачи апелляций и механизм обратной связи. Пользователи должны иметь возможность непосредственного взаимодействия с лицами, представляющими данные компании и принимающими решения в области размещения, распространения информации на данном ресурсе. Эти решения должны быть подробно, отчетливо и объективно обоснованы, с уточнением, почему некоторые материалы получили доступ на размещение, а другие материалы нет. Однако не все компании игнорируют данные проблемы, многие из них все же публикуют ежеквартальные отчеты или сообщения в блогах по тому или иному вопросу. Делается это для того, чтобы создавать благоприятную обстановку на своей платформе, обеспечивать безопасность пользователей, основанную на доверии и чувстве непосредственного общения;

– в-третьих, в случае распространения и пропаганды террористического или экстремистского контента на определенные группы людей информационные компании должны обеспечить пользователей сети Интернет своевременной помощью и поддержкой, такой как консультация, онлайн-беседа, введение возрастных ограничений, возможного ограничения просмотра и комментирования. Американская транснациональная публичная корпорация Google является лидером в этом направлении, применяя метод «перенаправления» и предоставляя различные ограничения для пользователей в отношении определенного контента, включая контент с ограничением по возрасту, где удаляются комментарии или предлагаемые видео.

В настоящий момент при нынешнем развитии технологий и методов передачи информации в сети Интернет возникает необходимость в превентивной антиэкстремистской работе. Данная мера позволит оперативно воздействовать на каналы распространения такой информации и нивелировать его эффект. Использование технологий сетевого маркетинга (Social Media Marketing – SMM) позволит расширить аудиторию охвата и увеличить уровень лояльности к данному контенту. Таким образом, лишь осознав сущность развития данной проблемы, вовлекая определенные службы и совершенствуя системы мы можем более эффективно выявлять экстремистский и террористический контент и обеспечивать их нераспространение. С этой целью возможно использование популярных в сети Интернет блогеров и известных личностей, которые могли бы проводить информирование пользователей сети Интернет об опасности терроризма, тем самым формируя антитеррористическое сознание у населения нашей страны.

Пристатейный библиографический список

1. Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. - СПб., 2010.
2. Моисеенко А. И. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика терроризма (по материалам Южного федерального округа России): Дис. ... канд. юрид. наук. - Ставрополь, 2006.
3. Шифровка для террориста: одобренные приложения для защищенной связи и новый раунд дебатов о безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/> (дата обращения: 19.03.2022).

ШАМАЕВ Артур Мурадинович

старший преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

БОЛОБАН Максим Леонидович

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России, капитан полиции

ПРОПАГАНДА ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК КАК ПРЕВЕНТИВНАЯ МЕРА В РАСПРОСТРАНЕНИИ ЭКСТРЕМИЗМА И НАЦИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

В настоящей статье освещается один из аспектов противодействия распространению экстремистских и нацистских субкультур в молодежной среде. Сложившаяся в последнее время геополитическая конъюнктура стала одной из причин активизации негативных элементов, которые путем распространения «фэковой» информации, угрожающей национальной безопасности, преследуют цель по дестабилизации ситуации в нашей стране. Авторы анализируют контрмеры, принимаемые органами государственной власти по пресечению преступных деликтов. Основным объектом экстремистских субкультур является молодое поколение, по причине не до конца сформированного у них мировоззрения и наибольшей подверженности влиянию извне.

Рассмотрев новые вызовы, сформировавшиеся в свете последних событий в геопространстве, предлагается заострить внимание на профилактической составляющей правоохранительной деятельности, в том числе за счет консолидированных мер всех институтов гражданского общества, направленных на формирование у молодого поколения правильной патриотически направленной системы ценностных установок.

Ключевые слова: профилактика, патриотизм, ценностные установки, экстремизм, киберпространство, заведомо ложная информация.

SHAMAIEV Arthur Muradinovich

senior lecturer of Internal affairs in special conditions sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

BOLOBAN Maksim Leonidovich

lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, captain of police

PROPAGANDA OF PATRIOTIC VALUES AS A PREVENTIVE MEASURE IN THE SPREAD OF EXTREMISM AND NAZISM AMONG YOUNG PEOPLE

This article highlights one of the aspects of countering the spread of extremist and Nazi subcultures in the young-married environment. The geopolitical situation that has developed recently has become one of the reasons for the activation of negative elements that, by spreading "fake" information that threatens national security, pursue the goal of destabilizing the situation in our country. The author analyzes the countermeasures taken by state authorities to suppress criminal torts. The main object of extremist subcultures is the younger generation, due to the worldview they have not fully formed and the greatest exposure to influence from outside.

Having considered the new challenges that have emerged in the light of recent events in geospatial, it is proposed to focus on the preventive component of law enforcement, including through consolidated measures of all civil society institutions aimed at forming the right patriotic system of values among the younger generation.

Keywords: prevention, patriotism, values, extremism, cyberspace, deliberately false information.

Конъюнктура, сложившаяся в последнее время в геополитическом пространстве оказала существенное влияние на все сферы жизни. Особенно они обострились в условиях глобализации. Негативному воздействию подверглись в особенности наиболее значимые сферы жизнедеятельности. Попытки стран Западной Европы и США удержать гегемонию в геопространстве, путем сохранения однополярного мира обернулись необходимостью проведения Российской Федерацией военной специальной операции на территории Украины, с целью ее денационализации и демилитаризации. Последствием этого стало то, что мировое сообщество разделилось на группы стран, в зависимости от их отношения к происходящему. Следует отметить, что на начало 2022 года мировое сообщество еще не отошло от последствий пандемийной ситуации, складывавшейся на территории всей планеты в последние два года. Различного рода запреты и ограничительные меры принятые государством на некоторый период времени, в том числе и закрытие границ, оказали существенное негативное влияние на экономику всех стран [5]. Вышеуказанная специальная операция, к

сожалению, отразилась и на экономических связях. В особенности этому поспособствовало введение санкций со стороны стран Западной Европы, США и их соратников. Необходимо отметить, что большая часть государств, не поддержали такую политику двойных стандартов и не присоединились к санкционным мерам. Указанной ситуацией не преминули воспользоваться негативные элементы, которые активизировали свою деятельность, направленную на дестабилизацию обстановки в нашей стране, путем распространения заведомо ложной информации, в том числе о деятельности вооруженных сил Российской Федерации и органов государственной власти [7]. Также наметилась тенденция по активизации различных субкультур экстремистской и националистической направленности [1]. Всё это предопределило необходимость соизмеримого реагирование всех институтов общества и в-первую очередь органов законодательной власти, которые в кратчайшие сроки приняли нормативные правовые акты, предусматривающие юридическую ответственность за распространение заведомо ложной информации в ряде сфер и в отношении некоторой категории субъектов право-

отношений [4]. Наше государство в настоящий момент оказалось в ситуации, не имевшей прецедентов ранее, что требует консолидации действий от всего гражданского общества и в особенности от органов государственной власти, правоохранительных органов, социально значимых институтов. Не вдаваясь в подробности о принятых мерах, в исследовании хотелось бы затронуть еще один важный аспект в вопросах противодействия распространению «фейковой» информации в обществе, с целью его дестабилизации. Органы государственной власти, правоохранительные органы, другие ведомства в настоящее время выполняют большой объем работы в обозначенном направлении. В установленном законодательно порядке осуществляется постоянный мониторинг беспорядочного потока информации, который в большей своей мере распространяется через глобальную сеть интернет, в основном через социальные сети и мессенджеры [2]. Ежедневно в установленном порядке принимаются решения о запрете различных Интернет-ресурсов на территории нашего государства по причине распространения ими заведомо ложной информации несущей угрозу национальной безопасности нашей страны. Практически ежедневно привлекаются к юридической ответственности граждане других стран, но, к сожалению, и граждан Российской Федерации, которые по различным причинам занимаются распространением «фейковой» информации, а не редко явно русофобского содержания. При этом следует отметить, некоторую активизацию и ячеек религиозных экстремистов, которые пытаются воспользоваться данной ситуацией по достижению своих преступных намерений [3].

В ранних трудах автора рассматривался вопрос информационного поля и было отражено, что в настоящее время большая часть обмена информации, ее получения гражданами происходит посредством сети интернет. В какой-то мере этому поспособствовала пандемийная обстановка, когда на некоторое время население было ограничено в реальном общении. Сейчас, это особенно заметно, когда против нашего государства ведется так называемая «гибридная» война, которая помимо непосредственно боевых действий и санкционного воздействия включает в себя создание в информационном поле крайне негативного отношения к нашему государству и жителей его населяющих. К сожалению, стоит признать, что такая конфронтация имеет свои печальные плоды, когда на территории стран Западной Европы и их сподвижников сформировался явно русофобский фон. Оказывать сопротивление этому факту в настоящее время не является первоочередной задачей органов государственной власти и правоохранительных органов Российской Федерации. Наиболее важно на данный момент минимизировать взброс такой явно искаженной информации в умы нашего населения. Работа в данном направлении ведется достаточно активно. Однако следует признать, что объем информации и количество интернет-ресурсов настолько колоссальны, что анализ и фильтрация их представляется крайне трудоемкой. Несмотря на это, данную работу необходимо продолжать, в том числе принимая меры по ее систематизации и координированию, с целью достижения поставленных целей.

При этом, необходимо большее внимание обратить на другой аспект обозначенного вопроса. Гражданское общество, а не только органы государственной власти и правоохранительные органы должны объединиться и всячески поспособствовать пресечению распространения заведомо ложной информации за счет превентивных и профилактических мер. Не одно юридическое предписание не преследует цель по наказанию гражданина. Его целью является предотвращение от совершения обозначенных противоправных деяний под угрозой наказания. Однако, только этим способом искоренить негативные факты не представляется возможным. Большая роль должна быть отведена профилактическим мероприятиям, которые позволяли бы обеспечить

простое население правильным толкованием поступающей информации, обозначили бы наиболее достоверные источники. Особенно данное направление крайне важно в молодежной среде. Юный, постоянно интересующийся мозг, постоянно черпает информацию из различных источников с целью формирования своих мировоззренческих взглядов, ценностных установок. При этом, именно молодому поколению свойственен нигилизм, какого-то рода бунтарство, попытка зарабатывания авторитета в своей среде и в обществе за счет одиозных призывов либо поступков [6]. К сожалению, чаще всего такие действия совершаются в силу своей недостаточной грамотности, иногда беспечности, либо под влиянием извне. Именно этот контингент наиболее интересен иностранным агентам, представителям различных субкультур, которые путем ложной интерпретации информации, выдерживанием каких-либо данных из общего контекста пытаются сформировать в обществе негативный фон и последующую вербовку в свои ряды новых приверженцев.

По этой причине, в настоящее время необходимо сделать большой уклон на превентивную деятельность, направленную на противодействие распространению различных экстремистских идей в особенности среди молодежи. В этой деятельности должны быть задействованы все институты гражданского общества, в том числе образовательные учреждения среднего, высшего и дополнительного образования. Нельзя принижать значение в этой работе и различных религиозных конфессий. Необходима выработка комплекса мероприятий на различных уровнях, направленная на формирование в обществе патриотических ценностных установок. В настоящее время необходимо прекратить все распри. Нужно понимать, что только путем консолидации всего населения страны возможно достижение обозначенных государством целей, направленных на становление сильной и независимой страны.

Пристатейный библиографический список

1. Гаужаева В. А., Прокофьева Е. В. Возможности укрепления межнациональной толерантности, как способа профилактики распространения идеологии терроризма и экстремизма в молодежной среде // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 8 (147). - С. 346–348.
2. Жуков А. З., Ингушев Ч. Х., Битов А. А. Информационная безопасность как элемент национальной безопасности Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. - 2021. - Т. 17. - № 1. - С. 278–283.
3. Кушхов Р. Х., Сурцев А. В. Уголовно-правовая характеристика вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 4 (155). - С. 237–238.
4. Сафронов Д. М., Шамаяев А. М. Пандемия COVID-19 как возможная причина возникновения массовых беспорядков // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 4 (143). - С. 393–394.
5. Смирнова Л. Я., Шамаяев А. М. Экономическая безопасность страны: угрозы и направления ее обеспечения // Проблемы экономики и юридической практики. - 2020. - Т. 16. - № 3. - С. 27–30.
6. Хараев А. А., Хачидогов Р. А. Особенности квалификации и ответственности несовершеннолетних за террористические преступления, совершенные в условиях вооруженного конфликта // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 4 (143). - С. 304–307.
7. Шамаяев А. М. Распространение «фейковой» информации как причина массовых беспорядков // Пробелы в российском законодательстве. - 2021. - Т. 14. - № 5. - С. 156–160.

ГУСЕЙНОВА Татьяна Викторовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России

ПИГАРЕВ Алексей Юрьевич

преподаватель кафедры огневой подготовки Воронежского института МВД России

БУХТОЯРОВ Иван Иванович

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Воронежского института МВД России

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ УСТНОЙ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В ФОРМАТЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

В период пандемии весной 2020 года преподаватели, курсанты и слушатели образовательных организаций МВД России, как и обучающиеся других образовательных учреждений страны, столкнулись со специфическими особенностями дистанционного формата обучения. К примеру, сузилась возможность дополнительного обсуждения, уточнения информации, высказывания своего мнения из-за ограниченности времени и пространственного разделения, уменьшилось рефлексивное взаимодействие обучающегося с преподавателем и одногруппниками, появились сложности в поддержании стремления к конкуренции и кооперации в учебной группе, снизилась возможность преподавателя оказать непосредственную поддержку [1]. Указанные проблемы негативно сказывались на мотивации обучающихся как факторе успешности учебной деятельности. В связи с этим при переходе на дистанционное обучение особенно важное значение было отведено организации педагогической обратной связи.

Ключевые слова: дистанционное обучение, устная обратная связь, коррекция, развитие, мотивация.

GUSEYNOVA Tatyana Viktorovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of Foreign and Russian languages sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

PIGAREV Aleksey Yurjevich

lecturer of Fire training sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia

BUKHTOYAROV Ivan Ivanovich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia

EXPERIENCE OF ORAL FEEDBACK REALIZATION IN THE FORMAT OF DISTANCE LEARNING IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

During the pandemic in the spring of the 2020 year, teachers, cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as students of other educational institutions of the country, were faced with specific features of the distance learning format. For example, the possibility of additional discussion, clarification of information, expressing one's opinion has narrowed due to limited time and spatial separation, the student's reflexive interaction with the teacher and classmates has decreased, difficulties have appeared in maintaining the desire for competition and cooperation in the study group, the teacher's ability to provide direct support has decreased [1]. These problems negatively affected the motivation of students as a factor in the success of educational activities. In this regard, during the transition to distance learning, the organization of pedagogical feedback was particularly important.

Keywords: distance learning, oral feedback, correction, development, motivation.

При проведении занятий-вебинаров в дистанционном формате с помощью технологий видеоконференцсвязи TrueConf, BigBlueButton преподавателями образовательных организаций МВД России активно использовалась устная педагогическая обратная связь. По А. А. Кореневу, педагогическую обратную связь следует понимать как «неотъемлемую составляющую педагогического общения, которая влияет на осознание учащимся собственных образовательных успехов и ошибок, взаимоотношения учащегося с преподавателем, мотивацию к обучению и лучшее усвоение содержания обучения при помощи эксплицитного соотнесения видимых результатов деятельности учения с идеализированными представлениями о целевом уровне знаний, навыков и умений» [5]. Мы согласны с мнением, что обратная связь во время дистанционного обучения должна работать не только на контроль, а прежде всего на развитие, на мотивацию обучающегося к дальнейшим учебным действиям. Если хотим, чтобы он чему-то научился, мы не наказываем его оценкой в журнале за то, что он не справился, а комментируем работу

и даем обратную связь о том, что дальше ему нужно сделать для развития [4]. В связи с этим преподаватели стремились к тому, чтобы педагогическая обратная связь отвечала определенным критериям [5], а именно была конкретной (предлагавшиеся задания сопровождалась критериями оценивания и образцами их выполнения, чтобы обучающиеся, получив обратную связь, могли соотнести свой вариант ответа с требованиями и понять замечания преподавателя), конструктивной (обратная связь должна была указывать на ошибки, текущий уровень освоения материала, а также направление работы для улучшения результата и пути его достижения), лично-ориентированной (по возможности, так как некоторые обучающиеся испытывали неловкость при получении индивидуальной обратной связи, если речь шла о допущенных ошибках), сбалансированной (негативная и корректирующая обратная связь непременно сопровождалась позитивной), диалогичной (преподавателю необходимо было «включать обучающихся в обсуждение обратной связи, мотивировать их аргументированно соглашаться или не согла-

шаться с мнением педагога и высказывать свое отношение к полученной обратной связи» [5]). Соблюдение приведенных требований обусловило то, что корректирующая обратная связь чаще всего адекватно воспринималась обучающимися и способствовала повышению уровня их компетенций.

Устная обратная связь, по сравнению с письменной, была более востребована во время проведения онлайн-занятий, так как позволяла не только обратить внимание обучающихся на главное, актуальное в учебном материале, руководить процессом выполнения задания, немедленно отреагировать на различные учебные действия и их результаты, но и передать эмоциональный посыл обучающимся, поддерживать их мотивацию, подбадривать как вербальными, так и невербальными средствами общения. Учитывая реакцию обучающихся, мы могли менять свою речь так, чтобы нас лучше поняли.

При предоставлении обратной связи мы старались соблюдать «правило сэндвича» [3]: обращение начиналось с приятных фраз, для того чтобы обучающийся был открыт к получению дальнейшего комментария, после этого давалась информация о том, над чем ему нужно поработать, и завершалось обращение позитивным высказыванием. В большей мере корректирующая обратная связь выстраивалась следующим образом: «Очень хорошо, что Вы отметили..., но необходимо обратить внимание на...», «Мне понравился ваш ответ, но Вам следует...», «Вы совершенно правы, однако...», «Очень хорошо, что Вы отметили..., но есть и другой важный момент...».

Мы применяли как прямую, так и косвенную корректирующую обратную связь. При прямой устной обратной связи четко указывали на наличие ошибки и давали правильный вариант. Но наиболее эффективной для процесса обучения является, бесспорно, косвенная, поэтому в большей мере мы старались давать обучающимся подсказки для самостоятельного исправления ошибок, например, в виде комментария, информации, наводящих вопросов. Если мы знали, что обучающийся хорошо владеет учебным материалом, то использовали запрос уточнения и призывали обучающегося к переформулированию своего высказывания. Приведем пример неправильного употребления иностранным слушателем видовременных форм глагола: «Сегодня я поздно вставал». Преподаватель спросил: «Вставал? А сколько раз ты вставал?» Обучающийся исправил ошибку, так как знал, что глагол несовершенного вида «вставать» указывает на многократность выполнения действия, а глагол совершенного вида «встать» – на однократность.

Для коррекции устных ошибок мы использовали также перефразирование – прием активного слушания, которое помогает убедиться в том, правильно ли мы поняли услышанное: «Как я Вас понял(а)...», «По Вашему мнению...», «Другими словами, Вы считаете...». К примеру, на занятии прозвучала фраза: «Переходя дорогу, меня оглушил сигнал автомобиля». Предложение построено неверно, так как деепричастие и глагол-сказуемое относятся к разным субъектам действия. Преподаватель ответил: «Как я Вас поняла, сигнал автомобиля переходил дорогу и неожиданно оглушил Вас». Обучающийся осознал ошибку и дал правильный вариант.

Также побуждали к самостоятельному исправлению ошибки открытые вопросы, использование пауз молчания с целью предоставления возможности обучающемуся самому закончить фразу, повторение с ударением на ошибке некорректно сформулированной части ответа обучающегося.

Особую ценность имела и такая корректирующая обратная связь, организованная преподавателем, как взаимопроверка. Этот прием заставлял каждого обучающегося анали-

зировать свой ответ, внимательно слушать и анализировать ответы одногруппников, находить и исправлять допущенные ошибки. Взаимная обратная связь тоже позволяет оценить свой уровень сформированности компетенций и уровень одногруппников, определить дефицит знаний и пути его преодоления. Необходимо добавить, что корректирующую обратную связь, полученную от одногруппников, обучающиеся легче воспринимали и переживали, чем ту, которую давал преподаватель. Мы поддерживаем мнение исследователей в том, что «пояснения и доброжелательная коррекция ошибок со стороны коллег вызывают более положительные эмоции и способствуют лучшему запоминанию правильных вариантов» [2].

У каждого преподавателя свое видение того, как должно предоставляться педагогическая обратная связь. В данной статье мы привели концепцию, сложившуюся на основе изучения научных работ отечественных ученых, методических рекомендаций опытных преподавателей-практиков. Надеемся, что она будет полезной коллегам для проведения занятий с применением дистанционных образовательных технологий.

Пристатейный библиографический список

1. Верецагина М. В., Течиева В. З. К проблеме обезличенного общения в формате дистанционного обучения студентов высшей школы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-obezlichenogo-obscheniya-v-formate-distantcionnogo-obucheniya-studentov-vysshey-shkoly> (дата обращения: 15.03.2022).
2. Загрядская Н. А. Применение рефлексивной практики на занятиях по иностранному языку в рамках удаленного обучения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-refleksivnoy-praktiki-na-zanyatiyah-po-inostrannomu-yazyku-v-ramkah-udalennogo-obucheniya> (дата обращения: 15.03.2022).
3. Как давать обратную связь в обучении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unicraft.org/blog/2992/kak-davat-obratnuyu-svyaz-v-protsesse-obucheniya/#respond> (дата обращения: 15.03.2022).
4. Как организовать эффективную обратную связь при дистанционном обучении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=CUMNqoKJP1U> (дата обращения: 10.03.2022).
5. Корнев А. А. Обратная связь в обучении и педагогическом общении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obratnaya-svyaz-v-obuchanii-i-pedagogicheskom-obschenii> (дата обращения: 10.03.2022).

КОМБАРОВА Елена Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера Саратовской государственной юридической академии

ОТСТАВНОВА Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера Саратовской государственной юридической академии

ХИЖНЯК Вероника Сергеевна

доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера Саратовской государственной юридической академии

ЩЕРБАКОВА Ольга Васильевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики Саратовской государственной юридической академии

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ СТРАН-УЧАСТНИЦ СНГ В СФЕРЕ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ •

В статье проанализированы соглашения стран-участниц СНГ в сфере образования. Особое внимание уделено Модельному Кодексу об образовании, являющемуся основным международным договором, нацеленным на построение единого образовательного пространства на территориях указанных стран. Обращается внимание на новые условия работы образовательных организаций, в том числе, вузов, которые включают в себя необходимость повышения мобильности обучающихся за счет их обмена в рамках образовательного процесса, научного взаимодействия представителей образовательных организаций, реализации академических свобод преподавателей и обучающихся, создания благоприятных условий для лиц - участников образовательного процесса, с последующим их трудоустройством по востребованным профессиям в государстве. Методологическая основа: исследование предполагает тщательный и всесторонний анализ правового регулирования образования как в Российской Федерации, так и стран-участниц СНГ в условиях его трансформации, качественную оценку обширной эмпирической базы и затрагивает различные аспекты: общественный, правовой и другие, поэтому требует применения системного, нормативного и стратегического подходов. Результаты: предложены новые критерии оценки эффективности и качества образовательных организаций высшего образования России и стран СНГ.

Ключевые слова: СНГ, образование, высшее образование, учебное учреждение, качество образования, цифровизация образования, международные стандарты, Модельный кодекс.

KOMBAROVA Elena Valerjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Professor Isaak Efimovich Farber Constitutional law sub-faculty of the Saratov State Law Academy

OTSTAVNOVA Elena Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Professor Isaak Efimovich Farber Constitutional law sub-faculty of the Saratov State Law Academy

KHIZHNYAK Veronika Sergeevna

Ph.D. in Law, professor of Professor Isaak Efimovich Farber Constitutional law sub-faculty of the Saratov State Law Academy

SCHERBAKOVA Olga Vasiljevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Legal psychology, forensic science and pedagogy sub-faculty of the Saratov State Law Academy

NEW TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL STANDARDS OF THE CIS MEMBER COUNTRIES IN THE FIELD OF HIGHER EDUCATION

The article analyzes the agreements of the CIS member countries in the field of education. Special attention is paid to the Model Code on Education, which is the main international treaty aimed at building a unified educational space in the territories of these countries. Attention is drawn to the new working conditions of educational institutions, including universities, which include the need to increase the mobility of students through the exchange of digitalization of the educational process, scientific interaction of representatives of educational institutions, the implementation of academic freedoms of teachers and students, the creation of favorable conditions for persons participating in the educational process, with their subsequent employment in popular professions in the state. The study presupposes a thorough and comprehensive analysis of the legal regulation of education in the Russian Federation and the CIS member countries in the context of its transformation, a qualitative assessment of an extensive empirical base and affects various aspects: social, legal and others, therefore, requires the use of systemic, regulatory and strategic approaches. Conclusions: new criteria for evaluating the effectiveness and quality of higher educational institutions in Russia and CIS countries are proposed.

Keywords: CIS, education, higher education, educational institution, quality of education, digitalization of education, international standards, Model Code.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта «Разработка усовершенствованной процедуры ежегодного самообследования образовательной организации с учетом требований ФГОС в условиях цифровой трансформации образовательного процесса» в рамках государственного задания № 075-01368-22-01.

Международные стандарты существуют в различных сферах общественной жизни и образование не является исключением. Говорить об их наличии стало возможным с развитием института международных организаций, на основе документов, которых они и складываются.

На наш взгляд под международным стандартом, определяющим качество вузовского образования следует понимать «совокупность норм и принципов международного права, устанавливающих основы осуществления образовательными организациями высшего образования их деятельности на должном уровне, позволяющем, наиболее полно учесть особенности обучающихся, необходимость всестороннего развития личности, требования рынка труда, а также закрепляющих основные права и обязанности всех участников образовательного процесса».

Важную роль в их развитии сыграла Организация Объединенных Наций, в документах которой, заложены основные направления развития международных стандартов в данной сфере. Положения документов региональных международных организаций способствуют как адаптации универсальных стандартов под особенности региона, так и формированию тех стандартов, которые наиболее отвечают особенностям политического и социально-экономического развития, входящих в него стран.

Для Российской Федерации особое значение имеют международные договоры и рекомендации регионального характера, прежде всего, Союза независимых государств, поскольку государства, входящие в него, связывает длительная история развития, схожая система образования советского периода. И в настоящее время продолжается тесное сотрудничество между ними во всех сферах, включая образовательную. Следует согласиться с теми авторами, которые утверждают, что попытка постсоветских государств присоединиться к Болонскому процессу явилась не принятием ее философии, а стремлением быть в тренде современных образовательных трансформаций. Поэтому заимствование западных образовательных моделей остается проблемным для постсоветских государств [1, с. 82]. Прекращение членства Российской Федерации в составе Совета Европы актуализирует вопрос построения новой образовательной системы, ориентированной на тесное взаимодействие стран СНГ, создание единого образовательного пространства среди стран его участниц. Достижение положительных результатов преобразований будет во многом зависеть от продуманной политики органов управления образованием, от степени проработки программы, от уровня включенности вузов стран-участниц СНГ в процессы интеграции и других факторов [1, с. 83].

Другим аспектом необходимости создания единого образовательного пространства для стран СНГ и повышение его качества и привлекательности следует считать актуализацию вопроса экспорта образовательных услуг. Большинство стран мира заинтересованы в этом, поскольку данный процесс связан с экономическими и политическими целями. Прибыль, полученная от экспорта образования может быть бюджетообразующей. Несмотря на преимущества российского образования, к которым исследователи относят приемлемую стоимость обучения и широкий диапазон направлений подготовки, доля России в мировом экспорте образования составляет только 1%. Несмотря на то, что общее количество иностранных студентов, получающих высшее

образование в России, выросло за последние три года более чем на 26 тысяч человек. Так, в 2019 году в России училось 298 тысяч иностранных студентов, в 2020 году — 315 тысяч, в 2021 году — 324 тысячи¹, половина из них - представители стран СНГ. Они ориентированы в большей степени на образовательные программы по заочной форме обучения или на обучение в дистанционном формате [5, с. 87]. Следовательно, в настоящее время на первое место выходит не только выстраивание новой модели образования на пространстве стран-участниц СНГ, повышение качества образования с учетом современных достижений, но и усиление взаимосвязей между ними в этой области за счет создания вузами комфортной образовательной среды для иностранных студентов, прежде всего, представителей стран СНГ.

Некоторые авторы видят решение этой проблемы в широком внедрении информационно-коммуникационных технологий; создании межвузовских объединений, которые могли бы выполнять функцию транснациональных образовательных концернов; международных научно-образовательных центров [5, с. 88]. Безусловно, эти меры будут способствовать унификации образовательных программ, повышению качества высшего образования на постсоветском пространстве, что положительно скажется на реализации права на образование гражданами стран СНГ и позволит укрепить межнациональные отношения.

В рамках Содружества принято значительное количество соглашений, направленных на унификацию образовательного процесса. Среди основных из них следует выделить: Модельный образовательный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 г.²; Соглашение о сотрудничестве по формированию единого (общего) образовательного пространства от 2001 г.³; Рекомендации Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств о едином образовательном пространстве и повышении социального статуса учащихся системы образования и науки в государствах - участниках СНГ 1995 г.⁴, Соглашение о сотрудничестве в области подготовки научных и научно-педагогических кадров и нострификации документов о их квалификации в рамках СНГ от 1992 г.⁵

Анализ перечисленных документов показал, что международные договоры были заключены в рамках СНГ задолго

- 1 Число иностранных студентов в России за три года выросло на 26 тысяч. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=46158 (дата обращения: 05.04.2022).
- 2 Модельный образовательный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств (общая часть): принят в г. Санкт-Петербурге 16.11.2006 Постановлением 27-12 на 27-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. - 2014. - № 60 (часть 1).
- 3 Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cis.minsk.by/page/7552> (дата обращения: 05.04.2022).
- 4 Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901858988> (дата обращения: 05.04.2022).
- 5 Национальный информационный центр по академическому признанию и мобильности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russianenic.ru/int/agreements/nostr.html> (дата обращения: 04.04.2022).

до разработки Модельного Кодекса об образовании и явились его основой.

Модельный образовательный кодекс для государств – участников СНГ принят Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ (постановление N 27-12) 29 ноября 2013 года. Он имеет рекомендательный характер и содержит общие для стран СНГ нормы образовательного права, направленные на создание единого образовательного пространства.

Основными задачами образовательного законодательства стран СНГ в Кодексе названы следующие: создание надежной правовой основы для реализации всеми гражданами стран СНГ права на образование, отвечающего современным потребностям человека; закрепление надежных юридических гарантий трудовых прав работников системы образования, их академических свобод, научного и педагогического творчества; разработка критериев мониторинга соблюдения государствами – участниками положений, относящихся к образованию; разработка законодательных положений, позволяющих органам управления образованием оперативно реагировать на меняющуюся миссию образования в XXI веке, развитие информационно-коммуникационных технологий, быстро меняющиеся требования рынка труда.

Следует обратить внимание на вариант решения национального вопроса, предложенного Кодексом. В частности, в нем закреплено, что в образовательных организациях должно обеспечиваться изучение языков и культур народов СНГ, в том числе, путем обмена преподавателями и студентами, создания совместных учебных заведений, имеющих межгосударственный статус, открытия филиалов образовательных организаций одних стран на территории других. Русский язык остается языком межнационального общения. Поскольку большинство иностранных студентов в России являются гражданами стран СНГ и носителями русского языка, это открывает дополнительные возможности для последующего трудоустройства молодых специалистов на российских предприятиях. Неслучайно одной из задач национального проекта «Образование» является необходимость трудоустройства к 2024 году не менее 5% иностранных студентов, которые прошли обучение в российских ВУЗах по востребованным направлениям подготовки, в российских компаниях⁶. Следует согласиться с тем выводом, что включение иностранных студентов в структуру занятости России будет способствовать большему культурному и экономическому взаимодействию стран СНГ [6, с. 31].

Другим аспектом, имеющим отношение к созданию единого образовательного пространства на территории стран СНГ, является обеспечение академических свобод, которые распространяются как на преподавателей, так и на обучающихся. Для преподавателей они представляют собой: право педагогических работников на свободу выбора средств и методов обучения и воспитания, направлений и методов проведения научных и педагогических исследований, публикацию результатов своих профессиональных достижений, участие в общественных и профессиональных объединениях и т.п. Обучающиеся в рамках данного понятия имеют право на выбор уровня и направления (профиля) высшего образо-

вания, формы его получения и способа участия в образовательном процессе в соответствии со своими способностями и потребностями.

В отношении академических свобод преподавателей, на наш взгляд, нельзя не согласиться с тем, что «университетский профессор должен добровольно отказаться от роли пропагандиста и агитатора. Основной принцип, который отстаивает университет, – это научная истина, соответственно, основное внимание должно быть уделено игре интеллекта, а не страсти. ...В отношении политических, социальных и религиозных движений занимающий должность должен придерживаться беспристрастной позиции, уделяя внимание только логике и фактам» [7, с. 195-204]. Академическая свобода зависит от качества, т.е. от содержания конкретной деятельности, которую ведет педагог, а не от мотивации, которая толкает его к занятию должности или отстаиванию тех или иных идей. В данном случае качественная деятельность должна определяться способностью преподавателя изучать новые факты и применять их в научной и практической деятельности, критически относиться к ним, при этом уметь формулировать свою точку зрения в строгом соответствии с профессиональными стандартами, а не подчиняться внешним и недопустимым факторам, таким как финансовое или политическое поощрение [2, с. 69-70].

В отношении обучающихся академические свободы представляют собой свободный выбор образовательной организации высшего образования, направления и программы подготовки. К этому следует добавить право на свободу мысли и слова, выражающееся в свободном отстаивании своего мнения на основе фактических данных, не нарушая при этом права и свободы других лиц, а также запретов государственных участников СНГ, например, приводящих к разжиганию национальной розни.

Однако, основной целью соглашений государств-участников СНГ является повышение мобильности обучающихся, возможности ими выбора вуза и программы обучения на территории стран Содружества. Для этого Кодексом установлены единые требования к образовательному процессу. Для Российской Федерации, особенно в современный период развития, наиболее актуальным является вопрос повышения количества граждан стран СНГ, получающих высшее образование в российских вузах. Это поможет обеспечить благоприятные отношения России с другими государствами, поскольку как показывает практика, человек, проживший определенное количество лет и получивший образование в иностранном государстве, более доброжелательно настроен к нему. Кроме того, данный аспект затрагивает воспитание элиты дружественных по отношению к России стран, а также воспитательный момент, касающийся межнациональных отношений.

К этому следует добавить сотрудничество с государствами СНГ в сфере информационного обеспечения выпускников образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования о возможностях обучения в вузах Российской Федерации через дипломатические и консульские представительства, созданием специальной платформы в сети Интернет, взаимодействием вузов в научной сфере (повышение количества участия сотрудников вуза в межгосударственных научных разработках). Не случайно

6 Дискурсивно-оценочная сеть. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://strategy24.ru/ru/education/projects/natsionalnyy-proekt-obrazovanie> (дата обращения: 08.04.2022).

одним из принципов государственной политики в области образования государств в Модельном образовательном Кодексе стран-участниц СНГ назван принцип развития, укрепления и модернизации материально-технической базы и социальной инфраструктуры системы образования, информатизация всех уровней и ступеней образования. Он способствует поддержанию феномена единого образовательного пространства СНГ, основанного на использовании цифровых технологий, что повышает доступность образования любого уровня для каждого гражданина, обеспечивает возможность выбора образовательных услуг, осуществляет учёт потребностей рынка [3, с. 226]. Следовательно, качество образования зависит от технического оснащения образовательной организации, цифровой грамотности педагогических работников и обучающихся.

В целях обеспечения данных положений, можно предложить следующее:

– составить рейтинг вузов стран СНГ;

– разработать методические рекомендации для российских вузов по обеспечению комфортного обучения граждан Содружества, в котором предусмотреть: при необходимости обучение русскому языку; проживание в общежитиях (в комнатах совместно с российскими гражданами в целях изучения языка, культуры); проведение мероприятий, направленных на межнациональное общение; введение должности сопровождающего на первые два года для иностранных студентов из числа обучающихся старших курсов; обеспечение профсоюзом студентов туристических экскурсий для иностранных студентов по культурным и историческим местам России.

С учетом вышеназванных обстоятельств и тенденцией перехода с процедур внешнего контроля качества образовательного процесса и его результатов на базе национальных систем аттестации и аккредитации в сторону внутренней самооценки (самообследования) вузов при обеспечении качества высшего образования [4, с. 168], можно предложить добавить следующие критерии оценки:

1. Направленные на адаптацию иностранных студентов в стране получения высшего образования:

– наличие курсов по изучению русского языка, языка и истории страны пребывания;

– обеспечение местами в общежитиях представителей стран СНГ;

– количество мероприятий, направленных на межнациональные и межкультурные коммуникации;

– помощь профсоюзных объединений и представителей вузов в адаптации иностранных обучающихся к новым реалиям;

– количество иностранных выпускников вуза, трудоустроенных в России по полученной специальности;

2. Направленные на повышение взаимодействия между вузами стран – участниц СНГ:

– взаимодействие с вузами стран СНГ в научной сфере;

– число участников сотрудников вуза в межгосударственных научных разработках;

– уровень академических свобод преподавателей и обучающихся;

3. Повышение коммуникаций между участниками образовательного процесса с использованием цифровых технологий:

– техническая оснащенность вуза цифровыми носителями;

– уровень цифровой грамотности педагогических работников.

Пристатейный библиографический список

1. Аветисян П. С., Галикян Г. Э., Геворкян Н. М. Актуальные проблемы образования в странах СНГ в контексте интеграционной политики // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. - 2014. - № 2.
2. Головкин Н. В. Декларация академических свобод и полномочий: исторический контекст и снования академической свободы // Ученые записки Забайкальского государственного университета. - 2017. - № 3.
3. Дивеева Н. И., Дмитрикова Е. А. Тенденции нормативного регулирования процессов цифровизации образования в странах СНГ // Ежегодник российского образовательного законодательства. - 2021. - № 21.
4. Киняева С. А., Бирик Т. К. Вопросы актуальности выработки единых подходов по обеспечению качества высшего образования в государствах-участниках СНГ // Государственная аккредитация: вчера, сегодня, завтра: сборник научных трудов сотрудников Национального аккредитационного агентства в сфере образования и экспертов в области проведения государственной аккредитации образовательного учреждения и научной организации. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальное аккредитационное агентство в сфере образования», 2020.
5. Круглова Т. С., Жаткин Д. Н. Новые модели экспорта образования в странах СНГ // Ученые записки Российского государственного социального университета. - 2016. - № 6.
6. Куликова Е. В., Игнатенко К. А., Никушкин А. Б. Возможности и перспективы сотрудничества на постсоветском пространстве // Азимут научных исследований. - 2021. - № 4.
7. Atkinson R. Academic Freedom and the Research University // Proceedings of the American Philosophical Society. - 2004. - Vol. 148.

ЛАТЫПОВА Эльвира Рашитовна

кандидат педагогических наук, доцент Института химических технологий и инжиниринга, филиала Уфимского государственного нефтяного технического университета в г. Стерлитамаке

ВИНОКУРОВА Виктория Владимировна

магистрант Института химических технологий и инжиниринга, филиала Уфимского государственного нефтяного технического университета в г. Стерлитамаке

ЖЕРЕБЦОВ Сергей Владимирович

магистрант Института химических технологий и инжиниринга, филиала Уфимского государственного нефтяного технического университета в г. Стерлитамаке

ТУХВАТУЛЛИН Ринат Рамилевич

магистрант Института химических технологий и инжиниринга, филиала Уфимского государственного нефтяного технического университета в г. Стерлитамаке

НОВЫЙ ФОРМАТ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗАХ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Исходя из названия, в статье описывается процесс изменения традиционной формы обучения в сторону более сильной информатизации. Показано, что важной деталью перед переходом на другой формат обучения является определение принципов обучения или самообучения. В статье проводится подробный анализ возможностей дистанционного обучения иностранным языкам. Особо следует отметить сложность процесса адаптации к новым условиям обучения. Также изучается уровень восприятия новых возможностей с использованием только дистанционных технологий: способность добиваться качественного изучения материала по заданной теме, как в обычных условиях, с возможностью общаться с людьми, участвовать в индивидуальных и групповых занятиях. И поэтому общество пытается всеми силами не допустить падения уровня и качества образования. Следует подчеркнуть, что в связи с пандемией увеличилось и продолжает увеличиваться количество дистанционных ресурсов, способствующих изучению иностранных языков, за счет чего растет уровень образования, а необычная подача материала вызывает интерес к обучению.

Ключевые слова: ограниченные ресурсы и условия, самообучение, дистанционные технологии, принципы.

LATYPOVA Elvira Rashitovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of the Institute of Chemical Technology and Engineering, branch of the Ufa State Petroleum Technical University in Sterlitamak

VINOKUROVA Viktoriya Vladimirovna

magister student of the Institute of Chemical Technology and Engineering, branch of the Ufa State Petroleum Technical University in Sterlitamak

ZHEREBTSOV Sergey Vladimirovich

magister student of the Institute of Chemical Technology and Engineering, branch of the Ufa State Petroleum Technical University in Sterlitamak

TUKHVATULLIN Rinat Ramilevich

magister student of the Institute of Chemical Technology and Engineering, branch of the Ufa State Petroleum Technical University in Sterlitamak

A NEW FORMAT OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN THE PANDEMIC

According to the title the article describes the process of changing the traditional form of learning towards more informatization. It is shown that an important detail before moving to another format of learning is the determination of the principles of learning or self-learning. The article gives a detailed analysis of the potential of distance learning in foreign languages. The complexity of the process of adapting to a new learning environment is particularly noted. It also examined the extent of new opportunities with using only distance technology: the ability to achieve high quality of learning material on the subject as in normal conditions with the possibility to contact with people, attend personal and group sessions. And that is the reason of society trying to prevent a decline in the level and quality of education by all means. It should be emphasized that in the conditions of the pandemic the number of distance resources that promote the study of foreign languages has increased and continue to grow. Thanks to them the level of education increases and the unusual presentation of materials ignite interest in learning.

Keywords: limited resources and conditions, self-learning, remote technologies, principles.

Английский язык является неотъемлемой частью профессиональной деятельности бакалавров технических вузов, от грамотного использования которого во многом зависит ее эффективность. В то же время английский язык во многих вузах ориентирован на формирование у студентов профессиональных навыков и недостаточно учитывает специфику профессиональной сферы, поэтому выпускники колледжей не могут понять личностно-прикладного значения языковых навыков. В конечном итоге это влияет как на успеваемость студентов, так и на их конкурентоспособность на рынке труда. Поэтому возникает объективная необходимость повышения

качества обучения английскому языку в технических вузах и создания условий, позволяющих наглядно представить прикладную значимость дисциплин.

На данный момент в условиях пандемии возросло значение дистанционных технологий, переход которых был достаточно резким и сильно сказался на качестве образования. В результате распространено мнение о нецелесообразности использования дистанционных технологий в процессе обучения английскому языку. Но в то же время увеличивается количество программ и различных матери-

алов для преподавателей и самоучек, что говорит об интересе к этой области.

Е. С. Полат рассматривает «дистанционное обучение как новую форму обучения» и, соответственно, дистанционное образование (как результат обучения, как систему) – как новую форму образования. При использовании термина «дистанционное обучение» она намеренно акцентирует внимание на основном характерном признаке данной двуединой деятельности – интерактивности, взаимодействии не с программой (точнее, не только с программой), а с преподавателем и другими студентами [2].

Овладение механизмом дистанционного обучения становится необходимостью и обязательным навыком современного учителя.

Технические возможности учебного заведения имеют решающее значение для неограниченного доступа к имеющимся ресурсам.

Дистанционные технологии смещают акцент с преподавательской деятельности учителя на познавательную деятельность учащегося (самообучение). Многие авторы указывают на плодотворность применения «конструктивистской теории обучения» даже в дистанционном обучении, согласно которой обучающиеся сами контролируют знания, а роль преподавателя заключается в содействии этому процессу путем определения структуры учебного процесса. Материал должен быть включен без детальной обработки.

Основываясь на уже известных принципах обучения и самообучения, исследователи сформулировали основные концептуальные принципы интерактивного самообучения – методические рекомендации по разработке теоретических основ интерактивного самообучения, а, следовательно, и принципы дидактико-педагогического проектирования интерактивных технологий самообучения:

1. В самообучении обучение первично, а преподавание вторично.

2. Субъект самообучения в своем обучении не может быть непосредственным объектом обучения.

3. Объектом обучения и обучения в интерактивной самоподготовке являются интерактивные дидактические средства самоподготовки.

4. Дидактическая функция обучения может быть полностью и эффективно реализована через интерактивную самообучающуюся информационную среду, создаваемую субъектом обучения.

5. Ведущими, основными среди функций обучения, реализуемых субъектом обучения в модели интерактивного самообучения, являются: стимулирование активности субъектов в обучении, создание информационной среды для интерактивного самообучения.

Исследователи сходятся во мнении, что дистанционная система самообучения по предмету «Английский язык» может предложить более высокий уровень реализации традиционных дидактических требований, таких как наглядность образования, активность и сенсбилизация учащихся в процессе обучения, систематичность, последовательность обучения, сила овладения знаниями, единство воспитательной, развивающей и воспитательной функций образования [1]. Однако этого можно достичь только путем создания соответствующих рамочных условий, которые мы определили следующим образом:

– проектирование системы дистанционного самообучения на основе педагогических и психологических теорий обучения, а также с учетом полного использования современных аппаратных возможностей компьютерной техники,

– обеспечение различных видов взаимодействия преподавателя и студента посредством сервисов электронной системы обучения.

Основным дидактическим направлением интерактивного обучения является консультативная помощь, индивидуальное обучение. В связи с этим внедрение системы дистанционного обучения английскому языку предполагает сохранение педагогического воздействия на студента, то есть

самообучение при дистанционном обучении должно контролироваться преподавателем. В. В. Казаченок указывает, что осуществление «управляемого самообучения» возможно только при условии «перехода к обучению самостоятельной познавательной деятельности по поиску, пониманию и использованию информации» [1]. По мнению исследователя, это означает:

– формирование единой образовательной и научной информационной среды за счет создания учебных сборников, то есть учебников и учебных пособий нового типа, которые являются не только персональными электронными помощниками, но и позволяют реализовать принцип, сформулированный Ю. А. Коменского: «Ученик должен работать, учитель руководить этой работой».

– разработку и реализацию теоретических основ и различных частных методик обучения тандема «учащийся + компьютер» [1].

В итоге можно сказать, что дистанционное обучение имеет большой потенциал развития не только для самостоятельного изучения языка, но и для использования в качестве обучающей программы для студентов разных вузов. Эти технологии позволяют значительно расширить материальную базу любого вуза, а благодаря таким программам можно обучать студентов с носителями языка, объясняя особенности диалекта и словообразования в каждой области на примерах, что особенно важно для технических направлений, где есть много разных видов оборудования, которые можно описать одним словом.

Пристатейный библиографический список

1. Велединская С. Б., Дорофеева М. Ю. Смешанное обучение: секреты эффективности // Высшее образование сегодня. - 2014. - № 8. - С. 8-13.
2. Велединская С. Б. Смешанное обучение (blended-learning) и его возможные перспективы в ТПУ // Сборник трудов Научно-методической конференции «Уровневая подготовка специалистов: государственные и международные стандарты инженерного образования». - Томск, 2013. - С. 105-106.
3. Казаченок В. В. Особенности интерактивных систем самообучения учащихся на примере углубленного курса математики // Информатизация образования. - 2012. - С. 34-39.
4. Краснова Т. И. Возможности электронного обучения в непрерывном образовании // Молодой ученый. - 2015. - № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/86/16330/> (дата обращения: 19.03.2022).
5. Полат Е. С. К проблеме определения эффективности дистанционной формы обучения // Открытое образование. - 2010. - С. 71-77.
6. Юрина М. В., Лопухова Ю. В. Применение инновационной технологии «перевернутый класс» при обучении иностранному языку в техническом вузе // Самарский научный вестник. - 2017. - Т. 6. - № 4. - С. 262-266.
7. Beketova E., Leontyeva I., Zubanova S., Gryaznukhin A., Movchun V. Creating an optimal environment for distance learning in higher education: discovering leadership issues // Palgrave communications. - 2020. - Vol. 6. - № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nature.com/articles/s41599-020-0456-x> (дата обращения: 19.03.2022).
8. Bergmann J., Sams A. Flip your classroom: reach every student in every class every day. - Arlington: ISTE, 2012. - 100 p.
9. Bransford J., Brown A., Cocking R. How people learn: brain, mind, experience, and school. - Washington: National Academy Press, 2000. - 374 p.
10. Evseeva A., Solozhenko A. Use of flipped classroom technology in language learning // Procedia – social and behavioral sciences. - 2015. - Vol. 206. - P. 205-209.

МАТВЕЕВ Станислав Станиславович

кандидат социологических наук, доцент кафедры физического воспитания Башкирского государственного университета

ПРОКОФЬЕВА Динара Дамировна

старший преподаватель кафедры физического воспитания Башкирского государственного университета

СТЕПАНОВ Гаврил Иванович

кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ С ЦЕЛЬЮ УМЕЛОГО ЗАДЕРЖАНИЯ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Статья посвящена совершенствованию профессиональной и физической подготовки для правомерного применения боевых приемов борьбы с целью умелого задержания правонарушителей. Актуальность данной темы подкреплена тем, что возникает множество проблем с задержанием правонарушителей, при физическом воздействии и невыполнении законных требований сотрудников полиции. Совершенствование профессиональной подготовки сотрудников полиции и обучающихся образовательных организаций МВД России способствует выработки характера и выдержки, присущих сотрудникам органов внутренних дел. Тезисы статьи будут полезны как уже опытным сотрудникам органов внутренних дел, а также преподавателям образовательных организаций, осуществляющих подготовку к правоохранительной деятельности, так и лицам, поступающим на службу в органы внутренних дел. В статье описаны методы применения физической силы в момент задержания правонарушителей, согласно основным нормативно-правовым актам.

Ключевые слова: профессиональная и физическая подготовка, правонарушитель, задержание, боевые приемы борьбы, законность, правомерное применение физической силы.

MATVEEV Stanislav Stanislavovich

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Physical education sub-faculty of the Bashkir State University

PROKOFJEVA Dinara Damirovna

senior lecturer of Physical education sub-faculty of the Bashkir State University

STEPANOV Gavril Ivanovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Physical education sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

IMPROVEMENT OF PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA FOR THE PURPOSE OF SKILLFUL DETENTION OF OFFENDERS

The article is devoted to the improvement of professional and physical training for the lawful use of combat techniques for the purpose of skilful detention of offenders. The relevance of this topic is supported by the fact that there are many problems with the detention of offenders, with physical influence and non-compliance with the legal requirements of police officers. Improving the professional training of police officers and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia contributes to the development of the character and endurance inherent in employees of internal affairs bodies. The abstracts of the article will be useful both for already experienced employees of the internal affairs bodies, as well as for teachers of educational organizations that prepare for law enforcement, and for persons entering the service of the internal affairs bodies. The article describes the methods of using physical force at the time of detention of offenders, in accordance with the main regulatory legal acts.

Keywords: professional and physical training, offender, detention, combat techniques of struggle, legality, lawful use of physical force.

Человек, его права и свободы провозглашены в Российской Федерации высшей ценностью. В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации признание, уважения и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства.

Трудности социально-экономического реформирования российского общества привели к тому, что сложилась угроза существованию человека как вида социально-биологического существа и общества как социальной системы [1].

Однако для всех без исключений – физическая подготовка является важной и неотъемлемой частью профессиональной подготовки сотрудников полиции [2].

Физическая подготовка как основная часть профессиональной подготовки нуждается в усовершенствовании различных методик правомерных задержаний, с целью избежать недоразумений в применении физической силы, согласно всем действующим нормативно-правовым актам.

Мотивация человека к деятельности подразумевается как совокупность движущих сил, побуждающих человека к исполнению и осуществлению определенных действий. Движущие силы находятся вне и внутри человека и вынуждают его не осознано или осознано совершать некоторые поступки. Связь между отдельными силами и усилиями человека опосредована сложной системой организации, в результате чего различные люди могут совершенно по-разному реагировать на одинаковые действия со стороны одинаковых сил. Поведение человека, исполняемые им действия в свою очередь могут повлиять на его реакцию, на влияние, в результате чего может меняться как степень влияния воздействия, так и установка действия, вызываемая этим воздействием [3].

Для правомерного применения физической силы с целью задержания правонарушителей, необходимы не только знания, но и соответствующая профессиональная и физическая подготовка. В целях сохранения здоровья у обучающихся-

ся формируется комплекс необходимых профессиональных качеств, для осуществления своей служебной деятельности. Поэтому одно из приоритетных направлений кафедр физической, огневой и тактико-специальной подготовки является формирование здорового образа жизни у обучающихся и правильное представление к своей профессиональной подготовке.

Физкультура и спорт являются ценным средством повышения производительности труда. Улучшение физического состояния содействует повышению выносливости [4].

При применении физической силы к подозреваемым правонарушителям или какому-либо имуществу не должно нарушаться физическую неприкосновенность подозреваемого, не причинять ему боли, и тем более летального исхода не должно быть. Использование физической силы проявляется в виде применения боевых приемов, а также способы не носящий силовой характер воздействия на подозреваемого.

Возможно применение физической силы к гражданам при предотвращении попытки проникновения посторонних лиц на место проведения следственных мероприятий.

Сотрудники полиции не редко чувствуют в себе неуверенность для пресечения преступлений и правонарушений в общественных местах, при этом привлекая гражданских, которые проходят мимо и могут сложить неправильное мнение о полиции, поэтому эти задачи становятся сложно выполнимыми.

Важно иметь в виду, что не правильное выполнение боевых приемов борьбы и незнание правовой базы имеет возможность к причинению вреда здоровью граждан и угрозе жизни сотрудника. А также каждый сотрудник обязан сдавать нормативы и боевой раздел по физической подготовке, с целью повышение своей профессиональной квалификации и поддержанию своей боевой и физической готовности.

На практике часто преступники оказывают силовое сопротивление, либо имеют при себе холодное или огнестрельное оружие. Поэтому при патрулировании сотрудниками полиции по охране общественного порядка приходится выполнять задержание с применением физической силы.

Необходимо отметить существенное несоответствие между потребностями практики по применению боевых приемов борьбы и системой подготовки обучающихся в образовательных организациях МВД России.

Ситуации на практике, доказывают, что наиболее эффективный способ задержания – это задержание с партнером вдвоем или втроем.

Внезапность – самый благоприятный способ достижения успеха задержания. Самый практичный способ внезапности – применение боевых приемов борьбы сзади.

Во время осуществления конвоирования под угрозой применения оружия необходимо соблюдать безопасное расстояние (3-5 метров). Выполнять личный досмотр и изъятие у правонарушителя каких-либо предметов необходимо выполнять только после постановки его в подконтрольное положение. Для избегания произведения случайного выстрела, необходимо огнестрельное оружие направлять вверх в безопасном направлении, палец убирать со спускового крючка.

Возможно применять отвлекающие маневры, которые приведут к дезориентации правонарушителя. Затем сблизиться с ним и, выполнив один из боевых приемов борьбы задержать правонарушителя, используя наручники или другие средства ограничения передвижения. Такие действия не только обезопасят жизнь и здоровья сотрудника, но и позволяют выполнить личный досмотр. Если правонарушитель использует для нападения тяжелый предмет или другое подручное средство нанесения телесных повреждений, которые опасны на больших расстояниях. В непосредственной близости эти движения имеют небольшую силу удара. Поэтому, защищаясь от удара длинным предметом, необходимо вы-

брать момент, чтобы быстро подойти к нападающему и провести боевой прием борьбы.

Если правонарушитель выполняет нападение с ножом, следует принять защитные меры, уходом с линии атаки и захватом вооруженной руки правонарушителя. Если у сотрудника имеется палка специальная, он может использовать ее для отражения ударов ножа, выбить его из рук нападающего и произвести силовое задержание.

Вред, причиненный задержанием, должен быть минимальным, с соблюдением ряда условий законности и обоснованности данной меры. Задержание может проводиться в помещении (в ограниченном пространстве), а также вне его. Оба способа имеют свои положительные и отрицательные стороны.

Задержание в ограниченном пространстве (лифт, коридор) сводит к минимуму возможность побега подозреваемого, исключает вмешательство сторонних лиц, а также благоприятствует проведению личного досмотра и изъятия подручных средств у правонарушителя.

Отрицательной стороной данного способа является скорая информированность в ситуации для семьи и жильцов. Задержание в ограниченном пространстве должно иметь более тщательную тактическую подготовку.

Таким образом, можно сделать вывод, что совершенствование профессиональной подготовки – неотъемлемая часть формирования знаний и навыков у обучающихся образовательных организаций МВД России. Необходимо постоянно поддерживать физическую готовность, для выполнения сложных служебно-боевых задач. Необходимо умело и правомерно применять боевые приемы борьбы с целью законного и успешного задержания правонарушителей.

Пристатейный библиографический список

1. Матвеева Л. М. Социальные проблемы физкультурно-оздоровительной деятельности: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – Уфа, 2004. – С. 108.
2. Матвеев А. С. Физическая подготовленность в образовательных организациях МВД России // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной, огневой и профессионально-прикладной физической подготовки в современном контексте практического обучения сотрудников органов внутренних дел». Составители: В. В. Горбатов, С. А. Горелов., О. В. Григорьева. – 2020. – С. 252-254.
3. Матвеев А. С., Нухов Р. Р., Кубеев А. Ж. Исследование мотивации обучающихся средних профессиональных учреждениях к занятиям физической культуры // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 64-4. – С. 124-127.
4. Ким В. О., Матвеев А. С. Особенности воспитания выносливости при подготовке к служебному биатлону обучающихся образовательных организациях МВД России // В сборнике: Физическое воспитание и спорт: актуальные вопросы теории и практики. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редакторы А. А. Тациян, В. М. Баршай, Т. А. Степанова. – 2020. – С. 72-77.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-418-423

СНЕТКОВ Виталий Николаевич

доктор политических наук, профессор Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

МОХОРОВ Дмитрий Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ДОРОВСКАЯ Юлия Владимировна

старший преподаватель Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

СЕМЕНОВА Кристина Андреевна

старший преподаватель Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Снетков В. Н.

Мохоров Д. А.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В Российской Федерации в 2018 году был утвержден паспорт национального проекта «Образование». Частью этого проекта стал федеральный проект «Экспорт образования», предусматривающий пути его интернационализации. 12 апреля 2022 г. в День космонавтики Президент России В. В. Путин, выступая на космодроме «Восточный», объявил о проектах в области космонавтики совместно с государством Беларусь. Поэтому необходимость в таких проектах, как совместное обучение ведущих кадров в самых технологичных областях науки будет возрастать.

Доровская Ю. В.

Семенова К. А.

В настоящей статье на основании анализа норм современных российских и международных актов авторы представили основные тенденции, влияющие на подготовку профессионалов высшими инженерными университетскими школами. Цель исследования базируется на главной задаче образования, которая должна быть реализована в результате получения высшего образования, а именно личности – человека, формируемого системой современной подготовки в вузе, что находит отражение в требованиях к роли высшего образования в развитии человека-гражданина, сформулированной в правовых актах. Одновременно авторами приводятся концепции инженерного и гуманитарного образования, предлагаемые к реализации в рамках континентальной системы права на примере получения инженерного образования в Швеции, Финляндии и Германии и их интегративные аспекты, касающиеся включения гуманитарной составляющей в систему подготовки инженерных кадров. На основании проведенного сопоставительного анализа законодательства и программ дедуцируется, что гуманитарная наука прежде всего призвана воспитывать граждан своей страны, а процессы интеграции должны от гуманитариев идти именно в этом направлении.

Делается вывод о том, что увеличение доли иностранных студентов следует обеспечивать за счет стран ЕАЭС, так как отсутствие ограничений к свободному перемещению трудовых, высококвалифицированных ресурсов в рамках региональных союзов представляет проект «Экспорт образования» особенно привлекательным для этих стран.

Ключевые слова: интеграция, интернационализация, нормативное регулирование, экспорт образования, развитие человека, инженеры, гуманитарии.

SNETKOV Vitaliy Nikolaevich

Ph.D. in political sciences, professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Engineering Investigation of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Polytech)

MOKHOROV Dmitriy Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Engineering Investigation of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Polytech)

DOROVSKAYA Yuliya Vladimirovna

senior lecturer of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Engineering Investigation of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Polytech)

SEMENOVA Kristina Andreevna

senior lecturer of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Engineering Investigation of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Polytech)

METHODOLOGICAL UNDERPINNIG FOR INTERNATIONALIZATION AND INTEGRATION OF ENGINEERING EDUCATION AND HUMANITIES: LEGAL ASPECT

In 2018 the Russian Federation approved national project Education passport. A part of this project is federal project Export of Education providing for its internationalization. On April 12, 2022, on Cosmonautics Day, Russian President Vladimir Putin, speaking at the Vostochny cosmodrome, announced projects in cosmonautics jointly with Belarus. Therefore, the need for projects such as joint training of leading personnel in the most technologically advanced fields of science will increase.

This article, relying on modern Russian and international legislation, presents main trends that affect educating professionals at engineering university schools. The study purpose is based on the main education task to be implemented as its result - personality as is reflected in requirements for higher education role in development of a person formulated in legal acts. Concurrently the authors present engineering and humanitarian education concepts for implementation within the continental law system, using the example of engineering education in Sweden, Finland and Germany, and integrative aspects related to inclusion of a humanitarian component in engineers education system. It is deduced on the basis of a comparative analysis of legislation and programs in education that the humanities are primarily called upon to educate the citizens of own country, and integration processes should go in this direction from them.

It is concluded that the increase in the share of foreign students should be provided from the EAEU countries, since no restrictions on free movement of labor, highly qualified resources within regional unions makes the Education Export project especially attractive for these countries.

Keywords: integration, internationalization, regulation, export of education, human development, engineers, humanities.

Правовые тренды в мире задаются на двух уровнях – от минимума к максимуму. Сфера высшего образования как общественного блага не является исключением. Минимальные стандарты – это международный уровень правовых актов, максимальные – это то, что прописано в национальном законодательстве отдельных стран.

В СССР в 1985 г. стартовал период перестройки, который впоследствии привел к прекращению существования СССР и появлению России, ставшей юридически правопреемником СССР и исторически Российской Империи после поправок, внесенных в Конституцию в 2020 г.

В 1986 г. же году Болонский университет обратился к другим европейским университетам с предложением о принятии Великой Хартии Университетов – Magna Charta Universitatum. Следующим этапом в 1998 г. стала совместная декларация по гармонизации (то есть не противоречии, а не унификации, если использовать устоявшуюся юридическую терминологию) архитектуры европейской системы высшего образования, и год спустя в 1999 г. дальнейшая международная формализация образовательного процесса произошла в г. Болонье, где 29 стран Европейского Союза подписали Болонскую декларацию. С 19 сентября 2003 г. на совещании министров образования стран-участниц Болонского процесса в г. Берлине Россия официально присоединилась к формированию единого европейского пространства высшего образования и подтвердила свое намерение следовать основным принципам Болонской декларации: академическая мобильность студентов и профессорско-преподавательского состава, сопоставимость и совместимость систем образования, в том числе признание степеней, повышение качества и престижа европейского образования, студентоцентрированное образование, условная возможность трудоустройства выпускников в любой точке мира, что логично предполагает усиление гуманитарной языковой составляющей.

Реформа же образования в России стартовала с того, что образование превратилось из общественного блага в «образовательную услугу» согласно тому, как оно определено законодательно, параллельным существованием двух уровней образования: расщепленного бакалавриата и магистратуры, что не является вторым высшим образованием, и специалитета. Согласно действующему федеральному закону об образовании, магистратура и специалитет обладают равным статусом по ступени образования. Специалитет с пятилетним образованием существует по многим инженерным специализациям (например, в области обучения будущих инженеров-атомщиков). Законом и иными актами в обла-

сти образования предусматривается возможность получения двух дипломов разных университетов, обучение некоторого времени за границей, усиление гуманитарной языковой составляющей, включение экономики как предмета и вывод из высшего образования предмета права по состоянию на конец 2021 года.

Каких профессионалов готовят высшие инженерные университетские школы, как влияет международная правовая составляющая на эту подготовку и как Болонский процесс повлиял на подготовку инженеров мы попытаемся дать ответы-тренды в настоящей статье в рамках текущего законодательства.

Для того чтобы право имело защиту его следует прописать в каком-либо письменном источнике. Таким источником в странах прежде всего выступают конституции (в Германии конституция называется Основной закон). На международном уровне – это Болонская декларация, задающая тренды. Исходя из этой правовой базы и используя анализ тенденций в образовании ученых-исследователей, проведем обзор сложившейся ситуации на начало 2022 г.

В Российской Федерации в рамках конституционных прав и свобод человека сформулировано, что каждый имеет право на образование. При этом гарантируется общедоступность, бесплатность дошкольного и основного общего, среднего профессионального образования в государственных или муниципальных учреждениях и на предприятиях. Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном учреждении и на предприятии. Основное общее образование обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования. Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования. Формы образования, признаваемые в России: очное, очно-заочное и заочное – последние два доступны не для всех направлений получения высшего инженерного образования, что непосредственно предусматривается в федеральных государственных образовательных стандартах – ФГОС ВО (3++). На основании данной конституционной статьи разработана концепция образования и его нормы. Под словом «каждый» подразумевается любой человек, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным организациям, возраста, состояния здоровья, социального, имущественного и должностного положения, наличия судимости.

Под «образованием» подразумевается процесс развития и саморазвития личности, связанной с овладением социально значимым опытом человечества, воплощенный в знаниях, умениях, творческой деятельности и эмоционально-ценностном отношении к миру, необходимое условие сохранения и развитие материальной и духовной культуры. Согласно преамбуле закона РФ об образовании 2012 г. образование определено как целенаправленный процесс обучения и воспитания. Высшее образование – это новый уровень для человека, который получил полное среднее образование. После того, как человек освоил общеобразовательную программу, он должен получить какую-либо специальность.

Наиболее важным современным решением в области общего образования в России стало поручение Президента России по итогам заседания президиума Государственного Совета РФ от 25 августа 2021 г. Пр-1808ГС по направлению «Образование» об исключении из законодательства об образовании понятия «образовательная услуга». Доклад должен был быть представлен до 01 марта 2022 г.

Еще одним нововведением во второй закон об образовании за время существования современной России стало включение воспитания и социализации на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения, формирование гражданственности, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде.

На локальном уровне (уровне национального инженерного исследовательского университета) вопросам подготовки инженерных кадров посвящена особая экспертная конференция: «Современная подготовка инженеров». Год ее рождения – 2020 г. В этом году это мероприятия собрало более 1500 участников, конференцию открывал Министр высшего образования России Валерий Фальков.

«Инженерное образование в широком смысле – это почти половина всего государственного заказа: более 40 % контрольных цифр приема [в вузы] так или иначе лежит в области инженерного образования», – подчеркнул Валерий Фальков, Министр науки и высшего образования. Передовые инженерные школы представляют собой одной из 42 инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года [1].

Одно из озвученных положений на конференции то, что в XXI веке нельзя готовить инженеров так же, как и в середине 20 века. С этим же положением перекликается и статья шведских ученых, в которой сравнивается современный процесс подготовки инженеров в университетах и реальные потребности экономики страны [2]. Критическое отношение к влиянию последствий глобализации высказывается и зарубежными исследователями в статье под одноименным названием: последствия глобализации для высшего инженерного образования [3].

О неактуальности перехода на систему обучения по типу гуманитарных наук США в образовании инженеров полемизируют ученые Политеха, в том числе действительные члены Российской академии наук и глава вуза А. А. Рудской [4]. Что касается позиции авторов статьи, то свобода выбора состоит в том, чтобы работать в корпорации, принципы работы которой ты разделяешь. Корпорация имеет значение «юридическое лицо», т.е. организация. Поэтому авторы статьи солидарны с точкой зрения о сохранении национальной идентичности страны в процессе образования, о чем прямо говорится в новой редакции нормы закона об образовании (см., например, п. 2 ст. 2).

Отдельного внимания заслуживает полемика о языке, на котором ведется образования в контексте его интернационализации. Так, в Конституции Финляндии 1999 г. в параграфе 17 «Право на родной язык и культуру» закреплен равный статус за двумя государственными языками – финским

и шведским. На шведском же фактически получить высшее образование представляется проблематичным, так как акцент смещен на английский язык [5]. Высказывается позиция финского ученого-лингвиста в его колонке в государственной газете о том, что английский язык не так уже и нужен большей части населения, а дань моде, современности [6], влиянию «мягкой власти», именно так это словосочетание – термин, вошедший во второй половине 1980-х годов звучит на английском языке – «soft power».

Следует отметить, что в XXI веке у государства можно выделить инновационную функцию как отдельную его функцию [7]. А кто, как не инженеры, являются лидерами инноваций в технике и технологиях?!

Полемика среди преподавателей немецких университетов идет о том, что не зря ли были потрачены усилия сроком в 20 лет для приведения в соответствие немецкой системы образования инженеров с Болонской системой. Авторы категоричны в своем ответе, так как их статья заканчивается словом «нет», этих усилий это не стоило [8].

Есть спорные вопросы в Германии (собственно, как и в России по признанию квалификаций и степеней), присуждаемых в этих странах [9].

В пользу интернационализации инженерного образования на основании культурного разнообразия чаще всего выступают лица, получившие гуманитарное образование [10]. Видимо, концепции мультикультурности должны быть включены в канву образования инженеров.

Резюмируя обзор регулятивных рамок и полемики ученых – представителей разных рассматриваемых стран (России, Германии и Финляндии), напрашивается вывод о том, что Болонский процесс не будет осуществлен в том виде, в котором он задумывался изначально, так как сама логика обучения инженеров и специфика их будущей деятельности не позволяет этого сделать.

Тем не менее, образованная с хорошими профессиональными компетенциями (знаниями, умениями, навыками) нация – это огромный капитал любого государства. Правильный баланс инженеров и гуманитариев обеспечивает безопасность и развитие страны.

К сожалению, в рейтинг 200 лучших вузов входит только МГУ им. Ломоносова – 78-е место по информации «Социальный навигатор», который представил русскоязычную версию международного рейтинга QS World University Rankings 2021/2022, ежегодно составляемого британской компанией QS. Следует отметить, что Политехнический университет повышает с каждым годом рейтинг в списке QS World University Rankings. Следует отметить, что 12 апреля 2022 г. в День космонавтики Президент России В. В. Путин, выступая на космодроме «Восточный», объявил о проектах в области космонавтики совместно с государством Беларусь. Поэтому необходимость в таких проектах как совместное обучение ведущих кадров в самых технологичных областях науки будет возрастать. Наука должна будет развиваться ускоренными темпами и вряд ли нам нужны будут рейтинги британской компании.

Те регулятивные рамки, которые задаются российским законодательством, свидетельствует о том, что государство всё больше концентрируется на процессах образования, это обсуждается в научной и экспертной среде, как следует из изложенного выше. В настоящий момент принято Постановление Правительством России (№ 414 от 19 марта 2022 г.) о приостановлении требований к наличию рейтинговой по британской системе публикаций в базах данных Scopus и Web of Science. Будут ли они приняты вновь – неизвестно. По крайней мере патриотическая научная среда борется за свои права в этой области и лоббирование интересов старой системы возможно не будет успешным.

При проведении исследования авторы, будучи юристами и преподавателями права в г. Санкт-Петербурге, Россия базировались на общенаучных методах анализа, синтеза дан-

ных с последующими выводами и сравнительно-правовом методе при выборе стран для анализа, диктуемыми исторически сложившимися связями и развитостью инженерного образования в соответствующей стране. Источники для изучения выбирались исходя из институциональной базы исследования образования (современное законодательство, официальные статистические данные). Временные рамки диктовались действующими регулятивными рамками, то есть национальным законодательством, принятым не ранее действующего закона об образовании 2012 г. по состоянию на 31 декабря 2021 г., федеральными государственными образовательными стандартами последнего третьего поколения (ФГОС 3++).

Так как российская система права относится к континентальной (романо-германской) системе права, исследователями взяли за основу при сравнении подготовку инженеров в Германии как лидирующем государстве ЕС. По состоянию на 2017 г. она была самым крупным чистым донором ЕС. Инженерные специалисты, входя в Топ-4 наиболее оплачиваемых профессий в этой стране по данным кросс-медийного портала о Германии в сотрудничестве с МИД, Берлин (десять фактов о Германии в Европе). По состоянию на 2018 г. в России из 5000 немецких компаний 710 работали в г. Санкт-Петербурге, примерно 13 % согласно сведениям Российско-Германской внешнеторговой палаты.

Финляндия и Швеция относятся к той же правовой системе, имеют давние партнерские связи с Россией, особенно с ее северо-западной частью. Инженер-химик Альфред Бернхард Нобель успешно работал в Российской Империи. Частично выбор стран predetermined личным опытом авторов – посещением Университетов Финляндии, Германии и одного из крупнейших университетов Швеции – Университета г. Умео (в десятке лидирующих университетов Швеции и в Топ 5 % рейтинга Университетов мира согласно официальному сайту университета). Владение языками стран, представленных в исследовании, позволило использовать непосредственно информацию на официальных языках выбранных государств. Интерес к финской системе образования диктуется тем, что Финляндия всегда была исторически особым партнером России, имеет тесные связи с Санкт-Петербургом и Ленинградской областью, а студенты из России составляют вторую по численности группу студентов после Китая [11].

В качестве эмпирической базы исследования использовались доступные данные официальных сайтов Университетов, государственных средств массовой информации соответствующей страны, официальные статистические сайты соответствующих государств и представительство торгово-промышленных палат, корпус европейского законодательства по странам ЕС и российское законодательство.

Кроме того, в качестве гуманитарной эмпирической составляющей образования был проведен опрос (выборка 50 студентов инженеров-металлургов первого курса обучения, 50 человек студентов направления обучения – юриспруденция, пятнадцать человек из них – студенты из республик, входивших до 1991 г. в состав СССР. Они в полной мере владеют русским языком для проведения такого рода опроса. Следует отметить, что это был первый год 2020 г. дистанционного обучения и начало 2021 г. для студентов, поступивших после обучения в дистанте в школе в форме открытого вопроса о позитивных и негативных составляющих обучения. Основным итогом такого опроса стало одинаковое восприятие системы дистанционного образования, выразившееся почти в идентичных формулировках при его оценке. Данные для верификации результатов доступны по запросу.

В рамках полученных результатов и изученных материалов по выбранным государствам в рамках предлагаемого обучения инженеров следующие вопросы представляются спорными.

Во-первых, одна из функций государства – инновационная [7]. Инновации, точнее технологии, лежащие в основе

инноваций, требуют правовой охраны, патентной, работы с государственной и коммерческой тайной. Возможен ли допуск студентов, обучающихся инженерным специальностям, например, к производственным практикам на объектах инженерной инфраструктуры (часто практически важных), остается открытым. На сегодняшний день ситуация такова, что, например, в Политехе есть международная программа по строительству, но студенты, обучающиеся по ядерной энергетике не проходят практику на режимных объектах. В Германии разработка технологий – это привилегия университетов. Ни к каждой технологии, как представляется, возможен доступ иностранных студентов. В Финляндии под иностранными студентами создаются отдельные программы. Процесс поступления иностранных студентов на эти программы и программы, предлагаемые на официальных языках страны, не совпадают по времени (начало зимы и конец весны соответственно). Кроме того, образование Финляндии от дошкольного к высшему находилось в стадии реформ с 1970 г. [12]. Вопрос о допуске иностранных студентов к технологиям страны остается открытым и при осуществлении образовательного процесса соседней Финляндии [13].

Особенность немецкой системы образования инженеров – технологии в целом и конкретно для изготовления какого-либо изделия заказываются вузам. В вузе создается не только технологическая документация, но и проводятся всевозможные испытания. При их проведении доказывалась состоятельность предлагаемых технологий. На предприятиях Германии, как правило, отсутствует служба Главного технолога. А при поступлении в вуз на инженерную специальность будущий студент год работает на производстве или поступает после окончания колледжа. Если технологии заказываются вузу, то для выполнения этой миссии лаборатории в университетах оснащаются по последнему слову науки и техники. Касается это не только оснащения производственным оборудованием, на котором отрабатываются реальные технологии, но и испытательными исследовательскими приборами.

Такая же инженерная практика существовала во времена СССР и имеет преемственность в настоящее время, когда из научно-исследовательских институтов приходят практикующие специалисты и на реальных примерах объясняют студентам инженерные процессы. Например, институт им. А. И. Крылова, основанный в 1894 г. в области кораблестроения.

Что касается Политеха, то ряд разработок открытых и закрытых (например, автомобилестроение (Аурис), биотехнологии) ведется и в крупнейшем топ-3 России по версии рейтинга The World University Rankings 2022 университете.

Во-вторых, видится спорным обучение иностранных студентов на английском языке, то есть неродном для подавляющей части студентов выбранных стран для изучения вузовского инженерного образования. Обучение на иностранном языке (а в подавляющем большинстве случаев имеется в виду английский язык) вызывает дискуссии и споры не только в России, но и за рубежом [5; 6]. Такому знанию английского языка способствует масс-медиа (телевидение) – в Финляндии и Швеции большинство программ и каналов идут на английском языке с субтитрами на официальных языках страны, что формирует «погружение» в иностранный язык с детства. Отношение авторов к такой интернационализации программ неоднозначное. В Финляндии есть такие же точки зрения среди ученых – исследователей [5; 6], а также указанный выше факт поступления в различное время на программы обучения на иностранном языке свидетельствует о спорности обучения будущих специалистов не на родном языке при наличии такой возможности (научные школы, обеспеченность литературой и т.п.).

В России современная концепция по экспорту образования для решения задач федерального проекта «Экспорт образования» предусматривает увеличение программ об-

Таблица 1. Регулятивные требования к интернационализации образования по экспорту образования (вуз), горизонт планирования по 31 декабря 2024 года

№	Наименование показателя	Результат
1.	Увеличение количества иностранных студентов в вузах	425 тыс. человек
2.	Количество трудоустраиваемых иностранных студентов по востребованным (дефицитным) направлениям подготовки в российских компаниях, в т.ч. для работы за рубежом	не менее 5 %
3.	Количество международных аккредитованных программ в вузе к 2024 г.	не менее 60 университетов по 5 образовательным программам
4.	Количество преподавателей, владеющих иностранными языками для преподавания по основным и дополнительным программам	не менее 5 %

учения на английском языке, но одновременно в 2020 году Правительством РФ были отменены грантовые программы по субсидированию их внедрения, была также откорректирована формулировка закона об образовании в части воспитания (п. 2 ст. 2 Закона). Следует отметить, что численность иностранцев, которые пройдут обучение, должна быть увеличена в два раза. Для сравнения берется 2017 г. По нашему мнению, такое увеличение доли иностранных студентов следует делать за счет студентов из стран ЕАЭС, которые потенциально знают русский язык, совпадают производственные стандарты в отраслях промышленности, идет строительство новых промышленных объектов Российской Федерацией по заказу соответствующих стран. Например, металлургических заводов. В этом случае студенты, обученные по программам либо двойного диплома или получившие образование в Российской Федерации, будут востребованы, а трудоустройство не менее 5 % иностранных студентов – это требования национального проекта «Образование» (паспорт национального проекта) в части экспорта образования. Приведем табличные данные для наглядной иллюстрации этого проекта.

Мультикультуральностью отличается система высшего образования Швеции. Доля иностранных студентов составляет более 12 % от общего числа обучающихся по сведениям Управления в образовании Швеции (uka.se). На магистерских программах количество иностранцев может достигать половины потока. Российских студентов в Швеции немного – около 5 %.

В-третьих, относительно гуманитарной составляющей обучения и адаптивного обучения. Во всех цифровых проектах, связанных с запущенным в 2019 г. национальным проектом «Образование», не должно быть интеллектуального регресса, связанного с адаптивным обучением. Адаптивное обучение – это любой учебный проект, который подстраивает обучение к пониманию навыков и интересов каждого человека («студентоцентрированное» обучение, как представляется в терминологии Болонского процесса), именно поэтому данные цифровые концепции должны внедряться инженерной школой. В противном случае преподавание уйдет в демагогический процесс, как представляется. Мир культуры и мир жизни должен соединять практический разум. Этим интеграционным мостом являются образовательные стандарты. Лингвистические навыки необходимы для соединения инженерной и гуманитарных школ, для взаимного понимания и соотношения прикладной и компьютерной лингвистики. Четвертая промышленная революция (Индустрия 4.0 – материалы доступны на официальном сайте Всемирного экономического форума – Международной организации государственно-частного сотрудничества) предполагает новый подход к производству, основанный на массовом внедрении информационных технологий в промышленность, масштабной автоматизации бизнес-процессов и распространении искусственного интеллекта. На Всемирном экономическом форуме введен термин Четвертая промышленная революция и представлены преимущества Четвертой промышленной революции. Это повышение производительности, большая безопасность работников за счет сокращения рабочих мест

в опасных и вредных условиях труда, повышение конкурентоспособности, принципиально новые продукты и многое другое. Побочный эффект – это сокращение рабочих мест, разрыв между бедными и богатыми. Задача гуманитариев, как видится, предлагать новые социальные формы для защиты людей и их социализации в новом мире без потрясений. Технологии, способные решать нерутинные задачи на высоком уровне, сегодня принято называть искусственным интеллектом. Задача гуманитариев быть интеграционным мостом между обществом и искусственным интеллектом.

В-четвертых, в некоторых странах, например, в Финляндии нет жесткого графика прохождения курсов, нет определенной заранее установки на прохождение учебной программы в заданные сверху сроки. Студент сам составляет для себя расписание занятий и определяет интенсивность своего обучения. Лекторы и преподаватели не вмешиваются и не контролируют ход и график освоения дисциплин. Такой порядок мотивирует студента и одновременно учит его самому нести ответственность за учебный процесс, хотя как молодые люди могут критически осмыслить какие компетенции им понадобятся в будущем остается открытым, и такая подготовка обсуждается в критическом ключе [2; 14]. Финский процесс образования критикуется, например, с точки зрения формирования «послушания» и «неприятности рисков» [14].

В России во исполнение закона об образовании действует система федеральных государственных стандартов, уровень национальных исследовательских университетов разрабатывает самостоятельно устанавливаемые образовательные стандарты, которые не могут быть ниже федеральных.

Каждая образовательная программа института или университета содержит определенный набор обязательных для получения образования уровня бакалавра и магистра, предметов, но помимо обязательных, студент имеет возможность изучать дополнительные предметы. В выборе дополнительных предметов практически нет ограничений. Благодаря этому студент может углубить знания своего основного предмета, изучая дополнительные предметы из смежных областей. Эти дополнительные предметы в основном гуманитарного характера, так называемые гибкие навыки (soft skills). С этой точки зрения в вузе формируется базовый пакет дисциплин, которые преподаются и гуманитариям, и инженерам. Недостатком можно считать, что на первых курсах не всегда специализированные предметы становятся предметом обучения.

В-пятых, если многие экономические модели пришли в Российскую Федерацию из-за рубежа, то инженерные специальности предполагают изучение правовых основ инженерии в виде не только национальных норм и правил (ГОСТов, СНиПов, ИСО и т.п.), но и иерархии законов, умение их применить. В текущей версии ФГОС нет жестких требований, что правовые дисциплины входят в базовый профессиональный набор компетенций (только косвенно в законе «Об образовании» и компетенции, связанной с противодействием коррупции), отличается договорная практика в разных странах. Так, в Финляндии большинство договоров типовые, уже заранее

разработанные юристами (например, в области труда), имеется официальный сайт tyosorpinus.fi.

В-шестых, по нашему мнению, самое главное – если заказчиком выступает государство, то высоко квалифицированные инженерные кадры должны оставаться в своей стране. При подготовке в рамках программ мобильности возможен обмен студентами. Представляется, что лучше это осуществлять в рамках магистратуры, где у студентов больше времени на самостоятельную работу, идет подготовка магистерской диссертации, в которой может найти отражение и полученный практический опыт в другой стране. Российский закон об образовании непосредственно говорит о воспитании, а в Германии, Финляндии и Швеции вопрос обучения в университете – этот вопрос только получения корпуса компетенций, но не социализации и тем более воспитания в традиции норм и правил страны получения образования. Это может и подразумевается, но законодательно не закреплено.

Следует отметить, что развитие высшего образования на современном этапе определяется преимущественно тремя факторами в России и за рубежом: национальным рынком труда, рынком востребованности тех или иных научных разработок и существующим международным рынком (международными тенденциями). Под международным рынком труда, видимо, понимается те возможности, которые предлагают многонациональные корпорации при работе в их дочерних компаниях. Национальные же рынки находятся в рамках ограничений, существующих применительно к свободному перемещению трудовых ресурсов в рамках региональных союзов, таких как Европейский Союз, Союз Независимых Государств, ЕАЭС и т.п. В этом контексте для полностью суверенных государств национальные интересы, связанные с отечественным рынком труда и/или приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники всегда будут в приоритете.

Переход же в обучении инженеров по принципу бакалавриата и магистратуры привел к некоторому хаосу в восприятии инженерного образования, исключения времени на прохождение гуманитарных предметов, уклон в знание иностранных языков, исключение разработанной школы инженерной психологии и формирование конкуренции между двумя ступенями образования бакалавриатом и специалитетом (магистратурой), что уже приводит к дискриминации на рынке труда в России. Магистратура не является вторым высшим образованием, а лишь углубляет, как представляется, более прикладные профессиональные знания, полученные бакалавром. Но не стоит забывать, что есть специалитет (есть ряд отраслей, где получение уровня образования бакалавра невозможно). Это диктуется работодателями, которые воспринимают бакалавров как недообразованных. Невозможно и работа в ряде отраслей без базового образования бакалавриата, а затем уже магистратуры (то есть кардинально закончить специализацию инженер-лесотехник, а потом юридическую магистратуру де-факто можно, но ряд принципиальных сфер деятельности будет закрыта в силу де-юре, а именно норм законодательства). Такая же ситуация со степенями: будучи химиком по образованию, аспирантура в области истории или права не является хорошим сочетанием и не приводит к желаемым результатам, так как в ряде случаев отсутствуют фундаментальные базовые знания. Есть разночтения и в присвоении степеней, званий в Германии и сочетания степеней образования.

Следует отметить, что инженером во всех странах может называться только тот, кто получил государственное образование («диплом»). Перевод сферы образования из сферы образовательных услуг в общественное благо – на безвозмездной и возмездной основе – позволит лучше учесть потребности общества в квалифицированных кадрах, предлагая не набор компетенций, который студент формирует сам в рамках своей личной траектории обучения, а выстро-

ить процесс получения инженерного образования в рамках потребностей общества и государства в кадрах высшей квалификации.

Пристатейный библиографический список

1. Вторая онлайн-конференция «Современная подготовка инженеров» // Медиа-центр СПбПУ: офиц. сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nticenter.spbstu.ru/news/7924> (дата обращения: 17.03.2022).
2. Hanning A., Abellsson A. P., Lundqvist U., Svanström M. Are we educating engineers for sustainability? Comparison between obtained competences and Swedish industry's need // *International Journal of Sustainability in Higher Education*. – 2012. – № 13 (3). – P. 305-320. DOI: 10.1108/14676371211242607.
3. Morace C., May D., Terkowsky C., Reynet O. Effects of globalisation on higher engineering education in Germany – current and future demands // *European Journal of Engineering Education*. – 2017. – № 42(2). – P. 142-155.
4. Рудской А. И., Боровков А. И., Романов П. И. Актуален ли перевод российского инженерного образования на американскую систему Liberal Arts? // *Высшее образование в России*. – 2021. – Т. 30. – № 6. – С. 47-59. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-6-47-59.
5. Saarinen T., Rontu H. University language policies How does Finnish constitutional bilingualism meet the needs for internationalisation in English? // *European Journal of Language Policy*. – 2018. – № 10 (1). – P. 97-119. DOI: 10.3828/ejlp.2018.5.
6. Saarikivi J. Колонка: Меню на финском, пожалуйста // *Yle uutiset*: офиц. сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yle.fi/uutiset/3-12116705> (дата обращения: 17.03.2021).
7. Snetkov V., Mokhorov D., Dorovskaya Yu., Semenova K., Tebryaev A. The Social Consequences of Innovations in Public Administration // *IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng.* – 2020. – Т. 940. – P. 012044. DOI:10.1088/1757-899X/940/1/012044.
8. Quapp U., Holschemacher K. Quo vadis civil engineering education: 20 years after Bologna declaration // *3rd European and Mediterranean Structural Engineering and Construction Conference*. – 2020, EPE-01. DOI:10.14455/ISEC.res.2020.7(1).EPE-01.
9. Quapp U. Recent Developments in Higher Education Accreditation in Germany // *Journal of Law and Judicial System*. – 2018. – Vol. 1 – № 2. – P. 9-20.
10. Mahadevan, J. Intercultural engineering beyond stereotypes integrating diversity competencies into engineering education // *European Journal of Training and Development*. – 2014. – № 38 (7). – P. 658-672. DOI: 10.1108/EJTD-10-2013-0107.
11. Official Statistics of Finland (OSF): Students and Qualifications // Helsinki: Statistics Finland. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stat.fi/til/opiskt/uut_en.html (дата обращения: 22.02.2022).
12. Tenhunen M. – L. Reform of the Finnish education system // *ICCE 2018 – 26th International Conference on Computers in Education, Workshop Proceedings*. – 2018. – P. 742-751. Corpus ID: 204430725.
13. China sends People's Army officers to the world to study hard sciences - possibly also to Finland // *Yle uutiset*: офиц. сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yle.fi/uutiset/3-11206288> (дата обращения: 16.01.2022).
14. Söby, Morten & Tzu, L. Finnish education system // *Nordic Journal of Digital Literacy*. – 2015. – № 2. – P. 64-68. DOI:10.18261/ISSN1891-943X-2015-02-01.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-424-427

СУЛЕЙМАНОВА Римма Рифхатовна

кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и связей с общественностью Факультета философии и социологии Башкирского государственного университета.

САТЛЫКОВА Элина Раулевна

студент второго курса направления «Реклама и связи с общественностью» Факультета философии и социологии Башкирского государственного университета.

РОЛЬ МЕЖВУЗОВСКОГО КАМПУСА В ФОРМИРОВАНИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

В современном мире межвузовский кампус становится элементом конкурентоспособности российских вузов. Кампус с удобной инфраструктурой, комфортной образовательной средой является необходимым условием для устойчивого развития университетов, фактором привлечения лучших студентов и преподавателей. Университеты, в свою очередь, рассматриваются одним из эффективных инструментов развития города, поэтому в настоящее время наблюдаются процессы вовлеченности кампусов в городскую среду. Межвузовский кампус сегодня – это глобальный элемент международной конкурентоспособности, центр социально-экономического развития региона. Проблема оптимальной пространственной организации университетских кампусов и интеграции их в городскую среду широко обсуждается разными специалистами.

Ключевые слова: университетский кампус, городская среда, электронный кампус, инновационно-образовательная среда вузов, социальная инфраструктура, информационные образовательные ресурсы, арт-объекты, территория университета, коворкинги, цифровая библиотека.

SULEYMANOVA Rimma Rifkhatovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Political science and public relations sub-faculty of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University.

SATLYKOVA Elina Raulevna

student of the 2nd course of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University.

THE ROLE OF THE INTERCOLLEGIATE CAMPUS IN CREATING THE URBAN ENVIRONMENT

The intercollegiate campus is becoming an element of the competitiveness among Russian universities nowadays. A campus with the convenient infrastructure and comfortable educational environment is the stipulation for the sustainable development of universities and the factor of attracting the best students and teachers. Universities are considered to be effective tools for the development of the city, therefore, processes of campus involvement in the urban environment are currently observed. The intercollegiate campus today is a key element of international competitiveness, the center of socio-economic development of the region. The issue of the optimal spatial organization of university campuses and their integration into the urban environment is widely discussed by experts from different spheres.

Keywords: university campus, urban environment, e-campus, innovative educational environment, social infrastructure, educational information resources, art objects, university territory, co-working spaces, digital library.

Актуальность исследуемой проблемы.

Создание сети современных университетских кампусов, отвечающих мировым стандартам, – задача, поставленная Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным, сегодня является актуальной проблемой. Современный университет, несомненно, требует новой инфраструктуры. Так, на Восточном экономическом форуме, прошедшем на территории кампуса Дальневосточного федерального университета на острове Русский (г. Владивосток, п. Аякс), в дискуссии «Сеть университетских кампусов – интеллектуальный пояс России» обсуждали роль межвузовских кампусов в формировании городской среды, социального развития городов. В форуме принял участие министр науки и высшего образования Российской Федерации Валерий Фальков, который рассказал о том, какие возможности открываются в связи с вступлением в силу Постановления Правительства Российской Федерации о создании сети современных кампусов¹. Он подчеркнул, что «проект опирается на программу «Приоритет 2030», цель которой сформировать широкую группу университетов-лидеров для создания новых науч-

ных знаний, технологий и разработок с целью внедрения в российскую экономику и социальную сферу. Новые идеи и новые проекты всегда требуют либо перестройки существующего, либо строительства нового. Если в XX веке университет был местом, где студент был гостем, то сегодня провозглашается другой принцип: университет 24 на 7 – это место для студента, значит, и построить его надо таким образом, чтобы он себя там чувствовал комфортно. Благоустроенный кампус стимулирует научную деятельность студентов и становится центром социального развития отдельных регионов и городов»², – отметил министр.

В ближайшее десятилетие в России планируется создать не менее 30 новых университетских кампусов мирового уровня с современной инфраструктурой. В них смогут разместиться свыше 150 тыс. человек. Безусловно, в комфортных условиях современных кампусов и образовательные результаты будут лучше. На строительство современных студгородков в рамках национального проекта «Наука и университеты» будет направлено не менее 36 млрд рублей. Существуют критерии отбора городов для строительства таких комплексов, и первыми проекты начнут реализовывать восемь городов: Калининград, Нижний Новгород, Уфа, Челябинск, Екатеринбург, Москва, Томск и Новосибирск³.

1 Постановление Правительства РФ от 28 июля 2021 г. № 1268 «О реализации проекта по созданию инновационной образовательной среды (кампусов) с применением механизмов государственно-частного партнерства и концессионных соглашений в рамках федерального проекта «Развитие инфраструктуры для научных исследований и подготовки кадров» национального проекта «Наука и университеты».

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/expertise/501890834.html> (дата обращения 15.04.2022).

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=39493 (дата обращения 15.04.2022).

Степень исследованности проблемы.

Межвузовский кампус – это определенный комплекс зданий, студенческий городок, в котором расположены не только жилые, но и образовательные, социальные объекты для обучающихся. Выбирая университет для учебы, многие студенты обращают внимание на один из наиболее важных факторов – качество студенческой жизни. И это не случайно, потому что современный кампус – это важнейший элемент социальной адаптации студента. Для обучающихся важна окружающая атмосфера, которая позволяет полноценно участвовать в образовательном процессе и получать профессиональные навыки.

«Термин «кампус» переводится с латыни как «поле» и несколько веков назад стал основным для обозначения комплексов университетских зданий, вытеснив слово «двор» (yard), которое до этого чаще применялось к вузам, расположенным на городских пространствах, своего рода «город в городе»⁴. Интересно, что в настоящее время во всем мире наблюдаются процессы возвращения кампусов в городскую и региональную жизнь, повышения их вовлеченности в городскую среду. Университеты рассматриваются одним из эффективных инструментов развития города, в которых появляется много студентов и исследователей, они формируют живую привлекательную среду, которая создает инновации⁵.

Кампусы в России пользуются большим спросом среди молодого поколения для расширения своих интеллектуальных навыков в разных областях будущих профессий. Кроме того, исследования свидетельствуют о том, что в подобных кампусах, студенты становятся более успешными с точки зрения образовательных результатов, а местные жители с большой заинтересованностью относятся к вовлеченности молодежи в городское развитие.

Анализ справочно-энциклопедической литературы предоставляет первичное понимание слова «кампус». Во многих словарях это понятие рассматривается как «университетский или школьный городок»; «территория университета» и т.д. Если говорить о синонимах к этому слову, то популярными являются: «городок», «студенческий городок», «кампус». В научной литературе понятие «кампус» рассматривали И. С. Барчукова, О. В. Зубакина, Е. В. Неборский, Х. Ш. Тенчурина и др.

И. С. Барчукова в своем исследовании отмечает, что кампус может выступать комфортной электронно-образовательной средой [1, с. 43]. Это достигается созданием условий как для более тесного общения студентов, так и для эффективного использования возможностей современной электронной среды. В частности, доступ к Интернету и библиотечному фонду, посещение онлайн-лекций и практических занятий, дистанционное участие в научных мероприятиях. Следует согласиться, что «необходимыми условиями формирования электронно-образовательной среды выступают: наличие социальной инфраструктуры, библиотеки, оборудованных лабораторий, научных школ под руководством опытных ученых» [1, с. 45].

В исследовании О. В. Зубакиной понятие «кампус» трактуется как информационная среда для профессионального самоопределения обучающихся [2, с. 25]. На наш взгляд, она должна включать сайт вуза, учебные ресурсы, доступ к Национальной платформе открытого образования, библиотечно-информационные ресурсы, где можно осуществить онлайн-заказ книг и статей. По мнению ученого, благодаря электронному кампусу обучающиеся смогут расширить информационное поле, получить навыки самостоятельного построения образовательной профессиональной траектории [2, с. 27].

Интересна точка зрения Е. В. Неборского, который в своем диссертационном исследовании рассматривал кампус как комплекс технопарков, соединяющий в себе доступность технической базы, возможность обращения к новейшим научным разработкам. По его мнению, «именно кампус может выступать связующим звеном между промышленностью и университетами через проведение совместных исследований в кампусах университетов» [4].

Исследователь Х. Ш. Тенчурина, изучив зарубежный опыт создания студенческих городков, обозначает кампус как крупный культурно-образовательный центр. «Часто под университетским кампусом понимается некая управляемая, экономически эффективная инновационно-образовательная среда вузов, способствующая формированию конкурентоспособных специалистов при поддержке социальных и индустриальных партнеров, наполненная современной материально-технической базой» [7].

Кампусы как субъекты исследования.

В России не так много межвузовских кампусов, что приводит к дефициту мест проживания студентов. Большой процент учащихся не обеспечен местами в общежитиях, и талантливым ребятам из своих родных городов приходится рассматривать различные варианты проживания, или уезжать в более крупные города с доступным жильём.

Рассмотрим топ лучших кампусов России, и попробуем выяснить, на что будущие студенты обращают внимание при выборе «своего» кампуса. Например, Дальневосточный федеральный университет по праву называется флагманом образования на Дальнем Востоке, а суперсовременный кампус вуза – это материализация мечты о будущем, и по праву считается лучшим в России. Кампус сегодня – это 5500 жилых комнат, 380 учебных аудиторий, конференц-залы на 900 и 750 человек, набережная длиной 1200 метров, парковая и спортивная зоны⁶. С самого открытия перед университетом стояла важная задача – сделать кампус комфортным и удобным для проживания с полным набором социальных и бытовых услуг.

Не менее популярным среди абитуриентов является и студенческий городок (кампус) Казанского (Приволжского) федерального университета. После студенческих игр, которые проходили в 2013 году, 20 жилых кампусов «Деревни университеты» отдали университету. На сегодняшний день этот мини-городок благодаря комфортным условиям проживания и гарантии безопасности студентов не имеет аналогов и его называют «международным»: в нём проживают ребята более чем из 100 стран мира. Не менее привлекательным считается и кампус Казанского университета Иннополис. Университет и городок – это уникальная возможность заглянуть в будущее науки страны. Университет позиционирует себя как вуз, специализирующийся исключительно на информационных технологиях, а кампус построен для развития современных технологий с новейшей архитектурой и учебно-лабораторным комплексом.

Особое почетное место занимает кампус Сибирского федерального университета, образованный в 2006 году путём объединения четырёх крупнейших вузов города Красноярска. Его называют «Здоровый кампус», так как он направлен на продвижение физической культуры и здорового образа жизни, включает 29 общежитий, 24 учебных корпуса, здание библиотеки с ректоратом и даже конгресс-холл, который будет полезен для проведения различных культурно-массовых мероприятий, тренингов, конференций и т.д. Рассмотрев несколько лучших кампусов в России, можно отметить, что все эти они обеспечивают безопасную и комфортную среду проживания, что так немаловажно для обучающихся и их родителей.

Межвузовский кампус в Уфе как проект мирового уровня.

Несомненно, Уфа – научно-образовательный центр, город студентов и молодежи. Например, в Башкирском госу-

ния: 05.04.2022).

4 Университетские кампусы и город: кооперация ради конкурентоспособности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.csr.ru/upload/iblock/3f0/kbpm276p3tau6knlzld3d6ozzofve0e.pdf> (дата обращения: 05.04.2022).

5 Лешуков О. В. Доклад «Университетские кампусы и город: кооперация ради конкурентоспособности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uni.hse.ru/news/503724014.html> (дата обращения: 05.04.2022).

6 Пять лет на острове: от проекта до университета мирового уровня. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gorodskoyportal.ru/vladivostok/news/society/47174036/> (дата обращения: 18.04.2022).

дарственном университете (БашГУ) – около 28 тыс. студентов, включая филиалы; в Уфимском государственном нефтяном техническом университете (УГНТУ) учится почти 20 тыс. студентов; в Уфимском государственном авиационном техническом университете (УГАТУ) – более 16 тыс. студентов; в Башкирском государственном педагогическом университете (БГПУ) – около 12 тыс. студентов; в Башкирском государственном медицинском университете (БГМУ), Башкирском государственном аграрном университете (БГАУ) – примерно по 7 тыс. студентов. Одним словом, более 10 процентов населения города – студенты.

Зачем Уфе нужен кампус? Среди научной общественности Республики Башкортостан активно обсуждалась инициатива руководства республики о создании межвузовского кампуса международного уровня. Кампус – это не просто студенческий городок, а единое пространство, органично вписанное в городскую среду. Межвузовский кампус должен стать центром притяжения талантливой молодежи и дать толчок развитию интеллектуальной экономики в регионе. Условия для учебы и работы, созданные в кампусе, возможность развития и реализации своих проектов, поддержка государства и крупных компаний должны привлечь молодых людей и дать преимущество вузам Башкирии в сравнении с другими университетами⁷. Кроме того, строительство кампуса – это вклад в развитие инфраструктуры и городской среды. Кампус не должен быть закрыт от городской среды, а, наоборот, должен интегрироваться с ней и влиять на неё.

Студенческий кампус с точки зрения условий учебы и проживания должен отвечать самому взыскательному вкусу. Реализация Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы предусматривает привлечение талантливой иностранной молодежи для обучения в российских вузах⁸. К примеру, в Башкирском государственном университете проходят обучение иностранные обучающиеся из 50 стран как Дальнего, так и Ближнего зарубежья [5].

Кампус будут строить в рамках создания в Башкирии Евразийского научно-образовательного центра (НОЦ) мирового уровня. Проект включает в себя четыре перспективных направления: «Цифровая и зеленая химия, энергетика», «Биомедицина и генетика», «Передовые производственные технологии и инжиниринг», «Новая среда жизни»⁹. На первом этапе строительства будет реконструировано здание Технопарка высоких технологий «IQ-парк» на улице Заки Валиди. Там расположатся коворкинги, цифровая библиотека, офисы студенческих компаний, малых инновационных предприятий при вузах, лаборатории. На втором этапе планируется построить корпуса современных студенческих общежитий. Площадь центрального ядра кампуса – больше 100 тысяч кв. м. – рассчитана на проживание 3500 студентов и аспирантов¹⁰. На втором этапе будет создан «образовательный центр» с новейшими лабораториями, и полигонами для опытов. Это будет актуально для студентов, увлекающихся генетикой, авиационно-космическими технологиями, фотоникой и т.д.

Кампус будет находиться в центре Уфы, на площади бывшего завода им. Кирова на улице Тукаева. По мнению руководства республики, это удачное расположение, так как рядом находятся такие университеты как БашГУ, УГАТУ, УГНТУ, БГАУ, БГПУ и БГМУ, и крайне важно, чтобы у студентов была возможность без труда добираться до своих образовательных учреждений. Если рассматривать бюджет, то планируют вложить около 18 миллиардов, из них: 60 %

федеральных денег, 20 % наших республиканских и 20 % внебюджетных.

На просторах сети уже показали, как будет выглядеть предполагаемый научно-образовательный центр, и как уже известно – разработаны две концепции, под названиями: «Тамга» и «Хромосомы». В «Тамга» (фамильный знак) предположительно будет находиться четыре блока с разными направлениями, присоединяющимися к общему ядру с библиотекой, фуд-кортом, и администрацией республики. Через все эти блоки будет проходить пешеходный бульвар. На территории самого центра будут несколько видов лабораторий, общежитий и парковочных мест. В блоках «Хромосомы» разместятся цифровая библиотека, аудитория и жилые помещения, а в качестве зоны отдыха между парами для студентов, предлагается сделать газон.

Нами был проведен небольшой социологический онлайн-опрос¹¹, для определения предпочтений и пожеланий студентов Башкирского государственного университета, обучающихся на разных направлениях подготовки, и вот что нам удалось выяснить.

Так, на вопрос: *Что Вы понимаете под словом «кампус»?», 40,9 % респондентов проголосовали за все предложенные варианты, и оказались правы, ведь как говорилось выше: «Межвузовский кампус – это студенческий городок на территории университета, в котором студенты не только проживают, но и обучаются, развиваются в разных областях своих будущих профессий». Остальные 59,1 % респондентов посчитали нужным проголосовать за какой-либо определенный аспект, и в частности, тоже оказались правы. (См. рис. 1.)*

На вопрос: *О каком кампусе Вы слышали? 30,7 % студентов ответили, что не располагают никакой информацией о существовании подобных мест в России. Они слышали о таких кампусах в кино, читали в литературе, и действительно рады тому факту, что подобные образовательные центры есть у нас в России. (См. рис. 2.)*

Отвечая на вопрос: *Что должно находиться на территории межвузовского кампуса, 44,9 % студентов склонилось ко всем перечисленным вариантам, что говорит о заинтересованности молодых ребят в спортивных, научных, творческих направлениях. Также можем отметить, что 11,2 % респондентов проголосовали за вариант необходимости установок «зон общепита», по словам обучающихся: «возле университета БашГУ не так много бюджетных мест, куда можно было бы сходить во время перекура», и им хотелось, чтобы подобных зон было больше. 11,2 % респондентов считают важным, чтобы на территории кампуса обязательно находилась цифровая библиотека, коворкинги, арт-объекты, чтобы проводить свое свободное место с пользой и в приятной обстановке. (См. рис. 3.)*

Результаты опроса на вопрос *«Если кампус будет расположен в центре Уфы, рядом с университетами, как это повлияет на уровень коммуникаций среди студентов»* показали, что 96,7 % обучающихся считают, что уровень коммуникаций между студентами этих вузов станет выше. Допустим, если будет создана общая парковая зона, кружки, занятия, конференции и другие масштабные мероприятия, то ребята из разных вузов смогут чаще проводить время вместе. Это способствует усилению обмена идеями, знаниями, а также устранению конкуренции. (См. рис. 4.)

Таким образом, построение межвузовского кампуса станет для нашего города стратегическим значением, ядром развития городского пространства, позволяющим молодому поколению с особым увлечением и любовью подходить к своей специальности и развиваться в разных сферах жизни нашего общества. Число обучающихся с каждым днем увеличивается, в ходе обучения формируются талантливые личности, которые иногда, к сожалению, покидают наш родной край, находя места для более высоких перспектив. Построение межвузовского кампуса – это идеальное решение для самореализации. Кампус станет частью городской среды и будет способствовать решению задачи привлечения квалифицированных кадров в регион, в том числе, в креативную индустрию, инфраструктурные проекты, зеленую энергетику, туристическую отрасль.

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prufy.ru/news/spec/vopros_otvet/112236mezvuzovskiy_kampus_v_ufe_zachem_dlya_kogo_i_skolko_budet_stoit_rasskazyvaem_podrobno/ (дата обращения: 05.04.2022).

8 Концепция государственной миграционной политики до 2025 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: kremlin.ru/events/president/news/15635 (дата обращения: 18.04.2022).

9 Радий Хабиров о студенческом кампусе в Уфе: «Это будет наукоград». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ufa.bezformata.com/listnews/radiy-habirov-o-studencheskom-kampuse/91931475/> (дата обращения: 07.04.2022).

10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ufa.kp.ru/online/news/4523544/> (дата обращения: 07.04.2022).

11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.google.com/forms/d/1BRJojnsetByO1H_vf5ASdmq7A2yaH80lpgz1QKbAANM/edit#responses.

Что Вы понимаете под словом **кампус**?

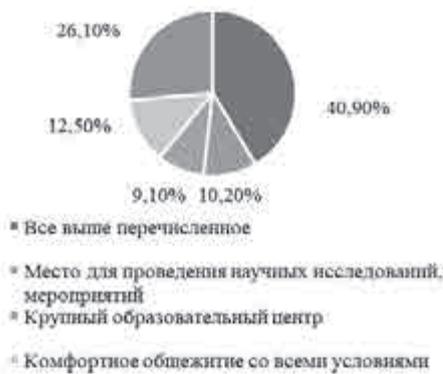

Рисунок 1.

О каком **кампусе** Вы слышали?

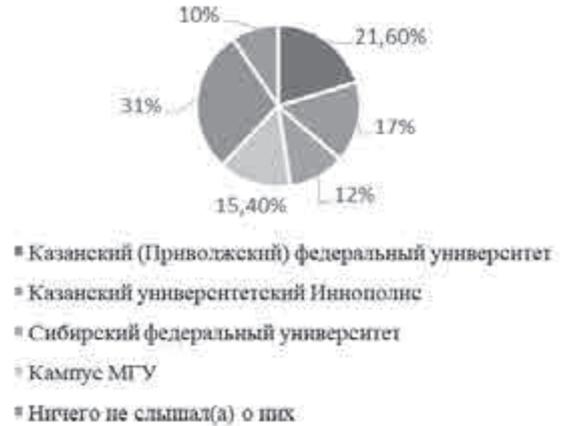

Рисунок 2.

Что по Вашему мнению особенно должно находиться на территории межвузовского кампуса?

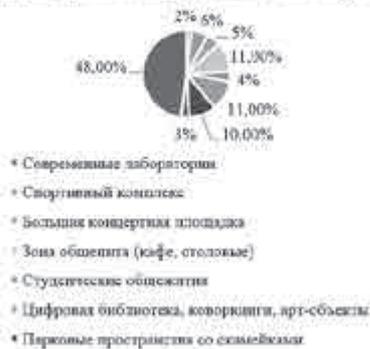

Рисунок 3.

Если кампус будет расположен в центре Уфы, рядом с университетами: БашГУ, УГАТУ, БГПУ, БГМУ, это повлияет на уровень коммуникаций среди студентов?

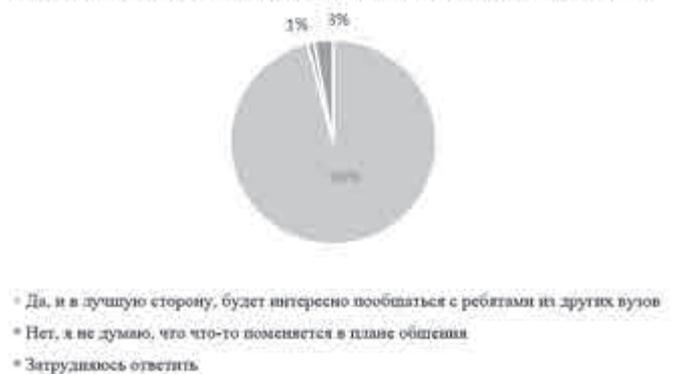

Рисунок 4.

Выводы.

Межвузовский кампус сегодня – это глобальный элемент международной конкурентоспособности, центр социально-экономического развития региона. Задача ведущих российских университетов – это борьба за таланты по всему миру. Нужно привлекать лучших из лучших, добиваться, чтобы они выбрали престижные отечественные университеты и оставались работать на российскую экономику.

Университеты положительно влияют на городскую среду. Районы, которые жители считают университетскими, воспринимаются ими как более комфортные, чем другие территории города. Вокруг вузов формируется современная инфраструктура, включающая кафе, магазины, спортивные и культурные объекты, парковые зоны, гостиничные комплексы, услугами которых могут пользоваться жители города. Можно говорить о значительной роли межвузовского кампуса в формировании у горожан потребности в дальнейшем проникновении вузов в городское пространство.

Пристатейный библиографический список

1. Барчукова И. С. Кампус как комфортная электронно-образовательная среда // Спортивно-педагогическое образование: сетевое издание. - 2018. - № 4. - С. 43-47.
2. Зубакина О. В. Социальное партнерство вуза как фактор реализации педагогической и информационной поддержки профессионального самоопределения старшеклассников: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. - М., 2008. - С. 27.

3. Лешуков О. В. Доклад «Университетские кампусы и город: кооперация ради конкурентоспособности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uni.hse.ru/news/503724014.html> (Дата обращения: 05.04.2022).
4. Неборский Е. В. Формы осуществления интеграции образования, науки и производства в университетах США и Японии: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. - М., 2011. - С. 23.
5. Нигматуллин Р. В., Сулейманова Р. Р. Миграция как фактор развития современного государства и общества // Коренные народы современной России: этноязыковые, правовые, социокультурные и духовные проблемы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной объявленному ООН в 2019 году Международному Году языков коренных народов (г. Уфа, 26 апреля 2019 г.) / Отв. ред. Л. А. Иткулова. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. - С. 17.
6. Постановление Правительства РФ от 28 июля 2021 г. № 1268 «О реализации проекта по созданию инновационной образовательной среды (кампусов) с применением механизмов государственно-частного партнерства и концессионных соглашений в рамках федерального проекта «Развитие инфраструктуры для научных исследований и подготовки кадров» национального проекта «Наука и университеты».
7. Тенчурина Х. Ш. Становление и развитие профессионально-педагогического образования, последняя треть XIX - начало 90-х гг. XX в.: дис. ... докт. пед. наук. - М., 2002. - 562 с.

ГУСЕЙНОВА Татьяна Викторовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России

УДИЛОВ Тимофей Васильевич

кандидат технических наук, начальник кафедры огневой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России

ВИНОКУРОВ Виталий Николаевич

старший преподаватель кафедры техносферной безопасности Государственного аграрного университета Северного Зауралья

СПЕЦИФИКА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПИСЬМЕННОЙ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ ИНОСТРАННЫМ СЛУШАТЕЛЯМ В ПЕРИОД ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МВД РОССИИ

В последние годы в образовательных организациях системы МВД России нарастающими темпами идет внедрение систем электронного обучения. Опыт их применения раскрывает не только достоинства дистанционного обучения, но и проблемные места, решение которых ведет к его совершенствованию. Так, при вынужденном переходе в период пандемии на дистанционное обучение и преподаватели, и обучающиеся, в особенности иностранные слушатели, которые испытывают сложности не только в понимании учебного материала, но и в коммуникации, столкнулись с проблемой предоставления обратной связи. Последняя, как известно, имеет важное значение для обеспечения качества образовательного процесса. Регулярная и своевременная обратная связь дает преподавателю возможность оценить успешность обучающегося, уровень нехватки знания для дальнейшей корректировки образовательной деятельности, а обучающимся предоставляет информацию о собственных достижениях и нехватке знаний для дальнейшего продвижения по изучению дисциплины. Определенные сложности в организации обучения в дистанционном формате обусловили необходимость поиска путей для успешного предоставления обратной связи.

Ключевые слова: дистанционное обучение, педагогическая обратная связь, письменная обратная связь, коррекция.

GUSEYNOVA Tatyana Viktorovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of Foreign and Russian languages sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

UDILOV Timofey Vasiljevich

Ph.D. in technical sciences, Head of Fire training sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia

VINOKUROV Vitaliy Nikolaevich

senior lecturer of Technosphere safety sub-faculty of the State Agrarian University of the Northern Trans-Urals

SPECIFICS OF PROVIDING WRITTEN FEEDBACK TO FOREIGN STUDENTS DURING DISTANCE LEARNING IN THE EDUCATIONAL ORGANIZATION OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

In recent years, the educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia have been implementing e-learning systems at an increasing pace. The experience of their application reveals not only the advantages of distance learning, but also the problem areas, the solution of which leads to its improvement. Thus, during the transition to distance learning during the pandemic, both teachers and students, especially foreign students who experience difficulties not only in understanding the educational material, but also in communication, faced the problem of providing feedback, which is important for ensuring the quality of the educational process. Regular and timely feedback gives the teacher the opportunity to assess the success of the student, the level of lack of knowledge for further adjustment of educational activities, and provides students with information about their own achievements and lack of knowledge for further advancement in the study of the discipline. Certain difficulties in the organization of distance learning have led to the need to find ways to successfully provide feedback.

Keywords: distance learning, pedagogical feedback, written feedback, correction.

В научно-методической литературе на сегодняшний день представлено немало толкований понятия «обратная связь». Результаты подробного анализа и обобщения различных точек зрения на обратную связь в области лингвистики, психологии и педагогики приведены в работе А. А. Коренева [1]. Вслед за исследователем укажем, что основа понимания обратной связи в педагогике кроется в толковании, данном в теории коммуникации. Согласно теории коммуникации обратная связь является ответной реакцией адресата на сообщение отправителя, то есть включает взаимодействие, рефлексию и ответное влияние на дальнейшее речевое поведение коммуникативного партнера. А. А. Коренев подчеркивает наличие дуализма понятия «обратная связь» в педагогических исследованиях и предлагает разграничивать термины «академическая обратная связь» и «педагогическая обратная связь». Первый термин означает ту обратную связь, «которую дают обучающиеся преподавателю вовремя или по итогам обучения» [1], а под вторым понимается «информация, получаемая обучающимся в ответ на определенные действия в процессе образования и соотносимая с процессами и результатами обучения и воспитания» [1]. Согласно изложенной концепции, педагогическая обратная связь должна соотноситься с контекстом, целями и содержанием воспитания и обучения. Далее мы обратимся к особенностям организации письменной педагогической обратной связи в период дистанционного обучения.

В научно-методической литературе на сегодняшний день представлено немало толкований понятия «обратная связь». Результаты подробного анализа и обобщения различных точек зрения на обратную связь в области лингвистики, психологии и педагогики приведены в работе А. А. Коренева [1]. Вслед за исследователем укажем, что основа понимания обратной связи в педагогике кроется в толковании, данном в теории коммуникации. Согласно теории коммуникации обратная связь является ответной реакцией адресата на сообщение отправителя, то есть включает взаимодействие, рефлексию и ответное влияние на дальнейшее речевое поведение коммуникативного партнера. А. А. Коренев подчеркивает наличие дуализма понятия «обратная связь» в педагогических исследованиях и предлагает разграничивать термины «академическая обратная связь» и «педагогическая обратная связь». Первый термин означает ту обратную связь, «которую дают обучающиеся преподавателю вовремя или по итогам обучения» [1], а под вторым понимается «информация, получаемая обучающимся в ответ на определенные действия в процессе образования и соотносимая с процессами и результатами обучения и воспитания» [1]. Согласно изложенной концепции, педагогическая обратная связь должна соотноситься с контекстом, целями и содержанием воспитания и обучения. Далее мы обратимся к особенностям организации письменной педагогической обратной связи в период дистанционного обучения.

По сравнению с устной, письменная обратная связь в период пандемии была опосредованной, предоставлялась обучающимся, в том числе иностранным слушателям, в виде комментария вне занятия на форумах, организованных на платформе дистанционного обучения Moodle и прикрепленных к каждой теме в электронном учебном курсе по дисциплине, а также в рамках обмена сообщениями в различных мессенджерах (WhatsApp, Telegram), по электронной почте. В меньшей мере она применялась во время учебных занятий, организованных с помощью видеоконференцсвязи TrueConf, BigBlueButton, в чатах на платформе Moodle.

Также письменная обратная связь по понятным причинам была в большей мере отсроченной. Если обучающийся присылал правильный ответ, она была положительной и предоставлялась в виде похвалы. В своей работе А. А. Корнев указывает, что вопрос о том, считать ли похвалу или замечание педагогической обратной связью является спорным в первую очередь в силу меньшей эффективности. С другой стороны, обоснованные похвала и замечания удовлетворяют определению педагогической обратной связи.

Если же работа содержала ошибки, то преподаватель давал корректирующую обратную связь в виде комментария, что позволяло обратить внимание адресата на результат выполнения задания. Это было важно, к примеру, при развитии речевых умений иностранных слушателей. Кроме того, исследователями подмечено, что отсроченная обратная связь является более эффективной для сложных заданий, так как обучающимся требуется больше времени на переработку информации, а в случае легких заданий более эффективна немедленная обратная связь [1].

Неоспоримыми достоинствами письменной обратной связи в дистанционном формате обучения являлись ее продуманность, структурированность, детализированность и индивидуальный подход (в группах иностранных обучающихся из стран Азии в силу специфики их менталитета было сложно давать негативную (информация о некорректности ответа) индивидуальную обратную связь во время занятия-вебинара, так как она вызывала чувство неловкости, вела к ухудшению эмоционального настроения, повышению тревожности и в целом негативно отражалась на самооценке и учебной мотивации). К тому же иностранные обучающиеся со средним уровнем языковой подготовки могли воспользоваться интернет-сервисом и получить понятный перевод присланного преподавателем комментария.

Письменная педагогическая обратная связь, по специфике своей направленная прежде всего на коррекцию ошибок [2], применялась при оценивании работ, присланных на проверку в ответ на задание. Здесь следует отметить, что задание в электронном учебном курсе подкреплялось теоретическим материалом, изложенным в доступной для иностранных слушателей форме, содержало подробную инструкцию по выполнению, критерии оценивания и образец. Таким образом, каждый обучающийся мог соотнести свой ответ с полученной обратной связью. Она могла быть прямой и косвенной. В первом случае преподаватели сами исправляли ошибку и надписывали правильный ответ. Во втором – они подчеркивали ошибки для того, чтобы обучающиеся исправили их самостоятельно. Если этого не происходило, то подсказывали в виде комментариев, наводящих вопросов, давали ссылки на дополнительную информацию.

К примеру, иностранный обучающийся не учел нормы лексической сочетаемости: «Беседа В. П. Петрова имеет важное значение для следствия, так как информирует о произошедшем». Преподаватель подчеркнул ошибку и отметил

в комментарии, что беседа – это продолжительный спокойный разговор между людьми.

Приведем пример грамматической ошибки: «Он Николай дал противогаз». Преподаватель задал вопрос: «Кто кому дал противогаз? Он Николаю или Николай ему?»

Если обучающийся не мог исправить ошибку, то преподаватель показывал, как ее нужно исправить.

Большинство исследователей считает, что обязательно нужно воспользоваться возможностью подсказать, не указывая прямо на допущенные ошибки [3]. Обучающиеся должны осознать их, что также является педагогической обратной связью, организованной преподавателем в учебных целях и направленной обучающимся на самого себя. Умение понять ошибку и способность исправить ее играют большую роль для дальнейшего развития обучающегося.

Мы согласны с мнением, что количество задания для самоподготовки должно быть соразмерно той обратной связи, которую преподаватель может дать [3]. В связи с этим старались не задавать больше того, что способны проверить полностью, качественно оценить работу каждого обучающегося и исправить все ошибки. Если мы давали задание подготовить рассказ на определенную тему, составить документ, разработать план действий и другое, то были уверены, что проверим выполненные задания всей группы, чтобы неисправленные ошибки не закрепились в памяти обучающихся.

Отметим, что указание на ошибки обязательно сопровождалось положительной обратной связью, подбадриванием обучающихся. Для подкрепления желания учиться использовались фразы типа: «Замечательно, что Вы прислали задание в срок. Вам следует... для того чтобы...», «Мне нравится ход Ваших мыслей, однако...», «Я уверен(а), что в следующий раз Вы справитесь лучше», «Жду вашего ответа. Уверен(а), Вы справитесь».

Регулярная и своевременная педагогическая обратная связь, несомненно, мотивирует обучающихся, позволяет осознавать уровень собственных возможностей решения профессиональных задач и пути развития соответствующих способностей.

Пристатейный библиографический список

1. Корнев А. А. Обратная связь в обучении и педагогическом общении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obratnaya-svyaz-v-obuchenii-i-pedagogicheskom-obschenii> (дата обращения: 10.03.2022).
2. Муссауи-Ульянищева Е. В., Ульянищева Л. В. Реализация корректирующей обратной связи при обучении иностранному языку в вузе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-korrektiruyushey-obratnoy-svyazi-pri-obuchenii-inostrannomu-yazyku-v-vuze> (дата обращения: 10.03.2022).
3. Оптимизация учебного процесса: мотивация, обратная связь и коллективная работа (на примере РКИ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=x6X0Rav6ePo> (дата обращения: 12.03.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-430-432

ЯКОВЧУК Татьяна Валентиновна

старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ПОГОРИЛАЯ Мария Николаевна

студент Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

СТАЦЕНКО Валерия Александровна

студент Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК СОСТАВНОЙ ЧАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ

В статье раскрывается вопрос необходимости физического воспитания в юридических вузах, выявление ключевых аспектов физической культуры как составной части профессиональной подготовки студентов-юристов. Особо выделяется значимость физической подготовки для будущих специалистов в области юриспруденции, достижение высокого уровня развития физической культуры обучающихся, как существенное условие профессионального и личностного роста, подготовка компетентных специалистов, способных выполнять профессиональные обязанности на высоком уровне.

Ключевые слова: физическая культура, физическое воспитание, студенты, юристы.

YAKOVCHUK Tatyana Valentinovna

senior lecturer of General education disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

POGORILAYA Mariya Nikolaevna

student of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

STATSENKO Valeriya Aleksandrovna

student of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

THE MAIN ASPECTS OF PHYSICAL CULTURE AS AN INTEGRAL PART OF THE PROFESSIONAL TRAINING OF LAW STUDENTS

The article reveals the question of the need for physical education in law schools, identifying key aspects of physical culture as an integral part of the professional training of law students. The importance of physical training for future specialists in the field of law is highlighted, the achievement of a high level of physical culture development of students as an essential condition for professional and personal growth, the training of competent specialists capable of performing professional duties at a high level.

Keywords: physical culture, physical education, students, lawyers.

Результаты исследования и их обсуждение. Физическая культура и спорт в высшем учебном заведении являются неотъемлемой частью формирования общей и профессиональной культуры личности современного специалиста и, безусловно, способствуют гармоничному развитию.

Отметим, что согласно п. 26 ст. 2 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», физическая культура - часть культуры, представляющая собой совокупность ценностей, норм и знаний, создаваемых и используемых обществом в целях физического и интеллектуального развития способностей человека, совершенствования его двигательной активности и формирования здорового образа жизни, социальной адаптации путем физического

воспитания, физической подготовки и физического развития¹.

Студенты являются наиболее уязвимой частью молодежи, поскольку они сталкиваются с чередой трудностей, связанных с огромной учебной нагрузкой, невысокой двигательной активностью, а также проблемами в социальном и межличностном общении [1].

Первостепенной целью организации физического воспитания в юридическом вузе является формирование всесторонне развитых высококвалифицированных специалистов. Физическая культура является неотъемлемой частью жизни юриста, поскольку представитель данной

1 Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Российская газета от 08. 12. 2007. № 276.

профессии должен иметь не только высокий уровень образования, а также правосознания, но и обладать такими качествами, как: стрессоустойчивость, высокая работоспособность, а следовательно, и физическая выносливость. Считаем, что специалистам в области юриспруденции необходимо следить, как за психическим, так и за физическим здоровьем и искать возможности формирования их гармоничного соотношения. Это необходимо, прежде всего, для достижения высоких результатов в профессиональной деятельности юриста.

Физическое воспитание является неотъемлемым средством личностного развития будущих и действующих специалистов юридической деятельности. Физическое воздействие одинаково необходимо как средство воспитания в период получения образования, так и в рамках действующей карьеры [2].

Следует отметить, что по своей сути физическая культура – это двигательная активность в виде физических упражнений, которые позволяют эффективно формировать необходимые навыки и умения, физические способности, оптимизировать здоровье и работоспособность.

Считаем, что основными целями физической культуры как составной части профессиональной подготовки студентов являются:

- сохранение и укрепление здоровья;
- формирование осознанного понимания социальной роли физической культуры в развитии личности и подготовке к ее профессиональной деятельности;
- достижение общей физической подготовленности;
- развитие и совершенствование психофизических способностей;
- воспитание общечеловеческих ценностей.

Как мы можем видеть, трудно преувеличить значение физической культуры в формировании личностных качеств студентов, ведь регулярные занятия физкультурой способствуют решению проблемы гармоничного развития физического и интеллектуального потенциала учащихся.

Необходимо отметить, что студенту-юристу очень важно овладеть следующими компетенциями (УК-7):

- выбирать здоровьесберегающие технологии для поддержания здорового образа жизни и физической подготовленности с учетом физиологических особенностей организма и условий реализации профессиональной деятельности.
- планировать свое рабочее место и свободное время для оптимального сочетания физической и умственной нагрузки и обеспечения работоспособности.
- поддерживать должный уровень физической подготовленности и состояния здоровья в различных жизненных ситуациях и в профессиональной деятельности.

Всему вышеуказанному способствуют занятия физической культурой.

Свои социальные функции физическая культура наиболее полно реализует в системе физкультурного воспитания как важнейшего средства социального становления гражданина и будущего специалиста, целенаправленного

педагогического процесса по приобщению студенческой молодежи к ценностям физической культуры [3, с. 227].

Физическая культура приобретает огромное значение в процессе формирования личности, воздействуя на него с разных сторон, она формирует нравственные качества, закаляет силу воли и укрепляет дух, влияет на физическое состояние, стимулируя новый подход к жизни и труду.

Изучая основные аспекты физической культуры как составной части профессиональной подготовки студентов-юристов, следует также остановиться над таким вопросом, как содержание физической подготовки в высших заведениях, определяемое рабочей программой по дисциплине «Физическая культура», которая, как правило, разрабатывается и утверждается Министерством образования РФ. Данные учебные планы закрепляют обязательный и наиболее подходящий для студентов комплекс физических упражнений, объем спортивных знаний и умений, а также способствует появлению особо значимых качеств, появляющихся у студентов-юристов, в результате освоения рассматриваемой дисциплины. Следовательно, рабочая программа – это основной нормативно-организационный документ, определяющий природу физического образования и воспитания.

Как и по любой другой дисциплине, в программе по физическому развитию студентов, можно закрепить условно три основных раздела, первый из которых помогает студентам-юристам получить теоретические и специальные знания, второй же, практический, служит и направлен уже на формирование определенных свойств личности, достаточно полное владение средствами физической культуры и спорта, который реализуется непосредственно на учебно-тренировочных занятиях, дополнительных секциях, и третий, заключительный, контрольный раздел, основной целью которого является учет результатов учебной деятельности, итоговую аттестацию об уровне освоения и закрепления ранее приобретенных знаний.

Анализируя рабочую программу по дисциплине «Физическая культура и спорт» в нашем учебном заведении, а именно ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» Крымский филиал, можно выделить ее основные ориентиры: цели освоения дисциплины, ее место в структуре основной образовательной программы, требования к результатам освоения, объем и виды учебной работы, содержание, оценочные средства по итогам освоения, учебно-методическое и информационное обеспечение, а также материально-техническое обеспечение. Содержание рабочей программы нашего университета соответствует приведенным ранее трем основным разделам, где закреплены теоретические аспекты, основные направления работы со студентами, например, гимнастика, легкая атлетика, спортивные игры, боевые единоборства и иные, а также имеются положения о контроле полученных знаний и умений.

Всем известен тот факт, что благодаря физическим нагрузкам умственная работоспособность человека увеличивается, в связи с чем и наблюдается довольно-таки

близкая связь между динамикой развития мышления студентов-юристов и уровнем физической подготовки. Поэтому достаточно важным является вопрос о разработке методики формирования профессионально-важных качеств у будущих юристов, ведь при проведении систематических занятий по физической культуре и спорту в учебных заведениях улучшается состояние центральной нервной системы, а в связи с этим, наблюдается прогресс в интеллектуальной деятельности каждого обучающегося. Здесь, необходимым следует отметить положительный аспект разработки плана в нашем учебном заведении, который состоит в том, что существует достаточно широкий спектр видов занятий спортом, который помогает разносторонне развивать и прививать всевозможные качества, необходимые студентам-юристам в будущем. Другими словами, наилучший эффект достигается тогда, когда содержание занятий не монотонно, а имеется множество векторов деятельности.

Рассматривая данную тему, нельзя не остановиться на проблемных аспектах преподавания физической культуры в учебных заведениях. Наиболее важным является вопрос об обеспечении необходимых условий для проведения физических занятий для студентов, которые отнесены к специальной медицинской группе по состоянию здоровья, или же инвалидов, то есть лиц, которые имеют нарушения здоровья, выраженные расстройством функций организма, в связи с заболеваниями, травмами, дефектами, и, соответственно, которые приводят к ограничению жизнедеятельности [4]. Здесь и возникают проблемы с нехваткой спортивных залов, а данное негативно отражается на состоянии здоровья студентов, также есть необходимость формирования отдельных групп студентов с ослабленным здоровьем, в связи с чем и возникает обязанность преподавателей к составлению особых рабочих программ и планов физических упражнений. Если же рассматривать наш университет, касаясь рассмотрения данной проблемы, а также улучшения условий для данных студентов-юристов, то необходимо отметить, что территория высшего учебного заведения оборудована всем необходимым для передвижения обучающихся-инвалидов. Для лиц, которые отнесены к специальной медицинской группе по состоянию здоровья, преподавателями создаются специальные комплексы тренировок на учебных занятиях, осуществляется должный уход и присмотр за правильным выполнением нагрузок.

Физическая подготовка юриста важна на этапе непосредственного обучения в юридических вузах. Целью физкультурного образования студентов юридических специальностей является формирование физической культуры личности будущего квалифицированного специалиста [5].

Таким образом, учитывая все вышеизложенное, мы можем сделать вывод, что в современных реалиях, достаточно важное значение выделяется проблеме формирования профессиональных качеств и навыков путем использования средств физической культуры и воспитания. Профессия юриста — это серьезный интеллектуальный

труд, напряжение, которое в конечном итоге приводит к обретению усталости, моральной опустошенности, в связи с чем и возникает необходимость к эмоциональной разрядке, которую обеспечивают физические упражнения. Физическое воспитание — важная составляющая профессиональной подготовки студентов-юристов, которое осуществляется в совокупности с другими учебными дисциплинами, преподаваемыми в образовательных учреждениях.

Пристатейный библиографический список

1. Суртаев Б. М. Формирование мотивов и организация занятий физическими упражнениями, спортом и туризмом // Вестник угроведения. - 2012. - № 2 (9). - С. 177-182.
2. Евсеева К. И. Физическая культура в юриспруденции / К. И. Евсеева, А. Г. Королёв // Инновационные тенденции развития системы образования: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 11 июня 2017 г.) / Редкол.: О. Н. Широков [и др.]. - Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс». 2017. - С. 220–222.
3. Элективные курсы по физической культуре. Практическая подготовка: учебное пособие для вузов / А. А. Зайцев [и др.]. - М., 2021. - С. 227.
4. Суртаев Б. М. Формирование мотивов и организация занятий физическими упражнениями, спортом и туризмом // Вестник угроведения. - 2012. - № 2 (9). - С. 177-182.
5. Стращенко И. Ю., Чилингарян Н. Р., Чубарина Ю. А. Роль физической подготовки в юридической деятельности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2018. - № 11-1. - С. 131-133.

ДЕМЕНТЕЕВА Ирина Ильинична

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

НАРЫШКИНА Анна Виталиевна

студент 3 курса Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

МИНАСЯН София Кареновна

студент 3 курса Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

РАССМОТРЕНИЕ ТРЕТЕЙСКИМИ СУДАМИ СПОРОВ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОРТСМЕНОВ И ТРЕНЕРОВ

В настоящей научной работе затрагиваются актуальные вопросы разрешения споров в сфере профессионального спорта. Спортивное право, как новая отрасль российского права, обрело признаки самостоятельной отрасли права сравнительно недавно. Отечественными специалистами в области спортивного права недостаточно подробно на сегодняшний день рассмотрены процессуальные проблемы, которые возникают при осуществлении профессиональной деятельности спортсменов и тренеров. Данный вопрос также нуждается в подробной законодательной регламентации со стороны государства. В работе авторами анализируются локальные акты спортивных организаций, которые функционируют на территории Российской Федерации. В изученных актах выявлены неточности и противоречия, а также обозначены пути их разрешения.

Ключевые слова: арбитраж (третейское разбирательство), профессиональные спортсмены и тренеры, федеральное законодательство, локальные акты спортивных организаций, постоянно действующие арбитражные учреждения.

DEMENTEEVA Irina Ilijinichna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil process sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

NARYSHKINA Anna Vitalievna

student of the 3rd course of the Law Faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

MINASYAN Sofia Karenovna

student of the 3rd course of the Law Faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

CONSIDERATION BY ARBITRATION COURTS OF DISPUTES ARISING FROM THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF PROFESSIONAL ATHLETES AND COACHES

In this scientific work, topical issues of dispute resolution in the field of professional sports are touched upon. Sports law, as a new branch of Russian law, has recently acquired signs of an independent branch of comparative law. Domestic experts in the field of sports law have not considered in sufficient detail today the procedural problems that arise in the implementation of the professional activities of athletes and coaches. This issue also needs detailed legislative regulation by the state. In the paper, the authors analyze local acts of sports organizations that operate on the territory of the Russian Federation. Inaccuracies and contradictions have been identified in the studied acts, as well as ways to resolve them.

Keywords: arbitration (arbitration proceedings), professional athletes and coaches, federal legislation, local acts of sports organizations, permanent arbitration institutions.

Профессиональная деятельность спортсменов и тренеров сопряжена с потенциальной возможностью возникновения конфликтов, споров и разногласий, которые могут носить гражданский, трудовой и, специфический, спортивно-правовой характер. Функциональная деятельность спортивных клубов и спортивных организаций, как субъектов спортивных правоотношений, предполагает также возможность быть стороной спорных процессуальных правоотношений.

Правовое регулирование профессиональной деятельности, как правило, закрепляется в федеральном законодательстве и подзаконных актах. Специфика же спортивных правоотношений предусматривает немаловажную роль локальных нормативных актов международных и национальных спортивных организаций.

Стоит отметить, что вопрос разрешения гражданско-правовых и трудовых споров в сфере профессионального спорта и спорта высших достижений недостаточно изучен отечественными специалистами. Но актуальность данной

темы не вызывает сомнений, так как проблемы международного и национального спортивного арбитража (третейского разбирательства) в настоящее время затрагивают не только спортивные, но и геополитические интересы России.

Общепринято выделять четыре большие группы спорных правоотношений, возникающих в процессе взаимодействия субъектов спортивного права: дисциплинарные споры, административные споры, экономические споры и споры, носящие международный характер.

Спорные правоотношения в сфере спорта носят сложный и многоуровневый характер. Каждая спортивная организация предусматривает в локальных актах свои формы и способы защиты прав и интересов спортсменов, тренеров, спортивных клубов и иных лиц, а также закрепляет уполномоченные органы (комиссии и комитеты), которые вправе во внесудебном порядке разрешать споры в рамках своей компетенции. Кроме этого, в настоящих актах регламентируется порядок и возможность разрешения споров в независимых органах – в постоянно действующих арбитражах (третейское

разбирательство). Локальные акты спортивных организаций могут носить форму Регламентов, Положений, Правил и т.д., но они не должны противоречить действующему законодательству.

Легальное определение «арбитраж» содержится в Федеральном законе «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». Так, под настоящим определением понимают процесс разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом (арбитражно-решения) [1].

Возможность разрешения споров в третейских судах гарантируется законом. Так, в соответствии со статьей 22.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее ГПК РФ) споры, возникающие из гражданско-правовых отношений, а также индивидуальные трудовые споры спортсменов, тренеров в профессиональном спорте и спорте высших достижений могут быть переданы сторонами на рассмотрение третейского суда при наличии между сторонами спора действующего арбитражного соглашения, если иное не предусмотрено федеральным законом [2]. Значит, данная норма носит диспозитивный характер и может применяться сторонами по их волеизъявлению, которое выражается в заключении арбитражного соглашения, позволяющее сторонам разрешать возникшие противоречия в порядке арбитража (третейского разбирательства).

Так, в локальных актах может быть предусмотрена возможность разрешения споров в порядке арбитража, во внесудебном порядке (в комиссиях, комитетах спортивных организаций), так и в обязательном судебном порядке в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства.

Профессиональный спорт и спорт высших достижений регулируется локальными актами международных и национальных спортивных организаций конкретных видов спорта. Безусловно, настоящие акты действуют в рамках федерального законодательства и не противоречат ему, но особенно профессиональной спортивной деятельности оказывают существенное влияние. Исходя из этого следует, что стороны конфликта нуждаются в корректной профессиональной оценке в указанной области. Именно поэтому в России создаются постоянно действующие третейские суды, рассматривающие споры, возникающие из профессиональной деятельности спортсменов, тренеров и спортивных клубов.

Специализированные субъекты в формах международных и национальных спортивных арбитражей несут узкопрофильный характер и направлены на рассмотрение споров гражданского и трудового характера между субъектами спортивных правоотношений. Споры могут носить обширный характер, в первую очередь из-за нарушений положений локальных актов и условий трудового договора (контракта), в командных видах спорта преобладают конфликтные ситуации, возникающие из заключения таких непоименованных гражданско-правовых договоров, как «трансфер» и «аренда», также нередки споры из-за договорных обязательств в области агентских соглашений.

В соответствии со статьей 36.3. Федерального закона «О физической культуре и спорте» в рамках спортивного арбитража могут рассматриваться споры различного правового характера. Например, такие как: о допуске к участию в спортивных соревнованиях и первенствах, о применении спортивных санкций к тренерам и спортсменам (наиболее частым примером наказания в сфере профессионального спорта является применение штрафа и дисквалификации), также спорные правоотношения, возникающие вследствие

нарушения атлетом антидопинговых правил и иные споры [3]. На наш взгляд, оправданной и обоснованной является возможность разрешения индивидуальных трудовых споров субъектов спортивного права в рамках спортивного арбитража, так как возникающие спорные трудовые правоотношения обладают существенной спецификой, и суды общей юрисдикции не обладают необходимым уровнем знаний в сфере профессионального спорта и спорта высших достижений для компетентного и быстрого разрешения в настоящей области.

На сегодняшний день возможно разрешение споров спортивного характера на национальном уровне, где осуществляют деятельность сразу несколько постоянно действующих спортивных арбитражей. Они образованы при некоммерческих организациях, органы управления которых в соответствии с уставными документами некоммерческих организаций формируются Олимпийским комитетом России, Паралимпийским комитетом России, профессиональным союзом, объединяющим работников физической культуры и спорта и являющимся стороной отраслевого соглашения, заключенного с федеральным органом исполнительной власти в области физической культуры и спорта, общероссийскими спортивными федерациями по видам спорта, включенным в программу Олимпийских игр, Паралимпийских игр, и профессиональными спортивными лигами [3].

Как было сказано ранее, для рассмотрения спорного спортивного правоотношения в порядке третейского разбирательства необходимо заключить арбитражное соглашение. Так, в соответствии с действующим законодательством под настоящим соглашением понимается добровольное волеизъявление сторон, которое выражается в согласии на передачу в арбитраж всех или определенных споров, которые могут возникнуть между сторонами [1]. В теории, арбитражное соглашение может иметь две формы: в виде арбитражной оговорки, так и в форме самостоятельного документа (арбитражного соглашения). Законом предусмотрено обязательное заключение арбитражного соглашения в виде отдельного документа между сторонами для рассмотрения индивидуальных трудовых споров в порядке третейского разбирательства.

Явным примером арбитражной оговорки является норма Дисциплинарного регламента Континентальной хоккейной лиги (далее - КХЛ). Одно из положений настоящего локального акта спортивной организации закрепляет возможность рассмотрения спорного правоотношения в порядке арбитража. Так, обжалование решений и действий структурных уполномоченных органов КХЛ возможно субъектом спортивного спора в «Национальном Центре Спортивного Арбитража» при Автономной некоммерческой организации «Спортивная Арбитражная Палата» или в Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации [4].

23 марта 2022 года Исполком Российского футбольного союза (далее - РФС) принял поправки в ряд Регламентов РФС. Теперь субъектам спортивных правоотношений предоставляется возможность обжаловать Решения структурных органов РФС в Национальный Центр Спортивного Арбитража (далее - НЦСА). Согласно принятым поправкам в локальные акты, решения Палаты РФС по разрешению споров и Комитета РФС по статусу игроков могут быть обжалованы в НЦСА, в порядке и сроки, установленные Регламентом РФС по разрешению споров. Стоит отметить, что обжалование решений Палаты РФС по разрешению споров и Комитета

РФС по статусу игроков возможно при наличии арбитражной оговорки. Для рассмотрения индивидуальных трудовых споров необходимо наличие арбитражного соглашения, оформленного в виде отдельного соглашения.

Важно отметить, что федеральное законодательство предоставляет возможность спортивным организациям и профессиональным спортивным лигам устанавливать обязательное доарбитражное (внутреннее) урегулирование споров. Для этого, в зависимости от спортивной организации и специфики вида спорта могут быть созданы Дисциплинарные комитеты, Комиссии и иные уполномоченные структурные подразделения. Настоящие органы наделяются обширными функциями, в том числе вправе рассматривать споры, которые возникают между субъектами спортивных правоотношений в рамках конкретной спортивной организации. Обязательное урегулирование спора в рамках рассмотрения внутренними органами спортивных организаций, на наш взгляд, искусственно ограничивает права спортсменов и тренеров на рассмотрение споров, которое может возникнуть, в том числе, и между ними и спортивной организацией, в порядке независимого спортивного арбитража. Дисциплинарный регламент КХЛ предполагает право сторон спорного правоотношения обратиться в спортивный арбитраж **только для обжалования решения** Дисциплинарного Комитета, и исходя из положений локального акта новое решение по спору в порядке третейского разбирательства вынесено быть не может.

Дисциплинарный регламент Федерации Гандбола России (далее – ФГР) предполагает также рассмотрение спорных правоотношений во внутреннем структурном подразделении спортивной организации (Комиссия по этике, Спортивно-Арбитражная комиссия). Постановления Спортивно-арбитражной комиссии ФГР и решения Комиссии по этике ФГР могут быть обжалованы в Спортивный арбитражный суд (Court of Arbitration for Sport – «CAS»), расположенный в городе Лозанна, в течение 45 (сорока пяти) дней с момента вынесения решения Спортивно-Арбитражной комиссией или Комиссией по этике ФГР [5]. Данный порядок, по нашему мнению, носит весьма спорный и неоднозначный характер, так как в связи с нестабильной геополитической ситуацией и наличием на территории России постоянной действующих спортивных арбитражей данная норма носит неоправданный характер и подлежит пересмотру со стороны руководящих органов ФГР.

Регламент Чемпионата Единой Лиги ВТБ – локальный акт профессиональной баскетбольной лиги в России, который предусматривает оптимальное правило обращения в спортивный арбитраж: «Любой спор, разногласия или претензия в связи с проведением и/или участием в Чемпионате, регулируемом настоящим Регламентом, либо иным образом вытекающие из настоящего Регламента разрешаются путем арбитража, администрируемого «Национальным Центром Спортивного Арбитража» (НЦСА) при Автономной некоммерческой организации «Спортивная Арбитражная Палата» (АНО «САП») в соответствии с положениями Регламента спортивного арбитража» [6]. То есть, субъектам предоставляется право обращаться напрямую в НЦСА, чтобы спорное правоотношение было рассмотрено в порядке независимого и беспристрастного третейского разбирательства.

Федеральный закон «Об арбитраже в Российской Федерации» предусматривает общий порядок рассмотрения споров в рамках третейского разбирательства. По общему правилу, началом арбитража принято считать день, когда ис-

ковое заявление получено ответчиком. Обязанность уведомления ответчика возлагается на истца, который направляет документы и иные материалы дела по последнему известному месту нахождения организации, являющейся стороной арбитража, или по месту жительства гражданина являющегося стороной арбитража, заказным письмом с уведомлением о вручении или иным способом, предусматривающим фиксацию попытки доставки указанных документов и материалов. Документы и иные материалы считаются полученными в день такой доставки (фиксации попытки доставки), даже если сторона арбитража по этому адресу не находится или не проживает [1].

К лицам, осуществляющим третейское разбирательство, законодателем выдвигаются специальные требования. Так не менее половины арбитров в постоянно действующих спортивных арбитражах должны иметь одну из следующих характеристик: обладать опытом работы в области физической культуры и спорта не менее пяти лет, предшествующих дате включения их в рекомендованный список арбитров, либо обладать опытом разрешения споров в профессиональном спорте и спорте высших достижений в качестве третейских судей или опытом работы в органах общероссийских или международных спортивных федераций [3]. Стоит отметить, что в указанной норме отсутствует размер необходимого обязательного опыта в разрешении споров в сфере профессионального спорта, а значит, что закрепленное положение носит исключительно формальный характер, что не является обусловленным и верным в рамках повышения юридической техники законодателя. Остальные арбитры должны обладать ученой степенью (по специальностям: гражданское право, международное частное право гражданский процесс, арбитражный процесс и т.д.). Законодатель применяет альтернативный подход к формированию арбитров, что носит спорный характер. Единообразия подхода может носить положительный характер в систематическом повышении уровня профессионализма кадров в постоянно действующих спортивных арбитражах. Так, стоит внести изменение в федеральное законодательство и ввести обязательное наличие научной степени по юридическим (процессуальные дисциплины) специальностям. Введение данной нормы позволит повысить уровень юридической грамотности и техники среди арбитров.

Арбитраж осуществляется на основе принципов независимости и беспристрастности арбитров, диспозитивности, состязательности сторон и равного отношения к сторонам [1]. Данные принципы носят базовый характер, и отражают принципы российского судопроизводства. Однако, особенностью арбитража является то, что спорные правоотношения рассматриваются в порядке закрытого судебного заседания, а сведения, которые стали известны участникам в слушании по делу, носят конфиденциальный характер и не подлежат разглашению под угрозой наказания. Данная практика носит положительный характер, так как конфиденциальность информации в эпоху медийности профессионального спорта является важным аспектом деятельности. Стороны не заинтересованы в огласке сведений, так как спорные правоотношения нередко могут нанести имиджевый вред спортсмену, тренеру или спортивному клубу.

Как правило, спорное правоотношение рассматривается коллегией спортивных арбитров, состоящей из трех человек [7].

Спорное правоотношение третейским судом рассматривается в порядке искового производства. Иск в порядке

рассмотрения арбитражем должен содержать: дату, необходимые сведения о сторонах разбирательства, обоснование компетенции третейского суда (арбитражное соглашение, оговорка), требования и обстоятельства. Истец должен указать цену и в приложении представить все необходимые документы, подтверждающие правомерность его требований. Ответчику гарантируется право предоставить отзыв на исковое заявление, изложив в нем свои возражения против иска, в порядке и сроки, которые предусмотрены правилами арбитража [1]. По аналогии с исковым судопроизводством, которое применяется судами общей юрисдикции, ответчик имеет право заявить встречный иск при условии, что существует взаимосвязь между встречным требованием и требованиями истца, а также при условии, что рассмотрение встречного иска предусмотрено арбитражным соглашением и подпадает под его условия.

Законодательством предусмотрены две формы рассмотрения дела в порядке арбитража: устное слушание и рассмотрение дела только на основании представленных документов. Предусмотрена возможность при рассмотрении дела в устной форме применять систему видеоконференцсвязи. Стоит отметить, что отсутствует оговорка о технической оснащённости суда, которая нередко становится причиной отказа для рассмотрения дела в указанном формате в порядке гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции. Также допустимо, по нашему мнению, по аналогии с гражданским судопроизводством предусмотреть право для сторон участвовать в деле в порядке веб-конференции, что позволит в полной мере обеспечить процессуальные права сторон в «дистанционном» формате арбитражного слушания. Именно поэтому необходимо внести указанные изменения в Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».

При рассмотрении спорного правоотношения стороны имеют равные права участвовать в слушании. Для обоснования своей позиции и правоты действий, стороны должны доказать достоверность доказательств, на которые они ссылаются. По общему правилу, ход слушания отображается в протоколе. По факту разбирательства выносится арбитражное решение, которое носит обязательный характер и в соответствии регламентами и положениями спортивных организаций подлежит к исполнению сторонами спорного правоотношения.

В целом, мы можем подвести следующие итоги. Во-первых, российский спортивный арбитраж проходит этап планомерного развития, процессуальные кодифицированные законодательные акты уже сейчас предусматривают возможность разрешения споров в порядке третейского разбирательства. И данная практика носит обоснованный характер, поскольку специфика «спортивных» спорных правоотношений нуждается в профессиональной точке зрения специальных арбитров постоянно действующих арбитражей, так как число споров в области спортивного права будет ежегодно увеличиваться. Этому способствует геополитическая ситуация в Европе и увеличение правовой регламентации локальных актов спортивных организаций. Проблемы, рассмотренные в настоящей научной работе, носят узкопрофильный характер и нуждаются в правовой оценке специалистами в области спортивного права и законодательными органами Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 10.03.2022). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. Дисциплинарный регламент Континентальной хоккейной лиги (сезоны 2021-2022, 2022-2023, 2023-2024, 2024-2025), утв. Советом директоров ООО «КХЛ» (протокол № 119 от 27 июля 2021 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.khl.ru/official/documents/> (дата обращения: 01.05.2022).
5. Дисциплинарный регламент Общероссийской общественной организации «Федерация Гандбола России», утв. На заседании Исполкома ФГР «10» февраля 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rushandball.ru/federation/documents> (дата обращения: 01.05.2022).
6. Регламент Чемпионата Единой Лиги ВТБ сезон 2021-2022, утв. Решением Совета Лиги 12 июля 2021 г.; в ред. утв. Заочным голосованием Советом Лиги 17 марта 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vtb-league.com/ru/pages/about-docs/> (дата обращения: 01.05.2022).
7. Захарова Е.И. Отдельные вопросы, связанные с функционированием третейских судов // Эпомен. – 2022. – № 69. – С. 126-131.

АНАНЬЕВ Артем Юрьевич

магистрант 2-го года обучения направления «политический менеджмент и связи с общественностью» специализации «политология» Башкирского государственного университета

МАЯЦКАЯ Ольга Борисовна

кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и связей с общественностью Башкирского государственного университета

ОСНОВАНИЕ СИЛЫ В УКРАИНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

В статье исследуются теоретические основания понятия силы, влияния третьей стороны в лице коллективного Запада и Соединенных Штатов Америки на противостояние националистически настроенной украинской политической элиты, представляющей Украину, и России. В основу исследования положен структурно-функциональный и деятельностный подходы. Россия рассматривается как защитник Русского мира, с позиций борьбы и применения силы против крайнего проявления русофобии.

Ключевые слова: сила, международный политический конфликт, русофобия, интеграционные процессы, коллективный Запад.

ANANJEV Artem Yurjevich

magister student of the 2nd year of study in the direction "Political management and public relations", specialization «Political science» of the Bashkir State University

MAYATSKAYA Olga Borisovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Political science and public relations sub-faculty of the Bashkir State University

THE BASIS OF «POWER» IN THE UKRAINIAN POLITICAL CONFLICT: A THEORETICAL JUSTIFICATION

The article examines the theoretical foundations of the concept of force, the influence of a third party in the face of the collective West and the United States of America on the confrontation of the nationalist-minded Ukrainian political elite representing Ukraine and Russia. The study is based on the structural-functional and activity approaches. Russia is seen as a defender of the Russian world, from the standpoint of struggle and the use of force against the extreme manifestation of Russophobia.

Keywords: strength, international political conflict, Russophobia, integration processes, collective West.

Строки из выступления В. В. Путина в Кремле, озвученные во время принятия верительных грамот новых послов в октябре 2018 года, могут быть по праву эпиграфом к внешнеполитической дипломатической миссии России и ее международной деятельности при решении вопросов неприменения силы в военных политических конфликтах. «Россия привержена миролюбивой политике, последовательно проводит ответственный внешнеполитический курс, - заверил глава государства. - Как постоянный член Совета Безопасности наша страна отстаивает зафиксированные в Уставе ООН основополагающие принципы: суверенитет и равенство государств, невмешательство в их внутренние дела. И мы категорически не согласны с использованием в обход международных норм, международного права политически мотивированных протекционистских мер и диктата силы» [11]. Тому свидетельством международная политическая практика и события вооруженных конфликтов с участием третьей стороны только в последние десятилетия в Югославии, Сирии, на Донбассе. Политическая теория, представляется, призвана описывать и искать обоснования к международным политическим процессам, происходящим с участием, в частности, России, поскольку русофобские настроения и обвинения в адрес России в агрессивной деятельности становятся инструментом давления на мировую общественность и общественное мнение.

Политическая наука призвана углубить исследования, ставящие целью уточнения категории «сила», конкретизировать место и роль силы в международно-политических конфликтах в условиях формирования новой конфигурации международных отношений, в частности после начала специальной военной операции России в Донецкой народной республике и Луганской народной республике в феврале 2022 года по демилитаризации и денацификации территории Украины.

Участие нашего государства в международных политических конфликтах вблизи границ Российской Федерации, участие наших граждан в этих конфликтах, внутриполитическая обстановка вызвали в отечественной политологической науке всплеск научных исследований общетеоретического и прикладного характера. В политологической науке продолжается научная дискуссия о поиске концептов, позволяющих оптимизировать и рационализировать конфликтный тип поведения. «Явная угроза, с которой человечество может столкнуться в наступившем десятилетии, по мнению Путина, — это дальнейшее обострение всего комплекса международных проблем. Мы ощущаем, что градус внешнеполитической пропагандистской риторики нарастает, — констатировал Путин. — Можно ожидать, что более агрессивным станет и характер практических действий, включая давление на те страны, которые не согласны с ролью послушных, управляемых сателлитов» [8]. Продолжив тему давления, возможным представляется отметить, что санкционная политика ЕС при поддержке США и сама политика США по экономической изоляции России актуализируют теоретические исследования природы силы в ее многофакторности и многофункциональности.

Актуальность настоящего исследования обусловлена конкретными событиями украинского политического конфликта на Донбассе, в орбиту которого вовлекаются все больше участников, конечной целью которых является дестабилизация ситуации не только на Украине, как приграничном государстве с Россией, но и в самой России. Ставший, таким образом, сложным, вооруженный политический конфликт на Украине выбран в качестве научного анализа вследствие следующих обстоятельств:

— он агрессивен, и наличествует вооруженное сопротивление;

– вооруженный конфликт происходит с участием России с февраля 2022 года, что позволяет наиболее полно исследовать протекание данного вооруженного конфликта;

– рассмотрение категории «сила» в разрезе украинского конфликта в дискурсе интеграционных процессов как с той, так и с другой стороны позволит уточнить некоторые положения политической науки.

Сила как основание властвования в социальном управлении проявляется во многих сферах жизнедеятельности человека, является одной из категорий, интенсивно исследуемых в различных отраслях науки. С древних времен сила как предмет научного осмысления представляла интерес. Платон и Аристотель, позже Ф. Аквинский, Н. Макиавелли, Ж. Боден активно исследовали эту тему. Свою значительную роль в социально-политических основаниях силы внесли Т. Гоббс, Д. Локк, Ш. Монтескье, К. Маркс и Ф. Энгельс, Р. Дарендорф. Позже, М. М. Лебедева, А. Г. Здравомыслов, Е. И. Степанов, Д. М. Фельдман, П. Цыганков, В. Замятин, Н. Доронина также исследуют проблемы международных конфликтов, внося свой значительный вклад в теоретическую основу понимания категории «сила». Структура и типология этнополитических конфликтов достаточно представлена в работах А. Р. Аклаева, Л. М. Дробижевой, А. А. Мацнева, С. Р. Парфеновой, Е. М. Примакова, В. Н. Стрелецкого, Г. У. Солдатова, В. А. Тишкова и других авторов. А. В. Сериков, А. Марчуков, С. Рогожкин, И. Добаев исследуют в своих научных трудах вопросы идеологии и политической практики украинского конфликта.

Краткий энциклопедический политологический словарь дает понятие конфликта как способ взаимодействия людей, при котором преобладает тенденция противоборства, вражды, разрушения достигнутого единства, согласия и сотрудничества [12, с. 58]. М. М. Лебедева приводит в качестве наиболее удачного определения понятия «международный конфликт» определение американского ученого К. Райта, отмечая, тем не менее, что это определение довольно расплывчато. К. Райт, по мнению М. М. Лебедевой определяет международный конфликт в широком и в узком смысле. В широком смысле международный конфликт американский исследователь определяет как «отношение между государствами, которое может существовать на всех уровнях и в различных степенях. В этом смысле можно указать на четыре стадии конфликта: осознание несовместимости; рост напряженности; давление без применения военной силы; война...» [5, с. 25]. В узком смысле американский исследователь определяет конфликт как отношения, суть которых «относится к ситуациям, в которых страны предпринимают действия друг против друга» [5, с. 27]. Отечественная наука в лице Н.И. Дорониной определяла «международный конфликт как одну из форм проявления тех или иных противоречий во взаимоотношениях участников системы международных отношений на стадии значительного обострения этих противоречий, когда назрела необходимость их разрешения и когда, осознавая эту необходимость, стороны предпринимают взаимные открытые действия друг против друга, обращаясь к использованию всех доступных и могущих быть примененными в данной международной обстановке средств» [3]. Сама исследователь М. М. Лебедева, определяет международно-политический конфликт как «столкновение тех интересов, которые входят в систему властных отношений между социальными общностями, взаимодействующими на мировой арене» [5, с. 25-27].

В статье делается попытка определить особую роль силе, а именно: сила может выступать причиной и особенностью протекания конфликта, а также может служить аргументом предупреждения конфликта и предопределять его исход. Даже краткий анализ подходов к пониманию сути международного политического конфликта разными авторами уже позволяет предположить, что понимание международного политического конфликта сводится к намеренному открытому столкновению политических интересов. Авторы научных трудов приходят к мнению, что участниками международных политических конфликтов могут быть не только государства, но и другие политические акторы, действующие на мировом политическом поле; что международный полити-

ческий конфликт не ограничивается собственными рамками внутреннего содержания, а влияет на внешнюю среду и имеет свое собственное место и значение в этой среде, имеет свое развитие и влияние на мировое политическое пространство. «Попытки обвинить во внутренних проблемах другие страны повышают риски одностороннего применения военной силы. «Использование торговых барьеров, нелегитимные санкции, ограничение финансовой, технологической, информационной сфер — подобная игра без правил критически повышает риски одностороннего применения военной силы. Вот в чем опасность», — заметил президент России В. В. Путин» [11]. Исследуя природу международных политических конфликтов, представляется необходимым отметить принципы политического реализма, сформулированные специалистом-международником Хансом Моргентау. «История политических идей, по мнению Моргентау, — это борьба двух точек зрения на природу человека, общества и политики. Представители одной верят в возможность рационального и одновременно основанного на моральных принципах политического порядка. Они верят в изначальную добродетель человеческой природы и возможность совершенствования общества путем образования и реформ. Сторонники другой точки зрения - концепции политического реализма - считают, что мир несовершенен» [9]. Несовершенная природа человека, по мнению Ханса Моргентау, лежит в основе конфликтов интересов. Исследователь делает вывод, что основа существования всех плюралистических обществ основан на системе сдержек и противовесов и на балансе этих интересов [9].

Национальные интересы как смысловое содержание внутренней и внешней политики любого государства, их защита с большой долей вероятности порождает и будет порождать международные политические конфликты. Международное сообщество, представляется, в связи с этим должно встать на путь поиска взаимных интересов, обеспечивающих жизнедеятельность территорий государств, исключающих навязывание культурологических установок, и утверждающих солидарность по основным правоустанавливающим понятиям.

Исследование природы понятия «сила» полагается необходимым продолжить с представлений русских философов, выразивших собственное понимание силы. Ильин Иван Александрович, русский философ, соотносил силу и право. «Обычный вопрос: «право — есть сила или не есть сила?» должен быть для решения изменен в самой своей постановке. Нельзя сказать, «право есть сила» или «право не есть сила», т. к. оба ответа можно понять в смысле реального совпадения или несовпадения обоих моментов. Именно методологический подход к проблеме разворачивает ее во всем ее значении и указывает путь к ее решению. А этот подход ставит вопрос уже иначе: «может ли право рассматриваться как сила и не может ли оно рассматриваться как не допускающее сближения с силой?» [4, с. 43]. Другой русский философ Николай Александрович Бердяев позже, в труде «Дух и сила» определяет взаимозависимость духа и силы, силы и свободы, силы и права. «Сила противопоставляется праву, хотя это противоположение логически неверно. Сила может быть несправием, надругательством над правами человека, но право может стать силой. От чего зависит сила права, противопоставляемая силе несправия, силе насилия? Это целиком зависит от сознания людей, от верования людей и народов, от господства совести. Даже несправие диктатуры, идолопоклонствующее перед силой, не может основываться на голой материальной силе, оно, также предполагает состояние, сознание людей, верования народов» [7, с. 101]. Данное утверждение Н. А. Бердяев усиливает собственную уверенность, что силу возможно остановить духовным возрождением, переоценкой ценностей и ломкой представлений о мировом порядке. «Конфликт ценности и силы не разрешается в мировом плане всегда торжествующего зла. Последнее слово не принадлежит человеку-убийце. Человек призван быть не убийцей, а воскресителем. И за воскресителем стоит сила большая, чем человеческая. Я верю в возможность изменения сознания, революции сознания, переоценки ценностей, духовного пере-

воспитания человека. И иному сознанию предстанет и иной мир» [7, с. 109], - рассуждает философ Н. А. Бердяев.

Исследователь Ю. П. Давыдов в работе «Норма против силы», ссылаясь на ведущих американских исследователей, дает определение силы как: власть над умами и действиями людей; влияние; на международной арене как способность правительства одной страны заставить правительство другой страны предпринять то, что это последнее не стало бы делать по своей воле; способность получения желаемых результатов» [1, с. 40].

Исследователь С. М. Деханов, анализируя различные подходы к пониманию силы, выводит общее определение понятия силы: «сила во внешнем мире – это, прежде всего, способность одного государства влиять на поведение другого государства в желаемом для себя направлении, это способность устанавливать различные формы зависимости одного государства от другого (прямые, косвенные, опосредованные, с помощью насилия, убеждения, обещания выгод, лишения имеющихся преимуществ, создания условий, при которых остается лишь одна альтернатива, один выход из положения)» [2, с. 39]. Однако, в данном определении, представляется, не учитываются интересы таких акторов международной политики, как международные правительственные организации, международные неправительственные организации, транснациональные корпорации, союзы государств и иные надгосударственные образования, иные субъекты международной политики.

Таким образом, понятие силы возможно определить через двойственную природу: сила, как господство, неограниченное правом; сила, как способ реализации права через ее структурную составляющую, а именно, принуждение.

Подводя итог краткому теоретическому обзору понятий силы возможно сделать вывод, что украинский конфликт по своей природе является конфликтом социокультурного характера, конфликтом разных культурных оснований к мировоззренческому смысловому подходу: противостояние западной и восточной Украины (неприятие, истории, языка, традиций и образа мыслей, разделение церковного управления (отход от управления Московской патриархии в греко-католическую), что травмирует и разрушает духовно-нравственные устои русскоязычного и русскоговорящего населения Украины и т.п.), с участием третьей внешней стороны (США, коллективного Запада и России). События в Киеве в феврале-марте 2014 года, присоединение Крыма к России, вооруженное противостояние Киева и Донбасса с марта 2014 года вплоть до февраля 2022 года, санкционные войны США и Запада с Россией транслируют открытое противостояние смыслам, неприятие ценностей и коллективную недружелюбность к Русскому миру. Начало специальной военной операции на Донбассе, после обращения ДНЛ и ЛНР об оказании помощи началось вводом российских войск 24 февраля 2022 года. «...Начался в режиме «вежливых людей». Россия не собиралась начинать полномасштабную военную операцию. Вместе с войсками были введены и значительные силы Росгвардии - подразделения ОМОНов и СОБРов из разных регионов, в задачи которых борьба с регулярными частями и авиацией противника не входит. Отсюда и такие потери в первые пять дней. Нанесение 24 февраля ударов только высокоточным оружием и только по военным объектам тоже говорило именно о миротворческой миссии принуждения Киева к миру. Да и президент Путин подчеркивал, что российская армия ведет борьбу именно с националистами» [10]. И это, представляется больше связано с пониманием силы в духе И. А. Ильина и Н. А. Бердяева, когда в управлении конфликтом с целью предупреждения большего, целесообразнее применять сочетание права и силы, тем самым подтверждая наличие российской модели урегулирования международных конфликтов.

Следует отметить, что принуждение к миру возникает в тех регионах, где наблюдается конкуренция держав за миротворческую инициативу, в таких условиях возникает соперничество мировых лидеров за управление конфликтом, путем создания и применения соответствующих адресных политических технологий информационного воздействия за превращение региона в объект внешнего управления. «Укра-

ина — это не просто западный проект «анти-Россия», а по сути действовавший последние 30 лет трудовой воспитательный концлагерь для русскоязычного населения... Последние 8 лет на Украине происходило жесточайшее подавление всякого свободомыслия и малейших симпатий по отношению к России. Несогласных с киевским режимом сажали в тюрьмы, пытали и убивали без суда и следствия. Населению, особенно молодежи, промывали мозги нацистскими идеями» [10].

Представляется, что Россия в своей «мягкой дипломатии» исчерпала возможности управления украинским конфликтом и вынуждена была искать ответы на вопросы в формате теории Дж. Ная - концепции «умной силы» (smart power), то есть способности координировать и комбинировать возможности и ресурсы «мягкой» и «жесткой» сил («мультикультура дипломатия») [6, с. 112].

Проблема инициации и управления конфликтами в мировой политике в современном обществе, представляется, зиждется на, ставшей классической концепции Дж. Ная, делившего ресурсы любого государства как нацеленные на принуждение и на убеждение. Россия, будучи актором мировой политики, заявившая в своей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в июле 2021 года, о том, что видит в своих базовых ценностях, сформированных столетиями, основу сохранения и укрепления суверенитета, достижения новых высот в развитии общества и личности, тем самым утвердила в понимании мировой общественности своеобразие и особость российского пути в применении силы нацеленной на убеждение. Этот тип силы содержит нематериальные составляющие такие как духовность, культура, история, идеи, взгляды, народные традиции, то, что и представляет собой Русский мир.

Пристатейный библиографический список

1. Давыдов Ю. П. Норма против силы [Текст]. Проблемы мироурегулирования. - М., 2002. - С. 40.
2. Деханов С. М. Право и сила в международных отношениях [Текст] // Московский журнал международного права. - 2002. - № 6. - С. 39.
3. Дороница Н. И. Международный конфликт [Текст]. - М., 1981.
4. Ильин И. А., Собрание сочинений, т. IV [Текст]. - М., 1994. - С. 43.
5. Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии [Текст]. - М., 1997. - С. 25.
6. Nye Jr., Joseph S. Soft Power. The means to success in world politics. - N.Y.: Public Affairs, 2004. - 193 p.
7. Бердяев Н. А. Дух и сила. С. 101-109. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.odinblago.ru/duh_i_sila.
8. Вильданова Э. Давосские тезисы президента России: миру угрожает война всех против всех, пандемия затягивается и бедных все больше. Зимин Д. 27.01.2021. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/article/497117>.
9. Рожков А. А. Теоретическое наследие «Истории» Фукидида и политический реализм Ганса Моргентау. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-nasledie-istorii-fukidida-i-politicheskiy-realizm-gansa-morgentau>.
10. Егоров И. 13 ответов на вопросы о причинах спецоперации на Украине. Российская газета - Неделя № 62 (8710). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rg.ru/2022/03/23/13-otvetov-na-voprosy-o-prichinah-specoperacii-na-ukraine.html>.
11. Латухина К. Миссия мира Владимир Путин выступил против диктата силы в международных отношениях. Российская газета - Федеральный выпуск № 229 (7692). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rg.ru/2018/10/11/putin-vystupil-protiv-diktata-sily-v-mezhdunarodnyh-otnosheniiah.html>.
12. Краткий энциклопедический политологический словарь. - М., 1993. - С. 58.

ИЗЮМОВ Игорь Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменско-го индустриального университета

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК СУБЪЕКТ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

Целью данного исследования являлось раскрытие роли общественного контроля в системе противодействия коррупции, а также выработка предложений по совершенствованию ан-тикоррупционного законодательства на основе анализа правоприменительной практики и изучения деятельности в данной сфере.

Ключевые слова: коррупция, общественный контроль, правовое регулирование.

IZYUMOV Igor Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Humanitarian sciences and technologies sub-faculty of the Tyumen Industrial University

CIVIL SOCIETY AS A SUBJECT OF PUBLIC CONTROL OVER COMPLIANCE WITH ANTI-CORRUPTION LEGISLATION

The purpose of this study was to reveal the role of public control in the anti-corruption system, as well as to develop proposals for improving anti-corruption legislation based on the analysis of law enforcement practice and the study of activities in this area.

Keywords: corruption, public control, legal regulation.

Развитие исследовательского интереса к такой форме взаимодействия государства и общества как общественный контроль наравне с развитием практики такой реализации потребовало устойчивого правового регулирования.

Первоисточником правового регулирования можно назвать ст. 3 Конституции РФ: «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ (п.1). Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления (п. 2)».

В целях установления права гражданина на осуществление общественного контроля был принят Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ. В соответствии с ним каждый гражданин правомочен контролировать деятельность органов государственной власти, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия (ст. 2).

Таким образом, законодатель подчеркнул активную роль общественности в реализации антикоррупционной политики на местном уровне, предполагая, что в современном обществе назрела потребность в повышении роли общественного контроля.

При этом в законе отсутствуют механизмы реализации такого права лично гражданином, так как реализация предусмотрена через участие в структурах общественного контроля, указанных в ст. 9, согласно которой гражданин субъектом общественного контроля не является.

Вместе с тем определение общественного контроля (ст. 4) дает понять, что данный инструмент в борьбе с коррупцией может стать эффективным элементом и дать толчок активной работе в этом направлении. Гражданам в составе различных общественных структур дается право проводить проверки, анализ и оценку на законных основаниях[1].

Также в законе отдельно раскрываются права и обязанности субъектов общественного контроля (ст. 10), которые, на наш взгляд, представлены довольно широко и помогут позволить общественным структурам в какой-то мере следить за соблюдением закона. Тому подтверждение полученное право на запрос необходимой информации, на посещение органов государственной власти, на подготовку и направле-

ние в органы власти результатов проверки, обращаться в суд в защиту неопределенного круга лиц.

Перечисленные права субъектов общественного контроля составляют серьезную правовую основу для ведения борьбы с коррупционными проявлениями как на федеральном, так и местном уровне.

5 апреля 2013 года был принят Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Данный закон содержит отдельные положения, регламентирующие участие граждан и общественных объединений, данные положения, стоит заметить, в полной мере содержат механизм реализации вышеуказанных прав. Например, обращение физического лица равно как и средств массовой информации о наличии признаков нарушения закупочного законодательства может послужить основанием для внеплановой проверки заказчика закупки контрольным органом (п. 15 ст. 99). Результатом таких обращений может стать привлечение участников закупки к административной ответственности и даже признание уже проведенной закупки недействительной по решению суда (п. 22 ст. 99).

Отдельные положения закрепляют обязанность органов власти обеспечить возможность осуществления общественного контроля гражданами и общественными объединениями (п. 1 ст. 102). Особенно хочется отметить перечень прав, предоставленных вышеуказанным субъектам контроля, среди которых можно выделить право на подготовку предложений о совершенствовании законодательства в сфере закупок.

Стоит подчеркнуть, что каждая из форм общественного контроля является необходимой для противодействия коррупции и приносит свою пользу. Особое внимание следует уделить общественному мониторингу, то есть «систематическому наблюдению со стороны субъектов общественного контроля за соответствием общественным интересам деятельности объектов общественного контроля» (ст. 19). Для осуществления данной формы общественного контроля обязательным условием является наличие полной и, что важно, достоверной информации о деятельности объектов общественного контроля. Прозрачность и открытость решений и действий властей всех уровней - это принципы, без которых

добиться снижения коррупции в России не представляется возможным.

Другой формой общественного контроля является общественная проверка, которая заключается в сборе и анализе информации, касающейся деятельности объектов общественного контроля, а также проверке конкретных фактов и обстоятельств. Результатом такой проверки может быть направление итогового документа в адрес руководителя объекта проверки и размещение информации в сети Интернет (ст. 20) [2].

Еще одной формой общественного контроля являются Общественные (публичные) слушания, которые проводятся посредством собрания граждан по инициативе субъекта общественного контроля, на котором подвергается обсуждению деятельность органов государственной власти (ст. 25).

Вместе с тем субъектами общественного контроля признаются общественные палаты РФ, субъектов, муниципальных образований и общественные советы при органах власти (ст. 9), функции которых закреплены в Федеральном законе от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации».

Представляется, что одной из ключевых функций и формы реализации общественной контроля для общественной палаты будет являться вышеуказанная экспертиза. Данным законом закреплен перечень нормативных правовых документов, в отношении которых Общественной палатой может осуществляться общественная экспертиза, в число которых входят как проекты федеральных законов, так и нормативных правовых актов органов местного самоуправления (ст. 18).

Однако заключения Общественной палаты по результатам общественных экспертиз, хотя и подлежат обязательному рассмотрению соответствующими органами государственной власти и местного самоуправления, но являются по своему статусу рекомендательными. Закон не обязывает органы власти давать мотивированный ответ в случае неприятия высказанных замечаний, предложений (ст. 19).

В то же время органы власти обязаны оказывать содействие членам Общественной палаты в исполнении ими полномочий (ст. 25).

В данном случае, думается, что в целях повышения эффективности проведения общественных экспертиз в ст. 19 Федерального закона от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» следует добавить пункт 7 и изложить его в следующей редакции: «После рассмотрения в Общественную палату, направившую заключение по результатам общественной экспертизы, в 30-дневный срок направляется мотивированный ответ, в котором отражается учет результатов общественной экспертизы и (или) причины несогласия с изложенными в заключении фактами».

Рассматривая вышеуказанные законодательные меры по введению в механизм противодействия коррупции институты гражданского общества можно сделать вывод о том, что общественный контроль в будущем может стать одним из ключевых элементов этого механизма, однако вышеуказанные меры на сегодняшний день не в полной мере гарантируют качественное и прозрачное функционирование органов власти [3].

Сформированная правовая база требует улучшений, которые позволили бы повысить масштабы участия гражданского населения в борьбе с коррупцией и эффективность такого участия. Тем более, что законодатель обозначил направление по созданию механизмов общественного контроля за деятельностью органов власти, а также их взаимодействие с субъектами общественного контроля одним из основных в антикоррупционной политике (ст. 7 Закона о противодействии коррупции).

Анализ приведенных правовых норм показал, что в некоторые аспекты требуется внести дополнения.

Учитывая изложенное, справедливо будет отметить, что законодательство, регулирующее общественный контроль за деятельностью органов власти еще довольно молодое, но имеет большие перспективы развития и со временем может занять одно из ключевых мест в государственном механизме противодействия коррупции. Не стоит забывать, что народ – единственный источник власти в Российской Федерации (ст. 3 Конституции РФ).

При этом стоит отметить, что законодательного определения институтов гражданского общества сегодня нет.

Вместе с тем в настоящее время существуют определенные риски при взаимодействии государственных структур и общественных объединений, это когда последние получают государственную финансовую поддержку, из «антикоррупционных» они могут перейти в статус «коррупционных» и использовать свои ресурсы в пользу конкретных лиц, интересы которых противоречат общественным [4].

В данном случае, на мой взгляд, целесообразно на законодательном уровне ввести критерии оценки эффективности общественных объединений, которые будут отображаться в специальном реестре таких общественных объединений и учитываться при рассмотрении заявки на получение государственной финансовой поддержки. Среди критериев оценки могут быть использованы такие показатели как деловая репутация, отсутствие конфликта интересов и др.

Также для успешного взаимодействия в частности органов прокуратуры и общественных объединений существует проблема низкого уровня правовой культуры в обществе, которая оказывает негативное воздействие и на эффективность общественного контроля.

На данный момент, в Российской Федерации это вряд ли реализуемо, поскольку уровень взаимодействия между властью и народом находится на достаточно низком уровне, а приоритетом является именно борьба с последствиями, а не причинами коррупции.

Бесспорно, целенаправленные консолидированные усилия общества и органов власти правового государства по противодействию коррупции принесут должный результат.

Таким образом, в настоящее время институт взаимодействия государственных структур и гражданского общества находится в начале пути становления. Для эффективного и своевременного реагирования на проявления коррупции, ее предупреждения, необходимо совершенствовать законодательную базу, предусмотреть инструменты мотивации граждан. Перспективы такого взаимодействия уже просматриваются сегодня, приведенные в исследовании примеры тому подтверждение.

Пристатейный библиографический список

1. Потапова Л.А., Профилактика коррупционного поведения в молодежной среде: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. - Москва: Просвещение, 2020. - 237с. - Текст: непосредственный.
2. Спектор Е.И., Коррупционные правонарушения: проблемные вопросы юридической квалификации // Журнал российского права. - 2015. - № 8. - 224 с. - Текст: непосредственный.
3. Симонова М.А. Современные технологии взаимодействия гражданского общества и государства в условиях демократизации российского общества // Человеческий капитал. - 2014. - № 2 (62). - С. 68-71. - Текст: непосредственный.
4. Изюмов И.В., Правовые формы противодействия коррупции в системе образования // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 5 (144). - С.381-382.

КИЛЬСЕНБАЕВА Дарья Геннадьевна

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

ВАЛИТОВА Ника Эдуардовна

кандидат политических наук, доцент кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета

ОСВЕЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕГИОНА СРЕДСТВАМИ РЕКЛАМЫ И СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

В данной статье проанализирована деятельность Правительства Республики Башкортостан, связанная с взаимоотношениями со средствами массовой информации в современных условиях.

Ключевые слова: СМИ, реклама, связи с общественностью, правительство, регион.

KILSENBAEVA Darya Gennadjevna

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

VALITOVA Nika Eduardovna

Ph.D. in political science, associate professor of Social and political communications sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

COVERAGE OF THE ACTIVITIES OF THE REGIONAL GOVERNMENT BY MEANS OF ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

This article analyzes the activities of the Government of the Republic of Bashkortostan related to the organization of mass media and Internet media in modern conditions. Today, the role of the media in the conditions that reality dictates to us occupies one of the dominant roles in the political background. In this paper, we will also talk about the work of the media on the example of a specific region.

Keywords: mass media, advertising, public relations, government, region.

Современные средства массовой информации довольно часто провозглашаются четвертой властью, хотя дискуссии на эту тему не привели к общему знаменателю и по сей день.

В любом случае, то, что СМИ занимают позицию отдельного и самостоятельного института – сказать достаточно сложно, ведь нередко, информация, которая предоставляется обывателю, является тем файлом, который представляется государством [2].

В настоящей статье рассмотрим деятельность Правительства Республики Башкортостан в области рекламы и связей с общественностью. В текущих политических условиях информация, транслируемая в СМИ, должна быть разнообразной по видам, темам, авторам, позициям, с тем чтобы отразить происходящее всесторонне, с необходимой глубиной. Представление различных мнений в СМИ является гарантией защиты от манипулирования сознанием и поведением аудитории, формирования общественного мнения в интересах СМИ.

В связи с тем, что современное общество, а в особенности, молодое поколение в данный момент много времени проводят в интернете, возникает некоторая проблема в организации контроля за СМИ со стороны органов государственной власти.

На основе Отчета о результатах деятельности Правительства Республики Башкортостан в 2019 году [1], проанализируем его работу в области выстраивания взаимоотношения со СМИ.

Целью деятельности Правительства Республики Башкортостан в сфере развития взаимоотношений со средствами массовой коммуникации является их сохранение и развитие для своевременного и эффективного освещения реализации их функций и полномочий, реализации прав граждан на получение сведений и обмена информацией.

Освоение интернет-пространства позволило средствам массовой информации республики повысить уровень информированности населения и получить инструмент для формирования общественного мнения и продвижения позиций региона в мировом информационном пространстве.

В сфере развития печатных и интернет-СМИ большое внимание уделялось внедрению мультимедийных проектов в процессе создания информационного продукта, модернизации сайтов печатных средств массовой информации. Высокие значения зафиксированы по индикатору «Количество просмотров интернет-ресурсов государственных средств массовой информации на 1000 человек населения Республики Башкортостан в год»: превышение планового значения составило более 35,0 %. Выше планового значения также составило значение показателя «Общий тираж единиц информации государственных печатных средств массовой коммуникации на 1000 человек населения в год», что обусловлено развитием розничной продажи республиканских газет и журналов, выпуска нового издания «Эксперт Башкортостана». В целях обеспечения конкурентоспособности республиканских средств массовой коммуникации планомерно велась работа по созданию новых медиапродуктов в интернет-среде. За 4 года (с 2015 по 2019 год) общее количество просмотров Интернет-ресурсов республиканских средств массовой коммуникации выросло с 36,0 млн до 114,4 млн в год.

В 2019 году интернет-ресурсы государственных средств массовой коммуникации Республики Башкортостан привлекли на 42,0 % больше аудитории по сравнению с предыдущим годом. В целях предотвращения отставания от общероссийских показателей в Республике Башкортостан в 2019 году предприняты меры по созданию новых печатных медиапродуктов и увеличению продаж через сети розничной торговли.

По итогам 2019 года печатные средства массовой информации увеличили на 23,0 % средние разовый тираж по сравнению с 2018 годом (с 289,7 тыс. экземпляров до 358,0 тыс. экземпляров).

Государственные средства массовой коммуникации в 2019 году на постоянной основе информировали население о важных общественно-политических и культурных мероприятиях. Так, важное место в информационной повестке 2019 года заняли Послание Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию Российской Федерации, Послание Главы Республики Башкортостан Государственному Собра-

нию - Курултаю Республики Башкортостан, выборы Главы Республики Башкортостан, реализация национальных проектов, Год театра в Российской Федерации. Осуществлено освещение знаменательных дат для республики: 100-летие Республики Башкортостан, 100-летие народного поэта Мустая Карима, 100-летие театра имени Мажита Гафури, 53 летние Международные детские игры, а также масштабные мероприятия делового календаря республики (открытие представительства Республики Башкортостан в г. Вене, первый инвестиционный форум «Башкортостан зовет», Всероссийский инвестиционный сабантуй «Зауралье-2019» и др.). Широко освещались республиканские, всероссийские, зарубежные мероприятия (IV Международный фестиваль искусств «Сердце Евразии», Международный фестиваль Ильдара Абдразакова, Международный фестиваль балетного искусства им. Р. Нуреева и др.).

Особая роль была отведена освещению хода реализации национальных проектов Российской Федерации и региональных проектов. В 2019 году на сайтах печатных и электронных СМИ, в социальных сетях было размещено более 67,0 тыс. материалов, на телеканале БСТ подготовлено порядка 300 сюжетов, в эфире новостных программ радиоканалов «Юлаш», «Спутник ФМ» размещено 700 сюжетов, в различных программах подготовлены 665 передач на данную тему.

В целях обеспечения жителей республики качественным региональным и местным контентом в 2019 году в составе государственного унитарного предприятия Телерадиовещательная компания «Башкортостан» Республики Башкортостан начал вещание телеканал «Саям». Организовано распространение в составе телеканала АНО «Общественное телевидение России» оригинальной аудиовизуальной продукции ГУП ТРК «Башкортостан» РБ. В 2019 году Республика Башкортостан в соответствии с федеральной целевой программой «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации» перешла на цифровое вещание федеральных телеканалов и вошла в число лучших субъектов Российской Федерации. Подключиться к цифровому телевидению населению республики помогли около 4,0 тысяч волонтеров. Помощь в настройке оборудования была оказана 35,0 тыс. граждан. Решением Правительства Республики Башкортостан была оказана адресная материальная помощь малоимущим категориям граждан. Адресная помощь в виде установки спутниковых тарелок оказана более 5500 домохозяйствам. В виде компенсации за приобретенные цифровые приставки помощь оказана более 1700 гражданам.

В текущем году средства массовой информации в период с 4 по 30 апреля обеспечивали свое функционирование для проведения оперативного информирования населения о мерах, принимаемых в рамках борьбы с новой коронавирусной инфекцией, доведения до населения достоверной информации о текущей ситуации с распространением новой коронавирусной инфекции на территории региона.

Информационно-разъяснительная работа с населением по данному направлению ведется по всем каналам доставки информации: газеты, радио, телевидение, интернет-сайты, социальные сети. Средства массовой информации Республики Башкортостан охватывают различные целевые аудитории. По предварительным данным, в печатных СМИ размещено около 8000 тематических материалов, на новостной ленте Информационного агентства «Башинформ» - 2100 информационных материалов, Телерадиокомпанией «Башкортостан» подготовлено 1217 сюжетов, ГУП ТРК «Башкортостан» РБ - 900 сюжетов.

На главных страницах официальных сайтов СМИ также созданы специальные разделы, посвященные вопросам противодействия распространению коронавируса. Так, трафик на сайты агентства «Башинформ» вырос в 2,5 раза. В рамках борьбы с новой коронавирусной инфекцией проведены социальные кампании, в ходе которых размещены баннеры с социальной рекламой на 290 отдельно стоящих рекламных конструкциях на территории Республики Башкортостан. Несмотря на субсидирование СМИ, в условиях принятых ограничительных мер организации сферы СМИ и полиграфии оказались в сложной финансовой ситуации. Снижение выручки наблюдается по всем видам деятельности. Так, в ян-

варе-мае 2020 года выручка организаций снизилась к аналогичному периоду прошлого года на 46 млн рублей (на 14 %).

Приоритетными задачами в 2022 году в сфере СМИ, в том числе по повышению устойчивости экономики Республики Башкортостан в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, являются:

- информационное сопровождение масштабных федеральных и региональных событий: 75-летие Великой Победы, Общероссийское голосование по поправкам к Конституции Российской Федерации, Всероссийская перепись населения;
- обеспечение эффективного информирования населения о деятельности федеральных и региональных органов государственной власти, направленной на реализацию национальных проектов;
- сохранение работоспособности организаций сферы СМИ;
- реализация информационной кампании «Дети Башкирии - счастье»;
- реформа государственных средств массовой коммуникации Республики Башкортостан в целях формирования эффективной системы управления созданием конкурентных информационных продуктов в республиканских средствах массовой коммуникации;
- создание на базе республиканского Дома Печати многофункционального, отвечающего современным требованиям медиацентра.

Имидж Республики целиком и полностью зависит от позиционирования деятельности на всероссийской и международной арене. В условиях, которые нам диктует время, очень важно вести работу не только качественно, но и тщательно соблюдая временной регламент. СМИ РБ остаются на чеку даже тогда, когда коронавирусная инфекция отступает. Журналисты, корреспонденты, работники печатной прессы Республики освещают деятельность региона, а также транслируют темы дня, к примеру, свежие данные о спецоперации в Украине, индексации пенсионных выплат и наличие продуктов в магазинах. Все это дает не только оценку уровня СМИ в Республики, но и показывает «диалог» между гражданами и государством, что позитивно влияет не только на жителей, но и на общую атмосферу в Республике.

Пристатейный библиографический список

1. Отчета о результатах деятельности Правительства Республики Башкортостан в 2019 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravitelstvorb.ru/ru/government/reports.php> (дата обращения: 30.10.2021).
2. Емельянов С. М. Теория и практика связей с общественностью. Учебное пособие для академического бакалавриата. - М.: Юрайт, 2018. - 198 с.
3. Ахметов Т. Р., Валитова Н. Э., Габдрахманова Л. Н., Якупова Г. А. Основные факторы эффективно-управления органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов (на примере города Уфы) // Экономика и управление: научный-практический журнал. - 2021. - № 4 (160). - С. 158-161.
4. Гареев Э. С., Костылева Е. Г., Грогуленко Н. В., Валитова Н. Э. Оценка межнациональных проблем в Республике Башкортостан. В сборнике: Межэтнические столкновения в политкультурной студенческой среде и пути их разрешения. // Сборник трудов конференции посвященной 71-й годовщине победы в Великой Отечественной войне. - 2016. - С. 103-108.
5. Гареев Э. С., Костылева Е. Г., Гасимова Л. Ф. К проблеме информационно-коммуникационного взаимодействия пресс-служб органов исполнительной власти Республики Башкортостан со средствами массовой информации // Евразийский юридический журнал. - 2017. - № 10 (113). - С. 319-320.
6. Дорожкин Ю. Н., Гареев Э. С., Козлова Ю. Б., Костылева Е. Г. Социология массовой коммуникации. - Уфа, 2005.

ФАРХУТДИНОВА Ильнара Рафкатовна

кандидат политических наук, преподаватель кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГАЛИМОВ Эрик Энгелевич

преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, майор полиции

ВЫБОРЫ В ГОСДУМУ 2021: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена актуальной теме на сегодняшний день, выборы в Государственную Думу восьмого созыва, которые прошли 17-19 сентября 2021 года в условиях продолжающейся эпидемии COVID-19. На территории Российской Федерации и Республике Башкортостан: на федеральном уровне пятипроцентный барьер прошли пять партий на региональном уровне три партии.

Ключевые слова: выборы, Федеральное Собрание, Республика Башкортостан, партийные списки, депутаты, COVID-19.

FAKHRUTDINOVA Ilnara Rafkatovna

Ph.D. in political sciences, professor of Social and political communications sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

GALIMOV Eric Engelevich

lecturer of Special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, major of police

STATE DUMA ELECTIONS 2021: REGIONAL ASPECT

The article is devoted to a topical topic today, the elections to the State Duma of the eighth convocation, which took place on September 17-19, 2021 in the context of the ongoing COVID-19 epidemic. On the territory of the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan: five parties have passed the five percent barrier at the federal level and three parties at the regional level.

Keywords: elections, Federal Assembly, Republic of Bashkortostan, party lists, deputies, COVID-19.

Выборы прошли 17-19 сентября 2021 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва, ставшим важным этапом в формировании партийной и политической системы в России. Они проходили по смешанной избирательной системе 450 депутатов: по партийным спискам – 225 депутатов и одномандатным округам – 225 депутатов.

Прежде чем приступить к обсуждению парламентских выборов, необходимо выделить их особенности, тенденции, направления и векторы работы, главных действующих лиц политического процесса. На данный момент, на избирательный цикл влияют внешние факторы, такие как финансовый кризис, неопределенность в будущем, пандемия, все это влияет на настроение людей. Пандемия коронавируса COVID-19 внесла согласованные коррективы во все сферы жизни общества, выборы и политическая жизнь общества, конечно же, не остались в стороне. Это дало толчок к пересмотру подходов политических акторов к созданию благоприятного сотрудничества с электоратом, что привело к желанию улучшить интернет-коммуникации партий в связи с объективно выраженным усилением влияния цифровых коммуникаций на политическое участие. Проанализировав состав потенциальных кандидатов, зарегистрировавшихся для участия в праймериз партии «Единая Россия», он демонстрирует наличие среди них лиц, которые прямо или косвенно имели активное отношение к преодолению последствий пандемии (волонтеры, врачи и т.д.).[3, 91-93]. Тема борьбы с пандемией и преодоления ее последствий стала главной темой избирательной кампании 2021 года, определяя содержательную составляющую межпартийного диалога в ходе предвыборной конкуренции, в которой наиболее позитивно проявили себя действующие лица в период самоизоляции и сумели адаптироваться к новым условиям, требующим активизация он-

лайн-практик во взаимодействии с избирателями. Это имеет большое преимущество.

Во время пандемии в обществе возникают кризисные явления: падение уровня жизни, безработица, инфляция, низкие доходы населения – все это приводит к росту усталости населения. Социальный протест пока не перешел в политическую плоскость, но напряжение продолжает нарастать, и назревают протестные настроения, не трансформируясь в потребность в общении с властью и государством. В предвыборном контексте это говорит о том, что речь идет не столько о проблемах самой демократии, сколько о нарушении принципов коммуникации в рамках федерального и регионального публичного пространства. Партийные симпатии граждан практически не изменились, большая часть общества в принципе остается деполитизированной. Но ухудшение социального самочувствия все это приводит к росту напряженности, которая зреет у избирателей, но не находит выхода в общественном поле.

В выборах 2021 г. приняло участие 14 политических партий такие как «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия – Патриоты – За правду», «Новые люди», «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость», «Яблоко», «Коммунисты России», «Российская экологическая партия «Зеленые»», «Родина», «Российская партия свободы и справедливости», «Зеленая альтернатива», «Партия Роста», «Гражданская платформа».

По результатам выборов 2021 года пятипроцентный барьер преодолели 5 партий: «Единая Россия» - 49,82 %, КПРФ - 18,93 %, ЛДПР - 7,55 %, «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» - 7,46 %, «Новые люди» - 5,32 %. «Единая Россия» сохранила конституционное большинство, получив 324 места. КПРФ получила 57 мест, СП - 27, ЛДПР - 21, «Новые люди» - 13 мест. Также получили по одному мандату кан-

дидаты от «Партии Роста», «Родины» и «Гражданской платформы».

Такие партии, как «КПРФ», «ЛДПР», «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» входят в состав парламентской оппозиции, являются и выступают в качестве левых партий и в разрез с партией власти имеют открытую систему партийного рекрутирования. Данные партии имеют постоянную поддержку со стороны избирателей. За две недели до выборов в Государственную думу рейтинг партий, по данным ВЦИОМ выглядел так, «Единая Россия» - 32,8%, КПРФ - 18,1%, ЛДПР - 10,2%; «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» - 7,05% [4, 84]. Можно отметить, что эти три левые партии имеют сложные межличностные отношения, так как являются именно политическими конкурентами на левом фланге. Партия КПРФ видит в «Справедливой России» главного конкурента, который перетягивает голоса избирателей в пользу партии власти. Параллельно с этим, партия «Справедливая Россия» с 2006 года работает над тем, что делает попытки обрести свою политическую субъектность и стать лидером среди левых патриотических сил. 20 января 2021 г. лидер партии С. Миронов заявил о том, что партия «Справедливая Россия» объединяется с партиями «За правду» и «Патриоты России» и «укрупнении на левом фланге всех левых патриотических сил в преддверии выборов в Госдуму» [1].

Выборы 2021 в Республике Башкортостан были многоуровневыми, и это была их главная особенность. Параллельно с выборами депутатов Государственной Думы восьмого созыва в единый день голосования 17-19 сентября прошли дополнительные выборы депутатов Госсовета — Курултая РБ в трех избирательных округах. Также прошли выборы депутатов совета городского округа город Уфа. Другие особенности избирательного процесса связаны с нововведениями. В первую очередь, изменения в законодательстве о выборах, касающиеся выдвижения и сбора подписей в поддержку выдвижения кандидатов, указания определенных сведений в избирательных документах, борьбы с влиянием на ход и результаты выборов извне, внедрения дистанционного электронного голосования и др., и, конечно, многодневное голосование.

Агитационная кампания кандидатов и партий, которые участвовали в выборах вправе получать бесплатное эфирное время на каналах государственного телевидения и бесплатную печатную площадь на страницах государственных периодических печатных изданий. На территории республики в бесплатной агитации кандидатов и партий было задействовано свыше 100 государственных средств массовой информации. Это теле- и радиопрограммы филиала российского телевидения и радио — «Россия-1», «Россия-24», «Вести ФМ», «Маяк», «Радио России», а также теле- и радиопрограммы республиканской организации телерадиовещания — такие, как «БСТ», радио «Спутник ФМ» и «Юлдаш» [2, 26-27]. А также, политические партии и кандидаты получили бесплатную печатную площадь в региональных государственных периодических печатных изданиях — во всех районных и городских газетах. В целом государственные СМИ — достаточно эффективный канал информирования о кандидатах и партиях, их предвыборных программах.

Голосование проходило в помещениях для голосования, а кто по уважительной причине не смог прийти в помещение для голосования, было организовано голосование на дому. На предыдущих выборах, избиратели, проживающие или находящиеся в день голосования не по месту регистрации, могли воспользоваться механизмом «мобильный избира-

тель». Но в голосовании есть особенности, продиктованные современной эпидемиологической ситуацией. Голосование проходит в течение трех дней — 17, 18 и 19 сентября. Кроме того, 17 и 18 сентября были использованы дополнительные возможности голосования для групп избирателей, которые проживают в населенных пунктах, где отсутствуют помещения для голосования, и транспортное сообщение с которыми затруднено. В помещениях для голосования и при проведении голосования на дому были приняты меры по профилактике рисков, связанных с распространением коронавирусной инфекции. Избирательными комиссиями при проведении выборов были использованы индивидуальные средства защиты: одноразовые маски, перчатки, медицинские одноразовые халаты. Кроме того, на избирательных участках столы членов комиссий были снабжены защитными (мобильными) экранами. У членов комиссий также были защитные пластиковые экраны для лица. Для соблюдения мер санитарной безопасности избиратели были обеспечены одноразовыми масками и перчатками, а также индивидуальными ручками. В помещениях для голосования предусмотрены места с антисептиками для дезинфекции рук. Специальные линии-указатели помогли обеспечить бесконтактное передвижение участников голосования и соблюдение санитарной дистанции (1,5 метра между людьми).

В Башкортостане пятипроцентный барьер преодолели, такие партии, как «Единая Россия», КПРФ и ЛДПР, преодолели только три партии. Согласно опросам избирателей на выходе с участков, «Единая Россия» получила 69% голосов, КПРФ — 16,7%, ЛДПР — 8,4%.

Таким образом, в результате выборов восьмого созыва, состоявшихся на территории Республики Башкортостан, по партийным спискам от «Единой России» в Госдуму прошли Римма Утяшева, Наталья Орлова, Владимир Сенин, Ирина Панькина, Ризван Курбанов и Рима Баталова. Пять представителей партии власти победили в одномандатных округах — Эльвира Айткулова, Динар Гильмутдинов, Павел Качкаев, Зариф Байгускаров и Рафаэль Марданшин.

Пристатейный библиографический список

1. Герейханова А. Миронов подтвердил объединение «Справедливой России» с двумя партиями // Российская газета, 20.01.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/01/20/mironovpodtverdil-obedinenie-spravedlivoj-rossii-sdvumia-partiiami.html> [Gerejhanova, A. Mironov podtverdil ob#edinenie «Spravedlivoj Rossii» s dvumja partijami (Mironov has Confirmed the Unification of «Just Russia» with Two Parties) // Rossijskaja gazeta. 20.01.2021. [Electronic recourse]. – Mode of access: <https://rg.ru/2021/01/20/mironov-podtverdilobedinenie-spravedlivoj-rossii-sdvumiapartiiami.html>
2. Губайдуллина Р. Особенности проведения выборов в республике в 2021 году // Ватандаш. 2021. № 8. С. 17-27.
3. Ежов Д.А. Выборы депутатов Государственной думы Российской Федерации восьмого созыва: тенденции и прогнозы // Власть. 2021. № 3. С. 91-93.
4. Ежов Д.А. Политические партии накануне парламентских выборов — 2021: стартовые позиции и электоральные перспективы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 4. С. 83-91.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-446-447

ФАДЕЕВ Кирилл Владимирович

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и связей с общественностью Башкирского государственного университета

ИСЛАМОВА Лира Ильверовна

магистрант кафедры политологии и связей с общественностью Башкирского государственного университета

КАНТЮКОВА Аделина Руслановна

магистрант кафедры политологии и связей с общественностью Башкирского государственного университета

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАНТА СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена выявлению и рассмотрению основной внешнеполитической причины, предопределяющей необходимость стратегического преобразования молодёжной политики Российской Федерации на современном этапе. Подвергается аналитическому обзору антагонистическая позиция американской молодёжи относительно России, вызвавшая зеркальную и, вместе с тем, асимметричную ответную реакцию современного молодого поколения россиян. Обосновывается предложение по формированию интеграционной политической идеологии в рамках международной молодёжной политики стран-участниц ШОС и БРИКС, основа которой состоит в развитии многополярных отношений на мировой арене.

Ключевые слова: Россия, США, молодёжь, молодёжная политика, однополярность, многополярные отношения, ШОС, БРИКС.

FADEEV Kirill Vladimirovich

Ph.D. in political sciences, associate professor of Political science and public relations sub-faculty of the Bashkir State University

ISLAMOVA Lira Ilverovna

magister student of Political science and public relations sub-faculty of the Bashkir State University

KANTYUKOVA Adelina Ruslanovna

magister student of Political science and public relations sub-faculty of the Bashkir State University

THE FOREIGN POLICY DETERMINANT OF THE STRATEGIC TRANSFORMATION OF YOUTH POLICY IN MODERN RUSSIA

The article is devoted to the identification and consideration of the main foreign policy problem that determines the need for a strategic transformation of the youth policy of the Russian Federation at the present stage. The antagonistic position of American youth in relation to Russia is subjected to an analytical review, which caused a severe and, at the same time, an asymmetric response of the modern young generation of Russians. The paper substantiates a proposal for the formation of an integration political ideology within the framework of the international youth policy of the SCO and BRICS member countries, the basis of which is the development of multipolar relations on the world stage.

Keywords: Russia, USA, youth, youth policy, unipolarity, multipolar relations, SCO, BRICS.

На первичной стадии аналитического описания какой-либо научно-исследовательской проблемы предполагается констатация степени её актуальности как в целостном понимании, так и с точки зрения рассмотрения конкретной предметной области обозначенной проблематики. Необходимость осуществления настоящей теоретической процедуры предопределяется концентрацией внимания читателя на уровне актуализации заявленной тематики.

В случае с обзором вопросов современной внешнеполитической обстановки, сложившейся для Российского государства применительно к развитию отношений с Соединёнными Штатами Америки и Европейским Союзом реализация данного процедурного момента представляется нецелесообразной. Отсутствие такой необходимости обуславливается крайней очевидностью текущего момента, ярко выраженной атрибутивной составляющей которого выступает крайняя

форма антагонизма двух сторон, выраженная в отказе американскими и западноевропейскими партнёрами реализации поисков путей урегулирования столь масштабного конфликта на взаимовыгодной основе с целью нивелирования ярко выраженной конфронтации на международной арене, а также естественное и логически выверенное нежелание российской стороны решать существующие вопросы исключительно на условиях Запада, в рамках которых предопределяющей чертой служит молчаливое согласие на игнорирование мнения руководства России в этом процессе.

Для всего мирового сообщества достаточно очевидным является тот факт, что начало поэтапного развития отношений подобного рода было положено мюнхенской речью В. В. Путина, произнесённую Президентом страны в 2006 году,

Фадеев К. В.

Исламова Л. И.

Кантюкова А. Р.

в которой Глава Российской Федерации справедливую потребность для государств всего мира к переходу от однополярности мирового сотрудничества, ключевым компонентом фундаментальной основы которых служат интересы США, к многополярным равноправным партнёрским отношениям, предусматривающим справедливое решение глобальных задач любой отрасли в интересах всех участников данного взаимодействия¹. Естественное несогласие американской стороны с данным заявлением вызвало очевидную соответствующую реакцию, которая культивировалась на протяжении 15 лет и к сегодняшнему дню достигла точки наивысшей реакционности.

В этом контексте научно-исследовательское внимание привлекает проблема состояния молодёжной политики нашей страны, перспективы её совершенствования и реализации. Но наиболее значимым моментом, отвечающим внешнеполитическим потребностям текущего положения на международной арене, представляется изучение трансформационной направленности преобразования внутрикоммуникационной среды молодого поколения россиян с точки зрения её соответствия видоизменяющемуся и содержательно перестраиваемому курсу внешней политики современной России.

Нельзя не учесть того обстоятельства, что немаловажный интерес в этой сфере исследования также представляет ситуация, сложившаяся в молодёжной политике Соединённых Штатов Америки и в самой сфере коммуникации молодых американцев в свете происходящих событий.

А. О. Кутын в своих научных изысканиях констатирует минимальное участие органов государственной власти США в формировании молодёжной повестки, объясняя это тем фактом, что этот процесс осуществляется преимущественно благотворительными организациями частного сектора социальных отраслей страны. Вместе с тем, в публикации автора достаточно ярко прослеживается противоречие, в соответствии с которым Кутын раскрывает специфику построения стратегии молодёжной политики американцев. При ключевом участии образовательных организаций каждого штата составляется программа совершенствования приоритетных направлений развития молодёжной среды каждого территориального субъекта США. Из данных сегментов выстраивается целостная стратегия работы с американской молодёжью, которая реализуется через учебные заведения, спортивные и церковные институты, а также политические организации [1].

Из настоящих умозаключений вырисовывается целая картина системной сетевой воспитательной работы Американского государства по идеологическому формированию политического сознания молодых граждан Соединённых Штатов, которая якобы проводится ненавязчиво, выдаётся за крайне деполитизированную и без участия руководства страны, но, как видно из вышеизложенного, при ключевой серокардинальской роли Белого дома, использующего для этих целей частные воспитательные и образовательные институты, возлагающего, таким образом, на них всю ответственность за идеологическую подготовку американской молодёжи. Специфичность такой систематизированной работы американской государственной власти можно идентифицировать с внешней агрессивной политикой США на международной арене. Ярким примером тому служит жестокая атака Вооружённых Сил Франции территории Ливийского государства по, что вполне очевидно, указанию Пентагона, но вне участия американской армии и, следовательно, вне ответственности Америки.

К настоящему моменту идеологическая работа в молодёжной среде Соединённых Штатов заключается в воспитании крайней формы ненависти, коррелирующей с жестокостью в отношении к Российской Федерации, много-

национальному народу России в целом и всему тому, что непосредственно или опосредованно связано с нашим государством².

Ответная реакция многочисленной представительской массы российской молодёжной среды, и даже тех, кто по разным причинам до этого момента пребывал в состоянии крайней аполитичности [2, с. 389], свидетельствует о том, что молодое поколение россиян настроено крайне патриотично и готово в ближайшей или отдалённой (в зависимости от возраста) перспективе непосредственно отстаивать ключевые позиции и интересы Российского государства в плоскости международных отношений³, а также внешнеполитический курс по переходу к многополярному партнёрскому сотрудничеству на мировой арене, заданному действующим руководством нашей страны.

Вместе с тем, в условиях продолжающейся мировой глобализации всевозрастающую роль играют международные объединения, нежели отдельные государства. В связи с данным фактом возникает потребность разработки и внедрения идеологических ориентиров межгосударственной молодёжной политики Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС, но основе которой возможно воспитание и развитие личности, стремящейся к коммуникации на интегративных началах прагматичного и рационального мультипатриотизма. Этот процесс отличается долгосрочностью и поступательностью с точки зрения приобщения к нему молодого поколения стран ШОС и БРИКС как полноценного участника данной интеграции и консолидации усилий вокруг решения проблемы перехода от однополярности, диктуемой США, к многополярному равноправному партнёрству.

Реализация подобной политической идеологии в рамках международной молодёжной политики стран-участниц ШОС и БРИКС сыграет максимально продуктивную роль в формировании соответствующего политического сознания представителей молодого поколения государств-участников Содружества и Союза пяти, соответственно, в повышении уровня политической культуры молодых граждан в направлении, ориентирующем на продуктивность упрочнения и развития международной коммуникации в поле деятельности данных коалиций, направленной на повышение конкурентоспособности мировым объединениям, являющихся сторонниками однополярного миропорядка, во всех отраслях сотрудничества с поэтапным выходом на лидирующие позиции ШОС и БРИКС в этом вопросе и аргументированно обуславливающее победу идеологии равнозначных партнёрских отношений во всём мире.

Пристатейный библиографический список

1. Кутын А. О. Инновации США в вопросе трудоустройства молодёжи и их имплементации в России // Вестник Евразийской науки. - 2020. - № 4. - Т. 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.esj.today/PDF/14ECVN420.pdf> (дата обращения: 12.11.2020).
2. Фадеев К. В. Специфика изучения проблемы аполитичности в общественной среде через призму концептуально-теоретического анализа // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 10 (149). - С. 388–389.

2 Зубков Р., Лексина Е., Мошкин М. Молодёжь во всём мире программируют на ненависть к России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vz.ru/world/2022/2/10/1142836.html> (дата обращения: 12.04.2022).

3 Королёва У. Тысячи американцев в TikTok призывают к войне с Россией. Российские подростки обвинили американцев в разжигании ненависти к Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ura.news/news/1052531978?ysclid=11vv3y36q6> (дата обращения: 12.04.2022).

1 15 лет мюнхенской речи. Что сбилось из предостережений Путина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tass.ru/politika/13659105?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 11.04.2022).

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич

магистрант Экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

ЭЙДЕМИЛЛЕР Константин Юрьевич

кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры международных гуманитарных связей Санкт-Петербургского государственного университета

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

МАТВЕЕВСКАЯ Анна Сергеевна

кандидат географических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СААМОВ В РОССИИ

В статье рассматриваются правовые аспекты существования саамского народа. Под влиянием различных исторических, политических, экологических и социальных факторов у данного народа на протяжении многих лет возникали проблемы сохранения численности и его развития как отдельного этноса, а также сохранения культурной идентичности. В рамках данной статьи проанализировано правовое регулирование статуса саамского народа, в частности проведена оценка текущего состояния данного процесса.

Ключевые слова: саамы; народ; право; регулирование; идентичность; культура.

SPIRIDONOV Andrei Alekseevich

magister student of the Faculty of Economics of the Saint-Petersburg State University

EIDEMILLER Konstantin Yurjevich

Ph.D. in geographical sciences, senior lecturer of International humanitarian relations sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

ERMOLINA Marina Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor of World politics sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

MATVEEVSKAYA Anna Sergeevna

Ph.D. in geographical sciences, associate professor of World politics sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

LEGAL STATUS OF THE SAMI IN RUSSIA

The article discusses the legal aspects of the existence of the Sami people. Under the influence of various historical, political, environmental and social factors, this people had problems of preserving the number and its development as a separate ethnic group, as well as preserving cultural identity. This article analyzes the legal regulation of the status of the Sami people, in particular the positive and negative factors of this process.

Keywords: Sami; people; law; regulation; identity; culture.

На сегодняшний день на территории отдельных северных стран проживают различные малочисленные коренные народы, в том числе саамы. В России данный народ проживает на территории Кольского полуострова, и его численность составляет 2,5 тыс. человек [1]. При этом мировая численность данного народа составляет примерно 80 тыс. чел. Помимо России, саамы проживают на территориях Норвегии, Швеции и Финляндии.

Саамов отличает особая культурная идентичность, в частности следование уникальным традициям предков, наличие особого устного и музыкального фольклора, а также выделение особого стиля в одежде. При этом саамы имеют внутреннее разделение на подгруппы и различаются между собой в культурных и религиозных аспектах [2]. Кроме того, язык саамов имеет высокую степень неоднородности – на сегодняшний день насчитывается около 10 разных диалектов саамского языка.

В течение длительного времени мировоззрение саамов формировалось на основе различных форм языческих верований (тотемизм, анимизм и фетишизм). На рубеже XV–XVI вв. произошла постепенная христианизация саамов. В результате, на сегодняшний день преобладающая часть саамов является носителями христианских убеждений и ценностей. В России на саамскую этническую самобытность большое влияние оказало активное освоение Кольского полуострова в 20–30-е гг. XX века, которое сопровождалось активной коллективизацией и индустриализацией. При этом совместное ведение хо-

зяйства для саамов является сложным процессом по причине наличия языкового барьера (у подгрупп саамов разные диалекты), а также по причине использования различных методов в рамках ведения хозяйства [3]. Подобные обстоятельства привели к изменению уклада жизни саамов, в результате чего экономическое положение данного народа существенно ухудшилось.

Во второй половине XX века на территориях традиционного проживания саамов возникает ряд экологических проблем, которые связаны с человеческим воздействием на окружающую среду [4]. В частности, в 1970-е годы на территории Кольского полуострова началось строительство новых промышленных предприятий. По этой причине было осуществлено расселение 32 населенных пунктов, в которых саамы составляли этническое большинство. Таким образом, ареал проживания саамов был существенно нарушен, в результате чего большая часть саамов не смогла продолжить заниматься традиционным промыслом [5].

В настоящее время статус саамов как коренного народа закреплён в Уставе Мурманской области. Кроме того, Ловозерский, Ковдорский и Кольский районы Мурманской области официально считаются районами проживания малочисленных народов Севера. В соответствии с российским законодательством принадлежность к саамам привязана к происхождению и должна быть документально подтверждена. На территории указанных районов функционируют Саамские национальные культурные центры, в сферу ответствен-

Таблица 1. Права Саамского собрания

Право распространения информации	Саамское собрание имеет право свободно распространять информацию о своей деятельности
Право осуществления общественной деятельности	Саамское собрание имеет право на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетов
Право получения информации	Саамское собрание имеет право направлять обращения по рассматриваемым вопросам в официальные органы государственной власти
Право защиты интересов	Саамское собрание имеет право на представление и защиту прав и законных интересов участников собрания в органах государственной власти, местного самоуправления и общественных объединениях [7]
Право предоставления помощи	Саамское собрание имеет право на предоставление консультативной помощи для юридических лиц и граждан России в целях реализации проектов в рамках задач Саамского собрания

ности которых входят организация и проведение саамских народных праздников и фестивалей. Кроме того, с 1962 года функционирует музей истории, культуры и быта кольских саамов [6]. Образовательную деятельность также осуществляют саамские школы, в которых представители саамского народа могут получить образование на родном языке. Более того, в отдельных школах Мурманской области ученики могут самостоятельно выбрать саамский язык для дополнительного изучения. Систематически организуются языковые лагеря и дополнительные курсы с целью изучения саамского языка в Апатитах, Мончегорске и Мурманске. Подобным образом государство осуществляет реализацию программ по сохранению и развитию коренных малочисленных народов Севера Мурманской области.

Помимо этого, в ноябре 2014 года в селе Ловозеро был проведен съезд российских саамов, в котором приняли участие 65 делегатов от саамских различных организаций, общественных объединений и общин. По итогам обсуждения было принято решение о создании «Союза российских саамов» с целью объединения всех саамских организаций России в единую структуру. При этом различные саамские организации (Ассоциация Кольских саамов; Общественная организация саамов Мурманской области и др.) продолжают свою деятельность. Основной задачей данных организаций является оказание содействия развитию саамского населения, а также развитие культурного и духовного наследия саамского народа. Кроме того, с целью повышения уровня координации деятельности существующих саамских организаций и их связи с региональной администрацией создан Координационный совет кольских саамов. Основной задачей Совета является принятие решений по избранию представителей саамов на различных форумах, а также по выработке общих рекомендаций по делам саамов.

Саамы также имеют возможность принимать участие в политической жизни страны и региона. Так, в декабре 2010 года было принято решение о создании Саамского парламента Кольского полуострова. Основной задачей парламента являлся контроль за соблюдением прав саамского народа. С ноября 2018 года Саамский парламента Кольского полуострова был упразднен по причине недостаточной эффективности. На сегодняшний день единственным представительным органом саамского народа является Саамское Собрание, состав которого избирается делегатами съезда саамов.

В соответствии с действующим российским законодательством Саамское собрание имеет следующие права (см.: Таблица 1).

Таким образом, текущее правовое положение саамов находится на приемлемом уровне. Саамы имеют парламента и своих представителей в законодательных органах государств. Они обладают широкими правами в сфере культуры и образования. Кроме того, различные правовые вопросы в отношении саамов регулируются конституционно закреплёнными нормами, законами и актами. Однако, несмотря на вышеуказанные позитивные аспекты, саамы сталкиваются с проблемами сохранения языка и культурной идентичности. Современный процесс индустриализации оказывает негативное влияние на традиционный уклад жизни саамов [8], [9]. Решение обозначенных проблем является одной из важных задач в области сохранения этнического разнообразия страны.

Пристатейный библиографический список

1. «Самоопределение» саамов: эталон для всех трансграничных коренных народов? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2017/08/15/samooopredelenie-saamov-etalon-dlya-vseh-transgranichnyh-korennyh-narodov> (дата обращения: 09.03.2022).
2. History and prospects of the Saami issue / K. Yu. Eidemiller, A. B. Gekht, E. A. Samylovskaya [et al.] // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science: International Scientific Round Table “Logistics in the Arctic: problems of international cooperation”, St. Petersburg, 28 ноября 2019 года. – St. Petersburg: IOP Publishing, 2020. – P. 012004.
3. Гехт А. Б., Эйдемиллер К. Ю. Саамы: на пути к формированию политической идентичности // Вестник Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. профессора М. А. Бонч-Бруевича. – 2019. – № 11. – С. 142-147.
4. Попов Д. И., Матвеевская А. С. Проблема соотношения права народов на самоопределение и территориальной целостности государств в современном мире // Неделя науки СПбПУ: Материалы научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 19-24 ноября 2018 года. – Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2019. – С. 337-339.
5. Матвеевская А. С., Погодина В. Л. Характеристика этноориентированных путешествий как специального вида туризма // Особенности развития этнографического туризма в Ленинградской области: сборник материалов I международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 09-10 января 2017 года. – Санкт-Петербург: ООО «НИЦ АРТ», 2017. – С. 78-93.
6. Калинин В. Т., Виноградов А. Н. Раздел 1. Вехи истории. 75 лет научного сопровождения ускоренной урбанизации Мурманска (1930-2005 гг.) // Формирование основ современной стратегии природопользования в Евро-Арктическом регионе. – Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 2005.
7. Музей истории кольских саамов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.ru/M2211> (дата обращения: 09.03.2022).
8. Андреев К. Ю. Правовой статус коренных малочисленных народов в зарубежных странах // Институт научной информации по общественным наукам. – 2006.
9. Ермолина М. А., Крюкова А. В. Международная проблема изменения климата и право граждан на благоприятную окружающую среду // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 7 (134). – С. 184-187.

БОГДАНОВА Юлия Зуфаровна

кандидат филологических наук, доцент Государственного аграрного университета Северного Зауралья

ПЯЛЬЧЕНКОВ Дмитрий Владимирович

кандидат технических наук, начальник управления научных исследований и развития Тюменского индустриального университета

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В ИССЛЕДОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В феврале 2022 года в Белгороде прошел I Международный научный онлайн форум «Научные результаты социологии». В ходе форума зарубежные и российские социологи представили результаты своих исследований в различных отраслях социологического знания. Социологическая наука и практика, затрагивая все стороны жизнедеятельности общества, быстро реагирует на происходящие социальные, экономические и политические изменения.

Ключевые слова: социальные процессы, социальные институты, социология управления, социология молодежи, социология религии.

BOGDANOVA Yuliya Zufarovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of the State Agrarian University of the Northern Trans-Urals

PYALCHENKOV Dmitriy Vladimirovich

Ph.D. in technical sciences, Head of the Department of Scientific Research and Development of the Tyumen Industrial University

SCIENTIFIC RESULTS IN THE STUDY OF MODERN SOCIETY

In February 2022, the 1st International Scientific Online Forum "Scientific Results of Sociology" was held in Belgorod. During the forum, foreign and Russian sociologists presented the results of their research in various branches of sociological knowledge. Sociological science and practice, affecting all aspects of the life of society, quickly responds to ongoing social, economic and political changes.

Keywords: social processes, social institutions, sociology of management, sociology of youth, sociology of religion.

В Белгороде прошел I Международный научный онлайн форум «Научные результаты социологии», в работе которого приняли участие более 100 ученых из Сербии, Словении, Болгарии, Италии, Северной Македонии, Республика Беларусь и Казахстан и 15 российских регионов. В приветственных выступлениях подчеркивалась актуальность впервые проводимого форума, связанную с возникающими глобальными и региональными проблемами, которые позволяет исследовать социологическая наука. В сложившихся условиях форум позволит установить научный диалог, транслировать полученные эмпирические результаты научному сообществу социологов.

В ходе форума прошли четыре пленарных заседания, на которых обсуждались научные результаты в исследованиях социальных процессов и институтов, в социологии молодежи, в социологии управления, в социологии культуры и религии.

В своем докладе д. социол. н., доц. М.В. Певная, (г. Екатеринбург, Россия), представила результаты эмпирических исследований, позволившие осмыслить перспективы участия студенчества в социокультурной жизни региональных городов, где они проживают. В онлайн-анкетировании приняли участие 1276 респондентов из России, Армении, Румынии и Польши. По результатам исследования выявлено, что студенты о достопримечательностях своего города узнают в школах и музеях. Интерес к истории своего города докладчик в целом охарактеризовала как пассивный, причем в наибольшей степени это проявляется у российской молодежи. Кроме того са-

моценка российскими студентами знания истории своего города является самой низкой по сравнению с ответами студентов из других стран.

К.ф.н. Кублицкая Е.А. (ФНИСЦ РАН, г. Москва) в своем докладе представила результаты мониторинговых исследований, проводимых с 1996 года, с целью исследования показателей процесса пост/де/секуляризации населения, миграционных групп населения и молодежи, проживающих в Москве. Среди москвичей наблюдается снижение числа верующих с 60 % в 2014 г. до 51 % в 2021г. Соответственно увеличилось число неверующих и число верующих, ставших неверующими.

М.н.с. Лютенко И.В. (ФНИСЦ РАН, г. Москва) выявила, что основными мотивами обращения коренных москвичей к восточным религиям, нетрадиционным религиозным течениям и эзотерическим практикам в повседневной жизни является их способность повышать самоконтроль личности, вызывать чувство спокойствия; достижению нравственного совершенствования человека. Перечисленные мотивы названы каждым вторым коренным москвичем.

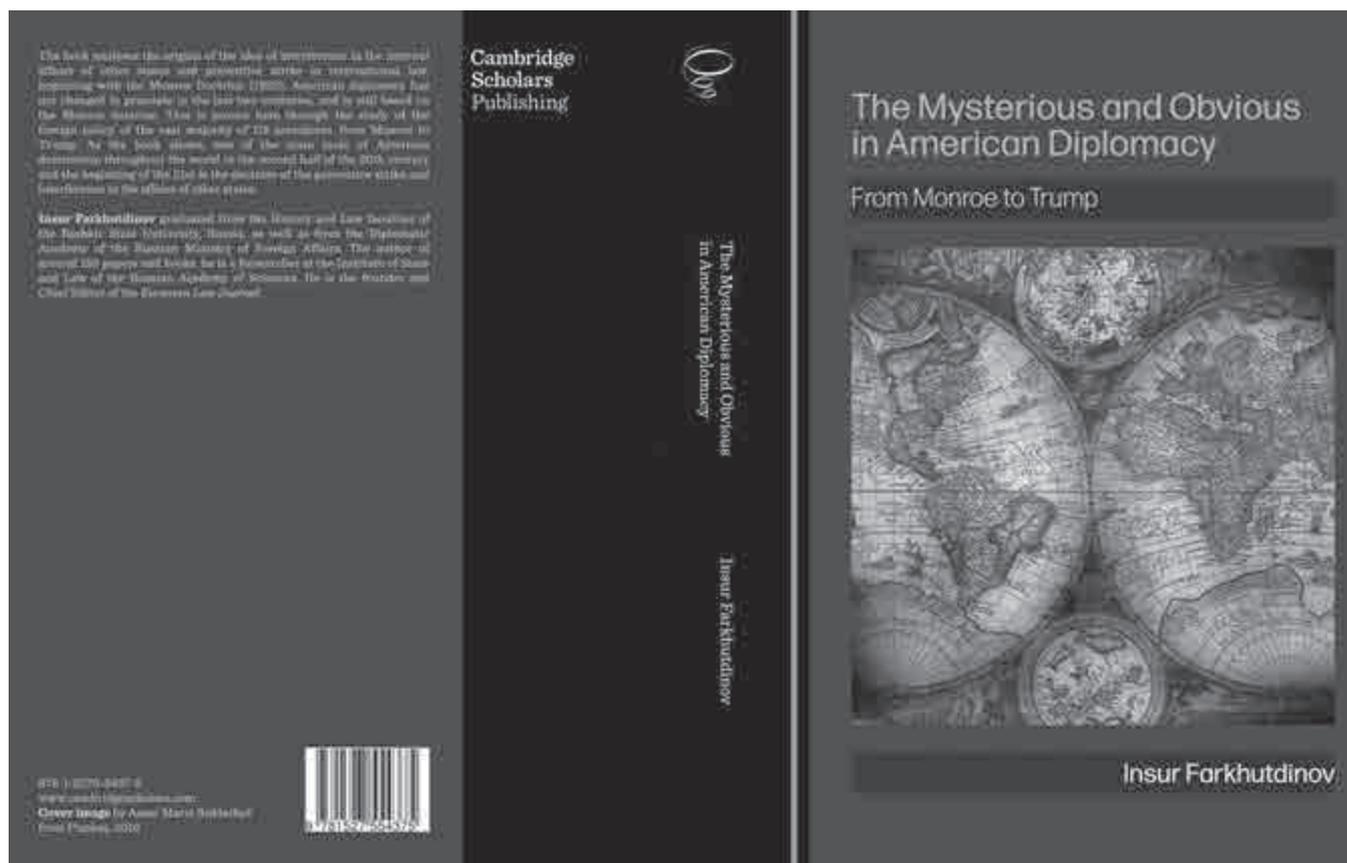
Д.с.н. Шаповалова И.С. (г. Белгород, Россия) поделилась результатами изучения политического мышления молодежи. Согласно полученным данным, молодежь имеет не большой опыт политического участия в жизни государства. Чуть более половины молодежи (58,1 %) участвовал в выборах, каждый десятый в референдумах, политических дебатах и дискуссии, избирательных компаниях, политических флешмобах и акциях. Каждый четвертый признался, что не участвовал ни в чем.

Для выявления особенностей семейной памяти к.с.н. Грошевой И.А., к.с.н. Грошевым И.Л. (г. Тюмень) провели качественное исследование на основе анализа письменных историй молодых людей в возрасте от 18 до 30, проживающих в Тюмени. Докладчики обратили внимание участников форума на выявленные негативные оценки жизни в советскую эпоху. Они касаются жёсткой насильственной политики, политического режима, недостатков плановой экономики. Одновременно каждый второй молодой человек положительно оценил советский период, это касается советской социальной политики, межличностных отношений, ценностей советского общества.

К.социол.н., доц. Киенко Т.С. (г. Ростов-на-Дону, Россия) представила результаты исследования людей старшего возраста. По мнению докладчика, в условиях пандемии данная категория населения ощущала потребность в

заботе к себе со стороны общества, волонтеров и сотрудников социальных служб. Согласно результатам полуформализованных интервью (n=59) и анализа документов, проведенных в 2021 г. в Ростовской, Свердловской и Ивановской областях, автор выявила социальный портрет активного человека старшего возраста. Это чаще женщины (80 %) в возрасте от 65 до 90 лет, 70 % из них имеют высшее образование. Большинство опрошенных вели активный образ жизни, поэтому сегодня обладают относительным здоровьем и остаются мобильными. Большинство имеют детей и внуков, проживают в собственных квартирах, редко в домах-интернатах.

В ходе форума работали два круглых стола, где звучали доклады с результатами исследований властно-управленческой вертикали и регулятивных процессов и научной лаборатории «православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета».

БАГРОВА Екатерина Викторовна

преподаватель Тюменского индустриального университета

ОПЛАТА ДОМАШНЕГО ТРУДА ЖЕНЩИН

В статье рассматривается домашний труд женщин как форма неоплачиваемой работы, которую должна выполнять женщина по дому. Эта работа включает в себя уход за детьми и пожилыми членами семьи. При этом, несмотря на высокую занятость на данном виде работы, женщины не получают за нее никакой оплаты. Одновременно, в США очень ограничены институты бесплатного образования для детей младшего возраста, в частности, детских садов. В результате женщина не может переложить эту работу на государство. Не получая оплаты, женщины становятся финансово зависимыми от своих мужей и семьи. При этом, такой порядок вещей и институты усугубляют ситуацию с домашним насилием, социальным неравенством, а также дискриминацией.

Ключевые слова: женщины, работа по дому, оплата труда, социальное неравенство.

BAGROVA Ekaterina Viktorovna

lecturer of the Tyumen Industrial University

Багрова Е. В.

PAYMENT FOR WOMEN'S DOMESTIC WORK

The article considers women's domestic work as a form of unpaid work that a woman should do around the house. This work includes caring for children and elderly family members. At the same time, despite the high employment in this type of work, women do not receive any payment for it. At the same time, institutions of free education for young children, in particular kindergartens, are very limited in the USA. As a result, a woman cannot shift this work to the state. Without receiving payment, women become financially dependent on their husbands and family. At the same time, this order of things and institutions aggravate the situation with domestic violence, social inequality, as well as discrimination.

Keywords: women, housework, wages, social inequality.

Парадоксальная природа требования заработной платы такова: является ли это компенсация за работу по дому, и если да, то просто реформизм, который еще больше включил женский труд в капиталистическую систему, или требование заработной платы представляет собой изменение социальных ролей и идентичности женщин?

Эти вопросы были центральными в дебатах о труде в капиталистических обществах в 1960-1980-е годы. Хотя марксистские и социалистические феминистки уже давно теоретизировали о домашнем труде, эти новые дебаты были более конкретно сосредоточены на политической экономии женской домашней работы в более широкой дуге капиталистического развития. В этих рамках социальное воспроизводство означает неоплачиваемый труд по уборке, приготовлению пищи, воспитанию детей, но также и ожидания феминизированной заботы, комфорта и секса, которые делают возможной мужскую работу на фабрике.

Федеричи утверждает, что спрос на заработную плату является важнейшим политическим связующим звеном для организации женщин вокруг общего условия отчужденного труда [2]. Капитализм не может удовлетворить спрос на заработную плату, и в этом суть; успех повлек бы за собой широкомасштабную перестройку распределения общественно-богатства.

Женское движение в целом было автономным, потому что было ясно, что проблемы равноправия женщин не важны для левых, в которых доминируют мужчины. К 1969 году женщины покидали левые организации, потому что каждый раз, когда женщины просили обсудить их притеснения, их освистывали и заставляли замолчать. Крайне важно, чтобы все женские группы организовывались отдельно от мужчин; они бы никогда не смогли развить понимание конкретных форм угнетения, которым подвергаются женщины в нашем обществе, если бы они оставались в смешанных организациях [3].

Организовавшись автономно, было создано пространство, где женщины могли говорить, слышать друг друга, ценить опыт друг друга и понимать, что то, что они должны

были сказать, было важно. Автономия позволила им обрести свой собственный голос. Ни одна феминистская организация не занималась только вопросом трудовой справедливости.

Политика заработной платы за домашнюю работу была сформирована женщинами, которые имели представление о капитализме, империализме и антиколониальной борьбе. Таким образом, они не могли согласиться с тем, что освобождение женщин может быть борьбой за "равенство с мужчинами" или что оно может быть ограничено равной оплатой за равный труд. Они увидели, что точно так же, как расизация чернокожих мужчин и женщин в капиталистических странах, в частности в США, служила оправданием рабства, дискриминация по признаку пола служила эксплуатации женщин в качестве неоплачиваемых работников по дому. Вот почему они поддержали борьбу матерей, получающих пособие, которую возглавляли чернокожие женщины — не потому, что чернокожие женщины составляли большинство женщин, получающих пособие, чего не было, а потому, что чернокожие женщины были наиболее готовы бороться за свои права. Они были теми, кто выходил на улицы и говорил: благосостояние — это не благотворительность. Каждая женщина - работающая женщина. Они говорили, что воспитание ребенка — это общественно необходимая работа. Они говорили: «Не говорите нам, что мы паразиты. Не говорите нам, что мы зависимы от государства. Когда государству нужны солдаты, оно обращается к нашим детям. Когда ему нужны люди для его заводов, он обращается к нашим детям».

Таким образом, они поняли, что заработная плата за работу по дому даст женщинам больше власти: в краткосрочной перспективе, имея больше денег, имея больше контроля над своей жизнью, не будучи вынужденными зависеть от мужчины или зависеть от любой работы, потому что они будут так отчаянно нуждаться в собственных деньгах; и в долгосрочной перспективе, отказываясь продолжать давать классу капиталистов огромное количество неоплачиваемого труда, как это делали поколения женщин. И отказываясь продолжать игнорировать тот факт, что дом — это своего рода фабрика, и что домашняя работа - это то, что делает возможной

любую другую форму работы, поскольку она производит рабочих [4].

Это никогда не должно было быть предписанием для женщин не работать вне дома. Скорее это означало, что, когда они все-таки уйдут из дома, они смогут сделать это с большей силой, и не от отчаяния не потому, что им придется соглашаться на любую подвергнувшуюся работу, просто чтобы иметь некоторую экономическую автономию.

Капитал интернационален, поэтому активность против капитализма также должна быть международной.

Организация на международном уровне позволила им выработать более сильную критику капитализма, чем они могли бы получить с чисто национальной точки зрения. На повседневной основе это означало, что их организация сосредоточилась на том, что они могли бы сделать в Нью-Йорке и Соединенных Штатах в более широком смысле, но они также пытались регулярно проводить международные встречи, на которых они могли бы обмениваться документами и анализом, чтобы иметь более широкое представление о борьбе, с которой они сталкиваются.

Сегодня они также видят необходимость в международной организации, как это происходит вокруг проблемы насилия в отношении женщин. Насилие неоднородно; оно затрагивает одних женщин гораздо глубже, чем других. Очевидно, что насилие затрагивает цветных женщин, особенно в Соединенных Штатах, гораздо сильнее, чем белых женщин. Точно так же это влияет на женщин на Глобальном Юге иначе, чем на Севере. И все же, как женщины, они все были воспитаны, зная, что они не могут выходить ночью, что они должны быть осторожны с тем, куда идут, когда, как они одеваются, потому что многие мужчины будут чувствовать себя вправе сексуально домогаться их. С детства женщины второй половины XX века в США были готовы к тому, что насилие станет элементом их жизни, что мужчины на улицах будут делать унижительные или угрожающие комментарии об их телах, что отцы и мужья могут избивать их, и это будет терпимо [1].

Ключевым поворотным моментом в феминистской организации стал Международный трибунал по преступлениям против женщин, который состоялся в Брюсселе в марте 1976 года. Организованный феминистками трибунал рассматривал все формы насилия, не только индивидуального или бытового насилия, но и насилия, связанного с войной и институциональной политикой. Однако одним из ограничений движения в Соединенных Штатах было то, что оно сосредоточилось главным образом на требовании более суровых наказаний для нарушителей и часто сотрудничало с полицией. Это было ошибкой. Как ясно дали понять организации чернокожих женщин, более суровые наказания в конечном итоге приводят к криминализации мужчин из уже пострадавших сообществ. Сегодня призыв — в основном продвигаемый чернокожими феминистками — к восстановительному правосудию и подотчетности сообщества.

Анализ насилия в отношении женщин основывался на рассмотрении домашней работы как формы капиталистического производства и анализе роли заработной платы в построении организации всей семьи. Многие утверждали, что насилие всегда скрыто в семье, потому что через заработную плату государство делегирует мужу право контролировать и контролировать работу жены, а также право наказывать ее в случае, если она не выполняет свою работу. Можно описать это как своего рода косвенное правило: государство осуществляет контроль над женщинами через мужчину и его заработную плату. Не зря в 1970-х годах женщины, получающие пособие, называли государство “Мужчиной”!

Это объясняет, почему к насилию в семье так долго относились терпимо и государство редко рассматривало его как преступление. Мы даже начали рассматривать изнасилование как форму домашней дисциплины. Это способ регулирования женского времени и пространства: она не должна выходить ночью одна без мужа, она должна быть в своем доме со своими детьми, занимаясь домашней работой, готовясь к следующему дню и т.д. Если она отсутствует, то должна быть готова, что угроза изнасилования — это негласная дисциплина в отношении женского времени и пространства [5].

Не стоит забывать, что насилие в отношении женщин связано с жестоким обращением с детьми, другой основной

группой населения, которая подвергается насилию, которое не признается таковым. Детей можно избивать, потому что, как и в случае с женщинами, государство признает, что это необходимый способ их дисциплинирования, чтобы подготовить их к будущим формам эксплуатации. А насилие в отношении женщин продолжается насилием в отношении всех чернокожих людей, женщин и мужчин, хотя со времен рабства и по настоящее время это приняло гораздо более жестокие, разрушительные формы. Насилие всегда необходимо, чтобы заставить людей принять подчиненное место в обществе, навязать интенсивные формы эксплуатации.

Заработная плата за домашнюю работу была неправильно понята как говорящая: дайте нам денег, чтобы мы могли оставаться дома, выполняя ту же домашнюю работу. На самом деле они рассматривали заработную плату за работу по дому как стратегию отказа, как стратегию, дающую женщинам больше возможностей, больше возможностей решать, как организовать жизнь женщин. Их обвинили в «институционализации женщин в домашних условиях». Но многие женщины, с которыми они встречались, рассказывали, что они уже были помещены в дом престарелых, потому что, не имея собственных денег, они не могли никуда пойти или не могли оставить своих мужей, даже если бы захотели.

Заработная плата за работу по дому не была конечной целью, как предполагали некоторые критики, но это не значит, что сама по себе она не была важной целью. Предполагалось, что борьба за заработную плату за работу по дому станет самым быстрым способом заставить государство предоставить нам бесплатный детский сад и другие ключевые вспомогательные услуги. К сожалению, женское движение до сих пор не смогло их получить! Я думаю, это отчасти потому, что движение вложило всю свою энергию в то, чтобы войти в места, где доминируют мужчины, и не боролось за изменение условий репродуктивного труда, особенно в отношении домашней работы, воспитания детей и других форм работы по уходу. Между тем вместо того, чтобы предоставлять больше услуг женщинам, государство фактически сократило доступ даже к тем услугам, которые были доступны. Сегодня получить уход за пожилыми людьми и уход за детьми сложнее, чем это было в конце 1960-х годов.

Однако, когда к началу 1980-х годов массы женщин начали работать по найму, они обнаружили, что “равенство” остается недостижимым, потому что им все еще приходилось выполнять много неоплачиваемой работы по дому, ухаживать за детьми, родственниками. А потом им пришлось вести свои сражения по отдельности, каждая на своем рабочем месте, и в то время, когда вся организация труда переворачивалась с ног на голову из-за глобализации. В Соединенных Штатах происходил демонтаж промышленного комплекса, рабочие места уходили за границу, государственные службы сокращались — так что женщины набирали рабочую силу в тот момент, когда рушилась крыша фабрики.

Пристатейный библиографический список

1. Айвазова М. А. Гендерные различия в оплате труда: сравнение текущей ситуации в России и в мире // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 8 (48). – С. 61-65.
2. Артемьева М. А. Домашний труд в марксистской парадигме // Марксизм и современность (к 200-летию со дня рождения К. Маркса). – 2018. – С. 83-90.
3. Задворнова Ю. С. Ликвидация гендерного разрыва в оплате труда в STEM-отраслях как ключевая задача преодоления гендерного неравенства в странах с цифровой экономикой // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 3. – С. 114-120.
4. Мельникова А. С. Гендерные риски в социально-трудовой сфере // Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы». – 2021. – С. 266-271.
5. Николаев И. А., Марченко Т. Е., Точилкина О. С. Гендерный разрыв в оплате труда // Общество и экономика. – 2018. – № 2. – С. 59-79.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-454-456

БИКМЕТОВ Евгений Юрьевич

доктор социологических наук, профессор кафедры цифровых технологий в экономике и управлении Уфимского государственного авиационного технического университета

ГАЛИМУЛЛИНА Наталья Анатольевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления Башкирского государственного университета

КУЗНЕЦОВА Елена Владимировна

кандидат социологических наук, доцент кафедры цифровых технологий в экономике и управлении Уфимского государственного авиационного технического университета

ПРИМЕНЕНИЕ СРЕДСТВ ИНТЕГРИРОВАННОЙ МАРКЕТИНГОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В СФЕРЕ КИНОИНДУСТРИИ

В статье исследуются особенности деловой коммуникации в сфере культуры, связанной с производством и потреблением духовных продуктов. Киноиндустрия формирует культурные и духовные ценности в обществе. Маркетинг в киноиндустрии ориентируется на реализацию классических и цифровых инструментов продвижения в условиях неопределенности, изменчивого спроса и развития стриминговых сервисов. Для продвижения кинопродуктов актуализируется значимость интегрированного подхода к управлению средствами маркетинговой коммуникацией.

Ключевые слова: духовное производство и потребление, духовный продукт, маркетинг в сфере киноиндустрии, интегрированная маркетинговая коммуникация, digital-маркетинг, кинокомплексы.

BIKMETOV Evgeniy Yurjevich

Ph.D. in sociological sciences, professor of Digital technologies in economics and management sub-faculty of the Ufa State Aviation Technical University

GALIMULLINA Natalya Anatoljevna

Ph.D. in economic sciences, associate professor of Public administration sub-faculty of the Bashkir State University

KUZNETSOVA Elena Vladimirovna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Digital technologies in economics and management sub-faculty of the Ufa State Aviation Technical University

APPLICATION OF INTEGRATED MARKETING COMMUNICATION TOOLS IN THE FILM INDUSTRY

The article examines the features of business communication in the field of culture related to the production and consumption of spiritual products. The film industry forms cultural and spiritual values in society. Marketing in the film industry focuses on the implementation of classical and digital promotion tools in conditions of uncertainty, volatile demand and the development of streaming services. For the promotion of film products the importance of an integrated approach to the management of marketing communication tools is actualized.

Keywords: spiritual production and consumption, spiritual product, marketing in the film industry, integrated marketing communication, digital marketing, cinema complexes.

Введение.

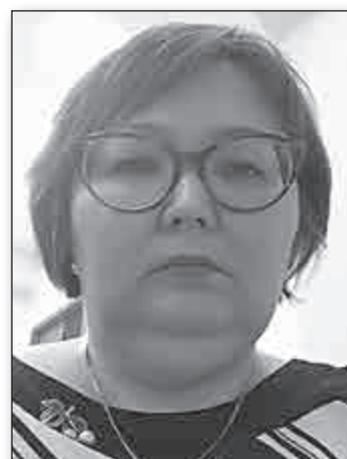
Современные социально-экономические реалии актуализируют необходимость качественной трансформации информационных связей и маркетинговых взаимоотношений между различными субъектами в сфере культуры, что обуславливает изменение методов, форм и технологий использования информационных ресурсов и инструментов бизнес-коммуникаций, ориентированных на эффективное позиционирование как бренда производителя или продавца духовных продуктов, так и самих товаров и услуг в сфере культуры. Субъекты системы рыночных отношений (производители, посредники, конечные потребители) вступают не только в экономические трансакции, но и в духовные взаимодействия, отражающиеся в интересах, ценностных ориента-

циях и мотивах личности, социальной группы. Духовная активность является важнейшим фактором экономического и культурного развития общества. Духовные отношения задают смысловой ориентир и формируют культурно-нравственную направленность преобразования рыночных отношений. В духовной сфере осуществляется производство, распределение, потребление культурных ценностей и духовных благ. Потребление формируется потребностями целевых аудиторий, способствуя духовному производству.

Киноиндустрия – важная сфера производства и трансляции духовных продуктов. Киноиндустрия, с одной стороны,

Бикметов Е. Ю.

Галимуллина Н. А.

Кузнецова Е. В.

относится к отрасли экономики и нацелена на максимальный сбыт, продажи и прибыльность, а с другой стороны, к отрасли искусства и культуры, формирующей духовные блага и культурные ценности. В связи с этим возрастает значимость применения маркетинговых инструментов на кинорынке. Интегрированная маркетинговая коммуникация включена в духовное производство и потребление, обеспечивает маркетингу роль связующего звена между кинобизнесом и обществом.

Методология исследования.

Как полагает Р. Kotler, маркетинг – это управление бизнес-процессами с ориентацией на потребительские рынки [1]. Центральным ядром маркетинга является главный социальный субъект рынка – потребитель с его потребностями, интересами, возможностями, экономическим мышлением, проявляющимся в принятии решений о покупке в условиях неопределенности под воздействием множественных факторов. В культурной сфере у маркетинга имеется своя специфика, связанная с особенностями продуктов, носящих духовный характер. «Маркетинг все более напоминает технологию социально-культурного нововведения и является важной чертой культуры современного общества» [2, с. 3]. Одной из известных зарубежных публикаций по киномаркетингу является работа Ф. Kerrigan [3], в которой отражен социокультурный взгляд на киноиндустрию, анализируются маркетинговые коммуникации со зрителями с помощью digital-маркетинга, SMM, краудфандинга, трансмедиа. К немногочисленным отечественным исследованиям, посвященным маркетинговым аспектам в кинобизнесе, следует отнести работу О. В. Вигуро, в которой автор дает собственное видение киномаркетинга и фильмов высокого концепта: the book (книга), the look (внешний образ), the hook (крючок) на примере кинофильмов о Гарри Поттере [4]. Исследователи анализируют психосоциальные факторы поведения потребителей на кинорынке и причины просмотра полнометражных фильмов, среди которых необходимость получения новых эмоций, развлечение, проведение досуга, свидание, профессиональный интерес, знакомство с новинками кинематографа [5]. Глубокое теоретико-методологическое и прикладное исследование в области киномаркетинга проведено Д. А. Шевченко [6], который полагает, что главный акцент в маркетинге в сфере киноиндустрии целесообразно сделать на коммуникационную политику – promotion-mix: PR, рекламу, мерчандайзинг, publicity, product placement. В опубликованных работах проведена систематизация маркетинговых инструментов продвижения кинолента в контексте брендинга и создания имиджа кинокомпаний [7]. Авторы концептуально подходят к разработке маркетинговой стратегии для продвижения кинопродукции и показывают зависимость успеха кинолента от кинопроизводственного процесса и кинорынка.

В продвижении на кинорынке решаются разнопорядковые задачи: с одной стороны, первичность кассовых сборов и продаж в краткосрочном периоде, с другой стороны, формирование положительного социального имиджа бренда в долгосрочном. В связи с этим необходимо исследовать применение средств маркетинговой коммуникации на данном рынке с позиции интегрированного подхода [8], включающего комбинированное использование различных форм и средств коммуникации, их взаимосвязь с другими маркетинговыми инструментами для планирования и обеспечения синергетической эффективности при взаимодействии продукта и организации с потребителем, другими целевыми группами.

Результаты исследования.

Маркетинг в киноиндустрии – это управление системой кинематографа, включающей в себя кинопроизводство, киноискусство, киномаркетинг, киноведение, кинотеатры, телевидение, стриминговые сервисы, с ориентацией на широкие массы общественности, представляющие собой зрительскую аудиторию [9]. Маркетинг в сфере киноиндустрии формирует и удовлетворяет культурные, познавательные, духовные, эстетические, досуговые потребности кинозрителей. Маркетинговый инструментарий на кинорынке зависит от специфики оказания услуг: их нематериального характера, высокой неопределенности и сложной прогнозируемости спроса, зависимости от бренда и позиционирования киностудий, сложности управления качеством. На рост кинорынка не оказывает влияние привлечение дополнительного ресурсного сырьевого потенциала: рынок растет только благодаря финансовым инвестициям. Происходит тиражирование на цифровых носителях кинолента для показа в большом количестве кинокомплексов. Между субъектами рыночных отношений (киностудиями, кинотеатрами и стриминговыми сервисами) складываются долгосрочные взаимовыгодные отношения, так называемый партнерский маркетинг. Развиваются средства кооперированной партнерской коммуникации.

Однако индекс посещаемости киносетей в 2020 году был самый низкий за последние годы. Это обусловлено глобальной эпидемиологической ситуацией: ограничением заполняемости кинозалов, дистанцированием, закрытием кинотеатров. В 2022 году существенный удар по кинокомплексам нанес уход с национального рынка ряда западных киностудий. В современных условиях цифровой трансформации серьезную конкуренцию кинокомплексам составляют стриминговые сервисы и online-кинотеатры. С одной стороны, это вызвано эпидемиологическими ограничениями, с другой – распространением цифровых сервисов и смарт-телевизоров с уникальным качественным контентом и выгодными ценами. Наиболее популярными стриминговыми сервисами и online-кинотеатрами являются Okko, Premier, Кинопоиск HD, IVI, Megogo, More.tv, Apple TV+, Яндекс-эфир и др.

Совокупность форм и инструментов интегрированной маркетинговой коммуникации в киноиндустрии выступает важнейшей компонентой маркетинга на кинорынке. Коммуникационная политика предприятий киноиндустрии опирается как на традиционные, так и на цифровые инструменты, ATL и BTL: рекламу трейлера в цифровой среде, стимулирование спроса в виде программ лояльности, прямой маркетинг на рынке B2B, флешмобы среди зрителей, розыгрыши подарков в социальных сетях, PR-кампании, мероприятия (шоу, показы мод, фестивали, спортивные соревнования, кинопремии «Ника», «Оскар», «Золотая пальмовая ветвь»). PR-коммуникация осуществляется с помощью амбассадоров, блогеров, лидеров мнений. В коммуникации на кинорынке необходимо использование технологии референтного маркетинга [10], который представляет интерес с точки зрения генерирования положительных рекомендаций и отзывов конкретных людей-референтов об опыте взаимодействия с киноносителями / online-кинотеатрами. Интегрированная маркетинговая коммуникация в киноиндустрии направлена на решение задач: сохранение приверженных клиентов, привлечение новых зрительских кругов, формирование, развитие или усиление бренд-имиджа субъектов киноиндустрии, привлечение в коллаборации заинтересованных сторон, например, продюсерские компании, стриминговые сервисы.

минговые сервисы, анимационные и досуговые организации, инвесторов, бизнес-партнеров других отраслей, органы власти, общественные организации. Технологии и методы digital-маркетинга как инструменты продаж новой киноленты позволяют достичь краткосрочного эффекта по привлечению нужной целевой аудитории.

Киносетям рекомендуется использовать следующие цифровые коммуникационные инструменты на рынке:

– контент-маркетинг – ведение собственных блогов с полезной и интересной информацией, что повысит узнаваемость бренда и увеличит рост доверия зрителей;

– интерактивный контент – online-опросы, квизы, тесты, викторины, игры, VR/AR- инструменты виртуальной и дополненной реальности;

– микроинфлюенсинг – взаимоотношение с «тематическими» блогерами с подписчиками до 100 тысяч человек;

– консультации чат-ботов;

– автоворонки продаж с применением лид-магнитов и выходом на максимальную конверсию;

– UGC-контент, созданный аудиторией бренда киносетей.

При разработке маркетингового продвижения следует опираться на анализ больших данных, потому что Big Data предопределяет успех новой киноленты.

Сложная ситуация на рынке подталкивает организации киноиндустрии искать новые цифровые способы коммуникации с аудиторией на стратегическую перспективу для формирования положительной репутации и доверия потребителей. Стратегический подход в коммуникации предполагает взаимодействие по широкому кругу вопросов киносетей с заинтересованными сторонами, в том числе поиск рекламодателей (киностудий, производителей товаров и услуг, некоммерческих организаций). Форматы коммуникации рекламодателей в кинотеатрах могут быть различными: ассорти-ролики перед началом фильма, рекламные видео-ролики с анонсами будущего фильма (трейлеры), рекламные ролики на видеопанелях внутри зон отдыха посетителей, реклама на билетах, промоакции (флешмобы) в фойе и зонах отдыха (сэмплинг, геймификация), аудиообъявления, рекламные стенды, размещение баннеров спонсоров внутри кинотеатров, логотипы на афишах, в меню, на столиках кафе, мероприятия событийного маркетинга и PR.

Возможен переход или усиление стратегической бренд-коммуникации в совместной с производителями кинопродукции маркетинговой политике. В позиционировании на рынке B2C важен не только когнитивный, рациональный (функциональный), но и эмоциональный аспект связи с заинтересованными сторонами, апеллирование к нематериальным ценностям, положительным ассоциациям, вызываемым брендом продукта и организации.

В исследовании производства и продвижения духовных продуктов важно уделять внимание не только коммерческо-экономической, но и социальной направленности. Многие духовные продукты неповторимы, уникальны и не выступают в качестве эквивалента других товаров. Их стоимость, как и ценность, постоянно возрастает. В духовных продуктах реализуется воплощенный в них труд. Регулятором количества затраченного труда и как следствие стоимости продуктов выступает их духовная ценность.

Заключение.

Таким образом, сфера киноиндустрии – это драйвер, формирующий интересы широкой общественности и привлекающий внимание к социально-культурным проблемам

при реализации духовных продуктов. Борьба за зрительскую аудиторию обострилась в условиях пандемии коронавируса и жестких санкций. Классические и цифровые формы интегрированной маркетинговой коммуникации позволяют найти нестандартные и креативные подходы к кинозрителю в краткосрочной и стратегической перспективе. Только совместное продвижение продукции субъектами киноиндустрии позволит достичь наилучшего коммерческого эффекта и социального результата.

Пристатейный библиографический список

1. Kotler P. Marketing Management. 15th edition. – Prentice Hall, 2015. – 821 p.
2. Тульчинский Г. Л., Шекова Е. Л. Маркетинг в сфере культуры. – СПб.: Лань, 2021. – 496 с.
3. Kerrigan F. Film Marketing. 2nd edition. – Routledge, 2017. – 200 p.
4. Вигуро О. В. Кино: маркетинг и высокий концепт // Молодой ученый. – 2017. – № 6 (140). – С. 237-239. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/140/39358/>.
5. Ромодановская Н. Б., Малевская-Малевиц Е. Д. Анализ основных психосоциальных факторов потребительского поведения на рынке киноиндустрии // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 8 (133). – С. 642-644.
6. Шевченко Д. А. Киномаркетинг: теория и практика // Практический маркетинг. – 2013. – № 12(202). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinomarketing-teoriya-i-praktika-prodvizheniya/viewer>.
7. Булочников П. А., Сазонова Е. В., Фатова С. А. Продвижение кинопродукции как важнейший фактор обеспечения эффективности системы сбыта предприятия киноиндустрии // Петербургский экономический журнал. – 2019. – № 4. – С. 98-105. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvizhenie-kinoproductsii-kak-vazhnyy-faktor-obespecheniya-effektivnosti-sistyemy-sbyta-predpriyatiya-kinoindustryi/viewer>.
8. Шульц Д. Е., Танненбаум С. И., Лаутерборн Р. Ф. Новая парадигма маркетинга: Интегрируемые маркетинговые коммуникации / Пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 231 с.
9. Касимова Э. Р., Кузнецова Е. В., Баталева В. В. Специфика маркетинга в киноиндустрии // Управление экономикой: методы, модели, технологии: Материалы XVIII Международной научной конференции: сборник научных трудов. – Уфа: УГАТУ, 2018. – С. 202–205.
10. Бикметов Е. Ю., Касимова Э. Р., Кузнецова Е. В., Рувенный И. Я. Референтный маркетинг как инновационная коммуникационная технология взаимодействия с потребителями // Бизнес. Образование. Право. Вестн. Волгogr. ин-та бизнеса. – 2015. – № 2 (31). – С. 25-31.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-457-460

НГУЕН Куок Хунг

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник центра российской стратегии в Азии Института экономики Российской академии наук

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ПИИ ВО ВЬЕТНАМ БЛАГОДАРЯ СОГЛАШЕНИЯМ О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ

Экономическая интеграция через участие в соглашениях о свободной торговле (ССТ) становится популярной тенденцией в мире благодаря экономической выгоде. Особенно в контексте того, что договоренности, достигнутые в рамках Всемирной торговой организации (ВТО), еще не «удовлетворили» страны уровнем обязательств, что вынуждает страны переходить к двустороннему сотрудничеству и региональным связям, содействовать торговле товарами и услугами.

Если предыдущие традиционные ССТ были связаны только с товарным сектором, то ССТ нового поколения имеют более широкую сферу применения, требуя большей открытости в большинстве областей. За прошедшее время Вьетнам активно участвовал во многих соглашениях о свободной торговле нового поколения и добился многих замечательных достижений. В то же время участие Вьетнама в соглашениях о свободной торговле сопряжено не только с новыми возможностями для развития экономики страны, но и с новыми вызовами. В статье анализируются возможности и вызовы в привлечении ПИИ предприятий через участие в ССТ нового поколения.

Ключевые слова: Вьетнам, интеграция, соглашение о свободной торговле, прямые иностранные инвестиции (ПИИ).

NGUYEN Quoc Hung

Ph.D. in economical sciences, senior researcher of the Center of Russian strategy in Asia of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

ATTRACTING FDI TO VIETNAM THROUGH NEW GENERATION FREE TRADE AGREEMENTS: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES

Economic integration through participation in free trade agreements (FTAs) is becoming a popular trend in the world due to economic benefits. Especially in the context of the fact that the agreements reached within the framework of the World Trade Organization (WTO) have not yet "satisfied" the countries with the level of obligations, which is forcing countries to move towards bilateral cooperation and regional ties, to promote trade in goods and services.

While the previous traditional FTAs were only related to the commodity sector, the new generation FTAs have a broader scope, requiring more openness in most areas. Since then, Vietnam has actively participated in many new generation free trade agreements and achieved many remarkable achievements. At the same time, Vietnam's participation in free trade agreements is associated not only with new opportunities for the development of the country's economy, but also with new challenges. The article analyzes the opportunities and challenges in attracting FDI to enterprises through participation in a new generation of FTAs.

Keywords: Vietnam, integration, free trade agreement, foreign direct investment (FDI).

Введение

Осуществляя партийно-государственный курс на активную международную экономическую интеграцию, Вьетнам постепенно расширял и углублял отношения с другими странами, активно и ответственно участвуя в различных форумах, в международных организациях. В частности, в последние годы Вьетнам ускорил переговоры и подписание соглашений о свободной торговле (ССТ) со многими важными и потенциальными партнерами. Участие в соглашениях о свободной торговле нового поколения принесло Вьетнаму много возможностей, а также вызовов.

Наряду с дорожной картой по реализации обязательств по открытию рынка, видно, что все секторы и виды деятельности экономики прямо или косвенно затронуты соглашениями о свободной торговле нового поколения, в которых привлечение ПИИ во Вьетнам будет иметь много преимуществ, но также и много трудностей.

В этой статье представляется следующее основное содержание: Во-первых, это обзор основных моментов о ЗСТ нового поколения. Далее следуют возможности и вызовы в привлечении предприятий с ПИИ во Вьетнам благодаря участию в ССТ нового поколения. Наконец, приводятся выводы и некоторые рекомендации, которые помогут Вьетнаму лучше использовать эти возможности.

Обзор ЗСТ нового поколения

Согласно традиционной концепции, Соглашение о свободной торговле (ССТ) – это соглашение между двумя или более странами или территориями, направленное на либерализацию торговли одной или несколькими группами товаров за счет снижения налогов, а также положения, облегчающие обмен товарами, услугами и инвестициями среди членов в дополнение к сохранению независимого тарифного режима для импорта из стран, не входящих в зону свободной торговли.

Содержание, упоминаемое ЗСТ, обычно включает: положения о снижении тарифных и нетарифных барьеров; установление перечня товаров, на которые распространяется снижение тарифа; разработка дорожной карты по снижению тарифов и положений о правилах происхождения. В отличие от традиционных ЗСТ, ЗСТ нового поколения имеют следующие основные характеристики:

(i) Объем обязательств очень широк, связан с экологически чистым, устойчивым развитием и реструктуризацией, не только охватывающий чисто коммерческое содержание, но и распространяющийся на такие области, как: прозрачность политики, честная конкуренция, правовая инфраструктура в экономике, устойчивое раз-

Нгуен Куок Хунг

Таблица 1. Прямые иностранные инвестиции во Вьетнаме

	2011г	2012г	2013г	2014г	2015г	2016 г	2017г	2018 г	2019г
Общий вновь зарегистрированный капитал (миллиард. долларов)	15,7	17,1	22,1	22	23	24,4	35,9	18	38
Общий объем освоенных инвестиций (миллиард. долларов)	11,1	10,5	11,3	12,1	14,5	15,8	17,5	19,1	20,4
Процент освоенных инвестиций	70,7 %	61 %	51 %	55 %	63 %	65 %	49 %	106 %	54 %

Источник: *Economist Intelligence Unit; Всемирный банк*

витие, окружающая среда, труд, электронная коммерция...;

(ii) Глубокая степень либерализации (открытия) с «высокими стандартами» намного выше, чем в ВТО, устранение большинства (почти 100 %) налоговых линий, сильное открытие товарных секторов, услуг (финансово-банковских, телекоммуникационных, транспорта,...), инвестиции, государственные закупки, интеллектуальная собственность...;

(iii) многие международные обязательства в отношении институтов и законов непосредственно затрагивают внутреннюю политику, институты и законы, связанные с требованиями реформ, реструктуризации экономики, устойчивого развития и реагирования на глобальные вызовы;

(iv) дорожная карта для выполнения обязательств короче, в основном от 5 до 7 лет;

(v) Существуют более сильные и всеобъемлющие правила и механизмы урегулирования споров для мониторинга и обеспечения выполнения обязательств странами-членами; особенно,

(vi) имеются положения об осуществлении международных трудовых норм Всемирной организации труда (МОТ).

Таким образом, по сравнению с соглашениями ВТО, ССТ нового поколения являются соглашениями ВТО с расширением, в которых вопросы, которые были устранены в прошлом, были правильно определены и приняты в современной международной торговле в изменившемся товарном контексте [1].

Современное состояние с прямыми иностранными инвестициями (ПИИ) во Вьетнаме

(i) Влияние пандемии Covid-19 на мировую экономику и Вьетнам

Появившись и вспыхнув с конца 2019 года по настоящее время, пандемия Covid-19 оказала негативное влияние, серьезно повлияв на глобальную социально-экономическую жизнь, нарушив цепочки поставок товаров, развития технологий и «облагораживания» потоков инвестиционного капитала. Пандемия Covid-19 привела к снижению спроса, когда не так много потребителей могут покупать товары и услуги, что напрямую влияет на производство и деловую активность.

Предприятия были вынуждены сокращать персонал, чтобы компенсировать снижение доходов, тем самым создавая спираль экономического спада, толкая рабочих к безработице, неспособных финансировать свою жизнь, которые могут даже оказаться за чертой бедности. Это побудило экономистов предсказать, что, если пандемия Covid-19 сохранится, это приведет к «Великой рецессии» мировой экономики.

Благодаря прогрессу, достигнутому в разработке вакцин для предотвращения Covid-19, мировая экономика подает оптимистичные сигналы и имеет тенденцию к восстановлению, хотя в краткосрочной перспективе все еще существует много потенциальных рисков. После резкого спада в 2020 г. (-4,2 %), прогнозируется рост мирового ВВП примерно на 4,2 % в 2021 г. и 3,7 % в 2022 г. В конце 2021 г по прогнозам, рост мирового ВВП достигнет докризисного уровня благодаря сильному восстановлению экономики Китая, США и некоторых европейских стран [2].

Во Вьетнаме, благодаря радикальным и эффективным решениям для реализации «двойных целей» как профи-

лактики и противодействия заболеваний, так и социально-экономического развития, экономика по-прежнему достигает положительных и устойчивых результатов, поддерживая положительный рост в 2020 году и в первые месяцы 2021 года. Этот результат перекликается с усилиями по выполнению обязательств по соглашениям о свободной торговле, которые принесут положительные сигналы роста вьетнамской экономике в ближайшее время [3].

Как правило, ЗСТ нового поколения, такие как Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ВПТП), Соглашение о свободной торговле между Вьетнамом и Европейским союзом — ЕС (ЕВССТ), ЗСТ Вьетнам — Соединенное Королевство (СКВССТ). В частности, ожидается, что Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) создаст новую крупномасштабную зону свободной торговли, способствуя развитию цепочки стоимости регионального и глобального значения, способствуя экономическому развитию стран АСЕАН, включая Вьетнам и его партнеров.

(ii) Текущее состояние прямых иностранных инвестиций (ПИИ) во Вьетнаме

По данным Департамента иностранных инвестиций Министерства планирования и инвестиций Вьетнама, в 2019 году общий вновь зарегистрированный капитал, скорректированный, вклад в капитал и покупка акций иностранными инвесторами достигли 38,2 млрд долларов США, увеличившись на 7,2 % по сравнению с аналогичным периодом 2018 года. Реализация проектов с прямыми иностранными инвестициями оценивалась в 20,38 млрд долларов США, что на 6,7 % больше, чем за аналогичный период 2018 г. Реализация ПИИ были высокими за прошедшие годы показала, что уверенность иностранных инвесторов в экономических перспективах и долгосрочные инвестиционные обязательства инвесторов улучшились во Вьетнаме [4].

Вьетнам стал привлекательным местом для инвестиций в различных секторах, от производства, недвижимости, энергетики, розничной торговли и строительства до искусства, туризма, развлечений и других услуг. В котором, согласно отчету Министерства планирования и инвестиций, на обрабатывающую промышленность приходится 65 % от общего притока ПИИ, за ней следует сектор недвижимости, на который приходится около 10 %, а остальные области: другие отрасли такие как зеленая энергия, наука и техника [5].

Среди 125 стран и территорий, инвестировавших во Вьетнам в 2019 году, Корея является ведущей страной по ПИИ с 7,92 млрд долларов США, что составляет 21 % от общего объема инвестиционного капитала; Гонконг занял второе место с 7,87 млрд долларов США, в основном за счет выкупа акций Vietnam Beverage Co., Ltd на 3,85 млрд долларов США; Сингапур занял третье место с 4,5 млрд долларов США; затем Япония и Китай. [6]

Примечательно, что инвестиции из Гонконга и материкового Китая резко выросли по сравнению с 2018 годом из-за влияния торговой войны между США и Китаем. ПИИ из Китая увеличились в 1,65 раза, а из Гонконга — в 2,4 раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Таблица 2. Основные источники ПИИ Вьетнама 2019 г.

Страна	Уровень прямых инвестиций ПИИ
Корея	21 %
Гонконг	21 %
Сингапур	12 %
Китай	11 %
Япония	11 %
Другие страны	24 %

Источник: Министерство планирования и инвестиций Вьетнама, 2020 г.

4. Возможности и проблемы в привлечении ПИИ во Вьетнам из ССТ нового поколения.

4.1. Возможность

Подписанные и вступившие в силу соглашения о свободной торговле нового поколения создали много возможностей для Вьетнама в привлечении капитала ПИИ от иностранных инвесторов.

Во-первых, ЗСТ нового поколения (особенно ЗСТ ВПТПП) помогли Вьетнаму получить доступ к экономике 60 стран, 15/20 из которых входят в G20 [7]. Благодаря переговорам и подписанию соглашений о свободной торговле иностранные инвесторы стали уделять больше внимания вьетнамскому рынку. Типичным примером является увеличение инвестиционного капитала из таких стран, как Корея, Япония и т. д. в 2019 году, и все они являются ключевыми партнерами по вступившим в силу ЗСТ.

Во-вторых, в ССТ нового поколения существуют обязательства по обеспечению равного отношения к внутренним и иностранным инвесторам при создании, приобретении, расширении, эксплуатации, разветвлении, ведении, закрытии бизнеса. Это создаст возможности для более быстрого доступа иностранных инвесторов на вьетнамский рынок. Кроме того, Вьетнам все больше расширяет сферы бизнеса, которые позволяют иностранным инвесторам инвестировать во Вьетнам. Вьетнам — одна из немногих стран региона, которая допускает 100 % иностранный капитал в большинстве областей [8]. В период с 2017 по 2020 год было частично или полностью продано 375 государственных предприятий, что поможет иностранным инвесторам чувствовать себя защищенными, справедливыми и чувствовать себя в безопасности при инвестировании [9]. ССТ нового поколения также содержит положения об устойчивом развитии, которые помогают сократить количество устаревших технологий и способствуют развитию технологий с использованием возобновляемых и экологически чистых источников энергии. Эти тенденции приносят много пользы вьетнамской экономике и вьетнамскому бизнесу.

В-третьих, когда ЗСТ вступят в силу, экспортные товары с происхождением из Вьетнама будут пользоваться преференциальным режимом, особенно в отношении тарифных барьеров. Поэтому иностранные инвесторы увеличивают инвестиции во Вьетнам, чтобы воспользоваться этой возможностью.

В-четвертых, ЗСТ помогает сократить расходы на транспортировку промежуточных и конечных продуктов между материнской компанией в стране-инвесторе и ее дочерними компаниями, расположенными в стране-получателе. Кроме того, ССТ помогает формировать региональную бизнес-сеть, помогая снизить стоимость услуг. Это то, что иностранные инвесторы стремятся с целью использовать в своих интересах ресурсы в принимающих странах.

В-пятых, после подписания ЗСТ участники должны внести соответствующие коррективы в правовую систему и механизм инвестиционного бизнеса, чтобы иметь возможность участвовать в «общем игровом поле» мировой экономики. Вьетнам также трансформирует и все более совершенствует инвестиционную политику, создавая доверие иностранных инвесторов, тем самым увеличивая привлечение ПИИ.

4.2. Вызовы

Хотя ССТ нового поколения принесли замечательные начальные эффекты в привлечении ПИИ во Вьетнам. Однако это также создает множество проблем для Вьетнама, связан-

ных с двумя аспектами, а именно с реализацией ЗСТ и стабилизацией экономики при увеличении числа предприятий с ПИИ.

Хотя соглашение о свободной торговле создало много возможностей, Вьетнам также сталкивается со многими проблемами. Вьетнам может максимально использовать тарифные преференции. Однако вьетнамские товары должны соответствовать условиям происхождения, техническим барьерам и санитарно-эпидемиологическим требованиям со стороны импортных рынков. Строгие технические барьеры и санитарно-фитосанитарные системы затрудняют проникновение вьетнамских товаров на рынки партнеров по ЗСТ. Наоборот, когда тарифные барьеры сняты, а технические барьеры неэффективны, Вьетнам станет рынком потребления некачественной продукции, влияющей на здоровье потребителей, и в то же время не защищающей их отечественного производства.

Соглашения о свободной торговле нового поколения также ставят перед Вьетнамом новые задачи с точки зрения человеческих ресурсов, то есть выполнения обязательств по защите основных прав работников и повышению уровня человеческих ресурсов. Конкретные примеры следующие:

(i) В контексте более глубокого и более широкого участия Вьетнама в соглашениях о свободной торговле нового поколения все более и более распространенным явлением, с возрастающей сложностью, будут становиться все более распространенные случаи торговых мер, включая антидемпинговые, антисубсидиционные и защитные меры против вьетнамского экспорта. С другой стороны, некоторые отечественные обрабатывающие отрасли также испытывают давление со стороны увеличения импорта из-за последствий открытия рынка и нуждаются в инструментах политики в отношении торговых средств правовой защиты для защиты своих интересов отрасли.

Это заставляет Вьетнам сталкиваться с более активным участием в судебных процессах и судебных исках по вопросам торговли. Например, ЕВССТ представляет собой серьезную проблему для Вьетнама в реализации предусмотренного Соглашением механизма урегулирования инвестиционных споров — беспрецедентного механизма в истории. Чтобы сохранить этот институт, Стороны должны подготовить персонал для рекомендации арбитров в эти институты (3 на уровне первой инстанции и 2 на уровне апелляционной инстанции гражданства каждой Стороны). Это непростая проблема для Вьетнама в контексте ограниченных качественных человеческих ресурсов, особенно тех, кто имеет право назначаться арбитрами в этих институтах.

(ii) Участие в ССТ вынуждает Вьетнам вносить изменения в производственный процесс с целью повышения производительности и качества продукции, особенно в контексте стремительно развивающейся промышленной революции 4.0. Между тем Вьетнаму не хватает качественных человеческих ресурсов, способных участвовать в любой передаваемой технологии. Это серьезное ограничение, не позволяющее Вьетнаму входить и конкурировать при экспорте товаров в страны, являющиеся партнерами по ЗСТ.

С другой стороны, распространение предприятий с ПИИ создает серьезные проблемы для МСП во Вьетнаме. Участвуя в соглашениях о свободной торговле нового поколения, Вьетнам соглашается на честную игру и честную конкуренцию. Однако предприятия во Вьетнаме в настоящее время сталкиваются с трудностями при участии в глобальной

цепочке поставок и не имеют возможности трансформировать свое производство и бизнес-модели в соответствии с новыми тенденциями, снижая конкурентоспособность по сравнению с иностранными предприятиями. Другими словами, вьетнамский бизнес рискует «проиграть дома», а государство не может вмешиваться из-за ограничений принципов ЗСТ.

Наконец, существует вызов, исходящий из задачи социально-экономической стабилизации государства при «активном» участии предприятий ПИИ, что находит отражение в следующих аспектах:

(1) Доходы бюджета от налогов на импорт и экспорт с годами уменьшились в результате устранения тарифных барьеров для партнеров по ЗСТ. Это создает давление на баланс доходов и расходов государственного бюджета.

(2) Хотя во Вьетнаме произошли изменения в правовой базе и политике в отношении предприятий с ПИИ, тем не менее, управление по-прежнему ограничено, многие предприятия практикуют трюки с трансфертным ценообразованием, уклоняются от уплаты налогов и наносят вред окружающей среде.

(3) Приток иностранного инвестиционного капитала во Вьетнам постоянно создает проблему для разработки своевременной макроэкономической политики, избегая повторения урока высокого уровня инфляции после экономического подъема Вьетнама, вступившего во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2006 году.

5. Заключение и предлагаемые решения

Таким образом, процесс присоединения к ЗСТ нового поколения помог Вьетнаму повысить свой престиж на мировом торговом рынке, тем самым открыв множество возможностей для получения инвестиционных волн от предприятий ПИИ, продвигая развитие национальной экономики. Однако участие во множестве ЗСТ одновременно, а также расширение возможностей для иностранных инвесторов также содержит множество рисков для социально-экономической стабилизации государства, ставя множество задач перед всей политической системой, экономикой и обществом Вьетнама. Для решения этих проблем даются следующие рекомендации:

Во-первых, повышение осведомленности о роли ЗСТ для отечественных предприятий. В настоящее время все еще существует много отечественных предприятий, которые не до конца понимают соглашения и положения в ЗСТ, что приводит к производству и экспорту продукции, не соответствующей стандартам качества стран-партнеров. Поэтому отечественным предприятиям необходимо укреплять связи со связанными сторонами, уделять внимание инвестировать в инновации в технологии, модели управления и бизнес-стратегии для снижения производственных затрат, повышения качества и здоровой конкуренции продукции. В частности, для получения льгот экспортерам необходимо иметь четкое представление о содержании ЗСТ, относящемся к их сферам деятельности, дорожным картам снижения налогов и положениям о стандартах и качестве товаров партнеров-получателей.

Во-вторых, продолжать реформы и совершенствовать инвестиционную политику. Международная финансовая корпорация (МФК; International Finance Corporation, IFC) дала 8 подробных рекомендаций, чтобы вывести Вьетнам на прорывную траекторию, к устранению препятствий, усилению реформ, привлечению ПИИ нового поколения, чтобы поддерживать обширные цели экономического роста, в частности следующим образом:

(а) усилить предоставление ключевых навыков для действия инвестиции ПИИ нового поколения. (б) создание и укрепление агентства по поощрению иностранных инвестиций «нового поколения», которое будет руководить реализацией стратегии. (в) реформа существующей преференциальной политики. (г) модернизация поощрения инвестиций, определение приоритетных направлений для активного продвижения. (д) внедрение деловой и инвестиционной среды 4.0. (е) открыты для ПИИ в отрасли, поддерживающие конкурентоспособность и рост. (г) применять стратегическую политику поощрения вывоза ПИИ. (ж) проводить конкретную политику, направленную на усиление взаимосвязанности и побочного эффекта предприятий с ПИИ.

В-третьих, для привлечения ПИИ с высокой стоимостью Вьетнам необходимо определить приоритетные отрасли, скорректировать приток ПИИ в сторону избирательного привлечения, положить конец ситуации безудержных стимулов, ограничить приток капитала ПИИ в сферу эксплуатации природных ресурсов, полезных ископаемых, операции с недвижимостью, ряд секторов развлекательных услуг и т. д. Разработать и хорошо реализовать программу реструктуризации инвестиций, в которой основное внимание уделяется государственным инвестициям. Политика стимулирования инвестиций должна быть больше сосредоточена на поощрении области, способных увеличить мощность и создать побочные эффекты, таких как обрабатывающая промышленность, использующая высокие технологии и энергосберегающие технологии, технологии защиты окружающей среды.

Пристатейный библиографический список

1. Тран Тхи Бич Нхан, До Тхи Мин Хьонг. Возможности и вызовы при реализации соглашений о свободной торговле нового поколения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mof.gov.vn/webcenter/portal/vclvcst/pages_r/l/chi-tiet-tin?dDocName=MOFUCM150981
2. Обзор прогноза мировой экономической ситуации в первом квартале и на весь 2022 год. Главное статистическое управление. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gso.gov.vn/du-lieu-va-so-lieu-thong-ke/2022/03/tong-quan-du-bao-tinh-hinh-kinh-te-the-gioi-quy-i-va-ca-nam-2022/>.
3. Ха Ван. Реализация двойных целей, чтобы принести людям счастье и благополучие. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thutuong.chinhphu.vn/thuc-hien-muc-tieu-kep-de-dem-lai-hanh-phuc-am-no-cho-nhan-dan-10939143.htm>.
4. Департамент иностранных инвестиций Министерства планирования и инвестиций. Отчет о прямых иностранных инвестициях в 2019 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mpi.gov.vn/Pages/tinbai.aspx?idTin=44963&idcm=208#:~:text=T%C3%ADnh%20chung%20trong%20n%C4%83m%202019%2C%20t%E1%BB%95ng%20v%E1%BB%91n%20%C4%91%E1%BA%A7u%20t%C6%B0%20V%E1%BB%87t,%C4%91%E1%BA%A1t%20403%2C15%20tri%E1%BB%87u%20USD>.
5. Департамент иностранных инвестиций Министерства планирования и инвестиций. Отчет о прямых иностранных инвестициях в 2019 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mpi.gov.vn/Pages/tinbai.aspx?idTin=44963&idcm=208>.
6. Туи Куиен. Привлечение ПИИ в 2019 году достигло 38,02 млрд долларов США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mpi.gov.vn/Pages/tinbai.aspx?idTin=44949&idcm=188>.
7. Нгуен Куок Хунг. Интеграция Вьетнама в мировую экономику: содержание, цели и перспективы // Компартия Вьетнама: Новая веха в истории. Москва: ИДВ РАН, 2021.
8. Мин Нгок. Капитал ПИИ, вливаемый во Вьетнам, резко увеличился. Правительственная электронная газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baochinhphu.vn/von-fdi-rot-va-viet-nam-tang-manh-102302957.htm>.
9. Еще одно решение для стимулирования уравниловки и продажи капитала в госпредприятиях. Электронная газета «Банковское время». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bankingplus.vn/them-mot-giai-phap-thuc-day-co-phan-hoa-ban-von-tai-dnnn-66614.html>.
10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tapchitaichinh.vn/su-kien-noi-bat/thu-hut-fdi-va-viet-nam-tu-cac-hiep-dinh-thuong-mai-tu-do-the-he-moi-co-hoi-va-thach-thuc-340209.html>.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-461-463

КОЛЕСНИК В. Н.

старший преподаватель кафедры менеджмента в энергетике и промышленности Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт»

МИРОШНИКОВА Л. Ю.

старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

К КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ РОЗНИЧНОГО РЫНКА ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ (МОЩНОСТИ)

В статье проводится анализ связей субъектов модели розничного рынка электрической энергии в правовом поле Российской Федерации.

В рамках данного исследования на основе анализа ценообразующих факторов, субъектной и финансовой составляющей рынка электроэнергетики авторы вносят предложения по применению концептуальной модели развития потребителя на рынке электроэнергии, позволяющей сбалансировать конфликт интересов субъектов рынка между эффективностью деятельности и обоснованностью уровня цен (тарифов) в свете проводимых в отрасли реформ.

Ключевые слова: электроэнергетика, рынок электроэнергии, субъекты рынка электроэнергетики, обоснованная цена, эффективность, политика ценообразования.

KOLESNIK V. N.

senior lecturer of Management in energy and industry sub-faculty of the National Research University «Moscow Power Engineering Institute»

MIROSHNIKOVA L. Yu.

senior lecturer of General education disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

TO THE CONCEPTUAL MODEL OF ACTIVITY OF SUBJECTS OF THE RETAIL MARKET OF ELECTRIC ENERGY (POWER)

The article analyzes the links between the subjects of the model of the retail electricity market in the legal field of the Russian Federation.

Within this study based on the analysis of pricing factors and the subjective and financial components of the electricity market, the authors make proposals for application of a conceptual model of consumer development in the electricity market, which allows to balance the conflict of interests of market entities between the efficiency of operations and the reasonableness of price level (tariffs) in the context of ongoing reforms in the industry.

Keywords: electricity, electricity market, subjects of the electricity market, reasonable price, efficiency, pricing policy.

Формирование обеспечения прозрачности финансовой деятельности участников рынка электроэнергии непосредственно связано с выполнением требований Постановления Правительства РФ от 21 января 2004 года № 24 «Об утверждении стандартов раскрытия информации субъектами оптового и розничных рынков электрической энергии»¹.

Законодательством РФ при предоставлении финансовой отчетности, предусматривается полнота и достоверность раскрываемой информации, с отражением состава и объема затрат при производстве и реализации товаров, работ и услуг. Однако, как показывают исследования, на сегодняшний день «правовое регулирование цен (тарифов) характеризуется отсутствием единого понятийного аппарата, разностью подходов регулирования по одному и тому же вопросу, нечеткостью прав и обязанностей участников соответствующих правовых отношений» [1].

Применение в государственном регулировании цен и тарифов на продукты рынка электроэнергии (мощности) такого метода, как доходность инвестированного капитала, предполагает предоставление экономически обоснованных расчетных данных о доходности инвестиций. Однако раскрытие информации на основе применяемых методов не позволяет объективно оценивать деятельность субъектов рынка, сложилась практика «продавливания» повышения тарифов на услуги энергообеспечения.

Федеральной антимонопольной службой (далее – ФАС) приказом от 21 ноября 2017 года № 1554/17 «Об утверждении методических указаний по расчету сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков с использованием метода сравнения аналогов»² закреплены основные направления формирования регулируемых цен и тарифов на услуги электроснабжения: введена методика расчета дифференци-

1 Постановление Правительства РФ от 21.01.2004 № 24 (ред. от 02.03.2021) «Об утверждении стандартов раскрытия информации субъектами оптового и розничного рынков электрической энергии» (ред. от 02.03.2021 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=nXjVtoTGUMhUMAio&cacheid=58930E519062DC4E490EC4149217A210&mode=splus&rnd=3nGOSQ&base=LAW&n=378907#c8S VtoT84737dS7D1> (дата обращения: 23.03.2021).

2 Приказ ФАС России от 21 ноября 2017 года № 1554/17 «Об утверждении методических указаний по расчету сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков с использованием метода сравнения аналогов» (ред. от 21.12.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=zasatoTNIeZzn3SM&cacheid=E4701BF29AE37054FD78367114F3C123&mode=splus&rnd=3nGOSQ&base=LAW&n=373383#wxat oTCJbJxJDC81> (дата обращения: 23.03.2021).

альных сбытовых надбавок по группам пользователей, переход от валовой выручки к эталонной выручке для выбора оптимального метода учета затрат по группам пользователей. Метод сравнения аналогов для сбытовых компаний был внедрен в 2018 году как стимулирующий метод регулирования. Он основан на сравнении аналогов (эталонных затрат). Предполагалось, что такое сравнение позволит сопоставлять и выравнивать стоимость электроэнергии в соседних регионах на основе экономически обоснованной платы за свои услуги.

Переход к методу эталонных затрат позволил исключить субъективную составляющую, при оценке тарифов регулируемыми структурами рынка, устранить тарифную дискриминацию, и получить экономически обоснованные расходы гарантирующих поставщиков. В целом тарифные решения регулирующих структур субъектов Российской Федерации стабилизировали расчётные значения тарифов и выручку сбытовых организаций.

Предполагается и далее применение эталонов затрат при установлении цен и тарифов на услуги по передаче электрической энергии на основе метода сравнения аналогов.

Данный вопрос был рассмотрен в 11.09.2019 г. на заседании Рабочей группы по вопросам тарифного регулирования в сфере электроэнергетики и жилищно-коммунального комплекса. В ходе совещания ФАС РФ представила обновленный метод, предназначенный для формирования тарифов на услуги по передаче электрической энергии территориальной сетевой организацией (далее – ТСО) с использованием подходов и методов бенчмаркетинга при расчете эталонных затрат, обозначив его как «метод сравнения аналогов». Предложенный метод основан на анализе отчетов органов исполнительной власти субъектов РФ в области государственного регулирования тарифов за 2018 год, предоставленных в ФАС. В основу расчета заложена сумма операционных затрат, учитываемая в составе валового дохода, а также количество электросетевого оборудования.

На основе этих данных проведен расчёт средних арифметических значений удельных операционных расходов для электросетевого хозяйства, определяемых как эталоны затрат. Территориальная составляющая, учитывающая региональные особенности введена через поправочные коэффициенты. В существующем виде эталоны в электрических сетях не могут рассматриваться в качестве максимально эффективного метода регулирования, поскольку затрагивается часть необходимой выручки сетевых организаций – операционные (подконтрольные) расходы. К аналогичным выводам приходит О. О. Мозговая: «методика оказывает ограниченное стимулирующее воздействие на гарантирующих поставщиков и не создает квазиконкурентных условий и достаточных стимулов повышения эффективности...» [2].

В целях совершенствования метода и обоснования значений эталонных затрат, повышения прозрачности деятельности субъектов рынка необходимо использовать дополнительные данные. Для формирования обоснованных значений эталонных затрат представляется возможным использование математической модели учета затрат на работы по комплексному техническому обслуживанию и ремонту (ТОиР), включая операционные расходы, предусмотренные действующим законодательством о регулировании

цен и тарифов. Таким образом, на первом этапе реализации используются данные:

- по фактическим затратам на ТОиР и прочим операционным расходам в области госрегулирования цен и тарифов;

- о фактических трудовых расходах в структуре номенклатуры работ (ТОиР и других работ по эксплуатации электросетевых объектов);

- характеристики структуры и объемов электросетевого оборудования и прочих объектов, находящихся в эксплуатации, в различных единицах измерения (шт., км, кв. м, УЕ, и т.д.);

- по структуре и профспециализации персонала эксплуатационного и ремонтного отделов [3].

Одновременно решаются вопросы консолидации электросетевого хозяйства. В интервью заместителя министра энергетики Е. П. Грабчака прозвучало, что в ближайшее время планируется ввести целевую модель в которой разрабатывается система критериев по созданию опорных ТСО в регионе и, как результат, появление одной системообразующей ТСО и существенное сокращение ТСО, не отвечающих критериям [4].

Дополнительно рассматривается вопрос об исключении из перечня объектов недвижимости ТСО, принадлежащим по следующим основаниям:

- договор аренды, в т.ч. финансовой;

- договор безвозмездного пользования;

- договор доверительного управления имуществом (за исключением объектов электросетевого хозяйства, находящихся в государственной и муниципальной собственности, а также случаев, когда собственник имущества электросетевого хозяйства ЭСХ является основным или дочерним и зависимым от организации поставщика, использующей такие объекты).

Такой подход встречает критику. По мнению специалистов ООО «Казанская энергетическая компания» (входит в состав холдинга компаний «Доступная Энергия»), опубликованному на официальном сайте компании, вводимые критерии оценки ТСО приведут к необоснованному препятствованию деятельности хозяйствующими субъектами и сокращению их количества на рынке. Так, только в Московской области введение критериев может сократить 84,4 % ТСО³. Альтернативное решение – внедрение методики ФАС регулирования по эталонам, в которой необходимо учесть эффективную деятельность небольших по капиталоемкости ТСО и субъектов рынка, у которых энергохозяйства не имеют статуса ТСО.

Следующей немаловажной проблемой на розничном рынке являются бесхозные энергообъекты. По информации на официальном сайте филиала ПАО «МОЭСК» (входит в ГК «Россети») только в 2017 году энергетики «в ходе обследования выявили около 8 км бесхозных воздушных линий электропередачи (ЛЭП) напряжением 0,4 – 10 кВ и пять

3 ООО «Казанская энергетическая компания» Новые критерии отнесения к электросетевым организациям. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://holding-energy.ru/novye-kriterii-otneseniya-k-elektrosetevyim-organizacziyam.html> (дата обращения: 21.03.2022).

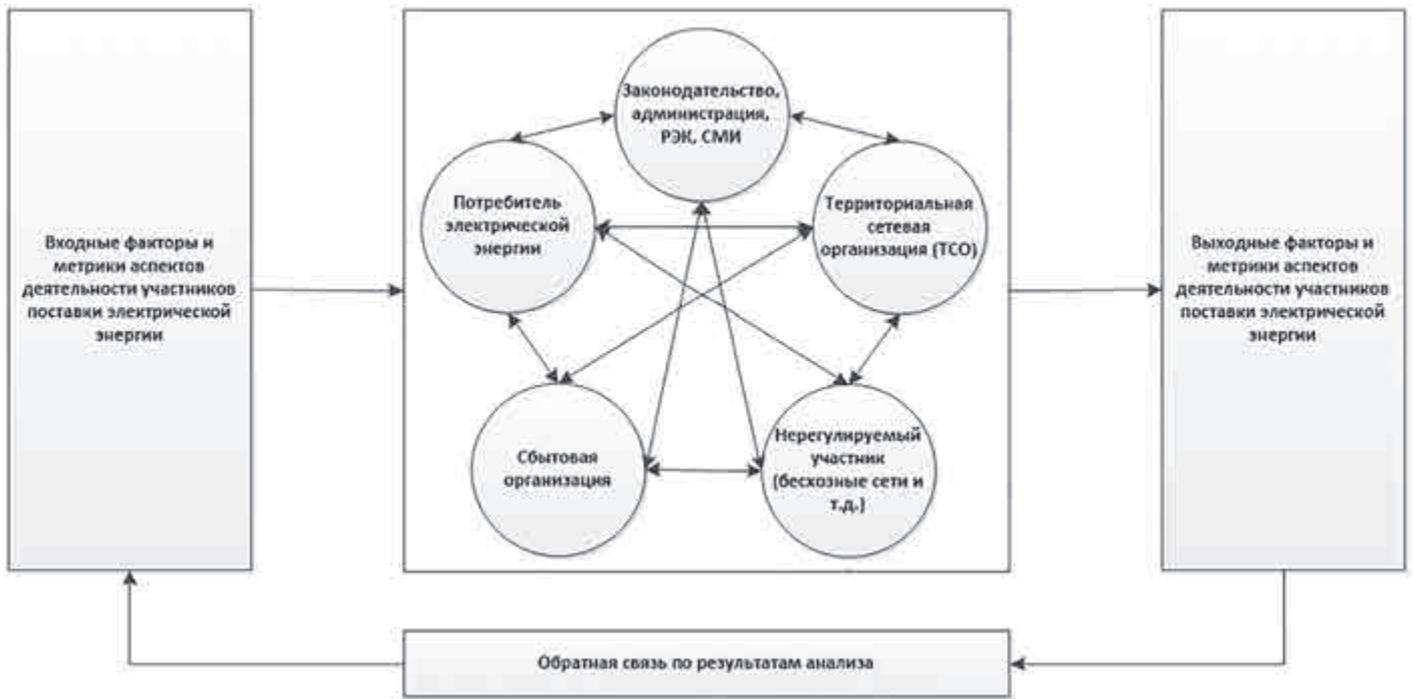

Рисунок 1.

трансформаторных подстанций»⁴. Проблема остаётся актуальной и сегодня.

Анализ информации о деятельности субъектов рынка электрической энергии (мощности) показал, что рассмотрение вопросов с участием потребителей электрической энергии (мощности) участниками рынка на обсуждение практически не выносятся. Например, объёмы переписки потребителей (содержательная часть переписки – заявки, жалобы, предложения) с ТСО и сбытовыми компаниями не выходят на системный уровень работы с потребителем и остаются на уровне документооборота участников рынка или иногда выносятся на обсуждение в СМИ.

В целях определения условий и вывода логических следствий, объяснений эмпирических явлений, изучение возможностей и гипотез, получения численных и категориальных прогнозов возможных результатов предлагается разработать концептуальную модель деятельности субъектов розничного рынка электрической энергии (мощности). Ниже приведена концептуальная модель розничного рынка электрической энергии (мощности).

Базовые структуры ценообразующего сектора модели розничного рынка электроэнергетики:

- законодательство, регулирующее отношения в сфере розничного рынка электрической энергии (мощности), РЭК, СМИ;
- ТСО и энергохозяйства без статуса ТСО;
- не регулируемые участники рынка (бесхозные сети);
- сбытовые организации;
- потребитель электрической энергии (мощности).

Модель позволяет изучать разнонаправленную деятельность участников рынка, учитывать возможные дополнительные метрики, характеризующие базовые структуры,

при этом, оперативно и эффективно менять базовую структуру для достижения добросовестной конкуренции между ТСО в борьбе за потребителя.

Пристатейный библиографический список

1. Ахроров А. Д., Куанышбаев А. Д., Сагинтаева С. С. и др. Системное тарифное регулирование в энергетической отрасли: теория, методология, практика: монография. – М.: Издательство МЭИ, 2022. – С. 98.
2. Мозговая О. О. Эталонный метод и метод сравнения аналогов при регулировании энергосбытовой деятельности: синонимы или нет // Вестник Евразийской науки. – 2019. – № 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://esj.today/PDF/17ECVN619.pdf> (доступ свободный).
3. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» Институт экономики и регулирования инфраструктурных отраслей Внедрение эталонов в электросетевом комплексе: экспертное мнение. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ur.hse.ru/news/307957675.html> (дата обращения: 20.03.2022).
4. Смергина П. Интервью заместителя министра энергетики Е. П. Грабчака, «Мы точно против деприватизации» // Газета «Коммерсантъ». – № 237 от 28.12.2021. – С. 8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5153179> (дата обращения: 21.03.2022).

⁴ Россети Московский регион «МОЭСК выявила бесхозные электросети на севере Московской области». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rossetimr.ru/press/company_news/item129392.php?sphrase_id=162384.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-464-466

ЧУГУНОВА Ольга Анатольевна

кандидат экономических наук, доцент Российского университета транспорта

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЛОГИСТИКЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

Современные тенденции прогрессивных исследований и инновационных изысканий в разных сферах включают в себя и такую важную область экономики как сектор логистики. Применение в сегменте логистики современных и более совершенных информационных технологий дает возможность и значительные перспективы в вопросе обеспечения кардинально новой динамики выполнения необходимых операций и высокой эффективности и результативности в решении задачи сокращения финансовых и трудовых затрат, что выступает решающим фактором в проблематике повышения конкурентоспособности современной компании и, как результат, существенного увеличения прибыли. Исследование данной статьи направлено на изучение и анализ процессов трансформации и внедрения новейших технологий, систем, механизмов и инструментария в современной логистике.

Ключевые слова: логистика, информационные технологии, логистические цепочки, Логистика 4.0.

CHUGUNOVA Olga Anatoljevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Russian University of Transport

THE USE OF MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES IN LOGISTICS IN THE CONTEXT OF A PANDEMIC AND ECONOMIC SANCTIONS

Modern trends in progressive research and innovative research in various fields include such an important area of the economy as the logistics sector. The use of modern and more advanced information technologies in the logistics segment provides an opportunity and significant prospects in the matter of ensuring a radically new dynamics of performing the necessary operations and high efficiency and effectiveness in solving the problem of reducing financial and labor costs, which is a decisive factor in the problem of increasing the competitiveness of a modern company and, as a result, a significant increase in profits. The study of this article is aimed at studying and analyzing the processes of transformation and implementation of new technologies, systems, mechanisms and tools in modern logistics.

Keywords: logistics, information technology, supply chains, Logistics 4.0.

Постановка проблемы.

На современном этапе формирования и развития современной цифровой экономики отечественные предприятия столкнулись с острой необходимостью совершенствования своей производственной и функциональной деятельности из-за объективных требований сокращения временных интервалов и расходов в процессах снабжения, производства и сбыта, а также при формировании новых систем логистических цепочек вследствие кардинальных геополитических и геоэкономических изменений современной системы международных отношений в частности и мировой экономики в целом. Динамика изменяющихся условий крайне обостренной конкурентной борьбы и объективная необходимость более оперативного и своевременной адаптации к сложной геополитической и экономической ситуации, обуславливают надобность в более глубоком подходе к осуществлению внедрения инноваций в современную логистическую деятельность.

Анализ последних исследований.

Вопросы оптимизации и повышения эффективности управления логистическими каналами актуальны и востребованы в отечественной литературе, ведь экономический кризис и конкуренция на рынке логистических посредников обуславливают поиск новых инновационных способов работы. Вопросы инноваций в логистике находятся в поле зрения исследователей, занимающихся проблемами логистики, таких как Горшкова С. С., Кручинин И. Н., Овечкина О. М.,

Плотников А. А., Татаренко Л. Ю., Фомичёва П. А., Шепелин Г. И. В своих трудах, к примеру, Н. Чухрай и Р. Патора отмечают, что одной из немногих сфер экономики, для которой необходимо инновационное развитие, является транспорт и коммуникации, обеспечивающие беспрепятственное перемещение товаров, капитала, информации, людей, услуг.

Теоретические, практические и методические аспекты формирования логистической стратегии предприятий нашли отражение в научных трудах зарубежных и отечественных ученых: Пустохина И. В., Красавина Т. Е., Чугреева А. А., Шепелин Г. И. и других. Особое внимание к новым технологиям в логистике обусловлено необходимостью реформирования современных предприятий для усиления их конкурентоспособности на внутреннем и международном рынках.

Цель статьи – обоснование главных направлений повышения эффективности функционирования логистических предприятий за счет внедрения инноваций и информационных технологий для повышения качества предоставления услуг, выявления путей повышения эффективности хозяйственной деятельности и конкурентоспособности отечественных предприятий.

Изложение основного материала исследования.

Термин «логистика» на сегодня является достаточно широко общепотребительным, так как сфере логистики, играющей важную роль в цепях снабжения, отводится одно из ключевых мест в процессе конкурентного противостояния компаний. Существует целый ряд опре-

делений логистики. В частности, логистику определяют как процесс планирования, организации, координации и контроля потока материалов, информации, денег, энергии и ценностей в логистической системе [6]. Вместе с реализацией данных процессов логистика также выступает как дисциплина, синтезирующая и использующая современные знания и методы сразу нескольких предметов, непосредственно связанных с логистикой, для результирующего решения заданной материально-технической задачи. Содержание логистики состоит из управления транспортировкой, складской деятельности, кадрового обеспечения, организацией информационных систем, вопросов снабжения и коммерческой деятельности предприятия, то есть симбиоз вышеприведенных сфер логистики в формате единой целостной системы [8]. Таким образом, основная задача логистики состоит в организации процесса обеспечения продукции в надлежащем качестве и запланированном количестве, в определенном месте назначения, в конкретно обозначенное время и из заранее запланированного источника, через применение соответствующего метода и оборудования, при использовании минимальных затрат [4].

Касательно особенностей интернационального и национального бизнеса в условиях геополитических противоборств, исследования, проведенные с целью определения мотиваций и предпочтений субъектов международного и национального предпринимательства, выявивших несколько интересных последствий:

1. Несмотря на то, что международные экономические санкции преимущественно применяются к крупным бизнесам и целым отраслям (секторальные санкции), больше всего страдают малые и средние предприятия. Приблизительно 90% опрошенных предпринимателей – представителей локального – малого и среднего бизнеса испытывают влияние санкций.

2. Применение санкций, по признанию большинства респондентов, усилило националистические настроения в социокультурной среде сторон санкционного процесса и, соответственно, этноцентрическую ориентацию производства и потребления.

3. Активизируется поляризация политических приоритетов гражданского общества, что отрицательно сказывается на мотивации потребительского выбора: на смену рациональному расчету приходит чувство патриотизма.

Фактически речь идет о разрешении противоречия между потенциалом развития систем маркетингового управления в условиях рыночных механизмов международных экономических отношений и возможностями реального использования технологий маркетингового управления в условиях применения санкций, порождающих ряд противоречий от торговых несогласованностей к торговым войнам, а также военных конфликтов.

Специфическими задачами международного и национального маркетинга в условиях международных торговых споров являются [2]:

- выявление особенностей и приоритетов новых мотиваций сторон конфликта;
- оценка контролируемых и неконтролируемых факторов восстановления лояльности и активизации сотрудничества;

- определение условий стабилизации маркетинговой деятельности на основе многовариантности управленческих решений;

- учет ожидаемых и неожиданных положительных и негативных последствий применения санкций для всех участников процесса

В зависимости от интенсивности международных экономических санкций можно выделить несколько видов рыночных стратегий, применяемых предприятиями в системе управления международным и национальным маркетингом в условиях административных воздействий для сохранения своей конкурентоспособности [1]:

- завоевание доли рынка или экспансия новых рынков/сегментов;
- активизация инновационного развития;
- углубление дифференциации продукции;
- диверсификация деятельности компании;
- снижение издержек производства за счет доступа к относительно дешевым факторам производства;
- ожидание «лучших времен»;
- индивидуализация потребителя.

В период пандемии значительное количество логистических компаний начало IT-революцию с применением оптимизации и диджитализации, в частности, использование IT-платформ с целью обмена тарифами и ставками.

Тренды показывают, что в процессы управления логистикой активно внедряются элементы «Индустрии 4.0». Внедряемая система «Logistics 4.0» опирается на использование технологических приложений, позволяющих эффективно планировать ресурсы, управлять складскими и транспортными системами для обеспечения эффективности передачи данных и материалов между отделами; кибер-физические системы и промышленный Интернет вещей могут поддерживать отслеживание в режиме реального времени и отслеживание материалов внутри и за пределами предприятий, позволяя улучшить управление внутренней и внешней логистикой.

Следовательно, после пандемии логистический мир изменится. И компании, которые следят за трендами и быстро адаптируются к переменам, смогут управлять ситуацией, создавать услуги, которые будут востребованы, и усиливать свои позиции в бизнесе.

Современный период интеграционных процессов и парадигмы всеобщей глобализации, динамика усиления роста конкуренции на мировом рынке, появление более сложных продуктов с существенно коротким жизненным циклом, при постоянном повсеместном стремлении к контролируемому снижению издержек и колебание в формировании потребностей потребителей, породили абсолютно новейший ряд технологий и бизнес-процессов, что поставило перед логистическим сектором на сегодня более масштабные вызовы и практические задачи, а оперативность в реагировании на них является ключевым фактором успеха любого современного предприятия. Таким образом, наиболее приоритетной сферой инновационных решений на современном предприятии становится логистика. Следовательно, главной задачей специалистов на предприятии, является оперативное и обоснованное внедрение инновационных инструментов и механизмов в логистическую деятельность предприятия, что дает возможность контролировано ускорить логистические про-

цессы с одновременным снижением затрат на их непосредственную реализацию [7].

Дигитализация в логистической отрасли перестает быть всего лишь научной теорией в учебных заведениях и на конференциях. Сфера логистики уже давно находится на пороге величайшей технологической революции последних десятилетий, принимая более активное участие в заново формируемых производственных и функциональных процессах, определяя новые требования к участникам рынка и исключая тех, кто не способен к ней приспособиться. В связи с этим возник термин «Логистика 4.0», объективно созданный по отношению к термину Industry 4.0.

Предполагается, что на практике весь процесс в логистике 4.0 будет происходить почти полностью автоматически, в результате чего люди будут нужны только для обслуживания программных продуктов; системы будут все более масштабно компоновать данные в масштабных хранилищах (Big Data), где они будут применяться для более эффективной оптимизации запасов продуктов, непосредственных процессов их продаж и фактического изготовления; системы будут автоматически предлагать и продавать услуги, приспособленные к потребностям потребителей[5].

Приход «Логистики 4.0» характеризуется широким распространением робототехники, фундаментально изменяющей саму структуры жизненного уклада людей и способ заработка в целом, все дороже становятся интеллектуальный труд и интеллектуальная собственность [3].

В результате со временем уменьшится количество дилеров, дистрибьюторов и иных форм посредников в логистической цепи. В настоящее время потребители становятся более рациональными и прагматичными, меньше чем раньше склонны к импульсивным покупкам.

Выводы.

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к заключению относительно того, что в настоящее время наблюдается изменение глобального тренда в кардинальном переформатировании самой сущности и базовых функций логистического процесса в направлении устойчивого и качественного развития всей мировой экономики в целом. Это дает перспективные возможности к реализации кардинально огромного логистического потенциала промышленных предприятий (что особенно важно для производственной базы РФ), превратить логистику в сферу национальной экономики, способную оказать существенную помощь предприятиям нашей страны стать более конкурентоспособными и прибыльными. Исследовав тенденции переформатирования инноваций и информационных систем в современной системе транспортировки, можно сказать, что логистика сегодня – сложный и многофункциональный процесс, и поэтому разработка и внедрение информационных технологий в современной логистике является крайне необходимым аспектом. Для эффективного выполнения своих базовых функциональных задач: осуществление научных исследований и отслеживание логики и эффективности взаимосвязей систем; управление заказами, поддержка стабильности в функционировании логистической цепи; а также поддержка необходимого уровня генерирования форм исходных данных. Таким образом, тесное и взаимосвязанное сотрудничество ИТ и логистики способны обеспечивать эффективность по-

ставки продукции потребителю на необходимом для сегодня уровне, поэтому сектор логистики и развивается в соответствии с современными глобальными вызовами и требованиями, формируя, разрабатывая, внедряя и широко применяя самые перспективные передовые технологии.

Пристатейный библиографический список

1. Андреевков Н. П., Курочкина А. А. Стратегии ведения торговых войн на мировом рынке // Наука на рубеже тысячелетий. – 2018. – С. 82-86.
2. Афонцев С. А. Политика и экономика торговых войн // Журнал новой экономической ассоциации. – 2020. – № 1. – С. 193-198.
3. Бубнова Г. В. Цифровая трансформация логистики (логистика в Индустрии 4.0) // Логистика: современные тенденции развития. – 2017. – С. 55-59.
4. Горшкова С. С. Сущность понятия и проблемы развития транспортной логистики в России // Научный редактор. – 2021. – С. 56.
5. Евтодиева Т. Е. Логистика 4.0: возможности и перспективы // Технологические инициативы в достижении целей устойчивого развития. – 2019. – С. 28-32.
6. Плотников А. А., Татаренко Л. Ю. Логистика: сущность, проблемы, перспективы развития // Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах. – 2021. – С. 323-325.
7. Федоренко А. Д. Закупочная логистика: сущность, проблемы управления // XV Неделя науки молодежи северо-восточного административного округа города Москвы. – 2021. – С. 123-126.
8. Фомичёва П. А., Шепелин Г. И. Сущность и задачи транспортной логистики // Актуальные исследования. – 2021. – № 29. – С. 14-16.

FASTOVICH Galina Gennadjevna

senior lecturer of Theory of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Krasnoyarsk State Agrarian University

LITVINOVA Valentina Sergeevna

Ph.D. in agricultural sciences, associate professor of the Institute of Economics and Management of the Agroindustrial Complex of the Krasnoyarsk State Agrarian University

KUDASHOVA Irina Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative law and administrative activities of the internal affairs directorate sub-faculty of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia

INFORMATION TECHNOLOGIES AS ONE OF THE FACTORS OF EFFICIENCY OF THE STATE MECHANISM

The article forms a number of features and problems of legal regulation of information technologies of modern Russia. The analysis of normative legal acts the authors conclude that the effectiveness of government reforms will allow the Russian Federation to 2030, to implement the vector directions of the Strategy of information society development in the Russian Federation, which in turn will increase the efficiency.

Keywords: government mechanism, information technology, efficiency factors, information society.

ФАСТОВИЧ Галина Геннадиевна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Красноярского государственного аграрного университета

ЛИТВИНОВА Валентина Сергеевна

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент Института экономики и управления АПК Красноярского государственного аграрного университета

КУДАШОВА Ирина Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности управления внутренних дел Сибирского юридического института МВД России

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА

В статье формируется ряд особенностей и проблем нормативно-правового регулирования информационных технологий в современной России. В ходе анализа нормативно-правовых актов автор приходит к выводам, что эффективность проводимых государственных реформ позволит Российской Федерации к 2030 году реализовать векторные направления Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, что в свою очередь усилит эффективность функционирования.

Ключевые слова: государственный механизм, информационные технологии, факторы эффективности, информационное общество.

In a state governed by the rule of law, the principle of dividing a single state power into legislative, executive and judicial is implemented, these three branches of government should be independent and interconnected with each other through the mechanism of checks and balances. The judicial power in the state occupies an equal place with the legislative and executive, ensuring compliance with the regime of legality of implementation in both branches of government, while based on the legislative power and ensuring its implementation through the mechanism of executive power. In recent years, there has been a fairly dynamic development of electronic services in courts of general jurisdiction. Unlike e-justice services in arbitration courts, the functionality of the SAS "Justice" system is primarily aimed at ensuring the administrative needs of the system of courts of general jurisdiction, which is confirmed by the list of functioning subsystems.

1. Administrative management is the subsystem designed to collect, process, store and issue data and documents necessary for the performance of functional duties and information support for the activities of officials of the Judicial Department and departments of the Judicial Department in the subjects, as well as to improve the efficiency of their information and reference services [1].

2. Bank of judicial decisions (judicial practice) is the subsystem designed to organize automated collection of court decisions, form a single bank of court decisions, provide a mechanism for systematizing information on these court decisions and providing authorized access to information from various categories of users.

3. Departmental statistics of the Judicial Department is the subsystem is designed to collect statistical data of departmental reporting obtained from the corresponding functional subsystems of the SAS "Justice", for the purpose of subsequent analysis of the accumulated data.

4. Videoconferencing is the subsystem designed to provide the Supreme Court of the Russian Federation and the CGJ level of

the subjects of the Russian Federation with a videoconferencing service, as well as to ensure that court sessions are held in the mode of remote participation of convicts and witnesses.

5. Document flow and citizens' appeals is the subsystem designed to automate the information processes of document flow and record keeping of the system of the CGJ and related to the documentation support of the management of the activities of courts of general jurisdiction and the Judicial Department system (including in terms of processing letters and citizens' appeals) [2].

6. The Internet portal of the SAS "Justice" is the subsystem designed to provide access to citizens, legal entities, and public authorities to information about the activities of the judicial system.

7. Information and reference subsystem is designed for information and reference services of courts of general jurisdiction and the Judicial Department system at the Supreme Court of the Russian Federation, as well as relevant public authorities online.

8. Personnel is the subsystem designed for complex automation of the main areas of activity of personnel bodies of the Judicial Department and court apparatuses: accounting, storage and analysis of data on the organizational and staff structure and personnel composition of courts of different levels and bodies of the Judicial Department system.

9. Material and technical resources is the subsystem designed to automate the planning and accounting of the provision of material and technical means of the system of the Judicial Department and courts of general jurisdiction (including military courts), to create an integrated database on data coming from the regions characterizing the objects of material and technical accounting.

10. Financial control is the subsystem designed to improve the efficiency of inspections and audits of financial and economic activities of courts and the Judicial Department system.

11. International legal cooperation is the subsystem designed to provide access and search for necessary information in the environment of information resources of international legal organizations, state and other bodies, judicial authorities abroad for the purpose of preparing analytical reports, as well as maintaining electronic libraries of international legal acts and foreign legislative acts on justice issues [3].

12. Real estate is the subsystem is designed to automate the information processes of managing real estate, works and resources necessary for sustainable functioning.

13. Information security is the subsystem designed to increase the level of data reliability and information security, protect information resources when solving problems of integration with other automated systems of public authorities and the introduction of secure technology for processing confidential information, as well as to create a comprehensive anti-virus protection system.

14. Maintenance of operation and maintenance is the subsystem designed to automate the processes of ensuring the operation of software and hardware of SAS "Justice" and maintenance of automation complexes.

15. Personnel training is the subsystem designed to automate the processes of organizing and conducting training of judges, civil servants of court apparatuses and the Judicial Department system using distance learning technology.

16. Public relations is the subsystem designed to improve the efficiency of the processes of establishing and developing relations between the judicial community bodies with state and other bodies, institutions and organizations (including foreign ones).

17. Organizational support is the subsystem designed to create, maintain, distribute classifiers, reference books and dictionaries, normative reference information, as well as to ensure information compatibility and technological unity of information flows of courts of general jurisdiction (including military courts) and the Judicial Department system.

18. Display of information for collective use is the subsystem designed to display objects and information recognized as material evidence during a court session, including with the participation of jurors, reference information in the reception rooms and halls of courts of the subjects of the Federation and offices of the Judicial Department, as well as the use of visual display tools for training and ensuring the daily activities of courts and offices of the Judicial Department.

19. Law is the subsystem designed for input, storage and circular distribution of regulations, organization of access to the reference database of regulations and reference databases of legal acts located in the legal systems of federal and local legislation.

20. Communication and data transmission is the subsystem provides a modern telecommunications environment to ensure reliable, reliable and prompt data transmission between the complexes of automation systems of SAS "Justice" at all levels, as well as the exchange of various kinds of information (voice, fax, video) between subscribers of the subsystem.

21. Judicial statistics is the subsystem intended for the formation of judicial statistical data established by the regulations of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation.

22. Forensic examination the subsystem is designed to improve the efficiency of information interaction between users of the SAS "Justice" at all its levels when automating the forensic activities of courts of general jurisdiction in terms of meeting the relevant information requests of judges, their assistants, court staff and other users of the subsystem¹.

23. Finance is the subsystem designed to automate the activities of divisions of the Judicial Department, departments of the Judicial Department in the subjects of the Federation and supreme (district) courts in the subjects of the federation (districts), carried out by them in the process of budget funds management, on the basis of a single legal, methodological and information space². Approved by the Council of Judges of the Russian Federation on December 5, 2019. The concept of the information policy of the judicial system for 2020-2030, which is aimed at harmonizing relations between the judiciary and society, openness and transparency of legal proceedings, improving ways of accessing

information about the activities of courts, objective coverage of the activities of courts in the media. At the end of May 2021, it became known that artificial intelligence began to be used in Russia when making court decisions. We are talking about the use of technology in tax collection. A pilot project has been launched at three judicial stations in the Belgorod region. According to Viktor Mamontov, Chairman of the Council of Judges of Russia, the system will help to make court decisions when collecting property, transport and land taxes. The tasks include issuing the court order itself, preparing documents and checking the details.

At present the level of informatization of the judicial system in the Russian Federation is at a high level. At the same time, the leader and pioneer in the introduction and use of the latest technologies is the system of arbitration courts, in which online justice can be considered an established fact. The strengths and advantages of Russian electronic arbitration justice are:

- the possibility of filing a claim and other documents in electronic form, regardless of the type of legal proceedings, the category of the case and the instance;

- the possibility of full-fledged holding of court sessions online through a web conferencing system;

- the possibility of remote familiarization with the case materials and evidence in electronic form. Access is provided, among other things, to printed documents scanned by the court's office, as well as audio recordings of court sessions;

- availability on the Internet of the texts of court decisions of all levels and links;

- availability of the service for forecasting the timing and results of the consideration of cases;

However, it is necessary to point out a number of problematic aspects related to the electronic document management system in the judicial system. Firstly, the problem of protecting the personal information of participants in the proceedings, which is publicly available in the electronic justice system. Secondly, a number of problems arise when conducting video conferencing directly, there are frequent cases of lack of technical capability to conduct it, which deprives the party of the opportunity to express its arguments on the case materials. Thirdly, the issue of the possibility of a lawyer's participation in the process when using videoconferencing to protect his client is not regulated by law, which is a restriction of the constitutional right of citizens to receive legal assistance. Fourth, it is important to point out such a problem as double document flow, currently, all actions by employees of the court staff are carried out both in electronic form and in paper form. This creates an excessive burden on the court apparatus and does not contradict the main goals of the introduction of new information technologies. Of course, these problems require their own legislative solution.

Пристатейный библиографический список

1. Тепляшин И. В., Фастович Г. Г. Критерии эффективности государственного механизма: общетеоретический анализ // Проблемы модернизации правовой системы современного российского общества. Сборник докладов Международной научной конференции. - 2011. - С. 114-116.
2. Фастович Г. Г., Щекин А. Ю. К вопросу о мерах по повышению эффективности государственного механизма (на примере исследования АПК России) // Аграрное и земельное право. - 2020. - № 2 (182). - С. 19-20.
3. Фастович Г. Г., Кудашова И. В. Информационные технологии в системе повышения эффективности деятельности органов государственной власти: теоретико-правовой аспект // Право и политика. - 2020. - № 2. - С. 18-22.
4. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 599 «О мерах реализации государственной политики в области образования и науки» // Консультант плюс
5. Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. // Российская газета. - 2020. - 16 января.

1 Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 599 «О мерах реализации государственной политики в области образования и науки» // СПС «Консультант плюс».

2 Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. // Российская газета. - 2020. - 16 января.

НАФИКОВА Ляйсан Шамилевна

аспирант Уфимского государственного нефтяного технического университета

УСЛОВИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КОМПАНИЙ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

В статье представлен авторский взгляд на содержание понятия «потенциал устойчивого развития» на основе аналитического обзора международных стандартов, устанавливающих основные принципы и требования к компаниям в области устойчивого развития по направлениям – экология, общество и экономика. Сформулированы автором основные критерии раскрытия информации об устойчивом развитии бизнеса в нефинансовой отчетности.

Ключевые слова: устойчивое развитие, потенциал, стандарты, ESG-отчетность, стейкхолдеры, корпоративная устойчивость, топливно-энергетический комплекс.

NAFIKOVA Lyaysan Shamilevna

postgraduate student of the Ufa State Petroleum Technical University

CONDITIONS FOR ENSURING SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF FUEL AND ENERGY COMPLEX COMPANIES

The article presents the author's view on the content of the concept of "sustainable development potential" based on an analytical review of international standards that establish the basic principles and requirements for companies in the field of sustainable development in the areas of ecology, society and economy. The author formulated the main criteria for disclosing information about sustainable business development in non-financial reporting.

Keywords: sustainable development, potential, standards, ESG reporting, stakeholders, corporate sustainability, fuel and energy complex.

Впервые термин «устойчивое развитие» появилось в 1986 году в российской научной мысли в книге «Наше общее будущее». Одним из первых российских ученых, занявшихся проблемами устойчивого развития, стал академик В. А. Коптюг [1], выразивший свои идеи в докладе «Концепция устойчивого развития и социально-политические движения» в 1996 году. Он обозначил 2 альтернативы развития человечества в XXI веке: либо уничтожение цивилизации, либо разработка документов концептуального характера, содержащих парадигмы развития в новейшей истории, а именно устойчивого развития.

С точки зрения устойчивого развития компаний потенциал устойчивого развития - это возможность обеспечения корпоративной устойчивости, характеризующейся сбалансированностью измерений в финансовой, инвестиционной, инфраструктурной, организационной, эффективной, социальной, инновационной, экологической перспективах при имеющемся и определенном на будущее количественно-структурном и качественно-функциональном объеме ресурсов и, учитывающем ограничительные факторы глобальной устойчивости

Российские компании ТЭК, позиционирующие себя как компании, создающие будущее, вносят значительный вклад в реализацию целей и принципов устойчивого развития, тем самым усиливая позиции на мировом энергетическом рынке, и достигая значительные результаты при реализации масштабных нефтегазовых проектов.

Крупнейшие российские компании, имеющие производственных площадки в различных регионах России и развивая отдельные направления деятельности за рубежом (Ирак, Болгария, Казахстан, Узбекистан, ОАЭ и другие), реализуют множество инициатив в области устойчивого социально-экономического развития региона своего присутствия, тем самым подтверждая статус ведения со-

циально-технологично-инновационно-экологично-урбанизационно-инфраструктурно-экономически ответственного бизнеса.

Сегодня компании ТЭК формируют интегрированную отчетность в формате XBRL (отчетность об устойчивом развитии компании), содержанием которой являются раскрытие подходов и инструментов реализации принципов устойчивого развития, их вклад в реализацию генеральных целей ООН в области устойчивого развития.

Содержательный контент концепции устойчивого развития отражен в отчетах об устойчивом развитии следующих компаний ТЭК России:

– ПАО АНК «Башнефть» - вертикально-интегрированная нефтяная компания. В своем составе имеет 4 нефтеперерабатывающих завода, развитую сбытовую сеть. Входит в ТОП-10 по добыче нефти и в ТОП-5 по переработке в России;

– ПАО «НК Роснефть» - нефтяная компания занимается разведкой и добычей нефти и газа, производит нефтепродукты и продукты нефтехимии, а также реализует произведенные продукты. Компания входит в список стратегических предприятий, крупнейшая в мире публичная компания по добыче нефти. Сбытовая сеть охватывает 41 регион страны;

– ПАО «Лукойл» - крупнейшая вертикально-интегрированная компания, вторая по объему выручки после «Газпрома» (по итогам 2014 года), первая в мире компания по запасам нефти. Владеет семью нефтеперерабатывающими заводами;

– ПАО «Татнефть» - российская нефтяная компания, в своей разработке имеет крупнейший проект по строительству нефтеперерабатывающего комплекса «ТАНЕКО»;

– ПАО «Транснефть» - монополист в России по транспортировке нефти и нефтепродуктов;

– ПАО «Газпром» - российская транснациональная корпорация, крупнейшая газовая компания мира, владеет

самой протяженной газотранспортной системой, мировой лидер отрасли.

Российские топливно-энергетические компании при формировании отчета об устойчивом развитии руководствуются международным документом GRI.

Руководство G4 или Руководство по отчетности в области устойчивого развития [2]. Данный документ формирует общий формат представления информации компаний об их деятельности в экологическом (окружающая среда), социальном (общество) и экономическом (экономика) аспектах, отражая также позитивное или негативное влияние жизнедеятельности компаний на объекты устойчивости.

Реализуя глобальные цели в области устойчивого развития и, опираясь на национальные интересы и отраслевые особенности деятельности, компании ТЭК представляют отчетность об устойчивом развитии в единой документальной форме, позволяя сформировать информацию, доступную стейкхолдерам, опираясь на принципы доступности, прозрачности, открытости, и, что самое важное, сопоставимости.

Содержание, Руководства G4 [2] включает принципы подготовки и представления информации в отчетности и стандарты, и критерии оценки элементов отчетности, представляя собой так называемый международный справочник раскрытия информации о деятельности компаний в части соблюдения международных положений устойчивости и об уровне экологичности, социальности, результативности их деятельности. Также данный документ дает возможность компаниям представлять отчетность об устойчивом развитии как в базовом (основном), так и в расширенном вариантах. Расширенный вариант представляет возможность компаниям ТЭК отражать в отчете полный набор показателей по всем аспектам, характеризующим существенное социальное, экономическое и экологическое влияние на решения стейкхолдерам.

Совокупность факторов, отражающих вероятные результаты от представленной в отчете информации, выражаются в таких принципах как:

– необходимость выявления заинтересованных сторон и установление взаимосвязей между ними;

– оценка вклада компании в улучшение экологической, социальной, экономической ситуации в глобальном и национальном масштабе в контексте наличия природных, социальных и финансово-экономических ресурсов и эффективности их использования.

Дополняется сочетание этих принципов используемыми и в других случаях формированием других видов отчетности принципами полноты, сопоставимости, точности, сбалансированности и существенности представления информации.

Принципы раскрытия информации закладывают основы ее представления в стандартных и специфических стандартных элементах отчетности в области устойчивого развития.

Итак, стандартные элементы отчетности в соответствии с Руководством G4 дают представления о стратегии компании, об анализе влияния сложившихся тенденций, имеющихся возможностей и выявленных рисков на долгосрочное развитие и эффективность в финансово-экономическом аспекте.

Одним из элементов является раскрытие информации о видах деятельности и выпускаемой продукции, ее брендах, о масштабе компании и о ключевых финансовых показателях деятельности.

Важным стандартным элементом отчетности, как уже неоднократно говорилось, является выстраивание взаимосвязей с заинтересованными сторонами и определение функционала их взаимодействия. И, наконец, значительное место в руководстве отводится элементам, дающим сведения о корпоративном управлении, его структуре и функционале, компетентности и о способах мотивации и стимулирования персонала, о ценностях и этических нормах компании.

Специфические стандартные элементы отчетности об устойчивом развитии распределены по трем направлениям (экономическому, социальному и экологическому) в различных категориях и по существенным аспектам.

Таким образом, в настоящее время на международном уровне признается, что наиболее значительное влияние на принятие решений стейкхолдеров оказывают социальные, экологические и экономические воздействия. По каждой категории устойчивого развития раскрываются подходы к управлению данным воздействием через управленческое влияние на существенный аспект каждой категории, а затем выделяется группа показателей для оценки результатов по экономическому, экологическому и социальному виду деятельности.

Экономическая составляющая категориальной части специфических стандартных элементов проявляется в выявлении существенных аспектов экономического характера, кающихся результативности, активности на рынках, косвенных экономических воздействий, функции закупок.

Пристатейный библиографический список

1. Коптюг В. А. Повестка дня на XXI век. концепция устойчивого развития и социально-политические движения // Наука из первых рук. - 2011. - № 2 (38). - С. 36-51.
2. Руководство по отчетности в области устойчивого развития. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://рспп.рф/12/11938.pdf?ysclid=l2acr2fs6i> (дата обращения: 22.04.2022).

ПАЩЕНКО Илья Юрьевич

советник аппарата избирательной комиссии Краснодарского края

СВОБОДА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье рассматривается и обосновывается необходимость нормативного закрепления свободы распространения информации. Подобная потребность обусловлена особым значением информации как в условиях становления цифровой экономики, так и в условиях осуществления практической деятельности различными субъектами – в целях расширения возможностей использования комплекса современных информационных технологий. Автор отмечает, что на этапе цифровой трансформации общества возможности использования цифровой информации могут иметь более широкую интерпретацию и приобрести обновленное правовое регулирование.

В исследовании подчеркивается, что человек остается основным субъектом правоотношений, в которых объектом являются информационные отношения, а предметом – информация. Однако современное развитие общества подразумевает правовое оформление отношений по вопросу обработки информации техническими устройствами и программными средствами. Свобода информации в качестве нормативно закрепленной ценности позволит эффективно отразить уровень развития современного общества, соблюсти баланс частных и публичных интересов.

Ключевые слова: информация, цифровая информация, цифровизация, цифровая трансформация, цифровая экономика, информационные отношения, свобода информации, свобода распространения информации, принципы регулирования информации, информационные технологии, техника, программные алгоритмы, электронная среда.

PASCHENKO Ilya Yurjevich

adviser to the office of the Election Commission of the Krasnodarskiy kray

FREEDOM OF INFORMATION DISSEMINATION AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY

The article discusses and substantiates the need for regulatory consolidation of freedom of information dissemination. Such a need is due to the special importance of information both in the conditions of the formation of the digital economy and in the conditions of the implementation of practical activities by various subjects – to expand the possibilities of using a complex of modern information technologies. The author notes that at the stage of digital transformation of society, the possibilities of using digital information may have a broader interpretation and acquire updated legal regulation.

The study emphasizes that a person remains the main subject of legal relations in which the object is information relations, and the subject is information. However, the modern development of society implies the legal formalization of relations on the issue of information processing by technical devices and software. Freedom of information, as a legally fixed value, will effectively reflect the level of development of modern society, maintain a balance of private and public interests.

Keywords: information, digital information, digitalization, digital transformation, digital economy, information relations, freedom of information, freedom of information dissemination, principles of information regulation, information technology, technology, software algorithms, electronic environment.

Существует вполне обоснованная потребность в едином понимании терминологии и фактических особенностей цифровой экономики, а также связанных с ней процессов в различных сферах [3, с. 84]. В постепенно складывающихся условиях цифровой трансформации общества и связанных с ней процессов, в том числе установления особого правового регулирования, важное значение приобретает информация в цифровом виде или цифровая информация. Она формирует базовую основу для развития различных сфер цифровой экономики.

Рост объема данных, как структурированных (сгруппированных по определенным критериям и признакам), так и неструктурированных в различной степени, влечет за собой необходимость поиска новых методов сбора, обработки, использования, хранения и передачи информации. Примечательно, что именно цифровая информация позволяет применять непосредственно технологии нового типа, которые нашли активное применение и внедрение в различных сферах жизнедеятельности современного человека. В частности, возникновение и стремительное развитие таких информаци-

онных технологий как большие данные, искусственный интеллект, блокчейн, промышленный Интернет, робототехника, сенсорика, беспроводная связь, виртуальная реальность и т.д. обусловлено в первую очередь изменением привычных методов работы с информацией. В данную категорию можно также отнести такие принципиально новые явления как квантовые технологии, связанные радикальным изменением способов передачи и обработки больших объемов данных, а также новые производственные технологии, нацеленные на использование суперкомпьютеров за счет высокопроизводительных вычислений. Возникновение данных технологий продиктовано фактической потребностью – необходимостью выработки новых способов функционирования и использования техники в условиях цифровизации. Информация, буквально «сырье» для информационных технологий, позволила сформировать уникальное понимание новых цифровых продуктов, представленных в виде переработанной, иной информации.

Обозначенные информационные технологии используются для осуществления сбора, хранения, обработки, поиска,

Пащенко И. Ю.

передачи и представления информации в электронном виде [5, с. 14]. В настоящее время подобная информация становится востребованной в различных секторах экономики, способствуя созданию новых рынков и выстраиванию бизнес-процессов в обновленном ключе для мировой экономики.

В эпоху цифровой трансформации происходит фактический отрыв информации от материального носителя, т.е. теряется их взаимообусловленная связь, определяющая ценность носителя как хранителя информации. Носитель используется для передачи, для организации среды хранения, но при этом имеет только материальную ценность. Информация же сохраняет свою значимость, связанную с наличием заинтересованности в ее получении для какой-либо стороны правоотношения. Полная и фактическая независимость сведений от объекта, на котором они хранятся, позволяет информации быть более доступной для обработки. Примечательно, что именно развитие методов работы с информацией привело к усовершенствованию интерфейсов и появлению высокого уровня совместимости, универсальному характеру самих носителей. В этот же период возникают новые возможности передачи и распространения (беспроводным и бесконтактным способом) информации, что со временем заметно снизило фактическую ценность носителя для оборота. Упрощение доступа к информации благодаря совершенствованию техники привело к тому, что фактическая потребность в материальном носителе, находящимся непосредственно во владении или пользовании лица, постепенно исчезает. Кроме того, сам процесс развития способов обмена информацией связан с тем, что только информация «в движении» представляет фактический интерес. Информация, которая зарезервирована в рамках носителя, существующая только фактически и без цифровой формы не стимулирует оборот, зачастую не приводит к возникновению или изменению правоотношений.

При этом еще одним важным аспектом рассматриваемой тенденции ослабления связи носителя и информации выступает то, что информация в современных условиях находится в динамике, а не в статике. Под динамикой информации можно понимать ее постоянную обработку. Она может быть регулярной, систематической и непрерывной. Подобное использование данных приводит к тому, что они могут не просто быть использованы на практике, но и нацелены на развитие различных общественных отношений. В таком случае роль носителя сводится лишь к тому, чтобы обеспечить не сколько функцию сохранения сведений, сколько возможность их передачи для обработки и использования, обеспечив непрерывность или периодичность доступа к информации.

Одним из важнейших факторов дальнейшего совершенствования цифровой экономики в условиях новой парадигмы развития общественных отношений могут выступить обновленные принципы правового регулирования информации – как явления, имеющего ключевое значение в условиях цифрового периода развития общества. Тем не менее этапу формирования и выработки принципов, по нашему убеждению, должно предшествовать зарождение нового подхода к восприятию информации, как и понимание необходимости установления межотраслевого характера ее регулирования. Опираясь такие исследования в теоретическом плане могут на научные достижения отрасли информационного права.

Полагаем, в основе такого подхода может находиться тезис о том, что информация должна иметь возможность свободно обрабатываться и использоваться. Отмеченное обусловлено не просто уровнем развития общества, но и фактическими механизмами функционирования сквозных технологий и совершенствования направлений в рамках цифровой экономики.

Свободу распространения информации в качестве категории можно рассматривать по-разному даже в контексте отраслевого деления юридической науки. Зачастую свободу информации воспринимают как понятие, которое выступает базовым для ряда конституционных прав и свобод человека и гражданина. В частности, подразумевается: возможность выражения убеждений и мнений (свобода слова), деятельности средств массовой информации (свобода печати), право на получение достоверной информации об экологической ситуации, право на доступ к официальной информации, право

на распространение информации любым законным способом и т.п. В обобщенном смысле выделяют такие права как права создавать или производить, искать и получать, передавать и распространять информацию [1, с. 97].

Стоит отметить, что информация может выступить фактором сближения отрасли информационного права и иных отраслей. Важно, чтобы для цифровой информации в рамках экономики нового уклада были созданы такие условия, которые позволяют свободно искать, использовать и обрабатывать различные объемы информации. Если информационное право вырабатывает нормативные аспекты работы с информацией, то другие отрасли определяют пределы использования информации, формируя условия для дальнейшего процесса сбора, обработки и передачи конкретной информации, как объекта правоотношения, а также формируют систему защитных мер, т.е. ответственность сторон.

Таким образом, правовое регулирование информации актуально выстраивать в ключе, исключающем возникновение препятствий для ее разумного использования. Безусловно, определенные ограничения для обработки информации существуют на конституционном уровне [2, с. 21], но они не могут превращаться в попытку установления предельных ограничений для различных видов деятельности. С определенной долей уверенности можно отметить, что благоприятными предпосылками для возникновения целого ряда новых информационных технологий, имеющих полезный эффект для экономики, выступило как раз отсутствие как таковых фактических ограничений на обработку отдельных видов информации, а также нормативных правил регулирования. Аккумуляция предельного объема сведений для ручной обработки привело к тому, что накопленные объемы потребовали выработки новых методов работы в автоматическом режиме, а сегодня формируется запрос на «умный» режим, который был бы сопряжен с возможностями использования искусственного интеллекта и смежных технологий. Соответственно, развитие технологий обработки данных предопределило и обеспечило возникновение новых категорий и явлений, становящихся в настоящее время привычными инструментами для осуществления профессиональных задач и регулирования различных социальных процессов.

Возникновение новых явлений действительности, в частности внедрения нового типа технологий и формирования нового экономического уклада, неизбежно приводит к тому, что на определенных этапах требуется проработка механизмов правового регулирования в виду не только наличия фактических нормативных пробелов, но и правовой неопределенности.

Аспекты нормативного закрепления правил использования и обработки информации заключаются в том, что для информации как категории идеального и нематериального характера не совсем типичны механизмы запретов или ограничений. Невозможность установления полного контроля за распространением информации очевидна еще с тех времен, когда человечество овладело устной речью.

Установление ограничений в процессе распространения цифровой информации возможно лишь косвенно. В настоящее время в правовом формате они доступны путем создания препятствий для использования соответствующих технологий при распространении конкретной, определенной и заранее известной по содержанию информации. Однако в такой ситуации ограничения на использование и распространение информации выступают в качестве цели, а не фактического средства, с которым связано функционирование конкретных технологий. Нельзя не отметить, что в настоящее время правовая охрана информации распространяется как на содержание информации, так и на средства ее выражения. Например, методы обработки информации защищаются в соответствии с законодательством об интеллектуальной собственности, в частности при получении патента на соответствующее изобретение, под которым рассматривается та или иная технология.

Определение пределов свободы распространения информации в комплексе с использованием технических устройств и программных алгоритмов все еще остается вне поля внимания законодательных органов. Можно констатировать сложность применения действенных мер правового регулирования и точность нормотворческой деятельности,

совпадающей с политическими, социальными и экономическими факторами. Указанные обстоятельства являются актуальным вызовом для современной юридической науки. Формальные требования к особенностям сбора и обработки информации информационными технологиями не просто не определены законодательно, а зачастую на практике находят диспозитивный характер выражения и рассматриваются сквозь призму правоприменительной интенции.

Например, автоматизированная обработка информации, как правило, распространена в отношении сведений, доступных на сайтах в сети Интернет. При этом сайт как источник информации может содержать абсолютно разные сведения, подвергающиеся обработке в автоматическом режиме. В последнее время все более распространенным явлением становится наличие прямого указания на запрет автоматической обработки информационными системами или исключение такой возможности из пользовательского соглашения, инструкции использования или иного документа, регламентирующего правила использования информации на сайте в сети Интернет. Формальный запрет на автоматическую обработку информации на сайте с фактической точки зрения может не создавать препятствия для деятельности соответствующего субъекта даже в случае его нарушения, однако с юридической точки зрения он может выступить в качестве действенной преграды для обработки и использования информации в будущем и привести к возникновению правовых споров.

Большой массив информации, используемой для обработки информационными технологиями, как раз содержится в свободном доступе и доступен для неограниченного круга лиц. В частности, технологии нейронной сети для совершенствования работы алгоритмов, в основе которых лежит анализ и использование информации, зачастую используют для самообучения как раз ту информацию, которая находится в открытом доступе в информационно-коммуникационной сети Интернет.

Действующее правовое регулирование информации как на международном уровне, так и в национальных юрисдикциях в условиях цифровизации не подразумевает четких и предельно понятных правил в отношении свободы распространения информации для целей ее последующей обработки и использования. Цифровую экономику можно рассматривать в качестве промежуточного результата продолжающегося процесса глобализации, а нынешнее общество, являющееся глобальным и информационным, зачастую рассматривается как свободное пространство для обращения информации [4, с. 175]. Поэтому период цифровой трансформации лишь контурно позволяет взглянуть на тенденции и сформировать потребности участников отношений.

Безусловно, существуют формальные ограничения для распространения отдельных видов информации. К примеру, определенные сведения о частной жизни лица защищены законом, соответственно, они или не должны быть использованы, или могут быть использованы в рамках соответствующего режима. Однако исключает ли это их из перечня объектов для свободной обработки, к примеру, в целях обезличивания информации? Ни законодательство, ни практика не дают четкого и однозначного ответа по данному вопросу. Тем не менее установление неправомерных и необоснованных запретов на обработку информации в современных условиях, по нашему мнению, не должно рассматриваться в качестве компромисса между публичными и частными интересами.

Соответственно, произвольное, возможное по усмотрению лица установление ограничений для свободы информации вряд ли целесообразно воспринимать в качестве меры, которая может являться оптимальной для сохранения привычного баланса частного и публичного регулирования – важно выработать четкие принципы использования информационных технологий для информационной деятельности с учетом конкретных целей и задач. Свобода цифровой информации как нормативно закрепленная ценность позволит эффективно отразить уровень развития современного общества, соблюсти баланс частных и публичных интересов и, что особенно важно, будет отвечать потребностям формирующейся цифровой реальности [6, с. 14].

Обработка информации, как и любая другая информационная деятельность, предполагает в своей основе

определенное целеполагание. Наличие цели обработки информации позволяет с определенной долей вероятности и уверенности утверждать о ее дальнейшей судьбе, хотя это не исключает возможности для злоупотребления или формирования недобросовестных практик. Вместе с тем свобода как важная ценность для любого правового государства должна иметь пользу и не наносить вред общественному порядку.

Свободу информации целесообразно рассматривать в более широком значении, чем просто ее фактическое распространение. Для того, чтобы что-то передать, необходимо располагать соответствующей информацией, т.е. ее произвести или получить. В цифровой экономике приобретает значение не всякая информация, а лишь та, которая обработана с помощью информационных технологий и имеет цифровую форму. Определяя ценность информации, необходимо предельно точно понимать ее содержание, а только после этого создавать полноценные условия для ее дальнейшего распространения и использования.

В современных исследованиях, посвященных распространению информации в сети Интернет, отмечается, что человек должен иметь возможность не только свободно получать информацию, а также быть в состоянии ее искать и передавать¹. Нельзя не отметить, что подобный взгляд обусловлен публичными и общественно полезными целями, он лежит в основе демократического устройства общества. Тем не менее невозможно не признать тот факт, что в нынешний период основным субъектом, обрабатывающим данные, становится не человек, а соответствующие информационные технологии. Условный переход от ручной работы или персонального взаимодействия с информацией к более оптимальным автоматизированным формам произошел еще в конце XX века. Однако сегодня на первый план выходит не просто автоматизированный процесс работы с информацией, а ее интеллектуальная обработка и переработка с переосмыслением и приданием нового значения. Рассматриваемое обстоятельство выглядит не просто закономерно, но и позволяет привести множество изменений и новаций в развитие социума. Подобная перестройка общественных процессов на данный период времени остается вне фокуса основного внимания системы правового регулирования, которая медленно адаптируется к цифровой трансформации.

Пристатейный библиографический список

1. Бачило И. Л. Исчерпаны ли конституционные основы развития информационного общества и информационного права // Государство и право. – 2013. – № 12.
 2. Бачило И. Л., Кузнецов П. У. Правовое обустройство информационной действительности: проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. – 2008. – № 5.
 3. Полякова Т. А. Влияние цифровой экономики на развитие транспортной отрасли и проблемы обеспечения информационной безопасности: правовой аспект // Транспортное право и безопасность. – 2019. – № 1.
 4. Полякова Т. А., Жарова А. К. Научный семинар «Проблемы информационного права и информационной безопасности» // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2017. – Т. 12. – № 1.
 5. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX Апрель. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества; науч. ред. Л. М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
 6. Яковлев В. Ф., Талапина Э. В. Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. – 2012. – № 2.
- 1 Puddephatt A. Freedom of expression and the internet. – 2016. – P. 19. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000246670> (дата обращения: 20.12.2021).

СУЛЕЙМАНОВА Аминат Мусаевна

кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономико-правовых и общеобразовательных дисциплин филиала Дагестанского государственного университета в г. Избербаше

ИДРИСОВА Аида Чупалаевна

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры экономико-правовых и общеобразовательных дисциплин филиала Дагестанского государственного университета в г. Избербаше

ПРОБЛЕМЫ РЫНКА МИКРОФИНАНСИРОВАНИЯ В РОССИИ

На сегодняшний день микрокредитование получило особую актуальность и значимость для развития малого бизнеса в России. Выполняя важные социальные функции, оно дает возможность широким слоям населения реализовать свою предпринимательскую инициативу. Совершенствование законодательства в сфере поддержки малого бизнеса входит в программу антикризисных мер Правительства РФ.

В статье на основе изучения зарубежного опыта проводится анализ российского рынка микрофинансирования, выявляются насущные проблемы российского сектора микрофинансов, требующие безотлагательного решения, в частности, вопросы применения регуляторного арбитража микрофинансовыми организациями и закрежденности населения России со стороны микрофинансовых организаций, и предлагаются меры по их устранению

Ключевые слова: рынок микрофинансирования, микрофинансовые организации, государственное регулирование сектора микрофинансов, закрежденность населения, микрокредит.

SULEYMANOVA Aminat Musaevna

Ph.D. in historical sciences, associate professor, Head of Economic, legal and general education disciplines sub-faculty of the branch of the Dagestan State University in Izberbash

IDRISOVA Aida Chupalaevna

Ph.D. in historical sciences, senior lecturer, Head of Economic, legal and general education disciplines sub-faculty of the branch of the Dagestan State University in Izberbash

PROBLEMS OF THE MICROFINANCE MARKET IN RUSSIA

To date, microcredit has received particular relevance and significance for the development of small businesses in Russia. Performing important social functions, it enables the general population to realize their entrepreneurial initiative. Improving legislation in the field of small business support is included in the program of anti-crisis measures of the Government of the Russian Federation.

Based on the study of foreign experience, the article analyzes the Russian microfinance market, identifies pressing problems of the Russian microfinance sector that require urgent solutions, in particular, the use of regulatory arbitrage by microfinance organizations and the debt load of the Russian population on the part of microfinance organizations, and suggests measures to eliminate them.

Keywords: microfinance market, microfinance organizations, state regulation of the microfinance sector, debt load of the population, microcredit.

В международной практике термин «микрофинансирование» традиционно определяется как предоставление основных финансовых услуг малоимущим, которые не имеют доступа к банковским и сопутствующим услугам (согласно определению CGAP, Консультативной группы по оказанию помощи бедным¹). Однако термин «микрофинансирование» все чаще используется для обозначения предоставления финансовых услуг микропредприятиям.

Хотя микропредприятия являются важным элементом европейской экономики, они, как правило, сталкиваются с более серьезными проблемами, чем их более крупные коллеги. Только 12 % всех микропредприятий

могли использовать банковские кредиты в качестве дополнительного источника финансирования².

Учреждения микрофинансирования в Европе сталкиваются с проблемой решения многих социальных проблем. Однако большинство МФО заявляют, что их основной целью является предоставление финансовых ресурсов и создание рабочих мест. В России появилась только одна плодотворная модель МФО. Из-за все еще высокого уровня финансовой безграмотности потребители не могут адекватно оценивать риски, связанные с заключением договора микрофинансирования. Доступность микрокредитования для большинства населения РФ очень часто приводит к кредитованию людей, которые потом не могут погасить кредит.

1 Microfinance Consensus Guidelines. Definitions of Selected Financial Terms, Ratios, and Adjustments for Microfinance. Washington, DC: CGAP / The World Bank Group, 2003. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cgap.org/sites/default/files/CGAP-Consensus-Guidelines-Definitions-of-Selected-Financial-Terms-Ratios-andAdjustments-for-Microfinance-Sep-2003.pdf>.

2 Kraemer-Eis H., Botsari A., Gvetadze S., Lang F., Torfs W. European Small Business. Finance Outlook. – European Investment Fund, 2017.

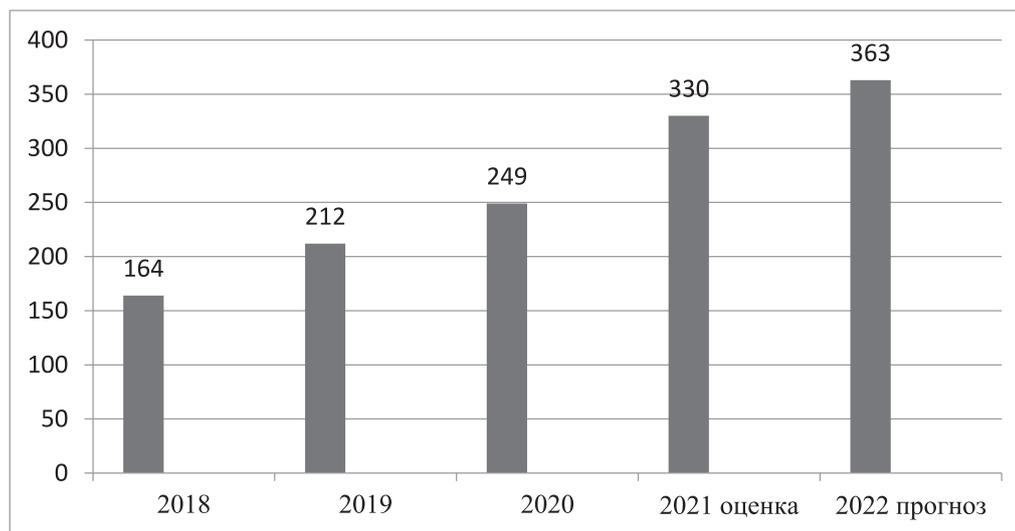

Рисунок 1. Динамика микрофинансового рынка (млрд. руб.)*

Первые кредитные союзы были созданы в России в 1985 году. Но в начале 1930-х гг. они были ликвидированы, а их функции переданы государственному банку. Их возвращение в российскую рыночную экономику относится к началу 1990-х гг.

С 1998 по 2000 год на рынке микрокредитов доминировали кредитные союзы в международных программах микрофинансирования. В период с 2001 по 2007 год доля микрофинансовых организаций, финансируемых международными программами, уменьшилась, а доля частных микрофинансовых организаций увеличилась.

С 2008 по 2016 годы была создана национальная нормативная база для микрофинансовых организаций. С 2016 года нормативные требования к МФО ужесточены и дифференцированы. Микрофинансовые организации были классифицированы на 2 типа: микрофинансовые (МФЦ) и микрокредитные (МКК) организации, уточнены их требования к капиталу и инвестициям и ограничено начисление процентов.

4 марта текущего года в первом чтении принят законопроект о снижении процентных ставок по микрозаймам³. Максимальная ставка для них ранее была снижена законом в 2019 году. Принятый законопроект предусматривает установление максимальной дневной процентной ставки по потребительским кредитам в размере 0,8 % (сейчас 1 %) и максимального значения общей стоимости кредита в размере 292 % годовых. (сейчас 365 % годовых) и максимальный размер всех платежей по договору до 130 % от суммы кредита. По мнению авторов законопроекта, общая экономия заемщиков составит около 5 млрд руб. в год.

Стресс-тесты Банка России показали, что около 300 микрофинансовых организаций становятся убыточными, что составляет около 25 % рынка и обслуживает до 48 % заемщиков. Более значительное снижение ставок могло

затронуть 70 % заемщиков и считалось более рискованным.

В случае принятия закон вступит в силу через 90 дней после его официального опубликования. С 1 июля 2022 года будет применяться положение об уменьшении максимальной суммы всех платежей по договору потребительского кредита на срок до одного года.

Цель нововведения – побудить микрофинансовые организации кредитовать более надежных клиентов и снизить долговую нагрузку россиян. В настоящее время в Государственном реестре МФО зарегистрирована 1261 компания⁴. Центральный банк заявил, что участникам рынка придется скорректировать свои портфели и политику рисков, и многие из них потерпят неудачу.

Обратной стороной этих предложений является риск появления незаконных кредиторов, которые могут бесконечно взимать проценты и пени по просроченной задолженности, а затем незаконно ее аннулировать.

Объем рынка микрофинансирования в России на конец 2021 года составлял 328 – 330 млрд рублей против 249 млрд рублей в 2020 году, свидетельствуют данные Национального рейтингового агентства (НРА), опубликованные «Коммерсантом» 10 февраля 2022 года⁵.

Основной тенденцией является снижение доли краткосрочных кредитов (ККС). В 2021 году наибольшая доля портфеля МФО (около 77 %) приходилась на долгосрочные кредиты (установочные кредиты, ПЛ) и кредиты малым и средним предприятиям. Снижение максимальной ставки делает PDL менее прибыльным продуктом для МФО. Именно в этом сегменте сосредоточено большинство проблемных клиентов.

Средний заемщик российских микрофинансовых организаций – горожанин до 35 лет, работающий в сфере

* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/index.php//2021>: Рынок микрозаймов в России вырос на треть, до 328-330 млрд рублей (дата обращения: 30.03.2022).

3 Госдума одобрила ограничение ставки про микрозаймам. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/239578/> (дата обращения: 02.04.2022).

4 Там же.

5 НРА представляет Рэнкинг компаний сектора МФО. 3 квартал и предварительные итоги 2021 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ra-national.ru/ru/node/64830> (дата обращения: 01.04.2022).

услуг или в розничной торговле и получающий заработную плату до 50 000 рублей⁶.

Эту тенденцию подтверждают и данные НБКИ: в 2021 году самыми активными пользователями МФО были россияне до 30 лет. Их доля в общей структуре заемщиков достигла 36,7 % (+5,1 п.п. с 2020 года). На втором месте находится возрастная группа 30 – 39 лет. Таких заемщиков 32,9 % (+2,2 п.п.). При этом доля старшего поколения падает – в сегменте от 50 до 59 лет до 7,5 % (-2,8 п.п.) и в сегменте старше 60 лет до 8,4 % (-3,8 п.п.)⁷.

Респонденты опроса Qiwi также отмечают, что получить деньги в МФО быстрее и проще, чем в банке. Это следствие политики ЦБ по охлаждению рынка потребительского кредитования в России: банки ужесточили требования к заемщикам, которые потянулись в МФО.

В большинстве случаев в МФО ищут кредиты мужчины. Однако, по данным микрокредитной компании «Арифметика», основными «потребителями» микрокредитов являются женщины в возрасте 32 – 44 лет.

В среднем россияне берут микрозаймы на сумму от 10 000 рублей на срок до 23 дней, рассчитанных по данным компании. Основной целью является покрытие повседневных и неотложных нужд, крупных покупок и затрат на ремонт.

В большинстве случаев при оформлении нового кредита заемщики уже имеют хотя бы один активный кредит, но при этом не допускают просрочки платежа и имеют хорошую кредитную историю.

В августе сообщалось, что количество россиян с активным микрокредитованием увеличилось на 2,26 млн, или 23,5 %, с начала года.

Для МФО считаем целесообразным установить следующее требование: Максимальная сумма кредита не должна превышать 50 % от средней заработной платы в соответствующем регионе. Например, согласно исследованию Банка России, потолок коэффициента долга в Литве составляет 40 % (в некоторых случаях показатель может быть поднят до 60 %); В Канаде 42 % (только для ипотеки)⁸.

Основные направления развития финансового рынка на 2022 – 2024 годы предусматривают три задачи регулирования рынка: повышение прозрачности сектора и защиты потребителей, создание условий для дистанционного оказания услуг МФО, снижение стоимости услуг этих организаций и регуляторной нагрузки. В целях защиты прав заемщиков планируется усиление административной и уголовной ответственности серых кредиторов.

Пристатейный библиографический список

1. Microfinance Consensus Guidelines. Definitions of Selected Financial Terms, Ratios, and Adjustments for Microfinance. Washington, DC: CGAP / The World Bank Group, 2003. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cgap.org/sites/default/files/CGAP-Consensus-Guidelines-Definitions-of-Selected-Financial-Terms-Ratios-andAdjustments-for-Microfinance-Sep-2003.pdf>.
2. Kraemer-Eis H., Botsari A., Gvetadze S., Lang F., Torfs W. European Small Business. Finance Outlook. – European Investment Fund, 2017.
3. НРА представляет Рэнкинг компаний сектора МФО. 3 квартал и предварительные итоги 2021 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ra-national.ru/ru/node/64830> (дата обращения: 01.04.2022).
4. Рынок микрозаймов в России вырос на треть, до 328 – 330 млрд рублей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 02.04.2022).
5. Микрофинансовые организации составили портрет типичного российского заемщика// – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/business/news/2021/11/14/n_16851859.shtml (дата обращения: 29.03.2022).
6. Люкс и микрозаймы: какие проблемы решали россияне в 2021 году. КДЖ в расчетах ИЭГ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urbaneconomics.ru/centr-obshchestvennyh-svyazey/news/lyuks-i-mikrozaumu-kakie-problemy-reshali-rossiyane-v-2021-godu> (дата обращения: 28.03.2022).
7. Банки и малый бизнес: нужны ли они друг другу? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.banki.ru/news/columnists/?id=9766553> (дата обращения: 27.03.2022).
8. Банки в микрофинансовой лавке. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3161922> (дата обращения: 04.04.2022).

6 Микрофинансовые организации составили портрет типичного российского заемщика// https://www.gazeta.ru/business/news/2021/11/14/n_16851859.shtml (дата обращения: 29.03.2022).

7 Люкс и микрозаймы: какие проблемы решали россияне в 2021 году. КДЖ в расчетах ИЭГ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urbaneconomics.ru/centr-obshchestvennyh-svyazey/news/lyuks-i-mikrozaumu-kakie-problemy-reshali-rossiyane-v-2021-godu> (дата обращения: 28.03.2022).

8 Об оценке рисков заемщиков – физических лиц на основе показателей долговой нагрузки. Доклад для общественных консультаций. – М.: Банк России, 2017 [Assessment of Borrowers – Natural Person's Risks on the Basis of the Debt Burden Indicators. Report for public consultation. Moscow: Central Bank of the Russian Federation. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/analytics/ppc/Consultation_Paper_170221.pdf (In Russ.)].

ПЯТАК Никита Андреевич

аспирант РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПРОЕКТНОМ УПРАВЛЕНИИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Современная экономическая модель Российской Федерации, включая многообразие форм собственности, самостоятельность бизнес-структур и активную поддержку со стороны государства их хозяйственной деятельности, а также задачи руководства страны по развитию национальной экономики в условиях жестких санкционных ограничений и высоких экономических рисков из-за кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией Covid-19, требует постоянного совершенствования и внедрения новых управленческих технологий.

В связи с этим роль эффективного государственного управления как проектного менеджмента будет только повышаться, в связи с чем особое значение в нем приобретает та или иная степень рациональности управленческого процесса в целом и в первую очередь – на этапе принятия важных решений (рациональное принятие решений) и на этапе их практической реализации.

Ключевые слова: аэропорт, экономика, авиация, управление.

PYATAK Nikita Andreevich

postgraduate student of the RANEPa under the President of the Russian Federation

PHILOSOPHICAL CATEGORY OF RATIONALITY IN THE PROJECT MANAGEMENT OF THE STATE MANAGEMENT

Modern economic model of the Russian Federation, including the variety of forms of ownership, independent businesses and the active support from the state of their economic activities and tasks of the country's leadership for the development of the national economy in the conditions of tough sanctions restrictions and high economic risks of the crisis caused by the coronavirus infection Covid-19, requires constant improvement and implementation of new management technologies. In this regard, the role of effective public administration as project management will only increase, and therefore a particular degree of rationality of the management process as a whole and, first of all, at the stage of making important decisions (rational decision-making) and at the stage of their practical implementation acquires a special significance in it.

Keywords: airport, economy, aviation, management.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в настоящее время на практике проектное управление рассматривается в качестве деятельности, при которой поставленные цели достигаются путем реализации многочисленных решений и задействования рациональных технологий при сохранении необходимого баланса между затрачиваемыми ресурсами (силы и средства, сроки и т.д.) качеством конечного результата и внешними факторами (риски и угрозы). Другими словами, в основе проектного управления реализация принятых решений через руководство кадровым составом, маневрирование временем и ресурсами. Кроме того, под ним понимается практическое применение знаний, способностей, имеющихся в наличии инструментов и технологий в рамках широкого диапазона действий, направленных на достижение главной цели проекта. Таким образом, **проектное управление** – это целенаправленный процесс, основу которого составляет деятельность по достижению ожидаемого результата путем рационального использования имеющихся или дополнительно привлекаемых сил и средств, а также за счет опыта предыдущей работы и внедрения современных технологий.

Рассмотрев теоритическую составляющую рациональности и выбора целесообразно проследить их место и роль в системе проектного управления.

В современных условиях проектный подход становится все масштабнее. Отмечается его активное проникновение во все управленческие функции. Большое количество как государственных структур, так и коммерческих организаций используют проектно-ориентированную модель. Увеличивается спрос на профессиональных руководителей – управляющих проектами. Подтверждением этому являются многочисленные примеры того, как наиболее успешные проекты превращались в национальные символы.

Вместе с тем в управленческой практике даже на государственном уровне допускаются серьезные ошибки и просчеты. Например, многие из них многократно превышают

бюджет, не соблюдают сроки выполнения заданий, не удовлетворяют требованиям заказчика и т.д. Самые неудачные заканчиваются провалом.

Поэтому выбор подходящего проектного управления из всего многообразия существующих к нему подходов является важным этапом. Недостаточно руководствоваться только информацией об опыте и принципах работы кандидата в руководители проектом и его команды. Есть множество других факторов.

При этом известны два способа определения подходящего проектного менеджмента. Сущность первого из них заключается в том, что цели проекта и соответствующий им конечный результат крайне важно попытаться критически оценить еще до выбора проектного менеджмента. Решив эту задачу, необходимо проанализировать все имеющиеся сведения о кандидатах в руководители проекта. Методом сопоставления получится выбрать подходящих проекту управленцев.

В зависимости от того, на получение какого результата сделана ставка могут быть использованы различные методологии. К наиболее распространенным из них относятся *последовательный* (традиционный) либо *гибкий* менеджмент.

Другой способ заключается в том, чтобы заблаговременно проанализировать как успешный, так и отрицательный управленческий опыт выбираемой проектной команды. Целесообразно заранее определить, что делает конкретный менеджмент продуктивным в тех или иных условиях.

В современном мире модели разработки и реализации проектов очень разнообразны. Какой-то универсальной методологии для любого типа проектов не существует. Каждый проект имеет только ему присущие изначальные внутренние и внешние условия. Когда получается найти метод, который пусть и не совсем, но в принципе подходит для проекта это уже можно считать успехом. В таком случае будут эконом-

лены энергозатратные усилия, необходимые для создания уже на начальном этапе подобия общей системы управления проектом.

С момента возникновения первых идей (замысла) проекта до его завершения менеджеры вынуждены принимать последовательные решения, обеспечивающие необходимую динамику его выполнения. Эти решения, на каком бы этапе они не принимались (подготовка, планирование, реализация) всегда будут разнообразными по важности, по сложности либо по масштабам.

При всем разнообразии проектов выделяются несколько этапов, которые можно обобщить по характерным видам решений. Они требуют наличие соответствующего опыта, знаний и умений в управленческой работе.

Первому этапу свойственны решения, необходимые для инициирования проекта, когда созревает определенный замысел и созданы условия, свидетельствующие о готовности субъекта реализовать его на практике. Этап включает следующий набор решений:

- о предназначении проекта;
- об ожиданиях от его реализации (необходимо разделять ожидания заказчика, инициатора, исполнителя);
- о важности проекта для (субъекта), целесообразности его практической реализации;
- об определении круга конечных бенефициаров проекта;
- о технической возможности осуществить проект;
- о потенциальных рисках и методах их выявления;
- о необходимых ресурсах, конкретных силах и средствах.

Второй этап – планирование проекта. Для него типичны следующие решения:

- определение основных этапов проекта;
- утверждение работ и мероприятий, необходимых для достижения целей различных этапов проекта;
- становление командной структуры проекта;
- установление служебных обязанностей и зон ответственности исполнителей проекта;
- обоснование необходимых сил и средств (люди, оборудование, материалы);
- выбор способов оценки затрат на реализацию проекта;
- сопоставление сметных затрат с конкретными сферами деятельности;
- планирование отдельных работ проекта и выбор технологического инструментария.

На третьем этапе осуществляется непосредственная реализация проекта. К основным решениям можно отнести:

- назначение руководителей программ проекта;
- постановка конкретных задач;
- выбор обеспечивающих структур и организаций;
- заключение соглашений с компаниями - подрядчиками;
- передача управленческих полномочий системе аутсорсинга;
- финансовое обеспечение по этапам проекта;
- порядок обмена информацией с соучредителями или соисполнителями проекта о его реализации.

Четвертый этап связан с осуществлением контроля за выполнением проекта. Ему свойственны такие решения как:

- создание системы контроля (мониторинга) хода реализации проекта;
- определение алгоритма оценки качества выполненных работ;
- порядок и периодичность представления отчетов (в том числе промежуточных) о выполнении работ;
- меры реагирования на возникающие риски и угрозы.

На пятом этапе принимаются решения по устранению выявленных недостатков либо проблем, препятствующих реализации проекта. К ним относятся:

- состав комиссии по приему качества реализации проекта;
- анализ степени достижения целей проекта;
- разрешение спорных проблем;
- условия прекращения контрактов участников проекта;
- возможность досрочного завершения проекта;
- выполнение гарантийных обязательств по окончании проекта.

Проведенный анализ практических проектов позволяет утверждать, что все решения в управлении проектами, могут быть отнесены к двум большим группам – повседневные (обыденные) и административные решения.

Обыденные решения – это решения повседневной жизнедеятельности. Они относятся к индивидуальным решениям людей. В их основе – личные потребности и интересы человека. С учетом того, что к реализации проектов привлекаются субъекты с их собственными целями и присущими только им желаниями, полностью оказываться от учета обыденных решений нецелесообразно.

При этом для руководителей проектов важно контролировать, чтобы обыденные (индивидуальные) решения не выходили за рамки частных интересов подчиненных и не влияли на качественное выполнение ими функциональных обязанностей.

Административные решения предназначаются для эффективного управления текущими процессами проекта с ориентиром на достижение его конечных целей. Безусловно такие решения напрямую затрагивают интересы участников проекта. В связи с этим при принятии административного решения персональная ответственность руководителя проекта за повышается. Многие зависит от умения разъяснить команде, мотивы принятия того или иного решения.

Административные решения в свою очередь подразделяются на экспертные и управленческие подвиды.

Экспертные решения отличаются рекомендательным характером. В основном они принимаются экспертами, к которым относятся специально избранные советники, консультанты, аналитики, узкие специалисты в той или иной сфере. Непосредственно они не принимают участие в проектном управлении, но ознакомлены с отдельными планами и могут участвовать в выработке замыслов по промежуточным или общецелевому решениям.

Характерные примеры – принятие решения по финансированию проекта на основе оценок и предложений независимых аудиторских структур или решения по последствиям для окружающей среды с учетом предварительного анализа строительного проекта экспертами по экологии.

Управленческие решения – главным образом это решения, которые принимаются руководящим составом. Они направлены на достижение целей проекта. В их основе заложен общий замысел достижения конечного ожидаемого результата. Поэтому их можно характеризовать как общецелевые решения. В самом управленческом процессе выделяются решения, которые принимаются с учетом влияния различных факторов на ход реализации главного решения. Условно их можно назвать промежуточными или вспомогательными. В любом случае управленческие решения, как правило, доводятся до исполнителей в виде указаний, приказа, распоряжения, плана реализации или любого другого официального документа.

В проектном управлении также выделяются другие уровни принятия решений. Но вне зависимости от уровня все они требуют от руководителей соответствующих знаний, навыков, умений и опыта работы.

Первый – так называемый «*рутинный уровень*». Характеризуется часто повторяющимися процессами и алгоритмами принятия решения. Руководитель опирается на четкую инструкцию либо программу поэтапных шагов. Подобные повторяющиеся решения, по сути, и составляют основу ежедневной рутинной работы в рамках общей реализации проекта. Другими словами это решения повседневной деятельности управленцев низового звена.

Ситуации, связанные с рутинными решениями знакомы каждому имеющему отношение к работе в команде, реализующей тот или проект, решающей ту или иную задачу. Они легко распознаются в повседневной, повторяющейся изо дня в день, от этапа к этапу деятельности. Например, они присущи работе бухгалтеров, составляющих платёжные поручения или кадровиков, готовящих приказ о приеме на работу, поощрении, либо увольнении сотрудников.

Может показаться, что эти решения не требуют никакой рациональности поскольку все алгоритмы действий по ним предписаны заблаговременно и они не требуют иного «творческого» решения. Скорее речь может идти и систематизации самого процесса выполнения определенных действий.

Инициатива и свобода действий могут быть оправданы только при весьма ограниченных условиях. Но это не так. Если руководитель не обладает чувством интуиции или принимает те же кадровые решения, руководствуясь только эмоциональными всплесками, то тогда принимаемые им решения никоим образом не относятся к рациональным. К подобным ситуациям также могут относиться неверная трактовка полученных указаний, нелогичные поступки, нарушения интуиции. Ни о какой эффективности, а тем более рациональности решений говорить в таких случаях не приходится.

Второй – «адаптационный» уровень. Он имеет место тогда, когда руководитель сталкивается с проблемой изменения уже принятого решения или другими словами к его адаптации к новым условиям, вызванных различными непредвиденными либо неучтенными факторами.

В таком случае речь может вестись о гибком подходе с внесением соответствующих корректив в принятое общецелевое решение и о совершенно новых промежуточных решениях, которые также подводятся под измененные условия.

Подобные решения присущи менеджерам среднего и высшего звена проектного управления.

Третий уровень – «инновационный». Он требует самых сложных и всегда нестандартных решений. Для достижения цели необходим абсолютно новый, не имеющий аналогов подход. При этом руководитель должен осознавать все, в том числе и не просчитываемые риски. Эффективно противодействовать им возможно при стремлении к саморазвитию и новизне, обладая решительностью и способностью к критическому мышлению.

Часто попытка разрешить трудновыполнимую проблему приводит к пониманию, того, что старыми, пусть и хорошо зарекомендовавшими себя, способами и методами, устроить ее не удастся. Или это потребует неимоверных усилий и ненужных затрат. Другой подход – внедрение инноваций, создание новых технологий, современной техники, компьютерных программ, производственных мощностей и даже отраслей науки. Особое значение при таком развитии проекта приобретают инвестиционные решения, которые принимаются на коммерческом, отраслевом, региональном и государственном уровне.

Последними разновидностями решений в контексте изучения рациональности можно рассмотреть типологию уже упоминаемого нами американца Г.Саймона. Он разделил управленческие решения на – запрограммированные и незапрограммированные.

Запрограммированные решения прорабатываются и принимаются в конкретно определенных условиях, представляя собой строгую последовательность действий, основанных на стандартных алгоритмах и правилах. Из-за этого значительно снижается вероятность появления ошибок, повышается степень оперативности выработки замысла решения, так как отсутствует необходимость поиска каких-то других подходов и способов достижения поставленных целей. Показательными примерами подобных решений являются определения графика работы подчиненных, составление сметы на расходные материалы или порядка отчета о выполнении практических задач.

Незапрограммированные решения – вновь возникающие, очень часто спонтанные и неструктурированные решения. При них затруднительно, почти невозможно использовать стандартные алгоритмы и схемы действий. Однако с опытом, нарабатывая определенные навыки и умения такие решения постепенно переходят в другие разряды, в том числе могут быть обыденными.

Таким образом, проектное управление представляет собой целенаправленный процесс, основу которого составляет деятельность по достижению ожидаемого результата путем рационального использования имеющихся или дополнительно привлекаемых сил и средств, а также за счет опыта предыдущей работы и внедрения современных технологий. При этом важным условием для эффективного управления проектом является принятие верных, рационально обоснованных решений, направленных на сохранение баланса между расходуемыми ресурсами (людские, финансовые, материальные, временные), наличием рисков и итогом предпринятых усилий – результатом проекта.

При этом важно понимать и всегда помнить следующее – **теория без практики МЕРТВА**. Можно сколько угодно

размышлять о рациональности рассматриваемых решений, но только практически можно удостовериться в правильности своих оценок данной категории.

В современных условиях в проектном управлении большинство важнейших решений не являются заранее запрограммированными. Процесс их принятия сопровождается высочайшим уровнем неопределенности и риска, когда сам факт принятия решения не служит главным условием его реализации. Примером являются те трудности, которые возникли в связи с непредсказуемыми последствиями распространения в мире коронавирусной инфекции COVID-19 и с которыми столкнулись практически все сферы жизнедеятельности не только на государственном, но и международном уровне.

В данных условиях необходимо резко повысить эффективность управленческой деятельности российских госструктур всех уровней, особенно в части, касающейся постановки четких целей и определения путей их результативного достижения.

В рамках объявленного руководством нашей страны курса на поэтапное развитие национальной экономики, роль эффективного государственного управления как проектного менеджмента будет только повышаться. В свою очередь надежным рычагом повышения эффективности реализации федеральных проектов и программ может стать знание о философских подходах к проблемам рациональности и выбора, а также их прикладного характера.

Поэтому важно не только понять сущность человеческой рациональности и проблемы выбора в принятии решений, но и то, каким образом применить имеющиеся знания и опыт на практике. При этом необходимо отдавать себе отчет, что внезапно возникающие проблемы в ходе реализации любого проекта является неотъемлемой его частью даже тогда, когда кажется, что учтены все возможные нюансы.

При этом всегда найдется множество самых разных способов вскрытия, изучения и разрешения проблем, рисков или угроз. В свою очередь выбор рационального решения по достижению заданных целей тоже будет зависеть от множества факторов. Их учет – залог успеха. В любом случае в приоритете должна быть организованная и системная работа на всех этапах управления проектом. И только тогда, когда цель будет достигнута, дана оценка результата работы, его сопоставление с исходными программами проекта можно будет судить о рациональности принятых решений.

Пристатейный библиографический список

1. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Коралева, В.А. Лутченко. – М.: Инфра-М, 2002. – С.576.
2. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 805.
3. Замылин И.Е. Эффективность портфельного подхода к управлению проектами: постановка проблемы // Журнал научных и прикладных исследований. – 2013. – № 4. – С. 9.
4. Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. – М.: Catalaxy, 1994. – 416 с.
5. Помогайбин В.Н. История психологии: лица, взгляды, концепции. Сборник лекции. 1999.
6. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // Thesis. 1993. – Т. 1. Вып. 3. – С. 16-38.
7. Сивиринов Б.С. Социальная рациональность как компонент социальной перспективы // Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С. 12.
8. Сурат И.Л. К вопросу о развитии методологии проектного управления инновационной деятельностью в системе высшего профессионального образования // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2013. – № 4. – С. 41.
9. Хьюбнер К. Критика научного разума. – М.: ИФ РАН, 1994. – С. 326.

ШАРЫПОВ Михаил Алексеевич

студент 4 курса Факультета международного бизнеса и делового администрирования Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО (У) МИД России

ВЛИЯНИЕ ПОДРЫВНЫХ ИННОВАЦИЙ НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье рассматриваются основные направления влияния подрывных инноваций на мировую экономику и торговлю. Показано, что подрывные инновации – один из драйверов современной экономики, в текущих условиях инновационная деятельность приводит к появлению новых отраслей экономики и исчезновению старых. Данный феномен, безусловно, имеет свои преимущества и недостатки, свою специфику, которая должна учитываться в процессе формирования корпоративных планов, а также общих экономических стратегий государств.

Ключевые слова: подрывные инновации, дилемма инноватора, отрасль экономики, бизнес-модель, венчурный капитал.

SHARYPOV Mikhail Alekseevich

student of the 4th course of the Faculty of International Business and Business Administration of the International Institute for Energy Policy and Diplomacy of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

THE IMPACT OF DISRUPTIVE INNOVATION ON THE CURRENT STATE OF THE WORLD ECONOMY

The article considers the main directions of the impact of disruptive innovations on the world economy and trade. It is shown that disruptive innovation is one of the drivers of the modern economy; under current conditions, innovation activities lead to the emergence of new industries and the disappearance of old ones. This phenomenon, definitely, has its advantages and disadvantages, its specificity, which should be taken into account in the process of formation of corporate plans, as well as the general economic strategies of states.

Keywords: disruptive innovation, innovator's dilemma, industry, business model, venture capital.

Время от времени определенные управленческие идеи и решения становятся частью современных тенденций корпоративного мира и мировой экономики в целом. В 1990-х годах наиболее актуальным инструментом развития компаний считался так называемый «реинжиниринг» бизнес-процессов. На современном этапе один из ключевых трендов – внедрение подрывных инноваций. К данной тенденции приковано широкое внимание общественности. Например, интернет-издание TechCrunch, которое специализируется на публикации новостей о стартапах, интернет-бизнесе и технологиях, ежегодно проводит конференцию под названием «Festival of Disruption» (англ. Фестиваль Подрывных Инноваций). Новостной канал CNBC ежегодно составляет список компаний, которые внедряют наибольшее количество подрывных инноваций. Понятие «подрывные инновации» используется в разных отраслях современной экономики, в том числе в образовании и здравоохранении. Однако, что же такое подрывные инновации?

Теория подрывных инноваций была разработана Клейтоном Кристенсеном из Гарвардской школы бизнеса в его книге под названием «Дилемма инноватора». Господин Кристенсен использовал этот термин для описания инноваций, которые создают новые рынки, открывают новые категории клиентов. Это происходит частично за счет использования инновационных технологий, а также за счет разработки новых бизнес-моделей и использования старых технологий новыми способами. Он противопоставил подрывные инновации поддерживающим инновациям, которые только улучшают существующие продукты. Разработка персональных компьютеров, например, являлась подрывной инновацией, поскольку был создан новый массовый рынок компьютеров; ранее дорогие стационарные компьютеры продавались только крупным компаниям и исследовательским университетам.

«Дилемма инноватора» — это сложная задача, с которой сталкивается компания, когда ей приходится выбирать между удержанием существующего рынка за счет того, что она производит лишь небольшие улучшения продукта, и захватом новых рынков с помощью внедрения новых технологий и новых бизнес-моделей. Компания IBM решила эту дилемму, запустив новое подразделение по производству персональных компьютеров, продолжая при этом производить и стационарные компьютеры. Компания Netflix, в свою очередь, предприняла более радикальный шаг, перейдя от своей

старой бизнес-модели (расылка прокатных DVD-дисков по почте) к новой (показ наиболее востребованных видеоматериалов для своих клиентов). Подрывные инновации обычно находят своих первых покупателей в низком ценовом сегменте: поскольку данные продукты являются непроверенными, часто незаконченными, высокую цену за них предложить невозможно. Устоявшиеся игроки на рынке, как правило, медленно распознают вероятность вытеснения своих продуктов недавно созданными конкурентами, внедряющими подрывные инновации. Однако по мере того, как последовательные усовершенствования делают новые продукты более привлекательными для клиентов, изменяются целые отрасли: отрасль объявлений (Craigslist), звонков (Skype), музыкальных магазинов (iTunes), исследовательских библиотек (Google), местных магазинов (eBay), такси (Uber) и газет (Twitter).

Отчасти из-за подрывных инноваций средняя продолжительность работы генерального директора компании из списка Fortune 500 сократилась вдвое - с десяти лет в 2000 году до менее чем пяти лет сегодня. Есть все основания полагать, что скорость внедрения изменений будет расти, поскольку компьютерные мощности увеличиваются, и все больше видов деятельности осуществляется в Интернете, расширяя его «подрывное» влияние на новые сферы. Google намеревается переосмыслить концепцию автомобилей как автономных транспортных средств; Amazon обещает представить концепцию похода за покупками с помощью дронов; 3D-печать может коренным образом изменить процесс производства. Но, возможно, самые незаурядные подрывные инновации будут осуществляться предпринимателями – владельцами компаний низкого ценового сегмента, которые изобретут новые способы предоставления услуг образования и здравоохранения за долю стоимости нынешних лидеров рынка.

Рассмотрим несколько примеров подрывных инноваций и их влияние на мировую торговлю и экономическое развитие.

Компания Apple возможно более известна как инновационная компания, однако Amazon оказала не менее значительное влияние на работу глобального цифрового пространства. Компания Amazon, имея значительные ресурсы начала диверсифицировать свою деятельность – создавать продукты от поисковых систем до робототехники и платформ для просмотра фильмов и телевизионных программ.

В самом деле, компания Amazon, по всей видимости, вновь ввела понятие «долгосрочной перспективы» в англосак-

сонский капитализм. В период, когда компании зациклены на квартальных результатах и обратном выкупе собственных акций, руководство Amazon ясно дало понять акционерам, что при выборе между увеличением дивидендных выплат и инвестиций в новые области, они всегда выберут последнюю. Тогда как другие технологические компании-гиганты аккумулируют огромные суммы денежных средств, Amazon продолжает политику инвестирования в новые продукты и внедрения инноваций. Для инвесторов это является положительным фактором: коэффициент соотношения цены и прибыли Amazon временами превышал 3,500 за акцию. Компания согласовывает интересы руководителей высшего звена с интересами акционеров, выплачивая им зарплату в основном акциями: самая высокая зарплата составляет 175 000 долларов в год.

Сложность заключается в том, что политика введения подрывных инноваций имеет помимо преимуществ и свои недостатки.

Amazon обвиняют в недобросовестной конкуренции - в том, что компания обманывает своих сотрудников, уклоняется от уплаты налогов и запугивает своих конкурентов. Amazon заявляет, что средняя зарплата на складах компании в США на 30% выше, чем в крупных розничных магазинах. Что касается налогов, то здесь картина несколько более сложная. Основная причина столь низких налоговых выплат заключается в том, что компания активно выводит доходы в страны с низкой ставкой налогообложения. В течение многих лет компания боролась с взиманием налогов с продаж товаров через Интернет, но в последнее время она изменила свою политику и теперь взимает налоги с продаж все чаще и чаще во многих американских штатах.

Что касается запугивания конкурентов, то в большинстве случаев это ничто иное, как жестокая природа капитализма. Компания Amazon разорила американские книжные магазины точно так же, как Tesco и Walmart разорили продуктовые магазины - предоставив более дешевый и простой способ совершать покупки. Однако антимонопольные органы должны удостовериться, что компания не злоупотребляет своей рыночной властью в каждом случае отдельно. К примеру, нынешний конфликт Amazon с Hachette, крупнейшим издательством, по большому счету может быть обычным спором между розничным продавцом и поставщиком.

Наибольшим поводом для беспокойства касательно деятельности компании Amazon является, как это ни странно, следствие ее концепции долгосрочного развития. Трудно конкурировать с компанией, акционеры которой не ожидают от нее прибыли. Огромные масштабы компании и ее готовность работать с нулевой или отрицательной прибылью создают серьезные препятствия для входа потенциальных конкурентов. Но так не может продолжаться вечно. Опасение вызывает тот факт, что компания Amazon попросту ждет момента, когда ее конкуренты прекратят свою деятельность, прежде чем повысить цены. Если это произойдет, органы регулирования должны резко отреагировать на это. Таким образом, появится возможность для другой организации - например, для китайской компании Alibaba, а часть инвесторов будет сожалеть о так и не полученных дивидендных доходах от Amazon. Но в выигрыше снова окажутся потребители, как это и происходило на протяжении всего времени, когда начинающая компания господина Безоса распространяла свое влияние на многие стороны повседневной жизни.

В условиях свободного притока венчурного капитала все компании хотят быть новаторами, но лишь немногие на деле внедряют подрывные инновации. Подрывные инновации - это популярное понятие в Кремниевой Долине. Однако инвесторы начинают осознавать, что оно имеет свои плюсы и минусы.

В настоящее время количество подражателей новаторских компаний стало настолько большим, что они рискуют потратить столько же времени на борьбу друг с другом, сколько на борьбу с известными компаниями, которых они хотят вытеснить. Согласно определению Клейтона Кристенсена, компании-революционеры в начале своей деятельности работают с покупателями с низкими доходами, а затем начинают продавать товары премиального сегмента. В настоящее время это определение стало более общим: любую компанию, так или иначе использующую современные технологии для борьбы с действующими фирмами на рынке, можно назвать новатором.

Компании Uber и Lyft стремились координально изменить отрасль услуг по вызову такси. Кроме того, компания

Uber, а вместе с ней компании Grubhub, DoorDash, Postmates и многие другие, начали активно развивать сферу доставки еды с помощью своего сервиса Uber Eats. Что касается рынка недвижимости, то начинающие компании по поиску и продаже недвижимости жилья с помощью технологии iBuying, такие как Opendoor и Offerpad, стремятся радикально изменить традиционную модель продажи недвижимости, предлагая клиентам услуги по ускоренной продаже жилья с помощью компьютерных программ и алгоритмов. Но в случае повышения конкуренции компании-новаторы могут потерять большое количество денежных средств инвесторов, не добившись при этом значительного прогресса на пути к тому, чтобы стать устоявшейся и прибыльной компанией. Эту проблему можно назвать двойной дилеммой компании-новатора.

Компании, занимающиеся продажей готовых наборов для приготовления блюд, являются наглядным поучительным примером. Компания Blue Apron вначале появилась на рынке с целью сделать «удивительное приготовление блюд на дому доступным для всех», но в условиях большого потока венчурного капитала, стремящегося финансировать инновацию, она вскоре обнаружила множество конкурентов.

Недавно прекратившая свою деятельность компания Munchery, которая привлекла 125 миллионов долларов, заявила, что ее целью было «сделать вкусную, здоровую, высококачественную и недорогостоящую еду доступной для всех и везде».

Эта фирма была не единственной, которая обанкротилась в данном сегменте рынка. Компания Chef'd закрылась в 2018 году, а Sprig - в 2017 году. Spoonrocket и Bento также перестали существовать. И хотя компания Blue Apron все еще продолжает функционировать, цена ее акций упала примерно на 95% по сравнению с ценой первичного публичного размещения два года назад, когда компания оценивалась в 90,4 миллиона долларов.

Аналогичный путь грозит и фирмам в отрасли доставки еды. Компания SeamlessWeb, которая в 2013 году объединилась с Grubhub, была первой организацией, создавшей современную систему онлайн доставки еды. На сегодняшний день существует множество компаний-подражателей. Они конкурируют друг с другом за общий бизнес (многие потребители сообщают, что пользуются несколькими приложениями), одновременно стремясь к популяризации сервисов онлайн-доставки еды среди потребителей. То, что случилось с компанией Nokia, не секрет: Apple и Android вытеснили ее с рынка. Но причины этого провала немного более загадочны. Исторически, в конце концов, Nokia была удивительно адаптивной компанией, переходившей из одного бизнеса в другой. Недавно она снова успешно переосмыслила свою концепцию. В течение многих лет компания представляла собой конгломерат, в котором работало несколько разрозненных предприятий; в начале XIX века, предвидя появление мобильных телефонов, руководство избавилось от всего, кроме телекоммуникационного бизнеса. Что еще более удивительно, Nokia практически не отставала в технологическом развитии - напротив, она разработала свой первый смартфон еще в 1996 году, а в конце девяностых годов создала прототип телефона с сенсорным экраном и поддержкой Интернета. Компания также тратила огромные суммы денег на исследования и разработки. Но что ей не удалось сделать, так это воплотить все эти расходы на исследования и разработки в продукты, которые люди действительно хотели бы купить.

Таким образом, подрывные инновации не всегда ведут к увеличению уровня прибыли и доли компании на рынке, существует много примеров, когда избыточный поток венчурного капитала приводил к банкротству фирм.

Пристатейный библиографический список

1. Ласкова Т. С., Никитаева А. Ю., Ласкова Т. С. Экономика и управление инновациями: микроуровень. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2021. – С. 148-154.
2. Чижанькова И. В. Экономика инноваций и управление инновационным бизнесом. – Москва: Русайнс, 2022. – С. 39-48.
3. Авдейчикова Е. В., Трубицына С. П., Бургат В. В. Инновации в торговой деятельности: российский и зарубежный опыт. Монография – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2016. – С. 22-27.

ЧЕРНОВ Юрий Иванович

кандидат юридических наук, доцент Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

СИМОНЯН Яна Саятовна

студент специалитета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

БЕДЖАНОВА Яна Кареновна

студент специалитета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ТЮТЮННИКОВА Виктория Алексеевна

студент специалитета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ В ОБЛАСТИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В статье исследованы административные барьеры в развитии российского малого предпринимательства, выявлены факторы, способствующие ликвидации административных барьеров в системе предпринимательства и предложено инструментальное обеспечение по их преодолению. Авторами статьи даны рекомендации по минимизации рисков для предпринимателей.

Ключевые слова: административные барьеры, малое предпринимательство, лицензия, государственное управление, государственная регистрация, предпринимательская деятельность.

CHERNOV Yuriy Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor of the I. T. Trubilin the Kuban State Agrarian University

SIMONYAN Yana Sayatovna

specialty student of the I. T. Trubilin the Kuban State Agrarian University

BEDZHANOVA Yana Karenovna

specialty student of the I. T. Trubilin the Kuban State Agrarian University

TYUTYUNNIKOVA Viktoriya Alekseevna

specialty student of the I. T. Trubilin the Kuban State Agrarian University

ADMINISTRATIVE BARRIERS IN THE FIELD OF SMALL BUSINESS

The article examines administrative barriers in the development of Russian entrepreneurship, identifies factors contributing to the elimination of administrative barriers in the entrepreneurship system and proposes instrumental support for overcoming them. The authors of the article provide recommendations on how to minimize risks for entrepreneurs.

Keywords: administrative barriers, small business, license, public administration, state registration, entrepreneurial activity.

Серьезнейшей экономико-правовой проблемой сегодня, препятствующей инновационному развитию России, сдерживающей рост отечественной экономики выступает существенное увеличение количества различных административных барьеров в области малого предпринимательства. Данная проблема очевидна не нова, она имеет исторические корни и полное её устранение невозможно, но о сокращении в количественном и качественном аспекте чрезмерного государственного муниципального администрирования малого предпринимательства необходимо не только говорить, но и активно работать над этим.

В настоящее время в современной литературе нет определённого понятия «административные барьеры». Данный факт имеет отрицательные последствия для изучения наук, а именно: юридических, экономических и науки управления персоналом. Чрезмерное количество административных барьеров отмечают в своих выступлениях как политические деятели, так и представители деловых кругов, в том числе индивидуальные предприниматели. Они отмечают разнообразие административных барьеров, а также различную их трактовку.

Согласно положению межведомственной комиссии по преодолению административных барьеров в развитии предпринимательства в Российской Федерации «административ-

ные барьеры представляют собой действия органов исполнительной власти, выраженные в виде принятия нормативных, распорядительных документов, противоречащих действующему законодательству и нормативным актам Российской Федерации, а также связанные со злоупотреблением и превышением своих полномочий при проведении им контроля и надзора за деятельностью субъектов предпринимательства».

Термин административные барьеры можно толковать по следующему. Административные барьеры – это препятствия, порождающие дополнительные финансовые затраты бизнеса, которые создаются в силу некомпетентности или коррупционной составляющей в действиях органов исполнительной власти, а также органов местного самоуправления [1].

В настоящее время достаточно большое количество авторов трактуют, что административные барьеры — это затраты организаций, которые создаются для исполнения законодательства Российской Федерации.

Следует согласиться, что можно выделить шесть сфер государственного управления, в которых наиболее распространены административные барьеры. Данные сферы представлены на рисунке 2 [2]:

Положительно, что действует целая совокупность федеральных законодательных актов, содержащих нор-

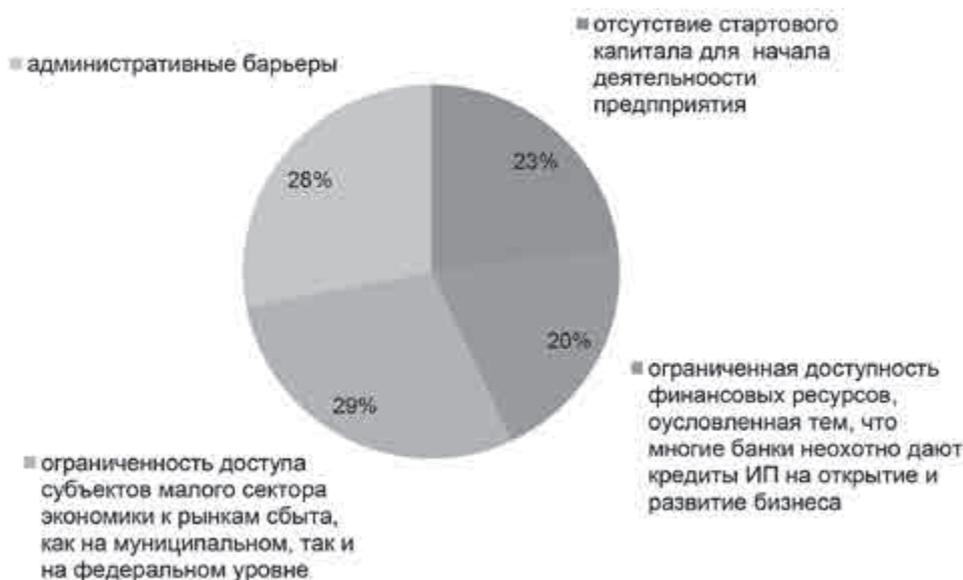

Рисунок 1. Критерии, препятствующие развитию малого предпринимательства

Рисунок 2. Области государственного управления, в которых наиболее распространены административные барьеры

мы, направленные на устранение административных барьеров: Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ, Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 № 129-ФЗ. Указанные законы разработаны Министерством экономического развития России с участием заинтересованных федеральных органов исполнительной власти в начале 2000-х годов и существенных изменений, и добавлений не претерпевали вплоть до настоящего периода времени.

Вышеперечисленные законы несут следующие результаты для органов государственной власти:

– увеличение количества проверок (плановых и внеплановых);

– затянутое количество времени для регистрации предприятия, что несет убытки предприятию;

– затраченное время на получение лицензии, а также дополнительные затраты на ее получение;

– убыток предприятия при проведении проверки;

– уровень давления со стороны государственных органов (когда очевидна высокая коррупциогенность государственного регулирования) [3].

Поскольку термин «административные барьеры» имеет широкое распространение, но различное толкование, следовало бы на практике составить толкование общее, которое охватывало бы все сферы жизнедеятельности, и которое могли бы использовать, как в экономической сфере, так и в юридической, и предпринимательской.

Наиболее распространенной формой административных барьеров выступают плановые и внеплановые проверки контролирующих органов, а именно: ФМС России, Банка России, Роспотребнадзора. В ФЗ о защите прав юр лиц и

Таблица 1. Динамика посещения фирмами различных государственных органов и времени, которое было затрачено на регистрацию

Государственные органы	Доля фирм, посетивших данный орган при регистрации, %			Среднее время, затраченное на посещение данного органа, дни		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Налоговые службы	59	68	88...	6	8...	10
Пенсионный фонд РФ	39	49	50...	3	4	2
Статистические органы	35	42	45...	2...	3	3
Социальное страхование	35	42	45...	3	4	2
Администрация муниципалитета	57	73	25...	11	11	9
Медицинское страхование	18	27	24...	3	3	2...
МЧС	7	4	9...	3...	6	13...
Регистрационная палата	22...	17	8...	13	14	4
Санэпиднадзор	11	8	7...	7	6	14

ИП установлено, что плановые проверки должны проводить не чаще одного раза в год. Однако, зачастую органы государственной власти или исполнительной власти проверяют сферу предпринимательства более одного раза, что является наиболее частым административным барьером. Отметим, что 40 % проверок являются незапланированными, более 35 % проверок проводятся более одного раза.

Так же и возросли доли штрафов или административных взысканий, например, в МВД с 30 до 40 % возросло их количество. Для решения данной проблемы, индивидуальным предпринимателям рекомендуется обратиться в суд. Однако, хотелось бы отметить, что в судебной практике, только 5 % предпринимателей используют данную практику.

Положительная динамика в проведении плановых и внеплановых проверок прослеживается за счет уменьшения количества дней, в которые проводится проверка. Нельзя сказать, что данный фактор негативно сказывается на предпринимательской деятельности. Благодаря сокращению дней при проведении проверок, у индивидуальных предпринимателей остается больше времени на основную работу. Согласно законодательству, процесс регистрации нового юридического лица должен занимать не более 3 дней.

Из данной таблицы можно сделать вывод, что с каждым годом, а именно с 2019 по 2021, количество организаций, которые посещают государственные органы, увеличивается. В частности, увеличилось количество фирм, которые посетили пенсионный фонд, их количество увеличилось на 11 фирм.

Еще одним административным барьером является большое количество занимаемого времени на получение лицензий. Получение лицензии составляет не менее 2-х месяцев. Также, еще одним барьером является стоимость лицензии. Больше всего разрешений и лицензий выдают местные органы власти.

Таким образом, можно подвести итог, что не все федеральные законы направлены на уменьшение административных барьеров.

Также имеет быть тот факт, что большинство проверок проходят с нарушениями органами исполнительной власти (вымогательство взяток, повторные незапланированные проверки). Правило «одного окна» при регистрации не работает.

В настоящее время государство делает большой акцент на развитии предпринимательства, однако нет совершенной

стратегии, которая смогла бы поддерживать предпринимательство несмотря на то, что создан для этого Фонд развития предпринимательства.

На основании вышеизложенного, мы предлагаем на уровне Совета Федерации и Законодательного собрания субъектов Федерации разработать конкретные поддержки предпринимательства:

– Повысить деятельность в законотворческой сфере, где государство будет выступать партнером для бизнеса, которое гарантирует условия для его развития.

– Разработать специальные государственные меры поддержки малого бизнеса, как на региональном уровне, так и на уровне Федерации.

– Выработать единое понятие административные барьеры, например, административные барьеры – это законодательные нормы, которые носят обязательный характер, создающие ограничения для ведения предпринимательской деятельности.

Таким образом можно сделать вывод, что административные барьеры оказывают большую роль в развитие малого предпринимательства в стране, что в свою очередь затрудняет работу для предпринимателей. Поэтому для положительной динамики в данной сфере деятельности, считаем необходимым принять в работу предложенные нами пути решения.

Пристатейный библиографический список

1. Андреев М. А. Административные барьеры: Статистика // Экономика и жизнь. – 2018. – № 50. – С. 2-3.
2. Аузан А., Крючкова П. Административные барьеры в экономике: задачи деблокирования // Вопросы экономики. – 2019. – № 5.
3. Кузьмина Л. А. Проблемы административных барьеров в Российской Федерации // Экономика и жизнь. – 2019. – № 45. – С. 216-221.
4. Папова О. А. Малое предпринимательство, как важный инструмент экономики // Малое предпринимательство. – 2018. – № 12. – С. 15-17.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-485-486

ХАКИМОВ Руслан Миратович

кандидат технических наук, доцент кафедры управления качеством Инженерного факультета Башкирского государственного университета

НУРУТДИНОВ Азамат Анварович

кандидат технических наук, доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности Башкирского государственного университета

ГИЛЯЗОВА Алиса Ильдаровна

студент Факультета математики и информационных технологий Башкирского государственного университета

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ РОССИИ

В исследовании рассматривается вопрос оснований и оценки реализации национальных целей развития России, которые сформулировал Президент Российской Федерации 21 июля 2020 г. в своём указе под номером 474. Объектом исследования выступает экономико-правовое пространство России. Предметом исследования выступают целевые показатели достижения национальных целей развития России. Цель исследования - представить социальные и экономические объективные основания и методическую оценку реализации национальных целей развития. Методологией исследования выступают эвристические методы анализа феноменов общественной, правовой и экономической жизни. Результатами исследования выступают показатели оценки и дескрипция объективных оснований для реализации национальных целей развития России, которые трансформируют общественное пространство страны в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: общественное благо, целевые показатели, экономический эффект, социальный эффект, институциональная стабильность.

KNAKIMOV Ruslan Miratovich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Quality management sub-faculty of the Faculty of Engineering of the Bashkir State University

NURUTDINOV Azamat Anvarovich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Economic and legal security sub-faculty of the Bashkir State University

GILYAZOVA Alisa Ildarovna

student of the Faculty of Mathematics and Information Technologies of the Bashkir State University

SOCIO-ECONOMIC GROUNDS FOR THE IMPLEMENTATION OF RUSSIA'S NATIONAL DEVELOPMENT GOALS

The study examines the issue of the grounds and evaluation of the implementation of the national development goals of Russia, which were formulated by the President of the Russian Federation on July 21, 2020 in his decree No. 474. The object of the study is the economic and legal space of Russia. The subject of the study is the target indicators for achieving the national development goals of Russia. The purpose of the study is to present social and economic objective grounds and a methodological assessment of the implementation of national development goals. The methodology of the research is heuristic methods of analyzing the phenomena of social, legal and economic life. The results of the study are evaluation indicators and a description of objective grounds for the implementation of Russia's national development goals, which transform the country's public space in the medium and long term.

Keywords: public good, target indicators, economic effect, social effect, institutional stability.

В 2021 году Президент Российской Федерации представил Указ о национальных целях развития России до 2030 года [1], который фактически является стратегической инициативой, выполнение которой трансформирует общественное, политическое, экономическое пространство России на долгие годы. Стратегический характер документа отражают пять сформулированных Президентом России стратегических целей, в общем виде которые можно представить в следующих категориях:

1. Демография и здоровье нации;
2. Личностное развитие граждан;
3. Общественный и социальный комфорт;
4. Развитие экономических систем и показателей труда;
5. Цифровизация общественной, экономической и хозяйственной среды.

Целевые показатели, характеризующие степень реализации и достижения стратегических целей имеют как количественный (например: двукратное снижение показателей бедности, увеличение продолжительности жизни - 78 лет и т.д.), так и качественный (например: развитие способностей и талантов у молодёжи, обеспечение гармоничного развития и социальной ответственности личности и т.д.). Учитывая стратегический характер целей и горизонт планирования до

2030 года необходима выработка механизма оценки, имеющего количественно измеримое выражение для объективации результатов оценки. Для этого предлагается воспользоваться методом анализа иерархий (англ. аббревиатура - АИР) [3, с. 67-76].

Фактически у нас имеется пять глобальных стратегических целей и n - количество целевых показателей. Ранее было сказано, что целевые показатели представлены, как в количественном, так и в качественном виде, отсюда детерминированные модели для оценки достижения национальных целей развития представить затруднительно. Поэтому уместно рассуждать об условной важности каждой цели, которую можно выразить через шкалу интенсивности от [1; 5; 9]. То есть, расположить цели по строкам и столбцам обратной симметричной матрицы, вершиной которой будет полная реализация цели, а уровнями матрицы будут представлены критериями оценки (целевые показатели), представленные в оценке. То есть, если элемент матрицы принять за $a(i,j)$ то i отразит интенсивность показателя относительно j , интенсивность по шкале будет иметь следующий смысл:

- 1 - равная важность;
- 3 - умеренное превосходство одного над другим;
- 5 - существенное превосходство одного над другим;

7 - значительное превосходство одного над другим;
 9 - очень сильное превосходство одного над другим;
 2, 4, 6, 8 - соответствующие промежуточные значения.

Когда сравниваются один целевой показатель i с другим целевым показателем j получаем $a(i,j) = b$, при сравнении второго целевого показателя с первым целевым показателем Получим $a(i,j) = 1/b$.

При сравнении элементов обратно симметричной матрицы a и b необходимо придерживаться следующих критериев:

- какой целевой показатель более важен;
- достижение какого целевого показателя более вероятно.

Относительная сила, величина или вероятность каждого отдельного объекта в иерархии определяется оценкой соответствующего ему элемента собственного вектора матрицы приоритетов, нормализованного к единице. Процедура определения собственных векторов матриц поддается приближению с помощью вычисления геометрической средней.

Пусть:

$A_1...A_n$ - множество из n элементов;

$W_1...W_n$ – соотношение элементов.

На основании данных предположений построим матрицу сравнения элементов в таблице 4:

Таблица 1. Матрица сравнения

	A_1	...	A_n
A_1	1	...	W_1 / W_n
...	...	1	...
A_n	W_n/W_1 , ...		1

После построения матрицы сравнения элементов, оценка компонент вектора приоритетов производится по таблице 5:

Таблица 2. Оценка компонент вектора приоритетов

	A_1	A_2	...	A_n		
A_1	1	W_1/W_2	...	W_1/W_n	$X_1 = (1 * (W_1 / W_2)^*... * (W_1/W_n))^{1/n}$	$BEC(A_1) = X_1 / \sum X_i$
A_2	W_2/W_1	1
...
n	W_n/W_1	1	$X_n = ((W_n/W_1)^*... * (W_n/W_{n-1})^{1/n})$	$BEC (A_n) = X_n / \sum X_i$
					$\sum X_i$	

Значение приоритетов должны быть синтезированы $a(i,j) = b$ и обратная ситуация) со второго уровня иерархии, происходит перемножение приоритетов каждого целевого

показателя относительно другого целевого показателя и итог представляет сумму ($\sum X_i$ – таблица 2).

Так как национальные цели развития в большей степени ориентированы на развитие общественных и социальных систем - количественные показатели, участвующие в оценке, должны быть приведены к единой базе оценки (отчётному году) [2, с. 213-215]. Для этого необходимо воспользоваться коэффициентом приведения в виде ставки межвременных предпочтений (социальной ставки дисконтирования) [4, с. 79-91], рассчитываемой по формуле 1:

$$STPR_t = \rho_t + t\Delta\rho_t + \mu g + \ln(C_t)\Delta\mu_t \quad (1)$$

где C_t – потребление в году t , в ед.;

ρ – ставка чистого временного предпочтения, в долях;

g – темп роста потребления на душу населения, в долях;

$STPR_t$ – социальная ставка дисконтирования, в долях.

Предлагаемое методическое обеспечение оценки реализации национальных целей развития России, повысит объективность результата и оснований реализации и достижения целевых показателей. Также количественная оценка целевых показателей и этапов выполнения целей может быть использована для заключения об эффективности освоения бюджетных средств на достижение национальных целей развития России.

Пристатейный библиографический список

1. Указ о национальных целях развития России до 2030 года. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> доступ свободный, дата обращения 03.05.2022.
2. Бондаренко А.В., Лукиянов М.Ю. Эволюция антикоррупционного законодательства в России (социально-философский анализ) // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 10 (77). – С. 213-215.
3. Хабибуллина Л.Р., Кружилин П.А., Тулькубаев Р.З. Экономическая добавленная стоимость, как комплексный показатель эффективности деятельности компании // Дискуссия. – 2021. – № 5 (108). – С. 67-76. – DOI 10.46320/2077-7639-2021-5-108-67-76.
4. Хайруллин В.А., Макара С.В., Ямалова Э.Н., Асадуллин М.Р. Социальная ставка дисконтирования, социальный эффект и реализация национальных целей развития России // Дискуссия. – 2021. – № 4 (107). – С. 79-91. – DOI 10.46320/2077-7639-2021-4-107-79-91.
5. Mekhdiiev E.T., Prokhorova V.V., Makar S.V., Salikhov G.G., Bondarenko A.V. Smart cities in future energy system architecture // International Journal of Energy Economics and Policy. – 2018. – Т. 8. № 5. – С. 259-266.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-487-489

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна

доктор философских наук, профессор, директор Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИИЯЛ УФИЦ РАН)

ИТКУЛОВА Лэйсян Ахметовна

доктор философских наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой философии и культурологии Факультета философии и социологии Башкирского государственного университета

ХАНОВА Руфина Вильсоновна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Факультета философии и социологии Башкирского государственного университета

ХАСАНОВА Лилия Равильевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Факультета философии и социологии Башкирского государственного университета

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭТНОСА

В статье анализируются предельные основания и базисные паттерны (первоначала) этноса. Этнос как социокультурное явление позволяет реализовать смысловые характеристики и предельные основания существования человеческого рода как природной, космической и культурно-социальной ценности. Этнос обращен к идее становления самосознания человека. Если нет этноса, то нет и народа, т.е. нет культуры и нравственности как первоначал жизненной активности индивида.

К предельным основаниям этноса относится традиция как способ сохранения и воспроизводства личной и общественно-национальной жизни. Однако авторы идут дальше в определении этноса, который представляет собой космическое первоначало, а последнее выражает собой общеродовые, вненациональные душевные и духовные свойства человека.

Ключевые слова: предельные основания культуры этноса, метафизика этноса, нравственная сила народа, проблема будущего этноса, метафизика как стремление преодолеть власть эмпирических фактов над рациональным.

RAKHMATULLINA Zugura Yaganurovna

Ph.D. in philosophical sciences, professor, Director of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

ITKULOVA Leysyan Ahmetovna

Ph.D. in philosophical sciences, professor, Acting Head of Philosophy and cultural studies sub-faculty of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University

KHANOVA Rufina Vilsonovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy and cultural studies sub-faculty of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University

KHASANOVA Liliya Ravilevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy and cultural studies sub-faculty of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University

METAPHYSICAL FOUNDATIONS OF AN ETHNOS

Authors substantiate the idea that the heuristic potential of knowledge is enhanced by an in-depth analysis of its philosophical foundations. In the process of analysing knowledge in various philosophical traditions, the authors reach an activist conception of knowledge, which includes freedom as a prerequisite for external and internal human activity. Knowledge doesn't coincide with the absolute measurement of freedom and at the same time with the factuality of phenomenal being. It realizes itself at the point of unity of these considerations. By analyzing the sensual, empirical, and theoretical measurement of knowledge, the authors conclude that knowledge, as well as its structure, should be considered in a broad methodological and philosophical way, including the dialectic of knowledge and ignorance. Knowledge is related to the system of human activity. This system includes the object, subject, purpose and objectives of study. But the activity system also relates to nature of the operations performed. This nature is connected with the soul of a person, their inner world. The latter has to do with personal knowledge, latent knowledge.

Keywords: the ultimate foundations of the culture of an ethnos, the metaphysics of an ethnos, the moral strength of the people, the problem of the future of an ethnos, metaphysics as a desire to overcome the power of empirical facts over the rational.

Актуальность анализа этноса, который, как и народ, устремлен в будущее, сопряжена с исследованием духовного мира индивидуальности человека, с самосознанием человека и его свободой. Этнос связан с космическими и земными силами. Этнос никогда не связан с анализом повседневного жизненного опыта. Этот опыт отдален от синтеза эмоционально воспринятых системно-рационализированных знаний.

Метафизика как стремление человека познать будущее включается в исторический процесс познания природы и общества. Будущее иногда проявляет себя как нечто более реальное, чем настоящее. Этот факт укоренен в нереализованных возможностях прошлого. В данном отношении диалектику можно представить как часть метафизики, которая интересуется последними или предельными основаниями социума [3, с. 94].

Этнос, этническая культура связаны с идеей гармонизации «центра» и «периферии», природного и социального начал. Этнос, в отличие от народа, связан культурными и духовными контактами с другими народами, с их пространственно-временными топосами. Этими топосами выступают архетипические паттерны первоначала культуры: коллективизм, справедливость, патриотизм, веротерпимость, духовность. Они реализуются в общественном идеале и культуре народа [4, с. 157].

Метафизика этноса связана с рассмотрением предельных оснований последнего, а эти основания представляют собой «интегральные образования духа, культуры, философии и нравственности» [2, с. 40]. Метафизика этноса, направленная на исследование бытия и познания человека, задает творческую направленность его отношения к космосу, а последний заставляет человека жить осмысленно, осознавать единство космического и нравственного законов.

Первоначала этноса, его базисные паттерны лучше всего ощущаются на уровне выявления его сущности, которая в основном имеет примордиальную основу. «Этнос является неизменным, базовым элементом общества, задающим структуру всякого общества» [2, с. 61]. Но «хорошее общество» обращается к поиску наиболее приемлемых альтернатив, которые могли бы улучшить жизнь людей [5, с. 4]. Этноты, в частности, образующие современное российское общество, связаны с новыми феноменами, к числу которых относится повышение риска изменения самого соотношения локального и глобального, ослабление интернационализма, усиление национализма, рост локальных и гибридных войн и терроризма вместо ожидавшегося мира.

Мы позволим себе высказать гипотезу, согласно которой предельные основания этноса выявляются в ходе анализа самой природы философского дискурса. Современная эпоха, как эпоха кризисная, связана с поиском новых концептуальных средств, соединяющих представления повседневности с философскими идеями. Одной из этих идей является ориентация современного общества не на приток «новых денег», а на приток «нового духа». Этот дух может быть только нравственным. Исследование этого духа и заставляет пролить дополнительный свет на саму сущность этноса, на его предельные основания и первоначала (базисные паттерны).

Над проблемой последних, предельных оснований духа размышляли Ф. Вагнер, Г. Гирндт, Ж. Леонберже. Их исследования могут составить фундамент метафизики не только этноса, но и народа, вставшего на путь социальных преобразований.

Но диалектический подход к реальности как бы выталкивает саму силу познания этноса за границы преодоления изоляции собственного «Я», в котором взаимодействуют многие «я» [8]. Нам думается, что «я», или самосознание этноса отличается от самосознания народа. Этнос связан с настоящим временем и бытием народа, с его космической жизнью, которая, тем не менее, обращена к действительности существования. Народ же, вся его нравственная мощь устремлен к будущему времени, к теоретическому, в принципе, бытию, как «бытию-долженствованию». Но говоря о философском познании этноса, в котором оказывается представленным весь духовный спектр культуры, особенности менталитета народа, мы должны заметить, что этнос в своих предельных основаниях устремлен к настоящему и прошлому, что рельефным образом обнаруживает себя в сказаниях, легендах и сказках. Философское познание этноса находится

не в точке феноменологического существования и не в чисто теоретическом бытии, а в точке единства обоих [10, с. 325].

Диалектика, как метафизика будущего, сегодня ставится в зависимость от интеллектуальной и познавательной деятельности. Метафизика, зачастую, выступает как латентное и неявное знание. Однако метафизический ракурс познания несовместим с отсутствием социокультурного контекста знания, с познанием первоначал самого этноса.

Но этнос спасается путем развития разума. Человек оказывается связанным с этносом именно потому, что нечто «ускользает» от разума. Через Божественное откровение разума снова воссоединяется с верой [6, с. 824-825]. В данном отношении метафизике необходимо познавать целое, а последнее не связано с отсутствием ни одной из частей [1, с. 149].

Заметим, что целое связано с живым существом, тогда как живое не состоит из частей. Все искусственное, напротив, связано с нарушением целостности как определенного единства телесных, душевных и духовных сил.

Метафизика этноса настолько обширна по своей сути, что не исключает и процесса разрушения мышления. Этнос в качестве своего первоначала предполагает анализ самой мысли как планетарного и социокультурного явления.

И, тем не менее, есть смысл рассмотреть первоначала этноса, т.е. именно те основы, откуда он происходит. Этнос, на наш взгляд, рождается в тот момент, когда люди оказываются охваченными стремлением размышлять над прошлым и настоящим, а народ, напротив, оказывается связанным с будущим временем. Истины познания, в свою очередь, необходимым образом должны быть связаны с историческими ритмами, с обществом [14, с. 694].

Этнос, как и народ, не исчерпывается существующим анализом форм и способов общения. Этнос связан с рассмотрением социальных форм, которые жестким образом не находят в пространстве социальных взаимодействий [13, с. 12].

Метафизика этноса не возникает в иллюзиях, в мифах. Она появляется в том случае, когда истины познания и бытия оказываются призванными стать социально ответственными [11, с. 192].

Метафизика этноса как космического и нравственного явления не отталкивается от общественных отношений как простой данности. Она устремлена к рассмотрению различных исторических периодов, к различным культурным формам.

Этнос, как и народ, есть то, что совершенно не свободно от своего эмпирического бытия, что приводит к подавлению свободы человека. Даже первобытные люди, несмотря на их погруженность в производительную деятельность общества, стремились вырваться за границы повседневного мира.

Думается, что именно народ, а не этнос, отходит от метафизического проникновения в сущность социальных процессов и рефлексии. Та информация, которую человек постепенно накапливает, не обязательно означает нечто удавшееся. Метафизика говорит о том, что сам человек не обязательно остается одним и тем же. Метафизика устремлена к предельным основаниям бытия и познания. Но индивид, как правило, мало взволнован этим, он часто утрачивает самое дорогое в жизни по мере своего взросления. Человек испытывает метафизический страх, что все хорошее же не явится. Он боится утратить самое дорогое в жизни.

Необходимо заметить, что философы XX века разрабатывали критику немарксистских концепций диалектики и метафизики. В трудах Е. Шпрангера, Р. Тиллиха, Р. Кроне-

ра, Г. Лемана исследованы различные аспекты соотношения диалектики и метафизики. Но остается положение о том, что бытие человека остается проблематичным, причем в контекстах «дискурсивной» метафизики. Эта метафизика исторична, хотя укоренена в воображении человека.

Воображение человека – великий конструктор. Без воображения нет и этноса, который связан с культурной традицией. А культура, как известно, связана с преодолением эгоистического духа, с преодолением ненасытного стремления обладать миром. Не следует представлять мир лучше, чем он есть на самом деле. Сам человек просто живет, существует. Его не успокаивает настоящее; человек думает о том, а для чего нужны его творческие стремления?

В современном обществе активизируются дискуссии о соотношении диалектики и метафизики. В истории философии диалектика и метафизика чаще всего противопоставлялись друг другу. Однако Аристотель говорит о том, что «мудрость есть наука об определенных причинах и началах» [7, с. 67]. Следовательно, метафизика, которая следует после физики, занимается первыми сущностями и в данном своем понимании обращена к обоснованию того тезиса, что современное знание развивается далеко не случайным образом, а требует введения в философский обиход анализа гуманитарной культуры. Метафизика как учение о предельных основаниях и первоначалах существования человека сливается с диалектическим методом познания. Они опираются на гуманитарную культуру человека и этноса, который всегда устремлен к сохранению и воспроизводству внутренней, духовной активности человека.

Метафизика этноса, которая устремлена к предельным основаниям существования человеческого рода, выступает оппозицией по отношению к технократическому духу. Именно технократизм мешает активному стремлению человека к будущей, более справедливой жизни. Но народ в отличие от этноса, связан с нарастанием идеалов, сопряженных с нравственным духом, с бытием-долженствованием. Мы не знаем, что есть свобода, но мы тем не менее стремимся к ней. Такова трансцендентальная постановка вопроса, вопроса о познании свободы.

Человек в индивидуалистическом обществе остается замкнутым на «самом себе». Его принадлежность к этносу остается под вопросом. Человек в буржуазном обществе отодвигает свое знание об общечеловеческих ценностях на периферию творческих изысканий. Но наше знание все же граничит с незнанием, а потому мы можем достичь лишь «знающего незнания» [14, с. 51]. Если в метафизике незнание понимается как несовершенное знание, то диалектика анализирует знание как некое познавательное действие. Этнос, в этом плане, устремлен к самой тайне творческой деятельности.

Метафизика, связанная с творческой деятельностью человека, направлена на улучшение внешней и внутренней жизни человека.

Итак, можно сделать следующие выводы. Во-первых, диалектика этноса направлена на восстановление мысли, мыслительной работы народа. Но диалектика, взятая вне метафизики, не в силах выступать в качестве регулятора социальных и духовных взаимодействий между этносом и народом.

Во-вторых, диалектика выступает в качестве своего собственного носителя. Но это достигается в том случае, если диалектика и метафизика вступают в гармоничные соотношения с эвристическим потенциалом знания, а это знание

оказывается связанным с сущностными силами человека, свободы человека.

Пристатейный библиографический список

1. Аристотель. Метафизика. Сочинения в 4-х т. – М., 1965. – Т. 1.
2. Иткулова Л. А. Мировоззрение башкирского этноса: философско-антропологический анализ. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021.
3. Лукьянов А. В. Идея метакритики «чистой» любви (Философское введение в проблему соотношения диалектики и метафизики). – Уфа: Изд-е БашГУ, 2001.
4. Рахматуллина З. Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ). – Уфа. 2000. – 304 с.
5. Федотова В. Г. «Хорошее общество». – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.
6. Фома Аквинский. Сумма теологии // Антология мировой философии. – М., 1969. – Т. 1. Часть 2. – С. 824-827.
7. Aristotle Сочинения. В 4 т.: Т. 1 / Ред. В. Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1976.
8. Bloch E. Tübingen. Einleitung in die Philosophie. – Suhrkamp: Verlag, 1963.
9. Kant I. Werke. – Moscau: „Nauka“, 2006.
10. Kucuradi I. and Cohen R.S. (1995). In: The concept of knowledge: the Ankara seminar. Ed. by I. Kucuradi and R. A. Cohen. Boston Studies in the Philosophy of Science, vol. 1970. Springer – Stieu ece Business Media, B.Y.
11. Lehmann G. Die deutsche Philosophie der Gegenwart. – Stuttgart, 1943.
12. Lektorsky V. A. Knowledge and Cultural objects (1995). In: The concept of knowledge: the Ankara seminar. Ed. by Lektorsky V. A. Knowledge and Cultural objects.
13. Itkulova L. A., Rakhmatullina Z. Ya., Khanova R. V., Garipova G. R., Itkulov A. M. // Astra Salvensis. – 2020. – Т. 8. – № S1. – С. 691-700. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://astrasalvensis.eu/blog/mdocs-posts/43-leisian-a-itkulova-a-itkulova-zugura-ya-rakhmatullina-rufina-v-khanova-galiya-r-garipova-aidar-m-itkulov-cultural-tradition-and-its-existential-characteristics/>
14. Spranger E. Psychologie des Judendalters. – Berlin, 1924.

ВИНОГРАДОВА Наталья Викторовна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и социального инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета

ХАСАНОВА Диана Дамировна

бакалавр Архитектурно-строительного института Уфимского государственного нефтяного технического университета

ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ

Статья посвящена проблеме развития технологий в современном мире, философским и социально-этическим аспектам её осмысления. Авторы анализируют различные подходы к пониманию данного явления, выделяя его основные стороны, касающиеся существования всего общества: соотношение ценностей и технологий, ответственность учёных и инженеров, технологические риски. В результате исследования делается вывод о том, что предпринимаемые совместно философами, аналитиками, экспертами и специалистами в разных областях усилия дают возможность полагать, что человечество способно найти пути выхода из сложившейся ситуации.

Ключевые слова: философия, этика, ценности, общество, технология, риск, ответственность, цифровизация, «надзорный капитализм».

VINOGRADOVA Natalya Viktorovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy, history and social engineering sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

KHASANOVA Diana Damirovna

bachelor student of the Architectural and Construction Institute of the Ufa State Petroleum Technical University

PHILOSOPHICAL AND SOCIAL AND ETHICAL ASPECTS OF TECHNOLOGY DEVELOPMENT

The article is devoted to the problem of technology development in the modern world, philosophical and socio-ethical aspects of its understanding. The authors analyze various approaches to understanding this phenomenon, highlighting its main aspects related to the existence of the whole society: the ratio of values and technologies, the responsibility of scientists and engineers, technological risks. As a result of the study, it is concluded that the joint efforts of philosophers, analysts, experts and specialists in various fields make it possible to believe that humanity is able to find ways out of this situation.

Keywords: philosophy, ethics, values, society, technology, risk, responsibility, digitalization, surveillance capitalism

Современный мир – это мир постоянно развивающихся и совершенствующихся технологий. Новые технологии, открывая перед человечеством новые возможности и надевая его дополнительной силой, одновременно создают новые проблемы и ставят сложнейшие задачи. Задачи, которые требуют уже не технического, а социально-этического и философского осмысления. «Цель философии, если сформулировать её абстрактно, заключается в том, чтобы понять как вещи (в наиболее широком смысле слова) связаны между собой» - Уилфрид Селларс [10]. Именно это на сегодняшний день является особенно важным, так как умение видеть и понимать всеобщие связи и взаимозависимости даёт возможность человеку оценивать потенциальные последствия собственной деятельности.

В оценке технологий выделяют культурный и политический подходы, которые опираются на традиционную философию и этику технологии первой половины XX века. С точки зрения культурного подхода, технологии влияют на наше восприятие мира в то время, как политические подходы полагают, что технологии управляют и воплощают институциональные властные отношения между людьми [11]. Одной из важных общих тем в этике технологии является взаимосвязь между ценностями и технологиями.

Большинство философов, занимающихся исследованиями в сфере технологий, солидарны с тем, что технологическое развитие — это упорядоченный процесс, выполняющий определенные функции, которые могут быть использованы для поставленных целей. Такие философы, как Дон Иде, Альберт Боргман, Питер-Пол Вербик и Эван Селингер [3], утверждали, что технологии содержат определенный план, который влияет не только на восприятие мира людьми, но и на поведение человека. Изучая эту тему, они пришли к выводу о том, что технология обладает моральной властью, то есть технология морально актуальна. Это утверждение предполагает, что технологии могут автономно и свободно 'действовать' в моральном смысле и могут нести моральную ответственность за свои действия. Технологии могут быть нагружены ценностями, что позволяет или ограничивает определенные человеческие действия и достижение определенных человеческих целей.

Следующий вопрос, беспокоящий философов, это ответственность. Она всегда была главной темой в этических нормах технологий. Однако традиционная философия и этика технологии обсуждали ответственность в довольно общих понятиях, и были пессимистичны относительно возможности и желания инженеров брать на себя ответ-

ственность за разработанные ими технологии. Так, например, французский философ Жак Эллюль охарактеризовал инженеров как верховных жрецов технологии, которые делят технологию, но не могут управлять ею. Немецко-американский учёный Ганс Йонас (1979 [1984]) утверждал, что технология требует этики, в которой ответственность является центральным императивом, потому что впервые в истории люди способны уничтожить землю и человечество в целом. Автор писал, что лучше бы человек перестал мечтать о покорении природы, а сосредоточился на продолжении существования. И для выживания главное – ответственность. Ганс Йонас опирался на вечные вопросы философии, идеологии и футурологии. Учёный находит новые пути для решения психофизической проблемы, строит свою концепцию не dogматического телеологизма, скептически исследует работы своих предшественников, в первую очередь, работу неомарксиста Э. Блоха. Книга Ганса Йонаса написана с точки зрения потребности человеческого бытия. Автор ставит задачу отстоять свободу деятельности живых организмов вообще и, в частности, свободу деятельности человека [1].

Ещё одной актуальной проблемой, требующей философского осмысления, являются риски. Технологические риски представляют собой одну из нравственных проблем в этических нормах технологии. Самое распространенное определение риска – это произведение вероятности нежелательного события и эффекта этого события. (Hansson 2004b) [2]. Отсюда, основной задачей является сокращение технологических рисков до минимума. Чем больше риск, тем больше вероятность нежелательного события. Вследствие этого инженерные кодексы этических норм часто возлагают ответственность на инженеров за снижение рисков и разработку безопасных продуктов.

С рисками связаны не только этические проблемы, но и другие философские проблемы, такие как эпистемологические и теоретические проблемы принятия решений (Roesser et al. 2012) [5]. Некоторые философы были против акцента на рисках в этике технологии. Одно из направлений критики утверждает, что обществу часто не хватает знаний, чтобы надежно оценить риски новой технологии до того, как она вошла в употребление. Люди во многих случаях не предполагают того, что что-то может пойти не так, и какие возможные негативные последствия могут быть. Чтобы минимизировать риск, некоторые авторы порекомендовали рассматривать внедрение новых технологий в общество, как социальный эксперимент, и предложили задуматься об условиях, при которых такие эксперименты морально приемлемы (Martin & Schinzinger 2005; van de Poel 2016) [4].

На сегодняшний день проблема рисков является достаточно разработанной в рамках экономических и технических наук. Существуют алгоритмы идентификации рисков, различные модели оценки технологических рисков и подходы к управлению рисками. Тем не менее эта проблема по-прежнему остаётся актуальной и требующей философско-этического осмысления. Шведский философ С. Ханссон утверждает, что наука имеет ограничения, надеясь, что именно этика позволит внести в проблему риска дополнительную ясность. Он рассматривает этику, исходя из трёх концепций: утилитаризма,

этики долга, прав и обязательств, теории социального контракта. Утилитаризм Ханссон объединяет с принципом максимизации ожидаемой полезности. Он считает, что человек руководствуется не только полезностями. Не каждый согласится максимизировать ожидаемую полезность, рассчитанную на некоторый коллектив, если сам он при этом будет подвергаться повышенной опасности. Что касается этики долга, прав и обязательств, то она трудновосместима с определением риска посредством вероятностных величин: субъект будет настаивать на своем долге, правах и обязательствах, независимо от рекомендаций снизить величину риска. Неприемлема и теория социального контракта, согласно которой непременно необходимо достичь согласия. Но каждый человек руководствуется своими собственными интересами, а это означает, что субъекты могут блокировать решения друг друга. Наука же руководствуется общезначимыми выводами.

Неудовлетворенный моральными теориями, С. Ханссон рекомендует свою концепцию, согласно которой «основополагающее моральное право личности состоит в недопустимости нанесения ей ущерба действиями других людей» [12]. Другими словами, шведский философ придерживается принципа морального иммунитета, что означает: риск приемлем, если суммарные выгоды превышают бесполезный риск, и можно учесть все факторы, в том числе, права личности, а не только полезности.

Появление новых рисков в современном обществе связано с его цифровизацией. Не случайно, что проблемы этики, возникающие в связи с применением цифровых технологий и искусственного интеллекта, обсуждаются на мировом уровне. Цифровые технологии создают угрозу проникновения в частную жизнь человека, создавая огромные возможности для тех, кто владеет данными пользователей. В социологии и философии появилось понятие «капитализм слежки», или «надзорный капитализм» (англ. surveillance capitalism), которое в 2019 году ввела Шошана Зубофф. Она подробно описала феномен, возникающий вследствие развития высоких технологий и построенный на сборе и анализе больших массивов данных о пользователях. В таком обществе практически все граждане попадают в число тех, за кем наблюдают государство и корпорации, а поведение человека становится не только прогнозируемым, но и формируемым, то есть, по сути, происходит проникновение в чувства и мысли отдельной личности. Авторы серии докладов «Этика и «цифра»: от проблем к решениям» подчёркивают, что, хотя в начале 20-х годов XXI века принципиально новых этических проблем не возникло, обострились уже существующие, связанные «с использованием ПДн, слежкой, кибермошенничеством и неравным доступом к технологиям» [11, с. 43].

Опираясь на зарубежный и собственный опыт, отечественные эксперты предложили фреймворк «Ответственная разработка цифровых решений» в виде теста, состоящего из вопросов, касающихся разных сторон внедрения тех или иных цифровых проектов, в том числе связанных с общественными ценностями, возможными рисками, соблюдением законодательства и т.п. Подобные фреймворки становятся инструментами для проведения аналитической работы над этическими рисками. Авторы

описывают ряд шагов, способствующих выработке этического цифрового решения, таких как чёткое определение цели, возможность альтернатив, обратная связь с пользователем, изучение этических и правовых документов, информационная безопасность и других. В качестве одной из важнейших составляющих называется необходимость предусмотреть способы повышения доверия пользователя к сервису. Другими словами, такие опросники позволяют выделить этические «болевые точки» проектов ещё до реализации, задуматься над этическими вопросами, которые могли оказаться незамеченными при разработке цифрового решения, и попытаться найти возможности следовать ценностям и снизить негативные последствия. Таким образом, для принятия этического решения при разработке цифрового сервиса или инструмента важно опираться на ценностно-ориентированный подход, главным принципом которого, как уже указывалось, является доверие, которое «складывается из открытости процесса, справедливости решений и добросовестности людей, которые их принимают» [11].

Итак, научно-технический прогресс, как и любое общественное явление, имеет две стороны. Облегчая жизнь человека и делая её более комфортной, развитие технологий создаёт угрозы здоровью, свободе, а порой и самому существованию человечества. Очень важно то, что большая часть цивилизованного общества осознаёт реальность этих угроз и пытается найти решения возникающих проблем. Объединяя усилия, философы, аналитики, эксперты и специалисты в разных областях знаний определяют возможные пути выхода из сложных ситуаций, связанных, прежде всего, с социально-этической стороной внедрения новых технологий. А от степени осознания серьёзности вопросов, стоящих перед современной цивилизацией, и, соответственно, степени общественного контроля над принимаемыми решениями и зависит её собственное будущее.

Пристатейный библиографический список

1. Hans Jonas and David Herr, 1979. *The Imperative of Responsibility: In Search of Ethics for the Technological Age* (translation of *Das Prinzip Verantwortung*) trans. ISBN 0-226-40597-4 (University of Chicago Press, 1984) ISBN 0-226-40596-6, pp. 233-246.
2. Hansson, Sven Ove, 2003. "Ethical Criteria of Risk Acceptance", *Erkenntnis*, 59(3): 291-309. doi:10.1023/A:1026005915919. 2004b, "Philosophical Perspectives on Risk", *Techné*, 8(1): 10-35. doi:10.5840/techne2004818/.
3. Ihde, Don, 1993. *Philosophy of Technology: An Introduction*, New York: Paragon.
4. Martin, Miles W. and Roland Schinzinger, 2005. *Ethics in Engineering*, fourth edition, Boston, MA: McGraw-Hill, P. 321-410.
5. Roeser, Sabine, 2012. "Moral Emotions as Guide to Acceptable Risk", in Roeser et al. 2012: 819-832. doi:10.1007/978-94-007-1433-5_32.

6. Roeser, Sabine, Rafaela Hillerbrand, Per Sandin, and Martin Peterson (eds), 2012. *Handbook of Risk Theory: Epistemology, Decision Theory, Ethics, and Social Implications of Risk*, Dordrecht/Heidelberg/London/New York: Springer. doi:10.1007/978-94-007-1433-5.
7. Van den Hoven, Jeroen, Pieter E. Vermaas and Ibo van de Poel (eds), 2015. *Handbook of Ethics and Values in Technological Design: Sources, Theory, Values and Application Domains*, Dordrecht: Springer. doi:10.1007/978-94-007-6994-6.
8. Verbeek, Peter-Paul, 2000 [2005]. *De daadkracht der Dingen: Over Techniek, Filosofie En Vormgeving*, Amsterdam: Boom. Translated as *What Things Do: Philosophical Reflections on Technology, Agency, and Design*, by Robert P. Crease. University Park, PA: Penn State University Press, 2005.
9. Wilfrid Sellars, 2011. *Stanford Encyclopedia of Philosophy and Archive*, 2016 edition. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2016/entries/sellars/>.
10. Winner, Langdon, 1983. "Techné and Politeia: The Technical Constitution of Society", in *Philosophy and Technology*, (Boston studies in the philosophy of science vol. 80), edited by Paul T. Durbin and Friedrich Rapp. Dordrecht/Boston/Lancaster: D. Reidel. - P. 97-111. doi:10.1007/978-94-009-7124-0_7.
11. Этика и «цифра»: от проблем к решениям/ под ред. Е. Г. Потаповой, М. С. Шклярчук. – М.: РАН-ХиГС, 2021. – 184 с.
12. Этика риска – История, философия и методология техники и информатики. Студми. 2013-2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studme.org/153404034911/filosofiya/etika_riska.

ВЕЗЛОМЦЕВ Виктор Евгеньевич

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории Академии ФСИН России

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ФЕНОМЕНА КОРРУПЦИИ

Объектом исследования является проблема концептуализации феномена коррупции. Главная цель данной работы – ответить на вопросы: какое поведение является коррумпированным, а так же как и кем оценивается эта социальная практика. Для достижения данной цели осуществлена попытка преодолеть разрыв между двумя группами работ: во-первых, обширной и чрезвычайно разнообразной практико-ориентированной литературой, посвященной выявлению причин коррупции, оценке ее распространенности и разработке способов ее контроля; во-вторых, несколько меньшей литературой, созданной социальными теоретиками и историками, которая исследует богатую традицию общественной мысли о коррупции на Западе и в других частях мира. Последняя группа работ рассматривает коррупцию не только как вопрос незаконного или ненадлежащего поведения отдельных лиц, но и как общественную проблему, например, болезнь политического организма. В работе анализируются причины для различий как в определении коррупции в целом, так и в принятии решения о том, является ли конкретное действие коррупцией. Автор приходит к выводу, что для большинства ситуаций узкое определение, используемое многими учеными и специалистами, является достаточным. Но, когда требуется более тонкий или детальный подход при концептуализации феномена коррупции, необходимо использовать соответствующие критерии для определения действия или бездействия как коррупционного.

Ключевые слова: коррупция, определение коррупции, подходы к пониманию коррупции, социально-философская рефлексия, критерии коррупционного поведения.

VEZLOMTSEV Viktor Evgenievich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, associate professor of Philosophy and history sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZING THE PHENOMENON OF CORRUPTION

The object of the study is the problem of conceptualization of the phenomenon of corruption. The main purpose of this work is to answer the questions: what kind of behavior is corrupt, as well as how and by whom this social practice is evaluated. To achieve this goal, an attempt has been made to bridge the gap between two groups of works: firstly, an extensive and extremely diverse practice-oriented literature devoted to identifying the causes of corruption, assessing its prevalence and developing ways to control it; secondly, a somewhat smaller literature created by social theorists and historians, which explores the rich tradition of public thought about corruption in the West and in other parts of the world. The last group of works considers corruption not only as a matter of illegal or improper behavior of individuals, but also as a social problem, for example, a disease of the political organism. The paper analyzes the reasons for the differences both in the definition of corruption in general and in deciding whether a particular action is a corruption. The author comes to the conclusion that for most situations the narrow definition used by many scientists and specialists is sufficient. But, when a more subtle or detailed approach is required when conceptualizing the phenomenon of corruption, it is necessary to use appropriate criteria to determine an action or inaction as corrupt.

Keywords: corruption, definition of corruption, approaches to understanding corruption, socio-philosophical reflection, criteria of corrupt behavior.

Коррупция существовала и была проблемой с самого начала человеческой истории. Коррупция и общее моральное разложение рассматривались как основные факторы, объясняющие упадок Римской Империи, в то время как протестантская Реформация возникла в немалой степени как ответ на то, что считалось различными формами коррупции, включая незаконную продажу индульгенций в Католической Церкви.

В традиционном смысле коррупция относится к моральному разложению. Само это слово происходит от латинского слова «портить, загрязнять, злоупотреблять или разрушать», в зависимости от контекста. Но понятие коррупции менялось на протяжении веков и несколько различалось в разных культурах. Оно широко используется для описания любого отклонения от нормы, которое считается неправильным. В прошлом и по сей день в таких странах, как Иран, это часто было связано с религиозными нормами. Такое употребление редко встречается в настоящее время в большинстве стран и относится главным образом к ненадлежащему поведению,

связанному с официальным положением. Но то, что является неподобающим поведением является дискуссионным вопросом в научном мире. Рефлексия о том, что такое коррупция сегодня, является основным аспектом данной статьи.

Одной из проблем в попытках борьбы с коррупцией является то, что нет единого подхода к пониманию того, что понимать под коррупцией. На одном конце спектра теорий понимания коррупции находится широкое толкование того, что такое коррупция. С другой стороны, существует формальный подход, согласно которому деяние или бездействие коррумпированы только в том случае, если это четко закреплено в законодательстве. Юристы проводят четкие границы между разными формами, совершенно справедливо основываясь на различиях в том, что можно назвать «техниками» коррупции. С точки зрения закона, например, растрату или нецелевое использование общественной собственности нельзя отнести к коррупции (в узком смысле слова). Социологи и политологи, напротив, стремятся обнаружить то, что общего в этих техниках, к которым, как правило, прибегает опреде-

ленный круг лиц с определенным набором целей, расширяя, таким образом, понятие коррупции. В ставшем уже классическим определении Ная коррупция рассматривается как поведение, отклоняющееся от формальных обязанностей, присущих общественной роли, в погоне за частной (личной, семейной, групповой) материальной или статусной выгодой; или поведение, нарушающее правила и оказывающее определенные виды влияния с личными целями [7, р. 419]. Это определение, в свою очередь, критиковали за его узость и чрезмерный акцент на нелегальность действий, что определено опиралось на западную точку зрения, осуждающую подобные практики (которые оказываются вполне законными в других исторических и социальных контекстах, как, например, в Саудовской Аравии). В действительности, фокус социально-философской проблематизации коррупции должен располагаться между юридическим осуждением определенных практик и частотой, привычностью и культурной легитимностью их использования.

С этой точки зрения рамки понятия коррупции могут быть расширены до так называемого «коррупционного комплекса», выходящего за пределы собственно коррупции, и включающего nepotизм, злоупотребление властью, хищение и различные формы растраты, торговлю влиянием, ложь, покупку акций осведомленными лицами и незаконное использование общественных средств. Цель такого расширения – понять, что общего имеют эти различные практики, какие связи между ними и в какой мере они являются частями одной и той же системы обыденных норм и взглядов.

Сложность в определении может быть продемонстрирована на следующих важных примерах. Во-первых, нет определения коррупции в нормативно-правовом акте, который сама Организация Объединенных Наций называет «единственным юридически обязательным универсальным документом по борьбе с коррупцией» – Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, принятая резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года [5]. Это главным образом связано с тем, что авторы Конвенции не смогли договориться об определении. Во-вторых, известная во всем мире антикоррупционная международная неправительственная организация Transparency International (TI) на протяжении нескольких десятилетий использовала два определения коррупции, но сейчас об этом нигде не упоминается. Для своего самого известного продукта – ежегодного индекса восприятия коррупции (ИВК), она использовала до 2012 года то, что до сих пор является наиболее распространенным определением: «злоупотребление государственной должностью в личных целях» [6, р. 28]. Это определение аналогично или даже идентично тому, которое используется многими другими учреждениями, например, такими как Всемирный банк. Но во всех других контекстах TI определяет коррупцию как «злоупотребление вверенной властью ради личной выгоды» [4]. Принципиальное различие между этими двумя понятиями состоит в том, что первое требует участия должностного лица государства, в то время как второе, является более широким и допускает преступное поведение, например, старших руководителей частных корпораций и даже коррупцию исключительно в частном секторе. В 2012 году Transparency International перестала использовать более узкое понятие для своего ИВК, что еще больше усложняет понимание того, что такое коррупция.

К сожалению, даже первое – узкое определение коррупции подвержено разнообразным толкованиям. Ограничивается ли «злоупотребление государственной должностью» по существу экономическими нарушениями – иногда называемыми как «современная» коррупция или такими как растрата или получение взяток? Или же она включает в себя то, что называют «традиционной» коррупцией, – например, назначение членов своей семьи (кумовство) или друзей и коллег на государственную должность, когда они не являются наиболее подходящим кандидатом на эту должность?

Еще одна проблема с термином «государственная должность» стала более очевидной в последние десятилетия, когда неолиберализм стал популярен во всем мире. Неолиберализм – это идеология, которая выступает за снижение роли государства и усиление роли рынка. Одна из его ключевых особенностей заключается в том, что он размывает «публичное» и «частное». Многие государства теперь передают на аутсорсинг задачи, которые они когда-то выполняли сами, но которые общественность по-прежнему считает обязанностью государства. Например, тюрьмы когда-то управлялись почти исключительно государством, в то время как в настоящее время все большее их число управляется частными компаниями по контракту с государством. Если тюремный надзиратель, нанятый частной компанией, берет взятки за контрабанду наркотиков в тюрьмы для использования заключенными, является ли он коррумпированным в соответствии с узким определением? Является ли такое лицо занимающим частную или государственную должность?

Термин «частная выгода» также далек от однозначного понимания. Существует всеобщее мнение, что государственный чиновник, который берет взятки для личного обогащения, коррумпирован. Но что делать с должностными лицами политических партий, которые принимают сомнительные пожертвования для своей организации, но которые, не извлекают никакой непосредственной личной выгоды из этого?

Исходя из выше сказанного, можно утверждать, что существуют определенные причины для различий как в определении коррупции в целом, так и в принятии решения о том, является ли конкретное действие коррупцией.

Одной из причин различных интерпретаций коррупции является культура. Здесь культура может быть определена как доминирующие верования, установки и поведение в данном обществе, которые могут относиться к его основной религии. То есть, культура находится под сильным влиянием традиций и истории.

Примером культурной интерпретации различных подходов к коррупции является то, что то, что ранее называлось «экономической» или «современной» коррупцией, получила название «Западной» коррупции, тогда как «социальная» или «традиционная» коррупция была названа «азиатской». Как и со многими ярлыками в социальных науках, с этими двумя так же существуют проблемы. Например, некоторые утверждают, что патронат и клиентура типичны для азиатских обществ, где они якобы не являются формами коррупции. И здесь возникает, как минимум две проблемы.

Во-первых, доминирующие взгляды на то, представляют ли собой коррупцию покровительство и клиентура, различаются в разных странах Азии; в Сингапуре они не такие же, как, например, в Камбодже. Взгляды на них различаются и на «Западе». В то время как большинство англоязычных и

скандинавских специалистов по коррупции утверждают, что клиентура представляет собой форму коррупции, большинство итальянских специалистов отвергают это. Фактически, опросы общественного мнения в различных странах показывают, что даже понятие «доминирующих взглядов» на то, что представляет собой коррупция, часто вводит в заблуждение. Второй – еще более убедительный контраргумент состоит в том, что на Западе существует много «традиционной» коррупции, а в Азии нет недостатка в «современной» коррупции.

Хорошей иллюстрацией культурных различий в понимании личных связей является отношение к ним в России, Китае, Америке и Великобритании. В России – это «блат», в Китае – гуанкси (guanxi), в Америке – концепция «сетевого взаимодействия», в Англии – так называемая концепция «старых школьных связей».

Русский термин в последние десятилетия изменил свое значение, но в советское время обозначал неформальные соглашения между людьми о помощи друг другу посредством не денежного обмена; таким образом, он близок к понятию бартера и был механизмом выживания в системе, в которой существовал повсеместный дефицит как товаров длительно, так и краткосрочного потребления. Но, бартер – это всего лишь форма обмена между людьми, блат же предполагает развитие личных отношений, в частности доверия и чувства взаимности, между теми, кто в нем участвует.

Китайская концепция гуанкси означает отношения, которые развиваются между отдельными людьми или группами людей и которые, предполагают потенциально долгосрочные взаимные обязательства.

В Китае в определенных контекстах дарение рассматривается не только как обязанность, но и как вполне легитимный способ решения целого ряда проблем, как то: получение определенной должности или повышения, покупки некоторых продуктов и вещей, получения хорошего образования. Родственники, друзья, соседи и коллеги становятся ресурсом для получения товаров и услуг. Янг пишет: «В китайском культурном дискурсе искусство гаункси от взяточничества часто отделяет едва уловимая граница» [5, р. 48]. В своей последующей работе она продолжает эту мысль, утверждая, что слишком упрощенно «определять искусство гуанкси как коррупцию в ее современном западном понимании, потому что личные представления об обязательности, долге и взаимности (в этом контексте) не менее важны, чем материальная выгода» [9, р. 108]. Янг подчеркивает, что при оценке тех или иных практик большое значение имеет длительность и качество отношений между их участниками. Так, она заметила, что, комментируя отношения обмена, китайцы разделяют людей на тех, кто находится «внутри», и тех, кто «снаружи» межличностных отношений. Например, если между вами и чиновником нет личных отношений, вы не земляки и не родственники или вроде того, и он вам помогает, тогда люди начнут подозревать, что без взятки здесь не обошлось» [9, р. 63]. Янг подчеркивает, что хотя культурный дискурс в Китае содержит очень разнообразные, амбивалентные, порой противоречивые понимания гуанкси, большинство людей считают, что искусство гуанкси является неотъемлемой частью их повседневной жизни. Однако получение товаров и услуг через неформальные каналы легитимно при условии

существования близких человеческих отношений между участниками таких взаимодействий.

Набирающее популярность понятие сетевого взаимодействия (термин введен в 1954 году Барнсом [1, р. 8] и использовался в основном для описания множества форм социальной принадлежности в различных ситуациях [3, р. 14]) предполагает создание неформальных связей, призванных принести пользу тем, кто в них участвует.

Связи, возникшие между родовыми группами (друзья по школе и колледжу), поддерживаются вплоть до отхода от дел их участников. Товарищество, добрососедство, отношения на работе еще больше приумножают эту «силу слабых связей». Солидарность, порождаемая причастностью к общей ассоциации, церкви или содружеству, к одной группировке в партии, также играет свою роль (как и происхождение из одного региона или района) [2].

Невозможно отказать родственнику, соседу, однопартийцу или приятелю в услуге, благожелательности, содействии через знакомых или уступке. Нельзя отказать и тому, кого направил кто-то из перечисленных лиц. Круг лиц, по отношению к которым индивид чувствует свои обязательства, оказывается удивительно огромным. Нужно добавить и обратное: есть огромное число лиц, которым можно позвонить в случае чего. Таким образом, перед нами система «всеобщего обмена» услугами, значительными или нет, часто в форме официально недопустимой услуги.

Каждый индивид включен в различные сети, каждая из которых подразумевает сплоченность и соответствующее давление. Сплоченность, существующая в сетях, настолько сурова, что всякий, игнорирующий свои обязательства по отношению к члену своей сети, оказывается под огнем упреков и испытывает серьезное непрерывное давление со стороны всех членов сети. Если он будет сопротивляться, то станет скандальной личностью и замазает свою репутацию.

Более того, в контексте плохого функционирования административного и бюрократического аппаратов и при катастрофической нехватке ресурсов умножение числа вмешательств (сети) в пользу того или другого определенного человека постепенно становится нормой разрешения таких вопросов. Горе постигает человека, не имеющего связей, прямых или опосредованных.

В то время как многие отвергают идею о том, что сетевое взаимодействие имеет что-то общее с коррупцией, британская концепция «старых школьных связей» подвергается широкой критике. Люди, которые, не знакомы друг с другом, тем не менее, привилегируют друг друга на основе обучения в элитных образовательных организациях в Великобритании. Из четырех типов неформальных отношений, рассмотренных здесь «старые школьные связи» являются наиболее исключительными – если человек не посещал одну из элитных школ, он никогда не сможет пробиться в инсайдерскую группу.

Основной момент, который следует отметить в отношении этих четырех вариантов неформальных связей, заключается в том, что, хотя каждый из них отличается и культурно специфичен, между ними также есть общие черты. Все четыре предполагают создание инсайдеров и аутсайдеров с привилегиями для первых. Все четыре рассматриваются некоторыми членами общества как коррумпированные, хотя гораздо больше британцев сочли бы «старые школьные свя-

зи» неподобающими, чем китайцы критиковали бы Гуанкси или американцы ставили бы под сомнение сетевое взаимодействие. Проще говоря, культурные различия, конечно, существуют, но часто преувеличиваются.

Конечно, если принять узкое определение коррупции, то ни один из рассмотренных типов неформальных связей не будет представлять собой коррупцию, если только отношения не связаны с государственным должностным лицом. Но принятие широкого понимания коррупции оставляет возможность для описания всех видов отношений между людьми – даже дружеских – как коррупционных.

Кроме культурных факторов существует еще одна проблема понимания коррупции, так как национальные законодательства разных стран по-разному определяют коррупцию. Хотя это отчасти объясняется культурными различиями и связано с ними, существуют и другие причины. Главная из них заключается в том, что законодательство со временем меняется. В более открытых и демократических обществах законодательство может быть результатом компромисса между различными группами как внутри парламента, так и за его пределами. Это объяснение в меньшей степени подходит к авторитарным системам. Но такие системы, как правило, более коррумпированы, чем более демократические, и правящие элиты часто предпочитают либо не иметь четкого антикоррупционного законодательства и, следовательно, юридического определения, либо намеренно расплывчатые законы. Они стремятся сохранить свои привилегированные позиции и предпочитают не вводить законы, которые могли бы быть использованы для их подрыва.

Наконец, аналитики иногда выбирают узкие определения коррупции по методологическим причинам. Так, один из ведущих немецких ученых в области коррупции в одном из своих исследований определил коррупцию главным образом как взяточничество, поскольку было проще концептуализировать ее, таким образом, чем включать в определение более спорные аспекты.

Резюмируя выше сказанное можно констатировать, что для большинства ситуаций узкое определение, используемое многими учеными и специалистами, является достаточным. Но когда требуется более тонкий или детальный подход, мы можем использовать определенные критерии для определения действия или бездействия как коррупционного.

Все пять условий должны быть выполнены для того, чтобы действие или бездействие представляли собой коррупцию:

1. Действие или бездействие должно быть связано с лицом или группой лиц, занимающих государственную должность, независимо от того, избраны они или назначены.

2. Государственная должность должна включать в себя определенную степень полномочий, связанных с принятием решений, обеспечением правопорядка или защитой государства.

3. Должностные лица должны совершить действие или бездействие в личных интересах и/или интересах организации, к которой они принадлежат, и эти интересы должны, в конечном счете, противоречить интересам государства и общества.

4. Должностные лица действуют или бездействуют частично или полностью тайно и сознают, что их поведение считается или может считаться незаконным.

5. Действие или бездействие должны восприниматься значительной частью населения и/или государства как коррупционные. Этот последний критерий помогает преодолеть проблему культурных различий в интерпретации коррупции.

Этот набор критериев отражает наше предпочтение в использовании именно узкого определения коррупции.

Таким образом, было показано, что не существует универсального определения коррупции, и почему. Применение подхода с использованием вышеописанных пяти критериев в большинстве случаев помогает ответить на вопрос о том, является ли конкретное действие или бездействие коррупционным независимо от социально-культурного контекста.

Пристатейный библиографический список

1. Barth, Fredrik. Scale and Social Organization. Oslo: Universitetsforlaget. 1978. 290 p.
2. Granovetter, M. The strength of weak ties // American Journal of Sociology. The University of Chicago Press, 1973. Vol. 78. № 6. Pp. 1360-1380.
3. Hannerz, Ulf. Cultural Complexity: Studies in the Social Organisation of Meaning. New York: Columbia University Press, 1992. 347 p.
4. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.transparency.org/en/#> (дата обращения: 21.10.2021).
5. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 22.09.2021 г.).
6. Leslie Holmes. Corruption. A very short introduction. NY, 2015. 176 p.
7. Nye, J. Corruption and political development: a cost-benefit analysis. // American Political Science Review, 1967. Vol. 61. № 2. Pp. 417-427.
8. Yang, Mayfair Mei-Hui. The Gift Economy and State Power in China // Society for Comparative Study of Society and History, 1989. Vol. 31. № 1. Pp. 25-54.
9. Yang, Mayfair Mei-Hui. Gifts, Favours and Banquets: The Art of Social Relationships in China. Ithaca/London: Cornell University Press, 1994. 370 p.

ГОФМАН Александр Анатольевич

доцент кафедры боевой и тактико-специальной подготовки Владимирского юридического института ФСИН России

КОЛОЧИХИН Кирилл Сергеевич

преподаватель кафедры боевой и тактико-специальной подготовки Владимирского юридического института ФСИН России

РОЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Статья посвящена философии педагогики, вопросам взаимоотношения современного преподавателя и студента. Проанализированы понятия учителя, преподавателя, педагога. Особое внимание уделяется характеристикам присущим преподавателю на современном этапе развития общества. Авторы статьи размышляют над вопросом: «Какими профессиональными и личностными качествами должен обладать современный преподаватель и его роль в образовательном процессе студентов высшей школы».

Ключевые слова: учитель, преподаватель, педагог, студент, образовательный процесс, личностные и профессиональные качества.

GOFMAN Aleksandr Anatoljevich

associate professor of Combat, tactical and special training sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

KOLOCHIKHIN Kirill Sergeevich

lecturer of Combat, tactical and special training sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

THE ROLE OF THE TEACHER IN MODERN EDUCATIONAL PROCESS OF UNIVERSITY STUDENTS

The article is devoted to the philosophy of pedagogy, the relationship between a modern teacher and a student. The concepts of teacher, lecturer, pedagogue are analyzed. Particular attention is paid to the characteristics inherent in the teacher at the present stage of development of society. The authors of the article reflect on the question: "What professional and personal qualities should a modern teacher have and his role in the educational process of higher school students".

Keywords: teacher, lecturer, teacher, student, educational process, personal and professional qualities.

Общеизвестно, что социальная память, код любого общества, зависит от педагогической ретрансляции духовного опыта. Огромная роль в развитии и становлении личности принадлежит учителям и преподавателям. Преподаватель – в широком смысле слова работник высшей, средней специальной, профессионально-технической или общеобразовательной школы, ведущий какой-либо учебный предмет; в узком смысле слова штатная должность в вузах, средних и профессионально-технических учебных заведениях. Преподаватель – это человек, который не просто дает знания по своему предмету, он активно участвует в формировании нравственных и духовных ценностей у обучающихся, что может сыграть большую роль в дальнейшем их становлении как личности.

Обучение, это интенциональная деятельность: учителем считается не тот, кто тебя учит, а тот, у кого учишься ты. Преподаватель – это проекция, через которую студент смотрит на жизнь [5]. Влияние преподавателя на студента, его успешная карьера зависит от личного примера преподавателя. Он имеет на студентов огромное влияние, его мировоззрение, взгляды на жизнь, ценности, убеждения и предпочтения передаются и впитываются ими с большой силой и скоростью, и оказывают прямое воздействие на будущую жизнь обучающихся. И все, что бы преподаватель ни делал, ни говорил, ни демонстрировал, ему следует помнить о роли своего личного примера в процессе обучения. Из этого можно сделать вывод, что личный пример преподавателя служит как в образовательных, так и в воспитательных целях.

Человек учится лишь у тех, с кем устанавливает положительную эмоциональную связь. В процессе преподавания материала педагог не только обучает своих студентов, но также может стать верным другом, которому обучающиеся будут доверять, обращаться с просьбами или за помощью и советом [3].

Проводилось большое количество исследований и опросов среди студентов разных курсов и разных учебных заведений. Основным вопросом было: «Почему отношение к предмету зависит от отношения к преподавателю?». Полученные от студентов ответы подтвердили известный факт о том, что нет неинтересных предметов, есть педагоги, которые их неинтересно преподают. Можно выделить несколько следующих групп качеств, которые выделяют студенты.

Профессиональные знания и навыки, а также любовь к своей работе и к преподаваемой дисциплине. Студенты отмечают, что им нравится, когда преподаватель любит свою

работу, ходит на нее с удовольствием, полон энергии и всегда старается как можно лучше и понятнее объяснить свой предмет для того, чтобы студенты также прониклись любовью к нему и преподаваемому им предмету. И если преподаватель по-настоящему любит свой предмет, это непременно произойдет, ведь такой настрой «заражает» студентов. А если преподаватель не любит и не уважает свой предмет, то он даже стараться не будет ради того, чтобы его поняли и полюбили. Так же следует отметить, что преподаватель обязательно должен хорошо знать свой предмет, чтобы сложные определения или примеры он всегда мог заменить на что-то более легкое и понятное, не теряя при этом смысл данного определения или примера [4].

Успешный преподаватель имеет разные методики обучения. Многие студенты считают, что проблема эффективности преподавания является актуальной для России, так как преподавание во многом основывается на заучивании различных тем и конспектов, что снижает интерес обучающихся к данному предмету. Однако эту проблему можно решить путем введения в процесс обучения разнообразных методик, которые помогут сделать большой шаг к повышению качества знаний. Поэтому есть смысл в образовательную среду включить проведение различных практических занятий, дискуссий, коллоквиумов, экспериментов [4].

Успешный преподаватель использует примеры из жизни, показывает практическое значение преподаваемой теории. Студентам всегда материал будет даваться легче, если теоретические знания будут подкрепляться яркими примерами из жизни, в которых можно прочувствовать учебный материал. Так же для запоминания теории отлично подойдут интересные факты или очень смешные истории из жизни, ведь как мы все знаем, смех укрепляет память, а что-то смешное задерживается в нашем разуме на долгое время. Это отличный метод для запоминания информации. Никому не интересно слушать нудные, скучные, сложные лекции, которые к тому же еще очень плохо запоминаются.

Это все ответы студентов по проведенным опросам. Но существуют так же и другие аспекты личности преподавателя, в которых стоит развиваться. Ведь подростки как губки, впитывают как положительные личные примеры, так и отрицательные. Поэтому для преподавателя важно всесторонне развиваться, развивать в себе гуманность, нравственность, моральные ценности, гражданскую позицию, свой крутозор, духовные начала, интеллектуальный уровень и творчество.

Успешный преподаватель может рассчитывать на то, что его идеи всегда поддержат, к нему всегда проявят уважение, веру в него: в его ум, в его волю, способность сделать хорошее и правильное дело.

У настоящего преподавателя нет другого выбора, как быть честным, чистым и открытым со своими студентами. Он никогда не станет ругать студентов за сделанные ими ошибки, потому что, ибо они по крайней мере постарались ответить, а это уже показатель того, что им интересен предмет и они стараются в него вникнуть.

Так же успешный преподаватель никогда не будет бояться признать свои ошибки перед студентами в процессе ведения лекций и извиниться за неправильно данную информацию. И что самое хорошее, студенты никогда не будут осуждать такого преподавателя и смеяться над его оплошностями, ведь они его уважают и любят. Каждый человек может ошибиться и это нужно понимать. Однако, когда дело касается нелюбимых преподавателей история в крайней степени противоположная. Важно понимать, что если преподаватель потеряет доверие своих студентов, то он моментально потеряет уважение и любовь к своему предмету, так уж заведено в образовательном процессе.

Во многом уважение к преподавателю зависит от его культуры поведения. К ней относятся: грамотная четкая речь, жестикуляция, владение мимикой и опрятность во внешнем виде. Больше всего внимания, конечно, привлекает речь преподавателя и его внешний вид. Речь преподавателя играет колоссальную роль в эффективности и понятности лекций по изучаемому предмету. Все-таки приятнее слушать и запоминать правильно поставленную, грамотную речь педагога, чем быстрый, сумбурный набор мало понятных слов и предположений. Что говорить про внешний вид. С давних времен заведено, что преподаватель является примером опрятного внешнего вида, он всегда должен быть умыт, причесан, и одет в выглаженную одежду. Многие с нами согласятся, что видеть неухоженного, не причесанного преподавателя, да еще и в мятой одежде на протяжении полутора часов не очень-то и приятно, а слушать тем более. Поэтому внешний вид педагога всегда должен быть опрятен и аккуратен, тогда и студенты будут брать с него пример и равняться, быть похожим на него.

В наш век Интернета все студенты, да и многие преподаватели пользуются социальными сетями. И педагогам необходимо помнить о том, что студенты в наше время могут найти в Интернете кого угодно за считанные минуты. И для того, чтобы не повторилась ситуация, которая произошла с учительницей из Барнаула Татьяной Кувшинниковой, следует тщательно просматривать фотографии, которые вы выкладываете в социальных сетях. Если на этих фотографиях будут изображены преподаватели, распивающие алкогольные напитки, употребляющие табачные изделия или совершающие поступки, противоречащие моральным и нравственным ценностям, то каким бы преподавателем ни был положительным и сколько бы хорошего он не сделал, уважение к нему стремительно начнет падать [5].

Каким ценностям и убеждениям может научить такой педагог? Эффект действует совсем противоположным способом, когда преподаватели выкладывают фотографии о том, как они занимаются спортом, пропагандируют здоровый образ жизни или рассказывают о своих хобби и увлечениях на своей страничке, прикрепляя заодно фотографии этого хобби. Это очень мотивирует обучающихся на занятия спортом или помогает в нахождении своего хобби, что является примером положительного влияния личного примера на студентов.

Еще одна немаловажная деталь состоит в том, что не только педагог может обучать своих студентов, но и студенты могут чему-то научить и о чем-то интересном и познавательном рассказать педагогу. Поэтому в отношениях между преподавателем и студентами должно быть взаимопонимание и желание научиться друг у друга чему-то новому. Это поможет намного улучшить эффективность занятий, так как учить и говорить о чем-то познавательном, интересном, будет не только преподаватель, но и студенты.

Поэтому преподаватель должен всегда приводить в пример самые интересные, яркие, самые запоминающиеся и впечатляющие примеры, чтобы они оставались в памяти у студентов еще долгое время.

Как мы уже излагали выше, преподаватель, который хорошо знает и любит свой предмет, постарается сделать все, чтобы его предмет полюбили и студенты тоже. Поэтому он всегда старается быть в курсе последних новостей в своей области. Такой преподаватель может не только правильно от-

ветить на вопрос студента, но и расширить это обсуждение, приводя факты, интересные примеры и смешные случаи из жизни.

Независимо от того в какой области специализируется преподаватель, всегда не лишним будет расширить круг своих знаний и в других сферах жизни для того, чтобы передавать и эти знания студентам.

Чтобы создать успешную учебную среду преподавателю необходимо создать со своими студентами доверительные отношения. Еще один секрет успешного обучения состоит в том, чтобы к каждому студенту необходимо относиться как к личности, подбадривать его в трудную минуту, проявлять сочувствие и внимание.

Исходя из того, что работа преподавателя заключается в помощи студентам при решении разных вопросов и задач, он просто не может вести себя озлобленно и неприступно. Такого преподавателя сразу сделают врагом, а у врага многому не научишься. Хороший преподаватель всегда поможет разобраться даже в самом сложном вопросе, и даже если с первого раза у него что-то не получается, он будет пробовать снова и снова. Ведь главная его задача – это помочь студенту разобраться в сложном учебном материале.

Мало кто из преподавателей умеет импровизировать и, если у него нет четкого плана занятия, провести его эффективно и с пользой у него не получится. Хороший преподаватель заранее подготавливает план занятий, распределяет время и материал, который нужно донести до студентов, и четко ему следовать.

Преподаватель должен уметь работать в изменяющейся среде и корректировать свои приемы и методы преподавания в зависимости от студентов. Изменения происходят часто и умение к ним приспосабливаться является одним из ключевых навыков преподавателей. Использование во время лекций современных технологий, например презентаций, облегчат студентам восприятием учебного материала с помощью визуализации [1].

Сфера образования является очень практичной областью и часто требует экспериментов для того, чтобы понять какие методы общения со студентами работают лучше и эффективнее всего. Для того чтобы быть хорошим преподавателем, нужно делиться своими результатами экспериментов и лучшими практиками в этой области с другими преподавателями, а потом сравнивать результаты и делать выводы на основе полученных данных.

В заключении хочется обобщить, что хороший учитель – это тот, кто с энтузиазмом относится к своему труду, однако совершенный педагог – это тот, кто имеет любовь к детям и к знаниям.

Пристатейный библиографический список

1. Гофман А. А., Тимошук А. С. Педагогические аспекты цифровизации // В сборнике: VII Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина. Сборник материалов. В 3-х томах. - Пермь: ПИ ФСИН, 2021. - С. 14-17.
2. Бим-Бад Б. М. Педагогический энциклопедический словарь. - М., 2002. - С. 213.
3. Быков А. К. Воспитательное мастерство преподавателя вуза // ЦИТИСЭ. - 2021. - № 4 (30). - С. 334-348.
4. Михайлова Е. Г. Стратегии и правила успешного управления аудиторией в процессе преподавания иностранного языка в вузе // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. - 2021. - № 3. - С. 57-71.
5. Тимошук А. С. Феноменология педагогического творчества // Педагогическая деятельность как творческий процесс: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», г. Грозный, 29 октября 2020 г. - Махачкала: АЛЕФ, 2020. - С. 580-587.
6. Яровая Т. В., Сергеева Е. И. Роль этики в профессиональной деятельности педагога // Профессионализм педагога: сущность, содержание, перспективы развития. - М.: МГОУ, 2019. - С. 193-197.

ЗУБКОВ Сергей Александрович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

ФРОЛОВ Максим Олегович

студент направления подготовки бакалавриата «Религиоведение» Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

ЭКОФИЛЬНАЯ РУРАЛИЗАЦИЯ И ЭКОПОСЕЛЕНИЯ

В статье раскрывается тенденция современного общественного развития – рурализация, как распространение сельского образа жизни, в связи с экофильной философией. В практической части данная корреляция выражается в создании экопоселений. Виды экологических поселений, их диалектика и эволюционизм требуют осмысления и оценки в рамках их влияния на природную среду и ее охрану. Климатическая и экологическая повестка обязательно вернется после проведения спецоперации в Украине, т.к. разумная жизнь возникла среди безграничного космоса и сохранение вида homo возможно не только сохранением многополярности мира, но и его экосистемности.

Ключевые слова: экофильная философия, рурализация, экопоселения.

ZUBKOV Sergey Aleksandrovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy and religious studies sub-faculty of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University

FROLOV Maksim Olegovich

student of the direction of preparation bachelor's degree «Religious studies» of the Humanitarian Institute of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University

ECOPHILIC RURALIZATION AND ECOVILLAGES

The article reveals the trend of modern social development - ruralization, as the spread of rural lifestyle, in connection with ecophilic philosophy. In the practical part, this correlation is expressed in the creation of ecovillages. The types of ecological settlements, their dialectics and evolutionism require understanding and evaluation within the framework of their impact on the natural environment and its protection. The climatic and ecological agenda will surely return after the special operation in Ukraine, because intelligent life emerged in the midst of boundless space and the preservation of the species homo is possible not only by preserving the multipolarity of the world, but also its ecosystems.

Keywords: ecophilic philosophy, ruralization, ecovillages.

Известная демографическая тенденция урбанизации – роста городов и распространения городского образа жизни сопряжена с проблемами перенаселенности и транспорта, концентрации вредных производств, утилизации большого количества мусора. Однако в современном «постиндустриальном обществе наблюдается иной мегатренд, процесс, обратный урбанизации, – рурализация (деурбанизация), отток части городского населения в сельскую местность» [2].

Экоологи, футурологи видят дальнейшее развитие цивилизации в рурализационном виде. Перспективными решениями демографии будущего с очевидностью выступают: создание небольших экогородов, с чистым воздухом и утопающих в зелени, а также сельских поселений с использованием альтернативной энергетики, «зеленых» технологий, с раздельным сбором мусора.

Экофильная рурализация состоит, прежде всего, в создании и распространении экопоселений по всему миру. При этом есть различные уровни экофильности экопоселений, в зависимости от величины критериев экофильности, включенных в структуру экопоселений. Одним из важных критериев экофильности является сакрализация природы.

Английский поэт и экофилософ Вильям Вордсворт как практик природоохраны не только восхищался эстетикой дикой природы, но и поселившись с единомышленниками вблизи отдельных заповедных мест Северной Англии защищал эти нетронутые ландшафты от экофобного освоения территории [1, с. 24]. Подобные примеры небольших экофильных поселений защитников и ценителей первозданной

природы отличаются особым отношением к природе как к сакральности в силу ее эстетической и биоэтической ценности.

Сельскохозяйственные экофильные общины, основанные на теологических и этических составляющих ценности и обожествления природы, позволяют не только решить экологические проблемы и сохранить природные богатства, но и показать пример самодостаточности экономического благосостояния и сохранения здоровья и качества жизни [4, с. 48].

Масштабность становления и совершенствования экопоселений формируется не сразу. К концу пятидесятых годов XX века появилась идея организации экологически чистого и не вредящего природе пространства для жизни людей, воплощенная в жизнь членами движения хиппи в США в формате экоккомун и кооперативов. Организуя мелкий бизнес на основе сделанных из природных материалов вещей, первые экопоселенцы начали привлекать в свои общины разных людей. Ими были защитники природы, последователи здорового образа жизни, люди, пропитавшиеся романтикой природной жизни и те, кто устал от города [6].

Позже такие идеи экообщин находят и более авторитетных популяризаторов. На основе благотворительной организации Росса и Хильды Джексон в 1991 году была открыта «Глобальная сеть экопоселений» [3]. Также в 2001 году эта сеть была установлена как особый консультант при Экономическом и Социальном Совете ООН. Она устанавливала партнерские взаимоотношения с научно-исследовательским,

а также учебным институтом ООН. Стоит отметить и выход книги Дианы Лиф Кристиан «Как создать экопоселение или общину своей мечты» в 2003 году, к части текста которой руку приложил такой известный эколог и основатель пермакультуры как Билл Моллисон. В целом с современным мире обскудение проектов помощи экопоселениям ведётся почти во всех передовых государствах, а международные организации со своей стороны стараются помочь в образовании новых общин.

Существуют так называемые «волны» распространения экопоселений на глобальном уровне. «Первая волна» – Идея создания первых экопоселений появилась в послевоенные годы на Западе в попытке пережить ядерную войну. Большинство людей опасавшихся бомбардировок уезжали в глухие места, создавали небольшие общины и вели натуральное хозяйство. Даже после потепления в отношениях между США и СССР большинство таких жителей осталось в этих коммунах.

«Вторая Волна» – Распространение второй волны экопоселений связано с появлением движения Хиппи в 60-е-70-е года в США. Война во Вьетнаме, милитаристская позиция правительства и ограничение свобод способствовали протестам среди неравнодушных граждан и отказу от войны. Поэтому свободолюбивые пацифисты создавали свои собственные общины в противовес агрессивному государству. В таких поселениях разрабатывались альтернативные экономические модели и попытки их практического применения. Ярким примером такого сообщества является община Твин Оукс в США, которая была основана в 1967 году.

«Третья волна» – обычно под ней понимают современные тенденции переименования оставшихся действовать коммун и общин в «экологические поселения», а также создание совершенно новых общин на основе натурального уклада в жизни людей, объединённых общей идеей отказа от современных энергоносителей и бытовых предметов. Такие сообщества, основанные на родственных, исторических и культурных связях стали называть «экологическими деревнями» [7].

Каковы разновидности экопоселений? Экопоселения со всего мира можно условно поделить на анархические, религиозно-духовные, коммуны, общины и экологические деревни.

Анархические – в этом виде экопоселений отрицаются основные формы организации и управления средой проживания, будь то управленческие советы и коллегии, институт главы поселения и т.д. В них также нет правил в привычном виде и вступить или выйти из такого поселения может каждый желающий. Зачастую они долго не существуют из-за вышперечисленных причин и хаоса в управлении.

Религиозно-духовные – как правило имеется жёсткая иерархия, которая основывается на религиозных принципах, традициях, правилах и обрядах данной конкретной общины. Особенностью является их очень долгое существование, если государство, в котором находится данное поселение не признаёт его сектой или экстремистской организацией [8]. Христианские церкви и общины предлагают переосмысление отношения к потреблению, которое привело к доминированию человека над природой. «Человечество должно сохранять и развивать целостность сотворенной действительности в согласии с Богом и ради будущих поколений» [5, с. 102].

Общины и коммуны – существуют за счёт ведения семейных, кооперативных и командных предприятий или бизнеса. Бывают сельского и городского типа. Объединяются на почве общественной собственности и едиными бизнес-идеями в рамках альтернативного экономического существования.

Экологические поселения (в более узкой трактовке) – главные отличительные черты по сравнению с «общинами» заключаются в отрицании политической, религиозной и экономической направленности своего проживания. Жи-

тели таких поселений ратуют за установление замкнутого цикла жизнеобеспечения общины своими силами, бережного отношения к природе, биоутилизации и рационального использования ресурсов. Проживающие в таких поселениях люди, по мнению ведущих социологов и психологов, обладают весьма высоким интеллектуальным и творческим потенциалом, который вкладывают в развитие своей общины. Они также более доброжелательны к людям не из общины, имеют позитивную жизненную позицию и принимают активное участие в жизни экопоселения. Коммуны, поселения экологической специализации входят в общий тренд устойчивого развития, самодостаточности, природосообразности, традиционализма, опоры на консервативной ценности [9], [10], [11], [12].

Таким образом, современные демографические тенденции в связи с экологизацией: экофильная рурализация, создание и распространений экопоселений в большой степени способствуют стабилизации природной среды, сохранению ресурсов планеты, поддержанию здоровья населения.

Пристатейный библиографический список

1. Борейко В. Е. Философы зоозащиты и природоохраны. - К.: Изд-во Логос, 2012. - 180 с.
2. Бродач М. М., Шилкин Н. В. Рурализация: мега-тренд постиндустриального общества. // Энергосбережение ООО ИИП «АВОК-ПРЕСС». - № 1. - 2019. - С. 1-8.
3. Гилман Р. Эко-деревни и устойчивые экопоселения. - СПб.: Изд-во Центра Граждан. Инициатив, 2000. - 266 с.
4. Кремо Майкл А., Мукунда Госвами Божественная природа. - М.: Изд-во ББТ, 2004. - 121 с.
5. Кристиансен Р. Экоотеология. - Архангельск: Изд-во Поморский гос. университет имени М. В. Ломоносова, 2002. - 297 с.
6. Экопоселения: жизнь против катастрофы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://batenka.ru/unity/ecovillage/> (дата обращения: 17.03.2022).
7. Экопоселение. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://plus-one.ru/sustainability/ekoposelenie> (дата обращения: 17.03.2022).
8. Экологические поселения (ecovillages). Экопоселения мира. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kedr.primorye.ru/biblio/ecocreate/createstory/istoria/> (дата обращения: 17.03.2022).
9. Тимощук А. С. Экология в ведической культуре // Законы экологической сферы общества: Материалы VIII-ой Международной ярмарки идей, 33 Академического симпозиума. - Н. Новгород: Изд. Гладкова О. В., 2005. - С. 223-224.
10. Тимощук А. С. Экологическая системогенетика права // Философско-антропологические исследования. Научно-теоретический гуманитарный журнал. Выпуск 1-2. - Курск: Изд-во КГУ, 2008. - С. 11-15.
11. Тимощук А. С. Глобальное и локальное в экологическом сознании вриндаванской общины Индии (статья) печ. // Ноосферные исследования. - 2017. - № 2 (18). - С. 90-100.
12. Зубков С. А., Тимощук А. С. Экофильность, вегетарианство и образование // Экология и образование: проблемы развития евразийского информационно-образовательного пространства: Международная научно-практическая конференция. - Уфа: БГПУ, 2019. - С. 50-54.

КРУЧИНИН Сергей Васильевич

кандидат философских наук, доцент, преподаватель Тюменского индустриального университета

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ АМЕРИКАНЦЕВ АЗИАТСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В статье рассмотрено социальное неравенство в США в контексте расового разнообразия. Так, если раньше афроамериканцы были самой исключенной частью общества, то сейчас наименее вовлечены в социум американцы азиатского происхождения. Ситуация заключается в том, что они подвержены двойным культурным нормам и стандартам. По сути, речь идет о том, что они должны оставаться достаточно культурно-идентичными и поддерживать культуру своего коренного народа. С другой стороны, они должны вовлекаться в социум, который имеет свои культурные нормы и правила. В результате американцы азиатского происхождения являются группой, которая подвержена дуализму внешних требований и культурных норм. Одновременно, они не являются достаточно культурно-идентичными для того, чтобы полностью интегрировать в общество, частью которого они при этом являются.

Ключевые слова: культурная идентичность, культура, социум, социальная изоляция.

KRUCHININ Sergey Vasiljevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, lecturer of the Tyumen Industrial University

SOCIAL INTEGRATION OF ASIAN AMERICANS

In the article, social inequality in the United States in the context of racial diversity is considered. So, if earlier African Americans were the most excluded part of society, now Asian Americans are the least involved in society. The situation is that they are subject to double cultural norms and standards. In fact, we are talking about the fact that they must remain culturally identical enough and maintain the culture of their indigenous people. On the other hand, they should be involved in a society that has its own cultural norms and rules. As a result, Asian Americans are a group that is subject to the dualism of external requirements and cultural norms. At the same time, they are not culturally identical enough to fully integrate into the society of which they are a part.

Keywords: cultural identity, culture, society, social isolation.

Кручинин С. В.

Одной из наиболее показательных особенностей расплаты, вызванной недавними ужасными нападениями на азиатов в Соединенных Штатах, является разнообразие ответов, предлагаемых самими американцами азиатского происхождения. Подрывая расовую презумпцию о том, что “американцы азиатского происхождения” образуют однородную группу, эти противоречивые взгляды раскрывают социально-политическое расслоение примерно 22 миллионов человек, которые слишком часто изображаются как политически разобщенный монолит. На одной стороне находятся те, кто считает антиазиатское насилие своеобразным по сравнению с системным угнетением чернокожих и беспокоятся об укреплении каркасного государства. Другие чувствуют себя обманутыми, утверждая, что антиазиатское насилие и дискриминация не получили того общественного внимания, которого они заслуживают. Почему, спрашивают они, эти опасения игнорируются даже другими американцами азиатского происхождения [2]?

Такого рода разногласия лежат в основе своевременной книги Джея Каспиана Кана «Самые одинокие американцы», в которой анализируется тонкая структура жизни американцев азиатского происхождения и обнаруживается заметная неоднородность, обусловленная классом, семейной историей и этническим происхождением. Автор статей для New York Times и New York Times Magazine, бывший редактор New Yorker и выпускник Колумбийского МИД, Кан - ребенок высококомобильных корейских иммигрантов. Его открывающая, во многом автобиографическая книга знакомит нас с эклектичным набором анекдотов из компаний по подготовке к тестированию и консультациям по приему, которыми управляют корейские иммигранты во Флашинге, Квинс (пример “безвкусного, несправедливого иммигрантского стремления, которое в конечном итоге станет синонимом предполагаемого богатства и привилегий, даже когда многие из их студентов жили значительно ниже черта бедности”) к его освещению протестов Black Lives Matter летом 2016 года в качестве корреспондента Vice News Tonight (где он размышлял о своей позиции журна-

листа и “профессионального” американца азиатского происхождения, заключив, что, хотя он такой же “цветной человек”, у него было не больше права говорить о жизни чернокожих, чем у белого либерала) и его стремлении переехать на Гавайи (“страну этнически неоднозначных, смутно азиатских людей”) в первые дни карантина 2020 года, когда Нью-Йорк сначала участвовали нападения на азиатов [5].

Чувство отчуждения пронизывает все эпизоды, которые рассказывает Кан. Как американцы азиатского происхождения вписываются в общество, глубоко структурированное черно-белой расовой дихотомией? Какие формы сообщества доступны тем, у кого больше нет значимых связей со своей родиной? Что поставлено на карту в сложных переговорах о солидарности с другими маргинализированными людьми и “цветными людьми”? Как катарсически замечает Кан в своем подкасте Time to Say Goodbye: “Странно быть в Америке, когда ты гребаный парень!”

Книга пронизана влиянием наставника Кана в колледже Ноэля Игнатьева, историка — марксиста, наиболее известного по книге «Как ирландцы стали белыми» (1995) - одному из самых влиятельных исследований социального конструирования белизны. Аналогичным образом Кан размышляет, хотя и менее систематично, о социальном конструировании идентичности “американцев азиатского происхождения”, обнажая высокую степень классового расслоения. В общих чертах Кан разделяет американцев азиатского происхождения на две группы в зависимости от того, прибыли ли они в Соединенные Штаты до или после Закона об иммиграции Харта-Селлера 1965 года, который отменил национальную систему квот и открыл иммиграцию из Азии. По словам Кана, “профессиональные” американцы азиатского происхождения, такие как он сам, как правило, являются потомками квалифицированных иммигрантов, прибывших после 1965 года; часто имея престижные дипломы колледжа и работая белыми воротничками, им было более или менее суждено ассимилироваться в мультикультурную элиту господствующего белого

либерализма. (Сам Кан, по его признанию, женат на наполовину еврейке, наполовину осе из Новой Англии и отправляет свою дочь в многорасовую балетную школу). Затем есть представители рабочего класса и более радикальные американцы азиатского происхождения, которые, по словам Кана, в основном прибыли до Харт-Селлера. (Он в значительной степени игнорирует тот факт, что не все иммигранты до 1965 года или их дети, если уж на то пошло, принадлежали к рабочему классу). Ассимиляция американцев азиатского происхождения из рабочего класса, живущих на периферии американского общества, с большей вероятностью не имеющих документов и темнокожих, всегда была маловероятной [3].

Как следует из его названия, Кан считает, что обе группы обречены на «одиночество» и беспокойство. Для профессионалов ассимиляция в элитных либеральных пространствах приближается к траектории ассимиляции американских евреев: они структурно белые по социально-экономическим показателям, но, тем не менее, ненадежны - всегда рискуют впасть в немилость у белой элиты. То есть ассимиляция может принести материальные выгоды, но она принципиально не меняет американскую расовую иерархию, не говоря уже о том, чтобы привести к расовой справедливости. (Просто подумайте, как успех американцев азиатского происхождения в академических кругах — возможно, самое популярное, хотя и неточное свидетельство ассимиляции — используется для изображения азиатов как тусклых личностей. Даже так называемый статус «образцового меньшинства» влечет за собой свою особую форму маргинализации). Для этих американцев, пишет Кан, экзистенциальное одиночество «проистекает из попыток ассимилироваться, будь то путем слияния с белым средним классом или путем создания сложной, но в конечном счете производной расовой «идентичности».

Кан признает, что американцам азиатского происхождения из рабочего класса приходится гораздо хуже. Они, в частности, подвергаются двойному остракизму. Начнем с того, что, не имея финансовой и личной безопасности, они не имеют базовой экономической опоры в американском обществе. (Не случайно, что большинство жертв недавно разрекламированных антиазиатских преступлений на почве ненависти были пожилыми и малообеспеченными.) Это социально-экономическое отчуждение еще более усугубляется безразличием (в лучшем случае) и снисходительностью (в худшем) американских элит азиатского происхождения, которые рассматривают их как риск для репутации в глазах профессиональных белых либералов, как в политическом, так и в экономическом плане [1].

Последствия такого разделения серьезны. Как отмечает Кан, «миллионы работающих бедных азиатов стали совершенно невидимыми не только из-за белых людей, но и из-за их профессиональных братьев и сестер», многие из проблем которых - поступление в Гарвард, «невроты по поводу микроагрессии», «бамбуковый потолок» в залах заседаний корпораций, отсутствие представительства в основных средствах массовой информации — кажутся менее актуальными, чем вопросы доступного жилья, безопасных районов, хорошей работы и качественного здравоохранения. Таким образом, Кан идентифицирует профессиональных американцев азиатского происхождения, таких как он сам, как главное препятствие на пути к значимой политической идентичности американцев азиатского происхождения. В то время как они заняты борьбой за доступ к элитным местам и восхождением по лестнице мультикультурной меритократии, пишет Кан, «самые бедные и уязвимые застряли с законопроектом» [4].

Кан прав, видя это явление в действии среди экономически обеспеченных американцев азиатского происхождения и сетуя на препятствие, которое оно создает для более трансформационной политической борьбы. Конечно, политика респектабельности и классовые различия вряд ли характерны только для американцев азиатского происхождения. Как утверждал на этих страницах Олуфими Таво, опираясь на социолога Э. В. Исследования Франклина Фрейзера о черной буржуазии (1955) политика идентичности обычно является «жертвой захвата элиты, осуществляемой политическими, социальными и экономическими элитами на службе своих собственных интересов, а не на службе уязвимых людей, которых они часто утверждают, что представляют». Точно так же дебаты о роли «профессионально-управленческого класса» в левых движениях вряд ли являются чем-то новым (хотя вы не узнали бы об этом из книги Кана, в которой этот термин не упоминается; для ориентации он мог бы обратиться к недавней книге Кэтрин Лю «Хранители добродетели: дело

против профессионального управленческого класса»). Тем не менее, Кан утверждает, что солидарность американцев азиатского происхождения представляет собой особую проблему: в дополнение к классовому расслоению, которое затрагивает все этнические или расовые категории, идентичность американцев азиатского происхождения еще более усложняется отсутствием какого-либо единого прецедента групповой солидарности, без которого политическая мобилизация кажется невозможной [3].

Как заметят многие читатели, не помогает и то, что решение этих проблем нельзя просто импортировать. Азия была расколом веками войн и этнических конфликтов; нынешние отношения между многими азиатскими странами в лучшем случае теплые, и нет многосторонней организации, эквивалентной ЕС, для обсуждения разногласий на большей части континента. Эти наблюдения предполагают, что сплоченная азиатская идентичность вполне может быть возможна только за пределами Азии, но, по мнению Кана, Харт-Селлер привела к разделению — между американцами азиатского происхождения профессионального и рабочего класса, а также между американцами азиатского происхождения и цветными людьми - которые теперь невозможно преодолеть.

Мрачный прогноз Кана может показаться правдивым для многих. Однако с другой точки зрения его пессимизм может выглядеть как еще одна роскошь, которую рабочий класс не может себе позволить. В книге часто чувствуется глубокое замешательство, разрывание между соперничающими импульсами и отсутствие ясности, которая могла бы возникнуть в результате более обоснованного взаимодействия с ученостью или активизмом. С одной стороны, он отчитывается своих сверстников: «Мы, высокобильные иммигранты из Харт-Селлера, до сих пор понятия не имеем, на чьей мы стороне». С другой стороны, он считает, что многорасовая солидарность рабочего класса стала более или менее невозможной, и предполагает, что единственная надежда на перемены заключается в привлечение к делу амбивалентных элит (его предписание состоит в том, чтобы «полностью присоединиться к забытой Азиатской Америке»), хотя он не предлагает никакой программы для этого. Конфликт может быть вызван тем фактом, что Кан, похоже, гораздо больше склонен воображать политические события, чем участвовать в них. В этой схеме теории и практика организации становятся не более чем зерном для мельницы ученых мужей — проблемы, которые профессиональные комментаторы могут спокойно интерпретировать извне, не испытывая необходимости терпеть, а тем более активно пытаться решить.

Именно по этой причине «Самые одинокие американцы» терпят неудачу на своих собственных условиях. Несмотря на то, что Кан предлагает убедительный портрет некоторых антиномий современной азиатско-американской идентичности и резкую критику того, как элиты используют политическую идентичности для продвижения своих собственных интересов, в конечном счете он выступает за движения рабочего класса, а не с ними, и эта дистанция приводит его не только к преуменьшению неоднородности пост-Харт-Селлер американцы азиатского происхождения, но упускают из виду как перспективы, так и срочность создания значимой политической власти.

Пристатейный библиографический список

1. Александров Г. В. Политическая активность американцев азиатского происхождения: тенденции и перспективы // Россия и Америка в XXI веке. – 2019. – № 4. – С. 7.
2. Хилова А. А. Образ американцев азиатского происхождения в американском обществе на примере американской киноиндустрии // E-Scio. – 2019. – № 8 (35). – С. 283-293.
3. Медушевский Н. А., Торопова А. И., Клейменова Е. Р. Дискриминация граждан азиатского происхождения в США // Теории и проблемы политических исследований. – 2020. – Т. 9. – № 2-1. – С. 40-51.
4. Николаев Б. В. Представительство расовых и национальных меньшинств в системе государственной власти и управления: североамериканский опыт // Современное государственное управление: образование, наука, практика. – 2021. – С. 235-237.
5. Чертина З. С. Китайцы в США. «Образцовое меньшинство»: миф или реальность // Новая и новейшая история. – 2020. – № 5. – С. 168-180.

СМЕТАНКИНА Людмила Васильевна

доктор философских наук, профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военной орденов Жукова и Ленина Краснознаменной академии связи имени Маршала Советского Союза С. М. Буденного МО РФ

МАЗЯЕВА Евгения Андреевна

кандидат философских наук, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военной орденов Жукова и Ленина Краснознаменной академии связи имени Маршала Советского Союза С. М. Буденного МО РФ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ – СТАБИЛЬНОСТЬ ИЛИ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Статья представляет собой краткий системный обзор феномена мировой глобализации на основе анализа ее регламентированных целей и реальных последствий, затрагивается проблема трансформации цивилизационных ценностей, национальных угроз и преимуществ, сопровождающих глобализацию. Авторы анализируют возможные варианты альтернативной глобализации на базе идей, нашедших воплощение в прошлом и настоящем в разных уголках мира.

Ключевые слова: глобализация, мультикультурализм, диалог культур, полицентричный мир, культурная идентичность, безопасность, униформизация.

SMETANKINA Lyudmila Vasiljevna

Ph.D. in philosophical science, professor of Military-political work in the troops (forces) sub-faculty of the Marshal of the Soviet Union S. M. Budyonny Military Orders of Zhukov and Lenin Red Banner Academy of Communications of the Ministry of Defense of the Russian Federation

MAZYAEVA Evgeniya Andreevna

Ph.D. in philosophical science, associate professor of Military-political work in the troops (forces) sub-faculty of the Marshal of the Soviet Union S. M. Budyonny Military Orders of Zhukov and Lenin Red Banner Academy of Communications of the Ministry of Defense of the Russian Federation

GLOBALIZATION - STABILITY OR ALTERNATIVES

The article is a brief systematic review of the phenomenon of world globalization based on the analysis of its regulated goals and real consequences, the problem of the transformation of civilizational values, national threats and advantages that accompany globalization is touched upon. The authors analyze possible options for alternative globalization based on ideas that have been embodied in the past and present in different parts of the world.

Keywords: globalization, multiculturalism, dialogue of cultures, polycentric world, cultural identity, security, uniformization.

Современный мир вступил в единое, целостное культурно-информационное экономическое и социально-политическое пространство, de jure вытесняя последние пережитки изоляционизма, гарантировавшего культурный суверенитет, de facto маргинализируя духовность, отправляя её на обочину истории. В основе межкультурного диалога, рассматриваемого Советом Европы как процесса, представляющего открытый и уважительный обмен мнениями между отдельными лицами и группами различного этнического, культурного, религиозного и лингвистического происхождения, лежат базисные общечеловеческие (гуманистические, этические, эстетические) ценности. Однако англо-саксонская модель глобализации рассчитана на культивирование мультикультурализма и толерантности через «давно отработанные приемы семейного, социального, школьного образования и воспитания, через культуру» [1, с. 21], и при входе в какую-либо национальную культуру как правило не встречает духовного сопротивления.

Появляется некая вариативность ценностного набора, в соответствии с которой воспроизводится определенный тип развития цивилизации.

Несмотря на то, что эти ценности – мировоззренческие универсалии прогрессивного развития человечества и «благоприятная среда формирования человеческой личности» [1, с. 22] передаются из поколения в поколение, они оказываются подвижными трансформирующимися объектами «мерцающего смысла», направленными на качественные преобразования обществ, в которых культивируются.

Мультикультурализм в условиях глобализации, с одной стороны, привёл к возрастанию контактов, интенсификации интеграционных процессов и даже появлению новых субнаций и росту разнообразия субкультур. С другой, можно констатировать, что наблюдаемые тенденции «сглаживания» различий уничтожает в первую очередь этнические, нацио-

нальные и культурные особенности именно цивилизационных локомотивов (стран Первого мира: Германии, Франции, Швеции и т.д.).

При этом диалог культур, как и указано в общеевропейском документе «Белая книга», не навязывает какие-либо стандарты поведения, а «...нацелен на развитие глубокого понимания наличия различий в мировидении людей и практиках человеческого бытия, увеличивает возможности кооперации и сотрудничества между людьми, способствует личному росту человека и его трансформации, стимулирует толерантность и уважение друг к другу» [2, с. 17].

Стремительное развитие торговли, финансовых рынков, транснациональных корпораций, миграции людей, единого информационного медийного коммуникационного пространства (все культуры «погрузились» в «медийный мешок»), технологических достижений в средствах транспорта, в том числе коммуникационных (транспортных) коридоров «Север – Юг», «Запад – Восток», способствуют глобализации культурных потоков, беспрецедентному распространению «социально-мировоззренческих горизонтов народов и отдельных людей в любой части планеты, позволяют получить доступ, не ограниченный географическими рамками, к социальному, культурному и другому опыту любого народа мира... дают каждому человеку новые формы восприятия мира, другие стили жизни, другие стереотипы и конструкты...» [3, с. 165].

При этом нужно понять не только, что происходит, но и чувствуют ли себя люди частью глобального сообщества, «глобальной деревни»? Какие типы культуры могут быть глобальными, а какие – локальными? Теряем ли мы в подобной глобализации только образы национальных культур или под угрозой уникальность человека и человечества в целом?

Иными словами, «недостаточно играть хорошо, вы должны быть уверены, что играете в правильную игру» [4,

с. 35]. Значит, главной задачей общества, вступающего в глобальный межкультурный диалог и открывающего свои культурные границы инокультурному влиянию становится оулка игры, которую ведёт с этим обществом мировая среда.

Межкультурный обмен как правило сопровождается формированием аудиовизуальной олигополии, нарушающей равновесие. Так США стремится сохранить и упрочить свое доминирование – безальтернативное «американское глобальное лидерство» как данность, иначе больше некому «указать человечеству в каждом уголке мира путь к справедливости, независимости, свободе...» [5]. Навязывая свою культуру, правила игры, унифицируя и объединяя мир своей идеологией (вестернизация), эта страна решает собственные проблемы за счет других, нарушая баланс культурного протекционизма и экспансионизма, используя давление (экономическое, политическое, политико-психологическое, физическое, военное), развязав внешнеполитический узел «действия – противодействия», который оказывается сложным, когда в акциях-реакциях на них участвует целый ряд государств. Спутником такой глобализации становится ослабление суверенитета государств; нарастает раздражение бедного большинства мирового сообщества, как реакция на усиливающееся социальное неравенство в мире.

Многие общества видят в этом угрозу своей культурной безопасности, в XXI в. идет формирование иного многополярного (гетерогенного) мира. При этом мировое сообщество не просто активно возвращается к собственным цивилизационным корням, но и предлагает свои варианты глобализации. Распад мира на конкурирующие зоны внутренней экономической интеграции, составляющие свою этнокультурную общность уже состоялся: Североамериканская зона свободной торговли, Европейский Союз и Евразийский Союз, зона «большой китайской экономики», Япония и Ассоциация стран Юго-Восточной Азии, торговый блок Южной Америки [6, с. 99]. Происходит более глобальное объединение, но на иных принципах – вместо мультикультурализма и толерантности на знамя глобальных союзов поднимают иные идеи, назначение которых – удержание стабильности на планете.

Какие варианты альтернативной глобализации существуют сегодня? Наиболее явно проступающая сегодня модель, модель глобальных финансовых элит, транснациональных корпораций и крупных элит-лоббистов связана с терминами «глокализация» и «элитаризм». Они представляют глобальный проект интегративных процессов через сепарацию разных слоёв населения за счёт унифицирования систем потребностей и ценностей той или иной социальной страты. Глобализация по типу касто-варновой системы Индии – наиболее древней из существующих сегодня организаций выживания разных по правам и доходам групп населения в одном физическом пространстве.

Консервативный проект глобализации представляет мир Ислама – это «Новый Халифат», связанный с двумя течениями «традиционный Ислам» (Иран) и «технократическая Умма» (Саудовское королевство). Эксперимент по смешению двух этих позиций был поставлен в 2013-2017 гг. через создание «сетевого» государства (ИГИЛ), пусть при поддержке и привлечении иных ресурсов, но в системе исламского трансграничного мира.

Есть свой технократический проект глобализации и у старых европейских элит, которые делают ставку на идеи социал-дарвинизма и трансгуманизма. Главная цель этого своеобразного интернационала не только стирание границ в мире, но и сокращение населения (сначала до «золотого» миллиарда) до 500 миллионов человек. Неквалифицированное бедное или стареющее население должно исчезнуть, оставив «дивный новый мир» технологическому человеку-киборгу, который будет максимально экологичен, автономен и роботизирован.

В 2018 г., после внесения соответствующих поправок в конституцию, Китай легализовал свою концепцию глобализации – Датун или сообщество народов единой судьбы. Китайская глобализация – это смешанный проект премодерна границ в стиле карт XV-XVI вв., модернизированных дорог шёлковых путей и постмодернистского рынка (беспрецедентная стратегическая инициатива «Один пояс – один путь»),

который должен объединить страны Евразии, Африки и Латинской Америки (более 60 стран) в одну логистическую структуру производственных, рыночных, транспортных и потребительских линий, соединяющих не только народы, но чайна-тауны всего мира в сеть строителей единого мирового пространства более справедливого, разумного, отличающегося сбалансированной глобальной системой управления, которая гарантирует открытость и взаимовыгодное сотрудничество государств.

По мнению Х. А. Марка, «важное достижение глобализации заключается в том, что она несет разнообразие» [7, с. 42]. Разнообразие даётся и репродуцируется самой природой. От межкультурного диалога, наших установок и действий зависит сохранение всего разнообразия окружающей среды как глобального общественного блага, так и защита тех культур в мире, которые сталкиваются с опасностью унификации.

Для современных демократических, особенно открытых обществ, значима проблема культурной идентичности, вследствие их вступления на путь мультикультурализма, либо миграции людей. Несмотря на требование толерантного отношения к альтернативным идеологическим программам как основополагающего ориентира в процессе взаимодействия представителей различных культур, очевидно всплеск взаимной социальной, политической непримиримости на почве конфессиональных различий, очевидно возрастание насильственности и исключительности национальных чувств [8, с. 110]. Задача таких обществ – обеспечить на основе социального опыта (включающего правовые, морально этические нормы, образование и знание, мировоззрение, культуру, духовность, социальную свободу и демократию) и диалога как важнейшего средства против взаимного недоверия и агрессивности, сосуществование различных культурных компонентов (зачастую непреодолимых религиозных расхождений) в рамках их территорий и взаимное признание, не допустить столкновений на межкультурной и религиозной почве, тем более выхода за территориальные пределы.

Пристатейный библиографический список

1. Комаров А. С. Общечеловеческие ценности: опыт апологии // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 4.
2. White Paper on Intercultural Dialogue «Living Together As Equals in Dignity» Launched by the Council of Europe Ministers of Foreign Affairs at their 118 th Ministerial Session (Strasbourg, 7 May 2008), Council of Europe, F-67075 Strasbourg Cedex June 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int/dialogue>.
3. Щеглов В. В. Глобализирующийся мир и культура // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2012. – № 11.
4. Диксит А., Нейлбафф Б. Теория игр. Искусство стратегического мышления в бизнесе и жизни. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.
5. Киссинджер Г. Вудро Вильсон: Америка как совесть мира. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pub.wikireading.ru/31318?>
6. Калужный В. Г. Идеи полицентризма: миф или реальность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2010. – № 2. – Том 10.
7. Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения, 17-18 мая 2012 г. Т. 2: Материалы. – СПб.: СПбГУП, 2012. – 212 с.
8. Сметанкина Л. В., Шабанов Л. В., Бибарсова Г. Ш. Современные национальные идеологии или рассуждения у подножия Вавилонской башни // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов X Международной научно-практической конференции / Под ред. канд. пед. наук, доц. А. В. Немчинова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: Тип. ВВИМО, 2016. – Ч. 2. Актуальные проблемы социально-политических наук. – 158.

СМИРНОВ Андрей Юрьевич

преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Сызрань

Смирнов А. Ю.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ВЛИЯНИЕ НА ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ

Технологии являются неотъемлемой частью исторического развития человечества. Функционально-сущностное содержание данной научной категории и значимость технологических процессов для цивилизационного развития людей всегда имела дискуссионный и противоречивый характер. Категория технологии стала объектом изучения не только экономики, но и многих других наук, в том числе и социальной философии. Среди различных понятий, существующих в современной науке для обозначения содержания и роли социотехногенеза, выделяются интеллектуальные технологии, непосредственно влияющие на разум людей. Одной из последних технологий, демонстрирующих подобное воздействие, является цифровизация. Ее дуальное влияние на становление познавательных процессов детей констатируют авторы множества научных и научно-публицистических трудов. Основной задачей данной работы является проведение теоретического анализа влияния интеллектуальных технологий на возникновение, развитие и функционирование социального института образования.

Ключевые слова: технология, интеллектуальная технология, социальный институт образования, мышление, мировоззрение, риски и перспективы.

SMIRNOV Andrey Yurjevich

lecturer of the branch of the Military Training and Research Center of the Air Force "professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin Air Force Academy", Syzran

INTELLIGENT TECHNOLOGIES: IMPACT ON THE INSTITUTE OF EDUCATION

Technologies are an integral part of the historical development of mankind. The functional and essential content of this scientific category and the importance of technological processes for the civilizational development of people has always been controversial and contradictory. The category of technology has become an object of study not only of economics, but also of many other sciences, including social philosophy. Among the various concepts that exist in modern science to denote the content and role of sociotechnogenesis, intellectual technologies that directly affect people's minds are distinguished. One of the latest technologies demonstrating such an impact is digitalization. Its dual influence on the formation of children's cognitive processes is stated by the authors of many scientific and journalistic works. The main objective of this work is to conduct a theoretical analysis of the impact of intelligent technologies on the emergence, development and functioning of the social institute of education.

Keywords: technology, intellectual technology, social institute of education, thinking, worldview, risks and prospects.

Понятие технологии является довольно-таки распространенным в современном мире. В. М. Розин в работе «Понятие и современные концепции техники» ссылается на умозаключения Н. Вига. Ученый пишет, что: «...технология стала играть центральную роль для нашего существования и образа жизни, и поэтому должна исследоваться как фундаментальная человеческая характеристика» [2, с. 8]. Сам В. Розин делает вывод: «технология – это один из аспектов жизни современного социального организма» [10, с. 115]. Под технологией общепринято понимать в широком смысле совокупность методов, процессов и материалов, используемых в какой-либо отрасли деятельности, а также научное описание способов технического производства. В узком смысле – это комплекс организационных мер, операций и приемов, направленных на изготовление, обслуживание, ремонт и/или эксплуатацию изделия с номинальным качеством и оптимальными затратами, и обусловленных текущим уровнем развития науки, техники и общества в целом [12].

Н. Карр в научно-публицистическом труде «Пустышка: что интернет делает с нашими мозгами» дает свое понимание сущности технологий: он определяет технологии как выражение человеческой воли. С помощью инструментов человек пытается расширить контроль над различными объективными обстоятельствами (природа, время, пространство).

Н. Карр дает классификацию технологий. Первое группа технологий получает название физических: они помогают расширить физические силы человека (колесо, плуг, штопальная игла, машина, реактивный самолет и т.д.). Вторая группа определяется как чувственная: это технологии, позволяющие расширить наши психические ощущения (подзорная труба, бинокль, микроскоп, счетчик Гейгера, радиолокационные станции, телескопы и т.д.). Третья группа ассоциируется с потреблением: это технологии, связанные с удовлетворением наших потребностей, они позволяют изменить окружающую природу (водохранилища, противозачаточные средства, генетически модифицированные зерновые, овощи и фрукты и т.д.). Четвертая группа названа автором интеллектуальные технологии. Они позволяют нам расширять наши умственные способности для поиска и классификации информации, формировать и выражать идеи, обмениваться знаниями, проводить измерения и расчеты и т.д. К ним можно отнести появление языка и письменности, алфавит, книгопечатанье, компас, счеты, пишущая машинка, сектант, логарифмическая линейка, глобус, книга и газета, школа и библиотека, компьютер и Интернет [8, с. 52]. Особенностью данных технологий является их влияние на мышление человека. Н. Карр, анализируя труды многих знаменитых ученых, пишет о том, что: «... хотя любой инструмент способен по-

влиять на наши мысли и суждения – плуг изменил взгляды крестьянина, микроскоп открыл новые горизонты для ученого, – но именно интеллектуальные технологии оказали наиболее значительное и продолжительное воздействие на то, что и как мы думаем. Это – ближайшие инструменты, которые мы применяем для самовыражения, формирования личной и общественной идентичности и для развития отношений с другими» [8, с. 52-53].

Мы сузим рамки исследования до определения воздействия интеллектуальных технологий на процесс становления и развития социального института образования. Институт образования будем рассматривать как социальный институт, удовлетворяющий потребности общества в организации и содержании деятельности по передачи знаний, навыков и умений в определенной сфере жизнедеятельности общества, являющийся основным компонентом в вопросах воспитания и социализации личности основу которого составляет формализованный управляемый процесс обучения. Основное внимание в статье уделяется анализу влияния основных интеллектуальных технологий, которые привели к значительным изменениям в функционировании института образования. Язык – одна из первых интеллектуальных технологий, это метафора в том смысле, что он не только хранит, но и транслирует опыт из одной формы в другую. Объективизация, выражение чувств посредством языка и речи есть «инструмент, благодаря которому человечество получило возможность накапливать опыт и знания в форме, позволяющей легко преодолевать и максимально эффективно использовать их» [5, с. 23].

Эпохальное значение для становления и развития института образования, явилось появление письменности и ее унифицированного варианта – алфавита. Первые примеры возникновения письма и соответственно способности человека его чтения наблюдаются за 8000 тыс. лет до нашей эры [8, с. 60]. Изначально письменность представляла различные знаковые образы, нанесенные на твердые предметы, что позволяло обеспечить сохранение информации и передачу ее от одного поколения другому. Попытки стандартизации набора знаков, обозначающих феномены языка, проводилась с древнейших времен. Исходным этапом возникновения всех современных цивилизационных алфавитов на земле принято считать момент появления греческого фонетического алфавита. Затем – появление латиницы, которая впоследствии получит широкое распространение. Катализатором данного процесса станет рождение новых, но также носящих интеллектуальный характер технологий в виде географических карт и компаса.

Возникновение письменности и алфавита, с помощью которого информация наносилась на папирус, без сомнения оказало значительное влияние на дальнейшее развитие человечества. Н. Карр определяет письменность как фактор, который позволил знанию освободиться из пут индивидуальной памяти и открыл нашему разуму новые области мышления и способы выражения мыслей [8, с. 65]. М. Маклюэн утверждает, что фонетический алфавит создал «цивилизационного человека» [6, с. 113], что возымело воздействие на все социальные институты в том числе и на институт образования. Появление письменности явилось началом процесса расширения круга лиц, обладающих «сакральными знаниями». «Сочетавшись браком с папирусом, алфавит возвестил о конце стационарных храмовых бюрократий и жреческих монополий на знания и власть» [6, с. 112].

Появление книгопечатания повлияло на историческое развитие человечества и изменило его мышление. В IV веке И. Гутенберг создал автоматизированный станок для печатания книг. Он также разработал чернила на масляной основе, которые удерживались на металлических подвижных литерках (шрифте). Все это способствовало более дешевому копированию литературных информационных источников в

отличие от рукописных. Ф. Бэкон ставил возникновение искусства печатанья в один ряд с открытиями пороха и компаса, которые изменили облик и состояние всего мира [4, с. 78]. Появление бумаги, заменившей дорогостоящий пергамент, привело к массовому внедрению книгопечатания (носителя информации) в масштабную эксплуатацию среди всех слоев населения. По мнению М. Маклюэна, именно движение информации в печатной форме дало новый толчок экономическому развитию человечества, которое мы сегодня называем первой промышленной революцией [6, с. 134].

Успехи в развитии промышленных технологий послужили локомотивом в развитии института образования. Насущной проблемой того времени стал процесс подготовки квалифицированной рабочей силы. Расширяется доступ населения к образованию. Широкое распространение получила начальная школа, дающая бесплатно основные общие знания. Высшая школа увеличивает спектр профессиональных направлений, связанных с практическим применением знаний. Принято считать, что институт образования развивался именно в рамках западной цивилизации. Н. Смелзер по данному поводу пишет: «Как только система образования оформилась как социальный институт, третьим важным этапом ее расширения стало формирование заинтересованных групп, которые требовали своей доли общественного богатства» [11, с. 457]. Знания делаются на необходимые для практической деятельности и знания, определяющие статусное положение выпускника вуза и принадлежность к категории элиты общества или «праздного класса», как называл их Т. Веблен. Заканчивается этап формирования государственного контроля над процессами обучения и образования.

Появление электричества, радио, телевидения не смогло глобально повлиять на основную функцию института образования. Не удалось заменить человека, являющегося носителем социальной роли преподавателя (учителя) на машину, исполняющую его функцию посредника (передатчика) между определенной совокупностью знаний и личностью, готовой их воспринимать. Однако, с середины XX века начинает развиваться новая интеллектуальная технология, получившая сегодня наименование цифровизации. Данный процесс в широком смысле трактуют как современный общемировой тренд развития экономики и общества, основанный на преобразовании информации в цифровую форму и приводящий к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни [14, с. 47]. В настоящее время цифровизация имеет масштабный характер влияния на все основные институты общества, в том числе, – на институт образования. Анализ результатов внедрения цифровизации в общественное бытие носит противоречивый, порой антагонистический и дискуссионный характер. Основная антиномия в данном вопросе проявляется в рамках деятельности института образования. Сторонники революционного позитивного влияния цифровизации выдвигают следующие главные направления внедрения новшества: переход к онлайн-обучению; формирование модели смешанного обучения; создание виртуальной (цифровой) образовательной среды; изменение подхода к управлению образовательными организациями [7, с. 84]. Основной перспективой новой интеллектуальной технологии они считают переход от общего обучения к персонализированному [13, с. 40].

Противоположное мнение базируется в основном на анализе негативного влияния цифровизации на познавательные процессы психики человека. Противники массового внедрения цифровых технологий в образовательную сферу говорят о возможных последствиях и реально существующих фактах их негативного проявления в первую очередь в сфере дошкольного и школьного образования. Первой страной, врачи которой официально ввели понятие цифрового слабоумия, стала Южная Корея, считающаяся мировым лидером

в области внедрения информационных технологий в образовательную сферу на всех ее уровнях [1, с. 417].

Среди основных рисков повсеместного насаждения цифровизации в сфере образования ученые рассматривают процесс формирования поверхностного мышления у обучаемых и ухудшение долговременной памяти. Немецкий врач-психиатр и психолог, занимающийся проблемой влияния цифровизации на человека более 20 лет, Манфред Шпитцер по этому поводу пишет: «Присутствие готового знания в Интернете, когда компьютер делает работу за нас, отучает человека и в первую очередь ребенка осуществлять поиск, анализировать, думать. И как следствие все это ведет к формированию поверхностного мышления [3, с. 8]. Данная тенденция прослеживается и среди молодого поколения нашей страны. К тенденциям негативного влияния цифровизации на институт образования относят рыночный характер ее внедрения, а точнее бизнес, лежащий в основе повсеместного распространения цифровых средств массовой информации и коммуникации (СМИиК). Задача любого бизнеса – получение прибыли любыми путями, которые не обязаны носить характер гуманности в отношении основной массы человечества.

Глобальная пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, продолжающаяся до сих пор, вызвала огромный спрос на учебные онлайн-сервисы. Большинство учебных заведений периодически переходили на дистанционное обучение. Эффективность данного процесса оказалась слабой и проявилась в низком уровне знаний выпускников школ, перешедших на виртуальное обучение. Еще в 2018 году Н. Касперская отмечала возникновение реальной ситуации зависимости российских социальных институтов от западного влияния вследствие бездумного повсеместного внедрения цифровых технологий. Основной угрозой данного процесса она считала огромную вероятность возникновения «внешнего управления». Долголетняя погоня института российского образования за западными стандартами ни к чему хорошему не привела. Благодаря компьютеризации и цифровизации информационный поток «псевдо-знаний» превращается в составную часть мировоззрения современной российской молодежи.

Многие ученые писали о том, что с новыми технологиями, а особенно с интеллектуальными, необходимо вести себя с осторожностью и постепенно изучать их последствия. Даже люди, связавшие свой бизнес с цифровыми технологиями, предупреждали об непредсказуемости их воздействия на человечество, например, бывший исполнительный директор транснациональной корпорации Google Эрик Шмидт и генеральный директор Jigsaw (ранее Google Ideas) Джаред Коэн в своей популярной книге «Новый цифровой мир» пишут: «Интернет относится к тем изобретениям, которые люди создали, но пока не поняли до конца. ... Интернет – это крупнейший в истории анархистский эксперимент. ... Он несет и блага, и беды, и мы только сейчас начинаем осознавать степень его влияния на наш мир» [9, с. 11-12].

Социальный институт образования с появлением новой интеллектуальной технологии в целом не претерпел существенных трансформаций, но его отдельные структурные элементы в функциональном плане значительно изменились. В первую очередь это касается образовательной функции и процесса обучения, в частности. Благодаря цифровизации он приобрел новые качественные характеристики, такие как: гибкость, вариативность, избирательность и индивидуализированность. Появление онлайн-обучения стирает границы между государствами, дает возможность людям, даже с физическими недостатками, получать знания. Все эти новшества помогают, вносят новизну в процесс обучения, но не трансформируют его. На сегодняшний день онлайн-обучение так и не смогло по качеству и популярности заменить классическое аудиторное, подразумевающее живое

общение между педагогом и обучающимися. Нельзя так же забывать и о реально существующих рисках повсеместного внедрения цифровых технологий в образовательную сферу, частично обозначенных в статье. В связи с этим актуальным становится проблема наличия «интеллектуальной этики» в рамках функционирования института образования. Какой элемент институциональной структуры будет контролировать выполнения ее норм, не имеет значения, главное, чтобы он носил национально-государственный характер и соответствовал принципу – не принести непоправимого вреда.

Пристатейный библиографический список

1. Emerson R. W. *Intellect: Essays and Lectures*. – New York: Library of America, 1983. – 1150 p.
2. Vig N. J. *Technology, Philosophy, and the State: An Overview // Technology and Politics*. – L., 1988. – 356 p.
3. Антимозг: цифровые технологии и мозг. – М.: АСТ, 2014. – 288 с.
4. Бэкон Ф. *Сочинения в двух томах. Т. 2*. – М.: Мысль, 1978. – 576 с.
5. Маклюэн М. *Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего*. – М.: Академический проект, 2020. – 443 с.
6. Маклюэн М. *Понимание медиа. Внешнее расширение человека*. – М.: Кучково поле, 2018. – 464 с.
7. Минина В. Н. *Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. – 2020. – Т. 13. Вып. 1. – С. 84-101.
8. Карр Н. *Пустышка: что интернет делает с нашими мозгами*. – М.: Best Business Books, 2012. – 253 с.
9. *Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизни людей, модели бизнеса и понятие государства*. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 368 с.
10. Розин В. М. *Понятие и современные концепции техники*. – М., 2006. – 255 с.
11. Смелзер Н. *Социология*. – М.: Феникс, 1998. – 668 с.
12. *Технология – это ... Что такое Технология*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/4842>. (дата обращения: 05.02.2022).
13. Уваров А. Ю., Гейбл Э., Дворецкая И. В. и др. *Трудности и перспективы цифровой трансформации образования*. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. – 343 с.
14. Халин В. Г., Чернова Г. В. *Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Власть и экономика*. – 2019. – № 10 (118). – С. 46-63.
15. *Цифровая экономика и риски цифровой колонизации. Н. Касперская, развернутые тезисы выступления на Парламентских слушаниях в Госдуме*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cont.ws/@sage/884423> (дата обращения: 22.07.2021).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-508-509

ТУКАЕВА Роза Абдулхаевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных дисциплин, Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета имени С. М. Кирова

СИМУЛЯКР ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Тема бытия, существования, поиска смысла жизни является одной из ведущих в философии. В ходе жизни человека неизменно сопровождает смерть. И каждый из нас имеет свое отношение к этому явлению. Мы обратимся к философии Жана Бодрийяра, который критиковал фальшивую идеализированную смерть. В современном мире, считает философ-постмодернист, быть мертвым – ненормально. А также рассмотрим творчество Фредериха Рюйша, который стал известен благодаря своим композициям из мертвых.

Ключевые слова: человек, жизнь естественна, смерть противоестественна, экзистенциализм, Фредерих Рюйш, Жан Бодрийяр, симулякр, метод бальзамирования, препараты, ритуалы, память.

TUKAEVA Rosa Abdulkhaevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy and social disciplines sub-faculty of the S. M. Kirov St. Petersburg State Forestry University

SIMULACRUM OF LIFE AND DEATH

The theme of being, existence, the search for the meaning of life is one of the leading ones in philosophy. In the course of a person's life, death invariably accompanies. And each of us has our own attitude to this phenomenon. We turn to the philosophy of Jean Baudrillard, who criticized the false idealized death. In the modern world, the postmodern philosopher believes, being dead is not normal. And also consider the work of Frederic Ruysch, who became famous thanks to his compositions from the dead.

Keywords: man, life is natural, death is unnatural, existentialism, Frederic Ruysch, Jean Baudrillard, simulacrum, embalming method, preparations, rituals, memory.

Тукаева Р. А.

Во второй половине XX века заметно возрастает интерес к этическим проблемам смерти человека. В философском словаре дается такое определение: «смерть – необратимое прекращение жизнедеятельности организма, неизбежный естественный конец существования живого существа» [5, с. 431].

На протяжении человеческой истории менялось отношение к смерти. Менялись ритуалы, менялось восприятие смерти. Например, в древности люди считали смерть переходным явлением, то есть умирая человек не исчезал, а просто переходил в мир мертвых и продолжал как-либо функционировать там. Родственникам отводилось 70 дней, чтобы попрощаться с покойным навсегда. Должны были быть строго соблюдены все похоронные ритуалы, иначе душа умершего не найдет покой, а потомков умершего постигнет проклятие [7].

В одном из своих эссе Гилберт Кит Честертон рассказал старинную французскую сказку. «Сказка эта про отчаявшегося поэта, который решил утопиться. Пока он спускался к реке, чтобы покончить с собой, он отдал свои глаза – слепому, уши – глухому, ноги – хромоту и так далее. Читатель уже ждет его неминуемого конца, однако, вместо того чтобы броситься в воду, бесчувственный, слепой и безногий поэт присаживается на берегу и, поняв, что жив, радуется жизни. Только глубоко вникнув в смысл сущего, может быть, только в глубокой старости начинаешь понимать, сколь правдива эта история» [1, с. 3]. Эта притча говорит о том, что важно существование, важна жизнь человека сама по себе. Фактическое наполнение жизни не столь важно, хотя в значительной степени зависит от самого человека. Факт же существования – это непостижимый дар, который от человека не зависит.

Тема существования, бытия является ведущей для философского направления, которое носит название экзистенциальной философии. Философский словарь определяет ее так: экзистенциализм (от позднелат. *existentia* – существование), или философия существования, – направление в философии иррационализма, возникшее в нач. XX в. в России, Германии, Франции и др. странах [5, с. 555]. Каждая жизнь с позиций экзистенциализма является уникальной, ценным становится каждый ее момент. Смысл жизни есть в каждом ее моменте и определяется только им. Абсурдно искать некие окончатель-

ные смыслы и истины о мире и человеке. Каждый человек ищет смысл своего существования, и в этом есть смысл, но никогда не довольствуется найденным и достигнутым [6, с. 8-9].

Спустя десятилетия, мы можем говорить о том, что экзистенциальная философия стала одним из наиболее глубоких и влиятельных течений западной и русской мысли XX в., во многом экзистенциализм определил философскую и общекультурную основу уходящего столетия [1, с. 3].

Мы обратимся к философским взглядам французского философа-постмодерниста, социолога и культуролога Жана Бодрийяра [2, с. 234]. На сегодняшний день он является одним из известнейших мировых мыслителей, исследующих феномен так называемого «постмодерна» – новейшего состояния западной цивилизации, которое характеризуется разрастанием искусственных, неподлинных образований и механизмов, симулякров настоящего социального бытия.

Философ говорит о том, что в ходе истории от первобытных обществ к обществам современным идет необратимая эволюция: постепенно мертвые перестают существовать: «Они выводятся за рамки символического оборота группы. Они больше не являются полноценными существами, достойными партнерами обмена, и им все яснее на это указывают, высялая все дальше и дальше от группы живых – из домашней интимности на кладбище (этот первый сборный пункт, первоначально ещё расположенный в центре деревни или города, образует затем первое гетто и прообраз всех будущих гетто), затем все дальше от центра на периферию, и в конечном счете – в никуда, как в новых городах или современных столицах, где для мертвых уже не предусмотрено ничего, ни в физическом, ни в психическом пространстве». Для нашего времени *быть мертвым – ненормально*. Такое отношение к смерти – это нечто новое, явление, характерное для современности. Ведь, если говорить о сущности смерти, то быть мертвым – совершенно немислимая аномалия, по сравнению с ней все остальное пустяки. Смерть – это антиобщественное, неисправимо отклоняющееся поведение. Мертвые лишены какого-либо временно- и территориального пространства, у них нет пристанища, учитывая то, что во многих странах мертвых даже не хоронят в земле, а развеивают в дым [2, с. 234].

Смерть — не что иное, как социальная демаркационная линия, отделяющая «мертвых» от «живых»; поэтому можно считать, что она в равной степени касается и тех, и других. Философ писал: «Вопреки безрассудным иллюзиям живых, мнящих себя живыми при исключении мертвых, вопреки иллюзорным попыткам свести жизнь к абсолютной прибавочной стоимости, отсекая от нее смерть, — нерушимая логика символического обмена восстанавливает эквивалентность жизни и смерти в форме безразлично-фатального послезития. Когда смерть вытесняется в послезитие, то, в силу хорошо известного возвратного процесса, и сама жизнь оказывается всего лишь доживанием, детерминированным смертью» [2, с. 235].

После смерти родные и близкие стараются сохранить память об умершем. Нам кажется, что после смерти человек не должен меняться, что он должен выглядеть по-прежнему, должен обладать естественностью живого. Нам хочется, чтобы он по-прежнему улыбался, чтобы у него был тот же румянец и тот же цвет кожи. Современные технологии позволяют нам оставить в памяти даже голос умершего человека. Это фальшивая, идеализированная смерть, подкрашенная под жизнь. Такая позиция утверждает, что жизнь естественна, а смерть противоестественна. Поэтому возникает желание ее натурализовать, сделать из нее чучело, симулякр жизни. Это говорит о стремлении не дать смерти что-либо значить, обрести знакомую силу. В этом кроется крайняя жестокость по отношению к самому же покойному: «ему запрещают тлеть, запрещают меняться, вместо того чтобы быть переведенным в статус мертвого и обрести символическое признание со стороны живых, он искусственно удерживается в кругу живых, служа алиби-симулякром их собственной жизни. Заточенный в природности, он утрачивает свои права на отличность и всякие шансы на социальный статус» [2, с. 316]. В этом заключается разница между обществами, не боящимися знаков и смерти, которую они открыто обозначают, — и нашим «идеологическим» обществом, где все погребено под покровом пригодности, где от означивания [les signes] осталось одно оформление [design], поддерживающее иллюзию естественных причин. Смерть оказывается первой жертвой этой идеологизации — заставая в виде пошлого симулякра жизни, она становится постыдной, непристойной.

Очень точно эта ситуация описывается в стихотворении А. Т. Твардовского.

Ты дура, смерть: грозишься людям
Своей бездонной пустотой,
А мы условились, что будем
И за твою жизнь чертой.
И за твою мглой безгласной,
Мы — здесь, с живыми заодно.
Мы только врозь тебе подвластны,
Иного смерти не дано [4, с. 286].

В поиске средств, позволяющих сохранить мертвых в облике, подобном живым, преуспел знаменитый голландский анатом XVII в. Фредерик Рюйш, создавший уникальную коллекцию анатомических препаратов. Он известен нам как «художник смерти», его творчество называют «Рюйшевым искусством». В шеститомной истории анатомии и хирургии, изданной через сорок лет после его смерти профессором Парижского университета Антуаном Порталем, Рюйш назван «одним из крупнейших исследователей своего века». Автор пишет, что Рюйш занимался анатомией с невероятной увлеченностью и что благодаря ему наука сделала огромный шаг вперед благодаря тому, что Рюйш довел до совершенства искусства консервации [3, с. 11].

Анатом писал: «Пока я досконально изучал методы бальзамирования. в мои руки попадали многие любопытные вещи, для сохранения которых не требовалось большой затраты сил, так как это были обыкновенные вены, артерии, водяные [лимфатические] сосуды, нервы и другие части, которые я время от времени оставлял у себя». Но вскоре их набралось столько, что одной комнаты для их хранения оказалось недостаточно: «И тогда я был вынужден разместить эти предметы во второй комнате, а затем и в третьей, и это только анатомические препараты!». Рюйш рассказывает о том, что изучал и коллекционировал также местные и даже экзотические растения. Он их «красиво» засушивал и выставлял в маленькой комнате. Также он занимался «редкими зверюшками», рыбами и насекомыми, которых хранил как в виде чучел, так и в сосудах со спиртом; собрание представителей фауны занимало также отдельную комнату [3, с. 153].

Его соученик по Лейденскому университету, И. Сваммердам, использовал такую методику: он наполнял кровеносные сосуды мертвого тела расплавленным воском, который впоследствии отвердевал.

Рюйш довел этот метод до идеала, и впоследствии он получил название «Рюйшево искусство». Благодаря использованию этой методики исследователь смог собрать свою уникальную коллекцию препаратов, которые прославили его на всю Европу. Свою методику Рюйш никогда не раскрывал. Его навык бальзамирования мертвых тел не только давал ему славу и известность, но и позволял хорошо зарабатывать. Но Рюйш не отказывал в осмотре своей коллекции за плату. Русский царь Пётр I познакомился с Фредериком Рюйшем и его домашним музеем во время своего первого визита в Амстердам. Через несколько лет император принял решение о покупке всего собрания анатомов. Таким образом коллекция из Голландии в августе 1718 г. оказалась в России в первом русском музее — Кунсткамере, где и хранится вот уже без малого триста лет [3, с. 3].

Имя Рюйша появляется даже в художественных произведениях. В романе Бальзака «Шагреневая кожа» главный герой находит в антикварном магазине «очаровательное создание» — препарат спящего ребёнка, который напоминает герою о его собственном безоблачном детстве. При этом выясняется, что спящий ребенок принадлежал коллекции Фредерика Рюйша, умершего сто лет назад.

А за несколько лет до Бальзака Рюйш вдохновил итальянского писателя Джакомо Леопарди на написание одного из его «Нравственных очерков» (1824), в котором Рюйш разговаривает с забальзамированными детскими телами. Писатель ставил целью показать читателю, как надо представлять себе смерть. В очерке описывается, как Рюйш в полночь просыпается от того, что слышит, как поют его препараты. Они исполняют песню о том, что смерть — та цель, к которой стремится всё живое, что после смерти они обрели покой. Для них жизнь — это всего лишь воспоминание. Нельзя утверждать, что они теперь счастливы, но они избавлены от горя, волнений и страхов. Рюйш решает узнать, в чём дело, заглядывает в замочную скважину своего кабинета и говорит: «Чёрт возьми! Кто же это научил петь моих мертвецов... Благодаря мне они неподвластны тлению, но я никогда не думал, что они снова оживут». Он входит в комнату и спрашивает: «Дети, что это за игры? Вы забыли, что вы мертвы?... Или после посещения царя вы так возомнили о себе, что считаете, будто на вас не распространяются законы природы?» И препараты рассказывают ему, что могут разговаривать каждую ночь по пятнадцать минут. Рюйш пользуется случаем, чтобы задать им вопросы об их смерти. Они говорят ему, что смерть можно сравнить со сном, человек просто перестаёт что-либо осознавать, и это совсем не больно [3, с. 10].

Таким образом, мы видим, что отношение общества к смерти сильно трансформировалось на протяжении истории. Кто-то, как анатом Фредерик Рюйш, видит в смерти эстетику и делает смыслом своей жизни собрание коллекции мертвых тел, причем различных уродцев. Другие, такие как философ-постмодернист Жан Бодрийяр, осуждают такое обращение с мертвецами и называют такую бальзамированную смерть фальшивой. Третьи, среди которых многие писатели и поэты, раскрывают тему отношения к смерти через художественные произведения и позволяют читателям делать свои выводы.

Пристатейный библиографический список

1. Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. — М.: Республика, 1997. — 495 с. (Философия на пороге нового тысячелетия). — С. 3.
2. Жан Бодрийяр. Символический обмен и смерть. — М.: «Добросвет», 2000 — 387 с. — С. 316.
3. Койманс Л. Художник смерти. Анатомические уроки Фредерика Рюйша: Пер. с голланд. — СПб.: Наука, 2008. — 448 с.; илл. — С. 11.
4. Твардовский А. Т. Лирика. Петрозаводск, «Карелия», 1974. — 408 с. — С. 286.
5. Философский словарь // Под ред. И. Т. Фролова. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1987. — 590 с. — С. 431.
6. Ценность человеческой жизни: учеб. материалы / сост.: С. В. Ключня, М. С. Кулага, И. А. Челябинская; под общ. ред. Р. П. Попка. — Минск: БГУ, 2013. — 108 с. (Психологический спектр познания).
7. Жизнь после смерти. Мифы древнего Египта. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.icenut.ru/egypt/egypt032.htm>.

ХОМИЧ Наталья Викторовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Иркутского государственного аграрного университета им. А. А. Ежовского

ШИЛОВА Ольга Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций и мультимедиа Иркутского государственного университета

ПРИРОДА ОБРАЗА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается природа образа с позиции его философского осмысления. Приводятся разноаспектные определения образа, расшифровывается его эстетическая и онтологическая сущность. Отдельно исследуется чувственная и познавательная функция образа и его роль в формировании личностной картины мира человека. Важным в трактовке образа становится синтез объективного и субъективного, а также его потенциал в отображении окружающей действительности через призму художественного и эстетического освоения мира. Образ проходит определенную эволюцию в процессе формирования типов мировоззрения: мифологического, религиозного и философского. Специфика условного в образе напрямую зависит от степени персонификации, норм и ориентиров определенной эпохи. Материал и способ создания образа выступает как основной критерий разграничения видов искусства. Одним из основных качеств образа выступает также его мотивированность, определяемая потребностью в опредмечивании. Отображение предметной конкретности в человеческом сознании происходит всегда в рамках определенной системы условностей, поэтому одной из существенных характеристик образа в его философском осмыслении является его заведомо условная природа.

Ключевые слова: образ, предметность, эстетическое явление, искусство.

KHOMICH Natalya Viktorovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of Philosophy, sociology and history sub-faculty of the A. A. Yezhevsky Irkutsk State Agrarian University

SHILOVA Olga Sergeevna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Mass communications and multimedia sub-faculty of the Irkutsk State University

THE NATURE OF THE IMAGE: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

The article examines the nature of the image from the perspective of its philosophical interpretation. Diverse definitions of the image are given and its aesthetic and ontological essence is deciphered. The sensory and cognitive function of the image and its role in the personal picture formation of the human world are investigated separately. The synthesis of the objective and subjective becomes important in the interpretation of the image as well as its potential in displaying the surrounding reality through the prism of artistic and aesthetic exploration of the world. The image undergoes a certain evolution in the process of forming types of worldview: mythological, religious and philosophical. The specificity of the conditional in the image directly depends on the degree of personification, norms and guidelines of a certain era. The material and method of creating the image acts as the main criterion for distinguishing the types of art. One of the main qualities of the image is also its motivation determined by the need for objectification. The display of objective concreteness in human consciousness always occurs within a certain system of conventions therefore one of the image essential characteristics in its philosophical understanding is its obviously conditional nature.

Keywords: image, objectivity, aesthetic phenomenon, art.

Все чаще «образ» рассматривается не как статичная категория, а как «уникальный способ освоения действительности» и как результат преобразования мира. Образ придает повествовательной ткани художественность и многогранность, в нем все практические действия синкретически воспроизводятся в одном органическом целом. «В самом широком смысле образ – это средство, с помощью которого мы интерпретируем мир» [3, с. 2023]. Вторая, немаловажная функция образа – преобразовывать предмет, «превратить ее в нечто иное – сложное в простое, простое в сложное, но в любом случае достичь между двумя полюсами наивысшего смыслового напряжения» [2, с. 21].

История понятия «образ» в русской культуре достаточно долгая, он трансформировался из внешнего облика сакральной природы до элемента искусства. Резкая трансформация «образа» произошла в конце XVII – начале XVIII вв., когда он наделяется эстетическим значением и становится единицей живописи.

Сегодня существует большое количество определений образа.

1. Образ в широком смысле – это любое изображение предмета живой и неживой природы, преломленное через творческое сознание любого деятеля и отличающееся чувственно-конкретным воспроизведением окружающих предметов.

Хомич Н. В.

Шилова О. С.

2. В психологическом смысле любое зрительное восприятие мира тоже называются «образами» реальных предметов.

3. Философия трактует понятие «образ» как термин для обозначения как чувственного, так и гносеологического отражения реального мира через призму психики человека.

4. В художественном смысле образ тесно связан с образностью и представляет собой особый тип, совмещающий в себе и психологическое, и аксиологическое, и семиотическое, и гносеологическое, и эстетическое – все то, что непосредственно связано с художественностью.

Эстетическое толкование образа в Европе связано с Ф. Шиллером, Ф. Шеллингом, Г. Гегелем, В. Белинским, и трактовалось как отражение мира, мышления и вообще жизни в образах. Поэтому живой образ, по Шиллеру, есть понятие, обозначающее определенность эстетических явлений вообще, т.е. красоту [9].

Гегель рассматривает образ в контексте античной эстетики, где слова часто были тождественны понятиям и отображали сущность или идею: «Искусство изображает истинно всеобщее, или идею, в форме чувственного существования, образа» [4].

О том, что образ непосредственно связан с чувствами, говорит и Белинский. Для него образ – это и отражение существующего нетронутого жизненного явления, и уже пересозданного, художественно освоенного [7, с. 230]. Позднее в образе стали видеть не объективное, а субъективное начало, и все чаще стали говорить об образе, как эмоциональном выражении творца посредством художественной игры. Субъективным началом в образе является духовный мир личности творца, который определяет и тональность, и эмоциональный колорит, и одновременно является тем механизмом, который структурирует и конструирует действительность [2, с. 131].

В итоге сейчас мы имеем синтезированное представление об образе, и наиболее емкое определение можно выразить так: образ – это слияние отражения реальности и чувств и мыслей художника, конструирование материальных и духовных предметов в язык, на котором художник-творец общается с человечеством. Именно поэтому образ имеет двойную природу – как результат воплощения и как результат художественности, то есть о материальной конкретизации образа, второй – о духовном содержании.

1. Если речь идет о художественном образе, то мы говорим о модальности, прежде всего. Это своего рода идеальное воплощение некой «субъективной реальности». неотъемлемым механизмом реализации образа становится язык, посредством которого происходит локализация образа в определенном духовном пространстве. Назначение художественного образа – возникнув в воображении художника, воплотиться в произведении читателя или зрителя.

2. В гносеологическом аспекте образ – это слияние ценностного осмысления, познания и проекций условной действительности – познавательная функция образа основана непосредственно на этих трех началах, и только в неразделимом единстве возникает единство знания и оценки.

Такая структура характерна только для художественного образа, другой функциональный стиль не обладает

таким потенциалом для отображения окружающего мира в языке. Сюда можно добавить четвертый элемент – принадлежность к диалоговому взаимодействию. В случае, если созерцатель становится реципиентом, а не соавтором, художественность образа несколько теряется, а функция образа становится не эстетической и познавательной, а прагматической.

Пропорции этих четырех составляющих образа зависят от некоторых причин – от вида искусства, от авторского художественного метода, от эстетической, стилистической или целевой задачи. Образ тождественен таким микроэлементам искусства как метафора, интонация, жест в танце, персонаж в произведении, иносказание в интернет-пространстве. Такая тождественность позволяет образу метафорически переносить свойства субъекта на объект. Материальность и форма образа также зависят от коммуникативной цели и функционального стиля. В любом случае, материальность зависит от качеств материальных объектов – тактильных, цветовых, звуковых, пластических. Чувственное восприятие окружающего мира возможно только при обретении абстрактных ценностных понятий определенной конкретности, предметности.

Функция образа в онтологии предметов и вещи определяется как раз критерием «полезности» с точки зрения практичности и духовности. Инструменты и объекты материальной культуры со своим первичным денотативным значением практичности не имеют образов – молоток, дом, стул, сумка, образную природу получают те материальные вещи, которые ценны для художника и его соавтора – зрителя именно своей духовной природой. Это некая идея, понятие, суждение, представление, концепция и т.д. Здесь можно говорить об образе как элементе «когнитивного картирования», которое, по Джеймисону, теперь доминирует во всех видах искусства, включая литературу. «Когнитивное картирование – это необходимая попытка воображения заполнить разрыв, существующий между индивидуальным опытом и тотальностью отношений, в которые включен человек» [6, с. 56].

Образ в художественно-философском смысле – это проекция предмета или объекта, преломленная через призму сознания человека. Философски образ может толковаться как результат познания и мышления. Кроме того, это не просто связь, а некий естественный синтез красоты и истины [5, с. 289]. Процесс познания осуществляется через представления, восприятия и ощущения, а на ступени мышления образ формируют умозаключения, понятия и суждения. Образ всегда материально выражен и имеет символическую и знаковую природу, однако он не способен отобразить всю целостность и многогранность объекта, поскольку всегда имеет субъективную природу. Кроме того, устойчивый образ всегда несколько стереотипичен и когда-то возникнув, начинает регулировать установки человека, регулировать функции поведения и даже создавать новые условные миры. Образу, как и всем философским категориям, присуща и объективность, и субъективность, но коэффициент субъективности здесь гораздо выше, чем в других универсалиях познания и он всегда идеален.

Познавательная природа образа и характеристика предмета имеют свою систему, позволяющую формировать одно из другого: схемы или множества, проекции, мо-

дели, ассоциации, формулы. Как правило, образ появляется и существует или при помощи материальных знаковых моделей, или в результате словесно-речевой деятельности, поэтому образ является частью особой нравственной субстанции и обладает характеристикой идеального. Речь идет о духовной художественной и познавательной природе образа, функционирующего, одна ко же, как материальный объект, воссозданный средствами отдельного вида искусства и представляющий собой его минимальную структурную единицу.

Это утверждение подтверждается тем, что художественные образы функционируют определенным образом, не так, как технические проекты или политические идеи. То есть, чтобы быть материализованным, образ должен обладать и семиотическими качествами, определяющими его внутреннее содержание, и конструктивно-эстетическими, вызывающими определенное отношение к нему соучастников творческого процесса.

Создание образности является тем механизмом, которое творит новую реальность. И. Ф. Волков отмечает, что «в художественном образе реальная жизненная характеристика предстает как творчески преобразованная характеристика и поэтому как часть особой, второй, художественной действительности» В. Гумбольд и А. Потебня определяли такое взаимодействие материальной формы искусства и духовного содержания как «внутренняя форма», как континуум предметного и духовного мира. Единство объективного и субъективного в структуре образа обеспечивается четырьмя категориями: проективностью, обобщенностью, диалогичностью и выразительностью. Обобщенное, в свою очередь, делится на общее и частное, выразительность на чувства и мысли, диалогичность строится на знаковости и самодовлеваемости, а проективность опирается или на жизнеспособность, или на условность. «Способы создания условности – это приемы моделирования действительности, создания образной системы, пространственно-временного континуума, основанные на реализации таких средств, как мифопоэтика, игра, ирония, гротеск, интертекстуальность, иносказание, метафора, символ и т.д.» [8, с. 5].

Начиная еще с первой стадии развития культуры в первобытно-общинном обществе, обнаруживаются все те же синкретические модификации, которые могут быть приняты и на современном этапе:

- художественная образность, имеющее прикладное значение и основанная на ее практической применимости. Здесь речь идет о «художественном конструировании», применимом, скорее, в прикладном искусстве, нежели основанном на его созерцательной функции;

- вторая ступень зарождения художественной образности возникает вследствие работы мифологического сознания, основанного на воображении, переживании и работе подсознательного, а еще не на дискурсивной логике. Художественно-образная сущность мифической иллюзорности, проявляющая себя в обряде и наскальных изображениях, определяется, именно его утилитарными функциями;

- на современном, научном этапе, мы можем говорить о проявлении двойственной природы образа в разного рода играх – от социальных до актерских, который может быть определен как художественно-игровой синкретизм.

Конечно, образное наполнение будет зависеть от правил и смысла игры.

С развитием городов значение художественного образа постепенно менялось, и ее прикладной характер остался доминирующим только в фольклоре. Городское искусство все больше становится «чистым», то есть имеющим эстетическое воздействие только самим смыслом искусства. Но мы не можем говорить об исчезновении или ослаблении сферы существования прикладного художественного творчества. Вопреки отрицанию эстетической роли фольклорно-прикладных норм, параллельно с расширением видов искусства (некоторые виды спорта, художественная фотография и реклама и т.д.) и на стыке техники и искусства, диапазон художественно-образных средств становится все шире и выходит за пределы «чистого» искусства.

Вместе с тем постепенно внутрихудожественный синкретизм постепенно дифференцируется и распадается на отдельные виды, которые, в свою очередь, позднее ищут способы синтеза в новых сценических и дизайнерских видах искусства. Вопрос синкретизма и синтеза в искусстве неизменно концентрируется вокруг теории образа. Налицо обобщающая способность искусства в процессе единения форм материальной и духовной культуры, которая проявляется во всех общественных сферах: проектно-промышленной, бытовой, коммуникативной. Искусство становится ведущим механизмом формирования и реализации самосознания культуры, а также ее рефлексии и самосознания. Морфологическая картина «мира искусств» основана на определении набора материальных средств, с помощью которых происходит осуществление выразительных возможностей и эстетических задач отдельного вида искусства. Критерием для разделения видов искусств можно определить, как материал и способ производства художественного образа, так и пластико-динамический характер его изобразительности. Вследствие этого исторически выделились три группы:

- изобразительные
- архитектурные
- сценические и экранные

Каждая из этих трех групп также включает в себя три способа образования в зависимости от чувственно-воспринимаемого облика предметов. Классификация образа напрямую зависит от способов его художественного воплощения и его результата:

- прямое изображение образа появляется в таких видах искусства как живопись, скульптура, графика
- актерский образ определяется перевоплощением актера в другого, который приобретает качества злодея или жертвы, храбреца или труса, короля или раба и т.д.

Образ может вырисовываться открыто, как в сценической концепции Б. Брехта, а может быть скрыт, как в театральной системе Станиславского. Но это художественная природа становится заметна только посредством знаков, способных выразить идейное абстрактное понятие. Иными словами, классификация образов зависит от типа условности, по законам которой воссоздается эмпирическое бытие окружающего мира:

- в литературе конструирует образ слово, чаще всего используемое в переносном значении или метафорически наполненное. Здесь образ уже может наделяться концептуальным значением;

– метафоричностью обладает также и танцевальный жест – все ассоциативных соответствий динамика телесных движений не может рассматриваться как художественный образ. Б. Асафьев назвал танцевальный, хореографический образ «немой интонацией»;

– строение музыкального образа основана на интонационной природе, то есть на определенном звуковысотном и тембровом движении, в каждом случае по-разному влияющем на чувство человека. Образ в этом случае создает не условность, а условия для функционирования собственно музыкальных, неизобразительных формообразующих средств;

– говорить об условности и художественности архитектурного образа мы можем только тогда, когда в фактурных, фигурных, цветовых отношениях, в геометрии, в системе пропорций – очевидно проявление определенного пафоса – героического, радостного или печального. Художественный образ в любом случае будет направлен на пробуждение чувств и смену настроения.

Еще одним критерием дифференциации образа может служить динамика и статика чувства: если процессуальная природа музыкального и танцевального образов позволяет им отображать сенситивное движение, то, например, в литературном художественном образе или в архитектурных искусствах образ способен выражать только стабильные, устойчивые состояния и настроения. В состав художественного образа входит так же мотив, то есть первопричина и коммуникативно-художественная установка образа. Мотив присущ любому художественному проявлению, и динамическому, и статическому, поскольку любое художественное направление вписывается в философские концепции определенной эпохи. Например, все три античных ордера в архитектуре Древней Греции – дорический, ионический и коринфский – отображали антропологические мотивы в соответствии с античными представлениями о природе человека. Мотив как «определенная потребность» в любом образе имеет свойство повторяться в качестве простейшей единицы художественного сюжета. Мотив образа обязательно логически связан с другими его составляющими. Отсюда – мы можем говорить о прагматичности образа, его способности влиять не только на чувства, но и на разум. «Образ как взаимосвязь внешнего и внутреннего мира, его можно охарактеризовать с помощью таких свойств как предметность, объективность, субъективность» [4, с. 94].

Итак, индикатором материально-духовно-художественного синкретизма является художественный образ. Теория образа включает в себя объяснение его материально-идеиной основы, модальности, основания для дифференциации, мотив как элемент прагматичности в его структуре, способность его содержания отражать философские концепции эпохи. Отображение предметной конкретности в человеческом сознании происходит всегда в рамках определенной системы условностей, поэтому одной из существенных характеристик образа в его философском осмыслении является его заведомо условная природа. Часто образы людей, природы, вещей, животных, бытовых предметов выходят на первый план и определяют содержание последующей мысли, определяя тем самым образ мышления как таковой.

Пристатейный библиографический список

1. Борисова Е. Б. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 35. – С. 20-26.
2. Ван Я. Роль объективного и субъективного начал в формировании художественного образа пейзажа // Культура. Наука. Творчество: сборник трудов XIII Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков / Редколлегия: А. А. Корбут. – Минск, 2019. – С. 129-132.
3. Волохин Д. В. Понятие образа в распознавании образов. Статистическое распознавание образов // Научный аспект. – 2020. – Т. 16. № 2. – С. 2021-2025.
4. Ермакова Е. А. Теоретический анализ феномена «образ» в философии // Философия и наука. – 2015. – № 14. – С. 92-97.
5. Некрасова Н. А., Некрасов С. И. Философия науки и техники: тематический словарь-справочник: учебное пособие для студентов всех специальностей / Московский гос. ун-т путей сообщ. (МИИТ), Каф. «Философия и культурология». – М.: МИИТ, 2009. – 424 с.
6. Сидоров А. М. Онтология образа в современной видеосфере // Вестник науки и образования. – 2015. – № 1 (3). – С. 55-58.
7. Соловьев Г. А. Эстетические идеи молодого Беллинского. – М.: Худож. лит., 1986. – 350 с.
8. Хомич Н. В. Философский анализ антиутопической картины мира. – М.: Перо, 2021. – 179 с.
9. Schiller F. Über die ästhetische Erziehung des Menschen in einer Reihe von Briefen. – Aufbau-Verlag, Berlin, 1955.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-4-167-514-516

ХОХЛОВА Ольга Михайловна

кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права, доцент Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В статье рассмотрены основные виды общественного согласия в социальной и социально-политической сферах общества. Целью исследования является диалектика понятия «общественное согласие» и природа социально-политического согласия. Для реализации поставленной цели были использованы следующие методы исследования: сравнительный, исторический и комплексный.

Ключевые слова: согласие, общественное согласие, коммуникация, единомыслие, единомыслие, социальные отношения, социально-политические отношения.

KHOKHLOVA Olga Mikhailovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Criminal law sub-faculty of the East-Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk

MAIN TYPES OF PUBLIC CONSENT IN SOCIO-POLITICAL RELATIONS

The article considers the main types of public consent in the social and socio-political spheres of society. The aim of the study is the dialectic of the concept of "social consent" and the nature of socio-political consent. To achieve this goal, the following research methods were used: comparative, historical and complex.

Keywords: consent, public consent, communication, unanimity, unanimity, social relations, socio-political relations.

Рассмотрим основные виды проявления общественного согласия в социальной сфере, для этого выявим соотношение биологических и социальных причин данного явления. И. Кант утверждал, что все, кроме своего телесного существования, человек заслужил своим собственным разумом. Развитие природных задатков требует, с одной стороны - общения (коммуникации) людей, а с другой - их разобщения, вплоть до антагонизма. И. Кант под антагонизмом понимает склонность людей вступать в общение на основе сопротивления, которое грозит обществу разъединением [4, т. 6, с. 101]. По мнению И. Канта человек может реализовать свои природные задатки и выйти за их границы только при общении с себе подобными, в процессе коммуникации, заимствуя знания, опыт людей, с другой стороны, по своей естественной природе человек устроен так, что разумные цели он может реализовать, вступая в соперничество и конкуренцию с себе подобными, получая сопротивление. Возникшее сопротивление становится своеобразной побуждающей силой, заставляющей человека преодолеть лень, обрести стойкость и способность достигнуть цели. По мнению И. Канта, человека к саморазвитию побуждают честолюбие, властолюбие и корыстолюбие. С их помощью человек завоевывает положение среди себе подобных, которых он, с одной стороны, не может терпеть, а с другой стороны, без которых не может обойтись [4, т. 6, с. 111]. Таким образом, И. Кант убежден, что естественная природа человека и его разум находятся в субстанциональном противоречии: разум человека хочет согласия, а природа желает раздора, разум человека хочет жить спокойно, а природа желает, чтобы он вышел из состояния бездеятельного довольства и, испытывая трудности, искал разумных способов избавления от них [4, т. 6, с. 112-114].

Хохлова О. М.

Современные исследования в области этологии доказывают, что возрастающая агрессивность и конфликтность в обществе связана с сугубо биологическими причинами, и социальные противоречия сами по себе не вызывают агрессивности. Если в животном мире агрессивность связана с неудовлетворенностью витальных потребностей, то в человеке ее можно объяснить сложной борьбой телесных потребностей и конкуренцией в борьбе за жизненный успех и достижения высокого места в социальной иерархии. К. Лоренц доказывает, что уже в глубокой древности внутренний отбор снабдил человека определенной мерой агрессивности, для которой в современном обществе нет выхода наружу. Он уверен, что современный цивилизованный человек страдает от недостаточной разрядки инстинктивных агрессивных побуждений [5, с. 19]. С другой стороны, можно утверждать, что нынешняя напряженная социальная конкуренция может вызвать не только агрессивность, но и гипертрофию побуждений к агрессии, т.е. современные неблагоприятные для нормального проявления естественной склонности человека к социальному согласию создают условия к психологической и социальной напряженности и конфликтности. В такой ситуации общественное согласие, основанное на компромиссе и уступке, воспринимается отрицательно, как потеря своего достоинства.

Социал-биологи преувеличивали роль агрессивности в природе человека, ориентировались на отрицание инстинкта взаимной поддержки внутри биологического вида. Ч. Дарвин, отстаивающий натуралистические идеи в объяснении природы живых существ, утверждал, что в самой природе рядом с взаимной борьбой всегда присутствует взаимная поддержка внутри самого вида, подчеркивая, что такая поддержка более важна для сохранения вида, чем

борьба. Иначе, агрессивность и взаимная поддержка помогают живым существам быть жизнестойкими. Естественный отбор – это природный механизм, представляющий собой меру взаимодействия агрессивности и взаимной поддержки в природе. Если агрессивность переходит границы меры, подавляя взаимную поддержку, или взаимная поддержка внутри вида подавляет агрессивность, то вид приходит в нестабильное состояние. Социал-биологист Р. Ардри утверждал, однако: если человек уникален своей природной добротой и мудростью, то он конечное существо [3, с. 126].

Человек - социальное существо, живущее в сообществе, значит, нацелен на общение, совместную деятельность и согласованное поведение. Поэтому, коммуникация его основная потребность, а общение основано на согласии. Только таким образом человек превращается в человека разумного, однако, при этом человек склонен и к обособленности, т.е. эгоизму и отстаиванию своей позиции, значит – к несогласию и агрессивности. Такова диалектика общественного согласия и несогласия.

Если под общественным согласием принято понимать единомыслие, единодушие, а под его противоположностью - несогласием чаще всего понимают конфликтность, то понятия политического согласия и несогласия еще не имеют довольно четкого определения. Кроме того, следует различать политическое согласие-несогласие и социально-политическое согласие-несогласие.

Социально-политическое согласие отождествляют с общественным (гражданским) согласием, а под социально-политическим несогласием – протестное сознание и деструктивное поведение, которое может породить политический конфликт в обществе.

С нашей точки зрения, такой синонимический ряд близких понятий, тем не менее, различается своими смысловыми оттенками. Общественное согласие-несогласие касается значительного большинства любого общества. В понятии гражданского согласия-несогласия акцент делается на степени единства граждан в отношении значимых для их жизни и деятельности проблем (при этом инициатива идет от граждан, а не от власти).

Политическое согласие-несогласие понимается как согласованность или столкновение субъектов политики по поводу распределения и перераспределения власти или изменения политического статуса субъектов политики.

При определении социально-политического согласия-несогласия акцент делается на понятии «политическое», а значит относящееся к жизнедеятельности общества в его связи с властными структурами. Гражданское согласие-несогласие и общественное согласие-несогласие могут существовать как самостоятельные явления и категории, но, если для решения проблем гражданского и общественного согласия-несогласия подключаются властные (государственные) структуры, они переходят в ранг социально-политического согласия-несогласия.

В научной литературе социально-политическое согласие-несогласие рассматривают с разных позиций: 1) как согласие-несогласие большинства социальных групп по отношению к политическому курсу; 2) как устойчивая (неустойчивая) модель политического поведения граждан; 3) как положительная (отрицательная) оценка жизнеспособности демократических процессов; 4) как одобрение (порицание)

основными социальными группами политики правительства; 5) как достижение правительством намеченных целей социального развития или их провал; 6) как осуществление устойчивой поддержки правительством основных социальных групп, так и уход от нее.

Социально-политическое согласие-несогласие имеет двойственную природу - естественную и искусственную. Естественная природа социально-политического согласия-несогласия основана на потребностях, интересах, целях и ценностях лидирующих социальных групп и характеризуется способностью объединяться для решения проблем, связанных с властью. Искусственная природа социально-политического согласия-несогласия базируется на осознании и понимании гражданами важности поддержания или противодействия стабильности и порядка в обществе и основана на целенаправленном воздействии субъекта социально-политического согласия-несогласия на объект с целью формирования у него ценностей конструктивного или деструктивного отношения к социально-политическим структурам. Таким образом, социально-политическое согласие и несогласие - два полюса социально-политической жизни государства. Практически отсутствуют работы, рассматривающие виды согласия и несогласия в широком социальном контексте, что объясняется слабым интересом советских философов к проблемам гражданского общества, так как социальная реальность не представляла для них интереса.

В процессе формирования гражданского общества в России проблемы социального и политического согласия все больше начинают интересовать ученых, но эти исследования до сих пор не превратились в целостную теорию и методологию социально-политической практики. Что же касается проблемы определения видов социально-политического согласия, то здесь можно выделить, пожалуй, единственное исследование В. Д. Михайлова «Философия согласия» [7], где автор рассматривает уровни согласия, выделяя предсогласие, псевдосогласие, собственно согласие и согласие-идеал. Такую же классификацию согласия закладывают в свои диссертационные исследования В. В Семилетенко [9] и Е. А. Миккульчинова [6]. Такая классификация, на наш взгляд, страдает определенной недоработанностью. Если предсогласие рассматривается В. Д. Михайловым как начальный этап обнаружения объективных факторов к объединению (с чем можно согласиться частично), уровень предсогласия необходимо рассматривать как обнаружение объективных факторов не только к объединению, но и к разъединению точек соприкосновения (ибо диалектической противоположностью согласия всегда является несогласие, и из диалектической дихотомии выделять и абсолютизировать одну противоположность нецелесообразно). Определение следующего уровня - псевдосогласия, как отсутствия открытой вражды и утверждение конформизма у В. Д. Михайлова, можно определить, как кажущееся согласие, не являющееся уровнем развития социального согласия. Приставка «псевдо» означает «не», отрицание согласия, т.е. несогласие [7].

Следующий уровень согласия, выделенный В. Д. Михайловым, который он рассматривает как переход от псевдосогласия путем движения общества через демократизации к открытости, вообще не поддается логическому осмыслению. Исследователи доказали, что тоталитарное общество - это общество закрытого типа, а демократическое общество - обще-

ство открытого типа, что глубоко обосновано К. Поппером [8] и А. Бергсоном [2]. Тогда при чем здесь переход от псевдосогласия к согласию? Если В. Д. Михайлов делал акцент на том, что демократический тип общества открывает дорогу согласию, это верно, но частично, т.к. демократическое общество, как общество открытого типа, открывающее дорогу свободе общественного мнения, порождает, как путь общественного согласия с господствующими властными структурами и их политикой, так и несогласие с определенными экономическими, социальными и политическими решениями, тем более, когда общество резко начинает дифференцироваться на богатых (имущих) и бедных (находящихся у черты нищеты).

Однако, можно безоговорочно согласиться с введением понятия «согласие-идеал», рассматриваемом как абсолютная ценность, т.е. как недостижимая идея, к которой общество всегда устремляется в своем развитии. В. В. Семилетенко критикует по этому поводу Даниила Андреева, который в книге «Роза мира» согласие-идеал рассматривает как реально недостижимую цель, как утопию [1, с. 111]. Действительно, достижение социального согласия – содержание политики, но согласие-идеал можно рассматривать только как матрицу, путь, по которому должно двигаться общество как к своему идеалу.

Общество как многоуровневая совокупность взаимосвязанных социальных субъектов характеризуется различной степенью проявления согласия (порядка) и несогласия (хаоса). Развитие современного российского общества сопровождается ростом социальной напряженности, несогласия (хаотичности), но это не означает, что в российском обществе нет общественного согласия (порядка). Можно утверждать, что в истории человечества не было периодов, которые характеризовались бы только общественным согласием и порядком, или только несогласием и хаосом в социальной жизни. Не бывает полного социального согласия или несогласия, интеграции или дезинтеграции, стабильности и нестабильности в развитии общества. В реальной социальной жизни единство в одном проявлении сопровождается противоречием в другом. В реальной жизни общества всегда переплетаются эти два состояния и процесса, причем, в разные периоды истории с разной степенью выраженности того или иного явления. Общество представляет собой одновременно внутренне единую и противоречивую социальную систему. Единство основано на системе ценностей и интересов социальных субъектов. Оно порождается его смыслообразующими ценностями. Единство выступает причиной динамического социально-политического согласия, источником сплоченности и солидарности, сохраняя его динамическое равновесие. Наличие в обществе несогласия означает существование социального противоречия, которое характеризует зарождение хаоса и беспорядка, которые при определенных условиях могут перерасти в конфликт или открытое противостояние с имеющейся социально-политической системой и замене неравновесной неустойчивой социальной системы на другую, устойчивую и равновесную. Тем самым, социальное несогласие можно рассматривать как основу будущего социального порядка. Однако, в точке бифуркации социальное несогласие при правильной технологии урегулирования социально-политических отношений может вернуть общество к устойчивому развитию. Следует учитывать, что социальная среда функционирования общественного согласия на Западе иная,

чем на Востоке и в России, где присутствует евразийский менталитет. В западных цивилизациях люди действуют в рамках устоявшихся официальных институциональных структур. В России веками вырабатывался менталитет, основанный на патриархальной духовности и тысячелетним опытом в условиях общинной демократии. Если в западных обществах общественное согласие строится на внешних устоях, то в России (как и на Востоке) – на устоях внутренних. Таким образом, общественное согласие формируется в самой социальной действительности: согласие в своей основе имеет стремление каждого человека быть частью группы, коллектива, общества, а несогласие в своей основе несет стремление человека выделиться из коллектива, противопоставить себя ему.

Пристатейный библиографический список

1. Андреев Д. Л. Роза Мира. – М.: Б/и, 1993-96. – Т. 2. – 268 с.
2. Бергсон А. Два источника морали и религии. - М.: Канон, 1994. – 384 с.
3. Глухова А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). – М.: Круг, 2000. – 280 с.
4. Кант И. Сочинения в 6 томах. – М.: Мысль, 1963-1966.
5. Медведев Н.П. Политический консенсус в условиях российского федерализма: Автореф. дис. ... докт. полит. наук. – М., 2000. – 42 с.
6. Микульчинова Е. А. Гражданское согласие как фактор стабилизации трансформирующегося российского общества (на материалах Республики Бурятия): Автореф. дис. ... канд. социолог. наук. – Улан-Удэ, 2004. – 22 с.
7. Михайлов В. Д. Философия согласия. – Якутск, 1996. – 190 с.
8. Поппер К. Открытое общество и его враги. Критические заметки Немцева М. Ю. о книге К. Р. Поппера // Альтернативы. – 2007. – № 2. – С. 170-176.
9. Семилетенко В. В. Общественное согласие как фактор стабилизации социальных систем (социально-философский аспект): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1999. – 24 с.

ЧЕРЕПАНОВ Андрей Юрьевич

старший преподаватель филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Сызрани

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ: РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Статья посвящена анализу гибридных войн современности. Показано, что свойство гибридности было свойственно практически всем войнам. Гибридность подразумевает сращивание разнокачественных элементов: способов и приемов борьбы, технологических и технических элементов, использование регулярных и иррегулярных формирований. Но в современном обществе гибридность становится основной характеристикой всех без исключения военных конфликтов, что позволяет вести речь об особом типе войн – гибридных войнах. Гибридные войны – наиболее общий термин для исследования и обобщения комплексности войны современной эпохи. Особенностью гибридных войн современности является активное применение информационных технологий.

Ключевые слова: гибридность, гибридная война, информационные войны, кибервойны, ментальные войны.

CHEREPANOV Andrey Yurjevich

senior lecturer of the Branch of the Military Training and Research Center of the Air Force of the «Prof. N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin Air Force Academy» in Syzran

HYBRID WARS: THE REALITIES OF THE MODERN ERA

The article is devoted to the analysis of modern hybrid wars. It is shown that the property of hybridity was characteristic of almost all wars. Hybridity implies the fusion of different-quality elements: methods and techniques of struggle, technological and technical elements, the use of regular and irregular formations. But in modern society, hybridity is becoming the main characteristic of all military conflicts without exception, which allows us to talk about a special type of war – hybrid wars. A feature of modern hybrid wars is the active use of information technology.

Keywords: hybridity, hybrid warfare, information warfare, cyberwar, mental warfare.

Реалии современной эпохи показывают, что война не может быть изжита из социальной жизни. Более того, война в современном обществе есть показатель социальной жизни, маркер развития политической сферы того или иного общества. М. Калдор отмечает, что война связана «с внутри-государственной политической жизнью, даже если таковая политическая жизнь преодолевает государственные границы» [9, с. 404]. Современные войны, какую бы форму они ни принимали, неразрывно связаны с политикой, они все более становятся рациональными, технологичными, инструментальными, носят эксклюзивистский характер, но в определенном смысле войны современности универсальны по своей сути. Универсальность современной войны заключается в ее гибридности. Гибридность войны, как отмечалось в одной из ранее вышедших статей, является свойством, присущим войнам всегда [1, с. 5-12], но только в нынешнюю эпоху гибридность становится таким свойством, которое выводит гибридные войны в качестве самостоятельных на политическую арену. Гибридность подразумевает совмещение, сращивание разнородных и разнокачественных по своей сути элементов: технических, технологических, стратегических, тактических, применяемого вооружения, используемых войсковых соединений и т.д. Гибридность подразумевает и мультимодальность войны, то есть «одновременное использование конвенциональных и неконвенциональных средств, симметричных и несимметричных тактик, регулярных и нерегулярных сил, применение кибероружия, информационных и дипломатических атак, вмешательство во внутреннюю политику, поддержку сепаратистских движений, криминальных и террористических группировок на территории противника,

содействие развитию революционных процессов, попытки произвести смену режима» [12, с. 133]. Гибридная война по своей сути является мультиузловой, ее субъектами могут являться и государства, и негосударственные образования. Особую роль в современных войнах играют информационные технологии, благодаря которым «информационные сражения» стали вполне самостоятельными элементами гибридных войн современности.

Гибридность войны обусловлена самой социальностью. Действительно, меняющаяся социальность XX столетия детерминировала множественную трансформацию войны в прошлом столетии. Межгосударственная, конвенциональная, регулярная война постепенно уходит в небытие. Таковы результаты эволюции войны после 1945 года и результаты изменения структуры международных отношений. Международная интеграция в области экономики, глобализация, взаимозависимость различных регионов друг от друга непосредственно влияют на войну, с одной стороны, и нивелируют роль государственности, с другой стороны [16, с. 46-53]. Увеличивается зависимость государств от межгосударственных коалиций, союзов, альянсов. Решающим фактором в разрешении политических вопросов становятся интересы элит, существует точка зрения, что глобализация – это вид современного колониализма, диктат западных стран, некая тенденция к унификации [5, с. 95-1420, 131-167.]. Помимо глобализации, оказавшей существенное влияние на войны прошлого и настоящего столетий, научно-технический прогресс содействует появлению войн нового типа.

Развитие технологий позволяет современным стратегам вести сражения не в физическом пространстве, а в киберпро-

странстве, в виртуальном пространстве социальных сетей, телекоммуникационном пространстве массмедиа. Войны настоящего показывают, что подобные столкновения происходят параллельно с реальными, и зачастую обладают большей важностью по сравнению со сражениями в физическом пространстве с применением оружия массового поражения. М. ван Кревельд отмечал: «... технологический прогресс, который в период между 1500 и 1945 г. способствовал упрочению позиций государства, развернулся в противоположную сторону и в настоящее время зачастую ведет к тому, что государство теряет власть в пользу разнообразных организаций, которые либо не имеют территориальной привязки, либо не обладают суверенитетом, либо и то, и другое одновременно» [10, с. 414]. Конечно, именно благодаря развитию технологий, в том числе коммуникационных и информационных, на международной арене появляются формирования, которые перенимают некоторые функции государства, происходит приватизация войны, а именно: государство в современном обществе теряет статус единоличного обладателя права на ведение военных действий, часть своих функций в данной области передается частным субъектам. Примеров вполне достаточно, причем как в области внутренней политики (частные охранные предприятия), так и в области внешней политики (специализированные разведывательные агентства). Подобные бизнес-структуры становятся активными участниками политического процесса, решают разнообразные задачи по тренировке военных кадров, формированию вооруженных отрядов и защите национальных интересов, что ранее безоговорочно предписывалось только государству. Подобные тенденции будут иметь серьезные последствия: вступление экономических игроков в политические процессы приведет к поражению государств или нивелированию некоторых его функций. Сраживание экономических целей с политическими в конечном итоге означает примат первых над вторыми.

Война приняла новые формы – это стало неоспоримым фактом, тем более становится все более актуальной задачей, поставленная Х. Хофмайстером: «Тематизировать войну философски, сообразно ее понятию, может означать лишь одно: попытаться постичь ее как феномен жизни» [15, с. 13]. Войны действительно есть феномены социальной жизни, изменения которой влекут и изменения самих войн. Стратегии современных войн все более становятся парадоксальными: «Чтобы добиться преимущества над врагом ... годятся любые парадоксальные решения. Вопреки критериям здравого смысла ...» [13, с. 18]. Здравый смысл и новые войны современности порой несовместимы. Используются все возможные способы оказания давления на противника, которые предоставляют особенности политического, экономического и технического развития современного общества. Существенной особенностью использования новых технологий является поспание этических принципов: в ход идут фейковые новости, откровенная ложь, искажение фактов, что благодаря молниеносному распространению в виртуальном пространстве сети Интернет, принимает масштабное влияние на сознание людей. Еще в конце XX столетия В.П. Гулин писал об изменении содержания войны, о появлении невооруженного насилия, что является закономерным результатом ее эволюции. На смену войнам с большими людскими потерями приходят войны «бескровные», «неболевы», «цивилизационные», в которых цели достигаются не посредством прямо-

го вооруженного насилия, а путем применения иных форм насилия (экономического, дипломатического, информационного, психологического и др.). В.П. Гулин справедливо отмечал, что бескомпромиссная борьба с применением средств насилия в течение определенного времени, существенное изменение сил и их иная расстановка – вот существенные признаки новых войн [7, с. 14]. М.А. Гареев пишет о том, что «современные войны еще более тесно переплетаются с невоенными средствами и формами противоборства» [6, с. 76]. У М. ван Кревельда находим: «... стратегия в ее классическом понимании обречена на исчезновение. ... сражения уступят место стычкам, терактам и массовым убийствам» [11, с. 286]. Кревельд подчеркивает следующее: контроль за населением – важная геостратегическая цель в новых войнах, он «будет обеспечиваться сочетанием пропаганды и террора» [11, с. 287]. Это уже прослеживается в тех конфликтах, свидетелями которых мы являемся в настоящее время. Этим обусловлено широкое применение вооруженных сил для осуществления так называемых полицейских операций, потребность которых в условиях глобализации возрастает. Наиболее яркие, хотя и не всегда удачные примеры применения вооруженных сил для выполнения полицейских функций – это Ливан, Афганистан, Югославия, Чеченская республика, Ирак.

Западные страны, взяв на себя функцию полицейских мира сего, предполагают, что именно таким способом можно ликвидировать асинхронность развития различных регионов, хотя это процесс естественный и обусловленный прежде всего социокультурными отличиями. Заметим, что полицейская функция сопряжена с информационным давлением на население. «Целенаправленное информационное воздействие на противника, наличие необходимой информации, умение ее обрабатывать и принимать на ее основе оперативные решения всегда были важной составляющей мощи государства и важным фактором его победы в войне», – отмечает Т.А. Мешкова [14, с. 82]. В настоящее время превосходство в информационной сфере имеет совсем иное значение. По мнению Б. Беркович «информационные системы стали для ведения военных действий настолько критичны, что зачастую атака на эти системы более эффективна, чем концентрация сил на прямом уничтожении сил противника» [4, с. 144]. Возникает понятие информационного оружия, без которого ни одна гибридная война рубежа XX-XXI веков уже не может быть помыслена. Информационное оружие можно определить «как средства и методы, применяемые с целью нанесения ущерба информационным ресурсам, процессам и системам другого государства, негативного информационного воздействия на оборонные, управленческие, политические, социальные, экономические и другие критически важные системы, а также массивной обработки населения с целью дестабилизации общества и государства» [14, с. 84]. Поэтому и появляется в отечественной науке термин «ментальная война» для акцентирования особенностей особого типа принуждения, основанного на нивелировании цивилизационной идентичности. Это косвенное/скрытое насилие, в рамках которого используются различные формы информационно-психологического принуждения, политическое вмешательство, экономическая блокада, кибероперации, дипломатические операции и т.д. Отметим, что в «контексте гибридной войны принуждение следует рассматривать как активную наступательную стратегию, рассчитанную на при-

менение гибридных угроз» [2, с. 22]. Появляется понятие серой зоны, которая определяется не в качестве типа военного конфликта, а в качестве места его проведения. Это зона открытого противостояния, существующая на грани открытого военного конфликта, но не переходящая эту грань [3]. Вот в таких серых зонах и осуществляется воздействие на менталитет того или иного народа с использованием широкого круга информационных технологий с целью дестабилизации общества и государства. Ментальная война – это разновидность гибридной войны, для нее характерны зыбкость границ между миром и войной, отсутствие тыла и фронта, стирание различий между гражданскими и военными, стремление к уничтожению самосознания народа и изменению цивилизационной основы общества. Ее основная задача – лишить объект воздействия суверенитета и поставить его под внешнее управление [8, с. 25]. Основные методы, используемые в данной войне, реализуются при помощи информационных технологий, при помощи которых фабрикуется мир фейков, «постправды», людей отучают от критического мышления, от желания узнать истинное положение дел. Постепенно информационное пространство заполняется нужным контентом, происходит манипулирование сознанием. Глобальной целью ментальных войн является перезагрузка исторического сознания, таким образом возможно изменить основные цели и задачи общества и его фундаментальные смыслы, поскольку происходит разрыв с его социокультурным кодом. Естественно, что ментальные войны не проявляются, ведутся скрытно, и их последствия проявляются не сразу.

Фундаментом информационного воздействия является создание института свободы слова, что неизбежно сопряжено с искривлением информационного пространства. Информационные фильтры, существовавшие ранее, позволяли насыщать информационное поле только той информацией, которая рассматривалась как нужная. Ситуация кардинально меняется в период появления политического многоголосия, создания оппозиционных средств массовой информации. Институт пропаганды трансформируется, проникновение западных ценностей и теорий способствует разложению существовавшего социального уклада и появлению альтернативных позиций. Так и формируется серая зона, в рамках которой ведется гибридная война. Информационное пространство и киберпространство – это новые операционные военные сферы, органично развивающиеся благодаря новым технологиям. Обеспечение информационной безопасности и кибероборона в современном мире выступают неотъемлемой частью национальной безопасности.

Гибридные методы активно апробируются на практике: все военные конфликты современности гибричны по своей сути. Гибридная война или гибридное противоборство является новой областью изучения в социальной философии и политологии, несмотря на обилие публикаций по данной тематике. Методы гибридных войн модернизируются и совершенствуются. Очевидно, что проведение исследований, связанных с новыми методами принуждения и воздействия, оказывается перспективным направлением не только для военной науки и требует последующего рассмотрения, развития и изучения.

Пристатейный библиографический список

1. Cherepanov A. Hybrid wars of our time // Научный Альманах стран Причерноморья. – 2021. – № 3 (21).
2. Бартош А.А. Сдерживание и принуждение в стратегии гибридной войны // Военная мысль. – 2021. – № 9.
3. Бартош А.А. Серая зона: театр гибридной войны: монография. – М.: Горячая линия-Телеком, 2021. – 305 с.
4. Беркович Б. О войнах информационного века // Современные информационные технологии и общество: Реферативный сборник. Серия: Информация, наука, общество. – М. 2002.
5. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. – М.: РИПОЛ классик, 2016.
6. Гареев М.А. О выработке у офицеров качеств и навыков, необходимых для проявления высокого уровня военного искусства // Военная мысль. – 2017. – № 12.
7. Гулин В.П. О новой концепции войны // Военная мысль. – 1997. – № 2.
8. Ильницкий А.М. Ментальная война России // Военная мысль. – 2021. – № 8.
9. Калдор М. Новые и старые войны. – М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
10. Кревельд М., ван. Расцвет и упадок государства. – М.: ИРИСЭН, 2006.
11. Кревельд М., ван. Трансформация войны. – М.: ИРИСЭН, Социум, 2015.
12. Куманьков А.Д. Война в XXI веке. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.
13. Люттвак Э.Н. Стратегия: Логика войны и мира. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2019.
14. Мешкова Т.А. Конфликты и войны в условиях глобальной информатизации // Социология современных войн: Материалы научного семинара. – М.: Альфа-М. Вып. 1.
15. Хофмайтер Х. Воля к войне или бессилие политики. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006.
16. Шакирова Е.Ю. Мир GLOBO: пути войны и мира // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2018. – № 3 (16).

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasioffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕвразЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сноска — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от сутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.